

Выпуск № 2(75) июнь

Release No. 2(75) June

✱ БИЗНЕС ✱ ОБРАЗОВАНИЕ ✱ ПРАВО ✱

✱ BUSINESS ✱ EDUCATION ✱ LAW ✱

Волгоград 2026

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6.

Приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (далее – Приказ) (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук. Сформированный Перечень вступил в силу 1 декабря 2015 г. В него включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 01.11.2022 г.) В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р.

В Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 28.11.2022 г.) включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право» с категорией К-2 по письму ВАК от 06.12.2022 № 02-1198.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor of science and candidate of science in accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Committee of the RF Ministry of education and science dated February 19, 2010 No. 6/6.

In compliance with the order of the RF Ministry of education and science dated July 25, 2014 No. 793 with revisions incorporated in accordance with the order of the RF Ministry of education and science dated June 3, 2015 No. 560 (hereinafter the Order) (registered by the RF Ministry of justice dated August 25, 2014, registration No. 33863), the RF Ministry of education and science developed the list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main results of dissertations for scientific degrees of the candidate of science and the doctor of science. The developed list came in force on December 1, 2015. It includes the scientific peer-reviewed journal “Business. Education. Law”.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science should be published (hereinafter – the List), by groups of scientific specialties, are considered to be included in the List by scientific specialties and their respective branches of science.

In accordance with the order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 90-r of December 28, 2018 on the basis of recommendations of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (hereinafter – VAK) taking into account the conclusions of the relevant expert councils of VAK, the publications included in the List by groups of scientific specialties are considered included in the List by scientific specialties and their corresponding branches of science (as of November 11, 2022). According to the letter of VAK of 06.12.2022 no. 02-1198 the scientific peer-reviewed journal “Business. Education. Law” is included in the List of peer-reviewed scientific editions, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published (as of 28.11.2022), with category K-2.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий. В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК издания, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки.

Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 05.02.2025 года):

5. Социальные и гуманитарные науки

5.1. Право

- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

5.2. Экономика

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы

5.8. Педагогика

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка
- 5.8.5. Теория и методика спорта
- 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

In accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science dated February 19, 2010 No. 6/6, the journal is included in the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications. In accordance with the order of the RF Ministry of Education and Science dated December 28, 2018 No. 90-r, based on the recommendations of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science (hereinafter, the SAC), taking into account conclusions of the field-specific expert councils of SAC, the issues included in the List of the peer reviewed scientific publications, which publish major scientific results of the theses for scientific degree of the candidate of sciences, for scientific degrees of the doctor of sciences (hereinafter, List), by the scientific specialty groups, are considered included in the List by the scientific specialties and appropriate fields of study.

The list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published (as of February 05, 2025):

5. Social and human sciences

5.1. Law

- 5.1.2. Public law (state-legal) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal law sciences
- 5.1.5. International legal sciences

5.2. Economy

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance

5.8. Pedagogy

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 5.8.4. Physical culture and professional physical training
- 5.8.5. Theory and methodology of sports
- 5.8.6. Improving and adaptive physical culture
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО.**Учредитель:**

индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна

Издатель:

индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна, г. Волгоград

№ 2(75), июнь 2026

ISSN 1990-536X

Научный журнал издается с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 85747

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

- оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;
- формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;
- привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;
- поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;
- налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;
- развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

- Всем статьям в выпусках журналов присваивается цифровой идентификатор DOI
- Двухлетний импакт-фактор РИНЦ — 0,702
- Пятилетний импакт-фактор РИНЦ — 0,583
- Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам — 69
- Десятилетний индекс Хирша — 33
- Общее число статей из журнала в РИНЦ — 4735
- Общее число цитирований журнала — 27 762

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-33692 от 03.10.2008 г.
Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-81518 от 15.07.2021 г.

BUSINESS. EDUCATION. LAW.**Founder:**

individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna

Publisher:

individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna, Volgograd

No. 2(75), June 2026

ISSN 1990-536X

Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Subscription index in the catalogue of "Press of Russia" — 85747

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of **economics (main trends), law and pedagogics.**

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

- operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;
- promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;
- providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;
- establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;
- attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;
- search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;
- establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;
- development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;
- promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

- Digital identifier DOI is assigned to all articles published in the journal
- Two-year impact factor RISC — 0,702
- The five-year impact factor RISC — 0,583
- The five-year Herfindahl by quoting journals — 69
- Ten-year h-index — 33
- Total number of the journal's articles in RISC — 4735
- The total number of citations of the journal — 27 762

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications.
Certificate of registration PI № FS77-33692 dated 03.10.2008.
Re-registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
Registration number PI № FS77-81518 dated 15.07.2021.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Калиничева Раиса Васильевна, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе АНО ВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации» Волгоградский кооперативный институт (филиал).

Заместители главного редактора —

Кумейко Елена Анатольевна, канд. экон. наук;

Захарова Л. М., д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой дошкольного и начального общего образования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»;

Члены редакционной коллегии:

Бабушкин Г. Д., д-р пед. наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);

Винокуров А. Ю., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры РФ», главный научный сотрудник;

Восколович Н. А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры экономики труда и персонала экономического факультета;

Мещерякова Е. В., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Рахманова Е. Н., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Салиева Р. Н., д-р юрид. наук, профессор, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса;

Столярчук Л. И., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Тютюкина Е. Б., д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления

Ответственный секретарь — **Кумейко Елена Анатольевна.**

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief – Kalinicheva Raisa Vasilevna, doctor of economics, professor, vice-rector for academic work ANO of HE Tsentrosoyuz of the Russian Federation “Russian University of Cooperation” Volgograd Cooperative Institute (branch).

Deputies of the editors-in-chief —

Kumeiko Elena Anatolyevna, candidate of economics

Zakharova L. M., doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of pre-school and elementary general education of FSBEI of HPE “Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov”;

Deputies of the editor-in-chief:

Babushkin G. D., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Siberian State University of Physical Culture And Sports (Omsk, RF);

Vinokurov A. Y., Doctor of Law, Professor, FSCEI of HE “Academy of the RF General Prosecutor Office”, chief researcher;

Voskolovich N. A., Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel of the Faculty of economics;

Meshcheryakova E. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of FSBEI of HPE “Volgograd State Social Pedagogical University”;

Rakhmanova E. N., Doctor of Law, Associate Professor, North-West branch of FSBEI HE RGUP;

Salieva R. N., Doctor of Law, Professor, Institute of the issues of ecology and resources management of AN RT;

Stolyarchuk L. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of of FSBEI of HPE “Volgograd State Social Pedagogical University”;

Tyutyukina E. B., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor Department of Corporate Finance and Corporate Governance

Executive secretary — **Kumeiko Elena Anatolyevna.**

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ «БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5. Социальные и гуманитарные науки; 5.1. Право; 5.2. Экономика; 5.8. Педагогика.

2. Автором (-ми) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

- текст статьи на русском, или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);
- анкета автора (и соавторов);
- заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;
- справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru.

Телефон для справок: 8 902-314-79-73. URL: <http://vestnik.volbi.ru>.

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

- индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);
- фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;
- ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;
- аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;
- должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;
- e-mail;
- шифр научной специальности (по номенклатуре);
- название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);
- ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- введение, где формулируются степень изученности проблемы, актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;
- основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;
- методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;
- результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней, с помощью обобщения и анализа данных, автором доказывается рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;
- заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;
- список источников. В списке источников приводится только цитируемая в статье литература.

Тексты, рисунки, иллюстрации, представленные в редакцию в рукописях авторов статей, не должны быть отсканированы.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL «BUSINESS. EDUCATION. LAW»

1. The author's materials – scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 5. Social and human sciences 5.1. Law; 5.2. Economy; 5.8. Pedagogy, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

- text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);
- author (or team of authors) questionnaire;
- application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;
- certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru.

Telephone for enquiries: 8 902-314-79-73. URL: <http://vestnik.volbi.ru>.

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

- UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);
- last name, name and patronymic in the Russian and English languages;
- scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;
- department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;
- position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;
- e-mail;
- code of the scientific specialty (as per the range);
- title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);
- abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface – italics, full justification, minimum 600–800 characters without spaces);
- keywords in the Russian and English languages (10–12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface – italics, full justification);
- introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;
- main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;
- methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;
- results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;
- conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;
- references. References shall contain only the literature quoted in the article.

Texts, drawings and illustrations submitted to the editors in the manuscripts of the articles should not be scanned.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

5.2. ЭКОНОМИКА

Глухова Л. В., Гудков А. А.

Математическая модель согласованного взаимодействия участников процесса проектирования интеллектуальных информационных систем 13

Еловская М. А., Плотников В. А.

Трансформация экономических систем под влиянием цифровых инноваций: теоретические и прикладные аспекты 22

Жуковский В. П., Губачев Н. Н.

Корпоративное обучение как инструмент капитализации человеческих ресурсов организации 28

Кузьмина Е. Е.

Фирменный стиль вуза как инструмент его идентификации на рынке высшего образования 34

Левченко П. А., Степанова А. В., Чердниченко А. О., Генералова А. В., Тхориков Б. А.

Перспективы планирования и оценки конкурентоспособности промышленного предприятия на внешних рынках 40

Неретин А. Д., Волошин А. В., Суслова Ю. Ю., Подачина Л. И., Шихалева И. А.

Трансформация конкурентных механизмов в гостеприимстве в условиях цифровизации 49

Омарова Н. О., Рамазанова Д. Р., Османов Г. О.

Сравнительный анализ подходов к оценке эффективности информационных систем в условиях цифровизации 59

Тхориков Б. А., Семенов Б. В.

Стратегии динамического ценообразования в маркетплейсах: методологические основы и практические механизмы 68

Бурковский П. В.

Региональные аспекты оценки программно-целевого регулирования сельского хозяйства 76

Герасименко И. А., Саидова С. М., Шарипова А. И., Ладыженская Т. П.

Интегральная методика оценки креативных проектов в контексте регионального развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 86

Длусская В. В.

Трансформация российской внешней торговли с 2014 г. 96

Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я.

Трансформация потребительского поведения в эволюции эпох и продукта в маркетинге 102

Курганова М. В.

Моделирование и прогнозирование экономических показателей региона 108

Марусинина Е. Ю.

Современные концепции интегрированного управления качеством производственно-логистических цепей поставок: от TQM к интегрированным системам менеджмента в условиях глобальной неопределенности 114

Нерушева Т. В., Нерушев А. Т., Зайцева Н. Н.

Сравнительный анализ российской и зарубежной практики повышения эффективности производства зерна 122

Смирнов А. И., Тетерин Ю. А., Мартынов А. Ю., Руйга И. Р.

Корпоративная экономическая безопасность: технологии искусственного интеллекта для комплексной проверки контрагентов 130

Шапиро С. А., Мотыльков А. А.

Современная бедность в России: методы оценки, региональные различия и механизмы преодоления 138

Щербинина Л. Ю., Сунчалеева Я. Р., Гусаков А. М.

Маркетинговые исследования клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования: методический подход и результаты исследования 147

Жулябин В. А.

Разработка алгоритма оптимизации производственных процессов в рамках стратегии повышения конкурентоспособности 153

Матусевич Д. С.

Практика применения скоринговых моделей прогнозирования несостоятельности в мясоперерабатывающей отрасли 159

Мохова В. Н.

Оценка потенциала применения технологий искусственного интеллекта в низкоцифровизированных отраслях экономики на примере бизнеса по доставке питьевой воды 165

Набиев Д. Н. Современные подходы к оценке конкурентоспособности вузов и направления их совершенствования	172
Неклюдов С. В. Влияние новых явлений в развитии мировой экономики на традиционные методы и инструменты в корпоративных финансах	179
Новикова К. А. Экономика знаний как инструмент стратегического развития территорий	185
Прохорова Ю. В. Цифровая трансформация государственного управления экономики Российской Федерации	192
5.1. ПРАВО	
Савельева Е. В., Хусанов З. Ф. Стейблкоины как объект налогообложения: проблемы квалификации в российском и зарубежном праве	199
Фоменко Е. В., Зубенко А. Ю. К вопросу о совершенствовании примечания 1 к статье 285 Уголовного кодекса РФ в контексте проблем квалификации подкупных преступлений в отношении работников субъектов естественных монополий	205
Большаков А. П. Недостойные наследники в современном российском наследственном праве: правовые вопросы, теоретические подходы и практическая реализация	212
Бутенко А. А., Егоров Г. Г. Правовые формы защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью искусственного интеллекта	219
Горовенко С. В., Зольникова Н. Е. Актуальные вопросы юридической ответственности медицинских организаций при оказании медицинской помощи в сфере обязательного медицинского страхования	226
Иналкаев А. А. Противоречия и тенденции развития избирательного права России в свете законодательных реформ, правоприменения и общественных процессов	231
Серебрянникова М. В., Серебрянников В. А. Семья как субъект правового воспитания несовершеннолетних	236
Серпенинов О. В., Черкезов С. Е., Прокопенко А. В. Выявление фейковых новостей с использованием методов искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования	242
Цветков С. Б. Вопросы организации проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома: теоретический и практический аспекты	248
Лошкарев И. О. Основания, процедура и конституционно-правовые последствия лишения неприкосновенности Президента Республики Корея	254
Сафиуллин Р. Р. Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками посреднических цифровых платформ в России и в отдельных государствах СНГ	260
Юйпэн С. Принципы применения ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом: на примере Китая и России	268
5.8. ПЕДАГОГИКА	
Бюркланд Б. С., Новокрещенов В. В. Мотивация младших школьников к занятиям физической культурой: результаты констатирующего исследования и предпосылки командной модели подготовки к ГТО (на примере МБОУ СОШ № 576 г. Санкт-Петербурга)	273
Жданов А. В., Мищуриис А. В., Тряпицын А. В. Научно-методическая поддержка совместных проектов студенческих научных объединений в контексте реализации социальной функции педагогического университета	280
Железнякова Е. А., Люкшина А. П. Модель обучения китайских студентов русскому языку на материале примет (аксиологический аспект)	288
Иванов Н. А., Долидович О. М., Остыловская О. А., Грачева А. С. Стратегии скафолдинга в условиях цифровой образовательной среды: тенденции и перспективы развития	295

Кондрашов А. Г., Овчинников В. А. К вопросу о статодинамической устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	301
Руденко И. В., Фришман И. И., Соловьева М. В. Формирование у детей ценностного отношения к здоровью в условиях детского оздоровительного лагеря	307
Сабитов А. Р., Салехова Л. Л. Формирование иноязычной медиакомпетенции школьников 12—16 лет: дидактический потенциал CLIL в дополнительном образовании	313
Серебренникова Н. А., Коновалов И. Е. Исполнительные функции как предикторы успешности принятия решений в игре у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд	320
Случевский А. Р., Уляева Л. Г. Формирование soft skills как условие успешной профессиональной самореализации	326
Соломатина Г. Н., Фоменко И. И. Парадигмальный подход к формированию гражданской ответственности у учащихся	336
Фан Ицзе, Баклашова Т. А. Социальные и культурные аспекты подготовки педагогических кадров высшей научной квалификации в России и Китае: сравнительный анализ	342
Фоминых Н. Ю., Сыротюк С. Д. Научное наставничество как педагогическое условие формирования и развития научно-профессионального педагогического сообщества в условиях неформального и информального образования	349
Цветкова И. В. Характеристика функций школы в профессиональном самоопределении выпускников (на примере школ г. Тольятти)	359
Ярошинская А. П., Карпенко В. Н. Принципы организации формирования гражданской идентичности в молодежной среде средствами воспитательной работы среди студентов	364
Алтухова С. О., Алтухова А. А., Кононова З. А. Игровые технологии как инструмент формирования навыков участия школьников в избирательном процессе	370
Антонова Н. А. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности с применением дидактического потенциала технологии виртуальной реальности	376
Борисова В. В., Кузнецов Н. А., Супрун А. А. Кинематические и динамические параметры движений, обуславливающие точность воспроизведения двигательного ритма при выполнении сотрудничеств типа СС с мячом в художественной гимнастике	383
Борисова В. В., Можяев А. А., Супрун А. А. Синхронность и стабильность психомоторных профилей как детерминанты чувства партнера в танцевальном спорте	390
Дудченко П. П. Методика темповой стабилизации как средство повышения эффективности соревновательной деятельности пловцов в ластах на длинных дистанциях в условиях открытой воды	396
Дудченко П. П. Применение моделей искусственного интеллекта Transformer-архитектуры в управлении развитием скоростной выносливости пловцов в ластах на этапе углубленной специализации	404
Евсюкова Н. Ю., Соловьёва С. А., Галыня А. В. Диагностика и развитие культуры информационной безопасности у студентов технического вуза	410
Емченко Е. А. Использование электронного образовательного курса в преподавании высшей математики	416
Еремеева О. А. Теоретические основы формирования педагогической субъектности в городском профессионально-образовательном пространстве	422
Калегина Ю. В. Понятие когнитивной безопасности студента	430
Карпов Г. А., Лаптев А. И., Пересецкий Е. В. Взаимосвязь морфологических показателей и технико-тактических действий квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда	439

Крамарухин В. В., Павленкович О. Б. Феноменология восприятия цвета в контексте деятельности художника-живописца	446
Макарова И. А., Стадник Ю. В., Киселёва Ю. Л., Лепёхина Е. В. Критериальный подход к оценке работы эффективности инклюзивной педагогической команды дошкольной образовательной организации	451
Мархакшинова В. Н., Супрун А. А., Борисова В. В. Синхронизация выполнения подбивного прыжка с бумерангом лентой ногой в художественной гимнастике	460
Матвеева А. В., Дедюра И. С., Пиманова Н. А. Развитие инженерного мышления у будущих учителей биологии в условиях цифровой образовательной среды	467
Мельникова Е. П. Педагогические основания сотрудничества человека и искусственного интеллекта как катализатора креативности в хореографии	474
Пивовар Б. Б., Пивовар Ю. Н. Развитие профессиональных компетенций будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления: новые модели обучения в условиях трансформации государственного управления	480
Платонова З. Н., Андреева Ю. А. Влияние городской и сельской среды на проявление тревожности детей младшего школьного возраста на примере Республики Саха (Якутия)	486
Плеханова Т. А. Методология исследования влияния цифровой культуры на профессиональный менталитет педагога среднего профессионального образования	493
Поддипалин А. А. Роль семьи и школы в профилактике девиантного поведения, связанного с влиянием молодежных субкультур	500
Руднева Л. В., Куликова М. В., Волкова Е. В. Профессионально-ориентированное обучение на китайском языке студентов направлений подготовки в сфере физической культуры: первые результаты экспериментальной работы	505
Сухова Т. А., Светличная В. Б., Матвеева Т. А., Коваженков М. А. Формирование профессиональных компетенций у иностранных студентов экономических направлений подготовки бакалавриата на основе использования инновационных технологий обучения	511
Федосенко Е. В. Дипломатическая роль русского языка и ее значение для профессиональной подготовки преподавателя РКИ	519
Федосенко Е. В. Проектная сессия как средство развития социокультурной и межкультурной компетенций учителей русского языка как иностранного	525
Фролова И. А., Гаязова Э. Б. Формирование инклюзивной культуры педагога	531
Антипова Р. А. Корреляционный анализ взаимосвязи уровня одаренности с академической успеваемостью и адаптацией студентов университетского колледжа	539
Кулебяев М. А. Ценностно-смысловое отношение студентов технического вуза к информационной безопасности: структурно-содержательный анализ	545
Муратов Т. У. Применение искусственного интеллекта в развитии лингвокультурологической компетенции на уроках русского языка как иностранного	554
Хань Ч. Проблема патриотического воспитания в психолого-педагогических исследованиях в России и Китае	562
Ханюков Д. А. Трансформация учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента (на примере курса «Деловой этикет»)	569
Цзяньсинь С. Современные тенденции практической подготовки будущих педагогов в Китае	575
Чжан Ч. Инклюзивная готовность и инклюзивная культура как ступени формирования инклюзивной компетентности китайских студентов в спортивном вузе	582

CONTENT

5.2. ECONOMY

Glukhova L. V., Gudkov A. A.

Mathematical model of coordinated interaction between participants in the design process of intelligent information systems 13

Elovskaya M. A., Plotnikov V. A.

Transformation of economic systems under the influence of digital innovations: theoretical and applied aspects 22

Zhukovsky V. P., Gubachev N. N.

Corporate training as a tool for capitalizing the organization's human resources 28

Kuzmina E. E.

Corporate identity of a university as a tool for its identification in the higher education market 34

Levchenko P. A., Stepanova A. V., Cherednichenko A. O., Generalova A. V., Tkhorikov B. A.

Prospects for planning and assessing the competitiveness of industrial enterprises in foreign markets 40

Neretin A. D., Voloshin A. V., Suslova Yu. Yu., Podachina L. I., Shihaleva I. A.

Transformation of competitive mechanisms in hospitality in the context of digitalization 49

Omarova N. O., Ramazanova D. R., Osmanov G. O.

Comparative analysis of approaches to evaluating the efficiency of information systems in the context of digitalization 59

Tkhorikov B. A., Semenov B. V.

Dynamic pricing strategies in e-commerce marketplaces: methodological foundations and practical mechanisms 68

Burkovskij P. V.

Regional aspects of assessing program-targeted regulation of agriculture 76

Gerasimenko I. A., Saidova S. M., Sharipova A. I., Ladyzhenskaya T. P.

Integral methodology for evaluating creative projects
in the context of regional development of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra 86

Dlusskaya V. V.

Transformation of Russian foreign trade since 2014 96

Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruveny I. Y.

Transformation of consumer behavior in the evolution of eras and product in marketing 102

Kurganova M. V.

Modeling and forecasting of regional economic indicators 108

Marusinina E. Yu.

Contemporary concepts of integrated quality management in manufacturing and logistics supply chains:
from TQM to IMS under global uncertainty 114

Nerusheva T. V., Nerushev A. T., Zaytseva N. N.

Comparative analysis of Russian and foreign practices in raising grain production efficiency 122

Smirnov A. I., Teterin Yu. A., Martynov A. Yu., Ruiga I. R.

Corporate economic security: artificial intelligence technologies for comprehensive counterparty verification 130

Shapiro S. A., Motylkov A. A.

Contemporary poverty in Russia: assessment methods, regional differences and alleviation mechanisms 138

Shcherbinina L. Yu., Sunchaleeva Y. R., Gusakov A. M.

Marketing research on customer experience in additional education services market:
methodological approach and research results 147

Zhulyabin V. A.

Development of an algorithm for optimizing production processes as part of a competitiveness enhancement strategy 153

Matusevich D. S.

The practice of using scoring models for insolvency forecasting in meat processing industry 159

Mokhova V. N.

Assessing the potential of artificial intelligence in low-digitalized economic sectors:
a case study of the bottled water delivery business 165

Nabiev D. N. Modern approaches to assessing the competitiveness of universities and directions of their improvement	172
Neklyudov S. V. New trends in the global economy and their impact on traditional methods and tools of corporate finance	179
Novikova K. A. Knowledge economy as a tool for strategic territorial development	185
Prokhorova I. V. Digital transformation of public administration of the economy of the Russian Federation	192
5.1. LAW	
Saveleva E. V., Khusainov Z. F. Stablecoins as an object of taxation: problems of qualification in Russian and foreign law	199
Fomenko E. V., Zubenko A. Yu. On improving the Note 1 to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation in reference to classification of bribery-related crimes committed by employees of natural monopolies	205
Bolshakov A. P. Unworthy heirs in modern Russian inheritance law: legal issues, theoretical approaches and practical implementation	212
Butenko A. A., Egorov G. G. Legal forms of protection of civil rights to objects obtained with the help of artificial intelligence	219
Gorovenko S. V., Zolnikova N. E. Topical issues of legal liability of medical organizations when providing medical care within compulsory medical insurance	226
Inalkaev A. A. Contradictions and trends in the development of Russian electoral law in the light of legislative reforms, law enforcement and public processes	231
Serebryannikova M. V., Serebryannikov V. A. Family as a subject of legal education of minors	236
Serpeninov O. V., Cherkezov S. E., Prokopenko A. V. Identifying fake news using artificial intelligence tools: problems of legal regulation	242
Tsvetkov S. B. Issues of organizing capital repairs of the common property in an apartment building: theoretical and practical aspects	248
Loshkarev I. O. Grounds, procedure, and constitutional and legal consequences of deprivation of immunity of the President of the Republic of Korea	254
Safiullin R. R. Comparative legal analysis of the legislative regulation of relations between participants of intermediary digital platforms in Russia and selected CIS countries	260
Yupeng S. Principles of liability for harm caused by artificial intelligence: the case of China and Russia	268
5.8. PEDAGOGY	
Burkland B. S., Novokreshchenov V. V. Motivation of primary school children for physical education lessons: results of an ascertaining study and prerequisites for a team-based model of GTO training (case of Secondary School No. 576 in St. Petersburg)	273
Zhdanov A. V., Mishchuris A. V., Tryapitsyn A. V. Scientific and methodological support for joint projects of student scientific associations in the context of the social function of a pedagogical university	280
Zhelezniakova E. A., Liukshina A. P. A model for teaching Russian to Chinese students based on folk omens (axiological aspect)	288
Ivanov N. A., Dolidovich O. M., Ostylovskaya O. A., Gracheva A. S. Scaffolding strategies in the digital educational environment: trends and development prospects	295

Kondrashov A. G., Ovchinnikov V. A. On the question of statodynamic stability among employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation	301
Rudenko I. V., Frishman I. I., Solovyova M. V. Developing a value attitude toward health among children in a children's health camp	307
Sabitov A. R., Salekhova L. L. Formation of foreign language media competence of schoolchildren aged 12–16: didactic potential of CLIL in supplementary education	313
Serebrennikova N. A., Kononov I. E. Executive functions as predictors of in-game decision making success in male and female university basketball players	320
Sluchevskiy A. R., Ulyayeva L. G. Soft skills development as a condition for successful professional self-realization	326
Solomatina G. N., Fomenko I. I. Paradigmatic approach to the formation of civic responsibility in students	336
Fang Yijie, Baklashova T. A. Social and cultural aspects of preparing pedagogical personnel with higher scientific qualifications in Russia and China: a comparative analysis	342
Fominykh N. Y., Sirotuk S. D. Scientific mentoring as a pedagogical condition for the formation and development of the scientific and professional pedagogical community in non-formal and informal education	349
Tsvetkova I. V. Characteristics of school functions in school leavers' professional self-identification (on the example of schools in Togliatti)	359
Yaroshinskaya A. P., Karpenko V. N. Principles of organizing formation of civic identity in youth by means of educational work among students	364
Altukhova S. O., Altukhova A. A., Kononova Z. A. Game technology as a tool for teaching schoolchildren to participate in the electoral process	370
Antonova N. A. Developing foreign language communicative competence using the didactic potential of virtual reality technology	376
Borisova V. V., Kuznetsov N. A., Suprun A. A. Kinematic and dynamic parameters of movements that determine the accuracy of reproducing motor rhythm when performing CC-type collaborations with a ball in rhythmic gymnastics	383
Borisova V. V., Mozhaev A. A., Suprun A. A. Synchrony and stability of psychomotor profiles as determinants of the partner sense in dancesport	390
Dudchenko P. P. Pace stabilization method as a means of increasing the effectiveness of competitive activity of finswimmers over long distances in open water	396
Dudchenko P. P. Application of Transformer-architecture artificial intelligence models in managing the development of speed endurance in finswimmers at the stage of advanced specialization	404
Evsyukova N. Yu., Solovyova S. A., Galyna A. V. Diagnostics and development of information security culture among students of a technical university	410
Emchenko E. A. Using an electronic educational course in teaching higher mathematics	416
Eremeeva O. A. Theoretical foundations of the formation of pedagogical subjectivity in the urban professional educational space	422
Kalegina Yu. V. The concept of student's cognitive safety	430
Karpov G. A., Laptev A. I., Peresetskiy E. V. Interrelation between morphological indicators and technical-tactical actions of qualified singles badminton players	439
Kramarukhin V. V., Pavlenkovich O. B. The phenomenology of color perception in the context of the artist-painter's activities	446

Makarova I. A., Stadnik Yu. V., Kiseleva Yu. L., Lepyokhina Y. V. Criteria-based approach to assessing the effectiveness of an inclusive pedagogical team of a preschool educational organization	451
Markhakshinova V. N., Suprun A. A., Borisova V. V. Synchronization of a bounce jump with a ribbon boomerang using the leg in rhythmic gymnastics	460
Matveeva A. V., Dedyura I. S., Pimanova N. A. Development of engineering thinking in future biology teachers in a digital educational environment	467
Melnikova E. P. Pedagogical foundations of human-artificial intelligence cooperation as a creativity catalyst in choreography	474
Pivovarov B. B., Pivovarov Y. N. Development of professional competencies in future state and municipal administration specialists: new models of training in the context of public administration transformation	480
Platonova Z. N., Andreeva Yu. A. Influence of urban and rural environments on the manifestation of anxiety in primary school children: a case study of the Republic of Sakha (Yakutia)	486
Plekhanova T. A. Research methodology of the influence of digital culture on the professional mentality of a secondary vocational education teacher	493
Podlipalin A. A. The role of family and school in the prevention of deviant behavior associated with the influence of youth subcultures	500
Rudneva L. V., Kulikova M. V., Volkova E. V. Professionally oriented instruction in Chinese for students of physical education training programs: first results of experimental work	505
Sukhova T. A., Svetlichnaya V. B., Matveeva T. A., Kovazhenkov M. A. Development of professional competencies in foreign students of bachelor's degree programs in economics based on the use of innovative learning technologies	511
Fedosenko E. V. The diplomatic role of the Russian language and its significance for the professional training of a teacher of Russian as a foreign language	519
Fedosenko E. V. Project session as a tool for developing socio-cultural and cross-cultural competencies of teachers of Russian as a foreign language	525
Frolova I. A., Gayazova E. B. Teacher's inclusive culture development	531
Antipova R. A. Correlation analysis of the relationship between the level of giftedness and academic performance and adaptation of university college students	539
Kulebyaev M. A. Technical university students' value-semantic attitudes to information security: a structural and content analysis	545
Muratov T. U. Using artificial intelligence to develop linguistic and cultural competence at the Russian as a foreign language lessons	554
Han Z. The problem of patriotic education in psychological and pedagogical research in Russia and China	562
Khanyukov D. A. Transformation of an academic discipline into a space of continuous pedagogical experiment (on the example of the "Business Etiquette" course)	569
Jianxin X. Current trends in the practical teacher training in China	575
Zhang Z. Inclusive readiness and inclusive culture as stages in the formation of inclusive competence of Chinese students in a sports university	582

5.2. ЭКОНОМИКА

5.2. ECONOMY

Научная статья

УДК 330.42

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1628

Lyudmila Vladimirovna Glukhova

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Institute of Finance,
Economics, and Management,
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation
prof.glv@ya.ru

Anton Andreevich Gudkov

Postgraduate of the Higher School
of Intelligent Systems and Cybertechnologies,
scientific specialty
5.2.2 — Mathematical, statistical,
and instrumental methods in economics,
Volga Region State University of Service
Togliatti, Russian Federation
tonyg.ya@yandex.ru

Людмила Владимировна Глухова

д-р экон. наук, профессор,
профессор института финансов,
экономики и управления,
Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Российская Федерация
prof.glv@ya.ru

Антон Андреевич Гудков

аспирант Высшей школы
интеллектуальных систем и кибертехнологий,
научная специальность
5.2.2 — Математические, статистические
и инструментальные методы в экономике,
Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация
tonyg.ya@yandex.ru

МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СОГЛАСОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ

5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике

Аннотация. Статья посвящена разработке математического инструментария для управления процессом проектирования интеллектуальных информационно-аналитических систем (ИИАС). В условиях перехода к экономике данных ИТ-проекты характеризуются высокой неопределенностью и рисками превышения затрат, вызванными активным поведением участников и асимметрией информации между руководителем проекта (Центром) и исполнителями (Агентами).

Методологическую основу работы составил синтез аппарата теории активных систем, развитого в трудах В. Н. Буркова и Д. А. Новикова, и теории кооперативных игр с передаваемой полезностью. В рамках нормативного подхода авторы формализуют проектирование ИИАС как двухуровневую иерархическую систему. Ключевым методом исследования является дизайн механизмов, позволивший разработать систему уравнений, связывающую плановые показатели трудоемкости, фактическое состояние исполнителей и стимулирующие воздействия. В отличие от традиционных моделей, метод учитывает стохастическую природу НИОКР и нелинейность вклада интеллектуального капитала.

Основным результатом стал синтез нелинейного механизма стимулирования, удовлетворяющего условиям индивидуальной рациональности и совместимости стимулов. Применение принципа выявления позволило математически доказать, что сообщение истинной информации о сложности алгоритмов становится для Агента доминантной стратегией. Это нейтрализует эффект манипулирования данными и устраняет избыточную информационную ренту.

Научная новизна заключается в адаптации теоретико-игровых моделей к специфике наукоемкого программного обеспечения, включая учет рисков обучения и штрафов за переключение контекста. Практическая значимость состоит в создании методики, позволяющей ИТ-организациям повысить точность метрических оценок и минимизировать транзакционные издержки за счет автоматизации контроля согласованности интересов.

Ключевые слова: теория активных систем, согласованное взаимодействие, математическая модель управления, проектирование интеллектуальных информационно-аналитических систем, механизм стимулирования, теория игр, управление ИТ-проектами, одноуровневая система, минимизация затрат, информационная асимметрия

Для цитирования: Глухова Л. В., Гудков А. А. Математическая модель согласованного взаимодействия участников процесса проектирования интеллектуальных информационных систем // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 13—21. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1628.

Original article

MATHEMATICAL MODEL OF COORDINATED INTERACTION BETWEEN PARTICIPANTS IN THE DESIGN PROCESS OF INTELLIGENT INFORMATION SYSTEMS

5.2.2 — Mathematical, statistical, and instrumental methods in economics

Abstract. The article is devoted to the development of mathematical tools for managing the design process of intelligent information and analytical systems (IIAS). In the context of the transition to a data economy, IT projects are characterized by high uncertainty and risks of cost overruns, driven by the active behavior of participants and information asymmetry between the project manager (the Center) and the executors (the Agents).

The methodological framework of the study is a synthesis of the theory of active systems, as developed in the works of V.N. Burkov and D.A. Novikov, and cooperative game theory with transferable utility. Within a normative approach, the authors formalize IIAS design as a two-level hierarchical system. The core research method is mechanism design, which facilitated the development of a system of equations linking planned labor intensity indicators, the actual state of executors, and stimulating impacts. Unlike traditional models, this method accounts for the stochastic nature of R&D and the non-linearity of intellectual capital contribution.

The primary result is the synthesis of a non-linear incentive mechanism that satisfies the conditions of individual rationality and incentive compatibility. The application of the revelation principle allowed for a mathematical proof that reporting true information regarding algorithmic complexity becomes a dominant strategy for the Agent. This neutralizes the effects of data manipulation and eliminates excessive information rent.

The scientific novelty lies in the adaptation of game-theoretic models to the specifics of science-intensive software, including the consideration of learning risks and context-switching penalties. The practical significance consists in the development of a methodology that enables IT organizations to improve the accuracy of metric estimations (supplementing COCOMO II and FPA methods) and minimize transaction costs by automating the control of interest coordination.

Keywords: theory of active systems, coordinated interaction, mathematical management model, intelligent systems design, incentive mechanism, game theory, IT project management, single-level system, cost minimization, information asymmetry

For citation: Glukhova L. V., Gudkov A. A. Mathematical model of coordinated interaction between participants in the design process of intelligent information systems. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;2(75):13—21. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1628.

Введение

В условиях реализации национального проекта «Экономика данных» и выполнения задач по достижению технологического суверенитета Российской Федерации (согласно Указу Президента РФ от 7 июля 2024 г. № 309), проектирование интеллектуальных информационно-аналитических систем (далее — ИИАС) становится приоритетным направлением развития экономики. Целесообразность изучения темы исследования продиктована необходимостью трансформации подходов к управлению стоимостью высокотехнологичных проектов в условиях перехода к экономике данных.

Совершенствование процессов управления проектами требует поиска новых оптимальных механизмов, облегчающих эффективное принятие управленческих решений. К таким инструментам сегодня относится теория активных систем (далее — ТАС), которая является структурным компонентом теории управления социально-экономическими системами и изучает механизмы влияния на их деятельность, обеспечиваемой активностью участников системы. Основными методами такого управления является математическое (теоретико-игровое) и имитационное моделирование.

В нашей стране основоположником ТАС был В. Н. Бурков. Сегодня у его учения есть много последователей. Получили развитие разделы экономико-математического моделирования, пропагандирующие программно-целевое планирование и скоординированное управление, в т. ч. управление проектами. Также стали развиваться теория контрактов (в основном, зарубежными учеными — Е. Maskin, R. Myerson и др.), а также теория реализуемости, изучаемая в разделе *mechanism design* и другие направления.

Актуальность исследования, таким образом, обусловлена необходимостью преодоления информационной асимметрии между руководителем проекта (Центром) и разработчиками (Агентами), которая может возникнуть ввиду отсутствия математически обоснованных механизмов согласования интересов, что позволяет исполнителям проекта проявлять оппортунистическое поведение, завышая оценки сложности ради получения информационной ренты.

Объект исследования: процесс технико-экономического обоснования и планирования затрат на проектирование ИИАС в условиях взаимодействия участников ИТ-организации.

Предмет исследования: экономико-математические модели и механизмы согласованного взаимодействия (стимулирования и распределения ресурсов), обеспечивающие достоверность метрических оценок при проектировании наукоемкого программного обеспечения.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что повышение точности бюджетного планирования и снижение затрат на проектирование ИИАС возможно за счет внедрения механизма согласованного взаимодействия, основанного на аппарате ТАС. Предполагается, что синтез системы стимулирования, удовлетворяющей условию совместимости стимулов, позволит нейтрализовать оппортунистическое поведение разработчиков и сделает стратегию сообщения истинной информации о сложности задач экономически выгодной для всех участников процесса.

Разработка математической модели согласованного взаимодействия, основанной на аппарате ТАС и теории игр, является критически важной задачей. Это позволит обеспечить метрическую точность планирования ресурсов,

минимизировать нецелевые расходы и повысить эффективность управления распределенными интеллектуальными командами в масштабах цифровой экономики страны.

Изученность проблемы. Анализ современных исследований показывает, что проблема согласования интересов в социально-экономических системах является предметом глубокого изучения, однако ее адаптация к специфике проектирования интеллектуальных систем требует дальнейшей проработки.

В настоящем исследовании представлена модель скоординированного взаимодействия внутри инновационной проектной команды. Она основана на применении кооперативных игр для достижения поставленных целей. Исследование направлено на разработку целевой функции для руководителя проекта, которая обеспечивает минимизацию затрат за счет применения методов теории игр.

Теоретический фундамент исследования дополнен анализом актуальных зарубежных разработок. Математические аспекты и приложения теории были впервые представлены в классической книге 1944 г. «Теория игр и экономического поведения» Джона фон Неймана и Оскара Моргенштерна [1]. Этот механизм предполагает совместные многофункциональные усилия специалистов на различных уровнях для достижения определенных целей. Скоординированное взаимодействие включает в себя обмен знаниями, навыками и идеями, а также решение проблем, которое часто выходит за рамки одной профессиональной специализации.

Фундаментальные концепции «Качества командной работы» М. Хёгля и Х. Эрнста [2] и «гибкой координации» К. Чана [3] были включены в исследование для преодоления разрыва между ТАС и международными практиками управления ИТ-проектами. Синтез этих подходов с классической ТАС позволяет авторам расширить инструментарий согласованного управления проектированием ИИАС.

Фундаментальные основы механизмов согласованного взаимодействия заложены в работах Д. А. Новикова [4]. В монографии «Методология и теория управления» им обобщаются принципы создания неманипулируемых механизмов, что является базой для нашей модели.

Исследования В. Н. Буркова, А. К. Еналеева, Н. А. Коргина в плане согласованности взаимодействия при организационном управлении [5] развивают эти идеи, адаптируя математический аппарат ТАС к условиям цифровой экономики.

Специфика командной работы в инновационных проектах была подробно рассмотрена нами ранее. Была обоснована целесообразность применения ТАС для координации междисциплинарных групп [6], что прямо коррелирует с темой данного исследования в части одноуровневых систем с передаваемой полезностью. Роль интеллектуального капитала в таких системах подчеркивается в авторских работах А. А. Гудкова [7], где рассматриваются ИИАС как инструмент мониторинга знаний исполнителей проекта.

Проблемы асимметрии информации при оценке трудоемкости ИТ-проектов поднимаются в работах Н. Н. Скитер с соавторами [8]. В них проводится критический анализ ограничений модели применения традиционных метрик разработки программного обеспечения; показаны результаты процесса формирования трудозатрат на производство программного обеспечения в современных российских компаниях-разработчиках.

В отличие от предыдущих авторов, Х. П. Маташева и И. Р. Аббасов [9] изучают особенности информационной асимметрии в привязке к стимулированию агентов в цифровой экономике.

А. В. Пономарев [10] также применяет теоретико-игровые модели для оценки согласованности в системах создания совместной продукции и предлагает стохастические модели оптимизации затрат, что подтверждает необходимость перехода от детерминированных метрик к теоретико-игровым моделям, предлагаемым в нашей статье.

Современные подходы к распределенному контролю в активных системах исследуются А. К. Еналеевым и А. Д. Новиковым [11].

Теоретико-игровые аспекты управления взаимодействием на основе работ И. А. Борисова [12], позволяют формализовать условия согласованности, используемые в нашей системе уравнений. Он предлагает адаптированный процессно-статистический подход, позволяющий сначала оценить, а в последующем минимизировать затраты ресурсов на проектное управление.

Модели согласованного и комплексного оценивания результатов в задачах принятия решений рассматриваются В. Н. и И. В. Бурковыми, Н. А. Коргиным и А. В. Щепкиным [13]. Ими оцениваются, в отличие от других исследователей, не только объективные, но и субъективные оценки об объекте исследования, что также учтено в нашем исследовании.

П. Б. Абрамов, Д. В. Игнатов, Е. А. Шпилова, С. С. Кушев предлагают для принятия решений интеграцию многих инструментов, например, системы массового обслуживания, имитационное моделирование, оптимизацию [14]. Их подход к управлению процессами проектирования сложных систем дополняет нашу модель в части учета динамики фактических состояний исполнителей на разных этапах проектирования.

Изложенное позволяет констатировать наличие существенного научно-методического разрыва между теоретическими достижениями в области дизайна механизмов и практическим инструментарием управления ИТ-проектами. Для снижения научно-методического разрыва необходимо наличие сформированной трансдисциплинарной компетентности, на это сделан акцент в работе [15].

Особой значимостью в этом исследовании следует считать «принцип выявления», сформулированный в теории механизмов нобелевскими лауреатами — Леонидом Гурвичем [16], Роджером Майерсоном [17] и Эриком Маскином [18]. Этот принцип рассматривает теорию механизмов проектирования (*mechanism design*), что концептуально близко к проектированию ИИАС (Проект ИТ) и к механизмам управления в ТАС. На основе его было принято утверждение, что при анализе механизмов взаимодействия экономических агентов в условиях асимметричной информации нет необходимости рассматривать все возможные формы стратегического поведения участников ИТ-проектов. Достаточно ограничиться рассмотрением так называемых «прямых механизмов», в которых агенты непосредственно сообщают свои типы (например, истинную сложность задачи, издержки или предпочтения [16—18]).

Несмотря на глубокую проработку фундаментальных основ теории активных систем и теории игр классиками отечественной и зарубежной науки, специфические аспекты метрического обоснования затрат на проектирование интеллектуальных систем в условиях высокой неопределенности остаются недостаточно исследованными.

Таким образом, выявленная научная проблема заключается в необходимости разработки и теоретического обоснования комплексной математической модели, которая бы интегрировала современные метрики программной инженерии

с механизмами согласованного взаимодействия. Это позволяет перейти от директивного планирования к динамическому управлению, обеспечивающему достоверность бюджетных оценок и минимизацию транзакционных издержек при создании наукоемких информационных систем.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и разработке математического инструментария для управления затратами на проектирование ИИС на основе механизмов согласованного взаимодействия, обеспечивающих достоверность метрических оценок в условиях асимметрии информации.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Формализовать процесс проектирования ИИАС как иерархическую активную систему, выделив ключевые факторы неопределенности и источники возникновения информационной ренты исполнителей.

2. Синтезировать математическую модель целевой функции руководителя проекта (Центра), интегрирующую нелинейные метрики сложности интеллектуальных алгоритмов и затраты на стимулирование Агентов.

3. Разработать алгоритм согласования интересов участников проекта, удовлетворяющий условиям совместности стимулов, при которых сообщение истинной информации о трудоемкости становится доминантной стратегией разработчика.

4. Провести имитационное моделирование или статистическую апробацию предложенного механизма для подтверждения его эффективности в снижении отклонений плановых затрат от фактических.

Положения, раскрывающие **научную новизну** исследования:

1. Разработана авторская математическая модель согласованного взаимодействия участников ИТ-проекта, которая, в отличие от существующих (модели Буркова, Новикова), адаптирована под специфику метрик проектирования интеллектуальных систем (учет сложности алгоритмов искусственного интеллекта, объемов обучающих выборок и неопределенности результатов НИОКР).

2. Синтезирован нелинейный механизм стимулирования в одноуровневой активной системе с передаваемой полезностью, обеспечивающий выполнение условия совместности стимулов. Это позволяет математически доказать возможность нивелирования информационной ренты исполнителей и обеспечения правдивости сообщаемых ими метрических оценок.

3. Предложен комплексный алгоритм координации распределенных проектных команд, базирующийся на интеграции ТАС и современных методов программной инженерии. Алгоритм позволяет динамически корректировать плановые показатели трудоемкости на основе мониторинга фактических состояний агентов.

4. Обоснованы условия существования эффективного механизма управления, при котором суммарный экономический эффект от синхронизации интеллектуальной деятельности команды превышает затраты на реализацию стимулирующих воздействий, что расширяет теоретическую базу дизайна механизмов в цифровой экономике.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии положений ТАС и дизайна механизмов применительно к задачам цифровой экономики.

В частности, теоретическая ценность исследования заключается:

- 1) в расширении понятийного и математического аппарата теории управления организационными системами за счет формализации специфических характеристик проектирования ИИАС как объектов с высокой долей интеллектуального риска и асимметрией метрических данных;

- 2) в обосновании возможности интеграции теоретико-игровых моделей согласования интересов с инструментальными методами программной инженерии (метриками сложности и трудоемкости), что создает теоретическую базу для синтеза «честных» механизмов планирования;

- 3) в разработке условий устойчивости и эффективности механизмов стимулирования в активных системах с передаваемой полезностью, что дополняет теорию коллективного принятия решений в условиях неопределенности.

Полученные результаты вносят вклад в развитие методологии математического моделирования сложных социально-экономических процессов, обеспечивая теоретический фундамент для создания адаптивных систем управления в ИТ-индустрии.

Практическая значимость работы состоит в возможности внедрения разработанного математического инструментария в деятельность ИТ-организаций для оптимизации процессов бюджетного планирования и управления персоналом.

Основные прикладные результаты исследования позволяют:

- 1) повысить точность финансового планирования: использование модели обеспечивает снижение отклонений фактических затрат от плановых за счет блокировки механизмов завышения смет. Это минимизирует риски кассовых разрывов и повышает инвестиционную привлекательность ИТ-проектов.

- 2) оптимизировать систему мотивации: разработанные алгоритмы стимулирования позволяют создать прозрачную систему KPI для Агентов, где вознаграждение напрямую коррелирует с достоверностью экспертных оценок и эффективностью командного взаимодействия.

- 3) снизить транзакционные издержки автоматизированного контроля на основе предложенных условий согласованности и сократить время на административные переговоры и проверку отчетов, что позволяет руководителю проекта (Центру) сосредоточиться на стратегических задачах.

Основная часть

Проводимое исследование было классифицировано на три этапа.

На первом этапе выполнялось освоение теоретического аппарата основ ТАС. Проект ИИАС рассматривался как конечный инновационный продукт, который авторы публикации изучали со стороны сложной активной системы взаимодействия множества участников. Акцент делался на нормативный подход. Фокусировалось внимание на требованиях ГОСТ как к самому процессу проектной деятельности, описывающему обязательных участников проекта, так и к документам, оценивающим качество и функциональность конечного продукта, включая его коммерциализацию. На этом этапе процесса проектирования была выявлена необходимость математического управления ходом согласованного взаимодействия участников, в частности, процессами планирования и координации всех этапов и стадий проекта ИИАС.

На втором этапе было выполнено обоснование необходимости применения аппарата теории игр, в частности, теории коалиционных игр. Игра называется кооперативной,

или коалиционной, если игроки могут объединяться в группы, взяв на себя некоторые обязательства перед другими игроками и координируя свои действия.

Было описано взаимодействие между руководителем ИТ-проекта и его исполнителями и описаны целевые функции каждого участника Проекта (План).

На третьем этапе исследования рассматривалась возможность управления устойчивостью процесса проектирования ИИАС. Была предложена авторская модель, отражающая функционирование участников проекта и оценки стимулирования их возможного взаимодействия между собой с учетом необходимости передачи полезности при достижении показателей целевых функций для новых условий контракта руководителя ИТ-проекта, в случае изменения или уточнения фактических условий выполнения проекта. Представленная модель скоординированного взаимодействия команды инновационного проекта базируется на аппарате кооперативных игр для достижения поставленных целей. Исследование направлено на разработку целевой функции руководителя проекта, обеспечивающей минимизацию затрат за счет использования методов теории игр.

Ниже показаны результаты исследования для процесса проектирования ИИАС. Вся деятельность рассмотрена как Проект ИТ.

Ограничения: процесс рассмотрен на стадии предварительного выявления Затрат на Проект ИТ.

Далее поэтапно рассмотрим результаты исследования.

Этап 1. Применение аппарата ТАС для моделирования взаимодействия участников проектирования. В терминах ТАС, организационная структура, реализующая ИТ-проект по созданию ИИАС, представляет собой двухуровневую иерархическую активную систему. Выделим базовые субъекты данной системы, отражающие управляющее воздействие на управляемые объекты, учитывающие обратную связь как оценку качества управления.

1. Управляющий орган (Центр) — Заказчик, Инвестор или Руководитель ИТ-проекта. Центр обладает финансовыми ресурсами, формирует требования к разрабатываемой системе (вектор метрик качества M_D) и принимает окончательное решение о бюджете проекта. *Глобальная цель Центра* — получить функционирующую ИИАС заданного качества при минимизации совокупных затрат (финансовых и временных).

2. Управляемые субъекты (Агенты) — системный архитектор, аналитик. Агенты непосредственно реализуют процесс проектирования (НИОКР, обучение алгоритмов). Агенты являются *активными элементами* системы: они обладают свойством целенаправленности, собственной функцией полезности и правом выбора своего состояния (уровня сообщаемой информации и прикладываемых усилий). *Цель Агента* — максимизация собственного вознаграждения при минимизации трудозатрат и рисков невыполнения задачи.

Ключевым свойством данной активной системы является информационная асимметрия, которая в ТАС описывается через понятие типа агента (или параметра его состояния). Пусть $r \in \Omega$ — истинный параметр сложности задачи по разработке аналитического модуля ИИАС (зависящий от векторов метрик M_D и M_A , здесь подробно не описанных). Параметр r определяет объективно необходимые затраты труда (человеко-часы) для достижения требуемого качества q . Фундаментальная проблема заключается в том,

что значение r известно только Агенту (после проведения им первичного аудита данных). Центр обладает лишь априорным вероятностным представлением о множестве возможных состояний Ω , но не знает точного значения r .

Рассмотрим теоретико-игровую модель процесса оценки затрат (эффект манипулирования информацией). Процесс планирования бюджета и оценки затрат в традиционных методологиях (например, при использовании экспертных оценок или параметрических моделей, где параметры задаются исполнителями) можно описать как игру с неполной информацией.

Введем базовые переменные математической модели:

— $s \in \Omega$ — оценка сложности (трудоемкости), которую Агент официально сообщает Центру (заявка Агента);

— x — план работ (объем финансирования или выделенного времени), который Центр утверждает для Агента на основе его сообщения s . Функция планирования: $x = \pi(s)$;

— z — вознаграждение Агента (заработная плата, премия), определяемое Центром. Функция стимулирования: $z = f(s, x, y)$, где y — фактический результат работы;

— $c(x, r)$ — функция затрат (усилий) Агента на выполнение плана x при истинной сложности r . Для ИИАС функция $c(x, r)$ монотонно возрастает по x и r .

Целевая функция (функция полезности) Агента U_A в общем виде представляет собой разность между полученным вознаграждением и понесенными затратами усилий:

$$U_A(s, r) = f(s, \pi(s), y) - c(\pi(s), r) \rightarrow \max_s.$$

Целевая функция Центра U_C заключается в максимизации эффекта от внедрения ИИАС $H(y)$ за вычетом выплаченного вознаграждения z :

$$U_C(x, z) = H(y) - f(s, x, y) \rightarrow \max_{\pi, f}.$$

Анализ равновесия в традиционных системах оценки, например, в классической практике управления ИТ-проектами, предполагает, что функция планирования и стимулирования устроена так, что бюджет и вознаграждение Агента монотонно возрастают в зависимости от заявленной им сложности:

$$\frac{\partial \pi(s)}{\partial s} > 0 \text{ и } \frac{\partial f(s)}{\partial s} > 0.$$

Проектирование ИИАС включает разработку алгоритмов ИИ и носит стохастический характер, поэтому Агент стремится застраховать себя от риска моделирования. Решая задачу максимизации своей полезности U_A , Агент выбирает такую стратегию сообщения s^* , при которой:

$$s^* = \operatorname{argmax}_{s \in \Omega} [f(s, \pi(s)) - c(\pi(s), r)].$$

Из свойств функции полезности очевидно, что в традиционных механизмах оптимум достигается при $s^* > r$. То есть Агент преднамеренно сообщает Центру завышенную оценку сложности (требует больше времени, серверов, бюджета). Отметим, что в терминах ТАС этот феномен называется эффектом манипулирования информацией (или проявлением оппортунистического поведения). Разница $\Delta = s^* - r$ представляет собой скрытый резерв (буфер) Агента. Для Центра этот резерв трансформируется в прямые экономические потери (транзакционные издержки асимметрии информации) и необоснованное раздувание бюджета проекта ИИАС.

Этап 2. Применения аппарата коалиционных игр к синтезу механизма управления затратами на Проект ИТ. Постановка задачи. Осознавая активную природу Агентов, Центр не должен пытаться административно «угадать» истинную сложность r (что невозможно из-за отсутствия компетенций в Data Science) или директивно урезать бюджет (что приведет к невыполнению задачи, т. к. Агент откажется работать, если $U_A < 0$).

Центр должен разработать такие правила игры — механизм управления $\Sigma = \langle \pi(\cdot), f(\cdot) \rangle$, — при которых Агенту станет экономически невыгодно обманывать.

Математическая постановка задачи синтеза оптимального механизма метрического обоснования затрат для Центра формулируется как задача оптимизации на множестве допустимых механизмов:

$$\max_{\pi, f} E_r[H(y(\pi(r))) - f(r, \pi(r))]$$

при соблюдении двух фундаментальных ограничений:

1. Условие индивидуальной рациональности — условие участия. Механизм должен обеспечивать Агенту полезность не ниже его резервной (альтернативной) полезности U_0 (например, среднерыночной зарплаты Аналитика и Системного архитектора), иначе Агент покинет проект:

$$U_A(f(s^*), \pi(s^*), r) \geq U_0, \quad \forall r \in \Omega.$$

2. Условие совместимости стимулов — условие согласованности. Это ключевое ограничение механизма. Функция вознаграждения f и функция планирования π должны быть сконструированы таким образом, чтобы сообщение истинной информации ($s = r$) доставляло Агенту глобальный максимум его функции полезности при любом возможном истинном состоянии r :

$$U_A(f(r), \pi(r), r) \geq U_A(f(s), \pi(s), r), \quad \forall s \neq r, \forall r \in \Omega.$$

Если механизм Σ удовлетворяет ограничению IC, он называется механизмом согласованного взаимодействия (или механизмом прямого выявления правды).

Для подтверждения работоспособности разработанной математической модели и демонстрации ее прикладного значения в области управления ИТ-проектами далее приводится расчетный пример на основе реальных метрик трудозатрат.

Для верификации теоретических положений и оценки эффективности предлагаемого механизма (Σ) рассмотрим процесс планирования трудоемкости разработки программного модуля классификации данных в рамках ИИАС. Предположим, что истинная трудоемкость задачи (r), известная исключительно исполнителю (Агенту), составляет 100 чел.ч при ставке оплаты 2 тыс. руб./ч. В условиях традиционного планирования, характеризующегося высокой информационной асимметрией, Агент склонен к проявлению оппортунистического поведения, заявляя прогнозную оценку $S = 150$ ч. Целью такой манипуляции является формирование резерва времени на доработку, что при отсутствии внешнего контроля ведет к неэффективному расходованию бюджета Центра в размере 300 тыс. руб.

При внедрении механизма согласованного взаимодействия вознаграждение Агента (z) определяется через нелинейную функцию стимулирования вида:

$$z = f(s, y) = W - \alpha \cdot (s - y)^2 + \beta \cdot (R_{base} - s).$$

В данной модели параметр W (200 тыс. руб.) соответствует базовой оплате при условии $s = r$, коэффициент $\alpha = 50$ устанавливает штрафные санкции за неточность прогнозирования, а $\beta = 0,5$ определяет долю участия Агента в экономии бюджета относительно априорной оценки Центра R_{base} (150 ч.).

Сравнительный анализ сценариев поведения Агента демонстрирует следующее. В случае манипулирования данными ($s = 150, y = 100$) итоговое вознаграждение, с учетом штрафа за отклонение фактических затрат от заявленных, составит 75 000 руб., что делает стратегию сокрытия резервов экономически нецелесообразной. Напротив, при сообщении истинной информации ($s = 100, y = 100$) Агент получает премию за точность прогноза и участие в экономии, что увеличивает его полезность до 225 тыс. руб.

В табл. 1 представлен сравнительный анализ двух стратегий сценарного поведения Агента.

Таблица 1

Сравнительный анализ двух стратегий сценарного поведения Агента

Параметр / Сценарий	Традиционный подход ($S = 150$)	Согласованный механизм ($S = 100$)
Заявка Агента (S), ч.	150	100
Выплата Агенту (Z), тыс. руб.	75	225
Затраты Центра, тыс. руб.	300	225
Экономия бюджета, %	0	25

Таким образом, сообщение истины становится для исполнителя доминантной стратегией. Эффект для Центра выражается в снижении общих затрат на 25 % (с 300 до 225 тыс. руб.) при одновременном получении достоверных метрик для корпоративной базы знаний.

Этап 3. Обоснование необходимости применения механизмов согласованного взаимодействия для ИИАС. Применение принципов согласованного взаимодействия критически необходимо именно для проектов разработки ИИАС по следующим причинам:

1. Нейтрализация информационной ренты в НИОКР. В разработке алгоритмов машинного обучения разрыв в знаниях между Центром и Агентом максимален. Агент легко может обосновать завышенные затраты необходимостью «дополнительного обучения нейросети». Традиционный аудит кода здесь бессилен. Согласованный механизм (например, механизм открытого управления Буркова или механизм внутренних цен) математически перестраивает систему мотивации так, что премия Агента за экономию бюджета в случае честной оценки превышает выгоду от создания скрытого «буфера» времени.

2. Справедливое распределение стохастических рисков. Разработка ИИАС сопровождается риском ϵ . В классических контрактах весь риск несет Агент, что вынуждает учитывать маржу в оценку s . В контрактах весь риск несет Центр, оплачивая бесконечные исследовательские итерации Агента. Механизмы ТАС позволяют синтезировать контракты с разделением рисков, где функция стимулирования $f(s, x, y)$ нелинейно зависит от точности первоначального прогноза Агента.

3. Выявление объективных метрик для базы знаний. Внедрение согласованных механизмов решает стратегическую задачу ИТ-предприятия. Когда Агенты начинают сообщать истинные оценки $s = r$, Центр получает достоверную статистику о реальной стоимости разработки

различных классов ИИАС (пополняет базу данных метрик M_D, M_A, M_Q). Это позволяет в будущих проектах использовать откалиброванные регрессионные модели для стратегического планирования.

Опираясь на принцип выявления, доказанный в теории механизмов, мы можем утверждать, что для любой игры с неполной информацией, в которой Агенты манипулируют оценками, существует эквивалентный согласованный механизм прямой связи, в котором сообщение правды является равновесием Нэша (или равновесием в доминирующих стратегиях).

В рамках данного исследования, на базе аппарата ТАС был предложен специализированный комплексный механизм метрического обоснования затрат на ИИАС. Его архитектура представлена на рисунке.

Рис. Согласованный механизм прямой связи

В аналитическом виде вышеописанный механизм будет включать следующие блоки:

1. Метрический базис: функцию преобразования векторов сложности данных и алгоритмов $\vec{M}$ в базовую оценку трудоемкости C_{base} .
2. Механизм планирования π : алгоритм распределения задач и бюджетов на основе заявок Агентов с учетом ограничений Центра.

3. Механизм стимулирования (компенсации) f : математическую функцию расчета вознаграждения, которая штрафует Агента за расхождение между заявленной оценкой s , истинной сложностью r (выявляемой апостериорно по косвенным признакам) и фактическим результатом u .

Ниже показаны итоговые результаты исследования. Была исследована деятельность компании, занимающейся проектированием и разработкой ИТ-проектов. Предложена модель управления взаимодействием коллектива исполнителей в процессе реализации проектных задач, обеспечивающая устойчивость системного решения в его новом состоянии при переходе к новым условиям Заказа. Следует отметить, что в таких командах исполнителей заказных проектов деятельность коллектива условно рассматривается с учетом перераспределяемой полезности, где последняя подразумевает возможность перераспределения или передачи выигрыша между членами команды в рамках реализуемого проекта.

Процесс практической имплементации данного механизма в деятельность организации предлагается структурировать в виде трех последовательных этапов, представленных в табл. 2.

В рамках практической реализации авторской модели механизма согласованного взаимодействия между Агентами и Центром при разработке проекта ИИАС следует отметить, что делегирование функций настройки системному архитектору и аналитику для мониторинга хода проектирования руководителю проекта (Центр) позволяет сформировать устойчивый контур обратной связи, превращая статичную модель в самообучающуюся систему управления знаниями команды исполнителей проекта.

Таблица 2

Содержание этапов внедрения механизма согласованного взаимодействия

Этап	Содержание мероприятий	Ответственные субъекты	Целевой результат
I. Регламентация и нормативное обеспечение	Пересмотр KPI, фиксация параметров стимулирования (α, β) в локальных актах	Руководитель ИТ-проекта (Центр)	Нормативно-правовая база, минимизирующая конфликты интересов между Центром и Агентами
II. Инструментально-технологическая интеграция	Настройка ИИАС: конфигурация полей, автоматизация формул расчета, создание инструментов мониторинга трудозатрат	Системный архитектор (Агент)	Единая цифровая среда планирования с обратной связью
III. Апробация и мониторинг	Пилотный запуск, сбор статистики, калибровка коэффициентов и базы знаний историческими данными (R_{base})	Аналитик (Агент)	Снижение информационной асимметрии информации

Выводы

Полученная авторская модель, хотя и опирается на классический аппарат ТАС, имеет ряд принципиальных отличий, обусловленных спецификой ИТ-отрасли. Перечислим основные направления, по которым можно выделить научную новизну авторского подхода:

1. Классические модели часто ориентированы на производственные или организационные системы, где результат ($^{\circ k}$) более материален или линейно зависим от усилий. В авторской модели в центре внимания — интеллектуальный капитал. Состояние исполнителя ($^{\circ k}$) — это не просто «часы работы», а уровень сложности архитектурных решений, или качество кода. Эта модель может учитывать, что вклад одного «звездного» разработчика может быть на порядок выше, чем группы обычных исполнителей (нелинейная полезность).
2. Авторская модель может включать механизмы динамического перераспределения бонусов внутри кросс-

функциональной группы в зависимости от критичности задач на конкретном спринте, т. к. в ИТ-командах преобладает командная ответственность.

3. ИТ-заказы часто требуют освоения новых технологий (стеков). Авторская модель может содержать дополнительную компоненту в функции стимулирования, которая компенсирует затраты на обучение. Это делает участие в рискованном инновационном проекте выгодным для исполнителя.

4. В классической ТАС Центр (директор) максимизирует свою прибыль. В описанном в статье варианте руководитель ИТ-проекта выступает координатором, чья задача — минимизировать затраты при сохранении качества (стабильности кода). Поэтому целевая функция может быть больше ориентирована на долгосрочную устойчивость команды (удержание талантов), а не на разовую прибыль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Morgenstern O. The Collaboration between Oskar Morgenstern and John von Neumann on the Theory of Games // Neumann J. von, Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*: 60th Anniversary Commemorative Edition. Princeton: Princeton University Press, 2007. Pp. 712—726. DOI: 10.1515/9781400829460.712.
2. Hoegl M., Gemuenden H. G. Teamwork Quality and the Success of Innovative Projects: A Theoretical Concept and Empirical Test // *Organization Science*. 2001. Vol. 12. No. 4. Pp. 435—449.
3. Chan H. K. Flexibility or adaptability? Which one is more suitable for distributed supply chain? // 2009 7th IEEE International Conference on Industrial Informatics. IEEE, 2009. Pp. 740—743. DOI: 10.1109/INDIN.2009.51958954.
4. Новиков Д. А. Методология и теория управления. М. : Инфра-М, 2021. 274 с.
5. Бурков В. Н., Еналеев А. К., Коргин Н. А. Согласованность и неманипулируемость механизмов организационного управления: текущее состояние проблемы, ретроспектива, перспективы развития теоретических исследований // *Автоматика и телемеханика*. 2021. № 7. С. 5—37. DOI: 10.31857/S0005231021070023.
6. Гудков А. А., Глухова Л. В. Модель согласованного взаимодействия команды IT-проекта и его экономических последствий // *Наука и бизнес: пути развития*. 2025. № 12(174). С. 134—138.
7. Гудков А. А. Управление знаниями исполнителей проекта при разработке интеллектуальных систем // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2025. № 6(115). С. 40—50.
8. Скитер Н. Н., Кетько Н. В., Симонов А. Б., Хошимжонов А. Р. У. Анализ и оценка влияния асимметрии информации на эффективность инновационной деятельности, с использованием модели, основанной на теории игр // *Евразийское пространство: экономика, право, общество*. 2022. № 4. С. 40—42.
9. Маташева Х. П., Аббасов И. Р. Теория информационных асимметрий в цифровой экономике // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. № 3(156). Т. 14. С. 212—219. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.14.026.
10. Пономарев А. В. Применение теоретико-игровых методов и моделей при проектировании систем масштабных человеко-машинных вычислений // *Управление большими системами*. 2021. Вып. 89. С. 73—105. DOI: 10.25728/ubs.2021.89.3.
11. Enaleev A., Novikov D. Sustainable Control of Active Systems: Decentralization and Incentive Compatibility // *IFAC-PapersOnLine*. 2021. Vol. 54. Iss. 13. Pp. 13—18. DOI: 10.1016/j.ifacol.2021.10.410.
12. Борисов И. А. Адаптированный процессно-статистический подход для оценки ресурсоемкости процессов проектного управления // *Современная математика и концепции инновационного математического образования*. 2024. Т. 11. № 1. С. 157—166. DOI: 10.54965/24129895_2024_11_1_157.
13. Бурков В. Н., Буркова И. В., Коргин Н. А., Щепкин А. В. Модели согласованного комплексного оценивания в задачах принятия решений // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника*. 2020. Т. 20. № 2. С. 5—13. DOI: 10.14529/ctcr200201.
14. Абрамов П. Б., Игнатов Д. В., Шипилова Е. А., Кущев С. С. Оценка трудоемкости моделирования динамики сложных систем // *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. 2022. Т. 84. № 3. С. 276—287. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-276-287.
15. Филиппова О. А., Глухова Л. В., Сыротюк С. Д., Мунирова Ю. С. Реализация трансдисциплинарного подхода в процессе подготовки кадров для смарт-систем // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*. 2024. № 1(53). Т. 2. С. 182—191.
16. Hurwicz L. Optimality and informational efficiency in resource allocation processes // *Studies in Resource Allocation Processes* / eds. K. J. Arrow, L. Hurwicz. Cambridge University Press, 1977. Pp. 393—460. DOI: 10.1017/CBO9780511752940.014.
17. Myerson R. B. Incentive Compatibility and the Bargaining Problem // *Econometrica*. 1979. Vol. 47. No. 1. Pp. 61—73. DOI: 10.2307/1912346.
18. Maskin E. Nash Equilibrium and Welfare Optimality // *The Review of Economic Studies*. 1999. Vol. 66. Iss. 1. Pp. 23—38. DOI: 10.1111/1467-937X.00076.

REFERENCES

1. Morgenstern O. The Collaboration between Oskar Morgenstern and John von Neumann on the Theory of Games. Neumann J. von, Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*, 60th Anniversary Commemorative Edition. Princeton, Princeton University Press, 2007. Pp. 712—726. DOI: 10.1515/9781400829460.712.
2. Hoegl M., Gemuenden H. G. Teamwork Quality and the Success of Innovative Projects: A Theoretical Concept and Empirical Test. *Organization Science*. 2001;12(4):435—449.
3. Chan H. K. Flexibility or adaptability? Which one is more suitable for distributed supply chain?. 2009 7th IEEE International Conference on Industrial Informatics. IEEE, 2009:740—743. DOI: 10.1109/INDIN.2009.51958954.
4. Novikov D. A. Methodology and theory of management. Moscow, Infra-M, 2021. 274 p. (In Russ.)
5. Burkov V. N., Enaleev A. K., Korgin N. A. Incentive Compatibility and Strategy-Proofness of Mechanisms of Organizational Behavior Control: Retrospective, State of the Art, and Prospects of Theoretical Research. *Automation and Remote Control*. 2021;82(7):1119—1143. DOI: 10.1134/S0005117921070018.
6. Gudkov A. A., Glukhova L. V. A model of coordinated interaction of it project team and its economic consequences. *Nauka i biznes: puti razvitiya = Science and business: development ways*. 2025;12(174):134—138. (In Russ.)
7. Gudkov A. A. Knowledge management of project executors in the development of intelligent systems. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2025;6(115):40—50. (In Russ.)
8. Skeeter N. N., Ketko N. V., Simonov A. B., Hoshimjonov A. R. U. Analysis and evaluation of the influence of information asymmetry on the efficiency of innovation activity using a model based on game theory. *Evraziiskoe prostranstvo: ekonomika, pravo, obshchestvo = Eurasian space: economics, law, society*. 2022;4:40—42. (In Russ.)

9. Matasheva Kh. P., Abbasov I. R. Theory of information asymmetries in the digital economy. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;3(156)-14:212—219. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.14.026.
10. Ponomarev A. V. Application of game-theoretic methods and models to the design of large-scale human-machine computing systems. *Upravlenie bol'shimi sistemami = Large-Scale Systems Control*. 2021;89:73—105. (In Russ.) DOI: 10.25728/ubs.2021.89.3.
11. Enaleev A., Novikov D. Sustainable Control of Active Systems: Decentralization and Incentive Compatibility. *IFAC-PapersOnLine*. 2021;54(13):13—18. DOI: 10.1016/j.ifacol.2021.10.410.
12. Borisov I. A. An adapted process-statistical approach for evaluating the resource intensity of project management processes. *Sovremennaya matematika i kontseptsii innovatsionnogo matematicheskogo obrazovaniya*. 2024;11(1):157—166. (In Russ.) DOI: 10.54965/24129895_2024_11_1_157.
13. Burkov V. N., Burkova I. V., Korgin N. A., Shchepkin A. V. Models for coordinated integrated assessment in decision-making problems. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika = Bulletin of the South Ural state university. Computer technologies, automatic control, radio electronics*. 2020;20(2):5—13. (In Russ.) DOI: 10.14529/ctcr200201.
14. Abramov P. B., Ignatov D. V., Shipilova E. A., Kushev S. S. Evaluation of the complexity of modeling the dynamics of complex systems. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2022;84(3):276—287. (In Russ.) DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-276-287.
15. Filippova O. A., Glukhova L. V., Syrotiuk S. D., Munirova Yu. S. Realization of transdisciplinary approach in the process of training staff for smart systems. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2024;1(53)-2:182—191. (In Russ.)
16. Hurwicz L. Optimality and informational efficiency in resource allocation processes. *Studies in Resource Allocation Processes*. K. J. Arrow & L. Hurwicz (eds.). Cambridge University Press, 1977. Pp. 393—460. DOI: 10.1017/CBO9780511752940.014.
17. Myerson R. B. Incentive Compatibility and the Bargaining Problem. *Econometrica*. 1979;47(1):61—73. DOI: 10.2307/1912346.
18. Maskin E. Nash Equilibrium and Welfare Optimality. *The Review of Economic Studies*. 1999;66(1):23—38. DOI: 10.1111/1467-937X.00076.

Статья поступила в редакцию 02.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 02.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 330.47:004.8
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1653

Maria Aleksandrovna Elovskaya
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theoretical
and Applied Economics,
Siberian University of Consumer Cooperation
Novosibirsk, Russian Federation
Maria_bars@mail.ru

Vladimir Aleksandrovich Plotnikov
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of General Economic Theory
and History of Economic Thought,
St. Petersburg State
University of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
plotnikov.v@unecon.ru

Мария Александровна Еловская
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры теоретической
и прикладной экономики,
Сибирский университет потребительской кооперации
Новосибирск, Российская Федерация
Maria_bars@mail.ru

Владимир Александрович Плотников
д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры общей экономической теории
и истории экономической мысли,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
plotnikov.v@unecon.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ИННОВАЦИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена теоретическому и эмпирическому анализу трансформации экономической системы Российской Федерации под влиянием цифровых инноваций в контексте четвертой промышленной революции. Актуальность исследования обусловлена необходимостью количественной оценки нелинейных эффектов цифровизации, в частности существованием порогового уровня цифровой зрелости, после которого отдача от внедрения технологий мультипликативно возрастает. Цель работы — теоретико-методологическое обоснование и эмпирическая верификация модели влияния цифровых инноваций на производительность труда. Исследование выполнено на материалах 85 субъектов Российской Федерации за 2014—2024 гг. Методологическая база включает концепции технологических укладов, диффузии инноваций и эконометрические методы анализа панельных данных, включая модели с фиксированными эффектами и пороговую регрессию Хансена. Научная новизна полученных результатов заключается в идентификации и верификации порогового значения интегрального индекса цифровой зрелости региона, равного 0,48 (по шкале от 0 до 1). При преодолении данного порога коэффициент влияния цифровых инноваций на производительность труда возрастает в 2,5—3,5 раза. Результаты эконометрического моделирования показывают, что наибольший потенциал

повышения эффективности имеет внедрение технологий искусственного интеллекта: коэффициент эластичности составляет 0,21 для всей выборки и достигает 0,31 для регионов с высоким уровнем цифровой зрелости. Теоретическая значимость работы состоит в развитии теории цифровой трансформации экономических систем через введение и обоснование понятия «порог цифровой зрелости» как количественной характеристики, разделяющей режимы линейного и мультипликативного влияния инноваций. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных выводов для корректировки региональных стратегий цифрового развития. Для регионов с индексом ниже 0,48 приоритетными должны стать меры по созданию базовой цифровой инфраструктуры и формированию цифровых компетенций населения, тогда как для регионов, преодолевших порог, целесообразно смещение акцентов на внедрение искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных в ключевых отраслях.

Ключевые слова: цифровые инновации, цифровая трансформация, искусственный интеллект, экономический рост, производительность труда, панельные данные, пороговые эффекты, региональная экономика, сквозные технологии, эконометрическое моделирование, цифровая зрелость

Для цитирования: Еловская М. А., Плотников В. А. Трансформация экономических систем под влиянием цифровых инноваций: теоретические и прикладные аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 22—27. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1653.

Original article

TRANSFORMATION OF ECONOMIC SYSTEMS UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL INNOVATIONS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article provides a theoretical and empirical analysis of the transformation of the Russian economic system under the influence of digital innovations in the context of the fourth industrial revolution. The relevance of the study lies in the need to quantitatively assess the nonlinear effects of digitalization, in particular, the existence of a threshold level of digital maturity, after which the returns on technology implementation increase multiplicatively. The aim of the study is to provide a theoretical and methodological substantiation and empirical verification of a model of the impact of digital innovations on labor productivity. The study was conducted using data from 85 constituent entities of the Russian Federation for the period 2014–2024. The methodological framework incorporates the concepts of technological paradigms, innovation diffusion, and econometric methods of panel data analysis, including fixed-effects models and Hansen threshold regression. The scientific novelty of the results obtained lies in the identification and verification of the threshold value of the integrated index of regional digital maturity, equal to 0.48 (assessed on a scale from 0 to 1). Upon crossing this threshold, the impact of digital innovation on labor productivity increases by 2.5–3.5 times.

Econometric modeling results show that the greatest potential for efficiency gains comes from the implementation of artificial intelligence technologies: the elasticity coefficient is 0.21 for the entire sample and reaches 0.31 for regions with a high level of digital maturity. The theoretical significance of this study lies in developing a theory of the digital transformation of economic systems by introducing and substantiating the concept of the digital maturity threshold as a quantitative characteristic distinguishing between the linear and multiplicative impacts of innovation. The practical significance of this study lies in the potential use of the findings to adjust regional digital development strategies. For regions with the index below 0.48, priority should be given to measures to create basic digital infrastructure and develop digital competencies among the population, while for regions that have crossed this threshold, a shift in emphasis to the implementation of artificial intelligence and big data processing technologies in key industries is advisable.

Keywords: digital innovations, digital transformation, artificial intelligence, economic growth, labor productivity, panel data, threshold effects, regional economy, cross-cutting technologies, econometric modeling, digital maturity

For citation: Elovskaya M. A., Plotnikov V. A. Transformation of economic systems under the influence of digital innovations: theoretical and applied aspects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75): 22—27. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1653.

Введение

Современный этап экономического развития характеризуется беспрецедентной скоростью внедрения цифровых технологий во все сферы хозяйственной деятельности [1; 2]. Цифровые инновации, к числу которых относятся искусственный интеллект, интернет вещей, облачные вычисления, технологии распределенных реестров и обработки больших данных и др., формируют новую технологическую парадигму, получившую в научной литературе название «Индустрия 4.0» [3; 4]. Указанные изменения затрагивают не только отдельные предприятия и отрасли, но и экономические системы более высокого порядка — национальные и региональные хозяйственные комплексы, трансформируя сложившиеся механизмы создания, распределения и присвоения стоимости (ценности) [5; 6].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления глубины и направленности трансформационных процессов, инициируемых цифровыми инновациями, а также разработки количественного инструментария для оценки их влияния на ключевые макроэкономические показатели [7; 8]. Несмотря на обилие работ, посвященных цифровой экономике, многие аспекты ее исследования остаются дискуссионными [9—11]. В частности, недостаточно изучен вопрос о существовании нелинейных (пороговых) эффектов цифровизации, при которых отдача от внедрения цифровых технологий возрастает лишь после достижения определенного уровня цифровой зрелости экономической системы.

Изученность проблемы. Проблематика цифровой трансформации экономических систем находится в фокусе внимания как зарубежных, так и отечествен-

ных исследователей. Среди зарубежных ученых значительный вклад в изучение этой проблематики внесли К. Шваб [12], обосновавший концепцию Четвертой промышленной революции, Н. Негропonte [3], предложивший метафору перехода от атомов к битам в рамках процессов всеобъемлющих цифровых преобразований, Э. Роджерс [4], разработавший теорию диффузии инноваций, Д. Тапскотт [13], впервые системно описавший экономику цифровых сетей.

В российской науке фундаментальные подходы к смене технологических укладов разработаны и введены в оборот С. Ю. Глазьевым [14]. Современные аспекты влияния цифровизации на региональную экономику исследуют Д. Е. Бекбергенова [1], Е. А. Боркова и А. Г. Бездудная [5], Л. В. Ватлина и В. А. Плотников [2] и мн. др. Проблемы макроэкономической политики в эпоху активного использования цифровых технологий поднимаются в работах Е. Б. Дондовой и Д. Д. Очирова [7], В. А. Плотникова и И. В. Герсонской [8] и др.

Дискуссионные аспекты терминологии цифровой экономики анализируют У. Ю. Блинова и Н. К. и Д. Ю. Рожковы [9]; политические и социальные вызовы цифровизации рассматривает И. В. Данилин [10]; роль сектора информационно-коммуникационных технологий в обеспечении устойчивого развития экономики раскрыта в работе М. А. Еловской [6]. Вместе с тем, несмотря на обилие публикаций, рассматривающих смежные с заявленной темой авторской статьи вопросы, проблема количественной оценки пороговых эффектов цифровизации на уровне регионов остается недостаточно разработанной.

Большинство исследований ограничивается констатацией наличия положительной корреляции между распространением цифровых технологий и экономическим ростом, не выявляя конкретных пороговых значений, после которых эффект усиливается мультипликативно. **Целесообразность разработки темы** обусловлена необходимостью преодоления разрыва между качественными описаниями цифровой трансформации и количественными инструментами ее измерения, особенно в региональном разрезе, где неравномерность цифрового развития наиболее выражена.

Целью настоящей статьи является теоретико-методологическое обоснование и эмпирическая верификация модели влияния цифровых инноваций на трансформацию экономических систем (на примере регионов Российской Федерации). Для достижения указанной цели решены следующие **задачи**: систематизированы подходы к классификации цифровых инноваций по степени их трансформационного воздействия; разработана эконометрическая модель панельных данных для оценки влияния внедрения цифровых технологий на производительность труда; выполнены расчеты по 85 субъектам Российской Федерации за 2014—2024 гг.; идентифицированы пороговые значения уровня цифровизации, при которых эффект от внедрения цифровых инноваций возрастает мультипликативно.

Научная новизна работы заключается в идентификации и эмпирической верификации порогового значения интегрального индекса цифровой зрелости региона (0,48 по шкале от 0 до 1), при преодолении которого коэффициент влияния цифровых инноваций на производительность труда возрастает в 2,5—3,5 раза. В отличие от существующих исследований, в работе впервые на панельных данных по 85 субъектам Российской Федерации количественно доказано существование нелинейного порогового эффекта цифровизации, что позволяет перейти от констатации корреляции к выявлению причинно-следственных связей с учетом стадии цифровой зрелости территории.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии теории цифровой трансформации экономических систем за счет введения и обоснования понятия «порог цифровой зрелости» как количественной характеристики, разделяющей режимы линейного и мультипликативного влияния цифровых инноваций на экономический рост.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов для корректировки региональных стратегий цифровой трансформации. Для регионов, не достигших порогового значения (индекс менее 0,48), приоритетными должны стать меры по созданию базовой цифровой инфраструктуры и формированию цифровых компетенций населения. Для регионов, преодолевших порог, целесообразно смещение акцентов на внедрение технологий искусственного интеллекта и больших данных в ключевых отраслях экономики.

Основная часть

Методология исследования. Теоретической основой исследования послужили концепции технологических укладов [14], диффузии инноваций [4], а также современные подходы к анализу цифровой экономики и экономики данных. Методологический аппарат исследования включает методы анализа и синтеза, систематизации и классификации, а также эконометрические методы анализа панельных данных (модели с фиксированными эффектами, модели с пороговыми эффектами Хансена).

Информационная база исследования охватывает 85 субъектов Российской Федерации за 2014—2024 гг. Формирование панели данных позволило увеличить число наблюдений до 935, что повышает состоятельность и эффективность полученных оценок расчетных параметров. Основные источники информации: данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, а также результаты авторских расчетов.

В качестве зависимой переменной выбран показатель производительности труда, измеряемый как отношение валового регионального продукта к численности занятых в экономике региона (тыс. руб. / чел. в постоянных ценах 2014 г.). В качестве ключевых независимых переменных, характеризующих уровень внедрения цифровых инноваций, использованы:

- доля организаций, использующих технологии искусственного интеллекта (X_1 , %);
- доля организаций, использующих облачные сервисы (X_2 , %);
- доля организаций, использующих технологии сбора и анализа больших данных (X_3 , %);
- доля организаций, имеющих веб-сайт (X_4 , %).

Указанные показатели отражают распространенность сквозных цифровых технологий в реальном секторе экономики.

Для проверки гипотезы о нелинейном характере влияния цифровых инноваций на экономику использована модель панельной регрессии с пороговыми эффектами (*threshold panel regression*), предложенная Б. Хансеном [15]. Данная модель позволяет оценить, при каком уровне пороговой переменной (в качестве которой выбран интегральный индекс цифровой зрелости региона, рассчитанный по авторской методике) происходит изменение коэффициента влияния цифровых инноваций на производительность труда.

Результаты исследования. Предварительный корреляционный анализ выявил наличие устойчивой положительной связи между показателями внедрения цифровых технологий и производительностью труда (табл. 1). Наиболее тесная связь наблюдается для показателя «доля организаций, использующих технологии искусственного интеллекта» (коэффициент корреляции Пирсона $r = 0,74$, $p < 0,001$). Данный факт подтверждает значимость искусственного интеллекта как драйвера повышения эффективности использования трудовых ресурсов.

Таблица 1

Корреляционная матрица показателей цифровизации и производительности труда ($n = 935$)

Показатель	X_1	X_2	X_3	X_4	Производительность труда
X_1 (Искусственный интеллект)	1,00	—	—	—	—
X_2 (Облачные сервисы)	0,68	1,00	—	—	—
X_3 (Большие данные)	0,72	0,65	1,00	—	—
X_4 (Веб-сайт)	0,54	0,59	0,51	1,00	—
Производительность труда	0,74	0,59	0,67	0,42	1,00

Примечание: рассчитано М.А. Еловской по данным Росстата.

Для количественной оценки влияния цифровых инноваций на производительность труда построена панельная регрессионная модель с фиксированными эффектами. Спецификация модели имеет следующий вид:

$$LP_{it} = \alpha + \beta_1 \ln(X_{1it}) + \beta_2 \ln(X_{2it}) + \beta_3 \ln(X_{3it}) + \beta_4 \ln(X_{4it}) + \gamma Z_{it} + \mu_i + \lambda_t + \varepsilon_{it},$$

где LP_{it} — натуральный логарифм производительности труда в регионе i в году t ;
 $\alpha, \beta_1, \beta_2, \beta_3, \beta_4$ — коэффициенты модели;
 $X_{1it}, X_{2it}, X_{3it}, X_{4it}$ — показатели внедрения цифровых технологий (см. табл. 1) в регионе i в году t ;
 Z_{it} — вектор контрольных переменных (уровень образования населения, доля инвестиций в основной капитал);
 μ_i — индивидуальные фиксированные эффекты регионов;
 λ_t — временные фиксированные эффекты;
 ε_{it} — случайная ошибка.
Результаты оценивания модели представлены в табл. 2.

Все коэффициенты при переменных, характеризующих цифровые инновации, являются положительными и статистически значимыми ($p < 0,05$). Наибольший коэффициент эластичности зафиксирован для переменной $X1$ (внедрение искусственного интеллекта): увеличение доли организаций, использующих искусственный интеллект, на 1 % приводит к росту производительности труда в среднем на 0,21 % при прочих равных условиях.

Для проверки гипотезы о нелинейном характере влияния цифровизации использована модель с пороговыми эффектами. В качестве пороговой переменной выбран интегральный индекс цифровой зрелости региона ($I_{цз}$), рассчитанный как средневзвешенная величина показателей $X1$ — $X4$. Оцененное значение порога составило $I_{цз} = 0,48$. Указанная величина разделяет выборку на две группы регионов:

- группа А: регионы с низким уровнем цифровой зрелости ($I_{цз} \leq 0,48$);
 - группа Б: регионы с высоким уровнем цифровой зрелости ($I_{цз} > 0,48$).
- В табл. 3 представлены оценки коэффициентов.

Таблица 2

Результаты оценивания панельной регрессионной модели
[зависимая переменная: $\ln(\text{производительность труда})$]

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	p-value
Константа	7,843	0,421	18,63	< 0,001
$\ln(X1)$ — Искусственный интеллект	0,214	0,038	5,63	< 0,001
$\ln(X2)$ — Облачные сервисы	0,126	0,032	3,94	< 0,001
$\ln(X3)$ — Большие данные	0,158	0,041	3,85	< 0,001
$\ln(X4)$ — Веб-сайт	0,087	0,029	3,00	0,003
Уровень образования	0,156	0,045	3,47	0,001
Инвестиции в основной капитал	0,132	0,037	3,57	< 0,001

Примечание: R^2 «внутри» = 0,71; R^2 «между» = 0,62; R^2 «общий» = 0,65; F-статистика = 167,3 ($p < 0,001$). Стандартные ошибки устойчивы к гетероскедастичности; рассчитано М. А. Еловской по данным Росстата.

Таблица 3

Оценка пороговой панельной регрессионной модели

Переменная	Группа А ($I_{цз} \leq 0,48$)	Группа Б ($I_{цз} > 0,48$)
$\ln(X1)$ — Искусственный интеллект	0,087** (0,034)	0,312*** (0,042)
$\ln(X2)$ — Облачные сервисы	0,052 (0,031)	0,189*** (0,038)
$\ln(X3)$ — Большие данные	0,064* (0,037)	0,243*** (0,045)
Контрольные переменные	Включены	Включены
Количество наблюдений	412	523

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$. В скобках указаны стандартные ошибки; рассчитано М. А. Еловской по данным Росстата.

Анализ данных, представленных в табл. 3, позволяет сделать следующие выводы. В регионах с низким уровнем цифровой зрелости влияние цифровых инноваций на производительность труда является статистически значимым, однако величины коэффициентов невысоки. В регионах, преодолевших пороговое значение 0,48, эффект от внедрения цифровых технологий возрастает в 2,5—3,5 раза. Указанная закономерность подтверждает гипотезу о существовании нелинейного (порогового) эффекта цифровизации.
Для углубленного анализа различий между группами регионов, выделенными на основе порогового значения индекса цифровой зрелости ($I_{цз} = 0,48$), были сопоставлены ключевые характеристики регионов, входящих в группу А (низкий уровень цифровизации) и группу Б (высокий уровень цифровизации). Расчеты выполнены на основе данных Росстата на 2024 г. Их результаты приведены в табл. 4.

Анализ данных, представленных в табл. 4, позволяет сделать следующие выводы. Регионы, преодолевшие пороговое значение индекса цифровой зрелости (группа Б), статистически значимо превосходят регионы группы А по всем ключевым показателям цифровизации и инновационной активности. Разница в производительности труда составляет 164,9 тыс. руб./чел. (34 % относительно группы А). Наиболее существенны различия в инновационной активности: уровень инновационной активности в группе Б (13,2%) почти вдвое выше, чем в группе А (6,7 %), а доля организаций, осуществлявших технологические инновации, выше на 11,3 процентных пункта. Затраты на инновационную деятельность и объем инновационной продукции в расчете на один регион в группе Б превышают показатели группы А в 3—3,5 раза.

Таблица 4

Характеристика групп регионов по уровню цифровой зрелости (2024 г., средние значения по группам)

Показатель	Группа А ($I_{цз} \leq 0,48$)	Группа Б ($I_{цз} > 0,48$)	Разница (Б – А)
Интегральный индекс цифровой зрелости ($I_{цз}$)	0,38	0,61	+0,23***
Производительность труда, тыс. руб./чел.	485,3	650,2	+164,9***
Доля организаций, имевших веб-сайт, %	43,2	51,7	+8,5***
Доля организаций, использовавших электронный документооборот, %	48,9	58,3	+9,4***
Уровень инновационной активности организаций, %	6,7	13,2	+6,5***
Доля организаций, осуществлявших технологические инновации, %	14,8	26,1	+11,3***
Затраты на инновационную деятельность, млн руб. (в среднем на регион)	12 845,6	38 217,4	+25 371,8**
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб. (в среднем на регион)	28 439,2	96 427,5	+67 988,3**
Количество регионов в группе	41	44	–

Примечание: *** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$ (по t -критерию Стьюдента для независимых выборок); рассчитано М. А. Еловской по данным Росстата.

Полученные результаты подтверждают основной вывод о наличии нелинейного порогового эффекта цифровизации. Регионы, достигшие индекса цифровой зрелости выше 0,48, характеризуются не только более высокой отдачей от внедрения цифровых технологий (как показано в табл. 3), но и в целом более высоким уровнем инновационного развития экономики, что создает основу для дальнейшего мультипликативного роста производительности труда.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Цифровые инновации являются не просто технологическим, а системообразующим фактором трансформации экономических систем. Их влияние проявляется через изменение конфигурации производственных отношений, перераспределение ролей между участниками рынка и формирование новых механизмов создания ценности на основе данных.
2. Предложенная классификация цифровых инноваций по степени глубины трансформационного воздействия (базовые, сквозные и прорывные) позволяет дифференцировать управленческие подходы к их внедрению в зависимости от стадии цифровой зрелости экономической системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бекбергенова Д. Е. Модель процесса цифровизации региональной экономики // Вестник Самарского муниципального института управления. 2020. № 4. С. 17—22.
2. Ватлина Л. В., Плортников В. А. Цифровизация и инновационное развитие экономики // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 1(139). С. 106—113.
3. Negroponte N. Being Digital. New York : Knopf, 1995. viii, 243 p.
4. Rogers E. Diffusion of Innovations. New York : Free Press, 2003. 512 p.
5. Боркова Е. А., Бездудная А. Г. Оценка дифференциации в развитии регионов России в контексте достижения целей устойчивого развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 8(161). Т. 1. С. 109—118. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2025.08.01.012.
6. Еловская М. А. Цифровые инновации и трансформация современной экономики: роль сектора ИКТ в обеспечении ее устойчивости // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 2(152). С. 13—20.
7. Дондокова Е. Б., Очиров Д. Д. Новые вызовы и проблемы в макроэкономической политике Российской Федерации в эпоху digital-технологий // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2025. № 1. С. 72—80. DOI: 10.18101/2304-4446-2025-1-72-80.
8. Плортников В. А., Герсонская И. В. Государственная политика цифровой трансформации: экономика данных // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 3(153). С. 95—99.
9. Блинова У. Ю., Рожкова Н. К., Рожкова Д. Ю. Цифровая экономика: терминологический дискурс // Вестник университета. 2022. № 1. С. 82—88. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-82-88.
10. Данилин И. В. Политические и социальные вызовы развития цифровой экономики: опыт КНР // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 25—39. DOI: 10.31429/26190567-19-4-25-39.

11. Левчаев П. А. Цифровая экономика как будущее нашей жизни // Russian Journal of Management. 2017. Т. 5. № 4. С. 515—523. DOI: 10.29039/article_5a5df35550f2d6.65514969.
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2019. 288 с.
13. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York : McGraw-Hill, 1996. xviii, 342 p.
14. Глазьев С. Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М. : Книжный мир, 2018. 768 с.
15. Hansen B. E. Threshold effects in non-dynamic panels: Estimation, testing and inference // Journal of Econometrics. 1999. Vol. 93. No. 2. Pp. 345—368. DOI: 10.1016/S0304-4076(99)00025-1.

REFERENCES

1. Bekbergeneva D. E. Model of the regional economy digitalization process. *Vestnik Samarskogo munitsipal'nogo instituta upravleniya = Bulletin of the Samara municipal institute of management*. 2020;4:17—22. (In Russ.)
2. Vatilina L. V., Plotnikov V. A. Digitalization and innovative development of the economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2023;1(139):106—113. (In Russ.)
3. Negroponte N. Being Digital. New York, Knopf, 1995. viii + 243 p.
4. Rogers E. Diffusion of Innovations. New York, Free Press, 2003. 512 p.
5. Borkova E. A., Bezdednaya A. G. Assessment of differentiation in the development of Russian regions in the context of achieving the sustainable development goals. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;8(161)-1:109—118. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.08.01.012.
6. Elovskaya M. A. Digital innovation and transformation of modern economics: the role of the ICT sector in ensuring sustainability. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2025;2(152):13—20. (In Russ.)
7. Dondokova E. B., Ochirov D. D. New challenges and problems in Russian macroeconomic policy in the era of digital technologies. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*. 2025;1:72—80. (In Russ.) DOI: 10.18101/2304-4446-2025-1-72-80.
8. Plotnikov V. A., Gersonskaya I. V. Government policy for digital transformation: the data economy. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2025;3(153):95—99. (In Russ.)
9. Blinova U. Yu., Rozhkova N. K., Rozhkova D. Yu. Digital economy: terminological discourse. *Vestnik Universiteta*. 2022;1:82—88. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2022-1-82-88.
10. Danilin I. V. Political and social challenges of digital economics development: case of China. *Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk = South-Russian journal of social sciences*. 2018;19(4):25—39. (In Russ.) DOI: 10.31429/26190567-19-4-25-39.
11. Levchaev P. The digital economy as the future of our lives. *Russian Journal of Management*. 2017;5(4):515—523. (In Russ.) DOI: 10.29039/article_5a5df35550f2d6.65514969.
12. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow, Eksmo, 2019. 288 p. (In Russ.)
13. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York, McGraw-Hill, 1996. xviii + 342 p.
14. Glaz'ev S. Yu. A Leap into the future. Russia in the new technological and world economic orders. Moscow, Knizhnyi mir, 2018. 768 p. (In Russ.)
15. Hansen B. E. Threshold effects in non-dynamic panels: Estimation, testing and inference. *Journal of Econometrics*. 1999;93(2):345—368. DOI: 10.1016/S0304-4076(99)00025-1.

Статья поступила в редакцию 02.05.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.
The article was submitted 02.05.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Научная статья
УДК 331.108
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1651

Vladimir Petrovich Zhukovsky
Doctor of Pedagogy, Professor,
Vice-Rector,
Moscow Institute of Economics
Moscow, Russian Federation
vl0971@mail.ru

Nikolay Nikolaevich Gubachev
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of Management,
Kosygin State
University of Russia
Moscow, Russian Federation
gubachev-nn@rguk.ru

Владимир Петрович Жуковский
д-р пед. наук, профессор,
проректор,
Московский экономический институт
Москва, Российская Федерация
vl0971@mail.ru

Николай Николаевич Губачев
канд. филос. наук, доцент,
заведующий кафедрой управления,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
gubachev-nn@rguk.ru

КОРПОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ КАПИТАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ОРГАНИЗАЦИИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматривается корпоративное обучение как один из ключевых механизмов капитализации человеческих ресурсов организации. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях цифровой трансформации, кадрового дефицита, ускоренного обновления технологий и роста неопределенности именно качество внутренних образовательных практик определяет способность компании накапливать и эффективно использовать человеческий капитал. Цель работы состоит в раскрытии теоретических и прикладных аспектов корпоративного обучения как инструмента повышения ценности человеческих ресурсов организации, а также в выявлении условий, при которых обучение становится фактором роста организационной результативности. В исследовании использованы методы сравнительного анализа, обобщения научной литературы, систематизации подходов, анализа открытых отчетов международных и российских организаций, а также логико-структурный метод. Показано, что корпоративное обучение обеспечивает капитализацию человеческих ресурсов не автоматически, а при наличии системной связи между образовательными программами, компетентностной

моделью, карьерными траекториями и стратегическими целями бизнеса. Установлено, что наиболее результативны персонализированные, практико-ориентированные и цифровые форматы обучения, включающие наставничество, проектную работу, микрообучение и аналитику результатов. Отдельно подчеркнута роль управленческой поддержки и регулярной оценки эффективности обучения как условий устойчивого переноса знаний в практику. Сделан вывод о том, что корпоративное обучение следует рассматривать не как затратную функцию, а как инвестиционный и стратегический актив, влияющий на производительность, инновационную активность, удержание персонала и устойчивость организации. Предложены авторские рекомендации по усилению связи между обучением, оценкой компетенций и управлением карьерой работников, а также по развитию внутренних образовательных экосистем.

Ключевые слова: корпоративное обучение, человеческие ресурсы, человеческий капитал, капитализация, компетенции, развитие персонала, обучение взрослых, организационное обучение, наставничество, цифровизация обучения, инвестиции в персонал, кадровая стратегия

Для цитирования: Жуковский В. П., Губачев Н. Н. Корпоративное обучение как инструмент капитализации человеческих ресурсов организации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 28—33. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1651.

Original article

CORPORATE TRAINING AS A TOOL FOR CAPITALIZING THE ORGANIZATION'S HUMAN RESOURCES

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article examines corporate training as one of the key mechanisms for capitalizing an organization's human resources. The relevance of the study is due to the fact that in the context of digital transformation, staff shortages, accelerated technology updates, and increased uncertainty,

it is the quality of internal educational practices that determines a company's ability to accumulate and effectively utilize human capital. The purpose of the work is to reveal the theoretical and applied aspects of corporate training as a tool for increasing the value of an organization's human resources,

as well as to identify the conditions under which training becomes a factor in increasing organizational performance. The study uses methods of comparative analysis, generalization of scientific literature, systematization of approaches, analysis of open reports from international and Russian organizations, and the logic-structural method. It is shown that corporate training does not automatically capitalize human resources, but rather requires a systematic connection between educational programs, competency models, career paths, and strategic business goals. It is established that personalized, practice-oriented, and digital learning formats, including mentoring, project work, microlearning, and results analytics, are the most effective. The role of managerial support and regu-

lar evaluation of learning effectiveness as conditions for sustainable knowledge transfer is highlighted. It is concluded that corporate training should be viewed not as a cost-intensive function, but as an investment and strategic asset that affects productivity, innovation, staff retention, and organizational sustainability. The article provides author's recommendations for strengthening the connection between training, competency assessment, and career management, as well as for developing internal educational ecosystems.

Keywords: corporate training, human resources, human capital, capitalization, competencies, staff development, adult training, organizational training, mentoring, digitalization of training, investment in staff, personnel strategy

For citation: Zhukovsky V. P., Gubachev N. N. Corporate training as a tool for capitalizing the organization's human resources. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):28—33. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1651.

Введение

Актуальность темы определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, рост технологической сложности работы требует от персонала непрерывного обновления компетенций. Во-вторых, кадровый дефицит заставляет компании развивать сотрудников внутри организации, а не рассчитывать на внешний рынок труда. В-третьих, развитие цифровых инструментов позволяет организовать обучение более гибко, персонализировано и экономически оправданно. В-четвертых, в 2022—2025 гг. международные и российские исследования зафиксировали усиление спроса на аналитику, цифровые навыки, адаптивность и способность к обучению в течение всей жизни.

Изученность проблемы. Теоретический фундамент исследования базируется на классических концепциях человеческого капитала и стратегического управления. основополагающий вклад в понимание долгосрочных инвестиций в работника внес Г. Беккер, обосновавший, что обучение является формой наращивания капитала, приносящей отдачу как индивиду, так и компании [1]. Развитие этой идеи в контексте вызовов экономики знаний представлено в трудах П. Друкера, который определил способность организации превращать знания в результат как ключевой фактор производительности в XXI в. [2].

Вопросы управления человеческими ресурсами и их стратегического значения для современной организации получили детальное освещение в работах И. Ш. Нанавой и М. М. Минкаиловой, рассматривающих персонал как специфический капитал [3]. Теоретико-методологические аспекты исследования человеческого капитала в современных условиях развиваются в публикациях П. И. Ананченковой и В. В. Тонконог [4].

Особое внимание в литературе уделяется корпоративному обучению как прикладному инструменту развития организации. Общие вопросы профессионального обучения и развития сотрудников систематизированы в Р. А. Ное с соавторами [5]. Специфика корпоративного обучения как инструмента управления человеческими ресурсами исследуется в трудах Е. В. Мореевой с соавторами [6].

Значимый вклад в изучение практических аспектов влияния образовательных программ на эффективность и капитализацию компаний внесли В. В. Тонконог и П. И. Ананченкова, проанализировавшие зарубежный опыт [7] и отечественные практики [8]. Роль профессио-

нального обучения в развитии капитала коммерческих организаций отражена в исследованиях Л. Э. Журавлевой, Т. А. Левочкиной и А. А. Панасюк [9], а также Н. О. Ковалева [10]. Эффективность функционирования предприятия через развитие человеческих ресурсов обосновывается в работах Т. Н. Тимченко, В. В. Тонконог и П. И. Ананченковой [11].

Процессы цифровой трансформации и их влияние на рынок труда и формы обучения рассматриваются в трудах М. А. Бякерева, В. В. Тонконог и А. В. Кончакова [12]. Современные модели корпоративного образования и их роль в обеспечении кадровой готовности анализируются в работах S. Y. Sung и J. N. Choi [13].

Важность институциональной среды и корпоративной культуры для реализации потенциала человеческих ресурсов подчеркивают А. Х. Алиева, Н. М. Плиева и Н. З. Зелимханова [14]. Проблема оценки результативности образовательных инвестиций решается с опорой на классическую четырехуровневую модель Д. Киркпатрик [15].

Целесообразность разработки темы. Обзор литературы показывает, что, несмотря на высокую степень изученности отдельных аспектов, проблема комплексной капитализации человеческих ресурсов через систему корпоративного обучения в условиях динамично меняющегося рынка труда 2024—2026 гг. требует дополнительного научного осмысления и уточнения механизмов ее реализации.

Научная новизна статьи заключается в том, что корпоративное обучение рассматривается как многоуровневый инструмент капитализации человеческих ресурсов, действующий одновременно через три канала: рост компетентности работников, усиление их вовлеченности и создание внутреннего кадрового резерва. Предлагается авторская трактовка капитализации человеческих ресурсов как процесса накопления, преобразования и использования знаний, навыков и поведенческих моделей работников таким образом, чтобы они увеличивали стоимость организационного результата.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании корпоративного обучения как инструмента капитализации человеческих ресурсов организации и в выявлении условий его результативности.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**: раскрыть сущность корпоративного обучения в системе управления человеческими ресурсами; определить основные механизмы капитализации человеческих ресурсов

посредством обучения; проанализировать современные модели корпоративного обучения; выявить факторы эффективности образовательных практик; сформулировать авторские выводы и предложения по совершенствованию корпоративного обучения.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии понятийного аппарата исследований человеческого капитала и корпоративного обучения.

Практическая значимость заключается в возможности использования выводов статьи при разработке программ обучения, моделей компетенций, кадровых стратегий и систем оценки эффективности инвестиций в персонал.

Основная часть

Методология исследования. В качестве теоретической базы использованы работы зарубежных и отечественных авторов по проблемам обучения взрослых, инвестиций в персонал, развития компетенций и корпоративного обучения. Эмпирическую основу составили открытые статистические и аналитические материалы международных организаций, отчеты о состоянии рынка труда и навыков, а также публикации 2022—2025 гг., посвященные трансформации корпоративного обучения. Методологически исследование включает сравнительный анализ, позволивший сопоставить различные подходы к пониманию корпоративного обучения; логико-структурный метод, использованный для выстраивания причинно-следственных связей между обучением и капитализацией человеческих ресурсов; метод обобщения, примененный при анализе научных источников; и элементарный контент-анализ, позволивший выделить наиболее часто упоминаемые эффекты обучения.

Результаты исследования и их обсуждение. Корпоративное обучение как инструмент капитализации человеческих ресурсов организации может быть понято только в том случае, если определить, что именно означает капитализация в применении к персоналу. В широком смысле капитализация человеческих ресурсов представляет собой процесс, при котором знания, опыт, навыки, установки и поведенческие модели работников начинают приносить компании возрастающую отдачу. Эта отдача выражается не только в росте производительности, но и в снижении ошибок, повышении качества решений, ускорении адаптации новичков, усилении инновационной активности, росте лояльности и формировании внутреннего резерва управленцев.

Авторский тезис состоит в том, что корпоративное обучение капитализирует человеческие ресурсы тогда, когда оно выходит за пределы передачи информации и начинает изменять структуру организационной компетентности. Обучение становится капитализирующим не по факту проведения, а по эффекту включения знаний в реальные бизнес-процессы.

Наиболее убедительно данный вывод подтверждается в литературе по человеческому капиталу. Г. Беккер показал, что обучение следует рассматривать как инвестицию, которая увеличивает будущую полезность работника для работодателя и для самого работника [1]. Современные исследования также подчеркивают, что в условиях цифровой экономики способность к обучению и переносу знаний в практику становится важнейшим фактором производительности и устойчивости

организаций [3—10]. Российские авторы, в частности, указывают, что развитие персонала должно быть встроено в стратегию управления кадрами, иначе затраты на обучение не трансформируются в устойчивый организационный эффект [12; 14].

Особое значение имеет вопрос о каналах капитализации человеческих ресурсов через обучение. Возможно выделить четыре основных канала. Первый канал связан с ростом профессиональной компетентности. Обучение повышает уровень знаний и навыков, необходимых для выполнения текущих и перспективных задач. Второй канал связан с ростом адаптивности. Третий канал — это рост вовлеченности и лояльности. Сотрудник, включенный в систему развития, чаще воспринимает организацию как пространство собственного роста, что снижает риск текучести. Четвертый канал — формирование кадрового резерва. Через обучение компания выявляет и готовит будущих руководителей, экспертов и наставников.

В табл. 1 систематизированы рассмотренные эффекты.

Таблица 1

Корпоративное обучение как механизм капитализации человеческих ресурсов

Канал капитализации	Содержание эффекта	Организационный результат	Показатели оценки
Рост компетентности	Освоение новых знаний и навыков	Повышение качества труда	Производительность, снижение ошибок
Рост адаптивности	Ускоренное освоение изменений	Сокращение времени адаптации	Скорость вхождения в должность
Рост вовлеченности	Повышение удовлетворенности и лояльности	Снижение текучести	Удержание персонала, вовлеченность
Формирование резерва	Подготовка будущих лидеров	Снижение управленческих рисков	Доля закрытия вакансий внутренними кандидатами

Примечание: составлено авторами.

Как показывает табл. 1, капитализация человеческих ресурсов не сводится к единственному эффекту. Она носит комплексный характер и требует от организации выстраивания системы, где обучение связано с оценкой, мотивацией, карьерным продвижением и управлением знаниями.

Следующий важный результат исследования состоит в выявлении условий, при которых корпоративное обучение действительно становится капитализирующим инструментом. Во-первых, оно должно быть связано со стратегическими целями организации. Во-вторых, необходимо точное определение потребностей в компетенциях. В-третьих, важно сочетание формального, неформального и информального обучения. Классические тренинги должны дополняться наставничеством, проектной работой, сообществами практики и внутренним обменом знаниями. В-четвертых, обучение должно быть персонализировано, т. е. разные категории работников

нуждаются в разных траекториях развития. В-пятых, обучение должно сопровождаться системой измерения эффективности.

В данном контексте особую роль играет модель оценки обучения Д. Киркпатрика. Она позволяет измерять реакцию участников, усвоение материала, изменение поведения и влияние на результаты организации [15]. Несмотря на широкую известность этой модели, в российских организациях она используется не всегда последовательно. Часто компании ограничиваются анкетированием удов-

летворенности, не проверяя, изменилось ли реальное трудовое поведение. Авторский вывод заключается в том, что без оценки поведенческого и организационного уровня обучения невозможно говорить о капитализации человеческих ресурсов, поскольку капитализация проявляется именно в устойчивом росте результатов, а не в формальном прохождении курса.

Для большей наглядности целесообразно представить схему механизма капитализации человеческих ресурсов через корпоративное обучение.

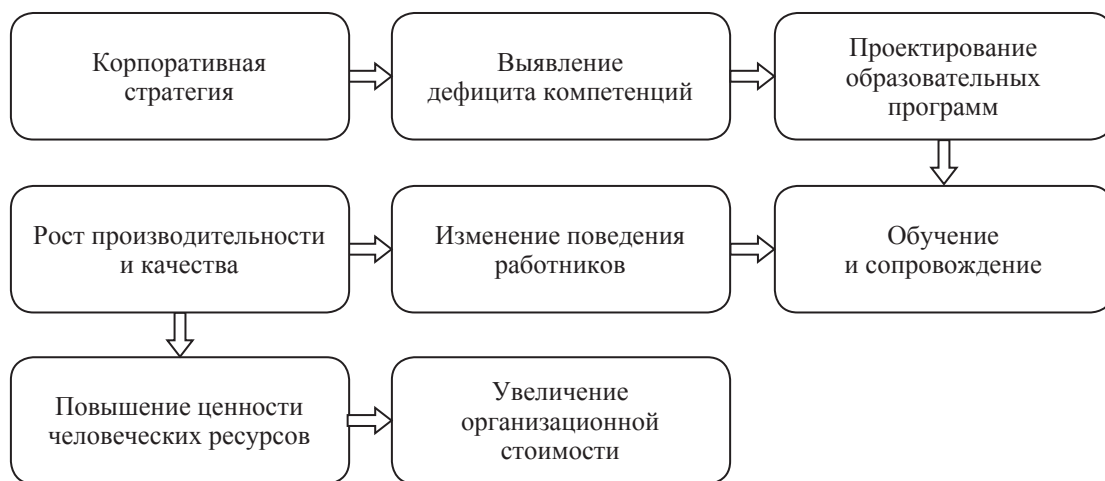

Рис. Последовательность действий с целью капитализации человеческих ресурсов через корпоративное обучение

Важным направлением анализа является также изменение форм корпоративного обучения. По данным *LinkedIn Learning*, *OECD* и *World Economic Forum*, в 2023—2025 гг. наиболее востребованными стали гибридные форматы, микрообучение, цифровые платформы, персонализированные рекомендации и обучение «в потоке работы». Это связано с тем, что взрослый работник хуже воспринимает длительное абстрактное обучение, но лучше усваивает краткие, прикладные, контекстно связанные знания. Соответственно, современное корпоративное обучение должно быть не только содержательно значимым, но и организационно удобным.

В отечественной практике также усиливается интерес к корпоративным университетам, внутренним академиям, программам менторства и наставничества. Исследования демонстрируют, что компании, развивающие собственную образовательную инфраструктуру, лучше справляются с задачами удержания персонала и развития кадрового резерва [4; 7; 8].

Отдельного внимания заслуживает экономический эффект корпоративного обучения. Капитализация человеческих ресурсов выражается в нескольких измерениях: в снижении затрат на внешний найм, уменьшении времени адаптации, повышении эффективности труда, сокращении брака и ошибок, росте инновационности, а также в увеличении внутренней мобильности персонала. С экономической точки зрения корпоративное обучение выгодно тогда, когда стоимость обучения окупается через прирост производительности и снижение потерь. Однако этот эффект не всегда проявляется немедленно. Поэтому оценка должна учитывать не только краткосрочный, но и среднесрочный горизонт.

Для наглядного сравнения представим эффекты корпоративного обучения и их проявление в табл. 2.

Таблица 2

Эффекты корпоративного обучения и их проявление в организации

Эффект	Краткое содержание	Возможный индикатор
Производственный	Рост качества и скорости выполнения задач	Производительность труда
Кадровый	Снижение текучести и развитие резерва	Уровень удержания, внутренние назначения
Инновационный	Генерация новых решений	Число улучшений, рационализаторских предложений
Социальный	Рост лояльности и вовлеченности	Результаты опросов, вовлеченность
Финансовый	Снижение издержек и повышение отдачи	ROI обучения, экономия затрат

Примечание: составлено авторами.

Еще один существенный результат исследования заключается в том, что капитализация человеческих ресурсов через корпоративное обучение возможна только при наличии организационной культуры, поддерживающей развитие. Если в компании обучение воспринимается как формальная обязанность, а не как ценность, то его эффект резко снижается.

Авторский анализ позволяет сделать вывод, что корпоративное обучение в современных условиях должно проектироваться как система, состоящая из пяти

взаимосвязанных элементов: диагностика компетенций; образовательная траектория; практическое применение знаний; оценка результатов; управленческая поддержка. Если хотя бы один из элементов отсутствует, капитализация человеческих ресурсов становится фрагментарной.

На основе проведенного анализа авторами предлагаются следующие рекомендации. Во-первых, организациям следует строить обучение на основе модели компетенций, увязанной со стратегией бизнеса. Во-вторых, необходимо переходить от единых курсов к персонализированным траекториям развития. В-третьих, важно развивать внутренние образовательные экосистемы, где обучение интегрировано с наставничеством, проектной работой и карьерным планированием. В-четвертых, оценку эффективности обучения следует осуществлять не только по количеству прошедших обучение, но и по влиянию на производительность, текучесть, вовлеченность и инновационную активность. В-пятых, необходимо внедрять цифровые инструменты аналитики обучения, позволяющие в реальном времени отслеживать пробелы в компетенциях и прогнозировать потребность в новых навыках.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что корпоративное обучение является одним из наиболее значимых инструментов капитализации человеческих ресурсов организации. В статье показано, что капитализация человеческих ресурсов через обучение носит системный характер и зависит от того, насколько обучение связано со стратегией организации, моделью компетенций, оценкой результатов и управлением карьерой работников.

Сделан вывод, что корпоративное обучение становится капитализирующим инструментом лишь тогда, когда оно встроено в бизнес-процессы и сопровождается управленческой поддержкой. Наиболее результативными являются персонализированные, непрерывные и практико-ориентированные форматы обучения, сочетающие цифровые платформы, наставничество, проектную деятельность и аналитику результатов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его выводы могут быть использованы при проектировании корпоративных образовательных программ, формировании компетентностных моделей, разработке систем оценки эффективности обучения и построении кадрового резерва.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 412 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226041223.001.0001.
2. Друкер П. Менеджмент. Вызовы XXI века / пер. с англ. Н. Макаровой. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2012. 256 с.
3. Нанаева И. Ш., Минкаилова М. М. Человеческие ресурсы как стратегический капитал современной организации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 9(162). Т. 12. С. 38—44. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.09.12.005.
4. Ананченкова П. И., Тонконог В. В. Теоретико-методологические аспекты исследования человеческого капитала // Труд и социальные отношения. 2023. Т. 34. № 1. С. 116—123. (На англ. яз.) DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-1-116-123.
5. Zhan Y., Noe R. A., Klein H. J. How can organizations operating in a negative reputation industry attract job seekers? // Journal of Vocational Behavior. 2021. Vol. 132. Art. 103661. DOI: 10.1016/j.jvb.2021.103661.
6. Мореева Е. В., Ананченкова П. И., Тонконог В. В. Корпоративное обучение как фактор развития человеческих ресурсов // Труд и социальные отношения. 2024. Т. 35. № 1. С. 93—100. (На англ. яз.) DOI: 10.20410/2073-7815-2024-35-1-93-100.
7. Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Корпоративное обучение в практике зарубежных компаний // Труд и социальные отношения. 2023. Т. 34. № 4. С. 82—92. (На англ. яз.) DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-4-82-91.
8. Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Влияние корпоративных программ обучения и развития сотрудников на эффективность компании // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2022. № 4(57). С. 42—49. DOI: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-42-49.
9. Журавлева Л. Э., Левочкина Т. А., Панасюк А. А. Профессиональное обучение персонала как один из инструментов развития человеческого капитала коммерческой организации // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 127—134. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1308.
10. Ковалев Н. О. Корпоративное обучение как фактор развития человеческого капитала // Проблемы современного образования. 2025. № 2. С. 277—285. DOI: 10.31862/2218-8711-2025-2-277-285.
11. Тимченко Т. Н., Тонконог В. В., Ананченкова П. И. Обеспечение эффективности предприятия на основе развития человеческих ресурсов // Путеводитель предпринимателя. 2015. № 27. С. 378—386.
12. Бякерев М. А., Тонконог В. В., Кончаков А. В. Влияние цифровизации экономики на рынок труда // Мир труда в XXI веке: адаптация к новым реалиям : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. М. : АТиСО, 2024. С. 24—28.
13. Sung S. Y., Choi J. N. Leader status behaviors and team creativity: The role of collective interactions and status conflict among members // Journal of Organizational Behavior. 2021. Vol. 42. Iss. 8. Pp. 1120—1133. DOI: 10.1002/job.2551.
14. Алиева А. Х., Плиева Н. М., Зелимханова Н. З. Корпоративная культура как элемент системы управления человеческими ресурсами // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 11(164). Т. 8. С. 13—19. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.11.08.002.
15. Kirkpatrick D. L., Kirkpatrick J. D. Evaluating training programs: The four levels. 3rd ed. San Francisco : Berrett-Koehler, 1994. 229 p.

REFERENCES

1. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 412 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226041223.001.0001.
2. Drucker P. Management Challenges for the 21st Century. HarperBusiness, 2001. 224 p.
3. Nanaeva I. Sh., Minkailova M. M. Human resources as the strategic capital of a modern organization. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;9(162)-12:38—44. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.09.12.005.

4. Ananchenkova P. I., Tonkonog V. V. Theoretical and methodological aspects of human capital research. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* = *Labour and Social Relations Journal*. 2023;34(1):116—123. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-1-116-123.
5. Zhan Y., Noe R. A., Klein H. J. How can organizations operating in a negative reputation industry attract job seekers?. *Journal of Vocational Behavior*. 2021;132:103661. DOI: 10.1016/j.jvb.2021.103661.
6. Mareeva E. V., Ananchenkova P. I., Tonkonog V. V. Corporate training as a factor of human resources development. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* = *Labour and Social Relations Journal*. 2024;35(1):93—100. DOI: 10.20410/2073-7815-2024-35-1-93-100.
7. Tonkonog V. V., Ananchenkova P. I. Corporate training in the practice of foreign companies. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* = *Labour and Social Relations Journal*. 2023;34(4):82—92. DOI: 10.20410/2073-7815-2023-34-4-82-91.
8. Tonkonog V. V., Ananchenkova P. I. The impact of corporate employee training and development programs on the company's efficiency. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2022;4(57):42—49. (In Russ.) DOI: 10.47598/2078-9025-2022-4-57-42-49
9. Zhuravleva L. E., Levochkina T. A., Panasyuk A. A. Professional training of personnel as one of the instruments for developing human capital of a commercial organization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2025;2(71):127—134. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1308.
10. Kovalev N. O. Corporate training as a factor of the organization's human capital development. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2025;2:277—285. (In Russ.) DOI: 10.31862/2218-8711-2025-2-277-285.
11. Timchenko T., Tonkonog V., Ananchenkova P. Ensuring the effectiveness of the enterprise on the basis of the development of human resources. *Putevoditel' predprinimatel'ya* = *Entrepreneur's Guide*. 2015;27:378—386. (In Russ.)
12. Byakerev M. A., Tonkonog V. V., Konchakov A. V. The impact of digitalization of the economy on the labor market. *Mir truda v XXI veke: adaptatsiya k novym realiyam* = *The world of labor in the 21st century: adaptation to new realities. Collection of materials from the 10th International scientific and practical conference*. Moscow, Academy of Labour and Social Relations publ., 2024:24—28. (In Russ.)
13. Sung S. Y., Choi J. N. Leader status behaviors and team creativity: The role of collective interactions and status conflict among members. *Journal of Organizational Behavior*. 2021;42(8):1120—1133. DOI: 10.1002/job.2551.
14. Alieva A. Kh., Plieva N. M., Zelimkhanova N. Z. Corporate culture as an element of human resources management. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;11(164)-8:13—19. (In Russ.) DOI 10.36871/ek.up.p.r.2025.11.08.002.
15. Kirkpatrick D. L., Kirkpatrick J. D. Evaluating training programs: The four levels. 3rd ed. San Francisco, Berrett-Koehler, 1994. 229 p.

Статья поступила в редакцию 02.05.2026; одобрена после рецензирования 24.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.
The article was submitted 02.05.2026; approved after reviewing 24.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Научная статья
УДК 378+378.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1621

Evgenia Evgenyevna Kuzmina
Doctor of Economics,
Professor of the Department
of Integrated Communications and Advertising,
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation
kuzmina.ee@rggu.ru

Евгения Евгеньевна Кузьмина
д-р экон. наук,
профессор кафедры
интегрированных коммуникаций и рекламы,
Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
kuzmina.ee@rggu.ru

ФИРМЕННЫЙ СТИЛЬ ВУЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ЕГО ИДЕНТИФИКАЦИИ НА РЫНКЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В условиях высокой конкуренции на рынке высшего образования всё более актуальным становится вопрос идентификации вуза, представляющей процесс, при котором он формирует и транслирует собственную уникальность и узнаваемость на рынке высшего образования. Одним из ключевых инструментов, способствующих укреплению позиций вуза и его идентификации, является фирменный стиль.

В статье представлены концептуальные основы формирования фирменного стиля образовательного учреждения, его роль в повышении узнаваемости, конкурентоспособности и улучшении корпоративной культуры вуза. Рассмотрены основные константы фирменного стиля на примере Российского государственного гуманитарного университета, выявлены неточности в трактовке некоторых вербальных элементов фирменного стиля на примере Московского государственного университета. Сформулированы факторы идентификации вуза посредством использования фирменного стиля: внешняя идентификация (для абитуриентов и родителей); корпоративная самоидентификация (для преподавателей, сотрудников и студентов); коммуникация с работодателями и позиционирование в международном пространстве.

Уточнена взаимосвязь между идентификацией вуза за счет фирменного стиля и повышением его конкурентоспособности. Этому способствуют: увеличение узнаваемости и доверия со стороны абитуриентов и их родителей и других субъектов рынка; формирование репутации и статуса; рост лояльности студентов и выпускников; привлечение инвестиций и партнерств и пр.

Представлены результаты вторичных и первичных исследований абитуриентов и студентов, подтверждающих важность визуальных элементов бренда для выбора вуза. На основании выборочных исследований выявлены ошибки и проблемы вузов, связанные с разработкой и использованием фирменного стиля особенно в цифровой среде.

Ключевые слова: фирменный стиль, бренд вуза, идентификация, конкурентоспособность, опрос, исследование, корпоративная идентичность, рынок высшего образования, визуальные элементы, вербальные элементы, факторы

Для цитирования: Кузьмина Е. Е. Фирменный стиль вуза как инструмент его идентификации на рынке высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 34—39. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1621.

Original article

CORPORATE IDENTITY OF A UNIVERSITY AS A TOOL FOR ITS IDENTIFICATION IN THE HIGHER EDUCATION MARKET

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. In the context of high competition in the higher education market, the issue of university identification is becoming increasingly relevant, representing the process by which it forms and translates its own uniqueness and recognition in the higher education market. One of the key tools contributing to the strengthening of the university's position and its identification is the corporate identity.

This article presents the conceptual foundations of the formation of the corporate identity of an educational institution, its role in increasing recognition, competitiveness and improving the corporate culture of the university. The main constants of corporate identity are considered

on the example of the Russian State University for the Humanities, inaccuracies in the interpretation of some verbal elements of corporate identity are revealed on the example of Moscow State University. The factors of university identification through the use of corporate identity are formulated: external identification (for applicants and parents); corporate self-identification (for teachers, staff and students); communication with employers and positioning in the international space.

The relationship between the identification of a university through corporate identity and increasing its competitiveness is clarified. This is facilitated by increasing recognition and trust

on the part of applicants and their parents, and other market participants; building reputation and status; increasing loyalty of students and graduates, attracting investments and partnerships, etc.

The results of secondary and primary studies of applicants and students are presented, confirming the importance of visual brand elements for choosing a university. Based on sample

studies, errors and problems of universities related to the development and use of corporate identity, especially in the digital environment, are identified.

Keywords: corporate identity, university brand, identification, competitiveness, survey, research, company's identity, higher education market, visual elements, verbal elements, factors

For citation: Kuzmina E. E. Corporate identity of a university as a tool for its identification in the higher education market. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):34—39. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1621.

Введение

Актуальность. Фирменный стиль как комплекс визуальных, вербальных и поведенческих атрибутов организации давно изучается в сфере образования, как в коммерческом секторе, так и в сфере государственных образовательных организаций.

Фирменный стиль можно рассматривать в узком и широком смысле. Фирменный стиль вуза в узком смысле включает логотип, цветовую палитру, фирменные шрифты и единое оформление документации. В более широком понимании он распространяется на ценности, миссию, культуру и коммуникацию учебного заведения, что придает ему целостность.

Ключевые исследования в этой области указывают на то, что четко выстроенный фирменный стиль создает единый облик образовательной организации, повышает ее узнаваемость и укрепляет репутацию на рынке. Для вузов это особенно важно, т. к. выбор абитуриентами учебного заведения — это решение, во многом определяющее их дальнейшую карьеру.

При прочих равных условиях абитуриенты склонны выбирать тот вуз, который вызывает у них больше доверия, выглядит престижным и предоставляет более широкий спектр возможностей.

Изученность проблемы. Вопросам изучения бренда в высшем образовании и фирменного стиля как его визуальной составляющей посвящено немало работ зарубежных специалистов: Д. Аакера, Ж.-Н. Капферера, К. Чаплео, Дж. Балмера, Д. Эйри, Т. Дьюхерста, Д. Скотта и др. Так, в одной из работ Дэвида Аакера представлена модель индивидуальности бренда, под которой автор подразумевает набор личностных черт, ассоциируемых с брендом [1], а другие ключевые исследования в области бренд-менеджмента Дэвида Аакера и Жана-Ноэля Капферера [2] указывают на то, что четко выстроенный фирменный стиль создает единый облик, повышает узнаваемость и укрепляет репутацию на рынке. В работах Джона Балмера раскрывается связь между эффективным управлением корпоративными брендами и силой их идентификации клиентами и заинтересованными сторонами [3]. Значительное количество работ Криса Чаплео также посвящено брендингу высшего учебного заведения и созданию фирменного стиля комитетом путем исследования внутренних процессов анализа и управления брендом [4]. Дэвид Эйри в своей работе делает акцент на взаимодействии с клиентами и разработке логотипа и фирменного стиля в целом [5].

Среди российских работ по данной тематике можно выделить труды Л. А. и А. Н. Бодьян, Т. Д. Родимовой, А. А. Воронова, А. С. Астахина, Т. С. Поповой, Д. А. Шевченко и мн. др.

Особенностям разработки фирменного стиля на примере конкретных университетов посвящены работы Л. А. и А. Н. Бодьян, Т. Д. Родимовой [6], А. А. Воронова, А. С. Астахина, Т. С. Поповой [7], моделям формирования бренда вуза — статья О. П. Михайловой и В. Н. Шепель [8], изучению фирменного стиля в контексте корпоративной идентичности образовательной организации посвящена работа Д. А. Шевченко [9], а рассмотрению фирменного стиля как элемента формирования корпоративной культуры, повышения имиджа и конкурентоспособности труды Ю. П. Соболевой [10], А. В. Иванова [11], М. Н. Марченко и А. К. Лапченко [12], Л. В. Лемешевской [13] и др.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на то, что вопросы, связанные с созданием фирменного стиля высших учебных заведений, достаточно активно обсуждаются в научной литературе, его роль как инструмента идентификации вуза до сих пор не получила широкого обсуждения.

Научная новизна проводимого исследования заключается в обосновании роли фирменного стиля в идентификации вуза и создании его корпоративной идентичности на рынке высшего образования.

Целью исследования является обоснование роли фирменного стиля в идентификации вуза на рынке высшего образования.

Задачи исследования:

- определение роли фирменного стиля в идентификации вуза;
- уточнение визуальных и вербальных элементов фирменного стиля [на примере Российского государственного гуманитарного университета (далее — РГГУ)];
- формулирование факторов идентификации вуза за счет фирменного стиля;
- уточнение роли фирменного стиля в повышении конкурентоспособности вуза и улучшении корпоративной культуры;
- выявление проблем при разработке и использовании фирменного стиля.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в обосновании необходимости идентификации вуза посредством элементов фирменного стиля, обосновании его роли в повышении конкурентоспособности вуза, а также в расширении инструментария научного исследования, в части использования адаптивных цифровых опросов, повышающих вовлеченность респондентов.

Практическая значимость состоит в описании основных факторов идентификации вуза, обосновании необходимости использования фирменного стиля во внешней и внутренней среде, т. к. он становится «индикатором качества и «продвинутости» вуза», выявлении проблем, затрудняющих процесс разработки и использования элементов фирменного стиля, практических примеров, что поможет вузам нивелировать проблемы, связанные с его реализацией.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В процессе исследования применялись методы системного подхода, позволяющего рассмотреть фирменный стиль вуза как комплекс взаимосвязанных элементов, а также метод сравнительного анализа для рассмотрения зарубежного и отечественного опыта. Кроме того, применялись такие инструменты маркетинговых исследований, как контент-анализ официальных сайтов университетов, адаптивные цифровые опросы респондентов из числа студентов и преподавателей.

Результаты исследования и их обсуждение. Идентификация вуза представляет собой процесс, при котором он формирует и транслирует собственную уникальность и узнаваемость на рынке высшего образования. Уточнение понятийного аппарата было проведено автором в предыдущей статье, поэтому здесь эти вопросы не поднимаются [14].

Одним из инструментов идентификации вуза выступает фирменный стиль, который позволяет транслировать миссию, историю и ценности учебного заведения через систему кодированных визуальных и вербальных знаков. Константы фирменного стиля: логотип, фирменные цвета и шрифты и др. — это первичные визуальные элементы, формирующие узнаваемость вуза.

Визуальные элементы:

1. *Логотип вуза* — его разработка предполагает учет следующих факторов:

- уникальность: символика должна отличать вуз от конкурентов;
- узнаваемость: лаконичность формы и гармоничная цветовая палитра;
- смысловая нагрузка: наличие отсылок к миссии, традициям или региональным особенностям.

Например, логотип РГГУ состоит из нескольких элементов, каждый из которых имеет свое значение [9]:

- Изображение древа познания. Символ выражает стремление узнавать новое и готовность делиться знаниями.
- Аббревиатура РГГУ с переплетенными буквами «Г» символизирует исторические корни вуза.
- Полное наименование университета написано по кругу, что символизирует объединение людей и наук под сенью древа.

Калькулятор ЕГЭ для абитуриентов (<https://tabiturient.ru/>) в 2021 г. проводил опрос на лучший и худший логотип государственного вуза. Участвовали 296 вузов России. РГГУ занял 23-е место, положительно отметили логотип 42,3 % респондентов.

2. *Цветовая палитра и шрифты* — определяют общий визуальный тон, соответствующий миссии и ценностям университета. В мировой практике часто встречаются традиционные цвета, подчеркивающие «академический дух», к примеру, темно-синий, бордовый, зеленый. В некоторых случаях вуз может выбрать современную, яркую цветовую схему, чтобы подчеркнуть инновационный характер образовательных программ.

3. *Маскот* — персонаж-талисман, олицетворяющий бренд (например, в РГГУ маскот — грифон Гриша).

4. *Фирменные паттерны* — повторяющиеся элементы для создания узнаваемой визуальной среды вуза.

5. *Иконки* — система знаков и символов в едином стиле.

6. *Мерч* — различные сувениры, предметы одежды, обуви, аксессуары и другие вещи с символикой бренда.

7. *Фотостиль* — принципы создания и отбора изображений.

8. *Корпоративная документация и стиль делового общения* — единые стандарты оформления официальных материалов, учебных пособий и веб-ресурсов.

9. *Дизайн интерьеров и униформа* — поддержание единого стиля в оформлении кампусов и одежды обслуживающего персонала.

Вербальные элементы. Слоган, девиз, миссия вуза — это вербальные элементы, формирующие представление о том, к чему стремится университет, какие ценности продвигает, чем отличается от конкурентов. Слоган должен быть лаконичным и легко запоминаться. Рассмотрим для сравнения два слогана:

1. Слоган Московского государственного университета (далее — МГУ): «Наука есть ясное познание истины, просвещение разума» — представляет собой цитату из «Риторики» М. В. Ломоносова (1748 г.).

2. Гарвардский университет исторически использует в качестве слогана латинское *Veritas* («Истина»), что указывает на стремление к истинному знанию.

Очевидно, что второй слоган выигрывает с точки зрения лаконичности и запоминаемости. Кроме того, несмотря на то, что в брендбуке МГУ данное изречение трактуется как слоган, на наш взгляд оно больше соответствует девизу, этого же мнения придерживается и И. Р. Галиulina [15].

Слоган и девиз не тождественные понятия и, хотя они оба используются для коммуникации с аудиторией, между ними существует различие. Слоган — это рекламный лозунг, а девиз — краткое изречение, содержащее идею деятельности организации. К сожалению такая путаница со слоганами и девизами существует у многих вузов.

Миссия вуза определяет его цели и ценности, в соответствии с которыми они выбраны и сформулированы. В работе Е. В. Титовой и А. А. Сухановой дан комплексный анализ миссии современного университета и ее роли как «актора процесса социального развития государства» [16].

Фирменный стиль не ограничивается визуальной и вербальной стороной, но также включает корпоративную культуру. Ее можно понимать, как совокупность норм поведения, традиций и ритуалов, связанных с жизнью университета.

Позитивная корпоративная культура, поддержанная единым коммуникационным стилем, способствует формированию чувства гордости и принадлежности у студентов, преподавателей и выпускников. Устойчивые культурные элементы, такие как праздники, церемонии, спортивные мероприятия, также могут стать частью бренда вуза.

Представим факторы идентификации вуза за счет фирменного стиля:

- *Внешняя идентификация* (для абитуриентов и родителей). Логотип и слоган выполняют роль якоря. В условиях переизбытка информации (ЕГЭ, олимпиады, 200 специальностей) мозг абитуриента ищет простые паттерны. Узнаваемый символ снижает когнитивную нагрузку.

- *Корпоративная самоидентификация* (для преподавателей, сотрудников и студентов). Внутренняя среда вуза страдает от профессионального выгорания и снижения вовлеченности. Единая система навигации (указатели, таблички), брендированная сувенирная продукция, стандарты оформления кабинетов создают эффект единства университета. Студент, носящий худи с логотипом вуза, не просто носит одежду — он осуществляет самопрезентацию, приписывая себе статус носителя бренда.

- *Коммуникация с работодателями.* Корпоративные партнеры (крупный бизнес, госкорпорации) оценивают «подачу» вуза. Небрежный, разрозненный визуальный ряд на сайте и в презентациях сигнализирует о плохом менеджменте. Системный фирменный стиль говорит о процессной зрелости вуза, его готовности к долгосрочным контрактам и соблюдению стандартов качества (аналогично стандартам *ISO*).

- *Позиционирование в международном пространстве.* Выход на международные рейтинги требует унификации. Латиница в логотипе, понятная глобальному потребителю цветовая гамма, адаптация под *digital*-среду — всё это условия для включения в глобальную повестку.

Идентификация вуза в образовательной среде посредством грамотно разработанного фирменного стиля влияет на повышение его конкурентоспособности. Этому способствуют:

- *Увеличение узнаваемости и доверия.* Благодаря единообразным визуальным и смысловым элементам вуз становится более узнаваемым. При наличии сильного бренда у потенциальных абитуриентов формируется доверие, которое может стать решающим фактором при выборе учебного заведения. Как показывают исследования, в условиях информационного перенасыщения символика и стиль играют критически важную роль в привлечении внимания.

- *Формирование репутации и статуса.* Репутация образовательного учреждения складывается под влиянием многих факторов: качества преподавания, научных

достижений, уровня трудоустройства выпускников. Однако правильно выстроенный фирменный стиль усиливает репутационные преимущества, делая вуз узнаваемым как внутри страны, так и за рубежом. Престижные университеты (Оксфорд, Кембридж) имеют многовековую историю, в основе которой лежит не только академическое превосходство, но и единая сильная айдентика.

- *Рост лояльности студентов и выпускников.* Идентификация с брендом способствует формированию сильного студенческого сообщества.

- *Привлечение инвестиций и партнерств.* Устойчивый бренд вуза способствует налаживанию партнерских отношений с бизнесом, государственными структурами, зарубежными образовательными организациями. Инвестиции и гранты охотнее предоставляются вузам с сильным имиджем и понятной стратегией развития, потому что это предполагает высокую отдачу от сотрудничества и уверенность в долгосрочном партнерстве.

Исследования показывают, что для идентификации вуза чаще всего используют критерии национальных и международных рейтингов. Так, например, среди национальных рейтингов наибольшую популярность получили рейтинг университетов «Интерфакс» и рейтинг лучших вузов России *RAEX-100* [14].

Результаты рейтинга *RAEX-100* представлены на рисунке. Опрос проводился на тему: приоритеты абитуриентов при выборе вуза.

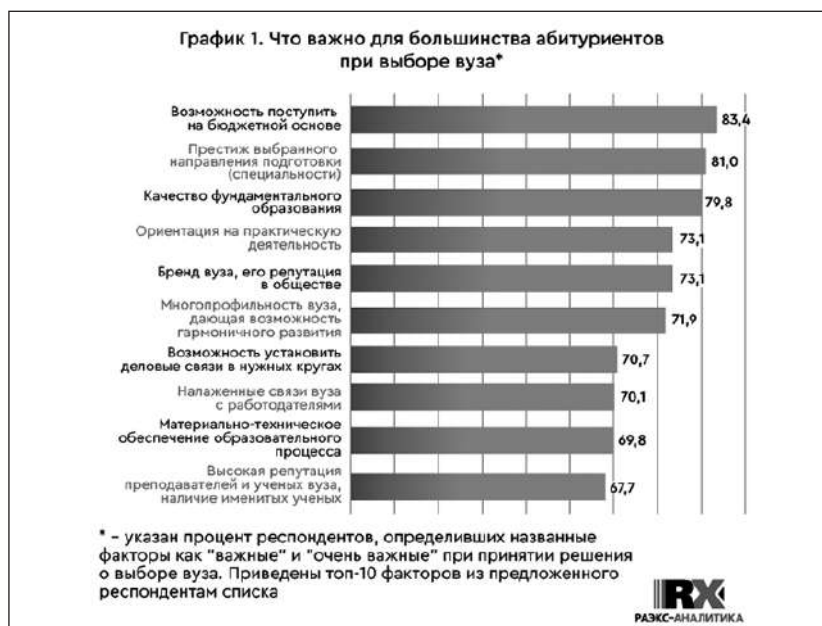

Рис. Результаты рейтинга *RAEX-100*

Из рисунка видно, что 73,1% абитуриентов назвали бренд университета одним из ключевых факторов выбора вуза. Его роль и значение в выборе вуза возрастает с каждым годом под воздействием демографического спада, устойчивая тенденция которого наблюдается в России с начала 1990-х гг., что привело к снижению числа выпускников школ, а по мнению многих специалистов, к 2027 г. ожидается рекордное их сокращение.

Важность визуальной составляющей бренда для выбора абитуриентами подтверждает также исследование среди студентов третьего курса, проводимое на факультете маркетинга и рекламы РГГУ в 2025 г. [15].

Обзор результатов исследований показывают, что абитуриенты поколения Z (2000—2005 гг. рождения) воспринимают фирменный стиль как индикатор качества и «продвинутости» вуза.

В настоящее время абитуриенты ищут информацию о вузах преимущественно в цифровой среде. Удобный и стильный сайт, интегрированный с социальными сетями, становится «лицом» университета. Регулярная публикация новостей, статей и достижений в соцсетях и мессенджерах укрепляет связь со студентами и выпускниками. Единый визуальный стиль, качественные фотографии и видеоматериалы усиливают эффект узнаваемости [14].

Цифровая среда диктует свои правила. Согласно данным агентства *Zelts*, 54 % абитуриентов формируют свое мнение о вузе за 2—3 минуты цифровой коммуникации (сайт, соцсети). За это время пользователь сканирует не текст, а визуальный ряд: качество логотипа, адаптивность верстки, единообразие стиля в аккаунтах.

Следовательно, вуз, имеющий разрозненный визуальный ряд теряет до 54 % потенциальных студентов еще до того, как они узнают о его научных достижениях.

Помимо сайта, различных мессенджеров и социальных сетей инструментами продвижения фирменного стиля являются различные мероприятия, проводимые вузом: дни открытых дверей, научные конференции, олимпиады, спортивные соревнования и пр. Оформленные в фирменном стиле аудитории и другие площадки для их проведения, сувенирная продукция и презентационные материалы. Также эффективным инструментом продвижения является внешняя реклама и реклама в СМИ, оформленные в единой концепции.

Несмотря на то, что уже многие вузы начинают понимать значение фирменного стиля в идентификации вуза, тем не менее они допускают ошибки на этапах его разработки и использовании. Проведенное исследование позволило выявить следующие проблемы:

1. *Отсутствие системного подхода к визуальной идентификации в цифре является проблемой даже среди вузов лидеров рынка.* Исследование сайтов десяти московских вузов: РГГУ, Университет науки и технологий МИСИС, Финансовый университет при правительстве РФ, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Российский государственный университет туризма и сервиса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российский химико-технологический университет им. Д. И. Менделеева, Российский университет транспорта (МИИТ), Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) — показало:

- практически все рассматриваемые вузы используют в оформлении сайта логотип, фирменный цвет и шрифт;
- слоган представлен на сайтах лишь шести из числа рассматриваемых вузов.

По результатам исследований 100 ведущих вузов России (рейтинг *RAEX-100*) было выявлено, что имеют полноценную дизайн-систему (набор правил для цифровой среды) только шесть вузов: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Новосибирский

государственный университет, Университет ИТМО, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Московский городской педагогический университет, Саратовский государственный медицинский университет.

2. *Разрыв идентичности*, когда на сайте используется один логотип, в группе «ВКонтакте» — другой (нарисованный студентом), а на бланках дипломов — третий, исторический. Разрыв идентичности разрушает доверие.

3. *Отсутствие айдентики контента.* Вуз имеет логотип, но его презентации в *PowerPoint* не имеют единой сетки, шкалы цветов не прописаны, шрифты скачут. Фирменный стиль должен быть тотальным: от канцелярской скрепки до архитектуры кампуса.

4. *Фирменный стиль как инструмент Soft Power (мягкая сила).* На рынке высшего образования побеждает не тот, кто лучше учит, а тот, кто лучше запоминается. В настоящее время фирменный стиль становится «тихим продавцом».

5. *Высокие затраты.* Разработка логотипа, нового дизайна, сувенирной продукции и изменения структуры сайта требуют финансовых вложений.

6. *Недопонимание отдельными руководителями необходимости использования фирменного стиля не только для представительских целей, но и внутри вуза.*

Заключение

Проведенное исследование показало, что фирменный стиль вуза — это не просто набор визуальных атрибутов, а стратегический инструмент, который может существенно повлиять на его идентификацию на рынке высшего образования. Кроме того, правильно выстроенный фирменный стиль формирует доверие, способствует развитию корпоративной культуры, укрепляет репутацию вуза и повышает его конкурентоспособность.

На примере РГГУ автором уточнены визуальные и вербальные элементы фирменного стиля, формирующие узнаваемость вуза. В работе сформулированы основные факторы идентификации вуза за счет фирменного стиля и конкретизирована его роль в повышении конкурентоспособности и улучшении корпоративной культуры.

Результаты первичных и вторичных исследований позволили выявить проблемы вузов при разработке и использовании фирменного стиля, тем не менее несмотря на возможные организационные сложности, внедрение фирменного стиля вуза представляет собой выгодную долгосрочную инвестицию в его будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аакер Дж. Индивидуальность бренда и ее характеристики // Бренд-менеджмент. 2001. № 2. С. 12—25.
2. Kapferer J. N. The New Strategic Brand Management. London : Kogan Page, 2018. 560 p.
3. Balmer J. M. T., Liao M.-N., Wang W.-Y. Corporate Brand Identification and Corporate Brand Management: How Top Business Schools do it // Journal of General Management. 2017. Vol. 35. Iss. 4. Pp. 77—102. DOI: 10.1177/030630701003500404.
4. Chapleo C., Clark P. Branding a tertiary institution by committee: An exploration of internal brand analysis and management processes // Journal of Brand Management. 2016. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 631—647. DOI: 10.1057/s41262-016-0009-1.
5. Эйри Д. Логотип и фирменный стиль : рук. дизайнера. 2-е изд. СПб. : Питер, 2016. 224 с.
6. Бодьян Л. А., Бодьян А. Н., Родимова Т. Д. Особенности разработки фирменного стиля на примере образовательного учреждения // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 10. Ч. 3. С. 489—494.
7. Воронов А. А., Астахин А. С., Попова Т. С. Формирование имиджа и фирменного стиля вуза (на примере Белгородского государственного национального исследовательского университета) // Практический маркетинг. 2025. № 7(337). С. 63—68. DOI: 10.24412/2071-3762-2025-7337-63-68.
8. Михайлова О. П., Шепель В. Н. Модели формирования бренда высшего учебного заведения: аналитический обзор // Вестник Оренбургского государственного университета. 2015. № 4(179). С. 304—312.

9. Шевченко Д. А. Маркетинг в сфере образования. Статья 4. Фирменный стиль образовательной организации: кейс для маркетолога и рекламиста // Практический маркетинг. 2017. № 6(244). С. 12—17.
10. Соболева Ю. П., Тодуа Н. Л. Фирменный стиль — инструмент формирования корпоративной культуры как элемента нематериальных активов в маркетинге // Вестник Академии знаний. 2024. № 3(62). С. 385—390.
11. Иванов А. В. Современные образовательные услуги: фирменный стиль как первый этап реализации креативной стратегии вуза // Вестник Академии. 2015. № 4. С. 30—37.
12. Марченко М. Н., Лапченко А. К. Фирменный стиль как средство формирования имиджа образовательного учреждения // Молодой ученый. 2016. № 11(115). С. 1610—1612.
13. Лемешевская Л. В. Фирменный стиль учреждения образования как элемент корпоративной культуры // Инновационные процессы и корпоративное управление : материалы V Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Минск, 2013. С. 180.
14. Кузьмина Е. Е. Применение маркетинговых инструментов для идентификации вуза на рынке высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 56—62. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1275.
15. Галиулина И. Р. структурно-семантические особенности девизов высших учебных заведений России // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 5(53). DOI: 10.60797/RULB.2024.53.8.
16. Титова Е. В., Суханова А. А. Миссия современного университета как основа его взаимодействия с обществом и государством: сущностные, ценностные и инклюзивные аспекты // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Юриспруденция». 2024. Т. 24. № 3. С. 104—112. DOI: 10.14529/law240316.

REFERENCES

1. Aaker J. Brand identity and its characteristics. *Brend-menedzhment*. 2001;2:12—25. (In Russ.)
2. Kapferer J. N. The New Strategic Brand Management. London, Kogan Page, 2018. 560 p.
3. Balmer J. M. T., Liao M.-N., Wang W.-Y. Corporate Brand Identification and Corporate Brand Management: How Top Business Schools do it. *Journal of General Management*. 2017;35(4):77—102. DOI: 10.1177/030630701003500404.
4. Chapleo C., Clark P. Branding a tertiary institution by committee: An exploration of internal brand analysis and management processes. *Journal of Brand Management*. 2016;23(6):631—647. DOI: 10.1057/s41262-016-0009-1.
5. Airey D. Logo Design Love: A Guide To Creating Iconic Brand Identities. Berkeley, CA, New Riders, 2010. xi + 203 p.
6. Bodyan L. A., Bodyan A. N., Rodimova T. D. Features of development of the corporate style on the example of educational institution. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International journal of applied and fundamental research*. 2016;10-3:489—494. (In Russ.)
7. Voronov A. A., Astakhin A. S., Popova T. S. Formation of the university's image and corporate identity (using the example of Belgorod State National Research University). *Prakticheskii marketing = Practical Marketing*. 2025;7(337):63—68. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-3762-2025-7337-63-68.
8. Mikhailova O. P., Shepel V. N. Models of the formation of brand institution of higher education: analytical review. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2015;4(179):304—312. (In Russ.)
9. Shevchenko D. A. Marketing in education. Article 4. Corporate identity of the educational organization: a case for a marketer and an advertiser. *Prakticheskii marketing = Practical Marketing*. 2017;6(244):12—17. (In Russ.)
10. Soboleva Yu. P., Todua N. L. Corporate identity is a tool for the formation of corporate culture as an element of intangible assets in marketing. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;3(62):385—390. (In Russ.)
11. Ivanov A. V. Modern educational services: corporate identity as the first stage of creative promotion universities strategy. *Vestnik Akademii = Academy Bulletin*. 2015;4:30—37. (In Russ.)
12. Marchenko M. N., Lapchenko A. K. Corporate identity as a means of forming the image of an educational institution. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2016;11(115):1610—1612. (In Russ.)
13. Lemeshevskaya L. V. Corporate identity of an educational institution as an element of corporate culture. *Innovatsionnye protsessy i korporativnoe upravlenie = Innovative processes and corporate governance. Proceedings of the V International correspondence scientific and practical conference*. Minsk, 2013:180. (In Russ.)
14. Kuzmina E. E. The use of marketing tools to identify universities in the higher education market. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;2(71):56—61. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1275.
15. Galiulina I. R. Structural and semantic specifics of mottos of universities in Russia. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024. № 5(53). (In Russ.) DOI: 10.60797/RULB.2024.53.8.
16. Titova E. V., Sukhanova A. A. Mission of the modern university as the basis of its interaction with the society and the state: essential, value and inclusive aspects. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo» = Bulletin of the South Ural state university. Series "Law"*. 2024;24(3):104—112. (In Russ.) DOI: 10.14529/law240316.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья

УДК 338.45

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1659

Polina Alexseevna Levchenko

Postgraduate of the Department of Service Technologies and Business Processes,
field of training

5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Kosygin State University of Russia
Moscow, Russian Federation
levchenko-pa@rguk.ru

Anastasia Vadimovna Stepanova

Postgraduate of the Department of Service Technologies and Business Processes,
field of training

5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Kosygin State University of Russia
Moscow, Russian Federation
stepanova-av@rguk.ru

Alexey Olegovich Cherednichenko

Postgraduate of the Department of Management and Marketing,
field of training

5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russian Federation
cherednichenko.01@inbox.ru

Anna Vladimirovna Generalova

Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Finance and Business Analytics,
Kosygin State University of Russia
Moscow, Russian Federation
generalova-av@rguk.ru

Boris Aleksandrovich Tkhorikov

Doctor of Economics,
Professor of the Department of Service Technologies and Business Processes,
Kosygin State University of Russia
Moscow, Russian Federation
tkhorikov-ba@rguk.ru

Полина Алексеевна Левченко

аспирант кафедры сервисных технологий и бизнес-процессов,
направление подготовки

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
levchenko-pa@rguk.ru

Анастасия Вадимовна Степанова

аспирант кафедры сервисных технологий и бизнес-процессов,
направление подготовки

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
stepanova-av@rguk.ru

Алексей Олегович Чередниченко

аспирант кафедры менеджмента и маркетинга,
направление подготовки

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
cherednichenko.01@inbox.ru

Анна Владимировна Генералова

канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов и бизнес-аналитики,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
generalova-av@rguk.ru

Борис Александрович Тхориков

д-р экон. наук,
профессор кафедры сервисных технологий и бизнес-процессов,
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
tkhorikov-ba@rguk.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ И ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ НА ВНЕШНИХ РЫНКАХ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Рассмотрена трансформация категории «конкурентоспособность промышленных предприятий». Обоснована необходимость перехода от статических моделей оценки к динамическим аналитическим конструкциям, которые учитывают адаптивные способности предприятия, его организационную гибкость и способность оперативно реагировать на изменения внешней среды. Проведена систематизация существующих подходов к оценке кон-

курентоспособности, включая графические, факторные, продуктовые, операционные, комплексные и стоимостные методы. Выявлены их ключевые ограничения, обусловленные несоответствием традиционных инструментов современным условиям функционирования промышленного сектора, включая санкционные ограничения, разрывы цепочек поставок, трансформацию международных цепочек создания стоимости и рост неопределенности внешней среды.

Особое внимание уделено влиянию внешнеэкономической нестабильности на изменение критериев оценки конкурентоспособности промышленных предприятий. Показано, что традиционные методы анализа конкурентных преимуществ обладают ограниченной применимостью в условиях высокой неопределенности, санкционного давления и динамического изменения рыночной конъюнктуры. Проведена критическая оценка существующего методического инструментария и обоснована необходимость формирования адаптивной системы оценки конкурентоспособности, ориентированной на способность предприятия к стратегической и организационной перестройке, а также к устойчивому сохранению и воспроизводству конкурентных преимуществ.

Предложена укрупненная факторная структура конкурентоспособности промышленного предприятия, включающая показатели операционной эффективности, технологическую независимость, устойчивость цепочек поставок, цифровую зрелость, геоэкономическую адаптивность и качество стратегического управ-

ления. Подчеркивается, что конкурентоспособность определяется не только достигнутыми результатами, но и способностью предприятия к быстрой реконфигурации ресурсов, бизнес-процессов и организационных механизмов. Результаты исследования могут быть использованы при разработке методик оценки конкурентоспособности промышленных предприятий, ориентированных на внешние рынки, а также в практике стратегического управления в условиях нестабильной экономической среды, что обеспечивает повышенную актуальность и практическую значимость проведенного анализа.

Ключевые слова: конкурентоспособность промышленного предприятия, международная конкурентоспособность, динамические способности, технологический суверенитет, устойчивость цепочек поставок, цифровая зрелость, геоэкономическая адаптивность, стратегическое управление, внешние рынки, промышленная экономика, санкционные риски, организационная гибкость

Для цитирования: Левченко П. А., Степанова А. В., Чередниченко А. О., Генералова А. В., Тхориков Б. А. Перспективы планирования и оценки конкурентоспособности промышленного предприятия на внешних рынках // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 40—48. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1659.

Original article

PROSPECTS FOR PLANNING AND ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN FOREIGN MARKETS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article examines the transformation of the concept of competitiveness of industrial enterprises. The necessity of transitioning from static assessment models to dynamic analytical frameworks is substantiated, emphasizing the enterprise's adaptive capabilities, organizational flexibility, and ability to respond promptly to changes in the external environment. A systematisation of existing approaches to assessing competitiveness is carried out, including graphical, factor-based, product-oriented, operational, integrated, and value-based methods. Their key limitations are identified, caused by the inconsistency of traditional tools with modern industrial conditions, including sanctions restrictions, disruptions in supply chains, transformation of international value chains, and increased external uncertainty.

Particular attention is given to the impact of foreign economic instability on the criteria for assessing competitiveness of industrial enterprises. It is shown that traditional methods for analysing competitive advantages have limited applicability under conditions of high uncertainty, sanctions pressure, and dynamic market fluctuations.

An aggregated factor structure of industrial enterprise competitiveness is proposed, including operational efficiency, technological independence, supply chain resilience, digital maturity, geoeconomic adaptability, and the quality of strategic management. It is emphasized that competitiveness is determined not only by achieved results but also by the enterprise's ability to rapidly reconfigure resources, business processes, and organizational mechanisms. The results of the study can be applied in developing methodologies for assessing the competitiveness of industrial enterprises in external markets and in strategic management practices under conditions of economic instability, enhancing both the relevance and practical significance of the research.

Keywords: industrial enterprise competitiveness, international competitiveness, dynamic capabilities, technological sovereignty, supply chain resilience, digital maturity, geoeconomic adaptability, strategic management, foreign markets, industrial economics, sanctions risks, organisational flexibility

For citation: Levchenko P. A., Stepanova A. V., Cherednichenko A. O., Generalova A. V., Tkhorikov B. A. Prospects for planning and assessing the competitiveness of industrial enterprises in foreign markets. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):40—48. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1659.

Введение

Актуальность. Внешняя среда функционирования российских промышленных предприятий в 2019—2025 гг. характеризовалась высокой изменчивостью. Пандемийные ограничения, разрывы кооперационных связей, усложнение логистики, санкционные режимы, рост трансакционных издержек и изменение структуры внешне-го спроса существенно повысили требования к качеству

стратегического управления. В этих условиях недостаточной становится трактовка конкурентоспособности как совокупности уже достигнутых ценовых, продуктовых или финансовых преимуществ. На первый план выходит способность предприятия сохранять управляемость, оперативно перенастраивать производственные и сбытовые контуры и поддерживать доступ к международным рынкам.

В отечественной литературе современный этап развития представлений о конкурентоспособности связывается с переходом от статического понимания к динамической концепции, где устойчивость преимуществ обеспечивается непрерывным обновлением ресурсов и компетенций [1; 2]. Для промышленного предприятия, включенного во внешнеэкономические связи, это означает необходимость оценивать не только текущую рыночную позицию, но и готовность к структурной адаптации в условиях неопределенности.

Изученность проблемы. Проблематика конкурентоспособности предприятия широко разработана в экономической теории и теории стратегического управления. Формирование научных представлений связано с трудами классической политической экономии: А. Смит [3] и Д. Рикардо [4] рассматривали конкурентные преимущества через различия в производительности труда, издержках и международном разделении труда. Й. Шумпетер [5] связывал конкурентоспособность с инновационной активностью и способностью предприятий обеспечивать технологическое обновление.

Стратегический подход М. Портера [6] подчеркнул влияние отраслевой структуры, конкурентных сил и позиционирования на устойчивость рыночных преимуществ. Современные исследования рассматривают конкурентоспособность как динамическую характеристику, отражающую способность организации адаптироваться к изменениям внешней среды.

В отечественной литературе вопросы оценки конкурентоспособности изучаются активно. А. В. Черников [1] анализирует эволюцию категории, Ф. А. Кодиров [2] исследует методологические аспекты оценки эффективности систем управления. Совершенствование методов раскрывают Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов и П. В. Чепур [7], Д. С. Воронов и В. В. Криворотов [8] рассматривают повышение конкурентоспособности в динамично изменяющейся среде; практические аспекты графических методов исследованы В. Ю. Разумей и И. В. Федосеевым [9].

Современные исследования акцентируют внимание на технологической независимости, цифровой зрелости, устойчивости цепочек поставок и организационной адаптивности. Е. А. Горбашко и В. И. Бородин [10] анализируют технологический суверенитет нефтегазового сектора, Н. В. Новикова [11] — связь технологического суверенитета и экономической безопасности, Е. Е. Жуланов и А. Л. Оксман [12] — устойчивость цепочек поставок.

Проблемы организационной гибкости и динамических способностей исследованы Е. А. Кирилловой и А. А. Шендриковым [13], цифровая зрелость предприятий — В. В. Печаткиным и А. И. Ялаловой [14], влияние санкций и геополитической нестабильности — С. Н. Чурилыным [15] и Н. М. Силаевым [16].

Несмотря на значительное количество исследований, в современной литературе недостаточно разработан комплексный подход к оценке конкурентоспособности промышленных предприятий в условиях внешнеэкономической турбулентности. Большинство методик ориентировано на анализ достигнутых результатов и не учитывает в полной мере способность предприятия к адаптивной перестройке производственных, технологических и логистических процессов.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью формирования методического инструментария, позволяющего учитывать не только достигнутый уровень конкурентоспособности, но и способность предприятия к адаптивной перестройке производственных, технологических и логистических процессов. Особую значимость данная задача приобретает для промышленных предприятий, ориентированных на внешние рынки, где устойчивость конкурентных позиций определяется не только внутренней эффективностью, но и степенью интеграции в глобальные цепочки создания стоимости.

Цель исследования состоит в развитии теоретических представлений о конкурентоспособности российских промышленных предприятий на международном рынке и в формировании логики ее оценки в условиях внешней турбулентности.

Для достижения поставленной цели решены следующие **задачи**:

- 1) уточнено экономическое содержание категории «конкурентоспособность промышленного предприятия»;
- 2) систематизированы подходы к ее оценке;
- 3) выявлены ограничения традиционного инструментария в условиях внешних шоков;
- 4) предложена укрупненная факторная модель оценки международной конкурентоспособности.

Объект исследования — совокупность теоретических подходов и методических решений, применяемых для оценки конкурентоспособности промышленных предприятий на международном рынке.

Предметом исследования являются экономические отношения, возникающие в процессе формирования и оценки конкурентоспособности промышленных предприятий в условиях нестабильной внешней среды.

Научная новизна исследования заключается в развитии подхода к оценке конкурентоспособности промышленного предприятия за счет интеграции факторов адаптивности, технологической независимости, устойчивости цепочек поставок и геоэкономической гибкости в единую аналитическую конструкцию.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении содержания категории конкурентоспособности как динамической характеристики, отражающей способность предприятия к воспроизводству конкурентных преимуществ в изменяющейся среде.

Практическая значимость заключается в возможности использования предложенных положений при разработке методик оценки конкурентоспособности промышленных предприятий, ориентированных на внешние рынки, а также в практике стратегического управления в условиях нестабильной экономической конъюнктуры.

Основная часть

Методы исследования. Исследование базируется на системном и институциональном подходах к анализу конкурентоспособности промышленного предприятия. Использованы методы сравнительного анализа, структурной декомпозиции, синтеза научных концепций и логико-аналитического моделирования. Систематизация подходов к оценке конкурентоспособности проводилась на основе анализа научной литературы, методических разработок и прикладных подходов стратегического управления.

В качестве информационной базы исследования использованы научные публикации российских и зарубежных авторов, посвященные вопросам оценки конкурентоспособности промышленных предприятий, динамических способностей организаций, цифровой зрелости, устойчивости цепочек поставок и технологического суверенитета.

Результаты исследования. Категория «конкурентоспособность» является фундаментальным понятием экономической науки, однако ее определение до сих пор неоднозначно. Множественность трактовок объясняется многовариантностью самой категории (технические, экономические, организационные аспекты), различными уровнями анализа (товар, предприятие, отрасль, национальная экономика) и относительным характером, поскольку субъект может быть конкурентоспособным на одних рынках и уступать на других [1]. В современной промышленной экономике различают реализованную конкурентоспособность, выражающуюся в рыночной доле или прибыли, и потенциальную, отражающую наличие ресурсов и компетенций для будущего успеха.

В развитии теории выделяют несколько этапов. Классический этап связан с трудами А. Смита и Д. Рикардо, которые интерпретировали конкурентоспособность через сравнительные преимущества, обусловленные затратами труда, природными или географическими факторами [3; 4]. Конкуренция рассматривалась как механизм ценового равновесия, а преимущество фирмы или нации — как способность производить блага с меньшими издержками, чем конкуренты.

Й. Шумпетер предложил иной подход, подчеркнув роль предпринимателя-новатора. Инновационная деятельность создает динамическое развитие и временную монопольную прибыль, являясь источником «созидательного разрушения» устоявшихся структур [5].

Структурно-позиционный этап (1960—1990-е гг.) связан с М. Портером и Гарвардской школой. Портер показал, что результаты предприятия зависят не только от внутренней эффективности, но и от положения в отрасли. В модели пяти сил конкуренции выделены ключевые факторы внешнего давления: власть поставщиков и покупателей, угроза новых участников, товары-заменители и конкуренция среди существующих компаний. Выбор базовой стратегии (лидерство по издержкам, дифференциация, фокусирование) стал определять конкурентоспособность через стратегическое позиционирование [6].

Современные исследования рассматривают конкурентоспособность как многоуровневую и эмерджентную характеристику, возникающую из взаимодействия внутренних возможностей предприятия и внешней среды [2]. Для промышленного сектора устойчивость результатов определяется не только свойствами продукта, но и качеством производственной системы, технологической базы, кооперации, логистики и управленческих решений.

Концепция динамических способностей подчеркивает способность предприятия своевременно обновлять ресурсную базу. Анализ цифрового развития подтверждает, что конкурентное преимущество формируется не только внедрением технологий, но и умением организации использовать их для повышения гибкости, координации и скорости реакции на внешние изменения [13].

Подходы к оценке конкурентоспособности: систематизация и ограничения в турбулентности. Существующие методы оценки конкурентоспособности формировались и апробировались преимущественно в условиях относительно стабильной внешней среды. Период с 2019 по 2025 г. обнаружил существенные ограничения традиционных методик, что требует их критического пересмотра. Систематизация подходов и их ограничений представлена в таблице.

Классификация методов оценки конкурентоспособности и их ограничения в условиях турбулентности

Описание	Ключевые преимущества	Основные ограничения для применения в текущих условиях	Факторы	Авторы
1	2	3	4	5
1. Графический подход				
Оценка с использованием графических инструментов для наглядного представления конкурентной позиции	Наглядность, простота представления результатов, помощь в определении стратегических направлений	Высокий риск искажения реальности. В условиях турбулентности (резкие изменения спроса, разрыв логистики) переносить сегодняшнюю долю рынка (ось X в BCG) на завтрашние решения опасно. Матрицы не учитывают возможность мгновенного исчезновения рынка или появления «серого» импорта, который ломает статистику	Параметры, визуализируемые в матрицах и многоугольниках: доля рынка, темпы роста рынка, относительная конкурентная позиция, интегральные показатели по выбранным векторам сравнения	Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур [7]
<i>Матричные методы (матрица BCG, McKinsey, Shell, модель конкурентных сил Портера)</i>				
Анализ продуктового портфеля через матрицы (рыночная позиция vs. привлекательность рынка)	Объективное представление о сбалансированности портфеля, относительная простота	Рассматривает предприятие только как набор бизнес-единиц, игнорируя другие факторы	Факторы внешней среды: рыночная власть поставщиков и потребителей, угроза появления субститутов, интенсивность внутриотраслевой конкуренции, барьеры входа. Факторы портфеля: темпы роста рынка, относительная доля рынка, привлекательность отрасли, конкурентоспособность бизнес-единицы	BCG (рост—рынок); Брюс Хендерсон (<i>Boston Consulting Group</i>), 1970; McKinsey (<i>GE-McKinsey</i>), McKinsey & Co., 1970-е; Shell (направления роста), Royal Dutch Shell, 1970-е; матрица конкурентных сил, Майкл Портер, 1979

Продолжение табл.

1	2	3	4	5
<i>Метод многоугольника конкурентоспособности</i>				
Сравнение предприятия с конкурентами по ключевым векторам деятельности в виде многоугольников	Высокая наглядность, позволяет выявить сильные/слабые стороны, можно получить количественную оценку	Широкое использование экспертных балльных оценок, что приводит к субъективизму	Операционные факторы: качество продукции, уровень цен, широта ассортимента, эффективность сбыта, уровень сервиса, доля рынка, финансовое состояние (рентабельность, ликвидность), эффективность маркетинга, квалификация персонала, уровень цифровизации бизнес-процессов	Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур [7]; В. Ю. Разумей, И. В. Федосеев [9]
2. Факторный подход				
Определение и количественная оценка набора основных факторов конкурентоспособности в сравнении с конкурентами	Позволяет получить детальную и количественную оценку по различным аспектам деятельности	Сбор данных невозможен или нерелевантен. Чтобы сравнить себя с конкурентом по 20 факторам, нужны его данные. В текущих условиях (санкции) многие промышленные предприятия перестали раскрывать отчетность. Даже если данные есть, инфляция и валютные скачки делают сравнение показателей «себе/конкурент» бессмысленным (цифры несопоставимы во времени)	Финансовые показатели, рыночные показатели, ресурсные показатели, инновационные показатели	Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур [7]
<i>Продуктовые методы</i>				
Конкурентоспособность предприятия как сумма конкурентоспособности его продукции, взвешенная по доле в продажах	Объективная оценка привлекательности продуктового портфеля для потребителей	Не учитывает синергию бизнес-процессов. В условиях санкций приоритетными становятся не только потребительские свойства, но и технологический суверенитет продукта (наличие отечественных компонентов), что редко включается в классические «ценовые» и «качественные» факторы	Ценовые факторы: цена потребления, соответствие цены потребительским свойствам. Неценовые факторы: качество, дизайн, эргономичность, престиж, уровень послепродажного обслуживания, соответствие требованиям ESG (экологичность, социальная ответственность)	Продуктовый метод (продуктовые методы) оценки конкурентоспособности промышленного предприятия не имеет единого автора-ввода, а исторически считается одним из первых подходов, развивавшихся в экономической литературе с 1990-х гг. на основе маркетинговых и квалиметрических моделей. Он базируется на предположении, что конкурентоспособность предприятия прямо пропорциональна конкурентоспособности его продукции, рассчитываемой через соотношение «цена-качество»
<i>Операционные методы</i>				
Конкурентоспособность как сумма показателей эффективности функциональных подразделений	Широкий охват показателей, использование реальных отчетных данных, точная оценка	Методы заточены на анализ прошлого (ретроспектива). В текущих условиях (резкий рост ключевой ставки, разрывы кооперации) высокая операционная эффективность прошлого периода не гарантирует выживаемость, если нарушена логистика или доступ к импортному оборудованию	Показатели эффективности использования ресурсов: фондоотдача, производительность труда, материалоемкость, оборачиваемость оборотных средств. Показатели финансовой устойчивости: коэффициенты ликвидности, автономии, рентабельности. Показатели деловой активности: оборачиваемость запасов, дебиторской и кредиторской задолженности	Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур [7]
<i>Комплексные методы</i>				
Оценка конкурентоспособности как интегральной величины, сочетающей текущие результаты (достигнутый статус) и конкурентный потенциал	Более полная, многомерная картина за счет сочетания разных подходов	Проблема весовой значимости факторов. В турбулентной среде веса факторов меняются быстрее, чем успевает обновиться модель. Сложность количественной оценки «потенциала адаптивности» и «антихрупкости» в стандартных балльных системах	Интегральные факторы: текущая конкурентоспособность (достигнутый статус на рынке), конкурентный потенциал (наличие ресурсов и динамических способностей для его удержания/наращивания). Уровень адаптивности системы управления	Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур [7]

Окончание табл.

1	2	3	4	5
3. Стоимостной подход				
Конкурентоспособность определяется через стоимость бизнеса как интегральный критерий успеха	Комплексный анализ всех ключевых характеристик (эффективность, управление, устойчивость, перспективы)	Фундаментальная неприменимость для 90 % российских предприятий. Для оценки стоимости нужен либо рынок (котировки акций), либо прогноз денежных потоков. В условиях ставки Центрального банка 15,5 % и выше и непрогнозируемости спроса строить прогноз денежных потоков на 3—5 лет — гадание. Рыночная капитализация многих промышленных гигантов сейчас не отражает их реальную мощь, а отражает санкционные риски	Рыночная капитализация, расчетная стоимость бизнеса, мультипликаторы сравнительных рыночных сделок, инвестиционная привлекательность	Е. А. Тиханов, В. В. Криворотов, П. В. Чепур [7]
<i>Динамические методы</i>				
Анализ изменений показателей во времени. Оценка через эффективность использования ресурсов в динамике с учетом операционной эффективности и стратегического позиционирования	Возможность оценить тренды, провести факторный анализ динамики, спрогнозировать будущий уровень; выявление причин изменений	Сложность факторного анализа в нестабильной среде. В 2022—2023 гг. рост выручки многих заводов обеспечен чисто инфляционным фактором и импортозамещением «по необходимости», а не реальным повышением производительности. Метод требует «очистки» рядов от внешних шоков, что математически сложно и часто приводит к ошибкам	Факторы операционной эффективности: динамика удельных затрат, динамика производительности. Факторы стратегического позиционирования: динамика доли рынка, изменение лояльности клиентов. Инновационные факторы: динамика затрат на НИОКР, количество внедренных технологических инноваций, скорость обновления продуктового портфеля	Д. С. Воронов, В. В. Криворотов [8]
4. Специализированные и адаптированные методики				
Методы, разработанные с учетом специфики современных вызовов (импортозамещение, инновации, стейкхолдеры, цифровизация)	Учет актуальных факторов (ESG, санкции, технологический суверенитет); более высокая адекватность в современных условиях	Отсутствие нормативной базы и статистики. Как измерить «культуру ошибки» или «способность к нестандартным решениям» в цифрах для годового отчета? Эти методы хороши для качественной экспертизы, но плохо ложатся в строгие экономико-математические модели. Высокий риск субъективизма при попытке посчитать «санкционную устойчивость» в баллах	Факторы устойчивости цепочек поставок: уровень диверсификации источников сырья и комплектующих, степень локализации производства, способность к быстрой реконфигурации логистических связей. Факторы технологической независимости: наличие собственных уникальных технологий, уровень зависимости от импортного программного обеспечения и оборудования. Факторы адаптивности и антихрупкости: наличие систем раннего предупреждения угроз, способность управленческой команды принимать нестандартные решения в условиях кризиса, «культура ошибки» и скорость обучения на них	Представляют собой отраслевые модификации базовых подходов (графического, факторного, стоимостного)

Примечание: сост. по: [7—9].

Проведенная систематизация методов оценки конкурентоспособности демонстрирует несоответствие классического инструментария современным вызовам. Традиционные подходы, разработанные для стабильной рыночной среды, предполагают сопоставимость данных, предсказуемость отраслевых траекторий и сохранение институциональной структуры.

Основной недостаток существующих методов заключается в ориентированности на фиксацию достигнутого уровня конкурентоспособности, тогда как управленцам требуется оценка способности предприятия к адаптивной перестройке. Ключевые параметры включают возможность замещения выпадающих импортных компонентов, гибкость логистических схем, технологическую независимость и готовность управленческой команды к нестан-

дартным решениям. Эти характеристики, недостаточно отраженные в классических методах, должны стать основой обновленной системы оценки конкурентоспособности, ориентированной на будущее, а не на прошлое.

Факторная структура конкурентоспособности промышленного предприятия на внешних рынках. С учетом проведенного анализа целесообразно отказаться от преимущественно статичной трактовки конкурентоспособности и перейти к многофакторной аналитической конструкции адаптивного типа. Такая конструкция должна отражать не только текущее положение предприятия на внешнем рынке, но и совокупность параметров, обеспечивающих сохранение, воспроизводство и развитие его конкурентных преимуществ в условиях нестабильной внешней среды.

Первый блок образуют показатели операционной эффективности. Они сохраняют базовое значение, поскольку без контроля себестоимости, производительности труда, качества продукции, оборачиваемости капитала и рентабельности невозможна устойчивая внешне-экономическая деятельность. Вместе с тем в современных условиях эти показатели не могут рассматриваться как самодостаточное основание оценки, поскольку их аналитическая ценность проявляется только во взаимосвязи с технологическими, логистическими и управленческими параметрами.

Второй блок связан с технологической независимостью предприятия. В современной промышленности она выступает значимым фактором конкурентоспособности, поскольку снижает уязвимость к внешним ограничениям и обеспечивает непрерывность производственного процесса при санкционном, инфраструктурном и институциональном давлении. Применительно к предприятию данный блок предполагает оценку степени локализации критических технологий, наличия собственных инженерных компетенций, а также уровня зависимости от импортного оборудования, программного обеспечения, сырья и комплектующих [10; 11].

Третий блок охватывает устойчивость цепочек поставок. Для предприятий, ориентированных на внешние рынки, принципиальное значение имеют диверсификация поставщиков, возможность оперативной замены материалов и компонентов, вариативность транспортно-логистических маршрутов, наличие альтернативных каналов расчетов и устойчивость контрактной сети. В этих условиях конкурентоспособность формируется не только на уровне отдельной фирмы, но и на уровне конфигурации всей цепочки создания стоимости, в которую она встроена [12].

Четвертый блок составляет цифровая зрелость. Ее значение определяется тем, что цифровые инструменты повышают прозрачность процессов, сокращают длительность управленческого цикла, расширяют возможности мониторинга, прогнозирования, координации и контроля. Для промышленного предприятия цифровая зрелость представляет собой не самостоятельный результат, а инфраструктурное условие адаптивности, управляемости и скорости организационной реакции на внешние изменения [13; 14; 17].

Пятый блок связан с геоэкономической адаптивностью. Речь идет о способности предприятия изменять экспортную географию, адаптировать продукт к требованиям новых рынков, использовать альтернативные валютно-расчетные механизмы, перераспределять внешнеторговые риски и корректировать конфигурацию международных партнерств. В условиях усиления геополитической фрагментации и нестабильности внешнеэкономических режимов данная группа факторов приобретает самостоятельное значение как контур стратегической устойчивости предприятия [15; 16].

Шестой блок включает качество стратегического управления рисками и организационную гибкость. Наличие сценарного планирования, механизмов раннего выявления угроз, ускоренных процедур принятия решений, межфункциональной координации и инструментов быстрой перенастройки бизнес-процессов повышает вероятность того, что предприятие сможет не только сохранить устойчивость, но и использовать структурные сдвиги внешней среды для укрепления своих рыночных позиций [18].

Таким образом, конкурентоспособность промышленного предприятия на внешних рынках целесообразно определять как интегральную способность поддерживать и воспроизводить конкурентные преимущества за счет сочетания операционной эффективности, технологической независимости, устойчивости цепочек поставок, цифровой зрелости, геоэкономической адаптивности и организационной гибкости. Такое понимание позволяет объединить классические и новые группы факторов в единую исследовательскую рамку и перейти от фиксации текущего состояния предприятия к анализу его способности сохранять результативность в изменяющейся международной среде.

Заключение

Проведенное исследование показало, что применяемые в теории и практике методы оценки конкурентоспособности промышленного предприятия в значительной степени сохраняют логику относительно стабильной рыночной среды и потому ограниченно пригодны для анализа внешнеэкономической деятельности в условиях высокой турбулентности. Их общим недостатком является ориентация преимущественно на фиксацию уже достигнутого состояния предприятия при недостаточном учете его способности к быстрой технологической, логистической и управленческой перестройке. Это снижает объяснительный и прикладной потенциал традиционного инструментария в ситуациях, когда конкурентные позиции определяются не только эффективностью использования ресурсов, но и устойчивостью к разрывам кооперации, внешним ограничениям и смене конфигурации рынков.

В работе уточнено понимание конкурентоспособности промышленного предприятия на внешних рынках как способности не только достигать, но и поддерживать конкурентные преимущества в изменяющейся внешней среде. Результатом исследования стала систематизация ограничений классических подходов и обоснование факторной структуры оценки, включающей операционную эффективность, технологическую независимость, устойчивость цепочек поставок, цифровую зрелость, геоэкономическую адаптивность, а также качество стратегического управления рисками и организационную гибкость. Вклад статьи состоит в том, что эти разрозненные параметры сведены в единую аналитическую рамку, пригодную для дальнейшей операционализации и разработки прикладной методики оценки конкурентоспособности промышленных предприятий, работающих на внешних рынках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черников А. В. Конкурентоспособность предприятия: понятие и этапы развития // Современная конкуренция. 2008. № 3. С. 114—122.
2. Кодиров Ф. А. Методология оценки эффективности систем управления конкурентоспособностью в промышленности // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 56. URL: <https://esj.today/PDF/92FAVN624.pdf>.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2009. 956 с.
4. Афанасьев В. С. Давид Рикардо. М. : Экономика, 1988. 127 с.

5. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 455 с.
6. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations // *Harvard Business Review*. 1990. Vol. 68. No. 2. Pp. 73—93. DOI: 10.1002/cir.3880010112.
7. Тиханов Е. А., Криворотов В. В., Чепур П. В. Анализ и систематизация методов оценки конкурентоспособности предприятия // *Фундаментальные исследования*. 2016. № 10. Ч. 3. С. 647—651.
8. Воронов Д. С., Криворотов В. В. Методика повышения конкурентоспособности предприятия // *Проблемы развития территории*. 2017. № 5(91). С. 59—74.
9. Разумей В. Ю., Федосеев И. В. Практический опыт применения графических методов оценки конкурентоспособности для строительных предприятий // *In Situ*. 2016. № 1—2. С. 73—79.
10. Горбашко Е. А., Бородин В. И. Технологический суверенитет как фактор конкурентоспособности нефтегазовых компаний Российской Федерации // *Экономика и управление*. 2024. Т. 30. № 9. С. 1100—1110. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-9-1100-1110.
11. Новикова Н. В., Данилов Т. Д. Технологический суверенитет в системе обеспечения экономической безопасности России // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 10-3(97). С. 21—27. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-3-21-27.
12. Жуланов Е. Е., Оксман А. Л. К вопросу о понятии устойчивости цепочек поставок // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика*. 2024. № 1(47). С. 21—29.
13. Кириллова Е. А., Шендrikов А. А. Динамические способности и организационная гибкость в контексте цифрового развития современных промышленных предприятий // *Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева*. 2024. № 1(53). Т. 2. С. 87—99.
14. Печаткин В. В., Ялалова А. И. Цифровая зрелость промышленных предприятий: понятийный аппарат и методические подходы к оценке // *Креативная экономика*. 2025. Т. 19. № 7. С. 1869—1890. DOI: 10.18334/ce.19.7.123492.
15. Чурилин С. Н. Стратегии адаптации бизнеса к санкционным ограничениям // *Journal of Monetary Economics and Management*. 2024. № 9. С. 98—104. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.94.95.014.
16. Силаев Н. М. Геополитические риски как фактор стратегической неопределенности российских организаций: подходы к управлению // *Прогрессивная экономика*. 2025. № 9. С. 213—226 DOI: 10.54861/27131211_2025_9_213.
17. Капустина Л. М., Нурматов В. А. Концептуальные подходы к управлению конкурентоспособностью организации // *Экономические исследования и разработки*. 2025. № 9. С. 6—11.
18. Ямова О. В., Ефремова В. В. Совершенствование методического подхода к оценке конкурентоспособности предприятия в условиях цифровой экономики // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. 2019. Т. 12. № 3. С. 47—59. DOI: 10.18721/JE.12304.

REFERENCES

1. Chernikov A. V. Competitiveness of an enterprise: concept and development stages. *Sovremennaya konkurentsia = Journal of Modern Competition*. 2008;3:114—122. (In Russ.)
2. Kodirov F. A. Methodology for assessing the efficiency of industrial competitiveness management systems. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2024;16(s6). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/92FAVN624.pdf>.
3. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Moscow, Eksmo, 2009. 956 p. (In Russ.)
4. Afanas'ev V. S. David Ricardo. Moscow, Ekonomika, 1988. 127 p. (In Russ.)
5. Schumpeter J. The Theory of Economic Development. Moscow, Progress, 1982. 455 p. (In Russ.)
6. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. *Harvard Business Review*. 1990;68(2):73—93. DOI: 10.1002/cir.3880010112.
7. Tikhonov E. A., Krivorotov V. V., Chepur P. V. Analysis and systematisation of enterprises competitiveness evaluation methods. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2016;10-3:647—651. (In Russ.)
8. Voronov D. S., Krivorotov V. V. Methods of enhancing enterprise competitiveness. *Problemy razvitiya territorii = Problems of territory's development*. 2017;5(91):59—74. (In Russ.)
9. Razumei V. Yu., Fedoseev I. V. Practical experience of applying graphical methods for assessing competitiveness of construction enterprises. *In Situ*. 2016;1—2:73—79. (In Russ.)
10. Gorbashko E. A., Borodin V. I. Technological sovereignty as a factor of competitiveness of oil and gas companies of the Russian Federation. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(9):1100—1110. (In Russ.) DOI: 10.35854/1998-1627-2024-9-1100-1110.
11. Novikova N. V., Danilov T. D. Technological sovereignty in the system of ensuring Russia's economic security. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;10-3(97):21—27. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2024-10-3-21-27.
12. Zhulanov E. E., Oksman A. L. On the question of the concept of supply chain sustainability. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika = Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*. 2024;1(47):21—29. (In Russ.)
13. Kirillova E. A., Shendrikov A. A. Dynamic capabilities and organizational flexibility in the context of digital development of modern industrial enterprises. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2024;1(53)-2:87—99. (In Russ.)
14. Pechatkin V. V., Yalalova A. I. Digital maturity of industrial companies: conceptual framework and methodological approaches to assessment. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2025;19(7):1869—1890. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.19.7.123492.

15. Churilin S. Business adaptation strategies to sanctions restrictions. *Journal of Monetary Economics and Management*. 2024;9:98—104. (In Russ.) DOI: 10.26118/2782-4586.2024.94.95.014.
16. Silaev N. M. Geopolitical risks as a factor of strategic uncertainty of Russian organizations: approaches to management. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economics*. 2025;9:213—226. (In Russ.) DOI: 10.54861/27131211_2025_9_213.
17. Kapustina L. M., Nurmatov V. A. Conceptual approaches to managing the competitiveness of an organization. *Ekonomicheskie issledovaniya i razrabotki*. 2025;9:6—11. (In Russ.)
18. Yamova O. V., Efremova V. V. Improvement of methodological approach to assessing the competitiveness of enterprises in digital economy. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2019;12(3):47—59. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.12304.

Статья поступила в редакцию 20.04.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 20.04.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Обзорная статья**УДК 338.488****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1622****Andrey Dmitrievich Neretin**applicant of the Department of Trade and Marketing,
field of training

5.2.3 — Regional and sectoral economy,

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

aneretin292@gmail.com

Andrey Vladimirovich Voloshin

Doctor of Economics, Associate Professor,

Professor of the Department of Trade and Marketing,

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

kedr-2024@yandex.ru

Yulia Yurievna Suslova

Doctor of Economics, Professor,

Head of the Department of Trade and Marketing,

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

sokol-151@yandex.ru

Lubov Ivanovna Podachina

Candidate of Economics, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Trade and Marketing,

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

lpodachina@sfu-kras.ru

Irina Aleksandrovna Shihaleva

Senior Lecturer at the Department

of Trade and Marketing,

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russian Federation

shihaleva@list.ru

Андрей Дмитриевич Неретин

соискатель кафедры торгового дела и маркетинга,

направление подготовки

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация

aneretin292@gmail.com

Андрей Владимирович Волошин

д-р экон. наук, доцент,

профессор кафедры торгового дела и маркетинга,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация

kedr-2024@yandex.ru

Юлия Юрьевна Сулова

д-р экон. наук, профессор,

заведующий кафедрой торгового дела и маркетинга,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация

sokol-151@yandex.ru

Любовь Ивановна Подачина

канд. экон. наук, доцент,

доцент кафедры торгового дела и маркетинга,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация

lpodachina@sfu-kras.ru

Ирина Александровна Шихалева

старший преподаватель

кафедры торгового дела и маркетинга,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Российская Федерация

shihaleva@list.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНКУРЕНТНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ГОСТЕПРИИМСТВЕ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматривается эволюция научных подходов к определению сущности конкуренции и конкурентоспособности в экономической теории. На основе комплексного анализа трудов классических, неоклассических и современных отечественных и зарубежных исследователей систематизированы ключевые трактовки данных категорий, отражающие постепенный переход от узкоэкономического понимания конкуренции как формы соперничества хозяйствующих субъектов к ее интерпретации как сложного, многоуровневого, институционально обусловленного и динамического процесса. Подчеркивается, что в современных условиях конкуренция выходит за рамки исключительно ценовых механизмов и во всё большей степени определяется инновационной активностью, уровнем цифровизации, качеством управления, брендингом и степенью ориентации на потребителя.

Особое внимание уделено разграничению понятий конкуренции и конкурентоспособности, а также выявлению их диалектической взаимосвязи в условиях трансформации рыночной среды, усиления глобализационных процессов и роста неопределенности внешней среды. Рассматриваются существующие методологические подходы к оценке конкурентоспособности на различных уровнях экономической системы — от отдельных предприятий до отраслей и национальных экономик, с учетом особенностей функционирования сервисного сектора.

В статье обоснована актуальность переосмысления данных категорий в контексте цифровизации экономики, развития платформенных бизнес-моделей и усиления роли нематериальных активов, что особенно значимо для сферы гостиничного бизнеса, характеризующейся высокой степенью конкуренции, зависимостью от качества клиентского опыта и необходимостью постоянного внедрения

инноваций. Сформулированы авторские определения конкуренции и конкурентоспособности, отражающие системный, воспроизводственный и интегративный подходы к анализу данных экономических явлений, что позволяет расширить теоретическую базу их исследования и повысить практическую значимость полученных результатов.

Для цитирования: Неретин А. Д., Волошин А. В., Сулова Ю. Ю., Подачина Л. И., Шихалева И. А. Трансформация конкурентных механизмов в гостеприимстве в условиях цифровизации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 49—58. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1622.

Review article

TRANSFORMATION OF COMPETITIVE MECHANISMS IN HOSPITALITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article examines the evolution of scientific approaches to defining the essence of competition and competitiveness in economic theory. Based on a comprehensive analysis of the works of classical, neoclassical, and contemporary Russian and foreign researchers, key interpretations of these categories are systematized, reflecting the gradual transition from a narrowly economic understanding of competition as a form of rivalry between economic entities to its interpretation as a complex, multi-level, institutionally determined, and dynamic process. It is emphasized that in modern conditions, competition goes beyond purely price mechanisms and is increasingly determined by innovation, the level of digitalization, the quality of management, branding, and the degree of customer focus.

Particular attention is paid to distinguishing between the concepts of competition and competitiveness, as well as identifying their dialectical relationship in the context of a transforming market environment, intensifying globalization processes, and growing environmental uncertainty. Existing methodological approaches to assessing competitiveness

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, экономическая теория, эволюция научных подходов, рыночный механизм, инновации, цифровизация, гостиничный бизнес, сфера гостеприимства, электронная коммерция, платформенная экономика, устойчивое развитие, конкурентные преимущества

at various levels of the economic system—from individual enterprises to industries and national economies—are examined, taking into account the specific features of the service sector.

This article substantiates the relevance of rethinking these categories in the context of the digitalization of the economy, the development of platform business models, and the increasing role of intangible assets. This is particularly significant for the hotel industry, characterized by a high degree of competition, dependence on the quality of customer experience, and the need for continuous innovation. The author's definitions of competition and competitiveness are formulated, reflecting a systemic, reproducible, and integrative approach to analyzing these economic phenomena, thereby expanding the theoretical basis for their study and enhancing the practical significance of the results.

Keywords: competition, competitiveness, economic theory, evolution of scientific approaches, market mechanism, innovation, digitalization, hotel business, hospitality industry, e-commerce, platform economy, sustainable development, competitive advantages

For citation: Neretin A. D., Voloshin A. V., Suslova Yu. Yu., Podachina L. I., Shihaleva I. A. Transformation of competitive mechanisms in hospitality in the context of digitalization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026; 2(75):49—58. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1622.

Введение

Изученность проблемы. В число наиболее значимых работ в исследовании конкуренции и конкурентоспособности следует отнести труды классиков экономической теории и ведущих современных исследователей, сформировавших методологическую основу анализа данных категорий. Фундаментальные положения о природе конкуренции и механизмах рыночного взаимодействия были заложены А. Смитом [1], Д. Рикардо [2], К. Марксом [3], позднее развиты в трудах Й. Шумпетера [4], Ф. Хайека [5], Дж. Робинсон [6], Э. Чемберлина [7], А. Маршалла [8]. Существенный вклад в развитие концепции конкурентных преимуществ и стратегического анализа внесли Ф. Э. Ю. Абдельмаджид [9], Р. А. Фатхутдинов [10], И. Ансофф [11], И. Д. Грачев [12], А. И. Степанова [13], М. Портер [14], В. Баринев [15], А. Н. Захаров [16], М. В. Маракулин [17]. Их исследования сформировали теоретическую базу понимания конкуренции как системного механизма развития экономики и конкурентоспособности как интегральной характеристики эффективности функционирования хозяйствующих субъектов на различных уровнях экономической системы.

Наряду с указанными авторами следует отметить исследователей, рассматривающих конкуренцию и конкурентные отношения в контексте изучения других экономических проблем, среди которых вопросы стратегического управления, ресурсного обеспечения, маркетинга, инновационного развития и адаптации предприятий к изменяющейся рыночной среде. В этой связи значимы труды О. С. Куропаткиной [18], Т. И. Тюленевой [19], Э. Д. Абдулгасиса [20], Е. С. Ждановой [21], А. В. Шаропатовой [22], А. Е. Герасимовой [23], Е. А. Анферовой [24], А. Л. Карпова [25], С. Н. Комогорцева [26], И. С. Шумной [27], Г. Б. Дейкановой [28], А. И. Бондаренко [29], Е. А. Курашовой [30], А. Е. Кисовой [31], Ю. С. Романенковой [32], Л. В. Гринцевич [33], А. В. Дементьевой [34], М. Г. Миронова [35], А. И. Бурдевой [36], А. А. Краевой [37], С. Б. Алексеева [38], Ю. В. Филимоновой [39], Е. Н. Смирнова [40], Е. В. Белоногова [41], О. С. Веремеенко [42]. Их исследования позволили расширить трактовку конкуренции и конкурентоспособности, подчеркнув их прикладной, сравнительный и динамический характер, а также значимость адаптационных, ресурсных и маркетинговых факторов в обеспечении устойчивого развития предприятий.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью углубленного теоретического осмысления категорий конкуренции и конкурентоспособности в условиях трансформации современной экономической среды. В условиях ускоренной цифровизации, развития платформенных бизнес-моделей и усиления глобальной конкуренции традиционные подходы к интерпретации данных понятий утрачивают свою универсальность и требуют адаптации к новым реалиям хозяйствования. Возрастающая роль нематериальных факторов, таких как качество клиентского опыта, инновационный потенциал и уровень цифровой зрелости, обуславливает необходимость пересмотра существующих теоретико-методологических подходов.

Особую значимость данное исследование приобретает для сферы гостиничного бизнеса, функционирующей в условиях высокой конкурентной напряженности и зависимости от быстро меняющихся потребительских предпочтений. Отсутствие единообразия в трактовках исследуемых категорий затрудняет формирование эффективных управленческих решений и снижает точность оценки конкурентных позиций хозяйствующих субъектов.

Научная новизна исследования заключается в развитии смысловых подходов к определению конкуренции и конкурентоспособности в экономической теории с учетом современных трансформационных процессов в экономике, авторской адаптации понимания сущности конкурентоспособности с учетом отраслевой и технологической специфики, классификации различных взглядов и подходов в сфере конкуренции и конкурентоспособности.

Целью данной статьи является методологическое обобщение научных подходов к определению сущности конкуренции и конкурентоспособности, а также формирование авторского понимания данных категорий с учетом специфики современного гостиничного бизнеса и процессов цифровизации.

Для достижения поставленной цели в исследовании определены следующие **задачи**:

- проанализировать эволюцию научных подходов к определению сущности конкуренции и конкурентоспособности в рамках различных экономических школ;
- систематизировать существующие трактовки исследуемых категорий и выявить их ключевые характеристики и отличительные особенности;
- провести разграничение понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность», а также определить характер их взаимосвязи в современных экономических условиях;
- рассмотреть особенности проявления конкуренции и конкурентоспособности в сфере гостиничного бизнеса с учетом специфики сервисной деятельности;
- сформулировать авторские определения конкуренции и конкурентоспособности, отражающие современные тенденции развития экономики и специфику отрасли.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и развитии понятийного аппарата в части категорий конкуренции и конкурентоспособности. Проведенная систематизация научных подходов и сформулированная позиция авторов исследования способствуют более глубокому пониманию сущности данных явлений с учетом современных трансформационных процессов, включая цифровизацию и развитие платформенной экономики.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения полученных результатов при формировании управленческих решений, направленных на повы-

шение конкурентоспособности предприятий, в т. ч. в сфере гостиничного бизнеса. Предложенные подходы могут быть использованы для более точной оценки конкурентных позиций организаций и разработки стратегий их устойчивого развития в условиях динамичной рыночной среды.

Основная часть

В условиях трансформации мировой экономики, характеризующейся усилением процессов цифровизации, глобализации и развития электронных платформ, вопросы конкуренции и конкурентоспособности приобретают особую актуальность. Данные категории традиционно относятся к числу фундаментальных понятий экономической теории, однако их содержание и механизмы проявления претерпевают существенные изменения под воздействием современных технологических и институциональных факторов.

Исторически понятие конкуренции формировалось в рамках классической политической экономии и первоначально рассматривалось преимущественно как форма соперничества между хозяйствующими субъектами за ресурсы, рынки сбыта и прибыль. В дальнейшем развитие экономической мысли привело к расширению трактовок конкуренции, включению в анализ ее функциональных, институциональных, поведенческих и инновационных аспектов. Параллельно с этим сформировалось и понятие конкурентоспособности, отражающее способность экономических субъектов эффективно функционировать и сохранять устойчивые позиции в условиях конкурентной среды.

Современные условия хозяйствования, особенно в сфере услуг и гостеприимства, требуют переосмысления традиционных подходов к данным категориям. Развитие цифровых технологий, онлайн-платформ бронирования, CRM-систем и инструментов аналитики изменяет характер конкурентной борьбы, смещая акцент с ценового соперничества к управлению клиентским опытом, качеству сервиса и использованию нематериальных активов. В этой связи возрастает научная и практическая значимость систематизации существующих теоретических подходов и формирования комплексного взгляда на конкуренцию и конкурентоспособность в условиях цифровой экономики.

Методы и материалы исследования. Методология исследования основана на комплексном применении общенаучных и специальных методов экономического анализа. В процессе работы использовались методы теоретического обобщения и систематизации научных подходов к определению сущности конкуренции и конкурентоспособности, что позволило выявить основные этапы эволюции данных категорий. Сравнительный анализ применялся для сопоставления различных трактовок отечественных и зарубежных авторов, а также для выявления их сходств и различий.

Метод классификации использован для структурирования существующих подходов и выделения ключевых признаков исследуемых понятий. Кроме того, применялся системный подход, позволивший рассмотреть конкуренцию и конкурентоспособность как взаимосвязанные и динамично развивающиеся экономические явления. Элементы логического и абстрактно-аналитического методов использованы при формулировании авторских определений.

Выбор указанных методов обусловлен необходимостью всестороннего анализа теоретических аспектов исследуемой проблемы и обеспечения обоснованности полученных выводов в условиях трансформации современной экономической среды.

Результаты исследования. Исторически осмысление конкуренции начинается с классической политической экономии. А. Смит рассматривал ее как механизм рыночного саморегулирования, основанный на принципе «невидимой руки», где стремление к личной выгоде способствует общественному благу [1]. Конкуренция в данном контексте выступает фактором повышения эффективности и оптимального распределения ресурсов.

Д. Рикардо развил эти идеи, сосредоточив внимание на международной конкуренции. Согласно его теории сравнительных преимуществ, страны специализируются на производстве товаров с наименьшими альтернативными издержками, что обеспечивает эффективность международного обмена [2]. В этой логике конкуренция становится инструментом рационального распределения ресурсов на глобальном уровне.

К. Маркс предложил более системный взгляд, рассматривая конкуренцию как внутренний механизм капиталистической экономики, определяющий движение капитала, развитие производительных сил и обострение противоречий между трудом и капиталом [3]. В его трактовке конкуренция выступает не только формой соперничества, но и законом развития экономической системы.

В XX в. акцент сместился в сторону стратегического анализа. М. Портер выделил ключевую роль инноваций, качества и кластерного развития в формировании конкурентных преимуществ [14]. Это ознаменовало переход от абстрактных моделей к практическому анализу конкурентных стратегий.

Современные подходы расширяют понимание конкуренции, рассматривая ее как сложную систему взаимодействий. Так, А. Ю. Грищенко определяет ее как совокупность действий субъектов, направленных на создание более выгодных условий деятельности [43]. М. В. Короткая подчеркивает многоуровневый характер конкуренции, включая в нее не только производителей, но и посредников и потребителей [44]. С. В. Матросова рассматривает ее как процесс соперничества за максимизацию продаж и удовлетворение потребностей [45].

Ряд исследователей акцентирует внимание на конфликтной и кооперативной природе конкуренции. В. В. Осипов описывает ее как совокупность форм воздействия участников рынка, включая реакцию на угрозы [46], а Е. Н. Халтурина подчеркивает двойственную природу понятия, сочетающую борьбу и сотрудничество [47].

Функциональный подход представлен в работах С. А. Мамонтова, который рассматривает конкуренцию как механизм реализации функций рынка [48]. В более широком смысле она определяется как универсальная форма соперничества за достижение целей [49; 50].

Современные исследования также подчеркивают инновационную роль конкуренции. Она стимулирует развитие технологий, повышение качества продукции и поиск новых решений [51; 52]. В этом контексте конкуренция выступает не только как форма борьбы, но и как источник экономического развития.

Развитие неоклассической теории позволило углубить понимание конкуренции как механизма рыночного равновесия. А. Маршалл рассматривал ее через взаимодействие спроса и предложения, определяющее цену и распределение ресурсов [8]. В рамках данного подхода конкуренция выступает инструментом саморегуляции экономики.

Современные исследования подчеркивают усиление интенсивности конкурентной борьбы и ее трансформацию под влиянием глобализации и цифровизации. Конкуренция всё чаще рассматривается как многоуровневое явление, включающее технологические, институциональные и поведенческие аспекты [47]. Она проявляется не только в ценовом соперничестве, но и в области инноваций, качества обслуживания и формирования клиентского опыта.

Дальнейшее развитие теории связано с формализацией конкурентного поведения. А. Курно предложил модель взаимодействия фирм в условиях олигополии, где решения одного участника зависят от предполагаемого поведения других [53].

Ф. Найт дополнил анализ, введя фактор неопределенности и риска, подчеркнув значение ожиданий и информации [54]. Дж. Робинсон и Э. Чемберлин развили концепцию несовершенной конкуренции, указав на важность неценовых факторов и дифференциации продукции [6; 7]. В свою очередь, Й. Шумпетер предложил концепцию «созидательного разрушения», в рамках которой конкуренция рассматривается как процесс постоянного обновления экономики за счет внедрения инноваций [4].

Ф. Хайек рассматривает ее как процесс распространения знаний, обеспечивающий координацию экономической деятельности [5]. В современных условиях данная трактовка приобретает особую актуальность в связи с ростом роли информации и цифровых технологий. Существенное значение имеет и институциональный подход. П. Завьялов трактует конкуренцию как форму состязательности, ограничивающую возможность отдельных субъектов влиять на рыночные условия [55].

Параллельно с развитием теории конкуренции формируется категория конкурентоспособности, отражающая результат участия субъектов в конкурентной борьбе. В отличие от конкуренции как процесса, конкурентоспособность характеризует способность объекта удерживать и усиливать свои позиции на рынке.

Одним из системных подходов к анализу конкурентоспособности является модель Ф. Э. Ю. Абдельмаджида, выделяющего четыре уровня: товарный, микро-, мезо- и макроуровень [9]. Такой подход позволяет рассматривать конкурентоспособность как комплексную категорию, зависящую как от внутренних характеристик предприятия, так и от внешней среды.

На уровне предприятия конкурентоспособность связывается с эффективным использованием ресурсов и способностью адаптироваться к изменениям рынка. Е. С. Жданова подчеркивает важность анализа конкурентной среды для выявления преимуществ и разработки стратегии [21]. Ряд исследователей рассматривает конкурентоспособность через характеристики продукции. А. В. Шаропатова связывает ее с соотношением цены и качества [22]. А. Е. Герасимова определяет ее как способность эффективно конкурировать за счет рационального использования ресурсов [23], а Е. А. Анферова акцентирует внимание на адаптивности и инновационности как ключевых факторах [24], тогда как более современные подходы включают также имидж, бренд и инновационность. Дальнейшее развитие теории конкурентоспособности связано с углублением ее прикладного и стратегического содержания. Р. А. Фатхутдинов определяет конкурентоспособность как превосходство объекта управления над конкурентами в определенной сфере [10], подчеркивая возможность ее количественной оценки.

И. Ансофф связывает ее с эффективным позиционированием компании с учетом ценовых и неценовых факторов [11], что отражает стратегический характер данной категории.

Сравнительный характер конкурентоспособности подчеркивается в работах А. Л. Карпова и С. Н. Комогорцева, рассматривающих ее как способность противостоять конкурентам и удовлетворять потребности лучше аналогов [25; 26]. При этом она носит динамический характер и требует постоянного обновления преимуществ.

Современные подходы также учитывают поведенческий и рыночный аспекты. Конкурентоспособность проявляется в способности занимать устойчивые позиции, формировать спрос и обеспечивать стабильный объем продаж. При этом ключевым фактором остается конкурентоспособность продукции как основа рыночного успеха предприятия [27; 28].

Обобщая существующие подходы, И. Д. Грачев рассматривает конкурентоспособность как многоуровневую категорию, применимую к товарам, предприятиям, отраслям и национальной экономике [12]. Это подчеркивает ее системный характер и взаимосвязь всех уровней экономики.

Ряд исследователей акцентирует внимание на ресурсной основе конкурентоспособности. Согласно данному подходу, ее уровень определяется способностью предприятия эффективно использовать и комбинировать доступные ресурсы. В. Баринов рассматривает конкурентоспособность как результат взаимодействия элементов системы и их организованности [15], а А. Н. Захаров — как наличие свойств, обеспечивающих преимущества в экономическом соперничестве [16].

Значительное внимание уделяется динамическому характеру конкурентоспособности. М. В. Маракулин подчеркивает, что она проявляется в способности предприятия функционировать в изменяющейся среде, сохраняя и развивая свои преимущества [17].

Современные подходы также выделяют значимость управленческих и организационных факторов. А. В. Дементьева связывает конкурентоспособность с умением концентрировать ресурсы на ключевых направлениях [34], а М. Г. Миронов — со способностью производить и реализовывать продукцию на уровне не ниже конкурентов по цене и качеству [35].

В современных исследованиях усиливается акцент на потребительской ценности как ключевом факторе конкурентоспособности. Таким образом, конкурентоспособность всё чаще рассматривается через призму восприятия потребителя.

Существенную роль играет и взаимосвязь конкурентоспособности предприятия и его продукции. Создание конкурентоспособного продукта является базовым условием устойчивого положения фирмы. В этом контексте конкурентоспособность выступает как интегральный результат деятельности предприятия. В завершении стоит подметить автора Т. М. Плотнидина, рассматривающая конкурентоспособность как способность адаптироваться к внешним изменениям и формировать новые преимущества [56].

Таким образом, конкурентоспособность может быть представлена как комплексная характеристика, включающая ресурсные, стратегические, рыночные и поведенческие аспекты. Она отражает не только текущее положение предприятия, но и его потенциал к дальнейшему развитию.

На основе проведенного анализа целесообразно сформулировать авторские определения исследуемых категорий.

Во-первых, конкуренция выступает как внешняя среда, формирующая условия функционирования рынка, включая уровень открытости, динамику спроса, технологические стандарты и степень цифровизации. В условиях цифровой экономики конкуренция в сфере гостеприимства проявляется не только между отдельными предприятиями, но и между цифровыми платформами, каналами онлайн-продаж и системами управления клиентским опытом.

Во-вторых, конкурентоспособность представляет собой внутреннюю способность системы адаптироваться к данным условиям и формировать устойчивые преимущества. Она включает как материальные характеристики (качество услуг, инфраструктура), так и нематериальные (бренд, цифровые компетенции, стандарты обслуживания).

В условиях цифровизации ключевым фактором конкурентоспособности становится эффективное использование информационных технологий: CRM-систем, онлайн-дистрибуции, аналитики данных и инструментов персонализации взаимодействия с клиентами.

С позиции системного подхода конкуренция задает внешние рамки развития, выступая источником стимулов к обновлению, тогда как конкурентоспособность отражает способность предприятия использовать эти стимулы для укрепления своих позиций.

Можно выделить следующие смысловые подходы к определению конкуренции и конкурентоспособности в экономической теории:

• **Конкуренция как соперничество и борьба экономических субъектов:** А. Смит [1]; Д. Рикардо [2]; К. Маркс [3]; Э. Чемберлин [7]; А. Маршалл [8]; А. Е. Кисова [31]; А. Ю. Грищенко [43]; В. В. Осипов [46]; Е. А. Лукьянова [49]; Ю. В. Шляпина [50]; А. Курно [53]; Ф. Найт [54].

• **Конкуренция как рыночный механизм и системный элемент экономики:** А. Маршалл [8]; Дж. Робинсон [6]; Э. Д. Абдулгасис [20]; С. А. Мамонтов [48]; А. Курно [53].

• **Конкуренция как процесс развития, инноваций и динамики:** Й. Шумпетер [4]; Ф. Хайек [5]; М. Портер [14]; М. В. Маракулин [17]; И. А. Чертихина [51]; С. В. Розенко [52].

• **Конкуренция как взаимодействие, отношения и поведенческий процесс:** Э. Чемберлин [7]; Е. А. Анферова [24]; А. Л. Карпов [25]; С. Н. Комогорцев [26]; Ю. В. Филимонова [39]; Е. Н. Смирнов [40]; С. В. Матросова [45]; Е. Н. Халтурина [47]; Ф. Найт [54].

• **Конкурентоспособность как способность, потенциал и результат деятельности:** Р. А. Фатхутдинов [10]; И. Ансофф [11]; В. Баринов [15]; С. Н. Комогорцев [26]; А. И. Бурдева [36]; А. В. Шаропатова [22]; А. И. Бондаренко [29]; Г. Б. Дейканова [28]; Ю. С. Романенкова [32]; М. Портер [14]; Е. С. Жданова [21]; И. Д. Грачев [12]; А. А. Краева [37]; А. И. Степанова [13]; Л. В. Гринцевич [33]; А. Е. Герасимова [23]; И. С. Шумная [27]; Е. А. Курашова [30]; С. Б. Алексеев [38].

Проведенный анализ позволил систематизировать существующие подходы и выделить основные направления в теории конкуренции и конкурентоспособности.

Первая группа отражает классическое понимание конкуренции как формы экономического соперничества за ограниченные ресурсы, спрос и прибыль. В рамках данного подхода акцент делается на конфликтной природе взаимодействия, где усиление позиций одних субъектов происходит за счет ослабления других. Этот подход сохраняет актуальность при анализе рыночной структуры и ценовой конкуренции.

Вторая группа рассматривает конкуренцию как элемент рыночного механизма, выполняющий регулируемую функцию. В данном случае она обеспечивает согласование спроса и предложения, формирование цен и распределение ресурсов, а также препятствует монополизации рынков. Конкуренция выступает как системный инструмент поддержания равновесия экономики.

Третье направление связано с эволюционным подходом, в рамках которого конкуренция рассматривается как движущая сила развития. Она стимулирует инновации, технологические изменения и формирование новых рынков. В этом контексте соперничество проявляется не только в ценах, но и в идеях, технологиях и управленческих решениях.

Четвертая группа акцентирует внимание на поведенческом и социально-экономическом характере конкуренции. Она трактуется как процесс взаимодействия субъектов, включающий элементы сотрудничества, адаптации и стратегического поведения. Такой подход позволяет учитывать влияние информации, ожиданий и институциональной среды.

Пятая группа связана с выделением категории конкурентоспособности как самостоятельной характеристики. В рамках данного направления она рассматривается как интегральная способность объекта эффективно функционировать в конкурентной среде, адаптироваться к изменениям и достигать устойчивых результатов. Конкурентоспособность объединяет ресурсы, стратегию и результаты деятельности.

Представленная классификация отражает эволюцию научных взглядов, от статичного понимания конкуренции как борьбы к ее современному восприятию как сложно-

го, многоуровневого и динамичного процесса. При этом все подходы взаимодополняют друг друга, формируя целостное представление о механизмах функционирования рынка.

Заключение

Проведенное исследование позволило подтвердить, что конкуренция и конкурентоспособность представляют собой сложные, многоаспектные и взаимосвязанные экономические категории, содержание которых эволюционирует по мере развития и усложнения экономических систем. В рамках поставленной цели были обобщены и классифицированы основные научные подходы к их определению, что позволило выявить переход от статичных трактовок к пониманию данных явлений как динамических и системных процессов.

В ходе работы решены задачи по разграничению понятий «конкуренция» и «конкурентоспособность», а также установлению их взаимосвязи: конкурентоспособность обоснована как результат и одновременно условие эффективного участия субъекта в конкурентной среде. Установлено, что в современных условиях цифровизации и развития платформенной экономики данные категории приобретают новые характеристики, связанные с возрастанием роли нематериальных факторов, инноваций и клиентского опыта.

Сформулированная авторская позиция и предложенные теоретические положения в перспективе могут быть использованы в практической деятельности предприятий гостиничного бизнеса при разработке стратегий повышения конкурентоспособности и адаптации к изменяющимся условиям рынка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов : пер. с англ. М. : Эксмо, 2022. 1056 с.
2. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения / пер. с англ. Н. Зибер. М. : АСТ, 2023. 574 с.
3. Маркс К. Капитал : полн. версия в 1 т. М. : АСТ : ОГИЗ, 2021. 958 с.
4. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития: исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. Изд. 3-е. М. : URSS, 2022. 398 с.
5. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М. : АСТ, 2023. 319 с.
6. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции : пер. с англ. М. : Прогресс, 1986. 471 с.
7. Чемберлин Э. Теория монополистической конкуренции : пер. с англ. М. : Экономика, 1996. 351 с.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки. М. : Бизнеском, 2010. 12 с.
9. Абдельмаджид Ф. Э. Ю. Критический обзор теории конкурентоспособности: определение, Факторы и детерминанты, индексы // Актуальные проблемы современной науки в 21 веке : сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала : Апробация, 2018. С. 123—125.
10. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. М. : Маркетинг, 2002. 885 с.
11. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб. : Питер Ком, 1999. 416 с.
12. Грачев И. Д., Ларин С. Н., Знаменская А. Н. Определение конкурентоспособности продукции в условиях санкционных ограничений // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 40-2. С. 64—68. DOI: 10.18411/lj-07-2018-43.
13. Степанова А. И. Особенности определения конкурентоспособности крабовой продукции на рынках КНР и Республики Корея // Вектор экономики. 2020. № 6(48). URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/6/worldeconomy/Stepanova.pdf>.
14. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран / пер. с англ. под ред. и с предисл. В. Д. Щетинина. М. : Альпина Паблишер, 2026. 948 с.
15. Баринов В. А., Синельников А. В. Развитие организации в конкурентной среде // Менеджмент в России и за рубежом. 2000. № 6. URL: <https://www.mevriz.ru/articles/2000/6/853.html>.
16. Захаров А. Н., Зокин А. А. Конкурентоспособность предприятия: сущность, методы, оценки и механизмы увеличения // Бизнес и банки. 2004. № 1—2. С. 1—5.
17. Маракулин М. В. Управление компромиссами как фактор конкурентоспособности компании // Менеджмент в России и за рубежом. 2003. № 4. С. 29—34.

18. Куропаткина О. С. Особенности определения конкуренции и конкурентоспособности страховых организаций // Современная конкуренция. 2012. № 3(33). С. 71—79.
19. Тюленева Т. И. Теоретические подходы к определению сущности понятия «конкуренция» // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 106—108.
20. Абдулгасис Э. Д., Бекирова С. С. Современные подходы к определению понятия «конкуренция» // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования : сб. науч. тр. VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Симферополь : Ариал, 2021. С. 10—13.
21. Жданова Е. С. Анализ современных методов определения конкурентоспособности предприятий // Часопис економічних реформ. 2018. № 1(29). С. 44—49.
22. Шаропатова А. В. Определение конкурентоспособности предприятий отрасли молочного скотоводства // Успехи современной науки и образования. 2015. № 2. С. 55—60.
23. Герасимова А. Е. Определение факторов конкурентоспособности компании в интернет-среде // Молодежная неделя науки института промышленного менеджмента, экономики и торговли : сб. тр. всерос. студенч. науч.-учеб. конф. : в 6 ч. СПб. : Политех-пресс, 2023. Ч. 4. С. 29—32.
24. Анферова Е. А. Теоретические подходы к определению понятия конкурентоспособности фирмы // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 1-4. С. 56—59.
25. Карпов А. Л. Конкурентоспособность предприятия: теория и практика управления. М. : Дашков и К, 2012. 256 с.
26. Комогорцев С. Н. Конкурентоспособность продукции: методы оценки и управления. Красноярск : СФУ, 2007. 210 с.
27. Шумная И. С. Конкурентоспособность предприятия и ключевые аспекты ее определения в современных условиях рынка // Управление и экономическая безопасность: страна, регион, малый и средний бизнес : сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 75-летию фак. менеджмента и предпринимательства РГЭУ (РИНХ). Ростов н/Д. : Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2024. С. 35—38.
28. Дейканова Г. Б. Определение конкурентоспособности молочного производства в сфере кластеризации // Вестник Кыргызского национального аграрного университета. 2017. № 4(45). С. 144—146.
29. Бондаренко А. И. Управление конкурентоспособностью предприятий промышленности (на примере Приморского края) : дис. ... канд. экон. наук. Хабаровск, 2016. 231 с.
30. Курашова Е. А., Бахитов А. А. Определение уровня конкурентоспособности предприятия и выработка решения для ее повышения // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск : Тихоокеан. гос. ун-т, 2024. С. 102—107.
31. Кисова А. Е. Теоретические подходы к определению сущности конкурентоспособности фирмы в современных условиях развития // Актуальные проблемы экономики, управления и права : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. Дню Конституции Рос. Федерации. Ростов н/Д. : Рост. гос. экон. ун-т «РИНХ», 2020. С. 210—214.
32. Романенкова Ю. С. Сущность конкурентных преимуществ предприятия. М. : Эксмо, 2017. 541 с.
33. Гринцевич Л. В. Методы определения уровня конкурентоспособности предприятия // Инженерный бизнес : сб. материалов I междунар. науч.-практ. конф. в рамках 18-й Междунар. науч.-техн. конф. Минск : БНТУ, 2021. С. 76—81.
34. Дементьева А. В. Конкурентоспособность международных компаний // Маркетинг. 2000. № 3. С. 64—67.
35. Миронов М. Г. Ваша конкурентоспособность. М. : Научная книга, 2013. 247 с.
36. Бурдева А. И., Шидов А. Х. Теоретические аспекты определения конкурентоспособности предприятия // Актуальные вопросы экономических наук. 2013. № 35. С. 14—18.
37. Краева А. А., Волкова Е. С., Шмарина С. В. Определение конкурентоспособности 3D-принтера марки «Designer X PRO» // Синергия Наук. 2019. № 32. С. 24—30.
38. Алексеев С. Б. Определение конкурентоспособности предприятия сферы услуг // Донецкие чтения 2024: Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IX Междунар. науч. конф. Донецк : Изд-во ДонГУ, 2024. Т. 5 : Экономические науки. Ч. 1. С. 5—7.
39. Филимонова Ю. В. Определение факторов конкурентоспособности для российских маркетплейсов // Современные технологии и научно-технический прогресс. 2024. № 11. С. 377—379.
40. Смирнов Е. Н., Капустина А. А. Анализ теоретических подходов к определению конкурентоспособности предприятия // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право : сб. науч. тр. Севастополь : Ариал, 2017. С. 346—349.
41. Белоногова Е. В., Суслова Ю. Ю. Показатели оценки материального стимулирования труда работников с позиций заинтересованных пользователей // Российское предпринимательство. 2011. № 8-1. С. 119—124.
42. Веремеенко О. С., Суслова Ю. Ю., Волошин А. В. Сущность рынка услуг розничной торговли продовольственными товарами и взаимодействие его участников // Экономика и предпринимательство. 2020. № 4(117). С. 695—700. DOI: 10.34925/EIP.2020.117.4.151.
43. Грищенко А. Ю., Бакальская Е. В. Понятия «конкуренция» и «ненадлежащая конкуренция» // Аллея науки. 2017. № 16. Т. 4. С. 55—57.
44. Короткая М. В. Альтернативы конкуренции и конкуренция альтернатив // Балтийский экономический журнал. 2019. № 3(27). С. 54—61.
45. Матросова С. В. Конкуренция и стратегии конкуренции в условиях экономического кризиса // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. победителей II Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2016. С. 138—140.

46. Осипов В. В. «Золотое правило конкуренции» как основа материалистической модели конкуренции // Экономика и бизнес: теория и практика. 2015. № 8. С. 94—103.
47. Халтурина Е. Н., Иноятов Д. Д. Международная конкуренция, современные черты конкуренция на мировом рынке и тенденции ее развития на современном этапе // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика : сб. ст. IX Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза : Наука и Просвещение, 2017. Ч. 2. С. 162—164.
48. Мамонтов С. А. Оценка конкуренции на региональных потребительских рынках в контексте трактовки термина «конкуренция» // Сибирская финансовая школа. 2018. № 2(127). С. 8—14.
49. Лукьянова Е. А. Конкуренция в политике = конкуренция в бизнесе // Современная конкуренция. 2007. № 3(3). С. 61—69.
50. Шляпина Ю. В., Храпова Е. В. Понятие конкуренции. Классификация видов конкуренции // Шляпина Ю. В., Храпова Е. В. Рынок транспортных услуг : учеб. пособие. Омск : Омскбланкиздат, 2021. С. 93—97.
51. Чертихина И. А., Ерохина Е. В. Конкуренция на инновационных рынках: особенности определения и анализа // Научные исследования современности: от разработки к внедрению : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск : НОВАЛЕНКО, 2018. С. 201—206.
52. Розенко С. В. Свобода конкуренции: правовое определение понятия и сущности // Евразийская адвокатура. 2023. № 6(65). С. 133—138. DOI: 10.52068/2304-9839_2023_65_6_133.
53. Курно А. О. Исследования математических принципов теории богатства : пер. с фр. М. : Наука. 2010. 372 с.
54. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль : пер. с англ. М. : Дело, 2003. 360 с.
55. Завьялов П. С. Конкуренция в условиях рыночной экономики. М. : Экономика, 1992. 176 с.
56. Плотицина Т. М. Определение конкурентоспособности предприятия // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2010. Т. 16. № 1. С. 205—211.

REFERENCES

1. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Transl. from English. Moscow, Eksmo, 2022. 1056 p. (In Russ.)
2. Ricardo D. On the Principles of Political Economy and Taxation. N. Ziber (transl.). Moscow, AST, 2023. 574 p. (In Russ.)
3. Marx K. Capital. Full version in one volume. Moscow, AST, OGIZ, 2021. 958 p. (In Russ.)
4. Schumpeter J. A. The theory of economic development: an inquiry into profits, capital, credit, interest, and the business cycle. 3rd ed. Moscow, URSS, 2022. 398 p. (In Russ.)
5. Hayek F. A. The Road to Serfdom. Moscow, AST, 2023. 319 p. (In Russ.)
6. Robinson J. V. The Economics of Imperfect Competition. Transl. from English. Moscow, Progress, 1986. 471 p. (In Russ.)
7. Chamberlin E. H. The Theory of Monopolistic Competition: A Re-orientation of the Theory of Value. Transl. from English. Moscow, Ekonomika, 1996. 351 p. (In Russ.)
8. Marshall A. Principles of Economics. Moscow, Bizneskom, 2010. 12 p. (In Russ.)
9. Abdel'madzhid F. E. Yu. Critical review of competitiveness theory: definition, factors and determinants, indices. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki v 21 veke = Current issues of modern science in the 21st century. Collection of materials of the XVI International scientific and practical conference*. Makhachkala, Aprobatsiya, 2018:123—125. (In Russ.)
10. Fatkhutdinov R. A. Competitiveness of an organization in a crisis: economics, marketing, management. Moscow, Marketing, 2002. 885 p. (In Russ.)
11. Ansoff I. The New Corporate Strategy. Saint Petersburg, Piter Kom, 1999. 416 p. (In Russ.)
12. Grachev I. D., Larin S. N., Znamenskaya A. N. Determining the competitiveness of products under sanctions restrictions. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2018;40-2:64—68. (In Russ.) DOI: 10.18411/lj-07-2018-43.
13. Stepanova A. I. Features of determining the competitiveness of crab products in the markets of Republic of China and the Republic of Korea. *Vektor ekonomiki*. 2020;6(48). (In Russ.) URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2020/6/worldconomy/Stepanova.pdf>.
14. Porter M. The Competitive Advantage of Nations. V. D. Shchetinin (ed. transl. & pref.). Moscow, Alpina, 2026. 948 p. (In Russ.)
15. Barinov V. A., Sinel'nikov A. V. Organization development in a competitive environment. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad*. 2000;6. (In Russ.) URL: <https://www.mevriz.ru/articles/2000/6/853.html>.
16. Zakharov A. N., Zokin A. A. Enterprise competitiveness: essence, methods, assessments and mechanisms for increasing it. *Biznes i banki = Business and Banks*. 2004;1—2:1—5. (In Russ.)
17. Marakulin M. V. Compromise management as a factor in company competitiveness. *Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Abroad*. 2003;4:29—34. (In Russ.)
18. Kuropatkina O. Terminology defining characteristics of competition and competitive of insurance companies in the Russian insurance market. *Sovremennaya konkurentsia = Journal of Modern Competition*. 2012;3(33):71—79. (In Russ.)
19. Tyuleneva T. I. Theoretical approaches to defining the essence of the concept of competition. *Sovremennye problemy ekonomicheskogo razvitiya predpriyatiy, otraslei, kompleksov, territorii = Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Khabarovsk, Pacific National University publ., 2019;1:106—108. (In Russ.)
20. Abdulgazis E. D., Bekirova S. S. Modern approaches to defining the concept of competition. *Innovatsionnaya paradigma ekonomicheskikh mekhanizmov khozyaistvovaniya = Innovative paradigm of economic management mechanisms. Collection of scientific papers of the VI All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Simferopol, Arial, 2021:10—13. (In Russ.)

21. Zhdanova E. Analysis of modern methods of determining competitiveness of enterprises. *Chasopis ekonomichnikh reform = Time description of economic reforms*. 2018;1(29):44—49. (In Russ.)
22. Sharopatova A.V. The definition of competitiveness of the enterprises of dairy cattle breeding branch. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya = Success of modern science and education*. 2015;2:55—60. (In Russ.)
23. Gerasimova A. E. Determining the factors of a company's competitiveness in the Internet environment. *Molodezhnaya nedelya nauki instituta promyshlennogo menedzhmenta, ekonomiki i trgovli = Youth Science Week of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade. Proceedings of the All-Russian student scientific and educational conference*. Saint Petersburg, Politekh-press, 2023;4:29—32. (In Russ.)
24. Anferova E. A. Theoretical approaches to defining the concept of firm competitiveness. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii*. 2017;1-4:56—59. (In Russ.)
25. Karpov A. L. Enterprise competitiveness: theory and practice of management. Moscow, Dashkov i K, 2012. 256 p. (In Russ.)
26. Komogortsev S. N. Product competitiveness: assessment and management methods. Krasnoyarsk, Siberian Federal University publ., 2007. 210 p. (In Russ.)
27. Shumnaya I. S. Competitiveness of an enterprise and key aspects of its determination in modern market conditions. *Upravlenie i ekonomicheskaya bezopasnost': strana, region, maliy i sredniy biznes = Management and economic security: country, region, small and medium-sized businesses. Collection of articles of the VII International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Faculty of Management and Entrepreneurship of the Rostov State University of Economics*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2024:35—38. (In Russ.)
28. Deikanova G. B. Determining the competitiveness of dairy production in the field of clustering. *Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo agrarnogo universiteta = Vestnik of the Kyrgyz National Agrarian University*. 2017;4(45):144—146. (In Russ.)
29. Bondarenko A. I. Management of competitiveness of industrial enterprises (using the example of Primorsky Krai). Diss. of the Cand. of Economics. Khabarovsk, 2016. 231 p. (In Russ.)
30. Kurashova E. A., Bakhitov A. A. Determining the level of competitiveness of an enterprise and developing a solution to improve it. *Sovremennye problemy ekonomicheskogo razvitiya predpriyatiy, otraslei, kompleksov, territorii = Modern problems of economic development of enterprises, industries, complexes, territories. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Khabarovsk, Pacific National University publ., 2024:102—107. (In Russ.)
31. Kisova A. E. Theoretical approaches to determining the essence of a company's competitiveness in modern development conditions. *Aktual'nye problemy ekonomiki, upravleniya i prava = Topical issues in economics, management and law. Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the Constitution Day of the Russian Federation*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2020:210—214. (In Russ.)
32. Romanenkova Yu. S. The essence of competitive advantages of an enterprise. Moscow, Eksmo, 2017. 541 p. (In Russ.)
33. Grintsevich L. V. Methods for determining the level of the enterprise competitiveness. *Inzhenernyy biznes = Engineering business. Collection of materials of the I International scientific and practical conference within the framework of the 18th International scientific and technical conference*. Minsk, Belarusian National Technical University publ., 2021:76—81. (In Russ.)
34. Dement'eva A. V. Competitiveness of international companies. *Marketing*. 2000;3:64—67. (In Russ.)
35. Mironov M. G. Your competitiveness. Moscow, Nauchnaya kniga, 2013. 247 p. (In Russ.)
36. Burdeva A. I., Shidov A. Kh. Theoretical aspects of determining the competitiveness of an enterprise. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk*. 2013;35:14—18. (In Russ.)
37. Kraeva A. A., Volkova E. S., Shmarina S. V. Assessing the competitiveness of the "Designer X PRO" 3D-printer. *Sinergiya Nauk*. 2019;32:24—30. (In Russ.)
38. Alekseev S. B. Determining the competitiveness of a service enterprise. *Donetskkiye chteniya 2024: Obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti = Donetsk Readings 2024: Education, Science, Innovation, Culture, and Modern Challenges. Proceedings of the IX International scientific conference*. Donetsk, Donetsk State University publ., 2024; 5(1):5—7. (In Russ.)
39. Filimonova Yu. V. Determination of competitiveness factors for Russian marketplaces. *Sovremennye tekhnologii i nauchno-tekhnicheskii progress = Modern technologies and scientific and technological progress*. 2024;11:377—379. (In Russ.)
40. Smirnov E. N., Kapustina A. A. Analysis of theoretical approaches to determining the competitiveness of an enterprise. *Upravlenie v usloviyakh global'nykh mirovykh transformatsii: ekonomika, politika, pravo = Management in the conditions of the global world transformations: economics, politics, law. Collection of Scientific Works*. Sevastopol, Arial, 2017:346—349. (In Russ.)
41. Belonogova E. V., Suslova Yu. Yu. Indicators for estimating the material incentives for employees from the position of users concerned. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2011;8-1:119—124. (In Russ.)
42. Veremeenko O. S., Suslova Yu. Yu., Voloshin A. V. The essence of the market for food retail services and the interaction of its participants. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2020;4(117):695—700. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2020.117.4.151.
43. Grishchenko A. Yu., Bakal'skaya E. V. The concepts of "competition" and "unfair competition". *Alleya nauki*. 2017; 16-4:55—57. (In Russ.)
44. Korotkaya M. V. Alternatives to competition and competition alternatives. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal = Baltic Economic Journal*. 2019;3(27):54—61. (In Russ.)
45. Matrosova S. V. Competition and competitive strategy in the conditions of economic crisis. *Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovatsii = Modern economy: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles by the winners of the II International scientific and practical conference*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2016:138—140. (In Russ.)

46. Osipov V. V. “The golden rule of competition” as the basis of the materialist model of competition. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2015;8:94—103. (In Russ.)
47. Khalturina E. N., Inoyatov Ja. Ja. International competition, contemporary features competition on the world market and trends of its development at the present stage. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya: teoriya, metodologiya, praktika = Innovative scientific research: theory, methodology, practice. Collection of articles of the IX International scientific and practical conference*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2017;2:162—164. (In Russ.)
48. Mamontov S. Competition evaluation on regional consumer markets in the context of interpretation of the term “competition”. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian Financial School*. 2018;2(127):8—14. (In Russ.)
49. Lukyanova E. Competition in politics and business competition: an equality mark. *Sovremennaya konkurenciya = Journal of Modern Competition*. 2007;3(3):61—69. (In Russ.)
50. Shlyapina Yu. V., Khrapova E. V. Competition in innovation markets: features of definition and analysis. Shlyapina Yu. V., Khrapova E. V. Transport services market. Textbook. Omsk, Omskblankizdat, 2021. Pp. 93—97. (In Russ.)
51. Chertikhina I. A., Erokhina E. V. Competition in innovation markets: features of definition and analysis. *Nauchnye issledovaniya sovremennosti: ot razrabotki k vnedreniyu = Modern scientific research: from development to implementation. Collection of scientific papers based on the materials of the I International scientific and practical conference*. Smolensk, NOVALENKO, 2018:201—206. (In Russ.)
52. Rozenko S. V. Freedom of competition: legal definition of the concept and essence. *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2023;6(65):133—138. (In Russ.) DOI: 10.52068/2304-9839_2023_65_6_133.
53. Kurno A. O. Studies of the mathematical principles of the theory of wealth: trans. from French. Moscow, Nauka. 2010. 372 p. (In Russ.)
54. Knight F. H. Risk, uncertainty and profit. Moscow, Delo, 2003. 360 p. (In Russ.)
55. Zav`yalov P. S. Competition in a market economy. Moscow, Ekonomika, 1992. 176 p. (In Russ.)
56. Plotitsina T. M. Company Competitiveness Determination. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Transactions TSTU*. 2010;16(1):205—211. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 04.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья**УДК 004.9****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1619****Naida Omarovna Omarova**

Doctor of Physics and Mathematics, Professor,
Head of the Department of Business Informatics
and Higher Mathematics,
Dagestan State University
Makhachkala, Russian Federation
n.omarova@yandex.ru

Djennet Rasimovna Ramazanova

Postgraduate of the Department of Business Informatics
and Higher Mathematics,
field of training
5.2.2 — Mathematical, statistical
and instrumental methods in economics,
Dagestan State University
Makhachkala, Russian Federation
djennetik21@mail.ru

Gamid Osmanovich Osmanov

Postgraduate of N. S. Raibman Control Systems Identification
Laboratory No. 41,
field of training
2.3.8 — Computer science and educational processes,
Trapeznikov Institute of Control Sciences
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
gamid.osmanov@mail.ru

Наида Омаровна Омарова

д-р физ.-мат. наук, профессор,
заведующий кафедрой бизнес-информатики
и высшей математики,
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Российская Федерация
n.omarova@yandex.ru

Дженнет Расимовна Рамазанова

аспирант кафедры бизнес-информатики
и высшей математики,
направление подготовки
5.2.2 — Математические, статистические
и инструментальные методы в экономике,
Дагестанский государственный университет
Махачкала, Российская Федерация
djennetik21@mail.ru

Гамид Османович Османов

аспирант лаборатории № 41 «Идентификации
систем управления им. Н. С. Райбмана»,
направление подготовки
2.3.8 — Информатика и информационные процессы,
Институт проблем управления им. В. А. Трапезникова
Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
gamid.osmanov@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике

Аннотация. В условиях цифровой трансформации экономики информационные системы становятся стратегическим ресурсом предприятия. Эффективное управление ИТ-инфраструктурой требует объективной оценки результативности внедряемых решений. В статье рассматриваются современные подходы к оценке эффективности информационных систем, используемых в деятельности организаций. Раскрывается значение информационных технологий для повышения эффективности управления и оптимизации бизнес-процессов предприятий. Особое внимание уделяется анализу наиболее распространенных методов оценки эффективности информационных систем, таких как совокупная стоимость владения (TCO), система сбалансированных показателей (BSC) и функционально-стоимостной анализ (ABC). Сделан вывод о том, что комплексное применение данных методов позволяет получить более объективную оценку результатов внедрения информационных технологий и повысить эффективность управления ИТ-инфраструктурой организации.

В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, методы функционально-го моделирования, эмпирические методы.

По результатам исследования авторами сделан вывод о том, что комплексное применение данных методов позво-

ляет получить более объективную оценку результатов внедрения информационных технологий и повысить эффективность управления ИТ-инфраструктурой организации.

В результате проведенного исследования отражены модели сравнительного анализа трех ключевых методов (TCO, BSC, ABC).

Научной новизной обладает предложенный структурированный сравнительный анализ трех ключевых методов с акцентом на их применимость в контексте цифровой трансформации предприятий, когда усложняется ИТ-ландшафт и растет роль нематериальных факторов эффективности. Предложенный структурированный сравнительный анализ позволяет обоснованно выбирать метод или их комбинацию в зависимости от стратегических целей и специфики ИТ-ландшафта предприятия. Результаты исследования могут быть использованы при принятии управленческих решений по развитию ИТ-инфраструктуры и цифровой трансформации бизнеса. Авторами выделены критерии сравнения: учет затрат, стратегическая направленность, процессная ориентация

Ключевые слова: информационные системы, ИТ-инфраструктура, оценка эффективности, информационные технологии, совокупная стоимость владения, сбалансированная система показателей, функционально-стоимостной анализ, цифровизация, трансформация, бизнес-процессы

Для цитирования: Омарова Н. О., Рамазанова Д. Р., Османов Г. О. Сравнительный анализ подходов к оценке эффективности информационных систем в условиях цифровизации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 59—67. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1619.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES TO EVALUATING THE EFFICIENCY OF INFORMATION SYSTEMS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

5.2.2 — Mathematical, statistical and instrumental methods in economics

Abstract. *In the context of the digital transformation of the economy, information systems (IS) are becoming a strategic resource of the enterprise. Effective management of the IT infrastructure requires an objective assessment of the efficiency of the implemented solutions. The article discusses modern approaches to evaluating the efficiency of information systems used in the activities of organizations. The importance of information technologies for increasing the efficiency of management and optimizing business processes of enterprises is revealed. Special attention is paid to the analysis of the most common methods for evaluating the efficiency of information systems, such as total cost of ownership (TCO), balanced scorecard (BSC) and activity-based costing (ABC). It is concluded that the integrated application of these methods allows for a more objective assessment of the results of information technology implementation and to improve the efficiency of managing the organization's IT infrastructure. In the course of the research, methods of analysis and synthesis, comparative analysis, functional modeling methods, and empirical methods were used. Based on the results of the study, the authors conclude that the integrated application of these methods allows*

for a more objective assessment of the results of the introduction of information technology and improve the management efficiency of the organization's IT infrastructure. As a result of the conducted research, models of comparative analysis of three key methods (TCO, BSC, ABC) are reflected. The proposed structured comparative analysis of three key methods is scientifically novel, with an emphasis on their applicability in the context of digital transformation of enterprises, when the IT landscape is becoming more complex and the role of intangible efficiency factors is growing. The proposed structured comparative analysis makes it possible to reasonably select a method or a combination thereof depending on the strategic goals and specifics of the enterprise's IT landscape. The results of the study can be used in making managerial decisions on the development of IT infrastructure and digital transformation of business. The authors identify the following comparison criteria: cost accounting, strategic orientation, process orientation.

Keywords: *information systems, IT infrastructure, efficiency assessment, information technology, total cost of ownership, balanced scorecard, activity-based costing, digitalization, transformation, business processes*

For citation: Omarova N. O., Ramazanova D. R., Osmanov G. O. Comparative analysis of approaches to evaluating the efficiency of information systems in the context of digitalization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):59—67. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1619.

Введение

В современных условиях развития цифровой экономики информационные технологии (далее — ИТ) играют ключевую роль в обеспечении эффективности деятельности организаций. Использование информационных систем (далее — ИС) позволяет автоматизировать бизнес-процессы, улучшить качество управленческих решений и повысить конкурентоспособность предприятий.

Проблема выбора адекватной методики оценки эффективности ИС становится особенно актуальной в условиях перехода к цифровой экономике, когда сложность ИТ-ландшафта предприятий многократно возрастает.

По мере расширения применения ИТ возрастает необходимость анализа результатов их внедрения и эксплуатации. Организации инвестируют значительные финансовые ресурсы в развитие ИТ-инфраструктуры, поэтому возникает потребность в использовании инструментов, позволяющих оценить эффективность данных вложений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выбора и применения методов оценки эффективности ИС, которые позволяют определить экономическую и управленческую результативность их использования.

Степень изученности проблемы. Проблема оценки эффективности ИС и ИТ является одной из наиболее активно разрабатываемых в современной экономической и управленческой науке. Повышение роли цифровых технологий в деятельности организаций обусловило появле-

ние множества подходов, методов и моделей, направленных на измерение результативности ИТ-инвестиций.

Согласно позиции Д. Д. Горячевой и Е. С. Киселевой, внедрение цифровых инноваций сопряжено с организационными и технологическими проблемами, что делает выбор корректной методики оценки эффективности ИС особо значимым [1].

В основе большинства исследований лежит понимание эффективности как соотношения полученных результатов и понесенных затрат. Традиционно выделяют количественные (финансовые) методы, такие как *ROI (Return on Investment)*, *NPV (Net Present Value)*, *TCO (Total Cost of Ownership)*, а также качественные и вероятностные подходы (оценка рисков, реальные опционы). Данная классификация представлена в работе Г. Мырадова и Г. Байрамовой [2], которые также акцентируют внимание на трех наиболее релевантных для цифровой экономики методах: совокупная стоимость владения (*TCO*), система сбалансированных показателей (*BSC*) и функционально-стоимостной анализ (*ABC*).

Как отмечают Г. А. Овсенко и З. Р. Хамбулатова [3], оценка эффективности бизнес-процессов в организациях требуют как учета как стоимостных, так и качественных параметров, что согласуется с логикой *ABC* и *BSC*.

Значительный вклад в разработку метода совокупной стоимости владения внесли зарубежные и отечественные исследователи в области ИТ-менеджмента. В учебных пособиях В. Н. Гридина с соавторами [4] и В. С. Алиева [5]

подробно анализируются составляющие TCO: затраты на приобретение, внедрение, обучение, обслуживание и косвенные издержки. Эти авторы подчеркивают, что TCO позволяет выявить скрытые расходы, но не учитывает выгоды от внедрения ИС.

Г. Р. Юсупова продемонстрировала как метод TCO в сочетании с BSC позволил оценить финансовые затраты на ИТ и их влияние на бизнес-показатели, демонстрируя актуальность этих классических инструментов в условиях современной цифровизации [6].

Метод системы сбалансированных показателей (BSC) был предложен Р. Капланом и Д. Нортеном [7] как инструмент стратегического управления. В приложении к ИТ-инфраструктуре многие исследователи адаптировали классические четыре проекции (финансы, клиенты, внутренние процессы, обучение и рост) для оценки вклада ИТ в достижение стратегических целей организации. При этом отмечается, что BSC позволяет измерить нематериальные эффекты, но требует значительных усилий по сбору и интерпретации данных.

Значительный вклад в развитие метода системы сбалансированных показателей внес В. Е. Хруцкий, который посвятил свое исследование практическому построению BSC для корпоративных ИС, где рассматриваются типичные ошибки и формулируются правила эффективного внедрения этого метода [8].

Функционально-стоимостной анализ (ABC) получил развитие в трудах специалистов по управлению бизнес-процессами. О. А. Складовой [9], а также Д. С. Федосеевым с соавторами [10] обосновывается возможность интеграции ABC с функциональным моделированием (например, в нотации IDEF0). Такой подход позволяет оценить стоимость каждого бизнес-процесса «как есть» и «как будет» после внедрения ИС, выявить неэффективные операции и оптимизировать использование ресурсов.

И. А. Егоров и В. Ю. Кондратьев предлагают готовую методику экономического анализа ИС, фокусируясь на выявлении скрытых затрат на внедрение и эксплуатацию, их работа включает математические решения и формулы для расчета TCO, что делает метод более практичным и применим [11].

В. С. Князькова провела исследование ИТ для реализации функционально-стоимостного анализа, подчеркнув важность выбора правильного программного обеспечения с учетом сложности моделей и необходимости интеграции ИС [12].

В. В. Макаров и К. В. Кирилов предложили интегрированную систему показателей для инновационных ИТ-проектов с высокой неопределенностью и значительной долей нематериальных активов, их работа раскрывает принципы построения многоуровневой структуры и механизмы интеграции показателей [13].

Цель исследования — провести анализ существующих методов оценки эффективности ИС и определить их применимость в различных бизнес-контекстах.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- систематизировать современные подходы к оценке эффективности ИС в условиях цифровизации экономики;
- провести детальный анализ трех ключевых методов оценки: совокупной стоимости владения (TCO), системы сбалансированных показателей (BSC) и функционально-стоимостного анализа (ABC)
- определить условия и критерии выбора метода (или их комбинацию) в зависимости от целей организации (опти-

мизация бюджета, стратегическая увязка ИТ и бизнеса, реинжиниринг процессов).

Научная новизна исследования заключается в разработке формализованного подхода к выбору методов оценки эффективности ИС в условиях цифровизации предприятия. В отличие от традиционного описательного сопоставления методов TCO, BSC и ABC, в статье предложена модель выбора оценочного инструментария, основанная на соотношении целей анализа, характера оцениваемого эффекта, уровня управленческого решения и степени процессной детализации. Авторский подход позволяет рассматривать TCO, BSC и ABC не как изолированные методы, а как взаимодополняющие элементы единой системы оценки эффективности ИС. Научный результат исследования выражается в определении набора критериев выбора метода, формировании логики их применения и обосновании алгоритма комбинированной оценки, при котором TCO используется для анализа затрат, BSC — для оценки стратегического вклада ИС, а ABC — для выявления влияния ИС на стоимость и результативность бизнес-процессов.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии и систематизации научных представлений о методах оценки эффективности ИС в условиях цифровой трансформации экономики.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы ИТ-менеджерами, финансовыми аналитиками и руководителями организаций для обоснованного выбора метода (или комбинации методов) оценки эффективности ИС в зависимости от целей: оптимизация бюджета (TCO), стратегическая увязка ИТ и бизнеса (BSC), реинжиниринг процессов (ABC).

Основная часть

Методология исследования. Методологическая основа настоящего исследования формируется на принципах комплексного подхода, сочетающая общенаучные и специальные методы. Это позволило авторам систематизировать существующие подходы, выявить их достоинства и ограничения, а также обосновать необходимость комплексного применения.

В современных условиях развития цифровой экономики ИТ играют ключевую роль в обеспечении эффективности деятельности организаций. Использование ИС позволяет автоматизировать бизнес-процессы, улучшить качество управленческих решений и повысить конкурентоспособность предприятий.

Проблема выбора адекватной методики оценки эффективности ИС становится особенно актуальной в условиях перехода к цифровой экономике, когда сложность ИТ-ландшафта предприятий многократно возрастает [14]. По мере расширения применения ИТ усиливается необходимость анализа результатов их внедрения и эксплуатации. Организации инвестируют значительные финансовые ресурсы в развитие ИТ-инфраструктуры, что обуславливает потребность в использовании инструментов, позволяющих оценить эффективность данных вложений.

Значение информационных систем в деятельности организаций. Информационная система представляет собой совокупность программных, технических и организационных средств, предназначенных для сбора, обработки, хранения и передачи информации. Основная задача ИС заключается в обеспечении информационной поддержки управленческой деятельности и повышении эффективности функционирования предприятия.

Информационные системы являются важным элементом ИТ-инфраструктуры организации, которая включает аппаратные средства, программное обеспечение, телекоммуникационные сети, базы данных и специалистов, обеспечивающих функционирование ИТ.

Внедрение ИС позволяет организациям:

- автоматизировать бизнес-процессы;
- повысить производительность труда сотрудников;
- оптимизировать использование ресурсов;
- улучшить качество управленческих решений;
- повысить конкурентоспособность предприятия.

В свою очередь, ИТ-архитектура — это более широкая концепция. Она является составной частью архитектуры предприятия и отвечает на вопросы: какие функции должны быть у приложений, как они взаимодействуют, на каком оборудовании размещаются, какие компоненты выносятся в облако [15]. ИТ-архитектура описывает структуру ИС и принципы их развития, в то время как инфраструктура — это «фундамент», обеспечивающий их работу (рис. 1).

Таким образом, ИС оказывают значительное влияние на развитие организаций и эффективность их деятельности.

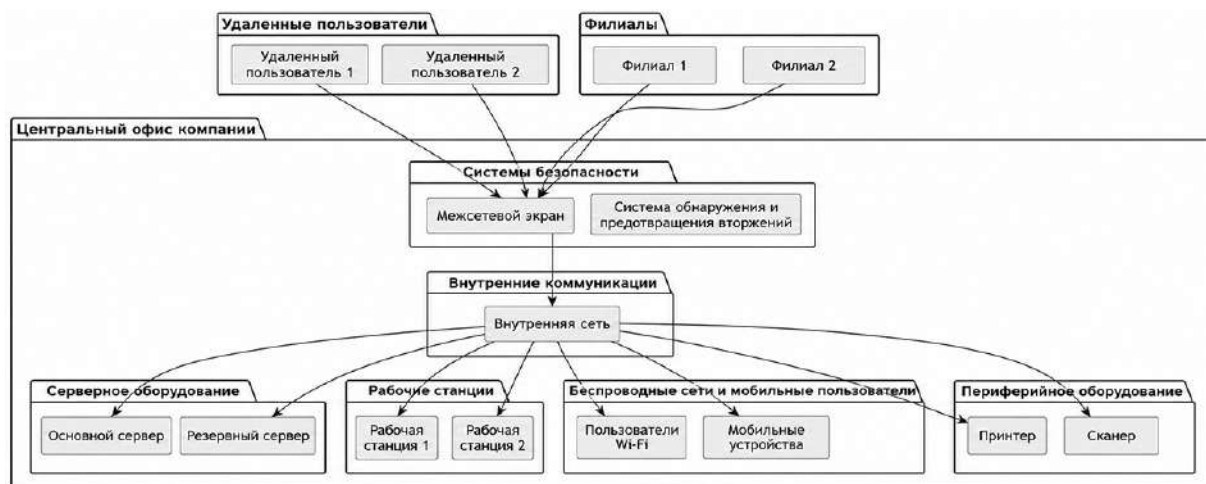

Рис. 1. Пример ИТ-инфраструктуры организации

Понятие эффективности информационных систем. Эффективность ИС отражает степень достижения поставленных целей при использовании ИТ и определяется соотношением полученных результатов и понесенных затрат.

В широком смысле эффективность ИС характеризуется ее влиянием на деятельность организации, включая повышение качества управления, совершенствование бизнес-процессов и развитие предприятия. В узком смысле эффективность ИС определяется экономическими показателями, связанными с затратами на внедрение и эксплуатацию системы и полученными результатами.

Сложность оценки ИС заключается в том, что эффект от их внедрения не всегда имеет прямую монетарную форму. Сокращение времени обработки заказов, улучшение качества обслуживания, повышение лояльности клиентов — эти факторы сложно выразить в рублях, но именно они часто являются целью внедрения.

Оценка эффективности ИС позволяет организациям:

- 1) определить целесообразность инвестиций в ИТ;
- 2) выявить недостатки функционирования ИТ-инфраструктуры;
- 3) оптимизировать расходы на ИТ;
- 4) повысить эффективность управления организацией.

Как правило, все методы оценки эффективности ИС можно разделить на три большие группы:

1. Количественные (финансовые): *ROI*, *TCO*, *NPV*.
2. Качественные: *BSC*, *ITIL*, экспертные оценки.
3. Вероятностные: оценка рисков, реальные опционы.

Рассмотрим более подробно три наиболее релевантных метода, выделенных: совокупная стоимость владения (*TCO*), система сбалансированных показателей (*BSC*) и функционально-стоимостной анализ (*ABC*).

Метод совокупной стоимости владения (*Total Cost of Ownership, TCO*) является одним из наиболее распространенных инструментов анализа затрат на ИТ. Данный метод позволяет определить совокупные расходы, связанные с приобретением, внедрением и эксплуатацией ИС на протяжении всего их жизненного цикла.

К основным составляющим совокупной стоимости владения относятся:

- затраты на приобретение оборудования и программного обеспечения;
- расходы на внедрение и настройку системы;
- затраты на обучение персонала;
- расходы на техническое обслуживание;
- косвенные затраты, связанные с простоем системы или снижением производительности.

Методология *TCO* наилучшим образом подходит для подсчета текущих стоимостных параметров, с ее помощью можно достаточно полно проанализировать эффективность выполнения отдельных функций или их набора. В сочетании с другими параметрами, применяемыми на практике, она позволяет получить удачную схему учета и контроля расходов на ИТ.

В любой момент проекта дисконтированные интегральные затраты на систему могут быть оценены как:

$$Z_{\text{дисконт}} = Z_{\text{факт}} \sum_{t=1}^T \frac{1}{(1+E)^t} \times Z_{\text{оцен}} \quad (1)$$

где $Z_{\text{дисконт}}$ — оценка дисконтированных интегральных затрат проекта в момент t ;

E — норма дисконтирования;

$Z_{\text{факт}}$ — дисконтированная сумма фактических интегральных затрат проекта к моменту t ;

T — период жизненного цикла системы;

$Z_{\text{оцен}}$ — оценка интегральных затрат на проект в периоде t .

Система сбалансированных показателей (*Balanced Scorecard, BSC*) представляет собой метод стратегического управления организацией, разработанный Р. Капланом и Д. Нортеном. Данный подход предполагает использование совокупности показателей, отражающих различные аспекты деятельности предприятия. Каплан и Нортон предложили рассматривать ИТ-департамент через призму четырех про- екций (рис. 2), адаптированных следующим образом:

1. **Финансы:** эффективность затрат, управление бюджетом, возврат инвестиций.
2. **Клиенты:** удовлетворенность пользователей, время реакции на запросы.
3. **Внутренние процессы:** доступность сервисов, время устранения аварий, соблюдение *SLA*.
4. **Обучение и рост:** компетенции ИТ-персонала, теку- чество кадров, внедрение инноваций.

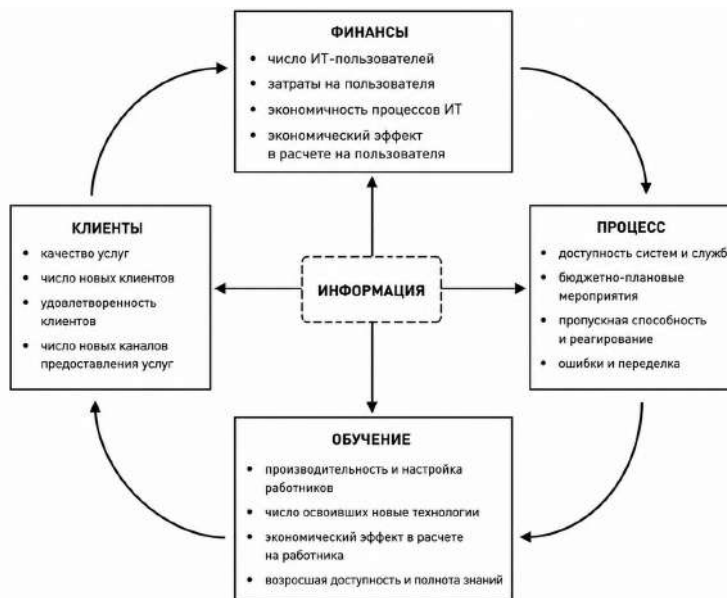

Рис. 2. Система сбалансированных показателей BSC

Использование системы сбалансированных показателей позволяет оценить вклад ИТ в достижение стратегических целей организации.

Функционально-стоимостной анализ (*Activity-Based Costing, ABC*) представляет собой метод распределения затрат по видам деятельности и бизнес-процессам предприятия. Применительно к ИС, метод *ABC* позволяет оценить, как внедрение новой системы повлияет на бизнес-процессы. Анализ проводится по схеме «как есть» и «как будет»:

1. Строится функциональная модель бизнес-процесса (например, в нотации *IDEF0*).

2. Каждой функции назначаются ресурсы и определяется стоимость ее выполнения.

3. Сравнивается стоимость процесса до и после внедрения ИС.

Данный метод позволяет установить взаимосвязь между затратами и выполняемыми функциями организации. На основе анализа бизнес-процессов выявляются неэффективные операции и определяются возможности оптимизации использования ресурсов.

Логика метода *ABC* представлена на рис. 3

Рис. 3. Связь моделей ABC и IDEF0

Формализованная модель выбора методов оценки эффективности информационных систем. В рамках настоящего исследования предлагается рассматривать выбор метода оценки эффективности ИС через совокупность критериев, отражающих основные аспекты управленческого анализа. К числу таких критериев относятся: финансовая направленность оценки, стратегическая значимость ИС, степень влияния ИС на бизнес-процессы, необходимость учета нематериальных результатов, уровень детализации затрат, а также потребность в сопоставлении состояния процессов до и после внедрения цифрового решения.

Формализованная логика выбора метода может быть выражена в виде матрицы выбора метода оценки эффективности ИС (табл. 1).

Таблица 1

Матрица выбора метода оценки эффективности ИС

Критерий выбора	<i>TCO</i>	<i>BSC</i>	<i>ABC</i>
Учет прямых и косвенных затрат	Высокий	Средний	Средний
Оценка стратегического вклада ИС	Низкий	Высокий	Средний
Анализ влияния на бизнес-процессы	Средний	Средний	Высокий
Учет нематериальных эффектов	Низкий	Высокий	Средний
Детализация операций и функций	Низкий	Средний	Высокий
Применимость для бюджетного контроля	Высокий	Средний	Средний
Применимость для цифровой трансформации	Средний	Высокий	Высокий
Возможность оценки состояния «как есть» и «как будет»	Средний	Средний	Высокий

Предложенная модель позволяет формализовать выбор метода оценки эффективности ИС и снизить субъективность управленческого решения. Ее отличие от традиционного сравнительного подхода состоит в том, что методы *TCO*, *BSC* и *ABC* рассматриваются не как альтернативные, а как взаимодополняющие инструменты. Каждый из них закрывает отдельный аналитический контур: *TCO* — финансово-затратный, *BSC* — стратегический, *ABC* — процессно-функциональный.

Следовательно, комплексная оценка эффективности ИС может быть представлена в виде интегральной логики: Эффективность ИС = финансовая рациональность затрат + стратегический вклад + процессная результативность.

В содержательном выражении данная модель может быть раскрыта следующим образом:

$$\text{ЕИС} = f(\text{TCO}, \text{BSC}, \text{ABC}),$$

где ЕИС — интегральная оценка эффективности ИС;

TCO — оценка совокупных затрат на владение ИС;

BSC — оценка стратегического вклада ИС в достижение целей организации;

ABC — оценка влияния ИС на стоимость и результативность бизнес-процессов.

Данная модель не предполагает механического сложения показателей, поскольку *TCO*, *BSC* и *ABC* имеют различную методическую природу. Ее назначение состоит

в структурировании управленческого выбора и определении того, какой метод должен применяться как основной, а какой — как вспомогательный. В условиях цифровой трансформации это особенно важно, поскольку эффективность ИС уже не может быть сведена только к сокращению затрат или расчету окупаемости. Она должна рассматриваться через совокупность финансовых, стратегических и процессных результатов.

Эмпирическая апробация комплексной методики оценки эффективности информационной системы.

Для подтверждения прикладной значимости предложенного подхода целесообразно рассмотреть пример применения методов *TCO*, *BSC* и *ABC* при оценке эффективности внедрения ИС на предприятии. В качестве расчетного примера рассмотрим внедрение корпоративной CRM-системы битрикс, предназначенной для автоматизации обработки клиентских заявок, контроля взаимодействия с покупателями, формирования аналитической отчетности и повышения прозрачности работы отдела продаж.

На первом этапе проведем расчет совокупной стоимости владения ИС по методу *TCO* (табл. 2). Для этого учитываются затраты на приобретение программного обеспечения, внедрение, обучение персонала, техническую поддержку и сопровождение системы.

Таблица 2

Расчет совокупной стоимости владения CRM-системой

Статья затрат	Сумма, тыс. руб.
Приобретение лицензий CRM-системы	450
Настройка и внедрение системы	320
Интеграция с учетной системой предприятия	180
Обучение персонала	90
Техническая поддержка за первый год	120
Обслуживание и обновление системы	80
Косвенные затраты, связанные с адаптацией персонала	60
Итого TCO за первый год	1 300

Примечание: сост. авторами.

Таким образом, совокупная стоимость владения CRM-системой за первый год составляет 1 300 тыс. руб. Данный показатель отражает полный объем затрат, связанных с внедрением и эксплуатацией ИС на начальном этапе. При этом метод *TCO* позволяет выявить не только прямые расходы, связанные с приобретением программного продукта, но и дополнительные издержки, возникающие в процессе внедрения, настройки и обучения персонала.

На втором этапе применим функционально-стоимостной анализ *ABC* для оценки изменения стоимости бизнес-процесса обработки клиентской заявки (табл. 3).

По данным табл. 2 видно, что стоимость обработки одной клиентской заявки снизилась с 630 до 230 руб., т. е. экономия составила 400 руб. на одну заявку. Если предприятие обрабатывает в среднем 4 000 заявок в год, годовой экономический эффект от оптимизации процесса составит: $400 \times 4\,000 = 1\,600\,000$ руб. Следовательно, за счет сокращения трудоемкости и стоимости бизнес-процесса предприятие может получить годовую экономию в размере 1 600 тыс. руб.

Таблица 3

**Сравнение стоимости бизнес-процесса
обработки клиентской заявки
до и после внедрения CRM-системы, руб.**

Операция бизнес-процесса	Стоимость до внедрения	Стоимость после внедрения	Изменение
Регистрация клиентской заявки	120	45	–75
Поиск информации о клиенте	90	30	–60
Передача заявки ответственному сотруднику	70	25	–45
Контроль статуса заявки	110	40	–70
Подготовка отчета	160	55	–105
Исправление ошибок и уточнение данных	80	35	–45
Итого на одну заявку	630	230	–400

Примечание: сост. авторами.

На третьем этапе рассчитаем ориентировочный экономический эффект с учетом совокупной стоимости владения системой (табл. 4).

Таблица 4

**Сравнение затрат и экономического эффекта
от внедрения CRM-системы**

Показатель	Значение
Совокупная стоимость владения CRM-системой за первый год, тыс. руб.	1 300
Экономия на обработке клиентских заявок за год, тыс. руб.	1 600
Чистый экономический эффект за первый год, тыс. руб.	300
Коэффициент соотношения эффекта и затрат	1,23
Срок окупаемости, лет	0,81

Примечание: сост. авторами.

Чистый экономический эффект рассчитывается следующим образом: $1\,600 - 1\,300 = 300$ тыс. руб.

Коэффициент соотношения эффекта и затрат составляет: $1\,600 / 1\,300 = 1,23$.

Срок окупаемости определяется по формуле: $1\,300 / 1\,600 = 0,81$ года

Таким образом, внедрение CRM-системы окупается менее чем за один год. Это свидетельствует о положительном экономическом результате проекта уже на начальном этапе эксплуатации. Однако только финансового анализа недостаточно, поскольку внедрение ИС оказывает влияние также на качество управления, скорость принятия решений, удовлетворенность клиентов и прозрачность бизнес-процессов. Поэтому далее целесообразно применить систему сбалансированных показателей BSC (табл. 5).

Таблица 5

Оценка эффективности CRM-системы по методу BSC

Проекция BSC	Показатель	До внедрения	После внедрения	Изменение
Финансы	Стоимость обработки одной заявки, руб.	630	230	–63,5 %
Клиенты	Среднее время ответа клиенту, часов	8	3	–62,5 %
Внутренние процессы	Доля заявок, обработанных без ошибок, %	82	94	+12 п.п.
Внутренние процессы	Среднее время подготовки отчета, часов	5	1,5	–70 %
Обучение и развитие	Доля сотрудников, использующих систему, %	0	88	+88 п.п.
Обучение и развитие	Количество управленческих отчетов в месяц	4	14	+250 %

Примечание: сост. авторами.

Результаты оценки по методу BSC показывают, что внедрение CRM-системы обеспечивает не только сокращение затрат, но и улучшение нефинансовых показателей деятельности предприятия.

Для обобщения результатов проведем сравнительный анализ применимости методов TCO, ABC и BSC в рамках рассматриваемого примера (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ результатов применения методов TCO, ABC и BSC

Метод	Что позволил оценить	Полученный результат	Ограничение метода
TCO	Совокупные затраты на внедрение и эксплуатацию CRM-системы	Определена стоимость владения системой за первый год — 1 300 тыс. руб.	Не отражает стратегические и организационные эффекты
ABC	Изменение стоимости бизнес-процесса обработки заявки	Стоимость одной заявки снизилась с 630 до 230 руб.	Требует детального описания бизнес-процессов
BSC	Влияние CRM-системы на финансовые, клиентские, процессные и кадровые показатели	Выявлено улучшение финансовых и нефинансовых параметров	Требует подбора системы показателей и регулярного мониторинга

Примечание: сост. авторами.

Проведенный расчет показывает, что каждый из рассмотренных методов раскрывает отдельный аспект эффективности ИС. Метод *TCO* позволяет определить совокупный объем затрат и оценить финансовую нагрузку на предприятие. Метод *ABC* показывает, как внедрение системы влияет на стоимость конкретных бизнес-процессов. Метод *BSC* позволяет выявить более широкий управленческий эффект, связанный с повышением качества обслуживания клиентов, улучшением внутренних процессов и развитием аналитических возможностей организации.

На основе проведенного эмпирического анализа можно сделать вывод о том, что изолированное применение одного метода дает ограниченное представление об эффективности ИС.

В рассматриваемом примере комплексная оценка показала, что внедрение *CRM*-системы является экономически целесообразным и организационно эффективным. Проект обеспечивает годовую экономию в размере 1 600 тыс. руб., окупается менее чем за один год, снижает стоимость обработки одной клиентской заявки на 63,5 %, сокращает время ответа клиенту на 62,5 % и повышает качество обработки заявок. Это подтверждает применимость предложенного подхода для оценки эффективности ИС в условиях цифровизации предприятия.

Заключение

В условиях цифровой трансформации экономики ИТ становятся важным фактором повышения эффективности деятельности организаций. Информационные системы обеспечивают автоматизацию бизнес-процессов, повышение качества управленческих решений и оптимизацию использования ресурсов.

Для оценки эффективности ИС применяются различные методы, среди которых наиболее распространенными являются метод совокупной стоимости владения, система сбалансированных показателей и функционально-стоимостной анализ.

Проведенный анализ показал, что не существует универсального метода оценки эффективности ИС. Выбор конкретной методики зависит от целей анализа и стадии развития компании:

1. *TCO* — незаменимый инструмент для финансового контроля и поиска статей экономии. Он позволяет выявить скрытые расходы и оптимизировать бюджет. Однако полагаться только на *TCO* при принятии стратегических решений было бы ошибочно, т. к. метод игнорирует потенциальные выгоды и риски.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горячева Д. Д., Киселева Е. С., Пятаков В. Ф. Цифровые инновации в бизнесе: проблемы внедрения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3-2(90). С. 40—43. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-3-2-40-43.
2. Мырадов Г., Байрамова Г. Системы расчета себестоимости затрат по видам деятельности предприятия // Образование и наука в XXI веке. 2026. Вып. 71-4. Т. 2. С. 544—550.
3. Овсеев Г. А., Хамбулатова З. Р. Особенности использования методики оценки эффективности бизнес-процессов компании // Экономика и предпринимательство. 2024. № 2(163). С. 1462—1466. DOI: 10.34925/EIP.2024.163.2.292.
4. Исследование взаимосвязи показателей генерации данных и эффективности решения целевых задач / В. Н. Гридин, В. И. Солодовников, Д. С. Смирнов и др. // Информационные технологии и вычислительные системы. 2025. № 1. С. 53—64. DOI: 10.14357/20718632250105.
5. Алиев В. С. Информационные технологии и системы финансового менеджмента : учеб. пособие. М. : Форум : ИНФРА-М, 2021. 320 с.
6. Юсупова Г. Р. Эффективность применения информационных технологий в управлении организацией // Эффективные системы менеджмента: Качество. Циркулярная экономика. Технологический суверенитет : сб. науч. ст. XI Междунар. науч.-практ. форума. Казань : Познание, 2024. С. 238—243. DOI: 10.21202/978-5-8399-0823-9_238-243.

2. *BSC* — мощный инструмент стратегического управления. Он трансформирует миссию компании в конкретные задачи для ИТ-подразделения. Особую ценность *BSC* представляет в условиях цифровой трансформации, где важна интеграция ИТ и бизнеса.

3. *ABC* — наиболее точный метод для калькуляции себестоимости продуктов и услуг. Он незаменим при проведении реинжиниринга, позволяя оценить стоимость каждого шага процесса и найти пути его оптимизации.

Наилучший результат достигается при комплексном применении методов. Например, можно использовать *ABC* для выявления «узких» мест в процессах и оценки стоимости их автоматизации, *TCO* — для расчета затрат на владение новой системой, а *BSC* — для контроля того, как запущенный проект влияет на стратегические показатели компании.

Комплексное использование данных методов позволяет организациям более эффективно управлять ИТ-инфраструктурой и принимать обоснованные решения относительно внедрения и развития ИТ.

В качестве научного результата исследования предложена формализованная модель выбора методов оценки эффективности ИС, основанная на соотнесении целей анализа, характера ожидаемого эффекта и уровня управленческого решения. Данная модель позволяет определить, в каких случаях целесообразно применять *TCO*, *BSC* или *ABC* отдельно, а в каких — использовать их комплексно. Предложенный подход расширяет традиционное представление об оценке эффективности ИС, поскольку позволяет рассматривать финансовые, стратегические и процессные параметры в единой логике управленческого анализа. Это повышает обоснованность решений, связанных с развитием ИТ-инфраструктуры и цифровой трансформацией организаций.

Научный вклад данной статьи состоит в формализации подхода к выбору методов оценки эффективности ИС в условиях цифровизации. В статье предложена модель, объединяющая финансово-затратный, стратегический и процессно-функциональный контуры анализа. В рамках данной модели *TCO* используется для оценки совокупной стоимости владения ИС, *BSC* — для определения стратегического вклада ИС, *ABC* — для анализа влияния ИС на стоимость и результативность бизнес-процессов. Разработанный подход позволяет перейти от описательного сравнения методов к обоснованному выбору оценочного инструментария в зависимости от целей организации, характера ожидаемого эффекта и уровня управленческого решения.

7. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. 3-е изд., испр. и доп. М. : Олимп-Бизнес, 2017. 320 с.
8. Хруцкий В. Е., Толмачев Р. А., Хруцкий Р. В. Оценка персонала. Сбалансированная система показателей : учеб. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2026. 203 с.
9. Скларова О. А. Функционально-стоимостной анализ : учеб. пособие. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2017. 107 с.
10. Федосеев Д. С., Нерослов А. Д., Мохов В. П., Митрофанова И. В. Управление публичными информационными системами: функционально-стоимостной анализ // Теория и практика общественного развития. 2024. № 10(198). С. 122—134. DOI: 10.24158/tipor.2024.10.16.
11. Егоров И. А., Кондратьев В. Ю. Методика анализа совокупной стоимости владения (ТСО) // Инновации и инвестиции. 2022. № 11. С. 183—187.
12. Князькова В. С. Развитие функционально-стоимостного анализа и особенности его применения при проектировании программных продуктов // *π-Economy*. 2022. Т. 15. № 5. С. 111—121. DOI: 10.18721/JE.15507.
13. Макаров В. В., Кириллов К. В. Разработка интегрированной многоуровневой системы показателей для оценки эффективности инновационных IT-проектов на основе модифицированной BSC // Проблемы современной экономики. 2025. № 4(96). С. 21—24.
14. Львович И. Я., Львович Я. Е., Фролов В. Н. Информационные технологии моделирования и оптимизации: краткая теория и приложения : моногр. Воронеж : Научная книга, 2016. 443 с.
15. Информационные технологии : учеб. / Ю. Ю. Громов, И. В. Дидрих, О. Г. Иванова и др. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2023. 260 с.

REFERENCES

1. Goryacheva D. D., Kiseleva E. S., Pyatakov V. F. Digital innovations in business: problems of implementation. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;3-2(90): 40—43. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2024-3-2-40-43.
2. Myradov G., Bayramova G. Systems for Calculating the Cost of Enterprise Activities. *Obrazovanie i nauka v XXI veke*. 2026;71-4(2): 544—550. (In Russ.)
3. Ovseenko G. A., Khambulatova Z. R. Features of using the methodology for evaluating the effectiveness of the company's business processes. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2024;2(163):1462—1466. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2024.163.2.292.
4. Gridin V. N., Solodovnikov V. I., Smirnov D. S. et al. Study of the relationship between data generation indicators and the effectiveness of solving target problems. *Informatsionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy = Journal of Information technologies and computing systems*. 2025;1:53—64. (In Russ.) DOI: 10.14357/20718632250105.
5. Aliev V. S. Information technologies and financial management systems. Teaching aid. Moscow, Forum, INFRA-M, 2021. 320 p. (In Russ.)
6. Yusupova G. R. Efficiency of information technology application in organization management. *Effektivnye sistemy menedzhmenta: Kachestvo. Tsirkulyarnaya ekonomika. Tekhnologicheskii suverenitet = Effective management systems: Quality. Circular economy. Technological sovereignty. Collection of scientific articles of the XI International scientific and practical forum*. Kazan, Poznanie, 2024:238—243. (In Russ.) DOI: 10.21202/978-5-8399-0823-9_238-243.
7. Kaplan R. S., Norton D. P. The Balanced Scorecard. Translating Strategy into Action. Harvard Business Review Press, 1996. 322 p.
8. Khrutskii V. E., Tolmachev R. A., Khrutskii R. V. Personnel assessment. balanced scorecard. Textbook for universities. 3rd ed. Moscow, Yurait, 2026. 203 p. (In Russ.)
9. Sklyarova O. A. Functional-cost analysis. Teaching aid. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2017. 107 p. (In Russ.)
10. Fedoseev D. S., Neroslov A. D., Mokhov V. P., Mitrofanova I. V. Public information systems management: value engineering analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2024;10(198): 122—134. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2024.10.16.
11. Egorov I. A., Kondratiev V. Yu. Total cost of ownership (TCO) analysis methodology. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2022; 11:183—187. (In Russ.)
12. Knyazkova V. S. Development of value analysis and features of its application in software products design. *π-Economy*. 2022;15(5):111—121. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.15507.
13. Makarov V. V., Kirillov K. V. Development of an integrated multi-level system of indicators for assessing the effectiveness of innovative IT projects based on a modified BSC. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of Modern Economics*. 2025;4(96):21—24. (In Russ.)
14. L'vovich I. Ya., L'vovich Ya. E., Frolov V. N. Information technologies of modeling and optimization: a brief theory and applications. Monograph. Voronezh, Nauchnaya kniga, 2016. 443 p. (In Russ.)
15. Gromov Yu. Yu., Didrikh I. V., Ivanova O. G. et al. Information technologies. Textbook. Tambov, Tambov State Technical University publ., 2023. 260 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 08.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья

УДК 65.03

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1642

Boris Aleksandrovich Tkhorikov

Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department
of Service Technologies
and Business Processes,
Kosygin State
University of Russia
Moscow, Russian Federation
tkhorikov-ba@rguk.ru

Борис Александрович Тхориков

д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой сервисных технологий
и бизнес-процессов,
Российский государственный
университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
tkhorikov-ba@rguk.ru

Bogdan Vitalyevich Semenov

Postgraduate of the Department of Service Technologies
and Business Processes,
scientific specialty
5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Kosygin State
University of Russia
Moscow, Russian Federation
bog.semenov2015@yandex.ru

Богдан Витальевич Семенов

аспирант кафедры сервисных технологий и бизнес-процессов,
научная специальность
5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Российский государственный
университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Российская Федерация
bog.semenov2015@yandex.ru

СТРАТЕГИИ ДИНАМИЧЕСКОГО ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ В МАРКЕТПЛЕЙСАХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Маркетплейсы оперируют разнородным товарным ассортиментом, в котором единицы складского учета (SKU) существенно различаются по вкладу в выручку и предсказуемости спроса, в связи с чем применение единой ценовой политики становится экономически неоправданным. В статье предложена классификация стратегий динамического ценообразования по сегментам матрицы ABC—XYZ и подробно разобраны три ключевые стратегии: соинвестирование скидок на товары-локомотивы из сегментов AX и AY, ценовое управление товарами с коротким остаточным сроком годности и поэтапная уценка неликвидных позиций (deadstock) в сегментах BZ и CZ. Для каждой стратегии определены источники исходных данных, формализована расчетная логика и сформулированы условия, ограничивающие область применения. Поскольку рассматриваемые стратегии конкурируют за единый скидочный бюджет платформы, в работе предложен механизм его динамического перераспределения, учитывающий текущую структуру складских остатков и сезонные колебания спроса. Отдельное внимание уделено ограничениям изолированного применения каждой из стратегий: показано,

что несогласованная оптимизация отдельных ценовых механизмов способна провоцировать каннибализацию спроса между сегментами и снижать совокупную маржинальность платформы. На основе анализа литературы и операционной практики маркетплейсов сформулирована интегрированная модель динамического ценообразования, объединяющая блоки выбора товаров и расчета цен в единый управленческий контур. Поставлена задача дальнейшей формализации порядка внедрения стратегий с учетом зрелости аналитической инфраструктуры маркетплейса, структуры товарного остатка и располагаемого инженерного ресурса. Результаты работы могут быть использованы при проектировании систем динамического ценообразования и при разработке методологии категорийного менеджмента в условиях многоформатной розничной торговли.

Ключевые слова: динамическое ценообразование, маркетплейсы, ABC—XYZ анализ, соинвестирование скидок, остаточный срок годности, дедсток / deadstock, алгоритмическое равновесие, электронная коммерция, категорийный менеджмент, ценовая эластичность, скидочный бюджет, ценовая конкурентоспособность

Для цитирования: Тхориков Б. А., Семенов Б. В. Стратегии динамического ценообразования в маркетплейсах: методологические основы и практические механизмы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 68—75. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1642.

Original article

DYNAMIC PRICING STRATEGIES IN E-COMMERCE MARKETPLACES:
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS AND PRACTICAL MECHANISMS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Marketplace assortments are heterogeneous in revenue contribution and demand predictability, which makes a uniform pricing policy economically unworkable. The paper classifies dynamic pricing strategies by segments of the ABC-XYZ matrix and examines three key strategies in detail: discount co-investment on flagship items from segments AX and AY, price management for goods with a short remaining shelf life, and phased markdowns of deadstock positions in segments BZ and CZ. For each strategy the paper specifies data sources, formalises the decision logic, and sets out the conditions that constrain its applicability. Because the three strategies compete for a single platform-wide discount budget, a mechanism for its dynamic reallocation is proposed, taking into account the current inventory structure and seasonal demand fluctuations. Particular attention is paid to the limitations of applying each strategy in isolation: it is shown

that uncoordinated optimisation of individual pricing mechanisms may provoke demand cannibalisation between segments and erode the overall margin of the platform. Drawing on the literature and operational practice of marketplaces, an integrated dynamic pricing model is formulated, combining the blocks of item selection and price calculation into a single management loop. The task of further formalising the rollout sequence is set, taking into account the maturity of the marketplace's analytical infrastructure, inventory structure and engineering capacity. The results may be applied to the design of dynamic pricing systems and to the development of category-management methodology in the context of multi-format retail.

Keywords: dynamic pricing, marketplaces, ABC-XYZ analysis, discount co-investment, remaining shelf life, deadstock, algorithmic equilibrium, e-commerce, category management, price elasticity, discount budget, price competitiveness

For citation: Tkhorikov B. A., Semenov B. V. Dynamic pricing strategies in e-commerce marketplaces: methodological foundations and practical mechanisms. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):68—75. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1642.

Введение

Развитие цифровых платформ и многоформатной электронной торговли превратило ценообразование на маркетплейсах в высокочастотный алгоритмический процесс. Платформы агрегируют данные о ценах конкурентов, складских остатках, поведении покупателей и сезонных колебаниях спроса, что позволяет пересчитывать цену каждой единицы складского учета (*Stock Keeping Unit*, далее — *SKU*) с шагом от нескольких часов до нескольких минут. Цена при этом остается одним из ключевых критериев выбора товара, а в условиях ценовой прозрачности конкуренция за покупателя смещается в плоскость алгоритмических решений.

Изученность проблемы и анализ современной литературы. Проблематика динамического ценообразования получила широкое освещение в зарубежной и отечественной литературе, однако работы существующего корпуса концентрируются преимущественно на изолированных стратегиях. В фундаментальном обзоре Г. Битрана и Р. Калденея заложены модели оптимизации выручки при ограниченных запасах [1], а В. Эльмаграби и П. Кескинокак классифицируют стратегии динамического ценообразования по структуре спроса и условиям пополнения запасов [2]. М. Фергюсон и О. Кёнигсберг формализовали задачу управления портящимся товаром, рассматривая совместное решение по цене и партии в двухпериодной модели [3]. Указанные работы, несмотря на год публикации, формируют методологическую основу всех последующих исследований и сохраняют статус канонических, на что прямо указывают современные систематические обзоры.

Современный этап исследований связан с переходом от детерминированных моделей к подходам на основе машинного обучения и обучения с подкреплением. П. Копалле с соавторами систематизируют направления цифрового ценообразования и формулируют програм-

му будущих исследований [4]. М. Нойберт отмечает, что большинство моделей не учитывают контекст жизненного цикла платформы и зрелость аналитической инфраструктуры [5]. М. Басал и Е. Сарач показывают, как алгоритмы динамически адаптируются к колебаниям спроса и поведенческим индикаторам, и одновременно поднимают вопрос алгоритмической прозрачности [6]. Прикладные исследования последних лет демонстрируют практическую реализуемость подхода: Х. Риос и Х. Вера формализуют динамическое ценообразование и управление запасами для розничной сети с множеством товаров [7]; А. Сайнатан сравнивает политику фиксированной цены и уценки для скоропортящихся продуктов в двухпериодной задаче [8]; М. Новак и М. Павловская-Новак предлагают практическую методику применения машинного обучения для динамического ценообразования в *e-commerce*, апробированную на данных польского ритейлера [9]. Проблематика отходов в сегменте скоропортящихся товаров и роль *AI-pricing* в ее решении рассмотрены Т. А. Сайедом с соавторами [10].

В отечественной литературе вопросы динамического ценообразования и алгоритмического маркетинга разрабатываются в работах М. В. Семибратского и Б. А. Тхорикова, обосновавших динамический подход к реализации маркетинговой стратегии организации [11], а также В. В. Кулебякина, анализирующего применение искусственного интеллекта в задачах ценообразования [12]. Методологические основы платформенной экономики и роль алгоритмов как координатора рыночных взаимодействий рассмотрены в работе Э. Бриниолфссона и Э. Макафи [13].

Несмотря на значительный объем исследований, в существующей литературе сохраняется ряд пробелов:

а) большинство работ изучают отдельные ценовые механизмы вне контекста товарной сегментации, что затрудняет их интеграцию на уровне многокатегорийной платформ [4; 5];

б) проблематика согласования конкурирующих стратегий в рамках единого скидочного бюджета не получила систематического описания;

в) практически отсутствуют публикации, формализующие переход от отдельных ценовых правил к интегрированному управленческому контуру с учетом зрелости аналитической инфраструктуры платформы [5; 6].

Целесообразность разработки темы. По данным отраслевых источников, объем электронной коммерции в России превышает 9 трлн руб., более 60 % которого приходится на крупнейшие маркетплейсы; параллельно растет инвестиционная активность в сегменте *AI*-решений для ритейла, включая системы динамического ценообразования и прогнозирования спроса (по обзорам отраслевых аналитиков и платформ — *Data Insight*, Ассоциация компаний интернет-торговли, *Mindbox*, отчеты *Ozon* и *Wildberries* для продавцов). Концентрация оборота в нескольких крупных платформах при одновременном усложнении товарной матрицы делает задачу синхронного управления разнотипными ценовыми стратегиями практически значимой. Разработка темы целесообразна по трем причинам:

1) разнородность ассортимента маркетплейса исключает применимость единой ценовой политики и требует дифференцированных алгоритмических решений;

2) изолированное применение ценовых стратегий порождает риски каннибализации спроса и неконтролируемого расходования скидочного бюджета;

3) отсутствие систематизированных рекомендаций по выбору и приоритизации стратегий затрудняет принятие управленческих решений на уровне категорийного менеджмента.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) предложена классификация стратегий динамического ценообразования на маркетплейсах через сегменты матрицы *ABC—XYZ*, обеспечивающая отображение каждого сегмента ассортимента на приоритетную ценовую стратегию;

2) формализованы три ключевые стратегии — соинвестирование скидок, ценовое управление товарами с низким остаточным сроком годности и поэтапная уценка *dead-stock* — с указанием для каждой источников данных, расчетной логики и условий применимости;

3) предложен механизм координации стратегий через динамическое перераспределение единого скидочного бюджета платформы в зависимости от структуры остатков и сезонности спроса;

4) выявлены и описаны системные ограничения изолированного применения стратегий, включая риск каннибализации спроса между сегментами.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии алгоритмического ценообразования применительно к платформенным бизнес-моделям и в обогащении инструментария категорийного менеджмента за счет интеграции *ABC—XYZ* анализа с механизмами динамического ценообразования. **Практическая значимость** состоит в возможности использования предложенной классификации и матрицы решений при проектировании систем динамического ценообразования маркетплейсов, при разработке регламентов категорийного менеджмента и при выборе приоритетной стратегии в зависимости от структуры остатков и зрелости аналитической инфраструктуры конкретной платформы.

Цель исследования — систематизировать стратегии динамического ценообразования на маркетплейсах с использованием методологии *ABC—XYZ* анализа и описать алгоритмические механизмы их реализации.

Задачи исследования:

1) обосновать применимость *ABC—XYZ* анализа в качестве основы сегментации ассортимента для целей ценообразования;

2) формализовать три ключевые стратегии и определить условия их применимости;

3) предложить механизм координации стратегий через перераспределение единого скидочного бюджета;

4) выявить ограничения изолированного применения стратегий и сформулировать направления дальнейших исследований.

Основная часть

Методология исследования. Настоящее исследование основано на сочетании аналитического обзора литературы и методологического моделирования. На первом этапе проведен анализ научной и практической литературы по динамическому ценообразованию, управлению запасами и платформенной экономике с использованием отечественных и зарубежных источников. На втором этапе разработана классификация стратегий на базе *ABC—XYZ* анализа и описаны алгоритмические механизмы их реализации в маркетплейсе. На третьем этапе сформулированы ограничения изолированного применения стратегий и предложен механизм их координации.

ABC—XYZ анализ как основа сегментации. Выбор стратегий динамического ценообразования основывается на методологии *ABC—XYZ* анализа — инструмента классификации товарного ассортимента, широко применяемого в управлении запасами и категорийном менеджменте. Современное прикладное развитие подхода представлено в работе Л. Лагоды и М. Клумпа, где *ABC—XYZ* анализ рассматривается как интегрирующая рамка для прогнозирования спроса и управления запасами [14]. Данный подход позволяет сегментировать товары по двум независимым измерениям и определить дифференцированные управленческие политики для каждого сегмента. В практике российского ритейла методология описана в открытых отраслевых руководствах (*StockAgile*, *Log-hub*) и используется крупными платформами как штатный инструмент категорийного менеджмента.

ABC-классификация базируется на принципе Парето и распределяет товары по их вкладу в выручку:

— Категория *A* (около 20 % *SKU* → около 80 % выручки) — товары-локомотивы, формирующие основу оборота.

— Категория *B* (около 30 % *SKU* → около 15 % выручки) — товары среднего приоритета.

— Категория *C* (около 50 % *SKU* → около 5 % выручки) — товары с низким вкладом в финансовый результат.

XYZ-классификация учитывает стабильность и прогнозируемость спроса:

— Категория *X* — товары со стабильным, предсказуемым спросом.

— Категория *Y* — товары с сезонными колебаниями или умеренной вариативностью.

— Категория *Z* — товары с трудно прогнозируемым спросом.

Совмещение двух классификаций порождает матрицу из девяти сегментов ($AX, AY, AZ, BX, BY, BZ, CX, CY, CZ$), каждый из которых характеризуется уникальным сочетанием вклада в выручку и предсказуемости спроса. Эта матрица служит основой для назначения дифференцированных ценовых стратегий.

Источники данных. Для практической реализации предложенных стратегий необходимы данные из нескольких источников. Внутренние данные маркетплейса включают: историю продаж (объемы, цены, частота покупок по каждому SKU), складские остатки (текущие запасы, даты поступления и истечения сроков годности), транзакционные данные (конверсии, отказы, возвраты) и данные о маржинальности (себестоимость, комиссии, логистические затраты). Внешние данные включают: цены конкурентов (собираемые посредством парсинга открытых каталогов), отраслевые бенчмарки (средние показатели оборачиваемости, списаний, доли неликвидов; источники — отраслевые обзоры *Data Insight*, Ассоциации компаний интернет-торговли, *McKinsey* и аналогичных аналитических центров) и макроэкономические индикаторы. Аналитические метрики, рассчитываемые на основе первичных данных, включают коэффициент ценовой эластичности, скорость продаж (единиц в день), индекс неликвидности и прогнозный остаточный срок реализации запаса.

Результаты исследования. Анализ научной литературы и опыта функционирования маркетплейсов позволил выделить три ключевые операционные проблемы, для каждой из которых предложена соответствующая стратегия динамического ценообразования (табл. 1):

- обеспечение ценовой конкурентоспособности в категориях $AX–AY$ (решается стратегией соинвестирования скидок);
- минимизация потерь от списания скоропортящихся товаров (стратегия ценообразования товаров с низким остаточным сроком годности);
- высвобождение замороженного капитала в категориях $BZ–CZ$, где *deadstock* — товары, длительное время не находящие спроса и занимающие складские площади без перспектив реализации по текущим ценам, — формирует существенную долю операционных потерь розничной торговли.

Таблица 1

**Соответствие стратегий
динамического ценообразования
сегментам $ABC–XYZ$**

Сегмент $ABC–XYZ$	Характеристика	Стратегия
AX, AY, BX	Высокий/средний вклад в выручку, стабильный спрос	Соинвестирование скидок
Все категории с временным ограничением	Товары с ограниченным сроком годности	Ценообразование товаров с ограниченным сроком годности
BZ, CZ, CY	Низкий вклад, нестабильный/отсутствующий спрос	Ценообразование <i>deadstock</i>

Стратегия соинвестирования скидок. В современной архитектуре e-commerce алгоритмы динамического ценообразования становятся центральным координатором пове-

дения продавцов и покупателей, формируя новый тип алгоритмического равновесия, отличающегося подвижностью, адаптивностью и реактивностью [11; 13].

Механика соинвестирования скидок позволяет платформе формировать конечную цену через совместное распределение затрат на снижение цены. Продавец ограничен реальной маржинальностью, тогда как платформа стремится сохранять конкурентный уровень цен. Соинвестирование устраняет фундаментальный конфликт стимулов: продавец участвует в акциях без разрушения финансового результата, а маркетплейс достигает целевых показателей конкурентоспособности [12].

Механизм базируется на следующих аналитических инструментах: парсинг конкурентных цен; автоматическое сопоставление товаров на основе алгоритмов машинного обучения; расчет индекса цен — отношения цены маркетплейса к средневзвешенной цене конкурентов; оптимизация бюджета соинвестирования с учетом ожидаемой отдачи (*ROI*). Эмпирические подтверждения эффективности подобных схем приведены в работах Х. Риоса и Х. Веры для розничных сетей с множеством товаров [7], а также М. Новака и М. Павловской-Новак на данных польского e-commerce [9].

Отбор товаров для программы осуществляется по трем критериям: лучший ассортимент (товары-локомотивы $AX–AY$, формирующие до 80 % оборота); сезонный ассортимент (выявляется инструментами автокорреляционного анализа и *STL*-декомпозиции [15]); эластичный ассортимент (товары с высокой ценовой эластичностью, оцениваемой регрессионными методами). Подобные механики применяются международными платформами (*Amazon, Walmart Marketplace, Alibaba*) и российскими маркетплейсами (*Ozon, Wildberries, «Яндекс Маркет», «Магнит Маркет»*), что фиксируется в открытых базах знаний продавцов и отраслевых обзорах.

Стратегия ценообразования товаров с низким остаточным сроком годности. Маркетплейсы сталкиваются с проблемой минимизации потерь от списания товаров с истекающим сроком годности. Эта проблема наиболее выражена в категориях продуктов питания, косметики и фармацевтики. По оценкам Т. А. Сайеда с соавторами, доля продовольственных отходов в розничной торговле развитых стран достигает 10–12 %, что напрямую затрагивает маржинальность категорий со скоропортящимися товарами [10].

Основная проблема заключается в асимметрии ожиданий. Покупатель, оформляя заказ, рассчитывает получить товар с оптимальным сроком годности. Обнаружение истекающего срока приводит к возврату товара и связанным с ним затратам на обратную логистику, а в случае публикации негативного отзыва — к снижению конверсии в категории на горизонте нескольких недель. Маркетплейсы оказываются перед выбором: реализовать товар с истекающим сроком по сниженной цене или списать его с соответствующими убытками.

Для скоропортящейся продукции применяется подход *perishable pricing*, где оптимальная цена определяется не только конкурентной ситуацией, но и прогнозируемой убылью стоимости по мере приближения даты истечения срока годности [3; 8]. Цель алгоритма — минимизация совокупных потерь, включающих нереализованный запас, затраты на утилизацию и упущенную выгоду от замороженных складских площадей. Процесс включает четыре взаимосвязанных этапа:

1. *Идентификация.* Алгоритм осуществляет непрерывный мониторинг складских остатков с использованием параметров: дата истечения срока годности; скорость продаж — среднее количество единиц в день; остаточный объем на складе; расчетное время до обнуления запаса. Прогноз строится на основе *STL*-декомпозиции — разложения временного ряда на тренд, сезонность и шум [15]. Товары с прогнозной датой реализации позже срока хранения передаются на расчет цен.

2. *Расчет оптимальной скидки на основе многофакторной модели:* остаточный срок в днях; скорость продаж при текущей цене; затраты на хранение и утилизацию; коэффициент ценовой эластичности; минимально допустимая маржинальность. Базовая логика строится на принципе убывающей стоимости: с приближением даты истечения срока годности готовность покупателя приобрести товар по полной цене падает, что требует пропорционального снижения цены. Зависимость нелинейна: на финальном отрезке срока годности чувствительность спроса к цене заметно возрастает, поэтому глубина дисконта в этой зоне должна увеличиваться быстрее, чем линейно [16].

3. *Мониторинг и адаптация.* Система ежедневно отслеживает фактическую скорость реализации. При отставании от плана алгоритм усиливает скидку на 5—10 процентных пунктов; при превышении — может уменьшить дисконт для сохранения маржинальности.

4. *Возврат к стандартному ценообразованию после ликвидации партии.* Система фиксирует результаты (объем реализации, средняя скидка, сохраненная маржа) и использует данные для калибровки моделей на будущие периоды.

Стратегия ценообразования *deadstock*-товаров. *Deadstock* («мертвый запас») — товары, которые длительное время не находят спроса и занимают складские площади без перспектив реализации по текущим ценам. В отличие от скоропортящихся товаров, *deadstock* не имеет жесткого временного ограничителя, но создает скрытые издержки: замороженный оборотный капитал и постоянные складские расходы при отсутствии оборачиваемости. Параллельно возникают альтернативные издержки — место на складе, занятое такими позициями, не может быть использовано под более ликвидный ассортимент. По данным открытых отраслевых обзоров (*Iconic*, *Data Insight*), доля неликвидных позиций в складском запасе маркетплейсов с широким ассортиментом может достигать величин, сопоставимых с долей активно продаваемых *SKU*.

Причины образования *deadstock* многообразны: ошибки прогнозирования — переоценка спроса при закупках; изменение предпочтений — смена трендов, появление аналогов; сезонная специфика — нереализованные сезонные товары; ценовые ошибки — завышенная цена; проблемы с контентом — некачественные фотографии, описания, отсутствие отзывов. Систематизация этих факторов и алгоритмических подходов к их преодолению представлена в обзоре М. Нойберта [5] и в работе Х. Риуса и Х. Веры [7].

Алгоритм идентификации основывается на следующих критериях:

- низкая оборачиваемость (отсутствие продаж 60—120 дней в зависимости от категории);
- дисбаланс остатков и спроса;
- отрицательная динамика продаж за 3—6 периодов;
- высокий показатель отказов (товар добавляется в корзину, но удаляется).

Система присваивает каждому товару индекс неликвидности, который агрегирует дни без продаж с категориальным весом, отношение остатка к среднемесячному обороту, конверсию относительно бенчмарка и направление тренда продаж.

Ступенчатая модель снижения цен предполагает последовательное увеличение скидки: первая ступень (0—30 дней без продаж) — умеренная скидка 10—15 % для тестирования ценовой чувствительности; вторая ступень (30—60 дней) — увеличение до 20—30 % с усилением маркетинговой поддержки; третья ступень (60—90 дней) — агрессивная скидка 40—50 %, приоритизация в рекомендательных алгоритмах; четвертая ступень (свыше 90 дней) — ликвидационная скидка до 70—80 %. Подобная многоступенчатая структура согласуется с эмпирическими результатами исследований по уценке скоропортящихся и сезонных товаров [8].

Систематическое применение алгоритмической ступенчатой уценки позволяет сократить долю неликвидных позиций в общем складском запасе и высвободить мощности под ассортимент с более высоким оборотом.

Ограничения изолированного применения стратегий. Описанные стратегии, рассматриваемые по отдельности, обладают рядом системных ограничений, отмечаемых в современной литературе. Изолированная оптимизация отдельных ценовых механизмов без учета взаимосвязей между товарными сегментами может приводить к каннибализации спроса: агрессивная скидка на *deadstock*-товар способна переключить покупателя с товара-локомотива, снижая общую маржинальность платформы [4]. Большинство моделей не учитывают контекст жизненного цикла платформы и уровень зрелости аналитической инфраструктуры, что затрудняет определение последовательности и приоритетов внедрения [5]. Дополнительным ограничением выступает недостаточная прозрачность алгоритмических решений для участников платформы: продавцы зачастую не понимают логику ценовых рекомендаций, что снижает уровень доверия и готовность к сотрудничеству [6].

Перечисленные ограничения обуславливают необходимость интеграции стратегий в единую модель с прозрачной логикой перераспределения ресурсов и формализованным механизмом приоритизации.

Интегрированная модель динамического ценообразования. Анализ трех стратегий позволяет сформулировать обобщенную модель, структурированную в виде двух блоков (см. рис.). Первый блок — выбор товаров — осуществляет классификацию позиций по группам (лучший, сезонный, эластичный ассортимент) на основе результатов *ABC—XYZ* анализа и дополнительных аналитических метрик (эластичность, оборачиваемость, остаточный срок годности). Второй блок — ценообразование — включает модули расчета эластичности категории, оптимизации скидочного бюджета и мониторинга индекса цен. Интеграция блоков обеспечивает автоматическое перераспределение скидочного бюджета между стратегиями в зависимости от текущей ситуации: при накоплении товаров с истекающим сроком система перенаправляет часть бюджета из соинвестирования в ценообразование товаров с ограниченным сроком годности, и наоборот.

Для практического применения предлагается матрица решений по сегментам *ABC—XYZ* (табл. 2), где каждому из девяти сегментов соответствует приоритетная стратегия.

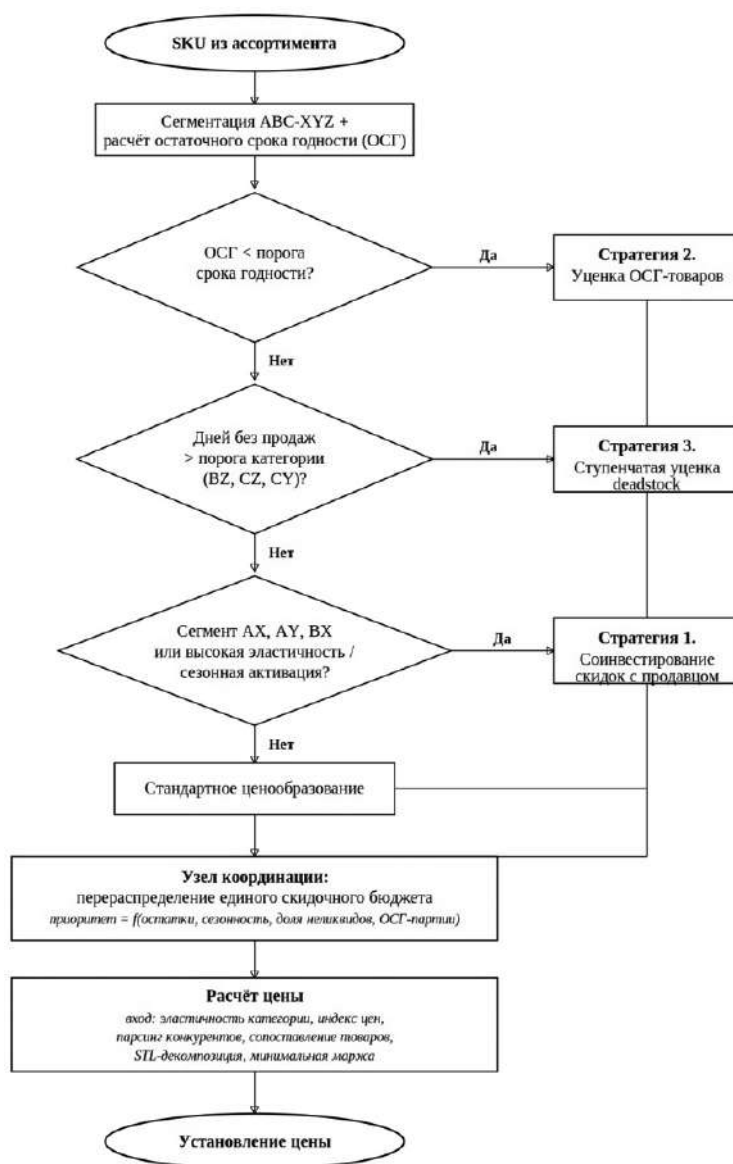

Рис. Алгоритм динамического ценообразования

**Матрица применения
стратегий динамического ценообразования**

Сегмент	Характеристика	Приоритетная стратегия
AX	Высокая выручка, стабильный спрос	Соинвестирование скидок
AY	Высокая выручка, сезонные колебания	Соинвестирование + сезонная активация
AZ	Высокая выручка, непредсказуемый спрос	Соинвестирование с осторожностью
BX	Средняя выручка, стабильный спрос	Соинвестирование (второй приоритет)
BY	Средняя выручка, сезонные колебания	Сезонное соинвестирование
BZ	Средняя выручка, спорадический спрос	Мониторинг перехода в deadstock
CX	Низкая выручка, стабильный спрос	Минимальное вмешательство
CY	Низкая выручка, сезонные колебания	Ценообразование deadstock (превентивно)
CZ	Низкая выручка, отсутствие спроса	Ценообразование deadstock (активно)

Таблица 2

Сочетание компонент образует алгоритмическое ценовое равновесие, в котором уровень цен задается параметрами управляющей системы и оперативно подстраивается под состояние спроса и остатков. Алгоритм перераспределяет скидочный бюджет туда, где отдача максимальна, и поддерживает конкурентную цену в ключевых сегментах.

Практическое применение и направления дальнейших исследований. Предложенная модель описывает архитектуру динамического ценообразования, но ее перенос на уровень действующей платформы упирается в ресурсное ограничение. Одновременный запуск трех стратегий требует зрелой инфраструктуры сбора и обработки данных, а также инженерного и аналитического ресурса, которым в полном объеме располагает не каждый маркетплейс. На практике перед командой ценообразования встает задача выбора: с какой стратегии начинать, в какой последовательности подключать остальные и по каким критериям оценивать готовность к переходу на следующий этап.

Ответ на этот вопрос не сводится к интуитивной оценке. Стратегии различаются по охвату ассортимента, ожидаемому эффекту на маржинальность, требованиям

к качеству исходных данных и сложности интеграции с внутренними системами платформы. Соинвестирование скидок обладает наибольшим охватом, но требует зрелой инфраструктуры матчнга конкурентных предложений и налаженного процесса согласования с продавцами. Ценообразование товаров с низким остаточным сроком годности характеризуется более узким охватом, но дает быстрый и измеримый эффект в категориях с критическим временным фактором. Управление *deadstock* высвобождает оборотный капитал, но опирается на устойчивые сигналы оборачиваемости и предполагает достаточную глубину истории продаж.

Сопоставление этих характеристик показывает, что универсального порядка внедрения не существует — приоритет зависит от текущего состояния платформы: структуры остатков, доли неликвидов, зрелости аналитических моделей и располагаемого инженерного ресурса. Для систематизации этого выбора требуется формализованный инструмент приоритизации, позволяющий ранжировать стратегии по соотношению ожидаемого эффекта, надежности оценки и сложности реализации с учетом специфики конкретного маркетплейса. Разработке такого инструмента и его апробации на практическом материале будет посвящено отдельное исследование.

Заключение

В работе три стратегии динамического ценообразования — соинвестирование скидок, уценка товаров с истекающим сроком годности и поэтапное снижение цен на *deadstock* — соотнесены с конкретными сегментами матрицы *ABC—XYZ* и сведены в единый управленческий контур. Для каждой стратегии указаны входные данные, расчетная логика и условия применимости, что позволяет встраивать их в существующие процессы категорийного менеджмента без перестройки операционной модели.

Координация стратегий обеспечивается механизмом перераспределения общего скидочного бюджета: при накоплении товаров с критическим остаточным сроком годности часть бюджета переключается с соинвестирования на уценку партий товаров с ограниченным сроком годности, при росте доли неликвидов — на ликвидацию *deadstock*. Выявлены ограничения изолированного применения стратегий, связанные с риском каннибализации спроса и недостаточной прозрачностью алгоритмических решений для участников платформы.

Дальнейшая работа предполагает формализацию правил приоритизации стратегий с учетом ресурсных ограничений маркетплейса и зрелости его аналитической инфраструктуры, а также эмпирическую апробацию предложенной модели на данных действующей розничной платформы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bitran G., Caldentey R. An Overview of Pricing Models for Revenue Management // *Manufacturing & Service Operations Management*. 2003. Vol. 5. No. 3. Pp. 203—229. DOI: 10.1287/msom.5.3.203.16031.
2. Elmaghraby W., Keskinocak P. Dynamic Pricing in the Presence of Inventory Considerations: Research Overview, Current Practices, and Future Directions // *Management Science*. 2003. Vol. 49. No. 10. Pp. 1287—1309. DOI: 10.1287/mnsc.49.10.1287.17315.
3. Ferguson M. E., Koenigsberg O. How Should a Firm Manage Deteriorating Inventory? // *Production and Operations Management*. 2007. Vol. 16. Iss. 3. Pp. 306—321. DOI: 10.1111/j.1937-5956.2007.tb00261.x.
4. Kopalle P. K., Pauwels K., Akella L. Y., Gangwar M. Dynamic pricing: Definition, implications for managers, and future research directions // *Journal of Retailing*. 2023. Vol. 99. Iss. 4. Pp. 580—593. DOI: 10.1016/j.jretai.2023.11.003.
5. Neubert M. A Systematic Literature Review of Dynamic Pricing Strategies // *International Business Research*. 2022. Vol. 15. No. 4. Art. 1. DOI: 10.5539/ibr.v15n4p1.
6. Basal M., Saraç E., Özer K. Dynamic Pricing Strategies Using Artificial Intelligence Algorithm // *Open Journal of Applied Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 8. Pp. 1963—1978. DOI: 10.4236/ojapps.2024.148128.
7. Rios J. H., Vera J. R. Dynamic pricing and inventory control for multiple products in a retail chain // *Computers & Industrial Engineering*. 2023. Vol. 177. Art. 109065. DOI: 10.1016/j.cie.2023.109065.
8. Sainathan A. Pricing and Replenishment of Competing Perishable Product Variants under Dynamic Demand Substitution // *Production and Operations Management*. 2013. Vol. 22. Iss. 5. Pp. 1157—1181. DOI: 10.1111/poms.12004.
9. Nowak M., Pawłowska-Nowak M. Dynamic Pricing Method in the E-Commerce Industry Using Machine Learning // *Applied Sciences*. 2024. Vol. 14. Iss. 24. Art. 11668. DOI: 10.3390/app142411668.
10. Dynamic pricing for perishable goods: A data-driven digital transformation approach / T. A. Syed, H. Aslam, Z. A. Bhatti et al. // *International Journal of Production Economics*. 2024. Vol. 277. Art. 109405. DOI: 10.1016/j.ijpe.2024.109405.
11. Семибратский М. В., Тхориков Б. А. Динамический подход к реализации маркетинговой стратегии организации // *Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского*. 2023. № 3(89). С. 85—96.
12. Кулебякин В. В. Динамическое ценообразование в маркетинге при помощи искусственного интеллекта // *Повышение конкурентоспособности отечественной науки : материалы науч. конф. аспирантов СПбГЭУ. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. С. 346—352.*
13. Brynjolfsson E., McAfee A. *Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future*. New York : W. W. Norton & Company, 2017. 402 p.
14. Lagoda L., Klumpp M. Efficient Warehouse and Inventory Management: The Modified ABC XYZ Analysis as a Framework to Integrate Demand Forecasting and Inventory Control // *Dynamics in Logistics : Proceedings of the 9th International Conference LDIC 2024* / eds. M. Freitag, A. Kinra, H. Kotzab, N. Megow. Cham : Springer, 2024. Pp. 390—405. DOI: 10.1007/978-3-031-56826-8_30.
15. Cleveland R. B., Cleveland W. S., McRae J. E., Terpenning I. STL: A Seasonal-Trend Decomposition Procedure Based on Loess // *Journal of Official Statistics*. 1990. Vol. 6. No. 1. Pp. 3—73.
16. Hou L., Nie T., Zhang J. Pricing and inventory strategies for perishable products in a competitive market considering strategic consumers // *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2024. Vol. 184. Art. 103478. DOI: 10.1016/j.tre.2024.103478.

REFERENCES

1. Bitran G., Caldentey R. An Overview of Pricing Models for Revenue Management. *Manufacturing & Service Operations Management*. 2003;5(3):203—229. DOI: 10.1287/msom.5.3.203.16031.
2. Elmaghraby W., Keskinocak P. Dynamic Pricing in the Presence of Inventory Considerations: Research Overview, Current Practices, and Future Directions. *Management Science*. 2003;49(10):1287—1309. DOI: 10.1287/mnsc.49.10.1287.17315.
3. Ferguson M. E., Koenigsberg O. How Should a Firm Manage Deteriorating Inventory?. *Production and Operations Management*. 2007;16(3):306—321. DOI: 10.1111/j.1937-5956.2007.tb00261.x.
4. Kopalle P. K., Pauwels K., Akella L. Y., Gangwar M. Dynamic pricing: Definition, implications for managers, and future research directions. *Journal of Retailing*. 2023;99(4):580—593. DOI: 10.1016/j.jretai.2023.11.003.
5. Neubert M. A Systematic Literature Review of Dynamic Pricing Strategies. *International Business Research*. 2022;15(4):1. DOI: 10.5539/ibr.v15n4p1.
6. Basal M., Saraç E., Özer K. Dynamic Pricing Strategies Using Artificial Intelligence Algorithm. *Open Journal of Applied Sciences*. 2024;14(8):1963—1978. DOI: 10.4236/ojapps.2024.148128.
7. Rios J. H., Vera J. R. Dynamic pricing and inventory control for multiple products in a retail chain. *Computers & Industrial Engineering*. 2023;177:109065. DOI: 10.1016/j.cie.2023.109065.
8. Sainathan A. Pricing and Replenishment of Competing Perishable Product Variants under Dynamic Demand Substitution. *Production and Operations Management*. 2013;22(5):1157—1181. DOI: 10.1111/poms.12004.
9. Nowak M., Pawłowska-Nowak M. Dynamic Pricing Method in the E-Commerce Industry Using Machine Learning. *Applied Sciences*. 2024;14(24):11668. DOI: 10.3390/app142411668.
10. Syed T. A., Aslam H., Bhatti Z. A. et al. Dynamic pricing for perishable goods: A data-driven digital transformation approach. *International Journal of Production Economics*. 2024;277:109405. DOI: 10.1016/j.ijpe.2024.109405.
11. Semibratsky M.V., Tkhorikov B.A. The dynamic approach to implementing the company marketing strategy. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo = Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University*. 2023;3(89):85—96. (In Russ.)
12. Kulebyakin V. V. Dynamic pricing in marketing using artificial intelligence. *Povyshenie konkurentosposobnosti otechestvennoi nauki = Increasing the competitiveness of domestic science. Proceedings of the scientific conference of graduate students of Saint Petersburg State University of Economics*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University of Economics publ., 2023:346—352. (In Russ.)
13. Brynjolfsson E., McAfee A. *Machine, Platform, Crowd: Harnessing Our Digital Future*. New York, W. W. Norton & Company, 2017. 402 p.
14. Lagoda L., Klumpp M. Efficient Warehouse and Inventory Management: The Modified ABC XYZ Analysis as a Framework to Integrate Demand Forecasting and Inventory Control. *Dynamics in Logistics. Proceedings of the 9th International Conference LDIC 2024*. M. Freitag, A. Kinra, H. Kotzab, N. Megow (eds.). Cham, Springer, 2024:390—405. DOI: 10.1007/978-3-031-56826-8_30.
15. Cleveland R. B., Cleveland W. S., McRae J. E., Terpenning I. STL: A Seasonal-Trend Decomposition Procedure Based on Loess. *Journal of Official Statistics*. 1990;6(1):3—73.
16. Hou L., Nie T., Zhang J. Pricing and inventory strategies for perishable products in a competitive market considering strategic consumers. *Transportation Research Part E: Logistics and Transportation Review*. 2024;184:103478. DOI: 10.1016/j.tre.2024.103478.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 16.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 16.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 332.1:338.43(470.62)
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1639

Pyotr Vasiliyevich Burkovskij
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Economic Theory,
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russian Federation
burkovsky.p@yandex.ru

Петр Васильевич Бурковский
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории,
Кубанский государственный
аграрный университет имени И. Т. Трубилина
Краснодар, Российская Федерация
burkovsky.p@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Исследование посвящено методологическому обобщению совокупности инструментов регулирования и поддержки развития сельского хозяйства в Краснодарском крае. Приводится анализ организационных и функциональных характеристик основных программно-целевых документов, определяющих стратегическое развитие отраслей сельского хозяйства. Проведена систематизация фактологических данных, раскрывающих степень финансового обеспечения региональной господдержки производства продукции растениеводства и животноводства с учетом общего объема бюджетного субсидирования, предусмотренного при реализации программно-целевых мероприятий. Раскрывается организационная вертикаль взаимодействия между региональными органами государственного регулирования развития сельского хозяйства с учетом фактического значения динамики бюджетной консолидации расходов на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей всех форм собственности. Акцентируется внимание на важности системной и комплексной господдержки развития сельских территорий в регионе, поскольку инфраструктурное развитие села является залогом и стратегической основой успешности проводимых региональными органами государственного регулирования организационных преобразований по стратегическому развитию сельского хозяйства и эффективности применяемого программно-целевого метода управления в целом. Приводится экономическое описание эффективности совершенствования программно-целевого регулирования на локальном уровне, опираясь

на фактические данные производства продукции животноводства и стратегических направлений ее роста на примере крупного сельскохозяйственного предприятия Краснодарского края — ПАО «Племзавод имени В. И. Чапаева». На основе диагностики финансового состояния и выявления потенциалов роста предприятия предлагаются стратегические направления региональной поддержки по модернизации организационной среды производственных отношений на основе инструментов бережливого производства и цифровизации основных технологических процессов. Указывается важность проведения активной господдержки процессов производственной кооперации, способствующей становлению более устойчивых конкурентоспособных локальных производственных систем в сельском хозяйстве, что существенно повышает эффективность бюджетной поддержки в рамках регионального программно-целевого регулирования. В заключение приводится описание основных проблемных аспектов в организации программно-целевого регулирования поддержки сельского хозяйства Краснодарского края и перспективных направлений стратегического развития локальных производственных систем в сельском хозяйстве с использованием технологий бережливого производства, цифровизации и активной господдержки производственной кооперации.

Ключевые слова: сельское хозяйство, производство, кооперация, животноводство, цифровизация, программно-целевое регулирование, стратегическое развитие, бережливое производство, экономическая эффективность

Для цитирования: Бурковский П. В. Региональные аспекты оценки программно-целевого регулирования сельского хозяйства // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 76—85. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1639.

Original article

REGIONAL ASPECTS OF ASSESSING PROGRAM-TARGETED REGULATION OF AGRICULTURE

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The study is devoted to the methodological generalization of tools for regulating and supporting agricultural development in the Krasnodar Krai. The article analyzes the organizational and functional characteristics of the main program-targeted documents that determine the strategic development of agricultural sectors. Factual data are systematized

to characterize the financial provision of regional state support for crop and livestock production, taking into account the total amount of budget subsidies allocated for the implementation of program-targeted measures. The organizational hierarchy of interaction between regional bodies of state regulation of agricultural development is considered in relation to the dynamics

of budget consolidation of expenditures for supporting agricultural producers of all forms of ownership. Special attention is paid to the importance of comprehensive state support for rural development, since the infrastructural development of rural areas acts as a strategic basis for the effectiveness of organizational transformations and the program-targeted management method. The article provides an economic description of the effectiveness of improving program-targeted regulation at the local level, based on the actual data on livestock production and strategic directions for its growth using the example of a large agricultural enterprise in the Krasnodar Krai, Breeding Farm named after V. I. Chapaev PJSC. Based on an analysis of the company's financial condition and growth potential, strategic directions for regional support for the modernization of the organizational environment of industrial relations based on lean production tools

and digitalization of basic technological processes are proposed. The importance of active state support for industrial cooperation processes is indicated, which contributes to the formation of more stable competitive local production systems in agriculture, which significantly increases the effectiveness of budget support within the framework of regional program-targeted regulation. In conclusion, the main problematic aspects in the organization of program-targeted regulation of agricultural support in the Krasnodar Krai and promising areas for the strategic development of local production systems in agriculture using lean production technologies, digitalization and active government support for industrial cooperation are described.

Keywords: agriculture, production, cooperation, livestock production, digitalization, program-target regulation, strategic development, lean production, economic efficiency

For citation: Burkovskij P. V. Regional aspects of assessing program-targeted regulation of agriculture. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75): 76—85. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1639.

Введение

Стратегическое развитие сельского хозяйства во многом определяется эффективностью программно-целевого регулирования, позволяющего связывать нормативные показатели эффективности с необходимым уровнем бюджетной поддержки в форме субсидий и институциональным обеспечением конкурентной среды между сельскохозяйственными товаропроизводителями.

Степень изученности проблемы программно-целевого регулирования сельского хозяйства определяется несколькими научными направлениями. Методологические основы государственного регулирования агропромышленного производства и учета региональной специфики рассматриваются в исследованиях В. И. Нечаева, Ю. И. Бершицкого и С. М. Резниченко [1]. Вопросы совершенствования механизма государственного регулирования экономического развития агропромышленного комплекса (далее — АПК) Краснодарского края раскрыты Т. О. Бадякиной [2], а региональные инструменты программно-целевого механизма государственного регулирования АПК Краснодарского края изучаются в трудах Н. В. Фалиной и О. С. Ковтун [3]. Следует отметить труды О. В. Сидоренко [4], М. Е. Рассудимова и В. А. Сологуба [5], Т. М. Эльдиевой и Д. Л. Минина [6], где авторы акцентируют внимание на исследовании проблематики бюджетного финансирования, практике государственной региональной поддержки и оценке влияния мер поддержки на устойчивое развитие отраслей АПК.

Важное место в подобных исследованиях занимает оценка программно-целевого подхода как инструмента развития сельских территорий и инфраструктурной основы устойчивого функционирования аграрного сектора. Программно-целевой метод в развитии сельских территорий регионов России рассмотрен Н. В. Ворошиловым, К. А. Задумкиным и Е. Б. Шулеповым [7], а комплексная связь развития АПК и сельских территорий региона изучалась О. В. Косенчуком [8]. Научные аспекты повышения эффективности землепользования в целях устойчивого развития сельских территорий представлена в работе Г. Н. Барсуковой [9], тогда как финансовая устойчивость предприятий АПК как условие их стабильного развития изучалась П. Ф. Парамоновым [10]. Вопросы инновационной политики и устойчивого регионального развития сельского хозяйства рассматривались А. А. Чаплицкой с соавторами [11].

В то же время в имеющихся научных исследованиях вопросы определения объемов бюджетной поддержки, адресности субсидирования, инфраструктурного развития сельских территорий и фактических результатов локальных сельскохозяйственных товаропроизводителей зачастую рассматриваются разрозненно. Методический аспект оценки эффективности государственной поддержки с учетом отложенного эффекта бюджетных расходов довольно подробно рассматривается С. Л. Соколовым [12], а систематизация мер господдержки сельского хозяйства по целевым направлениям, включая инновационные технологии, подготовку кадров, поддержку малых форм хозяйствования и устойчивое развитие сельских территорий, раскрыта Г. С. и Н. С. Бондаревыми и Е. А. Хромовым [13]. Опираясь на имеющиеся научные исследования, следует отметить, что оценка программно-целевого регулирования должна включать не только характеристику объема бюджетных ассигнований, но и анализ их связи с производственными результатами, финансовой устойчивостью, кооперационными процессами, цифровизацией и организационным развитием локальных производственных систем в сельском хозяйстве региона.

Краснодарский край является одним из ведущих аграрных регионов России, где сельское хозяйство выполняет не только производственную, но и стратегическую социально-экономическую функцию. В этой связи значимость приобретает комплексный анализ того, насколько действующие программно-целевые инструменты способствуют устойчивому развитию сельского хозяйства.

Целесообразность проводимых исследований определяется необходимостью систематизации организационных, финансовых и функциональных характеристик программно-целевого регулирования сельского хозяйства на региональном уровне. Особого внимания требует исследование не только общего объема бюджетной поддержки, но и ее практической результативности с точки зрения развития отдельных отраслей сельского хозяйства, укрепления материально-технической базы сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Научная новизна исследования заключается в методологическом обобщении совокупности инструментов программно-целевого регулирования сельского хозяйства Краснодарского края с учетом организационной вертикали взаимодействия региональных органов управления,

динамики бюджетного обеспечения государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей в рамках реализации государственных программ, отраслевой направленности программных мероприятий и возможностей их адаптации к потребностям локальных производственных систем. В отличие от подходов, ориентированных преимущественно на анализ объемов финансирования, в исследовании акцентируется внимание на взаимосвязи между региональными программно-целевыми документами, фактическим состоянием сельскохозяйственного производства, развитием сельских территорий и потенциалом конкретных предприятий аграрного сектора. Дополнительный элемент научной новизны состоит в обосновании направлений совершенствования региональной поддержки на основе сочетания инструментов производственной кооперации, бережливого производства и цифровизации технологических процессов при организации сельскохозяйственного производства.

Цель исследования состоит в оценке региональных аспектов программно-целевого регулирования сельского хозяйства Краснодарского края и обосновании перспективных направлений повышения его эффективности с учетом финансового обеспечения государственной поддержки, качественного совершенствования основных производственных процессов и потенциала локальных производственных систем.

Для достижения поставленной цели ставились следующие **задачи**:

- обобщить теоретико-методологические подходы к программно-целевому регулированию сельского хозяйства на региональном уровне;
- проанализировать организационные и функциональные характеристики основных программно-целевых документов, определяющих стратегическое развитие сельского хозяйства Краснодарского края;
- систематизировать фактологические данные, характеризующие финансовое обеспечение государственной поддержки производства продукции растениеводства и животноводства в сельском хозяйстве региона;
- раскрыть организационную вертикаль взаимодействия региональных органов государственного регулирования сельского хозяйства в процессе реализации программно-целевого метода;
- оценить значение комплексной государственной поддержки развития сельских территорий как инфраструктурной основы устойчивого функционирования аграрного сектора;
- рассмотреть эффективность программно-целевого регулирования на локальном уровне на примере крупного сельскохозяйственного предприятия Краснодарского края ПАО «Племзавод имени В. И. Чапаева»;
- обосновать перспективные направления совершенствования региональной поддержки сельского хозяйства на основе производственной кооперации, цифровизации и внедрения инструментов бережливого производства.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научных представлений о программно-целевом регулировании сельского хозяйства как комплексном механизме согласования стратегических приоритетов решения проблемы продовольственного обеспечения, бюджетного финансирования, институциональной поддержки и материально-технической обеспеченности. Представленные в работе положения позволяют расши-

рить методологическую основу оценки региональных программ развития сельского хозяйства за счет учета не только финансовых параметров государственной поддержки, но и организационно-экономических условий ее практической реализации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов региональными органами управления развитием сельского хозяйства, сельскохозяйственными организациями, органами местного самоуправления и субъектами агробизнеса при разработке и корректировке программных мероприятий, направленных на повышение эффективности бюджетного субсидирования, развитие сельской инфраструктуры, модернизацию производственных процессов и укрепление кооперационных связей при организации сельскохозяйственного производства. Предложенные направления совершенствования программно-целевого регулирования могут быть использованы для повышения адресности государственной поддержки, усиления ее организационно-экономического эффекта и формирования устойчивых конкурентоспособных локальных производственных систем в сельском хозяйстве Краснодарского края.

Основная часть

Программно-целевое регулирование сельского хозяйства на региональном уровне представляет собой систему управленческих, финансовых и организационно-экономических мер, направленных на достижение стратегических целей по обеспечению продовольственной безопасности. Его специфика состоит в том, что государственная поддержка должна не только компенсировать часть производственных затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей, но и формировать условия для структурной модернизации отрасли, повышения технологической устойчивости, содействия развитию инфраструктурной обеспеченности сельских территорий.

На территории Краснодарского края реализуются две основные государственные программы, связанные с развитием сельского хозяйства: «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» и «Комплексное развитие сельских территорий».

Исследование показывает, что действующая система программно-целевого регулирования сельского хозяйства региона имеет многоуровневую систему, включающую федеральные и региональные механизмы бюджетного финансирования, субсидирование отдельных направлений производства, поддержку инвестиционной активности, развитие малых форм хозяйствования, стимулирование экспорта, поддержку сельской инфраструктуры, а также поддержку переход на цифровизацию основных технологических процессов.

Вместе с тем анализ организационно-функциональных характеристик программно-целевого регулирования позволяет выделить ряд проблем, снижающих его результативность. Прежде всего это недостаточность реального организационно-экономического эффекта от отдельных мер государственной поддержки, поскольку значительная часть субсидий распределяется по укрупненным направлениям, что не всегда позволяет учитывать различия в финансовом состоянии, технологическом уровне и инвестиционных возможностях конкретных сельскохозяйственных организаций [14].

Еще одной проблемой выступает преобладание компенсационного характера субсидирования над стимулирующим, что снижает трудовую мотивацию к повышению производительности труда работников основного производства, оптимизации издержек и внедрению управленческих инноваций.

Важно акцентировать внимание на проблеме недостаточной интеграции мер поддержки сельского хозяйства и развития сельских территорий. Как отмечает И. Н. Буздалов, сельскохозяйственное производство невозможно рассматривать изолированно от состояния социальной, инженерной, транспортной и цифровой инфраструктуры села [15]. Недостаточный уровень благоустройства сельских территорий, ограниченность кадрового потенциала, отток молодежи из села в город и слабая инфраструктурная обеспеченность сельской местности напрямую влияют на эффективность программно-целевого регулирования развития сельского хозяйства.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что действующая система господдержки сельского хозяйства на основе программно-целевого регулирования в Краснодарском крае нуждается в выработке механизма организационных преобразований по распределению бюджетных субсидий по направлениям к оценке реального экономического эффекта, который должен выражаться в росте производительности труда, снижении себестоимости продукции, повышении финансовой устойчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей.

Достоверность полученных результатов обеспечивается использованием комплексного методического подхода, включающего анализ нормативно-программных документов, систематизацию данных о бюджетном финансировании, сопоставление направлений государственной поддержки с фактическими потребностями отраслей сельского хозяйства, а также прикладную оценку возможностей модернизации на уровне локальной производственной системы.

Обоснованность результатов исследования подтверждается наличием связи между объемами и направлениями бюджетного субсидирования в рамках реализации программно-целевого регулирования и необходимостью модернизации локальных производственных систем. При бюджетных субсидиях преимущественно компенсационной направленности общий производственный эффект ограничивается краткосрочным ростом объема производства, в то время как при поддержке цифровизации, бережливого производства, кооперации и развития сельской инфраструктуры достигается долгосрочный положительный производственный эффект и эффективность программно-целевого регулирования сельского хозяйства.

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования послужили концептуальные положения в области программно-целевого регулирования развития отраслей сельского хозяйства. Исходными данными явились отчетные показатели и статистические материалы региональной оценки развития сельского хозяйства. В ходе написания статьи применялись такие методы, как расчетно-аналитический для оценки существующей тенденции программно-целевого регулирования в практическом аспекте, а также динамической оценки эффективности долгосрочного финансирования мероприятий по качественному совершенствованию применяемых средств производства на локальном уровне сельского хозяйства.

Результаты исследования и их обсуждение. Основным стратегическим документом регулирования развития сельского хозяйства на региональном уровне является государственная программа Краснодарского края «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», разработанная на 2016—2030 гг. Согласно данному программному документу стратегические цели развития регионального агропродовольственного рынка ориентированы на широкое внедрение современных средств технологической модернизации основных производственных процессов по формированию полной себестоимости продукции, которая определяет общую стратегию ценообразования на агропродовольственном рынке. При этом отмечается приоритетность выбора механизмов косвенного государственного регулирования локальных агропроизводств на основе поддержки инфраструктуры производств и различных форм сельскохозяйственной кооперации агробизнеса, в частности фермерских хозяйств и аграрных предпринимателей [16].

Общая структура программного документа отражает логику последовательного решения целей и задач стратегического развития отраслей сельского хозяйства и решение проблемы продовольственного обеспечения готовой продукцией на региональном уровне (рис. 1).

В рамках данного подхода программно-целевое регулирование выступает не только инструментом распределения бюджетных ресурсов, но и способом институционального согласования интересов государства, сельскохозяйственных товаропроизводителей, перерабатывающих предприятий, финансово-кредитных организаций и фермерских хозяйств. Его практическая значимость заключается в том, что посредством государственных программ формируется единая система приоритетов, целевых индикаторов, финансовых лимитов и ожидаемых результатов, позволяющая обеспечить последовательное развитие отраслей растениеводства, животноводства, переработки сельскохозяйственной продукции и социального развития сельских территорий.

Вместе с тем сложившаяся практика государственного регулирования сельского хозяйства на региональном уровне показывает, что наличие программно-целевых документов само по себе не гарантирует достижения целевых значений стратегического развития в отраслях сельского хозяйства. Существенное значение имеет качество организационного сопровождения программных мероприятий, своевременность предоставления субсидий, степень их адресности, прозрачность процедур отбора получателей государственной поддержки, а также способность региональных органов управления оперативно корректировать действующие инструменты регулирования с учетом изменения макроэкономических условий, конъюнктуры агропродовольственного рынка и производственных возможностей разных категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей [16].

Важным направлением совершенствования организационной вертикали программно-целевого регулирования является усиление обратной связи между региональными органами управления и непосредственными получателями государственной поддержки. Такая обратная связь позволяет выявлять проблемные зоны в реализации программных мероприятий, определять административные барьеры, уточнять потребности сельскохозяйственных

товаропроизводителей и корректировать механизмы субсидирования. Следует отметить, что в условиях повышенного уровня производственных затрат в животноводстве, обусловленного ресурсоемким характером производимой про-

дукции, особую значимость приобретает переход от преимущественно компенсационной модели субсидирования к стимулирующим бюджетным субсидиям, направленным на развитие производственной кооперации.

Рис. 1. Структура целей и задач стратегического развития сельского хозяйства в Краснодарском крае

Существенное значение приобретает методический подход по дифференциации мер государственной поддержки в зависимости от отраслевой специализации агробизнеса, масштаба производства, достигнутого уровня рентабельности, степени технологической оснащенности и социальной значимости конкретного хозяйствующего субъекта для развития сельской территории. Применение единых нормативов расчета субсидий не всегда позволяет в полной мере учитывать различия между крупными агрохолдингами, малыми сельскохозяйственными предприятиями, крестьянскими фермерскими хозяйствами, сельскохозяйственными потребительскими кооперативами и личными подсобными хозяйствами. В результате возникает снижение адресности бюджетной поддержки, при которой более организационно подготовленные и финансово устойчивые субъекты получают больший доступ к мерам государственной помощи, тогда как малые формы хозяйствования сталкиваются с административными, информационными и финансовыми ограничениями [12].

В этой связи целесообразно совершенствовать методику распределения бюджетных ассигнований на основе нормативного подхода, позволяющего обеспечить прозрачность и формальную сопоставимость процедур предоставления субсидий и учитывать фактический вклад получателя государственной поддержки в достижение целевых показате-

лей регионального развития сельского хозяйства в рамках программно-целевого регулирования. К таким показателям могут быть отнесены прирост объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышение урожайности сельскохозяйственных культур, увеличение продуктивности животных, рост производительности труда, снижение себестоимости, расширение посевных площадей под приоритетными культурами, увеличение объема переработки, создание новых рабочих мест и участие в кооперационных формах организации производства.

Следует также учитывать, что бюджетная поддержка сельского хозяйства должна быть тесно связана с развитием сельских территорий. Производственная эффективность аграрного сектора напрямую зависит от состояния социальной, инженерной, транспортной и цифровой инфраструктуры села. Недостаточный уровень развития сельских дорог, жилищного строительства, объектов образования, здравоохранения, культуры, связи и коммунальной инфраструктуры ограничивает возможности привлечения и закрепления трудовых ресурсов. Общий уровень господдержки развития сельского хозяйства отражает степень потенциальных возможностей компенсации убытков отдельных групп сельскохозяйственных товаропроизводителей вследствие рыночных флуктуаций агропродовольственного рынка (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели бюджетного финансирования
отрасли сельского хозяйства в Краснодарском крае**

Показатель	2015	2019	2022	2023	2024	2024/2015, %
Расходы консолидированного бюджета всего, млн руб.	253 977	260 866	279 425	300 333	335 042	131,9
В том числе:						
сельское хозяйство и рыболовство	9 556	8 807	7 208	7 594	7 811	81,7
Доля расходов на сельское хозяйство к ВРП, %	0,5	0,4	0,3	0,3	0,3	—
Доля расходов на сельское хозяйство к расходам консолидированного бюджета, %	3,8	3,4	2,6	2,5	2,3	—

Механизмы регулирования отраслевого развития сельского хозяйства разграничиваются на прямое и косвенное управленческое воздействие, которое в совокупности формирует организационную основу программно-целевого метода поддержки развития сельского хозяйства на дол-

госрочную перспективу. Региональный аспект поддержки сельского хозяйства на основе программно-целевого регулирования представлен совокупностью направлений стратегического развития в рамках комплексного проектного документа (рис. 2).

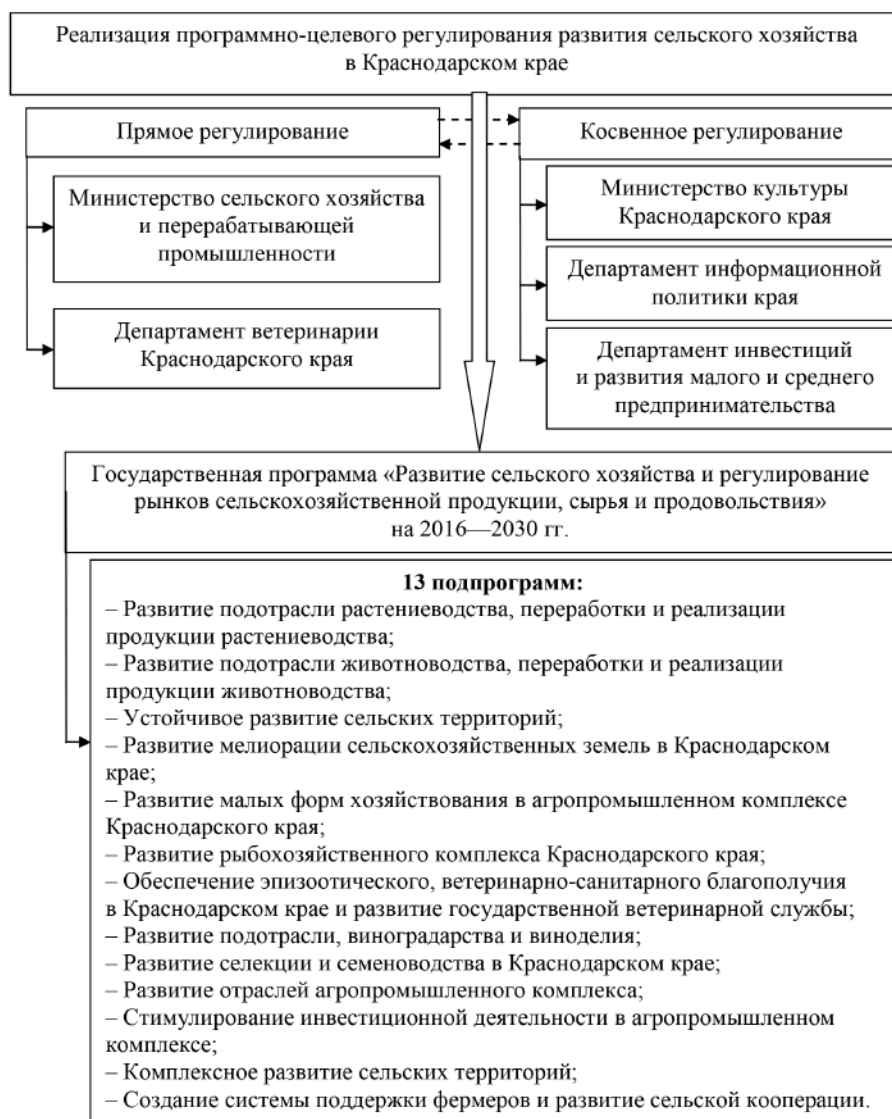

Рис. 2. Схема содержания организации программно-целевого регулирования развития сельского хозяйства в Краснодарском крае

Наиболее значимым фактором повышения эффективности в сельском хозяйстве в целом и в отрасли животноводства в частности является совершенствование кормовой базы. Именно качество кормления во многом определяет продуктивность животных, уровень среднесуточного привеса, объемы производства молока, состояние воспроизводства стада, себестоимость продукции и конечный финансовый результат предприятия. В этой связи необходимо обеспечить переход от традиционного планирования кормовых рационов к более точной системе нормирования, основанной на учете физиологического состояния животных, их возраста, породных характеристик, уровня продуктивности и фактических показателей потребления кормов. Такой подход позволит снизить избыточные затраты, повысить питательную сбалансированность рационов и обеспечить более рациональное использование кормовых ресурсов [16].

Важным направлением является внедрение цифрового мониторинга состояния сельскохозяйственных животных. Использование электронных меток, чипирования, датчиков активности, автоматизированных систем учета привесов и продуктивности позволит формировать индивидуальную информационную базу по каждому животному. Это создаст условия для более точного контроля состояния стада, своевременного выявления отклонений в поведении и физиологических показателях, предупреждения заболеваний, оптимизации ветеринарных мероприятий и повышения общей управляемости производственного процесса.

В организационно-управленческом отношении важным направлением является внедрение инструментов бережливого производства. Их использование позволит минимизировать потери рабочего времени, сократить избыточные перемещения персонала, снизить простои оборудования, оптимизировать последовательность технологических

операций и повысить дисциплину исполнения производственных заданий. Применение принципа «нулевой ошибки» должно быть связано с формированием системы постоянного контроля качества на каждом этапе производственного процесса: при заготовке кормов, кормлении, доении, ветеринарном обслуживании, санитарной обработке помещений, хранении молока и его дальнейшей переработке.

Существенным условием повышения эффективности животноводческого комплекса является развитие кадрового потенциала. Современное животноводство требует от работников не только практических навыков ухода за животными, но и способности работать с цифровыми системами учета, автоматизированным оборудованием, программами мониторинга, современными средствами ветеринарного контроля и технологическими картами производственных процессов. В этой связи предприятие долж-

но формировать систему непрерывного профессионального обучения, включающую повышение квалификации операторов машинного доения, зоотехников, ветеринарных специалистов, технологов, механизаторов и управленческого персонала [16].

Стратегическое развитие производственного потенциала сельскохозяйственного предприятия является основной для успешного применения инструментария программно-целевого регулирования. На этой основе используется расчетное значение параметров роста производственных показателей исходя из имеющегося ресурсного потенциала с учетом практической апробации современных средств оптимизации ресурсного потребления на основе бережливых средств совершенствования производственной структуры и оптимизации использования труда работников основного производства (табл. 2).

Таблица 2

**Расчет запаса финансовой прочности
животноводческого комплекса ПАО «Племзавод имени В. И. Чапаева»**

Показатель	2024 г. (факт)		Прогноз, 2027 г.		Отклонение прогноза от факта	
	тыс. руб.	в % от выручки	тыс. руб.	в % от выручки	абсолютное	темп роста, %
Выручка от реализации продукции животноводства	625 025	100,0	750 030	100,0	+125 005	120,0
Маржинальный доход	68 082	10,9	156 890,2	20,9	+88 808,2	в 2,3 раза
Доля маржинального дохода в выручке	0,11	—	0,21	—	+0,1	190,9
Переменные затраты, всего	556 943	89,1	593 139,8	79,1	+36 196,8	106,5
В том числе:						
оплата труда	72 397	11,6	77 108,2	10,3	+4 711,2	106,5
оплата корма	294 460	47,1	345 013,8	46,0	+50 553,8	117,2
материальные оборотные активы	17 871	2,9	22 500,9	3,0	+4 629,9	125,9
прочие затраты	172 215	27,6	148 426,9	19,8	–23 788,1	86,2
Постоянные затраты, всего	78 919	12,6	90 003,6	12,0	+11 084,6	114,0
В том числе:						
содержание основных средств	33 205	5,3	39751,6	11,8	+6 546,6	119,7
амортизация	45 714	7,3	50 252,0	6,7	+4 538	109,9
Совокупные затраты	635 862	101,7	683 143,4	91,1	+47 281,4	107,4
Прибыль (убыток) от основной деятельности	–10 837	—	66 886,6	8,9	+77 723,6	—
Безубыточный объем продаж	—	—	42 874,3	5,7	+42 874,3	—
Запас финансовой прочности	—	—	707155,7	94,3	+707155,7	—

В организационно-управленческом отношении важным направлением является внедрение инструментов бережливого производства. Их использование позволит минимизировать потери рабочего времени, сократить избыточные перемещения персонала, снизить простои оборудования, оптимизировать последовательность технологических операций и повысить дисциплину исполнения производственных заданий. Применение принципа «нулевой ошибки» должно быть связано с формированием системы постоянного контроля качества на каждом этапе производственного процесса, включая заготовку кормов, кормление, доение, ветеринарное обслуживание, санитарную обработку помещений, хранение молока и его дальнейшую переработку (рис. 3).

Цифровой инструментарий оптимизации производства локального агропроизводителя предполагает использование технологических решений в рамках организации бережливого производства, которое опирается на оптими-

зационный механизм распределения и использование производственных ресурсов с достижением наибольшего значения предельной производительности.

Производственная кооперация предприятия является важным фактором на пути повышения эффективности производства в животноводческом комплексе, поскольку развитие кооперационных связей с перерабатывающими организациями, торговыми сетями, логистическими операторами и специализированными сервисными структурами значительно укрепляют ресурсный потенциал производственной системы (рис. 4).

Кооперационные формы позволяют объединять ресурсы малых и средних производителей, обеспечивать совместное использование техники, объектов хранения, переработки, логистики и сбыта продукции. Поэтому бюджетное стимулирование кооперационных процессов должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений регионального программно-целевого регулирования развития сельского хозяйства.

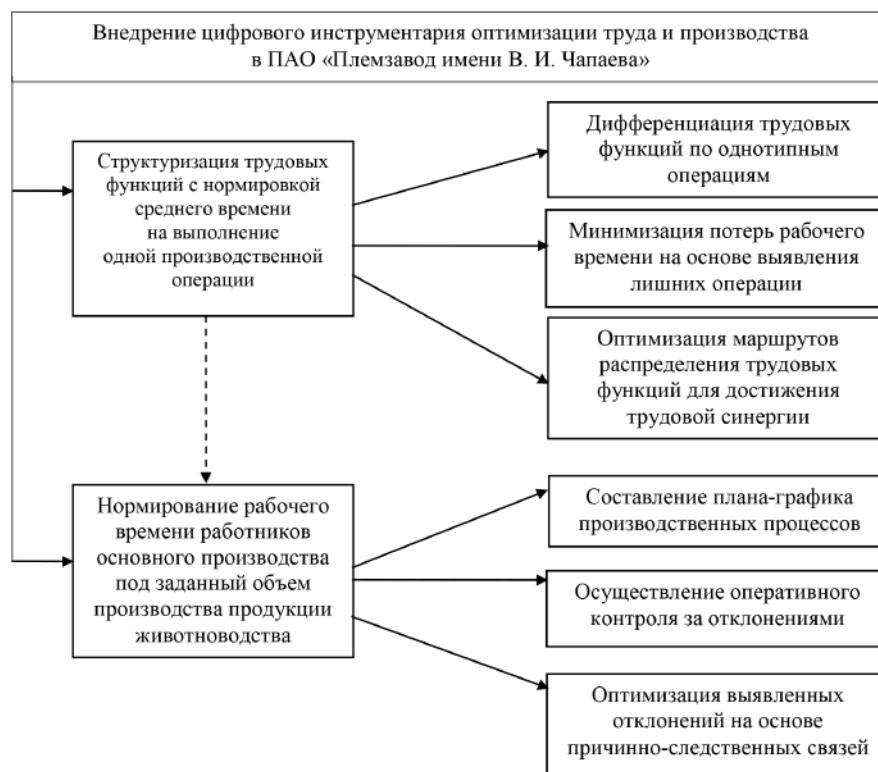

Рис. 3. Схема оптимизации производственной системы на основе внедрения цифрового инструментария

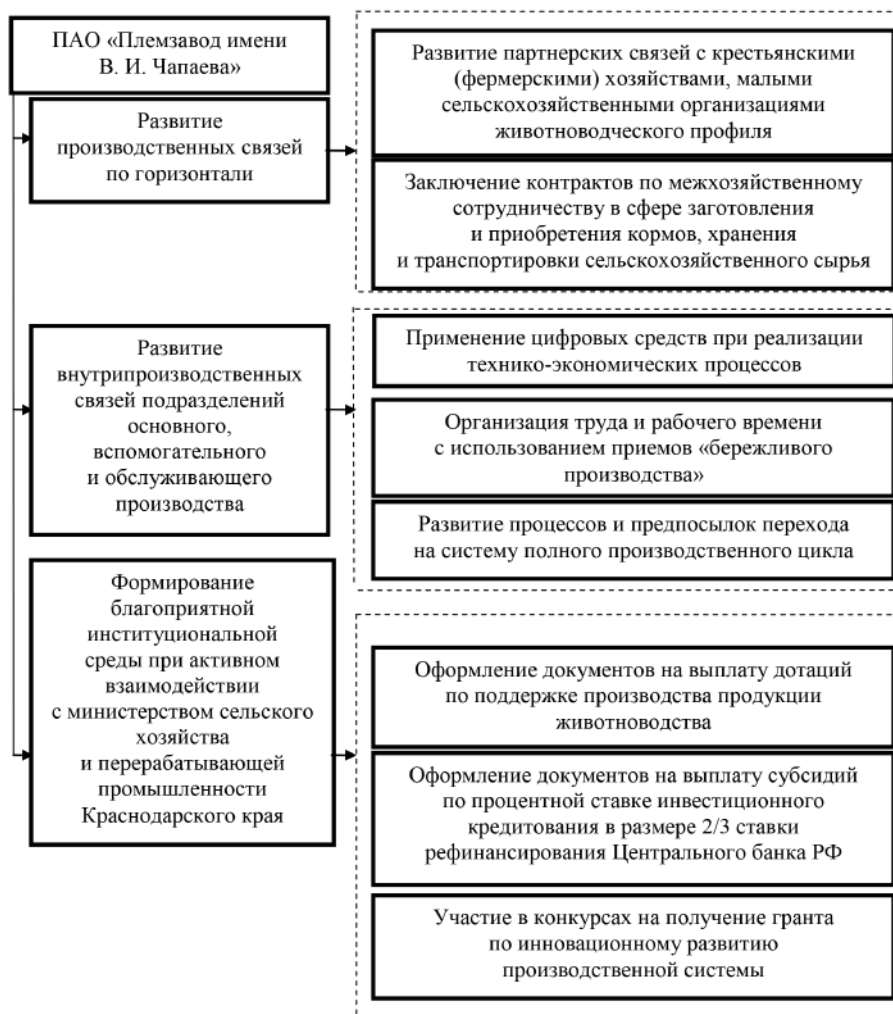

Рис. 4. Схема поддержки ресурсной концентрации агропроизводителя на основе развития производственной кооперации

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что программно-целевое регулирование сельского хозяйства Краснодарского края является многоуровневым механизмом организационно-экономического воздействия, объединяющим бюджетное субсидирование, институциональное сопровождение, развитие сельских территорий, поддержку производственной кооперации и модернизацию локальных производственных систем. Его результативность определяется не только объемом выделяемых бюджетных средств, но и степенью их влияния на производительность труда, себестоимость продукции, финансовую устойчивость сельскохозяйственных товаропроизводителей и качество инфраструктурной обеспеченности сельской местности.

В ходе исследования обобщены теоретико-методологические положения программно-целевого регулирования, раскрыты организационные и функциональные характеристики действующих программных документов, систематизированы показатели бюджетного финансирования сельского хозяйства региона, а также выявлены основные ограничения применяемого механизма государственной поддержки. К числу наиболее существенных проблем отнесены недостаточная адресность отдельных субсидий, преобладание компенсационного характера поддержки над стимулирующим, ограниченная интеграция мер развития сельского хозяйства и сельских территорий, а также необходимость усиления мониторинга конечной экономической отдачи бюджетных ассигнований.

Прикладная оценка направлений совершенствования программно-целевого регулирования на примере ПАО «Племзавод имени В. И. Чапаева» показала, что повышение эффективности животноводческого комплекса возможно на основе сочетания технологической модернизации, цифровизации производственного контроля, совершенствования кормовой базы, развития переработки молока и мясной продукции, повышения квалификации работников

основного производства и внедрения инструментов бережливого производства. Расчетные параметры прогноза свидетельствуют о наличии потенциала увеличения выручки, роста маржинального дохода, формирования положительно-го финансового результата и повышения запаса финансовой прочности животноводческого направления предприятия.

Особое значение имеет развитие производственной кооперации, позволяющей обеспечить устойчивые функциональные связи между производственными подразделениями, поставщиками ресурсов, перерабатывающими организациями, логистическими структурами и каналами реализации готовой продукции. Кооперационный подход создает условия для концентрации ресурсов, снижения транзакционных издержек, расширения полного производственного цикла и повышения добавленной стоимости продукции животноводства.

Полученные результаты подтверждают, что дальнейшее совершенствование регионального программно-целевого регулирования сельского хозяйства должно быть связано с переходом от преимущественно распределительной модели бюджетной поддержки к результативно-ориентированной модели управления. Такая модель должна включать дифференциацию мер государственной поддержки по категориям сельскохозяйственных товаропроизводителей, расширение стимулирующих субсидий, развитие цифровых инструментов мониторинга, поддержку бережливого производства, углубление производственной кооперации и комплексное развитие сельских территорий.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенных положений при корректировке региональных программ развития сельского хозяйства, совершенствовании методики распределения бюджетных субсидий, повышении адресности государственной поддержки и формировании устойчивых конкурентоспособных локальных производственных систем в аграрном секторе Краснодарского края.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нечаев В. И., Бершицкий Ю. И., Резниченко С. М. Региональные аспекты государственного регулирования агропромышленного производства : моногр. СПб. : Лань, 2009. 336 с.
2. Бадякина Т. О. Совершенствование механизма государственного регулирования экономического развития АПК Краснодарского края // Продовольственная политика и безопасность. 2024. Т. 11. № 4. С. 863—888. DOI: 10.18334/ppib.11.4.121904.
3. Фалина Н. В., Ковтун О. С. Региональные инструменты программно-целевого механизма государственного регулирования АПК Краснодарского края // Вестник Академии знаний. 2021. № 46(5). С. 304—313. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-5-304-313.
4. Сидоренко О. В., Ильина И. В. Совершенствование механизма бюджетного финансирования аграрного сектора: региональный аспект // Вестник аграрной науки. 2018. № 2. С. 79—86.
5. Рассудимов М. Е., Сологуб В. А. Анализ эффективности государственной поддержки агропромышленного комплекса в Российской Федерации и ее влияние на устойчивое развитие перерабатывающих отраслей // Хлебопечение России. 2024. Т. 68. № 2. С. 143—151.
6. Эльдиева Т. М., Минин Д. Л. Государственная региональная поддержка сельского хозяйства: практика реализации // Экономика. Информатика. 2024. Т. 51. № 4. С. 793—804. DOI: 10.52575/2687-0932-2024-51-4-793-804.
7. Ворошилов Н. В., Задумкин К. А., Шулепов Е. Б. Программно-целевой метод в развитии сельских территорий регионов России // Регионология. 2022. Т. 30. № 3. С. 555—585. DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585.
8. Косенчук О. В. Программно-целевой подход в развитии АПК и сельских территорий региона // Продовольственная политика и безопасность. 2025. Т. 12. № 1. С. 39—58. DOI: 10.18334/ppib.12.1.122039.
9. Барсукова Г. Н. Актуальность исследования проблемы повышения эффективности аграрного землепользования в целях устойчивого развития сельских территорий // Итоги научно-исследовательской работы за 2021 год : материалы Юбил. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Куб. ГАУ. Краснодар : КубГАУ, 2022. С. 242—245.
10. Парамонов П. Ф., Родин Д. Я., Глухих Л. В. Финансовое равновесие аграрных предприятий как основа их стабильности и устойчивого развития // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2020. № 1(58). С. 73—81. DOI: 10.33938/201-73.

11. Chaplitskaya A., Heijman W., Ophem Jv., Kusakina O. Innovation Policy and Sustainable Regional Development in Agriculture: A Case Study of the Stavropol Territory, Russia // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. Iss. 6. Art. 3509. DOI: 10.3390/su13063509.
12. Соколов С. Л. Методический подход к определению эффективности государственной поддержки экспорта продукции АПК // *Продовольственная политика и безопасность*. 2025. Т. 12. № 1. С. 25—38. DOI: 10.18334/ppib.12.1.122218.
13. Бондарева Г. С., Хромов Е. А., Бондарев Н. С. Государственная поддержка сельского хозяйства // *Финансовый менеджмент*. 2025. № 12. С. 402—408.
14. Ядгаров Я. С., Сидоров В. А., Ильинова В. В. Рыночное хозяйство: трансформационные тенденции // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2022. № 5. С. 7—33.
15. Буздалов И. Н. Сельское хозяйство как особый приоритет экономической политики в современных условиях // *Международный сельскохозяйственный журнал*. 2018. № 4. С. 1—7.
16. Phenomenon of market economy: Business concepts of innovations in theoretical and practical solutions : monograph / ed. by V. A. Sidorov, Ya. S. Yadgarov, V. V. Chaplya. London : PH LSP, 2022. 327 p.

REFERENCES

1. Nechaev V. I., Bershetskii Yu. I., Reznichenko S. M. Regional aspects of state regulation of agro-industrial production. Monograph. Saint Petersburg, Lan', 2009. 336 p. (In Russ.)
2. Badyakina T. O. Improving the mechanism of state regulation of the economic development of the agro-industrial complex in the Krasnodar Territory. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security*. 2024;11(4):863—888. (In Russ.) DOI: 10.18334/ppib.11.4.121904.
3. Falina N. V., Kovtun O. S. Regional instruments of the program-target mechanism of state regulation of the agro-industrial complex of the Krasnodar Territory. *Vestnik akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021;46(5):304—313. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-6139-2021-5-304-313.
4. Sidorenko O. V., Ilyina I. V. Improvement of the budget financing mechanism of the agrarian sector: regional aspect. *Vestnik agrarnoi nauki = Bulletin of Agrarian Science*. 2018;2:79—86. (In Russ.)
5. Rassudimov M. E., Sologub V. A. Analysis of the effectiveness of state support for the agro-industrial complex in the Russian Federation and its impact on the sustainable development of processing industries. *Khlebopechenie Rossii = Baking in Russia*. 2024;68(2):143—151. (In Russ.)
6. Eldieva T. M., Minin D. L. State regional support of agriculture: implementation practice. *Ekonomika. Informatika = Economics. Information Technologies*. 2024;51(4):793—804. (In Russ.) DOI: 10.52575/2687-0932-2024-51-4-793-804.
7. Voroshilov N. V., Zadumkin K. A., Shulepov E. B. The Program-Target Method in the Development of Rural Territories of the Regions of Russia. *Regionologiya = Regionology. Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(3):555—585. (In Russ.) DOI: 10.15507/2413-1407.120.030.202203.555-585.
8. Kosenchuk O. V. Program-oriented approach to the development of the agro-industrial complex and rural areas in the region. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security*. 2025;12(1):39—58. (In Russ.) DOI: 10.18334/ppib.12.1.122039.
9. Barsukova G. N. The relevance of the study of the problem of improving the efficiency of agricultural land use for the sustainable development of rural areas. *Itogi nauchno-issledovatel'skoi raboty za 2021 god = Results of research work for 2021. Proceedings of the Jubilee scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Kuban State Agrarian University*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University publ., 2022:242—245. (In Russ.)
10. Paramonov P.F., Rodin D.Ya., Glukhikh L.V. Financial balance of agricultural enterprises as the basis of their stability and sustainable development. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khoziaistve = Economy, labor, management in agriculture*. 2020;1(58):73—81. (In Russ.) DOI: 10.33938/201-73.
11. Chaplitskaya A., Heijman W., Ophem Jv., Kusakina O. Innovation Policy and Sustainable Regional Development in Agriculture: A Case Study of the Stavropol Territory, Russia. *Sustainability*. 2021;13(6):3509. DOI: 10.3390/su13063509.
12. Sokolov S. L. Methodology for determining the effectiveness of agricultural export state support. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security*. 2025;12(1):25—38. (In Russ.) DOI: 10.18334/ppib.12.1.122218.
13. Bondareva G. S., Khromov E. A., Bondarev N. S. State support for agriculture. *Finansovyi menedzhment = Financial management*. 2025;12:402—408. (In Russ.)
14. Yadgarov Ya. S., Sidorov V. A., Ilinova V. V. Market economy: transformational trends. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian Foreign Economic Journal*. 2022;5:7—33. (In Russ.)
15. Buzdalov I. N. Agriculture as a special priority of economic policy in modern conditions. *Mezhdunarodnyi sel'skokhoziaistvennyi zhurnal = International Agricultural Journal*. 2018;4:1—7. (In Russ.)
16. Phenomenon of market economy: Business concepts of innovations in theoretical and practical solutions. Monograph. V. A. Sidorov, Ya. S. Yadgarov, V. V. Chaplya (eds.). London, PH LSP, 2022. 327 p.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 332.1+330.3+338.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1614

Илья Aleksandrovich Gerasimenko
 Master's Student,
 field of training 43.04.01 — Service,
 Yugra State University
 Khanty-Mansiysk, Russian Federation
 geras.eliah@mail.ru

Samira Muratovna Saidova
 Master's Student,
 field of training 43.04.01 — Service,
 Yugra State University
 Khanty-Mansiysk, Russian Federation
 saidova_0202@mail.ru

Alina Irikovna Sharipova
 Master's Student,
 field of training 43.04.01 — Service,
 Yugra State University
 Khanty-Mansiysk, Russian Federation
 sharipova-02@bk.ru

Tatyana Petrovna Ladyzhenskaya
 Candidate of Economics, Associate Professor,
 Head of the Entrepreneurship Laboratory,
 Yugra State University
 Khanty-Mansiysk, Russian Federation
 t_ladyzhenskaya@ugrasu.ru

Илья Александрович Герасименко
 магистрант,
 направление подготовки 43.04.01 — Сервис,
 Югорский государственный университет
 Ханты-Мансийск, Российская Федерация
 geras.eliah@mail.ru

Самира Муратовна Саидова
 магистрант,
 направление подготовки 43.04.01 — Сервис,
 Югорский государственный университет
 Ханты-Мансийск, Российская Федерация
 saidova_0202@mail.ru

Алина Ириковна Шарипова
 магистрант,
 направление подготовки 43.04.01 — Сервис,
 Югорский государственный университет
 Ханты-Мансийск, Российская Федерация
 sharipova-02@bk.ru

Татьяна Петровна Ладыженская
 канд. экон. наук, доцент,
 руководитель лаборатории предпринимательства,
 Югорский государственный университет
 Ханты-Мансийск, Российская Федерация
 t_ladyzhenskaya@ugrasu.ru

ИНТЕГРАЛЬНАЯ МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КРЕАТИВНЫХ ПРОЕКТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Развитие креативной экономики в Российской Федерации сопровождается повышением значимости механизмов поддержки субъектов креативных индустрий, в т. ч. через грантовые конкурсы, акселерационные программы и премии. Это делает особенно важной разработку методик и рекомендаций для экспертной оценки проектов. Для Ханты-Мансийского автономного округа — Югры креативные индустрии выступают инструментом диверсификации экономики, капитализации культурного наследия и формирования регионального бренда. Однако существующие подходы к оценке проектов фрагментированы, слабо учитывают стратегические приоритеты региона, а также не обеспечивают сопоставимость результатов между различными конкурсными механизмами. В статье на основе анализа российских и региональных конкурсов, премий и номинаций предложена интегральная методика, включающая три блока: культурная среда, экономика региона и общественное мнение. Методика объединяет количественные и качественные методы, содержит десять критериев с отраслевыми подпунктами и весовыми коэффициентами, что позволяет

рассчитывать интегральный индекс успешности. Обоснованы рекомендуемые принципы формирования экспертной комиссии, описана процедура трехэтапной оценки и возможности адаптации коэффициентов в зависимости от типа и стадии проекта. Научная новизна исследования заключается в разработке оригинальной интегральной методики оценки креативных проектов, ориентированной на стратегические приоритеты Югры и учитывающей специфику культурного наследия коренных малочисленных народов Севера. Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанных рекомендаций как представителями органов власти, экспертами при оценке проектов для повышения ее качества, так и креативными командами при подготовке заявок и стратегическом планировании.

Ключевые слова: креативные индустрии, оценка креативных проектов, критериальная методика, региональное развитие, экспертная комиссия, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, интегральная методика, культурное наследие, диверсификация экономики, грантовые конкурсы, индекс успешности проекта, креативная экономика

Для цитирования: Герасименко И. А., Саидова С. М., Шарипова А. И., Ладыженская Т. П. Интегральная методика оценки креативных проектов в контексте регионального развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 86—95. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1614.

Original article

INTEGRAL METHODOLOGY FOR EVALUATING CREATIVE PROJECTS IN THE CONTEXT OF REGIONAL DEVELOPMENT OF THE KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – YUGRA

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *The development of the creative economy in the Russian Federation is accompanied by an increase in the importance of support mechanisms for creative industries, including through grant competitions, acceleration programs and awards. This makes it important to develop methodologies for peer review of projects. For Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, creative industries act as a tool for economic diversification, cultural heritage capitalization and regional branding. However, existing approaches to project evaluation are fragmented, insufficiently account for the strategic priorities of the region, and do not ensure comparability of results through competitive mechanisms. Based on the analysis of national and regional competitions, awards and nominations, the article proposes an integral methodology that includes three blocks: the cultural environment, the economy of the region and public opinion. The methodology combines quantitative and qualitative methods, contains ten criteria with industry-specific sub-items and weighting coefficients, allowing*

calculation of an integral success index. The principles of forming an expert commission are substantiated, and a three-stage assessment procedure with adaptable coefficients depending on project type and stage is described. The scientific novelty lies in the development of an original integrated methodology for evaluating creative projects, focused on the strategic priorities of Yugra and accounting for the cultural heritage of indigenous peoples of the North. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the developed recommendations by both government officials and experts when evaluating projects to improve their quality, as well as by creative teams when preparing applications and strategic planning.

Keywords: *creative industries, creative project evaluation, criteria-based methodology, regional development, expert commission, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, integral methodology, cultural heritage, economic diversification, grant competitions, project success index, creative economy*

For citation: Gerasimenko I. A., Saidova S. M., Sharipova A. I., Ladyzhenskaya T. P. Integral methodology for evaluating creative projects in the context of regional development of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):86—95. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1614.

Введение

Развитие креативных индустрий в России приобретает статус одного из ключевых национальных приоритетов. Причиной этому выступает переход от индустриальной экономики к нооэкономике, где главной производственной силой становятся знания и творческая деятельность человека [1]. Это, по мнению Е. Н. Захаровой, способствует производству инноваций и привлечению инвестиций в самых разных областях [2]. По итогам 2025 г. валовая добавленная стоимость креативной экономики достигла 8,26 трлн руб. и 4,2 % ВВП, а к 2030 г. планируется достижение 6 % [3]. Доля инвестиций в интеллектуальные активы в креативном секторе в 2024 г. составила 45,8 %, что более чем в шесть раз выше среднего по экономике [4].

Оптимистичные прогнозы, а также принятие федерального законодательства о креативных индустриях подчеркивают важность системной поддержки индивидуальных предпринимателей, самозанятых, юридических лиц и творцов искусства, осуществляющих деятельность в сферах дизайна, моды, архитектуры, кино, IT и др. [5], в т. ч. через грантовые конкурсы, акселераторы, премии, стипендии, субсидии и номинации [6]. Рост объемов государственной поддержки креативных индустрий повышает цену ошибки при определении приоритетных направлений и отборе проектов [7].

Актуальность. Для Ханты-Мансийского автономного округа (далее — ХМАО) — Югры креативные индустрии выступают одним из ключевых инструментов диверсификации экономики, капитализации уникального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера и формирования нового регионального бренда [8; 9]. По информации на начало 2025 г., в Югре насчитывается 7 123 субъекта креативных индустрий [10]. Для увеличения ВРП в регионе сформирован комплекс инструментов поддержки в виде грантовых конкурсов, акселерационных

программ и премий. Однако оценка проектов по-прежнему затруднена «отсутствием единой методики оценки социально-экономической эффективности» [11]. Кроме того, утверждается, что существующих подходов к оценке культурных проектов недостаточно и необходимо встраивать социологические инструменты, чтобы понимать, какое влияние было оказано на аудиторию [12]. Это снижает качество проработки заявок и приводит к расхождению между ожиданиями грантодателей и реальным содержанием проектов.

Изученность проблемы. Вопросы оценки эффективности проектов в сфере креативных индустрий, а также методические аспекты формирования критериев их экспертной оценки рассматриваются в работах целого ряда исследователей. Так, О. В. Белицкая и И. В. Горшунова анализируют общие проблемы оценки эффективности проектов в сфере креативных индустрий [11]; А. А. Помулев исследует методические аспекты оценки эффективности инвестиционных проектов с государственным участием [13]; Ю. В. Воронцова и С. В. Баранова разрабатывают методику оценки аудиовизуальных произведений [14]. Теоретическим основам взаимосвязи культуры и экономики посвящены исследования В. Ю. Музычук [15], а вопросам измерения социальных эффектов инфраструктурных проектов — работы М. Зафаржоновой и Т. С. Новиковой [16]. Региональные аспекты развития креативных индустрий рассматривают Л. В. Бабич и И. А. Секушина [1], Д. В. Дмитриев и А. А. Шакуров [17], А. Б. Зелинская [10], А. В. Погоревич [7]. Государственная поддержка креативных индустрий и роль цифровых платформ в их развитии исследованы В. В. Саморядовой [6] и Ю. А. Zubовой [18]. Вопросы поддержки этнической идентичности коренных малочисленных народов Югры освещены в работе Н. В. Ткачук [8], а опыт студенческого

предпринимательства в креативной сфере — в исследовании Т. П. Ладыженской и В. Э. Никитиной [19]. Несмотря на широкий спектр имеющихся работ, комплексная интегральная методика оценки креативных проектов, учитывающая специфические стратегические приоритеты ХМАО — Югры, остается неразработанной.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью преодоления фрагментарности существующих подходов к оценке креативных проектов, а также потребностью органов власти, экспертных сообществ и самих креативных команд в едином, прозрачном и адаптируемом инструменте оценки, согласованном со стратегическими целями развития региона.

Цель исследования — проанализировать текущие критерии оценивания творческих проектов в Югре и на основе этого предложить методику, которая учитывает стратегические задачи и культурный контекст Югры. Предлагаемая методика может быть полезна как представителям органов власти и экспертным составам при оценке и отборе проектов, так и самим креативным командам для самоанализа, подготовки заявок и выстраивания стратегии развития. Методика применима как к зрелым и масштабируемым проектам, так и к инициативам на стадии идеи для анализа потенциала, выбора траектории роста и повышения шансов получения поддержки.

Задачи исследования:

1) систематизировать существующие в российской практике подходы к оценке проектов в сфере креативных индустрий;

2) проанализировать критерии оценивания, применяемые в региональных и федеральных конкурсах ХМАО — Югры за период с 2022 по 2027 г.;

3) выявить системные ограничения действующих механизмов оценки;

4) разработать интегральную методику оценки креативных проектов с учетом стратегических приоритетов региона;

5) предложить принципы формирования экспертной комиссии и процедуру оценки.

Научная новизна исследования заключается в разработке оригинальной интегральной методики оценки креативных проектов, объединяющей в единую логику три

оси: культурную среду, экономику региона и общественное мнение. В отличие от существующих экономико-ориентированных и социокультурных подходов, предложенная методика впервые учитывает специфику стратегических приоритетов ХМАО — Югры, в т. ч. глубину и аутентичность интеграции наследия коренных малочисленных народов Севера, и обеспечивает гибкость весовых коэффициентов в зависимости от типа и стадии проекта.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии методологических основ комплексной оценки креативных проектов на региональном уровне путем интеграции количественных и качественных методов оценки, а также в обосновании трехосевой модели критериев, отражающей баланс культурной, экономической и социальной составляющих регионального развития.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения разработанных рекомендаций как представителями органов власти, экспертами при оценке проектов, так и креативными командами при подготовке заявок и стратегическом планировании. Методика может быть использована при модернизации существующих региональных конкурсов и формировании новых инструментов поддержки субъектов креативных индустрий ХМАО — Югры.

Основная часть

Методология исследования. В работе использованы методы ретроспективного и системного анализа конкурсной документации, нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, научных публикаций по тематике креативных индустрий и оценки эффективности проектов. Применен сравнительный анализ критериев оценки региональных и федеральных конкурсов ХМАО — Югры за 2022—2027 гг., а также метод классификации, позволивший сгруппировать критерии по шести функциональным категориям. Методика разработана на основе синтеза экономико-ориентированного и социокультурного подходов с учетом стратегических приоритетов Концепции развития креативных индустрий ХМАО — Югры до 2030 г.

Результаты исследования. В 2025 г. крупнейшие инструменты поддержки субъектов креативных индустрий оказали суммарную поддержку свыше 36,9 млрд руб. (см. табл. 1).

Таблица 1

Инструменты государственной поддержки креативных индустрий в России в 2025 г.

Конкурс	Направление	Объем поддержки, млн руб.
«Росмолодежь.Гранты» (#вдохновляй, #открывай_страну)	Молодежные проекты, туризм, культура	~200
«Студенческий стартап» (направление «Н7. Креативные индустрии»)	Технологические стартапы, креативные индустрии	1 500
«СТАРТ-ИИ-1»	Иновационные проекты	184
Президентский фонд культурных инициатив	Культура, искусство, креативные индустрии	9 500
Премия Президента РФ для молодых деятелей культуры	Культура	7,5
Премия Президента РФ за произведения и проекты для детей и юношества	Культура, детское творчество	15
Премия в области культуры	Культура	21
Государственные стипендии деятелям культуры и молодым авторам	Культура, литература, музыка	3,6
Премия «За лучшую театральную постановку по произведениям русской классики»	Театр	9
Субсидии на творческие проекты (музыка, театр, изобразительное искусство, народное творчество)	Культура и искусство	1 381

Конкурс	Направление	Объем поддержки, млн руб.
Гранты НКО для реализации проектов в сфере народного искусства	Народное творчество	90
Субсидии на поддержку кинематографии	Кино	14 700
Грантовая поддержка IT-проектов малых предприятий	Информационные технологии	1 200
Гранты на доработку и внедрение российских IT-решений	Информационные технологии	8 000
Субсидия на издание социально значимой литературы	Издательское дело	116
Итого		> 36 900

Примечание: составлено авторами по данным официальных сайтов организаторов грантовых конкурсов и программ поддержки: Минкультуры России, Минцифры России, Росмолодежи, Фонда содействия инновациям, Президентского фонда культурных инициатив, Фонда кино, Роспечати и др.

В российской практике на федеральном уровне сложилось два вектора оценки проектов:

1. *Экономико-ориентированный подход*, такой как «Методика оценки экономической и бюджетной эффективности конгрессно-выставочного мероприятия» (разработана Комитетом РСВЯ по маркетингу и исследованиям, Москва, 2019) и «Калькулятор социально-экономических эффектов конгрессно-выставочной деятельности» (разработан при участии Агентства по привлечению инвестиций Свердловской области, 2023), детально прорабатывает прямые, мультипликативные и бюджетные эффекты, однако не учитывает социокультурное влияние. Сюда же можно включить и акселерационные программы, которые строятся на венчурных критериях: компетенции команды, уникальность технологии, емкость рынка и потенциал масштабирования [19].

2. *Социокультурный подход*, представленный, в частности Рекомендациями по оценке проектов в области культуры, искусства и креативных индустрий (АНО «Эволюция и Филантропия», Москва, 2024), измеряет долгосрочные эффекты на аудиторию и территорию, сочетает количественные и качественные методы, однако отличается недостаточной стандартизацией. Эти три вектора соответствуют осям комплексной оценки, выделенным О. В. Белицкой: социальная, хозяйственная и финансово-экономическая эффективность [11].

Анализ критериев оценивания конкурсов в ХМАО — Югре. В результате анализа документации региональных конкурсов в сфере креативных индустрий в ХМАО — Югре за 2022—2027 гг. выявлены паттерны оценки проектов. В связи с тем, что региональный закон о креативных индустриях в Югре опирается по большей части на те же понятия, что и федеральный, анализ критериев затрагивает и некоторые крупные федеральные конкурсы для получения более полной картины.

В конкурсах «Медиа-вышка 2022» и «Модный дом» (2022) критерии были представлены единым списком без весовых коэффициентов. Итоговая оценка считалась суммированием баллов (0–10 по каждому критерию). В Гранте Губернатора для физических лиц 2023 г. и далее во всех ключевых конкурсах каждому критерию присваивается не только балл (обычно 0–10), но и весовой коэффициент значимости. Итоговый рейтинг вычисляется как сумма произведений среднего балла по критерию на его вес. Например, в Гранте Губернатора в области культуры, искусства и креативных индустрий в 2025 г. для заявок с разным бюджетом (до 1 млн руб., 1–3 млн руб.,

3–5 млн руб.) установлены разные коэффициенты (от 0 до 2) по девяти критериям, охватывающим качество творческой концепции, реализуемость и масштаб проекта, финансовую состоятельность, опыт и ресурсы заявителя и др. В конкурсах, ориентированных на конкретные креативные индустрии, есть уникальные критерии. Так, в «Конкурсе IT 2024 на предоставление гранта в области информационных технологий» для второго этапа (защита проектов) используется критерий «юзабилити и эргономичность».

В рамках конкурса на соискание Премии в сфере креативных индустрий «КИ-ТЫ» (2025) для каждой из семи номинаций разработаны отраслевые критерии, например: для «Художественного наследия» — «сохранение и развитие культурного наследия», «оригинальность творческого переосмысления», «вклад в популяризацию традиций региона»; для «Звука будущего» — «оригинальность музыкального решения», «качество исполнения и технологическая проработка», «инновационность и влияние на музыкальную среду». Эксперт оценивает заявку номинанта по каждому из критериев, указанных в Регламенте для соответствующей номинации, по шкале от 1 до 5 баллов. В случае получения равного количества баллов заявками номинантов одной номинации, решение о выборе среди них заявок, включаемых в список Лауреатов, принимается Председателем Оргкомитета, который также имеет право присудить дополнительные 5 баллов одной из заявок Финалистов по каждому из критериев соответствующей номинации.

В «Акселераторе технологических стартапов в Югре» (2022, 2023, 2024) итоговый балл складывается из посещаемости, оценки трекера и результатов диагностических сессий, т. е. оценивается динамика развития команды, а не концепция на входе. На Демо-дне критерии только коммерческие: экономический эффект, масштабируемость, продаваемость, ресурсная обеспеченность. Акселерационная программа в рамках проекта «Креатив-ПРОФИ 2.0» предполагает закрытый формат оценки путем выявления наиболее актуальных и перспективных идей.

В рамках проведения окружного фестиваля «Студенческая весна» для каждого из десяти конкурсных направлений жюри применяет отдельный набор критериев, отражающий жанровую специфику, от исполнительского мастерства и артистизма в сценических номинациях до аргументированности и глубины раскрытия темы в медиа. Весовые коэффициенты и шкала баллов публично не раскрываются. При равенстве очков в командном зачете приоритет отдается числу дипломов «Золотой лауреат» и «Гран-при».

Открытый молодежный конкурс социального медиаконтента «Голос поколения-2025» оценивает работы по шкале 0—1 балл за критерий (максимум 5 в номинации); наборы критериев различаются по номинациям, от технических (качество съемки, монтаж, звук) до содержательных (раскрытие темы, оригинальность идеи) и маркетинговых (вирусный потенциал, вовлеченность), все они равнозначны.

Согласно рекомендациям ПФКИ 2024 г., каждая заявка оценивается по 10 критериям по шкале 0—10 баллов с коэффициентами значимости, как и в Гранте Губернатора, зависящими от запрашиваемой суммы (до 500 тыс.,

500 тыс. — 3 млн, 3—10 млн, свыше 10 млн руб.). В ПФКИ 2025—2026 гг. критерий соответствия тематическим направлениям имел убывающий коэффициент в зависимости от размера гранта, однако на конкурсе в 2027 г. он будет включать традиционные духовно-нравственные ценности и получит единый коэффициент для всех бюджетных категорий.

Все критерии были сгруппированы по шести функциональным категориям: практичность/управляемость, содержание, инновация, результат/масштаб, ценности, отраслевые критерии (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение критериев оценки по категориям в конкурсах креативных индустрий

Категория	Распространенность, %	Доля, %
Практичность/управляемость (реалистичность бюджета, логическая связность и реализуемость проекта, календарный план и др.)	80—85 (особенно в грантовых конкурсах)	~20—30
Содержание (актуальность и общественная значимость, соответствие концепции тематическим направлениям, идея, ясность изложения и месседж и др.)	> 90	~25—35
Инновация (уникальность творческой концепции, новизна, оригинальность идеи, инновационность и влияние на среду, креативность, индивидуальность и уникальность образа и др.)	60—70	~10—15, в технологических и индустриальных конкурсах — до 20—25
Результат/масштаб (масштаб реализации проекта, охват, ожидаемые измеримые результаты, количество вовлеченных участников, масштабируемость, охват целевой аудитории)	50—60	~10—15
Ценности (традиционные духовно-нравственные ценности: сохранение и развитие культурного наследия, вклад в популяризацию традиций региона, оригинальность творческого переосмысления наследия и др.)	30—40	~5—10
Отраслевые критерии (юзабилити, эргономичность; сюжетная линия, музыкальная подборка, актерская игра, режиссура, отрисовка материала, подбор визуального материала и др.)	20—30	30—50 в узкопрофильных конкурсах, в универсальных грантовых положениях практически отсутствуют

Примечание: составлено авторами на основе положений о проведении конкурсов с официальных сайтов организаторов грантовых конкурсов и программ поддержки.

В большинстве конкурсов оценки присутствует устойчивый дисбаланс. Блоки «Содержание» и «Практичность/управляемость» вместе занимают свыше 50 % доли. На параметры, отражающие духовные, нравственные и культурные ценности, приходится лишь 5—10 % критериев, и они встречаются не более чем в трети конкурсов. Оценка долгосрочных эффектов и реального масштаба не превышает 10—15 %, ее часто подменяют формальным охватом территорий без анализа устойчивости. Показатели вклада в диверсификацию экономики, экспорт и долгосрочную монетизацию креативного продукта отсутствуют полностью.

Анализ текущей системы оценки креативных проектов сквозь призму Концепции развития креативных индустрий ХМАО — Югры до 2030 г. (далее — Концепция) позволяет выявить ряд несоответствий:

1) *недостаточная детализация и субъективность*: применяемые в конкурсной практике критерии нередко сформулированы общо, что приводит к расхождению итоговых баллов одного и того же проекта у разных экспертов. А. А. Помулев указывает, что недостаточная прозрачность критериев в сочетании с нечеткой формулировкой снижает объективность отбора и обесценивает положительный результат от реализации проекта [13];

2) *экономоцентричность*: ориентация на экономическую эффективность вытесняет ценностный аспект, придающий культурным благам их социальную значимость; без отдельной системы индикаторов социокультурного эффекта оценка проекта остается односторонней [15];

3) *недостаток оценки долгосрочного влияния*: применяемые в региональных конкурсах критерии фиксируют непосредственные эффекты, однако не отражают воздействие проекта, под которым понимаются значительные, трансформирующие и долгосрочные изменения в социальной среде [16];

4) *слабая связь с диверсификацией экономики*: ключевыми индикаторами для оценки экономической роли креативных индустрий выступают объем креативного продукта в ВРП, доля занятости в креативных секторах и доля креативных организаций от общего числа предприятий региона [10], но ни один из этих показателей в региональных конкурсах на уровне отдельного проекта не фиксируется;

5) *отсутствие параметров для измерения вклада проекта в экспортный потенциал и масштабирование за пределы региона*: в проанализированных конкурсах не зафиксированы индикаторы выхода продукта на межрегиональный или внешний рынок и его представленности на цифровых платформах, тогда как именно эти эффекты определяют долгосрочную окупаемость поддержки [18];

б) *отсутствие критериев глубины и аутентичности интеграции наследия коренных малочисленных народов Севера* (далее — КМНС): в Югре сложилась развитая институциональная инфраструктура поддержки этнической идентичности КМНС, представленная региональным законодательством о языках, фольклором и территориями традиционного природопользования, деятельностью этнокультурных центров и молодежных организаций обско-угорских и самодийских народов [8], однако существующие методики оценки инструментов для проверки такого соответствия не содержат.

Таким образом, действующая в ХМАО — Югре система оценки креативных проектов при всем разнообразии курсов и премий имеет ограничения и недостатки. Предлагаемая ниже методика, построенная на трех осях: культур-

ная среда, экономика региона и общественное мнение, призвана обеспечить измерение долгосрочных стратегических эффектов для Югры.

Интегральная методика оценки проектов креативных индустрий. Итоговый индекс успешности проекта (ИУП) вычисляется как сумма произведений балла по критерию на его весовой коэффициент:

$$\text{ИУП} = \sum [\text{Балл по критерию} (0\text{—}10) \times \text{Весовой коэффициент}].$$

Максимально возможный балл — 100. Интерпретация: менее 50 баллов — проект неэффективен; 50—74 балла — удовлетворительный результат с потенциалом развития; 75—89 баллов — успешный проект; 90—100 баллов — проект-образец, формирующий новые стандарты.

Таблица 3

Интегральная методика оценки креативных проектов в ХМАО — Югре

Ось оценки	Критерий	Вес. коэфф., %	Ключевые показатели	Диапазон баллов
I. Культурная среда (40 %)	1.1. Интеграция культурного наследия	15	Наличие и обоснованность выбора элементов культуры коренных народов Севера и укрепление регионального бренда «север», «экология», «счастье»	0—3
			Оригинальность творческого переосмысления и современная адаптация традиционных мотивов без искажения аутентичного смысла	+2
			Степень вовлеченности носителей КМНС в реализацию проекта (в качестве соавторов, консультантов, исполнителей)	+2
			Системная работа по долгосрочному сохранению наследия: документирование, создание цифровых архивов, включение объектов в реестр нематериального этнокультурного достояния Югры	+3
	1.2. Образовательно-просветительский эффект	10	Наличие и системность образовательных/просветительских форматов (лекции, мастер-классы, воркшопы, публичные дискуссии, менторские сессии)	0—3
			Глубина передачи профессиональных знаний и формирование новых компетенций у целевых групп (молодежь, творческие предприниматели, жители отдаленных поселений)	+2
			Вовлеченность аудитории в интерактивные форматы и оценка прироста знаний (подтверждается опросами/тестированием)	+2
			Устойчивость образовательного эффекта: доступность созданных методических материалов, планы повторных программ, интеграция в образовательные курсы учреждений Югры	+3
	1.3. Развитие локального креативного сообщества и профессиональных коллабораций	10	Количество и качество вовлеченных локальных креативных предпринимателей и самозанятых, получивших заказы/опыт/публичность в рамках проекта	0—3
			Создание новых устойчивых коллабораций (кросс-индустриальные связи: IT + этнодизайн, мода + традиционные ремесла, туризм + современное искусство)	+2
			Вклад в развитие инфраструктуры креативного предпринимательства (использование коворкингов, резиденций, создание новых площадок/сервисов для креаторов)	+2
			Подтвержденный рост компетенций участников креативного сообщества (отзывы, портфолио, повторные заказы) и перспективы дальнейшего взаимодействия.	+3
	1.4. Оригинальность, художественная ценность и инновационность творческого решения	5	Оригинальность творческой концепции и ее отличие от существующих в регионе аналогов	0—3
			Художественная/технологическая инновационность (использование новых техник, форматов, цифровых решений, AR/VR, иммерсивных подходов)	+2
			Качество исполнения и соответствие заявленному профессиональному уровню (подтверждается экспертным мнением)	+2
			Потенциал масштабирования творческой идеи и ее влияние на формирование культурной повестки Югры	+3

Ось оценки	Критерий	Вес. коэфф., %	Ключевые показатели	Диапазон баллов
II. Экономика (35 %)	2.1. Прямой и мультипликативный экономический эффект	15	Объем прямых расходов на территории ХМАО — Югры, подтвержденный сметой, договорами с местными поставщиками и подрядчиками, данными опросов посетителей	0—2
			Рассчитанный мультипликативный эффект для смежных отраслей (на основе методики расчета экономического влияния событий или упрощенной модели «расходы туриста × средний мультипликатор для Югры»)	+2
			Доля привлеченных внебюджетных средств и партнерских инвестиций в бюджете проекта	+2
			Наличие методики измерения экономических эффектов и достоверность представленных данных	+2
			Устойчивость и периодичность экономического вклада (проект планируется как ежегодный или создает постоянный актив, генерирующий доход)	+2
	2.2. Развитие туристического потока и круглогодичной событийной инфраструктуры	10	Доля иногородних и иностранных посетителей в общей аудитории мероприятия/проекта (подтвержденная данными регистрации, билетных систем, опросов)	От 0 до 3
			Стимулирование создания новой или модернизации существующей туристической/креативной инфраструктуры (арт-резиденции, глэмпинги, этностойбища, выставочные пространства)	+2
			Влияние на сглаживание сезонности туристического потока: проект реализуется в «низкий» сезон и/или мотивирует повторные визиты в течение года	+2
			Вклад в узнаваемость и туристический бренд Югры как привлекательного направления для креативного и этнокультурного туризма (подтвержденный медиааналитикой)	+3
	2.3. Устойчивость бизнес-модели и инвестиционная привлекательность	10	Наличие проработанной бизнес-модели и стратегии финансовой устойчивости (диверсификация доходов, план выхода на самоокупаемость)	0—2
			Создание долгосрочных активов: зарегистрированные товарные знаки, патенты, программные продукты, франшизы, производственные мощности на территории Югры	+2
			Привлечение частных инвестиций или заключение соглашений о стратегическом партнерстве с бизнесом, госкорпорациями, институтами развития	+2
			Потенциал масштабирования за пределы региона (экспортный потенциал креативного продукта/услуги) и вклад в диверсификацию экономики	+2
			Соответствие проекта приоритетным направлениям инвестиционной стратегии Югры и наличие планов по использованию региональных мер поддержки	+2
III. Общественное мнение (25 %)	3.1. Вовлеченность жителей и соучастие местных сообществ	15	Уровень вовлеченности жителей, подтвержденный данными о количестве участников, волонтеров, местных партнеров	0—3
			Наличие механизмов обратной связи и соучастия (общественные обсуждения, краудсорсинг, соучаствующее бюджетирование элементов проекта)	+2
			Удовлетворенность качеством проекта среди целевых групп (измеряется индексом <i>NPS</i> или данными социологических опросов)	+2
			Формирование устойчивого сообщества вокруг проекта (повторное участие, создание клубов по интересам, постоянная аудитория в соцсетях)	+3

Ось оценки	Критерий	Вес. коэфф., %	Ключевые показатели	Диапазон баллов
	3.2. Социальная инклюзивность	5	Обеспечение физической и информационной доступности площадок (пандусы, сурдоперевод, тифлокомментирование, адаптированный контент)	0—2
			Вовлечение уязвимых групп населения (люди с ограниченными возможностями здоровья, воспитанники социальных учреждений, представители КМНС из отдаленных стойбищ) в качестве участников и бенефициаров	+2
			Учет географической специфики Югры: наличие выездных мероприятий в малые города и поселки, онлайн-доступность для удаленных территорий	+2
			Этичность и безопасность взаимодействия с целевыми группами, соблюдение принципов инклюзивной культуры	+2
			Устойчивость инклюзивных практик (планируется тиражирование успешных форматов)	+2
	3.3. Медиаэффект и укрепление позитивного имиджа Югры	5	Количественный охват аудитории в СМИ и социальных медиа (суммарное количество просмотров, публикаций, репостов)	0—2
			Качество и тональность публикаций (доля позитивных и нейтральных упоминаний, наличие аналитических материалов о проекте)	+2
			Прирост упоминаемости бренда Югры в контексте креативных индустрий (сравнение с базовым периодом)	+2
			Наличие публикаций в федеральных и отраслевых СМИ, входящих в мониторинг АНО «Национальные приоритеты» или аналогичные рейтинги	+2
			Вовлеченность аудитории в социальных сетях (ER, виральность контента) и использование проекта в официальных коммуникациях региональных органов власти	+2

Примечание: составлено авторами.

Принципы формирования региональной экспертной команды. Базовое распределение весов (40 % — культурная среда, 35 % — экономика, 25 % — общественное мнение) отражает баланс стратегических приоритетов Концепции: капитализация наследия КМНС как основа несырьевого экспорта, измеримость бюджетной эффективности и социальная легитимность креативной политики. Методика допускает изменение весовых коэффициентов в зависимости от номинации или типа конкурса. Для стартапов и проектов ранних стадий вес блока II может быть снижен до 25 % с перераспределением в пользу блоков I и III, акцентируя оригинальность идеи и общественный запрос. Для зрелых и уже реализовавшихся проектов вес блока II, напротив, увеличивается до 45 % за счет снижения веса блока I. Для инициатив, реализуемых в удаленных территориях Югры, возможно применение повышающего коэффициента 1,2 к критериям 1.1,

1.3 и 3.2. Такая гибкость позволяет использовать методику в рамках всего спектра региональных конкурсов без потери сопоставимости результатов.

Оценка проектов проводится в три этапа. На первом этапе заявитель осуществляет самооценку по всем критериям методики, прилагая подтверждающие документы: смету с выделением расходов на территории округа, письма поддержки от локальных сообществ, носителей традиционной культуры или деловых партнеров, медиаплан, расчет ожидаемого туристического потока и мультипликативного эффекта и др. На втором этапе критерии распределяются между тремя группами профильных экспертов. По каждому критерию в рамках трех осей оценки должен быть привлечен профильный специалист в соответствующей области деятельности (см. табл. 4). Множественность экспертов, как подчеркивает Ю. В. Воронцова, позволяет минимизировать субъективные оценки [14].

Таблица 4

Отраслевая специализация экспертов для оценки проектов

Блок	Критерий	Эксперты для оценки
I. Культурная среда	1.1. Интеграция культурного наследия	Этнографы, искусствоведы, представители КМНС, краеведы
	1.2. Образовательно-просветительский эффект	Педагоги, методисты, сотрудники музеев, организаторы просветительских проектов
	1.3. Развитие локального креативного сообщества и профессиональных коллабораций	Продюсеры креативных кластеров, руководители некоммерческих организаций, бизнес-ангелы, урбанисты
	1.4. Оригинальность, художественная ценность и инновационность творческого решения	Искусствоведы, арт-критики, технологические новаторы, креативные продюсеры

Блок	Критерий	Эксперты для оценки
II. Экономика	2.1. Прямой и мультипликативный экономический эффект	Экономисты, аналитики туристического рынка, представители институтов развития
	2.2. Развитие туристического потока и круглогодичной событийной инфраструктуры	Аналитики туристического рынка, <i>event</i> -менеджеры, представители гостиничного бизнеса
	2.3. Устойчивость бизнес-модели и инвестиционная привлекательность	Экономисты, инвестиционные аналитики, представители деловых объединений, венчурные инвесторы
III. Общественное мнение	3.1. Вовлеченность жителей и соучастие местных сообществ	Социологи, урбанисты, специалисты по работе с сообществами
	3.2. Социальная инклюзивность	Социологи, специалисты по работе с уязвимыми группами, эксперты по доступной среде
	3.3. Медиаэффект и укрепление позитивного имиджа Югры	PR-специалисты, медиааналитики, журналисты, специалисты по региональному маркетингу

Примечание: составлено авторами.

На третьем этапе оценки всех трех групп сводятся воедино, обсуждаются на заседании экспертной комиссии с обязательным участием кросс-отраслевых экспертов (продюсеров, кураторов, менеджеров территориального развития), которые выявляют несогласованность оценок и обеспечивают целостное видение проекта.

В случае равенства итоговых баллов у нескольких проектов приоритет отдается тому, который получил большее количество наивысших оценок (10 баллов) по критериям, соответствующим профилю оценивающих экспертов.

Заключение

Проведенный анализ показал, что действующие в ХМАО — Югре механизмы оценки креативных проектов в целом решают свои задачи, однако имеют ряд системных ограничений. При росте объемов государственной

поддержки и увеличении вклада сектора в ВРП региона существующие подходы недостаточно учитывают долгосрочные культурные, социальные и брендовые эффекты, что снижает точность отбора наиболее перспективных проектов. Предложенная интегральная методика отвечает на этот вызов, предлагая системный инструмент, способный связать культурный потенциал региона, его экономические приоритеты и общественный запрос в единую оценочную логику. Важно подчеркнуть, что методика не претендует на абсолютную универсальность, ее ценность — в опоре на стратегические цели Югры. Дальнейшие исследования могут быть направлены на апробацию методики в реальных конкурсных процедурах, верификацию весовых коэффициентов на основе экспертных опросов, а также разработку системы отслеживания постпроектных эффектов, без которой любая оценка на входе остается незавершенной.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бабич Л. В., Секушина И. А. Особенности и факторы развития креативных индустрий в малых и средних городах России // Экономическое возрождение России. 2026. № 1(87). С. 176—200. DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-176-200.
2. Захарова Е. Н., Шалатов В. В., Ермакова О. Е. Концепция креативного региона: теоретические и практические аспекты реализации // Московский экономический журнал. 2024. Т. 9. № 9. С. 169—178. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_9_378.
3. Пенькова И. В., Кислицына С. В. НИОКР как фактор креативной экономики // Прикладные экономические исследования. 2025. № S4. С. 200—206.
4. Григорьева Е. М., Курдюкова Н. О. Система поддержки формирования креативных индустрий в России: начало развития // Экономика, предпринимательство и право. 2026. Т. 16. № 5. (В печати). DOI: 10.18334/epp.16.5.125037.
5. Бурова Н. В., Батырова Д. К. Креативные (творческие) индустрии в российской экономике: оценки масштабов и перспективы развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2025. № 3(153). С. 163—169.
6. Саморядова В. В. Меры государственной поддержки креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации // Вестник науки. 2026. № 3(96). Т. 2. С. 234—244.
7. Погоревич А. В., Новиков А. С., Выдрыч Н. В., Андреева А. В. Креативные индустрии как объект государственной поддержки в регионах: вопрос определения приоритетов // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22. № 1. С. 4—22. DOI: 10.24891/ге.22.1.4.
8. Ткачук Н. В. Региональные практики и механизмы поддержки этнической идентичности коренных малочисленных народов Югры // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 1. С. 98—109. DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.98-109.
9. Чубарова С. О., Ладыженская Т. П. Креативные индустрии в ХМАО-Югре // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 7. С. 34—38. DOI: 10.26118/2782-4586.2024.16.55.005.
10. Зелинская А. Б. Креативная экономика как элемент региональной экономической системы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2026. № 3. С. 118—124.
11. Белицкая О. В., Горшунова И. В. Проблемы оценки эффективности проектов в сфере креативных индустрий // Вестник Академии знаний. 2024. № 1(60). С. 62—65.
12. Мальшина Н. А., Каменская И. В. Проектная деятельность индустрии культуры: новые социологические подходы // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7. № 2. С. 106—129. DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-106-129.
13. Помулев А. А. Методические аспекты оценки эффективности инвестиционных проектов с государственным участием // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 4. С. 52—64. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-52-64.

14. Воронцова Ю. В., Баранова С. В. Методика оценки аудиовизуальных произведений // Вестник университета. 2025. № 3. С. 14—23. DOI: 10.26425/1816-4277-2025-3-14-23.
15. Музычук В. Ю. Культура и экономика: существующие научные подходы к отражению взаимосвязи // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 50—67. DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03.
16. Зафаржонова М. Р., Новикова Т. С. Проблемы измерения социальных эффектов в проектах социальной инфраструктуры // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24. № 2. С. 5—33. DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-2-5-33.
17. Дмитриев Д. В., Шакуров А. А. Роль креативных индустрий в региональной экономике // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 5. С. 556—564. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-5-556-564.
18. Зубова Ю. А. Цифровые платформы как фактор развития креативных индустрий в регионе // Прогрессивная экономика. 2025. № 6. С. 182—193. DOI: 10.54861/27131211_2025_6_182.
19. Ладыженская Т. П., Никитина В. Э. Опыт создания и защиты студенческого стартап-проекта в формате «Стартап как диплом» в секторе креативных индустрий // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 8. С. 4117—4140. DOI: 10.18334/epp.14.8.121346.

REFERENCES

1. Babich L. V., Sekushina I. A. Features and Factors of the Development of Creative Industries in Small and Medium-Sized Cities in Russia. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2026;1(87):176—200. (In Russ.) DOI: 10.37930/1990-9780-2026-1-87-176-200.
2. Zakharova E. N., Shalotov V. V., Ermakova O. E. The concept of a creativerregion: theoreticalandpracticalaspects of implementation. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow economic journal*. 2024;9(9):169—178. (In Russ.) DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_9_378.
3. Penkova I. V., Kislitsyna S. V. R&D as a factor in the creative economy. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya = Applied economic research*. 2025;54:200—206. (In Russ.)
4. Grigorieva E. M., Kurdyukova N. O. The support system for creative industries in Russia: the beginning of development. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2026;16(5). (In Russ.) (In press) DOI: 10.18334/epp.16.5.125037.
5. Burova N. V., Batyrova D. K. Creative industries in the Russian economy: assessments of scale and development prospects. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2025;3(153):163—169. (In Russ.)
6. Samoryadova V. V. Government support measures for creative industries in Russia. *Vestnik nauki*. 2026;3(96)-2:234—244. (In Russ.)
7. Pogorevich A. V., Novikov A. S., Vydrych N. V., Andreeva A. V. Creative industries as an object of State support in the regions: The issue of setting priorities. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*. 2024;22(1):4—22. (In Russ.) DOI: 10.24891/re.22.1.4.
8. Tkachuk N. V. Regional practices and mechanisms of the support of ethnic identity of the indigenous peoples of Yugra. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2023;15(1):98—109. (In Russ.) DOI: 10.15507/2076-2577.015.2023.01.98-109.
9. Chubarova S., Ladyzhenskaya T. Creative industries in KhMAO-Yugra. *Journal of Monetary Economics and Management*. 2024;7:34—38. (In Russ.) DOI: 10.26118/2782-4586.2024.16.55.005.
10. Zelinskaya A. B. Creative economy as an element of the regional economic system. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2026;3:118—124. (In Russ.)
11. Belitskaya O. V., Gorshunova I. V. Problems of assessing the effectiveness of projects in the field of creative industries. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;1(60):62—65. (In Russ.)
12. Malshina N., Kamenskaya I. Project activity of the cultural industry: new sociological approaches. *Russian Studies in Culture and Society*. 2023;7(2):106—129. (In Russ.) DOI: 10.12731/2576-9782-2023-2-106-129.
13. Pomulev A. A. Methodological Aspects of Evaluating the Effectiveness of Investment Projects with State Participation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(4):52—64. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-52-64.
14. Vorontsova Yu. V., Baranova S. V. Methodology for evaluating audiovisual works. *Vestnik Universiteta*. 2025;3:14—23. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2025-3-14-23.
15. Muzychuk V. Yu. Culture and Economy: Scientific Approaches to Interrelation. *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo = Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2022;15(5):50—67. (In Russ.) DOI: 10.31249/kgt/2022.05.03.
16. Zafarjonova M., Novikova T. S. Challenges in Evaluation of Social Effects of Social Infrastructure Projects. *Mir ekonomiki i upravleniya = World of Economics and Management*. 2024;24(2):5—33. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0429-2024-24-2-5-33.
17. Dmitriev D. V., Shakurov A. A. The role of creative industries in the regional economy. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(5):556—564. (In Russ.) DOI: 10.35854/1998-1627-2024-5-556-564.
18. Zubova Yu. A. Digital platforms as a factor in the development of creative industries in the region. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economy*. 2025;6:182—193. (In Russ.) DOI: 10.54861/27131211_2025_6_182.
19. Ladyzhenskaya T. P., Nikitina V. E. Experience in creating and defending a student startup project in the Startup as a Diploma format in the creative industries sector. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(8):4117—4140. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.14.8.121346.

Статья поступила в редакцию 29.03.2026; одобрена после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.
The article was submitted 29.03.2026; approved after reviewing 24.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Научная статья
УДК 339.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1580

Viktoria Viktorovna Dlusskaya
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economic Theory
and Behavioral Economics,
Moscow University “Synergy”
Moscow, Russian Federation
ms.dlusskaya@gmail.com

Виктория Викторовна Длусская
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической теории
и поведенческой экономики,
Московский университет «Синергия»
Москва, Российская Федерация
ms.dlusskaya@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ С 2014 г.

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Отечественная внешняя торговля под влиянием западных санкций претерпела за последнее десятилетие существенные изменения. Изменялась структура основных торговых партнеров, удельные веса товаров экспорта и импорта. Для ряда экспортноориентированных отраслей (добывающего сектора, металлургии, сельского хозяйства, пищевой промышленности) эти изменения стали поворотным моментом в развитии. Поэтому, исходя из актуальности проблемы, текущее исследование нацелено на анализ трансформации российской внешней торговли с самого начала активной фазы санкционного воздействия на нашу страну, т. е. с 2014 г. В ходе работы показано, что санкции 2014 г. оказали достаточно кратковременный эффект на процессы переориентации российской внешней торговли с запада на восток, и в 2021 г. ситуация практически вернулась к досанкционному уровню. Однако санкции 2022 г. привели к кардинальной смене курса: уже 76 % экспорта и 73 % импорта приходилось на азиатские государства (кроме Японии

и Южной Кореи), хотя в 2021 г. на них приходилось лишь 32 и 37 % соответственно. Это говорит о переносе фокуса политико-экономических отношений в Азию. Прежде всего, это Китай, Индия и Турция в плане экспорта (58,3 % в сумме на 2024 г.), в плане импорта — Китай, Казахстан и Турция (63,3 %). В товарном выражении основной эффект санкций выразился в снижении доли минеральных продуктов в экспорте на фоне роста удельного веса вывоза золота, удобрений и сельхозпродукции. В целом данные свидетельствуют о двойственном влиянии санкций как на структуру стран-партнеров, так и на состав торговли по товарам. Судя по динамике, стоит ожидать дальнейшего сокращения вывоза минеральных продуктов на фоне увеличения нетопливного экспорта, а также усиления концентрации основного фокуса торговли со странами Азии, Африки и Латинской Америки.

Ключевые слова: анализ, внешняя торговля, динамика, импорт, перспективы, санкции, структура, удельные веса, факторы, экспорт

Для цитирования: Длусская В. В. Трансформация российской внешней торговли с 2014 г. // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 96—101. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1580.

Original article

TRANSFORMATION OF RUSSIAN FOREIGN TRADE SINCE 2014

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Domestic foreign trade has undergone significant changes over the past decade under the influence of Western sanctions. The structure of key trading partners and the relative weight of exported and imported goods have shifted. Certainly, for a number of export-oriented industries (mining, metallurgy, agriculture, and the food industry), these changes have become a turning point. Given the relevance of the issue, the current study aims to analyze the transformation of Russian foreign trade over the specified period, beginning with the onset of the active phase of sanctions on our country in 2014. The study demonstrates that the 2014 sanctions had a relatively short-lived effect on the reorientation of Russian foreign trade from West to East. And in 2021, the situation practically returned to the pre-sanction level. However, the sanctions of 2022 led to a radical change in course: 76% of exports now go to and 73% of imports come from Asian countries (excluding Japan and South Korea),

compared to only 32% and 37%, respectively, in 2021. This indicates a shift in the focus of political and economic relations to Asia. These are primarily China, India, and Turkey in terms of exports (58.3% in total for 2024). In terms of imports, these are China, Kazakhstan, and Turkey (63.3%). In terms of goods, the main effect of the sanctions was a decrease in the share of mineral products in exports, amid an increase in the share of gold, fertilizers, and agricultural products. Overall, the data indicate a dual impact of the sanctions on both the structure of partner countries and the composition of trade in goods. Judging by the dynamics, we can expect a further reduction in the export of mineral products against the background of an increase in non-fuel exports, as well as an increase in the concentration of the main focus of trade with countries in Asia, Africa, and Latin America.

Keywords: analysis, foreign trade, dynamics, imports, prospects, sanctions, structure, shares, factors, exports

For citation: Dlusskaya V. V. Transformation of Russian foreign trade since 2014. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):96—101. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1580.

Введение

Экспортоориентированность ряда отраслей отечественной экономики подчеркивает **актуальность** подробного статистического анализа российской внешней торговли, т. к. именно экспортные возможности формируют потенциал развития ряда отраслей. Особенно это значимо для добывающей промышленности, топливной, металлургии, деревообрабатывающей, химической, агропромышленного сектора и ряда других направлений, где доля продаж продукции на мировых рынках наиболее высока, и на деятельность которых санкции 2014 и 2022 гг. оказали существенное воздействие [1].

Анализ динамики тектонических сдвигов в структуре внешней торговли будет способствовать пониманию перспектив дальнейшего развития отечественной экономики для экспортоориентированных отраслей, а также для наиболее чувствительных направлений импортозамещения.

Изученность проблемы. Санкции 2014 г. оказали крайне важное и долгосрочное воздействие на российскую внешнюю торговлю, на отечественную экономику, процессы импортозамещения и в целом ознаменовали начало курса на построение более независимой и суверенной национальной экономики с самостоятельным политико-экономическим курсом.

До 2014 г. инерционные процессы построения рыночной экономики в России шли в основном в направлении формирования места России в глобальной системе разделения труда, прежде всего, как источника ресурсов. Наиболее привлекательные отрасли были в той или иной степени освоены иностранным и транснациональным капиталом, что обуславливало технологическую зависимость от импорта технологий и преимущественную сырьевую направленность экспорта. По данным А. П. Цыпина, в добывающей промышленности доля иностранного капитала достигала почти двух третей, в экспортоориентированных отраслях обрабатывающей промышленности — порядка 50—70 % (металлургия, деревообработка, нефтепереработка, химическая промышленность и др.) [2]. Причем со временем эти тенденции усиливались, несмотря на политику импортозамещения и опережающего развития отраслей, имеющих стратегическое значение, например, сельского хозяйства [3]. Всё это имело следствием преобладание сырьевого экспорта и технологического импорта без существенных изменений в этой тенденции.

Санкции (и контрсанкции) 2014 г., несмотря на политико-экономическую подоплеку, в конечном счете выступили первым серьезным шагом, даже этапным моментом на пути к экономическому и технологическому суверенитету, что уже отмечалось нами ранее [4], а также в работах А. М. Калинина [5], И. Е. Каткова [6] и А. В. Турова [7]. В результате, что подтверждается данными В. Н. Едроновой, в 2014—2021 гг. доля минеральных продуктов в экспорте стала снижаться на фоне роста удельного веса драгоценностей, пластмасс, каучука, химических продуктов, металлов, сельхозпродукции и продукции машиностроения [8]. То есть, структура экспорта стала несколько улучшаться. Но главные изменения коснулись основных торговых партнеров: доля стран Европейского Союза резко сократилась, уступая азиатским государствам, в меньшей степени — странам Африки и Латинской Америки.

О. Б. Иванов и К. А. Катушева конкретизировали эффект санкций, что на какие-то направления, несомненно, было оказано негативное воздействие, но в других, напротив, они стимулировали рост — в основном в «восточных проектах» [9; 10]. Я. С. Мазаева называет сельскохозяйственный сектор основным выгодоприобретателем всего периода санкций, что не замедлило сказаться и на положительной динамике экспорта сельхозпродукции [11].

О. М. Дьячкова и Ф. Сюэ отмечают сохранение данной динамики в 2023 г. переноса основного фокуса трансграничной отечественной торговли с Запада на Восток [12; 13]. Текущее исследование формирует более цельный взгляд на динамику отечественной торговли, как в отношении основных стран-партнеров, так и в товарном выражении, включая в себя наиболее актуальные данные за 2024 г.

Целесообразность разработки темы. В условиях глобализации экономики и встроенности России в международные торговые и производственные цепочки отслеживание актуальной информации и динамике внешней торговли имеет высокую значимость.

Научная новизна работы заключается в использовании перекрестных данных по внешней торговле Российской Федерации с другими странами за 2022—2024 гг., т. к. прямая подробная официальная статистика по внешнеэкономической деятельности с 2022 г. не публикуется. Поэтому указанный период подробно не анализируется в разрезе отдельных стран и товаров в исследованиях других авторов.

Текущая работа заполняет этот пробел в исследованиях, а точнее: на основании данных статистических ведомств других государств воспроизведен временной ряд внешней торговли России за 2022—2024 гг. Показана динамика общих показателей экспорта и импорта, структура торговли по отдельным странам и товарным группам.

Целью работы является получение цельной комплексной картины российской внешней торговли за последнее десятилетие с применением информационно-аналитических инструментов. Результаты могут быть полезны при выработке актуальных решений по диверсификации экспортных потоков и процессов импортозамещения в отечественной экономике.

К **задачам** исследования относятся формирование полного временного ряда по российской внешней торговле с 2014 по 2024 г. с выделением «этапных» 2014 и 2021—2024 гг. для оценки влияния санкций на внешнюю торговлю страны. Особый интерес представляет структурная трансформация экспорта и импорта в разрезе отдельных стран-партнеров и главных товарных групп.

Теоретическая значимость работы основывается на выработке концептуального теоретического подхода к оценке внешней торговли России в условиях ограниченности прямой статистической информации путем использования перекрестных данных национальных статистических ведомств — через международный статистический агрегатор.

Практическая значимость заключается в построении непрерывных временных рядов отечественного экспорта и импорта в условиях ограниченности официальной информации. Данные могут быть использованы для текущих

и прогнозных оценок состояния отечественной экономики, краткосрочной и долгосрочной стабильности бюджетных и корпоративных финансов [14; 15], а также расстановки дружественных политических сил на международной арене.

Основная часть

Материалы и методы. В текущем исследовании использован метод построения и анализа временных рядов за счет использования перекрестных данных по внешней торговле от статистического агрегатора *TradeMap*. Предварительные данные за 2025 г. в исследовании не отражены, поскольку, во-первых, они не являются конечными, а во-вторых, не включают данные по ряду стран, в частности по Индии, которая в настоящее время выступает одним из ключевых торговых партнеров.

Общий временной охват исследования составляет период с 2014 по 2024 г. До 2021 г. включительно использованы прямые официальные данные по российской внешней торговле. Данные за 2022–2024 гг. сформированы путем использования информации о импорте и экспорте основных торговых партнеров России по данным их статистических ведомств («перекрестные данные»).

Результаты исследования и их обсуждение. Как видно из табл. 1, к началу исследуемого периода Европейский Союз был основным торговым партнером России: им закупалось более 45 % отечественных экспортных товаров. Примерно по 5 % составляли доли Турции, Японии, США и Беларуси. На Китай в 2014 г. приходилось всего 8,7 % экспорта. На указанные государства приходилось три четверти внешнеторговых поставок российских товаров.

Таблица 1

Экспорт товаров из Российской Федерации по странам в 2014–2024 гг., млрд долларов США

Страна	2014	2015	2021	2022	2023	2024
Всего	476,7	326,7	496,5	579,3	424,3	406,7
Европейский Союз (до 2020 г. — с Великобританией)	215,2	134,0	201,7	214,4	53,6	38,8
Китай	41,6	33,2	78,1	114,1	128,5	129,1
Индия	4,2	4,5	8,7	40,6	60,6	64,2
Турция	25,4	20,4	29,0	58,9	45,6	44,0
Казахстан	13,8	10,5	17,6	17,3	16,2	18,3
Бразилия	3,2	2,2	5,7	7,9	10,0	11,0
Армения	1,1	1,0	1,8	2,6	4,4	9,2
Узбекистан	3,1	2,2	5,3	6,1	6,5	7,7
ОАЭ	2,1	1,2	3,7	8,2	6,4	7,1
Япония	24,8	15,7	14,1	15,0	7,4	5,7
США	24,5	17,2	30,7	15,1	4,9	3,3
Беларусь	21,9	16,9	11,9	н/д	н/д	н/д
Украина	12,7	7,5	6,1	1,5	—	—

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Уже в 2015 г. экспорт в Европейский Союз падает почти вдвое (с 215,2 до 134 млрд долларов США). Хотя экспорт сокращался и для других государств, однако именно падение вывоза в страны Европы в максимальной степени повлияло на сокращение российского экспорта товаров в первый период санкций. В 2016 г. падение продолжилось — до 116 млрд долларов США.

Затем следует период восстановления к досанкционным показателям: в 2021 г. и по абсолютным, и по относительным значениям экспорт в страны Европы практически сравнялся с 2014 г. Однако доля Китая при этом выросла до 15,7 %, Турция и США незначительно нарастили свой удельный вес в российском экспорте (до 5,8 и 6,2 % соответственно), а вот доли Японии и Беларуси уменьшились почти вдвое — до 2,8 и 2,4 % соответственно. Таким образом, можно отметить, что с точки зрения экспортных потоков первый виток санкций 2014 г. к 2021 г. в основном был нивелирован. И сокращение доли стран коллективного Запада было относительно небольшим — их суммарная доля сократилась всего лишь на 6–7 %, которые заместил вывоз товаров в Китай.

Однако санкции 2022 г. имели куда больший эффект, чем в 2014 г.: к 2024 г. доля Европейского Союза сократилась до незначительных 9,5 %, США — до 0,8 %, Японии — до 1,4 %. При этом экспорт в Китай составил долю в 31,7 %, в Индию — 15,8 %, в Турцию — 10,8 %. На топ-3 азиатских государства пришлось почти 60 % российского экспорта в 2024 г. А в целом на азиатские страны (кроме Японии и Южной Кореи) — 76 % (в 2021 г. — 32 %). Это говорит о кардинальной смене политико-экономических ориентиров в России за последние три года.

Динамика импорта в разрезе основных поставщиков товаров в Россию отражена в табл. 2.

Таблица 2

Импорт товаров в Российскую Федерацию по странам в 2014–2024 гг., млрд долларов США

Страна	2014	2021	2022	2023	2024
Всего	290,8	266,6	199,4	219,1	211,2
Европейский Союз (до 2020 г. — с Великобританией)	138,3	106,4	58,2	41,1	34,9
Китай	53,7	67,6	76,1	111,1	115,5
Казахстан	6,4	7,0	8,8	9,8	9,5
Турция	6,2	5,8	9,3	10,9	8,6
Германия	39,8	31,5	15,4	9,6	8,2
Индия	2,2	3,3	2,9	4,1	4,9
Италия	12,6	9,1	6,1	5,0	4,7
Республика Корея	10,1	10,0	6,3	6,1	4,6
ОАЭ	0,7	1,5	2,6	4,5	4,4
Армения	0,3	0,8	2,4	3,5	3,1
Узбекистан	н/д	1,7	2,6	3,0	3,0
Япония	9,2	7,9	4,6	2,8	2,2
США	10,8	6,4	1,7	0,6	0,5
Украина	9,8	3,4	0,5	—	—
Беларусь	15,1	14,0	н/д	н/д	н/д

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Таблица 2 иллюстрирует примерно схожие тенденции в российском импорте, что и обозначенные для табл. 1 в экспортном направлении: с 2014 по 2021 г. сначала наблюдается период резкого охлаждения торговли со странами Европы и, в меньшей степени — с остальными государствами. Но к 2021 г. ситуация в основном восстанавливается, но часть выпавшего товарооборота замещается Китаем. В 2022 г. наступает период радикальной перестройки

структуры импорта. К 2024 г. доля азиатских стран (кроме Японии и Южной Кореи) составляет 73 %, тогда как в 2021 г. она составляла 37 %.

Любопытно, что если экспорт товаров из России в Беларусь за 2014—2021 гг. сократился вдвое, то импорт остался на прежнем уровне. К сожалению, *TradeMap* не отражает для Беларуси данные по торговле позднее 2021 г.

Структура экспорта из Российской Федерации в рассматриваемый период представлена в табл. 3.

Таблица 3

Экспорт товаров из Российской Федерации по товарам в 2014—2024 гг., млрд долларов США

Наименование	2014	2015	2021	2022	2023	2024
Все товары	498	334	492	579	424	407
Минеральные продукты	346	169	212	386	262	255
Драгоценные металлы	11,8	7,4	31,6	25,6	25,4	24,7
Удобрения	9,0	8,6	12,5	21,0	15,3	15,3
Черные металлы	20,6	14,9	28,9	23,9	16,5	13,2
Злаки	7,1	5,5	9,2	10,5	14,8	11,3
Алюминий	6,3	6,9	8,7	10,3	8,6	7,6
Жиры и масла	2,3	1,8	5,4	6,1	6,2	6,5
Древесина и изделия из нее	7,8	6,2	11,7	9,6	6,3	6,1
Руды	3,3	1,9	7,4	5,5	5,4	6,0
Рыба	2,9	2,7	5,9	8,0	6,3	5,9

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Судя по данным табл. 3, можно заключить, что в период с 2014 по 2021 г. наблюдалось существенное снижение доли топлива в структуре экспорта из России, при этом росла доля остальных товаров. Значительно увеличился экспорт драгоценных металлов (в 2,7 раза в абсолютном и в относительном выражении), масложировой продукции (в 2,4 раза), металлических руд (в 2,3 раза) и рыбы (в 2 раза). Под драгоценными металлами следует понимать экспорт золота — он составляет сейчас второе место в структуре вывоза товаров (и в 2021, и в 2024 гг.).

После санкций 2022 г. к 2024 г. доля топлива снова резко выросла до 62,7 % — почти до уровня 2014 г. в 69,5 %. Хотя в абсолютном выражении экспорт топлива в 2022 г. достиг исторического максимума — 386 млрд долларов США (против 346 млрд долларов США в 2014 г.). К 2024 г. вывоз минеральных продуктов уменьшился до 255 млрд долларов США, но, тем не менее, это значительно больше, чем составлял экспорт топлива из России в 2015—2021 гг. Другими словами, доходы нефтегазового сектора и, соответственно, бюджета представляются более значительными, чем в период до 2022 г. Соответственно, ожидания, что санкции в первую очередь ударяют по топливному сектору экономики и федеральному бюджету — преждевременны. Хотя, динамика внешней торговли топливом за 2022—2024 гг., конечно, отрицательная.

В 2022—2024 гг. заметно растет вывоз удобрений, в 2024 г. они заняли третью строчку после экспорта золота с долей в 3,8 % (в 2014 г. — 1,8 %, в 2021 г. — 2,5 %).

На четвертом месте оказался вывоз черных металлов с долей 3,2 %. Очевидно, российский металлургический сектор переживает тяжелые времена, т. к. порядка 40—45 %

продукции традиционно экспортировалось. Но если к 2021 г. вывоз черных металлов по сравнению с 2014 г. увеличился с 20,6 до 28,9 млрд долларов США, то к 2024 г. он резко сократился до 13,2 млрд долларов США. И тенденция к сокращению не позволяет рассчитывать на улучшение ситуации в ближайшие годы. Очевидно, что металлургический сектор входит в период длительной рецессии и сокращения производства по причине сокращения экспортных возможностей.

Продажи алюминия также находятся в негативном тренде, а поскольку порядка 90 % российского алюминия экспортируется, то это фактически означает схожую ситуацию с черной металлургией, хотя пока еще столкнувшейся с более медленным сокращением экспорта.

Продажи сельхозпродукции (злаки, жиры и масла) и рыбы в 2014 г. в сумме составляли 12,2 млрд долларов США (2,5 % экспорта), в 2021 г. — 20,4 млрд долларов США (4,1 %), в 2024 г. — 23,7 млрд долларов США (5,8 %). Судя по динамике экспорта, сельскохозяйственный сектор действительно является основным выгодоприобретателем всего периода санкций, что подтверждает мнение Я. С. Мазаевой [11].

Структура импорта в Российскую Федерацию в рассматриваемый период представлена в табл. 4.

Таблица 4

Импорт товаров в Российскую Федерацию по товарам в 2014—2024 гг., млрд долларов США

Наименование	2014	2021	2022	2023	2024
Все товары	287	294	199	219	211
Реакторы ядерные, котлы, оборудование	52,1	54,4	35,2	40,0	40,1
Средства наземного транспорта,	31,4	26,8	14,6	28,4	29,5
Электрические машины и оборудование	33,7	36,8	22,9	25,7	20,8
Фармацевтическая продукция	12,8	13,8	13,8	12,3	12,1
Пластмассы и изделия из них	11,0	12,6	8,9	8,3	7,6
Инструменты и аппараты оптические	7,9	8,7	6,7	7,1	7,1
Органические химические соединения	3,1	5,9	5,6	5,1	5,1
Съедобные фрукты и орехи	5,5	5,4	4,8	4,7	4,7
Продукты неорганической химии	3,3	3,1	3,6	3,9	4,7
Обувь	3,7	3,7	3,3	4,6	4,0

Примечание: сост. по данным *TradeMap* (<https://www.trademap.org/Index.aspx>).

Как видно из табл. 4, санкции 2014 и 2022 гг. в гораздо менее значительной степени повлияли на структуру и объемы российского товарного импорта. Продукция машиностроения и химические продукты остаются ключевыми ввозными товарами с достаточно стабильными удельными весами, хотя в абсолютном исчислении, конечно, импорт заметно сократился. Несколько увеличилась доля средств наземного транспорта (10,9 % в импорте 2014 г., 9,1 % — в 2022 г. и 14 % — в 2024 г.) и продуктов органической и неорганической химии (2,2, 3 и 4,6 % соответственно), что свидетельствует о скрытой сырьевой зависимости отечественного химического сектора от импорта.

Закключение

Исследование продемонстрировало эффект влияния санкций 2014 и 2022 гг. на российскую внешнеторговую деятельность. Сначала санкции 2014 г., а в большей степени 2022 г. послужили основным фактором сдвига фокуса внешнеторговой деятельности России с Запада на Восток — из стран Европы в страны Азии. Если до 2014 г. на страны Европейского Союза приходилось около 45 % российской торговли, то к 2021 г., несмотря на восстановительные процессы — уже около 40 %, а к 2024 г. — 10 % экспорта и менее 17 % импорта. Ключевые объемы торговли осуществляются с Китаем, Инди-

ей, Турцией и Казахстаном — на них приходится до двух третей общего внешнеторгового оборота.

В товарном выражении санкции повлияли на снижение объема и удельного веса топлива и металлургической продукции в структуре экспорта на фоне роста доли золота, удобрений и сельскохозяйственной продукции. На структуру товарного импорта санкции оказали относительно небольшое воздействие. Несколько увеличилась доля химических продуктов и средств наземного транспорта в общей структуре ввоза. Однако в целом она весь исследуемый период остается достаточно стабильной, без резких изменений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гаджимирзоев Г. И. Переориентация экспортной политики Российской Федерации после введения экономических санкций // *Маркетинг и логистика*. 2022. № 6(44). С. 15—24.
2. Цыпин А. П., Овсянников В. А. Оценка доли иностранного капитала в промышленности России // *Молодой ученый*. 2014. № 12(71). С. 195—198.
3. Цыпин А. П., Попов В. В., Овсянников В. А. Рост иностранного капитала в сельском хозяйстве России как угроза продовольственной безопасности страны // *Продовольственная политика и безопасность*. 2016. Т. 3. № 3. С. 197—202.
4. Длусская В. В., Киселева Е. Н. Потребительские предпочтения стран содружества в условиях санкционных ограничений // *Modern Economy Success*. 2023. № 2. С. 110—114.
5. Калинин А. М. Оценка воздействия адресных (персональных) санкций США на российские компании в 2014—2023 гг. // *Вопросы экономики*. 2025. № 8. С. 26—43. DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-26-43.
6. Катков И. Е. Контекст анализа феномена санкций в исследованиях отечественных и зарубежных авторов (в период с 2014—2024 гг.) // *Вопросы политологии*. 2025. Т. 15. № 2. С. 401—409.
7. Туров А. В. 2014—2024 годы — десятилетие санкций и укрепления финансового суверенитета России // *Международная жизнь*. 2024. № 8. С. 60—69.
8. Едренова В. Н. Внешняя торговля России в условиях санкций 2014—2022 гг. // *Экономический анализ: теория и практика*. 2023. Т. 22. № 3. С. 445—464. DOI: 10.24891/ea.22.3.445.
9. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект) // *ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика*. 2022. № 4. С. 7—27. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-7-27.
10. Катушева К. А. Воздействие западных санкций на российскую железнодорожную отрасль в 2014—2015 гг.: «эффект бабочки» // *ГосРег: государственное регулирование общественных отношений*. 2016. № 2(16). Ст. 25.
11. Мазаева Я. С., Махновский Д. Е. Влияние санкций на развитие отраслей экономики и регионов РФ в 2014—2016 годах // *Управление. Бизнес. Власть*. 2016. № 2(11). С. 102—106.
12. Дьячкова О. М., Белова Е. А. Развитие трансграничного сотрудничества Российской Федерации в условиях санкций // *Modern Economy Success*. 2024. № 6. С. 75—81.
13. Сюэ Ф. Экономическое и финансовое сотрудничество Китая и России в условиях санкций США и ЕС (2014—2024 гг.) // *Международные отношения*. 2025. № 2. С. 134—151. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73299.
14. Руднева А. О. Влияние геополитических факторов на динамику нефтегазовых доходов России в контексте роста налоговой нагрузки на газовую отрасль страны // *Вестник евразийской науки*. 2025. Т. 17. № 3. URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN325.pdf>.
15. Руднева А. О. Динамика экспорта трубопроводного газа России в Европу: геополитические факторы и влияние на валовую прибыль ПАО «Газпром» // *Фундаментальные исследования*. 2025. № 5. С. 78—87. DOI: 10.17513/fr.43836.

REFERENCES

1. Gadzhimirzoev G. Reorientation of the export policy of the Russian Federation after the introduction of economic sanctions. *Marketing i logistika*. 2022;6(44):15—24. (In Russ.)
2. Tsy-pin A. P., Ovsyannikov V. A. Assessment of the share of foreign capital in Russian industry. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2014;12(71):195—198. (In Russ.)
3. Tsy-pin A. P., Popov V. V., Ovsyannikov V. A. Increase of foreign capital in Russia's agriculture as a threat to the country's food security. *Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' = Food Policy and Security*. 2016;3(3):197—202. (In Russ.)
4. Dlusskaya V. V., Kiseleva E. N. Consumer preferences of the CIS countries in the context of sanctions restrictions. *Modern Economy Success*. 2023;2:110—114. (In Russ.)
5. Kalinin A. M. Assessing the impact of US targeted (personal) sanctions on Russian companies in 2014—2023. *Voprosy Ekonomiki*. 2025;(8):26—43. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2025-8-26-43.
6. Katkov I. E. The context of the analysis of the phenomenon of sanctions in the studies of domestic and foreign authors (in the period from 2014-2024). *Voprosy politologii = Political science issues*. 2025;15(2):401—409. (In Russ.)
7. Turov A. V. 2014-2024: A decade of sanctions and strengthening of Russia's financial sovereignty. *Mezhdunarodnaya zhizn' = International Affairs*. 2024;8:60—69. (In Russ.)
8. Edronova V. N. Russia's foreign trade under sanctions in 2014—2022. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2023;22(3):445—464. (In Russ.) DOI: 10.24891/ea.22.3.445.

9. Ivanov O. B., Buchwald E. M. Sanctions and countermeasures in the economy of the Russian Federation (regional aspect). *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika = ETAP: Economic theory, analysis, practice*. 2022;4:7—27. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-7-27.
10. Katusheva K. A. The impact of Western sanctions on the Russian rail industry in 2014-2015: “The butterfly effect”. *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*. 2016;2(16):25. (In Russ.)
11. Mazaeva Ya. S., Makhnovskii D. E. The impact of sanctions on the development of economic sectors and regions of the Russian Federation in 2014-2016. *Upravlenie. Biznes. Vlast`*. 2016;2(11):102—106. (In Russ.)
12. Dyachkova O. M., Belova E. A. Development of cross-border co-operation of the Russian Federation under sanctions conditions. *Modern Economy Success*. 2024;6:75—81. (In Russ.)
13. Xue F. Economic and financial cooperation between China and Russia in the context of US and EU sanctions (2014-2024). *Mezhdunarodnye otnosheniya = International relations*. 2025;2:134—151. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0641.2025.2.73299.
14. Rudneva A. O. The influence of geopolitical factors on the dynamics of oil and gas revenues in Russia in the context of the growing tax burden on the country’s gas industry. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(3). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/75ECVN325.pdf>.
15. Rudneva A. O. Dynamics of Russia’s pipeline gas exports to Europe: geopolitical factors and impact on Gazprom’s gross profit. *Fundamental`nye issledovaniya = Fundamental research*. 2025;5:78—87. (In Russ.) DOI: 10.17513/fr.43836.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 18.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 18.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
УДК 339.138
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1603

Elina Radikovna Kasimova

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Mechanical Engineering Technology,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
elinus@mail.ru

Elena Vladimirovna Kuznetsova

Candidate of Sociology Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Strategic Management,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
Skuznetsova@mail.ru

Igor Yaroslavovich Ruvenny

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Strategic Management,
Ufa University of Science and Technology
Ufa, Russian Federation
ruvenny@mail.ru

Элина Радиковна Касимова

канд. социол. наук, доцент,
доцент
кафедры технологии машиностроения,
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
elinus@mail.ru

Елена Владимировна Кузнецова

канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры стратегического управления,
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
Skuznetsova@mail.ru

Игорь Ярославович Рувенный

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры стратегического управления,
Уфимский университет науки и технологий
Уфа, Российская Федерация
ruvenny@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЭВОЛЮЦИИ ЭПОХ И ПРОДУКТА В МАРКЕТИНГЕ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена систематизации этапов трансформации потребительского поведения в контексте эволюции маркетинговых эпох. В условиях цифровой трансформации общества и модификации ценностных установок традиционные линейные модели маркетинга снижают свою эффективность, что обуславливает необходимость переосмысления взаимодействия «человек — продукт». Авторами предложена концепция пяти маркетинговых эпох, базирующаяся на метаморфозах потребления. Определены ключевые характеристики каждой эпохи: доминирующие потребности, специфика продукта, паттерны поведения, формы социальности, а также изменения комплекса маркетинга 4P и эволюция клиентского пути. В аграрную эпоху маркетинг находится в зачаточном состоянии, клиентский путь предельно краток. Индустриальная эпоха характеризуется системным подходом к маркетингу и формированием классического комплекса 4P. Клиентский путь выстраивается в линейную последовательность. В сервисную эпоху продукт превращается в гибрид материального и нематериального с доминированием сервисной составляющей. Комплекс 4P трансформируется под влиянием персонализации и омниканальности. Клиентский путь дополняется этапом послепродажного сервиса. Эпоха впечатлений бази-

руется на эмоциях в процессе покупки и эксплуатации продукта. 4P приобретает эмоциональное измерение, путь клиента акцентируется на эмоциональных точках контакта. Маркетинг превращается в искусство режиссуры. В эпоху трансформации выделены феномены комьюнити как пространства совместного развития, трансформационной усталости как предвестника следующей эпохи, а также этические границы воздействия на идентичность потребителя. Показана модификация кросс-маркетингового продукта, объединяющего материальные и нематериальные компоненты. Теоретическая значимость исследования заключается в формировании целостной периодизации эволюции маркетинга через призму изменения потребительского поведения. Практическая значимость определяется возможностью разработки маркетинговых стратегий на основе предлагаемой авторами концепции «матрицы маркетинговых эпох» после ее апробации в компаниях различных отраслей.

Ключевые слова: трансформация потребительского поведения, эволюция маркетинга, клиентский опыт, эпоха трансформации, кросс-маркетинговый продукт, комьюнити/сообщество, трансформационная усталость, этика маркетинга, комплекс маркетинга 4P, карта пути клиента

Для цитирования: Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Трансформация потребительского поведения в эволюции эпох и продукта в маркетинге // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 102—107. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1603.

Original article

TRANSFORMATION OF CONSUMER BEHAVIOR
IN THE EVOLUTION OF ERAS AND PRODUCT IN MARKETING

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article is devoted to the systematization of transformation stages of consumer behavior in the context of the evolution of marketing eras. In the context of the digital transformation of society and the modification of value attitudes, traditional linear marketing models are reducing their effectiveness, which necessitates a rethinking of human-product interaction. The authors propose a concept of five marketing eras based on consumption metamorphoses. The key characteristics of each era are identified: dominant needs, product specifics, and behavioral patterns, forms of sociality, as well as changes in the 4P marketing complex and the evolution of the client path. In the agrarian era, marketing is in its infancy, the client path is extremely short. The industrial era is characterized by a systematic approach to marketing and the formation of a classic complex of 4P. The client path is arranged in a linear sequence. In the service era, the product turns into a hybrid of material and intangible components with the dominance of the service. The complex is 4P transformed under the influence of personalization and omnichannel. The customer journey is complemented by the after-sales service stage.

The era of impressions is based on emotions in the process of buying and operating a product. 4P acquires an emotional dimension; the client's path is focused on emotional points of contact. Marketing turns into the art of directing. In the era of transformation, the phenomena of the community as a space of joint development, transformational fatigue as a harbinger of the next era, as well as the ethical boundaries of the impact on consumer identity are highlighted. The modification of a cross-marketing product combining tangible and intangible components is shown. The theoretical significance of the study lies in the formation of a holistic periodization of the evolution of marketing through the prism of changing consumer behavior. The practical significance is determined by the possibility of developing marketing strategies based on the concept of the marketing era matrix proposed by the authors after it has been tested in companies in various industries.

Keywords: transformation of consumer behavior; evolution of marketing, customer experience, transformation era, cross-marketing product, community, transformational fatigue, marketing ethics, 4P marketing complex, customer path map

For citation: Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruvenny I. Y. Transformation of consumer behavior in the evolution of eras and product in marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):102—107. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1603.

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена информационной трансформацией общества, развитием инновационных технологий и существенной модификацией поведения покупателей в маркетинговой среде. Происходит фундаментальный сдвиг в структуре ценностей. Маркетинг перестает быть лишь инструментом прямого удовлетворения потребностей, превращаясь в связующее звено между современной эпохой развития общества и трансформацией продукта. В условиях переизбытка материальных благ, стандартизированного сервиса и доступности впечатлений потребитель всё чаще ориентируется на устойчивое личностное развитие. Одновременно формируются новые вызовы — этические проблемы воздействия на идентичность, риск трансформационной усталости и запрос на аутентичность. Это требует пересмотра существующих концепций эволюции маркетинга.

Изученность проблемы. Вопросы эволюции потребительского поведения и изменения маркетинговых парадигм рассмотрены в отдельных трудах зарубежных и отечественных исследователей. Р. Э. Бавак, Ж.-Р. К. Камджуг, Э. Бонур, М. Яннакис уделяют особое внимание сервису онлайн-продаж, что отражается в их научном труде [1]. Концепцию маркетинга, фокусирующуюся не на продаже товаров и услуг, а на создании впечатлений вокруг брендов и компаний пропагандируют Б. Дж. Пайн и Дж. Х. Гилмор [2]. Глубокое исследование эмоционального поведения потребителей проводят К. Шарма, П. Кодхати, С. Сукхаваси [3]. И. Я. Рувенный, Э. Р. Касимова, Е. В. Кузнецова делают акцент на эмоциональных нормах как императивах маркетинга, отражающих социальные ценности потребителей [4]. Детализированный анализ стратегий, механизмов и реакций потребителей в рамках эмоционального

маркетинга осуществляет Ю. Тан [5]. О снижении роли эмоций на принятие потребительского решения говорит в своей работе Дж. Барбалет [6], что, на наш взгляд, становится основанием для перехода к следующей парадигме маркетинга.

В последние годы актуализируется модель клиентского опыта (CX). Например, Л. Беккер и Э. Яаккола рассматривают важный маркетинговый инструмент — карту путешествия клиента [7]. Термин «клиентский опыт» является трендовым и находит отражение во всех сферах и отраслях, в частности Й. Евтич, С. Томич, К. Лекович описывают клиентский опыт в туристической индустрии [8].

Инструменты классического и цифрового маркетинга интегрируются в единое целое в виде модели O2O, об этом утверждает Сун Чжэни [9]. Маркетинг эволюционирует в эпоху цифровых технологий, как отмечают Д. А. Донской и М. А. Дубикова [10]. В статье С. В. Кошевенко исследуется вектор маркетинга в экономике данных [11]. Коллектив авторов под руководством Е. Е. Кузьминой раскрывает отдельные аспекты современных тенденций трансформации маркетинга [12].

Целесообразность разработки темы и методология. Комплексный подход, интегрирующий эволюцию маркетинговых эпох, модификацию продукта, трансформацию глубинных установок потребительского поведения (отживания к саморазвитию) и этические аспекты, представлен недостаточно полно. Исследование выполнено в рамках качественного теоретико-прикладного подхода. Логика исследования включает четыре этапа: теоретический анализ, типологизацию, концептуальное моделирование и интерпретацию феноменов.

Применены следующие методы:

— теоретический анализ и синтез (для выявления пробелов в существующих подходах);

- историко-генетический метод (для прослеживания смены эпох);
- типологизация (для определения критериев каждой эпохи);
- концептуальное моделирование (для разработки авторской периодизации).

Предлагаемая авторами периодизация основана на концепции идеальных типов (идеально-типической модели) М. Вебера [13], позволяющей выделить устойчивые критерии, характеризующие каждую эпоху. Этими критериями выступили: доминирующая потребность, специфика продукта, установки потребительского поведения, форма социальности, а также трансформация комплекса маркетинга 4P и структуры клиентского пути. Такой подход позволил не только определить ретроспективу эволюции маркетинга, но и предложить инструментарий для диагностики и совершенствования маркетинговых стратегий компаний.

Цель исследования — систематизировать этапы трансформации поведения потребителей в результате эволюции маркетинговых эпох.

Задачи исследования:

- разработать авторскую концепцию маркетинговых эпох, базирующуюся на метаморфозах потребления и формах социальности;
- раскрыть особенности трансформации потребительского поведения в ходе эволюции эпох маркетинга с акцентом на изменение комплекса 4P и клиентского пути;
- показать модификацию кросс-маркетингового продукта как результата трансформации клиентского опыта;
- выявить этические аспекты и перспективы будущей эпохи развития маркетинга.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложена авторская концепция пяти эпох эволюции маркетинга (аграрная, индустриальная, сервисная, впечатлений, трансформации), основанная на метаморфозах потребления и смене преобладающих форм социальности.
2. Систематизированы типы потребительского поведения, характерные для каждой эпохи: от «человека выживающего» до «человека трансформирующегося», для которого потребление является инструментом личностного развития.
3. Обосновано понятие «кросс-маркетингового продукта» как результата трансформации клиентского опыта.

4. Предложены и обоснованы феномены комьюнити-архитектуры в новой роли бренда, трансформационной усталости как фактора смены эпох, а также этические границы трансформационного маркетинга.

Теоретическая значимость исследования заключается в формировании авторской концепции развития эпох маркетинга, учитывающей эволюцию продукта, потребительского поведения, форм социальности, комплекса маркетинга 4P, клиентского пути и этических ограничений.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования предложенной концепции для разработки маркетинговых стратегий компаний. Основные выводы исследования могут быть использованы для разработки «матрицы маркетинговых эпох», в качестве параметров которой является, с одной стороны, объект ценности (продукт, сервис, впечатление, трансформация), а с другой — характер взаимодействия с потребителем (транзакционный, клиентоориентированный, партисипативный, экзистенциальный). Позиционирование компании в одной из ячеек позволяет обозначить «соседние» ячейки как направления развития. Например, компания, работающая в формате «продукт + транзакция», может инициировать переход в формат «продукт + транзакция + услуга» или сразу в формат «продукт + транзакция + услуга + эмоция». Матрица может быть использована в процессе стратегических сессий для диагностики текущего состояния и формирования дорожной карты маркетинговой стратегии.

Основная часть

Эволюция поведения потребителей происходит под влиянием развития технологий и смены концепций маркетинга. Процесс принятия решения является сложным, многоступенчатым и осуществляется под воздействием внутренних (психологических, личностных) и внешних (социально-экономических, технологических, политико-правовых, культурных) факторов. Каждая эпоха маркетинга характеризуется спецификой общественных отношений по поводу производства, реализации и потребления продукта, а также специфическим наполнением ключевых маркетинговых инструментов.

Выделено пять эпох маркетинга, различающихся по доминирующей потребности, специфике продукта, паттерну поведения, форме социальности, трансформации комплекса 4P и структуре клиентского пути (см. табл.).

Эволюция эпох и продукта в маркетинге

Эпоха	Потребности и форма социальности	Специфика продукта и трансформация 4P	Потребительское поведение и изменение пути клиента
1. Аграрная эпоха	Выживание (род, община)	Продукт — сырье; цена — договорная; место — локальный рынок; продвижение — глашатаи, клейма	Натуральный обмен продуктами собственного домохозяйства, удовлетворение базовых потребностей. Короткий цикл: потребность — обмен
2. Индустриальная эпоха	Упрощение жизни (семья)	Продукт — стандартизированный (промышленный и потребительский); цена — фиксированная; место — розничная сеть; продвижение — реклама в СМИ	Покупка продуктов с ориентацией на удовлетворение потребностей разных уровней. Осознание потребности — поиск — покупка — использование
3. Сервисная эпоха	Удобство и комфорт (индивид)	Продукт — гибрид товара и услуги; цена — ценность для клиента; место — омниканальность; продвижение — персонализация	Покупка продуктов с подкреплением в виде получения дополнительных услуг. Добавляется этап послепродажного сервиса
4. Эпоха впечатлений	Эмоции (аудитория)	Продукт — эмоционально насыщенный; цена — эмоциональная ценность; место — интерактивные пространства; продвижение — сторителлинг	Покупка продуктов, обеспечивающих эмоциональное наполнение потребителя. Акцент на эмоциональных точках контакта
5. Эпоха трансформации	Клиентский опыт (комьюнити)	Продукт — кросс-маркетинговый; цена — ценность трансформации; место — экосистема; продвижение — вовлекающее	Покупка продуктов, трансформирующих мышление и поведение потребителя. Циклический путь клиента с совместным творчеством на всех этапах

В таблице показана связь изменения эпохи маркетинга, продуктов, реализующихся в данный период, ценностей потребителей и особенностей их поведенческого паттерна. Рассмотрим представленные эпохи более подробно, акцентируя внимание на трансформации маркетинговых инструментов.

1. *Аграрная эпоха маркетинга* (от древних времен до конца XVIII в.). Существуют только прототипы маркетинга, зависящие от природных, климатических и социальных условий. Экономика носит присваивающе-производящий характер. Экзистенциальная потребность — выживание. Клиенты (ремесленники, крестьяне) живут и ведут хозяйство в условиях натурального обмена, имеют низкую платежеспособность при слабодифференцированном спросе. Критерий выбора — удовлетворение физиологических потребностей и безопасность. Продукт — результат натурального хозяйства, преимущественно в сырьевом виде. Продукт стандартизирован природой, конкуренция практически отсутствует, цепочка ценности формируется только за счет физического труда. Рынки локальны, спрос превышает предложение, распределение — прямой канал сбыта. Предложение ограничивается аграрными циклами, а урожайность полностью зависит от климатических условий. Рост цен не снижает спрос, т. к. он имеет преимущественно неэластичный характер. Маркетинговые коммуникации находятся в примитивном состоянии: в качестве рекламных инструментов выступают глашатаи, а в качестве брендов — клейма и гербы производителей. Вынужденная лояльность проявляется в приверженности своему купцу или ярмарке. Комплекс маркетинга 4P находится в зарождающейся форме: продукт — сырье, цена — результат торга, место — локальный рынок, продвижение — устная традиция. Клиентский путь предельно сжат: потребность возникает и удовлетворяется в рамках натурального обмена без поиска альтернатив. Потребительское поведение — бихевиористическое поведение «человека выживающего» в условиях традиционного уклада. Доминирующая форма социальности — род, община. Модель принятия решения основывается на привычке, принуждении, ритуалах и реакциях. При выборе продукта значимыми характеристиками являются утилитарность и долговечность. Образ жизни потребителя — аскетичный, зависимый, ограничено рациональный, не приемлющий риски и инновации.

2. *Индустриальная эпоха маркетинга* (конец XVIII — середина XX в.). Ключевая потребность — упрощение повседневной жизни. Индустриальная эпоха приносит с собой урбанизацию, конвейерное производство, фабричный труд и устойчивые доходы у городских жителей. Покупатель выбирает готовые продукты, освобождающие от рутинного труда. Продукт становится качественным, стандартизированным, доступным по цене. В то же время развитие производственных технологий приводит к диверсифицированным стратегиям в продуктовой политике. Продукт становится не просто сырьем, а готовым изделием с глубокой переработкой в процессе производства. Расширяется свобода выбора, происходит ориентация на бренды и гарантию качества. Рост доходов потребителей приводит к покупке продуктов, улучшающих уровень жизни. Комплекс маркетинга 4P оформляется в классическом виде: продукт — стандартизированный товар, цена — фиксированная, место — розничная сеть, продвижение — реклама в СМИ. В индустриальную эпоху ключевое внимание уделялось развитию логистики и разных форматов торговли, а также рекламе, брендингу и референтному маркетингу [14]. Кли-

ентский путь выстраивается в линейную последовательность: осознание потребности — поиск информации — сравнение — покупка — использование. Рынок продавца переходит в рынок покупателя. Потребитель принимает решения под влиянием города, фабрики, формирующегося общества потребления. Мотивация — статусность, выбор, экономия времени. Доминирующая форма социальности — семья, класс. Получает широкое распространение шопинг и кредитное потребление. Основой психологии потребительского поведения становится принцип «обладать всем сейчас, платить потом». Покупатель стремится к предсказуемости маркетинговых инструментов (фиксированная цена, гарантии качества товаров, стабильное наличие продуктов в магазинах, широта сбытовых сетей) в условиях стабильной внешней среды. Изменения социальных и демографических факторов маркетинговой среды выводят на первую позицию женщину как главного покупателя. В основе потребительского поведения лежит принцип рациональности и гендерного маркетинга. Потребитель индустриальной эпохи маркетинга подвержен социальному давлению, манипулятивным практикам продаж, а также информационной асимметрии, возникающей в силу противоречий между фактическими свойствами товара и заявленными в рекламном контенте.

3. *Сервисная эпоха маркетинга* (середина XX — начало XXI в.). Ценности потребителя — комфорт и удобство. Покупатель ищет не товар как «вещь», а комфортное решение. В качестве доминирующих ценностей можно назвать экономию времени и усилий, комфортное эмоционально-психологическое состояние, отсутствие когнитивных затрат, персонализацию товаров и сервиса. Стирается грань между товаром и услугой, формируется гибрид «сервисной целостности». Услуги становятся неотъемлемой частью продукта (консалтинг, страхование, кредитование, гарантия). Комплекс маркетинга 4P трансформируется: продукт — гибрид товара и услуги, цена ориентирована на ценность для клиента, место приобретает омниканальный характер, продвижение становится персонализированным [15]. Клиентский путь дополняется этапом послепродажного сервиса, который становится критическим для формирования лояльности. Появляются новые форматы (каршеринг, стриминг, фудшеринг, коворкинг, дропшипинг), зарождаются сервисные экосистемы («Сбер», «Яндекс», «МТС», «ВКонтакте», «Авито»). Потребитель ожидает бесшовного взаимодействия с компанией, единый интерфейс для всех коммуникационных каналов, мгновенного удовлетворения запроса. Лояльность формируется к качеству сервиса экосистемы, а не к отдельному бренду. Доминирующая форма социальности — индивид.

4. *Маркетинговая эпоха впечатлений* (начало XXI в. — 2020 г.). Главная ценность — эмоции, органично связанные с продуктом. Удобство и комфорт становятся стандартом, новая отличительная черта — эмоциональное наполнение яркими, запоминающимися впечатлениями процесса покупки и самого продукта. Это формирует концепцию эмоционального маркетинга. Эмоциональное потребление становится самоцелью покупателя, стремящегося пережить уникальные моменты, выйти за рамки шаблонов и стандартов. Все это находит проявление в концепции сенсорного маркетинга. Комплекс маркетинга 4P приобретает эмоциональное измерение: продукт — эмоционально насыщенный, цена определяется эмоциональной ценностью, место — интерактивные пространства и *pop-up*-форматы, продвижение строится на создании креативных эмоциональных

историй (сторителлинге) и контент-маркетинге [16]. Клиентский путь акцентируется на эмоциональных точках контакта, где происходит «театрализация» взаимодействия. Получают распространение крафтовость, кастомизация, эстетичные товары. Потребитель принимает решения иррационально, компании используют сторителлинг. Бренды создают прогнозируемое эмоциональное поведение. Доминирующая форма социальности — аудитория.

5. **Маркетинговая эпоха трансформации** (с 2020 г. по настоящее время). Преобладающая потребность этого времени — клиентский опыт (*CX*), но не любой, а тот, который приводит к трансформации мышления и поведения потребителей. Происходит модификация всех этапов «путешествия клиента» (*CJM*): процесса формирования потребности, поиска решений, совершения покупки, использования продукта и лояльности к бренду. В маркетинге трансформируется продукт и выходит за рамки одной товарной категории. Продукт предполагает вовлечение потребителя во все этапы производственно-распределительной цепи: от создания ценности до управления финальными этапами, включая участие в производстве, коммуникации, продаже, сервисном сопровождении, формирование пользовательского опыта и лояльности. Трансформационный (кросс-маркетинговый) продукт представляет собой сложный симбиоз товара, услуги, впечатлений и метаморфоз клиентского опыта. Он часто объединяет ИТ, образование, питание, психологию, медицину — все, что необходимо для изменений. Цифровые маркетинговые технологии (*AR/VR*, большие данные, интернет вещей), по мнению авторов, можно назвать ядром трансформационного продукта.

В эпоху трансформации формируется феномен «собираемой идентичности»: потребитель выбирает не продукт и не бренд, а сообщество (комьюнити) как пространство совместной трансформации. Бренд выступает не продавцом, а архитектором горизонтальных связей между потребителями, разделяющими ценности саморазвития. Определяющим *KPI* становится не столько лояльность, сколько плотность и качество взаимодействий внутри сообществ.

Воздействие на идентичность и мировоззрение потребителя поднимает новые этические вопросы. Если ранее маркетинг влиял на поведение (купить / не купить), то трансформационный маркетинг воздействует на личность. Это требует определения границ допустимого: где проходит грань между «помощью в саморазвитии» и «манипуляцией»? Должны ли бренды нести ответственность за долгосрочные последствия трансформационных продуктов? Конкурентное преимущество следующего десятилетия будет определяться не столько эффективностью трансформационных технологий, сколько прозрачностью и этичностью их применения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bawack R. E., Bonhoure E., Kamdjoug J.-R. K., Giannakis M. How social media live streams affect online buyers: A uses and gratifications perspective // *International Journal of Information Management*. 2023. Vol. 70. Art. 102621. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2023.102621.
2. Пайн Б. Дж., Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений. Как превратить покупку в захватывающее действие. М. : Альпина Паблишер, 2026. 384 с.
3. Sharma K., Kodhati P., Sukhavasi S. Emotional marketing on consumer behaviour – perception study // *International Journal on Customer Relations*. 2022. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 1—8.
4. Рувенный И. Я., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Сущность и технологии маркетинга эмоций // *Бизнес. Образование. Право*. 2022. № 1(58). С. 59—63. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.118.
5. Tan Y. An Analysis of Emotional Marketing Mechanisms Strategies and Consumer Responses // *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2024. Vol. 135. Pp. 1—6. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.18636.

Потребитель эпохи трансформаций — индивид, для которого стандартные блага, сервис и яркие впечатления перестали быть достаточными; он переориентируется на устойчивое развитие своей личности. Актуализируется ценность саморазвития как процесса, а не статуса как результата. Потребитель готов отказаться от внешних атрибутов успеха (элитарных брендов) в пользу инвестиций в трансформацию (коучинг, обучение, ретриты, живое общение в сообществах). Доминирующая форма социальности — комьюнити.

Заключение

В рамках эпохи трансформации одновременно формируется и парадокс «трансформационной усталости» — когнитивного и эмоционального истощения от непрерывного улучшения себя. По мере того, как саморазвитие становится товаром, возникает противоположный тренд на желание не меняться, на аутентичность и право на несовершенство. Бренды, которые первыми предложат «право на статичность», могут найти для себя новую рыночную нишу. Это позволяет наметить контуры возможной следующей эпохи (условно — «эпохи рефлексии» или «эпохи аутентичности»), что требует отдельного исследования и не входит в задачи данной работы. В новой эпохе ключевыми ценностями после трансформации способны стать глубокая рефлексия, принятие собственной сложности и пауза в бесконечном развитии. Кроме того, проведенный анализ показывает, что этические границы трансформационного маркетинга остаются недостаточно проработанными. Воздействие на идентичность и личностные установки потребителя требует выработки четких принципов ответственного маркетинга, что открывает самостоятельное направление для дальнейших исследований.

Предложенная периодизация носит идеально-типичский характер и может не в полной мере отражать гибридные формы, характерные для развивающихся рынков или специфических отраслей. Эмпирическая верификация обозначенных типов потребительского поведения, а также трансформации комплекса *4P* и клиентского пути требует дополнительного исследования с использованием количественных и качественных методов. Культурные особенности также могут влиять на протекание маркетинговых эпох. В разных странах они могут протекать асинхронно и иметь различную продолжительность. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методик оценки трансформационного потенциала маркетинговых стратегий, эмпирическую верификацию феномена трансформационной усталости, а также конкретизацию «матрицы маркетинговых эпох» и ее апробацию в компаниях различных отраслей.

6. Barbalet J. 'Honey, I shrunk the emotions': Late modernity and end of emotions // *Emotions and Society*. 2019. Vol. 1. No. 2. Pp. 133—146. DOI: 10.1332/263168919X15662881966944.
7. Becker L., Jaakkola E. Customer experience: fundamental premises and implications for research // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020. Vol. 48. Pp. 630—648. DOI: 10.1007/s11747-019-00718-x.
8. Jevtić J., Tomić S., Leković K. Customer experience in the tourism industry – Determinants influencing complaint behavior // *Hotel and Tourism Management*. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 25—33. DOI: 10.5937/menhottur2002025J.
9. Сун Чжэни. Трансформация и повышение эффективности маркетинга предприятия, О2О коммерция или омниканал // *Бизнес. Инновации. Экономика* : сб. науч. ст. Минск : Ин-т бизнеса БГУ, 2024. Вып. 9. С. 133—139. (На англ. яз.)
10. Донской Д. А., Дубикова М. А. Эволюция маркетинга в эпоху цифровых технологий // *ЭФО: Экономика. Финансы. Общество*. 2025. № 2(14). С. 4—15. DOI: 10.24412/2782-4845-2025-14-4-15.
11. Кошевенко С. В. Тренды маркетинга в экономике данных (2024–2025) // *Наука Краснояря*. 2024. Т. 13. № 4. С. 105—115.
12. Современные тенденции трансформации маркетинга / под ред. Е. Е. Кузьминой. М. : Дашков и К, 2025. 223 с.
13. Вебер М. Понимающая социология. М. : АСТ, 2021. 480 с.
14. Бикметов Е. Ю., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Референтный маркетинг как инновационная коммуникационная технология взаимодействия с потребителями // *Бизнес. Образование. Право*. 2015. № 2(31). С. 25—31.
15. Филатов В. В., Герасименко И. И., Левичев В. Е., Першукова С. А. Стратегии сервисного маркетинга омниканального fashion-ритейлера на рынке спортивной одежды, обуви и аксессуаров в современных социально-экономических условиях // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2025. № 7. С. 103—110.
16. Рувенный И. Я., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Актуализация применения креативных технологий в маркетинге // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 2(55). С. 79—83. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.210.

REFERENCES

1. Bawack R. E., Bonhoure E., Kamdjoug J.-R. K., Giannakis M. How social media live streams affect online buyers: A uses and gratifications perspective. *International Journal of Information Management*. 2023;70:102621. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2023.102621.
2. Pine B. J., Gilmore J. H. *The Experience Economy*. Boston, Mass. : Harvard Business Review Press, 2011. xxvii + 359 p.
3. Sharma K., Kodhati P., Sukhavasi S. Emotional marketing on consumer behaviour – perception study. *International Journal on Customer Relations*. 2022;10(2):1—8.
4. Ruvenny I. Ya., Kasimova E. R., Kuznetsova E. V. The essence and technologies of emotion marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;1(58):59—63. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.118.
5. Tan Y. An Analysis of Emotional Marketing Mechanisms Strategies and Consumer Responses. *Advances in Economics Management and Political Sciences*. 2024;135:1—6. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.18636.
6. Barbalet J. 'Honey, I shrunk the emotions': Late modernity and end of emotions. *Emotions and Society*. 2019;1(2):133—146. DOI: 10.1332/263168919X15662881966944.
7. Becker L., Jaakkola E. Customer experience: fundamental premises and implications for research. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020;48:630—648. DOI: 10.1007/s11747-019-00718-x.
8. Jevtić J., Tomić S., Leković K. Customer experience in the tourism industry – Determinants influencing complaint behavior. *Hotel and Tourism Management*. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 25—33. DOI: 10.5937/menhottur2002025J.
9. Song Zhengyi. Transformation and upgrading of enterprise marketing, O2O commerce or omni-channel. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika = Business. Innovations. Economics. Collection of scientific articles*. Minsk, Institute of Business of the Belarusian State University publ., 2024;9:133—139.
10. Donskoy D. A., Dubikova M. A. Evolution of marketing in the digital age. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo*. 2025;2(14):4—15. (In Russ.) DOI: 10.24412/2782-4845-2025-14-4-15.
11. Koshevenko S. V. Marketing trends in the data economy (2024–2025). *Nauka Krasnoyarsk`ya = Science of Krasnoyarsk*. 2024;13(4):105—115. (In Russ.)
12. Modern trends in the transformation of marketing. E. E. Kuz'mina (ed.). Moscow, Dashkov i K, 2025. 223 p. (In Russ.)
13. Weber M. *Understanding sociology*. Moscow, AST, 2021. 480 p. (In Russ.)
14. Bikmetov E. Yu., Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruvenny I. Ya. Referent marketing as an innovative communication technology of interaction with the consumers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2015;2(31):25—31. (In Russ.)
15. Filatov V. V., Gerasimenko I. I., Levichev V. E., Pershukova S. A. Omnichannel fashion retailer's service marketing strategies in the sportswear, footwear and accessories market in modern socio-economic conditions. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy = Innovative economy: information, analytics, forecasts*. 2025;7:103—110. (In Russ.)
16. Ruvenny I. Ya., Kasimova E. R., Kuznetsova E. V. Updating the application of creative technologies in marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2021;2(55):79—83. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2021.55.210.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья
УДК 338:984
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1599

Maria Vladimirovna Kurganova
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Statistics
and Econometrics,
Samara State University of Economics
Samara, Russian Federation
kurganovamv@bk.ru

Мария Владимировна Курганова
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры статистики
и эконометрики,
Самарский государственный экономический университет
Самара, Российская Федерация
kurganovamv@bk.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕГИОНА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Целью представленного в статье исследования выступает проведение всестороннего структурно-комплексного анализа, направленного на выявление особенностей динамики и изменения композиции фискальных поступлений в бюджет Самарской области за период с 2014 по 2024 г. Для достижения этой цели применяется метод эконометрического моделирования временных рядов, что позволяет не только количественно оценить тенденции, но и выявить скрытые закономерности в поступлении средств. В рамках исследования детально анализируется структура доходной части регионального бюджета Самарской области, особое внимание уделяется темпам и характеру прироста бюджетных поступлений. Отдельно изучаются три ключевые статьи доходов: налоговые поступления; неналоговые поступления; безвозмездные межбюджетные трансферты. Рассматриваются структура регионального бюджета Самарской области, темпы и динамика его прироста, изучены три статьи доходов: налоговые, неналоговые, а также безвозмездные межбюджетные трансферты, — определены направления изменений за прошедшие десятилетие. Проведен расширенный тест Дики—Фуллера, который подтвердил стационарность только последнего потока

относительно линейного тренда, подобная характеристика типична для макроэкономических и бюджетных индикаторов; первые два демонстрируют интегрированность первого порядка. Отмечена гетероскедастичная волатильность в эконометрическом моделировании, что требует учета возможных структурных разрывов и временной изменчивости дисперсии. Выявлены эмпирические данные, свидетельствующие о различии динамики анализируемых индикаторов. Сформированы прогнозные ряды параметров доходной части бюджета Самарской области на 2025—2027 гг. с построением доверительных интервалов, оценены стохастические фискальные риски, выраженные диапазонами низкой/высокой вероятности. На основе проведенного анализа определяются основные направления и тенденции изменений в структуре и объеме поступлений за прошедшее десятилетие, что позволяет сделать выводы о трансформации фискальной политики региона и ее эффективности.

Ключевые слова: доходы бюджета, временные ряды, стационарность, тест Дики—Фуллера, прогнозирование, налоговые поступления, неналоговые доходы, безвозмездные трансферты, бюджетные риски, эконометрическое моделирование

Для цитирования: Курганова М. В. Моделирование и прогнозирование экономических показателей региона // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 108—113. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1599.

Original article

MODELING AND FORECASTING OF REGIONAL ECONOMIC INDICATORS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The purpose of the study presented in this work is to conduct a comprehensive structural and complex analysis aimed at identifying the characteristics of the dynamics and changes in the composition of fiscal revenues to the budget of the Samara Region for the period from 2014 to 2024. To achieve this goal, the method of econometric modeling of time series is applied, which allows not only to quantitatively assess trends but also to identify hidden patterns in the receipt of funds. Within the framework of the study, the structure of the revenue side of the regional budget of the Samara Region is analyzed in detail, with particular attention paid to the rates and nature of the growth of budget revenues. Three key reve-

nue items are studied separately: tax revenues; non-tax revenues; gratuitous intergovernmental transfers. The structure of the regional budget of the Samara region is considered, as well as the rates and dynamics of its growth. Three revenue items are examined: tax, non-tax, and gratuitous intergovernmental transfers, and the directions of changes over the past decade are identified. An extended Dickey-Fuller test was conducted, which confirmed stationarity only of the last flow relative to the linear trend; this characteristic is typical for macroeconomic and budgetary indicators; the first two demonstrate first-order integration. Heteroscedastic volatility is noted in econometric modeling, which requires taking into account

possible structural breaks and time-varying dispersion. Empirical data are identified showing differences in the dynamics of the analyzed indicators. Forecast series of the revenue parameters of the Samara Region budget for 2025–2027 are formed with the construction of confidence intervals; stochastic fiscal risks expressed in ranges of low/high probability are assessed. Based on the analysis conducted, the main directions

and trends of changes in the structure and volume of revenues over the past decade are determined, which allows conclusions to be drawn about the transformation of the region's fiscal policy and its effectiveness.

Keywords: budget revenues, time series, stationarity, Dickey-Fuller test, forecasting, tax revenues, non-tax revenues, gratuitous transfers, budget risks, econometric modeling

For citation: Kurganova M. V. Modeling and forecasting of regional economic indicators. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):108—113. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1599.

Введение

Актуальность. Изучение доходной базы консолидированного бюджета Самарской области за 2014—2024 гг. демонстрирует значительную трансформацию ее компонентов и динамики, отражающую общефедеральные макроэкономические тренды и локальные структурные факторы. В рассматриваемом десятилетии фиксируется устойчивый рост поступлений: с 106 млрд руб. в 2014 г. до почти 252 млрд руб. в 2024 г.

Основную роль сыграли налоги на прибыль организаций, НДС/ФЛ, акцизы, а также доходы от использования государственного имущества, прочие платежи, включая экологические сборы и туристический сбор. Темпы прироста были неравномерны: в 2015—2017 гг. увеличение оставалось умеренным из-за санкционного давления и адаптации хозяйственного комплекса.

Ситуация начала меняться с 2018 г., когда наметилась тенденция к ускорению роста поступлений. Наиболее высокие показатели были зафиксированы в 2021 г., а также в 2023—2024 гг., что указывает на восстановление и дальнейшее укрепление доходной базы консолидированного бюджета Самарской области.

Изученность проблемы. Подбор методов прогнозирования определяется совокупностью целей исследования, доступностью исходной информации и имеющимися вычислительными ресурсами. Для краткосрочных прогнозов ключевым критерием выступает оперативность получения результатов, в то время как для долгосрочного планирования необходимы более сложные математические и статистические инструменты [1].

Сложность выбора оптимального метода обусловлена многообразием существующих подходов, комплексностью исследуемых объектов, а также необходимостью учета широкого спектра внешних и внутренних факторов, влияющих на итоговый результат. Не менее важную роль играет качество, полнота и достоверность исходных данных, поскольку от них напрямую зависит точность прогноза. Кроме того, результаты прогнозирования должны быть представлены в удобной для пользователя форме. Этим аспектам уделяют внимание в своих работах такие авторы, как В. Р. Побирченко [1], Г. С. Кильдишев [2], В. Д. Орехов [3], М. Н. Павленков [4], С. Н. Косников [5].

В научной литературе принято выделять две основные группы прогнозов:

- субъективные, которые строятся на экспертных оценках и не опираются на строгие формальные правила;
- модельные, в которых взаимосвязи между переменными формализуются с помощью математического аппарата.

Математические модели являются основой экономического прогнозирования и управления ресурсами [3]. Они могут включать системы уравнений, статистические методы, задачи оптимизации и другие инструменты. Исследованию методо-

логии моделирования посвятили свои труды В. Д. Орехов [3], Е. Г. Андрианова [6], А. К. Караев [7], О. А. Чиркова [8], Н. В. Яндыбаева [9], И. А. Аршинов [10]. Принцип работы таких моделей заключается в обучении на исторических данных с целью предсказания будущих событий.

Методология прогнозирования отличается высокой степенью разнообразия и сложности. В крупных организациях для построения прогнозов разрабатываются масштабные модели, требующие обработки больших информационных массивов и использования сложного программного обеспечения, что, в свою очередь, сопряжено со значительными затратами ресурсов.

Каждый метод обладает своим набором преимуществ и ограничений. При выборе конкретного подхода необходимо учитывать ряд методологических особенностей:

- устаревание исходных данных и отсутствие гарантий сохранения прошлых тенденций в будущем;
- невозможность полного учета всех влияющих факторов;
- появление новых, ранее не наблюдавшихся факторов.

Таким образом, окончательный выбор метода прогнозирования должен опираться на характер доступных данных, поставленные цели и имеющиеся в распоряжении ресурсы.

В современных условиях, характеризующихся высокой динамикой и неопределенностью внешней среды, оценка уровня и выбор стратегии социально-экономического развития региона приобретают первостепенное значение. **Целью** настоящей работы является комплексная диагностика текущего состояния и определение векторов стратегического роста для конкретного региона на основе синтеза теоретических подходов и эмпирического анализа.

Информационную базу исследования составили публикации из ведущих научных баз данных, в частности РИНЦ, а также внутренние статистика и отчетность предприятий, что позволило обеспечить высокую степень достоверности и репрезентативности выводов.

Для реализации поставленной цели был решен ряд **задач**:

- проведен критический анализ и осуществлен выбор наиболее релевантных и эффективных методов прогнозирования ключевых экономических индикаторов;
- выявлены специфические особенности, фундаментальные принципы и инструментарий регионального социально-экономического анализа;
- сформирована и адаптирована информационная база, релевантная для выбранного объекта исследования.

Научная новизна. Ключевой элемент научной новизны заключается в разработке авторского системного подхода к применению статистических методов прогнозирования. Основной чертой рассмотренных моделей является их доступность: для практического применения, им не требуется специализированное программное обеспечение, что делает их оптимальными для широкого круга пользователей.

Теоретическая значимость работы состоит в использовании математического моделирования и прогнозирования как инструмента стратегического планирования [4]. Предложенные математические модели расширяют теоретическую часть анализа и открывают новые возможности оценки социально-экономических показателей. Полученные выводы подтверждают данный подход, но и дают перспективы для оптимизации региональных программ развития.

Практическая ценность исследования подтверждается применением разработанных моделей на реальных статистических данных региона. Это повышает точность рассчитанных плановых показателей. Использование данных методов позволяет не только спрогнозировать экономические показатели на будущий период, но и рассчитать доверительный интервал, что важно для оценки рисков [5]. Оценка адекватности моделей осуществляется с помощью строгих статистических критериев.

Основная значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть непосредственно интегрированы в процесс разработки последующих этапов стратегического развития региона, обеспечивая переход от интуитивного управления к управлению, основанному на данных [7].

Основная часть

Доходная база бюджета Самарской области за 2014—2024 гг. демонстрирует трансформацию ее компонентов и динамики, отражающую общефедеральные макроэкономические тренды и локальные структурные факторы. В рассматриваемом периоде фиксируется устойчивый рост поступлений: со 106 млрд до почти 252 млрд руб. Основную роль сыграли налоги на прибыль организаций, НДФЛ, акцизы, а также доходы от использования государственного имущества, прочие платежи, включая экологические сборы и туристический сбор. Темпы прироста неравномерны: в 2015—2017 гг. увеличение оставалось умеренным из-за санкционного давления и адаптации хозяйственного комплекса. С 2018 г. наблюдается ускорение, пиковые значения фиксировались в 2021 и 2023—2024 гг. Такая динамика объясняется восстановлением деловой активности после пандемийного шока, усилением налогового администрирования, расширением налоговой базы, а также ростом добавленной стоимости промышленного сектора в условиях структурной реиндустриализации (рис. 1).

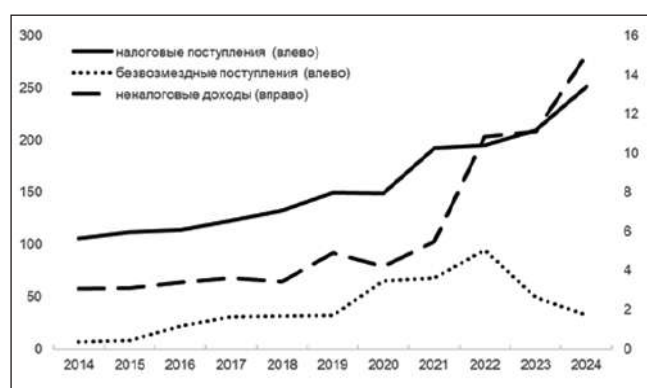

Рис. 1. Динамика структуры доходов бюджета Самарской области, млрд руб.

Неналоговые поступления регионального бюджета демонстрируют относительно скромные абсолютные величины, однако в процентном выражении прирост выглядит еще более впечатляющим: объем увеличился с 2,2 млрд руб. в 2014 г. до почти 15 млрд руб. к 2024 г. Особенно заметная экспансия зафиксирована в 2022 г., когда фискальный поток вырос почти двукратно относительно предыдущего отчетного периода. Наиболее волатильным сегментом остаются безвозмездные поступления, включающие межбюджетные трансферты, субсидии, субвенции и дотации из федеральной казны. После устойчивого повышения в 2014—2017 гг. идет резкое сокращение в 2018 г. [11], далее — существенный подъем с 2020 г., достигший пика в 2022 г. (около 95 млрд руб.), что определено финансированием крупных инфраструктурных проектов, федеральными дополнительными программами выравнивания бюджетной обеспеченности и коррекцией нормативов отчислений, затем в 2023—2024 гг. наблюдается коррекция [12].

Доходная структура регионального бюджета Самарской области заметно меняется: налоговые поступления остаются ключевыми, увеличивается значение неналоговых платежей и, особенно, безвозмездных поступлений в периоды кризиса. Одновременно стабильный прирост налоговых поступлений демонстрирует потенциал собственной фискальной базы, остающейся восприимчивой к внешнеэкономическим и макроэкономическим шокам на мировых рынках.

Исследование матрицы первых разностей доходов регионального бюджета Самарской области за 2015—2024 гг. позволяет охарактеризовать динамику годовых приращений трех основных видов фискальных поступлений (рис. 2) [10].

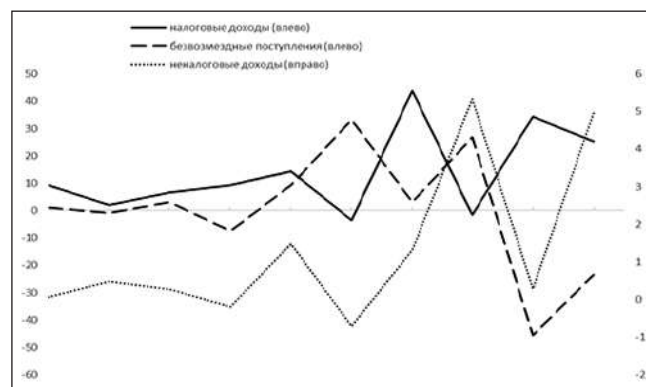

Рис. 2. Первые разности

Интерпретация результатов расширенного теста Дики—Фуллера (*ADF*), приведенных в таблице, позволяет охарактеризовать стационарность временных рядов трех основных доходных статей бюджета Самарской области за 2014—2024 гг. Наличие единичного корня проверялось в трех спецификациях: без детерминированных компонентов, с фиксированной константой, а также с константой и линейным трендом, при сопоставлении наблюдаемых *t*-статистик с критическими значениями, включающих оптимальное число лагов случайной ошибки для обеспечения автокорреляционной чистоты [9].

Для налоговых доходов вычисленная в расширенном тесте Дики—Фуллера статистика *t* во всех трех спецификациях оказалась положительной и статистически несущественной на любом конвенциональном уровне вычислений (*p*-значения приблизились к единице). Это свидетельствует,

что нулевая гипотеза $H_0: \rho = 1$ о наличии единичного корня интегрированности $I(1)$ не отвергается. Отсюда ряд фискальных поступлений признан нестационарным. Подобная характеристика типична для макроэкономиче-

ских и бюджетных индикаторов, демонстрирующих долгосрочный номинальный рост под воздействием инфляционных факторов, расширения реального ВВП и периодических структурных изменений налогового кодекса.

Результаты расширенного теста Дики—Фуллера для доходов бюджета (2014—2024 гг.)

Тип доходов	Тестовая модель	Тестовая статистика (τ)	Асимпт. p -значение	Критерий AIC (минимум)	Стационарность ($H_0: a = 1$)	Ошибка ($H_0: a \neq 1$)
Налоговые	Без константы	$\tau_{nc}(1) = 3,953$	1,000	155,818 ($k = 1$)	Нет	Нет
	С константой	$\tau_c(1) = 2,173$	1,000	151,573 ($k = 3$)	Нет	Нет
	С константой и трендом	$\tau_{ct}(1) = 0,524$	0,999	152,722 ($k = 3$)	Нет	Нет
Неналоговые	Без константы	$\tau_{nc}(1) = 0,613$	0,849	123,585 ($k = 3$)	Нет	Нет
	С константой	$\tau_c(1) = 4,464$	1,000	119,866 ($k = 2$)	Нет	Нет
	С константой и трендом	$\tau_{ct}(1) = -1,829$	0,690	111,434 ($k = 3$)	Нет	Нет
Безвозмездные	Без константы	$\tau_{nc}(1) = -0,584$	0,464	163,681 ($k = 0$)	Нет	Нет
	С константой	$\tau_c(1) = -2,374$	0,149	163,297 ($k = 2$)	Нет	Нет
	С константой и трендом	$\tau_{ct}(1) = -3,415$	0,049	152,727 ($k = 3$)	Да	Нет

Временной ряд неналоговых поступлений демонстрирует неконстантность статистических характеристик: во всех конфигурациях ADF-теста полученные p -value превышают критический уровень. Минимальный критерий Акаике отмечен у спецификации с константой, что подтверждает ее относительную корректность, но нулевая гипотеза о единичном корне не отклоняется. Следовательно, неналоговые доходы, как и налоговые, содержат интегрированный стохастический тренд [10].

Наиболее показательный вывод получен для безвозмездных поступлений. В спецификациях без тренда и только с константой временной ряд остается нестационарным (p -values 0,464 и 0,149). Но при включении константы и линейного тренда тест ADF получаем статистику $\tau_{ct}(1) = -3,415$, асимптотическое p -value 0,049, что отвергает предположение о присутствии единичного корня на 5%-м уровне. Процесс безвозмездных поступлений стационарен вокруг детерминированного тренда. Такой вывод соответствует фактическому росту трансфертов в годы кризиса 2020—2022 гг. и их последующей коррекции, формирующему ярко выраженный тренд. Тем самым ряд считается $I(1)$, а детрендированный — $I(0)$, что важно для VAR и коинтеграции [13].

Прогнозирование параметров доходной части бюджета Самарской области позволяет охарактеризовать ожидаемую траекторию налоговых, неналоговых и безвозмездных поступлений на 2025—2027 гг. и оценить стохастические фискальные риски, выраженные диапазонами низкой/высокой вероятности.

Прогнозируя поступления (рис. 3), мы видим позитивную динамику: от 251,9 млрд руб. в 2024 г. до 246,0 млрд руб. в 2025 г., затем рост до 259,8 млрд руб. в 2026 г. и 273,7 млрд руб. в 2027 г. Небольшое снижение в 2025 г. относительно 2024 г. возможно как реакция на замедление деловой активности и трансформацию налогово-бюджетной политики. Так, на 2027 г. нижний порог оценивается в 237,5 млрд руб., верхний — в 309,8 млрд руб. Широкий доверительный коридор отражает высокую стохастическую неопределенность, свойственную моделированию нестационарных временных рядов, к которым, согласно тесту Дики—Фуллера, относится серия налоговых поступлений [14].

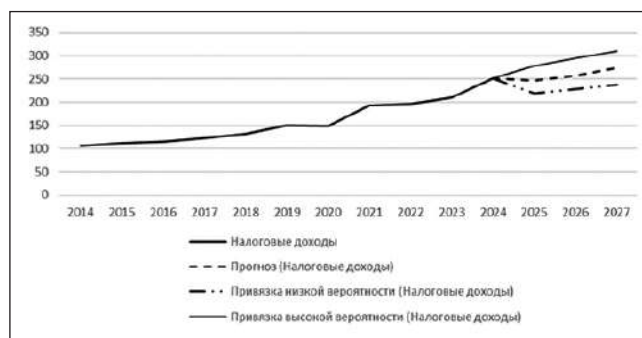

Рис. 3. Прогноз налоговых поступлений, млрд руб.

Прогноз неналоговых поступлений федерального бюджета (рис. 4) говорит о умеренном снижении в 2025 г. до 13,1 млрд руб. с 15,0 млрд руб. в 2024 г. и восстановлении до 14,3 млрд руб. в 2026 г. и 15,4 млрд руб. в 2027 г. Диапазоны сценариев демонстрируют значительную волатильность: к 2027-му нижняя граница равна примерно 11,0 млрд руб., верхняя — порядка 19,8 млрд руб. Неналоговые доходы остаются самой трудно прогнозируемой статьёй из-за нерегулярности и чувствительности к управленческим решениям [14].

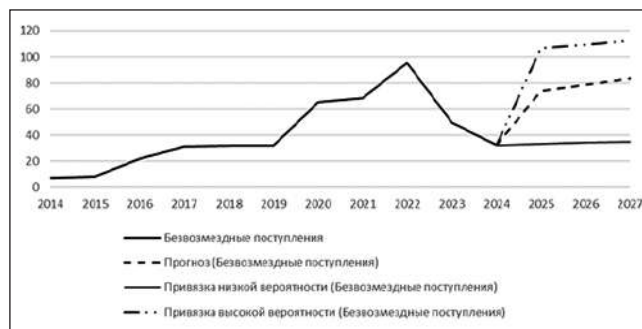

Рис. 4. Прогноз неналоговых поступлений, млрд руб.

Наибольшие колебания прогнозируются по безвозмездным трансфертам (рис. 5). Согласно получившимся расчетам, ожидается экспоненциальный прирост с 32,2 млрд руб. в 2024 г. до 73,8 млрд руб. в 2025 г., далее — до 78,6 млрд руб.

в 2026 г. и 83,4 млрд руб. в 2027 г. Подобная траектория, вероятно, обусловлена планируемым расширением федеральных субсидий и дотаций в контуре реализации нацпроектов, комплексных программ территориального развития либо потенциальных антикризисных мер. Вместе с тем разброс сценариев остается значительным: уже на 2025 г. нижняя планка оценивается в 35,0 млрд руб., верхняя — в 112,7 млрд руб. Настолько широкий коридор подчеркивает острую зависимость трансфертов от политико-бюджетных приоритетов центра, делая их наиболее волатильным элементом региональной доходной базы в стратегическом горизонте [15].

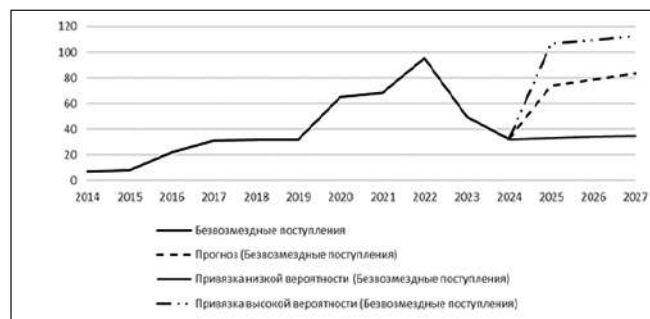

Рис. 5. Прогноз безвозмездных поступлений, млрд руб.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Побирченко В. Р., Побирченко В. В. Теоретические аспекты моделирования социально-экономического развития региона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2025. Т. 11. № 2. С. 170—182.
2. Кильдишев Г. С., Френкель А. А. Анализ временных рядов и прогнозирование. М. : Ленанд, 2024. 104 с.
3. Орехов В. Д. Разработка моделей и методов прогнозирования развития социально-экономических систем с учетом фактора человеческого капитала. М. : Знание-М, 2022. 207 с. DOI: 10.38006/00187-137-8.2022.1.207.
4. Павленков М. Н. Прогнозирование экономических показателей предприятия // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 58—64. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1430.
5. Косников С. Н., Новикова Д. Н., Сухиненко Д. Д. Моделирование и прогнозирование показателей социально-экономического развития // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 41(3). С. 151—154.
6. Обзор современных моделей и методов анализа временных рядов динамики процессов в социальных, экономических и социотехнических системах / Е. Г. Андрианова, С. А. Головин, С. В. Зыков и др. // Российский технологический журнал. 2020. Т. 8. № 4. С. 7—45. DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-7-45.
7. Караев А. К., Борисова О. В. Перспективные модели финансового прогнозирования доходов бюджета // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29. № 1. С. 20—33. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-20-33.
8. Чиркова О. А. Прогнозирование реализации программ стратегического развития муниципального образования // Экономика. Профессия. Бизнес. 2024. № 1. С. 110—115. DOI: 10.14258/epb202415.
9. Яндыбаева Н. В. Моделирование и прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Вопросы управления. 2019. № 2(38). С. 132—139.
10. Аршинов И. А., Черепанова М. А. Корреляционные и регрессионные исследования зависимостей, проверка адекватности этих связей // E-Scio. 2022. № 4. С. 473—484.
11. Березина Ю. А., Рашидов О. И. Анализ состава, структуры и динамики доходов бюджета муниципального образования «Городской округ Октябрьск Самарской области» // Эффективность национальных проектов: социально-экономические процессы, институты гражданского общества, просвещение : XX Междунар. науч.-практ. конф. : сб. материалов конф. Курск : Кур. ин-т менеджмента, экономики и бизнеса, 2021. С. 109—115.
12. Малкина М. Ю. Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2025. Т. 18. № 2. С. 76—89. DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.4.
13. Френкель А. А., Тихомиров Б. И., Сурков А. А. Социально-экономическое развитие России в 2024—2026 годах: оценка устойчивости и перспектив роста // Вопросы статистики. 2025. Т. 32. № 3. С. 16—34. DOI: 10.34023/2313-6383-2025-32-3-16-34.
14. Медведев А. В., Корчагина И. В., Секлецова О. В., Солопова А. Н. Оценка эффективности функционирования региональных социально-экономических систем в условиях кризисных явлений // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 43—50. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1478.
15. Павлов Ю. В. Выявление и анализ агломерационных эффектов в экономике региона (на примере Самарской области) // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 8. С. 2983—3004. DOI: 10.18334/ep.13.8.118827.

Выводы

Сопоставление прогнозных параметров трех групп бюджетных доходов позволяет сформулировать ряд выводов. Во-первых, налоговые поступления остаются базовой и относительно предсказуемой статьей консолидированного бюджета, но значительные допущения в прогнозе требуют при финансовом планировании консервативных стресс-сценариев. Во-вторых, неналоговые доходы, хотя и растут, сохраняют малый удельный вес, а их прогноз отличается рыночной волатильностью, что ограничивает их пригодность как постоянного источника финансирования. В-третьих, объем безвозмездных поступлений — дотаций, субсидий и субвенций — согласно базовому прогнозу способен заметно увеличиться, однако он зависит от межбюджетной конъюнктуры и макроусловий, поэтому сокращение федеральной поддержки создаст риски долгосрочной фискальной сбалансированности [15].

Основные результаты работы могут быть использованы для анализа и выбора наиболее эффективного методов прогнозирования ключевых экономических показателей, выявлены особенности и основные принципы регионального социально-экономического анализа. Автором для прогнозирования бюджетных доходов разработаны простые в эксплуатации модели. Для расчета новых тенденций в следующем периоде рекомендуется уточнять модель на основе фактических данных за предыдущие периоды.

REFERENCES

1. Pobirchenko V. R., Pobirchenko V. V. Theoretical aspects of modeling the socio-economic development of a region. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*. 2025;11(2):170—182. (In Russ.)
2. Kil'dishev G. S., Frenkel' A. A. Analysis of time series and forecasting. Moscow, Lenand, 2024. 104 p. (In Russ.)
3. Orekhov V. D. Development of models and methods for forecasting the development of socio-economic systems, taking into account the human capital factor. Moscow, Znanie-M, 2022. 207 p. (In Russ.) DOI: 10.38006/00187-137-8.2022.1.207.
4. Pavlenkov M. N. Forecasting economic indicators of an enterprise. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):58—64. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1430.
5. Kosnikov S. N., Novikova D. N., Sukhinenko D. D. Modeling and forecasting indicators of socio-economic development. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2022;41(3):151—154. (In Russ.)
6. Andrianova E. G., Golovin S. A., Zykov S. V. et al. Review of modern models and methods of analysis of time series of dynamics of processes in social, economic and socio-technical systems. *Rossiiskii tekhnologicheskii zhurnal = Russian Technological Journal*. 2020;8(4):7—45. (In Russ.) DOI: 10.32362/2500-316X-2020-8-4-7-45.
7. Karaev A. K., Borisova O. V. Prospective Models of Financial Forecasting of budget Revenues. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2025;29(1):20—33. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-1-20-33.
8. Chirkova O. A. Forecasting the implementation of strategic development programs of the municipality. *Ekonomika. Professiya. Biznes = Economics. Profession. Business*. 2024;1:110—115. (In Russ.) DOI: 10.14258/epb202415.
9. Yandybaeva N. V. Modeling and forecasting indicators of socio-economic development of the region. *Voprosy upravleniya = Management issues*. 2019;2(38):132—139. (In Russ.)
10. Arshinov I. A., Cherepanova M. A. Correlation and regression studies of dependencies, and verification of the adequacy of these relationships. *E-Scio*. 2022;4:473—484. (In Russ.)
11. Berezina Yu.A., Rashidov O.I. Analysis of the composition, structure, and dynamics of the budget revenues of the city of Otkryabsk in the Samara Region. *Effektivnost' natsional'nykh proektov: sotsial'no-ekonomicheskie protsessy, instituty grazhdanskogo obshchestva, prosveshchenie = Effectiveness of national projects: socio-economic processes, civil society institutions, education. XX International scientific and practical conference. Collection of conference materials*. Kursk, Kursk Institute of Management, Economics and Business publ., 2021:109—115. (In Russ.)
12. Malkina M. Yu. Drivers of economic growth of the Nizhny Novgorod Region: Modeling GRP using data from twin regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(2):76—89. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2025.2.98.4.
13. Frenkel A. A., Tikhomirov B. I., Surkov A. A. Socio-Economic Development of Russia in 2024–2026: Assessing Resilience and Growth Prospects. *Voprosy Statistiki*. 2025;32(3):16—34. (In Russ.) DOI: 10.34023/2313-6383-2025-32-3-16-34.
14. Medvedev A. V., Korchagina I. V., Sekletsova O. V., Solopova A. N. Assessing the performance of regional socio-economic systems under conditions of crisis. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):43—50. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1478.
15. Pavlov Y. V. Identification and analysis of agglomeration effects in the regional economy (Samara region case). *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2023;13(8):2983—3004. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.13.8.118827.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 13.04.2026.
The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 13.04.2026.

Научная статья
УДК 658.562:005.932
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1638

Elena Yurievna Marusinina
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Management
and Marketing,
Volgograd State University
Volgograd, Russian Federation
elena_marusinina@mail.ru

Елена Юрьевна Марусинина
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента
и маркетинга,
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация
elena_marusinina@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИНТЕГРИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК: ОТ TQM К ИНТЕГРИРОВАННЫМ СИСТЕМАМ МЕНЕДЖМЕНТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу современных подходов к управлению качеством в производственно-логистических цепях поставок в контексте нарастающей глобальной неопределенности. Исследование опирается на три ключевые концепции: Total Quality Management (TQM), Supply Chain Quality Management (SCQM) и интегрированные системы менеджмента (ИСМ), — которые рассматриваются не изолированно, а как взаимодополняющие уровни единой методологической триады. Показаны их исходные предпосылки, целевые ориентиры, объект и уровень управленческого воздействия, а также логика эволюционного перехода от внутрифирменного контроля к межорганизационному управлению качеством и нормативно закреплённой интеграции систем менеджмента. Особое внимание уделяется смене управленческих парадигм: от инспекционного контроля и статистического регулирования процессов к процессному, проактивному и системному менеджменту качества, охватывающему всю цепь создания ценности. На этой основе обосновывается трактовка TQM, SCQM и ИСМ как последовательных этапов расширения «поля зрения» системы управления качеством — от уровня операции и предпри-

ятия к уровню цепи поставок и экосистемы. Анализируются мировые тенденции формирования SCQM 4.0, основанной на интеграции цифровых технологий, аналитики данных и классических принципов TQM в контуре межорганизационного управления. На материале зарубежного и российского опыта внедрения ИСМ выявляются институциональные, организационные и инфраструктурно-цифровые барьеры, ограничивающие реализацию потенциала интегрированных систем в отечественной практике. Показано, что предложенная триадная модель (TQM—SCQM—ИСМ), разворачивающаяся в цифровой среде в парадигму SCQM 4.0, формирует методологическую основу и практические ориентиры для проектирования многоуровневых систем менеджмента качества, каскадирования требований к субпоставщикам и повышения устойчивости производственно-логистических цепей.

Ключевые слова: Total Quality Management / TQM, Supply Chain Quality Management / SCQM, интегрированная система менеджмента, цепь поставок, ISO 9001, ISO 14001, ISO 28000, ISO 45001, управление качеством, производственная логистика, глобальная неопределённость, SCQM 4.0

Для цитирования: Марусинина Е. Ю. Современные концепции интегрированного управления качеством производственно-логистических цепей поставок: от TQM к интегрированным системам менеджмента в условиях глобальной неопределённости // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 114—121. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1638.

Original article

CONTEMPORARY CONCEPTS OF INTEGRATED QUALITY MANAGEMENT IN MANUFACTURING AND LOGISTICS SUPPLY CHAINS: FROM TQM TO IMS UNDER GLOBAL UNCERTAINTY

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article presents a comprehensive comparative analysis of modern approaches to quality management in manufacturing and logistics supply chains, focusing on three key concepts: Total Quality Management (TQM), Supply Chain Quality Management (SCQM), and Integrated Management Systems (IMS). These concepts are examined not in isolation but as complementary levels of a unified methodological triad. The study identifies their underlying assumptions, strategic objectives, go-

vernance scope, and the logic of transition from intra-organizational control to inter-organizational quality management and standard-based integration of management systems. Special attention is paid to the evolution of management paradigms from inspection and statistical control of processes towards process-based, proactive, and systemic quality management that covers the entire value chain. On this basis, TQM, SCQM, and IMS are interpreted as successive stages in the expansion of the “field

of view” of quality management — from operations and individual firms to supply chains and broader ecosystems. The article analyzes global trends in the development of SCQM 4.0, which builds on the convergence of digital technologies, data analytics, and classical TQM principles within an inter-organizational quality management framework. Drawing on foreign and Russian experience in implementing IMS, the study identifies institutional, organizational, and infrastructural-digital barriers that limit the realization of the potential of integrated systems in Russian industrial practice. It is argued that the proposed triad model

(TQM–SCQM–IMS), unfolding in the digital environment into the SCQM 4.0 paradigm, provides a methodological basis and practical guidelines for designing multi-level quality management systems, cascading requirements to sub-suppliers, and enhancing the resilience of manufacturing and logistics supply chains.

Keywords: Total Quality Management / TQM, Supply Chain Quality Management / SCQM, Integrated Management System / IMS, supply chain, ISO 9001, ISO 14001, ISO 28000, ISO 45001, quality management, manufacturing logistics, global uncertainty, SCQM 4.0

For citation: Marusinina E. Yu. Contemporary concepts of integrated quality management in manufacturing and logistics supply chains: from TQM to IMS under global uncertainty. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026; 2(75):114—121. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1638.

Введение

Актуальность. Глобальная нестабильность последних лет (пандемия COVID-19, геополитические конфликты, логистические кризисы 2021—2025 гг.) выявила системную уязвимость производственно-логистических цепей поставок [1; 2]. Традиционные реактивные модели управления качеством, ориентированные на контроль соответствия продукции требованиям на выходе, продемонстрировали принципиальную недостаточность в условиях каскадных нарушений одновременно в нескольких звеньях цепи. Переход к проактивному интегрированному управлению качеством на протяжении всей цепи поставок приобретает, таким образом, стратегический характер для предприятий реального сектора.

Изученность проблемы. Теоретические основы управления качеством формировались в несколько крупных научных волн. Первый этап относится к концепции научного менеджмента Ф. У. Тейлора, заложившей принцип нормирования и контроля производственных операций [3]. Второй этап, статистический контроль качества, связан с именем У. А. Шухарта, предложившего в 1931 г. метод контрольных карт [4], и У. Э. Деминга, обосновавшего цикл PDCA как фундамент концепции непрерывного совершенствования [5].

Третий этап ознаменован трудами А. Флейгенбаума, систематизировавшего *Total Quality Control* [6], и Дж. М. Джурана, сформулировавшего принцип распределения ответственности за дефекты и методику развертывания требований потребителя [7]. Концепция «качество бесплатно» Ф. Кросби завершила формирование классической парадигмы TQM [8]. Адаптация этих подходов к российской среде представлена в монографии В. А. Лапидуса [9], а методологическое сопровождение внедрения системы менеджмента качества (далее — СМК) — в работах В. А. Дзедика [10—12].

Межорганизационное измерение управления качеством исследовано в рамках SCQM. Ключевую дефиницию предложили К. Дж. Робинсон и М. К. Малхотра [13]; связь принципов SCQM со снижением дефектности установил С. Т. Фостер [14]. Прикладные аспекты управления цепями поставок систематизированы Д. А. Ивановым [15].

Нормативно-институциональный каркас интегрированных систем менеджмента (далее — ИСМ) образуют стандарты ISO 9001:2015, ISO 14001:2015, ISO 45001:2018 и ГОСТ Р ИСО 28000-2019, опирающиеся на единую структуру высокого уровня (HLS). Операционные инструменты бережливого производства систематизированы

Дж. П. Уомакк и Д. Т. Джонс [16]. Цифровое направление оформила концепция SCQM 4.0: Л. Т. К. Буй с соавторами ввела этот термин и предложили модель зрелости [17].

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что управление качеством (TQM, SCQM, ИСМ) еще не рассматривается в отечественной литературе как единая взаимодополняющая методология, что и определяет необходимость настоящего исследования.

Вместе с тем в отечественной литературе TQM, SCQM и ИСМ по-прежнему рассматриваются изолированно; сравнительный анализ ISO 9001, ISO 14001, ISO 28000 и ISO 45001 с позиций их синергии применительно к промышленным цепям поставок не представлен. Влияние инфраструктурно-цифровых барьеров на внедрение ИСМ в условиях переориентации российских цепей поставок 2022—2025 гг. остается недостаточно изученным.

Цель исследования — провести систематический сравнительный анализ концепций TQM, SCQM и ИСМ, выявить траектории их конвергенции и обосновать методологические основания для их синтеза в контексте управления качеством производственно-логистических цепей поставок при глобальной неопределенности.

Задачи исследования: систематизировать этапы эволюции управленческих парадигм качества; охарактеризовать ключевые концепции TQM, SCQM и ИСМ; разработать матрицу нормативного синергизма ISO-стандартов; сопоставить зарубежный и российский опыт внедрения ИСМ; обосновать перспективы SCQM 4.0.

Научная новизна работы состоит в трактовке триады TQM—SCQM—ИСМ как единой трехуровневой логики управления качеством, впервые концептуализированной в виде матрицы нормативного синергизма ISO 9001, ISO 14001, ISO 45001 и ISO 28000 применительно к промышленным цепям поставок.

Теоретическая значимость определяется вкладом в развитие методологии интегрированного управления качеством.

Практическая значимость состоит в возможности применения предложенных положений при проектировании ИСМ и разработке контрактных требований к системам качества субпоставщиков.

Методологическую основу исследования составили сравнительный анализ концепций управления качеством, систематизация нормативных требований международных стандартов, синтез отечественных и зарубежных исследований. Использованы методы научной абстракции, логического сопоставления, структурно-функционального анализа и контент-анализа источников.

Основная часть

История управления качеством прошла несколько последовательных стадий. На первом этапе инспекционного контроля специализированные службы осуществляли выборочный контроль готовой продукции на соответствие спецификациям. Данная модель, сформировавшаяся под влиянием принципов Ф. Тейлора [3], была адекватна мелкосерийному производству, однако в условиях массового выпуска обнаружила системную ограниченность: выявление брака постфактум не устраняло его причин.

Второй этап — статистический контроль качества (*SQC*) связан с именами У. Шухарта и У. Э. Деминга [4]. Введение контрольных карт и концепции вариабельности производственных процессов позволило перейти от контроля продукции к управлению процессами. Цикл *PDCA* [5] заложил фундамент концепции непрерывного совершенствования, воплотившейся в стандарты серии ISO 9000.

Третий этап — комплексное управление качеством инициирован А. Флейгенбаумом [6], впервые указавшим на роль высшего руководства и необходимость управления качеством на всех этапах жизненного цикла продукта. Параллельно в Японии под влиянием Деминга и Джурана [5; 7] формировалась модель *TQC*, предполагавшая вовлеченность всего персонала. Ф. Кросби завершил оформление парадигмы, обосновав принцип «нулевого дефекта» [8].

Ключевой методологической закономерностью является то, что каждый последующий этап не отменял предыдущий, а расширял область охвата: от операции — к процессу, от процесса — к организации, от организации — к межорганизационной системе. Этот кумулятивный характер эволюции означает, что отказ от более ранних инструментов (*SPC*, *Kaizen*) при переходе к ИСМ методологически некорректен.

TQM (всеобщее управление качеством) сформировалась как стратегический подход в 1980-х гг. Ее ключевые постулаты: ориентация на потребителя как высший приоритет; вовлеченность персонала в процессы непрерывного совершенствования; процессный и системный подход к управлению; управление на основе фактических данных; лидерство руководства. *TQM* трактуется как «новая система принципов, инструментов и методов, обеспечивающих уровень управления, позволяющий добиться потребительского удовлетворения в условиях глобальной экономики» [9, с. 35]. Важно, что концепция

Дж. Джурана установила: 85 % дефектов обусловлено системой управления и лишь 15% — действиями исполнителей [7, с. 121].

По мере удлинения цепей поставок проявилась ограниченность *TQM*: качество конечного продукта стало зависеть от процессов поставщиков, субподрядчиков и логистических операторов. Это обусловило формирование *Supply Chain Quality Management (SCQM)* — «системного подхода к повышению результативности, интегрирующего партнеров по цепи поставок и использующего возможности, создаваемые восходящими и нисходящими связями, с фокусом на удовлетворенности конечных потребителей» [13, р. 316]. В отличие от *TQM*, *SCQM* рассматривает всю цепочку создания ценности как единый объект управления, характеризуясь межорганизационным охватом, двунаправленностью воздействий и встраиванием требований качества во все ключевые процессы. Исследования подтвердили, что внедрение *SCQM* способствует снижению показателей дефектности, сокращению затрат на несоответствие и повышению удовлетворенности потребителей [14].

Интегрированная система менеджмента — это система, объединяющая требования нескольких стандартов и функционирующая как единое целое [18]. Наиболее распространенный вариант ИСМ в производственно-логистических компаниях включает:

- *ISO 9001:2015* / ГОСТ Р ИСО 9001 — систему менеджмента качества (базовый компонент, принцип риск-ориентированного мышления);
- *ISO 14001* / ГОСТ Р ИСО 14001 — систему экологического менеджмента;
- *ISO 45001* / ГОСТ Р ИСО 45001 — систему управления охраной труда [16];
- *ISO 28000* / ГОСТ Р ИСО 28000-2019 — систему менеджмента безопасности цепи поставок.

Архитектурной основой совместимости служит структура высокого уровня (*HLS*), введенная *ISO* в 2012 г. [10]. Единый *PDCA*-цикл, унифицированные понятия рисков и возможностей, общие требования к лидерству и компетентности персонала создают условия для «бесшовной» интеграции.

На основе анализа *HLS* разработана матрица согласования нормативных требований стандартов *ISO 9001*, *ISO 14001*, *ISO 28000* и *ISO 45001* применительно к производственно-логистическим цепям поставок (табл. 1). Матрица фиксирует точки обязательного совмещения требований, зоны факультативного синергизма и потенциальные конфликтные зоны применения.

Таблица 1

Матрица нормативного синергизма стандартов *ISO 9001*, *ISO 14001*, *ISO 28000* и *ISO 45001* в производственно-логистических цепях поставок

Элемент / аспект <i>HLS</i>	<i>ISO 9001</i>	<i>ISO 14001</i>	<i>ISO 28000</i>	<i>ISO 45001</i>
Контекст организации и заинтересованные стороны	Обязательное совмещение	Обязательное совмещение	Обязательное совмещение	Обязательное совмещение
Лидерство и ответственность руководства	Обязательное совмещение	Обязательное совмещение	Обязательное совмещение	Обязательное совмещение
Планирование: риски, угрозы, возможности	Риск качества (Риск-ориентированное мышление)	Экологические аспекты и риски	Угрозы безопасности цепи поставок (конфликт терминологии «риск» / «угроза»)	Риски безопасности и здоровья (пересечение зон ответственности)
Поддержка и документированная информация	Обязательное совмещение (единая документационная система)	Факультативный синергизм	Обязательное совмещение (документы безопасности цепи)	Обязательное совмещение (<i>OH&S</i> документация)

Окончание табл. 1

Элемент / аспект <i>HLS</i>	<i>ISO 9001</i>	<i>ISO 14001</i>	<i>ISO 28000</i>	<i>ISO 45001</i>
Операционная деятельность и управление изменениями	Факультативный синергизм (процессный подход)	Факультативный синергизм (экологические аспекты)	Обязательное совмещение (меры по безопасности цепи)	Обязательное совмещение (меры по безопасности труда)
Оценка результативности и внутренний аудит	Обязательное совмещение (единая программа аудита)	Факультативный синергизм (экологические <i>KPI</i>)	Обязательное совмещение (аудит безопасности цепи)	Обязательное совмещение (аудит <i>OH&S</i>)
Улучшение и инциденты	Факультативный синергизм	Факультативный синергизм	Потенциальный конфликт при расследовании нарушений цепи	Потенциальный конфликт при расследовании инцидентов <i>OH&S</i> / безопасности цепи

Примечание: сост. автором.

Представленная матрица конкретизирует концепцию триады *TQM—SCQM—ИСМ*. Для предприятий она может использоваться как чек-лист при проектировании и аудитах ИСМ. Для цепей поставок — как основа для согласования единых требований по качеству, экологии, безопасности в договорной документации и процедурах взаимного аудита. Для органов стандартизации — как инструмент при подготовке гармонизированных рекомендаций по совместно-му применению указанных стандартов.

Реальная практика подтверждает результативность интеграционного подхода. ПАО «КАМАЗ» последовательно

внедрило ИСМ, включающую *ISO 45001:2018* (сертифицирована с 2020 г.), *ISO 14001* (с 2007 г.) и *ISO 9001:2015* (подтверждена в 2023—2024 гг. органами *STANDCERT* и «Русский Регистр»). Инспекционный аудит ноября 2024 г. показал, что ИСМ соответствует требованиям *ISO 14001:2015* и *ISO 45001:2018*, поддерживается в действии и развивается согласно принципу постоянного улучшения, обеспечивая рациональное использование ресурсов за счет устранения дублирующих управленческих контуров.

Сопоставление трех концепций по ключевым параметрам представлено в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ концептуальных оснований *TQM, SCQM* и ИСМ

Характеристика	<i>TQM</i>	<i>SCQM</i>	ИСМ
Охват	Организация	Цепь поставок	Организация + цепь поставок
Нормативная база	Принципы качества	<i>ISO 9001</i> , отраслевые стандарты	<i>ISO 9001, 14001, 28000, 45001</i>
Ориентация	Удовлетворенность потребителей	Ценность в цепи поставок	Устойчивость и соответствие требованиям
Методология	<i>PDCA, Kaizen, SPC</i>	<i>SCOR</i> -модель, <i>FMEA, DMAIC</i>	Риск-ориентированное мышление, аудит
Риск-менеджмент	Ограниченный (внутренний)	Межорганизационный	Системный (все уровни)
Цифровизация	Незначительная	Умеренная	Высокий потенциал (<i>SCQM 4.0</i>)

Примечание: сост. автором.

Сопоставление позволяет заключить, что *TQM, SCQM* и ИСМ — это не конкурирующие доктрины, а взаимодополняющие уровни единой методологической триады интегрированного управления качеством. *TQM* задает ценностно-поведенческий базис (микроуровень), *SCQM* обеспечивает межорганизационную координацию (мезоуровень), ИСМ формирует нормативно-институциональный каркас (макроуровень). Именно эта трехуровневая конфигурация, а не изолированное применение каждой концепции, обеспечивает устойчивость управления качеством в условиях глобальной неопределенности.

Предложенная триадная модель непосредственно определяет практические ориентиры. Для предприятий: инвестиции в СМК не должны ограничиваться сертификацией по *ISO 9001* — без распространения требований на поставщиков (логика *SCQM*) и без интеграции *ISO 28000* и *ISO 45001* в единую архитектуру (логика ИСМ) достигнутый уровень качества остается системно уязвимым. Для цепей поставок: необходимо каскадирование требований по качеству от головного предприятия к субпоставщикам всех уровней через контрактные механизмы и взаимный аудит, что снижает вероятность каскадных отказов при внешних шоках. Для органов

стандартизации: матрица нормативного синергизма обосновывает разработку межстандартных руководящих указаний в рамках системы ГОСТ Р.

Ключевой тенденцией современного управления качеством является переход от реактивного подхода к проактивному — от устранения несоответствий постфактум к их предупреждению на основе предиктивной аналитики и риск-ориентированного мышления [19]. Этот переход обусловлен возрастающей сложностью глобальных цепей поставок, технологическими возможностями *Industry 4.0 (IoT, big data, AI)*, ужесточением регуляторных требований к трассируемости продукции и требованиями устойчивого развития.

Переход к проактивному управлению возможен лишь при одновременном выполнении трех условий: наличия цифровой инфраструктуры сбора данных (технологический фактор), функционирующей ИСМ (институциональный фактор) и сформированной культуры качества в духе *TQM* (поведенческий фактор). Отсутствие хотя бы одного условия блокирует переход. Предиктивная аналитика без ИСМ не имеет нормативной привязки к управленческим решениям; ИСМ без культуры качества превращается в формальный документооборот; культура качества без цифровых данных остается субъективным суждением.

SCQM 4.0 — конвергенция принципов *SCQM* с технологиями *Industry 4.0* — определяется как «целостный подход, использующий передовые цифровые технологии для решения современных проблем качества в цепях поставок, обеспечивающий повышенную прозрачность, эффективность и сотрудничество между партнерами» [20, стр. 630]. Концептуальная модель *SCQM 4.0* включает три взаимосвязанных конструкта:

- *Industry 4.0: IoT, blockchain*, цифровые двойники, *AI/ML* — технологические платформы сбора и анализа данных о качестве в реальном времени.
- *Quality Management*: принципы *TQM*, *ISO 9001:2015*, *Lean Six Sigma* — методологическая основа непрерывного улучшения.
- *Supply Chain Management*: *SCOR*-модели, *VMI*, *CPFR* — межорганизационная координация.

Исследования показывают, что поддержка высшего руководства, компетентность персонала, ИТ-инфраструктура и интеграция цепи поставок значимо влияют на результативность *SCQM 4.0*. Анализ российского контекста позволяет выявить специфические факторы, модифицирующие механизм действия *SCQM 4.0* в сравнении с международными практиками. Во-первых, санкционные ограничения на западные ИТ-платформы (*SAP, Oracle SCM*) создают фрагментацию цифровой инфраструктуры и затрудняют интеграцию данных о качестве между звеньями цепи поставок. Во-вторых, переориентация на азиатских партнеров порождает асимметрию систем менеджмента качества: партнеры из Китая, Индии, Вьетнама работают по национальным аналогам *ISO 9001*, не всегда гармонизированным с требованиями ГОСТ Р. В-третьих, дефицит специалистов в области цифровых технологий управления качеством препятствует формированию компетентностной базы для *SCQM 4.0* [21].

Именно концепция *SCQM 4.0* наиболее последовательно реализует методологическую логику предложенной триады: цифровые технологии *Industry 4.0* выступают инструментальным слоем, надстраиваемым над философией *TQM* и межорганизационной архитектурой *SCQM*, тогда как ИСМ обеспечивает нормативную рамку, в которой цифровая трансформация управления качеством получает институциональное оформление. Практическим следствием этого является то, что предприятия, приступающие к внедрению *SCQM 4.0*, должны рассматривать его не как самостоятельный технологический проект, а как надстройку над уже функционирующей или параллельно создаваемой ИСМ — в противном случае цифровизация управления качеством приобретает фрагментарный характер и не обеспечивает межорганизационной синхронизации требований.

В международной практике интеграция систем менеджмента качества в цепях поставок достигла значительной зрелости. Ведущие глобальные компании реализуют требования к качеству через каскадные договорные цепочки: стандарты качества «первого уровня» *OEM* распространяются на субпоставщиков всех уровней. В фармацевтической и пищевой промышленности обязательная интеграция *ISO 9001, FSSC 22000* и *ISO 28000* стала нормой деловой практики. Согласно данным исследований, внедрение SCM-систем, интегрирующих управление качеством, позволяет достичь сокращения запасов в цепи поставок от 20 до 40 %, а затрат на закупку — от 5 до 15 % [15].

Европейские компании активно используют инструмент *SCQM 4.0*: технологии *blockchain* обеспечивают трассируемость продукции «от поля до прилавка»,

IoT-датчики отслеживают параметры качества в режиме реального времени, цифровые двойники моделируют качество производственных процессов до их фактического исполнения. Ключевой особенностью зарубежной практики является системный подход к аудиту качества цепи поставок: не только сертификация отдельных участников, но и оценка сквозных показателей качества всей цепи.

Российская практика внедрения *TQM* и ИСМ имеет существенную специфику. Начиная с 1990-х гг. отечественные компании постепенно вводили стандарты *ISO 9000*, однако зачастую воспринимали их как формальный инструмент получения сертификата для выхода на внешние рынки, а не как реальный механизм управления [11]. Выделим ряд системных барьеров:

- **Культурные барьеры.** Традиция «репрессивно-го менеджмента», ориентированного на поиск виновных, а не на устранение системных причин дефектов; персонал воспринимает системы качества как дополнительный инструмент контроля, а не как инструмент совершенствования.
- **Структурные барьеры.** Отсутствие традиций стратегического управления затрудняет долгосрочные инвестиции в системы качества; регулярный менеджмент в большинстве российских компаний только формируется [22].
- **Нормативные барьеры.** Невыполнение «правила Джурана» (85 % дефектов обусловлено системой, а не исполнителями) ведет к смещению ответственности на персонал первой линии.
- **Компетентностные барьеры.** Дефицит специалистов, способных реализовывать принципы *TQM* и *SCQM* на оперативном уровне [23; 24].

Предложенная четырехгрупповая классификация барьеров интеграции систем менеджмента качества в производственно-логистических цепях поставок расширяет имеющиеся в литературе перечни, добавляя ранее не систематизированную пятую группу — инфраструктурно-цифровые барьеры: отсутствие единой ИТ-платформы для управления данными о качестве в цепи поставок, несовместимость форматов обмена данными между участниками, недостаточная защищенность данных при межорганизационном обмене. Выделение данной группы особенно актуально для 2022—2025 гг. Переориентация цепей поставок на новых азиатских партнеров резко обострила проблему совместимости информационных систем управления качеством [18]. Для предприятий данная классификация является практическим инструментом диагностики: менеджмент может идентифицировать доминирующий тип барьера и выбрать адресную меру — культурную трансформацию, структурную реорганизацию, нормативную доработку, обучение персонала или ИТ-интеграцию. Для органов стандартизации выявление инфраструктурно-цифровых барьеров указывает на необходимость разработки национальных стандартов в области межсистемной интеграции данных о качестве — аналогично международным инициативам по стандартизации *API* для цепей поставок.

Вызовы 2022—2025 гг. (переориентация логистики, импортозамещение, формирование новых цепочек поставок с партнерами из Азии) создали как дополнительные стимулы, так и новые риски для систем менеджмента качества: возросли требования к прослеживаемости продукции, квалификации новых поставщиков и совместимости систем качества партнеров.

Сравнительный анализ зарубежного и российского опыта внедрения ИСМ представлен в табл. 3.

**Сравнительный анализ зарубежного и российского опыта внедрения ИСМ
в производственно-логистических цепях**

Параметр	Зарубежный опыт	Российский опыт
Охват ИСМ	Межотраслевой, включая малое и среднее предпринимательство	Преимущественно крупный корпоративный сектор
Мотивация внедрения	Конкурентная стратегия, требования <i>OEM</i>	Формальная сертификация, экспортные требования
<i>SCQM</i> в цепи поставок	Каскадные требования к поставщикам всех уровней	Ограниченное распространение, преимущественно первый уровень (<i>tier 1</i>)
Цифровизация качества	<i>SCQM 4.0, IoT, blockchain</i>	Начальная стадия внедрения
Культура качества	<i>TQM</i> -ориентированная	Формирующаяся, с элементами репрессивного контроля
Барьеры	Сложность интеграции цифровых платформ	Культурные, структурные, компетентностные, инфраструктурно-цифровые

Примечание: сост. автором.

Сравнительный анализ позволяет зафиксировать вывод о том, что разрыв в зрелости управления качеством между ведущими зарубежными компаниями и российскими предприятиями является не технологическим, а прежде всего методологическим. Он объясняется неполнотой реализации триады *TQM—SCQM—ИСМ* в российском контексте. Зарубежные компании реализовали все три уровня триады; российские, как правило, находятся преимущественно на первом уровне. Это означает, что стратегия догоняющего развития в сфере управления качеством для российских предприятий должна быть трехвекторной: для предприятий — одновременное (а не поэтапное) развитие культуры качества (*TQM*), межорганизационных механизмов координации (*SCQM*) и интегрированной системы менеджмента (ИСМ); для цепей поставок — разработка типовых контрактных требований к системам качества субпоставщиков с учетом специфики новых географических направлений (Азия, ближний круг ЕАЭС); для органов стандартизации — формирование национальной программы поддержки внедрения ИСМ для предприятий малого и среднего бизнеса через субсидирование консалтинга и сертификации, по аналогии с европейскими практиками поддержки малых и средних предприятий в области стандартизации.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что *TQM*, *SCQM* и ИСМ представляют собой не конкурирующие, а взаимодополняющие концепции управления качеством, образующие единую эволюционную линию: от философии вовле-

ченности персонала — к межорганизационной интеграции требований и нормативно-институциональному закреплению интегрированных управленческих систем.

Глобальная неопределенность трансформирует управление качеством из инструмента оптимизации в инструмент обеспечения устойчивости и резильентности производственно-логистических цепей поставок. Концепция *SCQM 4.0* фиксирует следующий этап данной эволюции — конвергенцию цифровых технологий *Industry 4.0* с принципами интегрированного управления качеством.

Российская практика, несмотря на наличие успешных примеров внедрения ИСМ в крупных корпорациях, демонстрирует системные барьеры, преодоление которых требует институциональных изменений и целенаправленного формирования культуры качества на всех уровнях управления. При наличии формального каркаса требований потенциал синергии подсистем качества, экологии, безопасности труда и безопасности цепей поставок в российских компаниях реализован лишь частично — тогда как ведущие мировые корпорации фактически выстраивают целостную архитектуру *TQM—SCQM—IMS*. На этом основании обоснована перспектива перехода к парадигме *SCQM 4.0*, основанной на интеграции принципов управления качеством, методов управления цепями поставок и инструментов «Индустрии 4.0» (*IoT*, больших данных, искусственного интеллекта и продвинутых *SCM*-платформ). Предложенная методологическая концепция синтеза *TQM—SCQM—ИСМ* создает основу для дальнейших прикладных исследований в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ozdemir D., Sharma M., Dhir A., Daim T. Supply chain resilience during the COVID-19 pandemic // *Technology in Society*. 2022. Vol. 68. Art. 101847. DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101847.
- Ivanov D., Dolgui A., Blackhurst J., Choi T.-M. Toward supply chain viability theory: from lessons learned through COVID-19 pandemic to viable ecosystems // *International Journal of Production Research*. 2023. Vol. 61. Iss. 8 : Viability of Supply Networks and Ecosystems: Lessons Learned From COVID-19 Outbreak. Pp. 2402—2415. DOI: 10.1080/00207543.2023.2177049.
- Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента / пер. с англ. А. И. Зак. М. : Журн. «Контроллинг» : Изд-во стандартов, 1991. 104 с.
- Shewhart W. A. Economic Control of Quality of Manufactured Product. New York : D. Van Nostrand Company, 1931. 501 p.
- Деминг У. Э. Выход из кризиса. Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М. : Альпина Паблишер, 2018. 417 с.
- Feigenbaum A. V. Total Quality Control. 3rd ed. New York : McGraw-Hill, 1991. 863 p.
- Качество в истории цивилизации : в 3 т. / под ред. Дж. Джурана. М. : Стандарты и качество, 2004. Т. 1. 205 с.; Т. 2. 207 с.; Т. 3. 207 с.
- Crosby Ph. B. Quality is Free: The Art of Making Quality Certain. New York : McGraw-Hill, 1979. 309 p.
- Лапидус В. А. Всеобщее качество (TQM) в российских компаниях. М. : Тип. «Новости», 2000. 432 с.

10. Дзедик В. А., Езрахович А. Создание и аудит системы менеджмента качества в соответствии с международным стандартом ISO 9001:2015. Волгоград ; Сидней : ПринтТерра-Дизайн, 2015. 299 с.
11. Дзедик В. А. Анализ факторов, влияющих на развитие систем менеджмента качества // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 1(38). С. 175—179.
12. Белобрагин В. Я., Дзедик В. А. Анализ результатов опроса пользователей стандарта ISO 9001 // Стандарты и качество. 2021. № 9. С. 36—43. (In Russ.) DOI: 10.35400/0038-9692-2021-9-36-43.
13. Robinson C. J., Malhotra M. K. Defining the concept of supply chain quality management and its relevance to academic and industrial practice // International Journal of Production Economics. 2005. Vol. 96. Iss. 3. Pp. 315—337 DOI: 10.1016/j.ijpe.2004.06.055.
14. Foster S. T. Towards an understanding of supply chain quality management // Journal of Operations Management. 2008. Vol. 26. Iss. 4 : Research in Supply Chain Quality. Pp. 461—467 DOI: 10.1016/j.jom.2007.06.003.
15. Ivanov D. Supply Chain Viability and the COVID-19 pandemic: a conceptual and formal generalisation of four major adaptation strategies // International Journal of Production Research. 2021. Vol. 59. Iss. 12. Pp. 3535—3552. DOI: 10.1080/00207543.2021.1890852.
16. Womack J. P., Jones D. T. Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation. New York : Simon & Schuster, 2003. 396 p.
17. Supply chain quality management 4.0: conceptual and maturity frameworks / L. T. C. Bui, M. Carvalho, H. T. Pham et al. // International Journal of Quality & Reliability Management. 2022. Vol. 42. Iss. 3. Pp. 785—808 DOI: 10.1108/IJQRM-07-2021-0251.
18. Царик В. Д. Применение концепции интегрированных систем менеджмента в рамках парадигмы устойчивого развития // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 5А. С. 365—371.
19. Pinto C., Domingues P., Sampaio P., Oliveira O. Integrated Management Systems in Industry 4.0: Literature Review // International Conference on Quality Engineering and Management. 2022. Pp. 921—934.
20. Saihi A., Awad M., Ben-Daya M. Quality 4.0: leveraging Industry 4.0 technologies to improve quality management practices – a systematic review // International Journal of Quality & Reliability Management. 2023. Vol. 40. Iss. 2. Pp. 628—650. DOI: 10.1108/IJQRM-09-2021-0305.
21. Dolgui A., Ivanov D. 5G in digital supply chain and operations management: fostering flexibility, end-to-end connectivity and real-time visibility through internet-of-everything // International Journal of Production Research. 2022. Vol. 60. Iss. 2 : Editorial Board contributions celebrating the 60th Anniversary of IJPR: Part II. Pp. 442—451. DOI: 10.1080/00207543.2021.2002969.
22. Аюпова Л. Ш., Шинкевич М. В. Интегрированные системы менеджмента промышленных предприятий: концепции, модели и инструменты цифровой трансформации. Курск : Университетская книга, 2025. 103 с.
23. Рогаткин А. Ю. Стандарты на системы менеджмента: практика разработки и применения // Методы менеджмента качества. 2024. № 11. С. 8—14.
24. Балдина А. С. Интегрированные системы бережливого производства и управления качеством на российских предприятиях оборонно-промышленного комплекса // Вестник НГУЭУ. 2022. № 3. С. 140—153. DOI: 10.34020/2073-6495-2022-3-140-153.

REFERENCES

1. Ozdemir D., Sharma M., Dhir A., Daim T. Supply chain resilience during the COVID-19 pandemic. *Technology in Society*. 2022;68:101847. DOI: 10.1016/j.techsoc.2021.101847.
2. Ivanov D., Dolgui A., Blackhurst J., Choi T.-M. Toward supply chain viability theory: from lessons learned through COVID-19 pandemic to viable ecosystems. *International Journal of Production Research*. 2023;61(8):2402—2415. DOI: 10.1080/00207543.2023.2177049.
3. Taylor F. W. The Principles of Scientific Management. A. I. Zak (transl.). Moscow, Kontrolling Journal publ., Publishing House of Standards, 1991. 104 p. (In Russ.)
4. Shewhart W. A. Economic Control of Quality of Manufactured Product. New York, D. Van Nostrand Company publ., 1931. 501 p.
5. Deming W. E. Out of the Crisis. Cambridge, Mass.; London, MIT Press, 2000. xiii + 507 p.
6. Feigenbaum A. V. Total Quality Control. 3rd ed. New York, McGraw-Hill, 1991. 863 p.
7. A history of managing for quality: the evolution, trends, and future directions of managing for quality. J. M. Juran (ed.). Milwaukee, Wisconsin, ASQC Quality Press, 1995. xv + 688 p.
8. Crosby Ph. B. Quality is Free: The Art of Making Quality Certain. New York, McGraw-Hill, 1979. 309 p.
9. Lapidus V. A. Total Quality (TQM) in Russian Companies. Moscow, Novosti Typograph publ., 2000. 432 p. (In Russ.)
10. Dzedik V. A., Ezrakhovich A. Creation and Audit of a Quality Management System in Accordance with the International Standard ISO 9001:2015. Volgograd; Sydney, PrintTerra-Dizain, 2015. 299 p. (In Russ.)
11. Dzedik V. A. Quality management systems development factors analysis. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2017;1(38):175—179. (In Russ.)
12. Belobragin V. Ya., Dzedik V. A. Analysis of the results of ISO 9001 users' survey. *Standarty i kachestvo = Standards and Quality*. 2021;9:36—43. (In Russ.) DOI: 10.35400/0038-9692-2021-9-36-43.
13. Robinson C. J., Malhotra M. K. Defining the concept of supply chain quality management and its relevance to academic and industrial practice. *International Journal of Production Economics*. 2005;96(3):315—337 DOI: 10.1016/j.ijpe.2004.06.055.
14. Foster S. T. Towards an understanding of supply chain quality management. *Journal of Operations Management*. 2008;26(4):461—467 DOI: 10.1016/j.jom.2007.06.003.

15. Ivanov D. Supply Chain Viability and the COVID-19 pandemic: a conceptual and formal generalisation of four major adaptation strategies. *International Journal of Production Research*. 2021;59(12):3535—3552. DOI: 10.1080/00207543.2021.1890852.
16. Womack J. P., Jones D. T. *Lean Thinking: Banish Waste and Create Wealth in Your Corporation*. New York, Simon & Schuster, 2003. 396 p.
17. Bui L. T. C., Carvalho M., Pham H. T. et al. Supply chain quality management 4.0: conceptual and maturity frameworks. *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2025;42(3):785—808. DOI: 10.1108/IJQRM-07-2021-0251.
18. Tsarik V. D. Application of the concept of integrated management systems within the paradigm of sustainable development. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2022;12(5A):365—371. (In Russ.)
19. Pinto C., Domingues P., Sampaio P., Oliveira O. Integrated Management Systems in Industry 4.0: Literature Review. *International Conference on Quality Engineering and Management*. 2022:921—934.
20. Saihi A., Awad M., Ben-Daya M. Quality 4.0: leveraging Industry 4.0 technologies to improve quality management practices – a systematic review. *International Journal of Quality & Reliability Management*. 2023;40(2):628—650. DOI: 10.1108/IJQRM-09-2021-0305.
21. Dolgui A., Ivanov D. 5G in digital supply chain and operations management: fostering flexibility, end-to-end connectivity and real-time visibility through internet-of-everything. *International Journal of Production Research*. 2022;60(2):442—451. DOI: 10.1080/00207543.2021.2002969.
22. Ayupova L. Sh., Shinkevich M. V. *Integrated management systems of industrial enterprises: concepts, models and tools for digital transformation*. Kursk, Universitetskaya kniga, 2025. 103 p. (In Russ.)
23. Rogatkin A. Yu. Management systems standards practice of development and application. *Metody menedzhmenta kachestva*. 2024;11:8—14. (In Russ.)
24. Baldina A. S. Integrated lean manufacturing and quality management systems at Russian enterprises of the military-industrial complex. *Vestnik NGUEU = Vestnik NSUEM*. 2022;3:140—153. (In Russ.) DOI: 10.34020/2073-6495-2022-3-140-153.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 07.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 07.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 338.001.36
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1613

Tatyana Vasylijevna Nerusheva
Candidate of Philology, Associate Professor,
Associate Professor of Foreign Languages Department,
Oryol State
Agrarian University named after N. V. Parakhin
Orel, Russian Federation
nerushevat@rambler.ru

Arsenii Timurivich Nerushev
Senior System Analyst,
Alfa-Bank JSC;
1st year postgraduate student,
specialty 5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Oryol State
Agrarian University named after N. V. Parakhin
Orel, Russian Federation
an9453@yandex.ru

Natalia Nikolaevna Zaytseva
Senior Lecturer
of Foreign and Russian Languages Department,
Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
named after V. V. Lukyanov
Orel, Russian Federation
natasha5103469@yandex.ru

Татьяна Васильевна Нерушева
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Орловский государственный
аграрный университет имени Н. В. Парахина
Орёл, Российская Федерация
nerushevat@rambler.ru

Арсений Тимурович Нерушев
старший системный аналитик,
АО «Альфа-Банк»;
аспирант I курса,
специальность 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Орловский государственный
аграрный университет имени Н. В. Парахина
Орёл, Российская Федерация
an9453@yandex.ru

Наталья Николаевна Зайцева
старший преподаватель
кафедры иностранных и русского языков,
Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова
Орёл, Российская Федерация
natasha5103469@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Зерно — это основа продовольственной безопасности и экономического благополучия любого государства. Производство зерновых — это не просто сельское хозяйство, это стратегическая отрасль для любой страны. От урожайности зависит продовольственная безопасность, экспортный потенциал и даже стабильность цен на мировом рынке. Страны, в которых сложились благоприятные природные условия, имеют возможность выращивать зерновые культуры высочайшего качества. Экспорт зерна открывает реальную перспективу освоения неиспользуемых земель, превращая их в источник процветания и укрепляя позиции страны на мировом рынке.

В данный период гибкость, адаптивность и глубокое понимание глобальных тенденций являются ключевыми факторами успеха. Эффективное балансирование между стабильностью и неопределенностью, готовность к быстрым изменениям и новым возможностям являются разумным подходом для экономического роста. Важность наблюдаемых различий между странами заключается во влиянии различных стратегий на качество конечного продукта.

Сравнение основных технологий, учреждений и политик представляет основу для сопоставления и анализа качества зерна, поставляемого на мировой рынок. Одним из факторов процветания общества является корректное функционирование рынка. Вопросы доминирующего положения весьма актуальны на международных сельскохозяйственных рынках в условиях меняющейся концентрации предложения и условий спроса, которые в настоящее время наблюдаются на мировом рынке пшеницы.

Проведенное исследование позволило нам понять, какие барьеры сдерживают рост производительности труда в зернопроизводстве. Выводы, к которым мы пришли, актуальны и обоснованны. Предложенные нами направления повышения эффективности труда имеют практическое значение для укрепления конкурентоспособности всей зерновой отрасли в целом.

Ключевые слова: зерновой рынок, оптовая торговля зерном, аграрный сектор, экспорт зерна, потенциал сельскохозяйственного экспорта, ценообразование, фуражное зерно, комплексный подход, конкурентоспособность, продовольственная безопасность, мобилизация экспортного потенциала

Для цитирования: Нерушева Т. В., Нерушев А. Т., Зайцева Н. Н. Сравнительный анализ российской и зарубежной практики повышения эффективности производства зерна // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 122—129. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1613.

Original article

COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN PRACTICES IN RAISING GRAIN PRODUCTION EFFICIENCY

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Grain is the basis of food security and economic well-being of any state. Grain production is not just agriculture, it is a strategic industry for any country. Food security, export potential, and even price stability in the global market depend on yields.

Countries with favorable natural conditions can grow crops of the highest quality. Grain exports open up a real prospect of developing unused lands, turning them into a source of prosperity and strengthening the country's position on the world market.

Nowadays, flexibility, adaptability, and a deep understanding of global trends are key success factors. Effective balancing between stability and uncertainty, readiness for rapid changes and new opportunities is a reasonable approach for economic growth.

The importance of the observed differences between countries lies in the impact of different strategies on the quality of the final product.

A comparison of key technologies, institutions, and policies provides the basis for comparing and analyzing the quality of grain supplied to the global market.

One of the factors contributing to the prosperity of a society is how well markets function. The issues of dominance are very relevant in international agricultural markets in the context of the changing concentration of supply and demand conditions currently observed in the global wheat market.

The conducted research allowed us to understand what barriers hold back the growth of labor productivity in grain production. The conclusions we have reached are relevant and well-founded. The directions we have proposed for improving labor efficiency are of practical importance for strengthening the competitiveness of the entire grain industry as a whole.

Keywords: grain market, grain wholesale, agricultural sector, grain exports, agricultural export potential, pricing, feed grains, integrated approach, competitiveness, food security, mobilization of export potential

For citation: Nerusheva T. V., Nerushev A. T., Zaytseva N. N. Comparative analysis of Russian and foreign practices in raising grain production efficiency. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):122—129. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1613.

Введение

Актуальность. В современном мире, где внешнеэкономическая обстановка постоянно меняется, особенно остро встает вопрос о том, как сделать российский экспорт зерна более успешным. Сложные процессы, происходящие на мировом рынке зерна, требуют от нас не просто реагировать на вызовы, но и действовать на опережение.

Изученность проблемы. Продовольственной безопасностью мира, в т. ч. обеспеченностью зерновыми, занимаются Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН и Международный совет по зерну (далее — МСЗ). Вопросы развития зернового производства и рынка зерна в мире, в стране и в отдельных регионах находят широкое освещение в работах Н. А. Борхунова [1], А. В. Гордеева [2], И. Г. Ушачева [3], О. В. Сидоренко и Т. И. Гуляевой [4; 5], Н. Д. Пролыгиной [6], А. Н. Осипова [7]. Различные аспекты разработки стратегии совершенствования зернового хозяйства Российской Федерации освещены в трудах М. Е. Анохиной [8], А. В. Голубева [9] и др. На региональном уровне проблемам рынка зерна уделяется внимание в работах С. Н. Алексеевой [10], С. А. Житкова [11] и др. Факторы, обусловленные регулированием развития производства зерна и экспорта, рассматриваются в научных работах В. В. Смирнова [12], Ю. И. Мищенко [13] и др.

В фокусе внимания таких отечественных исследователей, как А. И. Алтухов [14; 15], О. А. Миронова [16], А. А. Дубовицкий с соавторами [17; 18], Л. В. Шабалина [19], оказываются вопросы, посвященные развитию агропромышленного комплекса в целом и наращиванию Российской Федерацией экспорта зерна в частности. Авторы подчеркивают, что, несмотря на многие негативные факторы, а именно: пандемия коронавируса, снижение мирового спроса, непростые экономические усло-

вия, вызванные введением огромного числа западных санкций, проведение специальной военной операции на территории Украины (далее — СВО) и др. — Россия сумела сохранить лидирующие позиции среди стран — экспортеров зерновой продукции. Всё это стало возможным благодаря многим факторам: значительное увеличение мер государственной поддержки; концентрация производства в тех регионах страны, которые отличаются благоприятными природными условиями; введение в аграрный оборот новых пахотных земель; использование инноваций для развития крупных агропромышленных хозяйств.

При этом, как отмечают А. Н. Ставцев с соавторами [20], у Российской Федерации на современном этапе достаточно конкретных возможностей заместить сниженный экспорт зерна из Украины благодаря наличию схожего спектра контрагентов-экспортеров, с которыми сохраняются коммуникационные связи и налажены каналы реализации агропромышленной продукции.

Проблема самообеспечения современных государств зерном нашла отражение в работах М. Сванидзе [21; 22], которая, используя математические инструменты (линейные модели, модели с пороговой коррекцией ошибок) для анализа рынка пшеницы в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, являющихся традиционными покупателями российского зерна, тем не менее отмечает, что для повышения продовольственной безопасности необходимо не только наращивать экспортный потенциал зерновых, но и делать всё для того, чтобы собственные закрома постоянно пополнялись. Таким образом, адаптация математических инструментов и применение методов моделирования дают возможность реально оценивать и продовольственную безопасность конкретной страны, и мировую продовольственную безопасность.

Кроме того, в своих работах исследователи предлагают системные представления о текущем состоянии и перспективах в развитии важнейших направлений современной аграрной экономики.

Целесообразность разработки темы. В аграрном секторе продолжают существовать серьезные риски и глобальные угрозы, обусловленные различными факторами — от человеческого до экологического. Однако в этой ситуации необходимо фиксировать внимание на тех государствах и концернах, которые занимают лидирующие позиции в мировом обороте зерна. Как правило, именно от этих игроков зависит предсказуемость и устойчивость всего мирового рынка зерна.

Огромное влияние на формирование спроса и предложения зерновых ресурсов, а также их ценообразование оказывают страны Европейского союза, США, некоторые государства Латинской Америки (Аргентина, Бразилия, Мексика), Австралия и, конечно, Российская Федерация. Их потенциал по производству аграрной продукции, возможности экспорта аграрной продукции и экономическая ситуация в целом коррелируют с существующими мировыми тенденциями.

Интерес к указанным мировым аграрным регионам, к их экономическому положению, к их стратегиям в отношении поставок на мировые рынки будет способствовать пониманию того, чего нам ждать от зерновой отрасли и с какими вызовами и трудностями ей придется столкнуться в будущем.

Целью настоящей статьи выступает анализ российской и зарубежной практики повышения производства зерновых культур и предложения, направленные на повышение эффективности экспортных продаж.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- 1) проанализировать современное состояние зерновых рынков России и ряда зарубежных стран;
- 2) изучить, почему Россия и другие страны продают больше или меньше зерна;
- 3) оценить текущее положение дел как в России, так и за рубежом;
- 4) разработать конкретные рекомендации.

На основе полученных данных предлагаем практические шаги, которые помогут увеличить оптовую торговлю зерновыми и сделать ее более конкурентоспособной и прибыльной на мировом рынке.

Научная новизна заключается в преодолении фрагментарности. Существующие исследования зачастую фокусируются на отдельных аспектах (например, только на агротехнологиях или только на государственной поддержке). Системный взгляд, интегрирующий различные факторы, влияющие на производство зерна: от климатических и почвенных условий до социально-экономических, политических и институциональных аспектов является важным направлением в исследовании.

Переход от простого описания существующих практик к глубокому анализу причинно-следственных связей, объясняет, что проблемы глобальной продовольственной безопасности лежат не в одной плоскости, а представляют собой широкий комплексный подход, органично сочетающий в себе взаимодействие различных сфер, уровней и инструментов, включая экономические, социальные, политические, технологические и экологические аспекты, благодаря которым можно добиться не только собственной независимости, но и обеспечить свободное существование во всем мировом пространстве.

Теоретической значимостью является изучение особенностей отечественного комплекса зерновых и сложных, с которыми приходится сталкиваться для обеспечения устойчивых каналов сбыта. Были сформулированы основные задачи, требующие незамедлительного решения, чтобы российское зерно стало еще более конкурентоспособным на мировой арене. Кроме того, мы выделили наиболее важные направления для развития как самого зернового рынка, так и российского экспорта в целом.

Практическое значение результатов исследования. Чтобы обеспечить надежную глобальную продовольственную безопасность, нам нужна не просто сумма разрозненных действий, а единая продуманная стратегия. Только такой подход позволит эффективно развивать уже существующие практические решения и выстраивать долгосрочные, взаимовыгодные отношения на мировом рынке зерна.

Основная часть

Методология исследования. Для достижения поставленной цели был применен всеобъемлющий перечень методов исследования, в частности: сравнительный анализ, дедукция, обобщение. В качестве материалов исследования авторами использованы научные публикации и результаты исследований из передовой российской и зарубежной практики в области повышения производительности труда в сфере производства зерновых культур.

Результаты исследования. Производство зерна в России продемонстрировало впечатляющий рост после распада Советского Союза в 1991 г. Хотя ранее Россия была крупным импортером пшеницы, она начала экспортировать пшеницу на мировой рынок только в начале нового столетия. Недавно Россия стала крупнейшим экспортером пшеницы в мире, экспорт которой составил 15 и 22 % мирового экспорта пшеницы в 2016 и 2017 гг. соответственно [24].

Ожидается, что роль России на международных экспортных рынках пшеницы и, следовательно, глобальная продовольственная безопасность будут еще более возрастать. Производство зерна в России могло бы быть дополнительно увеличено за счет повышения эффективности производства зерна, а также за счет рекультивации ранее заброшенных сельскохозяйственных земель [20]. В частности, А. Р. Батталова с соавторами [24] оценивают дополнительный потенциал производства зерна в России в диапазоне от 25 до 65 млн т, а К. Г. Бородин [25] — от 21 до 86 млн т. Однако необходимо не только мобилизовать дополнительный потенциал производства пшеницы, но и преобразовать его в дополнительный экспортный потенциал, чтобы еще больше повысить значимость России в мировом экспорте пшеницы. Для этого необходим пространственно эффективный внутренний рынок зерна, обеспечивающий всестороннюю и быструю передачу изменений цен от экспортеров зерна к регионам — производителям зерна.

Если сравнить зерновой рынок России и США, то можно отметить, что рынок кукурузы в США является одним из наиболее эффективных рынков зерна в мире и служит эмпирическим ориентиром (а не теоретическим) для оценки эффективности рынка пшеницы в России. Рынок пшеницы в Европейском Союзе также велик для сравнения, однако он еще не однороден из-за нескольких раундов сравнительно недавнего расширения за счет стран с переходной экономикой, которые ранее планировались централизованно в 2004, 2007 и 2013 гг. [22; 25].

По отчету Международного совета по зерну (*IGC*) (2025—2026) предварительные данные баланса зерна в Германии 2024—2025 гг. показывали снижение потребления зерна почти на 4 млн т. В то же время в 2023—2024 гг. было произведено около 39 млн т зерна.

В данном отчете указано, что в 2023—2024 гг. на производство продуктов питания приходилось около 23 % общего потребления зерна в Германии, что на 3 процентных пункта больше. Около 18 % было использовано в промышленных и энергетических целях. Здесь произошло снижение на один процентный пункт. Потери и семена вместе составили около 6 %. Внутреннее использование зерна на корм животным снизилось примерно на 16 %. В 2024—2025 гг. было скормлено в общей сложности 20,9 млн т зерновых, из которых 6,6 млн т пришлось на пшеницу и по 5,1 млн т — на ячмень и кукурузу. Причины снижения включают падение производства комбикормов в 2023—2024 гг., увеличение стоимости кормовых компонентов и снижение поголовья свиней. Например, внутреннее использование ячменя для кормовых целей снизилось на 24 %.

Согласно вышеуказанному отчету Международного совета по зерну (*IGC*) (2025—2026) пшеница, рожь и овес продолжают оставаться наиболее важными продовольственными зерновыми культурами в Германии. В общей сложности 8,9 млн т зерновых было использовано на продовольственные цели. По сравнению с предыдущим годом это больше на 3,4 %. Мягкие и твердые сорта пшеницы оказались самыми важными продовольственными зерновыми с совокупным потреблением 7,4 млн т. За ними следуют рожь (574 тыс. т) и овес (499 тыс. т). В стоимостном выражении потребление зерновых на душу населения в 2021—2022 гг. маркетинговом году увеличилось на 3,3 % и составило 106,6 кг. В пересчете на муку это означает потребление 84 кг зерновой муки на душу населения.

По статистике, каждый житель Германии потреблял в среднем 70 кг пшеничной муки, 6 кг ржаной муки, 4 кг овсяной муки и 3,5 кг кукурузной муки. Рост потребления продуктов питания можно связать с началом СВО в 2022 г. В начале СВО европейские потребители покупали значительно больше муки, опасаясь дефицита. Кроме того, готовые к употреблению зерновые продукты, такие как мука и макароны, были переданы Украине в качестве продовольствия [26].

Уровень самообеспечения зерновыми вырос до 109 %, что на 8 процентных пункта больше, чем в предыдущем году. Хотя урожаи были меньше, внутреннее потребление также снизилось, что объясняет этот рост. Существуют различия по разным видам зерновых. Например, уровень самообеспечения обычной пшеницей составил 126 %, а ячменем — 133 %. Внутреннее потребление твердой пшеницы было покрыто за счет отечественного сельского хозяйства на 17 %, что на 2 процентных пункта больше, чем в предыдущем году.

Согласно прогнозу МСЗ, мировой спрос на фуражное зерно в 2024—2025 гг. должен был расти темпами ниже среднего. В частности, пшеница и ячмень, скорее всего, могли в меньшей степени быть в закромах. Использование зерновых для корма животных в 2024—2025 гг. не увеличилось так сильно, как в предыдущие годы. По прогнозам МСЗ, этот объем составлял 1,039 млрд т, что лишь на 0,7 % больше, чем в текущем сезоне. По мнению лондонских экспертов, 146,5 млн т пшеницы, вероятно, попадут в зернохранилища в предстоящий период, что будет означать сни-

жение на 0,6 % по сравнению с 2024—2025 гг. Это будет второе снижение подряд, однако ожидаемый объем всё равно будет выше среднего долгосрочного уровня.

Ожидается падение потребления фуражной пшеницы в Китае и Европейском Союзе. В Китае в последние годы комбикормовые компании закупали большие объемы пшеницы на государственных аукционах, и потребление кормов там недавно выросло до беспрецедентного уровня, сообщает МСЗ. Однако в 2023—2024 гг. потребление фуражной пшеницы в Китае снизилось отчасти из-за высоких цен. Кроме того, участие в аукционах теперь ограничивается только мукомольными предприятиями. *IGC* прогнозировал, что спрос на фуражную пшеницу в Европейском Союзе будет меньше, чем в 2023—2024 гг., в то время как в Канаде, США и России прогнозировался рост.

Безусловно, самым важным кормовым зерном является кукуруза. По данным *IGC*, ожидалось, что в 2023—2024 гг. в закрома попадет 722,3 млн т зерновой кукурузы, что соответствовало росту на 1,5 % в годовом исчислении. Однако это означало замедлением роста, что эксперты оправдывали сложным экономическим климатом в целом. Кроме того, сократились экспортные поставки кукурузы из охваченной войной Украины и США [26].

Как отмечает *IGC* относительно рынка фуражной кукурузы в целом, развитие этаноловой промышленности в последние десятилетия существенно изменило рецепты комбикормов, особенно в США. Там побочные продукты производства этанола, такие как сухой натрий и кукурузный глютен, теперь частично заменяют кукурузу, особенно в кормах для крупного рогатого скота. Доля этих побочных продуктов, вероятно, увеличилась, поскольку в маркетинговом сезоне 2024—2025 гг. ожидался рост промышленной переработки кукурузы.

Напротив, согласно прогнозу *IGC*, в мире снизится употребление ячменя. В 2023—2024 гг. было снижение на 0,4 % — до 104,1 млн т. В качестве причины лондонские эксперты называли высокие цены на ячмень.

Причин для беспокойства немного, т. к. степень самообеспечения по обыкновенной пшенице составляет 125 %. Обычная пшеница используется для производства муки. Внутреннее сельское хозяйство на 113 % покрывает собственные потребности Германии в ячмене. Это зерно важно для пивоваренных заводов. По данным Федерального агентства по сельскому хозяйству и продовольствию, для этих двух культур не существует угрозы, поэтому в импорте нет необходимости.

Иная ситуация с рожью, тритикале и зерновой кукурузой: степень самообеспеченности этими культурами ниже 100 %. Чтобы заполнить полки супермаркетов, их приходится импортировать. Данные Федерального агентства не показывают, насколько высока доля России и Украины в импорте этих товаров.

В 2019 г. Союз немецких фермеров (*DfV*) опубликовал данные о других сельскохозяйственных продуктах и уровнях их поставок. Например, внутреннее производство покрывает спрос на картофель (138 %), сыр (121 %), свинину (120 %) и молоко (112 %). В то же время для овощей и фруктов существует зависимость от импорта: только 36 % по овощам и 22 % по фруктам могут быть покрыты самостоятельно.

События, вызванные СВО, приводят к увеличению количества продаж в торговле сельскохозяйственными товарами, но также вызывают рост затрат на сельскохозяйственную логистику и сушку зерна.

В отчете о секторе оптовой торговли зерном, семенами и комбикормами рассматривается объем рынка, анализируются текущие и будущие тенденции и предоставляется информация о рыночных долях компаний с наибольшим оборотом в секторе. Благодаря своей коллекции отраслевых отчетов об исследованиях рынка *IBISWorld* предоставляет полную и актуальную информацию о цепочках создания стоимости, экономических факторах влияния, а также о наиболее важных продуктах, услугах и рынках в нескольких сотнях отраслей промышленности Германии.

Аналитики *IBISWorld* всегда отслеживают влияние текущих событий на экономику в режиме реального времени. Так, несмотря на пандемию коронавирусной инфекции (*COVID-19*), в сельскохозяйственной отрасли наблюдался значительный рост доходов, обусловленных повышением цен на сельскохозяйственные товары и средства производства.

Ожидается, что в 2026 г. объем оптовых продаж зерна, семян и кормов в отрасли увеличится на 1,9 % — до 42,6 млрд евро, а среднегодовой темп роста с 2020 г. составит 2,5 %; маржа прибыли в текущем году составит 2,1 %. События в Украине увеличивают расходы в сельскохозяйственном секторе. СВО и санкции приводят не только к росту производственных затрат, но и к повышению цен производителей и потребительских цен. Это особенно влияет на рынок зерновых и масличных культур, поскольку Россия и Украина вместе отвечают почти за треть мирового экспорта пшеницы и пятую часть экспорта кукурузы. Кроме того, Россия и Украина являются крупнейшим в мире поставщиком подсолнечного масла. К тому же прогнозы аналитиков говорят о том, что в сезоне текущего 2026 г. доля именно Российской Федерации на мировом рынке подсолнечного масла будет составлять 40 % [28].

МСЗ повысил свои прогнозы относительно мирового сбора зерна. Предполагается, что сезоны 2024/25 и 2025/26 гг. продемонстрируют значительный рост объемов производства зерновых культур. Так, в сезоне 2024/25 гг. производство зерновых культур показало значительный рост в сравнении с предыдущим сезоном. Количество собранного урожая достигло 2 306 млн т. При этом именно Австралия продемонстрировала богатый урожай пшеницы. Повышенный спрос на зерновые оказался гораздо скромнее предлагаемых поставок, что привело к увеличению запасов до 576,6 млн т. Однако это количество всё же уступает уровню прошлого года.

Что касается перспектив на сезон 2025/26 гг., то аналитики сходятся во мнении, что количество произведенных зерновых будет еще выше. Согласно прогнозам, планируется собрать более 2 368 млн т. При этом положительная динамика будет обеспечена благодаря увеличению количества собранных кукурузы, ячменя и пшеницы.

Безусловно, самым популярным агропродуктом остается пшеница. В этом сезоне планируется ее рекордный урожай, равный 806,7 млн т, что практически на 8 млн т больше урожая предыдущего сезона. Считается, что самыми крупными поставщиками пшеницы будут страны Евросоюза и Канада, которые смогут в какой-то мере компенсировать уменьшение количества произведенного зерна в странах-экспортерах. При этом рекордный урожай пшеницы не сможет увеличить конечные запасы; ожидается, что они будут сокращаться вследствие роста потребления.

Производство кукурузы тоже будет расти, по прогнозам примерно на 52,2 млн т, достигнув отметки в 1 269 млн т. Основными странами — производителями кукурузы традиционно остаются США, Бразилия и Аргентина. Однако повышенный спрос на кукурузу также не сможет опередить предложение, что, несомненно, вызовет увеличение количества ее запасов на 6 млн т.

Соя — это довольно перспективная агрокультура. Ее производство во всем мире также предполает рост до 427,5 млн т. Ожидается, что больше всего сои будет выращено в Бразилии и Аргентине. Количественно предложение будет способствовать росту потребления и увеличению конечных запасов приблизительно до 83,2 млн т. На мировом рынке соя демонстрирует лишь небольшой профицит, накопленный за предыдущие периоды [28].

Однако, как было упомянуто ранее, прогнозы не всегда оправдывают ожидания и предполагаемый рост производства зерновых и, как следствие, увеличение конечных запасов могут оказаться под угрозой из-за влияния большого числа факторов. При этом именно погодные условия нередко определяют динамику всего рынка и цены на продукцию.

Мода на здоровый образ жизни формирует новый спрос на продукты, а также на отрасли, задействованные в их производстве.

Из-за рисков для здоровья, связанных с потреблением свинины, наблюдается снижение потребления свинины на душу населения. Поэтому многие хозяйства, занимающиеся животноводством, в будущем перейдут на экспорт или сократят поголовье скота, что негативно скажется на спросе на корма. В то же время потребление мяса птицы на душу населения увеличивается, поэтому спрос на корма для птицы, скорее всего, будет расти.

Низкая концентрация рынка обусловлена, в частности, широким ассортиментом продукции, предлагаемой сектором, поскольку компаниям приходится быть конкурентоспособными в различных сферах деятельности, таких как торговля сельскохозяйственной продукцией, сырьем или сельскохозяйственная логистика, либо специализироваться на определенных продуктах или услугах.

В долгосрочной перспективе следует ожидать консолидации отрасли, поскольку оптовая торговля зерном, семенами и кормами находится на стадии насыщения жизненного цикла, а сельское хозяйство претерпевает структурные изменения.

Участники отрасли оптовой торговли кормами для животных, зерном, табачным сырьем, масличными фруктами, такими как оливки, и семенами выступают в качестве связующего звена между производителями и розничными продавцами, оптовыми покупателями и другими торговцами. Они работают в основном в сфере торговли сельскохозяйственной продукцией, хотя часто сюда входят и другие средства производства, такие как удобрения и средства защиты растений, которые не относятся к данной отрасли.

К факторам успеха для увеличения оптовой торговли зерновыми, семенами и кормами можно отнести [28; 29]:

1. *Гарантированные поставки первичных факторов производства.* Чтобы не столкнуться с трудностями в снабжении, постоянное предложение товаров является обязательным для участников отрасли даже в периоды низких урожаев. Этого можно достичь, например, с помощью широкой структуры поставщиков.

2. *Конкурентоспособность в тендерных процедурах.* Для участников отрасли важно выигрывать тендеры на заключение долгосрочных контрактов на поставку и продажу, чтобы снизить волатильность и обеспечить постоянный объем продаж.

3. *Передача увеличения затрат.* Передача возросших закупочных цен на рынки сбыта позволяет участникам отрасли добиваться стабильной нормы прибыли. В оптовой торговле они и так не слишком велики, поэтому передача роста затрат особенно актуальна.

4. *Контакты с важными рынками сбыта.* Тесные отношения с рынками сбыта снижают опасность обхода оптовиков. В настоящее время это одна из самых больших проблем для оптовиков в связи с появлением новых, прямых каналов распределения от производителя к конечному потребителю.

5. *Быстрая поставка на рынок.* Быстрая доставка продукции клиентам может привести к долгосрочным отношениям с ними. Часто клиенты в отрасли зависят от быстрой доставки, чтобы иметь возможность, например, поставлять свой скот.

Мобилизация экспортного потенциала зерна в регионах — производителях зерна потребует значительных инвестиций в зерновой рынок и транспортную инфраструктуру для улучшения их интеграции на экспортном рынке. Повышение эффективности российского рынка пшеницы обеспечило бы более быструю передачу ценовых сигналов между регионами, что привело бы к одновременному перемещению торговых потоков из регионов с профицитом в регионы с дефицитом. Это способствовало бы смягчению последствий роста цен, связанных с нехваткой урожая в регионах, которые, как ожидается, станут более масштабными в связи с изменением климата [29].

Укрепление стабильности внутренних цен на пшеницу способствовало бы уменьшению возможностей правительства к введению экспортного контроля на рынке пшеницы в качестве антикризисной политики, которая в конечном

итоге ведет к снижению благосостояния фермеров и трейдеров и негативно влияет на дальнейшее развитие зернового сектора, и особенно на развитие товарных фьючерсных рынков. Кроме того, пространственно эффективный рынок пшеницы в России обеспечил бы трансформацию дополнительного потенциала производства пшеницы в дополнительный экспортный потенциал, что укрепило бы позиции нашей страны как житницы всего мира в глобальной продовольственной безопасности [29].

Выводы

В целом это исследование показало важность проведения различия между потенциалом сельскохозяйственного производства и потенциалом сельскохозяйственного экспорта, особенно если производственный потенциал расположен в регионах, удаленных от мировых рынков. Поскольку нескольким крупным странам за пределами России придается большое значение для будущей глобальной продовольственной безопасности (например, Бразилии), эффективности пространственного рынка следует уделять больше внимания как еще одному фактору, определяющему роль страны в будущей глобальной продовольственной безопасности. Поэтому считаем важным включить эффективность пространственного рынка в глобальные сценарные исследования [22] для оценки будущей глобальной продовольственной безопасности. Кроме того, это исследование позволяет констатировать, что для укрепления глобальной продовольственной безопасности недостаточно только лишь сосредоточения на повышении потенциала сельскохозяйственного производства, например, за счет технического прогресса в селекции растений и агрономии. Необходим комплексный подход, сочетающий и международные усилия, и технологические инновации, и экологическую заботу, и социальную защиту, и свободу, и суверенитет, ибо «обладай вы хоть всеми богатствами мира, если вам нечем питаться — вы зависите от других» (Жан-Жак Руссо).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борхунов Н. А., Авдеев М. В. Ценовой паритет в АПК России и государств-членов ЕАЭС // АПК: Экономика, управление. 2018. № 3. С. 60—68.
2. Цифровое сельское хозяйство : ведомств. проект / А. В. Гордеев, Д. Н. Патрушев, И. В. Лебедев и др. М. : Росинформагротех. 2019. 46 с.
3. Ушачев И. Г., Жуков Н. И. Теоретико-методологические аспекты стратегического управления сельскохозяйственным производством: пределы ранка, частной собственности, крупного производства // АПК: Экономика, управление. 2020. № 7. С. 4—19. DOI: 10.33305/207-4.
4. Сидоренко О. В. Методологические аспекты исследования зернового продукта в условиях глобализации // Зерновое хозяйство России. 2015. № 5. С. 66—71.
5. Гуляева Т. И., Сидоренко О. В. Развитие зернопродуктового подкомплекса в условиях реализации стратегии по импортозамещению сельскохозяйственной продукции и продовольствия // Аграрная Россия. 2016. № 1. С. 30—36.
6. Пролыгина Н. Д., Аварский Н. А., Гасанов Х. Н., Федюшин Д. Ю. Государственные интервенции как форма маркетингового регулирования рынка зерна // Экономика сельского хозяйства России. 2014. № 6. С. 12—18.
7. Осипов А. Н., Демьянов Н. С., Юдин Е. А., Юдина Т. А. Повышение продовольственной безопасности и качества продукции // Экономика сельского хозяйства России. 2015. № 10. С. 39—44.
8. Анохина М. Е. Экономическая динамика сельского хозяйства: факторы, управление, стратегия // Аграрный вестник Урала. 2019. № 11(190). С. 71—79. DOI: 10.32417/article_5dcd861e9a9f76.82054451.
9. Голубев А. В. Технология отраслей как стимул аграрного развития // АПК: экономика, управление. 2019. № 3. С. 28—34. DOI: 10.33305/193-28.
10. Алексеева С. Н., Харитоновна Т. В. Особенности развития зернового сельского хозяйства в регионе // Нива Поволжья. 2015. № 2(35). С. 112—118.
11. Жидков С. А. Рынок зерна России: состояние, особенности, тенденции развития : дис. ... д-ра экон. наук. Мичуринск, 2020. 364 с.
12. Смирнов В. В., Шамрова К. Н., Толмачев А. В. Основы регулирования развития производства зерна и выхода на внешние рынки // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 116. URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/99.pdf>.

13. Мищенко Ю. И., Клименко А. В. Практика регионального зернового экспорта и импорта // Региональное развитие. 2016. № 6. Ст. 9.
14. Алтухов А. И. Российский экспорт зерна: плюсы и минусы развития // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 5. С. 166—174.
15. Алтухов А. И. Пространственная организация зернового производства в стране — основа его развития // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 6. С. 64—75.
16. Миронова О. А. Мировой рынок зерна и российский экспорт: состояние, тенденции, сценарии // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2022. № 4(80). С. 143—149. DOI: 10.54220/vrsue.1991-0533.2023.80.4.021.
17. Дубовицкий А. А., Манаенков В. В. Сущность и особенности функционирования российского рынка зерна // Наука и Образование. 2025. Т. 8. № 3. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7978>.
18. Дубовицкий А. А., Климентова Э. А. Методические аспекты оценки устойчивости развития сельского хозяйства: традиционные подходы и альтернативная точка зрения // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 2. С. 10—20. DOI: 10.32651/252-10.
19. Шабалина Л. В., Алексеенко М. В. Анализ и перспективы рынка зерна Российской Федерации // Экономика и маркетинг в XXI веке: проблемы, опыт, перспективы : сб. материалов XVII междунар. науч.-практ. конф. Донецк : ДОННТУ, 2021. С. 566—571.
20. Ставцев А. Н., Осипов А. Н., Гасанова Х. Н. Перспективы наращивания экспорта российского зерна на мировой агропродовольственный рынок // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2022. № 8(90). С. 47—53. DOI: 10.33938/228-47.
21. Svanidze M., Götz L., Djuric I., Glauben T. Food security and the functioning of wheat markets in Eurasia: a comparative price transmission analysis for the countries of Central Asia and the South Caucasus // Food Security. 2019. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 733—752. DOI: 10.1007/s12571-019-00933-y.
22. Svanidze M., Götz L. J. Spatial market efficiency of grain markets in Russia and global food security: A comparison with the USA : Discussion Paper No. 187. Halle (Saale) : Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO), 2019. 39 p.
23. Анискин А. А. Российские транспортные коридоры экспорта зерна на мировые рынки: проблемы и перспективы // Фундаментальные и прикладные вопросы транспорта. 2025. № 1(16). С. 17—24.
24. Economic Problems of Russia's Grain Complex Competitiveness System in the World Market / A. R. Battalova, R. S. Tukhvatullin, F. N. Mukhametgaliev et al. // International Journal of Engineering Research and Technology. 2020. Vol. 13. No. 12. Pp. 4475—4479.
25. Бородин К. Г. Экспорт, внутренние продажи и импорт: взаимосвязи на рынке страны-экспортера // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 3. С. 261—286. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-13.
26. Kvartuik V., Herzfeld T. Welfare effects of land market liberalization scenarios in Ukraine: Evidence-based economic perspective Discussion : Paper No. 186. Halle (Saale) : Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO), 2019. 68 p.
27. Коростелева О. Н. Мировой и российский рынок зерна в условиях санкций // Современные тенденции развития аграрной науки : сб. науч. тр. III междунар. науч.-практ. конф. Брянск : Брянский ГАУ, 2024. Ч. II. С. 600—606.
28. Войтюк В. А., Слинько О. В. Вызовы и перспективы развития экспорта продукции АПК // Современные проблемы аграрной науки и пути их решения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нальчик : Кабардино-Балкар. гос. аграр. ун-т, 2023. С. 197—199.
29. Нерушева Т. В., Зайцева Н. Н. Экономические и политические решения проблем сельского хозяйства // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2023. № 17. С. 22—28. DOI: 10.36683/2500-249X/2023-17/22-28.

REFERENCES

1. Borkhunov N., Avdeev M. Price parity in agrarian and industrial complex OF Russia and member states of EEU. *APK: ekonomika, upravlenie = AIC: economics, management*. 2018;3:60—68. (In Russ.)
2. Gordeev A. V., Patrushev D. N., Lebedev I. V. et al. Digital Agriculture. Departmental project. Moscow, Rosinformagrotech, 2019. 46 p. (In Russ.)
3. Ushachev I., Zhukov N. Theoretical and methodological aspects of strategic management of agricultural production: market limits, private property, large production. *APK: ekonomika, upravlenie = AIC: economics, management*. 2020;7:4—19. (In Russ.) DOI: 10.33305/207-4.
4. Sidorenko O. V. Methodology of study of grain sub-complex during globalization. *Zernovoe khozyaistvo Rossiii = Grain Economy of Russia*. 2015;5:66—71. (In Russ.)
5. Gulyaeva T. I., Sidorenko O. V. Development of grain products subcomplex in the context of implementation of the strategy of import substitution of agricultural products and food. *Agrarnaya Rossiya = Agrarian Russia*. 2016;1:30—36. (In Russ.)
6. Avarsky N. D., Prolygina N. A., Gasanova Kh. N., Fedyushin D. Yu. State interventions as form of marketing regulation of the market of grain. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of agriculture of Russia*. 2014;6:12—18. (In Russ.)
7. Osipov A. N., Demyanov N. S., Yudin E. A., Yudina T. A. An increase of food security and quality of production. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of agriculture of Russia*. 2015;10:39—44. (In Russ.)
8. Anokhina M. E. Economic dynamics of agriculture: factors, management, strategy. *Agrarnyi vestnik Urala = Agrarian Bulletin of the Urals*. 2019;11(190):71—79. (In Russ.) DOI: 10.32417/article_5dcd861e9a9f76.82054451.

9. Golubev A. Technology of the branches is as incentive of agrarian development. *APK: ekonomika, upravleniye = AIC: economics, management*. 2019;3:28—34. (In Russ.) DOI: 10.33305/193-28.
10. Alexeyeva S. N., Kharitonova T. V. Features of regional development of grain-farming. *Niva Povolzhya*. 2015;2(35): 112—118. (In Russ.)
11. Zhidkov S. A. Grain market of Russia: status, features, development trends. Diss. of the Doct. of Economics. Michurinsk, 2020. 364 p. (In Russ.)
12. Smirnov V. V., Shamrov K. N., Tolmachev A. V. Aspects of the development regulation of grain production and entering foreign markets. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*. 2016;116. (In Russ.) URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/02/pdf/99.pdf>.
13. Mishenko Yu. I., Klimenko A. V. The practice of regional grain export and import. *Regional'noe razvitiye = Regional development*. 2016;6:9. (In Russ.)
14. Altuhov A. I. Russian grain export: pros and cons of development. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Vestnik of Kursk State Agricultural Academy*. 2020;5:166—174. (In Russ.)
15. Altuhov A. I. Russian grain export: pros and cons of development. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Vestnik of Kursk State Agricultural Academy*. 2020;6:64—75.
16. Mironova O. A. World grain market and russian exports: state, trends, scenarios. *Vestnik Rostovskogo gosudarstvenno-go ekonomicheskogo universiteta (RINKh) = Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)*. 2022;4(80):143—149. (In Russ.) DOI: 10.54220/v.rsue.1991-0533.2023.80.4.021.
17. Dubovitsky A. A., Manaenkov V. V. The essence and features of the functioning of the Russian grain market. *Nauka i Obrazovanie*. 2025;8(3). (In Russ.) URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7978>.
18. Dubovitskii A. A., Klimentova E. A. Methodological aspects of assessing the sustainability of agricultural development: traditional approaches and an alternative point of view. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii = Economics of agriculture of Russia*. 2025;2:10—20. (In Russ.) DOI: 10.32651/252-10.
19. Shabalina L. V., Alekseenko M. V. Analysis and prospects of the grain market of the Russian Federation. *Ekonomika i marketing v XXI veke: problemy, opyt, perspektivy = Economics and Marketing in the 21st century: problems, experience, prospects. Collection of materials of the XVII International scientific and practical conference*. Donetsk, Donetsk National Technical University publ., 2021:566—571. (In Russ.)
20. Stavtsev A. N., Osipov A. N., Gasanova Kh. N. Prospects for the development of Russian grain exports to the global agri-food market. *Ekonomika, trud, upravlenie v sel'skom khozyaistve = Economy labor management in agriculture*. 2022;8(90): 47—53. (In Russ.) DOI :10.33938/228-47.
21. Svanidze M., Götz L., Djuric I., Glauben T. Food security and the functioning of wheat markets in Eurasia: a comparative price transmission analysis for the countries of Central Asia and the South Caucasus. *Food Security*. 2019;11(3):733—752. DOI: 10.1007/s12571-019-00933-y.
22. Svanidze M., Götz L. J. Spatial market efficiency of grain markets in Russia and global food security: A comparison with the USA. Discussion Paper No. 187. Halle (Saale), Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO) publ., 2019. 39 p.
23. Aniskin A. A. Russian transport corridors of grain export to world markets: problems and prospects. *Fundamental'nye i prikladnye voprosy transporta = Fundamental and applied transport issues*. 2025;1(16):17—24. (In Russ.)
24. Battalova A. R., Tukhvatullin R. S., Mukhametgaliev F. N. et al. Economic Problems of Russia's Grain Complex Competitiveness System in the World Market. *International Journal of Engineering Research and Technology*. 2020;13(12):4475—4479.
25. Borodin K. G. Export, domestic sales and import: interconnections on exporter's market. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika = Lomonosov Economics Journal*. 2023;3:261—286. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-13.
26. Kvartiuk V., Herzfeld T. Welfare effects of land market liberalization scenarios in Ukraine: Evidence-based economic perspective. Discussion Paper No. 186. Halle (Saale), Leibniz Institute of Agricultural Development in Transition Economies (IAMO) publ., 2019. 68 p.
27. Korosteleva O. N. The global and Russian grain market in the context of sanctions. *Sovremennye tendentsii razvitiya agrarnoi nauki = Modern trends in the development of agricultural science. Proceedings of the III International scientific and practical conference*. Bryansk, Bryansk State Agrarian University publ., 2024;2:600—606. (In Russ.)
28. Voityuk V. A., Slinko O. V. Challenges and prospects of export development agro-industrial complex products. *Sovremennye problemy agrarnoi nauki i puti ikh resheniya = Modern problems of agricultural science and ways to solve them. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Nalchik, Kabardino-Balkarian State Agrarian University publ, 2023: 197—199. (In Russ.)
29. Nerusheva T. V., Zaytseva N. N. Economic and Political Solution of Farming Problems. *Obrazovanie i nauka bez granits: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya*. 2023;17:22—28. (In Russ.) DOI: 10.36683/2500-249X/2023-17/22-28.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.
The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Научная статья
УДК 338.246.87:004.8
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1607

Aleksey Igorevich Smirnov
 Candidate of Economics, Associate Professor,
 Associate Professor of the Department
 of Economic and financial security,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation;
 Deputy General Director
 for Security,
 Apatit JSC
 Cherepovets, Russian Federation
 smirnovsfu@mail.ru

Yuriy Aleksandrovich Teterin
 Senior Lecturer of the Department
 of Economic and financial security,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation;
 Deputy Head
 of the Unified Competence Center
 at the Corporate Economic Security
 and Anti-Corruption Department
 of the Directorate for Economic Security,
 Apatit JSC
 Cherepovets, Russian Federation
 teterin.yuri@mail.ru

Aleksandr Yurievich Martynov
 Deputy Head
 of the Corporate Economic Security
 and Anti-Corruption Department
 of the Directorate for Economic Security,
 Apatit JSC
 Cherepovets, Russian Federation
 martynovaleksandr@yandex.ru

Irina Rudolfovna Ruiga
 Candidate of Economics, Associate Professor,
 Head of the Department
 of Economic and Financial Security,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation
 irina_rouiga@bk.ru

Алексей Игоревич Смирнов
 канд. экон. наук, доцент,
 доцент кафедры
 «Экономическая и финансовая безопасность»,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация;
 заместитель генерального директора
 по режиму (безопасности),
 АО «Апатит»
 Череповец, Россия
 smirnovsfu@mail.ru

Юрий Александрович Тетерин
 старший преподаватель кафедры
 «Экономическая и финансовая безопасность»,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация;
 заместитель начальника
 Единого центра компетенций
 Управления корпоративной экономической безопасности
 и противодействия коррупции
 Дирекции по экономической безопасности,
 АО «Апатит»
 Череповец, Российская Федерация
 teterin.yuri@mail.ru

Александр Юрьевич Мартынов
 заместитель начальника
 Управления корпоративной экономической безопасности
 и противодействия коррупции
 Дирекции по экономической безопасности,
 АО «Апатит»
 Череповец, Российская Федерация
 martynovaleksandr@yandex.ru

Ирина Рудольфовна Руйга
 канд. экон. наук, доцент,
 заведующий кафедрой
 «Экономическая и финансовая безопасность»,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация
 irina_rouiga@bk.ru

КОРПОРАТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ КОМПЛЕКСНОЙ ПРОВЕРКИ КОНТРАГЕНТОВ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена исследованию направлений и разработке концептуальных рекомендаций по внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ) в процесс проверки контрагентов для повышения уровня корпоративной экономической безопасности. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью проверки контрагентов как ключевого элемента системы корпоративной экономической безопасности.

В условиях роста транзакционных издержек, ужесточения налогового контроля (включая требования к коммерческой осмотрительности) и увеличения объемов закупочной деятельности традиционные сервисы проверки контрагентов (СПАРК, «Контур.Фокус» и др.) демонстрируют ограниченную эффективность, поскольку ориентированы на «абстрактную» оценку благонадежности без привязки к конкретным параметрам договора. Предметом

исследования выступают технологии искусственного интеллекта; объект исследования — процесс проверки контрагентов в системе корпоративной экономической безопасности. В результате исследования выявлены ключевые нерешенные научно-практические задачи: отсутствие контекстно-зависимых моделей проверки, низкий уровень внедрения искусственного интеллекта в российские сервисы, проблема объяснимости решений искусственного интеллекта (Explainable AI), ограничения информационной безопасности, отсутствие стандартизированных метрик эффективности. Определены наиболее релевантные технологии искусственного интеллекта (машинное обучение, обработка естественного языка, графовые нейронные сети, генеративный искусственный интеллект, компьютерное зрение). Предложен гибридный подход к проектированию специализированного кор-

поративного сервиса, сочетающий машинное обучение (градиентный бустинг), обработку естественного языка (NLP) и экспертную систему. Сформирована концептуальную модель последовательного внедрения технологий искусственного интеллекта в систему обеспечения корпоративной экономической безопасности промышленного предприятия, включающая три этапа: 1) автоматизация сбора данных и NLP-анализ; 2) предиктивная аналитика и скоринг; 3) управляемый ИИ-ассистент.

Ключевые слова: корпоративная экономическая безопасность, проверка контрагентов, должная осмотрительность, коммерческая осмотрительность, искусственный интеллект, машинное обучение, обработка естественного языка / NLP, градиентный бустинг, экспертная система, управляемый ИИ-ассистент, генеративный искусственный интеллект, промышленное предприятие

Для цитирования: Смирнов А. И., Тетерин Ю. А., Мартынов А. Ю., Руйга И. Р. Корпоративная экономическая безопасность: технологии искусственного интеллекта для комплексной проверки контрагентов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 130—137. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1607.

Original article

CORPORATE ECONOMIC SECURITY: ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES FOR COMPREHENSIVE COUNTERPARTY VERIFICATION

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article is devoted to the study of directions and the development of conceptual recommendations for the implementation of artificial intelligence (AI) technologies in the process of counterparty verification in order to enhance the level of corporate economic security. The relevance of the study is driven by the increasing role of counterparty verification as a key element of the corporate economic security system. In the context of rising transaction costs, stricter tax control (including requirements for commercial prudence), and an increasing volume of procurement activities, traditional counterparty verification services (SPARK, Kontur.Focus, and others) demonstrate limited effectiveness, as they focus on an “abstract” assessment of counterparty reliability without reference to specific contract parameters. The subject of the study is artificial intelligence technologies; the object of the study is the process of counterparty verification within the corporate economic security system. The study identifies key unresolved scientific and practical challenges: the absence of context-dependent verification models, the low level of AI implementation in Russian verification services,

the problem of explainability of artificial intelligence solutions (Explainable AI), information security constraints, and the lack of standardized performance metrics. The most relevant AI technologies are identified: machine learning, natural language processing (NLP), graph neural networks (GNNs), generative AI, and computer vision. A hybrid approach to the design of a specialized corporate service is proposed, combining machine learning (gradient boosting), natural language processing (NLP), and an expert system. A conceptual model for the sequential implementation of AI technologies into the corporate economic security system of an industrial enterprise is developed, comprising three stages: (1) automated data collection and NLP analysis; (2) predictive analytics and scoring; (3) governed AI assistant with continuous monitoring.

Keywords: corporate economic security, counterparty verification, due diligence, commercial prudence, artificial intelligence, machine learning, natural language processing / NLP, gradient boosting, expert system, governed AI assistant with continuous monitoring, generative artificial intelligence, industrial enterprise

For citation: Smirnov A. I., Teterin Yu. A., Martynov A. Yu., Ruiga I. R. Corporate economic security: artificial intelligence technologies for comprehensive counterparty verification. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):130—137. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1607.

Введение

Актуальность. В условиях современных экономических реалий, характеризующихся высокой степенью неопределенности, ростом транзакционных издержек и ужесточением регуляторных требований (включая налоговое регулирование и налоговый контроль, проявление коммерческой осмотрительности), обеспечение корпоративной экономической безопасности хозяйствующих субъектов выступает в качестве приоритетных целей. Особое значение данная проблематика приобретает для представителей крупного промышленного бизнеса,

которые в силу масштабов производственных процессов, протяженности кооперационных цепочек, высокой стоимости корпоративных активов наиболее уязвимы для недобросовестных конкурентов.

В этой связи проверка контрагентов представляет собой не просто вспомогательную функцию, а выступает в качестве ключевого элемента системы корпоративной экономической безопасности. Формирование качественной системы оценки благонадежности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей позволяет предприятию минимизировать налоговые, регуляторные, правовые

и репутационные риски, а также в дальнейшем принимать обоснованные управленческие решения в рамках функционирования бизнеса.

На сегодняшний день рынок сервисов проверки контрагентов (СПАРК, «Контур.Фокус», «За честный бизнес» и др.) прошел достаточно длительный путь развития. Данные сервисы выступают в качестве эффективных помощников для аналитика, предоставляя доступ к унифицированным данным из различных источников [Федеральная налоговая служба (далее — ФНС), Федеральная служба государственной статистики, Федеральная служба судебных приставов (далее — ФССП), арбитражные суды и пр.]; техническая сервисная поддержка и сопровождение с учетом высокой конкуренции рынка России находится на достаточно высоком уровне. Однако, на сегодняшний день главным конкурентным преимуществом конкретного сервиса становится эффективность его интеграции в корпоративные информационные системы компаний, кроме этого, рассматриваются и дополнительные критерии:

- совместимость с ключевыми системами бизнеса (*ERP, CRM, SCM, BPM* и др.);
- производительность (измеряется в миллионах запросов в сутки / запросах в секунду);
- функционал (поиск компаний по разным признакам, детализация информации, возможность различных выгрузок, отчетов, формирование графов связей, мониторинг изменений и т. д.);
- надежность и стабильность (*SLA* не менее 99,9 %);
- аналитические возможности (например, формирование скорингов или использование данных сервиса в собственных скоринговых моделях бизнеса);
- возможность кастомизации под конкретные задачи бизнеса;
- масштабируемость на бизнес-единицы, бизнес-процессы.

Изученность проблемы. Вопросы обеспечения корпоративной экономической безопасности раскрываются в трудах А. И. Смирнова с соавторами [1; 2]. Аспекты изучения инструментов управления налоговыми рисками, подходов к проверке благонадежности контрагентов и соблюдения коммерческой осмотрительности представлены в исследованиях Л. В. Брянцева [3], Н. Н. Васильевой [4], А. В. Грачева с соавторами [5], М. Н. Жариковой [6], Ю. А. Тетерина [7], А. А. Бобошко [8]. Исследование возможностей применения технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) в промышленности, в т. ч. для повышения эффективности процессов управления, изложено в работах А. М. Балашова [9], А. В. Зиненко [10—12], А. П. Москалева [13], П. С. Бибинова [14], Н. Г. Андриановой [15].

Анализ научных публикаций по вопросам исследования проверки контрагентов, механизмов обеспечения экономической безопасности, а также функциональных возможностей действующих сервисов, позволяет выявить нерешенную научную задачу: подавляющее большинство существующих решений ориентировано на «абстрактную» проверку контрагента (банкротство, долговая нагрузка, дисквалификация директора), но не на проверку контрагента применительно к конкретному договору, закупке или тендеру.

Более того, как следует из обзора рынка, в России уровень внедрения технологий ИИ в сервисы проверки контрагентов остается крайне низким. Многие сервисы

лишь «присматриваются» к ИИ, что объективно препятствует развитию системы корпоративной экономической безопасности в целом. При этом достигнутый высокий уровень интеграции сервисов с корпоративными информационными системами и накопленные массивы исторических данных о принятых решениях создают необходимые предпосылки для активизации деятельности по внедрению ИИ.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

1) в развитии теоретических положений экономической безопасности (в т. ч. категории «коммерческая осмотрительность»); авторами обоснована контекстно-зависимая модель оценки благонадежности;

2) в разработке гибридной трехуровневой архитектуры (*ML + NLP + Expert System*) для проверки благонадежности контрагентов, которая в отличие от существующих сервисов обеспечивает не только прогнозирование рисков, но и объяснимость решений для налоговых органов и руководства предприятия.

Указанная актуальность и проблематика предопределили **цель** исследования, которая заключается в обосновании направлений и разработке концептуальных рекомендаций по внедрению технологий ИИ в процесс проверки контрагентов для повышения уровня корпоративной экономической безопасности.

Задачи исследования:

1) провести контент-анализ нормативно-правовой документации и материалов судебной практики, а также обзор функциональных возможностей специализированных сервисов по проверке контрагентов;

2) провести эмпирический анализ исследований по вопросам применения технологий ИИ на промышленных предприятиях, в т. ч. для повышения эффективности процессов управления;

3) разработать концептуальные рекомендации по внедрению технологий ИИ в процесс проверки контрагентов для повышения уровня корпоративной экономической безопасности;

4) сформулировать направления для дальнейшего исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретических положений в контексте совершенствования цифровых инструментов проверки благонадежности контрагентов в аспекте повышения уровня корпоративной экономической безопасности. **Практическая значимость** заключается в возможности применения результатов исследования представителями корпоративного сектора при реализации стратегии перехода от вспомогательных инструментов к полноценным автоматизированным системам принятия решений на основе ИИ.

Основная часть

Материалы и методы исследования. В процессе исследования использованы такие общенаучные методы и подходы, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, описание, аналогия, системный и субъектно-ориентированный подходы.

Информационная база исследования:

1) нормативные правовые акты, закрепляющие функциональные обязанности проверки контрагентов [Федеральный закон от 7 августа 2021 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»,

Налоговый кодекс РФ (ст. 5.1), Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ (разъяснение критериев выбора контрагента в целях получения налоговой выгоды, что является принципиально значимым для разработки автоматизированных систем проверки с учетом вариации требований к проверке в зависимости от параметров конкретной сделки)];

2) материалы судебной практики Верховного суда РФ; информационно-аналитические материалы АНО «Цифровая экономика»; официальные сайты специализированных сервисов по проверке контрагентов [СПАРК (Интерфакс), «Контур.Фокус», СБИС («Тензор») и др.].

Контент-анализ нормативно-правовой документации и материалов судебной практики свидетельствует о том, что проверка контрагентов перестает быть исключительно внутренней процедурой службы экономической безопасности компании и приобретает характер юридически значимого действия, влияющего на налоговые последствия и корпоративную ответственность.

Обзор функциональных возможностей специализированных сервисов указывает на отсутствие явных конкурентных преимуществ в виду получения информации из одних и тех же государственных источников и наличие интеграционных возможностей с корпоративными информационными системами; не предусматривается практическая реализация решения проблемы оценки благонадежности контрагента в рамках конкретной закупочной процедуры с заданными параметрами (сумма, сроки, предмет поставки, условия оплаты и пр.). Данное ограничение порождает значительный объем ручного труда аналитиков экономической безопасности, которые вынуждены самостоятельно сопоставлять параметры сделки с рисками контрагента. В условиях промышленного предприятия с объемом проверок более 100 тыс. в год этот «интеллектуальный разрыв» становится критическим фактором, сдерживающим скорость принятия управленческих решений и полноту учета рисков компании.

Эмпирический анализ исследований по вопросам проверки контрагентов на промышленных предприятиях [7; 10; 13; 14] указывает на необходимость формирования концептуального подхода к проектированию специализированной информационно-аналитической системы, учитывающей отраслевую характеристику и специфику, интегрированной с корпоративным ландшафтом.

С точки зрения бизнеса проблема отсутствия автоматизированного решения по проверке контрагентов основанного на ИИ — это очень длительный процесс проверки, что зачастую замедляет многие бизнес-процессы. С точки зрения корпоративной экономической безопасности аналогичная проблема — это невозможность эффективного учета всех факторов при принятии решения о благонадежности контрагента в рамках конкретной закупки, тендера или договора.

Резюмируя выше изложенное, сформулированы следующие нерешенные научно-практические задачи:

1. Отсутствие контекстно-зависимых моделей проверки. Существующие решения оценивают контрагента как такового, а не в привязке к конкретным параметрам договора (сумма, сроки, предмет поставки, условия оплаты, штрафные санкции). Это противоречит требованиям ФНС о дифференцированном подходе к коммерческой осмотрительности (Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. №БВ-4-7/3060@).

2. Низкий уровень внедрения ИИ в российских сервисах. Как следует из обзора рынка, большинство сервисов только рамочно тестирует технологии ИИ, что сдерживает развитие системы корпоративной экономической безопасности в целом.

3. Проблема объяснимости (Explainable AI). Для принятия юридически значимых решений требуется, чтобы ИИ не просто выдавал результаты оценки, но и производил обоснование (подкрепляя ссылками на конкретные факты и источники данных).

4. Безопасность и конфиденциальность. Промышленные предприятия не могут использовать публичные облачные LLM (*OpenAI, Anthropic, Google*) для обработки данных о контрагентах в силу требований информационной безопасности и Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Требуются решения *on-premise* на российских моделях.

5. Отсутствие стандартизированных метрик эффективности. В актуальных научных исследованиях отсутствует предложение по разработке унифицированной системы показателей для оценки качества ИИ-проверки контрагентов (*precision, recall, F1-score* применительно к выявлению недобросовестных поставщиков).

С другой стороны, в контексте решения указанных ограничений современное развитие ИИ формирует технологическую основу для их преодоления. Анализ применимых технологий ИИ [7; 12; 13] для задачи проверки контрагента позволил выявить наиболее релевантные:

1) **машинное обучение (ML):** построение скоринговых моделей, прогнозирование банкротства и дефолта;

2) **обработка естественного языка (NLP):** извлечение сущностей из судебных решений, анализ тональности новостей, семантический анализ договоров;

3) **графовые нейронные сети (GNN):** выявление цепочек аффилированности, поиск скрытых связей между компаниями;

4) **генеративные модели (LLM):** формирование отчетов с рекомендациями, ответы на вопросы аналитика в диалоговом режиме;

5) **компьютерное зрение (CV):** распознавание сканированной документации, печати, подписи.

Результаты исследования. Определяя современный этап интеграции ИИ в автоматизированные процессы проверки контрагентов как начальный, ключевой задачей представляется определение новых дополнительных требований к сервису по проверке контрагентов с учетом потенциального использования достижений в области ИИ. Главным образом выделим функциональные и технические требования, а также требования к данным.

1. Функциональные требования:

— комплексный автоматизированный сбор и анализ данных из всех доступных источников [в т. ч. использование автоматизированных инструментов *Open Source Intelligence (OSINT)* при условии проведения фактчекинга и присвоения уровня доверия к данным], например для определения скрытых связей между формально неаффилированными между собой компаниями, а также для оценки репутационных рисков.

— формирование инструментов прогнозирования банкротства, изменений в финансовом состоянии, неисполнения обязательств контрагентом на основе машинного обучения;

— генерация информативных отчетов с конкретными рекомендациями;

- мониторинг в реальном времени;
- интеграция с большинством корпоративных систем компании для своевременного принятия управленческих решений (блокировка платежей, поставок, допусков и т. д.).

2. Технические требования:

- масштабируемость на отраслевой или национальный уровень (архитектура должна поддерживать рост числа пользователей и объема обрабатываемых данных без потери производительности);
- высокий уровень производительности, отказоустойчивости и информационной безопасности;
- использование передовых технологий (*ML*, *DL*, *NLP*, генеративные модели (в т. ч. *LLM*), компьютерное зрение, системы обнаружения аномалий, автоматизированные системы реагирования на инциденты и т.д.).

3. **Требования к данным** (актуальность, достоверность, полнота, унификация и т. д.).

Не менее важны требования к интерфейсу, нормативно-правовые, эксплуатационные и требования, которые в целом следует рассматривать, ориентируясь на лучшие практики рынка.

Концептуальный подход предлагаемого решения выглядит следующим образом:

1. ИИ должен уметь идентифицировать и понимать основания для закупок, условия тендеров, конкурентные листы, тексты договоров как объекты, с которыми он может работать в привязке с параметрами соответствующих контрагентов.

2. ИИ запускает проверку в сервисе, анализирует выявленные риск-факторы, исторические данные о проверках, данные скоринговых моделей. Далее объект, содержащий параметры закупки или договора, используется в качестве ключевого элемента оценки благонадежности. Важно понимать, что контрагент проверяется не абстрактно, а в привязке к конкретным параметрам объекта.

3. ИИ генерирует отчет и направляет заключение на согласование аналитику по экономической безопасности (происходит коммуникация аналитика с ИИ в рамках обучения модели). После согласования в соответствующем основании порядке ИИ вносит необходимую информацию к корпоративную информационную систему.

Учитывая изложенные функциональные и технические требования, требования к данным, а также концептуальные тезисы предлагаемого решения, полагаем целесообразным представить следующие технологии ИИ с учетом применимости в процедуре проверки контрагента и степени важности (см. табл.).

Технологии искусственного интеллекта для проверки контрагента

Технологии ИИ	Функциональная роль в процедуре проверки	Оценка важности для комплексной проверки
Машинное обучение (<i>ML</i>). Градиентный бустинг	Построение итоговой формулы риска, определение весовых значений включенных признаков. Автоматическое агрегирование данных ФНС, ФССП, арбитражных судов (дела), картотеки арбитражных дел (тексты решений), СМИ и социальных сетей (упоминания), корпоративных баз данных компании (история платежей)	Максимальная (ключевая)
Обработка естественного языка (<i>NLP</i>)	Расшифровка неструктурированных текстов. Анализ тональности. Идентификация фактов из судебных актов новостных сообщений, социальных сетей (информация, не включенная в табличный формат, важная часть для нечисловых данных)	Выше среднего
Экспертная система	Дополнение юридически значимыми «риск-факторами» и «стоп-факторами»	Средняя
Генеративный ИИ (<i>LLM</i>)	Формирование заключения по отчету	Минимальная (формирует удобство для пользователя)
Компьютерное зрение (<i>CV</i>)	Распознавание сканированных документов, печатей, подписей	Минимальная (применение только на входе данных)

Таким образом, в силу таких требований, как объяснимость (почему взаимодействие с данным контрагентом исключено) и работа с разнородными данными (цифры, текст, реестры) для проектирования специализированного корпоративного сервиса из представленных в таблице технологий ИИ предлагается гибридное решение на основе комбинации технологий машинного обучения (*ML*) (а именно градиентный бустинг для расчета итогового индекса риска) в совокупности с обработкой естественного языка (*NLP*) для извлечения смысла из неструктурированного текста (судебные решения, СМИ, социальные сети) и элементами экспертных систем для формирования жестких фильтров (черные списки). Указанная комбинация не противоречит функциональному концепту систем «СПАРК-Риски» (Интерфакс), «Контур.Фокус» и скоринговых систем в Сбере/Тинькофф.

Среди ограничений для формирования подобных сервисов можно выделить следующие:

- отсутствие возможности использования моделей лидеров мирового ИИ таких как *OpenAI*, *Anthropic*, *Google* и др.;

- приоритеты информационной безопасности компаний и как следствие стремление многих компаний развернуть «собственный» ИИ в закрытом контуре на «слабых» моделях;

- долгое обучение моделей для эффективного учета контекста, переобучение по причине дискриминирующих результатов, галлюцинаций ИИ;

- зависимость эффективности модели от качества и полноты данных.

Таким образом, сервисы по проверке контрагентов должны быть еще более интегрированными в информационные системы компаний, должны стать интеллектуальными (на основе ИИ) и превратиться из помощника аналитика в систему подготовки проектов обоснованных решений по благонадежности контрагента максимально учитывая требования регуляторов и потребностей бизнеса.

Резюмируя изложенное представляется целесообразным сформировать концептуальную модель последовательного внедрения технологий ИИ в систему обеспечения корпоративной экономической безопасности промышленного предприятия (см. рис.).

I ЭТАП. АВТОМАТИЗАЦИЯ СБОРА ДАННЫХ И NLP-АНАЛИЗ	
Цель: Замена ручного труда по сбору данных из более чем 10 источников. Получение навыков понимания неструктурированного текста (судебные решения, СМИ, социальные сети)	
Технология: NLP (извлечение сущностей, анализ тональности), RAG-агенты	
Интеграция в ИС: Внедрение ИИ-модуля в существующую CRM/ERP (например, 1С) и платформу комплаенса	
Позиции по внедрению	Ожидаемый эффект
Автоматизированный сбор данных	Сокращение времени сбора информации
NLP-анализ судебных решений	Ранне выявление риска мошенничества (ст. 159 УК)
RAG-отчет по документам	Ускорение процедуры комплексной проверки (ускорение Due Diligence на 70 %)
Интеграция: Подключение API к внутренней базе контрагентов. При загрузке ИИИ система автоматически подтягивает и структурирует данные	
II ЭТАП. ПРЕДИКТИВНАЯ АНАЛИТИКА И СКОРИНГ	
Цель: Переход от констатации фактов к процедуре прогнозирования (вероятность банкротства / блокировка счетов)	
Технологии: Машинное обучение (градиентный бустинг), Предиктивная аналитика	
Позиции по внедрению	Ожидаемый эффект
Скоринг-модель «Кредитный лимит»	Снижение доли «плохих» долгов
Факторный анализ аффилированности	Защита от сговора и картельных схем
Санкционный комплаенс	Соответствие требованиям Международного права
Интеграция: Встраивание модели в модуль «Финансовый контроль» ERP (При попытке создать заказ на сумму более 5 млн руб. система требует авторизации по результатам ИИИ-скоринга)	
III ЭТАП. УПРАВЛЯЕМЫЙ ИИ-АССИСТЕНТ	
Цель: создание «цифрового помощника» для специалиста экономической безопасности, полная автоматизация процесса мониторинга и прогнозирования	
Технологии: LLM-агенты с ролью (Role-Based Agents), Low-code платформы	
Позиции по внедрению	Ожидаемый эффект
Гибридный ИИ-ассистент	Экономия времени аналитика
Управляемый ИИ-ассистент (Governed AI)	Исключение утечек данных. Соответствие 152-ФЗ и 115-ФЗ
Continuous Monitoring	Снижение операционных потерь
Интеграция: Low-code платформа (например, на базе решений GreenData или СберКорпус). Возможности для специалистов ДЭБ самостоятельно менять правила проверки без функционала программистов, подстраиваясь под изменения в 54.1 НК РФ	

Рис. Концептуальную модель последовательного внедрения технологий искусственного интеллекта в систему обеспечения корпоративной экономической безопасности промышленного предприятия

Заключение

Перспектива развития ИИ в сфере проверки контрагентов заключается в постепенном переходе от вспомогательных инструментов к полноценным автоматизированным системам принятия решений, способным учитывать многогранность и специфику каждой сделки.

В ближайшие 2—3 года можно ожидать следующих шагов по развитию:

1. Углубление алгоритмов машинного обучения — переход от расчета общего индекса риска к прогнозированию вероятности конкретных рисков (например, неисполнения обязательств, мошенничества, скрытых аффилированных связей) с детализацией по типам закупок/договоров.

2. Совершенствование NLP-технологий — расширение базы неструктурированных данных (включая многоязычные источники, внутренние отчеты компаний, профессиональные форумы) и повышение точности извлечения релевантных сигналов (например, признаков финансовых трудностей, репутационных рисков).

3. Интеграция с блокчейн-технологиями и электронными подписями для автоматического верифицирования легитимности документов и истории контрагентов.

4. Развитие гибридных экспертных систем с возможностью самообучения на основе обратной связи от аналитиков (например, анализ причин отклоненных сделок для корректировки весовых коэффициентов рисков).

5. Создание унифицированных API для бесшовной интеграции ИИ-решений с корпоративными ERP, CRM, системами электронного документооборота.

6. Внедрение объяснимого ИИ (XAI) — предоставление аналитикам прозрачных отчетов с обоснованием принятых системой решений (например, топ-5 факторов, повлиявших на оценку благонадежности).

7. Разработка модульных решений для разных отраслей (строительство, IT, ритейл), учитывающих специфику контрактных требований и типичных рисков.

8. Синхронизация с государственными реестрами (ФНС, ФССП, ЕГРЮЛ) в режиме реального времени для оперативного выявления изменений в статусе контрагентов.

9. Использование мультимодальных моделей (комбинация текста, таблиц, изображений) для анализа всей доступной информации (например, фото объектов недвижимости, отчетов о производственных мощностях).

10. Этическое и правовое регулирование — разработка стандартов прозрачности, защиты данных и ответственности за решения, принятые ИИ-системами.

Итогом развития станет создание «цифрового аналитика» — интеллектуального помощника, способного на основе многофакторного анализа предлагать оптимальные сценарии взаимодействия с контрагентами, минимизируя риски и оптимизируя транзакционные издержки.

Это позволит компаниям перейти на проактивный уровень управления экономическими рисками, опережая потенциальные угрозы за счет предиктивной аналитики и автоматизации рутинных проверок.

Говоря о перспективах и конкретных задачах сегодняшнего дня в аспекте развития ИИ в сфере проверки контрагентов, большим компаниям и их вендорам информационно-аналитических систем следует начинать формировать техническое задание для разработки прототипа ИИ-системы автоматизированной проверки контрагентов с учетом предложенного гибридного подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смирнов А. И., Тетерин Ю. А., Руйга И. Р., Мартынов А. Ю. Концепция корпоративной экономической безопасности: базовые положения, механизмы обеспечения и этапы реализации // *Финансовый менеджмент*. 2025. № 1. С. 185—197.
2. Руйга И. Р., Смирнов А. И., Тетерин Ю. А., Мартынов А. Ю. Концептуальный подход к оценке корпоративной экономической безопасности на основе интеграции методов программирования и машинного обучения // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2025. Т. 21. № 7. С. 79—99. DOI: 10.24891/hcasfn.
3. Брянцева Л. В., Бичева Е. Е. Налоговые риски в системе обеспечения экономической безопасности // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2024. № 8(176). С. 94—106.
4. Васильева Н. Н., Свинов А. В., Ткачук О. В. Адаптация системы управления рисками на предприятии промышленного типа // *Интеллектуальные системы в производстве*. 2021. Т. 19. № 3. С. 134—141. DOI: 10.22213/2410-9304-2021-3-134-141.
5. Грачев А. В., Сикорская Л. В., Виноградова Ю. А. Оценка надежности контрагентов как инструмент обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта // *Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством*. 2022. № 4(54). С. 44—52.
6. Жарикова М. Н. О некоторых вопросах проявления должной осмотрительности при выборе контрагента // *Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право*. 2023. Т. 8. № 3. С. 28—33. DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-3-28-33.
7. Тетерин Ю. А. Инструменты мониторинга и прогнозирования в системе коммерческой осмотрительности для минимизации налоговых рисков компании // *Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025)* : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. Т. 2. С. 157—160.
8. Бобошко А. А., Куприн А. А., Вержбицкая А. В. Сущность коммерческой осмотрительности при проверке надежности контрагента как инструмента экономической безопасности // *Экономика и управление народным хозяйством*. 2024. № 19(21). С. 91—96.
9. Балашов А. М. Цифровизация и использование искусственного интеллекта в производственных процессах современных предприятий // *Теоретическая экономика*. 2024. № 11. С. 34—41. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-11-34-41.
10. Зиненко А. В. Интегрирование элемента «машина» в организационную систему институционального инвестора // *Современные наукоемкие технологии*. 2025. № 9. С. 58—62. DOI: 10.17513/snt.40486.
11. Зиненко А. В. Комплексная методология поддержки принятия инвестиционных решений // *Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе*. 2025. № 3. С. 141—152. DOI: 10.21685/2227-8486-2025-3-11.
12. Зиненко А. В., Балабанова Н. В. Компартментная модель оценки финансовых рисков // *Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение*. 2022. № 3(71). С. 27—32.
13. Москалев А. П. Автоматизированные системы мониторинга контрагентов на основе больших данных для снижения бизнес-рисков // *Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 6.0 (ИНПРОМ-2025)* : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2025. Т. 2. С. 128—132.
14. Бибиков П. С. Цифровые технологии, блокчейн и искусственный интеллект в развитии финансового контроля электроэнергетических корпораций // *Вестник евразийской науки*. 2025. Т. 17. № s2. URL: <https://esj.today/PDF/15FA-VN225.pdf>.
15. Андрианова Н. Г. Искусственный интеллект в налоговом контроле: проблемы и перспективы правового регулирования // *Налоги и налогообложение*. 2025. № 3. С. 22—32. DOI: 10.7256/2454-065X.2025.3.74301.

REFERENCES

1. Smirnov A. I., Teterin Yu. A., Ruyga I. R., Martynov A. Yu. The concept of corporate economic security: basic provisions, mechanisms for ensuring and stages of implementation. *Finansovyi menedzhment = Financial management*. 2025;1:185—197. (In Russ.)
2. Ruiga I. R., Smirnov A. I., Teterin Yu. A., Martynov A. Yu. Conceptual framework for assessing corporate economic security through the integration of programming and machine learning techniques. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2025;21(7):79—99. (In Russ.) DOI: 10.24891/hcasfn.
3. Bryantseva L. V., Bicheva E. E. Tax risks in the economic security system. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern economics: problems and solutions*. 2024;8(176):94—106. (In Russ.)
4. Vasilyeva N. N., Svinov A. V., Tkachuk O. V. Adaptation of the Risk Management System in an Industrial-Type Enterprise. *Intellektual'nye sistemy v proizvodstve = Intelligent systems in manufacturing*. 2021;19(3):134—141. (In Russ.) DOI: 10.22213/2410-9304-2021-3-134-141.

5. Grachev A. V., Sikorskaya L. V., Vinogradova Ju. A. Assessment of counterpart reliability as a tool to ensure economic security of an economic subject. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya "Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom" = News of higher educational institutions. Series "Economy, finance and production management"*. 2022;4(54):44—52. (In Russ.)
6. Zharikova M.N. Some issues of due diligence in choosing a counterparty. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2023;8(3):28—33. (In Russ.) DOI: 10.47475/2618-8236-2023-8-3-28-33.
7. Teterin Yu. A. Monitoring and forecasting tools in the commercial diligence system to minimize the company's tax risks. *Intellektual'naya inzhenernaya ekonomika i Industriya 6.0 (INPROM-2025) = Intelligent Engineering Economics and Industry 6.0 (INPROM-2025). Proceedings of the International scientific and practical conference*. Saint Petersburg, POLYTECH-PRESS, 2025;2:157—160. (In Russ.)
8. Boboshko A. A., Kuprin A. A., Verzhbitskaya A. V. The essence of commercial prudence in verifying the reliability of a counterparty as an instrument of economic security. *Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaistvom*. 2024; 19(21):91—96. (In Russ.)
9. Balashov A. M. Digitalization and the use of artificial intelligence in the production processes of modern enterprises. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical economics*. 2024;11:34—41. (In Russ.) DOI: 10.52957/2221-3260-2024-11-34-41.
10. Zinenko A. V. "Machine" element integration into an institutional investor organizational system. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2025;9:58—62. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.40486.
11. Zinenko A. V. Comprehensive methodology of supporting investment decisions. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve = Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*. 2025;3:141—152. (In Russ.) DOI: 10.21685/2227-8486-2025-3-11.
12. Zinenko A. V., Balabanova N. V. Compartment model for assessing financial risks. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii. Regional'noe prilozhenie = Modern high technologies. Regional application*. 2022;3(71):27—32. (In Russ.)
13. Moskalev A. P. Automated systems for counterparty monitoring based on big data: a key to reducing business risks. *Intellektual'naya inzhenernaya ekonomika i Industriya 6.0 (INPROM-2025) = Intelligent Engineering Economics and Industry 6.0 (INPROM-2025). Proceedings of the International scientific and practical conference*. Saint Petersburg, POLYTECH-PRESS, 2025;2:128—132. (In Russ.)
14. Bibikov P. S. Digital technologies, blockchain and artificial intelligence in the development of financial control of electric power corporations. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s2). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/15FAVN225.pdf>.
15. Andrianova N. G. Artificial intelligence in tax control: problems and prospects of legal regulation. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes & taxation*. 2025;3:22—32. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-065X.2025.3.74301

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья

УДК 338.24

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1625

Sergey Aleksandrovich Shapiro

Candidate of Economics,
Acting Head of the Department of Labor Economics
and Demography,
Academy of Labor and Social Relations
Moscow, Russian Federation
sergey_shapiro@mail.ru

Andrey Aleksandrovich Motylkov

Applicant for the degree of Candidate of Economics
at the Department of Labor Economics and Demography,
field of training “Population Economics
and Labor Economics”,
Academy of Labor and Social Relations
Moscow, Russian Federation
webaroo77@gmail.com

Сергей Александрович Шапиро

доц. канд. экон. наук,
и. о. заведующего кафедрой экономики труда
и демографии,
Академия труда и социальных отношений
Москва, Российская Федерация
sergey_shapiro@mail.ru

Андрей Александрович Мотыльков

соискатель степени канд. экон. наук
при кафедре экономики труда и демографии,
направление подготовки «Экономика народонаселения
и экономика труда»,
Академия труда и социальных отношений
Москва, Российская Федерация
webaroo77@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ БЕДНОСТЬ В РОССИИ: МЕТОДЫ ОЦЕНКИ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Современная бедность в России сохраняется как структурное ограничение воспроизводства населения, занятости и территориального развития, хотя официальный показатель нуждаемости в последние годы снижался. Исследование рассматривает бедность не как отклонение дохода от фиксированного порога, а как результат одновременного действия статистической методологии, параметров рынка труда, семейной нагрузки и региональных различий условий жизни. Цель работы состоит в выявлении связи между действующей моделью измерения бедности, межрегиональной дифференциацией ее уровня и распределением риска бедности между основными социальными группами населения. Методологическую основу составили сравнительный, аналитический и региональный подходы. Эмпирическую базу образовали данные Росстата, результаты российских исследований по абсолютной, относительной и многомерной бедности, а также публикации по адресной социальной поддержке, бедности занятых и положению семей с детьми. Анализ показал, что снижение официального уровня бедности не устраняет устойчивые группы риска.

К ним относятся работающие бедные, семьи с детьми и жители регионов с длительной концентрацией нуждаемости. Установлено, что доходный критерий в изолированном виде искажает реальную глубину бедности, а единые меры поддержки дают неодинаковый результат в территориях с разной структурой занятости, стоимостью жизни и доступом к услугам. Работа фиксирует еще один узел проблемы. Домохозяйства с близким денежным доходом оказываются в разном положении из-за числа иждивенцев, режима занятости взрослых членов семьи и качества местной социальной инфраструктуры. В работе обоснована необходимость соединения доходной поддержки, регулирования трудовых доходов, семейной политики и регионально дифференцированных механизмов преодоления бедности.

Ключевые слова: бедность, граница бедности, абсолютная бедность, относительная бедность, многомерная бедность, работающие бедные, семьи с детьми, региональная дифференциация, адресная социальная поддержка, трудовые доходы, социальные трансферты, социальная политика

Для цитирования: Шапиро С. А., Мотыльков А. А. Современная бедность в России: методы оценки, региональные различия и механизмы преодоления // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 138—146. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1625.

Original article

CONTEMPORARY POVERTY IN RUSSIA: ASSESSMENT METHODS, REGIONAL DIFFERENCES AND ALLEVIATION MECHANISMS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Contemporary poverty in Russia persists as a structural constraint on population reproduction, employment, and territorial development, despite the official poverty indicator having declined in recent years. This study examines poverty not

as a deviation of income from a fixed threshold, but as the result of the combined effects of statistical methodology, labor market parameters, family burden, and regional differences in living conditions. The aim of the study is to identify the relationship

between the current poverty measurement model, interregional differentiation in poverty levels, and the distribution of poverty risk among key social groups. The methodological framework utilizes comparative, analytical, and regional approaches. The empirical base is comprised of Rosstat data, the results of Russian studies on absolute, relative, and multidimensional poverty, as well as publications on targeted social assistance, employed poverty, and the situation of families with children. The analysis revealed that a reduction in the official poverty level does not eliminate persistent risk groups. These include the working poor, families with children, and regions with a long-standing concentration of poverty. It has been established that the income criterion alone distorts the true depth of poverty,

and uniform support measures produce uneven results in areas with different employment structures, costs of living, and access to services. The study highlights another key element of the problem. Households with similar incomes find themselves in different situations due to the number of dependents, the employment status of adult family members, and the quality of local social infrastructure. The study substantiates the need to integrate income support, labor income regulation, family policy, and regionally differentiated poverty alleviation mechanisms.

Keywords: poverty, poverty line, absolute poverty, relative poverty, multidimensional poverty, working poor, families with children, regional differentiation, targeted social support, labor income, social transfers, social policy

For citation: Shapiro S. A., Motylkov A. A. Contemporary poverty in Russia: assessment methods, regional differences and alleviation mechanisms. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):138—146. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1625.

Введение

Актуальность. Современная бедность в России не сводится к доле населения с доходами ниже установленной границы. Внутри общего показателя сохраняются различия между регионами, домохозяйствами и социальными группами, а сам факт снижения среднероссийского уровня не снимает вопрос о механизмах воспроизводства нуждаемости. Для анализа этой проблемы недостаточно учитывать только общую динамику показателя. Необходимо рассматривать, как соотносятся методика измерения бедности, структура занятости, семейная нагрузка и различия в социально-экономических условиях субъектов Российской Федерации.

Отдельное значение имеет положение семей с детьми и работающих бедных. Основная часть статьи показывает, что наличие занятости не гарантирует выход из бедности, а одинаковый уровень дохода не означает одинакового уровня обеспеченности при разном составе домохозяйства, числе иждивенцев и объеме обязательных расходов. Это выводит проблему за рамки доходного минимума и требует анализа бедности как результата совокупного действия трудовых, демографических и институциональных факторов.

Изученность проблемы. Вопросы региональной динамики бедности раскрыты в работе Н. Ю. Коробковой [1], где показано, что общероссийская траектория снижения бедности сочетается с устойчивой неоднородностью регионов по масштабу и глубине нуждаемости. Этот подход важен для данной статьи, т. к. в основной части региональные различия рассматриваются не как фон, а как фактор, влияющий на распределение риска бедности между социальными группами.

Многомерная трактовка бедности и ограничения доходного критерия проанализированы Т. М. Малевой, Е. Е. Гришиной, Е. А. Цацурой [2], а также в коллективной монографии под редакцией Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина [3]. В этих исследованиях бедность описывается через совокупность ограничений, связанных с доходом, жилищными условиями, доступом к услугам и параметрами поддержки, что позволяет по-другому интерпретировать статистические показатели нуждаемости. Для логики настоящей статьи это важно, т. к. в разделе результатов показано, что один доходный индикатор не отражает различия в положении домохозяйств с разной семейной нагрузкой, структурой занятости и местом проживания, что показано А. В. Филипповой [4].

Проблематика адресной поддержки и социальной защиты рассмотрена в работах Л. Н. Овчаровой с соавторами [5], А. И. Пишняка, Е. А. Гориной, И. И. Корчагиной, С. А. Тер-Акопова [6]. Эти исследования используются в статье при анализе соответствия формальных критериев нуждаемости фактическому положению домохозяйств и при выявлении ограничений унифицированных механизмов помощи. Материалы о положении семей с детьми и эффекте мер поддержки на риск бедности позволяют связать доходный анализ с иждивенческой нагрузкой и занятостью родителей. В более широком контексте социально-экономических отношений отдельные механизмы смягчения уязвимости рассматриваются в коллективной монографии под редакцией Г. Ф. Бигловой [7].

Отдельное направление исследований касается бедности работающего населения и роли трудовых доходов. В работах Е. Е. Гришиной и П. О. Кузнецовой [8], Т. И. Гуляевой и Е. В. Такмаковой [9], Г. Л. Подвойского и А. В. Ларионова [10] показано, что воздействие мер, связанных с минимальной заработной платой и перераспределением денежных потоков в системе социального страхования, имеет предел при сохранении структуры занятости и правил распределения доходов. Этот вывод согласуется с тем, как в статье трактуется бедность занятых, где она описывается как результат разрыва между участием в труде и возможностью покрыть базовые расходы домохозяйства [6; 7].

Региональные особенности бедности и различия в концентрации уязвимых групп анализируются в работах А. А. Разумова и О. В. Селивановой [11], Б. М. Бизенгина, Е. М. Сарбашевой, Э. С. Бакуева [12]. Эти результаты используются в статье при интерпретации устойчивых зон повышенного риска и при объяснении различий в реакции регионов на единые меры поддержки. Вопросы структуры бедности и уязвимости семей с детьми, в т. ч. детей в разведенных семьях, рассматриваются В. И. Бариновой и А. А. Жигловой [13], Л. А. Кормишкиной и Л. П. Королёвой [14], Л. С. Ржаницыной и С. И. Рыбальченко [15]. Эти работы задают эмпирический фон для части статьи, где обсуждается устойчивость бедности среди семей с детьми и связь риска нуждаемости с семейным статусом и формой занятости взрослых членов домохозяйства.

Целесообразность разработки темы определяется тем, что при наличии значительного числа публикаций по отдельным аспектам бедности в отечественной литературе сохраняется недостаточная проработанность их взаимосвязи

в рамках единой исследовательской модели. Региональная бедность, бедность занятых, семейная бедность и адресная социальная поддержка чаще анализируются как самостоятельные направления, тогда как в реальной социально-экономической структуре они образуют пересекающиеся механизмы формирования риска нуждаемости. Именно поэтому исследование ориентировано не на повторное описание известных факторов, а на их совместное рассмотрение в логике единой причинно-аналитической схемы, связывающей способ статистического измерения бедности, структуру занятости, семейную нагрузку и территориальные различия условий жизни [15].

Именно здесь возникает исследовательский зазор. Если анализ ограничить только общим показателем бедности, из поля зрения выпадают группы, для которых риск нуждаемости сохраняется при формальном снижении агрегированного уровня. Это делает оправданной постановку исследования, соединяющего в одной рамке методы измерения бедности, региональные различия, бедность работающего населения, положение семей с детьми и инструменты преодоления нуждаемости [5; 9; 15].

Цель исследования состоит в выявлении связи между современными подходами к измерению бедности в России, ее региональной дифференциацией и распределением риска бедности между основными социально-демографическими группами населения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: рассмотреть подходы к измерению бедности и их ограничения; выявить региональные различия ее уровня и динамики; охарактеризовать бедность работающего населения и семей с детьми как ключевые группы риска; оценить возможности и ограничения адресной социальной поддержки; определить направления совершенствования антибедностной политики с учетом территориальных и демографических факторов.

Научная новизна исследования состоит не только в обобщении существующих подходов к анализу бедности, но и в их интеграции в единую аналитическую рамку применительно к современным российским условиям. В отличие от работ, в которых региональная бедность, бедность занятых, семейная бедность и адресная социальная поддержка рассматриваются преимущественно раздельно, в настоящем исследовании данные явления интерпретируются как взаимосвязанные механизмы воспроизводства нуждаемости. Авторский результат заключается в систематизации факторов бедности по трем взаимосвязанным блокам: статистико-измерительному, социально-демографическому и регионально-институциональному, — а также в обосновании вывода о том, что устойчивость бедности определяется не изолированным дефицитом дохода, а сочетанием ограничений рынка труда, семейной нагрузки и территориальной неоднородности условий жизни. Тем самым статья уточняет аналитические возможности комплексного подхода к оценке бедности в современной России.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии подхода к анализу бедности как многофакторного социально-экономического явления, проявляющегося через сочетание доходных, трудовых, демографических и территориальных параметров. Работа уточняет аналитическую рамку исследования современной бедности в России за счет соединения доходного, социально-демографического и регионального измерений.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов при совершенствовании мер социальной политики, направленных на поддержку трудовых доходов, снижение риска бедности семей с детьми и сокращение региональной концентрации нуждаемости. Полученные выводы могут быть использованы при уточнении критериев адресной социальной поддержки и разработке регионально дифференцированных механизмов антибедностной политики.

Основная часть

Методология исследования. В основе исследования лежит сочетание сравнительного, структурного и аналитического подходов к изучению бедности как многофакторного социально-экономического явления [1; 2; 5]. Такой подход позволяет рассматривать бедность как результат взаимодействия территориальных условий, структуры домохозяйств и действия институтов социальной поддержки [2; 3; 5].

Информационную основу исследования составили официальные статистические материалы о динамике бедности в России, данные о межрегиональной дифференциации ее уровня, а также результаты научных исследований, посвященных социально-экономическому положению семей с детьми, бедности занятых и адресной социальной поддержке. Использование этих материалов позволяет сопоставить общероссийские тенденции со спецификой отдельных групп населения и выявить устойчивые зоны риска [1; 4; 5].

В работе применяются методы сравнительного анализа научных подходов и статистических материалов, а также элементы структурного анализа при выделении категорий домохозяйств с повышенной вероятностью нуждаемости. Дополнительно используется содержательная интерпретация научных публикаций, посвященных бедности семей с детьми, адресности поддержки и факторам воспроизводства нуждаемости [4—6; 9].

Для повышения аналитической определенности в исследовании использован прием сопоставления статистических и теоретических данных по нескольким направлениям: по подходам к измерению бедности, по межрегиональной дифференциации ее уровня, по структуре групп риска и по ограничениям действующих механизмов социальной поддержки. При анализе региональных различий учитывались не только абсолютные значения показателя бедности, но и устойчивость его концентрации в отдельных типах регионов, различия в структуре занятости, демографической нагрузке и доступе населения к социальным услугам. При выделении работающих бедных и семей с детьми как ключевых групп риска использовался структурно-сопоставительный подход, позволяющий интерпретировать бедность через сочетание дохода, состава домохозяйства, режима занятости и институциональных условий получения поддержки.

Методологически исследование исходит из того, что бедность не сводится к недостатку текущего дохода и должна анализироваться через совокупность демографических, трудовых и институциональных параметров. В этой связи при интерпретации результатов учитываются состав домохозяйства, наличие детей, участие взрослых членов семьи в занятости и характер доступа к мерам социальной поддержки.

Логика исследования строится поэтапно: сначала рассматриваются подходы к измерению бедности и их ограничения, затем анализируются межрегиональные различия, после чего выделяются основные социальные группы повышенного риска и оцениваются направления совершенствования

антибедностной политики. Такая последовательность позволяет соединить статистическое описание бедности с анализом механизмов ее воспроизводства и преодоления [1—3; 5].

Результаты исследования. Оценка бедности в современной России не может ограничиваться одним статистическим индикатором, поскольку сама граница бедности зависит от используемой методики и от того, какие именно лишения признаются социально значимыми. В научной литературе обычно выделяются абсолютный, относительный и многомерный подходы к измерению бедности, каждый из которых фиксирует разные стороны нуждаемости и, соответственно, формирует различную картину ее масштабов и структуры [3; 6].

Абсолютный подход исходит из сопоставления доходов домохозяйства с минимально необходимым уровнем потребления и долгое время оставался основой официальной российской статистики бедности. Его достоинство состоит в простоте расчетов и возможности прямого использования в системе социальных гарантий, однако он хуже отражает различия в фактических стандартах жизни и слабо учитывает изменяющийся характер социальных потребностей [3; 6].

Относительный подход связывает границу бедности с распределением доходов в обществе и тем самым позволяет учитывать не только биологический минимум, но и социально приемлемый уровень участия человека в экономической и общественной жизни. Именно эта логика усилилась в российской практике после перехода к расчету границы бедности на базе медианного дохода, что изменило саму интерпретацию официальной динамики показателя и усилило зависимость оценки бедности от общей структуры распределения доходов.

Вместе с тем ни абсолютный, ни относительный подход в отдельности не позволяют в полной мере описать реальные ограничения, с которыми сталкиваются нуждающиеся домохозяйства. По этой причине в исследованиях все более активно используется многомерное понимание бедности, при котором анализируются не только доходы, но и жилищные условия, доступ к образованию, медицинской помощи, занятости, качественным услугам и другим ресурсам воспроизводства человеческого потенциала.

Международные исследования подтверждают, что денежный критерий бедности не исчерпывает всей совокупности лишений, значимых для оценки социального неблагополучия. В частности, методология С. Алкире позволяет измерять многомерную бедность через сочетание нескольких деприваций и широко используется при построении много-

мерных индексов бедности в международной практике [16]. Одновременно в научной дискуссии подчеркивается, что многомерные индексы должны применяться с учетом контекста конкретной страны и не подменять собой весь набор инструментов мониторинга бедности. В более широком теоретическом плане идеи многомерной депривации развивались и в работах С. Алкире, где акцентировалась необходимость учета различий в составе семьи и в неоднородности жизненных ограничений при измерении бедности.

Для российской действительности особое значение имеет именно сочетание этих подходов, поскольку формально близкие доходные позиции могут сопровождаться резко различающимися условиями жизни в зависимости от состава семьи, региона проживания и возможностей получения поддержки [1; 5]. Это особенно заметно в семьях с детьми, где одинаковый денежный доход на домохозяйство не означает одинакового уровня обеспеченности из-за различий в иждивенческой нагрузке, занятости родителей и структуре обязательных расходов.

Корректный анализ бедности в России требует не выбора одного «единственно верного» метода, а сопоставления нескольких измерительных оптик. Абсолютный критерий позволяет определить минимальный порог нуждаемости, относительный — увидеть положение домохозяйства в системе общественного неравенства, а многомерный — выявить те формы исключения, которые не фиксируются одним только денежным показателем [3; 5; 6].

Именно поэтому в дальнейшем анализе бедность рассматривается как результат взаимодействия доходных ограничений, региональной дифференциации и социально-демографических факторов, а не как простое отклонение дохода от установленной линии.

Региональная картина бедности в России отличается устойчивой поляризацией. Общероссийская динамика снижения бедности не устраняет глубокий разрыв между территориями, а лишь меняет состав регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров.

Материалы по динамике бедности за 1995—2020 гг. показывают, что траектории регионов расходились под влиянием неодинаковой структуры экономики, различий в занятости, уровня урбанизации и бюджетной обеспеченности [1; 13; 14]. Одни субъекты заметно сократили долю бедного населения, другие сохранили хронически высокий уровень нуждаемости даже на фоне общероссийского улучшения показателей (см. табл.).

Типологизация регионов России по устойчивости бедности и структурным ограничениям

Тип регионов	Характеристика бедности	Структурные особенности	Политический вывод
Регионы с устойчиво низкой бедностью	Более низкий риск нуждаемости	Емкий рынок труда, урбанизация, диверсифицированная экономика	Адресная поддержка уязвимых групп
Регионы со средней бедностью	Высокая чувствительность к экономическим колебаниям	Смешанная структура занятости, неоднородность доходов	Комплекс мер в сфере занятости и социальной поддержки
Регионы с устойчиво высокой бедностью	Хроническая концентрация нуждаемости	Ограниченный рынок труда, высокая демографическая нагрузка, слабая диверсификация	Комплексные регионально-дифференцированные меры

Особенно важен тот факт, что высокий уровень бедности концентрируется не случайно, а воспроизводится в группах регионов со сходными ограничениями развития [1; 11; 12]. Речь идет о территориях со слабой диверсификацией хозяйства, ограниченным рынком труда, низкой производительностью занятости и более высокой демографической нагрузкой на домохозяйства.

Низкие показатели бедности, напротив, чаще характерны для регионов с более емким рынком труда, высокой долей экономически активного населения, крупными городскими центрами и большей концентрацией доходобразующих секторов [1; 11; 12]. В таких условиях даже при наличии уязвимых групп система доходов и занятости создает более высокий запас устойчивости домохозяйств.

Сопоставление региональных различий важно не только для описания статистической неоднородности. Оно показывает, что бедность в России нельзя рассматривать как равномерно распределенную социальную проблему: одни и те же федеральные меры дают разный результат в зависимости от структуры региональной экономики, стоимости жизни и возможностей доступа населения к стабильной занятости [1; 6].

Региональный разрез меняет и оценку эффективности антибедной политики. Унифицированные меры поддержки сглаживают наиболее острые формы нуждаемости, но не устраняют причины воспроизводства бедности там, где низкие доходы сочетаются с ограниченным предложением рабочих мест, слабой социальной инфраструктурой и высокой зависимостью семей от трансфертов.

Намного важнее то, в каких регионах сохраняется концентрация бедности, какие социальные группы формируют ее ядро и за счет каких механизмов региональные различия продолжают закрепляться.

Наличие занятости в России не гарантирует выхода из бедности. Часть домохозяйств сохраняет статус нуждающихся при формальном участии взрослых членов семьи в рынке труда, поскольку сам уровень оплаты труда, режим занятости и структура семейной нагрузки не обеспечивают необходимого дохода.

Проблема работающих бедных связана не только с низкой заработной платой как таковой. Существенную роль играют неполная занятость, нестабильные формы трудовых отношений, слабая производительность рабочих мест, межотраслевой разрыв в оплате труда и высокая концентрация низкодоходной занятости в отдельных территориях [1; 6].

В российской научной литературе этот тип бедности рассматривается как результат структурного несоответствия между трудовым вкладом и воспроизводством минимально приемлемого уровня жизни. Домохозяйство может иметь трудовой доход, но оставаться уязвимым из-за того, что заработок не покрывает расходы на детей, жилье, транспорт, лечение и иные обязательные потребности.

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в семьях с детьми и в регионах с ограниченным рынком труда. Один и тот же факт занятости в разных социально-экономических условиях дает разный результат: в одних случаях он обеспечивает относительную устойчивость, в других — лишь удерживает домохозяйство на границе бедности [4; 5].

В связи с этим вопрос о минимальном размере оплаты труда центральное место [6; 7]. Повышение минимального размера оплаты труда способно сокращать наиболее жесткие формы низкооплачиваемой занятости, но его антибедный эффект ограничен, если рост минимальной оплаты не сопровождается расширением качественной занятости, снижением неформальности и более точной настройкой адресной поддержки [6; 7].

С прикладной точки зрения это означает, что политика снижения бедности работающего населения не может ограничиваться одной индексацией минимальных гарантий. Более результативным представляется сочетание мер по поддержке оплаты труда с развитием производительных рабочих мест, сокращением нестабильной занятости и усилением адресных механизмов поддержки семей, для которых даже формальная занятость не обеспечивает выход из состояния нуждаемости. Тем самым бедность занятых рассматривается не как краткосрочный доходный сбой,

а как следствие структурных диспропорций между рынком труда, семейной нагрузкой и системой социальных компенсаций.

Период пандемии *COVID-19* также показал, что даже временное усиление государственных выплат не устраняет сам механизм воспроизводства бедности среди занятых. Поддержка смягчает падение доходов, но не заменяет устойчивый трудовой доход, который должен быть достаточен для содержания семьи без постоянной зависимости от трансфертов.

Для анализа бедности работающего населения важен не только уровень заработной платы, но и соотношение между доходом и составом домохозяйства [1; 9]. Низкий индивидуальный заработок в семье без иждивенцев и тот же заработок в семье с детьми имеют разный социальный смысл, поэтому оценка работающей бедности требует учета эквивалентного дохода, числа иждивенцев и устойчивости занятости [1; 9].

Работающая бедность показывает пределы узкого подхода, при котором труд сам по себе считается универсальным средством преодоления нуждаемости. В российских условиях снижение бедности среди занятых требует не только социальных выплат, но и изменений в структуре оплаты труда, производительности рабочих мест и институтах регулирования доходов [2; 3].

Семьи с детьми входят в число групп с наиболее высоким риском бедности, поскольку нагрузка на бюджет домохозяйства растет быстрее, чем его доходные возможности, особенно при наличии двух и более детей. На положение таких семей влияют число иждивенцев, занятость родителей, тип поселения, доступ к социальной инфраструктуре и устойчивость трудового дохода [4; 13; 14].

Даже при наличии работы у взрослых членов семьи риск бедности сохраняется, если заработок распределяется на нескольких детей и не покрывает обязательные расходы на питание, жилье, образование, транспорт и лечение. Эта ситуация особенно характерна для домохозяйств с низкой интенсивностью занятости, для многодетных семей и для семей, где один из родителей ограничен в возможностях полноценного участия в рынке труда [13; 14].

Отдельную группу риска образуют неполные семьи [15]. В таких домохозяйствах дефицит дохода сочетается с более высокой зависимостью от пособий и с меньшими возможностями компенсировать финансовые потери за счет второго трудового дохода.

Система детских пособий смягчает остроту нуждаемости, но ее эффект не является одинаковым для всех семей [9; 13]. Денежные выплаты снижают глубину бедности, однако не устраняют ее причины там, где сохраняются низкая заработная плата, нестабильная занятость, высокая стоимость содержания детей и территориальные различия в уровне цен и доступности услуг [13; 14].

Региональный фактор в бедности семей с детьми имеет принципиальное значение. При близких доходах семьи оказываются в неравном положении из-за различий в стоимости жизни, качества социальной инфраструктуры, доступности детских учреждений и возможностей трудоустройства родителей.

Проблема бедности семей с детьми показывает ограниченность оценки нуждаемости только по формальному доходному критерию. Для этой группы особенно важен учет состава домохозяйства, числа детей, возраста детей, объема обязательных расходов и фактического доступа к мерам поддержки [9; 14].

В российской антибедностиной политике семьи с детьми требуют не общего расширения выплат, а более точной настройки инструментов поддержки [9; 13; 14]. Результат зависит от того, сочетаются ли пособия с мерами по повышению занятости родителей, снижению издержек на воспитание детей и выравниванию региональных различий в доступе к базовым услугам.

Практически это предполагает переход от унифицированной модели помощи к более дифференцированному сочетанию денежных и инфраструктурных мер. Для семей с детьми значение имеют не только размеры трансфертов, но и доступность дошкольных учреждений, возможность совмещения занятости и ухода за детьми, транспортная связность, а также снижение обязательных расходов, которые формально не отражаются в уровне номинального дохода. В этом смысле поддержка семей с детьми должна рассматриваться как составная часть антибедностиной политики, а не как автономный сегмент демографической политики.

Адресная социальная поддержка занимает центральное место в российской антибедностиной политике, поскольку она позволяет концентрировать ресурсы на группах с наиболее высоким риском нуждаемости. При этом сама адресность не гарантирует высокой результативности, если критерии отбора слабо отражают реальное положение домохозяйства и не учитывают нестабильность доходов, семейную нагрузку и региональные различия в стоимости жизни [9; 11].

Одна из главных проблем связана с тем, что формально низкий доход не всегда совпадает с фактической глубиной бедности, а формально превышающий порог доход нередко скрывает тяжелую ситуацию семьи после обязательных расходов на детей, жилье, транспорт и лечение. Из-за этого часть нуждающихся домохозяйств не попадает в систему поддержки, а часть получателей может быть отобрана по слишком узкому набору признаков [9; 12].

Слабым местом адресности остается и административная сложность процедур. Чем больше в системе подтверждающих требований, межведомственных проверок и формальных фильтров, тем выше вероятность того, что поддержка становится менее доступной именно для тех групп, ради которых она создавалась [9; 15].

Отдельная проблема возникает в семьях с детьми. Здесь денежные выплаты часто снижают остроту дефицита, но не компенсируют различия в числе иждивенцев, в интенсивности занятости родителей и в территориальной доступности социальных услуг. По этой причине одинаковый размер пособия в разных семейных и региональных условиях дает неодинаковый результат.

Ограничения адресной поддержки особенно заметны там, где бедность имеет устойчивую трудовую природу. Если домохозяйство остается бедным из-за низкой оплаты труда, неполной занятости или слабого местного рынка труда, трансфертная помощь без изменений в сфере занятости и доходов работает как временный компенсатор, а не как инструмент выхода из бедности.

Не менее важна и региональная неоднородность. Единые федеральные правила назначения поддержки сталкиваются с разной стоимостью жизни, разным уровнем инфраструктурной обеспеченности и неравными возможностями получения стабильного заработка, из-за чего одинаковые меры в субъектах Федерации дают разную социальную отдачу [4; 8; 9].

Повышение эффективности адресной поддержки связано не с механическим расширением числа выплат, а с уточнением критериев нуждаемости, учетом состава домохозяйства, лучшей настройкой оценки доходов и увязкой социальных трансфертов с мерами поддержки занятости [2; 9; 10]. В этой логике адресность должна рассматриваться как часть более широкой системы предотвращения бедности, а не как изолированный механизм распределения пособий.

В прикладном плане это означает необходимость пересмотра самой процедуры определения нуждаемости. Более точная адресность предполагает учет не только формального денежного дохода, но и числа иждивенцев, нестабильности поступлений, обязательных расходов на жилье, лечение и транспорт, а также региональных различий стоимости жизни. В противном случае система поддержки сохраняет риск ошибочного исключения части реально нуждающихся домохозяйств и, следовательно, ограничивает собственную антибедностиную эффективность.

Снижение бедности в современной России требует перехода от узкой логики компенсационных выплат к сочетанию доходной поддержки, регулирования занятости и учета региональных различий (см. рис.). Устойчивый результат возникает не в момент разовой денежной помощи, а тогда, когда домохозяйство получает возможность опираться на стабильный трудовой доход, доступ к базовым услугам и предсказуемые правила социальной поддержки [2; 3].

Первое направление связано с ростом качества и доходности занятости. Борьба с бедностью среди занятых требует не только индексации минимальных гарантий, но и мер по сокращению низкооплачиваемого сегмента рынка труда, стимулированию создания производительных рабочих мест и снижению распространенности нестабильной занятости. В практическом отношении это предполагает увязку политики оплаты труда с региональными особенностями рынка труда и с задачами поддержки домохозяйств, в которых трудовой доход не обеспечивает выход из бедности.

Второе направление касается перенастройки адресной поддержки. Критерии нуждаемости должны точнее учитывать состав домохозяйства, число детей, нестабильность доходов, региональную стоимость жизни и обязательные расходы, которые не отражаются в формальном показателе денежного поступления. Это требует перехода от формального доходного фильтра к более содержательной оценке фактической обеспеченности семьи и глубины ее социально-экономических ограничений.

Третье направление связано с семьями с детьми как с одной из ключевых групп риска. Для этой категории результативны не только пособия, но и меры, уменьшающие повседневные издержки домохозяйства: доступность дошкольной инфраструктуры, повышение гибкости занятости родителей, снижение барьеров совмещения труда и ухода за детьми, а также более точная настройка выплат с учетом семейной нагрузки. Тем самым снижение бедности семей с детьми требует сочетания доходной поддержки, инфраструктурных решений и мер по расширению возможностей занятости родителей.

Четвертое направление касается региональной политики. Единый федеральный набор мер не устраняет различий между субъектами Федерации, где бедность поддерживается разной структурой занятости, неодинаковой бюджетной обеспеченностью, уровнем урбанизации и доступностью

социальной инфраструктуры. В этих условиях антибедностьная политика должна включать регионально дифференцированные решения, учитывающие локальные ограничения рынка труда и специфику состава уязвимых групп населения.

Пятое направление связано с переходом от пассивного перераспределения к институциональным изменениям в системе доходов. В этой плоскости антибедностьная поли-

тика должна опираться на согласование мер оплаты труда, налогово-бюджетных решений, адресных трансфертов и программ развития человеческого капитала, а не на изолированное расширение отдельных пособий. Такой подход позволяет рассматривать снижение бедности не как краткосрочную компенсацию дефицита дохода, а как результат более устойчивого изменения условий воспроизводства домохозяйств.

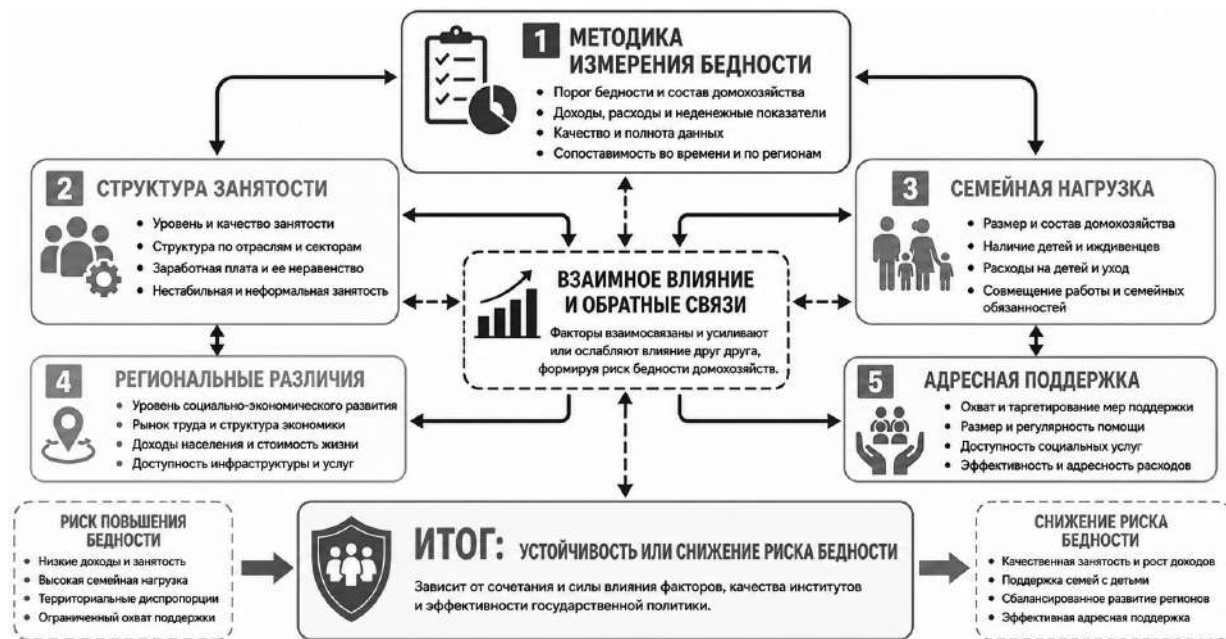

Рис. Взаимосвязь факторов воспроизводства бедности в современной России

Преодоление бедности в российских условиях требует соединения социальной, трудовой и региональной политики в единой системе [2; 11]. Без такой увязки официальное снижение показателя бедности может сопровождаться сохранением ее структурных причин, прежде всего низкой доходности труда, высокой семейной нагрузки и неодинаковых стартовых возможностей населения в разных регионах.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что бедность в современной России не сводится к уровню дохода ниже официальной границы, а формируется под воздействием взаимосвязанных факторов — действующей методики измерения, структуры занятости, семейной нагрузки и региональной дифференциации. Авторский вклад исследования состоит в том, что указанные факторы рассмотрены не как отдельные линии описания, а как единая система воспроизводства нуждаемости, определяющая распределение риска бедности между различными типами домохозяйств и территориями. Это позволяет уточнить аналитическую интерпретацию современного российского профиля бедности и обосновать необходимость комплексной, а не фрагментарной антибедностьной политики.

Исследование подтверждает, что анализ бедности не должен ограничиваться формальным доходным критерием. Для более точной оценки необходим учет сово-

купности ограничений, с которыми сталкиваются домохозяйства в сфере занятости, потребления и доступа к базовым услугам.

Региональный разрез показывает, что бедность в России распределяется неравномерно и воспроизводится в территориях со слабым рынком труда, ограниченными возможностями занятости и менее благоприятной структурой доходов. В этих условиях универсальные меры поддержки оказываются недостаточными без учета территориальной специфики и состава уязвимых групп населения.

Особое значение в современной структуре бедности имеют работающие бедные и семьи с детьми. Для первой группы определяющими факторами выступают низкая доходность труда и нестабильность занятости, для второй — высокая иждивенческая нагрузка, зависимость от качества социальной поддержки и различия в доступе к услугам.

Адресная социальная поддержка остается важным элементом антибедностьной политики, однако ее результативность ограничена, если критерии нуждаемости не отражают реальную глубину бедности и не учитывают региональные, трудовые и демографические различия. В связи с этим снижение бедности требует комплексного подхода, объединяющего социальные выплаты, поддержку трудовых доходов, семейную политику и регионально дифференцированные меры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коробкова Н. Ю. Траектории и аспекты долгосрочной динамики уровня бедности в регионах России // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1(46). С. 72—79.
2. Малева Т. М., Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Социальная политика в долгосрочной перспективе: многомерная бедность и эффективная адресность. М.: Дело, 2019. 52 с.

3. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овcharовой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : ВЦИОМ, 2023. 462 с.
4. Филиппова А. В. Сравнительная оценка детских пособий в регионах России // Вопросы статистики. 2018. Т. 25. № 1. С. 34—48.
5. Социальная защита в России: развилки будущего / Л. Н. Овcharова, О. В. Синявская, С. С. Бирюкова и др. // Вопросы экономики. 2022. № 8. С. 5—31. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31.
6. Пишняк А. И., Горина Е. А., Корчагина И. И., Тер-Акопов С. А. Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 70—93. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93.
7. Волонтерство в системе социально-экономических отношений : коллектив. моногр. / под ред. Г. Ф. Бигловой. Уфа : Аэтерна, 2018. 112 с.
8. Гришина Е. Е., Кузнецова П. О. Минимальная заработная плата как инструмент борьбы с бедностью: ожидаемые последствия реформы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4(40). С. 137—156. DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-6.
9. Гуляева Т. И., Такмакова Е. В. Прогнозные параметры среднестатистических денежных доходов, уровня бедности и дифференциации доходов населения России // Вестник аграрной науки. 2021. № 4(91). С. 107—116. DOI: 10.17238/issn2587-666X.2021.4.107.
10. Подвойский Г. Л., Ларионов А. В. Повышение эффективности распределения денежных потоков в рамках системы социального страхования // Мир новой экономики. 2020. Т. 14. № 3. С. 64—74. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-64-74.
11. Разумов А. А., Селиванова О. В. Бедность в России: региональные особенности и перспективные инструменты снижения ее уровня // Социально-трудовые исследования. 2021. № 4(45). С. 75—88.
12. Бизенгин Б. М., Сарбашева Е. М., Баккуев Э. С. Региональные тенденции бедности в России в первом десятилетии нового столетия // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 7(129). С. 129—138. DOI: 10.26726/1812-7096-2021-7-129-138.
13. Баринаева В. И., Жиглова А. А. Особенности социально-экономического феномена бедности в современной России // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1. С. 321—323.
14. Кормишкина Л. А., Королева Л. П. Влияние мер государственной поддержки улучшения жилищных условий на сокращение немонетарной бедности в России // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 11—22. DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-11-22.
15. Ржаницына Л. С., Рыбальченко С. И. Улучшение положения детей в разведенных семьях — путь к снижению бедности в России // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 1. С. 24—32. DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3.
16. Alkire S. Eradicating Poverty Effectively: Concise, Strategic Data to Tackle the Greatest Global Challenge : CDP Policy Brief No. 2. UN Committee for Development Policy, May 2025. 5 p. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/CDP-IB1-2025-2.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).

REFERENCES

1. Korobkova N. Yu. Trajectories and aspects of long-term dynamics of poverty in Russian regions. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labor research*. 2022;1(46):72—79. (In Russ.)
2. Maleva T. M., Grishina E. E., Tsatsura E. A. Social policy in the long term: multidimensional poverty and effective targeting. Moscow, Delo, 2019. 52 p. (In Russ.)
3. Human potential: modern interpretations and research results. L. N. Ovcharova, V. A. Anikin, P. S. Sorokin (eds.). Moscow, Russian Public Opinion Research Center publ., 2023. 462 p. (In Russ.)
4. Philippova A. V. Comparative Evaluation of Child Benefits in the Regions of Russia. *Voprosy Statistiki*. 2018;25(1):34—48. (In Russ.)
5. Ovcharova L. N., Sinyavskaya O. V., Biryukova S. S. et al. Social protection in Russia: Choices of the future. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;8:5—31. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-5-31.
6. Pishnyak A. I., Gorina E. A., Korchagina I. I., Ter-Akopov S. A. Financial Well-Being of the Population in the Pandemic: The Impact of the Income Support Policy Response in Russia. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*. 2021;16(6):70—93. (In Russ.) DOI: 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93.
7. Volunteering in the system of socio-economic relations. Collective monograph. G. F. Biglova (ed.). Ufa, Aeterna, 2018. 112 p. (In Russ.)
8. Grishina E. E., Kuznetsova P. O. Minimum wage as a tool to reduce poverty: expected consequences of the reform. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the new economic association*. 2018;4(40):137—156. (In Russ.) DOI: 10.31737/2221-2264-2018-40-4-6.
9. Gulyaeva T. I., Takmakova E. V. Forecast parameters of average monetary income, level of poverty and income differentiation of the population in Russia. *Vestnik agrarnoi nauki = Bulletin of agrarian science*. 2021;4(91):107—116. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn2587-666X.2021.4.107.
10. Podvoysky G. L., Larionov A. V. Improving the Efficiency of Cash Flow Distribution Within the Social Insurance System. *Mir novoi ekonomiki = The world of new economy*. 2020;14(3):64—74. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-64-74.
11. Razumov A. A., Selivanova O. V. Poverty in Russia: regional features and prospects for poverty reduction instruments. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & Labor research*. 2021;4(45):75—88. (In Russ.)

12. Bizengin B. M., Sarbasheva E. M., Bakkuev E. S. Regional trends of poverty in Russia in the first decade of the new century. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki = Regional problems of transforming the economy*. 2021;7(129):129—138. (In Russ.) DOI: 10.26726/1812-7096-2021-7-129-138.
13. Barinova V. I., Zhiglova A. A. Peculiarities of social and economic phenomenon of poverty in modern Russia. *Vestnik Tul'skogo filiala Finuniversiteta*. 2020;1:321—323. (In Russ.)
14. Kormishkina L. A., Koroleva L. P. Government support for improving living facilities and its impact on reducing non-monetary poverty. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment» = Scientific journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*. 2020;2:11—22. (In Russ.) DOI: 10.17586/2310-1172-2020-13-2-11-22.
15. Rzhantsyna L. S., Rybalchenko S. I. Improving the situation of children in divorced families - the way to reduce poverty in Russia. *Narodonaselenie = Population*. 2021;24(1):24—32. (In Russ.) DOI: 10.19181/population.2021.24.1.3.
16. Alkire S. Eradicating Poverty Effectively: Concise, Strategic Data to Tackle the Greatest Global Challenge. CDP Policy Brief No. 2. UN Committee for Development Policy publ., May 2025. 5 p. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/CDP-IB1-2025-2.pdf> (accessed: 30.03.2026).

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 30.04.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 30.04.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 339.13
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1631

Liubov Yurievna Shcherbinina
 Candidate of Economics,
 Associate Professor of Graduate School of Business
 and Entrepreneurship,
 I. Kant Baltic Federal University
 Kaliningrad, Russian Federation
 eledina@yandex.ru

Yana Rinatovna Sunchaleeva
 4th year student
 of Graduate School of Business
 and Entrepreneurship,
 field of training
 38.03.02 — Management, Marketing profile,
 I. Kant Baltic Federal University
 Kaliningrad, Russian Federation
 jrsunchaleeva@stud.kantiana.ru

Alexander Maksimovich Gusakov
 1th year student
 of Graduate School of Business
 and Entrepreneurship,
 field of training
 38.04.02 — Management,
 Marketing profile,
 I. Kant Baltic Federal University
 Kaliningrad, Russian Federation
 amgusakov@stud.kantiana.ru

Любовь Юрьевна Щербинина
 канд. экон. наук, доцент,
 доцент Высшей школы бизнеса и предпринимательства,
 Балтийский федеральный университет
 имени Иммануила Канта
 Калининград, Российская Федерация
 eledina@yandex.ru

Яна Ринатовна Сунчалеева
 студент IV курса Высшей школы бизнеса
 и предпринимательства,
 направление подготовки
 38.03.02 — Менеджмент, профиль «Маркетинг»,
 Балтийский федеральный университет
 имени Иммануила Канта
 Калининград, Российская Федерация
 jrsunchaleeva@stud.kantiana.ru

Александр Максимович Гусаков
 магистрант I курса Высшей школы бизнеса
 и предпринимательства,
 направление подготовки
 38.04.02 — Менеджмент, профиль «Маркетинг: глобальные
 тренды, цифровые решения и управление»,
 Балтийский федеральный университет
 имени Иммануила Канта
 Калининград, Российская Федерация
 amgusakov@stud.kantiana.ru

МАРКЕТИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛИЕНТСКОГО ОПЫТА НА РЫНКЕ УСЛУГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье предложен методический подход к изучению клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования Калининградской области, приведены краткие результаты проведенного исследования.

Авторами разработана и предложена методика оценки клиентского опыта для компании, работающей на рынке услуг дополнительного образования, включающая описание этапов исследования, подбор показателей для оценки системы взаимоотношений клиентов и компании, а также удовлетворенности и лояльности клиентов. Обоснованы направление, объект и предмет, цель и задачи, технологические характеристики и практическая значимость маркетингового исследования клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования.

Подчеркивается, что для эффективного решения маркетинговых задач в условиях турбулентности, высокой конкуренции и динамизма внешней среды, а также незначительных барьерах входа на рынок новых игроков необходим комплексный, системный подход к изучению клиентского опыта.

На основе предложенной методики авторами проведен анализ клиентского опыта потребителей на рынке дополнительных образовательных услуг Калининградской

области, включающий в себя полевое и кабинетное маркетинговые исследования, представлены основные результаты, выявлены особенности потребительского поведения, сформирован путь клиента, оценена лояльность и удовлетворенность клиентов, вскрыты положительные и негативные аспекты в системе взаимоотношений компании с клиентами.

Предложенная авторами методика оценки клиентского опыта имеет практическую значимость, поскольку может быть использована организациями, работающими на рынке услуг дополнительного образования, для разработки своего подхода к изучению системы взаимоотношений компании с клиентами и формирования на этой основе маркетинговой политики в области управления клиентским опытом.

Ключевые слова: клиентский опыт, методика оценки клиентского опыта, лояльность клиентов, удовлетворенность клиентов, влияющие на удовлетворенность факторы, маркетинговое исследование, модель принятия решений о покупке, услуги дополнительного образования, рынок услуг образования, путь клиента, критерии принятия решений о покупке, профиль покупателя

Для цитирования: Щербинина Л. Ю., Сунчалеева Я. Р., Гусаков А. М. Маркетинговые исследования клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования: методический подход и результаты исследования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 147—152. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1631.

Original article

MARKETING RESEARCH ON CUSTOMER EXPERIENCE IN ADDITIONAL EDUCATION SERVICES MARKET: METHODOLOGICAL APPROACH AND RESEARCH RESULTS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *The article proposes a methodological approach to studying the customer experience in the additional education services market of the Kaliningrad region, and provides brief results of the conducted research.*

The authors have developed and proposed a methodology for assessing the customer experience for a company operating in the additional education services market, which includes a description of the research stages, the selection of indicators for assessing the customer-company relationship system, as well as customer satisfaction and loyalty. The article substantiates the direction, object, and subject, as well as the purpose and objectives, technological characteristics, and practical significance of the marketing research of the customer experience in the additional education services market.

It is emphasized that in order to effectively solve marketing problems in conditions of turbulence, high competition and dynamism of the external environment, as well as insignificant barriers to entry into the market of new players, a comprehensive, systematic approach to the study of customer experience is required.

Based on the proposed methodology, the authors conducted an analysis of consumer experience in the market of additional educational services in the Kaliningrad region, which included field and desk-based marketing research. The main results are presented, and the authors identify the features of consumer behavior, create a customer journey, assess customer loyalty and satisfaction, and reveal positive and negative aspects in the company's customer relationship system.

The authors' proposed methodology for assessing customer experience is of practical significance, as it can be used by organizations operating in the additional education services market to develop their own approach to studying the company's customer relationship system and form a marketing policy for managing customer experience based on this approach.

Keywords: *customer experience, customer experience assessment methodology, customer loyalty, customer satisfaction, factors affecting satisfaction, marketing research, purchase decision model, additional education services, education services market, customer journey, purchase decision criteria, customer profile*

For citation: Shcherbinina L. Yu., Sunchaleeva Y. R., Gusakov A. M. Marketing research on customer experience in additional education services market: methodological approach and research results. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):147—152. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1631.

Введение

Актуальность. В условиях высокой конкуренции, перенасыщенных рынков сбыта, роста требований к бизнесу со стороны клиентов, быстрой изменчивости потребительского поведения, вопросы управления клиентским опытом приобретают особую актуальность. Без их решения невозможно грамотно и быстро адаптировать деятельность компании под запросы покупателей, повышать лояльность клиентов и конкурентоспособность бизнеса.

Под клиентским опытом понимают всю совокупность впечатлений, эмоций, когнитивных и поведенческих реакций клиента, возникающих на всех этапах пути клиента от осознания потребности до повторных покупок и лояльности [1]. Опыт складывается в результате не только прямого, но и косвенного взаимодействия клиента с продуктом или компанией — через прочитанные отзывы о бренде, рекламную или PR-кампанию, «сарафанное радио» или другую коммуникацию.

Изученность проблемы. Теоретическими и практическими вопросами изучения и управления клиентским опытом активно занимаются следующие зарубежные ученые и практики: Л. Беккер и Э. Яаккола [1], Дж. Пайн II и Дж. Гилмор [2], Р. Дью и С. Аллен [3], Дж. Калбах [4], К. Э. Боурн Гастецци с соавторами [5], К. Бейли [6]. В последние годы тема клиентского опыта получила широкое освещение у таких российских исследователей, как Л. В. Хорева, Г. В. Каныгин, Н. И. Жабина [7], О. Н. Байбакова [8], К. С. Головачева и О. В. Макарова [9], И. А. Захарова [10], Д. И. Пакалов [11], Т. А. Солдатенко с соавторами [12], И. В. Роздольская с соавторами [13], Д. Г. Мартынюк и А. И. Роговская [14], А. М. Ветитнев [15], Е. А. Лунева и Н. В. Катунина [16], А. В. Колмогорцева [17].

Для оценки и измерения клиентского опыта на сегодняшний день применяют целый спектр методик и показателей, включая показатели удовлетворенности (CSI, CSAT, CES); лояльности (NPS); рейтинги качества; оценку клиентских усилий (CES, NES); поведенческие метрики (в т. ч. данные веб-аналитики); построение пути клиента (CJM); моделирование процесса принятия решения о покупке и др. Анализируются факторы, влияющие на восприятие услуги, а также принимается во внимание клиентоцентричный подход в различных отраслях [4; 5; 14].

Первыми изучать сущностные характеристики категории «клиентский опыт» начали западные авторы, прежде всего в рамках концепции экономики впечатлений. Здесь можно выделить работы таких ученых, как Дж. Пайн II и Дж. Гилмор [2], а также Л. Беккер и Э. Яаккола [1], заложивших предпосылки исследования клиентского опыта при взаимодействии организации и потребителя.

Имеется ряд работ по управлению клиентским опытом авторов из стран ближнего зарубежья, которые затрагивают вопросы формирования лояльности и удовлетворенности не как статичные показатели, а с позиции раскрытия сущностных и эволюционных аспектов, например Д. Г. Мартынюк и А. И. Роговской [14]. Для расчета используются данные кабинетных и полевых (качественных и количественных) маркетинговых исследований, включая анализ отзывов и поведенческих данных с помощью искусственного интеллекта и речевой аналитики.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на глубокую степень научной и практической проработки, вопросы оценки и измерения клиентского опыта остаются актуальными и непростыми для практической реализации. В частности, проблема разработки методического обеспечения комплексной оценки клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования остается на низком уровне разработки. Причинами сложившегося положения, с нашей точки зрения, стали, с одной стороны, сложность, субъективность, динамичность, многоаспектность, слабо структурированность клиентского опыта как предмета исследования, а с другой — необходимость адаптации методик оценки под специфику конкретного рынка.

Цель данного исследования — на основе предложенного авторами методического подхода оценить клиентский опыт компании, работающей на рынке услуг дополнительного образования Калининградской области, и разработать практические рекомендации по его улучшению.

Задачи исследования:

- определить цель, задачи, объект, предмет, метод сбора информации для проведения полевого и кабинетного маркетинговых исследований клиентского опыта;
- подобрать систему показателей оценки системы взаимоотношений клиентов и компании, а также удовлетворенности клиентов на рынке услуг дополнительного образования;
- оценить клиентский опыт компании;
- выявить этапы пути покупателя, порождающие негативный клиентский опыт и его причины.

Научная новизна заключается в разработке методического подхода к комплексной оценке клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования.

Теоретическая значимость работы заключается в разработке методики комплексной оценки клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты исследования и методика комплексной оценки клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования могут быть использованы другими организациями в целях более глубокого понимания своей целевой аудитории и принятия эффективных управленческих решений.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Предложенная в статье методика изучения клиентского опыта на рынке услуг дополнительного образования включала в себя кабинетное и полевое исследование. **Объектом** кабинетного исследования стали отзывы потребителей, размещенные на открытых платформах, **предметом** — отношение клиентов к компании, включая в себя оценку работы, эмоциональные реакции, недостатки и достоинства. **Целью** полевого маркетингового исследования стала комплексная оценка клиентского опыта целевой аудитории центра дополнительного образования, предоставляющего услуги по подготовке детей к школе и дошкольному развитию. В перечень **задач** вошли:

- определение источников информации, используемых клиентами в целях поиска компаний, предоставляющих услуги дополнительного образования;
- построение пути клиента;
- оценка системы взаимоотношений и обратной связи с клиентами (выявление каналов коммуникаций и обратной связи по линии компания-клиенты, оценка оперативности

и полноты передачи информации о процессе и результатах обучения ребенка, оценка степени вовлеченности родителей в процесс улучшения услуг и участия в открытых мероприятиях центра);

- расчет индекса удовлетворенности потребителей (*CSI*) по критериям качество преподавания и профессионализм педагогов, разнообразие образовательных программ и направлений, удобство расписания (время занятий, гибкость), состояние помещений (чистота, безопасность), качество коммуникации с администрацией (доступность, оперативность, помощь в решении проблем клиента, вежливость), стоимость занятий и соотношение цены и качества, оперативность и полнота информирования о новостях и мероприятиях;
- расчет показателя лояльности клиентов (*NPS*);
- описание социально-демографического профиля целевой аудитории (пол, возраст, доход, место проживания, количество детей в семье, возраст ребенка, посещающего занятия);
- описание поведенческого профиля целевой аудитории (повод и мотив получения услуг дополнительного образования, количество посещенных программ и частота посещения занятий, искомые выгоды и ожидания, интерес к дополнительным и основным услугам центра, длительность посещения центра);
- выявление проблем в работе центра дополнительно образования и рекомендаций по улучшению его работы.

Технологические характеристики полевого исследования были определены следующим образом:

- вид исследования — итоговое описательное одно-профильное;
- метод и место сбора данных — личный, письменный опрос родителей или иных представителей ребенка;
- элемент генеральной совокупности — клиенты компании, принимающие решения о покупке образовательных услуг (родители и иные представители ребенка), дети которых обучаются на данный момент времени в центре дополнительного образования;
- метод изучения генеральной совокупности — перепись.

Результаты и обсуждение исследования. К основным результатам проведенного маркетингового исследования клиентского опыта (на примере компании, работающей на рынке услуг дополнительного образования Калининградской области) можно отнести следующие положения. Индекс готовности клиентов рекомендовать компанию своим знакомым или друзьям, другими словами, индекс лояльности (*NPS*) составил 26 %, что оценивается экспертами как средний уровень. Обобщенный показатель удовлетворенности клиентов (*CSI*) был определен в 4,27 балла из пяти возможных (табл. 1).

Показатель *CSI* равен 4,27, это свидетельствует о достаточно высоком уровне удовлетворенности клиентов, находясь в диапазоне «хорошо» и указывая на в целом положительную работу организации по оценкам клиентов. Наибольший вклад в формирование положительного клиентского опыта внесли такие параметры как разнообразие образовательных программ и оперативное информирование клиентов о новостях, мероприятиях и изменениях. Достижение уровня в 4,5 баллов и выше — «отлично», требует совершенствования работы компании над параметрами, которые получили более низкие оценки, включая качество коммуникации с администрацией (включая доступность, оперативность, помощь в решении проблем клиента, вежливость), удобство расписания и его гибкость, соотношение цены и качества.

Таблица 1

Оценка удовлетворенности клиентов по единичным параметрам

Параметр	Вес параметра	Удовлетворенность по единичным параметрам	CSI
Качество преподавания, профессионализм педагогов	0,165	4,2	0,69
Разнообразие образовательных программ и направлений	0,141	4,7	0,66
Удобство расписания (время занятий, гибкость)	0,152	3,8	0,58
Состояние помещений (чистота, безопасность)	0,131	4,5	0,59
Качество коммуникации с администрацией (доступность, оперативность, помощь в решении проблем клиента, вежливость)	0,138	4,0	0,55
Стоимость занятий и соотношение цены и качества	0,145	4,1	0,59
Информирование о новостях, мероприятиях, изменениях	0,128	4,7	0,6
Итого	1	—	4,27

Построение пути клиента позволило визуализировать все этапы взаимодействия потребителя с компанией от момента возникновения потребности до формирования лояльности, выявляя критические точки контакта и «боли».

Анализ карты пути клиента показал, что на ранних этапах, таких как осведомленность, интерес и первое знакомство с компанией, основные барьеры клиента связаны с недостаточным объемом информации о компании и ее услугах, а также низкой скоростью получения обратной связи. Негативный клиентский опыт на начальных этапах был связан:

- с отсутствием указания возраста детей и направлений подготовки на вывеске и рекламных объявлениях компании;
- недостаточностью информации о центре и его работе в социальных сетях;
- наличием противоречивых отзывов клиентов;
- длительной задержкой (более чем на 24 часа) с ответом компании на вопросы клиентов в социальной сети.

На этапе пробного занятия и покупки выявлены следующие системные проблемы, формирующие негативный клиентский опыт:

– 38 % родителей получают обратную связь о прогрессе ребенка только по собственной инициативе;

– отсутствует оплата терминалом, переводом или онлайн.

На этапе регулярных занятий и лояльности ключевыми препятствиями в формировании положительного клиентского опыта стали:

- нерегулярная обратная связь по линии компания-клиент;
- отсутствие единой информационной платформы, например личного кабинета на сайте или приложения, для отслеживания прогресса ребенка в реальном времени;
- слабый учет мнения родителей в педагогическом процессе (41 % родителей считают, что их мнение не учитывается);
- наличие в компании немотивированного на удержание клиентов персонала.

Эмоциональный профиль клиента на этапах пути соответствовал ожиданиям и содержал такие эмоции как сомнение, ожидание, радость, стабильность и доверие, что свидетельствует о формировании позитивного клиентского опыта. Результаты кабинетного исследования отзывов клиентов за период с 2018 по 2025 г. (табл. 2) подтвердили выводы, сделанные нами в полевом исследовании.

Таблица 2

Кабинетное исследование отзывов клиентов

Ключевые темы	Примеры	Доля, %
Положительные отзывы		
Педагогический состав (доброжелательность, профессионализм, индивидуальный подход)	«Чуткое и внимательное отношение к детям», «очень хорошие специалисты», «вежливые и доброжелательные педагоги»	55
Положительные эмоции детей	«Ребенок ходит с радостью», «с нетерпением ждут занятий»	54
Разнообразие занятий	«Помимо занятий есть мастер-классы, развлечения, поделки, праздники и другие интересные направления»	60
Атмосфера в организации	«Очень приятная и веселая атмосфера», «чистые и комфортные помещения»	30
Удобный график и цены	«Достаточно удобный график», «приемлемые цены»	6
Негативные отзывы		
Коммуникация с руководством и отказ решать проблемы	«Директор организации не выходит на контакт, отказывается решать проблемные вопросы», «отказываются разговаривать», «не отвечают на телефонные звонки»	25
Политика возврата средств и умалчивание при заключении договора	«Не сообщают о том, что, если ребенок перестает ходить, то средства не возвращаются», «не вернули деньги при отсутствии по болезни»	10
Грубость некоторых педагогов	«Педагог грубо разговаривает с ребенком»	0,5
Неоправданные ожидания при адаптации	«Организация не оправдала ожиданий»	2

Как видно из табл. 2, организация получает высокие оценки за профессионализм педагогов, положительные эмоции детей, что является ключевым конкурентным преимуществом компании. Однако, негативные отзывы о недоступности руководства, отказа компании решать проблемные ситуации, непрозрачной политике возврата средств, грубости со стороны педагогов, создают репутационные риски и снижают общий рейтинг компании до 4,3, обозначенный в картографических сервисах и сайте с отзывами.

Подводя итог оценке клиентского опыта компании, работающей на рынке услуг дополнительного образования, можно сделать вывод, что в настоящий момент времени совершенствование системы взаимоотношений с клиентами должно сосредоточиться на этапах «обратная связь и лояльность», «удержание и развитие», а также «привлечение и информирование». В качестве практических рекомендаций, направленных на улучшение клиентского опыта компании, можно назвать:

- расширение каналов коммуникаций, включая создание личного кабинета с информацией о результатах обучения ребенка;

- повышение скорости и качества обратной связи (введение часов личных консультаций педагогов с родителями и руководством центра, внедрение в личный кабинет родителя кнопки «Оставить отзыв, внести предложение», внедрении искусственного интеллекта для работы с отзывами);

- насыщение точек контакта более подробной информацией о работе и услугах центра дополнительного образования;

- внедрение мониторинга клиентского опыта на постоянной и системной основе.

Заключение

Предложенный методический подход, базирующийся на полевом и кабинетном маркетинговых исследованиях, позволяет системно оценить состояние системы взаимоотношений с клиентами и создать аналитическую основу для разработки и принятия управленческих решений в области управления клиентским опытом.

Описанная в статье методика может быть использована в качестве типовой при мониторинге клиентского опыта на рынке дополнительных образовательных услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Becker L., Jaakkola E. Customer experience: fundamental premises and implications for research // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020. Vol. 48. Iss. 4. Pp. 630—648. DOI: 10.1007/s11747-019-00718-x.
2. Пайн Б. Дж. II, Гилмор Дж. Х. Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие. М.: Альпина Паблишер, 2026. 384 с.
3. Дью Р., Аллен С. Клиентский опыт: как вывести бизнес на новый уровень. М.: Альпина Паблишер, 2020. 290 с.
4. Калбах Дж. Путь клиента: создаем ценность продуктов и услуг через карты путей, блупринты и другие инструменты визуализации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 429 с.
5. Bourne Gastezzi C. E., Fernández Rodríguez M. M., Castillo A. Theoretical foundations on Customer Experience (customer experience, NPS, CSAT, CES, Service Balcony, Journey Map) // *Journal of Business and Entrepreneurial Studies*. 2024. Vol. 8. No. 2. Pp. 10—21. DOI: 10.37956/jbes.v8i2.364.
6. Bailey C. *Customer Insight Strategies: How to Understand Your Audience and Create Remarkable Marketing*. London : Kogan Page, 2020. 248 p.
7. Хорева Л. В., Каньгин Г. В., Жабина Н. И. Новые подходы к управлению клиентским опытом и принятию решений в сфере услуг // *Вестник Института экономических исследований*. 2024. № 3(35). С. 174—185.
8. Байбакова О. Н. О важности исследований клиентского опыта // *Методы менеджмента качества*. 2025. № 5. С. 51—53.
9. Головачева К. С., Макарова О. В. CX-трансформация Tele2: от дискаунтера к лидеру клиентского сервиса // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2022. Т. 21. Вып. 3. С. 472—494. DOI: 10.21638/11701/spbu08.2022.306.
10. Захарова И. А. Управление клиентским опытом на основе ценности // *Креативная экономика*. 2023. Т. 17. № 4. С. 1461—1476. DOI: 10.18334/ce.17.4.117563.
11. Пакалов Д. И. Стратегии управления клиентским опытом: путь к успеху бизнеса // *Экономика и предпринимательство*. 2024. № 10(171). С. 896—899. DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.163.
12. Солдатенко Т. А., Скоробогатых И. И., Есимжанова С. Р., Федорова Т. Л. Путь клиента как инструмент улучшения клиентского опыта в малом и среднем бизнесе // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2022. № 2. С. 112—119. DOI: 10.36627/2074-5095-2022-2-2-112-119.
13. Роздольская И. В., Яковлева Л. Р., Волобуев А. А. Стратегические детерминанты клиентоцентрического маркетинга на основе принципов поведенческой экономики и практики исследования клиентского опыта // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2023. № 1(98). С. 135—150. DOI: 10.21295/2223-5639-2023-1-135-150.
14. Мартынюк Д. Г., Роговская А. И. Улучшение клиентского опыта через карту клиентского пути // *Беларусь в современном мире : материалы XVII Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых : в 2 ч. Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого*, 2024. Ч. 1. С. 204—206.
15. Ветитнев А. М., Волошук П. В. Качественные исследования клиентского опыта как универсальный инструмент внутренних коммуникаций сервисной компании // *Бизнес. Образование. Право*. 2019. № 1(46). С. 46—51. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.46.156.
16. Лунева Е. А., Катунина Н. В. Клиентский опыт как основа для разработки маркетинговой стратегии в сфере услуг в эпоху эмпирического маркетинга // *Омские научные чтения — 2020 : материалы Четвертой Всерос. науч. конф.* Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та им. Ф. М. Достоевского, 2020. С. 843—847.
17. Комогорцева А. В. Факторы, влияющие на потребительский опыт в контексте рынка образовательных услуг // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. 2024. № 2(105). С. 268—278. DOI: 10.21295/2223-5639-2024-2-268-278.

REFERENCES

1. Becker L., Jaakkola E. Customer experience: fundamental premises and implications for research. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2020;48(4):630—648. DOI: 10.1007/s11747-019-00718-x.
2. Pine B. J. II, Gilmore J. H. The Experience Economy. Boston, MA, Harvard Business Review Press, 2011. 359 p.
3. Dew R., Allen C. Customer Experience Innovation: How to Get a Lasting Market Edge. Emerald, 2018. 232 p. DOI: 10.1108/9781787547865.
4. Kalbach J. Mapping Experiences: A Complete Guide to Creating Value through Journeys, Blueprints, and Diagrams. O'Reilly Media, 2016. 379 p.
5. Bourne Gastezzi C. E., Fernández Rodríguez M. M., Castillo A. Theoretical foundations on Customer Experience (customer experience, NPS, CSAT, CES, Service Balcony, Journey Map). *Journal of Business and Entrepreneurial Studies*. 2024; 8(2):10—21. DOI: 10.37956/jbes.v8i2.364.
6. Bailey C. Customer Insight Strategies: How to Understand Your Audience and Create Remarkable Marketing. London, Kogan Page, 2020. 248 p.
7. Khoreva L. V., Kanigin G. V., Zhabina N. I. New approaches to managing customer experience and decision making in the service field. *Vestnik Instituta ekonomicheskikh issledovaniy = Vestnik of Institute of Economic Research*. 2024;3(35): 174—185. (In Russ.)
8. Baibakova O. N. On the importance of customer experience research. *Metody menedzhmenta kachestva*. 2025; 5:51—53. (In Russ.)
9. Golovacheva K. S., Makarova O. V. CX transformation of Tele2: From a discounter to a customer service leader. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Menedzhment = Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. 2022;21(3):472—494. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu08.2022.306.
10. Zakharova I. A. Value-based customer experience management. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2023;17(4):1461—1476. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.17.4.117563.
11. Pakalov D. I. Strategies for managing customer experience: the path to business success. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2024;10(171):896—899. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2024.171.10.163.
12. Soldatenko T. A., Skorobogatykh I. I., Esimzhanova S. R., Fedorova T. L. The customer journey as a tool for improving customer experience in small and medium-sized businesses. *Marketing i marketingovye issledovaniya = Marketing and Marketing Research*. 2022;2:112—119. (In Russ.) DOI: 10.36627/2074-5095-2022-2-2-112-119.
13. Rozdolskaya I. V., Yakovleva L. R., Volobuev A. A. Strategic determinants of customer-centric marketing based on the principles of behavioral economy and the practice of customer experience research. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2023;1(98):135—150. (In Russ.) DOI: 10.21295/2223-5639-2023-1-135-150.
14. Martynyuk D. G., Rogovskaya A. I. Improving customer experience through a customer journey map. *Belarus`v sovremen-nom mire = Belarus in the modern world. Proceedings of the XVII International scientific conference of students, magisters, post-graduate students, and young scientists*. Gomel, Sukhoi State Technical University of Gomel publ., 2024;1:204—206. (In Russ.)
15. Vetitnev A. M., Voloshchuk P. V. Qualitative research of the customer experience as a universal tool for internal communications of the service company. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2019;1(46):46—51. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2019.46.156.
16. Luneva E. A., Katunina N. V. Customer experience as a basis for developing a marketing strategy in the service sector in the era of empirical marketing. *Omskie nauchnye chteniya — 2020 = Omsk Scientific Readings – 2020. Proceedings of the Fourth All-Russian scientific conference*. Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., 2020:843—847. (In Russ.)
17. Komogortseva A. V. Factors affecting consumer experience in the context of the educational services market. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava = Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2024;2(105):268—278. (In Russ.) DOI: 10.21295/2223-5639-2024-2-268-278.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 658.5.011:005.21
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1597

Vladimir Alexandrovich Zhulyabin

Postgraduate of the Department of Production Management,
scientific specialty

5.2.3 — Regional and sectoral economy,

Astrakhan State Technical University;

Head of the Project Management Department,

Production and Commercial Company “Astrakhim” LLC

Astrakhan, Russian Federation

vzhulyabin99@mail.ru

Владимир Александрович Жулябин

аспирант кафедры производственного менеджмента,
научная специальность

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,

Астраханский государственный технический университет;

начальник отдела управления проектами,

ООО ПКФ «Астрахим»

Астрахань, Российская Федерация

vzhulyabin99@mail.ru

РАЗРАБОТКА АЛГОРИТМА ОПТИМИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ В РАМКАХ СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью адаптации промышленных предприятий к вызовам четвертой промышленной революции и ужесточению глобальной конкуренции. Традиционные подходы к управлению производством демонстрируют недостаточную эффективность в условиях высокой турбулентности спроса и необходимости кастомизации продукции, что создает разрыв между операционной деятельностью и стратегическими целями предприятия. Цифровая трансформация промышленности, переход к концепциям «умного производства» и создание цифровых двойников открывают новые возможности, но одновременно требуют пересмотра подходов к интеграции алгоритмических решений в стратегический контекст. Цель статьи заключается в обосновании и разработке алгоритма оптимизации производственных процессов, интегрированного в стратегию повышения конкурентоспособности. Методологической базой исследования выступили системный анализ, методы таксономической классификации и имитационного моделирования. Основные результаты включают классификацию алгоритмов оптимизации по критерию их влияния на конкурентные преимущества, а также блок-схему гибридного алгоритма, реализующего декомпозицию задач и динамический выбор методов оптимизации. В работе обоснована необходимость интеграции алгоритмического ядра в стратегический контекст управления, что позволяет преодолеть разрыв между операци-

онной оптимизацией и долгосрочными целями рыночного позиционирования. Адаптированная методология таксономического анализа позволила систематизировать многообразие алгоритмов по-новому, стратегически ориентированному критерию. Теоретическая значимость работы заключается в развитии методологии управления производственными системами путем обоснования связи между математическим инструментарием оптимизации и стратегическими ориентирами предприятия. Практическая значимость состоит в том, что разработанный алгоритм может служить основой для модуля производственного планирования в цифровых системах управления, обеспечивая повышение операционной эффективности и адаптивности к рыночным изменениям. Предложенные решения могут быть адаптированы для предприятий различных отраслей промышленности, что расширяет область их практического применения и создает основу для дальнейших исследований в области интеграции оптимизационных методов в стратегическое управление.

Ключевые слова: оптимизация производственных процессов, алгоритмы оптимизации, конкурентоспособность предприятия, гибридные алгоритмы, операционная эффективность, стратегическая гибкость, инновационный потенциал, стратегическое управление, цифровизация производства, Индустрия 4.0, имитационное моделирование, производственное планирование, таксономический анализ, цифровые двойники

Для цитирования: Жулябин В. А. Разработка алгоритма оптимизации производственных процессов в рамках стратегии повышения конкурентоспособности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 153—158. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1597.

Original article

DEVELOPMENT OF AN ALGORITHM FOR OPTIMIZING PRODUCTION PROCESSES AS PART OF A COMPETITIVENESS ENHANCEMENT STRATEGY

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The relevance of this research topic stems from the need for industrial enterprises to adapt to the challenges of the fourth industrial revolution and intensifying global competition. Traditional approaches to production management

demonstrate insufficient effectiveness in the face of highly turbulent demand and the need for product customization, which creates a gap between operational activities and the company's strategic goals. The digital transformation of industry,

© Жулябин В. А., 2026

© Zhulyabin V. A., 2026

the transition to smart manufacturing concepts, and the creation of digital twins open up new opportunities but simultaneously require a revision of approaches to integrating algorithmic solutions into a strategic context. The aim of this article is to substantiate and develop an algorithm for optimizing production processes integrated into a competitiveness enhancement strategy. The methodological basis of the study is system analysis, taxonomic classification methods, and simulation modeling. The main results include a classification of optimization algorithms based on their impact on competitive advantages, as well as a flowchart of a hybrid algorithm implementing task decomposition and the dynamic selection of optimization methods. This paper substantiates the need to integrate an algorithmic core into a strategic management context, thereby bridging the gap between operational optimization and long-term market positioning goals. An adapted taxonomic analysis methodology allows for the systematization of a variety of algorithms using a new, strategically oriented

criterion. The theoretical significance of this paper lies in the development of a methodology for managing production systems by substantiating the connection between mathematical optimization tools and an enterprise's strategic objectives. Its practical significance lies in the fact that the developed algorithm can serve as the basis for a production planning module in digital management systems, ensuring increased operational efficiency and adaptability to market changes. The proposed solutions can be adapted for enterprises in various industries, expanding their scope of practical application and creating a foundation for further research into the integration of optimization methods into strategic management.

Keywords: production process optimization, optimization algorithms, enterprise competitiveness, hybrid algorithms, operational efficiency, strategic flexibility, innovation potential, strategic management, production digitalization, Industry 4.0, simulation modeling, production planning, taxonomic analysis, digital twins

For citation: Zhulyabin V. A. Development of an algorithm for optimizing production processes as part of a competitiveness enhancement strategy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):153—158. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1597.

Введение

Актуальность. Современный этап развития промышленности, характеризуемый концепцией Индустрии 4.0, предъявляет принципиально новые требования к производственным системам. Глобализация рынков, усиление конкуренции и необходимость быстрой кастомизации продукции вынуждают предприятия искать новые источники конкурентных преимуществ [1]. В подобных условиях классические методы управления производством, заточенные на стабильность и крупные серии, уже не так эффективны, поскольку не дают нужной адаптивности под быстро меняющуюся внешнюю среду [2; 3]. Ключевым фактором для роста конкурентоспособности становится возможность предприятия гибко и оперативно перенастраивать свои процессы, снижая издержки и время выполнения заказов [4; 5]. Цифровая трансформация промышленности, переход к концепциям «умного производства» и создание цифровых двойников производственных систем открывают новые возможности для оптимизации, но одновременно требуют пересмотра подходов к управлению и интеграции алгоритмических решений в стратегический контекст.

Изученность проблемы. Вопросы оптимизации производственных процессов традиционно опираются на теорию расписаний, алгоритм Джонсона, метод ветвей и границ. Однако на практике их применение ограничено размерностью задач, что отмечено в статье А. К. Овсянкина, А. М. Попова, М. А. Казанцева [6]. Систематический обзор методов многокритериальной оптимизации за 2013—2023 гг. выполнен М. А. Золотаревым [7]. В контексте цифровизации вопросы цифровых двойников как инструмента оптимизации производственных процессов рассматриваются Д. А. Ботвинко, А. А. Бурдюковой, З. Д. Шестаковым [8], а также Д. А. Сосфеновым [9]. Модель цифровой адаптивной экосистемы промышленного предприятия предложена А. Г. Ташкиновым [10], а типология цифровых двойников с акцентом на адаптивность — В. И. Абрамовым, В. В. Гордеевым, А. Д. Столяровым [11]. Л. А. Мизринь и Н. Э. Русиной [12] адаптирована методология таксономического анализа для классификации сложных категорий, что послужило основой для настоящего исследова-

ования. Вопросы организационной структуры систем экономической безопасности, важные для построения интегрированных подходов к управлению, рассмотрены Н. Н. Карзаевой [13]. Вместе с тем, согласно В. Н. Родионову и И. С. Антоновой [14; 15], связь алгоритмических решений со стратегическими целями и долгосрочной конкурентоспособностью остается недостаточно проработанной, что создает разрыв между операционной оптимизацией и стратегическим управлением.

Целесообразность разработки темы. Активное развитие цифровых технологий и методологий управления создает предпосылки для интеграции алгоритмических методов оптимизации в общую стратегию предприятия. Но для успешной реализации этой интеграции необходимо преодолеть существующий разрыв между техническими и управленческими аспектами. Разработка алгоритма, который изначально ориентирован на стратегические цели повышения конкурентоспособности, а не только на решение локальных задач, является своевременной и востребованной как с теоретической, так и с практической точки зрения. Кроме того, предложенная методология классификации алгоритмов по критерию их влияния на конкурентные преимущества позволяет более обоснованно подходить к выбору инструментария оптимизации в зависимости от типа производства и рыночной стратегии предприятия.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложена классификация алгоритмов оптимизации производственных процессов, основанная не на математических признаках, а на критерии их влияния на ключевые факторы конкурентоспособности предприятия: операционную эффективность, стратегическую гибкость и инновационный потенциал. В отличие от традиционных подходов, классифицирующих алгоритмы по вычислительным характеристикам, данная классификация позволяет увязать выбор инструментария оптимизации со стратегическими ориентирами предприятия.

2. Разработана схема гибридного алгоритма оптимизации, интегрирующая точные методы, эвристики и метаэвристики на основе декомпозиции задач, что позволяет

сочетать оптимальность решений для структурированных подзадач с высокой адаптивностью в условиях неопределенности. В отличие от существующих гибридных решений, ориентированных преимущественно на технологические аспекты, предложенный алгоритм изначально встроен в контекст стратегического управления конкурентоспособностью.

3. Обоснован подход к встраиванию алгоритмического ядра оптимизации в стратегический контекст управления, что обеспечивает связь между операционными параметрами производства и долгосрочными целями рыночного позиционирования. Данный подход позволяет преодолеть разрыв между операционной оптимизацией и стратегическим менеджментом, выявленный в существующих исследованиях.

4. Адаптирована методология таксономического анализа для классификации алгоритмов оптимизации, что позволяет систематизировать многообразие методов по-новому, стратегически ориентированному критерию.

Целью статьи является разработка алгоритма оптимизации производственных процессов, интегрированного в стратегию повышения конкурентоспособности предприятия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- провести сравнительный анализ существующих классов алгоритмов оптимизации с точки зрения их влияния на факторы конкурентоспособности;
- разработать классификацию алгоритмов по критерию их стратегического влияния, используя методологию таксономического анализа;
- предложить блок-схему гибридного алгоритма, реализующего дифференцированный подход к выбору методов оптимизации;
- обосновать потенциальные преимущества предложенного подхода перед традиционными методами;
- определить направления исследований для эмпирической верификации разработанного алгоритма.

Теоретическая значимость работы видится в развитии методологии управления производственными системами через обоснование связи между выбором математического инструментария оптимизации и стратегическими ориентирами предприятия. Предложенная классификация алгоритмов по критерию их влияния на факторы конкурентоспособности расширяет теоретические представления о роли оптимизационных методов в достижении стратегических целей. Адаптация методологии таксономического анализа для классификации алгоритмов оптимизации создает основу для дальнейших исследований в этой области.

Практическая значимость определяется тем, что разработанный алгоритм может стать основой для модуля производственного планирования в цифровых системах управления, что позволит повысить операционную эффективность и способность адаптироваться к изменениям рынка. Предложенный подход может быть использован при создании цифровых двойников производственных систем, а также при построении интегрированных систем стратегического и операционного управления. Классификация алгоритмов по критерию их влияния на конкурентоспособность позволяет предприятиям более обоснованно выбирать инструментарий оптимизации в зависимости от типа производства и рыночной стратегии.

Основная часть

Методология исследования. Аналитический характер данного исследования определил выбор методологии, основанной на комплексе взаимодополняющих подходов. Базовым методологическим принципом выступил системный анализ, позволивший рассматривать производственный процесс не как изолированную совокупность операций, а как целостный объект управления, встроенный в систему стратегических целей предприятия и подверженный влиянию факторов внешней среды [15]. Проведен сравнительный анализ существующих классов алгоритмов оптимизации, с целью выявления их сильных и слабых сторон применительно к задачам производственного планирования различной размерности и сложности. Критериями для сравнения выступали не только вычислительная сложность и точность получаемых решений, но и потенциальное влияние каждого класса алгоритмов на факторы конкурентоспособности предприятия, такие как операционная эффективность, адаптивность и инновационный потенциал.

Для систематизации многообразия алгоритмов оптимизации применена методология таксономического анализа, адаптированная из работ Л. А. Миэринь, посвященных классификации подходов к определению сложных категорий [16]. Данная методология позволила выделить различные классы алгоритмов не по традиционному математическому признаку, а по критерию их влияния на ключевые аспекты конкурентоспособности, что соответствует примененному в указанных исследованиях параметрическому (атрибутивному) подходу.

Опираясь на выявленные в ходе анализа преимущества различных подходов, был разработан гибридный алгоритм. Предложенный подход предполагает декомпозицию общей задачи оптимизации на подзадачи и применение к ним наиболее релевантных методов: точных алгоритмов для маломерных, хорошо структурированных подзадач для поиска глобального оптимума в условиях высокой размерности и неопределенности. Концептуальная логика работы алгоритма была представлена в виде блок-схемы, детализирующей этапы декомпозиции, выбора метода, оценки и корректировки решений. Для верификации предложенного подхода возможно использование метода имитационного моделирования, позволяющего провести сравнительный анализ эффективности разработанного гибридного алгоритма с базовыми алгоритмами на тестовых наборах данных, репрезентативных для различных типов производственных систем.

Результаты исследования. В ходе исследования были получены результаты, раскрывающие взаимосвязь между методами оптимизации производственных процессов и стратегическими факторами конкурентоспособности предприятия. Разработана классификация существующих алгоритмов оптимизации, выполненная не по традиционному математическому признаку, а по критерию их влияния на ключевые аспекты конкурентоспособности. Анализ показал, что различные классы алгоритмов вносят неодинаковый вклад в достижение операционных и стратегических целей предприятия. Систематизация этих различий представлена в таблице, где выделены основные классы алгоритмов. Для каждого класса определены типичные представители и дана качественная оценка их влияния на операционную эффективность, стратегическую гибкость и инновационный потенциал предприятия.

Влияние классов алгоритмов оптимизации на факторы конкурентоспособности предприятия

Класс алгоритмов	Типичные представители	Влияние на операционную эффективность	Влияние на стратегическую гибкость	Влияние на инновационный потенциал
Точные алгоритмы	Алгоритм Джонсона, метод ветвей и границ	Высокое — обеспечивают оптимальные решения для задач малой и средней размерности	Низкое — чувствительны к изменениям входных данных, требуют пересчета при динамике	Низкое
Эвристические методы	Правила приоритетов	Среднее — обеспечивают быстрые, но не всегда оптимальные решения	Среднее — легко адаптируются к изменениям за счет простоты пересчета	Низкое
Метаэвристики	Генетические алгоритмы, имитация отжига, муравьиные алгоритмы, алгоритм роя частиц	Высокое — способны находить решения, близкие к оптимальным, для сложных, многокритериальных задач	Высокое — хорошо адаптируются к динамической среде и изменениям ограничений	Среднее
Гибридные подходы	Комбинация точных и эвристических методов	Потенциально максимальное — сочетают достоинства различных методов	Потенциально максимальное — обеспечивают баланс между точностью и скоростью адаптации	Высокое

Примечание: сост. автором.

Представленная классификация базируется на адаптированной методологии таксономического анализа, аналогичной примененной в работах Л. А. Миэринь и Н. Э. Русиной [12]. В рамках данной методологии каждый класс алгоритмов рассматривается с точки зрения его вклада в достижение конкретных аспектов конкурентоспособности, что позволяет более обоснованно подходить к выбору инструментария оптимизации.

Также предложена схема гибридного алгоритма оптимизации производственных процессов, интегрирующего различные методы в зависимости от характеристик решаемой подзадачи. Алгоритм реализует двухэтапную процедуру: на первом этапе производится декомпозиция общей задачи планирования на отдельные блоки, на втором этапе для каждого блока динамически выбирается наиболее подходящий метод оптимизации. Логика работы алгоритма представлена на рисунке.

Рис. Блок-схема гибридного алгоритма оптимизации производственных процессов (сост. автором)

В данной схеме входные данные — это портфель заказов, текущее состояние оборудования и доступные ресурсы. Далее, после декомпозиции оцениваются размерность и сложность подзадач. Полученные частные решения затем объединяются и оцениваются по критериям времени выполнения заказа, загрузки мощностей и удельным затратам. Если решение не достигает целевых показателей, то параметры поиска корректируются и затем цикл повторяется. При достижении приемлемого результата происходит формирование итогового плана с учетом оптимизации.

Таким образом, полученные результаты подтверждают теоретическую состоятельность предложенного гибридного подхода и показывают его потенциальные преимущества перед традиционными методами. В то же время предло-

женная классификация и блок-схема гибридного алгоритма оптимизации производственных процессов формируют базу для дальнейшего анализа данных системы.

Обсуждение. По итогам проведенной работы выявлено, что классификация алгоритмов с точки зрения их влияния на операционную эффективность, стратегическую гибкость и инновационный потенциал показывает, что универсальность, которая одинаково подходит для разных производственных систем и рыночных ситуаций, на практике недостижима. Например, для предприятий со стабильной номенклатурой и массовым типом производства, работающих на предсказуемых рынках, в целом оправдано применение точных алгоритмов, которые позволяют выйти на максимум операционной эффективности, пусть и за счет

некоторой потери гибкости. А для компаний, действующих в условиях высокой турбулентности рынка и конкурирующих в скорости вывода новых продуктов, на первый план выходит стратегическая гибкость, что делает более приемлемым гибридные подходы, которые способны оперативно адаптироваться к изменениям.

Предложенная схема гибридного алгоритма — это попытка практически реализовать идею дифференцированного применения методов оптимизации в зависимости от того, какая именно подзадача решается. Ключевое преимущество такого подхода в том, что он сочетает гарантированную точность для структурированных задач малой размерности с высокой поисковой способностью для сложных многокритериальных задач.

Такая архитектура позволяет обойти ограничения, присущие каждому из методов по отдельности, и выйти на принципиально иной уровень качества производственного планирования. Гибридные решения, близкие по идеологии, активно обсуждаются в литературе, но большинство из них ориентированы либо на чисто технологические аспекты, либо на решение узких задач, тогда как предлагаемый нами алгоритм изначально встроен в контекст стратегического управления конкурентоспособностью.

При этом представленные результаты носят пока теоретико-аналитический характер и базируются на прогнозных оценках, а значит, требуют дальнейшей эмпирической проверки на реальных производственных данных. Кроме того, предложенный алгоритм предполагает наличие на предприятии развитой цифровой инфраструктуры, что может ограничивать его применимость для организаций с низким уровнем цифровизации.

Также необходимо учитывать сложности, связанные с интеграцией гибридных алгоритмов в уже существующие корпоративные информационные системы, где зачастую используются устаревшие подходы к планированию. В этой связи перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методики поэтапного внедрения предложенного алгоритма с учетом уровня цифровой зрелости предприятия.

Заключение

В ходе выполнения работы показано, что традиционные методы оптимизации, которые в основном заточены под решение узких технологических задач, не учитывают в должной мере стратегический контекст работы предприятия и его долгосрочные цели по части конкурентоспособности. Обнаруженный разрыв между операционной оптимизацией и стратегическим менеджментом обусловил потребность в создании принципиально нового подхода, который объединяет производственные показатели с факторами рыночного позиционирования.

Предложена классификация алгоритмов оптимизации производственных процессов, которая строится на критерии их воздействия на ключевые аспекты конкурентоспособности, такие как операционная эффективность, стратегическая гибкость, а также инновационный потенциал. Эта классификация позволяет более обоснованно выбирать математический аппарат для оптимизации, отталкиваясь от типа производства и особенностей рыночной среды, в которой работает предприятие. Методологической основой для разработки классификации послужил таксономический анализ, адаптированный из современных исследований в области систематизации сложных категорий.

По итогам анализа разработана схема гибридного алгоритма, где реализована идея дифференцированного применения методов, точных алгоритмов для структурированных подзадач малой размерности и эвристик для сложных многокритериальных задач большой размерности. Подобный подход дает возможность сочетать точность решений с гибкостью под динамические изменения, что особенно значимо в условиях современной нестабильности рынка.

Дальнейшие исследования предполагается направить на эмпирическую верификацию предложенного алгоритма с использованием имитационного моделирования и апробацию на реальных производственных данных предприятий различных отраслей промышленности. Также перспективным направлением является разработка методики интеграции предложенного алгоритма в корпоративные информационные системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 454 с.
2. Shaulska L., Yakymyshyn S., Sidelnykova L. Strategic enterprise competitiveness management under global challenges // Academy of Strategic Management Journal. 2021. Vol. 20. No. 4. Pp. 1—7.
3. Чумак П. В. Управление конкурентоспособностью предприятий на основе оптимизации портфелей проектов в условиях энерготрансформации // Human Progress. 2023. Т. 9. № 4. Ст. 24. DOI: 10.34709/IM.194.24.
4. Кенжебаева Г. Б. Экономическая оценка деятельности и конкурентоспособности предприятия // Вестник университета «Туран». 2022. № 2. С. 143—152. DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-2-143-152.
5. Неводова И. А., Акопов В. В., Барчо Д. Р. Анализ деятельности и конкурентоспособности предприятий // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 1(51). С. 195—199.
6. Овсянкин А. К., Попов А. М., Казанцев М. А. Анализ методов и алгоритмов оптимизации планирования производственных мощностей // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Управление, вычислительная техника и информатика. 2025. № 3. С. 88—93. DOI: 10.24143/2072-9502-2025-3-88-93.
7. Золотарев М. А. Методы многокритериальной оптимизации технологических объектов: систематический обзор научных публикаций за период 2013—2023 гг. // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Технические науки. 2024. Т. 32. № 2. С. 25—47. DOI: 10.14498/tech.2024.2.2
8. Ботвинко Д. А., Бурдюкова А. А., Шестаков З. Д. Цифровые двойники как инструмент оптимизации промышленных производственных процессов // Журнал технических исследований. 2025. № 1. С. 43—48.
9. Сосфенов Д. А. Цифровой двойник как инструмент оптимизации производственных процессов // Инновации и инвестиции. 2023. № 5. С. 149—153.
10. Ташкинов А. Г. Концептуальная модель цифровой адаптивной экосистемы промышленного предприятия в условиях индустрии 4.0 // π -Economy. 2026. Т. 19. № 1. С. 36—61. DOI: 10.18721/JE.19102.

11. Абрамов В. И., Гордеев В. В., Столяров А. Д. Цифровые двойники: характеристики, типология, практики развития // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 3. С. 691—716. DOI: 10.18334/vinec.14.3.121484.
12. Миэринь Л. А., Русина Н. Э. Трансформация взглядов на национальную энергетическую безопасность в условиях деглобализации // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 13—22. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1492.
13. Карзаева Н. Н. Организационная структура системы экономической безопасности предприятия // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 1(54). С. 43—47.
14. Родионова В. Н., Антонов И. С. Цифровая трансформация предприятия как условие обеспечения его конкурентоспособности // Организатор производства. 2023. Т. 31. № 1. С. 145—158.
15. Родионова В. Н., Антонов И. С. Многокритериальный анализ и цифровые решения для повышения конкурентоспособности предприятий в условиях Индустрии 5.0 // π -Economy. 2024. Т. 17. № 5. С. 32—44. DOI: 10.18721/JE.17502.
16. Миэринь Л. А., Карзаева Н. Н. Идентификация объекта устойчивого развития: политэкономический подход // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 94—101. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1223.

REFERENCES

1. Porter M. Competitive Strategy: Techniques for Analyzing Industries and Competitors. Transl. from English. Moscow, Al'pina Bizines Buks, 2005. 454 p. (In Russ.)
2. Shaulska L., Yakymyshyn S., Sidelnykova L. Strategic enterprise competitiveness management under global challenges. *Academy of Strategic Management Journal*. 2021;20(4):1—7.
3. Chumak P. V. Enterprise competitiveness management based on optimization of energy modernization project portfolios. *Human Progress*. 2023;9(4):24. (In Russ.) DOI: 10.34709/IM.194.24.
4. Kenzhebaeva G.B. Economic assessment of the enterprise performance and competitiveness. “*Turan*” universitetinin habarsysy = *Bulletin of “Turan” University*. 2022;2:143—152. (In Russ.) DOI: 10.46914/1562-2959-2022-1-2-143-152.
5. Nevodova I. A., Akopov V. V., Barcho D. R. Analysis of the activities and competitiveness of enterprises. *Estestvenno-humanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2024;1(51):195—199. (In Russ.)
6. Ovsyankin A., Popov A., Kazantsev M. Analysis of methods and algorithms for optimizing production capacity planning. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Upravlenie, vychislitel'naya tekhnika i informatika = Vestnik of Astrakhan State Technical University. Series: Management, computer science and informatics*. 2025;3:88—93. (In Russ.) DOI: 10.24143/2072-9502-2025-3-88-93.
7. Zolotarev M. A. Methods of multi-criteria optimization of technological objects: a systematic review of scientific publications for the period 2013-2023. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya «Tekhnicheskie nauki» = Vestnik of Samara State Technical University. Technical Sciences Series*. 2024;32(2):25—47. (In Russ.) DOI: 10.14498/tech.2024.2.2.
8. Botvinko D. A., Burdyukova A. A., Shestakov Z. D. Digital twins as a tool for optimizing industrial production processes. *Zhurnal tekhnicheskikh issledovaniy = Journal of technical research*. 2025;1:43—48. (In Russ.)
9. Sosfenov D. A. Digital twin as a tool for optimizing production processes. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2023;5:149—153. (In Russ.)
10. Tashkinov A. G. Conceptual model of a digital adaptive ecosystem for an industrial enterprise in Industry 4.0. π -Economy. 2026;19(1):36—61. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.19102.
11. Abramov V. I., Gordееv V. V., Stolyarov A. D. Digital twins: characteristics, typology and development practices. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2024;14(3):691—716. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.14.3.121484.
12. Mierin L. A., Rusina N. E. Transforming views on national energy security in the context of deglobalization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):13—22. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1492.
13. Karzaeva N. N. Organizational structure of economic security system of an enterprise. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2021;1(54):43—47. (In Russ.)
14. Rodionova V. N., Antonov I. S. Digital transformation of an enterprise as a condition for ensuring its competitiveness. *Organizator proizvodstva = Production manager*. 2023;31(1):145—158. (In Russ.)
15. Rodionova V. N., Antonov I. S. Multi-criteria analysis and digital solutions to improve the competitiveness of enterprises in the context of Industry 5.0. π -Economy. 2024;17(5):32—44. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.17502.
16. Mierin L. A., Karzaeva N. N. Identification of the object of sustainable development: a political and economic approach. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):94—101. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1223.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 12.04.2026; принята к публикации 13.04.2026.
The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 12.04.2026; accepted for publication 13.04.2026.

Научная статья
УДК 338.27
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1636

Dmitrii Sergeevich Matusevich
Senior Lecturer of the Department of Mathematical Methods
and Digital Technologies,
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation
mds@bgu.ru

Дмитрий Сергеевич Матусевич
старший преподаватель кафедры математических методов
и цифровых технологий,
Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
mds@bgu.ru

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СКОРИНГОВЫХ МОДЕЛЕЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Современное развитие методов прогнозирования несостоятельности предлагает использование математических моделей, в т. ч. скоринговых. Применение скоринговых моделей позволяет классифицировать организации по классам в зависимости от их финансовой устойчивости. В рамках представленного в статье исследования были рассмотрены зарубежные скоринговые модели, разработанные У. Бивером и Д. Дюраном, и отечественная модель, разработанная Л. В. Донцовой и Н. А. Никифоровой для сельскохозяйственных организаций.

Используя открытые данные Федеральной налоговой службы, были вычислены скоринговые оценки по нескольким моделям на примере организаций, чей основной вид деятельности указан как 10.1.X «Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции» с годовой выручкой более 100 млн руб. за 2021—2025 гг. Выборки содержат 104—118 организаций в зависимости от года.

Полученные по зарубежным моделям скоринговые оценки для организаций мясоперерабатывающей отрасли достаточно пессимистичны — более половины организаций классифицируются как проблемные или близкие к банкротству, хотя в реальности успешно функционируют.

Для цитирования: Матусевич Д. С. Практика применения скоринговых моделей прогнозирования несостоятельности в мясоперерабатывающей отрасли // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 159—164. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1636.

Original article

THE PRACTICE OF USING SCORING MODELS FOR INSOLVENCY FORECASTING IN MEAT PROCESSING INDUSTRY

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Modern developments in insolvency forecasting approaches suggest the use of mathematical models, including scoring models. The use of scoring models allows for the classification of organizations into classes based on their financial stability. We examined international scoring models developed by W. Beaver and D. Durand, as well as a domestic model developed by L. V. Dontsova and N. A. Nikiforova for agricultural organizations.

Using open data from the Federal Tax Service, scoring estimations were calculated using several models for organizations whose primary activity code is listed as 10.1.X “Processing and preserving meat and meat food products” with annual revenue

exceeding 100 million rubles for 2021–2025. The samples contain 104–118 organizations, depending on the year.

Scoring estimates for meat processing organizations obtained using foreign models are quite pessimistic – more than half of the organizations are classified as problematic or near bankruptcy, although in reality they are operating successfully. The results obtained using the model by L. V. Dontsova and N. A. Nikiforova can be considered the most optimal for assessing the potential insolvency of meat processing organizations. This is primarily due to the impact of an organization’s inventory on its operations.

Ключевые слова: прогнозирование несостоятельности, финансовая устойчивость, скоринговые модели, модель Дюрана, модель Бивера, модель Донцовой—Никифоровой, анализ ликвидности, анализ рентабельности, анализ финансовой независимости, анализ деловой активности, мясоперерабатывающая отрасль

The calculations demonstrate a certain effectiveness of the forecasts, although they require some adjustment to the models due to the specifics of the industry under consideration. Specific features of the industry include the tendency of meat processing organizations to accumulate raw material inventories (meat, casings, spices), which formally leads to a decrease in liquidity indicators and a freeze on working capital. Inventory buildup is often accomplished

with borrowed funds, which negatively impacts the organization's financial independence and reduces profitability due to interest payments on loans.

Keyword: *insolvency forecast, financial stability, scoring models, Durand model, Beaver model, Dontsova–Nikiforova model, liquidity analysis, profitability analysis, financial independence analysis, business activity analysis, meat processing industry*

For citation: Matusevich D. S. The practice of using scoring models for insolvency forecasting in meat processing industry. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):159—164. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1636.

Введение

Актуальность. Оценка финансового состояния и, как следствие, оценка потенциальной несостоятельности организации ведется непрерывно для широкого круга пользователей — в целях самодиагностики, для задач комплаенса, для соблюдения «должной осмотрительности» при взаимодействии с контрагентами.

Изученность проблемы. Для оценки финансового состояния активно применяются статистические модели, включающие в себя дискриминантные модели, модели логистической регрессии, скоринговые (рейтинговые) модели.

За рубежом широко используются модели Э. Альтмана, Р. Лиса, Г. Спрингейта, Р. Таффлера, Д. Фулмера. Данные модели адаптированы к российскому стандарту бухгалтерского учета и механически применяются в нашей стране. Возможность их применения для мясоперерабатывающей отрасли была рассмотрена нами ранее [1]. Также нами были предложены собственные разработки в данной области [2] оценено применение моделей, предложенных А. Ю. Беликовым, В. В. Ковалевым, А. С. Кучеренко, А. В. Постюшковым, Г. В. Савицкой, Р. С. Сайфулиным и Г. Г. Кадыковым.

Скоринговые модели изначально применялись в банковском кредитовании для оценки риска невозврата кредитов (так называемый кредитный рейтинг). Позднее идеи скоринга были использованы для прогнозирования несостоятельности организаций.

Для сельскохозяйственных организаций ряд авторов предлагают применять зарубежные модели: Н. В. Липчу, А. И. Хореев и др. — модель Бивера [3; 4]; В. С. Максименко, А. Г. Прудников и др. — модель Дюрана [5; 6] (модель Дюрана приводит в своих трудах Г. В. Савицкая, что порождает путаницу в авторстве).

Отечественная научная школа представлена рядом авторов, разрабатывающих данную проблематику, — Н. П. Кондраковым [7], А. В. Колышкиным [8], И. Б. Масенко [9]. И. А. Перонко предложила, по сути, модифицированную модель Дюрана, адаптированную под российские условия [10]. Л. В. Донцова и Н. Н. Карзаева предлагают свои наработки для анализа сельскохозяйственных организаций [11]. Н. В. и К. И. Липчу разработали скоринговую модель, основанную только на показателях деловой активности [12]. Создаются отраслевые скоринговые модели, например для строительства [13].

Также идеи скоринговых моделей активно используются органами власти для оценки финансового состояния организаций. Например, в постановлении Правительства РФ от 30 января 2003 г. № 52 «О финансовом оздоровлении сельскохозяйственных товаропроизводителей» использованы принципы, предложенные Д. Дюраном [3].

Целесообразность разработки темы. Для поддержания продовольственной безопасности необходимо обеспечить непрерывность производства в пищевой и, как следствие, мясоперерабатывающей отрасли. Соответственно, необходимы методы и модели, направленные на выявление неблагоприятных тенденций, прогнозирование кризисной ситуации и потенциального банкротства.

Цель исследования — оценка возможности применения универсальных скоринговых моделей для прогнозирования несостоятельности организаций мясоперерабатывающей отрасли, а также выявление потенциальных областей для дальнейшего усовершенствования.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: на основании обзоров отобрать несколько скоринговых моделей прогнозирования несостоятельности, провести апробацию выбранных моделей на фактических данных, оценить качество получаемых оценок с учетом отраслевой специфики.

Научная новизна. На основе проведенного сравнительного анализа результатов скоринговых моделей прогнозирования несостоятельности для организаций мясоперерабатывающей отрасли оценено качество выдаваемых прогнозов.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщенной сводной характеристике применения скоринговых моделей для прогнозирования несостоятельности организаций мясоперерабатывающей отрасли с выделением преимуществ и ограничений в современных экономических условиях.

Практическая значимость заключается в возможности применения результатов ряда скоринговых моделей прогнозирования несостоятельности как основы дальнейших управленческих решений для организаций мясоперерабатывающей отрасли.

Основная часть

Методология исследования. При выполнении поставленных задач использован комплекс методов экономических исследований. В процессе исследования применялись методы группировки, классификации, анализа, обобщения, сравнения и другие.

Информационно-эмпирическую базу исследования составили данные Государственного информационного ресурса бухгалтерской отчетности — были отобраны организации, чей основной вид деятельности указан как 10.1.X «Переработка и консервирование мяса и мясной пищевой продукции» с годовой выручкой более 100 млн руб. за 2021—2025 гг. Выборки содержат 104—118 организаций в зависимости от года.

Результаты исследования. Сущность скоринговой (рейтинговой) методики оценки потенциальной несостоятельности заключается в классификации организаций

по степени риска исходя из фактического уровня показателей финансовой устойчивости и рейтинга каждого показателя, выраженного в баллах на основе экспертных оценок.

В общем случае скоринг представляет собой взвешенную сумму определенных характеристик:

$$R = \sum a_i X_i,$$

где R — интегральный показатель балльной оценки (англ. *score*);

a_i — веса показателей,

X_i — рейтинговая оценка, выраженная в баллах, определенная по скоринговым таблицам исходя из фактических показателей организации (как правило финансовых коэффициентов, вычисленных на базе бухгалтерской отчетности [14]). Скоринговые таблицы содержат эталонные значения и методику начисления баллов по выбранным показателям финансовой устойчивости.

Авторы моделей комбинируют показатели ликвидности, рентабельности, финансовой независимости и деловой активности, что позволяет скоринговым моделям охватить все разделы экономического анализа.

Используя бухгалтерскую отчетность отобранных организаций, были рассчитаны скоринговые оценки по трем моделям: Д. Дюрана; У. Бивера; Л. В. Донцовой и Н. А. Никифоровой

Первой попыткой применения скоринговых моделей для прогнозирования несостоятельности считается модель Д. Дюрана, классифицирующая организации на пять классов с использованием для оценки всего трех показателей (см. табл. 1) [5; 6].

Таблица 1

Показатели и их веса в модели Дюрана

Показатель	Раздел экономического анализа	Максимальный вес
Коэффициент общей рентабельности активов	Анализ рентабельности	50
Коэффициент текущей ликвидности	Анализ ликвидности	30
Коэффициент автономии	Анализ финансовой независимости	20

В табл. 2 приведено распределение скоринговых оценок по модели Дюрана, где 15—18 % (в зависимости от года) организаций были классифицированы как устойчивые (классы 1 и 2), 22—36 % — как проблемные (класс 3), около половины организаций — как потенциально несостоятельные (классы 4 и 5).

Таблица 2

Распределение организаций по классам согласно модели Дюрана

Класс	2021	2022	2023	2024	2025
1	2	2	1	1	1
2	19	16	16	20	15
3	29	38	24	43	22
4	30	26	35	21	37
5	24	27	33	33	35
Итого	104	109	109	118	110

Примечание: рассчитано автором.

Наибольший вклад в понижение скоринговой оценки в модели Дюрана вносит показатель «Коэффициент автономии», что объясняется использованием заемных средств на пополнение оборотных средств (чаще всего на закупку сырья). Далее на рейтинговую оценку негативно влияет показатель «Коэффициент общей рентабельности активов», поскольку он имеет самый большой вес в модели, а функционирование мясоперерабатывающих организаций одновременно требует наличия значительных производственных мощностей (увеличивает значение знаменателя формулы рентабельности) и использования кредитных средств на закупку основных фондов и пополнение оборотных средств (уменьшает значение числителя формулы рентабельности) [6].

Позднее У. Бивер предложил классифицировать организации на три класса, используя пять показателей для построения модели (см. табл. 3) [3].

Таблица 3

Показатели и их веса в модели Бивера

Показатель	Раздел экономического анализа
Коэффициент Бивера	Анализ рентабельности
Чистая рентабельность активов	Анализ рентабельности
Коэффициент текущей ликвидности	Анализ ликвидности
Удельный вес заемных и привлеченных средств	Анализ финансовой независимости
Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными источниками финансирования	Анализ финансовой независимости

В табл. 4 приведено распределение скоринговых оценок по модели Бивера, где примерно четверть организаций были классифицированы как устойчивые (класс 1), 7—9 % — как проблемные (класс 2), 65—75 % — как потенциально несостоятельные (класс 3). Наличие всего трех классов в модели приводит к достаточно категоричным оценкам в плане потенциальной несостоятельности.

Таблица 4

Распределение организаций по классам согласно модели Бивера

Класс	2021	2022	2023	2024	2025
1	24	25	25	31	27
2	4	8	11	10	12
3	76	76	73	77	71
Итого	104	109	109	118	110

Примечание: рассчитано автором.

Наибольший вклад в понижение скоринговой оценки в модели Бивера вносит показатель «Коэффициент обеспеченности оборотных активов собственными источниками финансирования» — все организации финансируют свою текущую деятельность за счет краткосрочных заемных средств и как следствие получают низкий балл по данному показателю. Вторым по силе влияния стал показатель «Коэффициент Бивера», представляющий собой модифицированный показатель рентабельности — частично это объясняется тем, что в числитель показателя входят амортизационные отчисления, значение которых не раскрывается в типовой бухгалтерской отчетности, а также относительная

невысокая рентабельность мясоперерабатывающих организаций. Третьим по силе влияния определен показатель «Удельный вес заемных и привлеченных средств», что объясняется использованием заемных средств на пополнение оборотных средств и на приобретение основных фондов.

Среди отечественных разработок следует отметить скоринговую модель Донцовой—Никифоровой. Авторы предлагают использовать свои наработки для анализа сельскохозяйственных организаций, что в основном выражается в изучении влияния запасов на их деятельность.

Модель оперирует шестью показателями и делит организации на шесть классов (см. табл. 5) [11]. В модели основной упор делается на анализ ликвидности (три коэффициента ликвидности в сумме дают 53 балла из 100 возможных), а также используется коэффициент оборачиваемости запасов для анализа деловой активности.

Таблица 5

**Показатели и их веса в модели
Донцовой—Никифоровой**

Показатель	Раздел экономического анализа	Максимальный вес
Коэффициент абсолютной ликвидности	Анализ ликвидности	20
Коэффициент быстрой ликвидности	Анализ ликвидности	18
Коэффициент текущей ликвидности	Анализ ликвидности	15
Коэффициент финансовой независимости	Анализ финансовой независимости	17
Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами	Анализ финансовой независимости	15
Коэффициент оборачиваемости запасов	Анализ деловой активности	15

В табл. 6 приведено распределение скоринговых оценок по модели Донцовой—Никифоровой, где 28—49 % организаций были классифицированы как устойчивые (классы 1 и 2), 37—49 % — как проблемные (классы 3 и 4), до трети организаций — как потенциально несостоятельные (классы 5 и 6).

Таблица 6

**Распределение организаций по классам согласно
модели Донцовой—Никифоровой**

Класс	2021	2022	2023	2024	2025
1	13	12	8	14	12
2	16	19	23	44	27
3	5	9	10	22	17
4	33	37	43	29	33
5	22	18	20	7	11
6	15	14	5	2	10
Итого	104	109	109	118	110

Примечание: рассчитано автором.

Наибольший вклад в понижение скоринговой оценки в данной модели вносит показатель «Коэффициент обеспеченности собственными оборотными средствами», который предполагает, что сначала на собственные средства органи-

зации приобретаются основные фонды, а затем оборотные средства. Учитывая, что деятельность организаций мясоперерабатывающей отрасли требует одновременного наличия значительных основных фондов и оборотных средств, то формально только незначительное количество организаций получают высокие оценки. Вторым по силе влияния формально стал показатель «Коэффициент абсолютной ликвидности», поскольку имеющиеся денежные средства (числитель показателя) мясоперерабатывающие организации предпочитают сразу вкладывать в обновление производственных мощностей или закупку сырья, а краткосрочные обязательства (знаменатель показателя) носят целевой и прогнозируемый характер.

Присутствие в модели трех показателей ликвидности привело к ее мультиколлинеарности — вычисления показали сильно выраженную связь по шкале Чеддока (0,8—0,9). Также обнаружена заметная связь (0,5—0,6) между показателями ликвидности и коэффициентом финансовой независимости, что является логичным, т. к. финансово независимые организации имеют низкий уровень задолженности, которая используется при вычислении ликвидности. Следовательно данная связь оценивается как ложнокоррелированная.

В табл. 7 объединены результаты вышеперечисленных моделей по классификации организаций.

Таблица 7

Распределение организаций по классам, %

Классы организаций*	Модель		
	Дюрана	Бивера	Донцовой— Никифоровой
Финансово устойчивые	15—18	23—26	28—49
Проблемные	22—36	7—9	27—49
Потенциальные банкроты	46—63	65—70	8—36

* Классификация предложена автором.

Выводы

Модель Донцовой—Никифоровой можно назвать самой оптимальной среди скоринговых моделей для оценки потенциальной несостоятельности мясоперерабатывающих организаций. В основном это связано с учетом влияния запасов организации на ее деятельность — запасы учтены в четырех показателях из шести используемых: коэффициенте быстрой ликвидности, коэффициенте текущей ликвидности, коэффициенте обеспеченности собственными оборотными средствами и коэффициенте оборачиваемости запасов. В других моделях запасы учитываются только в одном-двух показателях.

Зарубежные модели здесь можно назвать универсальными, поскольку они ориентированы в основном на финансовую составляющую деятельности организации.

Как видно из табл. 7, полученные скоринговые оценки для организаций мясоперерабатывающей отрасли достаточно пессимистичны — более половины организаций классифицируются как проблемные или близкие к банкротству, хотя в реальности успешно функционируют. Причины этого можно разделить на две группы — методологические и отраслевые.

К методологическим причинам следует отнести алгоритмы расчета и оценивания. Большой вклад в снижение оценок вносят достаточно жесткие критерии оценивания — все модели требуют максимальных оценок по всем используемым показателям для определения организации в первый

класс [6]. Также увлечение все большим количеством показателей зачастую ведет к их мультиколлинеарности и, как следствие, снижению чувствительности модели. Введение большого числа классов организаций в сочетании с экспертными оценками определения их границ размывает понимание степени финансовой устойчивости организаций [11].

В отраслевых причинах основными можно назвать следующие:

1. Тенденция мясоперерабатывающих организаций накапливать запасы сырья (мяса, оболочки, специй) формально приводит к снижению показателей ликвидности и замораживанию оборотных средств. При этом наличие достаточного количества сырья или собственной сырьевой базы критически важно для бесперебойной работы организации. Также следует учесть фактор сезонности поставок, что находит свое отражение в балансе [6].

2. Нарращивание запасов часто осуществляется в долг, что увеличивает кредиторскую задолженность организации и привлекаемые кредитные средства. Данный факт

негативно влияет на финансовую независимость организации и снижает рентабельность в силу уплаты процентов по кредитам [15].

Заключение

Механическое применение вышеуказанных моделей позволяет классифицировать организации по степени их финансовой устойчивости, но вместе с тем пессимизирует реальную ситуацию в отрасли – как видно из расчетов, вышеуказанные модели относят порядка половины организаций к потенциально несостоятельным.

Таким образом для мясоперерабатывающих организаций требуется создание собственной скоринговой модели, учитывающей отраслевые особенности. Предложенная модель должна более разумно дифференцировать организации, выделяя зоны, требующие внимания, что имеет практическую значимость для последующего формирования планов мероприятий финансового оздоровления хозяйствующего субъекта [16].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Матусевич Д. С. Практика применения зарубежных MDA-моделей прогнозирования вероятности банкротства для мясоперерабатывающей отрасли (на примере Иркутской области) // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3(60). С. 193—198. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.377.
2. Матусевич Д. С. Опыт использования отечественных моделей прогнозирования несостоятельности предприятий мясоперерабатывающей отрасли Иркутской области // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14. № 3. С. 1003—1010. DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1003-1010.
3. Липчиу Н. В. Оценка финансового состояния сельскохозяйственных организаций с целью диагностики банкротства // Продовольственная безопасность: проблемы и пути решения : сб. ст. по материалам XVI Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Куб. гос. аграр. ун-т, 2021. С. 109—116.
4. Хорев А. И., Бухарин С. В., Параскевич В. В. Сравнение оценок финансового состояния предприятий методами показателей Бивера и скорингового анализа // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. Т. 80. № 1. С. 261—266. DOI: 10.20914/2310-1202-2018-1-261-266.
5. Максименко В. С. Оценка потенциальности банкротства сельскохозяйственных организаций на основе анализа интегральных показателей // Вопросы науки и образования. 2018. № 14. С. 10—19.
6. Прудников А. Г., Поляков В. Е., Новожилов И. М., Пшмахова М. И. Проблемы рейтинговой оценки финансовой деятельности хозяйствующих субъектов аграрной сферы // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 115. URL: <https://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/57.pdf>.
7. Кондраков Н. П. Последствия принимаемых решений в учетной политике организации // Бухгалтерский учет. 2008. № 1. С. 5—12.
8. Колышкин А. В., Колышкин А. В. Разработка моделей прогнозирования банкротства в современных российских условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 241—266. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2018.203.
9. Масенко И. Б. Анализ моделей предсказания неплатежеспособности, на основе деятельности предприятий Пермской области // Вестник Пермского государственного технического университета. Прикладная математика и механика. 2005. № 1. С. 54—60.
10. Перонко И. А. Оценка финансового состояния сельскохозяйственных организаций Краснодарского края // Экономика и предпринимательство. 2019. № 2(103). С. 449—453.
11. Донцова Л. В., Карзаева Н. Н. Сравнительный анализ финансового состояния и результатов деятельности организаций АПК // Бухучет в сельском хозяйстве. 2012. № 7. С. 26—34.
12. Липчиу Н. В., Липчиу К. И. Разработка системы показателей, необходимых для выявления банкротства организаций, как элемент управления финансовыми ресурсами // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. № 9. Т. 6. С. 72—77.
13. Власенко М. А., Баранова И. В. Совершенствование инструментария анализа финансового состояния строительных организаций: отраслевой аспект // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 45. С. 174—185. DOI: 10.17223/19988648/45/12.
14. Сорокина Е. М. Организационные аспекты подготовки отчетности как источника информации для оценки финансового состояния бизнеса // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 2. С. 239—247. DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).239-247.
15. Сорокина Е. М. Проблемы финансового анализа ликвидности и платежеспособности организации // Baikal Research Journal. 2022. Т. 13. № 3. Ст. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).6.
16. Одаховская Д. А., Рой О. Ю. Формирование планов мероприятий финансового оздоровления хозяйствующего субъекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 3. Ст. 5. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).5.

REFERENCES

1. Matusevich D. S. The practice of applying foreign MDA-models for predicting the probability of bankruptcy for the meat processing industry (by the example of the Irkutsk region). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;3(60):193—198. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2022.60.377.
2. Matusevich D. S. Experience in Using Domestic Models for Predicting the Insolvency of Enterprises at the Meat Processing Industry of the Irkutsk Region. *Baikal Research Journal*. 2023;14(3):1003—1010. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2023.14(3).1003-1010.
3. Lipchii N. V. Assessment of the financial state of agricultural organizations for the purpose of diagnosing bankruptcy. *Pro-dovol'stvennaya bezopasnost': problemy i puti resheniya = Food security: problems and solutions. Collection of articles based on the materials of the XVI International scientific and practical conference*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University publ., 2021:109—116. (In Russ.)
4. Khorev A. I., Bukharin S. V., Paraskevich V. V. Comparison of estimates of a financial condition of the enterprises by methods of Biver's indicators and scoring analysis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2018;80(1):261—266. (In Russ.) DOI: 10.20914/2310-1202-2018-1-261-266.
5. Maksimenko V. S. Estimation of potentiality of bankruptcy of agricultural organizations on the basis of analysis of integrated indicators. *Voprosy nauki i obrazovaniya = Science and education*. 2018;14:10—19. (In Russ.)
6. Prudnikov A. G., Polyakov V. E., Novozhilov I. M., Pshmahova M. I. Problems of rating of financial activity of managing subjects of agrarian sphere. *Nauchnyi zhurnal KubGAU = Scientific Journal of KubSAU*. 2016;115:908—920. (In Russ.) URL: <https://ej.kubagro.ru/2016/01/pdf/57.pdf>.
7. Kondrakov N. P. Consequences of decisions taken in the accounting policy of the organization. *Bukhgalterskii uchet*. 2008;1:5—12. (In Russ.)
8. Kazakov A. V., Kolyshkin A. V. The development of bankruptcy prediction models in modern Russian economy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2018;34(2):241—266. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu05.2018.203.
9. Masenko I. B. Analysis of insolvency prediction models based on the activities of enterprises in the Perm region. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Prikladnaya matematika i mekhanika = Perm National Research Polytechnic University Bulletin. Applied Mathematics and Mechanics*. 2005;1:54—60. (In Russ.)
10. Peronko I. A. Assessment of the financial condition of agricultural organizations of Krasnodar region. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2019;2(103):449—453. (In Russ.)
11. Dontsova L. V., Karzaeva N. N. Comparative analysis of a financial condition and results of activity of the agrarian and industrial complexes organizations. *Bukhuchet v sel'skom khozyaistve*. 2012;7:26—34. (In Russ.)
12. Lipchii N. V., Lipchii K. I. Development of the system of indicators of the organizations, necessary for detection of bankruptcy, as element of management of financial resources. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya*. 2017;9-6:72—77. (In Russ.)
13. Vlasenko M. A., Baranova I. V. Improving the tools of financial analysis construction organizations: an industry aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*. 2019;45:174—185. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988648/45/12.
14. Sorokina E. M. Organizational Aspects of Reporting Preparation as a Source of Information for Business Evaluation. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2022;32(2):239—247. (In Russ.) DOI: 10.17150/2500-2759.2022.32(2).239-247.
15. Sorokina E. M. Problems of Financial Analysis of the Liquidity and Solvency of the Organization. *Baikal Research Journal*. 2022;13(3):6. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2022.13(3).6.
16. Odakhovskaya D. O., Roy O. Yu. Formation of Action Plans for Financial Recovery of an Economic Entity. *Baikal Research Journal*. 2019;10(3):5. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).5.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 65.011.56+004.8
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1618

Valeria Nikolaevna Mokhova
General Director,
Nestarica LLC
Nizhny Novgorod, Russian Federation
nestarica@mail.ru

Валерия Николаевна Мохова
генеральный директор,
ООО «Нестарица»
Нижний Новгород, Российская Федерация
nestarica@mail.ru

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НИЗКОЦИФРОВИЗИРОВАННЫХ ОТРАСЛЯХ ЭКОНОМИКИ НА ПРИМЕРЕ БИЗНЕСА ПО ДОСТАВКЕ ПИТЬЕВОЙ ВОДЫ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Применение технологий искусственного интеллекта во многих отраслях экономики за короткий период в несколько лет полностью изменило устоявшиеся процессы. Целью статьи является раскрытие потенциала применения данных технологий в низкотехнологичных бизнесах на примере компании по доставке питьевой воды. Актуальность исследования обусловлена низким уровнем цифровизации отрасли, высокой долей ручных операций и неочевидными возможностями внедрения технологий искусственного интеллекта в операционную деятельность.

В работе выявлены возможности увеличения прибыли и снижения себестоимости продукта и доставки с применением технологий искусственного интеллекта.

В работе использовались методы сравнительного анализа, системного подхода, экономического анализа и кейс-метод. Эмпирическую базу исследования составляют данные бухгалтерского учета и внутренней операционной аналитики компании «Нестарица» (г. Нижний Новгород) за 2023—2025 гг. Данные были использованы для анализа эффективности бизнес-процессов, оценки структуры затрат, расчета потенциального экономи-

ческого эффекта от внедрения технологий искусственного интеллекта, оценки эффективности логистических процессов.

В результате найдены возможности внедрения технологий искусственного интеллекта в прогнозирование спроса, оптимизацию процесса доставки с потенциалом снижения логистических затрат, формирование лояльности клиентов, увеличение пожизненной ценности клиента (LTV) за счет персонального подхода и в конечном итоге увеличение прибыли компании.

Делается вывод, что технологии искусственного интеллекта можно и нужно внедрять в максимально нетехнологичные бизнесы, они являются ключевым фактором повышения эффективности традиционных офлайн-бизнесов в условиях цифровой экономики. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенных подходов в аналогичных бизнес-моделях.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация бизнеса, низкоцифровизированные отрасли экономики, малый и средний бизнес, внедрение технологий искусственного интеллекта, эффективность бизнеса, логистика, логистические затраты, прогнозирование спроса, управление взаимоотношениями с клиентами, доставка воды

Для цитирования: Мохова В. Н. Оценка потенциала применения технологий искусственного интеллекта в низкоцифровизированных отраслях экономики на примере бизнеса по доставке питьевой воды // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 165—171. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1618.

Original article

ASSESSING THE POTENTIAL OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LOW-DIGITALIZED ECONOMIC SECTORS: A CASE STUDY OF THE BOTTLED WATER DELIVERY BUSINESS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The rapid adoption of artificial intelligence technologies has significantly transformed established processes across many sectors of the economy in recent years. The purpose of this study is to assess the potential for applying artificial intelligence in low-digitalized businesses, using the bottled water delivery sector as a case study. The relevance of the study is determined by the low level of digitalization in the industry, the high share of manual operations, and the still underexplored opportunities for integrating AI into operational activities. The paper demonstrates practical approaches to increasing pro-

fitability and reducing both product and delivery costs through the implementation of artificial intelligence technologies.

The study employs comparative analysis, a systems approach, economic analysis, and the case study method. The empirical basis of the research consists of accounting data and internal operational analytics of Nestarica, a bottled water delivery company based in Nizhny Novgorod, for the period 2023–2025. These data were used to evaluate business process efficiency, cost structure, the potential economic effect of AI implementation, and the performance of logistics processes.

The results identify key areas for AI integration, including demand forecasting, delivery process optimization with the potential to reduce logistics costs, customer relationship management, and the increase of customer lifetime value (LTV) through personalized interaction, ultimately leading to improved financial performance.

It is concluded that artificial intelligence technologies can and should be implemented even in traditionally low-tech industries, as they represent a key factor in improving the effi-

ciency and competitiveness of businesses in the digital economy. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the proposed approaches in similar business models.

Keywords: artificial intelligence, business digitalization, low-digitalized sectors, small and medium-sized business, implementation of artificial intelligence technologies, business efficiency, logistics, logistics costs, demand forecasting, customer relationship management, bottled water delivery

For citation: Mokhova V. N. Assessing the potential of artificial intelligence in low-digitalized economic sectors: a case study of the bottled water delivery business. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):165—171. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1618.

Введение

В настоящее время во многих отраслях экономики мы можем наблюдать ускоренную трансформацию бизнес-моделей благодаря использованию технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). **Актуальность** исследования состоит в том, что традиционные офлайн-бизнесы зачастую не применяют технологии ИИ, не понимая и не видя, как они могут использовать возможности технологий ИИ в своей сфере деятельности. Кроме того, в микро- и малых региональных предприятиях, как правило, отсутствуют или сильно ограничены бюджеты на тестирование инновационных идей, а применение технологий ИИ ошибочно воспринимается бизнесами как высокозатратное направление. Бизнесы в России сейчас находятся в условиях роста операционных затрат, острого дефицита кадров, изменения потребительского поведения и, не применяя в своих сферах новые возможности, которые дают технологии ИИ, традиционные бизнесы становятся неэффективными, их рентабельность снижается, а издержки растут.

Степень изученности проблемы. В зарубежных исследованиях значительное внимание уделено факторам, влияющим на внедрение ИИ в малом и среднем бизнесе. В работе С. Альджарбоа [1] отмечается, что одним из ключевых препятствий внедрения данных технологий в малом бизнесе являются поведенческие и управленческие факторы, в частности готовность предпринимателя к инновациям, а также уровень цифровой зрелости и организационные характеристики предприятий. З. Ахмад с соавторами [2] подчеркивают, что использование технологий ИИ напрямую связано с личностными характеристиками предпринимателя и оказывает влияние на стратегическую гибкость бизнеса.

В исследованиях Ф. Бинсар с соавторами [3], а также Цз. Ю, Х. Чжан и Г. Р. Боджа [4] внедрение цифровых решений рассматривается как один из ключевых факторов повышения операционной эффективности и конкурентоспособности бизнеса за счет оптимизации бизнес-процессов и цифровых инноваций.

И. Бу, Н. Цзинь, Х. Ли [5] отмечают, что использование технологий ИИ способствует повышению эффективности предприятий за счет снижения информационной асимметрии и улучшения качества управленческих и финансовых решений.

По данным международного аналитического отчета McKinsey «Состояние искусственного интеллекта в 2025 году: агенты, инновации и трансформация» (*The State of AI in 2025: Agents, Innovation, and Transformation*), основанного на опросе около 2 000 респондентов из более чем 150 стран, около 88 % компаний регулярно применя-

ют технологии ИИ минимум в одной бизнес-функции. Для сравнения, в 2024 г. таких компаний было 78 %, что свидетельствует о стремительном распространении ИИ и его переходе из категории инноваций в стандартную практику ведения бизнеса. В этих условиях компании, не внедряющие технологии ИИ даже на уровне пилотных проектов, сталкиваются с риском нарастающего технологического разрыва и снижения конкурентоспособности.

Аналогичные тенденции наблюдаются и в российской экономике: технологии ИИ постепенно внедряются в деятельность компаний, однако данный процесс носит неравномерный характер. Н. А. Скворцова, А. В. Захаров и И. И. Булатов [6] подчеркивают значительную дифференциацию по отраслям экономики и уровню развития компаний: крупные и технологически развитые предприятия активно интегрируют ИИ, в то время как традиционные отрасли и малый бизнес находятся на самых начальных этапах цифровизации.

К. А. Власенко [7], Н. Л. Удальцова [8] и К. А. Мызрова с соавторами [9] отмечают, что ограниченность ресурсов и недостаточный уровень цифровой зрелости являются ключевыми барьерами внедрения технологий ИИ в малом и среднем бизнесе. В работах Н. А. Теплой, М. Г. Аллабян и А. А. Халидова [10], А. А. Русу, В. В. Бурлакова и О. А. Дзюрдзя [11], а также А. В. и В. И. Абрамовых и А. Д. Столярова [12] показано, что интеграция технологий ИИ в такие отрасли может выступать фактором повышения устойчивости бизнеса и вести к значительному улучшению финансовых результатов.

О. В. Князькина с соавторами [13], Е. В. Абрамов [14], Р. С. Рогулин [15] и К. Д. Демин [16] анализируют применение технологий ИИ в логистике, управлении запасами и прогнозировании спроса, подчеркивая их влияние на повышение результатов операционной деятельности и оптимизацию бизнес-процессов.

Целесообразность разработки темы. Анализ российских источников показывает, что значительная часть исследований сосредоточена на изучении опыта технологичных компаний, обладающих достаточными ресурсами для разработки и внедрения технологий ИИ. В то же время вопросы применения данных технологий в низкоцифровизированных отраслях экономики изучены недостаточно и носят фрагментарный характер. При этом исследования свидетельствуют о том, что внедрение технологий ИИ в малом бизнесе способно существенно повысить эффективность его деятельности и обеспечить дополнительные возможности для развития, что обуславливает целесообразность дальнейшего изучения данного направления.

Научная новизна исследования заключается в выявлении особенностей и количественной оценки потенциала применения технологий ИИ в низкоцифровизированных отраслях экономики на основе эмпирических данных действующего предприятия. В отличие от большинства существующих исследований, ориентированных на высокотехнологичные компании, в работе рассматривается практический кейс бизнеса по доставке питьевой воды. Получена количественная оценка совокупного эффекта внедрения технологий ИИ, выражающегося в снижении операционных затрат, сокращении потерь клиентов и увеличении частоты заказов, что позволяет уточнить представление о практической эффективности применения ИИ в традиционных видах деятельности.

Целью данной работы является определение потенциала внедрения технологий ИИ в традиционно низкотехнологичные отрасли с высокой долей ручного труда на примере бизнеса по доставке воды. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Исследовать существующие подходы к применению технологий ИИ в бизнес-процессах.
2. Выявить возможности применения технологий ИИ для автоматизации обработки заказов.
3. Исследовать потенциал использования технологий ИИ для оптимизации логистических процессов.
4. Определить возможности применения технологий ИИ для прогнозирования спроса.
5. Оценить потенциал использования технологий ИИ для повышения эффективности взаимодействия с клиентской базой.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о возможности применения технологий ИИ в низкоцифровизированных отраслях экономики. Полученные результаты позволяют оценить влияние данных технологий на ключевые бизнес-процессы на примере компании по доставке питьевой воды. **Практическая значимость** исследования состоит в возможности использования полученных результатов для повышения эффективности деятельности предприятий малого бизнеса.

Основная часть

Методология исследования. В рамках исследования использовались методы сравнительного анализа, системного подхода и экономического анализа, а также кейс-метод.

Эмпирическая база исследования включает три типа источников данных. Первым являются данные бухгалтерского учета компании «Нестарица» (г. Нижний Новгород) за 2023—2025 гг., использованные для анализа структуры операционных затрат, оплаты труда сотрудников отдела логистики и приема заказов, а также расчета потерь от избыточного выпуска автотранспорта. Вторым источником — данные внутренней операционной аналитики, включая учетные таблицы менеджеров по работе с клиентами, в которых ежедневно фиксируются результаты работы, в т. ч. по удержанию клиентов с признаками оттока. Третий — результаты внутреннего операционного аудита, проведенного руководителем отдела логистики компании, имеющим многолетний опыт работы в отрасли.

Указанные данные использованы для анализа эффективности бизнес-процессов, оценки структуры затрат, расчета потенциального экономического эффекта от внедрения технологий ИИ, а также оценки эффективности логи-

стических процессов и взаимодействия с клиентской базой. Исследование носит прикладной характер и основано на анализе реальных данных действующего предприятия.

Результаты исследования. Для оценки потенциала применения технологий ИИ целесообразно проанализировать текущую организацию бизнес-процессов в сфере доставки питьевой воды и определить направления, характеризующиеся наибольшим потенциалом для внедрения технологий ИИ.

1. **Обработка заказов.** В рамках анализа бизнес-процессов компании по доставке воды установлено, что обработка заказов является одним из ключевых элементов взаимодействия с клиентами и формирования уровня сервиса. В исследуемой компании «Нестарица» прием заказов осуществляется по нескольким каналам: телефонной связи, через форму заказа на сайте и мобильное приложение. При этом обработка поступающих заявок осуществляется вручную с использованием специализированного программного обеспечения. Данный этап работы характеризуется высокой трудоемкостью и зависимостью от человеческого фактора. В утренние часы (период пиковых нагрузок) наблюдается увеличение времени ожидания ответа оператора. Это негативно влияет на уровень удовлетворенности клиента сервисом и потенциально может привести к потере части заказов.

Исходя из данных бухгалтерского учета компании «Нестарица» за 2023—2025 гг. установлено, что затраты на оплату труда операторов, осуществляющих обработку заказов, составляют порядка 2,2 % от стоимости реализуемой продукции (в пересчете на одну доставленную бутылку). Данный показатель свидетельствует о наличии потенциала для оптимизации затрат при условии автоматизации данного бизнес-процесса.

Внедрение технологий ИИ в обработку заказов позволяет существенно снизить зависимость процесса от человеческого участия, обеспечить мгновенный отклик на запрос клиента. Таким образом, использование технологий ИИ приведет не только к сокращению затрат, но и к росту уровня удовлетворенности клиентов.

Полученные результаты согласуются с выводами современных исследований в области применения технологий ИИ в клиентском сервисе. Отмечается, что внедрение ИИ обеспечивает мгновенный отклик на обращение клиентов и повышает доступность сервиса, что является ключевым фактором формирования лояльности и удержания клиентов [11; 12].

2. **Построение маршрутов отделом логистики.** Помимо высоких затрат, данный процесс делает бизнес максимально уязвимым и зависимым от персонала. На обучение одного логиста уходит около трех месяцев. Затраты на оплату труда сотрудников отдела логистики составляют порядка 4,5 % от стоимости реализуемой продукции. Дополнительно высокая зависимость процессов логистики от человеческого фактора выявляет следующие проблемы:

- от 5 до 7 % маршрутов формируются не оптимально;
- около 4 % заказов доставляются с нарушением сроков в результате неэффективной работы логистов.

Оценка качества маршрутизации получена по результатам внутреннего операционного аудита, проведенного руководителем отдела логистики компании «Нестарица» в течение одного календарного месяца. Методика аудита заключалась в сравнительном анализе фактически

построенных маршрутов с альтернативными вариантами их построения, учитывающими географическую близость точек доставки. По результатам анализа установлено, что показатель неоптимально построенных маршрутов варьируется от 5 до 7 % в зависимости от логиста, что объясняется различиями в индивидуальном опыте и подходах к построению маршрутов (всего в аудите была проанализирована работа 5 логистов, что составляет 100 % штатного состава отдела логистики компании). Также в рамках аудита фиксировались случаи нарушения сроков доставки и анализировались их причины.

Технологии ИИ способны обеспечить не только оптимизацию маршрутов, но и их динамическую корректировку в режиме реального времени. Алгоритмы позволяют учитывать множество факторов, включая загруженность дорог, внеплановые изменения в работе транспорта, а также оперативно перестраивать маршруты с минимальным отклонением от графика доставки. По предварительной оценке, при использовании алгоритмов оптимизации снижение пробега автотранспорта может достигать 6 %, что приведет к сокращению затрат на содержание автопарка, включая расходы на топливо, техническое обслуживание и амортизацию транспортных средств. Это, в свою очередь, уменьшит себестоимость продукции и повысит рентабельность бизнеса.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о высокой эффективности применения технологий ИИ в логистических процессах. Аналогичные выводы представлены и в научных исследованиях на эту тему, где подчеркивается, что внедрение технологий ИИ в логистическую деятельность организаций способствует оптимизации маршрутов, снижению влияния человеческого фактора, повышению точности выполнения заказов. Также отдельно отмечается возможность оперативной обработки данных и динамической корректировки маршрутов с учетом изменяющихся внешних условий, что приводит к значительному снижению операционных затрат [13; 14].

3. Прогнозирование спроса. Компания «Нестарица» осуществляет доставку воды клиентам в день размещения заказа. В этих условиях особое значение приобретает точность прогнозирования количества заказов, поскольку от этого зависит соответствие количества задействованных транспортных средств фактическому спросу. За время работы компании с 2009 года накопился достаточный объем цифровых данных, позволяющий осуществлять анализ и прогнозирование спроса.

В настоящее время процесс прогнозирования спроса основывается на экспертной оценке руководителя логистики и ручном анализе накопленной статистики. Технологии ИИ позволяют не только прогнозировать продажи исходя из анализа данных, но также могут добавить в анализ дополнительные внешние факторы, как, например, погодные условия. Колебание спроса, между выходными с хорошей или плохой погодой, особенно в весенне-летний период, может достигать 20 % от общего объема продаж в эти дни, что очень существенно и значительно меняет необходимое количество транспортных средств в работе.

Избыточный выпуск транспортных средств на линию и их простой ведет к операционным убыткам, которые могут достигать 3,5 % от стоимости реализуемой продукции. В то же время недостаточное количество автомобилей ведет к снижению качества обслуживания, нарушению сроков доставки и к потенциальной потере клиентов.

Расчет операционных убытков от избыточного выпуска автотранспорта на линию выполнен на основе данных бухгалтерского учета компании «Нестарица». В компании применяется норма загрузки одной машины 40 адресов в день, минимально допустимый показатель — 32 адреса. Если фактическая загрузка машин на линии в конкретный день оказывается ниже минимально допустимого уровня, либо часть автотранспорта в течение дня простаивает без заказов, считается, что на линию была выпущена лишняя машина. Стоимость одного дня работы машины складывается из расходов на топливо, лизинговых платежей и заработной платы водителя. Расчеты убытков выполняются периодически по отдельным месяцам, и по их результатам операционные убытки от избыточного выпуска автотранспорта в среднем составляют около 3,5 % от стоимости реализуемой продукции.

Полученные данные подтверждают значительный потенциал применения технологий ИИ в прогнозировании спроса. Аналогичные результаты получены в ряде научных исследований, где отмечается, что использование алгоритмов машинного обучения позволяет учитывать широкий спектр факторов, влияющих на спрос, включая сезонные колебания, погодные условия и поведенческие особенности клиентов, что обеспечивает более точное планирование, оптимизацию использования транспортных средств и складских ресурсов, снижение издержек компании [15; 16].

4. Проактивное взаимодействие с клиентами как направление оптимизации бизнес-процессов. В настоящее время в исследуемой компании преимущественно используется традиционная модель взаимодействия с клиентами: заказ формируется по инициативе клиента. Технологии ИИ позволяют осуществить переход к проактивной форме взаимодействия на основе анализа персонального потребительского поведения и дают возможность заранее определять момент возникновения потребности и инициировать заказ. Система предиктивного формирования заказов способствует увеличению их частоты в среднем на 10 % (по результатам внутренней оценки).

Помимо вышеизложенного, технологии ИИ позволяют моментально реагировать на риск оттока клиентов и формировать для него персональные предложения с учетом потребностей, что, по результатам анализа данных, может снизить отток клиентов на 30 %.

Оценка эффекта удержания клиентов основана на данных внутренней операционной статистики компании «Нестарица», накопленной за несколько лет работы отдела по работе с клиентами. В компании действует система ключевых показателей эффективности (KPI) для менеджеров по работе с клиентами, в рамках которой каждый из четырех менеджеров отдела ежедневно фиксирует в учетной таблице количество выявленных клиентов с признаками оттока, выполненные телефонные контакты и результаты этих контактов. Данные затем используются бухгалтерией для расчета переменной части заработной платы, что обеспечивает документальную фиксацию каждого случая. Согласно накопленной статистике, при оперативном телефонном контакте в первые 3—5 дней после пропущенной даты ожидаемого заказа удается вернуть приблизительно одного из трех клиентов.

Ключевым ограничением действующей системы является ручной режим выявления клиентов с признаками оттока: менеджеры обнаруживают таких клиентов выборочно в процессе ежедневного просмотра клиентской базы, в результате чего значительная часть клиентов остается

без своевременного контакта и теряется безвозвратно. Внедрение технологии ИИ позволит автоматизировать выявление отклонений от индивидуального графика потребления каждого клиента в режиме реального времени и применить уже доказанную на практике эффективность оперативного контакта (около 30 % удержаний) ко всей клиентской базе.

Применение ИИ в управлении клиентской базой обеспечивает переход к проактивному и персонализированному взаимодействию с клиентом, что приведет к росту частоты

заказов, повышению лояльности и увеличению *LTV* (жизненной ценности клиента), что согласуется с результатами современных исследований в области цифрового маркетинга и управления взаимоотношениями с клиентами [17; 18].

С целью обобщения выявленных направлений оптимизации и оценки их экономического и операционного эффекта от внедрения технологий ИИ в бизнесе по доставке питьевой воды результаты исследования систематизированы в таблице (см. табл.).

Оценка экономического и операционного эффекта от внедрения технологий ИИ в бизнесе по доставке питьевой воды

Направление	Текущая модель	Решение с помощью технологий ИИ	Тип эффекта	Ожидаемый результат
Прием заказов	– Ручная обработка заказов операторами; – время ожидания ответа оператора в периоды пиковых нагрузок	Полная автоматизация обработки входящих заказов	– Снижение затрат; – повышение качества обслуживания	– Снижение затрат на оплату труда операторов на 2,2 % от стоимости продукции; – повышение уровня лояльности клиентов
Формирование маршрутов	– Ручное формирование маршрутов логистами; – высокая зависимость от человеческого фактора	Алгоритмическая оптимизация маршрутов	Снижение затрат	Снижение затрат на логистическое планирование на 4,5 % от стоимости продукции
Качество маршрутизации	– 5—7 % маршрутов формируются не оптимально; – 4 % заказов доставляются с отклонением от графика	Динамическое управление маршрутами в режиме реального времени	Минимизация неэффективных маршрутов	– Снижение финансовых потерь от неэффективного построения маршрутов; – повышение лояльности клиентов; – снижение пробега автотранспорта на 6 %
Прогнозирование спроса	– Отсутствие точного прогнозирования; – ручное принятие решений	Прогнозирование с использованием технологий ИИ с учетом внешних факторов	Снижение потерь	– Сокращение убытков от избыточного выпуска автотранспорта (до 3,5 % от стоимости продукции); – улучшение качества клиентского сервиса
Работа с клиентской базой	– Отсутствие проактивного взаимодействия; – потеря клиентов без своевременного выявления и реагирования	Предиктивное формирование заказов и персонализированное взаимодействие	Рост выручки за счет увеличения частоты заказов и снижения оттока клиентов	– Увеличение частоты заказов на 10 %; – снижение оттока клиентов на 30 %

Анализ представленных в таблице данных показывает, что эффекты от внедрения технологий ИИ носят разнонаправленный характер. Они проявляются в снижении затрат и операционных потерь, в увеличении выручки за счет проактивного взаимодействия с клиентской базой, в повышении клиентской лояльности и удовлетворенности сервисом. В связи с этим оценка совокупного экономического эффекта требует комплексного подхода и не может быть сведена к единому показателю.

Выводы

Следует отметить, что внедрение технологий ИИ в рассматриваемом сегменте бизнеса не связано с созданием принципиально новых решений, поскольку соответствующие инструменты уже разработаны и используются на рынке. Необходима адаптация этих технологий к специ-

фике бизнес-процессов, поэтому их внедрение не требует существенных инвестиционных затрат. Таким образом, основным ограничением внедрения технологий ИИ в бизнес-процессы в микро- и малом бизнесе является не технологическая сложность или их стоимость, а уровень готовности бизнеса к цифровой трансформации.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что внедрение технологий ИИ в традиционные офлайн-бизнесы может выступать фактором повышения их эффективности и устойчивости. Комплексное внедрение технологий ИИ в бизнес-процессы обеспечивает снижение операционных затрат (в среднем на 10—15 %), сокращение потерь постоянных клиентов (до 30 %) и увеличение частоты заказов (в среднем на 10 %), что в совокупности формирует значительный потенциал для роста прибыльности бизнеса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Aljarboa S. Factors influencing the adoption of artificial intelligence in e-commerce by small and medium-sized enterprises // International Journal of Information Management Data Insights. 2024. Vol. 4. Iss. 2. Art. 100285. DOI: 10.1016/j.ijime.2024.100285.

2. Digital transformation of family-owned small business: a nexus of internet entrepreneurial self-efficacy, artificial intelligence usage and strategic agility / Z. Ahmad, B. M. Al Wadi, H. Kumar et al. // *Kybernetes*. 2025. Vol. 54. Iss. 11. Pp. 6223—6251. DOI: 10.1108/K-10-2023-2205.
3. Optimizing business competitiveness through artificial intelligence: A Framework for digital innovation and operational efficiency / F. Binsar, I. Wahyudi, G. D. P. Atmoko et al. // *Advances in Business and Management Research*. 2026. Vol. 1. Art. 100002. DOI: 10.1016/j.abmr.2026.100002.
4. Yu J., Zhan X., Bojja G. R. Exploring artificial intelligence for sustainable business development: a review // *Data Science and Management*. DOI: 10.1016/j.dsm.2025.10.001. (In Press)
5. Bu Y., Jin N, Li H. How does artificial intelligence affect the financing efficiency of small and medium-sized enterprises (SMEs)? // *Pacific-Basin Finance Journal*. 2025. Vol. 96. Art. 103036. DOI: 10.1016/j.pacfin.2025.103036.
6. Скворцова Н. А., Захаров А. В., Булатов И. И. Цифровая трансформация бизнес-процессов на основе технологий искусственного интеллекта (российский и международный опыт) // *Экономика, предпринимательство и право*. 2025. Т. 15. № 1. С. 131—152. DOI: 10.18334/ep.15.1.122526.
7. Власенко К. А. Влияние цифровых технологий на эффективность малого бизнеса: региональный аспект // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2025. № 3. С. 197—200.
8. Удальцова Н. Л. Практика применения и проблемы внедрения искусственного интеллекта в бизнес-процессы компании // *Экономика, предпринимательство и право*. 2025. Т. 15. № 3. С. 1487—1500. DOI: 10.18334/ep.15.3.122388.
9. Мызрова К. А., Авдеева Т. В., Болдырева Т. В., Заводцков А. С. Особенности применения искусственного интеллекта малым бизнесом // *Креативная экономика*. 2024. Т. 18. № 11. С. 3171—3188. DOI: 10.18334/ce.18.11.122064.
10. Теплая Н. А., Аллабян М. Г., Халидов А. А. Анализ экономической эффективности внедрения искусственного интеллекта в малом бизнесе // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2025. № 3(156). Т. 5. С. 174—179. DOI: 10.36871/ek.up.r.2025.03.05.019.
11. Русу А. А., Бурлаков В. В., Дзюрдзя О. А. Внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения в бизнес-процессы предприятий как фактор повышения эффективности обслуживания клиентов // *Финансовый менеджмент*. 2023. № 6-2. С. 39—45.
12. Абрамов А. В., Столяров А. Д., Абрамов В. И. Инновационные подходы к взаимодействию с клиентами на базе генеративного искусственного интеллекта // *Beneficium*. 2025. № 2. С. 77—85. DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2025.2(55).77-85.
13. Князькина О. В., Хамитов Р. М., Дмитриев Г. В., Черникова О. П. Применение искусственного интеллекта в логистике как эффективного инструмента повышения результативности деятельности организации // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. № 10(151). Т. 4. С. 137—143. DOI: 10.36871/ek.up.r.2024.10.04.017.
14. Абрамов Е. В., Мороз Т. А. Роль искусственного интеллекта в развитии логистики // *Вестник ВИЭПП*. 2023. № 2. С. 43—49.
15. Рогулин Р. С. Прогнозирование и планирование спроса: кейс искусственного интеллекта при управлении цепочками поставок // *Регион: системы, экономика, управление*. 2023. № 1(60). С. 172—180. DOI: 10.22394/1997-4469-2023-60-1-172-180.
16. Демин К. Д., Шишкова А. Д. Анализ применения алгоритмов искусственного интеллекта в системах управления запасами // *Системный анализ и логистика*. 2023. № 3(37). С. 214—219.
17. Блажковский А. В., Коростин А. А., Третьяков И. Б., Ларин М. Д. Использование искусственного интеллекта для повышения эффективности взаимодействия с клиентами в логистике // *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2025. № 2. С. 189—194.
18. Алеева Г. И., Корнеева И. В., Баранов Т. К. Улучшение клиентского опыта и маркетинговых процессов в российских компаниях с применением технологий искусственного интеллекта // *Инновации и инвестиции*. 2025. № 3. С. 128—131.

REFERENCES

1. Aljarboa S. Factors influencing the adoption of artificial intelligence in e-commerce by small and medium-sized enterprises. *International Journal of Information Management Data Insights*. 2024;4(2):100285. DOI: 10.1016/j.ijime.2024.100285.
2. Ahmad Z., Al Wadi B. M., Kumar H. et al. Digital transformation of family-owned small business: a nexus of internet entrepreneurial self-efficacy, artificial intelligence usage and strategic agility. *Kybernetes*. 2025;54(11):6223—6251. DOI: 10.1108/K-10-2023-2205.
3. Binsar F., Wahyudi I., Atmoko G. D. P. et al. Optimizing business competitiveness through artificial intelligence: A Framework for digital innovation and operational efficiency. *Advances in Business and Management Research*. 2026;1:100002. DOI: 10.1016/j.abmr.2026.100002.
4. Yu J., Zhan X., Bojja G. R. Exploring artificial intelligence for sustainable business development: a review. *Data Science and Management*. DOI: 10.1016/j.dsm.2025.10.001. (In Press)
5. Bu Y., Jin N, Li H. How does artificial intelligence affect the financing efficiency of small and medium-sized enterprises (SMEs)? *Pacific-Basin Finance Journal*. 2025;96:103036. DOI: 10.1016/j.pacfin.2025.103036.
6. Skvortsova N. A., Zakharov A. V., Bulatov I. I. Digital transformation of business processes based on artificial intelligence: Russian and international experience. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025;15(1):131—152. (In Russ.) DOI: 10.18334/ep.15.1.122526.
7. Vlasenko K. A. The impact of digital technologies on small business efficiency: the regional aspect. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2025;3:197—200. (In Russ.)

8. Udaltsova N. L. The practice and problems of implementing artificial intelligence in business processes. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2025;15(3):1487—1500. (In Russ.) DOI: 10.18334/epp.15.3.122388.
9. Myzrova K. A., Avdeeva T. V., Boldyreva T. V., Zavodtskov A. S. Artificial intelligence for small business. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2024;18(11):3171—3188. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.18.11.122064.
10. Teplaya N. A., Allabyan M. G., Khalidov A. A. Analysis of the economic efficiency of implementing artificial intelligence in small business. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;3(156)-5:174—179. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.03.05.019.
11. Rusu A. A., Burlakov V. V., Dzyurdzya O. A. Implementation of artificial intelligence and machine learning into business processes of enterprises as a factor of increasing the efficiency of customer service. *Finansovyi menedzhment = Financial management*. 2023;6-2:39—45. (In Russ.)
12. Abramov A. V., Stolyarov A. D., Abramov V. I. Innovative approaches to interaction with clients based on generative artificial intelligence. *Beneficium*. 2025;(2):77—85. (In Russ.) DOI: 10.34680/BENEFICIUM.2025.2(55).77-85.
13. Knyazkina O. V., Khamitov R. M., Dmitriev G. V., Chernikova O. P. The use of artificial intelligence in logistics as an effective tool for improving the performance of the organization. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024;10(151)-4:137—143. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.10.04.017.
14. Abramov E. V., Moroz T. A. The role of artificial intelligence in the development of logistics. *Vestnik VIEPP*. 2023;2:43—49. (In Russ.)
15. Rogulin R. S. Forecasting and forecasting demand: the case of artificial intelligence in supply chain management. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: systems, economics, management*. 2023;1(60):172—180. (In Russ.) DOI: 10.22394/1997-4469-2023-60-1-172-180.
16. Demin K. D., Shishkova A. D. Analysis of the application of artificial intelligence algorithms in inventory management systems. *Systemnyi analiz i logistika*. 2023;3(37):214—219. (In Russ.)
17. Blazhkovsky A. V., Korostin A. A., Tretyakov I. B., Larin M. D. Using artificial intelligence to improve customer interaction efficiency in logistics. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2025;(2):189—194. (In Russ.)
18. Aleeva G. I., Korneeva I. V., Baranov T. K. Improving customer experience and marketing processes in Russian companies through artificial intelligence technologies. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2025;3:128—131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 378.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1645

David Nasimovich Nabiev
Postgraduate of the Department
of Economics and Enterprise Management,
field of training
5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Astrakhan State Technical University
Astrakhan, Russian Federation
Davi99.99@mail.ru

Давид Насимович Набиев
аспирант кафедры
«Экономика и управление предприятием»,
направление подготовки
5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Астраханский государственный технический университет
Астрахань, Российская Федерация
Davi99.99@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗОВ И НАПРАВЛЕНИЯ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к оценке конкурентоспособности вузов и определены направления их дальнейшего методического развития в условиях трансформации системы высшего образования. Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие инструменты оценки конкурентоспособности университетов зачастую ориентированы преимущественно на количественные показатели и фиксируют лишь отдельные результаты деятельности образовательной организации, не позволяя в полной мере выявить структуру ее конкурентных преимуществ, внутренних ограничений и потенциала развития. В современных условиях усиления конкуренции между вузами, цифровизации образовательной среды и повышения требований к качеству подготовки специалистов возникает необходимость совершенствования подходов к оценке эффективности деятельности университетов. Цель исследования заключается в систематизации существующих методов оценки конкурентоспособности вузов и обосновании направлений их совершенствования. Методическую основу составили анализ и обобщение научной литературы, сравнительный анализ, логико-структурный подход, а также классификация методов по их содержательным характеристикам и сфере применения. Установлено, что рейтинговые, индикаторные, интегральные, экспертные и сравнительные

методы обладают различной степенью аналитической значимости, однако большинство из них не обеспечивает комплексного представления о положении университета в образовательной системе, поскольку они опираются на ограниченный круг показателей, недостаточно учитывают качественные характеристики деятельности и слабо адаптированы к современным изменениям в сфере высшего образования. Обосновано, что развитие методического инструментария оценки конкурентоспособности вузов должно быть связано с расширением системы показателей, их структурированием по ключевым направлениям деятельности университета, сочетанием количественных и качественных параметров, а также усилением практической направленности итоговой оценки. Предложена логическая модель усовершенствованного подхода к оценке конкурентоспособности вузов, которая может служить теоретической и методической основой дальнейшей разработки комплексной системы оценки эффективности и устойчивости университетов.

Ключевые слова: конкурентоспособность вузов, высшее образование, оценка конкурентоспособности, методы оценки, рейтинговые методы, интегральная оценка, образовательная система, эффективность университета, конкурентные преимущества, система показателей, развитие вузов, управление университетом

Для цитирования: Набиев Д. Н. Современные подходы к оценке конкурентоспособности вузов и направления их совершенствования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 172—178. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1645.

Original article

MODERN APPROACHES TO ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF UNIVERSITIES AND DIRECTIONS OF THEIR IMPROVEMENT

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article considers the main approaches to assessing the competitiveness of universities and defines the directions of their further methodological development in the context of the transformation of the higher education system. The relevance of the research is due to the fact that the existing tools for assessing the competitiveness of universities are often focused primarily on quantitative indicators and record only individual results of the educational organization,

not allowing to fully identify the structure of its competitive advantages, internal constraints and development potential. In modern conditions of increasing competition between universities, digitalization of the educational environment and increasing requirements for the quality of specialist training, there is a need to improve approaches to assessing the effectiveness of universities. The purpose of the study is to systematize the existing methods of assessing the competitiveness

of universities and substantiate the directions of their improvement. The methodological basis consists of the analysis and generalization of scientific literature, comparative analysis, logical and structural approach, as well as classification of methods according to their substantive characteristics and scope of application. It has been established that rating, indicator, integral, expert and comparative methods have varying degrees of analytical significance, but most of them do not provide a comprehensive view of the university's position in the educational system, since they rely on a limited range of indicators, do not sufficiently take into account the qualitative characteristics of activities and are poorly adapted to modern changes in higher education. It is proved that the development of methodological tools for assessing the competitiveness

of universities should be associated with the expansion of the system of indicators, their structuring in key areas of university activity, a combination of quantitative and qualitative parameters, as well as strengthening the practical orientation of the final assessment. A logical model of an improved approach to assessing the competitiveness of universities is proposed, which can serve as a theoretical and methodological basis for further development of an integrated system for assessing the effectiveness and sustainability of universities.

Keywords: university competitiveness, higher education, competitiveness assessment, assessment methods, rating methods, integrated assessment, educational system, university effectiveness, competitive advantages, system of indicators, university development, university management

For citation: Nabiev D. N. Modern approaches to assessing the competitiveness of universities and directions of their improvement. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):172—178. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1645.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что существующие инструменты оценки конкурентоспособности университетов зачастую ориентированы преимущественно на количественные показатели, фиксируют лишь отдельные результаты деятельности и не позволяют в полной мере выявить структуру конкурентных преимуществ, внутренние ограничения и потенциал развития вуза. В связи с этим возникает объективная необходимость совершенствования методологических подходов к оценке эффективности деятельности университетов, обеспечивающих более глубокую и прозрачную аналитическую интерпретацию.

Изученность проблемы. Проблема оценки конкурентоспособности вузов активно разрабатывается в отечественной и зарубежной науке, что отражает рост роли университетов в условиях академической конкуренции и цифровизации. В российских исследованиях данная категория рассматривается через призму многофакторного анализа: М. Н. Белинская [1] выделяет комплекс внутренних и внешних детерминант положения государственных вузов, а Н. А. и В. Ю. Пашкус [2] подчеркивают необходимость учета условий «новой экономики». Д. Л. Кузнецов [3] и А. Л. Дрондин [4] акцентируют динамический характер конкурентоспособности, указывая, что ее устойчивость зависит не только от ресурсного обеспечения, но и от адаптивности вуза к инновационным вызовам.

Методический инструментарий включает рейтинговые, индикаторные, интегральные и экспертные модели, каждая из которых имеет ограничения. В. П. Корф [5] демонстрирует эффективность метода главных компонент, отмечая при этом высокую чувствительность результатов к процедуре нормирования показателей. С. Д. Резник и Т. А. Юдина [6] обосновывают включение репутационного фактора как ключевого нематериального актива, требующего качественной оценки. Системный вклад в многокритериальный анализ внесли О.И. Долганова, М.В. Мирзоян [7], предложившие интегрировать показатели цифровизации, что особенно актуально в условиях трансформации образовательных технологий.

В международном контексте доминируют исследования влияния глобальных рейтингов на стратегии развития вузов. Э. Хейзелкорн [8] показывает, как рейтинговые системы формируют новые иерархии, стимулируя оптимизацию показателей, но порождая риски имитационного поведения. Т. Ю. Полежаева [9] и У. Т. Аттокуров с со-

авторами [10] выявляют методологические расхождения между системами и предупреждают о дисбалансе между имиджевыми и содержательными приоритетами развития. Ю. Н. Эбзеева и Л. Н. Гишкаева [11] подчеркивают необходимость адаптации международных подходов к российской специфике.

Стратегические вызовы высшей школы отражены в аналитических материалах ОЭСР [12] и Всемирного банка [13], акцентирующих внимание на гибкости, инклюзивности, ориентации на результаты обучения и связи с потребностями рынка труда. В российском контексте Е. В. Балацкий и Н. А. Екимова [14] критикуют «деструктивный плюрализм» критериев идентификации университетов мирового класса, затрудняющий выработку единой стратегии повышения конкурентоспособности.

Особую значимость приобретает ориентация на результат подготовки кадров. В. Н. Пуляева [15] обосновывает включение показателей трудоустройства и карьерных траекторий выпускников в оценочные системы, смещая акцент с внутренних процессов вуза на его вклад в формирование человеческого капитала. Несмотря на проработку отдельных аспектов, в литературе сохраняется пробел: отсутствие структурированной модели, сочетающей блочный анализ, количественно-качественные параметры и прямую пригодность для управленческих решений, что определяет проблемное поле данного исследования.

Целесообразность разработки темы определяется выявленным методическим противоречием: с одной стороны, потребность вузов в целостном, адаптивном и прозрачном оценочном инструментарии, с другой — фрагментарность и односторонность существующих моделей, которые либо концентрируются на итоговом ранжировании, либо перегружены частными показателями без системной интерпретации. Кроме того, традиционные подходы слабо учитывают современные факторы развития высшей школы (качество цифровой среды, интенсивность внешнего взаимодействия, организационную гибкость) и часто отрывают результаты оценки от задач внутреннего управления.

Научная новизна работы состоит в уточнении методических ограничений сложившихся подходов к оценке конкурентоспособности вузов, в обосновании принципа блочной структуры оценки и в разработке логической модели, ориентированной на выявление не только общего уровня конкурентоспособности, но и внутренней конфигурации факторов, ее формирующих.

Цель статьи состоит в разработке и обосновании структурированного подхода к оценке конкурентоспособности вузов на основе выделения функциональных блоков и сочетания количественных и качественных параметров анализа. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: охарактеризовать основные подходы к оценке конкурентоспособности вузов, выявить их методические ограничения, определить ключевые принципы совершенствования оценки и предложить логическую модель структурированного оценочного подхода.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации методов оценки конкурентоспособности вузов, формулировке принципов блочно-структурированного анализа и расширении теоретико-методического аппарата в области управления высшим образованием. Предложенная модель создает основу для дальнейшей разработки комплексных систем оценки эффективности и устойчивости университетов. **Практическая значимость** состоит в возможности применения результатов исследования для внутреннего управленческого анализа, диагностики сильных и слабых сторон вуза, формирования дифференцированных стратегий развития образовательных организаций различных типов (классических, технических, отраслевых), а также повышения прозрачности и обоснованности управленческих решений в сфере высшего образования.

Основная часть

Переходя к методическому анализу, отметим, что в основу исследования положен критический обзор научной литературы до 2026 г., посвященной проблемам оценки конкурентоспособности образовательных организаций. Отбор источников осуществлялся по трем критериям: тематическая релевантность (непосредственная связь с оценкой конкурентоспособности или эффективности вузов), наличие описанного оценочного алгоритма и прикладная ориентированность на управленческие задачи развития университета.

В результате сопоставления выделены пять ключевых подходов: рейтинговый, индикаторный, интегральный, экспертный и сравнительный. Их классификация проведена не по формальным названиям, а по доминирующей логике анализа, типу показателей и способу интерпретации результатов. Сравнение осуществлялось по шести параметрам: объект оценки, состав показателей, учет качественных характеристик, пригодность для межвузовского сопоставления, аналитическая прозрачность и управленческая применимость.

Для построения авторской модели использованы методы логико-структурного анализа и группировки. На основе повторяемости факторов в научной литературе и их значимости для объяснения конкурентного положения вуза выделены шесть функциональных блоков: образовательный, научный, кадровый, управленческий, инфраструктурный и репутационный. Именно эта структура легла в основу предлагаемого блочно-ориентированного подхода к оценке конкурентоспособности.

Использованная методическая схема позволила решить две взаимосвязанные задачи: определить ограничения существующего инструментария оценки и предложить блочно-структурированный подход, ориентированный на более полное раскрытие внутренней конфигурации конкурентоспособности вуза. При этом статья не претендует на завершленную эмпирически апробированную методи-

ку, а представляет теоретико-методическую модель, которая может служить основой для последующей прикладной разработки.

Проведенный анализ показал, что в исследованиях конкурентоспособности вузов доминируют пять основных подходов: рейтинговый, индикаторный, интегральный, экспертный и сравнительный. Их различие определяется не только набором оцениваемых параметров, но и тем, какой именно результат считается значимым: итоговая позиция вуза, совокупность частных характеристик, интегральный индекс или качественная интерпретация его конкурентного положения.

Рейтинговый подход ориентирован на сравнительное упорядочивание вузов по заданной системе критериев. Он удобен для внешней оценки, обеспечивает наглядность и быстрое сопоставление университетов, однако его основной недостаток состоит в слабой раскрытости причин итогового результата.

Индикаторный подход, напротив, позволяет детализировать отдельные направления деятельности вуза, но при расширении перечня показателей нередко порождает фрагментарную картину без целостной интерпретации.

Интегральный подход ориентирован на получение обобщенного результата за счет сведения нескольких частных показателей к единому индексу. Его преимущество заключается в удобстве межвузовского сопоставления, тогда как основная сложность связана с высокой чувствительностью итоговой оценки к выбранным процедурам нормирования и определения весов.

Экспертный подход, в свою очередь, дает возможность включать в анализ характеристики, которые трудно выразить через формализованные показатели, однако его применение неизбежно связано с субъективностью экспертных суждений.

Сравнительный подход ценен своей гибкостью и особенно востребован при анализе вузов внутри определенной типологической группы, но его аналитическая надежность напрямую зависит от корректности выбранной базы сопоставления.

Таким образом, проблема заключается не в дефиците оценочных моделей, а в том, что каждая из них отражает лишь отдельный аспект конкурентоспособности университета и не дает ее целостного представления как сложной организационно-экономической системы [14]. Для наглядности результаты сопоставления подходов целесообразно представить в структурированном виде в табл. 1.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее устойчивым недостатком сложившегося инструментария является односторонность оценки. В одних случаях внимание концентрируется на итоговом месте вуза, в других — на наборе частных показателей, однако внутренняя структура конкурентоспособности остается недостаточно раскрытой. Университет в результате предстает либо как позиция в рейтинге, либо как перечень несвязанных характеристик.

Еще одно ограничение связано с преобладанием количественных критериев. Даже при достаточно широком наборе показателей такая оценка не всегда позволяет судить о качестве управленческих решений, устойчивости организационной среды и способности университета адаптироваться к изменениям, сохраняя долгосрочные преимущества [9]. Подобные характеристики нередко остаются вне рамок модели либо фиксируются лишь косвенно, что снижает глубину итогового анализа.

**Сравнительная характеристика
подходов к оценке конкурентоспособности вузов**

Подход	Сущность подхода	Преимущества	Ограничения	Управленческий потенциал
Рейтинговый	Сопоставление вузов по заданной совокупности критериев с определением их относительной позиции	Наглядность, удобство межвузовского сравнения	Слабо раскрывает внутреннюю структуру результата	Средний
Индикаторный	Оценка по системе отдельных показателей, характеризующих разные стороны деятельности вуза	Детализация направлений анализа	Риск фрагментарности и перегрузки показателями	Средний
Интегральный	Сведение частных показателей к обобщающему индексу	Компактность итоговой оценки, удобство сопоставления	Зависимость от нормирования и весов	Средний/высокий
Экспертный	Использование профессиональных оценок для анализа качественных характеристик	Учет трудно формализуемых параметров	Субъективность и ограниченная воспроизводимость	Средний
Сравнительный	Сопоставление вузов по группам критериев или внутри определенной типологии	Гибкость и учет специфики объектов	Зависимость от корректности базы сравнения	Высокий при правильной настройке

Сложности возникают и при сопоставлении результатов: объединение разнородных показателей в единую шкалу делает итоговую оценку зависимой не столько от реального положения дел в вузе, сколько от выбранных алгоритмов обработки. В интегральных моделях это проявляется особенно остро — недостаточная прозрачность процедур нормирования и расстановки весов нередко снижает доверие к итоговому индексу.

Кроме того, многие методики не успевают за трансформацией высшей школы. Сегодня конкурентные позиции университета во многом определяются качеством цифровой инфраструктуры, глубиной внешних связей и скоростью адаптации образовательных процессов. Игнорирование этих факторов превращает оценку в формальный инструмент, оторванный от реальных управленческих задач.

Суммарно это позволяет выделить четыре группы ограничений: структурные, содержательные, процедурные и прикладные. Именно их преодоление должно лежать в основе дальнейшего развития методов оценки конкурентоспособности вузов.

Выявленные ограничения свидетельствуют: совершенствование оценочного инструментария требует не количественного наращивания индикаторов, а пересмотра аналитической логики. Конкурентоспособность вуза целесообразно трактовать как интегральный результат взаимодействия образовательной, научной, кадровой, управленческой, инфраструктурной и репутационной подсистем. Такой подход смещает акцент с линейного ранжирования на структурный анализ.

Ключевые принципы модернизации методики сводятся к следующему. Оценка должна быть системной и блочно-организованной: показатели группируются по содержательным направлениям, что обеспечивает прозрачность результата и пригодность для управленческого анализа. Необходимо сочетать количественные индикаторы с качественными характеристиками — это позволяет учитывать не только измеримые результаты, но и адаптивность вуза, устойчивость стратегических решений, специфику организационной среды. Система показателей должна отражать современные реалии: качество цифровой среды, интенсивность внешних связей, гибкость образовательных технологий. Наконец, итоговая оценка должна работать на внут-

ренние задачи развития университета, указывая на точки роста и зоны риска, а не только фиксировать позицию во внешнем сравнении.

Таким образом, переход к блочно-структурированной модели повышает аналитическую глубину оценки и создает основу для дифференцированных управленческих решений.

Предлагаемый подход исходит из того, что конкурентоспособность вуза нецелесообразно оценивать как однородный итог одного набора показателей. Более обоснованной представляется модель, в которой общий результат формируется на основе анализа нескольких функциональных блоков, каждый из которых отражает самостоятельную сторону деятельности университета. Такая структура позволяет одновременно сохранить комплексность оценки и избежать смешения разнотипных параметров в едином массиве.

В основе предлагаемой модели шесть функциональных блоков: образовательный, научный, кадровый, управленческий, инфраструктурный и репутационный. Такой выбор не случаен: именно эти компоненты чаще всего фигурируют в исследованиях как определяющие позиции вуза, при этом каждый из них представляет относительно автономную группу факторов, поддающуюся как изолированному, так и комплексному анализу.

Образовательный блок отвечает за качество подготовки и привлекательность образовательных программ. Достаточно 3—5 индикаторов: результаты обучения, трудоустройство выпускников, содержание программ, доля практико-ориентированных модулей, обратная связь от студентов.

Научный блок характеризует исследовательский потенциал. Здесь уместны показатели публикационной активности, участия в грантах, объема научно-исследовательских работ, вовлеченности преподавателей и обучающихся в исследования, наличия сформированных научных направлений.

Кадровый блок оценивает человеческий капитал. Важны не только дипломы и ученые степени, но и стабильность коллектива, траектории профессионального развития, способность вуза привлекать и сохранять сильных специалистов. Чтобы не перегружать модель, внутри блока стоит отбирать только наиболее репрезентативные параметры.

Управленческий блок отражает способность университета выстраивать согласованные процессы и оперативно реагировать на внешние изменения. Поскольку часть этих характеристик сложно измерить напрямую, здесь логично комбинировать количественные данные с экспертными оценками. Ориентирами могут служить уровень цифровизации управленческих процедур, качество стратегического планирования, взаимодействие подразделений, скорость принятия решений.

Инфраструктурный блок показывает, насколько материально-техническая и цифровая база поддерживает ключевые функции вуза. Речь не о формальном наличии ресурсов, а об их адекватности задачам обучения и исследований: состояние лабораторий, развитость цифровой среды, доступ к информационным системам, общее качество учебно-научного пространства.

Репутационный блок фиксирует внешнее восприятие университета: как его видят абитуриенты, работодатели, академическое сообщество. Чтобы избежать дублирования с другими блоками, показатели должны отражать именно внешнюю оценку — узнаваемость бренда, конкурсный спрос, устойчивость партнерств, участие в сетевых инициативах, позиции в рейтингах как индикатор общественного признания, а не как замена комплексной оценки.

Принципиально важно, что внутри каждого блока не следует использовать чрезмерное количество индикаторов. Оптимальной представляется структура, в которой каждый блок включает ограниченный набор параметров, достаточный для раскрытия его содержания, но не превращающий оценку в механическое накопление данных. Избыточность показателей снижает прозрачность модели и затрудняет интерпретацию результатов.

Логика работы модели строится поэтапно. Сначала формируется система показателей внутри каждого блока. Затем показатели приводятся к сопоставимому виду. Количественные параметры могут нормироваться по единой шкале, а качественные переводиться в интервальную или экспертную оценку. После этого рассчитывается результат по каждому блоку в отдельности. Именно профиль блоков, а не только итоговый сводный показатель, выступает основным результатом анализа.

Интегральное обобщение в рамках модели допустимо, но не должно подменять собой содержательный анализ. Если формируется общий индекс конкурентоспособности, он должен рассматриваться как вспомогательный итог, используемый для внешнего сопоставления вузов. Основная аналитическая ценность модели заключается в другом: она позволяет увидеть, за счет каких именно компонентов университет занимает то или иное положение и какие элементы его конкурентоспособности являются устойчивыми, а какие требуют управленческого усиления.

Предлагаемая блочная модель отличается от традиционных линейных схем тем, что ориентирована не на простую фиксацию уровня конкурентоспособности, а на раскрытие ее внутреннего строения. Это делает оценку более прозрачной, а ее результаты — более пригодными для использования в практике управления развитием вуза.

Для иллюстрации аналитических возможностей предложенного подхода целесообразно сопоставить три типа вузов: классический университет, технический университет и отраслевой вуз. Цель такого сопоставле-

ния состоит не в построении полноценного рейтинга, а в демонстрации того, что сходный общий уровень конкурентоспособности может формироваться за счет разных сочетаний блоков.

В демонстрационном варианте каждому блоку может быть присвоена укрупненная оценка по трехуровневой шкале: высокий уровень, средний уровень, низкий уровень. Такой формат не заменяет полноценный расчет, но позволяет показать, как блочная модель работает в логике сравнительного анализа (табл. 2).

Таблица 2

Демонстрационный профиль конкурентоспособности вузов по функциональным блокам

Блок оценки	Классический университет	Технический университет	Отраслевой вуз
Образовательный	Средний	Высокий	Высокий
Научный	Высокий	Средний	Низкий
Кадровый	Средний	Высокий	Средний
Управленческий	Средний	Средний	Средний
Инфраструктурный	Средний	Высокий	Средний
Репутационный	Высокий	Средний	Средний

Таблица 2 показывает, что одинаково приемлемая внешняя позиция разных вузов может складываться из неодинаковой структуры конкурентных преимуществ. Классический университет в большей степени опирается на научный и репутационный потенциал, но уступает по инфраструктурному и кадровому блокам. Технический университет, напротив, демонстрирует более сильные позиции в образовательном, кадровом и инфраструктурном компонентах, однако его репутационный и научный профиль может быть менее выражен в сравнении с классическим вузом. Отраслевой вуз способен сохранять устойчивость за счет прикладной образовательной подготовки и связи с рынком труда, но при этом имеет более ограниченный научный ресурс.

Если ограничиться только итоговым ранжированием, указанные различия окажутся сглажены. При таком подходе вузы, заметно различающиеся по внутренней структуре конкурентоспособности, могут оказаться на близких итоговых позициях, из-за чего содержательная интерпретация результатов становится менее точной. Преимущество блочной модели состоит в том, что она позволяет увидеть не только общий результат, но и реальное соотношение сильных и слабых сторон университета.

Практическая значимость такого подхода заключается в том, что результаты оценки можно напрямую использовать при выработке управленческих решений. Для классического университета приоритетным направлением может оказаться укрепление инфраструктурной базы и кадрового потенциала, тогда как для технического вуза более актуальной задачей может стать развитие научного направления и усиление репутационных позиций. Для отраслевого университета — укрепление исследовательского направления при сохранении сильных образовательных позиций. Тем самым модель позволяет перейти от формального сопоставления вузов к более точному определению направлений их развития.

Представленный пример носит демонстрационный характер и не подменяет собой полноценную эмпирическую апробацию. Вместе с тем он показывает, что

предложенный подход обладает большей объяснительной способностью по сравнению с линейной оценкой, поскольку позволяет анализировать конкурентоспособность вуза как структурированное, а не однородное явление.

Закключение

Исследование подтверждает: традиционные линейные схемы оценки не раскрывают внутреннюю архитектуру конкурентоспособности вуза. Обоснован переход к блочному формату, где итоговый результат складывается из шести взаимосвязанных компонентов — образовательного, научного, кадрового, управленческого, инфраструк-

турного и репутационного. Такая структура позволяет сочетать измеримые индикаторы с качественными характеристиками и видеть не просто рейтинг, а реальное соотношение сильных и слабых сторон университета.

Практическая ценность подхода в том, что он дает основу для адресных управленческих решений: вузы со схожим общим уровнем конкурентоспособности могут требовать принципиально разных стратегий развития в зависимости от профиля блоков. При этом модель пока представлена на теоретико-методическом уровне — ее дальнейшая отладка и эмпирическая проверка на репрезентативной выборке станут логичным продолжением работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белинская М. Н. Факторы оценки конкурентоспособности государственных вузов // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 1(102). С. 20—26.
2. Пашкус Н. А., Пашкус В. Ю. Конкурентоспособность вуза в условиях новой экономики: подходы к оценке // Теория и практика общественного развития. 2014. № 12. С. 122—127.
3. Кузнецов Д. Л. Факторы конкурентоспособности вуза // Инновации и инвестиции. 2021. № 3. С. 116—120.
4. Дрондин А. Л. К вопросу о конкурентоспособности вуза // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 10-1. С. 137—144. DOI: 10.25726/e1522-1649-7603-m.
5. Корф В. П. Оценка конкурентоспособности ведущих российских университетов с использованием метода главных компонент // Бизнес-информатика. 2014. № 2(28). С. 63—71.
6. Резник С. Д., Юдина Т. А. Репутация как ключевой фактор обеспечения конкурентоспособности российского вуза // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 2. С. 81—91.
7. Долганова О. И., Мирзоян М. В. Многокритериальная оценка готовности вуза к цифровой трансформации // Креативная экономика. 2019. Т. 13. № 4. С. 811—826. DOI: 10.18334/ce.13.4.40560.
8. Hazelkorn E. Rankings and the Reshaping of Higher Education: The Battle for World-Class Excellence. 2nd ed. London : Palgrave Macmillan, 2015. XXV, 304 p. DOI: 10.1057/9781137446671.
9. Полежаева Т. Ю. Рейтинги университетов мира: особенности и различия в методологии // Теория и практика общественного развития. 2024. № 2. С. 60—65. DOI: 10.24158/tipor.2024.2.7.
10. Аттокуров У. Т., Азимова А. А., Ботоярова М. А. Влияние рейтингов на качество и доступность высшего образования // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. № 3. С. 62—71. DOI: 10.33619/2414-2948/124/62.
11. Эбзеева Ю. Н., Гишкаева Л. Н. Перспективы продвижения российских вузов в международном академическом рейтинге ARWU // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 2. С. 337—351. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351.
12. The Future of Education and Skills: Education 2030 / OECD. Paris : OECD Publishing, 2018. 21 p. (OECD Education Policy Perspectives; No. 98). DOI: 10.1787/54ac7020-en.
13. Higher Education for Development: An Evaluation of the World Bank Group's Support. Washington, DC : World Bank Group, 2017. xxxi, 130 p.
14. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Идентификация университетов мирового класса: деструктивный плюрализм // Мир новой экономики. 2022. Т. 16. № 3. С. 6—19. DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19.
15. Пуляева В. Н. Конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда // Современная конкуренция. 2024. Т. 18. № 5. С. 33—47. DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-5-33-47.

REFERENCES

1. Belinskaya M. N. Assessment factors of competitiveness of state institutes of higher education. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Samara State University*. 2013;1(102):20—26. (In Russ.)
2. Pashkus N. A., Pashkus V. Yu. The competitiveness of a higher educational institution in terms of the new economy: approaches to evaluation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2014; 12:122—127. (In Russ.)
3. Kuznetsov D. L. Factors of university competitiveness. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2021; 3:116—120. (In Russ.)
4. Drondin A. L. On the issue of university competitiveness. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2024;14(10-1):137—144. (In Russ.)
5. Korf V. P. Estimating of Russian universities' competitiveness using principal component analysis. *Biznes-informatika = Business informatics*. 2014;2(28):63—71. (In Russ.)
6. Reznik S. D., Yudina T. A. Reputation as a key factor of ensuring competitiveness of Russian higher education. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2014;2:81—91. (In Russ.)
7. Dolganova O. O., Mirzoyan M. M. Multi-criteria assessment of the university's readiness for digital transformation. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2019;13(4):811—826. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.13.4.40560.
8. Hazelkorn E. Rankings and the Reshaping of Higher Education: The Battle for World-Class Excellence. 2nd ed. London, Palgrave Macmillan, 2015. XXV + 304 p. DOI: 10.1057/9781137446671.

9. Polezhaeva T. Yu. World university rankings: peculiarities and differences in methodology. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = *Theory and practice of social development*. 2024;2:60—65. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2024.2.7.
10. Attokurov U., Azimova A., Botoyarova M. The impact of rankings on the quality and accessibility of higher education. *Byulleten' nauki i praktiki* = *Bulletin of Science and Practice*. 2026;12(3):62—71. (In Russ.) DOI: 10.33619/2414-2948/124/62.
11. Ebzeeva Yu. N., Gishkaeva L. N. Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* = *RUDN Journal of Sociology*. 2022;22(2):337—351. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-2-337-351.
12. OECD. The Future of Education and Skills: Education 2030. OECD Education Policy Perspectives; No. 98. Paris, OECD Publishing, 2018. 21 p. DOI: 10.1787/54ac7020-en.
13. Higher Education for Development: An Evaluation of the World Bank Group's Support. Washington, DC, World Bank Group publ., 2017. xxxi + 130 p.
14. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Identification of world class universities: destructive pluralism. *Mir novoi ekonomiki* = *The world of new economy*. 2022;16(3):6—19. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2022-16-3-6-19.
15. Pulyaeva V. N. Competitiveness of university graduates in the labor market. *Sovremennaya konkurentsia* = *Journal of Modern Competition*. 2024;18(5):33—47. (In Russ.) DOI: 10.37791/2687-0657-2024-18-5-33-47.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 338.012
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1593

Sergei Vyacheslavovich Neklyudov
Postgraduate of the Department
of International Economic Relations,
field of training
38.06.01 — Economics,
Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
sernek2020@gmail.com

Сергей Вячеславович Неклюдов
аспирант кафедры
международных экономических отношений,
направление подготовки
38.06.01 — Экономика,
Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
sernek2020@gmail.com

ВЛИЯНИЕ НОВЫХ ЯВЛЕНИЙ В РАЗВИТИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ТРАДИЦИОННЫЕ МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ В КОРПОРАТИВНЫХ ФИНАНСАХ

5.2.4 — Финансы

Аннотация. Предметом работы является исследование новых явлений в мировой экономике и их влияния на корпоративные финансы. Особое внимание уделено таким факторам, как развитие бизнес-моделей новой информационной экономики — цифровые сервисы, цифровые валюты и ряд других. Цель исследования — определить новые явления и тренды в мировой экономике за последние несколько десятилетий, в результате которых традиционные методы и инструменты управления корпоративными финансами получили толчок к своему развитию и изменению.

В работе применяются методы описания и сравнения, причинно-следственных связей, системного и сравнительного анализа и обобщения. Автором выделены проблемы снижения практической актуальности и необходимости адаптации и корректировки таких классических моделей и теорий управления финансами, как теория дисконтированных денежных потоков, модель оценки доходности финансовых активов, теория портфельного выбора и др.

В результате проведенного анализа рассмотрены наиболее значимые изменения и новые тенденции в мировой экономике, которые оказали наиболее существенное влияние на эволюцию корпоративных финансов, выявлены основные элементы внедрения новых практик и методологических изменений. На основе данного анализа предложены/сформулированы основные принципы и подходы в таких областях корпоративных финансов, как процесс бюджетирования и планирования, методики стресс-тестов в части системы управления рисками, ИТ-архитектура компаний, сбор, обработки и хранения данных.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в выявлении новых подходов к управлению корпоративными финансами — это позволит на практике адаптировать инструменты финансового управления и анализа к новым реалиям мировой экономики.

Ключевые слова: корпоративные финансы, внутренний контроль, бюджетирование, планирование, экономические блоки и союзы, протекционизм, информационная экономика, цифровизация, управление данными, стресс-тесты, ИТ-архитектура

Для цитирования: Неклюдов С. В. Влияние новых явлений в развитии мировой экономики на традиционные методы и инструменты в корпоративных финансах // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 179—184. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1593.

Original article

NEW TRENDS IN THE GLOBAL ECONOMY AND THEIR IMPACT ON TRADITIONAL METHODS AND TOOLS OF CORPORATE FINANCE

5.2.4 — Finance

Abstract. The subject of the work is the study of new trends in the global economy and their impact on corporate finance. Special attention is paid to such factors as the development of business models in the new information economy, such as digital services, digital currencies, and others. The purpose of the study is to identify new phenomena and trends in the global economy over the past few decades, which have led to the development and change of traditional methods and tools for managing corporate finance. The work uses methods of description and comparison, causal relationships, systematic and comparative analysis, and generalization. The author

highlights the problems of reducing the practical relevance and necessity of adapting and adjusting such classical models and theories of financial management as the theory of discounted cash flows, the model for assessing the profitability of financial assets, the theory of portfolio selection, etc.

As a result of the analysis, the most significant changes and new trends in the global economy have been considered, which have had the most significant impact on the evolution of corporate finance, and the main elements of the introduction of new practices and methodological changes have been identified. The author formulates principles and approaches in finance

management that have been affected by changes in international economy, such as the process of budgeting and planning, stress-test methodologies for risk management systems, IT architecture of companies, and data collection, processing, and storage.

It should be emphasized that the work is highly theoretical and practical, as it aims to establish new principles for managing corporate finances, which will enable companies

and corporations to improve their corporate finance management systems in line with the new realities and trends in the global economy.

Keywords: *corporate finance, internal control, budgeting, planning, economic blocks and unions, protectionism, information economy, digitalization, data management, stress-tests, IT architecture*

For citation: Neklyudov S. V. New trends in the global economy and their impact on traditional methods and tools of corporate finance. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):179—184. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1593.

Введение

Актуальность. В конце XX — начале XXI в. в мировой экономике начали формироваться новые тенденции и принципы взаимодействия государств и корпораций. Это было вызвано совокупностью различных факторов, в числе которых и развитие технологий, в т. ч. интернета, цифровых сервисов и других признаков «эры информации и больших данных», и серия новых глобальных кризисов, спровоцированных недостатками в системе государственного управления и правил корпоративного бизнеса, и новые геополитические конфликты и формирующиеся альянсы в борьбе за ресурсы и рынки сбыта. Это сделало актуальным необходимость изменений сложившихся инструментов и моделей управления корпоративными финансами.

Изученность проблемы. Исследованием влияния новых тенденций в мировой экономике на инструменты и теорию финансового менеджмента занимались такие специалисты, как А. В. Тебекин [1—3], И. А. Потякина, Д. М. Калимуллин [4], Ю. В. Селявский, Р. П. Куксин [5], В. С. Дрокин [6], О. Н. Лихачева [7], О. И. Рябичева [8] и др.

Большое внимание уделяется таким аспектам, как влияние геополитических факторов на инструменты финансового менеджмента, что отмечено, в частности, в работах Н. Ю. Кониной [9]. В работах Г. Б. Сейитмырадовой [10] исследуется, каким образом такие факторы, как цифровизация, геополитические конфликты, тренд на глобализацию оказывают влияния на основные тенденции и вызовы современной экономики.

В то же время можно отметить, что еще не все аспекты влияния ряда факторов на деятельность современных корпораций и их бизнес-модели, таких как, например, неопределенность и волатильность на мировых финансовых рынках, полностью проанализированы и изучены.

Отдельным направлением является анализ основных концепций финансового менеджмента и потенциальных направлений его развития в условиях новой экономики, в т. ч. с учетом появления цифровых инструментов. Данному направлению, в частности, посвящены работы Р. Р. Сухо-ручко [11], В. С. Ускова [12], М. П. Огородниковой [13].

Следует отметить, что новые технологические решения, в первую очередь, в области цифровых технологий, работы с большими данными и искусственным интеллектом, являются объектом детального исследования в настоящее время. В частности, такому инструменту, как процессный анализ (*Process mining, PM*), посвящено отдельное исследование «Делойт» [14]. В то же время их потенциал и степень влияния еще до конца не изучены и не оценены.

Важным аспектом изучения темы является общий анализ и обобщение основных тенденций управления корпоративными финансами, которые проистекают из всех перечисленных и других тенденций в современной мировой экономике. Анализ на эту тему представлен в работах И. А. Шилина [15].

Целесообразность разработки темы. Классические инструменты и теории корпоративных финансов под влиянием новых тенденций в мировой экономике теряют свою эффективность. В практике корпоративного управления зарождаются новые механизмы и инструменты контроля и управления. Вместе с ними начинают формироваться новые теоретические модели и постулаты. Таким образом, **объектом** исследования являются корпоративные финансы, а его **предметом** — инструменты и методы, используемые компаниями для их управления.

Цель исследования — определить новые явления и тренды в мировой экономике за последние несколько десятилетий, в результате которых традиционные методы и инструменты управления корпоративными финансами получили толчок к своему развитию и изменению. **Задача** исследования — сформировать перечень основных изменений в методах и подходах управления финансами.

Научная новизна исследования заключается в построении причинно-следственной взаимосвязи между новыми явлениями в мировой экономике и эволюцией традиционных инструментов и методов корпоративных финансов, а также анализом характерных особенностей новых подходов и методик. А именно, ускорение цикла бюджетирования и планирования и пересмотр системы риск менеджмента и сценарных анализов оценки риска в компании как следствие усиления геополитической напряженности и роли и влияния новых экономических блоков и союзов. Также проанализировано влияние новых технологических решений и цифровизации бизнес-процессов и корпоративных данных на процессы управления корпоративными финансами и ИТ архитектуры компаний. Особое внимание уделено вопросам защиты от ИТ атак и киберугроз.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении новых элементов в традиционных методах и инструментах корпоративного управления и формирования новых принципов управления корпоративными финансами и методологической базы, которые лежат в основе новых подходов и инструментов.

Практическая значимость работы заключается в адаптации современной системы управления финансами в корпорациях к новым реалиям деятельности компаний в мировой экономике.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В качестве основы исследования автор использовал анализ публикаций экономистов и практикующих экспертов, а также практический опыт управления корпоративными финансами в период с 2000 по 2025 г. в крупнейших российских и международных корпорациях. Как материал для исследования была использована экономическая литература и монографии по тематике управления финансами, а также исследования новых тенденций и явлений в мировой экономике. В частности, были проанализированы

работы М. П. Огородникова [13], А. В. Тебекина [3], И. А. Шилина [15] и др., где изложены закономерности и этапы финансового менеджмента, эволюция и становление неоклассической теории финансов, вопросы управления рисками в условиях неопределенности и ряд других аспектов.

В ходе анализа материалов для целей исследования особое внимание было уделено таким ключевым моментам, запустивших дальнейший процесс трансформации инструментов и практик управления и контроля в корпоративных финансах, как: изменение вектора мировой экономики с глобализации на протекционизм и самодостаточность; рост конкуренции за ресурсы и рынки сбыта, активизация старых и появление новых региональных конфликтов; возникновение новых региональных, экономических и таможенных блоков и союзов; появление новых цифровых сервисов и продуктов и вместе с этим новых бизнес-моделей, работа с массивами больших данных и ряд других. В работе применяются методы описания и сравнения, причинно-следственных связей, системного анализа, сравнительного анализа, обобщения.

Результаты и обсуждение исследования.

Изменение вектора мировой экономики с глобализации на протекционизм и самодостаточность. Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в мировой экономике проходили под лозунгом глобализации — развитие транснациональных корпораций, распределение производства в разных странах и континентах с учетом наличия трудовых и природных ресурсов, специализации национальных экономик и т. д. Логистические цепочки по поставке материалов и компонентов для производства продукции часто включали в себя сложные трансграничные маршруты между целым рядом стран и континентов, в создании услуг участвовали трудовые ресурсы из нескольких стран. В глобальной экономике сформировались «центры компетенций» и «центры специализаций», которыми пользовались корпорации во многих других странах при необходимости. Такое международное разделение труда, помимо координации и взаимодействия на уровне национальных и наднациональных налоговых и таможенных правил и нормативной и регулятивной базы, требовало также соответствующей системы организации корпоративных финансов. Развивалась система трансфертного ценообразования с учетом национальных налоговых и таможенных требований, система бюджетирования и планирования включала в себя анализ стоимости компонентов и трудовых ресурсов в различных географических локациях и стоимость логистики для достижения оптимальной величины затрат.

Роль и значение наднациональных общепринятых правил ведения бизнеса, с которыми вынуждены были считаться все корпорации, как ведущие свой бизнес на трансграничном уровне, так и те, кто работал на локальных и национальных рынках, также были очень высоки. Яркими примерами таких наднациональных стандартов являются Международные стандарты финансовой отчетности (*International Financial Reporting Standards, IFRS*), Базельские принципы оценки достаточности капитала, методология *COSO* по системе внутреннего контроля и мн. др.

Начавшийся в 2010-х гг. и получивший свое дальнейшее развитие вектор роста протекционизма и локализации производства и рынков сбыта выдвинул новые требования и условия организации функции корпоративных финансов. В силу ряда геополитических и экономических причин национальные правительства стали вводить ограничения, барьеры, которые как повышали стоимость локальных ресурсов для внешних контрагентов, так и ограничивали

или полностью запрещали доступ до национального рынка определенных видов продукции или услуг. Эта события послужили толчком для соответствующей трансформации системы корпоративных финансов. Транснациональные цепочки поставок стали сокращаться и перестраиваться в сторону переноса полного цикла производства или, по крайней мере, всех критических компонентов производства на локальный уровень или в другие «дружественные» страны и новые экономические и геополитические союзы.

Многие финансовые модели и системы принятия решений на основании экономического анализа, которые были разработаны на уровне теории и успешно внедрены и применялись на практике для принятия операционных и стратегических решений оказались не отвечающими текущим реалиям. В частности, дисконтирование денежных потоков, подходы к оценке доходности финансовых активов, теория портфельного выбора, теории асимметричной информации и теории агентских отношений и др. [15]. Их роль в принятии решений и управлении корпораций стала снижаться, менеджмент стал активно искать альтернативы и замены под новые условия деятельности [6].

Обострение геополитической обстановки. Последние несколько десятилетий также характеризуются обострением геополитической обстановки и увеличением числа региональных и глобальных конфликтов, включая и военные противостояния. Хотелось бы отметить рост не только количества таких конфликтов, но и возросший масштаб их влияния на глобальные и региональные экономические и политические процессы. Военные действия в Афганистане, события в Сирии и Украине, которые к настоящему времени переросли в полноценный глобальный кризис с угрозой мировой войны с вовлечением ядерных держав, конфликт между Северной и Южной Кореей, конфликт Китая и Тайваня, *Brexit* и изменение формата экономических отношений между континентальной Европой и Великобританией — это далеко не полный перечень конфликтов, каждый из которых стал составной частью общего обострения геополитической обстановки в мире. В условиях глобальной экономики каждый из таких конфликтов, даже имея первоначально локальный или региональный характер, быстро становился проблемой мирового масштаба. Подобно «эффекту бабочки», влияние такого локального кризиса быстро распространялось, захватывая новые географические зоны и области мировой экономики, усиливая и расширяя свой негативный эффект и превращаясь в проблему, имеющую эффект на уровне мировой экономики или политических и социальных событий.

Как следствие, возникающая турбулентность на финансовых рынках, влияние геополитических факторов, где экономически рациональное поведение и получение устойчивой прибыли как цели бизнеса, не являются приоритетом и ключевой моделью поведения, стало неотъемлемой частью современной мировой экономической системы. Всё это также послужило толчком к трансформации и эволюции сложившейся системы корпоративных финансов, которая в гораздо большей степени, чем ранее, вынуждена теперь учитывать в своих моделях и инструментах неэкономические и нефинансовые, а скорее социальные, политические и социокультурные факторы, необходимые современным корпорациям для продолжения своей деятельности как непрерывно действующего предприятия.

Экономические и таможенные союзы и организации. Значительным обстоятельством, оказавшим влияние на инструменты и методы управления компаниями, стало развитие региональных и глобальных организаций

и государственных объединений. И если в момент своего возникновения такие союзы не являлись равнозначным «противовесом» сложившимся объединениям западных государств («Большая семерка», Всемирная торговая организация и др.), то в течение последних 20 лет эти союзы и объединения получили импульс к своему развитию, к ним стали присоединяться новые члены и страны.

Примерами таких новых региональных и глобальных союзов и объединений являются Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС. Новые объединения стран создают новые таможенные и налоговые режимы и условия взаимодействия, начинают вводить новые элементы в нормативном регулировании для стран-участниц, для достижения установленных целей запускают новые экономические проекты и инициативы, в т. ч. с привлечением государственного финансирования. Это, в числе прочего, означает и появление новых инструментов отчетности и контроля, новых требований к организации различных аспектов корпоративных финансов для компаний стран-участниц таких союзов, а также компаний других стран, которые приняли решение участвовать в экономических проектах и инициативах на территории стран новых объединений.

Рост роли и влияния новых союзов, таких как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, означает не только изменение на политической карте мира, но и серьезные изменения в структуре мировой экономической и финансовой деятельности. Новые объединения стран создают новые таможенные и налоговые режимы и условия взаимодействия, начинают вводить новые элементы в нормативном регулировании для стран-участниц, для достижения установленных целей запускают новые экономические проекты и инициативы, в т. ч. с привлечением государственного финансирования.

Это вызвало необходимость разработки новых форматов и подходов к финансовой отчетности и процедурам контроля, требований к корпоративным финансам для компаний стран-участниц, а также других компаний, которые приняли решение участвовать в экономических проектах и инициативах на территории стран новых объединений. Требования

глобальных и западных стандартов и правил ведения экономической деятельности начинают постепенно «размываться», они перестают быть единственным возможным вариантом организации и ведения экономической и хозяйственной деятельности, появляется серьезная альтернатива существующим правилам в виде новых правил и обычаев делового оборота, формируемых набирающими силу новыми региональными и глобальными объединениями и союзами.

Новая информационная экономика, цифровые инструменты и бизнес-модели. Цифровые инструменты, концепция цифровых торговых площадок (маркетплейсов), а также алгоритмы работы с большими массивами данных и инструменты их автоматизации также повлияли на эволюцию корпоративных финансов [5]. Речь идет не только о цифровых сервисах и услугах как новой индустрии, но и применении цифровых решений в «классических» или «традиционных» отраслях, далеких от новых трендов таких как цифровые маркетплейсы или цифровые валюты или применение технологии блокчейн для различных операций. Наиболее универсальный и широко распространенный пример начала работы с цифровыми технологиями в «традиционных» компаниях — это работа с базами данных и перевод всего массива информации и данных (как структурированных, так и неструктурированных) в цифровой формат и создание единого централизованного хранилища данных или «озера данных». Также цифровые сервисы используются организациями для сокращения затрат и повышения операционной эффективности бизнес-процессов, например с помощью таких инструментов, как *Robot process automation (RPA)* и *PM* [14].

Компанией «Делойт» было проведено исследование по использованию процессов автоматизации, таких как *RPA* и *PM*, в «традиционных корпорациях». На рис. 1 ниже представлен перечень бизнес-процессов, где цифровые сервисы наиболее востребованы и внедряются в структуру корпоративных финансов. Перспективными направлениями внедрения цифровых сервисов являются такие направления, как закупки (67 % респондентов), бухгалтерский учет и платежи (60 %), продажи (49 %), ИТ (44 %), логистика (42 %), производство (40 %), обслуживание клиентов (36 %), контроллинг процессов (35 %), аудит (25 %), управление персоналом (15 %), послепродажное обслуживание (15 %), складская деятельность (15 %), маркетинг (11 %), налогообложение (7 %), другое (7 %), торговые операции (5 %), НИОКР (4 %), предоставление займов (4 %).

Рис. 1. Области применения *Process Mining* в корпорациях, % (сост. по: [14, с. 8])

Благодаря развитию цифровых маркетплейсов корпорации получили серьезных конкурентов, использующих принципиально иные бизнес-модели и алгоритмы взаимодействия с клиентами, принципы организации работы подразделений внутри компании и, как следствие, инстру-

менты организации работы в этих новых направлениях, например такие как *Agile* («гибкое управление»), клиентоцентричность, *TTM* (*time-to-market*), *CJM* (*client journey map*), *CustDev* (*customer development*), предиктивная аналитика и др.

Планирование и бюджетирование. Система внутреннего контроля. До недавнего времени традиционная практика предполагала разработку стратегии в 5 лет и ее контроль с периодичностью в 1 год. В рамках реализации и достижения стратегии устанавливались четкие критерии выполнения ключевых метрик. Пересмотр и корректировка годового бюджета и плана допускались, но были скорее исключением.

Данный процесс претерпел значительные изменения вместе с внедрением цифровых технологий и технологии работы с большими данными и концепции «озера данных», которые компании стали реализовывать через внедрение единых или корпоративных хранилищ данных в цифровом виде. Кроме того, глобальная приостановка бизнеса в масштабах всей планеты после распространения COVID-19 внесли изменения привычный порядок вещей. В результате в 2020 г. большинство бюджетов и планов на, оказались не отражающими реальность. Кроме того, неопределенность в 2020 г. была настолько высока, что привычные ориентиры рынка горизонт свыше одного месяца исчезли.

В результате, в тот момент большинство компаний внесли изменения в запланированные текущие расходы и доходы в оперативном режиме. Плановый подход и привычный формат корпоративных процедур в отношении мониторинга план-факт оказался несостоятельным в новых условиях.

Спустя год степень неопределенности постепенно стала снижаться и горизонт планирования увеличился до полугода, но постоянная готовность к неопределенности и способность

управлять компанией без четких среднесрочных ориентиров осталась в новых методах управления финансами компаний.

Также изменился процесс управления рисками, в частности допущения и модели стресс-тестирования бизнес-модели и уровня ликвидности в компаниях. События 2020—2022 гг. показали, что модели стресс-тестирования были недостаточно агрессивными и ряд сценариев, которые реализовались на практике, не были запланированы даже в самом пессимистичном варианте.

Следующий важный компонент, который подвергся изменениям — это информационные системы и ИТ-архитектура. Удаленный доступ к ИТ инфраструктуре и подходы к обеспечению ее безопасности стали приоритетными, т. к. «удаленка» приобрела массовый характер во многих отраслях и секторах экономики в 2020 г. Объем передачи информации через каналы удаленного доступа вырос. Соответственно, актуальность защиты информации, приобрела критический характер. Новые подходы и технические ИТ-решения и процессы внутреннего контроля в части удаленного доступа к корпоративным хранилищам данных стали приоритетной областью в деятельности финансового блока. Их роль и значение в деятельности компаний значительно возросла.

Так, по данным компании *Positive Technologies*, в 2025 г. почти две трети (64 %) успешных атак на организации заканчивались утечками конфиденциальной информации, и практически половина (47 %) — нарушением основной деятельности (см. рис. 2).

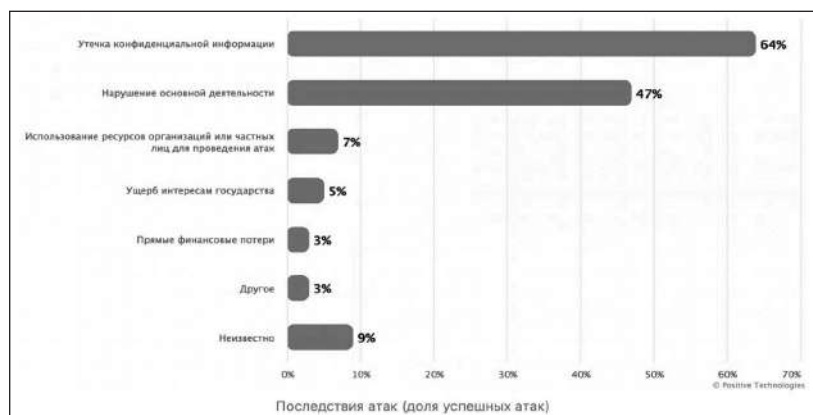

Рис. 2. Основные направления кибератак на организации в 2025 г.
(сост. по: Positive Technologies. Ландшафт киберугроз в 2025-м в России и мире. 2026.
URL: <https://habr.com/ru/companies/pt/articles/988872/>)

Выводы

К основным трендам и новым явлениям в мировой экономике, которые оказали влияние на методы и инструменты корпоративных финансов можно отнести следующие: изменение вектора мировой экономики с глобализации на протекционизм и самодостаточность, обострение мировой геополитической обстановки, появление новых и обострение старых региональных и глобальных конфликтов, появление новых экономических и таможенных союзов и организаций, а также технологические прорывы и появление новых цифровых инструментов и моделей бизнеса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тебекин А. В. К вопросу о формировании концепции менеджмента 2030-х гг. // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2019. № 2. С. 168—176.
2. Тебекин А. В. Формирование концепции управления (менеджмента) 2020-х годов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 1(30). С. 64—68.

3. Тебекин А. В. Эволюция концепций менеджмента организации // Актуальные проблемы развития экономики в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Совр. гуманитар. ун-та, 2018. С. 423—429.
4. Потякина И. А., Калимуллин Д. М. Содержание корпоративного финансового планирования в современных организациях // Академическая публицистика. 2019. № 10. С. 63—67.
5. Селявский Ю. В. Куksин Р. П. Инновационные инструменты развития корпоративных финансов: анализ теории и практики // Финансовые рынки и банки. 2021. № 5. С. 99—105.
6. Дрокин В. С. Основные тренды и проблемы развития сферы корпоративных финансов РФ // Актуальные вопросы современной науки : сб. науч. ст. Всерос. с междунар. участием междисциплинар. науч.-практ. конф. Самара : Исакова Т. С., 2023. С. 59—64.
7. Лихачева О. Н. Корпоративное финансовое планирование: современные тенденции, проблемы и их решения // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития : материалы V Междунар. форума. М., 2016. С. 74—79.
8. Рябичева О. И., Пирова М. З., Хазрава К. Г. Современные тенденции в управлении корпоративными финансами // Индустриальная экономика. 2022. № 3-8. С. 750—756. DOI: 10.47576/2712-7559_2022_3_8_750.
9. Международный бизнес перед вызовами современности : моногр. / под общ. ред. Н. Ю. Кониной. М. : МГИМО, 2026. 309 с.
10. Сейитмырадова Г. Б. Мировая экономика: современные тенденции и вызовы // Молодой ученый. 2025. № 11(562). С. 86—88.
11. Сухоручко Р. Р. Современный финансовый менеджмент: тенденции и перспективы // Актуальные исследования. 2023. № 44(174). Ч. II. С. 58—62.
12. Усков В. С. К вопросу о цифровизации российской экономики // Проблемы развития территории. 2020. № 6(110). С. 157—175. DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.10.
13. Огородникова М. П. Современные тенденции развития корпоративных финансов // Исследования молодых ученых : материалы X Междунар. науч. конф. Казань : Молодой ученый, 2020. С. 31—33.
14. Путь к эффективности с Process Mining. Внедрение и факторы успеха / Делойт. М., 2021. 12 с.
15. Шилин И. А. Тенденции развития управления финансами корпораций // Актуальные исследования. 2023. № 46(176). Ч. III. С. 43—48.

REFERENCES

1. Tebekin A. B. To a question of formation of the concept of management of the 2030th years. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA = Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*. 2019;2:168—176. (In Russ.)
2. Tebekin A. B. Formation of the concept of management (management) [sic!] of the 2020th years. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*. 2018;1(30):64—68. (In Russ.)
3. Tebekin A. B. Evolution of concepts of company's management. *Aktual'nye problemy razvitiya ekonomiki v sovremennykh usloviyakh = Actual problems of economy development at current stage. Materials of International scientific and practical conference*. Moscow, Modern University of the Humanities publ., 2018:423—429. (In Russ.)
4. Potyakina I. A. Kalimullin D. M. Corporate financial planning in modern companies. *Akademicheskaya publitsistika*. 2019;10:63—67. (In Russ.)
5. Selyavsky Yu. V., Kuksin R. P. Innovative tools for the development of corporate finance: analysis of theory and practice. *Finansovye rynki i banki = Financial markets and banks*. 2021;5:99—105. (In Russ.)
6. Drokin V. S. The main trends and problems of the development of corporate finance in the Russian Federation. *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki = Actual issues of modern science. Collection of articles of All-Russian with international participation scientific and practical conference*. Samara, T. S. Isakova publ., 2023:59—64. (In Russ.)
7. Likhacheva O. N. Corporate financial planning: current trends, issues and ways of their solving. *Rossiya v XXI veke: global'nye vyzovy i perspektivy razvitiya = Russia in XXI century: global challenges and development perspectives. Materials of the V International forum*. Moscow, 2016:74—79. (In Russ.)
8. Ryabicheva O. I., Pirova M. Z., Khazravova K. G. Current trends in corporate finance management. *Industrial'naya ekonomika*. 2022;3-8:750—756. (In Russ.) DOI: 10.47576/2712-7559_2022_3_8_750.
9. International Business Facing Modern Challenges. Monograph. N. Yu. Konina (ed.). Moscow, MGIMO University publ., 2026. 309 p. (In Russ.)
10. Seiitmyradova G. B. International economy: current trends and challenges. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2025;11(562):86—88. (In Russ.)
11. Sukhorutchenko R. R. Modern financial management: trends and prospects. *Aktual'nye issledovaniya*. 2023;44(174)-2:58—62. (In Russ.)
12. Uskov V. S. On the issue of the Russian economy digitalization. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2020;6(110):157—175. (In Russ.) DOI: 10.15838/ptd.2020.6.110.10.
13. Ogorodnikova M. P. Modern trends of development of corporate finance. *Issledovaniya molodykh uchenykh = Research of young scientists. Materials of X International scientific conference*. Kazan, Molodoi uchenyi, 2020:31—33. (In Russ.)
14. Deloitte. Path to efficiency with c Process Mining. Implementation and success factors. Moscow, 2021. 12 p. (In Russ.)
15. Shilin I. A. Trends in the development of corporate finance management. *Aktual'nye issledovaniya*. 2023;46(176)-3:43—48. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 04.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 04.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья
УДК 332.14
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1620

Ksenia Aleksandrovna Novikova

Head of the Department
of Civil Service, Personnel,
Legal, and Organizational Affairs,
Ministry of industry and science
of the Sverdlovsk region
Ekaterinburg, Russian Federation
kseniya2011@yandex.ru

Ксения Александровна Новикова

начальник отдела
государственной службы, кадров,
правовой и организационной работы,
Министерство промышленности и науки
Свердловской области
Екатеринбург, Российская Федерация
kseniya2011@yandex.ru

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье представлен обзор подходов к определению роли экономики знаний как инструмента стратегического развития территории. В настоящее время, в период геополитического, экономического кризиса, значимую роль должны получить распространение знаний, информации, научных разработок и исследования в целях дальнейшего воспроизведения высокотехнологичной продукции, новых видов услуг, технологий и материалов. Поскольку Президентом РФ поставлены задачи по достижению технологического лидерства, развитию автоматизации, цифровизации и роботизации, необходимо создать систему тесного взаимодействия органов власти, образовательных, научно-исследовательских организаций, промышленных предприятий. Уже сейчас важно сформировать составляющие экономики знаний для успешной реализации установок руководства страны, для обеспечения конкурентоспособности территорий. Авторское представление о составляющих экономики знаний учитывает образование (распространение знаний), научные разработки и исследования, внедрение инноваций в производство. В статье обращено внимание на знания как на структу-

рированную информацию, которая участвует в дальнейшем производстве новых знаний, получения новых видов продукции, технологий, услуг. Инновации рассматриваются как «проводники» трансформации традиционных отраслей, повышения эффективности производства и создания условий для устойчивого роста экономики территорий. Приводятся статистические данные об уровне инновационной активности организаций субъектов Уральского федерального округа в целях определения динамики адаптации и стратегического регулирования территорий к условиям формирования экономики знаний. Развитие научного потенциала тесно связано с образовательным. Повышение качества человеческого капитала за счет внедрения цифровых технологий, искусственного интеллекта создает импульс для выработки стратегических ориентиров развития.

Ключевые слова: экономика знаний, стратегическое развитие, промышленное развитие, устойчивое развитие, территория, знание, инновации, образование, технологии, технологическое лидерство, цифровизация, человеческий капитал

Для цитирования: Новикова К. А. Экономика знаний как инструмент стратегического развития территорий // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 185—191. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1620.

Original article

KNOWLEDGE ECONOMY AS A TOOL FOR STRATEGIC TERRITORIAL DEVELOPMENT

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This scientific article provides an overview of approaches to defining the role of the knowledge economy as a tool for strategic territorial development. Currently, during the period of the geopolitical and economic crisis, the dissemination of knowledge, information, scientific developments, and research should play a significant role in order to further reproduce high-tech products, new types of services, technologies, and materials. As President of Russia has set the goal of achieving technological leadership and developing automation, digitalization, and robotization, it is necessary to create a system of close cooperation between government agencies,

educational institutions, research organizations, and industrial enterprises. It is already important to form the components of the knowledge economy in order to successfully implement the country's leadership goals and ensure the competitiveness of the territories. The author's understanding of the components of the knowledge economy takes into account education (knowledge dissemination), scientific development and research, and the introduction of innovations into production. The article focuses on knowledge as structured information that contributes to the further production of new knowledge, the creation of new types of products, technologies, and services. Innova-

tions are viewed as “guides” for transforming traditional industries, improving production efficiency, and creating conditions for sustainable economic growth in the territories. The author provides statistical data on the level of innovation activity in organizations of the Ural Federal District in order to determine the dynamics of adaptation and strategic regulation of territories to the conditions of the knowledge economy. The development of scientific potential is closely related to

education. Improving the quality of human capital through the introduction of digital technologies and artificial intelligence creates an impetus for developing strategic development guidelines.

Keywords: knowledge economy, strategic development, industrial development, sustainable development, territory, knowledge, innovation, education, technology, technological leadership, digitalization, human capital

For citation: Novikova K. A. Knowledge economy as a tool for strategic territorial development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):185—191. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1620.

Введение

Актуальность. Современное пространственное развитие территорий невозможно представить без учета факторов, связанных с экономикой знаний. Этот феномен включает в себя не только накопление и распространение информации, но и способность эффективно использовать интеллектуальные ресурсы для создания новых продуктов, услуг и технологий. В условиях глобализации и цифровизации роль знаний выходит на первый план, формируя новые модели территориального развития.

Необходимость исследования экономики знаний обусловлена стремительными изменениями в структуре региональных экономик, когда традиционные факторы производства постепенно уступают место интеллектуальному капиталу. Для регионов это означает актуальность формирования конкурентных преимуществ через инновации и развитие человеческого потенциала. При этом важна не только технологическая модернизация, но и создание благоприятной среды для взаимодействия образовательных и научных учреждений, бизнеса и органов власти.

Таким образом, формирование экономики знаний имеет стратегического значения для территорий, развивающихся в направлении конкурентоспособности, саморазвития. Эффективность внедрения инноваций, новых материалов, технологий невозможно без человеческого, интеллектуального капитала и научного потенциала. Симбиоз данных факторов составляют контур экономики знаний. Именно поэтому новую экономику — экономику знаний — необходимо рассматривать с точки зрения стратегического инструмента развития территорий.

Изученность проблемы. Возрастающий интерес вызывает изучение экономики знаний, проблемы образования, внедрения инноваций и развитие человеческого и интеллектуального потенциала.

К вопросу значимости экономики знаний и ее влияния на устойчивое развитие обращались еще десятилетие назад. К примеру, академик Российской академии наук А. И. Татаркин и Е. В. Пилипенко [1] выделяли экономику знаний как особый инновационный вид развития территории, в котором преимуществом развития является передача знаний.

Современные точки зрения модифицируют знания как фактор формирования экономики знаний в получение образовательных компетенций.

С. И. Баженов [2] считает, что на современном этапе ключевыми факторами развития экономики знаний является образование и получение компетенций.

В. А. Трифионов, Е. В. Зенкина, Ю. В. Касьянова [3], Е. А. Горин [4] также считают, что в последние несколько лет наблюдается дисбаланс между подготовкой специалистов и запросом реального сектора экономики. Более

высокие компетенции получают представители искусства, креативной экономики, а обрабатывающие производства остаются в тени высококвалифицированной рабочей силы. Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что для обеспечения технологического лидерства необходим переход к экономике знаний, где ключевую роль играют компетенции и знания для обрабатывающего сектора.

Иной подход предлагает Д. Е. Бекбергенева, которая связывает развитие экономики знаний с возрастающим спросом на инновации, внедрение новых технологий в целях достижения технологического лидерства. Поэтому экономикой знаний можно охарактеризовать как экономику инновационного типа, ключевую роль в которой играют инновации [5, с. 27].

Зарубежные авторы и исследователи, участвующие в поиске подходов к развитию экономики знаний, обращаются к разработанному в 1990-е гг. Руководству Осло. В настоящее время действует редакция Руководства Осло 2018 г., которая акцентирует внимание на стратегических бизнес-инноваций, потоках знаний, факторах, влияющих на распространение инноваций, результатах инновационной деятельности. Об этом упоминается в материалах различных научных конференциях, рассматривающих вопросы инновационного развития.

На конференциях и конкурсах молодых ученых в 2026 г. в работах А. А. Федота [6] отмечается роль консолидации кооперативных связей между экономикой, образованием и инноваций. Будущее экономики зависит от сегодняшней молодежи, которую необходимо обучать новым принципам производственных процессов, использованию цифровых, автоматизированных процессов. Ю. Г. Ткачева [7] обращает внимание на личностный рост, самореализацию специалиста, его непрерывное обучение, что в совокупности обуславливает мобильность и конкурентные преимущества в условиях формирования экономики знаний.

Г. Б. Клейнер утверждает, что современная экономика основывается на интеллектуальном капитале предприятий и организаций, который складывается из квалифицированных кадров, умении принять на практике цифровые технологии, внедрять инновационные продукты [8, гл. 17].

Вопросам интеллектуального капитала уделяет внимание исследователь К. И. Шарова [9, с. 287], которая утверждает, что формирование экономики знаний основывается на развитии интеллектуальных преимуществ территории, где предприятия и организации внедряют интеллектуальный интеллект, цифровизацию в производственные процессы, что способствует накоплению интеллектуального капитала и интеллектуализации общества в целом.

Смена модели роли человека, его знаний и умений трансформироваться под потребности современной экономики рассматривается в работах Е. Е. Жернова [10].

Экономика знаний является основным ресурсом формирования общественного богатства за счет трансформации знаний в новые знания. Следуют этой логики Е. В. Маркова, Т. В. Денисова, А. М. Ф. Аль-Дарабсе [11], которые под экономикой знаний понимают экономику, основанную на создании новых знаний.

Стратегический эффект формирования условий экономики знаний для устойчивого развития отмечается в работах М. М. Низамутдинова и В. В. Орешникова [12], С. И. Луценко [13].

С. А. Махосева, С. К. Шардан, А. А. Алоева [14], М. А. Канева и Г. А. Унтура [15] рассматривают эндогенный технический прогресс, связанный с внедрением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, распространением социального капитала (образование, получение компетенций), как процесс повышения конкурентоспособности территорий. Стратегии развития в таком случае, по их мнению, должны формироваться на базе взаимодействия экономических показателей, научного достижения и вклада человеческого капитала.

Таким образом, труды исследователей 2000-х гг. и современные взгляды на экономику знаний открывают новые горизонты и возможности для изучения экономических процессов, обеспечения устойчивого развития территорий, что особенно актуально в период текущих геополитических изменений и возрастающей роли человека, его знаний как отправной точки в инновационном развитии. Для целей научного исследования предлагается авторский подход, который учитывает несколько составляющих экономики знаний: образование (распространение знаний), научные разработки и исследования, внедрение инноваций в производство.

Целесообразность разработки темы настоящей статьи определяется представлением обзора подходов к изучению экономики знаний как инструмента стратегического развития территорий. Изучение формирования условий экономики знаний и адаптации территорий под современные вызовы позволит определить направления развития территории.

Сегодня, когда наблюдается экономическая и геополитическая турбулентность, а также в целях достижения установленных Президентом РФ национальных целей по обеспечению технологического лидерства, знания и инновации, выпуск новой высокотехнологичной продукции становятся системными инструментами в преодолении барьеров в процессе устойчивого развития территорий.

Научная новизна данной статьи состоит в предложении авторского представления о роли экономики знаний как инструмента стратегического развития территорий.

Целью исследования является представление обзора существующих подходов к определению роли экономики знаний как инструмента стратегического развития территорий.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть подходы к определению экономики знаний, ее составляющих;
- проанализировать уровень инновационной активности организаций субъектов Российской Федерации;
- проанализировать сущность и влияние составляющих компонентов экономики знаний на развитие территорий;
- сформировать авторскую позицию об определении роли экономики знаний как инструмента стратегического развития территорий.

Теоретическую значимость настоящего исследования составляет обзор существующих подходов к определению роли экономики знаний как инструмента стратегического развития территорий в условиях установленных задач по достижению технологического лидерства. Результаты исследования могут быть полезны для дальнейшего изучения данного вопроса как для исследователей, так и для органов власти, ответственных за инновационное развитие территорий.

Практическая значимость работы состоит в предложении стратегических решений для устойчивого развития территорий в условиях экономики знаний.

Основная часть

Методология исследования. В целях подготовки настоящего научного исследования были применены методы наблюдения, сопоставления, системного подхода, анализ статистической информации. Статья носит междисциплинарный характер.

Результаты исследования. Экономика знаний является следующим этапом в развитии экономики после эпохи индустриализации. Ключевым фактором, благодаря которому экономика развивается, начинают выступать знания. Человеческий капитал отождествляется с интеллектуальным продуктом. Отличительной чертой новой экономики (экономики знаний) от инновационной экономики заключается в том, что в экономике знаний действует комплексная работа знаний, инноваций, научных достижений [16].

Знания перестают быть лишь поддержкой для инноваций, превращаясь в актив, имеющий рыночную стоимость и формирующий новый вид капиталовложений.

Сегодня знания представляют информацию, которая должна быть научно обоснованной и структурированной. Данная информация используется для дальнейшей выработки новых знаний, создания новых видов продукции и технологий, внедрения материалов и производственно-технологических решений.

Процесс воспроизводства знаний начинается с первичной обработки информации (в т. ч. во взаимодействии с личностными умственными характеристиками), далее начинается процесс трансформации в виде выполнения научно-исследовательских работ, аналитических материалов, которые создают фундамент для превращения приращенных и полученных знаний в качественно новый вид результата производственной деятельности [17, с. 73].

Инновации являются основой развития экономики знаний на региональном уровне, обеспечивая динамичное обновление производственных и социальных процессов через применение новых научно-технических достижений. В основе их значения лежит способность трансформировать традиционные отрасли, повышать эффективность производства и создавать условия для устойчивого роста региональной экономики. Особенно это проявляется в региональных системах, где внедрение инноваций способствует формированию новых технологических платформ и бизнес-моделей, ориентированных на знаниевую деятельность и интеллектуальные ресурсы.

Если проанализировать данные об уровне инновационной активности организаций, представленные Федеральной службой государственной статистики, к примеру, среди субъектов Уральского федерального округа, то за последние несколько лет форсированного развития в инновационном плане нет, а по отдельным территориям наблюдения снижение показателя или стагнация (см. табл.).

**Уровень инновационной активности организаций
субъектов Уральского федерального округа, %**

Субъект	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Свердловская область	11,18	1302	11,75	12,09	12,40	12,42
Курганская область	14,12	14,38	11,83	12,36	11,69	11,50
Челябинская область	11,40	13,21	12,07	12,61	14,21	14,5
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	7,39	6,62	5,97	5,74	5,83	5,75
Ямало-Ненецкий автономный округ	5,95	6,77	4,65	3,88	3,87	3,88
Тюменская область	12,18	12,82	11,54	10,02	10,68	11,0

Инвестиции в знания и инновационные технологии способствуют повышению качества основных факторов производства, формируя основу для долгосрочного роста регионального валового продукта. Важнейшим аспектом становится способность регионов эффективно использовать свои конкурентные преимущества, реинвестировать доходы и модернизировать инфраструктуру.

В этой части установки руководства страны отражены в Концепции технологического развития. Определены задачи органов власти субъекта Российской Федерации относительно их участие в создании эффективной системы подготовки будущих кадров, специалистов и инженеров, способных воспроизводить инновации, участвовать во всей цепочке генерации знаний, быть адаптивными к инновационному процессу, а значит, и к условиям экономики знаний.

Производственный процесс тесно связан с внедрением научных разработок и исследований в производственный процесс. Научно-производственная кооперация, рост затрат на исследования и разработки, результаты интеллектуальной собственности вносит вклад в развитие территории по пути новой экономики — экономики знаний.

При этом необходимо отметить, что для развития научного потенциала территории, развития научно-технологической кооперации необходимо наладить процесс вовлечения молодых специалистов, исследователей и разработчиков в обеспечение промышленного комплекса востребованным научным ресурсом, а также необходимы меры, стимулирующие развитие человеческого капитала в сегментах экономики, ориентированных на знание и процесс передачи знаний [3, с. 75].

В настоящее время ключом к устойчивому развитию является стратегическое планирование, направленное на человекоориентированность. Роль человека (разработчика, исследователя, носителя информации, выполняющего роль посредника между наукой и производством), его знаний и навыков усиливается особенно посредством предоставления дополнительных мер поддержки со стороны государства [17, с. 74].

Внедрение цифровых технологий только повышает роль знаний, науки и инноваций в стратегическом управлении территорией. Однако, формируются новые форматы и направления развития рынка труда.

Составление прогнозов и сценариев развития в условиях формирования экономики знаний влечет процесс познания и анализа закономерностей и нововведений, которые могут быть в будущем. Если принять за основу, что любая

территория обладает специфическим набором ресурсов, которые есть в наличии, которые могут быть воспроизведены и развиты, а также комплексный эффект от накопленного и возможного потенциала, то экономика знаний в данном случае является именно тем инструментом, который в долгосрочной перспективе дает необходимый синергетический эффект [12].

Выбранная траектория развития с учетом разработанных сценариев позволяет минимизировать риски принятия неэффективных управленческих решений, а также будет стимулировать к использованию человеческого и интеллектуального капитала, имеющегося на территории, развитию инновационного развития. Данные факторы будут стимулировать социально-экономическое развитие территории. Поскольку вышеуказанные факторы являются составляющими компонентами экономики знаний, конкурентоспособность территории будет также показывать положительную динамику.

Важным элементом стратегий является также использование современных информационных технологий и искусственного интеллекта, которые способствуют оптимизации процессов управления знаниями и ускоряют технологическую трансформацию региональных экономик. Интеграция цифровых инструментов в образование, науку и промышленность создает условия для диффузии инноваций и формирования новых высокотехнологичных сервисов и продуктов. Это усиливает влияние экономики знаний на повышение качества жизни и социального благополучия на территории [13].

При этом к 2050 г. мы столкнемся с рядом масштабных вызовов, связанных с геополитическим мироустройством, экологическими угрозами, социальными изменениями, что, в свою очередь, будет сопровождаться изменениями в подготовке кадров под потребности действующего на тот момент рынка.

Развитие экономики, развитие технологий проходит ряд преобразований. Если ранее мы говорили о промышленных революциях, позже наступила эра Индустрии 4.0 с повсеместным внедрением цифровых технологий, то сейчас текущую промреволюцию связывают с внедрением автоматизированных, роботизированных технологий в производство. Таким образом, в будущем цифровизация станет не опцией, а условием выживания в промышленности. Те, кто сумеет объединить технологии (искусственный интернет, интернет вещей, цифровые двойники) и людей (обучение, культура изменений), станут лидерами новой индустриальной эпохи — экономики знаний.

Современные стратегии ориентированы на приоритетное развитие человеческого капитала, который выступает как главный фактор экономики знаний. Это достигается через модернизацию системы образования, стимулирование непрерывного профессионального обучения [7] и развитие научной среды. Важная роль отводится интеграции образовательных учреждений с предприятиями, что способствует созданию инновационных кадровых резервов, способных быстро адаптироваться к технологическим изменениям и внедрять передовые разработки. Такой подход обеспечивает формирование высокого уровня компетенций и социального капитала, способствующего развитию инновационного потенциала территории [13].

Другими словами, ключевой элемент в подготовке лидеров экономики знаний состоит из нескольких составляющих:

• **Начальная подготовка школьника, его профориентация, стремление к обучению и труду.** В этом плане нами проводятся разнообразные мероприятия: День открытых дверей на предприятиях (День без турникета), билет в будущее, Юный машиностроитель, проведение экскурсий в рамках промышленного туризма. В Свердловской области реализуется больше двадцати маршрутов на ведущие предприятия региона.

• **Обучение профессиональным навыкам и умениям** [5, с. 28]. Это уровень как организаций среднего профессионального, так и высшего образования, а также научной и исследовательской деятельности — именно они выступают драйверами инноваций и социальных преобразований.

• **Поддержка предприятий, организаций в дополнительной подготовке своих сотрудников, повышении квалификации.**

Внедрение новых технологий, искусственного интеллекта приведет в дальнейшем к трансформации рынка труда, реструктуризации занятости и требованиям к квалификации, знаниям специалистов [10, с. 7].

В условиях стремительных технологических изменений, цифровизации и междисциплинарности задач инженер должен уметь быстро осваивать новые знания, навыки и инструменты, а также гибко реагировать на перемены в отрасли [4].

Уже сейчас необходимо вводить в образовательный процесс различные дополнительные модули [6], осваивать онлайн-форматы обучения, программы, позволяющие в режиме дополненной реальности погружаться в технологический процесс.

Среди акселерационных инструментов уже используются и будут развиваться в дальнейшем хакатоны, интенсивы, стажировки, кейс-чемпионаты.

Социально-ориентированный подход в экономике знаний стимулирует развитие инклюзивных практик и снижает социальное неравенство за счет развития образовательных программ и социальных инициатив в рамках инновационной политики регионов [14; 15].

Таким образом, выявленные проблемы внедрения инноваций связаны с недостаточным финансированием, институциональной фрагментарностью и слабой интеграцией между наукой, бизнесом и государственной властью. Это обосновывает необходимость разработки стратегий, направленных на снятие барьеров, стимулирование частных инвестиций и формирование устойчивых инновационных систем. Социальная составляющая развития экономики знаний акцентирует внимание на роли

образовательных институтов и социальной политики в улучшении качества жизни и обеспечении устойчивости территорий.

На сегодняшний день ключевой стратегией развития территории должно стать адаптация и формирование экономики знаний на территории для дальнейшего перспективного развития. Использование человеческих ресурсов и инноваций, технологий, внедрение научных разработок в производство увеличивает потенциал территории для удовлетворения потребностей населения, преодоления экономических и геополитических вызовов.

Экономика знаний становится действенным инструментом, участвующим в стратегическом управлении территорией, при котором управленческие решения базируются на консолидации органов власти, образования, науки и технологических компаний. Со стороны государства поддержка достигается смягчением барьеров и разработкой новых форм стимулирования для кооперации всех участников процесса трансформации территорий к новой экономике. Комплексная работа в этих направлениях дает синергетический эффект для развития территорий в условиях формирования экономики знаний.

Заключение

Целью настоящего исследования являлось представление обзора существующих подходов, а также выработка авторского определения роли экономики знаний как инструмента стратегического развития территорий. Автором статьи делается вывод, что экономика знаний включает в себя несколько компонентов (знания, наука, инновации), которые участвуют в процессе повышения социально-экономического потенциала и создают контур для долгосрочного развития, повышения конкурентоспособности территории.

Кроме того, синергетический эффект дает взаимодействие всех участников стратегического развития территории на пути к новой экономике. Ими являются государство (органы власти), создающее условия для развития человеческого, интеллектуального и научного потенциала, образовательные организации, научные организации и технологические компании.

Данное исследование имеет прикладной характер в части возможности использования его как основу для эффективного управленческого решения в целях развития и обеспечения конкурентоспособности территории и дальнейшего изучения вопроса по данной тематике. В последующих исследованиях автор продолжит изучать экономику знаний как инструмент развития территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Татаркин А. И., Пилипенко Е. В. Становление экономики знаний // Наука. Общество. Человек : информ. вестн. Ур. отд-ния РАН. Екатеринбург : УрО РАН. 2006. С. 20—30.
2. Баженов С. И. Экономика знаний как институциональная основа экономики высокотехнологичных производств // Экономика высокотехнологичных производств. 2020. Т. 1. № 4. С. 173—182. DOI: 10.18334/evp.1.4.111215.
3. Трифонов В. А., Зенкина Е. В., Касьянова Ю. В. Экономика знаний в региональной и мировой экономике: Теория, методики оценки, факторы развития // Beneficium. 2025. № 1(54). С. 68—79.
4. Горин Е. А. Экономика знаний и новые кадры для промышленности // Экономическое возрождение России. 2024. № 1(79). С. 37—48. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-37-48.
5. Бекбергенова Д. Е. Подходы к содержанию и точки роста экономики знаний в цифровизации региональной экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 3-1(61). С. 27—29.
6. Федота А. А. Синергия экономики и педагогики: инвестиции в человеческий капитал как основа устойчивого развития // Молодой ученый года 2026 : сб. ст. XXII Междунар. науч.-исследоват. конкурса. Пенза : Наука и Просвещение, 2026. С. 67—70.

7. Ткачева Ю. Г. Потенциал личности как интегральный ресурс специалиста: междисциплинарный анализ в контексте инновационной экономики // Материалы пула научно-практических конференций : VII Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы техники, технологии и образования» ; X Междунар. науч.-практ. конф. «Современные процессы в пищевых производствах и инновационные технологии обеспечения качества пищевых продуктов» ; VII Междунар. науч.-практ. конф. «Современные тенденции интеграции науки, образования и народного хозяйства». Керчь : Керч. гос. мор. технол. ун-т, 2026. С. 1053—1056.
8. Мезоэкономика России: стратегия разбега : моногр. / под ред. чл.-кор. РАН Г. Б. Клейнера. М. : Научная библиотека, 2022. 808 с.
9. Шарова К. И. Интеллектуальный капитал и искусственный интеллект в экономике знаний // Проектное управление социально-экономическим развитием региона : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Липецк : ЛГПУ им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. С. 284—288.
10. Жернов Е. Е. Необходимости смены модели человека в экономической теории экономики знаний // Экономика и управление инновациями. 2024. № 3(30). С. 4—13. DOI: 10.26730/2587-5574-2024-3-4-13.
11. Маркова Е. В., Денисова Т. В., Аль-Дарабсе А. М. Ф. Экономика знаний как ключевой ресурс формирования общественного богатства // Проблемы и перспективы экономических отношений предприятий авиационного кластера : сб. науч. тр. IV Всерос. науч. конф. Ульяновск : УлГТУ, 2020. С. 71—75.
12. Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Методические и практические аспекты задачи моделирования и сценарного прогнозирования развития территориальной системы муниципального уровня // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 7. С. 1204—1216. DOI: 10.24891/ea.16.7.1204.
13. Луценко С. И. По направлению к экономике знаний // Цифровая экономика. 2021. № 3(15). С. 70—75. DOI: 10.34706/DE-2021-03-05.
14. Махощева С. А., Шардан С. К., Алоева А. А. влияние экономики знаний и интеллектуальных сред обитания на конкурентоспособность региона // Экономические науки. 2024. № 241. С. 459—468. DOI: 10.14451/1.241.459.
15. Канева М. А., Унтура Г. А. Модели оценки влияния экономики знаний на экономический рост и инновации регионов / отв. ред. В. И. Суслов. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2021. 256 с.
16. Новикова К. А. Экономика знаний как источник развития потенциала территории // Молодежная наука России: перезагрузка : материалы XI Всерос. форума : в 2 ч. Екатеринбург : Ур. ин-т — фил. РАНХиГС, 2013. Ч. 2. С. 41—44.
17. Новикова К. А. Человеческий капитал: фактор развития потенциала территории // Развитие регионов России на современном этапе: основные тренды и вызовы : коллектив. моногр. / под общ. ред. Н. К. Шеметовой. М. : Дело, 2025. С. 74—81.

REFERENCES

1. Tatarkin A. I., Pilipenko E. V. The formation of the knowledge economy. *Nauka. Obshchestvo. Chelovek = Science. Society. Man. Information bulletin of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences publ., 2006:20—30. (In Russ.)
2. Bazhenov S. I. Knowledge economy as an institutional basis for the economy of high-tech industries. *Ekonomika vysokotekhnologichnykh proizvodstv = High-tech Enterprises Economy*. 2020;1(4):173—182. (In Russ.) DOI: 10.18334/evp.1.4.111215.
3. Trifonov V. A., Zenkina E. V., Kasyanova Yu. V. Knowledge Economy in the Regional and World Economy: Theory, Assessment Methods, Development Factors. *Beneficium*. 2025;1(54):68—79. (In Russ.)
4. Gorin E. A. Knowledge economy and new personnel for the industry. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2024;1(79):37—48. (In Russ.) DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-37-48
5. Bekbergeneva D. E. Approaches to the content and growth points of the knowledge economy in the digitalization of the regional economy. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Journal of Economy and Business*. 2020;3-1(61):27—29. (In Russ.)
6. Fedota A. A. Synergy of economics and pedagogy: investments in human capital as a foundation for sustainable development. *Molodoi uchenyi goda 2026 = Young scientist of 2026. Collection of articles of the XXII International research competition*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2026:67—70. (In Russ.)
7. Tkacheva Yu. G. Individual potential as an integral resource of a specialist: interdisciplinary analysis in the context of innovative economy. *Proceedings of the pool of scientific and practical conferences. VII International scientific and practical conference “Actual problems of engineering, technology and education”. X International scientific and practical conference; “Modern processes in food production and innovative technologies for ensuring food quality”. VII International scientific and practical conference “Modern trends in the integration of science, education and national farms”*. Kerch, Kerch State Maritime Technological University publ., 2026:1053—1056 (In Russ.)
8. Meso-economics of Russia: The Strategy of takeoff. Monograph. G. B. Kleiner (ed.). Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2022. 808 p (In Russ.)
9. Sharova K. I. Intellectual capital and artificial intelligence in the knowledge economy. *Proektnoe upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regiona = Project management of socio-economic development of the region. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University publ., 2025:284—288. (In Russ.)
10. Zhernov E. E. On the need to change the human model in the economic theory of the knowledge economy. *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami = Economics and innovation management*. 2024;3(30):4—13. (In Russ.) DOI: 10.26730/2587-5574-2024-3-4-13.

11. Markova E. V., Denisova T. V., Al-Darabseh A. M. F. Economy of knowledge as a key resource for forming public wealth. *Problemy i perspektivy ekonomicheskikh otnoshenii predpriyatii aviatsionnogo klastera = Problems and prospects of economic relations of enterprises of the aviation cluster. Collection of scientific papers of the IV All-Russian scientific conference*. Ulyanovsk, Ulyanovsk State Technical University publ., 2020:71—75. (In Russ.)
12. Nizamutdinov M. M., Oreshnikov V. V. Modeling and scenario forecasting of territorial system development at the municipal level: methodological and practical considerations. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2017;16(7):1204—1216. (In Russ.) DOI: 10.24891/ea.16.7.1204.
13. Lutsenko S. I. In a direction to knowledge economy. *Tsifrovaya ekonomika = Digital Economy*. 2021;3(15):70—75. (In Russ.) DOI: 10.34706/DE-2021-03-05.
14. Makhosheva S. A., Shardan S. K., Aloeveva A. A. The impact of the knowledge economy and intelligent environments on the competitiveness of the region. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*. 2024;241:459—468. (In Russ.) DOI: 10.14451/1.241.459.
15. Kaneva M. A., Untura G. A. Models for assessing the impact of the knowledge economy on economic growth and innovation in regions. V. I. Suslov (ed.). Novosibirsk, IEPP SB RAS publ., 2021. 256 p. (In Russ.)
16. Novikova K. A. Knowledge economy as a source for developing potential of a territory. *Molodezhnaya nauka Rossii: perezagruzka = Youth science in Russia: A Reboot. Proceedings of the XI All-Russian forum*. Ekaterinburg, Ural Institute – Branch of RANEPa publ., 2013;2:41—44. (In Russ.)
17. Novikova K. A. Human capital: a factor in developing the potential of a territory. *Razvitie regionov Rossii na sovremen-nom etape: osnovnye trendy i vyzovy = Development of Russian regions at the present stage: key trends and challenges. Collective monograph*. N. K. Shemetova (ed.). Moscow, Delo, 2025:74—81. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 07.04.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 338.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1616

Iuliia Viktorovna Prokhorova
Specialist,
Branch of RN-GRD LLC in Krasnoyarsk
Krasnoyarsk, Russian Federation
yu.prokhorova@mail.ru

Юлия Викторовна Прохорова
специалист,
Филиал ООО «РН-ГИР» в г. Красноярске
Красноярск, Российская Федерация
yu.prokhorova@mail.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье исследованы вопросы, связанные с современным развитием цифровой экономики в Российской Федерации, и рассмотрены ее этапы. Наибольшее внимание уделено национальному проекту «Экономика данных и цифровая трансформация государства», определяющему вектор развития страны до 2030 г. В рамках исследования были изучены девять федеральных проектов, входящих в состав национального проекта, проведен анализ каждого федерального проекта с точки зрения решаемых задач и финансового обеспечения их выполнения. Среди них были выявлены ключевые федеральные проекты, которые являются основой будущей цифровой сферы российского государства. Федеральный проект «Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”» дает возможность соединить в единую систему все элементы инфраструктуры национальной цифровой сферы. В свою очередь федеральный проект «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы» направлен на перевод значимых государственных и муниципальных услуг в электронную форму на основе Единого портала государственных услуг (Госуслуги). Федеральный проект «Цифровое государствен-

ное управление» направлен на повышение эффективности государственного управления и перевод взаимоотношений граждан и бизнеса с государством на бездокументарный оборот. Остальные федеральные проекты национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства», несмотря на их несомненную важность, являются поддерживающими. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о системном характере реализуемых мероприятий, направленных на формирование устойчивой цифровой инфраструктуры и повышение эффективности государственного управления. Реализация данных федеральных проектов способствует ускорению цифровой трансформации экономики Российской Федерации, а также созданию условий развития конкурентноспособной национальной экономики в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая трансформация государства, национальный проект, экономика данных, электронный бюджет, цифровая инфраструктура, государственное управление, цифровые платформы, государственные услуги, информационно-коммуникационные технологии

Для цитирования: Прохорова Ю. В. Цифровая трансформация государственного управления экономики Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 192—198. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1616.

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article explores issues and stages related to the current development of the digital economy in the Russian Federation. The research focuses on the national project “Data Economics and Digital Transformation of the state”, which defines the vector of the country’s development until 2030. As part of the research, nine federal projects included in the national project were studied. An analysis of each federal project was conducted in terms of the tasks to be solved and the financial support for their implementation. Among them, key federal projects were identified, which are the basis of the future digital sphere of the Russian state. The federal project “Infrastructure for access to the Internet Information and Telecommunications network” makes it possible to connect all elements of the infrastructure of the national digital sphere

into a single system. In turn, the federal project “Digital Platforms in the social sphere” is aimed at converting significant state and municipal services into electronic form based on the “Unified Portal of State Servicess” (Gosuslugi). The federal project “Digital Public Administration” is aimed at improving the efficiency of public administration and transferring the relationship between citizens and businesses with the state to a non-documentary turnover. The remaining federal projects of the national project “Data Economics and Digital Transformation of the state”, despite their undoubted importance, are supportive. The conducted analysis allows us to conclude that the implemented measures have a systemic nature and are aimed at developing a sustainable digital infrastructure and improving the efficiency of public administration. The implementation

of these federal projects contributes to accelerating the digital transformation of the Russian economy, as well as to creating conditions for the development of a competitive national economy in the long term.

For citation: Prokhorova I. V. Digital transformation of public administration of the economy of the Russian Federation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):192—198. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1616.

Введение

Актуальность. В настоящее время одной из основных движущих сил развития любой национальной экономики выступает ее цифровая сфера. Именно в ней применяются новые и новейшие технологии, в т. ч. когнитивные, анализа больших данных, облачные технологии, технологии распределенных реестров, роботизации процессов и т. д.

Благодаря их применению происходит определенная цифровая трансформация социально-экономических отношений в Российской Федерации. Более тесным становится взаимодействие между государством, населением и предпринимательскими кругами. Всё это в целом сказывается на эффективности и динамики экономического развития страны.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на значительные успехи, перед Россией стоят серьезные вызовы, связанные с неравномерностью проникновения цифровых технологий, дефицитом кадров, устаревшей технической базой и недостаточной компетенцией госслужащих. Без глубокой и системной трансформации государственного управления, основанной на новейших цифровых технологиях, обеспечить конкурентоспособность российской экономики на мировом уровне невозможно. В этих условиях изучение особенностей и закономерностей цифровой трансформации управления российской экономики становится особо актуальным и значимым.

Изученность проблемы. Вопросам цифровой трансформации государственного управления в Российской Федерации посвящены исследования ряда российских ученых. Среди них интерес в контексте рассматриваемой статьи представляют научные исследования таких исследователей, как В. В. Прохоров [1], Е. В. Потапцева [2], Е. В. Александрова [3], П. Б. Рудник [4], А. М. Петров [5], А. В. Демидов [6] и др. Среди зарубежных ученых можно выделить С. Чаниас [7], М. А. Али [8], Ц. Дин [9], С. Надкарни [10], Ц. Чжэн [11], П. М. Бикан [12] и др.

Данные специалисты рассматривали проблемы и перспективы развития цифровой трансформации экономики и государственного управления, в т. ч. за счет использования искусственного интеллекта. Они дают возможность несколько по-иному посмотреть на происходящие в государстве процессы, связанные с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Цифровая трансформация в Российской Федерации обеспечивается в первую очередь интересами самого государства. Именно оно во многом определяет приоритеты, связанные с использованием различных цифровых технологий для развития национальной экономики. Поэтому цель настоящего исследования заключается в изучении и выявлении особенностей цифровой трансформации государственного управления Российской Федерацией, а также влияние цифровых технологий на социально-экономические отношения в стране.

Задачи исследования: провести анализ основных направлений цифровой трансформации российской экономики, в т. ч. в рамках федеральных проектов (далее так-

Keywords: *digital economy, digital transformation of the state, national project, data economy, electronic budget, digital infrastructure, public administration, digital platforms, public services, information and communication technologies*

же — ФП) национальных проектов (далее также — НП) «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Научная новизна. Составлена периодизация этапов развития цифровой экономики Российской Федерации. Показана взаимосвязь и перераспределения задач между национальными проектами «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства».

Теоретическая значимость исследования состоит в определении возможных перспективных направлениях цифровой трансформации государственного управления и экономики в России.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в планировании деятельности государственных органов и юридических лиц.

Методологии исследования: сравнительный анализ, исторический анализ, институциональный анализ.

Основная часть

Автором исследована эффективность применения цифрового рубля при проведении бюджетных расчетов, что позволяет их осуществлять, минуя сеть коммерческих банков. Всё это позволяет уменьшить бюджетные издержки.

Этапы цифровой трансформации экономики Российской Федерации. Необходимо отметить, что в Российской Федерации работы по формированию экономики нового типа и внедрению в хозяйственный оборот цифровых технологий начались с начала текущего столетия. На протяжении всего этого периода в Российской Федерации принимались различные программные документы, которые стали определенными этапами развития цифровой экономики (рис. 1).

Началом такого развития стало принятие Постановления Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе “Электронная Россия (2002—2010 годы)”». В нем была поставлена задача по ускорению информационного обмена в экономике и обществе, в т. ч. между гражданами и органами государственной власти [1; 2].

Новым этапом развития российской цифровой экономики стало принятие в 2008 г. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации. В ней за счет использования информационных и телекоммуникационных технологий ставилась цель повысить эффективность государственного управления, что должно было сказаться на росте экономико-социального потенциала государства [1; 3].

В 2010 г. в дополнение к данной стратегии в Российской Федерации была принята государственная программа «Информационное общество (2011—2020 годы)», что стало следующим этапом развития цифровой экономики в стране. В ней были поставлены цели по обеспечению роста экономического потенциала Российской Федерации за счет использования всё тех же информационных и телекоммуникационных технологий [13].

Рис. 1. Этапы развития цифровой экономики Российской Федерации
(сост. автором по материалам исследования)

Одним из значимых этапов развития российской цифровой экономики стал 2017 г., когда были приняты два важных взаимосвязанных нормативных документа — Указ Президента РФ от 9 мая № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030» и Распоряжение Правительства РФ от 28 июля № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

В первом документе были поставлены задачи по формированию в стране цифровой экономики на основе общества знаний, которые позволят реализовывать интересы государства на новой технологической основе. Во втором документе был определен механизм реализации этих интересов. В качестве основного механизма реализации данных интересов было выбрано использование цифровых платформ [1; 4; 13].

Следующие этапы развития цифровой экономики в России связаны с использованием национальных проектов.

Первый национальный проект в качестве отдельного нормативного документа был принят в 2019 г. Им стала национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Изначально в ее состав вошли шесть федеральных проектов. В последующем национальная программа пополнилась еще тремя новыми федеральными проектами, которые были направлены на более широкое использование искусственного интеллекта в стране, обеспечении доступа в сеть Интернет путем развития спутниковой связи и подготовки кадрового потенциала в сфере информационных технологий [5; 6].

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» официально действовала до 31 декабря 2024 г. и в целом ее реализация была оценена положительно. В частности, свыше 3 500 информационно-технологических предприятий получили различные виды государственной поддержки (гранты, льготные кредиты и т. д.) [5; 6; 14].

С января 2025 г. в России действует новый НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства», его главной заявленной целью является перевод государственного (муниципального) управления, в т. ч. социальной сферы государства, на цифровые технологии [6; 15; 16].

Национальный проект состоит из девяти федеральных проектов, которые направлены на создание условий эффективного развития национальной цифровой экономики. При этом необходимо отметить, что новые федеральные проекты являются продолжением федеральных проектов предыдущего национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации».

При этом наблюдается не прямая правопреемственность, а определенное перераспределение задач. Такое перераспределение произошло за счет уточнения задач старых федеральных проектов, что и позволило их перераспределить. Это перераспределение показано на рис. 2. Например, задачи ФП «Информационная инфраструктура» были перераспределены в новом национальном проекте среди ФП «Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет», ФП «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы», ФП «Инфраструктура кибербезопасности».

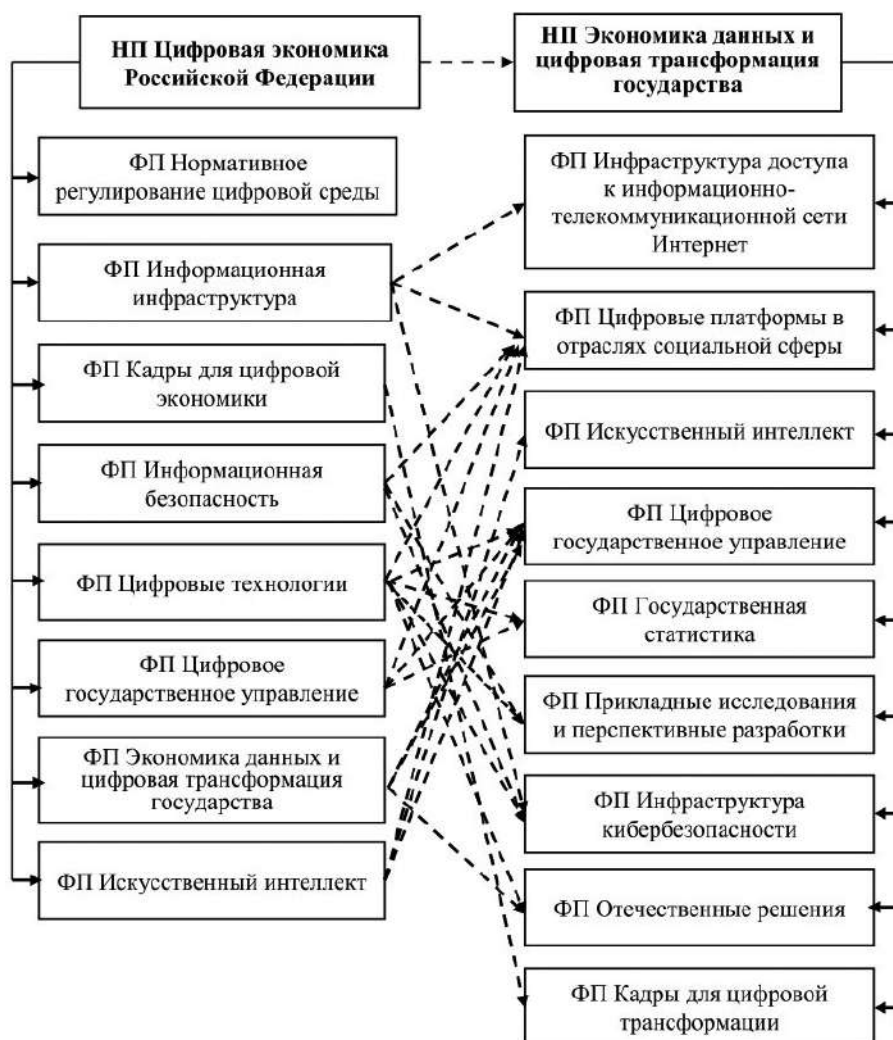

Рис. 2. Взаимосвязь и перераспределения задач между федеральными проектами НП «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (сост. автором по материалам исследования)

Федеральные программы и их обсуждение. Одним из ключевых в НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» является ФП «Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Реализация данного проекта позволит соединить воедино все элементы инфраструктуры отечественной цифровой экономики.

Благодаря данному федеральному проекту будут дополнительно введено в эксплуатацию до 11 тыс. км оптоволоконных линий, позволяющих информационно надежно соединить с федеральным центром наиболее отдаленные от него субъекты федерации. В дополнение к этому к 2030 г. планируется сформировать низкоорбитальную группировку спутников (292 спутника) также для обеспечения высокоскоростного доступа к сети «Интернет» [6; 15; 16].

Для повышения эффективности государственного управления в рамках НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» реализуется и другой ФП «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы». Он направлен на перевод значимых государственных и муниципальных услуг в электронную форму на основе Единого портала государственных слуг (Госуслуги) [1; 6].

В рамках проекта рассматривается возможность перевода до тысячи шестисот таких услуг на такие государственные платформы, как «Умный город», «Моя школа»,

«Безопасная среда» и т. д. На этих платформах за счет использования искусственного интеллекта государство планирует более эффективно оказывать населению страны конкретные социальные услуги с максимальной кибербезопасностью [15; 16].

ФП «Искусственный интеллект», также входящий в рассматриваемый национальный проект, является поддерживающим. Он направлен на использование технологий искусственного интеллекта во всех сферах цифровой экономики, в т. ч. в системе государственного управления. В проекте предполагается использование искусственного интеллекта при обращениях граждан и предпринимателей на государственные цифровые платформы. При этом сами услуги государством будут оказываться в проактивном режиме с использованием принципа «жизненных ситуаций», т. е. без необходимости посещения госорганов и заполнения там различных заявлений. Уже в самое ближайшее время предполагается перевод не менее 100 государственных услуг в такой режим действия [17; 18].

ФП «Цифровое государственное управление», входящий в рассматриваемый национальный проект, также направлен на повышение эффективности государственного управления. Он предполагает проведение на всех уровнях государственной власти сквозной цифровизации, т. е. типовые решения будут проводиться в цифровой форме.

Для этого к 2030 г. планируется довести количество пользователей, имеющих мобильную электронную подпись, до 80 млн [1; 19].

В результате в системе государственного управления произойдет переход к безбумажному документообороту. Это не только ускорит прохождение необходимых согласований, где порой приходится для получения одного необходимого разрешения обращаться в десятки различных органов государственной и муниципальной власти, но и позволит снизить общие затраты для юридических и физических лиц. Одновременно с этим уйдет в прошлое и имеющаяся там коррупционная составляющая.

На повышение качества государственного управления направлен и ФП «Государственная статистика», ориентированный на разработку и запуск государственной информационной системы «Цифровая аналитическая платформа предоставления статистических данных» (ГИС ЦАП), что позволит отказаться от существующих порой избыточных для государства информационных систем [1].

Использование государственных цифровых платформ и других элементов инфраструктуры цифровой экономики, конечно, требуют соответствующей технико-технологической базы. Поэтому в НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» имеется ФП «Прикладные исследования и перспективные разработки».

В проекте рассматриваются мероприятия по совершенствованию в стране квантовых и телекоммуникационных технологий. В частности, рассматривается возможность повышение мощности компьютеров более чем в 6 раз за счет использования квантовых технологий. Их использование позволит применять в телекоммуникационных отечественных сетях стандарт 6G, а также даст основу более эффективной борьбы с различными киберпреступлениями. Данный федеральный проект реализуется на принципах государственно-частного партнерства [15; 17].

ФП «Прикладные исследования и перспективные разработки» тесно связан с другим ФП «Инфраструктура кибербезопасности», который также входит в состав НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Его основной целью является защита как государственных, так и корпоративных информационных систем, а также пресечение противоправных действий по отношению к российским гражданам [15; 17].

Всё это в целом даст возможность гражданам и юридическим лицам снизить затраты на защиту от киберпреступлений, а также снизить прямые финансовые потери, вызванные этими преступлениями. При этом снизятся и государственные затраты на проведение расследований по данным киберпреступлениям и поиску виновных, что является немаловажным фактом в данных реалиях.

В НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» уделено внимание и импортозамещению в сфере цифровой экономики. Для этого в ее рамках действует ФП «Отечественные решения», который реализуется на принципах государственно-частного партнерства.

В соответствии с целями данного федерального проекта планируется перевод на российское программное обеспечение государственных и муниципальных органов власти, а также предприятий в отраслях экономики, контролируемых государством. Так, на начало 2025 г. доля российского программного обеспечения (операционная система, пакеты офисных программ и т. д.), используемого в деятельности органов государственной власти в федеральных субъектах

в целом, составляла 66,11 %. В рамках данного федерального проекта планируется данный показатель увеличить к концу его реализации до 100 %.

В свою очередь, к 2030 г. доля российского программного обеспечения на предприятиях, контролируемых государством должна составлять не менее 95 %. Оставшиеся 5 % пока рассматриваются как шлюзы для информационного контакта с организациями, не являющимися резидентами нашей страны. В то же время планируются, что не менее 239 IT-решений должно быть переведено на отечественные аналоги. Кроме того, в проекте уделено внимание импортозамещению технологического оборудования мобильной связи. Планируется базовые станции стандарта 4G и 5G изготавливать в Российской Федерации, а также использовать на этих станциях отечественное программное обеспечение [6].

ФП «Отечественные решения» в целом направлен на обеспечение безопасности деятельности как исполнительных органов власти, так и значимых для государства отраслей экономики. Весьма велика вероятность наличия в зарубежном программном обеспечении, используемом в значимых отраслях экономики (энергетики, атомной промышленности и т. д.), т. н. «закладок», которые собирают и передают своим владельцам закрытую статистическую информацию. При этом в некоторых случаях они могут выдавать и вредоносные команды на остановку или на запуск тех или иных технологических процессов, которые могут привести к появлению чрезвычайных ситуаций. Такие примеры в российской действительности уже имеются.

Завершающим в НП «Экономика данных и цифровая трансформация государства» является ФП «Кадры для цифровой трансформации». В данном проекте планируется на образовательных платформах провести обучение до 450 тыс. студентов колледжей и школьников по программированию с использованием *Python*, *Java* и других языков программирования, а также по робототехнике, использованию искусственного интеллекта и т. д.

Также планируется организовать в вузах практико-ориентированное обучение для 20 тыс. студентов, что позволит им работать в IT-компаниях. Кроме того, это обеспечит кадровым составом другие федеральные проекты в рамках рассматриваемого национального проекта [1; 6].

В целом при столь значительных затратах по данному национальному проекту российское правительство планирует получить достаточно значимый экономический эффект. Ожидается, что за счет широкого использования передовых цифровых технологий к 2030 г. ежегодный ВВП в стране дополнительно вырастет на более чем на 11,2 трлн руб. [3].

Финансовый аспект цифровой трансформации. В реализуемом национальном проекте «Экономика данных и цифровая трансформация государства» одной из основных целей является повышение эффективности и качества государственного и муниципального управления за счет применения новейших и новых цифровых технологий. Как уже было сказано, эффективность и качество данного управления строится на ряде основных постулатов, часть которых описана в национальном проекте, а другая часть постулатов не описана, но они подразумеваются.

К описанным относится, в числе прочего, широкий доступ всех основных акторов страны в сеть «Интернет», использование цифровых платформ, действующих на технологиях искусственного интеллекта, переход на цифровой документооборот, использование сверхмощных квантовых компьютеров, позволяющих обеспечить обработку большого массива

данных с одновременной защитой этой информации, переход на российский программное обеспечение, кадровое обеспечение реализации всех федеральных проектов и т. д.

К неописанным постулатам можно отнести изменения в финансовой сфере рассматриваемых процессов. Это связано с тем, что проводимая цифровизация коснется в первую очередь национальной финансовой системы, в т. ч. отечественной бюджетной системы. Одним из основных реализуемых в настоящее время проектов в данной сфере является так называемый «Электронный бюджет», который реализуется Федеральным казначейством с декабря 2011 г. [6; 18].

Применение «Электронного бюджета» позволяет, во-первых, автоматизировать стандартные бюджетные процессы переводя их в цифровой документооборот, что приведет к серьезному уменьшению административных расходов. Во-вторых, проводимая цифровизация улучшит качество собираемой информации, что скажется на точности прогнозов бюджетных показателей и проведении более эффективной бюджетной политики. В-третьих, за счет точности прогнозов бюджетных показателей появится возможность эффективно планировать бюджетные расходы. В-четвертых, за счет прозрачности и подотчетности финансовых потоков позволит ускорить процессы формирования, исполнения и контроля бюджета на всех его уровнях и т. д.

Заключение

Положительные изменения в государственном управлении будут более всего эффективней в случае, если они будут строиться на использовании цифровой трансформации эко-

номики. И это связано с рядом факторов. Во-первых, с его помощью государство получит возможность проводить все бюджетные расчеты фактически мгновенно, в т. ч. прием платежей, перечислять в рамках бюджетной системы денежные средства в пользу физических и юридических лиц и т. д. Во-вторых, это позволит усовершенствовать правовую основу государственного управления за счет внедрения электронного документооборота, унификации процедур и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на населения и бизнеса. В-третьих, использование цифровых технологий способствует повышению эффективности контроля и надзора, снижению административных барьеров и минимизации коррупционных рисков.

В заключение можно сказать, что цифровая трансформация экономики государства в значительной степени улучшит не только эффективность государственного (муниципального) управления в Российской Федерации. Она позволит перейти на новый уровень государственного (муниципального) стратегического планирования за счет качественного повышения прогнозирования, последующего планирования и мониторинга за процессами, происходящими в экономике государства.

Вместе с вышеуказанными аспектами успешная трансформация требует решения ряда сопутствующих задач, включая обеспечение высокого уровня кибербезопасности, развитие нормативно-правовой базы, подготовку квалифицированных кадров и снижение цифрового неравенства. Без учета данных факторов цифровая трансформация экономики может носить фрагментарный характер и не привести к достижению запланированных социально-экономических результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Прохоров В. В. Цифровая экономика России: от информационного обмена до трансформации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2025. № 4(38). С. 103—112.
2. Потапцева Е. В., Брянцева О. С. Промышленное развитие в России: движение в цифровую экономику // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2022. № 4(54). С. 53—62.
3. Alexandrova E., Poddubnaya M., Shalenaya K., Savvidi S. Opportunities of the Digital Economy for Achieving Competitive Advantage of Firms // Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019). Atlantis Press, 2019. Pp. 69—73. (Advances in Economics, Business and Management Research; vol. 110). DOI: 10.2991/aebmr.k.191225.013.
4. Цифровая трансформация: эффекты и риски в новых условиях / рук. авт. кол. П. Б. Рудник, Т. С. Зинина; под ред. И. Р. Агамирзяна, Л. М. Гохберга, Т. С. Зининой, П. Б. Рудника. М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 156 с.
5. Петров А. М., Марков В. А. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»: от концепции к реализации // Экономические науки. 2024. № 10(239). С. 175—186. DOI: 10.14451/1.239.175.
6. Демидов А. В. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» как инструмент укрепления цифрового суверенитета России // Наукосфера. 2024. № 4-2. С. 357—360. DOI: 10.5281/zenodo.11059253.
7. Chanas S., Myers M. D., Hess T. Digital transformation strategy making in pre-digital organizations: The case of a financial services provider // The Journal of Strategic Information Systems. 2019. Vol. 28. Iss. 1. Pp. 17—33. DOI: 10.1016/j.jsis.2018.11.003.
8. Ali M. A., Hoque M. R., Alam K. An Empirical Investigation of the Relationship Between e-Government Development and the Digital Economy: The Case of Asian Countries // Journal of Knowledge Management. 2018. Vol. 22. Iss. 5. Pp. 1176—1200. DOI: 10.1108/JKM-10-2017-0477.
9. Ding C., Liu C., Zheng C., Li F. Digital Economy, Technological Innovation and High-Quality Economic Development: Based on Spatial Effect and Mediation Effect // Sustainability. 2022. Vol. 14. Iss. 1. Art. 216. DOI: 10.3390/su14010216.
10. Nadkarni S., Prügl R. Digital transformation: a review, synthesis and opportunities for future research // Management Review Quarterly. 2021. Vol. 71. Iss. 1. Pp. 233—341. DOI: 10.1007/s11301-020-00185-7.
11. Чжан С. Цифровая трансформация как драйвер высококачественного развития региональной экономики: сравнительный анализ опыта Китая и России // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 3. С. 149—159.
12. Bican P. M., Brem A. Digital Business Model, Digital Transformation, Digital Entrepreneurship: Is There A Sustainable “Digital”? // Sustainability. 2020. Vol. 12. Iss. 13. Art. 5239. DOI: 10.3390/su12135239.
13. Prokhorov V., Rozhnov I., Maslova O. Digital Platform Economy in Russia // Hybrid Methods for Modeling and Optimizing Complex Systems (HMMOCS 2024). Advances in Interdisciplinary Approaches for Complex Problem Solving : Conference proceeding / eds. P. S. Stanimirović, S. D. Mourtas, J. K. Sahoo. Cham : Springer, 2025. Pp. 219—231. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 1481). DOI: 10.1007/978-3-031-95649-2_19.
14. Prokhorov V., Rozhnov I., Kazakovtsev L. Predictive model of the potential for the use of public-private partnership mechanisms // ITM Web of Conferences. 2025. Vol. 72. Art. 03009. DOI: 10.1051/itmconf/20257203009.

15. Белова С. Н., Владимирова О. Н., Гришмановский Д. Ю. Электронный бюджет в системе стратегического планирования и обеспечения экономической безопасности // *Экономическая безопасность*. 2023. Т. 6. № 3. С. 1175—1194. DOI: 10.18334/ecsec.6.3.118635.
16. Торба А. И. Цифровизация как фактор эффективности стратегий регионального развития // *Первый экономический журнал*. 2025. № 7(361). С. 103—111.
17. Миролюбова Т. В., Николаев Р. С. Цифровая экономика и цифровая трансформация региональной экономики: измерение и особенности // *Вестник Пермского университета. Серия: Экономика*. 2024. Т. 19. № 3. С. 340—354. DOI: 10.17072/1994-9960-2024-3-340-354.
18. Бахтизин А. Р. Геоэкономическая фрагментация в условиях развития цифровизации: формирование новых контуров макроэкономической системы мира и устойчивость России в условиях санкционных атак // *Исследования в цифровой экономике*. 2023. Т. 1. № 4. С. 6—47. DOI: 10.24833/14511791-2023-4-6-47.
19. Mukhtorovna N. D. Importance of Foreign Investments in the Development of the Digital Economy // *ResearchJet Journal of Analysis and Inventions*. 2021. Vol. 2. Iss. 4. Pp. 219—224.

REFERENCES

1. Prohorov V. Russia's digital economy: from information exchange to transformation. *Sotsial'no-ekonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU = Social and economic and humanitarian magazine of Krasnoyarsk SAU*. 2025;4(38):103—112. (In Russ.)
2. Potapitseva E. V., Bryantseva O. S. Industrial development in Russia: moving into the digital economics. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya "Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom" = News of higher educational institutions. Series "Economy, finance and production management"*. 2022;4(54):53—62. (In Russ.)
3. Alexandrova E., Poddubnaya M., Shalenaya K., Savvidi S. Opportunities of the Digital Economy for Achieving Competitive Advantage of Firms. *Proceedings of the 5th International Conference on Economics, Management, Law and Education (EMLE 2019)*. Advances in Economics, Business and Management Research; vol. 110. Atlantis Press, 2019:69—73. DOI: 10.2991/aebmr.k.191225.013.
4. Digital Transformation: Effects and Risks in New Conditions. P. Rudnik & T. Zinina (coords.). I. Agamirzian, L. Gokhberg, T. Zinina, P. Rudnik (eds.). Moscow, ISSEK HSE publ., 2024. 156 p. (In Russ.)
5. Petrov A. M., Markov V. A. National project "data economy and digital transformation of the state": from concept to implementation. *Ekonomicheskie nauki = Economic sciences*. 2024;10(239):175—186. (In Russ.) DOI: 10.14451/1.239.175
6. Demidov A. V. The National Project "Data Economy and Digital Transformation of the State" as a tool to strengthen Russia's digital sovereignty. *Naukosfera*. 2024;4-2:357—360. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.11059253.
7. Chanas S., Myers M. D., Hess T. Digital transformation strategy making in pre-digital organizations: The case of a financial services provider. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2019;28(1):17—33. DOI: 10.1016/j.jsis.2018.11.003.
8. Ali M. A., Hoque M. R., Alam K. An empirical investigation of the relationship between e-government development and the digital economy: the case of Asian countries. *Journal of Knowledge Management*. 2018;22(5):1176—1200. DOI: 10.1108/JKM-10-2017-0477.
9. Ding C., Liu C., Zheng C., Li F. Digital Economy, Technological Innovation and High-Quality Economic Development: Based on Spatial Effect and Mediation Effect. *Sustainability*. 2022;14(1):216. DOI: 10.3390/su14010216.
10. Nadkarni S., Prügl R. Digital transformation: a review, synthesis and opportunities for future research. *Management Review Quarterly*. 2021;71(1):233—341. DOI: 10.1007/s11301-020-00185-7.
11. Zhang X. Digital transformation as a driver of high-quality development of regional economy: a comparative analysis of China and Russia's experience. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic development of Russia*. 2025;32(3):149—159. (In Russ.)
12. Bican P. M., Brem A. Digital Business Model, Digital Transformation, Digital Entrepreneurship: Is There A Sustainable "Digital"? *Sustainability*. 2020;12(13):5239. DOI: 10.3390/su12135239.
13. Prokhorov V., Rozhnov I., Maslova O. Digital Platform Economy in Russia. *Hybrid Methods for Modeling and Optimizing Complex Systems (HMMOCS 2024)*. Advances in Interdisciplinary Approaches for Complex Problem Solving. Conference proceeding. P. S. Stanimirović, S. D. Mourtas, J. K. Sahoo (eds.). Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 1481. Cham, Springer, 2025:219—231. DOI: 10.1007/978-3-031-95649-2_19.
14. Prokhorov V., Rozhnov I., Kazakovtsev L. Predictive model of the potential for the use of public-private partnership mechanisms. *ITM Web of Conferences*. 2025;72:03009. DOI: 10.1051/itmconf/20257203009.
15. Belova S. N., Vladimirova O. N., Grishmanovskiy D. Y. Electronic budget in the system of strategic planning and economic security. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2023;6(3):1175—1194. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.6.3.118635.
16. Torba A. I. Digitalization as a factor in the effectiveness of regional development strategies. *Pervyi ekonomicheskii zhurnal = The first economic journal*. 2025;7(361):103—111. (In Russ.)
17. Mirolyubova T. V., Nikolaev R. S. Digital economy and digital transformation of regional economy: assessment and features. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Ekonomika» = Perm University Herald. Economy*. 2024;19(3):340—354. (In Russ.) DOI: 10.17072/1994-9960-2024-3-340-354.
18. Bakhtizin A. R. Geo-Economic Fragmentation in the Context of Digitalization: Formation of New Contours of the World's Macroeconomic System and Russia's Sustainability Under Sanctions Attacks. *Issledovaniya v tsifrovoi ekonomike = Journal of Digital Economy Research*. 2023;1(4):6—47. DOI: 10.24833/14511791-2023-4-6-47.
19. Mukhtorovna N. D. Importance of Foreign Investments in the Development of the Digital Economy. *ResearchJet Journal of Analysis and Inventions*. 2021;2(4):219—224.

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

5.1. ПРАВО

5.1. LAW

Научная статья

УДК 340.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1587

Elena Valeryevna Saveleva

Applicant of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
scientific specialty
5.1.2 — Public law
(state-legal) sciences,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
lenasavelieva19461@gmail.com

Zufar Faatovich Khusainov

Doctor of Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
Zufar.Hysainov@ksu.ru

Елена Валерьевна Савельева

соискатель кафедры конституционного
и административного права,
научная специальность
5.1.2 — Публично-правовые
(государственно-правовые) науки,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
lenasavelieva19461@gmail.com

Зуфар Фаатович Хусаинов

д-р юрид. наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
Zufar.Hysainov@ksu.ru

СТЕЙБЛКОИНЫ КАК ОБЪЕКТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ПРАВЕ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье проводится сравнительно-правовой анализ проблем квалификации стейблкоинов как объекта налогообложения в Российской Федерации и ведущих зарубежных юрисдикциях (США, Европейский Союз, Сингапур, Китай) в условиях подготовки специального регулирования криптоактивов с 1 июля 2026 г. Рассматривается правовая природа стейблкоинов как гибридного объекта, сочетающего признаки стабильного средства платежа и инвестиционного инструмента, в свете норм ст. 141¹ Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В российском праве стейблкоины пока подпадают под общие правила о цифровой валюте или цифровых финансовых активах, что порождает коллизии при исчислении налога на доходы физических лиц (курсовые разницы, обмен, погашение), налога на прибыль организаций и налога на добавленную стоимость. Отсутствие специальных норм в Налоговом кодексе РФ приводит к рискам двойного налогообложения, неопределенности момента возникновения обязательства и недостаточной защите участников трансграничных расчетов в условиях внешнеэкономических ограничений.

Сравнение с зарубежным опытом показывает: в США стейблкоины квалифицируются как имущество с налогом на прирост капитала и строгой отчетностью; в Европейском Союзе введены унифицированные требования к резервам и автоматический обмен данными; в Сингапуре отсутствует налог на прирост капитала для физлиц; в Китае частные стейблкоины запрещены в пользу государственного e-CNY.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о необходимости выделения стейблкоинов в отдельную категорию с особым налоговым режимом. Рекомендации направлены на внесение в Налоговый кодекс РФ специальных норм: отдельной статьи о стейблкоинах, льгот по налогу на доходы физических лиц и налогу на добавленную стоимость при платежном использовании, механизма зачета иностранного налога и реестра регулируемых токенов. Предложенные меры позволят устранить риски двойного налогообложения, повысить налоговую определенность и стимулировать легальное применение стейблкоинов в трансграничных операциях.

Ключевые слова: стейблкоины, объект налогообложения, цифровая валюта, налоговое право, Налоговый кодекс РФ, MiCA, GENIUS Act, цифровой юань, налоговый режим, сравнительно-правовой анализ, специальное регулирование криптоактивов

Для цитирования: Савельева Е. В., Хусаинов З. Ф. Стейблкоины как объект налогообложения: проблемы квалификации в российском и зарубежном праве // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 199—204. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1587.

Original article

STABLECOINS AS AN OBJECT OF TAXATION:
PROBLEMS OF QUALIFICATION IN RUSSIAN AND FOREIGN LAW

5.1.3 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The article conducts a comparative legal analysis of the problems of qualifying stablecoins as an object of taxation in the Russian Federation and leading foreign jurisdictions (USA, EU, Singapore, China) in the context of the preparation of special regulation of crypto-assets effective from July 1, 2026. The legal nature of stablecoins is examined as a hybrid object combining features of a stable means of payment and an investment instrument, in light of the provisions of Article 141¹ of the Civil Code of the Russian Federation and Federal Law No. 259-FZ.

Under Russian law, stablecoins currently fall under the general rules applicable to digital currency or digital financial assets, giving rise to conflicts in the calculation of personal income tax (exchange rate differences, exchange, redemption), corporate profit tax, and VAT. The absence of special provisions in the Tax Code of the Russian Federation leads to risks of double taxation, uncertainty regarding the moment of tax liability, and insufficient protection for participants in cross-border settlements under conditions of foreign economic restrictions. A comparison with foreign experience shows that

in the USA, stablecoins are classified as property subject to capital gains tax and strict reporting requirements; in the EU, unified reserve requirements and automatic data exchange have been introduced; in Singapore, there is no capital gains tax for individuals; in China, private stablecoins are banned in favor of the state digital yuan (e-CNY).

The research results confirm the hypothesis on the need to single out stablecoins as a separate category with a special tax regime. Recommendations are aimed at introducing special provisions into the Tax Code of the Russian Federation: a separate article on stablecoins, tax benefits for personal income tax and VAT in payment use, a mechanism for crediting foreign tax, and a register of regulated tokens. The proposed measures will eliminate the risks of double taxation, increase tax certainty, and stimulate the legal use of stablecoins in cross-border transactions.

Keywords: stablecoins, object of taxation, digital currency, tax law, Tax Code of the Russian Federation, MiCA, GENIUS Act, digital yuan, tax regime, comparative legal analysis, special regulation of crypto-assets

For citation: Saveleva E. V., Khusainov Z. F. Stablecoins as an object of taxation: problems of qualification in Russian and foreign law. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):199—204. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1587.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что в эпоху ускоренной цифровизации глобальных финансовых отношений стейблкоины превратились в один из ключевых инструментов цифровой экономики, обеспечивая стабильность расчетов в условиях волатильности крипторынка.

Критически важным фактором является подготовка законодательной базы по регулированию криптовалют и стейблкоинов: согласно Концепции Банка России (декабрь 2025 г.) и заявлениям Минфина России (март 2026 г.), основное регулирование должно заработать с 1 июля 2026 г., а стейблкоины планируется выделить в отдельную категорию с возможным специальным режимом (в т. ч. для трансграничных платежей). Минфин России прямо указывает на необходимость отдельного регулирования стейблкоинов как «отдельного явления», что может существенно повлиять на их налоговый статус уже в ближайшие месяцы.

Изученность проблемы. Вопросы налогообложения криптоактивов, включая стейблкоины, активно разрабатываются в современной российской доктрине, однако комплексных исследований, посвященных именно налоговой квалификации стейблкоинов как отдельного объекта, по-прежнему недостаточно.

Так, С. А. Грошев анализирует соотношение понятий «цифровая валюта» и «стейблкоин» для целей налогового регулирования, подчеркивая налоговые последствия операций с такими активами и отсутствие специальных норм в Налоговом кодексе (далее — НК) РФ [1]. В другой работе тот же автор исследует налогово-правовые аспекты обращения обеспеченного рублем стейблкоина A745 как иностранного цифрового права, квалифицируемого в России в качестве цифрового финансового актива (далее — ЦФА), и приходит к выводу о недостаточной разработанности их налогового режима [2].

М. Р. Пинская рассматривает концептуальные сценарии налогообложения криптодоходов и обосновывает целесообразность отложенного признания объекта [3]. Ю. В. Малкова и А. В. Тихонова проводят анализ налогообложения криптовалюты и цифровых активов с учетом российского и зарубежного опыта [4]. В. А. Кинсбургская изучает новации и перспективы правового регулирования налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой в России [5].

Е. Г. Васильева и Д. М. Фриж анализируют проблемы и перспективы налогообложения цифровых финансовых активов в России, акцентируя внимание на нормативно-правовой базе и пробелах [6]. А. А. Валова осуществляет сравнительно-правовой анализ подходов к налогообложению операций с криптоактивами в России и зарубежных странах [7]. Д. Р. Мирзикаева сравнивает налогообложение криптовалюты в России и других юрисдикциях [8].

Н. Г. Забродская исследует эволюцию денежных средств до цифровых валют и особенности их налогообложения [9]. Р. О. Мустафин рассматривает взаимодействие криптовалют и налоговых систем в условиях глобальных вызовов [10]. М. В. Кудрявцев анализирует проблемы регулирования рынка криптовалют в России и других странах с акцентом на налоговые меры [11].

И. Д. Аникина изучает новации в налогообложении цифровых активов и цифровых валют, отмечая положительные тенденции и сохраняющиеся проблемы, включая отсутствие практики налоговых споров и методических рекомендаций [12]. Т. С. Селиутина обсуждает институциональные ограничения и вызовы налогообложения цифровых платформ и активов в России [13]. С. Т. Жадамбаева исследует налогообложение криптовалютных операций в России, подчеркивая специфику квалификации и пробелы в регулировании [14]. М. А. Егорова

с соавторами проводят исследование правовых проблем выпуска и обращения криптовалют на блокчейне для целей налогообложения [15].

Несмотря на значительное количество работ, посвященных отдельным аспектам налогообложения криптоактивов и цифровой валюты, комплексного исследования именно стейблкоинов как объекта налогообложения с учетом их специфики (стабильность курса, использование в трансграничных расчетах, квалификация как ЦФА или цифровой валюты) и сравнения с зарубежными подходами до настоящего времени не проводилось, что и определяет научную новизну настоящей работы.

Целесообразность разработки темы обусловлена высокой социальной и экономической значимостью стейблкоинов как ключевого инструмента цифровых расчетов, трансграничных платежей и обхода внешнеэкономических ограничений в Российской Федерации. Стейблкоины активно используются российскими компаниями для международных расчетов, замещая традиционные банковские каналы и обеспечивая стабильность внешнеторговых операций на десятки миллиардов долларов ежегодно. Отсутствие специального налогового режима в НК РФ порождает многочисленные коллизии при квалификации стейблкоинов (цифровая валюта, имущество или ЦФА), приводит к рискам двойного налогообложения, неопределенности для бизнеса и физических лиц, а также создает почву для налоговых споров и штрафов.

Цель исследования — провести сравнительно-правовой анализ проблем квалификации стейблкоинов как объекта налогообложения в Российской Федерации и ведущих зарубежных юрисдикциях [Соединенные Штаты Америки (далее — США), Европейский Союз (далее — ЕС), Сингапур, Китай] с выявлением коллизий и пробелов в действующем НК РФ, а также разработать предложения по совершенствованию норм НК РФ.

Для достижения обозначенной цели определены следующие **задачи**:

- выявить понятие, правовую природу и виды стейблкоинов в российском законодательстве;
- проанализировать режим налогообложения операций со стейблкоинами в России и выявить коллизии;
- изучить зарубежный опыт налогообложения стейблкоинов в США, ЕС, Сингапуре и Китае;
- провести сравнительно-правовой анализ подходов России и зарубежных юрисдикций;
- сформулировать предложения по совершенствованию НК РФ в части налогообложения стейблкоинов.

Научная новизна исследования заключается в первом комплексном сравнительно-правовом анализе проблем квалификации стейблкоинов именно как объекта налогообложения в Российской Федерации с учетом их специфики (стабильность курса, использование в трансграничных расчетах, двойственная природа как цифровой валюты и ЦФА) и в условиях подготовки специального регулирования криптоактивов (Концепция Банка России и позиция Минфина России на декабрь 2025 — март 2026 г., вступление в силу с 1 июля 2026 г.).

Теоретическая значимость работы заключается в расширении концептуальных подходов к пониманию стейблкоинов как гибридного объекта налогового права, сочетающего признаки цифровой валюты, финансового инструмента и обеспеченного актива, что позволяет переосмыслить традиционные категории объекта налогообложения в условиях цифровизации финансовых отношений.

Практическая значимость результатов исследования состоит в выработке конкретных ориентиров для налоговых органов [Федеральной налоговой службы (далее — ФНС России)], налогоплательщиков (физических и юридических лиц, включая экспортеров и импортеров), практикующих юристов и консультантов по правильной квалификации операций со стейблкоинами для целей исчисления налога на доходы физических лиц (далее — НДФЛ), налога на прибыль, налога на добавленную стоимость (далее — НДС) и имущественных налогов в условиях действующего законодательства и переходного периода до 1 июля 2026 г.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специально-юридические методы: диалектический, системный, логический, формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой.

Результаты исследования и их обсуждение. В доктрине и нормативных актах Российской Федерации стейблкоины рассматриваются как разновидность цифровых активов, обладающих особыми признаками стабильности курса, что отличает их от волатильных криптовалют. Согласно ст. 141¹ Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ цифровые права, включая стейблкоины, определяются как обязательственные и иные права, содержание и порядок осуществления которых фиксируются правилами информационной системы. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюты и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 259-ФЗ) прямо относит стейблкоины к категории цифровой валюты, если они не подпадают под признаки ЦФА, либо к цифровым финансовым активам при наличии эмиссионных характеристик и обеспечения [1; 2]. Концепция Банка России по регулированию криптоактивов на 2025—2026 гг. (опубликована в декабре 2025 г.) впервые выделяет стейблкоины в отдельную категорию с перспективой специального режима, подчеркивая их роль в трансграничных расчетах и необходимость дифференцированного подхода к налогообложению [5].

Основные виды стейблкоинов различаются по механизму обеспечения стабильности. Фиат-обеспеченные стейблкоины (*USDT*, *USDC*) привязаны к резервам в традиционных валютах (доллар США, евро) и хранятся на счетах эмитента, что обеспечивает высокую степень доверия и ликвидности [4]. Крипто-обеспеченные стейблкоины (например, *DAI*) поддерживают курс за счет избыточного залога в других криптоактивах через смарт-контракты на блокчейне *Ethereum* [9]. Алгоритмические стейблкоины (ранее *TerraUSD/UST*) использовали механизмы автоматической эмиссии/сжигания токенов для поддержания паритета, однако их крах в 2022 г. выявил системные риски [14]. В российском контексте особое внимание привлекают рублевые и национальные стейблкоины, такие как токен *A7A5* (обеспеченный рублем), который квалифицируется как иностранное цифровое право и одновременно как ЦФА в соответствии с требованиями Банка России [2; 6].

Двойственная правовая квалификация стейблкоинов порождает значительные противоречия. С одной стороны, они подпадают под определение цифровой валюты по Федеральному закону № 259-ФЗ как «совокупность электронных данных, используемых для осуществления

платежей», с другой — могут быть отнесены к цифровым финансовым активам при наличии эмиссии, учета в реестре и обеспечения прав требования [1; 5]. На март 2026 г. позиция Банка России остается осторожной: стейблкоины не признаются законным средством платежа на территории России, но допускаются в трансграничных операциях при соблюдении требований по идентификации и отчетности. Минфин России в своих разъяснениях 2025—2026 гг. подчеркивает необходимость отдельного регулирования стейблкоинов как «отдельного явления», отличающегося от волатильных криптовалют и требующего специального налогового режима [2]. Указанные противоречия подтверждаются в доктрине: ряд авторов предлагают рассматривать стейблкоины как гибридный объект, сочетающий признаки имущества и финансового инструмента [10].

Особенности оборота стейблкоинов в Российской Федерации определяются жесткими ограничениями и одновременно расширяющимися возможностями. Внутри страны использование стейблкоинов в качестве средства платежа за товары, работы и услуги запрещено (ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ), что исключает их из повседневного гражданского оборота. Вместе с тем с 2024—2025 гг. Банк России и Минфин России последовательно расширяют допустимость стейблкоинов для трансграничных расчетов, особенно в условиях санкционных ограничений: рублевые токены и иностранные стейблкоины активно применяются российскими экспортерами и импортерами для оплаты контрактов, заменяя *SWIFT* и традиционные корреспондентские счета [6]. Данные изменения отражают баланс между контролем рисков и стимулированием внешнеэкономической деятельности, однако отсутствие четких налоговых правил по-прежнему создает неопределенность для участников рынка [15].

В действующем налоговом законодательстве Российской Федерации стейблкоины не имеют специального режима налогообложения и квалифицируются в рамках общих норм о цифровой валюте и цифровых финансовых активах. Налог на доходы физических лиц возникает при получении дохода от операций со стейблкоинами, включая курсовые разницы, обмен на фиатную валюту или иные активы, а также при погашении токенов эмитентом. Согласно ст. 217 и 217¹ НК РФ доходы от реализации имущества (включая цифровые права) подлежат налогообложению по ставке 13—15 %, однако спорным остается вопрос об освобождении от налога при удержании стейблкоинов более трех лет (аналогично имуществу), поскольку Минфин России и ФНС России до марта 2026 г. не дали однозначных разъяснений по применению имущественного вычета к цифровым валютам. В доктрине подчеркивается, что отсутствие четкого момента определения базы приводит к рискам занижения или завышения дохода [1; 6].

Налог на прибыль организаций применяется к доходам от операций со стейблкоинами в соответствии со ст. 250 и 251 НК РФ. Доходы включают положительные курсовые разницы при обмене или погашении, а также стоимость полученных стейблкоинов при их использовании в расчетах. Расходы на приобретение и хранение могут уменьшать базу по ст. 268 НК РФ, однако при эмиссии или передаче стейблкоинов в рамках хозяйственной деятельности возникает вопрос о включении их стоимости в доходы от реализации. На практике компании-экспортеры, использующие стейблкоины для трансграничных платежей, сталкиваются с необходимостью подтверждения расходов документаль-

но, что затруднено из-за отсутствия унифицированных правил учета [5; 10]. Без специальной нормы налог на прибыль может привести к двойному обложению при последовательных операциях (приобретение — обмен — погашение) [2; 15].

Налог на добавленную стоимость остается одной из наиболее спорных областей. Операции обмена стейблкоинов на фиатную валюту, их передача или погашение могут квалифицироваться как реализация услуг или имущества, подлежащая обложению НДС по ст. 162 НК РФ. В то же время ст. 149 НК РФ освобождает от НДС операции с ценными бумагами и финансовыми инструментами, что создает коллизию: ФНС России в отдельных письмах 2024—2025 гг. склоняется к обложению НДС операций с цифровой валютой, однако судебная практика по аналогичным делам (криптоактивы) пока не сформирована. Отсутствие прямого указания на освобождение приводит к рискам доначисления НДС при проверках. В доктрине отмечается, что применение НДС к стейблкоинам противоречит их природе как средства платежа [4; 14].

Судебная практика по налогообложению криптоактивов в 2023—2026 гг. формировалась преимущественно на основе квалификации криптовалюты (включая стейблкоины) как иного имущества в смысле ст. 128 ГК РФ. В постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П по делу Тимченко Конституционный суд РФ прямо указал, что цифровая валюта (включая стейблкоины) является имуществом, а имущественные права на нее подлежат судебной защите даже без предварительного уведомления налогового органа, если актив получен не в результате майнинга и используется законно [5].

Письма и разъяснения ФНС России, Минфина России и Банка России по стейблкоинам в 2024—2026 гг. остаются крайне осторожными и фрагментарными. ФНС России в письмах 2025 г. (в частности, в ответах на запросы по *USDT*) ссылается на общие нормы о цифровой валюте, не давая прямого подтверждения освобождения от НДС или специального режима для стейблкоинов [6]. Минфин России в разъяснениях марта 2026 г. подчеркивает необходимость отдельного регулирования стейблкоинов как самостоятельного явления, отличного от волатильных криптовалют, и указывает на планируемое выделение их в отдельную категорию с 1 июля 2026 г. [2]. Банк России в Концепции регулирования **криптоактивов** 2025—2026 гг. отмечает, что стейблкоины допускаются в трансграничных расчетах, но не признаются средством платежа внутри России, и рекомендует дифференцированный налоговый подход [5]. Отсутствие единой позиции по квалификации (цифровая валюта или ЦФА) сохраняет правовую неопределенность.

В США стейблкоины рассматриваются как имущество (*property*) согласно разъяснению Службы внутренних доходов США (далее — *IRS*) в *Notice* 2014-21. При продаже или обмене стейблкоинов возникает налог на прирост капитала по ставкам от 0 до 20 % для физических лиц. Принятие *GENIUS Act* установили требования к эмитентам стейблкоинов касательно обеспечения в виде долларов США или казначейских облигаций.

В странах ЕС налогообложение стейблкоинов как финансовых инструментов происходит по национальным ставкам налога на прирост капитала — от 0 % в отдельных странах до 30—45 % в других. Несмотря на унификацию отчетности, ставки и льготы все еще различаются между государствами-членами [6; 9].

В Сингапуре стейблкоины регулируются Законом о платежных услугах (*Payment Services Act*) и правилами *Monetary Authority of Singapore* (далее — *MAS*). Для физических лиц налог на прирост капитала не применяется, если стейблкоины используются в инвестиционных целях. Корпоративный налог взимается только при ведении активной торговли как бизнеса. *MAS* ввел специальные требования к резервам и раскрытию информации для стейблкоинов, привязанных к одной валюте, что делает Сингапур привлекательной юрисдикцией для эмитентов и инвесторов.

В Китае частные стейблкоины полностью запрещены с 2021 г., а запрет был подтвержден и усилен в 2025—2026 гг. Оборот любых иностранных стейблкоинов (включая *USDT*) считается незаконным. Вместо этого активно развивается государственный цифровой юань (*e-CNY*), который интегрирован в банковскую систему и используется для трансграничных платежей. Налоговые последствия для операций с частными стейблкоинами включают административные и уголовные санкции [2; 9].

Возможности заимствования зарубежного опыта для российской модели выглядят весьма перспективными. От ЕС можно взять унифицированную систему отчетности и классификации, адаптировав ее к требованиям локализации данных и национального контроля. У *IRS* (США) целесообразно заимствовать четкую квалификацию как имущества с едиными правилами исчисления прироста капитала и обязательную отчетность платформ. Опыт Сингапура демонстрирует преимущества отсутствия налога на прирост капитала для физических лиц и льгот для регулируемых эмитентов, что могло бы стимулировать привлечение инвестиций и развитие национальных стейблкоинов (типа *A7A5*). Внедрение этих элементов в российское регулирование после 1 июля 2026 г. позволило бы устранить основные пробелы, снизить риски двойного налогообложения и повысить привлекательность стейблкоинов для внешнеэкономической деятельности [4; 9].

Заключение

В ходе анализа нормативных актов, доктринальных источников, разъяснений ФНС России, Минфина России и Банка России, а также судебной и правоприменительной практики выявлено, что стейблкоины обладают двойственной правовой и экономической природой — стабильного

средства платежа в сочетании с инвестиционным инструментом, — что подтверждает основную гипотезу о необходимости их выделения в самостоятельную категорию объекта налогообложения с особым режимом.

Соответственно, сравнительный анализ зарубежных моделей регулирования показал, что дифференцированный подход, единые правила отчетности и налоговые льготы для регулируемых стейблкоинов создают более предсказуемую и удобную среду для участников рынка.

Полученные выводы полностью согласуются с доктринальными представлениями о стейблкоинах как о гибридном объекте (одновременно средство платежа и инвестиционный инструмент. В то же время они ярко демонстрируют серьезные пробелы в российском налоговом регулировании.

Выводы

Проведенное исследование позволило подвести итоги анализа стейблкоинов как объекта налогообложения. Оно подтвердило, что эти активы имеют двойственную природу: с одной стороны — стабильное средство платежа, с другой — инвестиционный инструмент. Тем не менее в НК РФ до сих нет специального режима для операций со стейблкоинами.

Исходя из результатов, целесообразными являются следующие изменения в законодательство:

1. Добавление в НК РФ отдельной статьи (или главы) о стейблкоинах как самостоятельной категории цифровых активов, что позволит ввести специальные правила для определения налоговой базы и момента возникновения обязательства.
2. По НДС необходимо ввести льготы, т. е. не облагать налогом курсовые разницы, если стейблкоины удерживаются больше 3 лет (по аналогии с имущественным вычетом в ст. 217¹ НК РФ). А при обмене или погашении в трансграничных расчетах установить пониженную ставку для физических лиц, если токены используются только для платежей, без спекуляций.
3. По НДС следует изменить ст. 149 НК РФ. Целесообразно освободить от налога операции с регулирующими стейблкоинами, когда они выступают средством платежа в международных расчетах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грошев С. А. Цифровая валюта и стейблкоин: соотношение понятий для целей налогового регулирования // *Налоги и налогообложение*. 2024. № 6. С. 1—18. DOI: 10.7256/2454-065x.2024.6.72039.
2. Грошев С. А. Налогово-правовые аспекты обращения обеспеченного рублем стейблкоина A7A5 в системе цифровых прав Российской Федерации // *Налоги и налогообложение*. 2025. № 5. С. 127—141. DOI: 10.7256/2454-065X.2025.5.76204.
3. Пинская М. Р., Цаган-Манджиева К. Н. Налогообложение доходов от деятельности, связанной с криптовалютами // *Экономика. Налоги. Право*. 2018. Т. 11. № 2. С. 138—148.
4. Малкова Ю. В., Тихонова А. В. К вопросу о налогообложении криптовалюты и цифровых активов: российский и зарубежный опыт // *Экономика. Налоги. Право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 141—153.
5. Кинсбургская В. А. Новации и перспективы правового регулирования налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой в России // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2023. № 7(262). С. 84—97. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-7262-84-97.
6. Васильева Е. Г., Фриж Д. М. Проблемы и перспективы налогообложения цифровых валют в РФ // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 12-1(99). С. 47—52. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-12-1-47-52.
7. Валова А. А. Налоговое регулирование операций с криптоактивами в России и за рубежом // *Налоги и налогообложение*. 2022. № 4. С. 16—41. DOI: 10.7256/2454-065X.2022.4.38285.
8. Мирзикаева Д. Р., Морозова Д. В., Прокопенко П. П., Торопова И. В. Налогообложение криптовалюты в России и его эффект на экономику // *Экономика сегодня: современное состояние и перспективы развития (Вектор-2023)* : Всерос. науч. конф. молодых исследователей с междунар. участием : сб. материалов. М. : РГУ им. А. Н. Косыгина, 2023. Ч. 3. С. 195—200.

9. Забродская Н. Г. Налогообложение, криптовалюта и цифровые деньги // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. Минск, 2025. Вып. 11. С. 95—101.
10. Мустафин Р. О. Криптовалюты и налоговые системы: между глобальными вызовами и национальными практиками // Весенние дни науки ИнЭУ : сб. докл. междунар. конф. студентов и молодых ученых. Екатеринбург : Ажур, 2025. С. 751—757.
11. Кудрявцев М. В. О регулировании рынка криптовалют в России и других странах и о мерах по предотвращению попыток уклонения от уплаты налогов и совершения незаконных операций с криптовалютами // Сибирская финансовая школа. 2025. № 2. С. 70—79. DOI: 10.34020/1993-4386-2025-2-70-79.
12. Аникина И. Д. Налогообложение цифровых активов и цифровых валют в Российской Федерации: тенденции, проблемы и перспективы // Журнал Фундаментальные исследования. 2024. № 2. С. 48—53. DOI: 10.17513/fr.43570.
13. Селютина Т. С. Институционализация налогообложения цифровых платформ и криптовалют в России: вызовы и правовые ориентиры // Российский журнал правовых исследований. 2025. Т. 12. № 3. С. 11—18. DOI: 10.17816/RJLS689698.
14. Жадамбаева С. Т. Налогообложение криптовалютных операций в России // МНСК-2018: Экономика : материалы 56-й Междунар. науч. студенч. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2018. С. 167—168.
15. Исследование правовых проблем выпуска и обращения криптовалют на блокчейне для целей налогообложения / М. А. Егорова, О. В. Кожевина, М. В. Севостьянов и др. // Право и цифровая экономика. 2022. № 2(16). С. 10—15.

REFERENCES

1. Groshev S. A. Digital currency and stablecoin: correlation of concepts for tax regulation purposes. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2024;6:1—18. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-065x.2024.6.72039.
2. Groshev S. A. Tax and legal framework for the ruble-backed stablecoin A7A5 within the digital rights system of the Russian Federation. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes and Taxation*. 2025;5:127—141. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-065X.2025.5.76204.
3. Pinskaya M. R., Tsagan-Mandzhieva K. N. Taxation of income from cryptocurrency-related activities. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes & Law*. 2018;11(2):138—148. (In Russ.)
4. Malkova Y. V., Tichkonova A. V. To the question on taxation of cryptocurrencies and digital assets: Russian and foreign experience. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2020;13(5):141—153. (In Russ.)
5. Kinsburskaya V. A. Innovations and prospects of legal regulation of taxation of operations with digital financial assets and digital currency in Russia. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*. 2023;7(262):84—97. (In Russ.) DOI: 10.24412/2072-4098-2023-7262-84-97.
6. Vasilyeva E. G., Frizh D. M. Problems and prospects of taxation of digital currencies. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024;12-1:47—52. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2024-12-1-47-52.
7. Valova A. A. Tax regulation of operations with crypto-assets in Russia and abroad. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes & taxation*. 2022;4:16—41. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-065X.2022.4.38285.
8. Mirzikaeva D. R., Morozova D. V., Prokopenko P. P., Toropova I. V. Taxation of cryptocurrency in Russia and its effect on the economy. *Ekonomika segodnya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (Vektor-2023) = Economy today: current state and development prospects (Vector-2023). All-Russian scientific conference of young researchers with International participation. Collection of materials*. Moscow, Kosygin State University of Russia publ., 2023;3:195—200. (In Russ.)
9. Zabrodskaya N. Taxation, cryptocurrency and digital money. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika = Business. Innovations. Economics. Collection of scientific articles*. Minsk, 2025;11:95—101. (In Russ.)
10. Mustafin R. O. Cryptocurrencies and tax systems: between global challenges and national practices. *Vesennie dni nauki InEU = Spring Days of Science GSEM. Collection of reports of the International conference of students and young scientists*. Ekaterinburg, Azhur, 2025:751—757. (In Russ.)
11. Kudryavtsev M. V. On the regulation of the cryptocurrency market in Russia and other countries and on measures to prevent tax evasion attempts and the commission of illegal transactions with cryptocurrencies. *Sibirskaya finansovaya shkola = Siberian Financial School*. 2025;2:70—79. (In Russ.) DOI: 10.34020/1993-4386-2025-2-70-79.
12. Anikina I. D. Taxation of digital assets and digital currencies in the Russian Federation: trends, problems and prospects. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2024;2:48—53. (In Russ.) DOI: 10.17513/fr.43570.
13. Seliutina T. S. Institutionalization of taxation of digital platforms and cryptocurrencies in Russia: challenges and legal guidelines. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy = Russian journal of legal studies*. 2025;12(3):11—18. (In Russ.) DOI: 10.17816/RJLS689698.
14. Zhadambaeva S. T. Taxation of cryptocurrency operations in Russia. *MNSK-2018: Ekonomika = ISSC-2018: Economics. Proceedings of the 56th International Students Scientific Conference*. Novosibirsk, Novosibirsk State University, 2018: 167—168. (In Russ.)
15. Egorova M. A., Kozhevina O. V., Sevostyanov M. V. et al. A research of the legal problems of issuing and circulating blockchain-based cryptocurrencies for tax purposes. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*. 2022;2(16):10—15. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 29.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.
The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 29.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья

УДК 343.352

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1589

Elena Vladimirovna Fomenko

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)
Moscow, Russian Federation
89266006361@mail.ru

Елена Владимировна Фоменко

д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)
Москва, Российская Федерация
89266006361@mail.ru

Aleksey Yuryevich Zubenko

Master's student, Faculty of Law
and Legal Regulation,
field of training
40.04.01 — Law, Master's program
“Criminalistic and Legal Support
of Forensic Investigation of Crimes”,
Russian State Social University
Moscow, Russian Federation
a@zubenko.ru

Алексей Юрьевич Зубенко

магистрант факультета юриспруденции
и правового регулирования,
направление подготовки
40.04.01 — Юриспруденция, магистерская программа
«Криминалистическое и правовое обеспечение
судебного исследования преступлений»,
Российский государственный социальный университет
Москва, Российская Федерация
a@zubenko.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРИМЕЧАНИЯ 1 К СТАТЬЕ 285 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ КВАЛИФИКАЦИИ ПОДКУПНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ РАБОТНИКОВ СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем уголовно-правовой квалификации подкупных преступлений, совершаемых работниками субъектов естественных монополий. Актуальность темы обусловлена тем, что действующая редакция примеч. 1 к ст. 285 Уголовного кодекса (УК) РФ не устраняет противоречия, возникающие при оценке деяний работников организаций, выполняющих одинаковые публично значимые инфраструктурные функции, но имеющих различную организационно-правовую форму. В результате квалификация подкупного поведения ставится в зависимость не столько от содержания полномочий виновного и характера выполняемой организацией функции, сколько от статуса работодателя как акционерного общества, государственного унитарного предприятия или общества с ограниченной ответственностью. Цель исследования состоит в обосновании необходимости совершенствования примеч. 1 к ст. 285 УК РФ посредством перехода от преимущественно формально-организационного критерия к функциональному критерию, связанному с осуществлением организацией деятельности в качестве субъекта естественной монополии. В статье анализируются доктринальные подходы к разграничению взятки и коммерческого подкупа, исследуется правовое значение публично значимой инфраструктурной функции, раскрывается специфика правового положения субъектов естественных монополий, а также сопоставляется положение АО «Газпром газораспределение Краснодар», ГУП Республики Крым «Крымгазсети» и ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород», включенных в реестр субъ-

ектов естественных монополий. Дополнительно рассматривается кассационная практика по делу В. М. Югая как показательный пример зависимости квалификации от организационно-правового статуса юридического лица. Научная новизна работы заключается в выводе о том, что специальный субъект подкупных преступлений в исследуемой сфере должен определяться прежде всего по признаку выполнения организацией функций субъекта естественной монополии, а не по ее организационно-правовой форме. Обосновывается авторская редакция примеч. 1 к ст. 285 УК РФ, принятие которой направлено на устранение части правоприменительных противоречий, обеспечение более единообразного подхода к квалификации и повышение точности уголовно-правовой оценки исследуемой группы преступлений.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация подкупных преступлений, разграничение взятки и коммерческого подкупа, специальный субъект подкупного преступления, работники субъектов естественных монополий, публично значимые инфраструктурные функции, организационно-правовая форма работодателя, функциональный критерий квалификации, примечание 1 к статье 285 Уголовного кодекса РФ, совершенствование уголовного законодательства, должностные лица в инфраструктурной сфере, управленческие функции в коммерческой организации, коррупционные преступления в сфере газоснабжения, квалификация деяний работников газораспределительных организаций, правоприменительные противоречия при квалификации, уголовно-правовое противодействие коррупции

Для цитирования: Фоменко Е. В., Зубенко А. Ю. К вопросу о совершенствовании примечания 1 к статье 285 Уголовного кодекса РФ в контексте проблем квалификации подкупных преступлений в отношении работников субъектов естественных монополий // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 205—211. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1589.

Original article

ON IMPROVING THE NOTE 1 TO ARTICLE 285 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN REFERENCE TO CLASSIFICATION OF BRIBERY-RELATED CRIMES COMMITTED BY EMPLOYEES OF NATURAL MONOPOLIES

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article is devoted to the study of the problems of criminal-law classification of bribery-related offences committed by employees of natural monopoly entities. The relevance of the topic stems from the fact that the current wording of Note 1 to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation does not eliminate the contradictions that arise when assessing the acts of employees of organizations performing identical publicly significant infrastructural functions while operating in different organizational and legal forms. As a result, the classification of bribery-related conduct depends not so much on the content of the offender's powers and the nature of the function performed by the organization as on the status of the employer as a joint-stock company, a state unitary enterprise, or a limited liability company. The purpose of the study is to substantiate the need to improve Note 1 to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation by shifting from a predominantly formal organizational criterion to a functional criterion related to the organization's activity as a natural monopoly entity. The article analyzes doctrinal approaches to distinguishing bribery from commercial bribery, examines the legal significance of a publicly significant infrastructural function, reveals the specific features of the legal status of natural monopoly entities, and compares the positions of Gazprom Gas Distribution Krasnodar JSC, State Unitary Enterprise of the Republic of Crimea Krymgazseti, and Gazprom Transgaz Nizhny Novgorod LLC, which are included in the register of natural monopoly enti-

ties. In addition, cassation case of V. M. Yugai is considered as an illustrative example of the dependence of classification on the organizational and legal status of a legal entity. The scientific novelty of the study lies in the conclusion that the special subject of bribery-related offences in the field under consideration should be determined primarily by whether the organization performs the functions of a natural monopoly entity rather than by its organizational and legal form. The authors substantiate their proposed wording of Note 1 to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, the adoption of which is aimed at eliminating some law-enforcement contradictions, ensuring a more uniform approach to classification, and improving the accuracy of the criminal-law assessment of the offences under study.

Keywords: criminal-law classification of bribery-related offences, distinction between bribery and commercial bribery, special subject of a bribery-related offence, employees of natural monopoly entities, publicly significant infrastructural functions, organizational and legal form of the employer, functional criterion of classification, Note 1 to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation, improvement of criminal legislation, public officials in the infrastructure sector, managerial functions in a commercial organization, corruption offences in the gas supply sector, classification of acts committed by employees of gas distribution organizations, law-enforcement contradictions in classification, criminal-law counteraction to corruption

For citation: Fomenko E. V., Zubenko A. Yu. On improving the Note 1 to Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation in reference to classification of bribery-related crimes committed by employees of natural monopolies. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;2(75):205—211. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1589.

Введение

Актуальность. В современной экономике всё чаще возникают ситуации, когда организации, действующие в различных организационно-правовых формах, фактически выполняют одинаковые публично значимые инфраструктурные функции. Особенно заметно это в сферах газоснабжения, передачи электрической и тепловой энергии, а также иных направлениях деятельности субъектов естественных монополий. При этом уголовно-правовая оценка подкупа работников таких организаций нередко зависит не от реального содержания их полномочий, а от того, является ли работодатель акционерным обществом (далее — АО), государственным или муниципальным унитарным предприятием (далее — ГУП и МУП соответственно) либо обществом с ограниченной ответственностью (далее — ООО).

Изученность проблемы. Вопросы разграничения взяточничества и коммерческого подкупа, проблемы посредничества, особенности квалификации квалифицированных и специальных видов подкупных преступлений, а также направления совершенствования уголовного закона исследованы в работах Д. М. Абдусаламовой и И. А. Бурмирова [1], А. Э. Бадалова [2], В. В. Гуменюка [3], А. Ю. Зубенко [4; 5], Ю. А. Клименко [6], С. Д. Красноусова [7], Н. Х. Машариповой [8], В. И. Михайлова [9], Е. С. Молча-

новой [10], И. А. Савенко и В. А. Бикмашева [11], Т. И. Сайлаонова и М. Ю. Рассказова [12], Е. В. Фоменко [13], М. А. Чижикова [14], Т. С. Щербакова [15].

Особое значение для настоящего исследования имеет монография С. Д. Красноусова [7], в которой коммерческий подкуп рассматривается как форма коррупции в частном секторе, а деятельность организаций, оказывающих публичные услуги, субъектов естественных монополий и градообразующих предприятий моногородов оценивается как обладающая повышенной общественной значимостью. Для настоящей статьи это особенно важно, поскольку автор прямо выводит проблему к вопросу о публично значимой функции в негосударственных структурах и предлагает расширять круг специальных субъектов подкупных преступлений. Именно в этом аспекте его подход является концептуально близким к развиваемой в настоящем исследовании идее функционального критерия.

В литературе значительное внимание уделяется также вопросам квалификации посредничества и смежных форм подкупного поведения. Ю. А. Клименко [6], Т. И. Сайлаонова и М. Ю. Рассказова [12], а также ряд других исследователей показывают, что неверное определение природы основного подкупного деяния и статуса специального субъекта неизбежно ведет к ошибкам и в оценке посредничества, и в квалификации специальных форм коррупционного

поведения. В более новых работах Д. М. Абдусаламовой и И. А. Бурмистрова [1], В. В. Гуменюка [3], Н. Х. Машариповой [8], Е. С. Молчановой [10], М. А. Чижикова [14], Т. С. Щербакова [15] внимание сосредоточено на практических трудностях разграничения взяточничества и коммерческого подкупа, а также на сохраняющейся неопределенности отдельных признаков состава.

Существенный массив исследований связан с анализом предмета подкупных преступлений и признаков специального субъекта. Хотя эти вопросы чаще рассматриваются в классическом контексте взяточничества и коммерческого подкупа, их значение для настоящего исследования велико, поскольку незаконное вознаграждение в деятельности субъектов естественных монополий обычно передается за доступ к инфраструктурному ресурсу, подключению, согласованию, приоритету при исполнении либо иному управленческому решению, имеющему не только хозяйственное, но и социальное значение. Следовательно, проблема определения субъекта здесь неразрывно связана с функциональным содержанием самого вознаграждения и с характером полномочий лица, принимающего решение.

Для настоящей статьи особое значение имеют исследования, посвященные квалификации подкупных преступлений в отношении работников ресурсоснабжающих организаций и компаний с государственным участием. В собственных публикациях авторов уже обосновывалось, что при квалификации таких деяний решающим является не только формальный статус работодателя, но и характер фактически выполняемых работником функций, их связь с предметом государственного регулирования, доступом к инфраструктуре и публичными интересами [4; 5]. Именно эти исследования создали основу для дальнейшей постановки вопроса о функциональном критерии определения специального субъекта.

Таким образом, анализ литературы показывает, что, несмотря на значительное число работ по проблемам квалификации взяточничества, коммерческого подкупа, посредничества и предмета подкупных преступлений, вопрос о специальном субъекте в деятельности субъектов естественных монополий остается разработанным недостаточно полно. В литературе детально исследованы либо общие проблемы разграничения ст. 204 и 290 Уголовного кодекса (далее — УК) РФ, либо особенности подкупного поведения работников компаний с государственным участием, однако сама возможность определения специального субъекта не по организационно-правовой форме работодателя, а по выполняемой организацией функции как субъекта естественной монополии до настоящего времени не получила необходимого самостоятельного обоснования.

Целесообразность разработки темы. Необходимо устранение правоприменительного дисбаланса, при котором одинаковые по социальной сущности действия работников организаций, выполняющих одну и ту же инфраструктурную функцию, получают различную уголовно-правовую квалификацию из-за различия организационно-правовой формы работодателя. Такая ситуация препятствует единообразию квалификации и ослабляет системность уголовно-правового противодействия коррупции.

Цель исследования состоит в обосновании необходимости совершенствования содержания примеч. 1 к ст. 285 УК РФ применительно к случаям подкупа работников субъектов естественных монополий.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**: определить особенности правового положения субъектов естественных монополий; проанализировать критерии разграничения взятки и коммерческого подкупа; исследовать значение организационно-правовой формы работодателя для квалификации; обосновать приоритет функционального критерия над формальным; сформулировать предложение по совершенствованию уголовного законодательства.

Научная новизна работы заключается в обосновании вывода о том, что специальный субъект подкупных преступлений в сфере деятельности субъектов естественных монополий должен определяться не по организационно-правовой форме работодателя, а по выполняемой организацией публично значимой инфраструктурной функции. Новизна также состоит в сопоставлении организаций, включенных в реестр субъектов естественных монополий, но действующих в форме АО, ГУП и ООО, а также в использовании кассационной практики по делу В. М. Югая как примера зависимости квалификации от организационно-правового статуса юридического лица.

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью развития функционального подхода к определению специального субъекта подкупных преступлений и дальнейшего уточнения границ между взяточничеством и коммерческим подкупом в социально значимых секторах экономики.

Практическая значимость связана с тем, что сформулированные выводы и предложения могут быть использованы в правоприменительной деятельности, при подготовке разъяснений судебной практики и при совершенствовании примеч. 1 к ст. 285 УК РФ.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Основным инструментом для решения поставленных в статье задач выступает уголовно-правовой анализ норм, регулирующих ответственность за взяточничество, коммерческий подкуп и иные подкупные преступления, а также положений, определяющих признаки специального субъекта преступления. Формально-юридический метод использован при анализе положений ст. 204, 285, 290 и иных взаимосвязанных норм УК РФ, а также примеч. 1 к ст. 285 УК РФ. Системно-структурный метод позволил определить место подкупных преступлений в общей системе коррупционных деяний и выявить взаимосвязь между институтом специального субъекта, характером выполняемых полномочий и уголовно-правовой оценкой незаконного вознаграждения. Сравнительно-правовой метод применен при сопоставлении правового положения организаций, включенных в реестр субъектов естественных монополий, но действующих в различных организационно-правовых формах. Логический метод использован при формулировании выводов о допустимости перехода от формально-организационного критерия к функциональному критерию определения специального субъекта.

Материальную основу исследования составили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, положения законодательства о субъектах естественных монополий, данные реестра субъектов естественных монополий, доктринальные источники по проблемам квалификации взяточничества и коммерческого подкупа, а также материалы судебной практики. Особое значение

для исследования имеют опубликованные научные работы, посвященные разграничению взятки и коммерческого подкупа, определению признаков должностного лица и лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также кассационная практика по делу В. М. Югая, позволившая выявить зависимость квалификации от организационно-правовой формы юридического лица.

В качестве эмпирической базы использованы примеры правового положения АО «Газпром газораспределение Краснодар», ГУП Республики Крым «Крымгазсети» и ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород», включенных в реестр субъектов естественных монополий и выполняющих сопоставимые инфраструктурные функции. Сопоставление данных организаций позволило показать, что одинаковая по социально-правовой сущности деятельность может осуществляться в различных организационно-правовых формах, что создает предпосылки для различной уголовно-правовой квалификации сходных по содержанию деяний. Использование указанного материала дало возможность проверить рабочую гипотезу исследования о необходимости корректировки примеч. 1 к ст. 285 УК РФ с учетом функционального критерия.

Результаты и обсуждение исследования. В действующем уголовном законодательстве основное различие между взяткой и коммерческим подкупом традиционно связывается со статусом лица, получающего незаконное вознаграждение. Получение взятки предполагает наличие у виновного признаков должностного лица, тогда как коммерческий подкуп относится к случаям получения незаконного вознаграждения лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Такой подход в целом логичен и соответствует действующей конструкции Особенной части УК РФ, однако в современных социально-экономических условиях он уже не всегда позволяет отразить действительную общественную опасность деяния.

Подкупные преступления должны рассматриваться не изолированно, а как взаимосвязанная система, в которой особое значение имеют общий объект посягательства, характер передаваемого вознаграждения и функциональная природа специального субъекта [13]. Именно системный подход, на необходимость которого указывает А. Э. Бадалов, позволяет избежать чрезмерно узкого толкования признаков состава и увидеть реальные границы общественной опасности коррупционного поведения [2]. В условиях усложнения публично-частных связей этого уже недостаточно делать только через формальную привязку к виду юридического лица.

Субъекты естественных монополий занимают в экономике особое положение. Они обеспечивают производство и реализацию товаров либо услуг, которые объективно не могут быть заменены и имеют для населения и организаций жизненно важное значение. Коррупционные преступления в таких сферах затрагивают не только частный интерес конкретной организации, но и устойчивость инфраструктуры, равенство доступа к социально значимым услугам и экономическую безопасность в целом. Поэтому правовое положение работников таких организаций не может оцениваться исключительно по корпоративному критерию [7].

В литературе справедливо подчеркивается, что развитие законодательства о коммерческом подкупе и взяточничестве должно идти по пути устранения необоснован-

ных разрывов между публичной и частной сферами там, где посягательство реально затрагивает социально значимые интересы [9]. Современные авторы также отмечают, что различие между взяточничеством и коммерческим подкупом следует искать не только в формальной принадлежности лица к определенной организации, но и в характере выполняемых функций и значении соответствующих полномочий для публичных либо частных интересов. Этот вывод особенно важен применительно к субъектам естественных монополий.

Содержательная близость полномочий работников таких организаций к публично значимым полномочиям подтверждается и тем, что незаконное вознаграждение в подобных случаях передается не просто за нарушение внутренней корпоративной лояльности, а за доступ к ресурсу, согласованию, подключению, приоритету в прохождении процедуры либо иному инфраструктурному решению, имеющему для дающего не только экономическое, но и социальное значение. В этой связи предмет подкупа требует оценки через его функциональную связь с совершаемыми действиями и с возможностью оказания влияния на принимаемое решение. Следовательно, проблема определения субъекта здесь неразрывно связана с функциональным содержанием самого вознаграждения и с характером полномочий лица, принимающего решение [7].

Особое значение для настоящего исследования имеет сопоставление организаций, выполняющих одну и ту же инфраструктурную функцию, но существующих в разных организационно-правовых формах. Согласно выписке из реестра субъектов естественных монополий (<http://fas.gov.ru/pages/activity/tariffregulation/reestr-subektov-estestvennyix-monopolij.html>), АО «Газпром газораспределение Краснодар» включено в реестр субъектов естественных монополий в топливно-энергетическом комплексе, раздел II «Транспортировка газа по трубопроводам», по Краснодарскому краю. В том же разделе, по Республике Крым, указано ГУП Республики Крым «Крымгазсети». Кроме того, ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород» включено в реестр субъектов естественных монополий сразу по двум направлениям: по разделу I «Услуги по передаче электрической и (или) тепловой энергии» и по разделу II «Транспортировка газа по трубопроводам».

Эти данные позволяют сделать принципиально важный вывод: функция субъекта естественной монополии в российской правовой реальности реализуется организациями в форме АО, ГУП, ООО и др. Следовательно, организационно-правовая форма сама по себе не может служить достаточным критерием для определения специального субъекта подкупного преступления в инфраструктурно значимой сфере. Иначе одинаковая по своему содержанию деятельность получает различный уголовно-правовой режим только из-за различия корпоративной оболочки.

Схожая логика уже прослеживалась и в ранее проведенных исследованиях авторов. В работе о квалификации подкупных преступлений в отношении работников ресурсоснабжающих организаций отмечалось, что один и тот же работник при разных обстоятельствах может выполнять различные функции, и в случае, когда получение вознаграждения коррелирует с выполнением функций, затрагивающих предмет государственного регулирования, подкуп такого работника должен оцениваться как взяточничество, несмотря на формальное отсутствие классического статуса

должностного лица [4]. Аналогичная мысль была развита и в исследовании о квалификации преступлений, совершенных работниками компаний с государственным участием, где показано, что ключевым фактором разграничения выступает не столько организационно-правовая форма работодателя, сколько реальное содержание и характер выполняемых функций [5].

Для настоящей темы исключительно важно дело В. М. Югая — бывшего генерального директора ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород». По определению Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18 апреля 2024 г. № 77-1518/2024 первоначально был поддержан подход, согласно которому генеральный директор дочернего ООО при публичном акционерном обществе с государственным контролем признавался субъектом преступлений, предусмотренных ст. 286 и 290 УК РФ. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ в кассационном определении от 8 апреля 2025 г. № 9-УД24-20-К1 указала, что в инкриминируемый период руководитель соответствующего ООО не входил в круг лиц, перечисленных в примеч. 1 к ст. 285 УК РФ в действовавшей тогда редакции, а потому вывод о наличии специального субъекта был сделан с нарушением уголовного закона.

Ценность дела Югая для настоящего исследования состоит в том, что оно наглядно демонстрирует реальный конфликт формы и функции. Верховный суд РФ фактически поставил вопрос о специальном субъекте в зависимости от организационно-правового статуса ООО, несмотря на то что речь шла о руководителе хозяйственного общества, встроенного в единую инфраструктурную систему и обладавшего полномочиями, значимыми для широкого круга контрагентов. Для целей настоящего исследования это означает, что действующая модель квалификации по-прежнему чрезмерно привязана к форме юридического лица, а не к содержанию выполняемой организацией публично значимой функции.

Проблема затрагивает не только разграничение ст. 290 и 204 УК РФ, но и оценку посредничества. Исследователи справедливо указывают, что неверное определение природы основного подкупного деяния и статуса лица, получающего незаконное вознаграждение, неизбежно ведет к ошибкам и в оценке посредничества, и в квалификации специальных форм коррупционного поведения [6; 11; 12]. Следовательно, вопрос о специальном субъекте не является узкотехническим; он влияет на всю систему норм о подкупных преступлениях.

При таких обстоятельствах представляется оправданным переход от преимущественно формального критерия к функциональному. В сфере деятельности субъектов естественных монополий специальный субъект подкупного преступления должен определяться прежде всего по признаку выполнения организацией публично значимой инфраструктурной функции, а не по тому, существует ли такая организация в форме АО, ГУП, МУП или ООО. При этом, разумеется, речь не может идти об автоматическом признании должностными лицами всех работников субъекта естественной монополии. Такой подход был бы чрезмерно широким и противоречил бы принципу определенности уголовного закона.

Поэтому корректировка примеч. 1 к ст. 285 УК РФ должна быть адресной и функционально обусловленной. В круг должностных лиц следует включать не всех работников

соответствующих организаций, а только тех, кто выполняет организационно-распорядительные, административно-хозяйственные либо иные управленческие функции, непосредственно связанные с принятием решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, организаций, общества или государства.

Возможная редакция может быть сформулирована следующим образом:

«К должностным лицам относятся также лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные либо иные управленческие функции у субъектов естественных монополий независимо от организационно-правовой формы соответствующей организации, если такие функции связаны с принятием решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, организаций, общества или государства».

Предлагаемая редакция, во-первых, сохраняет необходимую связь с фактически выполняемыми полномочиями, во-вторых, не приводит к безграничному расширению понятия должностного лица, в-третьих, обеспечивает более точное соответствие между фактической общественной опасностью деяния и его уголовно-правовой квалификацией. Более того, подобное решение отвечает общей тенденции развития уголовного законодательства о подкупных преступлениях и способствует более последовательному разграничению взяточничества и коммерческого подкупа [7; 9; 13].

В результате исследования установлено, что:

- в действующей модели квалификации подкупных преступлений в инфраструктурно значимых секторах организационно-правовая форма работодателя сохраняет чрезмерное значение;
- субъекты естественных монополий могут существовать в форме АО, ГУП и ООО, выполняя при этом одинаковые либо сопоставимые публично значимые функции;
- дело В. М. Югая подтверждает, что вопрос о специальном субъекте в правоприменении реально ставится в зависимости от формы юридического лица;
- для более точной квалификации подкупных преступлений требуется переход к функциональному критерию определения специального субъекта в деятельности субъектов естественных монополий;
- целесообразно дополнить примеч. 1 к ст. 285 УК РФ специальным указанием на работников субъектов естественных монополий, выполняющих публично значимые управленческие функции.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что действующая редакция примеч. 1 к ст. 285 УК РФ не в полной мере соответствует современным условиям функционирования социально значимых инфраструктурных субъектов. Формальное разграничение взятки и коммерческого подкупа по организационно-правовой форме работодателя уже не отражает всей полноты фактических отношений в тех сферах, где организации выполняют публично значимую функцию субъекта естественной монополии.

Сопоставление АО «Газпром газораспределение Краснодар», ГУП Республики Крым «Крымгазсети» и ООО «Газпром трансгаз Нижний Новгород»,

включенных в реестр субъектов естественных монополий, показывает, что одинаковая либо сопоставимая инфраструктурная функция не должна влечь различную уголовно-правовую оценку только в силу различия организационной формы. Дело В. М. Югая дополнительно подтверждает, что действующее законодательство порождает ситуацию, при которой вопрос о специальном субъекте решается преимущественно через корпоративный статус организации, а не через характер выполняемой ею функции.

Следовательно, специальный субъект в рассматриваемой сфере должен определяться прежде всего по функциональному критерию — через выполнение организацией деятельности в качестве субъекта естественной монополии. Совершенствование примеч. 1 к ст. 285 УК РФ в предложенном направлении позволит устранить часть правоприменительных противоречий, обеспечить более точную квалификацию подкупных преступлений и усилить системность уголовно-правового противодействия коррупции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдусаламова Д. М., Бурмистров И. А. Проблемы квалификации взяточничества // *Актуальные исследования*. 2023. № 2(132). Ч. 2. С. 6—9.
2. Бадалов А. Э. Обеспечение требований системного подхода при установлении и реализации ответственности за преступления коррупционного характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. 29 с.
3. Гуменюк В. В. Проблемные аспекты уголовно-правовой квалификации взяточничества // *Юность и знания — гарантия успеха — 2024* : сб. науч. ст. 11-й Междунар. молодеж. науч. конф. : в 3 т. Курск : Университетская книга, 2024. Т. 2. С. 66—72.
4. Зубенко А. Ю. Особенности квалификации подкупных преступлений в отношении работников ресурсоснабжающих организаций // *Вестник науки*. 2024. № 5(74). Т. 3. С. 409—415.
5. Зубенко А. Ю. Разграничение понятий взятки и коммерческого подкупа при квалификации преступлений, совершенных работниками компаний с государственным участием // *Вестник науки*. 2025. № 5(86). Т. 2. С. 242—255.
6. Клименко Ю. А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 4. С. 96—105. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.96.105.
7. Красноусов С. Д. Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе (понятие и противодействие). М. : Проспект, 2014. 160 с.
8. Машарипова Н. Х. Проблемы квалификации взяточничества // *Вестник науки и образования*. 2024. № 3(146). Ч. 2. С. 26—29.
9. Михайлов В. И. Коммерческий подкуп и взяточничество: направления развития законодательства // *Lex russica*. 2017. № 6. С. 85—100. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.127.6.085-100.
10. Молчанова Е. С. Современные тенденции квалификации коммерческого подкупа в судебной практике // *Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества* : сб. ст. по материалам III Межвуз. науч. студенч. конф. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2024. С. 392—395.
11. Савенко И. А., Бикмашев В. А. Актуальные проблемы квалификации мелкого взяточничества и пути их преодоления // *Общество и право*. 2022. № 2(80). С. 58—62.
12. Сайлаонов Т. И., Рассказов М. Ю. О мерах совершенствования уголовно-правовой квалификации взяточничества // *Бюллетень Владикавказского института управления*. 2021. № 60. С. 195—206.
13. Фоменко Е. В. Концептуальные подходы к противодействию подкупу уголовно-правовыми средствами : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 460 с.
14. Чижигов М. А. Особенности квалификации коммерческого подкупа // *Эпомен*. 2021. № 65. С. 252—256.
15. Щербаков Т. С. Проблемы ограничения от смежных составов и ответственность за квалифицированные виды взяточничества // *Вестник науки*. 2024. № 5(74). Т. 3. С. 592—596.

REFERENCES

1. Abdusalamova D. M., Burmistrov I. A. Problems of bribery qualification. *Aktual'nye issledovaniya*. 2023;2(132)-2:6—9. (In Russ.)
2. Badalov A. E. Ensuring the requirements of a systemic approach in establishing and implementing liability for corruption-related crimes. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Krasnodar, 2021. 29 p. (In Russ.)
3. Gumenyuk V. V. Problematic aspects of the criminal-law classification of bribery. *Yunost' i znaniya — garantiya uspekha — 2024 = Youth and knowledge - guarantee of success - 2024. Collection of scientific articles of the 11th International youth scientific conference*. Kursk, Universitetskaya kniga, 2024;2:66—72. (In Russ.)
4. Zubenko A. Yu. Features of qualification of bribery crimes against employees of resource-supplying organizations. *Vestnik nauki*. 2024;5(74)-3:409—415. (In Russ.)
5. Zubenko A. Yu. Differentiation of concepts of bribery and commercial bribery in qualification of crimes committed by employees of companies with state participation. *Vestnik nauki*. 2025;5(86)-2:242—255. (In Russ.)
6. Klimenko Yu. A. The Classification of Mediation in Commercial Bribery and Bribery. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2016;4:96—105. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.96.105.
7. Krasnousov S. D. Commercial bribery as a form of corruption in the private sector: concept and counteraction. Moscow, Prospekt, 2014. 160 p. (In Russ.)
8. Masharipova N. Kh. Problems of qualification of bribery. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2024;3(146)-2:26—29. (In Russ.)
9. Mikhailov V. I. Commercial bribery and payoffs: directions of legislative development. *Lex Russica*. 2017;6:85—100. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2017.127.6.085-100.

10. Molchanova E. S. Current trends in the legal classification of commercial bribery in judicial practice. *Rol' yuridicheskikh nauk v razviti pravovoi kul'tury rossiiskogo obshchestva = The role of legal sciences in the development of the legal culture of russian society. Proceedings of the III Interuniversity student scientific conference*. Vladivostok, Far Eastern Federal University publ., 2024:392—395. (In Russ.)
11. Savenko I. A., Bikmashev V. A. Actual problems of qualification of petty bribery and ways to overcome them. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*. 2022;2(80):58—62. (In Russ.)
12. Sailaonov T. I., Rasskazov M. Yu. On measures to improve the criminal-law classification of bribery. *Byulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniya*. 2021;60:195—206. (In Russ.)
13. Fomenko E. V. Conceptual approaches to countering bribery by criminal-law means. Diss. of the Cand. of Law. Moscow, 2021. 460 p. (In Russ.)
14. Chizhikov M. A. Features of the qualification of commercial breaking. *Epomen*. 2021;65:252—256. (In Russ.)
15. Shcherbakov T. S. Problems of restriction from adjacent compounds and responsibility for certified types of bribery. *Vestnik nauki*. 2024;5(74)-3:592—596. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 26.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.
The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 26.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 347.454.3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1598

Alexander Pavlovich Bolshakov
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Private and Public Law,
Volgograd Institute of Business
Volgograd, Russian Federation
alex.bolshakov2014@yandex.ru

Александр Павлович Большаков
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры частного и публичного права,
Волгоградский институт бизнеса
Волгоград, Российская Федерация
alex.bolshakov2014@yandex.ru

НЕДОСТОЙНЫЕ НАСЛЕДНИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ НАСЛЕДСТВЕННОМ ПРАВЕ: ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье исследуется институт недостойных наследников в российском наследственном праве как механизм защиты прав добросовестных наследников. Анализируются нормативные основания признания наследника недостойным, правоприменительные проблемы, связанные с толкованием оценочных понятий. Автор отмечает, что указанные основания базируются на положениях гражданского законодательства Российской Федерации, в т. ч. касающихся недостойных наследников, а также позиций Конституционного суда РФ и Пленума Верховного суда РФ.

Автор подвергает анализу основные положения законодательства Российской Федерации, касающиеся недостойных наследников, а также проводит сравнительный анализ с устоявшейся практикой таких дел, приводит мнения ученых относительно наследственных правоотношений и недостойных наследников. В статье освещаются причины, по которым наследник может быть признан недостойным, такие как умышленное причинение вреда наследодателю, уклонение от исполнения обязательств и другие обстоятельства, влияющие на правоспособность наследования. Кроме того, исследуется практика применения норм о недостойных наследниках в судебной системе России, а также предлагаются рекомендации по совершен-

ствованию законодательства в данной области. Статья направлена на углубление понимания правовых механизмов, защищающих интересы наследодателей и обеспечивающих справедливое распределение наследственного имущества.

Особое внимание уделяется проблемам правоприменения, связанным с доказательством фактов, подтверждающих недостойность наследников, а также правам и интересам других наследников. В итоге статья ориентирована на выявление пробелов и коллизий в действующем законодательстве, а также на предложение возможных путей их решения, что в свою очередь может способствовать более справедливому и эффективному регулированию наследственных отношений в России.

Также автор приходит к выводу о необходимости расширения перечня оснований для отстранения от наследования, предусмотренных ст. 1117 Гражданского кодекса РФ, с целью повышения эффективности данного института и устранения пробелов в правовом регулировании.

Ключевые слова: исковые требования истца, механизм отстранения от права наследования, наследование, недостойные наследники, отказополучатели, переход имущества, принцип свободы завещания, потенциальный наследник, противоправные действия, статуса наследника

Для цитирования: Большаков А. П. Недостойные наследники в современном российском наследственном праве: правовые вопросы, теоретические подходы и практическая реализация // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 212—218. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1598.

Original article

UNWORTHY HEIRS IN MODERN RUSSIAN INHERITANCE LAW: LEGAL ISSUES, THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICAL IMPLEMENTATION

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. This article examines the concept of unworthy heirs in Russian inheritance law as a mechanism for protecting the rights of bona fide heirs. It analyzes the regulatory grounds for recognizing an heir as unworthy, as well as law enforcement issues related to the interpretation of evaluative concepts. The author notes that these grounds are based on provisions of the Civil Code of the Russian Federation, including those concerning unworthy heirs, as well as the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

The author analyzes the main provisions of Russian legislation concerning unworthy heirs, conducts a comparative analysis with established practice in such cases, and cites scholarly opinions on inheritance legal relations and unworthy heirs. The article highlights the reasons for which an heir may be deemed unworthy, such as intentional harm to the testator, evasion of obligations, and other circumstances affecting inheritance capacity. Furthermore, the article examines the application of provisions regarding unworthy heirs in the Russian judicial system and offers recommendations for improving

legislation in this area. The article aims to deepen understanding of the legal mechanisms protecting the interests of testators and ensuring the fair distribution of inherited property.

Particular attention is paid to enforcement issues related to proving facts confirming the unworthiness of heirs, as well as the rights and interests of other heirs. Ultimately, the article aims to identify gaps and conflicts in current legislation and propose possible solutions, which, in turn, may contribute to a more fair and effective regulation of inheritance relations in Russia.

For citation: Bolshakov A. P. Unworthy heirs in modern Russian inheritance law: legal issues, theoretical approaches and practical implementation. *Binzes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):212—218. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1598.

Введение

Актуальность. Институт недостойных наследников представляет собой ключевой элемент наследственного права. В условиях, когда законодательство и социальные реалии претерпевают изменения, появляются новые вызовы и вопросы, требующие внимательного научного анализа и правового регулирования. Конституция РФ гарантирует право на наследование. Кроме того, в Постановлении Конституционного суда РФ от 26 марта 2024 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А. Э. Стаценко» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_472904/) указано, что наследование обеспечивает сохраняемый за собой механизм передачи имущества, принадлежавшего умершему (наследодателю), к другим лицам (наследникам). Это право подразумевает, что каждый гражданин может распоряжаться своим имущественным капиталом, а также предоставляет возможность наследникам получить это имущество после смерти собственника. В этой связи нормы, касающиеся института недостойных наследников, периодически требуют доработки и усовершенствования.

Целесообразность разработки темы обусловлена сочетанием нормативных пробелов и актуальных потребностей практики и определяется несколькими ключевыми факторами:

1. В современных условиях, когда социальные и экономические изменения влияют на систему наследования, вопросы о недостойных наследниках становятся особенно значимыми. Многие случаи утраты наследства возникают не только из-за разницы в имущественном положении, но и из-за моральных и этических аспектов поведения наследников.

2. Отечественное наследственное законодательство может содержать правовые пробелы или неоднозначности в определении и применении норм о недостойных наследниках. Исследование данной темы позволит выявить и проанализировать существующие проблемы и противоречия, что может способствовать улучшению правоприменительной практики.

3. Теоретические подходы: вопросы, связанные с недостойными наследниками, затрагивают не только практическую сторону, но и теорию права. Понимание концепции недостойного наследника, исследование философских и правовых аспектов, а также сравнение с международным опытом формируют обширную основу для научного обсуждения.

4. Тема недостойных наследников тесно связана с социальными трансформациями и изменением моральных норм в обществе. Исследование этой проблемы может спо-

The author also concludes that it is necessary to expand the list of grounds for disinheritance provided for in Article 1117 of the Civil Code of the Russian Federation in order to improve the effectiveness of this institution and eliminate gaps in legal regulation.

Keywords: plaintiff's claims, mechanism for removal from the right of inheritance, inheritance, unworthy heirs, legatees, transfer of property, principle of freedom of testament, potential heir, illegal actions, status of the heir

собствовать большему пониманию и обсуждению этических аспектов наследования, что также важно для развития правосознания в обществе.

Таким образом, разработка статьи по данной теме будет полезной с точки зрения углубленного анализа имеющихся проблем, выработки рекомендаций и улучшения правоприменительной практики, что подчеркивает ее целесообразность.

Изученность проблемы. Определенный интерес к изучению названной проблемы нашел свое отражение в правовой плоскости.

Тематика общественных отношений, возникающих в процессе развития института недостойных наследников, активно исследуется в современной научной литературе. Периодически выходят публикации, которые фокусируются на правовых, экономических и организационных аспектах этих отношений, например исследования таких ученых, как И. К. Трофимишин [1], Д. М. Султыгов [2], Е. П. Калиничева [3], Л. А. Нугаманова [4], Е. А. Кагадий [5], А. А. Выголова [6], Т. А. Пинегина [7], Ю. Н. Стражевич [8], К. В. Николаев [9], М. Г. Смирнов [10], А. Н. Султанходжаев [11], Е. А. Крук [12], В. Н. Огнев [13], Е. А. Улаевич [14], Н. С. Казаков [15].

Следует отметить, что наследственное право представляет собой один из важнейших элементов частного права любой страны, на котором в значительной степени держится институт права частной собственности. Наличие института недостойных наследников в наследственном праве призвано поддержать гармоничное сочетание интересов собственника имущества с интересами членов семьи и общества в целом, соблюдение принципа социальной справедливости при регулировании отношений по наследованию.

С введением в действие раздела V Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ в отечественное наследственное законодательство был введен ряд новелл, в той или иной мере изменивших предшествующую регламентацию соответствующих общественных отношений либо закрепивших институты, ранее в российском наследственном праве отсутствовавшие. В ст. 1117 ГК РФ перечислены лица, которые не могут наследовать.

Отдельные исследователи отмечают определенные проблемы в данной сфере. Однако практически не существует работ, посвященных детальному анализу проблем, института недостойных наследников. Таким образом, несмотря на наличие широкого объема научных знаний, ряд аспектов правового института, касающихся недостойных наследников, остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшей научной проработки. Системное исследование

взаимоотношений в этой области должно стать важным инструментом для повышения устойчивости института недостойных наследников.

Научная новизна данной публикации заключается в исследовании теоретических и практических проблем, связанных с правоприменением, а также в научном анализе возможностей совершенствования правового института недостойных наследников. Основное внимание уделяется вопросам, касающимся как теоретических, так и практических аспектов наследования в контексте применения данного института. В работе рассматривается применение и внедрение обоснованных оснований для признания наследников недостойными, что требует научного подхода и практической целесообразности. В связи с этим предлагаются новые формулировки для актуализации кодификации института недостойных наследников. Также проводится анализ судебной практики, связанной с требованиями заинтересованных лиц о признании определенных субъектов наследования недостойными, особенно когда речь идет о злостном уклонении этих лиц от выполнения обязанностей по содержанию наследодателя, установленных законом.

Целью исследования является всестороннее раскрытие проблемных вопросов теории и практики в институте недостойных наследников с учетом состояния действующего законодательства и судебной практики, путем предложения способов решения возникающих проблем, что определяет ценность и новизну научного исследования.

Для достижения указанной цели определены **задачи**:

- изучить действующее законодательство Российской Федерации, касающегося недостойных наследников, включая ГК РФ, а также возможные изменения и новшества;
- определить правовые основания и условия, при которых наследник может быть признан недостойным, а также анализ судебной практики по данным вопросам;
- исследовать вопросы применения норм о недостойных наследниках в судебной практике и других учреждениях, включая проблемы, с которыми сталкиваются юристы и суды;
- сформулировать рекомендации по улучшению законодательства и правоприменительной практики в области наследственного права, касающегося недостойных наследников.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в углублении научного понимания института недостойных наследников. Так определенные законодательные формулировки понятий создают основу для дальнейших научных исследований, что позволяет строить логически обоснованные аргументы, осуществлять научный анализ и делать аргументированные выводы. Вопросы, касающиеся возложения обязанностей и юридической ответственности на стороны в правоотношениях, представляют собой важный механизм для принудительного исполнения требований закона.

Практическая значимость данного исследования заключается в его особом интересе как для ученых, аспирантов и магистрантов, так и для специалистов, которые на основании своего правового статуса активно и систематически исследуют вопросы, связанные с институтом недостойных наследников. Это играет важную роль в дальнейшем развитии, как научной доктрины, так и законодательных норм, регулирующих соответствующие правовые отношения.

Основная часть

Методология исследования. Для достижения своей цели автор провел глубокий анализ научных публикаций и материалов судебной практики, сосредоточив внимание на применении норм комплексного законодательства, регулирующего отношения института недостойных наследников. Такой подход в сочетании с систематизацией собранной информации помог уяснить насущные аспекты правовой регламентации в указанной сфере, определить актуальные вопросы и наметить возможные пути совершенствования нормативной базы. Благодаря этому обеспечивается научная достоверность, а статья приобретает значимость для практических работников.

Результаты исследования. Центральным институтом наследственного права выступает наследование. Как в законодательстве, так и в доктрине гражданского права сформированы общепризнанные подходы к его толкованию.

В наиболее общем смысле, наследование следует понимать как переход совокупности прав и обязанностей (наследственного имущества) от физического лица, утратившего правоспособность в связи со смертью (наследодателя), к другим субъектам (наследникам) на основании универсального правопреемства. Данный переход осуществляется единовременно, в неизменном виде, как неделимый комплекс [1, с. 149].

Д. М. Султыгов считает, что под наследованием следует понимать реализацию наследниками их прав на получение принадлежащей им доли наследства. При этом наследственный процесс состоит из самого наследования и всех иных действий, непосредственно связанных с распределением наследственного имущества, исполнением обязанностей по обязательствам наследодателя и т. п. [2, с. 426].

Е. П. Калинин определяет наследование как совокупность самостоятельных, но взаимосвязанных правоотношений. Эти отношения возникают из факта открытия и принятия наследства, касаются охраны наследственного имущества, исполнения завещания и других подобных аспектов. Основная характеристика наследственных правоотношений, отличающая их от других гражданских правоотношений, заключается в том, что они порождаются переходом имущества от одного лица к другому. Этот переход обусловлен исключительной причиной — смертью собственника [3, с. 206].

По мнению Л. А. Нугамановой [4, с. 849], наследование как форма правоотношений обладает специфическим характером, который отличает его от классических гражданско-правовых обязательств. На первый взгляд, наследование воспринимается как бессубъектная конструкция: со смертью наследодателя прекращается его правоспособность и, следовательно, участие в правоотношениях. Однако именно это обстоятельство порождает наследственное правопреемство — механизм перехода прав и обязанностей к наследникам. У данного перехода имеются ряд характерных признаков:

- 1) он основан на составе юридически значимых фактов, четко закрепленном законом (например, составление завещания, наступление смерти наследодателя, принятие наследства);
- 2) он охватывает всю совокупность прав и обязанностей, передаваемых наследникам как единое целое;
- 3) он обладает универсальным характером, означаящим одновременный и неделимый переход всех элементов наследства на основании акта их принятия.

Стремительное развитие цифровой экономики привело к возникновению новой категории благ, включающей криптовалюты, токены, цифровые финансовые активы, права требования и учетные записи в виртуальных системах. Децентрализованный и транснациональный характер этих объектов создает множество сложных правовых вопросов для международного частного права, особенно в области наследования [5, с. 146].

Наследование, будучи сложным юридическим институтом, требует не только четкого следования установленным процедурам, но и соблюдения принципов правомерности поведения всех участников наследственных правоотношений. Именно такое поведенческое соответствие выступает залогом приобретения в будущем статуса наследника. Наряду с изложением предпосылок для осуществления наследования, данный процесс также детально регламентирует случаи, когда «недостойные» наследники подлежат отстранению от права на наследство по основаниям, прямо предусмотренным законом [6, с. 84].

Этот механизм отстранения от права наследования является универсальным и применим, как в случае наследования по завещанию, так и при наследовании по закону. Потенциальный наследник может быть лишен законного права на получение наследства посредством прямого волеизъявления наследодателя, выраженного в завещании. Важно отметить, что подобное отстранение может быть как мотивированным (с указанием конкретных причин), так и немотивированным [7, с. 416]. В любом случае, такое решение наследодателя носит безусловный характер и не подлежит дальнейшему оспариванию или условиям отмены.

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет понятие «недостойный» следующим образом: незаслуживающий уважения, безнравственный, бесчестный (https://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_m_o.txt).

В контексте фундаментального принципа свободы завещания, действующее законодательство допускает возможность ситуации, когда лицо, умышленно лишившее жизни наследодателя или других потенциальных наследников, либо покушавшееся на их жизнь, всё же может претендовать на наследство. Это возможно лишь при одном, но весьма важном условии: наследодатель, будучи в полной мере осведомленным о противоправных действиях данного лица, тем не менее сознательно назначил его своим наследником по завещанию.

Нормативно-правовые предписания, регламентирующие основания и порядок устранения от наследования недостойных наследников направлены на защиту прав наследодателя и его семьи. Указанные положения позволяют предотвратить передачу имущества наследодателя лицам, совершившим против него уголовные правонарушения. Фактически, этот правовой институт обеспечивает социальную справедливость наследственных правоотношений. Именно социальная справедливость при переходе наследия выступает важным общественным принципом [8, с. 94].

Согласно п. 1 ст. 1117 ГК РФ институт недостойных наследников применяется во всех случаях наследования, будь то по закону или по завещанию. Он позволяет отстранить от наследства лицо, совершившее противоправные действия в отношении наследодателя или других потенциальных наследников, при условии, что такие действия подтверждены судебным решением. Эти деяния могут

быть квалифицированы как домашнее насилие, независимо от факта совместного проживания. Законодательство, направленное на предотвращение и противодействие домашнему насилию, охватывает широкий круг родственников, которые могут выступать в роли наследников: супругов, родителей, детей, дедушек и бабушек, внуков, братьев и сестер, а также опекунов и попечителей [9, с. 244].

Однако из данного правила существуют исключения. Если наследодатель, будучи осведомленным о ранее совершенных в отношении него противоправных действиях, тем не менее, составил завещание в пользу такого лица, оно сохранит за собой право на наследство. Это положение подчеркивает важность волеизъявления наследодателя, даже если его намерения могут показаться неожиданными или противоречащими общепринятым нормам справедливости [10, с. 535].

Судебная практика и научная доктрина акцентируют внимание на важности интерпретации данной нормы, стремясь достичь гармонии между защитой прав добросовестных наследников и соблюдением последней воли завещателя.

Таким образом, законодатель, закрепляя в ст. 1117 ГК РФ исчерпывающий перечень обстоятельств, при которых наследник может быть отстранен от наследования, создает, по мнению многих ученых-юристов, достаточно полную основу для реализации справедливости в наследственных правоотношениях. Существующий перечень, хотя и призван служить защите прав наследодателя и добросовестных наследников, не охватывает ряда деструктивных поведений, заслуживающих правовой оценки.

В рамках дискуссии о необходимости расширения данного перечня, особое внимание заслуживает позиция А. Н. Султанходжаева. Ученый справедливо указывает на целесообразность включения в категорию недостойных наследников лиц, которые, помимо прямого вмешательства в волеизъявление наследодателя (например, через препятствование составлению, изменению или отмене завещания), также злостно уклонялись от ухода за нетрудоспособным наследодателем. Важно отметить, что данное уклонение от ухода может быть признано основанием для отстранения от наследования даже в тех случаях, когда формальная обязанность по содержанию не была установлена в судебном порядке или когда такое уклонение не сопровождалось неуплатой алиментов [11, с. 174].

Обоснованность данного предложения заключается в том, что поведение лица, систематически игнорирующего потребность в уходе за нетрудоспособным родственником, зачастую обладает той же степенью социальной опасности и моральной неприемлемости, что и иные, уже предусмотренные законом, основания для признания наследника недостойным.

В этой связи представляется обоснованной идея о распространении положений об отстранении от наследования на случаи уклонения от выполнения не только юридически закрепленных (например, алиментных), но и фактически сложившихся, но не формализованных, обязанностей по уходу и содержанию. Это позволит обеспечить более полное соответствие наследственного правопорядка принципам справедливости и нравственности.

Необходимо отметить, что согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 24 декабря 2020 г.; <https://sudact.ru/law/postanovleniye-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29052012/>) «О судебной

практике по делам о наследовании» наследник признаётся недостойным независимо от мотивов и целей совершения деяния, однако противоправные действия служат основанием для утраты права наследования только при их умышленном характере. Постановка решения «об устранении» лица от наследования требует исследования доказательств, подтверждающих, что наследодатель действительно нуждался в помощи именно от ответчика (не от других лиц), а последний имел необходимые ресурсы и реальную возможность ее оказывать, однако умышленно уклонялся от своего морального или правового обязательства относительно такой помощи.

Поведение, которое рассматривается как уклонение от оказания помощи, должно проявлять признаки виновного бездействия или преднамеренных действий, направленных на избежание участия в заботе о наследодателе. Такое поведение предполагает осознание обязанности помогать и наличие возможностей для ее выполнения; при отсутствии этих условий невозможно установить факт виновного уклонения. Таким образом, для успешного удовлетворения иска об отстранении от наследства необходимо, чтобы одновременно имели место указанные обстоятельства и были доказаны соответствующие факты в их совокупности.

Примером может служить решение Новоалександровского районного судом Ставропольского края по гражданскому делу № 2-52/2025 от 29 января 2025 г. (<https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-085866f0-6cc4-5442-aad6-74c1be43307b/>) о признании недостойным наследником и об отстранении наследника от наследования и признании права собственности на недвижимое имущество.

Истец обратилась с иском об отстранении от наследования дочери умершего, полагая, что она является недостойным наследником, поскольку ненадлежащим образом исполняла обязанности по уходу за наследодателем (инвалидом, нуждавшимся в постоянной помощи).

В судебном заседании истец настаивала на удовлетворении заявленных требований, пояснив, что ответчик совершала противоправные действия по отношению к умершему, которые выражались в том, что она не приходила, не ухаживала за ним, а уход осуществляла она сама (истец). На ее просьбы о помощи они не отзывались. Органы социальной защиты приходили, проверяли, однако, истцу, не известно были ли выявлены нарушения, поскольку, она была занята уходом за супругом и занималась семейными делами. Ответчиками были заявлены встречные требования об отказе в удовлетворении требования истца.

Суд искивые требования истца о признании недостойным наследником, об отстранении наследника от наследования и признании права собственности на недвижимое имущество удовлетворил.

Суд отказал в удовлетворении иска ответчику, поскольку не установил умышленного характера противоправных действий со стороны истца, что является обязательным условием для применения ст. 1117 ГК РФ.

Следует упомянуть, что Конституционный суд РФ, анализируя положения ст. 1117 ГК РФ, неоднократно подчеркивал не только частноправовое, но и публично-правовое значение института недостойных наследников.

В Определении от 18 июля 2024 г. № 1950-О (<https://base.garant.ru/410408495/>), отказав в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моисеенко Л. В., Конституционный суд РФ вновь акцентировал внимание на том, что данный институт «служит не только частным интере-

сам (наследодателя и наследников), но и опосредует интересы публичные, в т. ч. предупреждение неправомерных действий, направленных на приобретение лицом такого статуса».

Данное высказывание представляет собой не просто формальное подтверждение устоявшейся правовой позиции, но и глубокое осмысление многогранной роли, которую институт недостойного наследника играет в системе российского права.

Основная цель института наследования традиционно состоит в защите воли завещателя и справедливом распределении между законными и завещательными наследниками. Любые действия наследника против завещателя или других наследников — противоправные поступки, попытки изменить завещание или уклонение от содержания — противоречат принципу добросовестного наследования. В таком случае лишение наследника права на наследство выступает мерой справедливости, направленной на восстановление нарушенных прав и приведение фактического распределения имущества в соответствие с морально-правовыми нормами наследственных отношений [12, с. 380].

Однако, как справедливо отмечает Конституционный суд РФ, значение института недостойных наследников выходит за рамки частных интересов. Публичный интерес проявляется прежде всего в предупреждении и пресечении недобросовестного поведения.

Институт недостойных наследников действует как своего рода «правовой фильтр», не позволяющий лицам, чьи действия носят заведомо противоправный характер, извлекать выгоду из своего преступного или аморального поведения. Это имеет прямое отношение к поддержанию правопорядка и укреплению доверия к институтам государственной власти, в т. ч. к системе правосудия, которая должна гарантировать, что законность и справедливость торжествуют даже в таких деликатных сферах, как наследование.

Сейчас довольно распространены судебные дела по вопросам устранения от права на наследование недостойных наследников, о чем свидетельствует многочисленная судебная практика. Несмотря на то, к какой из групп «недостойных наследников» принадлежит наследник, может быть отстранен от права на наследование, такое устранение возможно исключительно на основании решения суда [13, с. 12].

В гражданском процессе дела об отстранении от права на наследование занимают особое место, рассматриваясь в рамках общего искового производства. Суть такого спора заключается в материально-правовом требовании, которое истец, являясь потенциальным наследником, предъявляет к ответчику — недостойному наследнику. Требование это направлено на прекращение установленных наследственных правоотношений, где истец стремится к тому, чтобы ответчик был лишен законного права на получение наследства [14, с. 283].

Важно подчеркнуть, что в качестве ответчиков по таким делам могут выступать не только прямые наследники, но и отказополучатели, а также наследники, имеющие законное право на обязательную долю в наследстве. Последние, в силу своих особых прав, могут быть заинтересованы в отстранении других претендентов для увеличения своей доли.

Исковые заявления об устранении от права на наследование могут быть поданы лицом, для которого такое отстранение имеет непосредственное значение, изменяя

его собственные наследственные права и обязанности. Это, в частности, касается случаев, когда отстранение одного наследника приводит к изменению очередности наследования или увеличению доли в наследстве для истца. Подобные иски могут предъявляться одновременно с требованием о признании права на наследование для самого истца, основываясь на положениях п. 2 ст. 1117 ГК РФ, которые определяют круг лиц, признаваемых недостойными наследниками [15, с. 266].

Примером может служить практика судов общей юрисдикции. Решением Ленинского районного суда г. Магнитогорска от 7 октября 2025 г. по делу № 2-1759/2025 (<https://sudact.ru/regular/doc/pSCddR5h8Xbr/>) удовлетворен иск прокурора в интересах истца об отстранении отца погибшего военнослужащего от наследования и лишения его права на получение страховых выплат и пособий. Суд установил, что отец после установления отцовства в 2003 г. выехал в Польшу, участия в воспитании и содержании сына не принимал, его местонахождение неизвестно. Погибший с 2005 г. находился под опекой бабушки, а затем — истца. Решением суда от 11 июня 2013 г. он признан оставшимся без попечения родителей, а истец — фактическим воспитателем. Поскольку отец самоустранился от воспитания сына, суд лишил его права на получение мер социальной поддержки в связи со смертью последнего.

Заключение

Несмотря на наличие разъяснений со стороны высших судебных инстанций, правоприменительная практика показывает глобальные противоречия в толковании оценоч-

но-субъективных понятий, что логично приводит к нарушению принципа о единообразном формировании и понимании судебной практики.

Предлагается внести в п. 1 ст. 1117 ГК РФ следующие изменения: «По закону не наследуют лица, которые посредством обмана, шантажа, угроз или иным способом принудили наследодателя к составлению завещания, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке при рассмотрении требования о признании завещания недействительным либо отказа от наследства недействительным».

Данное дополнение к ст. 1117 ГК РФ позволит:

1) расширить круг лиц, подлежащих отстранению от наследования;

2) повысить эффективность института недостойных наследников, включив в него основания, напрямую связанные с противоправным воздействием на волю наследодателя;

3) устранить существующий пробел в правовом регулировании, поскольку практика свидетельствует о нередких случаях принуждения к составлению завещания, однако в настоящее время это влечет правовые последствия лишь при условии оспаривания действительности завещания.

В заключение следует отметить, что совершенствование законодательной регламентации института недостойных наследников, с учетом имеющегося опыта и предложений, высказываемых в настоящей статье, будет способствовать укреплению принципа справедливости в наследственных правоотношениях. Этот процесс, охватывающий как теоретические изыскания, так и практические наработки, призван создать более эффективные механизмы для определения круга лиц, которые по объективным причинам не должны наследовать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трофимшин И. К. Понятие наследования. Наследование по завещанию и по закону // Молодежь и кооперация — 2024 : тез. докл. XLVIII Межрегион. студенч. науч. конф.. Чебоксары : ЧКИ РУК, 2024. С. 149—152.
2. Султыгов Д. М. Конституционно-правовые основы реализации права наследования в Российской Федерации: наследование по закону и по завещанию // Вестник науки. 2026. № 1(94). Т. 4. С. 426—430.
3. Калининцева Е. П. Понятие наследования и основания наследования по российскому законодательству // Университетская наука. 2021. № 2(12). С. 206—209.
4. Нугаманова Л. А. Недостойные наследники: актуальные проблемы признания наследника недостойным // Аллея науки. 2023. № 6(81). С. 849—853.
5. Кагадий Е. А. Мирумьян Л. А. Коллизионные проблемы, связанные с наследованием цифровых активов // Вопросы российской юстиции. 2025. Вып. 40. С. 146—150.
6. Выголова А. А., Даниленко У. А. Институт недостойных наследников в гражданском праве // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2022. № 25. С. 82—87.
7. Пинегина Т. А. Свобода завещания и ее ограничения: обязательная доля и недостойные наследники // Молодой ученый. 2025. № 49(600). С. 415—418.
8. Стражевич Ю. Н., Никонова Н. П. К вопросу об отстранении лиц от наследования // Юридическая наука. 2020. № 10. С. 93—98.
9. Николаев К. В. Наследование по закону и по завещанию: проблемы правоприменительной практики // Молодой ученый. 2025. № 52(603). С. 243—250.
10. Смирнов М. Г. Субъекты института наследования по закону и по завещанию в Российской Федерации // Вестник Академии управления и производства. 2026. № 1. С. 535—540.
11. Султанходжаев А. Н. Отдельные дискуссионные аспекты оснований признания наследников недостойными // Актуальные проблемы науки и практики : Гатчинские чтения — 2025 : материалы XII междунар. науч.-практ. конф. Гатчина : Изд-во ГГУ, 2025. Т. 1. С. 174—176.
12. Крук Е. А. Основания для признания наследников недостойными // Молодой ученый. 2025. № 49(600). С. 379—381.
13. Огнев В. Н. Институт недостойных наследников в гражданском праве (исторический и сравнительно-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. 24 с.
14. Уласевич Е. А. Расширение оснований признания наследников недостойными: нравственно-правовой аспект // Вопросы российской юстиции. 2022. Вып. 20. С. 279—292.
15. Казаков Н. С. Особенности признания лица недостойным наследником // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 5(57). С. 264—268.

REFERENCES

1. Trofimishin I. K. The concept of inheritance. inheritance by will and by law. *Molodezh' i kooperatsiya — 2024 = Youth and Cooperation — 2024. Abstracts of the XLVIII Interregional student scientific conference*. Cheboksary, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation, 2024:149—152. (In Russ.)
2. Sultygov D. M. Constitutional and legal basis for realization of right of inheritance in Russian Federation: inheritance by law and by will. *Vestnik nauki*. 2026;1(94)-4:426—430. (In Russ.)
3. Kalinicheva E. P. The concept of inheritance and the grounds for inheritance under Russian law. *Universitetskaya nauka = University science*. 2021;2(12):206—209. (In Russ.)
4. Nugamanova L. A. Unworthy heirs: current issues of recognizing an heir as unworthy. *Alleya nauki*. 2023;6(81):849—853. (In Russ.)
5. Kagadiy E. A. Mirumyan L. A. Conflict of laws issues related to the inheritance of digital assets. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2025;40:146—150. (In Russ.)
6. Vygolova A. A., Danilenko U. A. The institute of unworthy heirs in civil law. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya RoSMU*. 2022;25:82—87. (In Russ.)
7. Pinegina T. A. Freedom of testamentary rights and its limitations: compulsory share and unworthy heirs. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;49(600):415—418. (In Russ.)
8. Strazhevich Yu. N., Nikonova N. P. To the question of removal of persons from inheritance. *Yuridicheskaya nauka = Juridical science*. 2020;10:93—98. (In Russ.)
9. Nikolaev K. V. Inheritance by law and by will: problems of law enforcement practice. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;52(603):243—250. (In Russ.)
10. Smirnov M. G. Subjects of the institute of inheritance by law and by will in the Russian Federation. *Vestnik Akademii upravleniya i proizvodstva = Herald of Academy of Management and Production*. 2026;1:535—540. (In Russ.)
11. Sultankhodzhaev A. N. Certain controversial aspects of the grounds for recognizing heirs as unworthy. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual problems of science and practice. Gatchina Readings - 2025. Proceedings of the XII International scientific and practical conference*. Gatchina, Gatchina State University publ., 2025;1:174—176. (In Russ.)
12. Kruk E. A. Grounds for recognizing heirs as unworthy. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;49(600):379—381. (In Russ.)
13. Ognev V. N. Institute of unworthy heirs in civil law (historical and comparative legal analysis). Abstract of diss. of the Cand. of Law. Irkutsk, 2007. 24 p. (In Russ.)
14. Ulasevich E. A. Expanding the grounds for recognizing heirs as unworthy: the moral and legal aspect. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2022;20:279—292. (In Russ.)
15. Kazakov N. S. Peculiarities of recognizing a person undereigned heror. *Skif. Voprosy studencheskoi nauki*. 2021;5(57):264—267. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.04.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 09.04.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья

УДК 347.124

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1660

Aleksandr Aleksandrovich Butenko

Candidate of Law,
Head of the Department of Private and Public Law,
Volgograd Institute of Business
Volgograd, Russian Federation
aleksbut21@mail.ru

Александр Александрович Бутенко

канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой частного и публичного права,
Волгоградский институт бизнеса
Волгоград, Российская Федерация
aleksbut21@mail.ru

Gennadii Gennad'evich Egorov

Candidate of Law,
Researcher at Educational and Scientific Laboratory
for the Study of Regional Systems,
Volzhsky Branch
of Volgograd State University
Volzhsky, Russian Federation
egorov@vgi.volsu.ru

Геннадий Геннадьевич Егоров

канд. юрид. наук,
научный сотрудник учебно-научной лаборатории
исследования региональных систем,
Волжский филиал
Волгоградского государственного университета
Волжский, Российская Федерация
egorov@vgi.volsu.ru

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Представленное в статье исследование рассматривает проблемы регламентации правового режима объектов гражданского права, созданных с использованием технологий, основанных на применении авторами комплексов, базирующихся на разработках в сфере машинного интеллекта. Одной из основных проблем, исследуемых авторами, выступает юридическая коллизия, определяющая согласно действующим нормам Гражданского кодекса РФ, что автором таких результатов может быть только гражданин, формирующий их на основе личной творческой деятельности. Данная трактовка формально закрепляет невозможным признание новых объектов, созданных с применением данных цифровых технологий, объектами авторского права. Отмеченное формирует юридическую допустимость того, что при использовании данных продуктов в социальной среде и получении прибыли от данных результатов игнорируются интересы т. н. первичного субъекта, закрепляющего за объектами ряд экономических планов и фактически затраченных инвестиций. Стандартные средства судебной защиты в данных ситуациях становятся неэффективными, и защита экономических интересов первичных правообладателей сводится

к комплексу частноправовых механизмов, сходных с юридическим процессом против всех. Целью проведенного исследования выступает правовой анализ действующих норм и систематизация потенциальных правовых форм защиты гражданских и смежных прав на защищаемые объекты, а также разработка научно-практических рекомендаций по совершенствованию действующих норм российского права. Методология научного исследования включает сравнительно-правовой анализ, научно-доктринальное толкование норм гражданского права, структурно-функциональный анализ существующих правовых институтов и определение перспективных направлений по совершенствованию нормативных изменений. Отдельное внимание уделяется анализу пользовательских соглашений, вводимых правообладателями ИИ-платформ, как фактической формы правового регулирования проблемных отношений в данной сфере

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, авторское право, смежные права, Гражданский кодекс РФ, творческий труд, пользовательские соглашения, исключительное право, правовая неопределенность, защита гражданских прав

Для цитирования: Бутенко А. А., Егоров Г. Г. Правовые формы защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью искусственного интеллекта // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 219—225. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1660.

Original article

LEGAL FORMS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS TO OBJECTS OBTAINED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The conducted research examines the problems of regulating the legal status of objects of civil law created using technologies based on the authors' use of complexes developed with the help of machine intelligence. One of the main problems

investigated by the authors is a legal conflict that determines, according to the current norms of the Civil Code of the Russian Federation, that the author of such results can only be a citizen who forms them based on personal creative activity.

This interpretation formally establishes the impossibility of recognizing new objects created using these digital technologies as objects of copyright. This creates a legal basis for ignoring the interests of the so-called primary entity, which links a set of economic plans and actual investments to the objects, when these products are used in a social environment and profits are generated from the results. Standard judicial remedies become ineffective in these situations, and the protection of the economic interests of the primary copyright holders is reduced to a set of private law mechanisms similar to legal proceedings against everyone. The purpose of the research is a legal analysis of current norms and systematization of potential legal forms of protection of civil and related rights to protected objects, as well

as the development of scientific and practical recommendations for improving the current norms of Russian law. The methodology of scientific research includes comparative legal analysis, the initial doctrinal interpretation of the norms of civil law, the structural and functional analysis of existing legal institutions and the identification of promising areas for improving regulatory changes. The authors pay special attention to the analysis of user agreements introduced by the copyright holders of AI platforms as an actual form of legal regulation of gap relations in this area.

Keywords: artificial intelligence / AI, generative AI, copyright, related rights, Civil Code of the Russian Federation, creative work, user agreements, exclusive right, legal uncertainty, protection of civil rights

For citation: Butenko A. A., Egorov G. G. Legal forms of protection of civil rights to objects obtained with the help of artificial intelligence. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):219—225. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1660.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительным развитием генеративных технологий искусственного интеллекта (*artificial intelligence, AI*; далее — ИИ), включая большие языковые модели и нейросети для создания текстов, изображений и аудиовизуального контента, вызвало глубокий кризис в традиционной системе интеллектуальной собственности. Ключевая причина этого кризиса заключается в том, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации, в частности Часть четвертая Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ, исходит из фундаментального требования о том, что авторское право возникает только в результате творческого труда человека. Однако контент, созданный с помощью ИИ (*AI-generated content*), может формироваться полностью или частично автономным алгоритмом, при минимальном участии человека — например, через формулировку запроса (промпта). В таких случаях возникает серьезная юридическая неопределенность относительно правообладателя, правового режима результата и возможных форм его защиты.

Целесообразность разработки темы. В российском праве отсутствует специализированные нормы права регулирующие общественные отношения, связанных с определением режима объектов, созданных с помощью ИИ.

Данная ситуация порождает правовую дилемму, при которой лица, инвестирующие в создание данных объектов, не могут юридически рассчитывать на возможность использования гражданско-правовых механизмов защиты прав, предусмотренных в гл. 70 ГК РФ. Данные пробы в правовой регламентации, вынуждают де-факто возлагать бремя по защите авторских права на частные компании — операторов ИИ-сервисов, которые закрепляют правила по определению правовых режимов через пользовательские соглашения, тем самым защищая и самих себя от возможных судебных разбирательств во свое участие. Использование данного подхода ведет к фрагментации правового поля, создания предпосылок для возникновения неравенства сторон и отсутствию юридических гарантий против всех заинтересованных лиц (*erga omnes*), что противоречит принципам публичного регулирования интеллектуальных прав.

Изученность проблемы. Правоотношения в сфере технологии ИИ как объекта интеллектуальной собственности исследовали В. В. Архипов [1], И. З. Аюшева [2], Е. Ю. Бараккина [3], М. В. Белкина [4], А. Р. Валамат-Заде [5], И. В. Воробьева [6], С. А. Деев [7], Е. П. Шилкина [8] и др.

Проблемные аспекты правовых способов защиты ИИ как объекта интеллектуальной собственности изучали В. С. Горбань [9], С. В. Коршунов [10], И. Н. Мосечкин [11] и др. Отмечается отсутствие правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Признавая вклад этих и других ученых в разработку проблемы правового регулирования института ИИ, тем не менее приходится признать, что она остается недостаточно изученной. Это связано, прежде всего, с тем, что процесс правового регулирования находится на начальной стадии. В связи с этим возникает необходимость выявления проблем, складывающихся в сфере защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью ИИ.

Научная новизна данной публикации заключается в исследовании теоретических и практических проблем, установления правового режима защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью ИИ, в т. ч. на основе анализа современного российского и зарубежного законодательства. В статье представлен анализ результатов деятельности ИИ и соответствующих им механизмов правовой защиты. Созданные ИИ результаты деятельности предлагается считать не единым объектом правового регулирования, а совокупностью внешне сходных, но по существу различных объектов, каждый из которых требует собственного подхода к правовой охране.

Целью исследования является выявление и систематизация действующих и потенциальных правовых форм защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью ИИ, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию российского законодательства.

В качестве ключевой **задачи** выступает обоснование необходимости введения специального правового режима *sui generis* в рамках института смежных прав, ориентированного не на творчество, а на защиту организационных и финансовых вложений.

Теоретическая значимость. В условиях пробельной регламентации исследуемых направлений, возникает необходимость в разработке адекватных правовых форм защиты гражданских прав на ИИ-объекты. Представляется, что в текущей ситуации защита осуществляется преимущественно контрактными механизмами (*ex contractu*), тогда как защита в силу закона (*ex lege*) требует либо адаптации существующих институтов, таких как смежные права или права на базы данных, либо введения нового специального правового режима особого рода (*sui generis*). Настоящая

статья направлена на анализ этих возможностей в свете действующего законодательства, международного опыта и доктринальных предложений.

Практическая значимость данного исследования заключается в онтологической дифференциации результатов деятельности ИИ и соответствующих им механизмов правовой защиты, является значимой как для дальнейших исследований данных объектов, так и в качестве предложений по совершенствованию норм гражданского законодательства.

Основная часть

Методологической основой исследования выступает сравнительно-правовой анализ (сравнение подходов в регламентации объектов в США, Европейском Союзе и Российской Федерации); научное толкование действующих норм гражданского законодательства, структурно-функциональный анализ правовых институтов, связанных с авторским правом, смежными правами, базами данных, коммерческой тайной; и прогнозирование правовых инноваций в данной сфере, а также системный, комплексный, логико-юридический методы, правовой и др. Особое внимание уделено анализу пользовательских соглашений крупных ИИ-платформ как фактического источника правового регулирования в условиях законодательного вакуума.

Результаты исследования. Развитие генеративного ИИ, включая большие языковые модели и нейросети для создания текстов, изображений и аудиовизуального контента, вызвало глубокий кризис в традиционной системе интеллектуальной собственности. Ключевая причина этого кризиса заключается в том, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации, в частности Часть четвертая ГК РФ, исходит из фундаментального требования о том, что авторское право возникает только в результате творческого труда человека. Однако объекты, созданные с помощью ИИ, могут формироваться полностью или частично автономным алгоритмом, при минимальном участии человека, например через формулировку промпта. В таких случаях возникает серьезная юридическая неопределенность относительно правообладателя, правового режима результата и возможных форм его защиты.

Современная система интеллектуальной собственности в Российской Федерации строится на антропоцентричной модели, в которой автором может быть только физическое лицо, осуществившее творческий труд. Статья 1228 ГК РФ прямо указывает, что автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого он создан. Аналогичным образом, ст. 1259 ГК РФ, закрепляющая перечень охраняемых авторским правом произведений, предполагает их происхождение от человеческой творческой деятельности. Поскольку ИИ не обладает правосубъектностью: он не является ни гражданином, ни юридическим лицом, — он не может быть признан автором в юридическом смысле. Такое положение подтверждается и международной практикой. Так, Управление по авторским правам США (*U.S. Copyright Office, USCO*; <https://www.copyright.gov/ai/>) неоднократно подчеркивало, что «человеческое авторство» является необходимым условием охраноспособности произведения. Даже тщательно составленный запрос (промпт), по мнению *USCO*, не создает охраняемого выражения, поскольку конкретная форма контента генерируется машиной, а не человеком.

Этот принцип был дополнительно укреплен в патентном праве США в деле *Thaler v. Vidal* 2022 г. (<https://www.sterneckessler.com/news-insights/insights/thaler-v-vidal-43-f4th-1207-fed-cir-2022-moore-taranto-stark/>), где Апелляционный суд по федеральному округу постановил, что изобретателем может быть только «индивид», т. е. человек. Хотя такое решение касается патентного права, его доктринальные основания напрямую применимы к авторскому праву: если ИИ не может быть изобретателем, он тем более не может быть автором художественного или литературного произведения. Таким образом, полностью автономно сгенерированный ИИ-контент, не содержащий существенного творческого вклада человека, не подпадает под охрану авторского права и формально попадает в общественное достояние [12]. Что создает парадоксальную ситуацию: экономически ценный, уникальный контент не защищен законом, что подрывает стимулы к его созданию и коммерциализации.

Вместе с тем объекты, созданные с использованием ИИ, можно классифицировать по степени участия человека. Во-первых, это случаи, когда ИИ выступает в роли инструмента, ускоряющего или облегчающего творческий процесс, но окончательное художественное решение принимает человек (например, художник, ретуширующий нейросетевое изображение или писатель, редактирующий сгенерированный текст). Во-вторых, случаи, когда человек ограничивается лишь постановкой задачи (промптом), а ИИ самостоятельно определяет стиль, композицию и выразительные средства. Именно второй тип объектов создает наибольшие правовые трудности. В первом случае авторское право, скорее всего, сохраняется, но во втором — его возникновение вызывает сомнения.

Поскольку авторское право в отношении автономных ИИ-объектов неприменимо, исследователи и практики обращаются к альтернативным институтам Части четвертой ГК РФ. Одним из таких институтов является право на базу данных (гл. 71 ГК РФ, ст. 1333—1336). Такое право защищает не содержание, а структуру и организацию совокупности независимых материалов, если на их создание были затрачены существенные финансовые, материальные, организационные или иные усилия. Оператор ИИ-сервиса, организовавший генерацию и систематизацию большого массива данных, может претендовать на статус «изготовителя базы данных». Однако такая защита не распространяется на отдельные сгенерированные элементы (например, на конкретное изображение или текст), а охватывает лишь способ их организации. Следовательно, это средство защиты инвестиций, а не творческого содержания [13].

Другой возможностью является признание ИИ-контента производным произведением, если пользователь вносит в него существенные творческие изменения. В этом случае авторское право возникает, но только в отношении доработанной части. Однако на практике доказать «существенность» вклада бывает крайне сложно, особенно если исходный ИИ-контент уже обладает высокой художественной или функциональной завершенностью. Суды сталкиваются с необходимостью разработки критериев оценки творческого вклада, что требует, как методологической ясности, так и технической экспертизы.

В отсутствие прямого законодательного регулирования ключевую роль в определении правового режима ИИ-контента играют пользовательские соглашения.

Многие платформы, такие как *Midjourney*, прямо передают пользователю права на коммерческое использование сгенерированного контента при условии оплаты подписки. Это создает правовую защиту исключительно между сторонами договора (*inter partes*) — между пользователем и оператором. Однако такая защита не действует против третьих лиц, не связанных договором. Если конкурент скопирует ИИ-изображение, размещенное в открытом доступе, пользователь не сможет предъявить требование о нарушении исключительного права, поскольку такое не возникло в силу закона. Тем самым используемая модель соглашения оказывается недостаточно-целостной для обеспечения коммерческого оборота в договорной форме безусловного характера.

В аналогичной форме также допустимо использование общедоступных моделей ИИ (*Open Source AI*), сформированных на лицензионных условиях типа *MIT* или *Apache 2.0*, также формирующих особую форму защиты прав авторов посредством открытого договорного соглашения с пользователем. Данные условия пользования определяют, как порядок использования алгоритма, так и ряд требований к внешним формам применения и ограничений на коммерческое применение, без отдельного соглашения с разработчиками. Отмеченный подход усложняет порядок идентификации экспертного контента (*provenance*) и фактически могут быть проигнорированы с учетом развития цифрового пространства, затрудняющего контроль за соблюдением всех элементов лицензионного соглашения. При этом, данные алгоритмы также могут формировать элементы, тождественные с результатами обработки данных проводимых закрытыми системами, порождая тем самым внешние признаки, достаточные для возникновения споров о происхождении итогового результата в аспекте возможных нарушений авторских прав.

Отмеченное обуславливает признание в теории права необходимости введения специального правового режима для ИИ-объектов — в рамках института смежных прав или как право особого рода (*sui generis*). Специалисты предлагают предоставить исключительные права лицам, использующим модули с ИИ (оператору или пользователю), которые изначально выступили «первым» субъектом, запустившим процесс генерации охраняемого результата. Отмеченный подход не требует наличия у лиц специальных трудов затрат, но позволяет защитить организационные и финансовые инвестиции, значимые для предпринимательской сферы. Логически обоснованным местом нормативной регламентации данных права в ГК РФ выступает гл. 71, в которой уже регламентируются близкие отношения, к примеру права по изготовлению баз данных или систем размещения авторских результатов. Предлагаемым сроком охраны данных элементов может быть определена в 15—25 лет, что соответствует практике защиты инвестиционных прав.

Внедрения данной модели позволит преодолеть ряд базовых недостатков, выделяемых в контрактной системе защиты права — отсутствие действия против всех заинтересованных участников отношений (*erga omnes*). Использование исключительных прав создает юридическую возможность требовать пресечения правонарушений, компенсации убытков и выплаты компенсаций третьим лицам, даже если они не были связаны отдельным договором с правообладателем. Отмеченное особо важ-

но в условиях «взрывного» роста использования созданного с помощью ИИ-систем контента в рекламе, дизайне, медиа и других отраслях обладающих финансовой привлекательностью.

Не смотря на юридическое отсутствие авторских прав, ряд гражданско-правовые механизмы уже могут быть применены для разрешения споров, связанных с отмеченным. К примеру, несанкционированное копирование материалов, используемых в рекламных целях, может быть оспорено по признакам недобросовестной конкуренции на основании Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Использование данного алгоритма требует от заинтересованных лиц предоставления доказательства наличия конкурентных отношений и подтвержденного размера экономического вреда, что не всегда является возможным. Также в теории права ряд ученых предлагают осуществлять защиту своих права и законных интересов через введения режима коммерческой тайны (*noy-hau*). Если при использовании систем генерации информации на основе ИИ, авторы использовали уникальную систему создания т. н. промптов (описательный элементов, формирующих поручение для комплексов) или алгоритмов машинной генерации результатов сохраняют в тайне, то факт неправомерного их раскрытия может повлечь за собой наступления юридической ответственности. Несмотря на существующую систему защиты, данный механизм не в состоянии обеспечить защиту результата, а вводит механизмы защиты средств по его созданию, что ограничивает его применимость в отношении свободно распространяемого контента, т. к. системы на основе машинного интеллекта, даже при полном совпадении условий создание, не в состоянии повторить результат при полном совпадении технических характеристик результата [14].

Практика судебной защиты прав на формируемые системам на основе ИИ объектов также подтверждает наличия ряда серьезных препятствий. Статья 1252 ГК РФ предусматривает в качестве способа защиты авторских прав, включающего признание права, пресечение существующих нарушений и, при наличии подтвержденного вреда или угрозы его возникновения, взыскания компенсации. Использование данных мер, возможно, при наличии исключительных прав, возникающих в силу действия нормы закона, и если защищаемые результаты не признаны объектами авторского или смежного права, то способы становятся «неработоспособными» [15]. Исходя из данных обстоятельств, при обращении в суд с иском о защите авторских прав на созданный ИИ-контент, заинтересованные лица скорее всего получат отказ в принятии иска в связи с отсутствием юридических основания по защите таких права.

Исходя из отмеченных сложностей судебной защиты, следует признать значительную роль возможных первых судебных прецедентов в Российской Федерации, связанных с данным объектом защиты. Но суды, сталкиваются с правовым вакуумом, и вынуждены либо признать такие объекты частью общественного достояния, либо «подгонять» их под существующие институты, например, квалифицируя как базу данных или элемент недобросовестной конкуренции. Такие решения, по сути, будут выполнять функцию квази-регулирования, пока не будет принято специальное законодательство. Международный опыт также не предлагает единого решения. США придерживаются

строгой модели «нулевой защиты»: без человеческого авторства — нет авторского права. Европейский Союз, приняв Акт об ИИ (*EU AI Act*; <https://artificialintelligence-act.eu/>), сосредоточился не на интеллектуальной собственности, а на регулировании рисков и требованиях к прозрачности. Тем не менее, положения об обязательной маркировке ИИ-генерированного контента могут косвенно повлиять на *IP*-споры, упрощая доказывание происхождения. Ни одна из ведущих юрисдикций не рассматривает возможность наделения ИИ квази-правосубъектностью — эта модель отвергнута как юридически и философски неприемлемая.

Возвращаясь к российскому контексту, следует отметить, что законодательный вакуум в этой сфере порождает не только правовую неопределенность, но и экономические риски. Инвесторы, разработчики и пользователи ИИ-сервисов не могут быть уверены в том, что их контент будет защищен от копирования. Отмеченное снижает доверие к технологиям и тормозит инновационное развитие. В связи с этим актуальным становится обращение к национальным нормативным инициативам. В частности, 18 марта 2026 г. был опубликован проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования применения технологий искусственного интеллекта» (<https://regulation.gov.ru/projects/166424/>), который закладывает базовые принципы правового режима ИИ, однако пока не содержит детализированных норм об интеллектуальной собственности на сгенерированные объекты. Поэтому необходимы как доктринальные разработки, так и дальнейшие нормативные инициативы.

Наиболее прагматичным путем представляется сочетание двух направлений реформирования. Во-первых, следует закрепить в ГК РФ принцип, согласно которому авторство возможно только при наличии творческого труда человека — в соответствии с международным консенсусом. Отмеченное обеспечит правовую ясность и предсказуемость. Во-вторых, необходимо ввести специальный режим исключительных прав для автономной ИИ-объектов в рамках гл. 71 ГК РФ. Такой режим должен предоставляться лицу, использующему ИИ для реализации замысла, и защищать его инвестиции и организационные усилия. Для обеспечения доступности по анализу объектов и облегчения процесса по их судебному применению целесообразно разработать и внедрить в правоприменительную практику национальные стандарты, регулирующие как маркировку ИИ-контента (частично уже введенного на основании заявительного порядка заинтересованных лиц), а также ввести требования к цифровой фиксации и сохранению систем анализа вклада автора в формируемый новый контент [ГОСТ Р 71657—2024 Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 1 октября 2024 г. № 1364-ст)].

Введение данного алгоритма позволит как интегрировать в экономическую сферу результаты ИИ-генерации, исходя из действующих норм гражданского права, так и соотнести новые элементы с действующими принципами авторского права, обеспечивая тем самым эффективную систему защиты прав участников рыночной сферы. При этом он также будет способствовать адаптации страны к международным технологическим

вызовам, соблюдая баланс между вводимыми инновациями и свободой использования личных знаний конкретного автора.

Основные выводы исследования сводятся к следующему:

- 1) в текущих условиях в Российской Федерации не существует эффективной *ex lege* защиты прав на автономно сгенерированный ИИ-контент;
- 2) доминирующим, но недостаточным механизмом является контрактная защита через пользовательские соглашения;
- 3) международный консенсус (США, Европейский Союз) подтверждает невозможность признания ИИ автором;
- 4) наиболее прагматичным решением является внедрение в ГК РФ специального режима (статуса) смежных прав для лиц, использующих ИИ (операторов), что позволит обеспечить исключительное право, действующее против всех;
- 5) необходима разработка государственных стандартов, регулирующих маркировку ИИ-контента и процедуры доказывания вклада человека.

Заключение

Современное российское гражданское право не содержит эффективных механизмов защиты авторских и смежных прав на объекты, полученные с помощью систем на основе ИИ. Основным препятствием является требование о творческом труде человека, закрепленное в ст. 1228 и 1259 ГК РФ, которое исключает возможность признания автономно сгенерированного ИИ-контента объектом авторского права. Международная практика, включая позицию патентного права США в деле *Thaler v. Vidal* (2022), где Апелляционный суд по федеральному округу постановил, что изобретателем может быть только «индивид», т. е. человек. Хотя такое решение касается патентного права, его доктринальные основания напрямую применимы к авторскому праву: если ИИ не может быть изобретателем, он тем более не может быть автором художественного или литературного произведения.

В отсутствие непосредственной регламентации правового режима ИИ-объектов, практическую роль играет контрактная система, применяемая операторами ИИ-сервисов, через пользовательские соглашения. Отмеченная система носит частноправовой характер и не может обеспечить исключительные права третьих лиц, что делает ее не эффективной в случае последующей коммерциализации, или возникшей необходимости по защите инвестиций. Базовые, предусмотренные ст. 1252 ГК РФ, средства защиты становятся неприменимыми в связи с отсутствием базового исключительного права, возникшего в силу закона.

Для устранения данных пробелов в защите авторами своих прав, предлагается ввести в действующие нормы российского законодательства нормы, вводящие специальные правовые режимы особого рода (*sui generis*) в рамках института смежных прав (гл. 71 ГК РФ). Наличие данных норм позволит ввести исключительные права лицам, использующему результаты полученные с помощью ИИ для реализации коммерческих интересов и защищать организационные и финансовые затраты, даже если они не требуют использования творческого труда. Применение данных норм также позволит обеспечить защиту прав первичного правообладателя, в случае возникновения исков против всех лиц (*erga omnes*) и обеспечить внедрение передовых технологий в условиях правовой определенности.

Приложение

При создании статьи использованы материалы отраслевой прессы:

- Открытые модели Искусственного Интеллекта // GitVerse. 2024. 22 авг. URL: <https://gitverse.ru/blog/articles/ai/78-otkrytye-modeli-iskusstvennogo-intellekta>.
- Шишкунова А. ИИ и авторское право: кому принадлежит созданный нейросетью контент и как законно его использовать // IPS.RU. 2025. 6 авг. URL: <https://1ps.ru/blog/texts/2025/ii-i-avtorskoe-pravo-komu-prinadlezhit-sozdannyij-nejrosetyu-kontent-i-kak-zakonno-ego-ispolzovat/>.
- Epstein M. O., Feirman J., Levi S. D., Ghaemmaghami M. Copyright Office Publishes Report on Copyrightability of AI-Generated Materials // Skadden Publication / AI Insights. February 4, 2025. URL: <https://www.skadden.com/insights/publications/2025/02/copyright-office-publishes-report>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития / В. В. Архипов, Г. Г. Камалова, В. Б. Наумов и др. СПб. : НП-Принт, 2020. 260 с.
2. Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю. Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : моногр. / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2025. 313 с.
3. Баракина Е. Ю., Попова А. В. Трансформация государственных цифровых платформ обеспечения экономической безопасности // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 4. С. 158—166. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-158-166.
4. Белкина М. В. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом: пробелы законодательства и пути их устранения // Власть закона. 2021. № 2(46). С. 152—166.
5. Валамат-Заде А. Р., Черновол К. А. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового регулирования в России и за рубежом // Вестник современных исследований. 2020. № 5-1(35). С. 9—12.
6. Воробьева И. В., Салахутдинов В. Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития : материалы XVI междунар. науч. конф. : в 4 ч. М. : МУ им. С. Ю. Витте, 2020. Ч. 4. С. 65—75.
7. Деев С. А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности и в правоприменении // Молодой ученый. 2022. № 38(433). С. 111—114.
8. Шилкина Е. П. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2023. № 7(454). С. 220—224.
9. Горбань В. С. Генетическая паспортизация в России // Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом : материалы междууз. науч. конф. на базе каф. администрат. и финанс. права Юрид. ин-та Рос. ун-та дружбы народов. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2022. С. 215—221.
10. Коршунов С. В., Федоров И. Б., Норенков И. П. Подготовка специалистов в области компьютерных наук, техники и технологий // Прикладная информатика. 2006. № 4. С. 3—14.
11. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : моногр. Киров : Вят. гос. ун-т, 2020. 111 с.
12. Ву Дж. Восполнение пробела в правовом регулировании отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интеллектом // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 1. С. 190—216. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.190-216.
13. Егоров Г. Г. Международный опыт внедрения цифровых технологий в современном обществе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 110—118.
14. Егоров Г. Г. Опыт КНР по внедрению искусственного интеллекта в гражданско-правовые отношения (проблемы, перспективы) // Вестник ВИАПП. 2025. № 2. С. 182—195.
15. Близнец И. А., Коровин О. В. Авторское право в эпоху перемен: настоящее и будущее // Юрист. 2026. № 3. С. 2—12. DOI: 10.18572/1812-3929-2026-3-2-12.

REFERENCES

1. Arkhipov V. V., Kamalova G. G., Naumov V. B. et al. Legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems: history, current state and development prospects. Saint Petersburg, NP-Print, 2020. 260 p. (In Russ.)
2. Ayusheeva I. Z., Vasilevskaya L. Yu. Civil turnover in the context of digitalization: problems and prospects of development. Monograph. I. Z. Ayusheeva (ed.). Moscow, Prospekt, 2025. 313 p. (In Russ.)
3. Popova A. V., Barakina E. Yu. Transformation of State Digital Platforms for Ensuring Economic Security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(4):158—166. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-158-166.
4. Belkina M. V. Copyright on objects created by artificial intelligence: gaps in legislation and ways to eliminate them. *Vlast' zakona = The Power of Law*. 2021;2(46):152—166. (In Russ.)
5. Valamat-Zade A. R., Chernovol K. A. Intellectual property objects created with the help of artificial intelligence: features of legal regulation in Russia and abroad. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 2020;5-1(35):9—12. (In Russ.)
6. Vorobyova I.V., Salakhutdinov V.D. Problems of legal regulation of artificial intelligence. *Nauka i obrazovanie: budushchee i tseli ustoichivogo razvitiya = Science and education: the future and the goals of sustainable development. Proceedings of the XVI International scientific conference*. Moscow, Moscow Witte University publ., 2020;4:65—75. (In Russ.)

7. Deev S. A. Prospects and problems of using artificial intelligence in law-making and law enforcement. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2022;38(433):111—114. (In Russ.)
8. Shilkina E. P. Problems of legal personality of artificial intelligence. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;7(454):220—224. (In Russ.)
9. Gorban' V. S. Genetic certification in Russia. *Aktual'nye problemy administrativnogo, finansovogo i informatsionnogo prava v Rossii i za rubezhom = Topical issues of administrative, financial and information law in Russia and abroad. Proceedings of the interuniversity scientific conference at the Department of Administrative and Financial Law of the Law Institute of the RUDN University*. Moscow, RUDN University publ., 2022:215—221. (In Russ.)
10. Korshunov S. V., Fedorov I. B., Norenkov I. P. Training of specialists in the field of computer science, engineering and technology. *Prikladnaya informatika = Journal of Applied Informatics*. 2006;4:3—14. (In Russ.)
11. Mosechkin I. N. Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation. Monograph. Kirov, Vyatka State University publ., 2020. 111 p. (In Russ.)
12. Wu J. Bridging the AI inventorship gap. *Fordham Law Review*. 2023;91(6):2515—2547.
13. Egorov G. G. International experience in implementing digital technologies in modern society. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of the Russian Law Academy*. 2024;4:110—118. (In Russ.)
14. Egorov G. G. Experience of the People's Republic of China in implementing AI in civil law relations (problems, prospects). *Vestnik VIEPP*. 2025;2:182—195. (In Russ.)
15. Bliznets I. A., Korovin O. V. Copyright in the time of change: present and future. *Yurist = Jurist*. 2026;3:2—12. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3929-2026-3-2-12.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья
УДК 342.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1644

Sergey Viktorovich Gorovenko
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Public Health
and Healthcare,
Tyumen State Medical University
Tyumen, Russian Federation
tgamyp@yandex.ru

Сергей Викторович Горовенко
канд. юрид. наук,
доцент кафедры общественного здоровья
и здравоохранения,
Тюменский государственный медицинский университет
Тюмень, Российская Федерация
tgamyp@yandex.ru

Natalia Evgenievna Zolnikova
Candidate of Medicine,
Associate Professor of the Department of Public Health
and Healthcare,
Tyumen State Medical University
Tyumen, Russian Federation
ZolnikovaNE@tyumsmu.ru

Наталья Евгеньевна Зольникова
канд. мед. наук,
доцент кафедры общественного здоровья
и здравоохранения,
Тюменский государственный медицинский университет
Тюмень, Российская Федерация
ZolnikovaNE@tyumsmu.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В СФЕРЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Сфера медицины характеризуется многоуровневой системой контроля и ответственности, предполагающей наложение финансовых взысканий на медицинскую организацию. Сложно отрицать значимость превентивной и правовосстановительной функции мер юридической ответственности. Тем не менее объем ответственности не должен претворять профилактику правонарушений в карательное воздействие, которое негативно сказывается не только на самом виновном, но и на не причастных к правонарушению участниках здравоохранительных правоотношений.

Проведенный анализ мер ответственности медицинских организаций в сфере обязательного медицинского страхования показал, что даже однократное нарушение требований по качеству оказанной медицинской помощи может привести к применению четырех видов финансовых санкций, что позволяет судить о чрезмерном размере возлагаемого финансового бремени.

Формально, часть такого бремени может быть переложена на виновного медицинского работника в рамках его материальной ответственности в порядке регресса или депремирования как меры дисциплинарного воздействия на работника. В то же время подобный вариант поведения

может явиться фактором, усугубляющим кадровый дефицит в системе государственных медицинских учреждений.

В этой связи предложены варианты ограничения ответственности медицинских учреждений за выявленные нарушения путем устранения дублирования мер ответственности с максимальным сохранением, по возможности, баланса финансовых интересов всех участников рассматриваемых правоотношений. В таком качестве предложено установить обязательный досудебный порядок урегулирования претензий между пациентом и медицинской организацией в случае возникновения претензий по качеству оказанной помощи, обращено внимание на необходимость принятия закона о страховании профессиональной ответственности медицинских работников, предложена мера исключения административной ответственности в случае применения штрафных санкций при выявлении нарушений в рамках контроля со стороны страховых медицинских организаций.

Ключевые слова: медицинская деятельность, юридическая ответственность, административная ответственность, контроль, качество медицинской помощи, обязательное медицинское страхование, независимая экспертиза, страхование, урегулирование споров

Для цитирования: Горовенко С. В., Зольникова Н. Е. Актуальные вопросы юридической ответственности медицинских организаций при оказании медицинской помощи в сфере обязательного медицинского страхования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 226—230. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1644.

Original article

TOPICAL ISSUES OF LEGAL LIABILITY OF MEDICAL ORGANIZATIONS WHEN PROVIDING MEDICAL CARE WITHIN COMPULSORY MEDICAL INSURANCE

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The field of medicine is characterized by a multi-level system of control and responsibility, involving the imposition of financial penalties on a medical organization. It is difficult

to deny the importance of the preventive and law-restoring function of measures of legal liability. Nevertheless, the scope of liability should not translate the prevention of offenses into

punitive action, which negatively affects not only the perpetrator himself, but also the participants in healthcare legal relations who are not involved in the offense.

An analysis of the liability of medical organizations within compulsory medical insurance has shown that even a single violation of the quality requirements for medical care can lead to the application of four types of financial sanctions, which allows us to judge the excessive amount of the financial burden imposed.

Formally, part of this burden can be shifted to the guilty medical worker within the framework of his financial liability by way of recourse or depredation as a disciplinary action against the employee. At the same time, this type of behavior may be a factor exacerbating the personnel shortage in the system of public medical institutions.

For citation: Gorovenko S. V., Zolnikova N. E. Topical issues of legal liability of medical organizations when providing medical care within compulsory medical insurance. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 2(75):226—230. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1644.

Введение

Актуальность. Применение мер юридической ответственности в отношении медицинских организаций, осуществляющих деятельность в сфере обязательного медицинского страхования (далее — ОМС), предполагает возложение на них финансового бремени, которое требует компенсации за счет дополнительных источников финансирования или уменьшения денежного содержания медицинских работников такой организации в части их премиальных выплат. В этой связи актуальным является поиск правовых решений, позволяющих уменьшить такое бремя, с сохранением профилактической и праввосстановительной функции применяемого наказания.

Изученность проблемы. Правоотношения, регулируемые законодательством об ОМС, имеют дискуссионную правовую суть, что послужило основанием для проведения соответствующих исследований. В этой связи можно отметить работы В. Ю. Трубина [1], А. Э. Супрун [2], Н. С., А. М., М. А. и С. М. Ковалевских [3], Н. В. Рощепко [4], Е. С. Крюковой [5], Г. Т. Кацитадзе [6].

В целях определения обоснованности применения неоплаты медицинской помощи как меры финансового воздействия использовались работы Т. А. Скворцовой [7], Е. А. Суханова [8], М. Г. Слепониной и А. Д. Степуриной [9], М. Г. Бойко [10], в которых анализируется соотношение предпринимательской деятельности и деятельности, приносящей доход, а также отнесение медицинской деятельности к социальному предпринимательству.

При исследовании обязанности субъектов страхового контроля в рамках установленных антикоррупционных требований использовались работы А. В. Ольшевского и Т. С. Горбуновой [11], Т. Н. Дазмаровой [12] в части анализа понятия «правоохранительные органы».

При формулировании предложений по смягчению объема ответственности медицинских организаций использовались работы С. Н. Гаврилова [13] в части формирования модели института независимой медицинской экспертизы, М. В. Маркиной [14] и А. А. Мохова [15] в части страхования ответственности медицинских работников

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью поиска баланса финансовых интересов участников здравоохранительных отношений в сфере ОМС при применении мер юридической ответственности в отношении медицинских учреждений за допущенные нарушения.

In this regard, options are proposed for limiting the liability of medical institutions for identified violations by eliminating duplication of liability measures while maximizing the balance of financial interests of all participants in the legal relationship under consideration. As such, it is proposed to establish a mandatory pre-trial procedure for the settlement of claims between a patient and a medical organization in the event of complaints about the quality of care provided, attention is drawn to the need to adopt a law on professional liability insurance for medical workers, and a measure to exclude administrative liability in the case of penalties when violations are detected within the framework of control by insurance medical organizations.

Keywords: medical activity, legal liability, administrative liability, control, quality of medical care, compulsory medical insurance, independent expertise, insurance, dispute resolution

Научная новизна исследования выражена в предложении вариантов решения проблемы чрезмерных финансовых санкций в отношении медицинских организаций при осуществлении контроля в сфере ОМС.

Цель исследования заключается в анализе правовой природы и видов юридической ответственности медицинских организаций при осуществлении контроля в сфере ОМС, а также в поиске решений по исключению их карательного воздействия.

Задачи исследования:

- проанализировать правовую природу и виды юридической ответственности медицинских организаций при осуществлении контроля в сфере ОМС;
- обосновать необходимость обязательного досудебного урегулирования претензий между пациентом и медицинской организацией;
- обосновать необходимость исключения возможности применения мер административной ответственности при наложении штрафа в рамках осуществления контроля в сфере ОМС.

Теоретическая значимость выражается в научном обосновании необходимости уменьшения размера ответственности медицинских организаций при допущенных нарушениях в сфере ОМС.

Практическая значимость исследования заключается в поиске правовых решений, позволяющих уменьшить объем финансовых санкций при выявлении нарушений в сфере ОМС с сохранением профилактической направленности применяемых мер наказания.

Основная часть

Методологическая основа. В качестве метода исследования использовался правовой анализ российского законодательства в заявленной сфере проведения исследования, позволяющий сформировать предложения по устранению выявленной проблематики.

Исследование освобождено от необходимости оценки ответственным этическим комитетом.

Результаты исследования. Юридическая ответственность медицинских организаций в сфере ОМС характеризуется отраслевым разнообразием применяемых мер санкционного воздействия, создающего существенную нагрузку на их финансовое состояние [1, с. 35; 2, с. 12]. В таком

качестве можно рассматривать меры специально-договорной, гражданско-деликтной, административной ответственности медицинских организаций. В этой связи актуален поиск баланса интересов всех участников анализируемых правоотношений в целях уменьшения финансового бремени медицинских учреждений государственной системы здравоохранения.

Специально-договорная ответственность основана на заключаемых договорах на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС. В этой связи представляет интерес анализ правовой природы юридической ответственности медицинских организаций за нарушения, выявляемые в рамках проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по ОМС застрахованным лицам.

Часть 10 ст. 40 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» устанавливает, что по результатам контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи применяются меры, выраженные в форме неоплаты оказанной медицинской помощи (полной или частичной), а также в форме наложения штрафов. Правовая природа таких штрафов является предметом научной дискуссии. Отмечается двойственный характер института ОМС, сочетающий в себе элементы публично-правового и частноправового регулирования [3, с. 18; 4, с. 66—67; 5, с. 22; 6, с. 36].

Представляется, что указанная неоднозначность подходов к определению сути правоотношений в сфере ОМС основана на совмещении двух основных сфер контроля, осуществляемых в рамках исполнения договора на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС, а именно финансово-экономического контроля над расходованием медицинскими организациями денежных средств и контроля качества оказания медицинской помощи. Если финансово-экономический контроль, осуществляемый страховыми компаниями, является следствием системы договоров по финансированию системы ОМС, то контроль качества медицинской помощи основан не на договорных отношениях, которые формируются сторонами договора, а на нормативных актах, регулирующих порядок предоставления медицинской помощи.

Проблемой применения договорной санкции в форме неоплаты (полной или частичной) медицинской услуги в размере тарифа, на наш взгляд, является возможность ее назначения при выявлении нарушений требований качества медицинской помощи. Структура тарифа на оплату медицинской помощи включает в себя расходы, поименованные в ч. 7 ст. 35 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ. Данные расходы медицинская организация обязана нести в силу специфики медицинской деятельности, предполагающей невозможность отказа в предоставлении медицинской помощи. Оказание медицинской помощи в системе ОМС не является предпринимательской деятельностью в силу отсутствия направленности на систематическое получение прибыли. Существуют и иные точки зрения [7, с. 48; 8, с. 165]. Также в научных исследованиях прорабатывается идея об отнесении медицинской деятельности сфере ОМС к социальному предпринимательству [9, с. 500; 10, с. 11].

В то же время законодатель установил различные составы административных правонарушений за нарушение лицензионных требований в отношении коммерческих и некоммерческих медицинских организаций [ст. 14.1

и 19.20 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) соответственно]. Таким образом, вряд ли можно говорить об обязанности некоммерческой медицинской организации при осуществлении деятельности, не связанной с извлечением прибыли, нести риски предпринимательской деятельности и претерпевать соответствующие убытки, которые в последствии не могут быть взысканы с виновного медицинского работника в силу того, что являются упущенной выгодой.

Штрафная санкция, предусмотренная договором на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС на основании ч. 2 ст. 41 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ, при использовании гражданско-правового подхода к сути правоотношений в сфере ОМС, является формой законной неустойки на основании ст. 332 Гражданского кодекса РФ. При этом ст. 333 Гражданского кодекса РФ позволяет судам при разрешении соответствующих споров уменьшить такую неустойку, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства.

Пунктом 76 Порядка проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию застрахованным лицам, а также ее финансового обеспечения (утв. Приказом Минздрава России от 19 марта 2021 г. № 231н) установлена возможность одновременного или раздельного применения санкций за выявленные нарушения при оказании медицинской помощи, установленных для соответствующего вида контроля. Указанная возможность, при отсутствии установленных критериев принятия соответствующего решения, порождает риски коррупционных проявлений в деятельности субъекта контроля.

Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» утверждена, в числе прочего, Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, в соответствии с которой отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения определяется как широта дискреционных полномочий, что в свою очередь является коррупциогенным фактором, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения.

Применение указанных договорных мер санкционного воздействия не исключает применение мер административно-юрисдикционной и гражданско-деликтной ответственности (ч. 3 ст. 41 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ) за выявленные нарушения.

Административно-юрисдикционное воздействие выражается в форме привлечения медицинских организаций к административной ответственности за допущенные нарушения. Такая ответственность может иметь существенные последствия для деятельности должностных лиц медицинских организаций. Например, повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 14.4 КоАП РФ в форме оказания услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований, может повлечь дисквалификацию руководителя учреждения на срок до 1 года (ч. 2. ст. 14.4 КоАП РФ).

Обязанность страховых компаний (территориального фонда ОМС) информировать уполномоченные юрисдикционные органы о выявленных нарушениях, образующих

состав административных правонарушений, прямо законодательством не предусмотрена. В тоже время стандартным требованием к антикоррупционной политике любой организации вне зависимости от сферы ее деятельности на основании ст. 13.3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» является сотрудничество с правоохранительными органами.

Законодательство Российской Федерации не содержит определения правоохранительных органов и их перечня. Теоретические исследования по данной тематике позволяют отнести к правоохранительным органам государственные органы, наделенные полномочиями по привлечению к административной ответственности [11, с. 50, 12; с. 189].

Несообщение о выявленном административном правонарушении является по сути «укрывательством» и образует коррупционную составляющую в деятельности указанных субъектов контроля в сфере ОМС.

Гражданско-деликтная ответственность выражается в форме возмещения пациенту вреда за счет медицинской организации в случае нарушений требований по качеству оказания медицинской помощи. Как уже было отмечено, привлечение к такой форме ответственности осуществляется вне зависимости от применения иных мер санкционного воздействия. Более того Федеральный фонд / территориальный фонд / страховая медицинская организация, выявившие нарушения права застрахованного лица, осуществляет содействие застрахованному лицу или его законному представителю в предъявлении претензии к медицинской организации или обращении в суд.

Следовательно, одно выявленное нарушение требований по качеству оказанной медицинской помощи может привести к четырем видам финансовых взысканий в отношении медицинской организации, участвующей в системе ОМС, что в большей степени означает карательное воздействие, чем профилактическое.

В качестве мер, ограничивающих финансовое бремя медицинских организаций, можно рассмотреть вопрос введения обязательного досудебного порядка урегулирования спора по качеству оказанной медицинской помощи и нормативное ограничение возможности привлечения к административной ответственности в случае применения договорных мер санкционного воздействия в отношении медицинских организаций.

Претензионный порядок урегулирования спора финансово интересен пациенту в силу возможности применения «потребительского штрафа», предусмотренного п. 6 ст. 13 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Жалоба (претензия) пациента относительно качества оказания медицинской помощи предполагает проведение внутреннего контроля. Несогласие пациента с результатами контроля является основанием для обращения в стра-

ховую медицинскую организацию за проведением экспертизы качества медицинской помощи. В случае выявления по результатам экспертизы соответствующих нарушений медицинская организация будет обязана оплатить штраф в пользу страховой организации в установленных размерах и порядке.

Реализация данной идеи позволит сформировать модель независимой экспертизы качества медицинской помощи, которая приобретает все большую значимость, учитывая рост споров и разногласий между участниками здравоохранительных правоотношений [13, с. 40].

В целях ограничения применения мер административной ответственности представляется возможным установить нормативное правило, исключающее назначение мер административного наказания в случае использования договорных мер санкционного воздействия в отношении медицинской организации.

Ограничителем финансового бремени при использовании мер гражданско-деликтного воздействия могла бы стать нормативная реализация возможности страхования риска профессиональной ответственности медицинской организации [14, с. 26; 15, с. 12].

Заключение

В результате проведенного исследования можно отметить, что юридическая ответственность медицинских организаций в сфере ОМС характеризуется отраслевым разнообразием применяемых мер санкционного воздействия, создающего существенную нагрузку на их финансовое состояние. В таком качестве можно рассматривать меры специально-договорной, гражданско-деликтной, административной ответственности медицинских организаций.

Специально-договорная ответственность основана на заключаемых договорах на оказание и оплату медицинской помощи по ОМС. Отмечается двойственный характер института обязательного медицинского страхования, сочетающий в себе элементы публично-правового и частноправового регулирования.

Нормативная возможность одновременного или раздельного применения санкций за выявленные нарушения при осуществлении контроля в сфере ОМС при отсутствии установленных критериев принятия решения, порождает риски коррупционных проявлений в деятельности субъекта контроля.

В качестве мер, ограничивающих финансовое бремя медицинских организаций, предложено введение обязательного досудебного порядка урегулирования спора по качеству оказанной медицинской помощи и нормативное ограничение возможности привлечения к административной ответственности в случае применения договорных мер санкционного воздействия в отношении медицинских организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трубин В. Ю. Актуальные вопросы обязательного медицинского страхования в Российской Федерации // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 33—36.
2. Супрун А. Э. Актуальные проблемы контроля качества оказания медицинских услуг в системе обязательного медицинского страхования // Диалог. 2025. № 9(39). С. 11—13.
3. Ковалевская Н. С., Ковалевский А. М., Ковалевский М. А., Ковалевский С. М. Некоторые современные организационно-правовые проблемы обязательного медицинского страхования // Страхование право. 2020. № 1(86). С. 11—31.
4. Рощенко Н. В. Имплементация частной конструкции договора в систему обязательного медицинского страхования: проблемы теории и практики // Вестник трудового права и права социального обеспечения. 2020. Вып. 14. С. 64—77.

5. Крюкова Е. С. Особенности правового режима медицинской услуги // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 2. С. 18—24. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-18-24.
6. Кацитадзе Г. Т. Медицинские услуги в обязательном медицинском страховании и платные медицинские услуги: различия в правовом регулировании // ПРО. Право. 2023. № 1(5). С. 32—39.
7. Сковцова Т. А. Правовое регулирование предпринимательской и иной хозяйственной деятельности некоммерческих организаций // Хозяйство и право. 2023. № 6. С. 40—49.
8. Суханов Е. А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 136—166.
9. Слепина М. Г., Степурина А. Д. Правовое регулирование медицинской деятельности как социального предпринимательства // Концепция развития частного права: стратегия будущего : сб. науч. ст. V Всерос. нац. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 60-летию Юго-Зап. гос. ун-та. Курск : ЮЗГУ, 2024. С. 499—505.
10. Бойко М. Г. Правовой статус медицинских организаций как субъектов социального предпринимательства // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5(12). С. 7—14. DOI: 10.34076/2658-512X-2020-5-7-14.
11. Ольшевский А. В., Горбунова Т. С. Отнесение государственных органов в соответствии с законодательством Российской Федерации к правоохранительным органам // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3(95). С. 41—50. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-3-41-50.
12. Дазмарова Т. Н. Правоохранительная деятельность в системе государственной деятельности Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 188—189.
13. Гаврилов С. Н. Независимая судебно-медицинская экспертиза в России: проблемы и перспективы развития // Правовая реформа. 2024. № 4. С. 39—42.
14. Маркина М. В. Страхование ответственности медицинских работников // Медицинское право. 2026. № 1. С. 23—26.
15. Мохов А. А. Страхование гражданской (профессиональной) ответственности в период становления биомедицины // Медицинское право. 2020. № 1. С. 12—18.

REFERENCES

1. Trubin V. Yu. Topical issues of compulsory medical insurance in the Russian Federation. *Yurisprudentsiya v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty = Jurisprudence in theory and in practice: current issues and modern aspects. Collection of articles of the XXI International scientific and practical conference*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2025:33—36. (In Russ.)
2. Suprun A. E. Current issues of quality control in the provision of medical services within the system of mandatory health insurance. *Dialog*. 2025;9(39):11—13. (In Russ.)
3. Kovalevskaya N. S., Kovalevskiy A. M., Kovalevskiy M. A., Kovalevskiy S. M. Some contemporary organizational and legal issues of compulsory medical insurance. *Strakhovoe pravo*. 2020;1(86):11—31. (In Russ.)
4. Roschepko N. V. Implementation of a private contract structure in the system of compulsory medical insurance: problems of theory and practice. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya*. 2020;14:64—77. (In Russ.)
5. Kryukova E. S. Features of legal regime of medical services. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*. 2022;8(2):18—24. (In Russ.) DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-18-24.
6. Katsitadze G. T. Medical services in compulsory medical insurance and paid medical services: differences in legal regulation. *PRO. Pravo*. 2023;5(1):32—39. (In Russ.)
7. Skvortsova T. A. Legal regulation of business and other economic activities of nonprofit institutions. *Khozyaistvo i pravo = Economy and law*. 2023;6:40—49. (In Russ.)
8. Sukhanov E. A. Comments on Articles 48, 50 of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review*. 2022;1:136—166. (In Russ.)
9. Slepina M. G., Stepurina A. D. Legal regulation of medical activity as a social enterprise. *Kontseptsiya razvitiya chastnogo prava: strategiya budushchego = The concept of private law development: the strategy of the future. Collection of scientific articles of the V All-Russian national scientific conference of students, undergraduates and postgraduates, dedicated to the 60th anniversary of Southwestern State University*. Kursk, Southwestern State University publ., 2024:499—505. (In Russ.)
10. Boyko M. G. Legal status of medical organizations as subjects of social entrepreneurship. *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy = Ural Journal of Legal Research*. 2020;5(12):7—14. (In Russ.) DOI: 10.34076/2658-512X-2020-5-7-14.
11. Olshevskiy A., Gorbunova T. The ascription of state bodies to law-enforcement agencies in accordance with the legislation of the Russian Federation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg university of the MIA of Russia*. 2022;3(95):41—50. (In Russ.) DOI: 10.35750/2071-8284-2022-3-41-50.
12. Dazmarova T. N. Law enforcement activity in the system of state activity of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry = State service and personnel*. 2021;2:188—189. (In Russ.)
13. Gavrilov S. N. Independent forensic medical examination in Russia: problems and prospects of development. *Pravovaya reforma*. 2024;4:39—42. (In Russ.)
14. Markina M. V. Insurance of liability of healthcare professionals. *Meditinskoe pravo = Medical law*. 2026;1:23—26. (In Russ.)
15. Mokhov A. A. Insurance of civil (professional) liability in the biomedicine establishment period. *Meditinskoe pravo = Medical law*. 2020;1:12—18. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 342.8:324
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1623

Aslan Abuyazitovich Inalkaev
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Law,
Chechen State Pedagogical University
Grozny, Russian Federation
Kazban1961@mail.ru

Аслан Абуязитович Иналкаев
канд. экон. наук,
доцент кафедры права,
Чеченский государственный педагогический университет
Грозный, Российская Федерация
Kazban1961@mail.ru

ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ В СВЕТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ, ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Избирательное право России переживает период трансформации, обусловленной как законодательными реформами, так и внедрением цифровых технологий. Специфика современного этапа состоит в нарастающем противоречии между конституционными принципами народовластия и практикой их реализации, что проявляется, в частности, в дисбалансе между федеральной унификацией регулирования и учетом региональной специфики. Тематика представленного в статье исследования высокоцелесообразна и актуальна на 2024—2026 гг. Избирательное законодательство Российской Федерации переживает этап интенсивной трансформации, адаптируясь к цифровизации, новым геополитическим условиям и требованиям общественной безопасности.

Особую остроту приобретают вопросы, связанные с цифровизацией избирательного процесса. Дистанционное электронное голосование (ДЭГ), с одной стороны, повышает доступность волеизъявления, с другой — порождает проблемы верификации результатов и снижения публично-го доверия в отсутствие бумажного бюллетеня. В связи с этим в статье рассматриваются риски, возникающие при использовании ДЭГ, и предлагаются меры по обеспечению проверяемости электронного голосования. Дискуссионным остается вопрос о соотношении централизации и региональной дискреции в избирательном законодатель-

стве. Анализируются практика применения «муниципального фильтра» на губернаторских выборах и последствия перехода к одноуровневой системе местного самоуправления. Обращено внимание на то, что излишняя детализация федеральных норм, подменяющая региональную вариативность «управляемым единообразием», создает риски административного усмотрения и снижает адаптивность избирательной системы. Заслуживают внимания и проблемы судебной защиты избирательных прав в условиях исключения юрисдикции Европейского суда по правам человека. Конституционный суд РФ в ряде решений противодействует излишнему формализму, однако отсутствие независимых механизмов проверки, особенно при использовании ДЭГ, остается неустранимой коллизией. В этой связи обосновывается необходимость сохранения бумажного бюллетеня, верификации электронного голосования и усиления институциональных гарантий прозрачности выборов.

Ключевые слова: избирательное право, законодательные реформы, электоральная целостность, демократическое участие граждан, цифровизация выборов, правоприменение, политический плюрализм, централизация, гарантии избирательных прав, бюллетень, голосование, активное избирательное право, пассивное избирательное право

Для цитирования: Иналкаев А. А. Противоречия и тенденции развития избирательного права России в свете законодательных реформ, правоприменения и общественных процессов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 231—235. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1623.

Original article

CONTRADICTIONS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN ELECTORAL LAW IN THE LIGHT OF LEGISLATIVE REFORMS, LAW ENFORCEMENT AND PUBLIC PROCESSES

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. Russia's electoral law is undergoing a period of transformation due to both legislative reforms and the introduction of digital technologies. The specificity of the current stage consists in the growing contradiction between the constitutional principles of democracy and the practice of their implementation, which is manifested, in particular, in the imbalance between the federal unification of regulation and taking into account regional specifics. The research presented in the article

is highly purposeful and relevant for the period 2024–2026. The electoral legislation of the Russian Federation is undergoing a stage of intensive transformation, adapting to digitalization, new geopolitical conditions and public security requirements.

Issues related to the digitalization of the electoral process are becoming particularly acute. Remote electronic voting, on the one hand, increases the accessibility of the expression of will, on the other hand, creates problems of verifying

the results and reducing public trust in the absence of a paper ballot. In this regard, the article examines the risks that arise when using remote electronic voting (REV), and suggests measures to ensure its verifiability. The question of the relationship between centralization and regional discretion in the electoral legislation remains debatable. The article analyzes the practice of using the “municipal filter” in gubernatorial elections and the consequences of the transition to a single-tier system of local government. Attention is drawn to the fact that excessive detailing of federal regulations, which replaces regional variability with “managed uniformity,” creates risks of administrative discretion and reduces the adaptability of the electoral system. The problems of judicial protection of electoral rights

in conditions of exclusion from the jurisdiction of the ECHR also deserve attention. The Constitutional Court of the Russian Federation opposes excessive formalism in a number of decisions, however, the lack of independent verification mechanisms, especially when using REV, remains an unavoidable conflict. In this regard, the need to preserve paper ballots, verify electronic voting, and strengthen institutional guarantees for election transparency is justified.

Keywords: electoral law, legislative reforms, electoral integrity, democratic participation of citizens, digitalization of elections, law enforcement, political pluralism, centralization, guarantees of electoral rights, ballot, voting, active passive suffrage, passive suffrage

For citation: Inalkaev A. A. Contradictions and trends in the development of Russian electoral law in the light of legislative reforms, law enforcement and public processes. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):231—235. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1623.

Введение

Актуальность научного осмысления развития избирательного права России обусловлена динамикой законодательных изменений: за 2019—2024 гг. принято девять поправок к Федеральному закону от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». К примеру, ст. 78 (в ред. Федерального закона от 30 апреля 2021 г. № 115-ФЗ) применяется к правоотношениям, возникшим в связи с проведением выборов, референдумов, назначенных после 30 апреля 2021 г. Указанная поправка увеличила срок подачи жалобы с трех до пяти дней на решение комиссии об отказе в регистрации кандидата (списка кандидатов), инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума, об отказе в заверении списка кандидатов, списка кандидатов по одномандатным (многомандатным) избирательным округам в случае его обжалования на отказ в регистрации со дня принятия соответствующей комиссией решения об оставлении жалобы без удовлетворения.

Целесообразность разработки темы обусловлена научным осмыслением развития избирательного права России. Особую остроту приобретают вопросы цифровой модернизации: в 2023 г. дистанционное электронное голосование (далее — ДЭГ) применялось в 24 регионах, им воспользовались более миллиона человек. Однако масштабное внедрение сталкивается с трудностями верификации и сохранения публичного доверия, что актуализирует поиск баланса между технологической эффективностью и демократическими стандартами.

В условиях подготовки к федеральным выборам 2026 г. и продолжающейся цифровизации избирательных процедур данная тема позволяет проанализировать ключевые изменения в электоральной системе.

Структура статьи подчинена задаче комплексного изложения современного состояния развития избирательного законодательства Российской Федерации, а именно:

- необходимости постоянного анализа как теоретических основ, так и практики функционирования избирательного права как ключевого института конституционного права, обеспечивающего демократическое участие граждан в управлении государством;
- роли постановлений Конституционного суда РФ в устранении правовой неопределенности в вопросах ограничения пассивного избирательного права;

– нарастающим напряжением между централизацией и унификацией, с одной стороны, и необходимостью учета региональной специфики — с другой.

Изученность проблемы. В российской юридической науке проблемы избирательного права разрабатываются в нескольких направлениях. А. Х.-Д. Боташева предлагает периодизацию эволюции избирательного законодательства с 2000 по 2025 г., выделяя этапы от «нерегулируемой региональной дискреции» до «управляемого единообразия» [1]. А. С. Ахременко исследует криминальный ценз как основание для ограничения пассивного избирательного права, показывая, что практика Конституционного суда РФ устраняет правовую неопределенность в этой сфере через механизм конституционного правосудия [2]. А. И. Беляев анализирует проблему неуказания сведений о судимости как формальное основание для отказа в регистрации кандидата, отмечая, что такие требования нередко становятся инструментом административного отсева [3]. Современные аспекты развития избирательного права рассматривает М. Ш. Магомедов [4]. Правовые проблемы внедрения цифровых технологий, включая безопасность и прозрачность электронного голосования, исследуют А. В. Махова и А. А. Рокотянская [5]. Социологический аспект (общественное восприятие выборов и факторы избирательного поведения) представлен в работах Л. В. Юн и Э. Р. Аматыч [6]. А. М. Цалиев и А. С. Лолаева рассматривают цифровизацию избирательного процесса в сопоставлении глобальных трендов и российской практики, подчеркивая, что создание систем с высоким уровнем доверия остается серьезной задачей [7]. Е. Ю. Комлев и А. Шульц изучают муниципальный фильтр на выборах глав субъектов Российской Федерации, выявляя как его формальное обоснование (обеспечение общественной поддержки), так и фактическую роль дополнительного барьера, контролируемого региональной властью [8]. К. С. Иналкаева отмечает, что «охранительное направление» в трактовке в соотношении свободы и обязанности в рамках избирательного законодательства сохранилось в науке и законодательстве ряда зарубежных стран (Австрия, Греция, Бельгия, Турция и др.), закрепляющих обязанность граждан на участие в выборах представительных учреждений. Административное и уголовное законодательство этих стран устанавливают юридическую ответственность за неучастие в выборах. Установление обязанности граждан участвовать в выборах преследует цель борьбы с абсентизмом [9]. Необходимо

отметить, что К. С. Иналкаева проводила исследования фундаментальных научных проблем становления и развития современного избирательного права и избирательного процесса в России, детально рассматриваются принципы избирательного права, основные виды избирательных систем, международные избирательные стандарты, освещаются правовой статус и роль участников избирательного процесса и иные составные элементы организации и проведения выборов, а также референдумов различных уровней [10]. С. Климович анализирует проблему «общего агента» в российском авторитарном федерализме, показывая, что федеральный центр ограничивает свободу выбора населения через ограничительный избирательный закон и предпочтение аутсайдеров-губернаторов [11]. К. С. Мазуревский обосновывает значение института предварительного голосования (праймериз) как механизма обратной связи между избирателями и политическими партиями [12]. В зарубежной литературе значимы сравнительно-правовые исследования Дж. А. Гарднера [13] и работы А. Эссекса и Н. Гудман об онлайн-голосовании [14]. В этой связи анализ противоречий между формальным провозглашением демократических принципов и их фактическим воплощением закономерно актуализирует концепцию электоральной целостности. Сформулированное ведущим экспертом П. Норрис определение: «электоральная целостность относится к любым выборам, которые проводятся в соответствии с демократическими стандартами и международными нормами, основанными на беспристрастности, прозрачности и подотчетности» [15] — предлагает не просто описание, но и строгий аналитический инструмент.

Вместе с тем комплексный анализ российских законодательных реформ последних лет (2020—2025 гг.) сквозь призму международных стандартов и с учетом цифровых рисков в отечественной литературе представлен фрагментарно, что обуславливает **целесообразность разработки темы**.

Научная новизна заключается в целостном рассмотрении российских законодательных новаций во взаимосвязи с глобальными критериями электоральной целостности и критическом анализе рисков, порождаемых цифровизацией (в частности, ДЭГ) и гиперрегламентацией. Впервые в академическом дискурсе системно сопоставлены тенденции централизации/унификации и региональной специфики с учетом последних изменений в судебной практике (Постановление Конституционного суда РФ от 30 мая 2024 г. № 27-П) и исключения Верховным судом РФ в декабре 2025 г. упоминания Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) из правовой системы России.

Цель статьи — выявление системных противоречий и основных тенденций развития избирательного права России в условиях законодательных реформ, цифровизации и изменения механизмов судебной защиты избирательного права.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать противоречия между конституционными принципами народовластия и практикой их реализации;
- 2) оценить влияние цифровизации (ДЭГ) на электоральную целостность и публичное доверие;
- 3) выявить последствия централизации регулирования для региональной специфики;
- 4) определить роль судебной власти в обеспечении гарантий избирательных прав.

Теоретическая значимость работы состоит в уточнении понятийного аппарата (электоральная целостность, цифровая трансформация избирательного процесса).

Практическая значимость заключается в возможности использования выводов для совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Основная часть

Методология исследования. Исследование базируется на общенаучных и частнонаучных методах. Диалектический метод позволил рассмотреть противоречия избирательного права как движущую силу его развития. Формально-юридический метод применен при анализе нормативных актов (Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, Конституция РФ, постановления Конституционного суда РФ). Что касается сравнительно-правового метода, то он использован для сравнения российского избирательного законодательства с международными стандартами. Историко-правовой метод позволяет выявить этапы становления избирательного права.

Результаты исследования. Конституция РФ (ст. 32) гарантирует право избирать и быть избранным, однако детализация правил нередко ведет к формальному толкованию, используемому для отказа в регистрации. Постановление Конституционного суда РФ от 30 мая 2024 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности подпункта 57 статьи 2 и подпунктов “в”, “в.1” пункта 24 статьи 38 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” в связи с жалобой гражданки Е. Г. Силаевой» признало недопустимым отказ в регистрации кандидату из-за того, что в подписных листах она указала род занятий как «самозанятая», а в справке из налоговой службы — «плательщик налога на профессиональный доход». Чем детальнее регулирование, тем заметнее разрыв между нормой и ее применением. Унификация не сокращает, а формализует этот разрыв. Как обосновывает А. С. Ахременко, практика Конституционного суда РФ показывает, что устранение правовой неопределенности в вопросах ограничения пассивного избирательного права (в частности, криминального ценза) происходит именно через механизм конституционного правосудия, противодействуя излишнему формализму [2]. А. И. Беляев обращает внимание на то, что требования к указанию сведений о судимости нередко становятся инструментом административного отсева кандидатов, что требует дополнительных разъяснений со стороны высших судебных инстанций [3]. Одновременно, после выхода России из Совета Европы в 2022 г. и прекращения обязательности решений ЕСПЧ, а также после Постановления Пленума Верховного суда РФ от 9 декабря 2025 г. об исключении решений ЕСПЧ из правовой системы России, альтернативные внутренние механизмы независимой проверки, сопоставимые по авторитету с международными, так и не появились. А. Х.-Д. Боташева отмечает, что эволюция избирательного законодательства России подчинена закономерностям, отражающим общие тенденции развития российской государственности, где избирательное право выступает элементом целостной системы правового регулирования публичной власти [1].

Цифровизация выступает катализатором этих противоречий, создавая дилемму между технологической эффективностью и прозрачностью. Сравнительный анализ международного опыта приводит А. Эссекса и Н. Гудман

к выводу, что онлайн-голосование представляет наибольший риск для электоральной целостности [14]. А. М. Цалиев и А. С. Лолаева подчеркивают, что цифровизация избирательного процесса повышает доступность голосования, однако создание систем с высоким уровнем доверия остается серьезной задачей; в российских условиях внедрение ДЭГ поднимает вопросы безопасности, конфиденциальности и верифицируемости [7]. Принятый в 2025 г. закон, запрещающий проведение исключительно электронных выборов и гарантирующий право на бумажный бюллетень, является важным правовым ответом, но не снимает фундаментальной дилеммы: интеграция цифровых технологий трансформирует саму архитектуру избирательного процесса, требуя нового правового сопровождения и повышая роль судебной власти как гаранта верифицируемости результатов. К. С. Мазуревский обосновывает, что в условиях цифровизации на первый план выходят вопросы администрирования и создания таких механизмов учета общественного мнения, при которых каждому гражданину будет очевидна их прозрачность и объективность [12].

Устойчивым трендом последних лет является централизация регулирования под предлогом обеспечения единого правового пространства. Е. Ю. Комлев и А. Шульц выявляют как достоинства, так и недостатки института муниципального фильтра на выборах глав субъектов Российской Федерации, отмечая, что формально направленный на обеспечение общественной поддержки кандидатов, этот механизм фактически создает дополнительный барьер, контролируемый действующей региональной властью [8]. С. Климович утверждает, что федеральный центр решает проблему «общего агента» не только путем ограничения свободы выбора населения посредством ограничительного избирательного законодательства, но и через назначение губернаторов-аутсайдеров, не имеющих укорененных связей с регионом [11]. Происходит постепенное огосударствление регионального избирательного процесса, сужение законодательных полномочий субъектов Российской Федерации. Исследования показывают, что регламентация избирательного процесса, неизбежно связанная с его централизацией, способствует повышению уровня законности, однако одновременно ведет к снижению гибкости и учета региональной специфики, что влечет риски возникновения конфликтных ситуаций и административных злоупотреблений. Чрезмерная централизация консервирует неравенство регионов по политическому опыту и экономическому развитию. А. Х.-Д. Боташева характеризует современный этап как переход от модели «регулируемой дискреции» к модели «управляемого единообразия», когда региональная дискреция формально существует, но ее пределы последовательно сужаются федеральным регулированием [1].

Важную роль в разрешении обозначенных противоречий призвана играть судебная защита избирательных прав, однако и здесь сохраняются серьезные вызовы. Конституционный суд РФ в своей практике (в т. ч. в Постановлении от 30 мая 2024 г. № 27-П) последовательно запрещает формальный подход, когда незначительные нарушения становятся поводом для снятия с выборов. Вместе с тем усиление

гиперрегламентации и цифровизации создает новые основания для административного усмотрения. Анализ дел, связанных с ДЭГ, показывает, что отсутствие независимой возможности пересчета голосов делает судебную защиту частично фиктивной. Необходимо дальнейшее развитие институциональных гарантий: совершенствование процедур наблюдения, введение обязательной возможности ручной верификации результатов ДЭГ, обеспечение реальной состязательности при рассмотрении избирательных споров.

Заключение

Краткие результаты исследования. Проведенный анализ позволяет констатировать, что эволюция избирательного права России представляет собой перманентный поиск баланса в условиях системных противоречий: между унификацией и учетом региональной специфики; между цифровыми инновациями и незыблемостью правовых гарантий; между усилением контроля и необходимостью поддержания публичного доверия. Цифровизация, централизация и гиперрегламентация не разрешают базовых противоречий, а приводят к их трансформации и смещению в новые сферы. Как обоснованно утверждает А. Х.-Д. Боташева, динамика избирательного законодательства носит циклический характер: фазы ужесточения сменяются периодами контролируемой либерализации, однако каждый новый цикл реализуется на более высоком уровне унификации.

Выводы: 1) формально-процедурное соответствие является необходимым, но недостаточным условием легитимности выборов; подлинная демократическая легитимность требует имплементации принципов беспристрастности, прозрачности и подотчетности; 2) внедрение ДЭГ без надежных механизмов верификации подрывает электоральную целостность, поэтому законодательный запрет исключительно электронных выборов следует дополнить обязательным сохранением бумажного следа и возможностью независимого пересчета; 3) централизация избирательного регулирования должна быть сбалансирована сохранением разумной региональной автономии, а муниципальный фильтр требует реформирования в сторону снижения барьеров для реальной конкуренции; 4) судебная защита избирательных прав требует повышения качества и конституционной обоснованности решений, связанных с цифровыми технологиями. Следует поддержать рекомендации К. С. Мазуревского о внедрении прозрачных механизмов предварительного голосования (праймериз) для усиления обратной связи между избирателями и политическими партиями.

Практические рекомендации: внести в Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ легальное определение понятия «избирательный процесс», закрепить обязательность ручной верификации результатов ДЭГ по требованию кандидатов или наблюдателей, создать специализированные судебные составы по избирательным спорам с участием технических экспертов. Законодательно стимулировать политические партии к проведению открытых предварительных голосований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Боташева А. Х.-Д. Эволюция избирательного законодательства России: от региональной специфики к федеральному регулированию (2000—2025) // Евразийская адвокатура. 2026. № 1(78). С. 179—185. DOI: 10.52068/2304-9839_2026_78_1_179.
2. Ахременко А. С. Криминальный ценз как основание для ограничения пассивного избирательного права // Российский юридический журнал. 2025. № 1. С. 69—79.

3. Беляев А. И. Неуказание сведений о судимости как основание для отказа в регистрации кандидата // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 10. С. 20—23. DOI: 10.18572/1813-1247-2024-10-20-23.
4. Магомедов М. Ш. Современные аспекты развития избирательного права в России: проблемы и пути их решения // Вестник магистратуры. 2020. № 2-5(101). С. 50—51.
5. Махова А. В., Рокотянская А. А. Цифровизация избирательного процесса в России: правовые аспекты // Правовой порядок и правовые ценности. 2024. Т. 2. № 3. С. 39—45. DOI: 10.23947/2949-1843-2024-2-3-39-45.
6. Юн Л. В., Аматыч Э. Р. Актуальные проблемы избирательных правоотношений: социологический анализ // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. Т. 48. № 4. С. 23—29. DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-23-29.
7. Цалиев А. М., Лолаева А. С. Цифровизация избирательного процесса: глобальные тренды и российская практика // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 222—229.
8. Комлев Е. Ю., Шульц А. Муниципальный фильтр на выборах глав субъектов Российской Федерации: вопросы теории и практики // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 2. С. 44—48. DOI: 10.24412/2073-3305-2024-2-44-48.
9. Иналкаева К. С. Реализация избирательных прав граждан в Российской Федерации // Вестник Чеченского государственного университета им. А. А. Кадырова. 2017. № 2(26). С. 155—157.
10. Иналкаева К. С. Избирательное право как система органов публичной власти : моногр. Грозный : Чеч. гос. пед. ун-т, 2023. 232 с.
11. Klimovich S. Mind the Gap between the Governor and the People: The Common Agency Problem in Russian Authoritarian Federalism // *Publius: The Journal of Federalism*. 2023. Vol. 53. Iss. 2. Pp. 301—324. DOI: 10.1093/publius/pjad001.
12. Мазуревский К. С. Некоторые вопросы реализации принципа народовластия в современной России // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 12. С. 191—198. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.112.12.191-198.
13. Comparative Election Law / ed. J. A. Gardner. Cheltenham : Edward Elgar, 2022. 544 p.
14. Essex A., Goodman N. Protecting Electoral Integrity in the Digital Age: Developing E-Voting Regulations in Canada // *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*. 2020. Vol. 19. Iss. 2. Pp. 162—179. DOI: 10.1089/elj.2019.0568.
15. Norris P. Why Electoral Integrity Matters. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 352 p.

REFERENCES

1. Botasheva A. Kh.-D. Evolution of Russian electoral legislation: from regional specificity to federal regulation (2000-2025). *Evrasiiskaya advokatura = Eurasian Advocacy*. 2026;1(78):179—185. (In Russ.) DOI: 10.52068/2304-9839_2026_78_1_179.
2. Akhremenko A. S. Criminal qualification as a ground for restricting passive voting rights. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian juridical journal*. 2025;1:69—79. (In Russ.)
3. Belyaev A. I. Failure to provide criminal history data as a basis for denial of candidate registration. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*. 2024;10:20—23. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1247-2024-10-20-23.
4. Magomedov M. S. Modern aspects of the development of electoral law in Russia: problems and solutions. *Vestnik magistratury*. 2020;2-5(101):50—51. (In Russ.)
5. Makhova A. V., Rokotyanskaya A. A. Digitalization of the Electoral Process in Russia: Legal Aspects. *Pravovoi poriadok i pravovye tsennosti = Legal Order and Legal Values*. 2024;2(3):39—45. (In Russ.) DOI: 10.23947/2949-1843-2024-2-3-39-45.
6. Yun L. V., Amatysh E. R. Actual problems of electoral legal relations: sociological analysis. *Yuridicheskii Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta = Law herald of Dagestan State University*. 2023;48(4):23—29. (In Russ.) DOI: 10.21779/2224-0241-2023-48-4-23-29.
7. Tsaliev A. M., Lolaeva A. S. Digitalisation of the electoral process: global trends and Russian practice. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2025;2:222—229. (In Russ.)
8. Komlev E. Yu., Schults A. Municipal filter in the elections of heads of subjects of the Russian Federation: theoretical and practical aspects. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific personnel*. 2024;2:44—48. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-3305-2024-2-44-48.
9. Inalkaeva K. S. The implementation of the electoral rights of citizens in the Russian Federation. *Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. A. Kadyrova = Bulletin of the Kadyrov Chechen State University*. 2017;2(26):155—157. (In Russ.)
10. Inalkaeva K. S. Electoral law as a system of public authorities. Monograph. Grozny, Chechen State Pedagogical University publ., 2023. 232 p. (In Russ.)
11. Klimovich S. Mind the Gap between the Governor and the People: The Common Agency Problem in Russian Authoritarian Federalism. *Publius: The Journal of Federalism*. 2023;53(2):301—324. DOI: 10.1093/publius/pjad001.
12. Mazurevskii K. S. Some Issues of Realization of the Principle of People's Power in Modern Russia. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;12:191—198. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2023.112.12.191-198.
13. Comparative Election Law. J. A. Gardner (ed.). Cheltenham, Edward Elgar, 2022. 544 p.
14. Essex A., Goodman N. Protecting Electoral Integrity in the Digital Age: Developing E-Voting Regulations in Canada. *Election Law Journal: Rules, Politics, and Policy*. 2020;19(2):162—179. DOI: 10.1089/elj.2019.0568.
15. Norris P. Why Electoral Integrity Matters. Cambridge, Cambridge University Press, 2014. 352 p.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 340.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1648

Maria Viktorovna Serebryannikova
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Private, Public,
and Transport Law,
Far Eastern State
Transport University
Khabarovsk, Russian Federation
ms050307@mail.ru

Viktor Anatolyevich Serebryannikov
Candidate of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Physical Training,
Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation named after I. F. Shilov
Khabarovsk, Russian Federation
sportdvui@mail.ru

Мария Викторовна Серебрянникова
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры частного, публичного
и транспортного права,
Дальневосточный государственный
университет путей сообщения
Хабаровск, Российская Федерация
ms050307@mail.ru

Виктор Анатольевич Серебрянников
канд. пед. наук, профессор,
профессор кафедры физической подготовки,
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова
Хабаровск, Российская Федерация
sportdvui@mail.ru

СЕМЬЯ КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Актуальность представленного в статье исследования определяется необходимостью повышения уровня правового воспитания как родителей, так и детей. Воспитание в семье способствует формированию правовых знаний и умений у несовершеннолетних, в котором родители принимают непосредственное участие, а без высокого уровня правовой грамотности самих родителей невозможно выстроить системный и эффективный подход к правовому воспитанию подрастающего поколения.

На основе анализа нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы воспитания и образования и мнений ученых, изучив содержание таких ключевых понятий, как «правовая культура», «правовое сознание» и «правовое воспитание», в статье обозначена роль и возможности современной семьи как первичного института правовой социализации подростков. Направление усилий семьи на формирование правовой грамотности и правовое воспитание молодежи позволит избежать и пресечь нежелательные негативные формы неправомерного поведения несовершеннолетних. В этой связи проанализированы

методы и средства правового воспитания, доступные в настоящее время родителям, обозначены некоторые проблемы в семейном правовом воспитании и сформулированы практические рекомендации.

В частности, предлагается активизировать работу по воспитанию несовершеннолетних в духе устоявшихся семейных традиций, когда родители являются положительным примером для подражания. Показанные взрослыми правовая ответственность и соблюдение законов служат основательным ориентиром для формирования внутренней мотивации несовершеннолетних к правомерной жизни. При этом правовое самовоспитание и самообучение родителей является одним из ключевых проблемных аспектов, без должного уровня которого сложно развить и достичь высокого уровня правовой культуры несовершеннолетних.

Ключевые слова: правовая культура, правовое воспитание, правовое сознание, несовершеннолетний, семья, образование, информационная среда, самообразование, правомерное поведение, правовая ответственность

Для цитирования: Серебрянникова М. В., Серебрянников В. А. Семья как субъект правового воспитания несовершеннолетних // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 236—241. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1648.

Original article

FAMILY AS A SUBJECT OF LEGAL EDUCATION OF MINORS

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The relevance of this study stems from the need to improve the level of legal education for both parents and children. Family upbringing, in which parents play a direct and immediate role, contributes to the development of legal knowledge and skills in minors. Without a high level of legal literacy among parents themselves, it is impossible to develop a systematic and effective approach to legal education for the younger generation.

Based on an analysis of legal regulations governing upbringing and education, the opinions of scholars, and a study of key concepts such as “legal culture,” “legal consciousness,” and “legal education,” this article outlines the role and potential of the modern family as the primary institution for the legal socialization of adolescents. Focusing family efforts on developing legal literacy and legal education among young people will help prevent and curb undesirable negative forms

of misconduct among minors. In this regard, the methods and means of legal education currently available to parents are analyzed, some problems in family legal education are identified, and practical recommendations are formulated.

In particular, it is proposed to intensify efforts to educate minors in the spirit of established family traditions, with parents serving as positive role models. Legal responsibility and compliance with the law demonstrated by adults serve as a solid

guide for developing minors' intrinsic motivation to lead lawful lives. Furthermore, parents' legal self-education and self-training is a key challenge; without adequate training, it is difficult to develop and achieve a high level of legal awareness among minors.

Keywords: legal culture, legal education, legal consciousness, minor, family, education, information environment, self-education, lawful behavior, legal responsibility

For citation: Serebryannikova M. V., Serebryannikov V. A. Family as a subject of legal education of minors. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75): 236—241. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1648.

Введение

Актуальность. В настоящее время проблемы формирования у несовершеннолетних навыков к самостоятельной законопослушной жизни в условиях значительных экономических, технологических, социальных, культурных и иных трансформаций в обществе и государстве приобретают особую актуальность. С активным развитием цифровизации, в повседневную жизнь и образование интегрируются различные социальные и образовательные проекты, платформы, программы, направленные на привлечение внимания несовершеннолетних к повышению уровня правовой грамотности, гражданской активности и правомерного поведения. В ст. 1 Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г.) установлено, что развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление национального согласия в России требуют высокой правовой культуры, без которой не могут быть в полной мере реализованы такие базовые ценности и принципы жизни общества, как верховенство закона, приоритет человека, его неотчуждаемых прав и свобод, обеспечение надежной защищенности публичных интересов. Однако повышенное внимание и предпринимаемые государством меры по развитию и повышению уровня правовой культуры, не всегда позволяет разрешить вопросы правового и социального характера относительно негативно-го влияния на правосознание подрастающего поколения, в т. ч. в информационной среде. При этом семья как важнейший институт общества, напрямую сталкивается с проблемами воспитания, разрешить которые без поддержки государства не всегда удастся. В этой связи необходимость развития у подрастающего человека правовой культуры становится одной из первоочередных комплексных задач, на разрешение которой необходимо направить усилия не только самого ребенка, но и семьи, общества и государства.

Изученность проблемы. Вопросы обучения и воспитания в России активно изучаются и исследуются на протяжении долгого времени в социологии, педагогике, психологии, культурологии, философии, юриспруденции и других гуманитарных науках. В ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» раскрывается содержание таких понятий, как «образование», «воспитание», «обучение».

Термины «правовое воспитание», «правовое сознание» и «правовая культура» являются юридическими конструкциями, представляющие самостоятельный предмет теории государства и права. Отдельным теоретическим вопросам правового воспитания посвящены труды О. Б. Пановой [1], А. В. и А. И. Скоробогатовых [2], Н. В. Тюменевой [3], С. Б. Сафиной [4] и др. Однако до сих пор не выработано

единого подхода к пониманию содержания указанной терминологии, на что указывают также Д. В. Кононенко [5] и Е. А. Певцова [6]. Тем не менее глубокое их познание «именно с юридической точки зрения дает потенциальные возможности профессионального управления вопросами установления правопорядка и законности в государстве, профилактики правонарушений в будущем» [6, с. 198].

Современные проблемы правового воспитания несовершеннолетних и учащейся молодежи в образовательной среде исследуются в работах Д. В. Абакумовой и А. С. Соколова [7], И. Е. Некрасовой [8], С. В. Матвиенко [9] и др., указывающие на неразрывную связь между воспитанием и обучением: воспитание не может происходить без обучения, а обучение так или иначе оказывает воспитательный эффект.

Формирование правовой культуры через призму патристического воспитания рассматривают М. В. Дышеков, А. А. Умарова и Л. А. Хоконова [10].

На значение физической культуры и спорта как на значительный потенциал в становлении социально зрелой и правосознательной личности указывают С. В. Абзалова и Б. В. Сафиуллин [11].

О роли семьи в формировании правового воспитания несовершеннолетних как законопослушных граждан упоминают А. В. Богданов, Н. В. Румянцев и Е. Н. Хазов [12], Н. Н. Артеменко, О. Е. Тарасова и Е. А. Николаева [13] и др., предлагая меры по профилактике и предупреждению преступности среди несовершеннолетних.

Целесообразность разработки темы. Среди значительного количества работ, посвященным различным аспектам правового воспитания несовершеннолетних, роли семьи в них уделяется неоправданно мало внимания, комплексные исследования, несмотря на актуальность и практическую значимость исследуемой проблемы, проводятся крайне редко. Между тем необходима постоянная актуализация проводимой работы как со стороны представителей юридических наук, так и со стороны педагогики, психологии, социологии и других наук, направленная на повышение сформированности правовых убеждений и правомерного поведения как среди несовершеннолетних, так в семье, с учетом современных условий жизни и образования.

Цель исследования заключается в изучении и анализе предложенных в настоящее время теоретических выводов и практических рекомендаций, и выработке действенных предложений, направленных на повышение заинтересованности семьи к поставленной проблеме по формированию высокого уровня правовой культуры несовершеннолетних.

Задачи исследования направлены на анализ правовых норм и теоретических положений относительно цели и содержания сущности категорий «правовое воспитание» и «правовая культура», установление роли и возможностей

современной семьи как основного института в формировании и развитии правового воспитания несовершеннолетних, обобщение и выработку практических предложений, которые могут быть использованы в каждой семье в целях повышения уровня правовой культуры несовершеннолетних.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и установлении существующих проблем и факторов, отрицательно влияющих на правовое воспитание несовершеннолетних, в определении роли семьи как основного субъекта формирования правовой культуры несовершеннолетних и акцентировании внимания на правовом самообразовании взрослых в современных условиях.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов при составлении актуальной учебной и методической литературы, обучающих программ и проведении научных мероприятий, повышающих практический интерес к вопросам минимизации правового нигилизма и повышению правового воспитания несовершеннолетних.

Практическая значимость результатов исследования выражается в возможности их использования, в т. ч. в образовательном процессе, при работе с родителями и педагогами в сфере профилактики несовершеннолетними девиантного поведения и повышения уровня правовой культуры.

Основная часть

Методология исследования. Основная цель правового воспитания личности заключается в формировании у нее устойчивых установок на законопослушное и социально ответственное поведение посредством решения таких задач как формирование правового сознания и воспитания уважения к закону, развитие правовой грамотности, ответственности и гражданской активности, профилактика правонарушений, защита прав и свобод личности и создание положительного отношения к правопорядку и нетерпимости к правонарушениям и т. п. Для разрешения указанных задач должны быть направлены усилия всех субъектов правового воспитания: государственных органов, органов правопорядка, общественных объединений, образовательных учреждений, средств массовой информации и семьи, каждый из которых вносит определенный вклад в становление законопослушного гражданина, создает общую систему правового просвещения и развивает правовую культуру в целом.

Среди первоочередных факторов, оказывающих влияние на формирование позитивного типа правосознания и поведения, в Основных государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан обозначены характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей; качественный уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях различного типа и вида, в т. ч. закрепление и развитие у учащихся основ правосознания. Такое закрепление неслучайно, поскольку большую часть воспитательной функции реализует именно семья, как фундаментальная конституционная и нравственно-правовая ценность [14, с. 227].

Семья как важнейший институт формирования первоначальных представлений о правомерном поведении и нравственного облика молодого поколения является основной средой, где ребенок усваивает базовые правовые нормы и ценности, оказывая тем самым долговременное влияние на его отношение к закону. Регулируя правомерное пове-

дение своих детей, родители должны быть ответственны за случаи проявляющихся признаков девиантного поведения и негативного отношения к правовым нормам у несовершеннолетних. Соответственно, перекладывать данную задачу только на государство или общество нельзя.

Образовательные учреждения и семья играют значительную роль в формировании правового воспитания личности, которое затем развивается уже в процессе взросления с учетом окружающего общества и обстановки в государстве. При этом согласимся с мнениями ученых и педагогов, что наиболее активное развитие правовой грамотности должно происходить именно в подростковом возрасте, когда, несмотря на психоэмоциональные особенности, активизируется процесс максимальной социализации человека и создания морально-ценностных установок, которые определяют характер и поведение личности в будущем. В то же время такие факторы, как юношеский максимализм, влияние сверстников или значимых взрослых, отсутствие должного психологического сопровождения, чрезмерное информационное и цифровое воздействие, зачастую носят разнонаправленный и не всегда положительный характер, что усугубляет процесс взросления и содержание нормативно-ценностной структуры подростков. Несовершеннолетние стремятся создать собственную систему взаимоотношений, минимизируя влияние взрослых на свою жизнь, однако они все еще нуждаются в опеке и защите со стороны родителей и педагогов [15], без которых их поведение может привести к нежелательным и даже преступным формам выражения собственного мнения и действиям.

Среди основных методов успешного правового воспитания со стороны родителей следует выделить постоянные, регулярные обсуждения в семейном кругу правовых вопросов, а также поддержка ребенка в трудных для него ситуациях. Крепкие эмоциональные связи между членами семьи являются ключевыми факторами качественного правового образования. В подростковом возрасте именно семья должна показать правильный в социально-правовом смысле пример правомерного поведения. Согласимся с Е. В. Ковалевой [16] и С. В. Ворошиловой [17], что формирование и соблюдение семейных традиций, т. е. соблюдение принятых в семье норм, манер поведения, обычаев и взглядов, передаваемых из поколения в поколение, — это несложная, но действенная мера, формирующая воспитательную функцию, показывающая пример проявления любви, уважения, верности, доверия и понимания. При этом через объяснения и советы родители могут истолковать существенные свойства и содержание отдельных правовых понятий и явлений. Разговоры с ребенком на правовые темы с раннего возраста, доступным понятным им языком, используя простые жизненные ситуации (например, покупка в магазине, новость о правонарушении и т. п.) становятся эффективным поводом для правового просвещения ребенка.

Другим направлением в правовом воспитании несовершеннолетних в семье является положительный личный пример и демонстрация позитивных правомерных моделей поведения родителей. К сожалению, зачастую правовой нигилизм родителей: «Все нарушают, и мы будем» — ребенок запоминает намного быстрее, усваивая, что закон не является ценностью, его можно обойти, если это выгодно. Родители, соблюдающие закон, а также проявляющие уважительное отношение в общении с окружающими, несомненно вкладывают своим примером эффективную составляющую в длительный процесс правового воспитания.

В то же время, если родитель только говорит о важности закона, но при этом сам покупает похищенные вещи, дает взятки должностным лицам, некорректно разговаривает с педагогами или должностными лицами, то его слова, конечно же не будут иметь никакой силы и пользы. Проанализировав свое собственное отношение к праву, взрослые становятся примером правомерного поведения для своего ребенка и тем самым способствуют профилактике правового нигилизма в обществе.

Кроме того, правовое воспитание ребенка и развитие его правовой культуры неразрывно связано с воспитанием у него волевых качеств и чувства собственного достоинства на разных этапах взросления. Так, в дошкольном возрасте формируются представления о том, что «можно» и «нельзя», «хорошо» и «плохо», происходит знакомство с понятиями «честность», «собственность», «вина», а также усвоение знания, что у других детей тоже есть свои права (иметь собственную игрушку, право на отдых и т. д.). В младшем дошкольном возрасте в доступной форме должны изучаться основные права ребенка и вырабатываться навыки разрешения споров мирным путем, тогда ребенок приходит к пониманию о необходимости соблюдения правил поведения в общественных местах, об ответственности за свои поступки. В подростковом же возрасте ребенок должен четко понимать и осознавать свои основные права и обязанности в соответствии с Конституцией РФ, необходимо разъяснять основы административной и уголовной ответственности, формировать критическое отношение к противоправным действиям в информационной среде и в реальной жизни. В педагогике при этом рекомендуется поощрять самостоятельное стремление ребенка к саморазвитию, изучению закона и разрешению правовых споров, повышая тем самым его мотивацию и желание стать лучше, развивая волевые качества и способность преодолевать трудности.

Уважение личности и прав ребенка в семье (право на личное пространство, на его собственное мнение, на ошибку и т. п.) также является основой для будущего уважения к правам других людей. Нарушение прав ребенка в семье в форме унижений, физических наказаний, игнорирования его мнения влечет за собой разрушение основ правовой культуры. Полагаем, что в процессе формирования правовой культуры несовершеннолетнего в семье необходимо создать интерес к изучению правовой сферы отношений. Поощрения в виде похвалы и подарков или наказания в форме лишения удовольствий или телесных наказаний — это те методы семейного воспитания, к которым родители прибегают в рамках семейного воспитания как к самым простым и на их взгляд понятным. Всегда есть опасность допущения родителями таких типичных ошибок как гиперопека и авторитарный стиль поведения, которые не приводят к положительным результатам: ребенок либо не учится принимать самостоятельно решения и нести за них ответственность, либо, наоборот, на зло родителям совершает противоправные действия. В свою очередь несогласованность требований между родителями, когда один разрешает, а другой запрещает, также разрушает идею единого и обязательного для всех правила.

Правовая пропаганда, как одна из основных форм правового воспитания, предполагает распространение правовых знаний, идей и ценностей среди населения, в т. ч. вне рамок системы образования посредством проведения лекций, семинаров, консультаций, распространение информации о законах в СМИ и Интернете по юридической тематике.

Поскольку задача по становлению и развитию правовой грамотности и правовой культуры подростков является достаточно сложной и многосторонней, то и необходимость ее реализации зачастую отводится исключительно образовательным учреждениям, особенно школам. В последнее время родителям удобно перекладывать ответственность по воспитанию ребенка на образовательные учреждения, тем самым оправдывая себя и свое поведение, а случаи проявления девиантного поведения и нарушения подростком правовых норм связывают с недостаточным качественным образованием и неквалифицированным педагогическим составом. Здесь можно привести в качестве примера хорошо известную аналогию, связанную с речью, основы которой ребенок получает в семье, а школа уже учит правилам по развитию и усовершенствованию навыков речи, выступая тем самым в качестве своего рода информационного регулятора [15]. Полагаем, что по такому же принципу должно выстраиваться и обучение правовой культуре.

Образовательные учреждения разных уровней осуществляют правовую пропаганду и просвещение посредством реализации различных образовательных форм, в т. ч. интерактивных: уроки права, семинары, конференции, круглые столы, вебинары, консультации, правовые тренинги, тесты, викторины, квесты и игры, социальные ролики, плакаты, стенды, буклеты, памятки и многих других, формируя тем самым правовую культуру граждан с ранних стадий обучения [7; 8]. Ключевое значение приобретает именно налаженное взаимодействие семьи и образовательных учреждений, как действенный инструмент по повышению эффективности правового воспитания подрастающего поколения. Семья не может действовать в одиночку, равно как и образовательные учреждения не могут в полном объеме дать необходимое правовое воспитание несовершеннолетнему. В целях максимально качественного формирования правовой грамотности несовершеннолетних внутри семьи, педагогами и психологами предлагается немало различных инициатив по реализации в рамках общеобразовательной организации форм работы с родителями [15]. Полагаем, что наибольший интерес и результат вызовет проведение подобных мероприятий с привлечением юристов, психологов, сотрудников правоохранительных органов и т. д. в целях информирования и разъяснения родителям правовых вопросов и аспектов образовательного процесса. Очевидно, что для педагогического состава данная работа будет налагать дополнительную нагрузку, в связи с чем возможно рассмотрение такого вопроса, например, как введение должности педагога по правовому воспитанию.

К сожалению, ряд подобных мероприятий остается только в рекомендациях, т. к. заинтересованность и вовлеченность в подобные мероприятия отсутствует уже у самих родителей. Ссылаясь на дефицит времени, непонимание значения подобных мероприятий и по другим причинам, школа остается без поддержки родителей, как следствие разрозненность действий и низкий уровень правового воспитания.

Между тем, воспитание традиционно рассматривается как процесс целенаправленного влияния взрослых на формирование личности несовершеннолетних. Не исключением становится и правовое воспитание. При этом, одной из форм правового воспитания является самовоспитание, т. е. индивидуальная работа человека над собой, своими качествами, привычками, ценностями и поведением.

Современная педагогика считает самовоспитание высшей и наиболее зрелой формой воспитания, а в правовом отношении оно должно опираться на осознанное и добровольное освоение индивидом основных положений права. В процессе же правового воспитания самовоспитание взрослых, особенно родителей и педагогов, — это одно из важнейших направлений успешного самовоспитания несовершеннолетнего. Повсеместная цифровизация расширяет возможности к получению правовой информации, разработка и внедрение различных образовательных инициатив в информационной среде направлены, в числе прочего, на повышение заинтересованности взрослого населения. Набирают популярность онлайн-платформы и мобильные приложения для повышения правовой грамотности, а активное внедрение искусственного интеллекта в правовое обучение позволяет разработать современные и интересные для молодежи и взрослых интеллектуальные системы для персонализированного подхода и помощи в понимании сложных юридических тем. Интерактивные формы акцентируют внимание на практическом применении знаний применительно к реальному времени и реальным практическим ситуациям, отражая эффективность современных подходов к правовому воспитанию, что только увеличивает показатели вовлеченности и повышения интереса населения к правовым знаниям. Дистанционный формат значительно облегчает доступ к получению определенных правовых знаний, расширяет аудиторию и способствует вовлечению людей из отдаленных регионов в равный доступ к постоянному и систематическому обучению.

В то же время активно развивающаяся цифровая среда ставит перед современными родителями новые вызовы и угрозы. Молодежь, имея свободный доступ к цифровым ресурсам, зачастую обладают более высоким уровнем цифровой грамотности в сравнении с другими возрастными группами. Дети с ранних лет получают огромное количество непроверенной, противоречивой, а иногда и противоправной информации из интернет-пространства. В таком информационном потоке семья должна стать фильтром и проводником, который поможет ребенку разобраться и научиться ориентироваться в нем, останавливаясь только

на необходимой и полезной. Вместе с тем необходимо научить ребенка правовым нормам по использованию интернета, в т. ч. связанным с соблюдением авторского права, ответственностью за цифровые высказывания, опасностью кибербуллинга и мошенничества, влиянием социальных сетей и отдельных блогеров, пропагандирующих противоправное поведение, и т. д. Однако, зачастую родители, не имея необходимой мотивации и понимания, сами не владеют необходимыми знаниями и цифровой дисциплиной, в связи с чем этот разрыв в знаниях подчеркивает необходимость адаптации коммуникационных методов и подходов для старших поколений и поддержки их цифровой грамотности для преодоления такого разрыва.

Заключение и выводы

Полагаем, что в работе по формированию правового воспитания несовершеннолетних и повышению уровня правовой культуры необходимо активизировать работу именно с родителями и семьями, которая должна заключаться не только в комплексной разработке соответствующих программ, но и активном их просвещении и самообучении. Семья, основываясь на комплексе различных методов (личный пример, семейные правила и традиции, беседы, совместная деятельность, грамотная система поощрений и наказаний, сотрудничество со школой и т. д.), играет ключевую роль в эффективном правовом воспитании несовершеннолетних, в формировании его правовой грамотности и правовой культуры. Наличие правильного и современного информационного правового базиса поможет спокойно ориентироваться в окружающем социально-информационном пространстве, подготовит ребенка к жизни в правовом государстве и научит вести себя в соответствии с нормами закона и правового поведения. При этом повышение правовой грамотности и правомерного поведения взрослого поколения стимулирует активную гражданскую позицию и ответственность за соблюдение законности в обществе у несовершеннолетних, что несомненно является ключевым элементом в формировании зрелого гражданского общества, укреплении демократических институтов, обеспечивая тем самым стабильность и развитие российского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панова О. Б. Правовое воспитание несовершеннолетних в истории и теории педагогики : моногр. Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2010. 134 с.
2. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Методология правового воспитания // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2. С. 377—381. DOI: 10.26140/bgj3-2020-0902-0092.
3. Тюменева Н. В. Правовое воспитание и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 2(157). С. 118—126. DOI: 10.24412/2227-7315-2024-2-118-126.
4. Сафина С. Б. Правовое просвещение и правовое воспитание как инструменты формирования правовой культуры // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2025. № 4. С. 77—89.
5. Кононенко Д. В. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование» // Правовая парадигма. 2025. Т. 24. № 1. С. 34—38. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5.
6. Певцова Е. А. Современная теория права о соотношении правовой культуры, правового сознания и правового воспитания // Теория государства и права. 2024. № 1(35). С. 188—201.
7. Абакумова Д. В., Соколов А. С. Правовое воспитание несовершеннолетних // Российско-азиатский правовой журнал. 2025. № 2. С. 5—13. DOI: 10.14258/ralj(2025)2.1.
8. Некрасова И. Е. Характерные проблемы и тенденции правового воспитания современной учащейся молодежи // Мир науки, культуры, образования. 2026. № 1(116). С. 64—68. DOI: 10.24412/1991-5497-2026-1116-64-68.
9. Матвиенко С. В. Актуальные вопросы правового просвещения современной российской молодежи: проблемы и пути решения // Образование и право. 2026. № 3. С. 47—50.

10. Дышеков М. В., Умарова А. А., Хоконова Л. А. Формирование правовой культуры на личностном уровне через патриотическое воспитание // Аграрное и земельное право. 2025. № 12. С. 15—17.
11. Абзалова С. В., Сафиуллин Б. В. Роль физической культуры в формировании правосознания и социальной ответственности // Образование и право. 2026. № 3. С. 473—475.
12. Богданов А. В., Румянцев Н. В., Хазов Е. Н. Правовая культура и нравственное воспитание несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4. С. 35—40. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-4-35-40.
13. Артеменко Н. Н., Тарасова О. Е., Николаева Е. А. Правовое воспитание как способ предупреждения преступности несовершеннолетних // Аграрное и земельное право. 2020. № 2(182). С. 68—70.
14. Прокофьев К. Г. Институт семьи в системе ценностного консенсуса российского общества: нравственный и правовой аспекты // Теория государства и права. 2024. № 1(35). С. 225—233.
15. Кандыбина А. В. Роль семьи в формировании правовой грамотности подростков // Artium Magister. 2022. Т. 22. № 1. С. 14—18.
16. Ковалева Е. В. Традиционные семейные ценности в правовой культуре молодежи // Право и практика. 2024. № 2. С. 18—22. DOI: 10.24412/2411-2275-2024-2-18-22.
17. Ворошилова С. В. Традиции семейного воспитания как ценность в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2026. № 1(168). С. 27—33. DOI: 10.24412/2227-7315-2026-1-27-33.

REFERENCES

1. Panova O. B. Legal education of minors in the history and theory of pedagogy. Monograph. Vologda, VILE of the FPS of Russia publ., 2010. 134 p. (In Russ.)
2. Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Methodology of the law education. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2020(2):377—381. (In Russ.) DOI: 10.26140/bg23-2020-0902-0092.
3. Tyumeneva N. V. Legal education and its role in the mechanism of legal regulation. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2024;2(157):118—126. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2024-2-118-126.
4. Safina S. B. Legal education and legal upbringing as instruments for the formation of legal culture. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki: otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 4: Gosudarstvo i pravo = Social and Humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law*. 2025;4:77—89. (In Russ.)
5. Kononenko D. V. The Relationship Between the Concepts of “Legal Literacy”, “Legal Nurturing”, “Legal Education”, “Legal Information” and “Legal Learning”. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. 2025;24(1):34—38. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5.
6. Pevtsova E. A. Modern theory on law about the relationship between legal culture, legal consciousness. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. 2024;1(35):188—201. (In Russ.)
7. Abakumova D. V., Sokolov A. S. Legal education of minors. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian law journal*. 2025;2:5—13. (In Russ.) DOI: 10.14258/ralj(2025)2.1.
8. Nekrasova I. E. Characteristic problems and trends of legal education of modern students. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2026;1(116):64—68. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2026-1116-64-68.
9. Matvienko S. V. Current issues of legal education of modern Russian youth: problems and solutions. *Obrazovanie i pravo*. 2026;3:47—50. (In Russ.)
10. Dyshekov M. V., Umarova A. A., Khokonova L. A. Developing legal culture at the personal level through patriotic education. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2025;12:15—17. (In Russ.)
11. Abzalova S. V., Safullin B. V. The role of physical culture in the formation of legal awareness and social responsibility. *Obrazovanie i pravo*. 2026;3:473—475. (In Russ.)
12. Bogdanov A. V., Rumyantsev N. V., Khazov E. N. Legal culture and moral education of minors. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2022;4:35—40. (In Russ.) DOI: 10.24412/2073-0454-2022-4-35-40.
13. Artemenko N. N., Tarasova O. E., Nikolaeva E. A. Legal education as a way of preventing the crime of minors. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2020;2(182):68—70. (In Russ.)
14. Prokofiev K. G. The institution of family in the system of value consensus of Russian society: moral and legal aspects. *Teoriya gosudarstva i prava = Theory of state and law*. 2024;1(35):225—233. (In Russ.)
15. Kandybina A. V. The role of the family in the formation of legal literacy among adolescents. *Artium Magister*. 2022;22(1):14—18. (In Russ.)
16. Kovaleva E. V. Traditional family values in the legal culture of youth. *Pravo i praktika = Law and practice*. 2024; 2:18—22. (In Russ.) DOI: 10.24412/2411-2275-2024-2-18-22.
17. Voroshilova S. V. Traditions of family education as a value in Russia. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2026;1(168):27—33. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-7315-2026-1-27-33.

Статья поступила в редакцию 26.04.2026; одобрена после рецензирования 15.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 26.04.2026; approved after reviewing 15.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья

УДК 342.951

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1600

Oleg Vitalievich Serpeninov

Candidate of Engineering, Associate Professor,
Professor of the Department of Information Security,
Rostov State
University of Economics
Rostov-on-Don, Russian Federation
serpeninov53@mail.ru

Saveliy Evgenievich Cherkeзов

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Information Security,
Rostov State
University of Economics
Rostov-on-Don, Russian Federation
savely1@bk.ru

Alexander Valerievich Prokopenko

Assistant Professor of the Department of Information Security,
Rostov State
University of Economics
Rostov-on-Don, Russian Federation
prokopenko.sanya2018@yandex.ru

Олег Витальевич Серпенинов

канд. техн. наук, доцент,
профессор кафедры информационной безопасности,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
serpeninov53@mail.ru

Савелий Евгеньевич Черкезов

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры информационной безопасности,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
savely1@bk.ru

Александр Валериевич Прокопенко

ассистент кафедры информационной безопасности,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
prokopenko.sanya2018@yandex.ru

ВЫЯВЛЕНИЕ ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье исследуются вопросы правового обеспечения выявления фейковых новостей в условиях цифровой трансформации информационного пространства и роста масштабов распространения недостоверной общественно значимой информации в социальных сетях, мессенджерах и иных цифровых каналах коммуникации. Отдельное внимание уделено вопросам ответственности и правовых последствий распространения фейковой информации. Цель работы состоит в обосновании концепции использования методов искусственного интеллекта в механизме выявления фейковых новостей с учетом требований законности, правовой определенности и процессуальной допустимости получаемых результатов.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы, а также междисциплинарный подход, предполагающий анализ возможностей автоматизированного анализа текстов, машинного обучения, мониторинга социальных сетей и сопоставления сведений с проверенными источниками. Эмпирическую базу составили нормативные правовые акты Российской Федерации, материалы правоприменительной практики, статистические и аналитические данные о распространении фейков, а также научные публикации по проблемам дезинформации и искусственного интеллекта.

В результате исследования уточнены юридически значимые признаки фейковой новости, позволяющие отграничить ее от добросовестной ошибки, неполноты сведений и оценочного суждения. Обосновано, что методы искусственного интеллекта способны повысить оперативность мониторинга информационной среды, предварительной классификации сообщений и фиксации цифровых признаков распространения недостоверной информации. Сформулированы требования к использованию результатов автоматизированного анализа в правоприменительной деятельности, а также предложения по совершенствованию законодательства и ведомственных методик, регулирующих применение интеллектуальных систем при выявлении, фиксации и ограничении распространения фейковых новостей. Вынесено предложение использования модели автоматизированного выявления фейковых новостей и определены требования которым должна соответствовать система в процессе доказывания.

Ключевые слова: фейковые новости, дезинформация, искусственный интеллект, информационное право, судебная практика, правовое регулирование, цифровые доказательства, информационная безопасность, машинное обучение, противодействие дезинформации, цифровая криминалистика, мониторинг социальных сетей

Для цитирования: Серпенинов О. В., Черкезов С. Е., Прокопенко А. В. Выявление фейковых новостей с использованием методов искусственного интеллекта: проблемы правового регулирования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 242—247. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1600.

Original article

IDENTIFYING FAKE NEWS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TOOLS:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. *The article examines the legal framework for identifying fake news in the context of the digital transformation of the information space and the increasing dissemination of socially significant false information through social media, messengers and other digital communication channels. Particular attention is paid to issues of liability and legal consequences of disseminating fake information. The purpose of the study is to substantiate a concept for the use of artificial intelligence in the mechanism for detecting fake news, taking into account the requirements of legality, legal certainty and procedural admissibility of the obtained results.*

The methodological basis of the study includes formal legal, systemic and comparative legal methods, as well as an interdisciplinary approach involving the analysis of automated text processing, machine learning, and social media monitoring, as well as cross-checking information against verified sources. The empirical basis comprises Russian regulatory legal acts, law enforcement materials, statistical and analytical data on the spread of fake news, and academic publications on disinformation and artificial intelligence.

The study clarifies the key legally significant features of fake news, making it possible to distinguish it from good-faith error, incomplete factual data and value judgments. It is substantiated that artificial intelligence tools can improve the speed of information environment monitoring, preliminary classification of messages and detection of digital indicators of disinformation dissemination. The article formulates requirements for the use of automated analysis results in law enforcement activities and proposes measures to improve legislation and departmental regulations governing intelligent systems used to detect, record and restrict the dissemination of fake news. A proposal is made to use a model for automated detection of fake news, and the requirements that the system must meet in the proof process are defined.

Keywords: *fake news, disinformation, artificial intelligence, information law, judicial practice, legal regulation, digital evidence, information security, machine learning, countering disinformation, digital forensics, social media monitoring*

For citation: Serpeninov O. V., Cherkeзов S. E., Prokopenko A. V. Identifying fake news using artificial intelligence tools: problems of legal regulation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):242—247. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1600.

Введение

Изученность проблемы. В отечественной научной литературе проблема фейковых новостей и противодействия их распространению исследуется преимущественно в информационно-правовом, медиакоммуникационном и техническом аспектах. Л. Ю. Нежиной и А. С. Душкиным фейковые новости рассматриваются как инструмент деструктивного информационного воздействия и фактор деформации общественного восприятия социально значимых событий [1]. О. А. Голубцова, анализируя международный опыт правового противодействия фейковизации информационного пространства, показывает, что борьба с дезинформацией все в большей степени приобретает характер самостоятельного направления государственной информационной политики [2]. Д. К. Григорян, исследуя феномен фейковых новостей, делает однозначный вывод, что они представляют собой прямую угрозу национальной безопасности России [3].

Вопросы информационной безопасности и деструктивного воздействия цифровых технологий на общественное сознание рассматриваются в работах О. В. Серпенинова и А. В. Прокопенко [4]. Е. Н. Холопова и Р. Н. Мулдашев обосновывают значимость искусственного интеллекта как средства противодействия фейкам при обеспечении национальной безопасности [5]. Н. А. Ильиних связывает использование информационных платформ и искусственного интеллекта с предупреждением киберэкстремизма и предлагает модель автоматизированной верификации новостной информации [6]. В. М. Самарцева рассматривает маркировку результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом, как юридический механизм обеспечения прозрачности цифрового контен-

та [7]. А. В. Токолов исследует правовое регулирование дипфейков как специального сегмента синтетического контента, создающего новые риски дезинформации и правонарушений в информационной сфере [8]. Ю. Н. Сосновская и Э. В. Маркина анализируют административную ответственность за распространение недостоверной общественно значимой информации и правоприменительную практику по ч. 9 ст. 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях [9].

Техническое направление исследования проблемы представлено Ю. С. Леонова, Д. Н. Федянин и А. Г. Чхартишвили рассматривают возможности больших языковых моделей в распознавании фальшивых новостей [10]. К. А. Криворучко и И. И. Максименко анализируют применение нейронных сетей для распознавания недостоверной информации в средствах массовой информации [11], а Д. Р. Нуреев исследуют возможности нейронных сетей, включая *BERT*, *LSTM*, *XGBoost* и *PhoBERT* в выявлении признаков дезинформации [12]. Е. Н. Холопова и Р. Н. Мулдашев доказывают необходимость разработки и внедрения отечественных технологий искусственного интеллекта для противодействия фейкам [13].

В смежных исследованиях Ж. Алимсеитова и А. Бакпокаев анализируют методики оценивания деструктивного манипулятивного воздействия на пользователей в социальных сетях [14], а Ч. Ду и А. В. Попова предлагают подходы к выявлению и оценке рисков кибернасилия в онлайн-сообществах [15]. Эти работы не посвящены непосредственно правовой квалификации фейковых новостей, однако расширяют представление о цифровой среде как пространстве комплексных информационно-психологических угроз.

Актуальность. Противодействие фейковым новостям в современных условиях связано не только с необходимостью ограничения распространения недостоверной информации, но и с обеспечением баланса между свободой выражения мнения, правом на получение информации и защитой публичных интересов. Высокая скорость тиражирования сообщений в социальных сетях, мессенджерах и на цифровых платформах делает недостаточными исключительно традиционные способы проверки информации и последующего правового реагирования.

Целесообразность разработки темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, существующие методы выявления дезинформации (ручной мониторинг, фактчекинг) не справляются с лавинообразным ростом объемов информации и скоростью ее распространения. Во-вторых, правоприменительные органы (Роскомнадзор, МВД России, прокуратура) нуждаются в научно обоснованных рекомендациях по использованию технологий искусственного интеллекта для фиксации правонарушений. В-третьих, отсутствие единых критериев оценки достоверности информации и разграничения фейков от добросовестных ошибок (на что обратил внимание Верховный суд РФ) создает риски необоснованного ограничения прав граждан. Предлагаемое исследование позволяет сформулировать такие критерии и предложить алгоритмы их применения.

Научная новизна исследования состоит в комплексном публично-правовом осмыслении использования методов искусственного интеллекта для выявления фейковых новостей как элемента механизма противодействия распространению недостоверной общественно значимой информации. В работе уточнены юридически значимые признаки фейковой новости, позволяющие отграничить ее от добросовестной ошибки, неполноты фактических данных и оценочного суждения с учетом действующего законодательства и материалов судебной практики. Предложена правовая модель использования результатов автоматизированного анализа информации, в рамках которой системы искусственного интеллекта рассматриваются не как самостоятельный субъект принятия юридически значимого решения, а как вспомогательный инструмент выявления, фиксации и предварительной оценки признаков дезинформации.

Новизна исследования также выражается в формулировании требований к применению технологий искусственного интеллекта в правоприменительной деятельности. К таким требованиям отнесены проверяемость алгоритма, воспроизводимость результата, юридическая верифицируемость обучающей выборки, документирование процедуры анализа и сохранение итоговой правовой оценки за уполномоченным должностным лицом, специалистом или судом. На этой основе обоснованы предложения по совершенствованию законодательства и ведомственных методик, регулирующих использование интеллектуальных систем при выявлении, фиксации и ограничении распространения фейковых новостей.

Целью работы является разработка концепции правового обеспечения системы выявления фейковых новостей с использованием методов искусственного интеллекта, а также обоснование практических рекомендаций по ее внедрению в правоприменительную деятельность.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- провести анализ нормативно-правовой базы, регулирующей оборот информации и ответственность за распространение фейковых новостей, выявить пробелы и противоречия с учетом актуальной судебной практики;
- обобщить статистические данные о динамике, структуре и тематике фейковых новостей в российском сегменте Интернета за 2024—2025 гг.;
- разработать алгоритмы анализа текстов новостей с точки зрения выявления признаков, свидетельствующих о недостоверности, применимые для использования в судебной экспертизе и досудебном производстве;
- исследовать паттерны распространения дезинформации в социальных сетях для определения субъектов, участвующих в ее распространении, и юридически значимых характеристик таких действий;
- обосновать применение методов машинного обучения для автоматической классификации информации как фейковой, обеспечив прозрачность и воспроизводимость результатов;
- предложить механизмы интеграции разработанной системы в деятельность правоохранительных органов, судов, Роскомнадзора и Генеральной прокуратуры РФ;
- сформулировать рекомендации по совершенствованию законодательства в части легализации использования систем искусственного интеллекта для выявления и блокировки фейковых новостей.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии положений информационного права и цифровой криминалистики в части:

- уточнения правовой природы фейковых новостей как объекта правонарушения;
- обоснования критериев разграничения дезинформации, добросовестных ошибок и оценочных суждений;
- разработки теоретической модели использования искусственного интеллекта в доказывании по делам о распространении недостоверной информации;
- систематизации правовых позиций Верховного суда РФ и судебной практики по ст. 207³ Уголовного кодекса РФ.

Полученные выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях по проблематике информационной безопасности, противодействия гибридным угрозам и цифрового правосудия.

Практическая значимость исследования определяется возможностью внедрения ее результатов в деятельность:

- Роскомнадзора — для автоматизированного мониторинга и блокировки фейковых новостей;
- МВД России и Следственного комитета — для оперативного выявления признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207³ и 207⁵ Уголовного кодекса РФ, и формирования доказательственной базы;
- Генеральной прокуратуры РФ — для осуществления надзора за соблюдением законодательства о противодействии дезинформации;
- судов — для оценки допустимости и достоверности доказательств, полученных с использованием систем искусственного интеллекта;
- законодательных органов — для подготовки проектов федеральных законов и подзаконных актов, регламентирующих применение технологий искусственного интеллекта в информационной сфере.

Кроме того, разработанные алгоритмы и методические рекомендации могут быть использованы в учебном процессе при подготовке юристов по специализациям «Информационное право», «Цифровая криминалистика» и «Правовое обеспечение национальной безопасности».

Основная часть

Проведенный анализ литературы показывает, что в отечественной науке уже сформированы отдельные теоретические заделы для изучения фейковых новостей как правового, социального и технологического феномена. Однако существующие исследования развиваются в основном параллельно: юридические работы сосредоточены на вопросах ограничения распространения недостоверной информации и привлечения к ответственности [1; 2; 8; 9], тогда как технические публикации ориентированы на разработку алгоритмов автоматического распознавания фейков [10—13]. Работы на стыке права и искусственного интеллекта [5—8] лишь частично затрагивают проблему использования результатов автоматизированного анализа как юридически значимой информации.

С юридической точки зрения фейковые новости представляют собой особый вид недостоверной информации, распространяемой под видом достоверных сообщений и способной повлечь юридически значимые последствия. Их правовая квалификация требует установления ряда признаков: несоответствия сведений действительности, характера распространения, общественной значимости информации и, в предусмотренных законом случаях, признака заведомости. При этом не всякая неточность в сообщении образует состав правонарушения; для правоприменения принципиально важно разграничение фейковых новостей, добросовестных ошибок, неполноты фактических данных и оценочных суждений [1; 2; 8; 9].

Фейковые новости рассматриваются в современной литературе как значимый фактор информационной и национальной безопасности, а также как один из инструментов гибридного воздействия в цифровой среде [1; 4—6].

Наряду с этим следует обратить особое внимание на правовые последствия распространения фейковой информации. Как показывают исследования [1; 4; 5; 8], фейковые новости влекут:

- нарушение законодательства о СМИ — распространение недостоверной общественно значимой информации под видом новостей;
- административную и уголовную ответственность — за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 13.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях и ст. 207³, 207⁵ Уголовного кодекса РФ);
- гражданско-правовые последствия — защиту чести, достоинства и деловой репутации, возмещение убытков, причиненных дезинформацией;
- информационную безопасность — использование фейков в качестве инструмента кибератак и гибридного воздействия на критическую информационную инфраструктуру.

Использование методов искусственного интеллекта в рассматриваемой сфере связано прежде всего с возможностью обработки больших массивов данных, автоматизированного анализа текстов и выявления аномалий в распространении информации [5; 6; 10; 11]. Наиболее востребованными являются методы лингвистического

и семантического анализа, алгоритмы машинного обучения, инструменты выявления координированной сетевой активности и средства сопоставления сообщений с проверенными источниками [10—13].

На наш взгляд, указанные технологии позволяют решать несколько практических задач одновременно [10—12]:

- они обеспечивают мониторинг информационного пространства в режиме, близком к реальному времени;
- использование систем искусственного интеллекта позволяет предварительно классифицировать сообщения по степени вероятности их недостоверности;
- данные системы способны содействовать фиксации цифровых признаков распространения информации, включая время публикации, динамику репостов, связи между аккаунтами и иные параметры, имеющие значение для установления обстоятельств дела.

Несмотря на значимые возможности систем искусственного интеллекта для юридической практики фиксации фейковой информации, их применение в правоприменительной деятельности возможно, на наш взгляд, только при соблюдении ряда обязательных условий [5; 7; 10]:

- обязательная проверяемость алгоритма, позволяющая установить, на основании каких признаков система пришла к соответствующему выводу;
- наличие воспроизводимости результата, поскольку в отсутствие возможности повторной проверки снижается доказательственная ценность автоматизированного анализа;
- принципиальность качества обучающей выборки — включение в нее материалов, прошедших юридическую верификацию, что снижает вероятность произвольных и ошибочных классификаций;
- необходимость сохранения итоговой правовой оценки за человеком (должностным лицом, специалистом, экспертом) или судом.

Методологическую основу работы составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. С их помощью проанализированы положения Конституции Российской Федерации, законодательства об информации, законодательства о средствах массовой информации, а также нормы административного и уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за распространение заведомо ложной общественно значимой информации.

Результаты исследования. Предложенный нами подход может использоваться при разработке требований к программным средствам мониторинга информационного пространства, при формировании массивов юридически верифицированных данных для обучения моделей, а также при подготовке специалистов, работающих на стыке права, цифровой криминалистики и информационной безопасности.

В результате проведенного комплексного анализа правовых, статистических и технических аспектов распространения фейковых новостей, а также на основе разработанной концептуальной модели выявления дезинформации с использованием методов искусственного интеллекта были получены следующие основные результаты:

1. **Выявлены правовые и фактические признаки фейковых новостей.** На основе систематизации нормативных правовых актов и обобщения судебной практики, установлено, что юридически значимыми признаками фейковой новости являются:

- заведомая недостоверность сведений (установленная на основе официальных опровержений или объективных данных);

- публичный характер распространения (в средствах массовой информации, социальных сетях, мессенджерах);

- общественная опасность или способность причинить вред правам и законным интересам граждан, организаций, государства;

- отсутствие признаков добросовестной ошибки (отдельные неточности, опiski, не влекущие искажения сути события, не квалифицируются как фейк — позиция Верховного суда РФ).

2. Оценена эффективность существующих правовых механизмов. Анализ судебной практики по ст. 207³ Уголовного кодекса РФ показал, что привлечение к уголовной ответственности возможно при наличии официального опровержения. При этом:

- сроки рассмотрения дел составляют от 2 до 6 месяцев, что не соответствует скорости распространения фейков;

- доказательственная база формируется преимущественно на основе скриншотов и протоколов осмотра сайтов, что создает риски фальсификации;

- отсутствие автоматизированной фиксации признаков фейка на момент его появления затрудняет установление умысла.

3. Предложена концептуальная модель автоматизированного выявления фейковых новостей. На основе анализа существующих методов (анализ содержания текста, машинное обучение, анализ социальных сетей, фактчекинг) предложена мультимодульная архитектура системы, включающая:

- модуль лингвистического анализа (выявление эмоционально окрашенной лексики, заголовков-кликбейтов, аномальных синтаксических конструкций);

- модуль проверки фактов (кросс-верификация с базами официальных опровержений и авторитетных источников);

- модуль анализа социальных сетей (выявление ботов, анализ сетевых графов).

4. Определены требования к доказательственному значению результатов. Сформулированы правовые требования, которым должна удовлетворять система для использования ее результатов в судопроизводстве:

- прозрачность алгоритма (возможность объяснить, на основании каких признаков принято решение);

- воспроизводимость (повторный запуск на тех же данных должен давать тот же результат);

- валидация на юридически значимой выборке (обучение и тестирование на материалах, признанных фейками вступившими в законную силу судебными актами);

- документирование (автоматическое формирование протокола анализа с указанием времени, признаков и источников).

Предложено использовать выходные данные системы в качестве ориентирующей информации для оперативных служб, а также как основание для назначения судебной компьютерно-технической или лингвистической экспертизы.

Выводы

Выявление фейковых новостей и их квалификация не могут основываться исключительно на формальном установлении недостоверности отдельных фрагментов сообщения. Необходимо учитывать характер распространенных сведений, степень их общественной значимости, наличие признака заведомости и потенциальные правовые последствия.

Методы искусственного интеллекта обладают значительным потенциалом в сфере выявления фейковых новостей, поскольку позволяют автоматизировать мониторинг информационной среды, предварительную классификацию сообщений и фиксацию цифровых признаков распространения недостоверной информации. Вместе с тем такие технологии могут использоваться в правоприменительной деятельности только как вспомогательный инструмент. Их внедрение должно сопровождаться нормативным закреплением требований к прозрачности алгоритмов, качеству данных, воспроизводимости результатов и процессуальному контролю.

Развитие правового обеспечения выявления фейковых новостей с использованием методов искусственного интеллекта должно осуществляться по пути сочетания технологической эффективности и юридических гарантий. Только при соблюдении указанного баланса возможно формирование устойчивой модели противодействия распространению недостоверной информации, совместимой с требованиями законности, правовой определенности и защиты конституционных прав граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нежкина Л. Ю., Душкин А. С. Распространение фейков как способ манипулирования общественным сознанием в интернет-пространстве // Российский девиантологический журнал. 2024. Т. 4. № 2. С. 237—249. DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-237-249.

2. Голубцова О. А. Международный опыт правового противодействия фейковизации информационного пространства // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. № 1. С. 62—66.

3. Григорян Д. К. Фейковые новости в эпоху цифровизации: технологии противодействия распространению // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 3(110). С. 132—136.

4. Серпенинов О. В., Прокopenко А. В. Использование информационных технологий в целях деструктивного воздействия на общественное сознание // Технологии и человеческий капитал: ключевые факторы устойчивого роста : моногр. / под. ред. Е. Н. Макаренко. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2024. С. 623—634.

5. Холопова Е. Н., Мулдашев Р. Н. Искусственный интеллект как средство противодействия фейкам при обеспечении национальной безопасности // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21. № 3. С. 60—70. DOI: 10.33184/pravgos-2025.3.7.

6. Ильиных Н. А. Использование информационных платформ и искусственного интеллекта в противодействии фейковым новостям как мера предупреждения киберэкстремизма // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 1. С. 37—43.

7. Самарцева В. М. Маркировка результатов, автономно создаваемых генеративным искусственным интеллектом // Пролог: журнал о праве. 2025. № 2. С. 57—67.

8. Токолов А. В. Правовое регулирование дипфейков // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 141—147. DOI: 10.24412/2414-3995-2025-2-141-147.
9. Сосновская Ю. Н., Маркина Э. В. К вопросу об административной ответственности за правонарушения, связанные с распространением в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях недостоверной общественно значимой информации // Вестник экономической безопасности. 2025. № 3. С. 127—132. DOI: 10.24412/2414-3995-2025-3-127-132.
10. Леонова Ю. С., Федянин Д. Н., Чхартишвили А. Г. Распознавание фальшивых новостей большими языковыми моделями // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2025. Т. 50. № 5. С. 233—247. DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.233247.
11. Криворучко К. А., Максименко И. И. Распознавание недостоверной информации в СМИ с помощью нейронных сетей // Вестник Донецкого национального университета. Серия Г: Технические науки. 2024. № 4. С. 101—109. DOI: 10.5281/zenodo.14514617.
12. Нуреев Д. Р. Алгоритмы детектирования фейковых новостей с использованием глубокого обучения // Современные исследования в области техники и технологий : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : Ариал, 2025. Ч. 1. С. 669—677.
13. Холопова Е. Н., Мулдашев Р. Н. Искусственный интеллект как средство противодействия фейкам при обеспечении национальной безопасности // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21. № 3. С. 60—70. DOI: 10.33184/pravgos-2025.3.7.
14. Алимсеитова Ж., Бакпокпаев А. Исследование методик оценивания деструктивного манипулятивного воздействия на пользователей в социальных сетях // Вестник КазАТК. 2025. № 1(136). С. 234—245. DOI: 10.52167/1609-1817-2025-136-1-234-245.
15. Ду Ч., Попова А. В. Разработка методологии выявления и оценки рисков кибернасилия в социальных сетях и онлайн-сообществах // Глобальный научный потенциал. 2024. № 6(159). С. 262—266.

REFERENCES

1. Nezhkina L. Y., Dushkin A. S. Dissemination of fakes as a way of manipulating public consciousness in the Internet space. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*. 2024;4(2):237—249. (In Russ.) DOI: 10.35750/2713-0622-2024-2-237-249.
2. Golubtsova O. A. International experience of legal countering fakevization of the information space. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian law journal*. 2024;1:62—66. (In Russ.)
3. Grigoryan D. K. Fake news in the era of digitalization: technologies for countering proliferation. *Jurist-Pravoved*. 2024;3(110):132—136. (In Russ.)
4. Serpeninov O. V., Prokopenko A. V. Using information technologies for destructive influence on public consciousness. *Tekhnologii i chelovecheskii kapital: klyuchevye faktory ustoichivogo rosta = Technologies and human capital: key factors of sustainable growth. Monograph*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2024. Pp. 623—634. (In Russ.)
5. Kholopova E. N., Muldashev R. N. Artificial intelligence as a means to counter fakes in national security. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The rule-of-law state: theory and practice*. 2025;21(3):60—70. (In Russ.) DOI: 10.33184/pravgos-2025.3.7.
6. Ilyinykh N. A. Use of information platforms and artificial intelligence in tackling fake news as a measure to prevent cyberextremism. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific bulletin of the Omsk academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025;31(1):37—43. (In Russ.)
7. Samartseva V. M. Labeling of results generated autonomously by generative artificial intelligence. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*. 2025;2:57—67. (In Russ.)
8. Tokolov A. V. Legal regulation of deepfakes. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*. 2025;2:141—147. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-3995-2025-2-141-147.
9. Sosnovskaya Yu. N., Markina E. V. On the issue of administrative responsibility for offenses related to the dissemination of false socially significant information in the media as well as in information and telecommunication networks. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*. 2025;3:127—132. (In Russ.) DOI: 10.24412/2414-3995-2025-3-127-132.
10. Leonova Iu. S., Fedyanin D. N., Chkhartishvili A. G. Fake news detection by large language models. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2025;50(5):233—247. (In Russ.) DOI: 10.55959/msu.vestnik.journ.5.2025.233247.
11. Krivoruchko K. A., Maksimenko I. I. Recognition of incorrect information in the media using neural networks. *Vestnik Donetskogo nacional'nogo universiteta. Seriya G: Tekhnicheskie nauki = Bulletin of Donetsk National University. Series G: Technical Sciences*. 2024;4:101—109. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.14514617.
12. Nureev D. R. Algorithms for detecting fake news using deep learning. *Sovremennye issledovaniya v oblasti tekhniki i tekhnologii = Modern research in the field of engineering and technology. Collection of articles of the International scientific and practical conference*. Simferopol, Arial, 2025;1:669—677. (In Russ.)
13. Kholopova E. N., Muldashev R. N. Artificial intelligence as a means to counter fakes in national security. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The rule-of-law state: theory and practice*. 2025;21(3):60—70. (In Russ.) DOI: 10.33184/pravgos-2025.3.7.
14. Alimseitova Z., Bakpokpayev A. Studies of techniques in measuring negative malicious influence of user in the social networks. *Vestnik KazATK = KazATC Bulletin*. 2025;1(136):234—245. (In Russ.) DOI: 10.52167/1609-1817-2025-136-1-234-245.
15. Du Zh., Popova A. V. Development of a methodology for identifying and assessing the risks of cyber violence in social networks and online communities. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global scientific potential*. 2024;6(159):262—266. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.03.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 04.03.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья
УДК 347.454.3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1584

Sergey Borisovich Tsvetkov
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Private
and Public Law,
Volgograd Business Institute
Volgograd, Russian Federation
tsvetkov.1954@mail.ru

Сергей Борисович Цветков
канд. юрид. наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой частного
и публичного права,
Волгоградский институт бизнеса
Волгоград, Российская Федерация
tsvetkov.1954@mail.ru

ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ КАПИТАЛЬНОГО РЕМОНТА ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В нашей стране традиционно (хотя это можно признать проблемой большинства государств) существует необходимость изучения эффективности правовых норм, регулирующих социально-экономические процессы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, поиска путей решения задачи содержания и воспроизводства жилого фонда. Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 271-ФЗ, внося дополнения и изменения в Жилищный кодекс РФ, ввел тем самым в действие инновационный механизм проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома как одного из направлений воспроизводства жилого фонда. Особый статус приобрели собственники жилых помещений, региональный оператор.

Подготовка представленной статьи обусловлена необходимостью проанализировать некоторые, по мнению автора, актуальные вопросы правового регулирования отношений по организации проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома, эффективность и достаточность правовых норм, выработать предложения по их совершенствованию. Сформулировано базовое доктринальное определение понятия рассматриваемого правоотношения как сложного соци-

ального, экономического и правового феномена, требующего междисциплинарного подхода. Обращено внимание на наличие двух легальных определений понятия «капитальный ремонт», требующих, по мнению автора, унификации и уточнения. Представлен аспект сущности вопроса очередности проведения капитального ремонта, возможности переноса его срока, подготовки договоров с подрядчиками. Раскрыто авторское понимание легального термина «оказание услуг» в контексте анализируемых обязательств. На основе примеров судебной практики проанализированы особенности ответственности регионального оператора за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта привлеченными подрядными организациями. При подготовке статьи использованы материалы нормотворческой и судебной практики Волгоградской области.

Ключевые слова: собственники жилых помещений, капитальный ремонт, управление многоквартирным домом, общее имущество, фонд капитального ремонта, региональный оператор, сроки капитального ремонта, очередность капитального ремонта, подряд, ответственность регионального оператора

Для цитирования: Цветков С. Б. Вопросы организации проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома: теоретический и практический аспекты // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 248—253. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1584.

Original article

ISSUES OF ORGANIZING CAPITAL REPAIRS OF THE COMMON PROPERTY IN AN APARTMENT BUILDING: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. In our country, traditionally (although this can be recognized as a problem of most states), there is a need to study the effectiveness of legal norms governing socio-economic processes in the field of housing and communal services, and to find ways to solve the problem of housing maintenance and reproduction. Federal Law No. 271-FZ of December 25, 2012, having introduced additions and amendments to the Housing Code of the Russian Federation, thereby introduced an innovative mechanism for carrying out

capital repairs of the common property in an apartment building as one of the areas of reproduction of the housing stock. The owners of residential premises and the regional operator have acquired a special status. The preparation of the presented article is conditioned by the need to analyze some, in the author's opinion, topical issues of legal regulation of issues related to the organization of major repairs of the common property in an apartment building, the effectiveness and sufficiency of legal norms, and to develop

proposals for their improvement. The basic doctrinal definition of the concept of the legal relationship under consideration is formulated as a complex social, economic and legal phenomenon requiring an interdisciplinary approach. Attention is drawn to the existence of two legal definitions of the concept of major repairs, which, in the author's opinion, require unification and clarification. The importance of prioritizing major repairs, the possibility of postponing them, and the preparation of contracts with contractors are discussed. The author's understanding of the legal term "provision of services" in the context of the analyzed obli-

gations is revealed. Based on examples of judicial practice, the specifics of the responsibility of a regional operator for the consequences of non-fulfillment or improper fulfillment of obligations to carry out major repairs by involved contractors are analyzed. The materials of the normative and judicial practice of the Volgograd region were used in the preparation of the article.

Keywords: owners of residential premises, major repairs, management of an apartment building, common property, capital repair fund, regional operator, terms of major repairs, order of major repairs, contract, responsibility of the regional operator

For citation: Tsvetkov S. B. Issues of organizing capital repairs of the common property in an apartment building: theoretical and practical aspects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):248—253. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1584.

Введение

Актуальность. Как известно, Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 271-ФЗ ввел в действие принципиально новую схему проведения капитального ремонта общего имущества многоквартирного дома (далее — МКД). Традиционный вид деятельности в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ) осуществляется в инновационной форме. Суть нового экономико-правового механизма: если ранее бремя обязанности проведения указанных работ несло государство, то в настоящее время основной источник финансирования программы проведения капитального ремонта — средства собственников помещений МКД. В субъектах Российской Федерации утверждены новые правила финансирования капитального ремонта общего имущества в МКД. Например, в Волгоградской области принят Закон от 19 декабря 2013 г. № 174-ОД «Об организации проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах, расположенных на территории Волгоградской области». Конечная цель трансформации правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере — обеспечение конституционного права каждого на жилище (ст. 17) посредством одного из механизмов: приведение общего имущества МКД в состояние, соответствующее санитарно-гигиеническим, техническим, противопожарным нормам и правилам безопасности, гарантированное (по мнению законодателя) должным финансовым обеспечением.

Целесообразность разработки темы обусловлена сочетанием нормативных пробелов и актуальных потребностей практики. Установленные правила функционирования социально-экономических отношений в сфере ЖКХ предполагают регулярный мониторинг. За прошедшие годы в раздел IX Жилищного кодекса (далее — ЖК) РФ неоднократно вносились существенные дополнения и изменения (принято более двадцати законов, только за 2025 г. — три), что свидетельствует, с одной стороны, о стремлении законодателя совершенствовать механизм организации проведения капитального ремонта этой части жилищного фонда, с другой стороны, является следствием неудовлетворенностью практиков и ученых в области юриспруденции, экономики, строительства, граждан-собственников жилых помещений.

Проблематика общественных отношений, складывающихся в сфере организации проведения капитального ремонта МКД, получила определенное развитие в современной научной литературе.

Изученность проблемы. Регулярно появляются публикации, посвященные экономическим и организационным аспектам указанных отношений, например работы

А. С. Астафьева [1], А. В. Ермишиной и Л. В. Клименко [2], А. Л. Белова [3], И. В. Генцлер [4], В. И. и И. И. Какадия [5], Н. К. Кемайкина и Н. А. Клычковой [6], М. Г. Ковтуненко, С. П. Пастухова, Е. В. Радкевича, Д. И. Савчук [7], Н. Г. Новиковой [8], К. Ю. Рыжковой [9], А. В. Широкова [10], Н. Я. Кузина и А. К. Селезневой [11] и др.

Интерес к изучению названной проблемы в правовой плоскости нашел свое отражение в исследованиях Е. В. Бадулиной и П. В. Крашенинникова [12—14], Е. А. Король [15], И. М. Поляничкина [16], уже упомянутого А. Л. Белова и др.

Диссертационные исследования по проблемам капитального ремонта МКД К. В. Демьянова [17], А. Ю. Мешковой [18], К. К. Шрейбера [19], Д. Д. Бабушкиной [20], А. А. Сергеевкова [21] охватывают экономические, организационные и правовые аспекты.

Анализ зарубежного опыта капитального ремонта МКД на примере ряда европейских стран представлен в работе Е. С. Дедюхина и М. А. Петренко [22].

Многие авторы обращают внимание на кризисное состояние жилищно-коммунальной сферы. Между тем практически нет работ, которые посвящены комплексному изучению проблем в современных условиях реформирования механизма капитального ремонта общего имущества МКД. Таким образом, несмотря на обширную научную базу, некоторые вопросы комплексного анализа правового института организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД остаются изученными неполно и требуют дальнейшей научной разработки. Системное исследование отношений в этой сфере призвано стать необходимым инструментом повышения устойчивости управления, предотвращения злоупотреблений и адаптации предложенного законодателем механизма к потребностям населения.

Научная новизна публикации заключается в формулировке теоретически обоснованного определения понятия «правоотношения по организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД», критическом осмыслении легальных определений понятия «капитальный ремонт» в контексте их тождественного содержания, исследовании проблемы правового регулирования очередности проведения капитального ремонта, а также особенностей ответственности регионального оператора. Представленные в работе результаты ориентированы на дальнейшее развитие законодательной составляющей организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД в правовой плоскости.

Цель исследования — рассмотрение некоторых, по мнению автора, актуальных вопросов организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД и выработка предложений по совершенствованию организационно-правового механизма указанного направления воспроизводства жилого фонда.

Для достижения указанной цели определены **задачи**:

- сформулировать научно обоснованное определение понятия «правоотношения по организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД»;
- проанализировать существующие легальные определения понятия «капитальный ремонт»;
- рассмотреть проблемные вопросы очередности проведения капитального ремонта общего имущества МКД;
- основываясь на материалах судебной практики, установить особенности ответственности регионального оператора.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии научного представления об организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД. В частности, четкое законодательное формулировка понятий служит фундаментом для дальнейших научных изысканий, позволяя выстраивать логически обоснованные аргументы, проводить научный анализ и формулировать обоснованные выводы. Вопросы возложения на стороны правоотношений обязанностей и юридической ответственности — важный механизм принудительного исполнения требований закона.

Практическая значимость исследования определяет интересом не только ученых, аспирантов, магистрантов, но и лиц, в силу своего правового положения плодотворно и систематически занимающихся вопросами организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД, в том числе в аспекте дальнейшего развития доктрины и законодательства, регулирующего отношения в рассматриваемой сфере.

Основная часть

Методология исследования. Для достижения поставленной цели автор изучил и проанализировал научные публикации, материалы судебной практики в контексте применения норм комплексного законодательства, регламентирующего отношения в сфере ЖКХ в целом и порядок организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД в особенности. Такой подход в сочетании с систематизацией собранной информации помог уяснить насущные аспекты правовой регламентации в указанной сфере, определить актуальные вопросы и наметить возможные пути совершенствования нормативной базы. Благодаря этому обеспечивается научная достоверность, а статья приобретает значимость для практикующих юристов.

Результаты исследования. Тринадцатилетняя практика реализации положений раздела IX ЖК РФ требует определенных толкований их применения и доработок. Рассмотрим некоторые аспекты подробнее.

Четко сформулированные дефиниции обеспечивают единое понимание терминов в науке и профессиональной деятельности, отграничивая их от смежных, помогают структурировать знания, четко обозначают границы понятий, в конечном итоге гарантируют научную достоверность, эффективность коммуникации, повышают эффективность работы. Отсутствие легальных определений

понятий и грамотного анализа правовых норм, практики их применения нередко являются причинами правонарушений как следствия несоответствия правового регулирования экономическим процессам.

Остановимся на двух таких понятиях.

Правоотношения по организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД — сложный социальный, экономический и правовой феномен, требующий междисциплинарного подхода, для его понимания. Это юридическая форма и средство социального взаимодействия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления, собственников жилых помещений МКД, регионального оператора, организации, выбранной собственниками для управления МКД, подрядчиков, согласованные действия которых основаны на региональной программе капитального ремонта общего имущества в МКД, инициативе собственников жилых помещений, а при ее отсутствии — на решении органа местного самоуправления, по поводу организации выполнения работ и/или оказания услуг, предмет которых составляет содержание капитального ремонта общего имущества МКД, преимущественно за счет денежных средств собственников жилых помещений с целью обеспечения условий для осуществления лицами, проживающими в МКД, конституционного права на жилище и его безопасности (результат социального взаимодействия).

Неоднородный состав участников предполагает необходимость, с одной стороны, решать единую задачу обеспечения конституционного права граждан на жилище, а с другой стороны, учитывать социальные, экономические интересы сторон, находить баланс в рамках публично-правовых и частноправовых отношений, что, как правило, ведет к правовым ограничениям. Надо понимать, что заинтересованными лицами выступают прежде всего не органы власти (для них это функция, обязанность), а именно граждане. К сожалению, участие в мероприятиях по организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД рассматривается многими собственниками жилых помещений не как элемент реализации своей дееспособности, а в качестве бремени, требующей финансовых вложений. Это не обеспечивает устойчивое финансирование капитального ремонта. Зачастую для этого есть причины, обусловленные недостаточным имущественным обеспечением российских граждан. В связи с этим следует отметить, что закон не запрещает осуществлять финансирование отдельных работ (услуг) за счет средств, полученных по договорам займа и кредита, а также средств государственной поддержки. Здесь должна проявиться роль публично-правовых образований различного уровня в разработке и осуществлении мер по созданию условий для собственников жилых помещений получать необременительные кредиты, бюджетные субсидии, поручительства под государственную гарантию для обновления жилой недвижимости. И еще проблема неосведомленности граждан: по результатам исследования компании РОКВУЛ, 61 % опрошенных россиян плохо представляет, что входит в содержание капитального ремонта МКД и за что они уплачивают ежемесячные взносы.

В аспекте того, что определенный ст. 166 ЖК РФ примерный перечень работ (услуг) по капитальному ремонту общего имущества в МКД в конкретной ситуации требует уточнения, обращает на себя внимание наличие двух

легальных определений понятия «капитальный ремонт»: В п. 14.2 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ и в ст. 2 Федерального закона от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». Первое из них, очевидно, является родовой дефиницией, а второе видовой (применительно к общему имуществу МКД). По мнению автора, они требуют уточнения: в Градостроительном кодексе РФ в отношении строительных конструкций, их элементов, систем инженерно-технического обеспечения применен единый термин «замена и (или) восстановление», а в Федеральном законе от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ — более широкое понятие «устранение неисправностей изношенных конструктивных элементов общего имущества собственников помещений в МКД, в том числе их восстановление или замена».

Кроме того, в последнем из упомянутых законов под капитальным ремонтом понимается «проведение и (или) оказание предусмотренных указанным законом работ и (или) услуг». Понятно, что выполнение работ регулируется прежде всего общими положениями о подряде, а при выполнении отдельных заданий также подпадают под действие норм строительного подряда и подряда на выполнение проектных и изыскательских работ. При заключении договоров необходимо учитывать указания федеральных органов исполнительной власти о целесообразности: предоставления авансового платежа исполнителю работ (Постановление Правительства РФ от 5 мая 2022 г. № 813) и о проведении изыскательных работ и подготовке проектной документации (письмо Минстроя России от 21 февраля 2022 г. № 3363-ОГ/08), включая смету, подготовленную на основании акта, утвержденного заказчиком. Возникает вопрос: что понимается под оказанием услуг в аспекте соответствующих обязательств, урегулированных частью второй Гражданского кодекса РФ? Наверное, имеются в виду осуществление авторского надзора за реализацией проекта (п. 2 ст. 1294 Гражданского РФ) и проведение энергетического обследования (энергоаудита) МКД на основе договоров возмездного оказания услуг.

Актуальна проблема очередности проведения капитального ремонта. Плановый период его проведения устанавливается, как известно, в региональной программе капитального ремонта с ее актуализацией не реже чем один раз в год. Например, постановлением Правительства Волгоградской области от 31 декабря 2013 г. № 812-п (с последующими изменениями и дополнениями, всего за прошедшие почти 13 лет документ актуализировался 27 раз) утверждена Программа, рассчитанная на 42 года (срок, необходимый для проведения капитального ремонта общего имущества во всех МКД, расположенных на территории этого субъекта Российской Федерации). Сложность заключается в том, что не сформирован единый подход к определению критериев очередности его проведения в региональных программах, а в результате поверхностной процедуры обследования жилого фонда выявляется проблема необходимости подключения механизмов переносов срока капитального ремонта на более ранние. Конституционный суд РФ в Постановлении от 12 апреля 2016 г. № 10-П указал, что очередность капитального ремонта определяется на основе объективных критериев, обеспечивающих первоочередное его проведение, в частности в тех домах, проживание в которых опасно для жизни или здоровья граждан. В социальном

аспекте целесообразно осуществлять капитальный ремонт не единичного МКД, а целого участка жилой застройки, который характеризуется высокой концентрацией старого жилья низкого качества. Многие МКД относятся к объектам культурного значения, и промедление в проведении капитального ремонта может грозить разрушением и невозможностью дальнейшего восстановления архитектурных элементов.

Необходимо отметить особенности законодательно закрепленной ответственности регионального оператора перед собственниками помещений в МКД. Наряду с обязанностью ответить за неисполнение своих обязательств (ч. 5 ст. 178, ч. 1 ст. 188 ЖК РФ), установлена его ответственность за последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по проведению капитального ремонта подрядными организациями, привлеченными региональным оператором (ч. 6 ст. 182 ЖК РФ). В Обзоре судебной практики Верховного суда РФ № 2 за 2018 г. [утв. Президиумом Верховного суда РФ 4 июля 2018 г. (в ред. от 25 апреля 2025 г.)] разъяснено, что в таких случаях региональный оператор несет ответственность в соответствии с принципом полного возмещения убытков, и ее объем, в отличие от нормы ч. 5 ст. 178 ЖК РФ, не ограничивается размером взносов на капитальный ремонт, внесенных этим собственником.

Так, решением мирового судьи судебного участка № 78 Волгоградской области от 14 сентября 2022 г. по делу № 2-78-2268/2022 были удовлетворены иски о взыскании с регионального оператора суммы установленного ущерба, расходы на оплату услуг эксперта, представителя, расходы по уплате госпошлины в связи с некачественным капитальным ремонтом кровли МКД, в котором проживала истица, по заказу ответчика.

Впоследствии региональный оператор вправе обратиться в суд в порядке регресса с иском к подрядчику для взыскания понесенных им убытков, возникших в результате возмещения ущерба, причиненного собственникам жилых помещений МКД. Арбитражные суды решают подобные иски о взыскании подлежащими удовлетворению (пример: решение Арбитражного суда Волгоградской области от 13 декабря 2023 г. по делу № А12-20329/2023).

Закключение

На федеральном и региональном законодательном и подзаконном уровнях предприняты определенные шаги в аспекте организации производства работ капитального характера на общедомовом имуществе. Вместе с тем обществом сложившийся механизм не воспринимается в качестве парадигмы. В представленном исследовании автор в соответствии с поставленной целью проанализировал ряд актуальных вопросов: касающихся базовых дефиниций в указанной сфере деятельности, очередности проведения капитального ремонта, особенности ответственности регионального оператора, что развивает научное представление о регулировании соответствующих, по своей правовой природе комплексных отношений и дает почву для оптимизации нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере. В дальнейшем необходимо проанализировать вопрос возможности цифровой трансформации процесса организации проведения капитального ремонта общего имущества МКД, электронного взаимодействия его участников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Астафьев А. С. Систематизация работ ученых, проводящих исследования в сфере капитального ремонта домов // Проблемы экономики и управления строительством в условиях экологически ориентированного развития : материалы X Междунар. науч.-практ. онлайн-конф. Иркутск : Издат. дом БГУ, 2023. С. 44—47.
2. Ермишина А. В., Клименко Л. В. Капитальный ремонт многоквартирных домов: проективные установки и поведенческие практики россиян // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 190—212. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685.
3. Белов А. Л. Капитальный ремонт многоквартирных жилых домов в России. Опыт, анализ, предложения // Энергосбережение. 2017. № 4. С. 4—13.
4. Генцлер И. В. Основные проблемы капитального ремонта многоквартирных домов и пути их решения // Аналитический вестник / Аналит. упр. Аппарата упр. Совета Федерации. 2014. № 15(533) : Проблемы капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов : материалы заседания науч.-метод. семинара Аналит. упр. С. 27—31.
5. Какадий В. И., Какадий И. И. Управление системой капитального ремонта многоквартирных домов // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/58ECVN220.pdf> (дата обращения: 28.01.2026).
6. Кемайкин Н. К., Клычкова Н. А. Состояние сферы жилищно-коммунального хозяйства // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 1(50). С. 142—147. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.107.
7. Ковтуненко М. Г., Пастухов С. П., Радкевич Е. В., Савчук Д. И. Выявление проблем, возникающих в ходе проведения капитального ремонта многоквартирных жилых домов в Краснодарском крае // Вестник евразийской науки. 2020. Т. 12. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/29ECVN120.pdf> (дата обращения: 16.01.2026).
8. Новикова Н. Г. Проблемы управления капитальным ремонтом многоквартирных домов в контексте «зеленых» тенденций в строительстве // Известия Байкальского государственного университета. 2025. Т. 35. № 2. С. 250—260.
9. Рыжкова К. Ю. Актуальные вопросы совершенствования системы проведения капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах // Молодой ученый. 2018. № 6(192). С. 101—103.
10. Широков А. В. Проблемы управления и капитального ремонта многоквартирных домов // Аналитический вестник / Аналит. упр. Аппарата упр. Совета Федерации. 2014. № 15(533) : Проблемы капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов : материалы заседания науч.-метод. семинара Аналит. упр. С. 14—18.
11. Кузин Н. Я., Селезнева А. К. Особенности организации капитального ремонта многоквартирных домов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18332> (дата обращения: 28.01.2026).
12. Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Проблемы правового регулирования капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С. 29—34.
13. Крашенинников П. В., Бадулина Е. В. Проблемы правового регулирования капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 38—41.
14. Крашенинников П. В. Жилищное право. 12-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2020. 432 с.
15. Король Е. А. Развитие методологии формирования нормативной базы в области эксплуатации зданий и сооружений и модернизация образовательных программ // Вестник МГСУ. 2017. Т. 12. Вып. 10. С. 1082—1089. DOI: 10.22227/1997-0935.2017.10.1082-1089.
16. Поляничкин И. М. Социально-экономические и правовые основания возникновения системы формирования фонда капитального ремонта // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1(42). С. 230—235.
17. Демьянов К. В. Формирование фонда капитального ремонта многоквартирных жилых домов : дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2013. 169 с.
18. Мешкова А. Ю. Государственный жилищный надзор за проведением капитального ремонта многоквартирных домов: административно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. 197 с.
19. Шрейбер К. К. Совершенствование организационно-технологической подготовки капитального ремонта общего имущества в многоквартирных домах : дис. ... канд. техн. наук. М., 2021. 163 с.
20. Бабушкина Д. Д. Методика определения очередности проведения капитального ремонта группы многоквартирных домов : дис. ... канд. техн. наук. М., 2025. 165 с.
21. Сергеевков А. А. Развитие информационно-методического обеспечения анализа и оценки использования средств фонда капитального ремонта многоквартирных домов : дис. ... канд. экон. наук. М., 2026. 159 с.
22. Дедюхин Е. С., Петренко М. А. Зарубежный опыт капитального ремонта многоквартирных домов с использованием инновационных механизмов // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2014. № 5(10). С. 7—14.

REFERENCES

1. Astafiev A. S. Systematization of the works of scientists carrying out research in the field of capital repairs of apartment buildings. *Problemy ekonomiki i upravleniya stroitel'stvom v usloviyakh ekologicheskii orientirovannogo razvitiya* = *Problems of the Economy and Construction Management in Conditions of Ecologically Oriented Development. Proceedings of the X International Scientific and Practical On-Line Conference*. Irkutsk, Baikal State University publ., 2023:44—47. (In Russ.)
2. Ermishina A. V., Klimenko L. V. Major renovations of apartment complexes: Russian people's projective attitudes and behavior practices. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 2020;11(4):190—211. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.685.
3. Belov A. L. Capital Renovation of Apartment Buildings in Russia Experience, Analysis, Proposals. *Energoberezhenie*. 2017;4:4—13. (In Russ.)
4. Gentsler I. V. The main problems of capital repairs of apartment buildings and ways to solve them. *Analiticheskii vestnik*, by Analytical Department of the Administrative Staff of the Federation Council. 2014;15(533):27—31. (In Russ.)

5. Kakadiy V. I., Kakadiy I. I. Managing the system of major repairs of apartment buildings. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(2). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/58ECVN220.pdf> (accessed: 28.01.2026).
6. Kemaykin N. K., Klychkova N. A. State of housing and communal services. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2020;1(50):142—147. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2020.50.107.
7. Kovtunenkov M. G., Pastukhov S. P., Radkevich E. V., Savchuk D. I. Identification of problems arising during the overhaul of apartment buildings in the Krasnodar Territory. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(1). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/29ECVN120.pdf> (accessed: 16.01.2026).
8. Novikova N. G. Problems of managing major repairs of multi-apartment buildings in the context of “green” trends in construction. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2025;35(2):250—260. (In Russ.)
9. Ryzhkova K. Yu. Actual issues of improving the system of major repairs of common property in apartment buildings. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2018;6(192):101—103. (In Russ.)
10. Shirokov A. V. Problems of management and capital repairs of apartment buildings. *Analiticheskii vestnik*, by Analytical Department of the Administrative Staff of the Federation Council. 2014;15(533):14—18. (In Russ.)
11. Kuzin N. Ya., Selezneva A. K. Features of overhaul of apartment buildings. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2015;1-1. (In Russ.) URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18332> (accessed: 28.01.2026).
12. Krasheninnikov P. V., Badulina E. V. Problems of legal regulation of common property overhaul maintenance in apartment houses. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*. 2016;4:29—34. (In Russ.)
13. Krasheninnikov P. V., Badulina E. V. Problems of legal regulation of capital repairs of the common property of blocks of flats. *Semeinoe i zhilishchnoe pravo = Family and housing law*. 2016;5:38—41. (In Russ.)
14. Krasheninnikov P. V. Housing law. 12th ed. Moscow, Statut, 2020. 432 p. (In Russ.)
15. Korol' E. A. Development of the Methodology for Formation of Regulatory Framework in the Field of Operation of Buildings and Structures and Modernization of Education Programs. *Vestnik MGSU = Proceedings of the Moscow State University of Civil Engineering*. 2017;12(10):1082—1089. (In Russ.) DOI: 10.22227/1997-0935.2017.10.1082-1089.
16. Polyanchkin I. M. Social and economic and legal frameworks for establishing the system of forming the capital repair fund. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2018;1(42):230—235. (In Russ.)
17. Dem'yanov K. V. Formation of the capital repair fund for apartment buildings. Diss. of the Cand. of Economics. Irkutsk, 2013. 169 p. (In Russ.)
18. Meshkova A. Yu. State housing supervision over capital repairs of apartment buildings: administrative and legal aspects. Diss. of the Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2019. 197 p. (In Russ.)
19. Shreiber K. K. Improving the organizational and technological preparation of capital repairs of common property in apartment buildings. Diss. of the Cand. of Engineering. Moscow, 2021. 163 p. (In Russ.)
20. Babushkina D. D. Methodology for determining the order of major repairs of a group of apartment buildings. Diss. of the Cand. of Engineering. Moscow, 2025. 165 p. (In Russ.)
21. Sergeenkov A. A. Development of information and methodological support for the analysis and evaluation of the use of funds from the fund for capital repairs of apartment buildings. Diss. of the Cand. of Economics. Moscow, 2026. 159 p. (In Russ.)
22. Dediukhina E. S., Petrenko M. A. Foreign experience of capital reconstruction of block of flats with the use of innovative ways. *Izvestiya vuzov. Investitsiyi. Stroyitelstvo. Nedvizhimost*. 2014;5(10):7—14. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 22.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 22.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
УДК 342.511.6
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1661

Igor Olegovich Loshkarev
Postgraduate of the Department of Constitutional Law
and Proceedings,
field of training
5.1.2 — Public legal
(state-legal) sciences,
Peoples' Friendship University
of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
loshkarev.1994@mail.ru

Игорь Олегович Лошкарёв
аспирант кафедры конституционного права
и конституционного судопроизводства,
направление подготовки
5.1.2 — Публично-правовые
(государственно-правовые) науки,
Российский университет
дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
loshkarev.1994@mail.ru

ОСНОВАНИЯ, ПРОЦЕДУРА И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье исследуются основания, процедура и конституционно-правовые последствия лишения неприкосновенности Президента Республики Корея. В ходе работы автором был проведен комплексный анализ как общей правовой сущности неприкосновенности главы государства, так и конституционного порядка ее лишения посредством соответствующей процедуры. При этом были использованы общенаучные методы познания: индукция, дедукция и системный анализ, — а также частнонаучные методы: аналитический, формально-юридический и системно-структурный.

На основе результатов исследования автором были определены существующие основания лишения неприкосновенности Президента Республики Корея, выявлены основные этапы ее лишения посредством процедуры импичмента, установлены конституционно-правовые последствия, наступающие в результате лишения неприкосновенности главы государства. В то же время были определены модели лишения неприкосновенности Президента Республики Корея. При этом научная востребованность представленного исследования находит собственное выражение

в выявлении и анализе имеющих место с 1948 г. прецедентов лишения неприкосновенности главы государства. Наряду с этим автором подробно исследуются правовые пробелы, содержащиеся в конституционных положениях Республики Корея, регулирующих вопросы порядка лишения неприкосновенности Президента Республики Корея.

В целом полученные в результате исследования выводы и предложения могут применяться различными органами публичной власти при взаимодействии с Президентом РФ как в ходе обеспечения его неприкосновенности, так и установления порядка ее лишения, а также использоваться российскими образовательными организациями высшего образования с целью осуществления образовательного процесса в рамках учебной дисциплины «Конституционное право зарубежных государств».

Ключевые слова: лишение неприкосновенности, иностранные государства, основания, Республика Корея, процедура, Президент Республики Корея, конституционно-правовые последствия, Конституция Республики Корея, модели, правовая сущность, прецеденты лишения неприкосновенности

Для цитирования: Лошкарёв И. О. Основания, процедура и конституционно-правовые последствия лишения неприкосновенности Президента Республики Корея // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 254—259. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1661.

Original article

GROUND, PROCEDURE, AND CONSTITUTIONAL AND LEGAL CONSEQUENCES OF DEPRIVATION OF IMMUNITY OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KOREA

5.1.2 — Public legal (state-legal) sciences

Abstract. The presented article is dedicated to the examination of the grounds, procedure, and constitutional and legal consequences of deprivation of immunity of the President of the Republic of Korea. When writing the aforementioned scientific work, the author conducted a comprehensive analysis of both the general legal essence of the immunity of the head of state and the constitutional procedure for depriving of it through the appropriate procedure. In this case,

general scientific methods of cognition were used – induction, deduction and systems analysis, as well as specific scientific methods – analytical, formal-legal and system-structural.

Based on the results of the study, the author identifies the existing grounds for depriving the President of the Republic of Korea of immunity, the main stages of such deprivation through the impeachment procedure are revealed, and the constitutional and legal consequences that arise as a result

of depriving the head of state of immunity are established. At the same time, models for depriving the President of the Republic of Korea of immunity are identified. In this case, the scientific relevance of the presented article finds its expression in the identification and analysis of precedents of depriving the head of state of immunity that have occurred since 1948. Along with this, the author examines in detail the legal gaps contained in the constitutional provisions of the Republic of Korea regulating the procedure for depriving the President of the Republic of Korea of immunity.

In general, the conclusions and proposals obtained as a result of the study can be applied by various public authori-

ties in interaction with the President of the Russian Federation both in the process of ensuring his immunity and establishing the procedure for depriving him of it, and can also be used by Russian higher education institutions for the purpose of implementing the educational process within the framework of the academic discipline "Constitutional Law of Foreign States".

Keywords: deprivation of immunity, foreign states, grounds, Republic of Korea, procedure, President of the Republic of Korea, constitutional and legal consequences, Constitution of the Republic of Korea, models, legal entity, precedents of deprivation of immunity

For citation: Loshkarev I. O. Grounds, procedure, and constitutional and legal consequences of deprivation of immunity of the President of the Republic of Korea. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):254—259. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1661.

Введение

Актуальность. В настоящее время конституционные положения различных стран наделяют глав государств неприкосновенностью, что позволяет им беспрепятственно исполнять собственные полномочия и, как следствие этого, обеспечивать защиту основ конституционного строя, территориального единства, прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее во всемирной истории существуют прецеденты совершения главами государств различных противоправных деяний, например: планирование, подготовка и развязывание агрессивной войны; геноцид; преступления против человечности; разглашение сведений составляющих государственную тайну; превышение должностных полномочий; насильственный захват власти и иные преступления.

Так, для того чтобы обеспечить предупреждение совершения вышеуказанных противоправных деяний, а также восстановить режим законности и нарушенные права человека и гражданина законодательством различных стран предусматривается возможность лишения неприкосновенности главы государства посредством соответствующей процедуры. При этом вопрос установления оснований, порядка осуществления процедуры, наступающих конституционно-правовых последствий обладает особой актуальностью и значимостью.

Принимая во внимание вышеуказанное в рамках данного исследования особый интерес представляют государства Восточной Азии, а именно Республика Корея (далее также — РК). Данное государство возникло 15 августа 1948 г. вследствие разделения Корейского полуострова на две зоны оккупации по тридцать восьмой параллели после окончания Второй мировой войны. В целом, по форме государственного правления Республика Корея является президентской республикой [1, с. 66]. При этом в состав государственного аппарата входят: Национальное собрание РК, Президент РК, премьер-министр РК, Государственный совет РК, исполнительные министерства, Аудиторский и Инспекционный советы, Верховный и Конституционный суды РК, военные суды, иные суды соответствующих уровней, Государственная избирательная комиссия, а также иные органы публичной власти.

Изученность проблемы. В настоящее время некоторый научный интерес у российских и зарубежных исследователей вызывают вопросы, связанные с лишением неприкосновенности главы государства в Республике Корея. Так, подобное положение дел обусловлено наличием соответствующей конституционной практики в политической системе страны, а также наступающими юридическими

последствиями. В частности, установлению формы государственного правления, а также имеющего место положения Президента РК в системе государственной власти посвящено исследование Ен Ун Кима [1]. Вместе с тем некоторые аспекты оснований лишения неприкосновенности главы государства были проанализированы К. В. Асмоловым [2].

В то же время отдельные вопросы, связанные с определением процедуры лишения неприкосновенности Президента РК были исследованы А. В. Никитиной [3]. При этом выявлению ряда конституционных требований для выдвижения обвинений в отношении главы государства членами Национального собрания РК и имеющей место вследствие этого процедуре посвящены научные труды Ю. А. Куликовой, А. Ю. Гусевой [4], М. А. Копысова [5], Г. В. Елисейевой [6], М. Й. Адихернавана и А. Н. Фадхилы [7].

Наряду с этим некоторые аспекты процедуры лишения неприкосновенности Президента РК в рамках Конституционного суда РК были подвергнуты анализу К. В. Асмоловым и А. В. Соловьевым [8]. Кроме того, установлению отдельных конституционно-правовых последствий, наступающих в результате лишения неприкосновенности главы государства посвящено исследование А. А. Пруцковой [9].

Вместе с тем некоторые элементы прецедентов лишения неприкосновенности Президента РК были исследованы в научных трудах А. В. Полениковой [10], М. В. Тарутиной [11], В. Р. Бритовой [12], К. В. Асмолова [13; 14], Д. А. Ланко и И. С. Ланцовой [15], С. Рахмани и И. Юади [16], А. В. Голланд, А. Б. Гехта, А. Ю. Цыгоняевой и Д. В. Шутмана [17].

Целесообразность разработки темы. Исследование оснований, процедуры и конституционно-правовых последствий лишения неприкосновенности Президента РК является актуальным и востребованным для последующего совершенствования российского конституционного законодательства в части регулирования вопросов, связанных как с содержанием, правовой природой и пределами неприкосновенности Президента РФ, так и с порядком ее лишения посредством процедуры отрешения главы государства от должности.

Целью исследования является установление конституционного порядка лишения неприкосновенности Президента РК, а также формирование на основании полученных результатов исследовательски обоснованных положений с целью последующего совершенствования юридических норм, содержащихся в Конституции РК и Законе о Конституционном суде РК, регулирующих вышеперечисленные вопросы.

Задачи исследования:

1. Определение существующих оснований лишения неприкосновенности Президента РК.
2. Выявление основных этапов лишения неприкосновенности главы государства посредством процедуры импичмента.
3. Установление конституционно-правовых последствий, наступающих в результате лишения неприкосновенности Президента РК.
4. Определение существующих моделей лишения неприкосновенности главы государства.

Научная новизна исследования выражается в выявлении существующих моделей лишения неприкосновенности Президента РК, а также определении способа устранения правового пробела, содержащегося в положениях Основного закона, регулирующих порядок лишения неприкосновенности главы государства. В частности, во-первых, было установлено, что в Республике Корея имеет место быть модель лишения неприкосновенности Президента РК на основании нарушения главой государства конституционных положений либо иных нормативных правовых актов, а также нормативно определенная модель лишения неприкосновенности Президента РК. Во-вторых, была выявлена целесообразность разработки перечня нормативных правовых актов, при нарушении которых глава государства может быть лишен неприкосновенности посредством процедуры импичмента, определения соответствующих отягчающих и смягчающих обстоятельств, а также внесения изменений в текст ст. 65 Конституции РК и ст. 48 Закона о Конституционном суде РК.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в работе научно обоснованные выводы в части определения оснований, процедуры и конституционно-правовых последствий лишения неприкосновенности Президента РК позволяют конкретизировать и подытожить вопросы в сфере конституционного порядка ее лишения, а также являются базисом для проведения дальнейших научных изысканий, связанных с институтом неприкосновенности глав зарубежных государств.

Так, в указанном научном труде были установлены основные этапы лишения неприкосновенности Президента РК посредством процедуры импичмента:

- 1) формулирование и выдвижение обвинений в отношении главы государства членами парламента;
- 2) принятие Национальным собранием РК решения о лишении неприкосновенности Президента РК;
- 3) принятие Конституционным судом РК решения о лишении неприкосновенности главы государства.

В то же время были выявлены наступающие конституционно-правовые последствия: Президент РК отстраняется от должности; прекращается действие гарантий, связанных со статусом действующего главы государства — вопрос о дальнейшем обеспечении охраны экс-Президента РК регулируется специальным законодательством Республики Корея; для экс-главы государства устанавливается запрет на занятие каких-либо государственных должностей в течение пяти лет с даты вынесения соответствующего решения Конституционным судом РК; становится возможным применение в отношении экс-Президента РК различных мер юридической ответственности либо проведение необходимых следственных мероприятий.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что в Российской Федерации данные результаты могут применяться различными органа-

ми публичной власти при взаимодействии с Президентом РФ как в ходе обеспечения его неприкосновенности, так и установления порядка ее лишения. Кроме того, полученные выводы и предложения могут использоваться российскими образовательными организациями высшего образования с целью организации лекционных и семинарских занятий в рамках учебной дисциплины «Конституционное право зарубежных государств».

Основная часть

Методология исследования. Проведенное исследование основывается на всеобщем диалектическом методе познания. В качестве общенаучных методов познания были применены индукция, дедукция, системный анализ (установление конституционно-правовых последствий, наступающих в результате лишения неприкосновенности Президента РК). Из числа частнонаучных методов познания были использованы аналитический, формально-юридический, системно-структурный методы (выявление основных этапов лишения неприкосновенности главы государства посредством процедуры импичмента и моделей лишения его неприкосновенности, определение существующих оснований лишения неприкосновенности Президента РК).

Результаты и обсуждение исследования. В Республике Корея глава государства обладает неприкосновенностью. Так, согласно ст. 84 Основного закона Президент РК в период исполнения собственных полномочий не может привлекаться к уголовной ответственности кроме случаев, которые могут иметь место в результате выдвижения в отношении его обвинений в мятеже или государственной измене [2, с. 24]. В частности, неприкосновенность главы государства создает условия, осложняющие возможность его привлечения к юридической ответственности.

В то же время действие неприкосновенности Президента РК способствует эффективной и беспрепятственной реализации им собственных полномочий. Кроме того, обеспечивается безопасность и физическая неприкосновенность личности главы государства, а также членов его семьи посредством осуществления государственной охраны сотрудниками Службы безопасности Президента РК.

В целом, указанная охрана проводится в местах постоянного и временного пребывания главы государства, а именно: на территории официальной резиденции Президента РК; во время проведения внутригосударственных или международных мероприятий с участием как главы государства, так и лидеров различных зарубежных стран; в период официального либо государственного визита Президента РК на территорию иностранных государств.

Вместе с тем ст. 65 Конституции РК установлено, что глава государства может лишиться неприкосновенности вследствие применения в отношении его процедуры импичмента, осуществляемой Национальным собранием РК ввиду нарушения Президентом РК конституционных положений либо иных нормативных правовых актов в ходе исполнения им собственных полномочий [3, с. 66]. Тем не менее законодательством Республики Корея не установлен исчерпывающий перечень правовых актов, при нарушении которых глава государства может быть лишен неприкосновенности посредством соответствующей процедуры.

Подобное положение дел указывает на имеющий место правовой пробел, который может способствовать возникновению конституционных споров между различными органами публичной власти при определении оснований лишения

неприкосновенности Президента РК. Так, видится целесообразным разработать вышеуказанный перечень, определить отягчающие и смягчающие обстоятельства, а также внести соответствующие изменения в текст ст. 65 Основного закона и ст. 48 Закона о Конституционном суде РК.

В то же время представляется возможным отметить, что лишение неприкосновенности Президента РК посредством процедуры импичмента состоит из трех основных этапов. В частности, на первом этапе членами Национального собрания РК в количестве не менее одной трети от общего состава формулируются и выдвигаются обвинения в отношении главы государства [4, с. 1472]. При этом парламентариями анализируются имеющиеся свидетельства лиц и улики.

Далее в рамках второго этапа процедуры лишения неприкосновенности Президента РК членами Национального собрания РК при помощи голосования принимаются статьи об импичменте [5, с. 31]. В целом, для принятия положительного решения в рамках указанного вопроса необходима его поддержка со стороны не менее двух третей членов парламента от их общей численности [6, с. 38]. После чего подлинная копия принятого решения направляется в Конституционный суд РК [7, р. 247].

В дальнейшем в ходе третьего этапа процедуры лишения неприкосновенности главы государства судьями высшего органа конституционного контроля проводятся устные слушания, на которых вправе присутствовать Президент РК и тем самым использовать имеющееся у него право на собственную защиту. В то же время ст. 113 Конституции РК установлено, что окончательное решение о лишении неприкосновенности главы государства принимается судьями Конституционного суда РК в количестве не менее двух третей от общего состава (шести или более судей) [8, с. 98].

Кроме этого, целесообразно указать на то, что данный орган конституционного контроля обладает ограниченным количеством времени для принятия решения о лишении неприкосновенности Президента РК. Так, согласно ст. 38 Закона о Конституционном суде РК указанный период составляет не более ста восьмидесяти дней после получения Конституционным судом РК подлинной копии принятого Национальным собранием РК решения о принятии статей об импичменте. При этом в случае, если в течение данного периода соответствующее решение не будет принято, то обвинение против главы государства считается отклоненным.

Таким образом, решение указанного органа конституционного контроля является окончательным и не может подлежать обжалованию в каких-либо органах публичной власти. В частности, после признания Президента РК виновным Конституционным судом РК определяются наступающие конституционно-правовые последствия, выражающиеся в его отстранении от должности, а также прекращении связанных со статусом действующего главы государства гарантий. Так, вопрос о дальнейшем обеспечении охраны Экс-Президента РК будет регулироваться специальным законодательством Республики Корея.

Кроме того, экс-глава государства не вправе занимать какие-либо государственные должности в течение пяти лет с даты вынесения решения. Вместе с тем становится возможным применение в отношении экс-Президента РК различных мер юридической ответственности, а также проведение необходимых следственных мероприятий [9, с. 21].

В целом, с 1948 г. в период существования Республики Корея было предпринято не более трех попыток лишения неприкосновенности главы государства посредством про-

цедуры импичмента. Так, первый прецедент имел место 12 марта 2004 г. вследствие выдвижения обвинений Президенту РК Но Му Хену в нарушении положений Закона о выборах, коррупции, а также нелегальной поддержке правительственной партии «Ури» незадолго до выборов в Национальное собрание РК [10, с. 66]. Тем не менее 14 мая 2004 г. Конституционный суд РК отклонил выдвинутые в отношении главы государства обвинения и тем самым завершил процедуру импичмента [11, с. 249].

Вторая попытка лишения неприкосновенности Президента РК была предпринята 9 декабря 2016 г. ввиду выдвижения в отношении главы государства Пак Кын Хе обвинений в злоупотреблении властью и незаконном давлении на бизнес [12, с. 55]. 10 марта 2017 г. Конституционный суд РК утвердил решение Национального собрания РК об импичменте в отношении Президента РК [13, с. 85]. В результате Пак Кын Хе была лишена неприкосновенности и отстранена от занимаемой должности [15, с. 255]. Кроме этого, в отношении экс-главы государства было начато уголовное разбирательство и проведены необходимые следственные мероприятия.

В августе 2018 г. экс-Президент РК Пак Кын Хе была приговорена Апелляционным судом Сеула к 25 годам лишения свободы и денежному штрафу в размере 17 млн долларов. Необходимо отметить, что в декабре 2021 г. экс-глава государства была помилована действующим Президентом РК Мун Чжэ Ином.

Третий прецедент имел место 14 декабря 2024 г. по причине выдвижения в отношении главы государства Юн Сок Ёля обвинений в неправомерных действиях при введении военного положения, препятствовании функционированию Национального собрания РК и нарушении независимости судебной системы [14, с. 67]. 4 апреля 2025 г. Конституционный суд РК утвердил решение парламента об импичменте в отношении Президента РК [16, р. 2687]. В связи с этим Юн Сок Ёль был лишен неприкосновенности и отстранен от занимаемого поста [17, с. 112]. При этом в отношении экс-главы государства было возбуждено уголовное дело по обвинению в мятеже. 19 февраля 2026 г. экс-Президент РК Юн Сок Ёль был приговорен Центральным окружным судом Сеула к пожизненному заключению в тюрьме Сеула.

Таким образом, принимая во внимание вышеизложенное, представляется возможным отметить, что в Республике Корея имеет место быть модель лишения неприкосновенности Президента РК на основании нарушения главой государства конституционных положений либо иных нормативных правовых актов, а также нормативно определенная модель лишения неприкосновенности Президента РК.

Выводы

В результате анализа современной российской и зарубежной научной литературы, положений Конституции РК и Закона о Конституционном суде РК, регулирующих основания, процедуру и конституционно-правовые последствия лишения неприкосновенности главы государства был сформулирован ряд научно обоснованных выводов. В частности, определены содержание и правовая природа неприкосновенности Президента РК. В целом, неприкосновенность главы государства создает условия, осложняющие возможность его привлечения к юридической ответственности, способствует эффективной и беспрепятственной реализации им собственных полномочий, обеспечивает безопасность и физическую неприкосновенность личности Президента РК.

Наряду с этим были выявлены основания лишения неприкосновенности главы государства. Так, Президент РК может лишиться неприкосновенности вследствие нарушения конституционных положений либо иных нормативных правовых актов в ходе исполнения собственных полномочий. Кроме того, были определены основные этапы лишения неприкосновенности главы государства посредством процедуры импичмента, а именно: 1) формулирование и выдвижение обвинений в отношении Президента РК членами парламента; 2) принятие Национальным собранием РК решения о лишении неприкосновенности главы государства; 3) принятие соответствующего решения Конституционным судом РК.

Вместе с тем были выявлены наступающие конституционно-правовые последствия. В частности, Президент РК отстраняется от должности, прекращается действие гарантий, связанных со статусом действующего главы государства. При этом вопрос о дальнейшем обеспечении охраны экс-Президента РК регулируется специальным законодательством Республики Корея. Кроме этого, для экс-главы государства устанавливается запрет на занятие каких-либо государственных должностей в течение пяти лет с даты вынесения соответствующего решения Конституционным судом РК, а также становится возможным применение в отношении экс-Президента РК различных мер юридической ответственности либо проведение необходимых следственных мероприятий.

Наряду с этим в ходе исследования были проанализированы имеющие место с 1948 г. прецеденты лишения неприкосновенности главы государства. Было отмечено наличие трех попыток лишения неприкосновенности Президента РК. Первая попытка предпринималась

12 марта 2004 г. и окончилась отклонением Конституционным судом РК выдвинутых в отношении главы государства обвинений. Вторая попытка, имевшая место 9 декабря 2016 г., и третья попытка, предпринятая 14 декабря 2024 г., завершились лишением неприкосновенности Президента РК и, как следствие указанного, — возбуждением уголовного делопроизводства и вынесением обвинительных приговоров.

Кроме того, были установлены модели лишения неприкосновенности главы государства, а именно: на основании нарушения Президентом РК конституционных положений либо иных нормативных правовых актов, а также нормативно определенная.

Таким образом, представляется возможным отметить, что, с одной стороны, наличие неприкосновенности у главы государства способствует эффективному и беспрепятственному исполнению им собственных полномочий. С другой стороны, нормативно определенные основания и процедура лишения неприкосновенности Президента РК устанавливают особый правовой контроль, не позволяющий ему нарушать положения Конституции РК либо иных правовых актов, а также злоупотреблять имеющимися у него властными полномочиями.

Так, с 4 июня 2025 г. пост главы государства занимает Ли Чжэ Мен, который проводит активную политику, направленную на социально-экономическое развитие Республики Корея и укрепление ее позиций на межгосударственном уровне, в т. ч. в рамках взаимодействия с Корейской Народно-Демократической Республикой. Кроме этого, развиваются партнерские отношения с Соединенными Штатами Америки, Китайской Народной Республикой и Японией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ким Ен Ун. Особенности парламентаризма в Республике Корея // *Власть*. 2024. Т. 32. № S4. С. 65—78. DOI: 10.56700/u4478-7355-4637-x.
2. Асмолов К. В. Конституционный кризис в Республике Корея в 2024—2025 гг. Военное положение и импичмент президента // *Проблемы Дальнего Востока*. 2025. № 4. С. 18—32.
3. Никитина А. В. Роль конституционных судов государств Азиатско-Тихоокеанского региона в реализации конституционно-правовой ответственности // *Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона — VIII : материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Улан-Удэ : Байкальский меридиан, 2017. С. 65—68.*
4. Куликова Ю. А., Гусева А. Ю. К вопросу об импичменте президента: зарубежный опыт // *Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. науч. тр. М. : МПСУ, 2024. Т. 13. С. 1471—1475.*
5. Копысов М. А. Политический кризис в Республике Корея в 2016—2018 годах // *Молодежь XXI века: шаг в будущее : материалы XX регион. науч.-практ. конф. : в 3 т. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 31—32.*
6. Елисеева Г. В. Сравнительно-правовой анализ института импичмента главы государства в России и зарубежных странах // *Реализация Конституции: состояние и перспективы : материалы IX междунар. науч.-практ. конф. Омск : ОМА МВД России, 2025. С. 37—41.*
7. Adhihernawan M. Y., Fadhila A. N. Telaah Efektivitas Mekanisme Pemberhentian Presiden Indonesia: Perbandingan Praktik Amerika Serikat dan Korea Selatan // *Jurnal Kajian Pembaruan Hukum*. 2021. Vol. 1. No. 2. Pp. 228—266.
8. Асмолов К. В., Соловьев А. В. Что воля, что неволя (народа) // *Россия в глобальной политике*. 2025. Т. 23. № 4. С. 89—101. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101.
9. Пруцкова А. А. Лишение неприкосновенности главы государства, прекратившего исполнение своих полномочий, в зарубежных странах // *Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений : сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола № 7 со всерос. и междунар. участием. Шахты : Конверт, 2021. С. 19—21.*
10. Поленникова А. В. Импичмент как политическое явление на примере Южной Кореи // *Государство и право в условиях гражданского общества : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Пенза : Аэтерна, 2017. Ч. 2. С. 65—67.*
11. Тарутин М. В. Импичмент в Южной Корее, Бразилии и Парагвае: анализ причин и последствий // *Вопросы российского и международного права*. 2022. № 4А. С. 248—257.
12. Бритова В. Р. «Адский Чосон» как фактор политической активности в Южной Корее // *Евразийство и мир*. 2020. № 1. С. 54—60. DOI: 10.18101/2306-630X-2020-1-54-60.

13. Асмолов К. В. Процесс над Пак Кын Хе: общее с делом Объединенной прогрессивной партии // Россия и Корея в меняющемся мировом порядке — 2018 : тез. и докл. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2018. С. 81—89.
14. Асмолов К. В. Конституционный кризис в Южной Корее: репутационные, внутривластные и внешнеполитические последствия // Кореистика. 2025. № 1(10). С. 64—80. DOI: 10.48647/ICCA.2025.87.34.005.
15. Ланко Д. А., Ланцова И. С. Жертвенность как гендерный стереотип в образе политического лидера: сравнение образов «жертв» импичментов 2016—2017 гг. Дилма Русеф и Пак Кын Хе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 246—259. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.305.
16. Rahmadani S., Yuadi I. Understanding Political Narratives: Word Cloud Analysis of Yoon Seok-Yeol's Impeachment // Journal of Law Politic and Humanities. 2025. Vol. 5. No. 4. Pp. 2687—2695. DOI: 10.38035/jlph.v5i4.1427.
17. Голланд А. В., Гехт А. Б., Цыгоняева А. Ю., Шутман Д. В. Предпосылки политического кризиса в Республике Корея в 2024 г. // Клио. 2025. № 7(223). С. 111—117. DOI: 10.24412/2070-9773-2025-7223-111-117.

REFERENCES

1. Kim En Un. Features of parliamentarism in the Republic of Korea. *Vlast` = The Authority*. 2024;32(S4):65—78 (In Russ.) DOI: 10.56700/u4478-7355-4637-x.
2. Asmlov K. V. The constitutional crisis in the Republic of Korea in 2024-2025. Martial law and impeachment of the President. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Studies*. 2025;4:18—32 (In Russ.)
3. Nikitina A. V. The role of Constitutional Courts of the Asia-Pacific Region in the implementation of constitutional and legal responsibility. *Sravnitel'noe pravovedenie v stranah Aziatsko-Tihookeanskogo regiona — VIII = Comparative law in the countries of the Asia-Pacific Region – VIII. Proceedings of International scientific and practical conference of young scientists, postgraduates, masters and students*. Ulan-Ude, Baikal Meridian, 2017:65—68. (In Russ.)
4. Kulikova Yu. A., Guseva A. Yu. On the issue of impeachment of the president: foreign experience. *Aktual'nye problemy sovremennoi Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravlenie i pravo = Relevant problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law. Collection of scientific papers*. Moscow, Moscow University of Psychology and Social Sciences publ., 2024;13:1471—1475. (In Russ.)
5. Kopysov M. A. Political crisis in the Republic of Korea in 2016-2018. *Molodezh' XXI veka: shag v budushchee = Youth of the 21st century: a step into the future. Proceedings of the XX regional scientific and practical conference*. Blagoveshchensk, Amur State University publ., 2019;1:31—32. (In Russ.)
6. Eliseeva G. V. Comparative legal analysis of the institution of impeachment of the head of state in Russia and foreign countries. *Realizatsiya Konstitutsii: sostoyanie i perspektivy = Implementation of the Constitution: status and prospects. Proceedings of the IX International scientific and practical conference*. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation publ., 2025:37—41. (In Russ.)
7. Adhiernawan M. Y., Fadhila A. N. Review of the effectiveness of the Indonesian presidential dismissal mechanism: a comparison of U.S. and South Korean practices. *Jurnal Kajian Pembaruan Hukum*. 2021;1(2):228—266. (In Indonesian)
8. Asmlov K. V., Solovyov A. V. Will or no will (of the people) makes no difference. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*. 2025;23(4):89—101 (In Russ.) DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-4-89-101.
9. Prutskova A. A. Deprivation of immunity of the head of state who has ceased to exercise his powers in foreign countries. *Yuridicheskaya nauka v XXI veke: aktual'nye problemy i perspektivy ikh reshenii = Legal science in the 21st century: current problems and prospects for their solutions. Collection of scientific articles based on the results of round table No. 7 with all-Russian and international participation*. Shakhty, Konvert, 2021:19—21. (In Russ.)
10. Polennikova A. V. Impeachment as a political phenomenon on the example of South Korea. *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh grazhdanskogo obshchestva = State and law in the context of civil society. Collection of articles of the International scientific and practical conference*. Penza, Aeterna, 2017;2:65—67. (In Russ.)
11. Tarutina M. V. Impeachment in South Korea, Brazil and Paraguay: an analysis of causes and consequences. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2022;12(4A):248—257 (In Russ.)
12. Britova V. R. “Infernal Joseon” as a factor of political activity in South Korea. *Evrasiistvo i mir = Eurasianism and the World*. 2020;1:54—60 (In Russ.) DOI: 10.18101/2306-630X-2020-1-54-60.
13. Asmlov K. V. The trial of Park Geun-hye: common ground with the case of the United Progressive Party. *Rossija i Koreya v menyayushchemsya mirovom poryadke — 2018 = Russia and Korea in the Changing World Order – 2018. Abstracts and reports*. Vladivostok, Far Eastern Federal University publ., 2018:81—89. (In Russ.)
14. Asmlov K. V. The constitutional crisis in South Korea: reputational, domestic and foreign policy consequences. *Koreevedenie = Koreanology*. 2025;1(10):64—80 (In Russ.) DOI: 10.48647/ICCA.2025.87.34.005.
15. Lanko D. A., Lantsova I. S. Victimization as gender stereotype in image of political leader: A comparison of images of “victims” of impeachments of 2016—2017 Dilma Rousseff and Park Guen-hye. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Vestnik of Saint Petersburg State University. Political science. International relations*. 2017;10(3):246—259 (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu06.2017.305.
16. Rahmadani S., Yuadi I. Understanding Political Narratives: Word Cloud Analysis of Yoon Seok-Yeol's Impeachment. *Journal of Law Politic and Humanities*. 2025;5(4):2687—2695. DOI: 10.38035/jlph.v5i4.1427.
17. Golland A. V., Gekht A. B., Tsigonyaeva A. Yu., Shutman D. V. Precursors to the political crisis in the Republic of Korea in 2024. *Klio*. 2025;7(223):111—117 (In Russ.) DOI: 10.24412/2070-9773-2025-7223-111-117.

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья
УДК 347.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1650

Rasim Rishatovich Safiullin
Postgraduate of the Department of Civil
and Business Law,
field of training 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
University of Management «TISBI»
Kazan, Russian Federation
ras_sr231199@inbox.ru

Расим Ришатович Сафиуллин
аспирант кафедры гражданского
и предпринимательского права,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Университет управления «ТИСБИ»
Казань, Российская Федерация
ras_sr231199@inbox.ru

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ ПОСРЕДНИЧЕСКИХ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В РОССИИ И В ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ СНГ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу законодательного регулирования отношений, возникающих между операторами посреднических цифровых платформ, их партнерами, пользователями и иными лицами в Российской Федерации и отдельных государствах СНГ: Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан. Цель исследования состоит в выявлении сходств и различий правового регулирования указанных отношений по видам, а не только по национальным правовым порядкам, и в определении направлений возможной гармонизации частноправовых подходов. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и функциональный методы; материалами исследования послужили нормативные правовые акты шести государств в сфере электронной торговли, защиты прав потребителей, персональных данных и электронных документов. Сравнительный анализ проведен по семи видам отношений: между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, в сфере электронных сообщений, персональных данных, трансграничных расчетов и ответственности оператора. Установлено, что российская модель, сформированная Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах

регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», является единственной среди рассмотренных государств, где каждый из указанных видов отношений регулируется специальными нормами, прямо выделяющими оператора посреднических цифровых платформ как самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений. В государствах СНГ регулирование осуществляется через общие нормы об электронной торговле, дистанционной продаже, защите потребителей, персональных данных и электронных документах без специального учета платформенной модели. Сделан вывод о том, что гармонизация подходов в рамках СНГ целесообразна не через разработку единого закона о платформах, а через поэтапное сближение по отдельным видам отношений посредством рекомендательных актов без унификации национального законодательства.

Ключевые слова: посредническая цифровая платформа, оператор платформы, партнер платформы, пользователь платформы, Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», сравнительно-правовой анализ, электронная торговля, защита прав потребителей, персональные данные, ответственность оператора, государства СНГ, гармонизация законодательства

Для цитирования: Сафиуллин Р. Р. Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками посреднических цифровых платформ в России и в отдельных государствах СНГ // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 260—267. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1650.

Original article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGISLATIVE REGULATION OF RELATIONS BETWEEN PARTICIPANTS OF INTERMEDIARY DIGITAL PLATFORMS IN RUSSIA AND SELECTED CIS COUNTRIES

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The article presents a comparative legal analysis of the legislative regulation of relations arising between operators of intermediary digital platforms (IDPs), their partners, users and other persons in the Russian Federation and selected CIS states: the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Uzbekistan, the Kyrgyz Republic

and the Republic of Tajikistan. The purpose of the study is to identify similarities and differences in the legal regulation of these relations by type rather than solely by national legal order; and to determine possible directions for the harmonization of private-law approaches. The methodological framework consists of comparative legal and functional methods;

the research materials comprise statutory instruments of six states in the fields of e-commerce, consumer protection, personal data and electronic documents. The comparative analysis covers seven types of relations: between the operator and the partner; between the partner and the user; between the operator and the user; in the sphere of electronic communications, personal data, cross-border payments and operator liability. It is established that the Russian model, formed by Federal Law No. 289-FZ of July 31, 2025 “On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation”, is the only one among the states examined in which each of these types of relations is governed by specialized rules expressly identifying the IDP operator as an independent subject of civil-law relations. In the CIS states, regulation is car-

ried out through general rules on e-commerce, distance selling, consumer protection, personal data and electronic documents without specific regard to the platform model. The conclusion is drawn that harmonization of approaches within the CIS framework is advisable not through the development of a unified platform law, but through gradual convergence of individual types of relations by means of recommendatory instruments, without unification of national legislation.

Keywords: intermediary digital platform, platform operator, platform partner, platform user, Federal Law “On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation”, comparative legal analysis, e-commerce, consumer protection, personal data, operator liability, CIS states, harmonization of legislation

For citation: Safiullin R. R. Comparative legal analysis of the legislative regulation of relations between participants of intermediary digital platforms in Russia and selected CIS countries. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):260—267. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1650.

Введение

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единообразного подхода к законодательному регулированию отношений, возникающих между операторами посреднических цифровых платформ (далее — ПЦП), их партнерами, пользователями и иными лицами в государствах — участниках СНГ. В условиях активного развития трансграничной электронной торговли операторы крупнейших платформ осуществляют деятельность одновременно на рынках нескольких государств СНГ, однако правовой режим возникающих при этом гражданско-правовых отношений в каждой юрисдикции определяется по-разному.

Принятие в Российской Федерации Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (вступает в силу с 1 октября 2026 г.; далее — Закон № 289-ФЗ) создало первую в постсоветском пространстве специальную правовую модель регулирования отношений между оператором ПЦП, партнерами и пользователями. В государствах СНГ — Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан — сопоставимые отношения регулируются преимущественно общими нормами об электронной торговле, дистанционной продаже, защите прав потребителей, персональных данных и электронных документах. Специального законодательства, выделяющего оператора ПЦП как самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений, ни в одном из указанных государств не принято.

Отсутствие единого подхода порождает практические коллизии. Оператор, осуществляющий деятельность на нескольких рынках СНГ, сталкивается с различными требованиями к договорному режиму взаимодействия с партнерами, к информированию пользователей, к обработке и трансграничной передаче персональных данных, к распределению ответственности при ненадлежащем исполнении обязательств. Пользователь, заключающий договор через трансграничную платформу, нередко лишен понимания того, кто является его контрагентом и к кому предъявлять требования. Партнер, размещающий товары или услуги на платформе, работающей в нескольких юрисдикциях, не может определить, по праву какого государства оцениваются его права и обязанности перед оператором.

Сравнительно-правовой анализ в данной сфере осложняется тем, что большинство существующих исследований посвящено либо цифровым платформам в целом как технологическому явлению, либо отдельным аспектам их деятельности — защите потребителей, антимонопольному регулированию, налогообложению. Анализа именно по видам гражданско-правовых отношений между участниками платформенного оборота применительно к государствам СНГ в доктрине не проводилось. Между тем именно такой подход позволяет выявить, какие связи — между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, оператором и иными участниками инфраструктуры — регулируются специальными нормами, а какие подчиняются лишь общим положениям гражданского законодательства.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью восполнить указанный пробел: провести сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками ПЦП не только по национальным правовым порядкам, но и по видам таких отношений, что позволит определить реальные сходства и различия подходов, выявить пробелы в защите участников платформенного оборота и сформулировать предложения по осторожной гармонизации частноправовых механизмов в рамках регионального правового пространства.

Изученность проблемы. В российской цивилистической доктрине вопросы регулирования цифровых платформ получили значительную разработку. Л. К. Терещенко исследует основные подходы к регулированию цифровых платформ, выделяя риски их функционирования и проблемы, требующие нормативного решения [1]. С. Ю. Филиппова и Ю. С. Харитоновна показывают, что правовое значение имеет не только платформа как технический объект, но и деятельность оператора, формирующего правила доступа и взаимодействия участников [2]. В. А. Белов предлагает оценивать объем ответственности цифрового посредника с учетом степени его вовлеченности в отношения между продавцом и потребителем [3]. Л. А. Чеговадзе исследует агрегаторы как объекты гражданских прав и вопрос ответственности их владельцев [4]. О. Н. Фомина рассматривает правовой статус информационного посредника, его функции и пределы ответственности [5]. А. А. Николаев специально исследует применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ с учетом Закона № 289-ФЗ [6].

Л. В. Андреева анализирует трансформацию правового понятия посредника в цифровом торговом обороте, разграничивая деятельность платформы, владельца агрегатора и информационного посредника [7].

Для целей сравнительно-правового анализа особое значение имеют работы, посвященные трансграничным и международным аспектам регулирования. М. В. Мажорина исследует цифровые платформы в контексте международного частного права, анализируя трансграничные пользовательские соглашения и проблему определения применимого права [8]. М. В. Ларионова и П. А. Дорохин систематизируют проблемы регулирования цифровых платформ на международном уровне и возможности межгосударственного сотрудничества [9]. К. Л. Томашевский и М. Х. Хасенов проводят сравнительно-правовой анализ регулирования цифровых платформ в государствах ЕАЭС, что является наиболее близким к теме настоящего исследования региональным сопоставлением [10]. А. Н. Варламова рассматривает категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» применительно к конкурентному праву, что имеет значение для оценки положения оператора на рынках государств СНГ [11]. А. В. Алтухов и С. Ю. Кашкин раскрывают правовую природу цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине, подчеркивая необходимость формирования специальных правовых подходов [12]. Т. В. Дерюгина анализирует договорную природу отношений с участием агрегатора [13]. Л. В. Андреева раскрывает проблемы согласования интересов владельцев маркетплейсов, продавцов, потребителей и владельцев пунктов выдачи заказов [14]. А. В. Габов анализирует цифровую платформу как новое правовое явление, показывая неоднородность использования данного понятия в нормативных актах и доктрине [15]. Н. А. Палчаева исследует правовой статус оператора цифровой платформы и отсутствие единого подхода к определению его прав и обязанностей [16]. О. В. Жевняк предлагает учитывать договорную структуру взаимодействия участников платформенной среды [17]. И. З. Аюшеева анализирует цифровую платформу как объект гражданских прав, обращая внимание на ее сложный состав [18]. А. Е. Кирпичев рассматривает агрегаторов товаров и услуг как новых субъектов коммерческого права и их роль в организации торгового оборота [19].

Вместе с тем сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками ПЦП применительно к государствам СНГ в доктрине практически не представлен. Имеющиеся работы либо рассматривают цифровые платформы на уровне общей теории без привязки к конкретным национальным правовым порядкам, либо посвящены отдельным аспектам — защите потребителей, антимонопольному регулированию, трансграничным договорам — без системного анализа гражданско-правовых отношений оператора с партнерами и пользователями по каждому виду отношений. Сопоставление подходов государств СНГ не только по национальным правовым порядкам, но и по видам отношений, складывающихся в платформенной среде, ранее не проводилось. Это определяет научный пробел, на восполнение которого направлено настоящее исследование.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что трансграничная деятельность операторов ПЦП на рынках государств СНГ осуществляется в условиях существенного различия национальных правовых подходов к регулированию отношений между оператором, партнерами

и пользователями. Принятие в России Закона № 289-ФЗ актуализировало вопрос о том, в какой мере российская модель сопоставима с подходами государств СНГ и может ли она служить ориентиром для осторожной гармонизации. Разработка темы позволяет выявить не только различия национальных моделей, но и особенности регулирования отдельных видов отношений в платформенной среде, что имеет значение для совершенствования частноправовых механизмов защиты участников трансграничного платформенного оборота.

Цель исследования состоит в проведении сравнительно-правового анализа законодательного регулирования отношений, возникающих между операторами ПЦП, их партнерами, пользователями и иными лицами в Российской Федерации и отдельных государствах СНГ: Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан, — а также в выявлении пробелов регулирования и направлений осторожной гармонизации частноправовых подходов по видам таких отношений.

Для достижения указанной цели поставлены следующие **задачи**:

- сопоставить российскую модель регулирования отношений на ПЦП с подходами, применяемыми в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан;
- выявить сходства и различия правового регулирования по видам отношений: оператор — партнер, партнер — пользователь, оператор — пользователь, оператор — иные участники платформенной инфраструктуры, а также трансграничные отношения;
- определить основные коллизии и пробелы, возникающие при трансграничной деятельности операторов ПЦП в государствах СНГ, в части защиты пользователей и партнеров, распределения ответственности и обработки персональных данных;
- сформулировать предложения по возможной гармонизации отдельных частноправовых подходов в рамках СНГ с учетом предмета регулирования Закона № 289-ФЗ.

Гипотеза исследования состоит в том, что в государствах СНГ отношения между операторами ПЦП, партнерами и пользователями регулируются преимущественно общими нормами об электронной торговле и защите потребителей без специального выделения оператора как самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений, что создает практические коллизии при трансграничной деятельности платформ. Предполагается, что сравнительный анализ не только по национальным правовым порядкам, но и по видам отношений позволит выявить реальные пробелы и определить направления осторожной гармонизации, не требующей механического заимствования российской модели.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведен сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования отношений между участниками ПЦП в России и отдельных государствах СНГ не только по национальным правовым порядкам, но и по видам отношений: оператор — партнер, партнер — пользователь, оператор — пользователь, оператор — иные участники платформенной инфраструктуры. Выявлены конкретные нормативные акты каждого государства, регулирующие соответствующие виды отношений, определены пробелы и сформулированы предложения по осторожной гармонизации частноправовых подходов.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии сравнительно-правовой методологии применительно к регулированию цифровых платформ: предложенный подход анализа по видам отношений, а не только по национальным правовым порядкам, может быть использован в дальнейших исследованиях регулирования ПЦП в других региональных объединениях. Полученные выводы способствуют систематизации подходов государств СНГ к квалификации отношений в платформенной среде и выявлению общих тенденций развития частного права в условиях цифровизации торгового оборота.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные сходства и различия правового регулирования в государствах СНГ могут быть использованы операторами ПЦП при выстраивании договорной модели трансграничной деятельности, а также законодателями государств СНГ при разработке или совершенствовании специального регулирования платформенных отношений. Предложения по гармонизации носят рекомендательный характер и учитывают различия национальных правовых порядков, что делает их практически применимыми без необходимости унификации законодательства.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой и функциональный методы. Сравнительно-правовой метод является основным: сопоставление российского регулирования с подходами государств СНГ проводится по двум осям — по национальным правовым порядкам и по видам отношений. Такой подход позволяет выявить, какие виды отношений регулируются специальными нормами, а какие подчиняются общим положениям гражданского законодательства. Функциональный метод применен для оценки того, какие правовые задачи решают соответствующие нормы в каждой юрисдикции: обеспечение доступа партнера к платформе, защита пользователя, распределение ответственности оператора, признание юридической силы электронных сообщений.

Результаты исследования и их обсуждение. Сравнительно-правовой анализ регулирования ПЦП целесообразно проводить не только по отдельным государствам, но и по видам отношений, возникающих между участниками платформенного оборота. Такой подход позволяет избежать чрезмерно общего сопоставления «национальных моделей» и выявить, какие именно связи регулируются специальными нормами, а какие продолжают подчиняться общим положениям гражданского законодательства, законодательства об электронной торговле, защите прав потребителей, персональных данных и электронных сделках. В научной литературе уже подчеркивалось, что регулирование отношений при использовании цифровых платформ требует учета их функциональной роли в организации взаимодействия участников, а не только их технической формы [1, с. 164—166; 2, с. 63—67].

Первый блок сравнения составляют отношения между оператором ПЦП и партнером. В Российской Федерации после принятия Закона № 289-ФЗ эти отношения получили наиболее специальное регулирование: закон исходит из необходимости заключения договора между оператором и партнером, предоставления доступа к личному кабинету, обмена юридически значимыми сообщениями, проверки сведений о партнере и установления правил взаимодействия. Тем самым российская модель прямо выделяет оператора и партнера как самостоятельных участников платформенного оборота.

В Казахстане регулирование построено на основе Закона РК от 12 апреля 2004 г. № 544-III «О регулировании торговой деятельности», который оперирует категорией электронной торговой площадки, обеспечивающей инфраструктуру участникам электронной торговли, включая заключение договоров и организацию расчетов. Однако специальная модель отношений «оператор ПЦП — партнер» выражена менее детально [7, с. 6—10].

В Республике Беларусь регулирование дистанционной торговли осуществляется на основании Постановления Совета Министров РБ от 15 января 2009 г. № 31 «Об утверждении Правил продажи товаров при осуществлении дистанционной торговли» (в ред. 2023 г.) и ориентировано преимущественно на отношения продавца и покупателя. Самостоятельный договорный режим между владельцем платформенной инфраструктуры и партнером белорусским законодательством прямо не выделяется.

В Республике Узбекистан общий режим электронных сделок определяется Законом РУз от 29 сентября 2022 г. № ЗРУ-792 «Об электронной коммерции», в Кыргызской Республике — Законом КР от 20 июля 2004 г. № 95 «Об электронной торговле», в Республике Таджикистан — Законом РТ от 10 мая 2002 г. № 53 «Об электронной торговле» (в ред. 2021 г.). Все три закона регулируют общий режим электронных сделок и участников электронной торговли, однако не формируют развернутой конструкции договора между оператором платформы и партнером, сопоставимой с российским Законом № 289-ФЗ. Это подтверждает вывод о том, что цифровой посредник постепенно выходит за рамки классического технического посредника и приобретает самостоятельное значение в торговом обороте.

Второй блок составляют отношения между партнером и пользователем. Здесь сходство правовых порядков проявляется сильнее, поскольку во всех рассматриваемых странах эти отношения в основном квалифицируются через традиционные гражданско-правовые модели: куплю-продажу, возмездное оказание услуг, подряд или иные договоры, заключаемые в электронной форме. Различие состоит в том, насколько подробно национальное законодательство учитывает участие цифровой платформы в заключении и исполнении таких договоров. В России Закон № 289-ФЗ прямо связывает ПЦП с заключением гражданско-правовых договоров между партнерами и пользователями. В Казахстане в соответствии с Законом РК «О регулировании торговой деятельности» электронная торговая площадка признается инфраструктурой для участников электронной торговли, однако основной договор сохраняет традиционную связь с продавцом и покупателем. В Беларуси дистанционная торговля согласно Постановлению Совмина № 31 также строится вокруг отношений продавца и покупателя. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане соответствующее законодательство об электронной торговле закрепляет электронную форму взаимодействия и общие гарантии участников, однако вопрос о распределении ролей между оператором, продавцом и покупателем решается менее специализированно. Поэтому ключевой проблемой остается определение того, кто является стороной основного договора с пользователем и в каком объеме оператор может отвечать за действия партнера [3, с. 72—77].

Третий блок связан с защитой пользователя. В российской модели защита пользователя обеспечивается как общими нормами Гражданского кодекса РФ и Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав

потребителей», так и специальными требованиями Закона № 289-ФЗ: к информированию, доступу к сведениям, рассмотрению обращений, функционированию личного кабинета и иным сервисным механизмам.

В Казахстане защита потребителя в цифровой среде регулируется Законом РК от 4 мая 2010 г. № 274-IV «О защите прав потребителей» (в ред. 2023 г.) и общими нормами о регулировании торговой деятельности. В Беларуси действует Закон РБ от 9 января 2002 г. № 90-З «О защите прав потребителей» (в ред. 2023 г.); в Узбекистане — Закон РУз от 26 апреля 1996 г. № 221-I «О защите прав потребителей» (в ред. 2022 г.); в Кыргызстане — Закон КР «О защите прав потребителей» от 10 декабря 1997 г. № 96; в Таджикистане — Закон РТ от 9 декабря 2004 г. № 68 «О защите прав потребителей» (в ред. 2021 г.). Во всех указанных государствах защита потребителя в цифровой среде опирается преимущественно на общие нормы, не учитывающие специфику платформенной модели, при которой пользователь воспринимает оператора платформы как единого организатора сделки, тогда как юридически продавцом или исполнителем является партнер. В связи с этим особое значение приобретает разграничение ответственности продавца, исполнителя и оператора ПЦП [4, с. 14—18].

Четвертый блок составляют электронная торговля, электронные сделки и юридически значимые сообщения. В России Закон № 289-ФЗ специально предусматривает обмен юридически значимыми сообщениями между оператором, партнером и владельцем пункта выдачи заказов через личный кабинет или иным согласованным способом. Это делает электронную коммуникацию не просто техническим элементом, а частью договорного регулирования.

В Казахстане юридическая сила электронных документов закреплена Законом РК от 7 января 2003 г. № 370-II «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (в ред. 2022 г.). В Кыргызстане аналогичные вопросы регулирует Закон КР от 17 июля 2004 г. № 92 «Об электронной подписи»; в Таджикистане — законы РТ от 10 мая 2002 г. № 54 «Об электронном документе» (в ред. 2021 г.) и № 55 «Об электронной цифровой подписи»; в Беларуси — Закон РБ от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи» (в ред. 2022 г.); в Узбекистане — Закон РУз от 29 апреля 2004 г. № 611-II «Об электронном документообороте» (в ред. 2022 г.). Во всех указанных государствах признаётся юридическая значимость электронного взаимодействия, однако регулирование оператора ПЦП как самостоятельного субъекта, обеспечивающего посредством платформы обмен юридически значимыми сообщениями, прямо не выделяется. Между тем в доктрине подчеркивается, что оператор может выполнять юридически значимые функции, даже не являясь стороной основного обязательства [5, с. 176—181].

Пятый блок касается обработки персональных данных. Для ПЦП эта сфера имеет особое значение, поскольку данные пользователя и партнера могут передаваться оператору, продавцу, платежной организации, службе доставки, владельцу пункта выдачи заказов и иным участникам инфраструктуры. Во всех рассматриваемых государствах действуют специальные законодательные акты: в России — Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с требованием локализации данных на территории Российской Федерации); в Казахстане — Закон РК от 21 мая 2013 г. № 94-V «О персональных данных

и их защите» (в ред. 2023 г.); в Беларуси — Закон РБ от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»; в Узбекистане — Закон РУз от 2 июля 2019 г. № ЗРУ-547 «О персональных данных»; в Кыргызстане — Закон КР от 14 апреля 2008 г. № 58 «Об информации персонального характера»; в Таджикистане — Закон РТ «О персональных данных» от 7 августа 2020 г. № 1724. Поэтому проблема состоит не в отсутствии общего регулирования персональных данных, а в необходимости определить, кто и в каком объеме ответственен за сбор, передачу, хранение и использование данных внутри платформенной инфраструктуры. Для трансграничных платформ эта проблема усиливается различиями национальных режимов обработки и передачи данных, что уже рассматривается в литературе как один из факторов, осложняющих международное регулирование отношений при использовании цифровых платформ [9, с. 75—85].

Шестой блок образуют трансграничные расчеты и исполнение обязательств. Российский Закон № 289-ФЗ учитывает расчетные и логистические элементы платформенного оборота через категории оплаты товара, работы или услуги, пункта выдачи заказов и логистической инфраструктуры оператора. В Казахстане Закон РК «О регулировании торговой деятельности» прямо связывает электронную торговую площадку с возможностью безналичного расчета и организацией либо координацией доставки. В Таджикистане Закон РТ «Об электронной торговле» предусматривает безналичную форму расчетов при электронной сделке. В Беларуси, Узбекистане и Кыргызстане вопросы оплаты, доставки и возврата решаются через нормы об электронной торговле, дистанционной торговле и платежных услугах без специального учета платформенной модели. При трансграничной деятельности платформ возникает вопрос о применимом праве, юрисдикции, валютных ограничениях, исполнении судебных решений и распределении рисков между оператором, партнером, пользователем и платежным посредником. Эти проблемы особенно значимы для государств СНГ, где цифровые платформы могут фактически работать на общем региональном рынке при отсутствии единых правил платформенного оборота [8, с. 111—116].

Седьмой блок касается ответственности цифрового посредника. В России Закон № 289-ФЗ создает предпосылки для более точного определения обязанностей оператора: он не является стороной основного договора между партнером и пользователем, однако несет самостоятельную ответственность за исполнение технических, информационных и организационных функций. Законодательно целесообразно уточнить критерии такой ответственности исходя из выполняемых оператором функций: если он ограничивается технической организацией взаимодействия посредством платформы, объем его ответственности должен быть одним; если же оператор участвует в формировании предложения, расчетах, доставке, рейтингах, рассмотрении жалоб или возврате денежных средств — иным.

В Казахстане ответственность цифрового посредника определяется Законом РК «О регулировании торговой деятельности» и общими нормами Гражданского кодекса РК. В Беларуси — Гражданским кодексом РБ и нормами об электронной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане ответственность оператора выводится из общих норм об обязательствах, электронной торговле и защите прав потребителей. Во всех указанных государствах регулирование является более гибким, чем российское, однако менее определенным — поскольку не разграничивает ответственность

оператора как технического посредника и как активного участника платформенной сделки. Такой функциональный подход соответствует выводам доктрины о необходимости учитывать фактическую степень участия оператора в организации сделки [3, с. 76—80; 6, с. 154—160].

Таким образом, сравнительно-правовой анализ по видам отношений показывает, что российское регулирование является более специализированным именно в части платформенного взаимодействия между оператором, партнерами, пользователями и иными лицами. В большинстве рассмотренных государств СНГ регулирование строится преимущественно вокруг электронной торговли, дистанционной продажи, электронных документов, защиты потребителей и персональных данных. Эти нормы позволяют регулировать отдельные элементы платформенного оборота, но не всегда дают целостную модель отношений между оператором платформы, партнером, пользователем и инфраструктурными участниками. Поэтому перспективным направлением является не механическое заимствование российского закона, а сопоставление национальных подходов по отдельным видам отношений: доступ партнера к платформе, договор с пользователем, информирование, расчеты, доставка, обработка данных, рассмотрение жалоб и ответственность цифрового посредника.

По итогам сравнительного анализа можно констатировать следующее. Российская модель является единственной в рассмотренной группе государств, где все семь видов отношений — между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, в сфере электронных сообщений, персональных данных, расчетов и доставки, а также ответственности оператора — регулируются специальными нормами, прямо учитывающими платформенную модель. В Казахстане наиболее продвинутым является регулирование расчетов и доставки через электронную торговую площадку; в Беларуси — защита потребителя при дистанционной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане специального регулирования ни по одному из семи видов отношений не существует: применяются общие нормы гражданского законодательства, законодательства об электронной торговле и защите прав потребителей. Ни в одном из государств СНГ оператор ПЦП не выделен как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений с определенным кругом прав и обязанностей — именно этот пробел является ключевым результатом сравнительного анализа и определяет направление возможной гармонизации.

Закключение

Проведенный сравнительно-правовой анализ показал, что ни в одном из рассмотренных государств СНГ: Республике Казахстан, Республике Беларусь, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан — оператор ПЦП не выделен как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений с определенным кругом прав и обязанностей. Регулирование отношений между участниками платформенного оборота осуществляется через общие нормы об электронной торговле, дистанционной продаже, защите прав потребителей, персональных данных и электронных документах. Эти нормы позволяют регулировать отдельные элементы платформенного взаимодействия, однако не формируют целостного правового режима отношений оператора с партнерами, пользователями и иными участниками инфраструктуры.

Наибольшее сближение с российской моделью наблюдается в Казахстане — в части регулирования электронных торговых площадок и расчетов — и в Беларуси — в части защиты потребителя при дистанционной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане специального регулирования платформенных отношений не существует ни по одному из рассмотренных видов. Общим для всех государств является гражданско-правовая квалификация отношений между продавцом и покупателем при электронной торговле, однако распределение ролей между оператором платформы, партнером и пользователем законодательством прямо не определяется.

Возможная гармонизация подходов в рамках СНГ должна носить осторожный и поэтапный характер. Наиболее реалистичным направлением является не разработка единого закона о платформах, а сближение подходов по отдельным видам отношений, прежде всего в части определения правового статуса оператора, требований к информированию пользователей и распределения ответственности между участниками платформенного оборота. Такое сближение может осуществляться через рекомендательные акты в рамках СНГ без необходимости унификации национального законодательства.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Сравнительно-правовой анализ по семи видам отношений — между оператором и партнером, партнером и пользователем, оператором и пользователем, в сфере электронных сообщений, персональных данных, расчетов и ответственности оператора — показал, что российская модель, сформированная Законом № 289-ФЗ, является единственной в рассмотренной группе государств, где каждый из указанных видов отношений регулируется специальными нормами, прямо учитывающими платформенную модель взаимодействия.

2. Ни в одном из рассмотренных государств СНГ: Республике Казахстан, Республике Беларусь, Республике Узбекистан, Кыргызской Республике и Республике Таджикистан — оператор ПЦП не выделен как самостоятельный субъект гражданско-правовых отношений. Регулирование осуществляется через общие нормы об электронной торговле, дистанционной продаже, защите прав потребителей, персональных данных и электронных документах, что не позволяет разграничить права, обязанности и ответственность оператора, партнера и пользователя применительно к платформенной модели.

3. Наибольшее частичное сближение с российской моделью наблюдается в Казахстане в части регулирования электронных торговых площадок и расчетов и в Беларуси в части защиты потребителя при дистанционной торговле. В Узбекистане, Кыргызстане и Таджикистане специального регулирования платформенных отношений не существует ни по одному из рассмотренных видов.

4. Гармонизация подходов в рамках СНГ целесообразна не через разработку единого закона о платформах, а через поэтапное сближение по отдельным видам отношений, прежде всего в части правового статуса оператора, требований к информированию пользователей и распределения ответственности. Такое сближение может осуществляться посредством рекомендательных актов СНГ без унификации национального законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Терещенко Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 163—175. DOI: 10.61205/S160565900031105-9.
2. Филиппова С. Ю., Харитонов Ю. С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодательству и пути их решения // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 58—75.
3. Белов В. А. Цифровое посредничество и потребительские отношения: правовая природа и ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 8. С. 68—82. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082.
4. Чеговадзе Л. А. Агрегаторы как объекты гражданских прав и ответственность их владельцев по обязательствам // Цивилист. 2022. № 1(37). С. 12—19.
5. Фомина О. Н. Правовой статус информационного посредника // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 3. С. 171—191.
6. Николаев А. А. Применимость статуса информационного посредника к операторам цифровых платформ // Юридические исследования. 2025. № 11. С. 150—165. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76834.
7. Андреева Л. В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 5—12.
8. Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107—120. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120.
9. Ларионова М. В., Доронин П. А. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. С. 70—92. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.
10. Томашевский К. Л., Хасенов М. Х. Работа посредством цифровых платформ занятости: поиск модели и перспективы урегулирования // Правоведение. 2025. Т. 69. № 2. С. 335—350.
11. Варламова А. Н. Категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 6—12. DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12.
12. Алтухов А. В., Кашкин С. Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7. С. 86—94.
13. Дерюгина Т. В. Правовая природа договора, опосредующего возникновение правоотношений с участием агрегатора // Гражданское право. 2018. № 6. С. 3—6.
14. Андреева Л. В. Согласование интересов участников товарных цифровых платформ (маркетплейсов): правовые проблемы // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 8. С. 149—157. DOI: 10.17803/2311-5998.2024.120.8.149-157.
15. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13—82.
16. Палчаева Н. А. Правовой статус оператора цифровой платформы // Юридический мир. 2025. № 3. С. 30—33. DOI: 10.18572/1811-1475-2025-3-30-33.
17. Жевняк О. В. Цифровые платформы как вид экономических рыночных отношений и отражение этого аспекта в правовом режиме цифровых платформ // Юридические исследования. 2023. № 8. С. 96—127. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
18. Аюшеева И. З. Правовой режим цифровых платформ как объектов гражданских прав // Lex russica. 2025. Т. 78. № 11. С. 44—53. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.044-053.
19. Кирпичев А. Е. Агрегаторы товаров и услуг как новые субъекты коммерческого права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 55—59. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.055-059.

REFERENCES

1. Tereshchenko L. K. Digital platforms: regulatory approaches. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2024;28(9):163—175. (In Russ.) DOI: 10.61205/S160565900031105-9.
2. Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in law and the law of digital platforms: new challenges for the legislator and ways to deal with them. *Pravovedenie*. 2025;69(1):58—75. (In Russ.)
3. Belov V. A. Digital Intermediation and Consumer Relations: Legal Nature and Responsibility. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(8):68—82. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.068-082.
4. Chegovadze L. A. The aggregators as the objects of the civil rights and the responsibility of their owners under the obligations. *Civilist*. 2022;1(37):12—19. (In Russ.)
5. Fomina O. N. Legal status of the Internet service provider. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil law review*. 2019;19(3):171—191. (In Russ.)
6. Nikolaev A. A. Applicability of the information intermediary status to digital platform operators. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2025;11:150—165. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76834.
7. Andreeva L. V. Transformation of the legal concept of an intermediary in the application of digital technologies in trade. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*. 2024;2:5—12. (In Russ.)
8. Mazhorina M.V. Digital Platforms and International Private Law, or Is There a Future for Cyber Law?. *Lex Russica*. 2019;2:107—120. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2019.147.2.107-120.
9. Larionova M., Doronin P. Problems of digital platforms regulation: challenges and perspectives for international cooperation. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organizations Research Journal*. 2024;19(2):70—92. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-02-04.

10. Tomashevski K. L., Khasenov M. Kh. Work through digital employment platforms: search for a model and prospects for regulation. *Pravovedenie*. 2025;69(2):335—350. (In Russ.)
11. Varlamova A. N. The “digital platform” and “digital commodities market” categories competition law objectives. *Konkurentnoe pravo = Competition Law*. 2025;4:6—12. (In Russ.) DOI: 10.18572/2225-8302-2025-4-6-12.
12. Altukhov A. V., Kashkin S. Yu. The Legal Nature of Digital Platforms in the Russian and Foreign Doctrines. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(7):86—94. (In Russ.)
13. Deryugina T. V. The legal nature of an agreement mediating origination of legal relationships involving an aggregator. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2018;6:3—6. (In Russ.)
14. Andreeva L. V. Coordination of interests of participants in digital commodity platforms (marketplaces): legal problems. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;1(8):149—157. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2024.120.8.149-157.
15. Gabov A. V. Digital platform as a new legal phenomenon. *Permskii yuridicheskii almanakh = Perm Legal Almanac*. 2021;4:13—82. (In Russ.)
16. Palchaeva N. A. The legal status of a digital platform operator. *Yuridicheskii mir = Juridical World*. 2025;3:30—33. (In Russ.) DOI: 10.18572/1811-1475-2025-3-30-33.
17. Zhevnyak O. V. Digital platforms as a type of economic market relations and the reflection of this aspect in the legal regime of digital platforms. *Yuridicheskie issledovaniya = Legal Studies*. 2023;8:96—127. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-7136.2023.8.43646.
18. Ayusheeva I. Z. The Legal Status of Digital Platforms as Civil Law Objects. *Lex Russica*. 2025;78(11):44—53. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2025.228.11.044-053.
19. Kirpichev A. E. Goods and Services Aggregators as New Subjects of Commercial Law. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2018;2:55—59. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2018.87.2.055-059.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 22.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 22.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Научная статья
УДК 347.512
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1596

Sun Yupeng

Postgraduate of Institute of Philosophy and Law,
specialty 5.1.3 —
Private law (civilistic) sciences,
Novosibirsk National Research
State University
Novosibirsk, Russian Federation
16601236420@163.com

Сунь Юйпэн

аспирант Института философии и права,
специальность 5.1.3 —
Частно-правовые (цивилистические) науки,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
Новосибирск, Российская Федерация
16601236420@163.com

ПРИНЦИПЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ И РОССИИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье на основе сравнения условий установления деликтной ответственности в Китае и России анализируются сходства и различия в применении принципов ответственности за правонарушения в обеих странах. Основное внимание уделяется условиям применения системы ответственности за товарную продукцию, системы, связанной с источниками повышенной опасности, а также системы общей деликтной ответственности для регулирования рисков, связанных с искусственным интеллектом (ИИ), подразделяемым на два типа: физически-интерактивный и информационно-интерактивный. Автор рассматривает применимые гражданско-правовые принципы распределения ответственности при регулировании рисков, которые могут возникнуть в процессе применения этих двух типов технологий ИИ.

Автор полагает, что в отношении физически-интерактивного ИИ, обладающего высокой степенью опасности, может применяться принцип абсолютной безвиновной ответственности, что способствует защите гражданских прав и интересов субъектов. Однако в отношении

физически-интерактивного ИИ, не обладающего высокой степенью опасности, в определенных условиях может применяться ответственность за товарную продукцию.

Что касается информационно-интерактивного ИИ, в статье на примере генеративного ИИ выделяются юридические особенности поставщика услуг генеративного ИИ как особого субъекта ответственности. Обосновывается, что поставщик услуг генеративного ИИ предоставляет именно услуги по генерации контента, в связи с чем к нему неприменима безвиновная ответственность. Вместо этого должна применяться ответственность на началах вины, и юридическая ответственность такого поставщика наступает лишь при наличии вины и соблюдении установленных законом условий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, деликт, источник повышенной опасности, генеративный искусственный интеллект, ответственность за вину, Китай, гражданско-правовая ответственность, ответственность за продукцию, безвиновная ответственность, оказание услуг

Для цитирования: Юйпэн С. Принципы применения ответственности за причинение вреда искусственным интеллектом: на примере Китая и России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 268—272. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1596.

Original article

PRINCIPLES OF LIABILITY FOR HARM CAUSED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE CASE OF CHINA AND RUSSIA

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. This article, by comparing the conditions for establishing tort liability in China and Russia, analyzes the similarities and differences in the application of tort liability principles between the two countries. It focuses on the applicability of product liability, liability for ultra-hazardous activities, and general tort liability in regulating tort risks arising from artificial intelligence (AI). AI is categorized into two types: physically interactive AI and information-interactive AI. The article respectively explores the civil liability principles applicable to regulating the tort risks that may arise from the application of these two types of AI technologies.

The article argues that absolute no-fault liability may be applied to physically interactive AI with a high degree of danger, which helps protect the civil rights and interests of legal

subjects. However, applying no-fault liability to physically interactive AI without a high degree of danger would hinder technological innovation.

Regarding information-interactive AI, taking generative AI as an example, this article identifies the legal characteristics of the generative AI service provider as a special subject of liability. It points out that generative AI service providers offer generative services, making no-fault liability inappropriate. Instead, fault-based liability should apply, and legal responsibility should only be borne when there is fault and statutory conditions are met.

Keywords: artificial intelligence, tort, source of increased danger, generative artificial intelligence, fault-based liability, China, civil liability, product liability, no-fault liability, provision of services

For citation: Yupeng S. Principles of liability for harm caused by artificial intelligence: the case of China and Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):268—272. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1596.

Введение

Актуальность. Гражданско-правовые последствия, возникающие в результате применения технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) субъектами гражданского права в производственной и повседневной деятельности, подлежат регулированию нормами гражданского законодательства, например: распределение ответственности за причинение вреда в случаях правонарушений, совершенных человекоподобными роботами, оснащенными системами ИИ, и платформами генеративного ИИ в отношении субъектов гражданского права.

Согласно действующим гражданско-правовым системам Китая и России, ИИ не является субъектом гражданско-правовой ответственности. В рамках законодательства о деликтной ответственности необходимо рассматривать вопросы ответственности за правонарушения соответствующих физических лиц, юридических лиц или иных организаций в процессе применения технологий ИИ.

Изученность проблемы определения ответственности за причинение вреда ИИ в работах китайских и российских ученых уже достигла определенного уровня. Например, О. Н. Захарова [1], Л. Ю. Василевская [2] и др. подробно исследовали вопрос о применении ответственности за продукцию к делам о правонарушениях в сфере ИИ.

Некоторые ученые исследуют вопрос о возможности применения к ИИ режима источника повышенной опасности. Ряд российских ученых: А. А. Антонов [3], Д. А. Казанцев [4], И. А. Зырянов [5], Л. Ю. Василевская [6; 7], С. С. Горохова [8], Ю. С. Харитоновна [9] — полагают, что носители технологий ИИ могут регулироваться по правилам ст. 1079 Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ. Также некоторые ученые на данной основе углубленно исследуют принципы ответственности в делах о деликтах с участием ИИ, например Д. И. Киямова [10], О. А. Ижаев [11], Д. В. Чемерчев [12]. Китайские ученые, такие как Линь Хуаньминь [13], Янь Сяньби [14], Ван Ин [15], напротив, считают возможным применение к ИИ режима источника повышенной опасности.

Целесообразность разработки темы. Учитывая, что в Китае и России еще не созданы специальные правовые режимы ответственности за причинение вреда ИИ, но развитие технологий ИИ может нарушать гражданские права субъектов, возникает необходимость предварительно определить применимые правила деликтной ответственности. Это имеет теоретическую и практическую значимость.

Цель исследования заключается в сравнении норм ответственности за гражданские правонарушения в сфере ИИ, применяемых в Китае и России, а также в анализе принципов ответственности, которые должны использоваться при определении субъекта, несущего ответственность за причинение вреда.

Задачи исследования:

- проанализировать применимость ответственности за продукцию;
- классифицировать и обсудить принципы ответственности, применимые к различным типам ИИ;
- определить возможность отнесения ИИ к источникам повышенной опасности;
- исследовать условия, при которых применяется принцип вины как основание ответственности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и обосновании возможных путей регулирования правовых вопросов, связанных с гражданскими правонарушениями в сфере ИИ, в рамках гражданского законодательства Китая и России, а также в установлении принципов ответственности, применимых в соответствующих делах, ранее не получивших комплексного освещения в сравнительно-правовой доктрине.

Теоретическая значимость статьи заключается в исследовании теоретической ценности институтов ответственности за продукцию, института источника повышенной опасности и института общих гражданских правонарушений в гражданском законодательстве при регулировании правовых вопросов, связанных с гражданскими правонарушениями в сфере ИИ.

Практическая значимость работы заключается в предоставлении ориентиров для законодателей Китая и России при разработке институтов, связанных с ответственностью за гражданские правонарушения в сфере ИИ, а также в предоставлении правовых ориентиров для судей при рассмотрении соответствующих дел в обеих странах.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В данном исследовании комплексно применяются общие и специальные юридические методы, с особым вниманием к сравнительно-правовому методу, изучены гражданско-правовые системы, а также доктрина и судебная практика Китая и России.

Результаты исследования. Китай и Россия имеют сходство в условиях установления деликтной ответственности, разделяя ее на общую (ответственность по вине) и специальную (ответственность без вины). При рассмотрении судьей дела о деликте по правилам об ответственности за вину, необходимо одновременное наличие четырех условий: лицо совершило определенное действие; гражданские права или охраняемые законом интересы потерпевшего были нарушены (наступили вредоносные последствия); существует причинно-следственная связь между действием лица и вредоносными последствиями, понесенными потерпевшим; наличие вины у лица в момент совершения действия. Если судья применяет правила об ответственности без вины, то условие о «вине в момент совершения действия» не требуется, однако принимаются во внимание предусмотренные законом обстоятельства, освобождающие от ответственности.

В гражданских кодексах Китая и России ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара, является классическим примером ответственности без вины (согласно ст. 1095 ГК РФ и ст. 1203 ГК КНР). Это означает, что не учитывается, наличествовала ли вина у причинителя вреда и существуют ли договорные отношения между ним и потерпевшим. Причинивший вред производитель или продавец соответствующего товара обязан нести гражданскую ответственность, если вред был причинен субъекту гражданского права вследствие существования в товаре недостатка, за исключением случаев, когда они докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или по вине самого потребителя. Следовательно, при соблюдении условий для применения «ответственности

без вины», если рассматривать ИИ как «товар» в рамках гражданско-правовой системы, то производитель и продавец данного товара будут нести ответственность без вины после причинения вреда потерпевшему.

Для решения вопроса о том, применимы ли в данном случае ст. 1095 ГК РФ и ст. 1203 ГК КНР, необходимо классифицировать ИИ. В настоящей статье ИИ классифицируется на физически взаимодействующий ИИ и информационно-взаимодействующий ИИ.

Физически взаимодействующий ИИ представляет собой в гражданском праве материальный объект, который обычно оснащен системой ИИ и служит носителем соответствующих технологий. В случае деликта система ИИ, воздействуя через такие физические объекты, как роботы, механические собаки (ошибки в программном обеспечении, сбои в работе роботов), устройства автономного вождения, промышленные манипуляторы и т. п., может причинить вред. **Информационно-взаимодействующий ИИ** отличается от физически взаимодействующего ИИ ключевым образом: он причиняет вред гражданским правам и интересам субъектов гражданского права путем генерации информации, а не через физическое воздействие материального объекта. Генеративные системы ИИ являются типичным примером информационно-взаимодействующего ИИ.

Если деликт, вызванный физическим объектом, соответствует условиям применения, установленным ст. 1095 ГК РФ и ст. 1203 ГК КНР, может применяться принцип ответственности без вины. В таком случае ответственность за причиненный вред возлагается на разработчика или продавца ИИ, поскольку они лучше понимают механизм его функционирования и имеют больше возможностей для предотвращения инцидентов с меньшими издержками. Потребитель находится в уязвимом положении при взаимодействии со сложной технологией, и если он не умышленно спровоцировал инцидент, его права и интересы должны пользоваться приоритетной защитой закона.

Помимо ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товара, физически взаимодействующий ИИ может также рассматриваться как источник повышенной опасности, что ставит вопрос о возможности применения принципа ответственности без вины.

Статьи 1236—1244 ГК КНР регулируют ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. В настоящее время китайский законодатель прямо не относит носители ИИ к таким источникам. Однако если следовать подходу некоторых российских ученых и рассматривать их как источник повышенной опасности, то применяется ст. 1239 ГК КНР, согласно которой владелец или пользователь несет безвиновную ответственность, если не докажет наличие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

Если потерпевший проявил грубую неосторожность, способствовавшую возникновению вреда, то в соответствии с принципом справедливости ответственность владельца или пользователя может быть соответственно уменьшена. Из этого следует, что ГК КНР, как и ГК РФ, также применяет ответственность без вины к регулированию источников повышенной опасности. Цель заключается в использовании строгой ответственности для предотвращения технологических рисков, повышения издержек нарушения закона для производителей (разработчиков) соответствующей продукции и снижения опасений субъектов гражданского и коммерческого права в отношении использования связанных с ней технологий ИИ.

Однако в Китае большинство ученых не поддерживают включение носителей технологий ИИ в категорию источников повышенной опасности. Если анализировать с точки зрения частного права, применение ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности ко всем видам типам носителей ко всем типам носителей ИИ приведет к негативным последствиям чрезмерного регулирования, что не соответствует требованиям необходимости, соразмерности и сбалансированности правового регулирования для развития отрасли.

Автор полагает, что в будущем законодательстве России и Китая физически взаимодействующие ИИ, обладающие высокой степенью опасности, могут быть отнесены к источникам повышенной опасности, что повлечет применение специальных норм деликтной ответственности. К физически взаимодействующим ИИ могут применяться нормы об ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг. Безвиновная ответственность возникает лишь при соблюдении соответствующих условий применения.

Информационно-взаимодействующий ИИ отличается от физически взаимодействующего ИИ тем, что в обычных условиях он не причиняет физического вреда субъектам гражданского права. Его правовое регулирование может быть обусловлено лишь деликтным характером создаваемого им контента. В данном случае вопрос об источнике повышенной опасности больше не должен рассматриваться.

В силу высокой сложности технологий генеративного ИИ, характеризующихся тесной взаимосвязью между исследованиями и разработками, предоставлением услуг и генерацией контента, в случае совершения деликта с использованием генеративного ИИ могут быть задействованы несколько конкретных субъектов гражданского права. Распределение пропорций ответственности перед третьими лицами между различными субъектами, а также внутреннее распределение ответственности между ними, может осуществляться на основании положений закона или договорных соглашений.

В отношении генеративного ИИ нельзя применять ответственность без вины. Вместо этого необходимо различать различных поставщиков услуг генеративного ИИ и, в зависимости от конкретной причины возникновения деликта, отдельно оценивать, какие поставщики услуг могут быть вовлечены, чтобы определить субъекта правовой ответственности. Иными словами, каждый субъект должен нести различную гражданско-правовую ответственность в соответствии со своей виной, а не безусловно подпадать под принцип ответственности без вины.

Исходя из фундаментальных характеристик технологий ИИ, поставщики таких услуг объективно существуют. Данный термин можно понимать как собирательное понятие, описывающее специфических субъектов ответственности, обладающих следующими признаками:

1. Поставщик услуг генеративного ИИ является именно поставщиком услуг. Исходя из интерактивных характеристик генеративного ИИ, пользователь должен вводить информационные инструкции, на основе которых система генеративного ИИ создает конкретный контент, причем такой информационный обмен может быть многоэтапным. Формально данный процесс больше напоминает получение пользователем услуги по генерации от ИИ, а не приобретение товара.

2. Квалификация того, предоставляет ли поставщик генеративного ИИ услугу или товар, влияет на применение деликтных норм. Если рассматривать контент, созданный генеративным ИИ, как товар, то в соответствии со ст. 1202 ГК КНР и ст. 1095 ГК РФ, при соблюдении условий для применения деликтных норм, производитель или продавец товара будет нести ответственность без вины. Если же рассматривать контент, созданный генеративным ИИ, как услугу, предоставляемую поставщиком услуг генеративного ИИ, то гражданские кодексы двух стран приводят к разным выводам. Согласно ст. 1165 ГК КНР в деликтных обязательствах применяется принцип ответственности за вину: поставщик услуги несет ответственность за причинение вреда гражданским правам и интересам другого лица только при наличии своей вины. Согласно ст. 1095 ГК РФ, в деликтных обязательствах применяется принцип ответственности без вины: поставщик услуги несет ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг, даже при отсутствии вины.

3. К поставщикам услуг генеративного ИИ неприменима ответственность без вины. В настоящее время технологии ИИ всё ещё находятся на стадии развития, и чрезмерно строгая гражданская ответственность не способствует одновременному достижению стратегических национальных целей — стимулированию технологического развития и защиты прав и интересов субъектов гражданского права, — а также не отвечает базовым функциям института ответственности без вины. Фундаментальная характеристика непрозрачности ИИ также обуславливает неприменимость ответственности без вины к поставщикам услуг генеративного ИИ. Эффективность института ответственности без вины предопределяется контролируемостью и предсказуемостью действий для субъекта ответственности. Однако с эволюцией алгоритмов процесс принятия решений ИИ становится все труднее объяснить. Даже неся ответственность

без вины, поставщик услуг генеративного ИИ не может полностью предвидеть и контролировать деликтные риски, связанные с генеративным ИИ. В таком случае возложение на него ответственности без вины явно лишь увеличивает бремя ответственности.

Таким образом, исходя из современного уровня развития технологий ИИ, регулирование деликтных инцидентов, связанных с генеративным ИИ, в Китае и России по-прежнему может основываться на принципе ответственности за вину, установленном в гражданских кодексах обеих стран.

Заключение

В настоящей статье ИИ классифицируется на физически взаимодействующий ИИ и информационно-взаимодействующий ИИ. При этом в будущем законодательстве Китая и России физически взаимодействующий ИИ, обладающий повышенной опасностью, может быть отнесен к источнику повышенной опасности, что позволит применять к нему институт ответственности за деятельность, связанную с источником повышенной опасности. Однако такого рода нормы могут выступать лишь в качестве специальных правил в системе деликтного права, но не могут рассматриваться как общие правила. Что касается обычного физически взаимодействующего ИИ, то к нему могут применяться действующие в Китае и России нормы об ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг причем безвиновная ответственность наступает только при соблюдении условий, предусмотренных для ее применения.

Что касается информационно-взаимодействующего ИИ, например, генеративного ИИ, то, поскольку он причиняет вред исключительно нематериальным интересам правообладателя в результате генерируемого контента и не наносит физического или имущественного ущерба субъектам гражданских прав, в общем случае следует применять принцип виновной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Захарова О. Н., Епифанцева Т. Ю. Возмещение вреда, причиненного при использовании искусственного интеллекта // Нотариус. 2023. № 2. С. 6—8. DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-6-8.
2. Василевская Л. Ю. Возмещение вреда, причиненного искусственным интеллектом: проблемы и направления развития законодательства // Хозяйство и право. 2025. № 7. С. 3—14.
3. Антонов А. А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности // Юрист. 2020. № 7. С. 69—74.
4. Казанцев Д. А. Деликтные обязательства из действий искусственного интеллекта: проблемы и перспективы правового регулирования // Ex iure. 2025. № 1. С. 98—112.
5. Зырянов И. А. К вопросу о введении киберответственности искусственного интеллекта // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 53—58.
6. Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: Проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 5. С. 32—40. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040.
7. Василевская Л. Ю. Деликтная ответственность за причинение вреда искусственным интеллектом: проблемы и перспективы развития // Гражданское право. 2025. № 4. С. 2—5. DOI: 10.18572/2070-2140-2025-4-2-5.
8. Горохова С. С. Технологии на основе искусственного интеллекта: перспективы и ответственность в правовом поле // Юрист. 2021. № 6. С. 60—67.
9. Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Гражданско-правовая ответственность при разработке и применении систем искусственного интеллекта и робототехники: основные подходы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 683—708.
10. Томашевский К. Л., Киямова Д. И. Применение искусственного интеллекта и связанной с ним робототехники в сфере охраны труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 48—52. DOI: 10.18572/2221-3295-2025-1-48-52.
11. Ижаев О. А. Системы искусственного интеллекта и внедоговорная гражданско-правовая ответственность: риск-ориентированный подход // Lex russica. 2024. Т. 77. № 6. С. 23—34. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034.
12. Чемерчев Д. В. Ответственность за вред, причиненный с использованием искусственного интеллекта: проблемы и решения // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 4. С. 111—117.

13. Линь Хуаньминь. О специальных деликтных правилах ответственности за ущерб, причиненный искусственным интеллектом // Журнал китайского и зарубежного права. 2025. № 2. С. 113—133. (На кит. яз.)
14. Янь Сяньби. Принятие и ограничение косвенной ответственности поставщиков услуг генеративного искусственного интеллекта // Юрист (Китай). 2024. № 3. С. 46—60. (На кит. яз.)
15. Ван Ин. Предварительное обсуждение рамок ответственности за ущерб, причиненный алгоритмами // Китайская юридическая наука. 2022. № 3. С. 165—184. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Zakharova O. N., Epifantseva T. Yu. Compensation of damage caused by the use of artificial intelligence. *Notarius = Notary*. 2023;2:6—8. (In Russ.) DOI: 10.18572/1813-1204-2023-2-6-8.
2. Vasilevskaya L. Yu. Compensation of damage caused by artificial intelligence: challenges and legal development areas. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*. 2025;7:3—14. (In Russ.)
3. Antonov A. A. Artificial intelligence as a source of increased danger. *Yurist = Jurist*. 2020;7:69—74. (In Russ.)
4. Kazantsev D. A. Tort liabilities arising from actions of artificial intelligence: problems and prospects for legal regulation. *Ex jure*. 2025;1:98—112. (In Russ.)
5. Zyryanov I. A. On the introduction of cyber-liability of artificial intelligence. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2023;5:53—58. (In Russ.)
6. Vasilevskaya L. J. Artificial Intelligence: problems of civil law qualification. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;5:32—40. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2023.105.5.032-040.
7. Vasilevskaya L. Yu. Delictual liability for damage caused by artificial intelligence: problems and development prospects. *Grazhdanskoe pravo = Civil Law*. 2025;4:2—5. (In Russ.) DOI: 10.18572/2070-2140-2025-4-2-5.
8. Gorokhova S. S. Artificial intelligence-based technologies: prospects and liability in the legal environment. *Yurist = Jurist*. 2021;6:60—67. (In Russ.)
9. Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Pagnini F. Civil Liability in the Development and Application of Artificial Intelligence and Robotic Systems: Basic Approaches. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2022;58:683—708. (In Russ.)
10. Tomashevsky K. L., Kiyamova D. I. Application of artificial intelligence and related robotics in the labor protection sphere. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*. 2025;1:48—52. (In Russ.) DOI: 10.18572/2221-3295-2025-1-48-52.
11. Izhaev O. A., Kuteynikov D. L. Artificial Intelligence Systems and Non-Contractual Civil Liability: A Risk-Based Approach. *Lex Russica*. 2024;77(6):23—34. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2024.211.6.023-034.
12. Chemerchev D. V. Liability for harm caused by the use of artificial intelligence: problems and solutions. *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Bulletin of the Advanced Training Institute of the MIA of Russia*. 2025;4:111—117. (In Russ.)
13. Lin Huangmin. On Special Tort Rules of Liability for Damage Caused by Artificial Intelligence. *Journal of Chinese and Foreign Law*. 202;2:113—133. (In Chinese)
14. Yan Xianbi. Acceptance and Limitation of Indirect Liability for Generative Artificial Intelligence Service Providers. *Jurist (China)*. 2024;3:46—60. (In Chinese)
15. Wang Ying. Preliminary Discussion on the Framework of Liability for Damage Caused by Algorithms. *Chinese Legal Science*. 2022;3:165—184. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 11.04.2026; принята к публикации 13.04.2026.
The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 11.04.2026; accepted for publication 13.04.2026.

5.8. ПЕДАГОГИКА

5.8. PEDAGOGY

Научная статья

УДК 373.3.016:796

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1657

Bogdan Sergeevich Burkland

Postgraduate of the Department
of Theory and Methods of Physical Culture,
Gymnastics and Life Safety,
field of training
49.06.01 — Physical Culture and Sports,
Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
burkland99@mail.ru

Vladimir Vasilievich Novokreshchenov

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
Gymnastics and Life Safety,
Udmurt State University
Izhevsk, Russian Federation
sportm351@gmail.com

Богдан Сергеевич Бюркланд

аспирант кафедры теории
и методики физической культуры,
гимнастики и БЖД,
направление подготовки
49.06.01 — Физическая культура и спорт,
Удмуртский государственный университет
Ижевск, Российская Федерация
burkland99@mail.ru

Владимир Васильевич Новокрещенов

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры теории
и методики физической культуры,
гимнастики и БЖД,
Удмуртский государственный университет
Ижевск, Российская Федерация
sportm351@gmail.com

МОТИВАЦИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ К ЗАНЯТИЯМ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОНСТАТИРУЮЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ КОМАНДНОЙ МОДЕЛИ ПОДГОТОВКИ К ГТО (НА ПРИМЕРЕ МБОУ СОШ № 576 г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

5.8.4 — Физическая культура и профессиональное физическое образование

Аннотация. Работа направлена на выявление актуального состояния мотивации младших школьников к урокам физической культуры и обоснование необходимости разработки командной модели подготовки к выполнению нормативов комплекса ГТО. Эмпирической базой послужил констатирующий педагогический эксперимент, проведенный в 2025 г. на базе МБОУ СОШ № 576 г. Санкт-Петербурга с участием 112 учащихся 1 и 4 классов (по 56 чел. в каждой параллели). Мотивация рассматривается как интегральная личностная характеристика, определяющая отношение детей к двигательной активности. Установлено, что к 4 классу доля детей, идущих на урок с радостью, снижается с 50 до 21,4 %, рейтинг предмета падает с 1-го на 3-е место, а доля равнодушных к собственному успеху возрастает с 14,2 до 28,5 % ($p < 0,05$). При этом когнитивное понимание пользы физической активности сохраняется на уровне 100 %. Выявлены организационно-педагогические дефициты: доминирование нормативно-оценочного под-

хода, недостаток игровых технологий, слабая интеграция с семьей. Качественное своеобразие мотивационной сферы обусловлено возрастными особенностями — ростом значимости соревновательного компонента к 4 классу (с 57,1 до 71,4 %), отсутствием интереса к легкоатлетическим упражнениям (0 %), выраженным стремлением к коллективным играм. Опираясь на теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, обоснована необходимость перехода от индивидуально-нормативной модели к командной геймифицированной подготовке, интегрирующей нормативы ГТО. Полученные данные образуют эмпирическую базу для разработки модели «Команда ГТО», направленной на формирование устойчивой внутренней мотивации младших школьников к занятиям физической культурой.

Ключевые слова: мотивация, младшие школьники, физическая культура, комплекс ГТО, командная деятельность, геймификация, теория самодетерминации, педагогический эксперимент, констатирующее исследование, игровые технологии, соревновательная деятельность

Для цитирования: Бюркланд Б. С., Новокрещенов В. В. Мотивация младших школьников к занятиям физической культурой: результаты констатирующего исследования и предпосылки командной модели подготовки к ГТО (на примере МБОУ СОШ № 576 г. Санкт-Петербурга) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 273—279. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1657.

Original article

MOTIVATION OF PRIMARY SCHOOL CHILDREN FOR PHYSICAL EDUCATION LESSONS: RESULTS OF AN ASCERTAINING STUDY AND PREREQUISITES FOR A TEAM-BASED MODEL OF GTO TRAINING (CASE OF SECONDARY SCHOOL No. 576 IN St. PETERSBURG)

5.8.4 — Physical culture and professional physical training

Abstract. The work is aimed at identifying the current state of motivation of younger schoolchildren for physical education lessons and substantiating the need to develop a team model for preparing them to meet the standards of the GTO complex. The empirical basis was an ascertaining pedagogical experiment conducted in 2025 on the basis of Secondary School No. 576 in St. Petersburg with the participation of 112 students of grades 1 and 4 (56 people in each parallel). Motivation is considered as an integral personal characteristic that determines the attitude of children to physical activity. It was found that by the 4th grade, the proportion of children who enjoy PE lessons decreases from 50% to 21.4%, the subject's rating drops from 1st to 3rd place, and the proportion of children who are indifferent to their own results increases from 14.2% to 28.5% ($p < 0.05$). However, the cognitive understanding of the benefits of physical activity remains at 100%. The study identified organizational and pedagogical deficiencies, such as the dominance

of a normative-evaluative approach and a lack of game technologies. The qualitative specificity of the motivational sphere is conditioned by age-related characteristics — an increase in the importance of the competitive component by the 4th grade (from 57.1% to 71.4%), a lack of interest in track and field exercises (0%), and a pronounced desire for collective games. Based on the Self-Determination Theory of E. Deci and R. Ryan, the necessity of transitioning from an individual-normative model to team-based gamified training that integrates the GTO standards is substantiated. The data obtained form the empirical basis for developing the “GTO Team” model aimed at fostering sustainable intrinsic motivation in primary school children for physical education.

Keywords: motivation, primary school children, physical education, GTO complex, team activity, gamification, self-determination theory, pedagogical experiment, ascertaining study, gaming technologies, competitive activity

For citation: Burkland B. S., Novokreshchenov V. V. Motivation of primary school children for physical education lessons: results of an ascertaining study and prerequisites for a team-based model of GTO training (case of Secondary School No. 576 in St. Petersburg). *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):273—279. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1657.

Введение

Актуальность. Современное состояние здоровья детей младшего школьного возраста характеризуется устойчивой негативной динамикой: доля абсолютно здоровых первоклассников сокращается к выпуску из начальной школы с 29—30 до 10—12 %, более 85 % обучающихся имеют функциональные отклонения или хронические заболевания [1]. В этих условиях система физического воспитания нуждается не столько в увеличении часов, сколько в формировании у детей устойчивой внутренней мотивации к двигательной активности [2; 3]. Младший школьный возраст (6—11 лет) является сенситивным для становления «образа Я» физического и ценностного отношения к здоровью [4; 5], однако существующая практика уроков физической культуры зачастую ориентирована на формальное участие в выполнении нормативов, что, как показывают современные исследования, приводит к снижению интереса к предмету уже к 4 классу [6].

Изученность проблемы. Проблема формирования мотивации к занятиям физической культурой у младших школьников является междисциплинарной и исследуется как в педагогике, так и в возрастной психологии и теории физической культуры.

Фундаментальные основы мотивации деятельности заложены в трудах А. Н. Леонтьева [5] и Д. Б. Эльконина [6], которые рассматривали мотивацию как сложную, иерархически организованную систему, неразрывно связанную с ведущим типом деятельности. Л. С. Выготский [7] подчеркивал, что мотивационная сфера младшего школьника претерпевает качественные изменения в период кризиса семи лет и становления учебной деятельности как ведущей. Современное развитие эти идеи получили

в работах Т. О. Гордеевой, которая рассматривает структуру учебной мотивации, источники ее формирования и условия развития, а также предлагает современный диагностический инструментарий для ее измерения [8].

В современной теории физической культуры значительный вклад в понимание мотивации внесла Л. И. Лубышева [3; 4], которая в своих трудах обосновала необходимость перехода от нормативного подхода к формированию спортивной культуры личности, основанной на интересе и внутренней потребности в движении. Различные аспекты реализации комплекса ГТО как мотивационного фактора изучены в работах В. А. Уварова [9], выявившего системные противоречия в организации тестирования, а также А. Д. Слащевой [10], исследовавшей ценностное отношение к здоровью у детей. Процессуальные и организационные дефициты, снижающие мотивацию, проанализированы в работах Е. Н. Бобковой с соавторами [11], а также В. В. Новокрещенова и Н. Г. Соколовой [12]. В данных публикациях доказывается, что доминирование нормативно-оценочного подхода и слабая интеграция игровых технологий ведут к формализации занятий и потере интереса учащихся.

Особый пласт исследований посвящен современным образовательным технологиям. В работах зарубежных ученых, таких как Х. Фернандес-Рио с соавторами [13], В. Аруфе-Хиральдес с соавторами [14], а также Т. Джантакун с соавторами [15], эмпирически доказана эффективность геймификации для повышения вовлеченности и внутренней мотивации школьников на уроках физической культуры. Технологии геймификации и командной работы в отечественном образовании, в т. ч. применительно к цифровой трансформации комплекса ГТО, рассматриваются в работе Г. В. Романовой [16].

Методологической основой для разработки новых моделей физического воспитания выступает теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [17; 18], согласно которой внутренняя мотивация поддерживается удовлетворением трех базовых потребностей: в автономии, компетентности и связанности. Данная теория служит концептуальным каркасом для проектирования педагогических условий, способствующих переходу от внешней регуляции к внутренней саморегуляции деятельности. Масштабный метаанализ Д. Васконселлоса и коллег с участием Р. Райана [19] подтвердил применимость и эффективность теории самодетерминации именно в контексте физического воспитания школьников.

Несмотря на наличие значительного числа работ, посвященных отдельным аспектам проблемы, комплексные исследования, объединяющие диагностику актуальной мотивации, анализ организационных дефицитов и обоснование командной модели подготовки к Всероссийскому физкультурно-спортивному комплексу «Готов к труду и обороне» (далее — ГТО), адаптированной для учащихся начальной школы, до настоящего времени не проводились.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью преодоления разрыва между когнитивным пониманием важности физической активности (100 % учащихся 4 классов признают пользу физкультуры) и падением ее эмоциональной привлекательности (с 50 до 21,4 % детей, идущих на урок с радостью). Кроме того, обновленные государственные требования ГТО на 2023—2027 гг. предполагают обеспечение массовости и добровольности участия [12], что требует поиска новых организационно-методических подходов.

Цель исследования — выявить актуальное состояние мотивации младших школьников к урокам физической культуры и обосновать необходимость разработки командной модели подготовки к выполнению нормативов комплекса ГТО (на примере МБОУ СОШ № 576 г. Санкт-Петербурга).

Для реализации поставленной цели ставились **задачи**:

1. Определить динамику эмоционального отношения, предпочитаемых видов деятельности и места физической культуры в иерархии предметов у учащихся 1 и 4 классов.
2. Выявить организационно-педагогические дефициты в практике физического воспитания начальной школы и системные противоречия реализации ГТО.
3. Обосновать теоретико-методологические предпосылки разработки командной модели подготовки к ГТО.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

- выявлена полная картина динамики мотивации младших школьников к урокам физической культуры с 1 по 4 класс по комплексу показателей (эмоциональное отношение, переживание успеха, предпочитаемые виды деятельности, рейтинг предмета);
- систематизированы организационно-педагогические дефициты практики физического воспитания в начальной школе, влияющие на формирование мотивации;
- теоретически обоснована и эмпирически подтверждена необходимость перехода от индивидуально-нормативной модели к командной геймифицированной подготовке на основе интеграции нормативов ГТО и теории самодетерминации.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении структуры мотивации младших школьников к урокам физической культуры и выявлении ее динамики от 1 к 4 классу. Обоснована возможность применения теории самодетерминации к проблеме формирования мотивации в процессе подготовки к выполнению нормативов ГТО. Теоретически доказано, что удовлетворение базовых потребностей в компетентности, автономии и социальной связанности через командную геймифицированную деятельность способно трансформировать внешнюю мотивацию во внутреннюю.

Практическая значимость исследования заключается в создании диагностического инструментария, позволяющего определить уровень мотивации младших школьников к физкультурной деятельности, а также в формировании эмпирической базы, которая открывает возможности для внедрения командной модели подготовки к комплексу ГТО в образовательную практику. Для учителей физической культуры разработаны рекомендации по преобразованию учебного процесса: легкоатлетические упражнения целесообразно включать в игровой контекст, команды следует формировать устойчивыми и смешанными по составу, а система поощрения должна учитывать индивидуальный прогресс каждого ученика.

Основная часть

Методика и организация исследования. Исследование проводилось на базе МБОУ СОШ № 576 г. Санкт-Петербурга в 2025 г., в констатирующем этапе приняли участие 112 учащихся начальной школы. Выборка была разделена на две возрастные группы: первоклассники ($n = 56$, возраст 7—8 лет) и четвероклассники ($n = 56$, возраст 10—11 лет). Обе группы сопоставимы по гендерному составу, поскольку включали равное количество мальчиков и девочек, а предварительное тестирование не выявило статистически значимых различий по исходному уровню физической подготовленности ($p > 0,05$). Диагностический инструментарий включал:

1. Авторскую анкету на основе методики диагностики направленности учебной мотивации, адаптированную для младших школьников [1]. Анкета содержала вопросы об эмоциональном отношении к урокам, предпочитаемых видах деятельности, ранжировании предметов, понимании значимости физической культуры, самооценке успешности и внеурочной активности.
2. Проективную методику «Незаконченные предложения» (модификация методики Сакса—Леви) [20] для выявления глубинных, неосознаваемых мотивов. Учащимся предлагалось завершить предложения: «Занятия физкультурой для меня — это...», «Мне не нравится на физкультуре, когда...», «Больше всего на физкультуре я люблю...», «Играть в команде интереснее, чем одному, потому что...»
3. Полуструктурированное интервью с четырьмя учителями физической культуры (стаж работы от 5 до 25 лет) для выявления организационно-педагогических дефицитов.

Анкетирование проводилось в письменной форме на классных часах, анонимно и с соблюдением этических норм. Статистическую обработку данных выполняли с помощью пакета *IBM SPSS Statistics* (версия 26), применяя описательную статистику и критерий χ^2 Пирсона для сравнения долей при уровне значимости $p < 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное исследование позволило выявить тенденцию снижения мотивации младших школьников к урокам физической культуры к четвертому классу. Этот вывод подтверждается несколькими параметрами. Первый из них связан с эмоциональным отношением и переживанием успеха. Согласно данным табл. 1, половина первоклассников идет на урок физкультуры с радостью, тогда как среди четвероклассников доля таких учеников падает до 21,4 % ($\chi^2 = 9,14$; $p < 0,01$). Параллельно растет число детей, относящихся к урокам безразлично (с 42,9 до 57,2 %), а также тех, кто посещает занятия без желания (с 7,1 до 21,4 %; $\chi^2 = 4,00$; $p < 0,05$).

Таблица 1

**Эмоциональное отношение
к посещению урока физической культуры**

Вариант ответа	1 класс		4 класс		χ^2	Р
	N	%	N	%		
«С радостью, жду с нетерпением!»	28	50,0	12	21,4	9,14	<0,01
«Нормально, как на обычный урок»	24	42,9	32	57,2	1,14	>0,05
«Мне не очень хочется идти»	4	7,1	12	21,4	4,00	<0,05

Сходная тенденция проявляется и в переживании успеха, данные о котором представлены в табл. 2. Первokлассники в подавляющем большинстве реагируют на собственные достижения выраженными позитивными эмоциями: гордость или удовлетворение фиксируются у 85,8 % детей. К четвертому классу эта доля снижается до 71,5 %, тогда как число учеников, демонстрирующих равнодушие к собственному успеху, возрастает вдвое — с 14,2 до 28,5 % ($\chi^2 = 4,00$; $p < 0,05$).

Таблица 2

Эмоциональное переживание успеха на уроке

Вариант ответа	1 класс		4 класс		χ^2	Р
	N	%	N	%		
«Очень горжусь собой, радуюсь!»	24	42,9	16	28,55	2,29	>0,05
«Доволен(а), что научил(ась)»	24	42,9	24	42,9	0,00	>0,05
«Ничего особенного»	8	14,2	16	28,55	4,00	<0,05

Анализ предпочтений обнаружил заметные расхождения в структуре интересов первоклассников и четвероклассников, отраженные в табл. 3. Соревновательный компонент приобретает большую значимость к четвертому классу: доля выбравших его возрастает с 57,1 до 71,4 % ($\chi^2 = 2,29$; $p > 0,05$), что отражает формирующуюся потребность сопоставлять собственные достижения с результатами сверстников. Игры с мячом сохраняют устойчивую популярность в обеих возрастных группах (57,1 %). Вместе с тем ни один опрошенный — ни среди первоклассников, ни среди четвероклассников — не назвал легкоатлетические упражнения (бег, прыжки, метание) интересным видом деятельности, и этот нулевой показатель указывает на целесообразность интеграции подобных упражнений в игровой контекст урока.

Таблица 3

**Наиболее интересные элементы
урока физической культуры
(допускалось несколько ответов)**

Вариант ответа	1 класс		4 класс		χ^2	Р
	N	%	N	%		
Соревноваться с ребятами	32	57,1	40	71,4	2,29	>0,05
Играть в мяч	32	57,1	32	57,1	0,00	>0,05
Подвижные игры, эстафеты	24	42,9	16	28,6	2,29	>0,05
Учиться новым упражнениям	20	35,7	24	42,9	0,57	>0,05
Общаться с друзьями	8	14,3	0	0	6,00	<0,05

Динамика мотивации особенно заметна при ранжировании школьных предметов, представленном в табл. 4. Первokлассники ставят физкультуру на первое место с показателем 57,1 %, однако к четвертому классу она опускается на третью позицию (35,7 %), пропуская вперед математику (57,1 %) и окружающий мир (39,3 %). Такое смещение в рейтинге служит объективным индикатором снижения мотивации.

Таблица 4

**Выбор учащимися 1 и 4 классов
самых интересных предметов, %**

Ранг	1 класс		4 класс	
	Предмет	доля респондентов	Предмет	доля респондентов
1	Физкультура	57,1	Математика	57,1
2	ИЗО	50,7	Окружающий мир	39,3
3	Математика	50,1	Физкультура	35,7
4	Чтение	42,9	Чтение	32,1
5	Окружающий мир	28,6	Иностранный язык	28,5
6	Труд	21,4	Труд	28,6
7	Музыка	21,4	ИЗО	25,0
8	Иностранный язык	14,3	Музыка	10,7

Примечание: респонденты могли выбрать несколько предметов, сумма процентов превышает 100 %.

Когнитивное понимание значимости физической культуры сохраняется на высоком уровне в обеих возрастных группах, хотя эмоциональный фон снижается (табл. 5). Абсолютно все учащиеся согласны с утверждением, что физкультура нужна, «чтобы быть сильным, быстрым и ловким». К четвертому классу падает эмоциональная привлекательность предмета и интерес к самому процессу занятий, тогда как осознание их пользы для здоровья и физического развития остается неизменным.

Таблица 5

**Понимание значимости
уроков физической культуры
(допускалось несколько ответов)**

Вариант ответа	1 класс		4 класс	
	N	%	N	%
Чтобы быть сильным, быстрым и ловким	56	100	56	100
Чтобы быть здоровым и реже болеть	36	64,3	40	71,4
Чтобы научиться играть в спортивные игры	28	50,0	20	35,7
Чтобы отдохнуть от других уроков	12	21,4	16	28,6

Самооценка учебной успешности заметно снижается от первого к четвертому классу: если среди первоклассников высоко оценивают свои достижения на уроках 71,4 % детей, то к концу начальной школы этот показатель падает до 57,1 %. Параллельно появляется группа учащихся с низкой самооценкой, составляющая 7,1 % четвероклассников, тогда как в первом классе таких детей не фиксировалось вовсе. Схожую динамику демонстрирует и внеурочная активность: доля школьников, занимающихся в спортивных секциях, уменьшается с 85,7 до 64,3 %.

Таблица 6

**Самооценка успешности
на уроках физической культуры**

Вариант ответа	1 класс		4 класс	
	N	%	N	%
Высокая	40	71,4	32	57,1
Средняя	16	28,6	20	35,7
Низкая	0	0	4	7,1

Выявление организационно-педагогических дефицитов. Интервью с учителями и наблюдения позволили выделить пять устойчивых дефицитов:

1. Доминирование нормативно-оценочного подхода. Учебный процесс строится по схеме тренировки и последующего контроля выполнения нормативов, что приводит к ранней дифференциации детей на «успешных» и «неуспешных».

2. Недостаток игровых и сюжетно-ролевых технологий. Игра используется эпизодически, не выступает сквозным методическим принципом.

3. Отсутствие системной индивидуализации. Урок ориентирован на условного «среднего» ученика.

4. Ограниченность ресурсов для разнообразной активности. Материально-техническое оснащение стандартизировано под выполнение узкого набора нормативов.

5. Слабая интеграция с семьей. Работа с родителями сводится к формальному информированию.

Системные противоречия реализации комплекса ГТО. Выявлены три основных противоречия:

- между унифицированной нормой и индивидуальными возможностями детей;
- между декларируемой добровольностью и административным принуждением;
- между воспитательной целью и контрольно-оценочной функцией.

Анализ результатов проективной методики. Контент-анализ завершений предложений показал характерную динамику: первоклассники демонстрируют преимущественно позитивные ассоциации с уроками физкультуры, описывая ее как веселое занятие и выражая радость от бега и прыжков. К четвертому классу картина меняется, и в ответах начинают преобладать нейтральные или негативные формулировки, связанные со сдачей нормативов, принуждением и страхом неудачи. При этом предложение о командной игре большинство четвероклассников (71,4 %) завершили позитивно, упоминая взаимную поддержку, совместное веселье и чувство единства. Это свидетельствует о том, что потенциал командной работы у детей сохраняется, несмотря на общее снижение интереса к урокам физической культуры.

Такая картина согласуется с возрастной динамикой, которую анализировали Л. С. Выготский [7] и Д. Б. Эльконин [6]. Кризис семи лет уступает место формированию

произвольности, но когда учебная деятельность не приносит удовольствия, внешняя мотивация утрачивает действенность — без эмоционального подкрепления она попросту перестает работать.

Легкоатлетические упражнения не вызывают интереса ни в одной из возрастных групп, что ставит перед педагогами задачу интеграции этих видов деятельности в игровой формат: командные эстафеты, квесты, челленджи способны сделать бег, прыжки и метания привлекательными для младших школьников. К четвертому классу значимость соревновательного компонента возрастает до 71,4 %, и дети оказываются готовы к здоровой конкуренции. Однако ее следует выстраивать через командное взаимодействие, где ценится вклад каждого участника, а не через индивидуальное ранжирование.

Данный вывод согласуется с теорией самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [17; 18], согласно которой удовлетворение потребности в связанности (принадлежности к команде) и компетентности (видимый прогресс) способно трансформировать внешнюю мотивацию во внутреннюю. Метаанализ Д. Васконселлоса с соавторами [19] подтвердил, что педагогические стратегии, поддерживающие автономию, компетентность и связанность, дают устойчивый положительный эффект на уроках физической культуры. Зарубежные исследования [13—15] показывают, что добавление командного зачета, геймифицированных челленджей и визуализации прогресса приводит к статистически значимому росту вовлеченности. Выявленные дефициты согласуются с данными В. А. Уварова [9] и Е. Н. Бобковой [11], которые свидетельствуют, существующая практика не использует мотивационный потенциал комплекса ГТО и сводит его к формальному тестированию.

Основой для проектирования модели формирования мотивации послужила интеграция нескольких теоретико-методологических подходов. Системный подход в его современном понимании [21] позволяет рассматривать процесс формирования мотивации как целостную систему взаимосвязанных элементов. Деятельностный подход (А. Н. Леонтьев [5], Д. Б. Эльконин [6]) исходит из того, что мотивация формируется и проявляется в самой деятельности, где ребенок выступает ее субъектом. Теория самодетерминации (Э. Деси и Р. Райан [17; 18]) утверждает, что для формирования внутренней мотивации необходимо удовлетворение трех базовых потребностей: в компетентности, автономии и связанности. Средовой подход (В. А. Ясвин [22]) предполагает проектирование образовательной среды, стимулирующей активность и самостоятельность ребенка. Аксиологический подход [3; 4] направлен на трансформацию внешних стимулов (значок ГТО) во внутренние ценности. На основе синтеза этих подходов сформулированы принципы реализации модели: геймификация, социальная связанность, движение от простого к сложному, наглядность и обратная связь, интеграция нормативных требований в контекст совместной деятельности.

Комплекс ГТО выбран в качестве содержательного ядра модели командной подготовки по следующим причинам:

- 1) структурированность и измеримость целей;
- 2) сочетание внешней и потенциальной внутренней мотивации;
- 3) соответствие возрастным особенностям младших школьников;
- 4) государственная значимость и социальное признание;
- 5) возможность системного мониторинга;
- 6) ресурс для геймификации и командной работы.

Выводы

Проведенное констатирующее исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. К четвертому классу эмоциональная привлекательность уроков физической культуры у младших школьников заметно снижается. Если среди первоклассников половина детей идет на урок с радостью, то к концу начальной школы таких остается лишь каждый пятый — доля падает с 50 до 21,4 % ($p < 0,01$). Одновременно растет равнодушие к собственным достижениям: число учеников, безразличных к успеху на уроке, увеличивается с 14,2 до 28,5 % ($p < 0,05$). Показательна и динамика в иерархии школьных предметов — физкультура опускается с первого места на третье. Примечательно, что когнитивное понимание пользы двигательной активности при этом сохраняется на максимальном уровне: все опрошенные школьники (100 %) признают ее значимость для здоровья.
2. Выявлены устойчивые организационно-педагогические дефициты (доминирование нормативно-оценочного подхода, недостаток игровых технологий, отсутствие

индивидуализации, слабая интеграция с семьей) и системные противоречия реализации ГТО (унифицированная норма и индивидуальные возможности; добровольность и принуждение; воспитательная цель и контрольно-оценочная функция).

3. Рост значимости соревновательного компонента к 4 классу (до 71,4 %) и полное отсутствие интереса к легкоатлетическим упражнениям (0 %) указывают на необходимость трансформации нормативов ГТО в командные игровые форматы (эстафеты, челленджи, квесты) с сохранением измеримости результатов.

4. Теоретико-методологическими предпосылками командной модели подготовки к ГТО выступают: системный подход, деятельностный подход, теория самодетерминации (Э. Деси, Р. Райан), личностно-ориентированный и аксиологический подходы, которые позволяют удовлетворить базовые потребности младших школьников в компетентности, автономии и социальной связанности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коротина Л. А., Рябчук В. В., Живодёров А. В., Живодёров В. А. Исследование формирования мотивации к двигательной активности у детей младшего школьного возраста с использованием комплексной методики // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2021. № 2(192). С. 138—142.
2. Сковронская П. С. Пути повышения мотивации обучающихся к систематическим занятиям физической культурой и спортом // Научный Лидер. 2023. № 50(148). С. 110—113.
3. Лубышева Л. И., Загrevская А. И. Структура и содержание спортивной культуры личности // Теория и практика физической культуры. 2013. № 3. С. 7—16.
4. Лубышева Л. И. Развитие субъективности личности в контексте ценностей физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2023. № 8. С. 101—106.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат, 1975. 303 с.
6. Эльконин Д. Б. Детская психология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / ред.-сост. Б. Д. Эльконин. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007. 384 с.
7. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М. : Педагогика, 1991. 479 с.
8. Гордеева Т. О., Сычев О. А. Методика диагностики удовлетворенности базовых психологических потребностей у школьников // Экспериментальная психология. 2024. Т. 17. № 4. С. 222—236. DOI: 10.17759/exppsy.2024170415.
9. Уваров В. А., Новокрещенов В. В. Теоретико-методологические основы научного обоснования всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) // Вестник ИжГТУ имени М. Т. Калашникова. 2017. Т. 20. № 3. С. 142—147. DOI: 10.22213/2413-1172-2017-3-142-147.
10. Слащева А. Д. Формирование ценностного отношения к здоровому образу жизни в младшем школьном возрасте на уроках физической культуры // образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2024. № 2. С. 252—255.
11. Бобкова Е. Н., Виноградова Л. В., Зюрин Э. А., Петрук Е. Н. ВФСК ГТО: состояние и перспективы развития // Теория и практика физической культуры. 2023. № 4. С. 110—112.
12. Новокрещенов В. В., Соколова Н. Г. Анализ организации комплекса ГТО и его реализация в системе общего образования Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 452—466. DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-4-452-466.
13. Gamification and physical education. Viability and preliminary views from students and teachers / J. Fernandez-Rio, E. de las Heras, T. González et al. // *Physical Education and Sport Pedagogy*. 2020. Vol. 25. Iss. 5. Pp. 509—524. DOI: 10.1080/17408989.2020.1743253.
14. Arufe-Giráldez V., Sanmiguel-Rodríguez A., Ramos-Álvarez O., Navarro-Patón R. Gamification in Physical Education: A Systematic Review // *Education Sciences*. 2022. Vol. 12. Iss. 8. Art. 540. DOI: 10.3390/educsci12080540.
15. Promoting Physical and Mental Health among Children and Adolescents via Gamification—A Conceptual Systematic Review / E. Gkintoni, F. Vantaraki, C. Skoulidi et al. // *Behavioral Sciences*. 2024. Vol. 14. Iss. 2. Art. 102. DOI: 10.3390/bs14020102.
16. Романова Г. В. Проект «цифровое ГТО»: проблемы и перспективы // Молодой ученый. 2025. № 49(600). С. 750—752.
17. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York : Guilford Press, 2017. 756 p.
18. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American Psychologist*. 2000. Vol. 55. No. 1. Pp. 68—78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
19. Self-determination theory applied to physical education: A systematic review and meta-analysis / D. Vasconcellos, P. D. Parker, T. Hilland et al. // *Journal of Educational Psychology*. 2020. Vol. 112. No. 7. Pp. 1444—1469. DOI: 10.1037/edu0000420.

20. Пахомов А. П. Методика «Незаконченные предложения» Сакса—Леви как учебное пособие // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 4. С. 99—116.
21. Иванова С. В. Междисциплинарность и системный подход как методологические основы исследования образовательного пространства // Отечественная и зарубежная педагогика. 2022. № 6(88). Т. 1. С. 7—18. DOI: 10.24412/2224-0772-2022-88-7-18.
22. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. 2-е изд., испр. и доп. М. : Смысл, 2020. 366 с.

REFERENCES

1. Korotina L. A., Ryabchuk V. V., Zhivoderov A. V., Zhivoderov V. A. Study of the formation of motivation for motor activity among the children of primary school age by using comprehensive methodology. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2021;2(192):138—142. (In Russ.)
2. Skovronskaya P. S. Ways to increase students' motivation for systematic physical education and sports. *Nauchnyi Lider*. 2023;50(148):110—113. (In Russ.)
3. Lubyshcheva L. I., Zagrevskaya A. I. Structure and content of personal sports culture. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2013;3:2.
4. Lubyshcheva L. I. Development of personality subjectivity in the context of physical culture values. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and Practice of Physical Culture*. 2023;8:101—106. (In Russ.)
5. Leont'ev A. N. Activity. Consciousness. Personality. Moscow, Publishing House of the Political Literature, 1975. 303 p. (In Russ.)
6. El'konin D. B. Child psychology. Teaching aid for students of institutions of higher education. D. B. El'konin (ed.). 4th ed. Moscow, Akademiya, 2007. 384 p. (In Russ.)
7. Vygotsky L. S. Pedagogical psychology. V. V. Davydov. (ed.). Moscow, Pedagogika, 1991. 479 p. (In Russ.)
8. Gordeeva T. O., Sychev O. A. Development of the Basic Psychological Needs at School Scale. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*. 2024;17(4):222—236. (In Russ.). DOI: 10.17759/exppsy.2024170415.
9. Uvarov B. A., Novokreshchenov B. B. Theoretical and Methodological Basis of the Scientific Substantiation of the All-Russian Physical and Sport Complex "Ready to Work and Defense" (GTO). *Vestnik IzhGTU imeni M.T. Kalashnikova = Vestnik IzhGTU Imeni M.T. Kalashnikova*. 2017;20(3):142—147. (In Russ.) DOI: 10.22213/2413-1172-2017-3-142-147.
10. Slasheva A. D. Formation of value attitude to healthy lifestyle in primary school age at physical education lessons. *Obrazovanie i nauka bez granits: sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2024;2:252—255. (In Russ.)
11. Bobkova E. N., Vinogradova L. V., Zyurin E. A., Petruk E. N. Prospects for the development of the VFSK GTO, taking into account the monitoring data of test results. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2023;4:72—75.
12. Novokreshchenov V., Sokolova N. Analysis of the GTO complex organization and its implementation in the system of general education of the Udmurt Republic. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2022;32(4):452—466. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9550-2022-32-4-452-466.
13. Fernandez-Rio J., de las Heras E., González T. et al. Gamification and physical education. Viability and preliminary views from students and teachers. *Physical Education and Sport Pedagogy*. 2020;25(5):509—524. DOI: 10.1080/17408989.2020.1743253.
14. Arufe-Giráldez V., Sanmiguel-Rodríguez A., Ramos-Álvarez O., Navarro-Patón R. Gamification in Physical Education: A Systematic Review. *Education Sciences*. 2022;12(8):540. DOI: 10.3390/educsci12080540.
15. Gkintoni E., Vantaraki F., Skoulidi C. et al. Promoting Physical and Mental Health among Children and Adolescents via Gamification—A Conceptual Systematic Review. *Behavioral Sciences*. 2024;14(2):102. DOI: 10.3390/bs14020102.
16. Romanova G. V. The "Digital GTO" project: problems and prospects. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;49(600):750—752. (In Russ.)
17. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York, Guilford Press, 2017. 756 p.
18. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68—78. DOI: 10.1037/0003-066X.55.1.68.
19. Vasconcellos D., Parker P. D., Hilland T. et al. Self-determination theory applied to physical education: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Educational Psychology*. 2020;112(7):1444—1469. DOI: 10.1037/edu0000420.
20. Pakhomov A. P. The sentence completion test (Sacks & Levy) as a training manual. *Ekspperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*. 2012;5(4):99—116. (In Russ.)
21. Ivanova S. V. Interdisciplinarity and a systemic approach as methodological foundations for the study of educational space. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2022;6(88):1-7—18. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2022-88-7-18.
22. Yasvin V. A. Educational environment: from modeling to design. 2nd ed. Moscow, Smysl, 2020. 366 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья**УДК 37.01****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1640****Alexey Valerievich Zhdanov**

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory and Methods
of Continuous Pedagogical Education
of the Institute of Pedagogy,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
alex234111@yandex.ru

Алексей Валерьевич Жданов

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики
непрерывного педагогического образования
Института педагогики,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
alex234111@yandex.ru

Anastasia Vladimirovna Mishchuris

Candidate of Pedagogy,
Senior Lecturer
of the Department of History of Pedagogy of Education
of the Institute of Pedagogy,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
mishchuris@mail.ru

Анастасия Владимировна Мищурис

канд. пед. наук,
старший преподаватель
кафедры истории педагогики образования
Института педагогики,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
mishchuris@mail.ru

Alexander Vyacheslavovich Tryapitsyn

Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Department of Theory and Methods
of Continuous Pedagogical Education
of the Institute of Pedagogy,
Herzen State
Pedagogical University
Saint Petersburg, Russian Federation
triap2006@mail.ru

Александр Вячеславович Тряпицын

д-р пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и методики
непрерывного педагогического образования
Института педагогики,
Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
triap2006@mail.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СОВМЕСТНЫХ ПРОЕКТОВ СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Актуальность представленного в статье исследования обусловлена современными вызовами, стоящими перед университетами, в т. ч. педагогическими. Особое внимание уделяется их социальной миссии, которая, наряду с образовательной и исследовательской функциями, является ключевой в формировании современного педагога как специалиста, способствующего прогрессу общества. Цели статьи состоят в анализе деятельности студенческих научных сообществ (СНО) как формы участия студентов на основе совместных проектов в реализации социальной функции педагогического университета, а также научно-методической поддержки данных сообществ как фундаментального фактора, способствующего раскрытию научного потенциала обучающихся и улучшению в целом качества образования будущих педагогов. Для достижения поставленных целей были применены общетеоретические методы и использованы материалы научных публикаций и примеры практического опыта Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена по реализации научно-методической поддержки совместных проектов студенческого научного сообщества в расширенном социально-образовательном пространстве. Проведенный анализ позволил выявить, что одним из базовых аспектов содержания деятельности СНО, связан-

ных с социальной функцией педагогического университета, является разработка и реализация совместных социальных проектов. Через участие в совместных проектах студенты получают уникальную возможность реализовать свои инициативы. Это обогащает их как личность, так и профессионально, а также позволяет внести вклад в решение социально значимых вопросов. Такие проекты облегчают адаптацию молодежи в обществе, формируют активную гражданскую позицию и стимулируют их к участию в общественной жизни. Анализ современных исследований опыта научно-методической поддержки совместных студенческих проектов также определил обоснование ее необходимости, которая заключается в формировании благоприятной среды для успешного выполнения проектов, поощрении проявления студенческой инициативы, обеспечении слаженной координации действий и достижении максимальной эффективности результатов.

Ключевые слова: педагогический университет, социальная функция педагогического университета, студенческие объединения, студенческое научное общество, совместные социальные проекты, научно-исследовательские социальные инициативы, социальные партнерские отношения, научный потенциал студентов, научно-методическая поддержка, грантовая поддержка

Финансирование: исследование выполнено в рамках внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 44/ВГ «Трансформация профессиональной подготовки будущих педагогов в контексте социальной функции современного университета»).

Для цитирования: Жданов А. В., Мишуриис А. В., Тряпицын А. В. Научно-методическая поддержка совместных проектов студенческих научных объединений в контексте реализации социальной функции педагогического университета // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 280—287. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1640.

Original article

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR JOINT PROJECTS OF STUDENT SCIENTIFIC ASSOCIATIONS IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL FUNCTION OF A PEDAGOGICAL UNIVERSITY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The relevance of this article is due to the modern challenges facing universities, including pedagogical ones. Special attention is paid to their social mission, which, along with educational and research functions, is key in shaping a modern teacher as a specialist contributing to the progress of society. The objectives of the article are to analyze the activities of student scientific associations as a form of student participation based on joint projects in the implementation of the social function of the pedagogical university, as well as scientific and methodological support for these communities as a fundamental factor contributing to the disclosure of the scientific potential of students and improving the overall quality of education for future teachers. To achieve the set objectives, general theoretical methods were employed, and materials from scientific publications and examples of practical experience from Herzen Russian State Pedagogical University were utilized to provide scientific and methodological support for joint projects of the student scientific association within an expanded socio-educational environment. The analysis revealed that one of the basic aspects*

of the student scientific associations' activities related to the social function of the pedagogical university is the development and implementation of joint social projects. Through participation in joint projects, students get a unique opportunity to realize their initiatives. This enriches them both personally and professionally, and also allows them to contribute to solving socially significant issues. Such projects facilitate the adaptation of young people in society, form an active civic position and encourage them to participate in public life. An analysis of modern research on the experience of scientific and methodological support for joint student projects has also determined the rationale for its necessity, which is to create a favorable environment for the successful implementation of projects, encourage student initiative, ensure coordination of actions and maximization of results.

Keywords: *pedagogical university, social function of pedagogical university, student associations, student scientific association, joint social projects, research social initiatives, social partnerships, scientific potential of students, scientific and methodological support, grant support*

Funding: The research was carried out within the framework of an internal grant from Herzen Russian State Pedagogical University (project No. 44/VG “Transformation of professional training of future teachers in the context of the social function of a modern university”).

For citation: Zhdanov A. V., Mishchuris A. V., Tryapitsyn A. V. Scientific and methodological support for joint projects of student scientific associations in the context of the social function of a pedagogical university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):280—287. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1640.

Введение

Актуальность. Социальная функция университета является центральным элементом его существования, тесно интегрированным с образовательной, исследовательской и воспитательной деятельностью. Она определяет, как вуз отвечает на запросы общества и региона, и какой вклад он вносит в их социальное развитие. Значимость реализации социальной функции университета продиктована актуальными проблемами, с которыми сталкиваются современные вузы, включая те, что специализируются на педагогическом образовании. Подготовка педагога нового поколения требует особого акцента на формировании педагогических компетенций, способствующих прогрессу общества, которые заключаются в умении педагога формировать целостную личность, культивировать социально ценные черты характера, пробуждать в обучающихся стремление к активному участию и вносить вклад в социально-экономическое и духовное обогащение общества. Эти компетенции охватывают как профессиональную подготовку и навыки, так и индивидуальные характеристики личности будущего педагога.

Цель исследования заключается в уточнении роли студенческих научных обществ (далее — СНО) в контексте их вклада в выполнение социальной миссии педагогического университета через совместные проектные инициативы и анализе содержания научно-методической поддержки этих сообществ, как ключевого элемента, способствующего развитию научного потенциала студентов и повышению общего уровня подготовки будущих педагогов. Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие **задачи**: изучить ряд современных исследований по проблемам осмысления социальной функции и современного педагогического университета, проанализировать деятельность СНО как формы участия студентов в реализации социальной функции педагогического университета, раскрыть содержание научно-методической поддержки данных сообществ и роль совместных проектов с участием СНО как фактора выявления научного потенциала обучающихся и улучшению в целом качества образования будущих педагогов.

Изученность проблемы. В работах ряда современных исследователей социальная функция связывается с концепциями «третьей миссии» университета, как миссии социального развития и взаимодействия с обществом. Об этом в своих исследованиях указывают, в частности, З. К. Тавбулатова и Х. Г. Чаплаев [1], А. В. Жданов, А. В. Мишуриц и А. В. Тряпицын [2], Л. В. Ведерникова [3] и др. В научно-гуманитарных исследованиях пока не сложилось единого понимания «третьей миссии» университета. Однако большинство авторов, подчеркивает З. К. Тавбулатова [1], определяют третью миссию как вклад университетского образования в социальный прогресс, участие в социальных процессах, формировании человеческого капитала. Социальная функция университета — это не просто дополнение к его основным задачам, а неотъемлемая часть его предназначения, заключающаяся в содействии общественному прогрессу, решению социальных вызовов, распространении научных знаний и формировании у студентов активной гражданской позиции.

Анализ психолого-педагогических исследований таких авторов, как М. В. Сычева [4], А. Д. Абашина и Е. И. Бражник [5], Ю. С. Пежемская с соавторами [6], С. Д. Липатова и Е. А. Хохлева [7], С. А. Писаревас соавторами [8] и др., показывает, что в настоящее время у студентов педагогических вузов возникает запрос на более определенное структурирование вариантов их участия в жизни университета, в т. ч. реализации его социальной функции. Одним из таких вариантов участия выступают студенческие объединения, в т. ч. СНО. Студенческое научное общество — это активная студенческая инициатива в педагогическом университете, направленная на реализацию его социальной миссии. Объединяя студентов, увлеченных наукой, СНО создает условия для углубления их профессиональных компетенций, развития исследовательских способностей и активного участия в жизни университета и общества — по результатам проведенных ими исследований утверждают В. С. Елагина [9], С. П. Мельгунов [10], А. В. Кандаурова [11], М. С. Петрова, А. А. Корсакова и П. А. Смирнов [12], Ю. С. Матросова, И. В. Гладкая и С. А. Суворова [13], Т. Л. Стенина [14] и др.

Научная новизна исследования заключается в интеграции проблемы научно-методической поддержки совместных проектов СНО с проблемой реализации социальной функции педагогического университета, включая анализ того, как научно-методическая деятельность СНО способствует реализации социальных задач вуза, например, вовлечению студентов в общественно полезную деятельность, формированию их социальной активности, профессиональному самоопределению.

Теоретическая значимость данного исследования определяется обогащением представлений о СНО как одном из ключевых элементов образовательной среды, стимулирующим научные исследования, развитие научного потенциала, инновационную активность и профессиональное развитие студентов, а также теоретическим осмыслением взаимосвязи науки и социальной роли университета. Исследование предлагает новый взгляд на то, как научно-исследовательская деятельность студентов соотносится с выполнением педагогическими университетами своей социальной функции. Особое внимание уделяется тому, как научно-методическая поддержка совместных проектов может стать инструментом для подготовки специалистов, готовых к вызовам современного общества, и для решения насущных проблем. В итоге, работа способ-

ствует развитию теоретических основ организации студенческой науки, углублению понимания роли научно-методической поддержки в реализации социальной миссии вуза и, как следствие, повышению качества образования.

Практическая значимость материалов статьи состоит в конкретизации описания, как педагогический университет может выступать в роли активного участника в решении социальных проблем, способствуя развитию у молодого поколения, как профессиональных навыков, так и гражданской позиции, а также укрепляя взаимосвязь между системой педагогического образования и обществом. Одним из базовых аспектов содержания деятельности СНО, связанных с социальной функцией педагогического университета, определяется разработка и реализация совместных социальных проектов. Такая практика стимулирует студентов к практическому применению академических знаний в контексте решения актуальных общественных задач, развивая при этом их аналитические способности, компетенции в области проектного менеджмента и социальную ориентированность. В рамках деятельности СНО совместные исследовательские проекты выступают как фундаментальный элемент в выполнении вузом его социальной миссии, охватывая при этом широкий спектр задач социального взаимодействия, содействия в профессиональном становлении и налаживания прочных социальных партнерских отношений с образовательными организациями, институтами социальной защиты семьи и детства, общественными объединениями. А. Д. Абашина и Е. И. Бражник подчеркивают, что через совместные проекты реализуются студенческие инициативы, которые не только обогащают студентов в личностном и профессиональном плане, но и служат инструментом для решения социально значимых вопросов, облегчают вхождение молодежи в общество, развивают чувство гражданской ответственности и стимулируют социальную активность [5]. Совместная проектная деятельность объединяет студентов и преподавателей, а также налаживают сотрудничество с внешними партнерами (образовательными и социальными организациями, другими вузами). Цель такой деятельности — решение насущных общественных проблем, формирование у студентов навыков исследовательской работы и подготовка их к будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, совместные проекты СНО становятся важным инструментом реализации социальной функции педагогического университета, способствуя как личностному развитию студентов, так и решению общественных задач.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Исследование проведено в 2025 г. в институте педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург; далее — РГПУ). В исследовании были использованы следующие материалы: научные публикации по проблеме научно-методической поддержки совместных проектов СНО в контексте реализации социальной функции университета; практический опыт РГПУ по реализации научно-методической поддержки совместных проектов в деятельности СНО в расширенном социально-образовательном пространстве. В исследовании были использованы общепринятые теоретические методы.

Результаты исследования. Создание условий для самореализации студентов, развития их социальной активности, поддержки инициатив и интеграции в социокультурную среду вуза — это ключевая задача университета в рамках его социальной функции. Научно-методическая поддержка совместных проектов СНО является актуальным инструментом достижения этой цели. Она представляет собой комплекс мер, включающий нормативно-правовое регулирование, методическое сопровождение, координацию деятельности, оценку эффективности и другие составляющие процесса.

Проблема создания и научно-методической поддержки научных сообществ студентов стала особенно востребованной в отечественном опыте деятельности педагогических вузов, начиная с 2021 года, объявленного в России Годом науки и технологий, а также в связи с образованием Министерства науки и высшего образования РФ — учредителя всех государственных высших учебных заведений. С того момента внимание к научной области усилилось со стороны всех общественных институтов.

Концептуальная база деятельности СНО в педагогическом вузе формируется на основе, как федеральных нормативных актов, так и локальных документов конкретного учебного заведения. К федеральному уровню относятся Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который определяет права и обязанности учебных заведений и студентов, включая положения об участии в научной, технической и творческой деятельности, Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике», устанавливающий основы научно-исследовательской деятельности в России, в т. ч. в высших учебных заведениях, и Типовое положение о СНО образовательной организации высшего образования, утвержденное Министерством науки и высшего образования РФ от 16 сентября 2021 г. № МН-11/74-ГГ. В Типовом положении СНО определяется как добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе обучающихся для научно-исследовательской, инновационной и научно-просветительской деятельности. На основе типового положения разрабатываются уставы и положения конкретных организаций высшего образования. Например, В РГПУ функционирование СНО регламентируется Положением о студенческом научном обществе. Данный документ был утвержден решением президиума ученого совета университета в 2022 г. Ключевыми задачами СНО являются создание благоприятной среды для раскрытия и применения научного потенциала студентов, развитие их исследовательских навыков, а также поддержка и организация научно-исследовательской и научно-просветительской работы в стенах университета. Так, А. В. Жданов, А. В. Мищури и А. В. Тряпицын дополнительно акцентируют внимание на значимость преподавателя как сотрудника вуза поддерживать развитие студенческого потенциала и исследовательских навыков, как составляющей социальной функции современного университета [2].

Государственная политика, направленная на поддержку университетской системы, отражает осознание ключевой роли квалифицированных специалистов в решении масштабных вопросов, стоящих перед страной. В Послании Федеральному Собранию РФ от 21 февраля 2023 г. Президент РФ отдельно акцентировал необходимость мер по усилению потенциала высших учебных заведений.

В этом контексте особую значимость приобретает интеграция образовательного процесса и научных изысканий через активизацию участия студентов в исследовательской работе, независимо от их специальности.

Формирование и развитие на факультетах и в вузах университетов научных сообществ, состоящих из студентов, представляет собой действенный инструмент вовлечения молодежи в исследовательскую среду. Можно сказать, что активность студента в СНО стимулирует его интеллектуальную любознательность, формирует навыки научного поиска, усиливает учебную и познавательную мотивацию, способствует академической мобильности и росту научной культуры. Это также воспитывает личную инициативу, обеспечивает более глубокое знакомство с будущей профессиональной сферой (и собственными перспективами в ней), учит самостоятельной работе с источниками и выстраиванию профессиональных связей внутри научного сообщества. С другой стороны, такая практика создает в вузе динамичную научную среду, открытую для инноваций и способную оперативно отвечать на новые социальные вызовы и информационные тренды.

Данный феномен имеет глубокие исторические корни в российском высшем образовании. Зарождение в университетах научных кружков и обществ студентов, как отмечает С. П. Мельгунов, относят к 1750-м гг. К исходу XVIII в. подобные сообщества создавались уже с установкой на «более успешную научную и просветительскую деятельность», а к 1912 г., как указывал Б. Фроммет, их главной функцией становится формирование «научного профессионализма» [10]. Следовательно, возникновение СНО исторически совпадает с периодом основания первых российских университетов, а их ценность изначально усматривалась в привлечении к развитию науки талантливой и увлеченной молодежи. Такие будущие профессионалы способны предлагать свежие идеи, мыслить нетривиально и быстро откликаться на изменения в академической и социальной сфере.

Таким образом, с момента своего основания, СНО выполняли функцию катализатора для реализации творческого и исследовательского потенциала обучающейся молодежи. Они предоставляли платформу для конструирования индивидуальных образовательных траекторий, формулирования оригинальных научных запросов и последующего представления и обсуждения полученных результатов, ориентированных на решение современных социальных проблем и прогнозирование перспектив общественно-го развития.

В современных условиях, научно-методическое сопровождение работы СНО в педагогических вузах остается фундаментальным фактором, способствующим раскрытию научного потенциала обучающихся, развитию их профессиональных навыков и, как следствие, улучшению качества образования будущих педагогов.

Проблема научно-методической поддержки деятельности СНО в педагогическом вузе является предметом ряда современных исследований (Л. В. Ведерникова, И. В. Гладкая, Т. Г. Голубева, К. С. Наговицын, Е. А. Окладникова и др.). В частности, в трудах А. В. Кандауровой детально анализируются аспекты ценностно-смысловых установок о труде и трудовом воспитании [6] и модель организации СНО в Институте педагогики РГПУ. Исследователь выделяет предложенную в институте структуру СНО, которая состоит из следующих направлений: научно-исследовательского, проектной деятельности в образовательной

и социальной сферах, связей с общественностью и информационно-аналитической работы. Координация всей деятельности возлагается на председателя СНО. В статье поднят вопрос о популяризации науки среди молодежи через деятельность СНО. А. В. Кандаурова отмечает, что популяризация науки — это ключевой элемент, способствующий притоку в научные сообщества значительного числа университетских студентов, среди которых могут оказаться будущие видные ученые. Хотя при вузах и существуют различные внеучебные объединения, вопросами популяризации и продвижения науки обычно занимаются специалисты, давно завершившие обучение. Несмотря на их бесценный опыт, им не всегда удается определить и применить те маркетинговые подходы, которые были бы наиболее интересны и актуальны для современного студента [11].

Целостная система современного СНО педагогического университета ориентирована на гармоничное развитие личности обучающихся. Это достигается за счет их вовлеченности в многообразные аспекты жизни вуза: культурные, общественные и спортивные мероприятия, которые дополняют академическую и исследовательскую работу. Данный подход полностью отвечает стратегическим целям российского высшего образования, направленным на воспитание эрудированных, профессиональных и востребованных на рынке труда специалистов, готовых ответить на вызовы времени. Все это помогает современным студентом, с одной стороны — в процессе самореализации, а с другой — поддерживает реализацию социальной функции университета.

По определению Л. В. Ведерниковой, научно-методическая поддержка совместных проектов студенческих объединений в контексте реализации социальной функции университета — это комплекс мер, направленных на организацию и координацию деятельности студенческих инициатив, формирование условий для их реализации, сопровождение научно-исследовательской и проектной деятельности студентов, а также на обеспечение взаимодействия между СНО, кафедрами, другими подразделениями вуза и внешними организациями [3].

Научно-методическая поддержка совместных студенческих проектов направлена на создание оптимальных условий для их реализации, стимулирование развития инициатив, эффективную координацию и повышение общей результативности. Это достигается через комплекс мер, охватывающих организационные, методические, финансовые и иные аспекты [12].

Ключевые области научно-методической поддержки включают в себя несколько аспектов, которые отражены в ряде современных исследований:

- организация обучающихся мероприятий (тренингов, семинаров, мастер-классов и др.) по управлению проектами, командному взаимодействию, общественной деятельности, добровольчеству и наставничеству и другим смежным темам, что позволяет студентам приобретать нужные компетенции (В. В. Авдеев, Т. Ю. Базаров, Т. П. Галкина, В. П. Дудяшова, Т. С. Пырков, В. П. Пугачев, С. Д. Резник, И. В. Рыбкин и др.);

- помощь в исполнении проектов, включая поиск ресурсов (финансовых, материально-технических, информационных), предоставление консультационной поддержки, помощь в подготовке грантовых заявок и участии в конкурсах различных масштабов (Т. С. Моспан, Н. П. Русинова, К. С. Чепчугова и др.);

- формирование проектной культуры через развитие у студентов интереса к совместной проектной деятельности, способностей к проектированию и осуществлению проектов (Н. А. Бреднева, Е. С. Елагина, Ю. К. Картавая, О. Г. Кравченко, Н. П. Русинова, Е. А. Цирульниковы и др.);

- создание поддерживающей среды посредством поощрения инициатив студентов, формирования в студенческом сообществе пространства для саморазвития и творческого взаимодействия (Н. А. Котова, А. В. Пономарев, Н. П. Русинова, Т. Л. Стенина и др.).

Задачи деятельности СНО, влияющие на социальную функцию университета — это разработка и воплощение в жизнь вариантов решения социальных вопросов на основе научно-исследовательских социальных инициатив и проектов. Включенность в данное направление позволяет студентам использовать освоенную теорию для работы с актуальными общественными задачами, стимулируя критический анализ и поиск новых решений. В процессе этой деятельности будущие педагоги оттачивают компетенции в области проектного менеджмента и углубляют понимание социальных процессов.

Для развития студенческой науки ключевое значение имеют совместные проекты, подкрепленные научно-методической поддержкой. Идея об этом отражена и в исследованиях РГПУ. Например, С. А. Писаревой с соавторами отмечается, что формы сотрудничества вузов, включая совместные научные исследования и публикацию результатов, повышают уровень исследовательских компетенций и мотивацию студентов к научно-исследовательской деятельности. В рамках таких проектов студенты могут участвовать в организации мероприятий, проводить исследования, налаживать сотрудничество с внешними организациями и получать необходимую методическую помощь [8]. Научно-методическое обеспечение СНО включает в себя широкий спектр задач: от планирования и проведения мероприятий, обучения участников до налаживания связей с партнерами и использования доступных ресурсов. Всё это способствует раскрытию научного потенциала студентов, повышению их вовлеченности в исследовательскую деятельность и популяризации научных знаний. Совместные проекты студенческих объединений играют ключевую роль в реализации социальной функции педагогического университета. Они способствуют не только личностному и профессиональному развитию студентов, но и решению социально значимых задач, интеграции молодежи в общество, формированию гражданской ответственности и социальной активности.

В РГПУ на базе института педагогики студенты участвуют в различных совместных проектах, которые поддерживаются, в т. ч. и деятельностью СНО, и направлены на развитие профессиональных навыков, научно-исследовательской деятельности и решение актуальных социально-педагогических задач. Вот некоторые из них.

В институте педагогики РГПУ студенты участвуют в межвузовских студенческих научных конференциях «Студент — Исследователь — Учитель». Это ежегодное мероприятие, которое объединяет молодых ученых из разных вузов и регионов России, а также стран ближнего и дальнего зарубежья. Конференция проводится на базе РГПУ с 1998 г. За время ее существования в ней приняло участие более 10 тыс. студентов и аспирантов РГПУ и десятков других вузов и колледжей России и стран

ближнего зарубежья. Особенности конференции являются межвузовский формат, разнообразие секций по различным направлениям: безопасность жизнедеятельности, психолого-педагогические практики, искусственный интеллект и иностранные языки, вопросы музыкальной педагогики, перспективные направления развития естественно-математического образования и другие. В рамках конференций проводятся открытые лекции, мастер-классы, кинолектории, экскурсии, игровые вечера, а также торжественные церемонии открытия и награждения лучших докладов. По итогам конференции каждый участник может подать статью для публикации в сборнике материалов, индексируемом в РИНЦ. Примером межвузовского сотрудничества может служить участие в 27-й Межвузовской студенческой научной конференции «Студент — Исследователь — Учитель» в 2025 г. студентов и магистрантов кафедры специальной педагогики и психологии Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы. Это стало возможным благодаря договору о сотрудничестве между университетами.

Общеуниверситетская социальная инициатива «Продленка с Герценовским университетом» ведет свою работу с осени 2020 г. В 2025/26 учебном году юбилейный сезон проекта. Совместный проект «Продленка с Герценовским университетом» направлен на дистанционное обучение школьников через серию вебинаров: студенты и преподаватели РГПУ помогают с выполнением домашних заданий по разным предметам. Эта инициатива также служит инструментом профориентации и научного исследования, вовлекая будущих педагогов в практику неформального образования. Обучающие модули проекта постоянно дополняются. Проект существует с 2020 г. и изначально имел другое название — «Продленка на удаленке» в связи с пандемией COVID-19. Сейчас «Продленка» охватывает 86 регионов России и ряд зарубежных стран: Китай, Казахстан, Белоруссию, Узбекистан, Казахстан и Армению. «Банк вебинаров» насчитывает около 4,5 тыс. занятий, сумма их просмотров превышает миллион.

Один из совместных проектов с участием студентов института педагогики РГПУ, связанный с культурной психологией, — проект «Культурная психология». Проект реализуется при поддержке «Росмолодёжь. Гранты», а кафедра теории и методики воспитания и социальной работы института педагогики входит в число его официальных партнеров. Целью проекта является повышение психологической грамотности и устойчивости к угрозам, давлению, манипуляциям, психологическим манипуляциям. В рамках проекта команда студентов-волонтеров в течение учебного года организует просветительские мероприятия, психологические тренинги, создает видео- и аудио подкасты с участием экспертов, выпускает методический инструментарий. На финальном этапе студенты старших курсов и молодые специалисты педагоги-психологи, прошедшие отбор, принимают участие в пятидневном курсе по разработке и апробации тренинга эмоциональной устойчивости и осознанного безопасного поведения. Социальная значимость проекта заключается в передаче знаний и навыков разным категориям обучающихся в области психологической культуры, социально-психологической безопасности и эмоциональной устойчивости.

«Команда школьных педагогов “под ключ”» — проект, который РГПУ реализует с 2019 г. В нем уже приняли участие 15 образовательных организаций, пять

из них присоединились в прошлом сезоне. За прошедшие сезоны участниками проекта стали свыше 500 герценовцев, около 300 студентов полностью завершили обучение. Все выпускники проекта трудоустроены и работают в образовательных организациях именно в командном составе, что полностью соответствует ключевой концепции проекта.

Таким образом, совместные проекты с участием студентов объединяют студентов, активно участвующих в научно-организационной и исследовательской работе.

В 2025/26 учебном году СНО института педагогики проводило встречи в формате интерактивного стендапа, где обсуждались совместные научные проекты актуальной социальной направленности, формировались команды для их реализации и определялись научные интересы участников. Также СНО организует презентации результатов исследований на научно-практических конференциях различного уровня. Например, на 5-й Международной научно-практической конференции «Воспитание и социализация в современной социокультурной среде» в ноябре 2025 г. были представлены и результаты исследований студентов и аспирантов, а в рамках гранта проходила презентация результатов исследования ценностных ориентиров педагогической деятельности у студентов РГПУ.

Также студенты участвуют в выставках научных достижений университета. К Дню науки эти выставки проходят ежегодно. Первая выставка научных достижений в РГПУ с участием студентов прошла в 2015 г. Это была 19-я университетская выставка научных достижений, которая состоялась в рамках Дней науки Герценовского университета. В 2022 г. прошла 23-я выставка научных достижений преподавателей и студентов Герценовского университета, приуроченная к празднованию 225-летия РГПУ. В 25 тематических разделах экспозиции были представлены результаты исследовательских работ сотрудников и студентов, а также вузов-партнеров. В рамках выставки прошел конкурс научных достижений по номинациям, а также лекции исследователей Герценовского университета.

Также в РГПУ и связанных с ним проектах проводились другие выставки с участием студентов. Например, в 2024 г. состоялась Всероссийская виртуальная выставка «Радуга творчества», которая объединяла творческие работы студентов, преподавателей и выпускников со всей страны.

Таким образом, в высших учебных заведениях России, которые готовят будущих педагогов, включая РГПУ, действует множество студенческих инициатив в виде совместных проектов, затрагивающих научную, культурную, социальную и добровольческую сферы. Основные направления возможных инициатив: наука и инновации, творческая деятельность, добровольчество и социальная работа, международные связи, профессиональное развитие и др. Практикумы, тренинги, взаимодействие с компаниями-работодателями, подготовка к профессиональному развитию — всё это включено в конкретный перечень действующих совместных инициатив, который, безусловно, разнообразен и зависит от особенностей вуза, запросов студенчества и имеющихся возможностей.

Организационной основой для многих подобных начинаний часто служат студенческие объединения. Важную роль в развитии студенческих инициатив играет система грантовой поддержки, предоставляемая как на внутривузовском, так и на всероссийском уровне. Конкурсы,

подобные «Росмолодёжь. Гранты» или программам Фонда президентских грантов, позволяют студенческим коллективам получить финансирование для реализации социально значимых идей. Это не только решает вопрос ресурсов, но и учит участников грамотному проектированию, формулированию целей, бюджетированию и отчетности, что является ценным практическим навыком.

Студенческие объединения и совместные проекты также служат эффективным каналом обратной связи между обучающимися и администрацией университета. Через студенческие советы и объединения осуществляется соуправление вузом: представители студентов участвуют в работе ученых советов, вносят предложения по улучшению учебного процесса, организации быта в общежитиях и развитию инфраструктуры кампуса. Это формирует у молодого поколения ответственность и культуру конструктивного диалога.

Выводы

Таким образом, СНО являются неотъемлемым элементом выполнения социальной функции педагогического университета. Реализация совместных проектных инициатив в контексте деятельности студенческих сообществ стимулирует научные исследования, способствует профессиональному росту будущих педагогов и налаживает продуктивное взаимодействие с другими образовательными и общественными организациями.

Активное участие в совместных проектах студенческих объединений представляет собой важную часть студенческой жизни педагогического университета, а сами совместные проекты и социально-педагогические инициативы становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, дополняя академические знания надпрофессиональными

навыками: студенты развивают лидерские качества, коммуникабельность, умение работать в команде и управлять проектами. Этот опыт значительно повышает конкурентоспособность выпускника — молодого педагога на рынке труда, свидетельствуя о его социально актуальной жизненной позиции и реальном практическом опыте.

Научно-методическая поддержка СНО представляет собой ключевой элемент, способствующий развитию научного потенциала студентов и повышению общего уровня подготовки будущих педагогов. Ее содержание сводится к трем ключевым аспектам: созданию благоприятной научной среды, развитию связей между студентами и преподавателями и формированию мотивации к исследованиям. Это помогает студентам оттачивать критическое мышление, навыки работы с данными и коммуникацию, готовясь к карьере.

Научно-методическое сопровождение совместных проектов студенческих объединений при выполнении университетом его социальной роли включает систему мероприятий, ориентированных на совершенствование деятельности по социальному проектированию, освоение необходимых научно-исследовательских компетенций, рост социальной активности молодого поколения и укрепление связей между студенческим сообществом, университетом и социумом.

Перспективой развития данного направления студенческой активности в контексте социальной функции педагогического университета может стать включение совместных проектов студенческих объединений в образовательный контур — они могут быть адаптированы и внедрены в учебные планы или реализованы как отдельные программы, что повышает их практическую ценность и социально-педагогическую применимость.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тавбулатова З. К., Чаплаев Х. Г. Третья миссия университета и ее роль в стратегическом процессе развития вуза // *Экономические исследования*. 2022. № 2. URL: <https://myeconomix.ru/articles/menedzhment/tretya-missiya-universiteta-i-ee-rol-v-strategicheskom-protseesse-razvitiya-vuza/>.
2. Жданов А. В., Мишурис А. В., Тряпицын А. В. Воспитательная функция преподавателя современного педагогического вуза // *Проблемы современного педагогического образования*. 2026. Вып. 90. Ч. 3. С. 129—132.
3. Ведерникова Л. В. Инновационное развитие научной деятельности педагогического вуза в рамках интеграции с университетом // *Сибирский педагогический журнал*. 2016. № 3. С. 31—37.
4. Сычева М. В. Деятельность студенческого научного общества педагогического вуза как инструмент формирования профессиональной компетентности // *Современное педагогическое образование*. 2022. № 2. С. 47—50.
5. Абашина А. Д., Бражник Е. И. От студенческих инициатив к социальным проектам // *Социальная педагогика*. 2017. № 4—5. С. 143—153.
6. Ценностно-смысловые установки о труде и трудовом воспитании субъектов образовательного процесса современной школы / Ю. С. Пежемская, А. В. Кандаурова, А. Д. Абашина и др. // *Science for Education Today*. 2025. Т. 15. № 5. С. 51—73. DOI: 10.15293/2658-6762.2505.03.
7. Липатова С. Д., Хохолева Е. А. Технология формирования навыков командной работы в условиях проектного обучения студентов вуза // *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. 2021. Т. 18. № 1. С. 57—70. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2021.1.5.
8. Исследование особенностей мотивации студентов разных уровней высшего образования к участию в научно-исследовательской деятельности / С. А. Писарева, Е. И. Бражник, И. В. Гладкая и др. // *Science for Education Today*. 2024. Т. 14. № 1. С. 25—53. DOI: 10.15293/2658-6762.2401.02.
9. Елагина В. С. Формирование проектной культуры студентов педагогического вуза // *Инновационное развитие профессионального образования*. 2023. № 3(39). С. 83—89.
10. Мельгунов С. П. Из истории студенческих обществ в русских университетах. М. : Изд. журн. «Правда», 1904. 71 с.
11. Кандаурова А. В. Студенческое научное общество: проблемы, история, перспективы // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2023. № 207. С. 47—57. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-207-47-57.
12. Петрова М. С., Корсакова А. А., Смирнов П. А. Студенческие объединения как механизм выявления и поддержки инициатив обучающихся // *Наука и реальность*. 2020. № S3.1. С. 45—48.

13. Матросова Ю. С., Гладкая И. В., Суворова С. А. Управление знаниями как основа организационно-управленческого и научно-методического обеспечения деятельности студенческих научных объединений // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2025. № 218. С. 37—50. DOI: 10.33910/1992-6464-2025-218-37-50.

14. Стенина Т. Л. Становление проектной культуры студентов в контексте социально-культурного подхода к модернизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2013. Т. 2. № 1. С. 75—80.

REFERENCES

1. Tavbulatova Z. K., Chaplaev Kh. G. The third mission of the university and its role in the strategic process of university development. *Ekonomicheskie issledovaniya*. 2022;2. (In Russ.) URL: <https://myeconomix.ru/articles/menedzhment/tretya-missiya-universiteta-i-ee-rol-v-strategicheskom-protssesse-razvitiya-vuza/>.

2. Zhdanov A. V., Mishchuris A. V., Tryapitsyn A. V. The educational function of a teacher at a modern pedagogical university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2026;90(3): 129—132. (In Russ.)

3. Vedernikova L. V. Innovative development of research activity at a teachers training higher educational institution in the context of integration with a university. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*. 2016;3:31—37. (In Russ.)

4. Sycheva M. V. The activities of the student scientific society of a pedagogical university as a tool for the formation of professional competence. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2022;2:47—50. (In Russ.)

5. Abashina A. D., Brazhnik E. I. From student initiatives to social projects. *Sotsial'naya pedagogika*. 2017;4—5:143—153. (In Russ.)

6. Pezhemskaya Ju. S., Kandaurova A. V., Abashina A. D., et al. Value-meaningful attitudes towards work and labour education of education stakeholders in contemporary secondary schools. *Science for Education Today*. 2025;15(5):51—73. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.2505.03.

7. Lipatova S. D., Khokholeva E. A. The technology of formation of teamwork skills in terms of project-based learning of students. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki = Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*. 2021;18(1):57—70. (In Russ.) DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2021.1.5.

8. Pisareva S. A., Brazhnik E. I., Gladkaya I. V. et al. Studying the peculiarities of the universities students' motivation for research activities. *Science for Education Today*. 2024;14(1):25—53. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.2401.02.

9. Elagina V. S. Formation of the project culture of students of a pedagogical university. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya = Innovative development of vocational education*. 2023;3(39):83—89. (In Russ.)

10. Mel'gunov S. P. From the history of student associations in Russian universities. Moscow, Pravda magazine publ., 1904. 71 p. (In Russ.)

11. Kandaurova A. V. Student scientific society: problems, history and prospects. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2023; 207:47—57. (In Russ.) DOI 10.33910/1992-6464-2023-207-47-57.

12. Petrova M. S., Korsakova A. A., Smirnov P. A. Student associations as a mechanism for identifying and supporting student initiatives. *Nauka i real'nost' = Science & Reality*. 2020;S3.1:45—48. (In Russ.)

13. Matrosova Yu. S., Gladkaya I. V., Suvarova S. A. Knowledge management as a basis for organizational, managerial and scientific-methodological support activities for the of student scientific associations. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2025; 218:37—50. (In Russ.) DOI: 10.33910/1992-6464-2025-218-37-50.

14. Stenina T. L. Formation of design culture of students in the context of sociocultural approach to modernization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2013;2(1):75—80. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 16.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 16.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 372.881.161.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1662

Elena Alekseevna Zhelezniakova
Doctor of Pedagogy,
Head of the Department
of Cross-Cultural Communication,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
elenazheleznyakova@yandex.ru

Anna Petrovna Liukshina
Master's student
of the Department of Cross-Cultural Communication,
field of training
44.04.01 — Pedagogical education,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
a.konzh@yandex.ru

Елена Алексеевна Железнякова
д-р пед. наук,
заведующий кафедрой
межкультурной коммуникации,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
elenazheleznyakova@yandex.ru

Анна Петровна Люкшина
магистрант
кафедры межкультурной коммуникации,
направление подготовки
44.04.01 — Педагогическое образование,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.konzh@yandex.ru

МОДЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ НА МАТЕРИАЛЕ ПРИМЕТ (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Преодоление культурно-языкового барьера в процессе знакомства с лингвокультурой изучаемого языка осложняется большим разнообразием коммуникативных ситуаций и вариативностью коммуникативного поведения носителей языка. В последние годы резко возросло количество китайских абитуриентов, желающих получить образование в России, в связи с чем увеличилось и количество исследований, посвященных специфике работы с китайскими студентами. При изучении иностранного языка большое значение имеет знакомство с ценностями русской культуры. Яркими примерами лингвокультурологических единиц являются приметы, само существование которых — это воплощение преемственности поколений, входящей в перечень базовых духовно-нравственных ценностей. Освоение примет позволяет глубже узнать национальную историю и культуру, в т. ч. погрузиться в аксиологическое пространство русской культуры. В аспекте преподавания русского языка как иностранного приметы представляют собой ценный лингвокультурологический материал, отражающий закрепленные в языке культурный, исторический и бытовой опыт, традиции и ценности народа. При этом освоение данных лингвокультурологических единиц затруд-

нено отсутствием единых структурных особенностей, высокой вероятностью невербальных проявлений и другими специфическими характеристиками. Целенаправленное рассмотрение примет как аксиологически ценного лингвокультурологического материала и включение его в процесс обучения представляет перспективное направление, исследование которого может способствовать формированию лингвокультурологической компетенции учащихся. В статье рассматривается лингвокультурологический потенциал примет при обучении русскому языку как иностранному, специфика изучения примет в рамках аксиологического и лингвокультурологического подходов, принципы отбора примет как материала для обучения. На основании полученных данных предлагается модель обучения китайских студентов русскому языку на материале примет с целью формирования лингвокультурологической компетенции.

Ключевые слова: примета, диалог культур, лингвокультурологический подход, аксиологический подход, лингвокультурологическая компетенция, модель обучения, обучение русскому языку как иностранному, лингвокультура, национально-ориентированное обучение, китайская культура, русская культура

Финансирование: исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена (проект № 107-ВГ).

Для цитирования: Железнякова Е. А., Люкшина А. П. Модель обучения китайских студентов русскому языку на материале примет (аксиологический аспект) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 288—294. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1662.

Original article

A MODEL FOR TEACHING RUSSIAN TO CHINESE STUDENTS BASED ON FOLK OMENS (AXIOLOGICAL ASPECT)

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *Overcoming the cultural and linguistic barrier in the process of familiarizing learners with the linguoculture of the target language is complicated by the wide diversity of communicative situations and the variability of native speakers' communicative behavior. In recent years, the number of Chinese applicants wishing to study in Russia has sharply increased, which has accordingly led to a rise in research focusing on the specific aspects of working with Chinese students. In foreign language learning, exposure to the values of Russian culture is of great importance. Superstitions (popular beliefs / folk omens) serve as striking examples of linguoculturological units; their very existence embodies the continuity of generations, which is part of the core spiritual and moral values. The acquisition of superstitions allows learners to gain deeper insight into national history and culture, including immersion into the axiological space of Russian culture. In the context of teaching Russian as a foreign language, superstitions represent valuable linguoculturological material, reflecting cultural, historical, and everyday experience, as well as traditions and values of the people as embedded in the language. However, the mastery of these lin-*

guoculturological units is hindered by the lack of uniform structural features, a high probability of non-verbal manifestations, and other specific characteristics. A systematic examination of superstitions as axiologically valuable linguoculturological material and its integration into the teaching process represents a promising avenue, the study of which may contribute to the formation of learners' linguoculturological competence. This article discusses the linguoculturological potential of superstitions in teaching Russian as a foreign language, the specific features of studying superstitions within the framework of axiological and linguoculturological approaches, and the principles for selecting superstitions as teaching material. Based on the data obtained, a model is proposed for teaching Russian to Chinese students using superstitions as a resource, with the aim of developing linguoculturological competence.

Keywords: *folk omen, dialogue of cultures, linguoculturological approach, axiological approach linguoculturological competence, teaching model, teaching Russian as a foreign language, linguoculture, nationally-oriented teaching, Chinese culture, Russian culture*

Funding: The research was supported by the grant of Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 107-БГ).

For citation: Zhelezniakova E. A., Liukshina A. P. A model for teaching Russian to Chinese students based on folk omens (axiological aspect). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):288—294. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1662

Введение

Изученность проблемы. В современной методике одним из востребованных является аксиологический подход к обучению, разрабатываемый А. Д. Дейкиной [1; 2], Н. Л. Мишатиной [3] и др. Лингвокультурологическими единицами, которые могут рассматриваться в аксиологическом аспекте, являются приметы.

Вне зависимости от классификаций приметы регулярно оказываются в центре внимания как лингвистический и культурный феномен: рассматриваются их классификации и функции в работе О. В. Ломакиной [4], жанровая специфика в исследованиях Н. Н. Фаттаховой [5], отраженные этнокультурные стереотипы в исследовании Т. Г. Никитиной, Е. И. Роголёвой, Н. Н. Ивановой [6], сопоставление с аналогичными единицами других языков в работах А.П. Конжезёровой [8] и Дж. Пуччо [8]. Рассмотрение данного жанра в китайской культуре осложняется тем, что жанр приметы в китайском языке фактически отсутствует, уступая место распространенному жанру 成语 (*chéngyǔ*), схожему с пословицами. Между тем приметы, являясь частью ценностно-смыслового пространства языка, могут служить потенциальным основанием для организации диалога культур в процессе обучения, поскольку ценность преемственности поколений и, как следствие, передачи знаний об окружающем мире, в т. ч. через приметы, важна для носителей как русского, так и китайского языков. Как отмечает Д. Э. Васильева, приметы являются «важнейшей областью сохранения мифологических и религиозных представлений» [9, с. 13].

В методическом аспекте приметы пока изучены недостаточно. Существуют единичные исследования, посвященные примете в обучении русскому языку в школе — в работе И. Е. Калачевой [10] и на занятиях русскому языку

как иностранному в вузе — в исследованиях Ю. В. Бобровой [11] и М. С. Фёдорова [12], однако исследований, посвященных национально-ориентированному обучению китайских студентов русским приметам, обнаружено не было.

Актуальность. В последние годы наблюдается «всплеск интереса китайских студентов к изучению русского языка» [13, с. 186], что определяет важность реализации национально-ориентированного подхода к обучению китайцев русскому языку, в т. ч. на лингвокультурологической основе. Как известно, представители Китая испытывают трудности в процессе социальной адаптации [14]. «Социальная интеграция предполагает аккультурацию представителей «входящей» культуры» [15, с. 109]. Видится, что основой аккультурации является формирование представления о ценностях русской культуры, что становится особенно важным на продвинутом этапе обучения, когда учащиеся, на первый взгляд, уже адаптировались, однако в действительности находятся вне лингвокультурного контекста. Приметы представляют собой материал обучения, который дает возможность реализовать аксиологический подход к обучению, поскольку само бытование примет является воплощением важной для русской культуры духовно-нравственной ценности преемственности поколений. Основанное на поверьях представление о закономерностях окружающего мира передается из поколения в поколения и становится частью бытовой культуры.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена отсутствием национально-ориентированных материалов для обучения китайских студентов, владеющих русским языком на высоких уровнях (B2—C1), русским приметам, являющимся аксиологически ценным источником знаний о русской культуре.

Целесообразность разработки темы определяется наличием противоречия между потребностями китайских учащихся и отсутствием методического обеспечения; необходимостью реализации аксиологического подхода к обучению русскому языку как иностранному; высокой значимостью примет как учебного материала и потенциалом изучения примет для организации диалога культур на занятии по русскому языку в китайской аудитории.

Новизна исследования состоит в следующем:

- осуществлен теоретически и эмпирически обоснованный отбор десяти наиболее актуальных примет русского культурного пространства для обучения китайских учащихся русскому языку;

- проведен сопоставительный анализ русских примет и аналогичных единиц китайского языка с опорой на многоязычный словарь и анкетирование китайских студентов, выявившее низкую степень знакомства китайских учащихся с русскими приметами, что позволило обосновать необходимость включения отобранных примет в обучение;

- впервые предложена и экспериментально проверена вариативная национально-ориентированная модель обучения китайских студентов русскому языку на материале примет, основанная на аксиологическом подходе.

Цель работы заключается в разработке модели обучения китайских студентов русскому языку на материале примет.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) отобрать методически ценный материал для обучения китайских студентов русскому языку на материале примет;

- 2) определить содержание модели обучения китайских студентов русским приметам с учетом национально-ориентированной методики, выделить обязательные и факультативные компоненты модели;

- 3) осуществить экспериментальную проверку эффективности предложенной модели обучения в китайской аудитории.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие аксиологического подхода в методике преподавания русского языка как иностранного на материале такого мало изученного в методическом плане материала, как приметы. Выявленные критерии отбора примет для процесса обучения китайских студентов русскому языку в аксиологическом аспекте могут быть использованы для отбора других лингвокультурологических единиц, что расширяет теоретический инструментарий методики преподавания русского языка как иностранного.

Практическая значимость исследования состоит в разработке готовой к использованию модели обучения китайских студентов русскому языку на материале примет, которая может стать основой занятий по русскому языку как иностранному в китайской аудитории, а также использоваться в повышении квалификации преподавателей, работающих с китайцами. Модель может быть адаптирована для обучения русскому языку студентов иной этнической принадлежности. Таблица соответствия русских примет и аналогичных китайских единиц может служить справочным материалом для подготовки учебных пособий и словарей.

Основная часть

Методология исследования. Для решения поставленных задач применялись анализ научной литературы по теме исследования, сопоставительный анализ русских и китайских паремнологических единиц, анкетирование 600 носителей русского языка для выявления частотных примет, анкетирование 21 китайского студента для определения уровня знакомства с русскими приметами, моделирование для разработки вариативной национально-ориентированной модели обучения, а также педагогический эксперимент, включающий констатирующий, формирующий и контрольный этапы, для апробации разработанной модели.

Результаты исследования. Приметы представляют собой активно развивающийся фольклорный жанр, что обусловлено многочисленными функциями данных единиц: прогностической, регуляторной, кумулятивной, когнитивной, ритуальной, гигиенической, этической, этикетной, экологической и лингвоэстетической. На наш взгляд, для обучения русскому языку как иностранному особое значение имеют прогностическая, регуляторная, ритуальная и лингвоэстетическая функции примет.

Для обучения большое значение имеет отбор учебного материала. Для отбора примет в данном исследовании были применены:

- 1) принцип частотности;
- 2) принцип семантической ценности;
- 3) анализ возможности включения единицы в определенную/ые темы, предусмотренные образовательной программой на соответствующем уровне владения языком.

С целью выявления наиболее актуальных для современных носителей русского языка примет был проведен опрос. В опросе приняли участие респонденты в возрасте от 11 до 75 лет. Число респондентов — 600 чел. В ходе проведения опроса участники исследования получали форму, в которой требовалось указать личные данные, необходимые для дальнейшей обработки и систематизации полученных ответов (ФИО и возраст), и 5—10 примет, которые знают респонденты.

В процессе опроса было получено более 3 200 единиц, по результатам обработки которых был составлен перечень примет, включающий 463 единицы. Ранжирование единиц производилось по принципу частотности. По результатам обработки ответов респондентов наиболее частотными стали десять примет.

На следующем этапе исследования были проанализированы Многоязычный словарь суеверий и примет под ред. Дж. Пуччо [8] и Большой словарь примет Т. Г. Никитиной, Е. И. Рогалевой, Н. Н. Ивановой [6]. Целью анализа стало выявление потенциальных эквивалентов выявленных на предыдущем этапе десяти единиц в родном языке обучающихся, т. е. в китайском языке. Созданная по результатам анализа таблица позволяет продемонстрировать варьирующуюся степень эквивалентности рассматриваемых примет.

С целью подтверждения актуальности обучения китайских студентов отобранным приметам было проведено анкетирование десяти китайских студентов в возрасте от 20 до 30 лет, обучающихся на территории России и владеющих русским языком на уровне B2—C1. Респондентам предлагалась анкета, включающая десять вопросов. Выяснилось, что из десяти отобранных единиц лишь две оцениваются респондентами как известные, остальные неизвестны либо респонденты затрудняются дать ответ, что свидетельствует о том, что семантизация данной единицы вызывает трудности.

Фиксация примет в словарях

Примета по данным опроса	Примета в Большом словаре примет	Примета в Многоязычном словаре примет и суеверий	Наличие эквивалентов на китайском языке в Многоязычном словаре суеверий и примет
1	2	3	4
Черная кошка — к несчастью	1) Черная кошка дорогу перебежала — плохая примета. 2) Черная кошка перебежала дорогу слева направо — к несчастью. 3) Чтобы нейтрализовать примету, нужно держаться за пуговицу или за металл, когда кошка перебегает дорогу. 4) Черная кошка перебежала дорогу — вернись: удачи не будет. 5) Черная кошка между друзьями перебежала — к ссоре. 6) Черная кошка дорогу перебежала — не видать удачи в этот день	Если заяц (черный кот) перебежит дорогу — к большому несчастью	出门遇到死猫是不祥之兆 (Увидеть мертвую кошку при выходе из дома — плохое предзнаменование)
Рассыпать соль — к несчастью / неудаче	1) Рассыпать соль — к ссоре. 2) Рассыпать соль — к убыткам. 3) Рассыпать соль — к неприятностям. Чтобы нейтрализовать примету, нужно бросить щепотку соли через левое плечо	Рассыпать соль — к ссоре Чтобы избежать ее, нужно перекрестить рассыпанную соль или стукнуть себя по лбу	渔民和出海的人 吃鱼的时候不翻鱼 (Рыбаки и все жители морского побережья стараются не переворачивать рыбу, которую едят, чтобы лодки и корабли не «переворачивались»)
Птицы низко летают — к дождю	1) Птицы, ласточки низко летают — перед дождем. 2) Воробьи летают низко (у самой воды) — к дождю. 3) Если птицы входят в воду — будет дождь. 4) Птицы низко летают над водой — к грозе. 5) Грачи летом пасутся на траве — к дождю. 6) Синички ходят на лугу — дождь будет. 7) Если грачи и галки летают высоко стаями и опускаются стрелой на землю — будет дождь	Не найдено	Не найдено
Не свистеть в доме — денег не будет	1) Не свисти в доме — денег не будет. 2) Нельзя свистеть в доме, а то он опустеет. 3) Будешь в доме свистеть — на всех несчастье накличешь. 4) Не свисти — удачи не будет. 5) Свистеть в доме — к разорению. 6) В доме свистеть — все деньги высвистеть	Если свистеть в доме — денег не будет	晚上吹 哨容易引来鬼魂 (Вечером свистеть — привидения появятся)
Вернуться домой и посмотреть в зеркало, чтобы не было беды	1) Если пришлось зачем-то вернуться домой, посмотри в зеркало, чтобы не ушла удача. 2) Вернулся с полпути домой — посмотри в зеркало, иначе удачи не будет. 3) Если, выйдя из дома, человек вынужден вернуться — надо посмотреть в зеркало, иначе пути не будет	Не возвращайтесь домой с полпути за забытой вещью, это принесет неудачу в делах; а если вернетесь — посмотритесь в зеркало	结婚时车队不能走重复的路线 因为民间有 走回头路 夫妻不能到白头 的说法 (Во время брачной церемонии нельзя возвращаться, т. е. ехать дважды по одной и той же дороге, это принесет молодым несчастье)
Упал столовый прибор — к гостям	1) Ложка (и все предметы женского рода) падает на пол — женщина придет в гости. 2) Нож (и все предметы мужского рода) падает — мужчина придет в гости. 3) Ложку из рук выронишь — гость придет. 4) Ложка (вилка) упала, нож упал — кто-то торопится в дом тебе. 5) Если не хочешь, чтобы гость приходил, подними упавший предмет и три раза стукни его ручкой по столу. 6) Нож упадет — гость мужчина, ложка упадет — гостья. 7) Падает нож или ложка — мужчина придет, вилка — женщина. 8) Упала со стола вилка (ложка) — гостья будет	Нож упадет — в дом придет мужчина, ложка — женщина	Не найдено
Посидеть на дорожку	1) Перед дальней дорогой надо сесть и помолчать, чтобы несчастья в дороге не было. 2) Если забыли что-то и вернулся домой, посиди на стуле, иначе удачи не видать	Когда кто-то из близких отправляется в путь, принято «присесть на дорожку», мысленно желая уезжающему доброго пути	人们参照黄历来看是否适宜出行 (В Китае существует специальный календарь, позволяющий определить благоприятную дату путешествия)

Окончание табл.

1	2	3	4
Разбить зеркало — к несчастью	1) Зеркало разбилось — к беде. 2) Зеркало разбить — к худу (Чтобы нейтрализовать примету — мелкие кусочки зеркала бросить через левое плечо, а крупные в проточную воду. Чтобы нейтрализовать, нужно попросить кого-либо похлопать по спине. Беду можно отвести такими словами: «Зеркало разбивается, беда (имя) не касается». 3) Зеркало разбить — 7 лет несчастий. 4) Зеркало треснуло — жди беды	Если разбилось зеркало, закопайте в землю его осколки, чтобы избежать неприятностей на следующие семь лет	破镜意味姻缘不圆满 (Разбитое зеркало — это знак того, что брак распадется)
Разбить посуду — к счастью	1) Разбилась посуда — к счастью. 2) Посуда бьется — к счастью. 3) На пиру посуда бьется — к счастью хозяина. 4) Разбить чашку (нечаянно) в субботу — к удаче	Посуда разбивается на множество осколков — к счастливой старости	打破东西要说 岁岁 碎碎 平安 (Когда кто-нибудь разбивает тарелку, ему желают: «Удачи на весь год!», ведь слово «разбить» по-китайски похоже на «каждый год».)
Постучать по дереву	1) Чтобы не сглазить удачу, три раза постучи по деревянному. 2) Если похвалишься, постучи по дереву, иначе сглазишь. 3) Желание исполнится, если три раза постучать по дереву. 4) Чтобы похвала пошла на пользу — трижды постучать по деревянному предмету со словами «Тьфу, тьфу, чтобы не сглазить!»	Чтобы избежать сглаза — «постучи по дереву»	Не найдено

Проведенное исследование подтвердило необходимость включения отобранных примет в обучение русскому языку китайских студентов.

На основе этого материала была разработана модель обучения, состоящая из десяти этапов, каждый из которых классифицируется как обязательный или факультативный, благодаря чему модель обучения становится вариативной, что позволяет преподавателю адаптировать материал в зависимости от цели обучения и имеющегося временного ресурса, а также количества рассматриваемых единиц:

1. **Теоретический этап** (обязательный). Введение определений термина «примета» с опорой на словари русского (словари Ожегова и Даля, Малый академический словарь) и китайского языков [Большой китайско-русский словарь (<https://bkr.s.info/>)], краткое введение в историю происхождения примет, обсуждение с учащимися современного функционирования примет и их аксиологического потенциала.

2. **Ознакомительный этап. Семантизация** (обязательный). Введение примет, являющихся предметом изучения. Семантизация с использованием наглядности, синонимических, антонимических связей, перевод компонентов приметы на родной язык учащихся (на основании Большого китайско-русского словаря).

3. **Этап выявления ключевых культурно значимых компонентов** (обязательный). Выделение компонентов, имеющих культурно значимую специфику (например: соль, зеркало, порог, дерево), их лингвокультурологическое комментирование, раскрытие специфики данного компонента в картине мира русского человека.

4. **Этап структурного анализа** (обязательный). Анализ грамматической формы компонентов, входящих в примету, лексического состава.

5. **Сопоставительный этап (поиск аналогов)** (факультативный). Поиск аналогов изучаемых примет в родном языке, проведение параллелей (семантических) и выявление определенных закономерностей, а также различий на основании личного опыта учащихся и данных Многоязычного словаря примет и суеверий.

6. **Ассоциативный этап** (факультативный). Выявление ассоциаций, возникающих у учащихся на стимул в виде ключевого компонента изучаемой приметы, введение ассоциативного поля ключевого компонента на основании данных Русского ассоциативного словаря и актуальной языковой ситуации.

7. **Этап представления лингвокультурологического текста** (обязательный). Представление учащимся лингвокультурологического текста (или нескольких фрагментов), содержащего культурные факты родной страны учащихся, их сопоставление с фактами культуры изучаемого языка. Анализ контекста употребления изучаемой приметы.

8. **Этап вариативного представления изученных единиц** (обязательный). Введение зафиксированных в словарях существующих форм рассматриваемой единицы, выявление их сходств и различий в грамматической форме, лексическом составе.

9. **Этап расширения лингвокультурного контекста (ключевого компонента)** (факультативный). Содержание данного этапа ориентировано на знакомство учащихся с русскими приметами, содержащими тот же ключевой компонент (например: кошка → какие еще приметы с ней существуют), выборочная семантизация обнаруженных примет.

Развитие умения выявлять и опознавать еще не изученные приметы в текстах, аудиофрагментах, видеофрагментах, а также живой речи носителей языка, анализировать контекст их употребления.

10. **Исследовательский/поисковый/учебно-прикладной этап** (завершающий, обязательный). Рассказ о сопоставлении русской приметы (по выбору) с единицами родного языка. Включение данного этапа в модель обучения ориентировано на развитие у учащихся способности самостоятельно обнаруживать/распознавать изученные приметы.

В целях проверки эффективности разработанной модели обучения китайских учащихся русскому языку на материале примет была проведена апробация в смешанном

формате с применением дистанционных технологий, электронных форм для анкетирования, а также очных занятий. В апробации приняли участие китайские учащиеся, осваивающие программу аспирантуры в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, а также студенты, окончившие обучение в Институте русского языка как иностранного Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена и находящиеся в данный момент на территории Китайской Народной Республики. Уровень владения русским языком китайских учащихся соответствует третьему сертификационному уровню (ТРКИ-3). Общее количество учащихся, принявших участие в апробации, составило 21 чел.

По итогам анализа результатов констатирующего этапа апробации менее четверти учащихся справились с предлагаемыми заданиями, направленными на проверку знания учащимися предложенных для изучения единиц, причин их возникновения, контекстов употребления в речи, а также существования аналогов данных единиц в китайском языке.

После завершения формирующего этапа апробации при выполнении заданий контрольного этапа успешно выполнили задания 83 % учащихся.

Заключение

Проведенный теоретический анализ подтвердил, что приметы являются аксиологически ценным материалом для обучения русскому языку как иностранному благодаря реализации прогностической, регуляторной, ритуальной и лингвоэстетической функций. Эмпирически обоснованный отбор десяти наиболее актуальных примет русского культурного пространства позволил создать

учебный список, а сопоставительный анализ с единицами китайского языка, дополненный результатами анкетирования китайских студентов, выявил низкую степень знакомства учащихся с русскими приметами и одновременно наличие как частичных эквивалентов, так и культурно-специфических расхождений, что подтвердило необходимость включения примет в обучение русскому языку китайцев.

Разработанная вариативная национально-ориентированная модель обучения, включающая десять этапов, является эффективной, что было доказано в ходе экспериментальной проверки. Применение созданной модели обучения способствовало расширению культурологических знаний учащихся, развитию рецептивных навыков, умения выявлять национально-культурный компонент значения и находить аналоги в русской и китайской культурах.

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что созданная модель может быть использована на занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории на продвинутом этапе обучения. Предложенные критерии отбора примет могут быть использованы преподавателями для формирования корпуса учебного материала. Кроме того, модель может служить основой для создания учебно-методических пособий по русскому языку как иностранному для китайских студентов.

Перспективным направлением исследований является создание сопоставительного словаря русских и китайских примет с лингвокультурологическим комментарием, который позволит систематизировать эквивалентные и безэквивалентные единицы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дейкина А. Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка : моногр. М. : МПГУ, 2019. 210 с.
2. Аксиологические приоритеты в современной методике обучения русскому языку : моногр. / науч. ред.: А. Д. Дейкина. М. : МПГУ, 2025. 214 с. DOI: 10.31862/9785426315006.
3. Мишатина Н. Л. Методические маршруты лингвокультурологии: нарративное измерение ценностей // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 1. С. 7—19. DOI: 10.30515/0131-6141-2025-86-1-7-19.
4. Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9(467). С. 133—140. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10917.
5. Фаттахова Н. Н. Синтаксис народной приметы. Казань : Каз. ун-т, 2023. 189 с.
6. Никитина Т. Г., Роголева Е. И., Иванова Н. Н. Большой словарь примет : ок. 15 000 ед. М. : АСТ : Астрель, 2009. 685 с.
7. Конжезёрова А. П. Анализ примет и суеверий как основание отбора учебного материала в обучении испаноговорящих студентов русскому языку // Русский язык в поликультурном мире : IX Междунар. симп. : сб. науч. ст. : в 2 т. Симферополь : Издат. дом КФУ, 2025. Т. I. С. 309—312.
8. Многоязычный словарь суеверий и примет / под ред. Д. Пуччо. М. : Флинта ; Рим : Итал.-слав. культур. ассоц., 2013. 381 с.
9. Васильева Д. Э., Байков А. А., Бахор Т. А. Мифологическая основа суеверий современной молодежи // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. Вып. 13(22). С. 12—17.
10. Калачева И. Е. Концепт «примета» и потенциал словоформ при лингвокультурологическом анализе текста на уроке морфологии в 6 классе // Преподаватель XXI век. 2024. № 1. Ч. 1. С. 155—164. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-155-164.
11. Боброва Ю. В. Методы реализации этнолингвокультурной модели обучения русскому языку как иностранному, основанной на материале суеверий и примет // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 10(138). С. 192—198. DOI: 10.24158/spp.2025.10.24.
12. Федорова М. С. ИКТ в преподавании РКИ. Лингвострановедческий аспект: русские суеверия и приметы // Интерактивность как катализатор развития вузов : сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. М. : Перо, 2023. С. 186—193.
13. Юйсуфу А. Экспериментальное исследование эффективности национально-ориентированной методики обучения русскому языку китайских студентов // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 5(97). С. 185—190.
14. У Тин. Адаптация китайских студентов в российских вузах: проблемы, пути решения // Образование и право. 2020. № 11. С. 187—190.
15. Железнякова Е. А. Поликультурная школа как новый тип образовательного учреждения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 63. Ч. 1. С. 108—111.

REFERENCES

1. Deikina A. D. *Axiological methodology of teaching the Russian language. Monograph*. Moscow, Moscow Pedagogical State University publ., 2019. 210 p. (In Russ.)
2. *Axiological priorities in modern methods of teaching the Russian language. Monograph*. A. D. Deikina (ed.). Moscow, Moscow Pedagogical State University publ., 2025. 214 p. (In Russ.) DOI: 10.31862/9785426315006.
3. Mishatina N. L. Methodological routes of linguoculturology: narrative dimension of values. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2025;86(1):7—19. (In Russ.) DOI: 10.30515/0131-6141-2025-86-1-7-19.
4. Lomakina O. V. Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;9(467):133—140. (In Russ.) DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10917.
5. Fattakhova N. N. *Syntax of the folk omen*. Kazan, Kazan University publ., 2023. 189 p. (In Russ.)
6. Nikitina T. G., Rogaleva E. I., Ivanova N. N. *Large Dictionary of Omens. About 15,000 entries*. Moscow, AST, Astrel', 2009. 685 p. (In Russ.)
7. Konzhezerova A. P. Analysis of omens and superstitions as a basis for selecting educational material in teaching Russian to Spanish-speaking students. *Russkii yazyk v polikul'turnom mire = Russian language in a multicultural world. IX International symposium. Collection of scientific articles*. Simferopol, Crimean Federal University publ., 2025;1:309—312. (In Russ.)
8. *Multilingual Dictionary of Superstitions and Omens*. G. Pucci (ed.). Moscow, Flinta; Rome, Italo-Slavic Cultural Association publ., 2013. 381 p. (In Russ.)
9. Vasilyeva D. E., Baikov A. A., Bakhor T. A. Mythological basis of superstitions of modern youth. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve = Man and language in the communicative space. Collection of scientific articles*. Krasnoyarsk, Siberian Federal University publ., 2022;13(22):12—17. (In Russ.)
10. Kalacheva I. E. The Concept of “Sign” and the Potential of Word Forms in the Linguoculturological Analysis of the Text in the Lesson of Morphology in the 6th Grade. *Prepodavatel XXI vek*. 2024;1-1:155—164. (In Russ.) DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-155-164.
11. Bobrova Yu. V. Methods of implementing the ethnolinguocultural model of teaching Russian as a foreign language based on superstitions and omens. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2025;10(138):192—198. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2025.10.24.
12. Fedorova M. S. ICT (information and communication technologies) in teaching Russian as a foreign language. Linguistic and regional aspect: Russian superstitions and omens. *Interaktivnost' kak katalizator razvitiya vuzov = Interactivity as a catalyst for university development. Collection of articles of the V International scientific and practical conference*. Moscow, Pero, 2023:186—193. (In Russ.)
13. Yusufu A. Experimental study of the efficiency of nationally-oriented methodology in teaching Russian to Chinese students. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2022;5(97):185—190. (In Russ.)
14. Wu Ting. Adaptation of Chinese students in Russian universities: problems, ways of solution. *Obrazovanie i pravo*. 2020;11:187—190. (In Russ.)
15. Zhelezniakova E. A. Multicultural school as a new type of educational institution. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2019;63(1):108—111. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья
УДК 371.3:004.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1655

Nikita Andreevich Ivanov
 Candidate of Pedagogy,
 Senior Lecturer
 of the Department of Modern Educational Technologies,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation
 naivanov@sfu-kras.ru

Olesya Mikhailovna Dolidovich
 Doctor of History, Associate Professor,
 Head of the Department
 of Modern Educational Technologies,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation
 odolidovich@sfu-kras.ru

Oksana Anatolyevna Ostylovskaya
 Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
 Associate Professor
 of the Department of Modern Educational Technologies,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation
 oostylovskaya@sfu-kras.ru

Angelina Sergeevna Gracheva
 Student of the Department
 of Modern Educational Technologies,
 field of training
 44.03.01.32 — Pedagogical Design
 of the digital educational environment,
 Siberian Federal University
 Krasnoyarsk, Russian Federation
 angelinagracheva794@yandex.ru

Никита Андреевич Иванов
 канд. пед. наук,
 старший преподаватель
 кафедры современных образовательных технологий,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация
 naivanov@sfu-kras.ru

Олеся Михайловна Долидович
 д-р ист. наук, доцент,
 заведующий кафедрой
 современных образовательных технологий,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация
 odolidovich@sfu-kras.ru

Оксана Анатольевна Остыловская
 канд. пед. наук, доцент,
 доцент кафедры
 современных образовательных технологий,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация
 oostylovskaya@sfu-kras.ru

Ангелина Сергеевна Грачева
 студент кафедры
 современных образовательных технологий,
 направление подготовки
 44.03.01.32 — Педагогический дизайн
 цифровой образовательной среды,
 Сибирский федеральный университет
 Красноярск, Российская Федерация
 angelinagracheva794@yandex.ru

СТРАТЕГИИ СКАФФОЛДИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации образования традиционные педагогические подходы претерпевают существенную трансформацию, требуют адаптации к новым технологическим и коммуникативным реалиям. Актуализируется потребность в педагогически осмысленной, не формализованной поддержке обучающихся средствами информационно-коммуникационных технологий. Одним из перспективных видов такой поддержки является скаффолдинг. Предметом представленного в статье исследования выступили современные стратегии цифрового скаффолдинга в образовательном контексте. Цель работы состояла в систематизации и педагогическом обосновании эффективности данных стратегий, выявлении перспектив их развития. В рамках исследования была выдвинута гипотеза: оптимальная эффективность цифрового скаффолдинга достигается в интеграции возможностей искусственного интеллекта, педагогической

поддержки и сопровождения, с попутным развитием метакогнитивной саморегуляции обучающихся. Методология исследования основана на обзорном и сравнительном анализе публикаций (2021—2026 гг.) из баз Scopus, eLibrary и «КиберЛенинка». В результате классифицированы четыре вида поддержки (инструктивная, метакогнитивная, аффективная, социальная), обоснованы критерии их педагогической целесообразности. Сформулированы параметры оценки качества цифрового скаффолдинга, практические рекомендации и направления дальнейших исследований. Результаты могут быть использованы методистами, преподавателями и исследователями в области цифровой дидактики и педагогического дизайна. Ограничения работы связаны с недостатком лонгитудных эмпирических данных. Определены перспективные направления исследований, в частности разработка этических и нормативных рамок ИИ-аналитики в учебных средах, сравнение

эффективности моделей цифровой поддержки в разных этнических и национальных группах, с учетом их образовательных традиций, а также изучение влияния цифрового скаффолдинга на развитие креативности, толерантности к неопределенности и учебной самостоятельности обучающихся.

Для цитирования: Иванов Н. А., Долидович О. М., Остыловская О. А., Грачева А. С. Стратегии скаффолдинга в условиях цифровой образовательной среды: тенденции и перспективы развития // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 295—300. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1655.

Original article

SCAFFOLDING STRATEGIES IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT: TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The rapid digitalization of education is leading to significant changes in traditional pedagogical approaches, which now need to adapt to new technological and communicative realities. There is a growing need for pedagogically meaningful, non-formalized support for learners using information and communication technologies. One promising form of such support is digital scaffolding. The article examines modern strategies of digital scaffolding in an educational context. The goal of the research is to systematize and pedagogically justify the effectiveness of these strategies and identify prospects for their development. The study hypothesizes that optimal effectiveness of digital scaffolding is achieved through the integration of artificial intelligence capabilities, pedagogical support, and the development of students' metacognitive self-regulation. The research methodology is based on a review and comparative analysis of publications from 2021 to 2026 in the Scopus, eLibrary, and CyberLeninka databases. The study classifies four types of support (instructional, meta-

cognitive, affective, and social) and substantiates criteria for their pedagogical appropriateness. It also formulates parameters for assessing the quality of digital scaffolding, practical recommendations, and directions for further research. The results can be useful for methodologists, teachers, and researchers in the field of digital didactics and pedagogical design. The limitations of the work are related to the lack of longitudinal empirical data. Promising areas of research include developing ethical and regulatory frameworks for AI analytics in educational environments, comparing the effectiveness of digital support models in different ethnic and national groups, and studying the impact of digital scaffolding on the development of creativity, tolerance to uncertainty, and learning independence among students.

Keywords: adaptive learning, artificial intelligence in education, collaborative learning, metacognitive regulation, educational analytics, pedagogical support, personalization of learning, scaffolding, digital didactics, digital educational environment

For citation: Ivanov N. A., Dolidovich O. M., Ostylovskaya O. A., Gracheva A. S. Scaffolding strategies in the digital educational environment: trends and development prospects. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026; 2(75):295—300. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1655.

Введение

Актуальность. Современная сфера образования сегодня находится в стадии активной цифровой трансформации. Этот процесс меняет не только форматы взаимодействия субъектов образовательных отношений, но и принципы организации познавательной деятельности, что ведет к системному обновлению основных элементов педагогического процесса. Внедрение платформ дистанционного обучения, виртуальных лабораторий и интеллектуальных образовательных систем формирует новую экосистему обучения, воспитания и развития. В данных условиях требуются переосмысление и технологическая адаптация традиционных механизмов педагогической поддержки. Значимую роль приобретает стратегия цифрового скаффолдинга, которая в дидактическом контексте смещает фокус на персонализированное обучение, выступая альтернативой традиционной парадигме.

Изученность проблемы. Теоретико-методологические основы скаффолдинга восходят к социокультурной теории обучения Л. С. Выготского. В 1930-е гг. он сформулировал положение о «зоне ближайшего развития», согласно которой учащийся способен лучше решать сложные задачи (которые пока находятся за пределами его самостоятельных

умений) под руководством взрослого или в сотрудничестве с равными [1]. Термин «скаффолдинг» Л. С. Выготский не использовал, но его положение о временной помощи как условии перехода к самостоятельному действию легло в основу дальнейших разработок [2].

В переводе с английского слово «скаффолдинг» буквально означает «строительные леса», которые используются при возведении конструкции и постепенно демонтируются и убираются полностью по мере завершения ее строительства [3]. В 1976 г. американские психологи Д. Вуд, Дж. Брунер и Г. Росс ввели этот термин в научный оборот в работе, посвященной тьюторскому сопровождению детей при решении задач. В отечественной педагогике аналогичные принципы развивались в рамках теории поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина и теории развивающего обучения Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова, где помощь рассматривалась не как замена активности ученика, а как условие ее становления.

С конца 1990-х гг. концептуальные идеи скаффолдинга начали активно внедрять в системы электронного обучения. Впоследствии появление интеллектуальных обучающих систем позволило алгоритмизировать учебные подсказки, а с начала 2000-х гг. развитие аналитики учебных данных

и адаптивных платформ сделало поддержку более индивидуализированной. Современные исследования активно используют и видоизменяют эти идеи применительно к цифровой среде. Зарубежные исследователи (Дж. Ву [4], Д. ван Гардерен [5], О. Завацки-Рихтер [6], С. Коэс Хандайто [7], Р. Лакин [8], Э. Панадеро [9], Н. Селвин [10], Г. Фига-Таламанка [11], У. Холмс [12], Г. Шталь [13] и др.) эмпирически обосновали эффективность разных видов цифровой поддержки — аффективной, инструктивной и метакогнитивной, проанализировали дидактический потенциал ИИ-тьюторства, адаптивных платформ и коллаборативных сред в развитии метакогнитивной саморегуляции и учебной самостоятельности обучающихся. Отечественные ученые (Т. В. Букина [14], О. И. Быковских [2], Е. А. Воронина и М. Л. Курьян [3], А. А. Марголис [15], Е. И. Соколова [16] С. В. Титова [17] и др.) рассматривают сущностные характеристики скаффолдинга и его классификацию, а также применение скаффолдинга в контексте обучения академическому письму, обратной связи для реализации саморегулируемого обучения и развития метакогнитивных умений, предметно-языкового интегрированного обучения, воплощения и модернизации адаптивных интеллектуальных образовательных систем посредством искусственного интеллекта.

Целесообразность разработки темы обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, активный переход к гибридным и дистанционным форматам обучения актуализирует потребность в четко обозначенных и системно выстроенных стратегиях цифровой поддержки, способных компенсировать физическое отсутствие преподавателя и обеспечить непрерывность образовательного процесса [6]. Во-вторых, в условиях экспоненциального роста внедрения ИИ-тьюторов и адаптивных систем эмпирические данные об их долгосрочной дидактической эффективности остаются противоречивыми, что требует критического осмысления и систематизации подходов к их применению [12]. В-третьих, требования нормативных документов, включая национальные проекты в сфере образования и стратегии цифровой трансформации, прямо указывают на необходимость развития компетенций саморегуляции и цифровой грамотности, что коррелирует с целевыми установками скаффолдинга.

Несмотря на растущий интерес к данной теме, анализ педагогической теории и практики демонстрирует отсутствие единой классификации цифровых стратегий скаффолдинга. Кроме того, в русскоязычных исследованиях международный термин «скаффолдинг» используется значительно реже, чем в зарубежных, что актуализирует задачу его концептуализации и адаптации к российским образовательным реалиям [15; 16].

Цель данного исследования заключается в систематизации современных стратегий цифрового скаффолдинга, обосновании условий их эффективности, а также выявлении перспективных направлений научно-практических разработок.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- 1) классифицировать основные типы стратегий цифровой поддержки и оценить их педагогическую целесообразность;
- 2) выявить дидактические принципы и механизмы оценки эффективности скаффолдинга;
- 3) определить ключевые ограничения и риски существующих практик;

- 4) сформулировать рекомендации для образовательной практики и обозначить направления дальнейших исследований.

Научная новизна. Уточнена систематизация современных стратегий цифрового скаффолдинга в рамках единой классификации, включающей четыре взаимосвязанных типа поддержки: инструктивный, метакогнитивный, аффективный (эмоциональный) и социальный. Выдвинутая в работе гипотеза служит основой для разработки новых научных идей об эффективности цифрового скаффолдинга.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии представлений о цифровом скаффолдинге за счет интеграции его принципов с возможностями образовательной аналитики и ИИ-тьюторства. **Практическая значимость** исследования определяется возможностью использования полученных результатов методистами, разработчиками образовательных платформ и преподавателями.

Основная часть

Методология исследования. Теоретико-методологическую основу исследования составляет системный подход как общенаучный, позволяющий рассмотреть проблематику цифрового скаффолдинга комплексно, во взаимосвязи с различными факторами обучения в цифровой среде.

Исследование выполнено в формате обзора и анализа современных тенденций реализации и развития скаффолдинга в цифровой образовательной среде (на материале зарубежных и российских научных статей). В качестве источников данных для зарубежных исследований использовалась библиографическая база *Scopus*, для российских — *eLibrary.ru* (РИНЦ) и «КиберЛенинка». Поиск проводился преимущественно за период с 2021 по 2026 г. (последние пять лет), что позволило охватить этап активной цифровизации образования и постпандемийную трансформацию онлайн-обучения.

Результаты исследования. На сегодняшний день цифровая среда позволяет существенно варьировать объем педагогической поддержки, отслеживать индивидуальный прогресс учебной деятельности в реальном времени и автоматически корректировать сложность заданий. Однако вместе с новыми возможностями персонализации обучения, расширяемыми в условиях цифровой среды, возникают риски: избыточная автоматизация снижает познавательную активность учащихся, а неравный доступ к технологиям усугубляет образовательное неравенство. Кроме того, цифровые решения могут внедряться без достаточного педагогического обоснования, что приводит к номинальности поддержки и дополнительной нагрузке на преподавателей, а также цифровому выгоранию субъектов образования. Также к рискам следует отнести снижение концентрации внимания обучающихся и продуктивности их работы с информацией.

Анализ литературы показывает, что подходы к педагогической поддержке в цифровой среде остаются фрагментарными. В частности, наблюдается дефицит системных обзоров, интегрирующих различные аспекты скаффолдинга в единые рамки, что снижает возможность комплексного применения результатов в практике проектирования образовательных сред. Современный цифровой скаффолдинг выходит за рамки простых подсказок и включает четыре взаимосвязанных типа цифровой поддержки, каждый из которых решает специфические педагогические задачи

и опирается на определенные когнитивные механизмы. Поэтому формулировка нашей рабочей **гипотезы** такова: оптимальная эффективность цифрового скаффолдинга достигается в сочетании комбинации решений на основе искусственного интеллекта, с педагогической поддержкой, перетекающей в педагогическое сопровождение, вкупе с развитием метакогнитивной саморегуляции учащихся.

Для подтверждения гипотезы рассмотрим далее четыре взаимосвязанных вида цифрового скаффолдинга, которые мы определили в результате обобщения анализируемой литературы. Характеристика выделенных стратегий представлена в таблице, которая позволяет наглядно сопоставить инструменты, условия эффективности и типичные риски каждого типа поддержки.

Характеристика типов цифрового скаффолдинга

Педагогическая задача	Инструменты реализации	Условия эффективности	Риски
<i>Инструктивный скаффолдинг</i>			
Снижение когнитивной нагрузки на старте, фокус на основных аспектах содержания	Пошаговые алгоритмы, интерактивные тренажеры, чек-листы, разбор готовых примеров	Четкое ограничение по времени или количеству попыток; обязательный последующий переход к открытым задачам	Привыкание к готовым схемам, потеря способности выстраивать собственные стратегии решения
<i>Метакогнитивный скаффолдинг</i>			
Развитие саморегуляции и формирование навыков самообразования	Электронные дневники обучения, адаптивные вопросы-промпты, визуализация прогресса, рубрики самооценки	Систематичность; строгая привязка к конкретным учебным действиям, а не к абстрактным рекомендациям	Формальное заполнение без глубокого осмысления, отрыв рефлексии от реальной учебной практики
<i>Аффективный скаффолдинг</i>			
Поддержание мотивации, вовлеченности и адаптация под уровень активности	Мотивационные сообщения, персонализированная обратная связь, геймификация, системы анализа паттернов вовлеченности	Сочетание с содержательной рефлексией; использование не только для удержания внимания, но и для глубокой проработки	Поверхностная вовлеченность; замена эмпатии и реального взаимодействия с преподавателем на алгоритмическую реакцию
<i>Социальный скаффолдинг</i>			
Активизация взаимообучения, совместное конструирование знаний, распределение наставнических функций	Совместные документы, вики-системы, форумы с модерацией, инструменты распределения ролей	Четкое распределение ролей; структурированные протоколы обсуждения. своевременное педагогическое вмешательство	Превращение платформ в каналы обмена готовыми ответами; когнитивная перегрузка при отсутствии педагогического дизайна

Инструктивный скаффолдинг эффективен на начальных этапах освоения сложных тем, т. к. снижает когнитивную нагрузку и позволяет сосредоточиться на ключевых аспектах содержания [5]. Однако при чрезмерной длительности данной поддержки и без постепенного ее снижения учащиеся привыкают к готовым схемам и теряют способность выстраивать собственные стратегии решения. **Метакогнитивный скаффолдинг** направлен на развитие саморегуляции: планирование, самопроверку, рефлексии, оценку стратегий мышления. Исследования показывают, что именно этот тип поддержки обеспечивает устойчивый долгосрочный эффект, т. к. способствует формированию навыков самообразования [9], развитию саморегуляции и научного мышления [7], переносу знаний в другие ситуации [4]. **Аффективный (эмоциональный) скаффолдинг** выражается в наличии на платформах модулей, реагирующих на задержки, повторные попытки, частоту обращений к справке, и подстраивают тон сообщений под уровень активности [11]. Однако автоматическая реакция на поведение не способна полноценно заменить реальное взаимодействие с преподавателем и эмпатию. **Социальный скаффолдинг** в цифровой среде предполагает такую модель поддержки, где функции тьютора или наставника распределяются между преподавателем, ИИ-ассистентом и группой сверстников. Такая модель особенно эффективна в проектной и исследовательской деятельности, где требуется совместное решение открытых задач. Коллаборативные платформы активизируют взаимообучение и взаимоподдержку, но требуют обеспечения условий для предотвращения когнитивной перегрузки [13].

В плане технологической инфраструктуры базовыми для цифрового скаффолдинга по-прежнему остаются системы управления обучением (*LMS*), в частности *LMS Moodle*. Однако с точки зрения скаффолдинга их потенциал раскрывается при интеграции с аналитическими и адаптивными модулями, в т. ч. на базе искусственного интеллекта в целях сбора и анализа учебных данных как для каждого обучающегося персонально, так и относительно курса в целом [17]. Интеллектуальные обучающие системы (*ITS*) и ИИ-ассистенты, будучи одними из инструментов цифрового скаффолдинга, демонстрируют наиболее высокие результаты в дисциплинах с четкой структурой знаний (математика, программирование, естественные науки), где алгоритмы могут анализировать ошибки и корректировать сложность заданий в реальном времени [8]. В гуманитарных и творческих областях эффективность снижается из-за сложности формализации критериев качества и необходимости интерпретации смыслов [10]. Здесь цифровая поддержка наиболее эффективна как инструмент организации дискуссии, структурирования аргументации, а не как источник «правильных ответов».

С учетом текущих реалий развития цифровых технологий, будущее скаффолдинга не мыслится без искусственного интеллекта. Искусственный интеллект успешно используется для удовлетворения персональных потребностей в обучении, учета индивидуальных способностей и особенностей обучающихся, и это может быть воплощено в формате цифрового ассистента, формирующего рекомендации лекций на основе запросов и компетенций студентов, анализа и выдачи информации о сильных

и слабых сторонах в стратегиях обучения конкретного учащегося [14]. Это свидетельствует о том, что искусственный интеллект фактически уже выполняет ключевые функции скаффолдинга — оперативное прояснение затруднений и адаптивную поддержку в зоне ближайшего развития, становясь масштабируемым и доступным инструментом персонализированной помощи в цифровой образовательной среде.

Критический анализ перечисленных дидактических возможностей цифрового скаффолдинга приводит нас к парадоксу: чем детальнее и нагляднее поддержка, тем ниже вероятность самостоятельного переноса навыков в новые ситуации. Ответом на этот вызов становятся эффективные стратегии цифрового скаффолдинга в обучении, которые следуют принципу постепенного уменьшения помощи. Между тем оценка эффективности скаффолдинга в цифровой среде требует многоуровневого подхода. Краткосрочные метрики (скорость выполнения, точность ответов) не могут заменить долгосрочные показатели, связанные со способностью применять знания в нестандартных ситуациях, стратегическим мышлением. Поэтому количественные данные аналитики целесообразно дополнять качественными (интервью, анализ рефлексивных записей, портфолио), что позволяет отследить не только результат, но и траекторию становления учебной самостоятельности.

Рассматривая проблему возможных рисков и этических аспектов цифрового скаффолдинга, необходимо подчеркнуть, что автоматизация поддержки обучения сопряжена с проблемой непонимания студентами логики появления алгоритмизированных подсказок. Избыточная персонализация может формировать так называемые «информационные пузыри», сужающие образовательный опыт и тем самым минимизирующие вероятность столкновения с альтернативными точками зрения, что, между тем, критически важно для развития критического мышления.

Заключение

Таким образом, скаффолдинг сегодня трансформировался из вспомогательного педагогического приема в системный элемент образовательной среды, требующий междисциплинарного проектирования на стыке педагогики, когнитивной психологии и информационных технологий. Эффективность скаффолдинга достигается при диф-

ференцированном применении инструктивных, метакогнитивных, аффективных и социальных стратегий, адаптированных к этапам учебного процесса и когнитивным особенностям обучающихся. Необходим переход к моделям скаффолдинга, которые опираются на прогнозирование трудностей, прозрачность алгоритмов и поэтапное снижение педагогического влияния с акцентом на развитие учебной самостоятельности.

Практические рекомендации, которые мы предлагаем в завершение статьи:

1. Внедрение принципа «поддержки по запросу», при котором помощь оказывается только при выявлении устойчивых затруднений, что предотвращает формирование зависимости от системы.
2. Интеграция рефлексивных модулей и инструментов самооценки в цифровые среды для переноса навыков в новые контексты образования и жизни.
3. Разработка стандартов педагогической прозрачности ИИ-алгоритмов для обеспечения безопасного взаимодействия.
4. Создание профессиональных сообществ и методических лабораторий для совместного проектирования цифровых сценариев поддержки и обмена опытом.

Направления дальнейших исследований определяются выявленными ограничениями. Приоритетными становятся:

- разработка этических и нормативных рамок использования прогнозной аналитики и систем эмоционального распознавания в учебных средах (включая требования к объяснимости алгоритмов и защите данных);
- кросс-культурные сравнения эффективности моделей цифровой поддержки с учетом национальных образовательных традиций;
- изучение влияния цифровой поддержки на развитие креативности, толерантности к неопределенности и способности к самостоятельному поиску решений.

Реализация этих направлений позволяет перейти от фрагментарных технологических решений к целостной экосистеме образовательной поддержки, соответствующей вызовам цифровой эпохи и сохраняющей личностно-ориентированную направленность педагогического процесса. Скаффолдинг в цифровой среде должен быть не технологическим продуктом, а педагогической стратегией, где технологии усиливают, но не заменяют в полной мере человеческое наставничество.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. М. : АСТ : Астрель, 2010. 672 с.
2. Быковских О. И. Скаффолдинг как вид педагогической поддержки при реализации предметно-языкового интегрированного обучения // Калининградский вестник образования. 2022. № 2(14). С. 22—29.
3. Курьян М. Л., Воронина Е. А. Применение технологии педагогической поддержки («скаффолдинг») при обучении студентов эффективной обратной связи // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 183—191.
4. Wu J., Wang J., Lei S., Wu F., Gao X. The impact of metacognitive scaffolding on deep learning in a GenAI-supported learning environment // Interactive Learning Environments. 2025. Vol. 33. Iss. 9. Pp. 5166—5183. DOI: 10.1080/10494820.2025.2479162.
5. Instructional Scaffolding to Engage All Learners in Complex Science Text / D. Garderen, R. Juergensen, C. Smith et al. // Science scope. 2021. Vol. 44. Iss. 3. Pp. 37—43. DOI: 10.1080/08872376.2021.12291386.
6. Zawacki-Richter O., Marín V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. Iss. 1. Pp. 1—27. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.
7. Коес Хандаянто С., Фаваиз С., Тауфик А. Использование электронного скаффолдинга для развития научного мышления студентов через обучение на основе запросов // Образование и наука. 2024. Т. 26. № 3. С. 69—90. (На англ. яз.) DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3082.
8. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L. B. Intelligence Unleashed: An argument for AI in Education. London : Pearson, 2016. 60 p.

9. Panadero E., Romero M. To rubric or not to rubric? The effects of self-assessment on self-regulation, performance and self-efficacy // *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 2014. Vol. 21. Iss. 2. Pp. 133—148. DOI: 10.1080/0969594X.2013.877872.
10. Selwyn N. Should robots replace teachers? AI and the Future of Education. Cambridge : Polity Press, 2019. 160 p.
11. Figà-Talamanca G. Digitally Scaffolded Vulnerability: Facebook's[□] Recommender System as an Affective Scaffold and a Tool for Mind Invasion // *Topoi*. 2024. Vol. 43. Pp. 631—643. DOI: 10.1007/s11245-024-10051-w.
12. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. Boston : Center for Curriculum Redesign, 2019. 242 p.
13. Stahl G., Koschmann T., Suthers D. Computer-supported Collaborative Learning: An Historical Perspective // *Cambridge Handbook of the Learning Sciences* / ed. R. K. Sawyer. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. Pp. 409—426.
14. Букина Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. № 1. С. 76—83. DOI: 10.24158/spp.2025.1.9.
15. Марголис А. А. Зона ближайшего развития, скаффолдинг и деятельность учителя // *Культурно-историческая психология*. 2020. Т. 16. № 3. С. 15—26. DOI: 10.17759/chp.2020160303.
16. Соколова Е. И. Методика «скаффолдинг» в дискурсе академического письма // *Непрерывное образование: XXI век*. 2023. № 3(43). DOI: 10.15393/j5.art.2023.8654.
17. Титова С. В. Интеллектуальные системы обучения для персонализации и адаптации языковых курсов // *Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2024. № 4. С. 84—99. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6.

REFERENCES

1. Vygotsky L. S. Pedagogical psychology. V. V. Davydov (ed.). Moscow, AST, Astrel', 2010. 672 p. (In Russ.)
2. Bykovskikh O. I. Scaffolding as a type of pedagogical support in the implementation of subject-language integrated learning. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*. 2022;2(14):22—29. (In Russ.)
3. Kuryan M. L., Voronina E. A. Use of Pedagogic Support (Scaffolding) in Teaching Students Effective Feedback. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2020;461:183—191. (In Russ.)
4. Wu J., Wang J., Lei S., Wu F., Gao X. The impact of metacognitive scaffolding on deep learning in a GenAI-supported learning environment. *Interactive Learning Environments*. 2025;33(9):5166—5183. DOI: 10.1080/10494820.2025.2479162.
5. Garderen D., Juergensen R., Smith C. et al. Instructional Scaffolding to Engage All Learners in Complex Science Text. *Science scope*. 2021;44(3):37—43. DOI: 10.1080/08872376.2021.12291386.
6. Zawacki-Richter O., Marin V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019;16(1):1—27. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.
7. Koes Handayanto S., Fawaiz S., Taufiq A. Using e-scaffolding to develop students' scientific reasoning through inquiry-based learning. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2024;26(3):69—90. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-3082.
8. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L. B. Intelligence Unleashed: An argument for AI in Education. London, Pearson, 2016. 60 p.
9. Panadero E., Romero M. To rubric or not to rubric? The effects of self-assessment on self-regulation, performance and self-efficacy. *Assessment in Education: Principles, Policy & Practice*. 2014;21(2):133—148. DOI: 10.1080/0969594X.2013.877872.
10. Selwyn N. Should robots replace teachers? AI and the Future of Education. Cambridge, Polity Press, 2019. 160 p.
11. Figà-Talamanca G. Digitally Scaffolded Vulnerability: Facebook's Recommender System as an Affective Scaffold and a Tool for Mind Invasion. *Topoi*. 2024;43:631—643. DOI: 10.1007/s11245-024-10051-w.
12. Holmes W., Bialik M., Fadel C. Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning. Boston, Center for Curriculum Redesign publ., 2019. 242 p.
13. Stahl G., Koschmann T., Suthers D. Computer-supported Collaborative Learning: An Historical Perspective. *Cambridge Handbook of the Learning Sciences*. R. K. Sawyer (ed.). Cambridge, Cambridge University Press, 2022. Pp. 409—426.
14. Bukina T. V. Artificial Intelligence in Education: Current State and Development Prospects. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025;1:76—83. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2025.1.9.
15. Margolis A. A. Zone of Proximal Development, Scaffolding and Teaching Practice. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2020;16(3):15—26. DOI: 10.17759/chp.2020160303.
16. Sokolova E. I. Scaffolding methodology in the discourse of academic writing. *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek = Lifelong education: the 21st century*. 2023;3(43). (In Russ.) DOI: 10.15393/j5.art.2023.8654.
17. Titova S. V. Intelligent Learning Systems for Personalizing and Adapting Language Courses // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*. 2024;4:84—99. (In Russ.) DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-27-4-6.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья

УДК 796.015

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1591

Alexander Gennadievich Kondrashov

Senior lecturer at the Department of Physical Training,
Volgograd Academy
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Volgograd, Russian Federation
alexandr.condraschow@yandex.ru

Александр Геннадьевич Кондрашов

старший преподаватель
кафедры физической подготовки,
Волгоградская академия МВД России
Волгоград, Российская Федерация
alexandr.condraschow@yandex.ru

Vladimir Alexandrovich Ovchinnikov

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Theoretical Foundations
of Physical Culture and Sports,
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation
va.ovchinnikov@mpgu.su

Владимир Александрович Овчинников

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры теоретических основ
физической культуры и спорта,
Московский педагогический государственный университет
Москва, Российская Федерация
va.ovchinnikov@mpgu.su

К ВОПРОСУ О СТАТОДИНАМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.8.4 — Физическая культура и профессиональная физическая подготовка

Аннотация. В статье обосновывается значимость статодинамической устойчивости для профессиональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России. Особое внимание уделено влиянию кинематических показателей на сохранение равновесия в статических и динамических условиях, что является неотъемлемой частью эффективного выполнения оперативно-служебных задач и обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. В исследовании анализируются различные позы тела и их устойчивость при выполнении специальных физических упражнений, таких как преодоление полосы препятствий, а также указывается на значимость коэффициента устойчивости, включая влияние антропометрических характеристик. Цель исследования заключается в выявлении влияния физической подготовки, направленной на развитие статодинамической устойчивости, на профессиональную готовность курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России, а также определения эффективности различных поз и упражнений на баланс

с учетом их биомеханических и антропометрических характеристик для улучшения устойчивости при преодолении различных препятствий.

Эксперимент проведен на базе Волгоградской академии МВД России с участием 20 курсантов, разделенных на две группы с различающимися антропометрическими показателями. С помощью комплекса методов определены оптимальные параметры равновесия для ряда ключевых поз. Установлено, что устойчивость тела возрастает при снижении высоты общего центра масс тела и увеличении площади опоры; выявлены наименее и наиболее устойчивые положения. На основе биомеханических исследований установлены оптимальные параметры равновесия для различных поз, что позволяет выделить наиболее эффективные методики совершенствования статодинамической устойчивости.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, статодинамическая устойчивость, физическая подготовка, координационные способности, показатели устойчивости, равновесие, биомеханика, антропометрические характеристики, общий центр масс тела, поле устойчивости

Для цитирования: Кондрашов А. Г., Овчинников В. А. К вопросу о статодинамической устойчивости сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 301—306. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1591.

Original article

ON THE QUESTION OF STATODYNAMIC STABILITY AMONG EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

5.8.4 — Physical culture and professional physical training

Abstract. The article substantiates the importance of statodynamic stability for the professional training of cadets and students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Special attention is paid to the influence of the location of kinematic indicators on maintaining balance in static

and dynamic conditions, which is an integral part of the effective performance of operational and official tasks and ensuring the personal safety of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. The study analyzes various body postures and their stability when performing special physical

exercises, such as overcoming obstacle courses, and also points out the importance of the stability coefficient, including the influence of anthropometric characteristics. The purpose of the study is to identify the impact of physical training aimed at developing statodynamic stability on the professional readiness of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, as well as to determine the effectiveness of various postures and balance exercises, taking into account their biomechanical and anthropometric characteristics, in improving stability when overcoming various obstacles.

An experiment was conducted at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, involving 20 cadets divided into two groups with different anthropo-

metric indicators. Using a set of methods, the optimal balance parameters for a number of key postures were determined. It was established that the stability of the body increases with a decrease in the height of the whole-body center of mass and an increase in the support area; the least and most stable positions were identified. Based on biomechanical studies, the optimal balance parameters for various poses were established, which allowed for the identification of the most effective methods for improving statodynamic stability.

Keywords: *officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia, statodynamic, physical fitness, coordination skills, stability indicators, balance, biomechanics, anthropometric characteristics, whole-body center of mass, stability field*

For citation: Kondrashov A. G., Ovchinnikov V. A. On the question of statodynamic stability among employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):301—306. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1591.

Введение

Актуальность. В контексте современных требований к профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел (далее — ОВД) Российской Федерации особое значение приобретает совершенствование их физической готовности с акцентом на развитие навыков преодоления разнообразных препятствий. Подобная деятельность предполагает высокий уровень способности сохранять динамическое равновесие, т. е. устойчивость тела в движении при постоянно меняющихся внешних условиях. Это качество является критически важным для успешного выполнения служебных задач в реальных оперативных ситуациях и напрямую влияющим на эффективность выполнения оперативно-служебных задач и обеспечение личной безопасности [1—5]

Степень разработанность проблемы. Анализ современной научной литературы показывает, что проблема статодинамической устойчивости и профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников ОВД Российской Федерации активно исследуется отечественными учеными, при этом работы охватывают различные аспекты данной тематики. Значительный вклад в изучение координационных способностей как основы профессиональной готовности внесли В. С. Мартыненко и Р. В. Камнев [6]. Авторы подчеркивают, что уровень развития координации напрямую влияет на способность сотрудников быстро адаптироваться к меняющимся условиям служебной деятельности, оперативно реагировать на неожиданные ситуации и эффективно выполнять служебные задачи. О. С. Панова [7] разработала систему оценки физической подготовки сотрудников Министерства внутренних дел РФ (далее — МВД России), которая позволяет комплексно оценивать уровень физической готовности, включая компоненты статодинамической устойчивости. И. Л. Гросс и П. А. Сычев [8] предложили биомеханические подходы к оценке устойчивости, основанные на использовании количественных показателей. Ю. В. Литвиненко [9] изучила статодинамическую устойчивость в экстремальных условиях, механизмы поддержания равновесия при внезапном изменении обстановки, влияние устойчивости на результативность действий и методы тренировки в условиях стресса и дефицита времени. А. Ю. Боренов и В. П. Полушин [10, 11] сформулировали требования к устойчивости при преодолении препятствий и разработали рекомендации по совершенствованию техники преодоления препятствий с учетом антропометрии курсантов МВД России.

Теоретические основы биомеханики движений, имеющие принципиальное значение для понимания механизмов поддержания равновесия, заложены в классических работах Н. А. Бернштейна [12]. Эти положения служат научной базой для исследований в области физической подготовки сотрудников силовых структур. Е. Н. Коноплева [13] в своих исследованиях акцентирует внимание на современных методах биомеханического анализа движений человека. Автор систематизирует подходы к регистрации и интерпретации кинематических и динамических параметров, что позволяет адаптировать передовые технологии для нужд профессионально-прикладной физической подготовки. А. Г. Кондрашов и В. А. Овчинников [14; 15] изучили потребность в совершенствовании статодинамической устойчивости в процессе профессиональной деятельности сотрудников ОВД Российской Федерации, обосновали необходимость целенаправленного развития статодинамических качеств для повышения профессиональной готовности, а также предложили критерии оценки уровня устойчивости и способы его повышения в рамках учебных программ образовательных организаций МВД России.

Несмотря на значительный вклад указанных исследователей, в данной области остаются недостаточно изученными следующие аспекты:

- количественная оценка устойчивости в типовых служебных позах с учетом антропометрических данных курсантов образовательных организаций МВД России;
- эффективное влияние геометрических параметров тела в условиях преодоления препятствий;
- возможности адаптации к постоянно меняющимся условиям преодолеваемой среды;
- количественные параметры устойчивости для типовых служебных поз с учетом антропометрических различий между курсантами образовательных организаций МВД России.

Целесообразность разработки темы. Исследования статодинамической устойчивости сотрудников ОВД Российской Федерации обусловлены необходимостью устранения выявленных пробелов и разработки научно обоснованных подходов к совершенствованию физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

Цель научной работы — выявить влияние количественных антропометрических параметров организма курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России на сохранение статодинамической устойчивости в типовых служебных позах.

Задачи исследования: проанализировать научно-методическую литературу и определить влияние геометрических размеров тела на устойчивость в типовых служебных позах у курсантов МВД России с разными антропометрическими данными, проанализировать полученные данные.

Новизна исследования: комплексно анализируется статодинамическая устойчивость курсантов и слушателей Волгоградской академии МВД России с учетом антропометрических показателей тела, представлены количественные данные по углам устойчивости, высоте общего центра масс тела (далее — ОЦМТ) и площади опоры для восьми типовых служебных поз. В ходе исследования установлены количественные закономерности влияния роста курсантов МВД России и эффективной площади опоры на показатели устойчивости тела в типовых служебных позах, обоснована необходимость специальной подготовки для развития динамического равновесия.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении и уточнении существующих базовых основ профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников ОВД Российской Федерации в целом и курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в частности в контексте развития статодинамической устойчивости. Подтверждена и конкретизирована зависимость статодинамической устойчивости от антропометрических характеристик.

Практическая значимость исследования. Полученные данные позволяют дифференцировать подходы к физической подготовке курсантов и слушателей с учетом антропометрических показателей, моделировать служебно-боевые ситуации с элементами балансирования и разрабатывать специализированные комплексы упражнений для совершенствования навыков сохранения равновесия при выполнении оперативно-служебных задач (преодоление препятствий, силовое задержание, индивидуальное сопротивление).

Основная часть

Методы и организация исследования. Исследование проводилось на базе Волгоградской академии МВД России в процессе учебно-тренировочных занятий по дисциплине «Физическая подготовка». В исследовании приняли участие 20 курсантов. Первая группа характеризовалась следующими средними антропометрическими показателями: рост в среднем 169 ± 2 см, масса тела — 82 кг; вторая группа: рост — 184 ± 4 см, масса тела в среднем — 85 кг. После систематизации рабочих поз встречающихся при преодолении различных препятствий было выделено восемь базовых положений и проведена их фотосъемка в программе *Kinovea* (<https://www.kinovea.org/>) — инструменте для биомеханического анализа движений. В ходе обработки определены следующие параметры: рост испытуемых в см, высота расположения ОЦМТ относительно уровня опоры в см и рассчитана эффективная площадь опоры (см²). В связи со значительной вариабельностью выборки и ее незначительным объемом рассчитывался коэффициент вариации (*CV*), позволивший судить об ее однородности.

Полученные значения *CV* позволили классифицировать выборки по степени однородности и скорректировать дальнейшую статистическую обработку результатов.

Результаты и их обсуждение. Исследование проводилось в три этапа. На подготовительном этапе осуществлялся анализ научной литературы, формулировка цели и задач исследования, подбор методов и контингента испытуемых. Основным этапом — определение типовых рабочих положений тела, их фотосъемка, проведение антропометрических измерений, кинематических расчетов и фиксация показателей устойчивости в различных статических позах. Заключительный этап — статистическая обработка и интерпретация полученных данных, формулирование выводов.

В спортивной биомеханике анализ устойчивости тела человека базируется на выделении двух фундаментальных направлений перемещения — продольного и поперечного — и соответствующих им полей устойчивости (зон равновесия) [12; 13]. Это позволяет количественно оценивать границы сохранения равновесия при различных двигательных задачах.

Первое направление сагиттальное (передне-задний вектор), которое характеризуется движением вперед назад и соотносится с сагиттальной плоскостью устойчивости. Оно определяет способность человека сохранять равновесие при выполнении таких действий, как наклоны, выпады, бег, прыжки и приземления.

Второе направление — фронтальное (боковой вектор), связанное с перемещениями вправо-влево и относящееся к фронтальной плоскости устойчивости. Оно отражает способность удерживать равновесие при боковых смещениях центра масс тела. Ключевым понятием здесь выступает поле устойчивости — зона вокруг проекции ОЦМТ на опорную поверхность, в пределах которой равновесие сохраняется. Как только ОЦМТ выходит за границы этой зоны, возникает риск потери устойчивости [14; 15].

Представленные данные послужили основанием для определения базовых положений тела. На рисунке представлены основные показатели характеризующие статодинамическую устойчивость в случае преодоления различных препятствий.

ПОКАЗАТЕЛИ СТАТОДИНАМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ	
Статическая устойчивость	Динамическая устойчивость
– высота расположения ОЦМТ, – угол устойчивости, – угол равновесия, – момент устойчивости	– соотношение амплитуды, частоты колебаний тела и времени сохранения равновесия, – длина траектории ОЦМТ на опору в сагиттальной и фронтальной плоскостях и их соотношение, – частота колебаний тела, – симметрия и асимметрия движений в процессе регуляции позы тела, – время фиксации равновесия тела

Рис. Показатели статодинамической устойчивости

На втором этапе были проведены антропометрические измерения, определены кинематические характеристики и фиксация показателей устойчивости в различных статических позах.

В таблице представлены различные положения тела человека в порядке повышения устойчивости и параметры устойчивости в различных позах в исследуемых группах.

**Показатели устойчивости тела человека во фронтальной и сагиттальной плоскостях
в зависимости от кинематических показателей**

Положение	Устойчивость во фронтальной плоскости, (влево-вправо) градусы	Устойчивость в сагиттальной плоскости, (вперед-назад) градусы	Группа	Площадь опоры		Высота ОЦМТ	
				см ²	CV, %	см	CV, %
Стойка на одной ноге	17,9	20,2	1	297	33,7	97	40,4
			2	297	33,7	113	44,2
Основная стойка	9,7	14,5	1	594	42,1	97	46,4
			2	594	42,1	113	44,2
Стойка на носках с сомкнутыми стопами	10,4	5,6	1	220	45,5	101	49,5
			2	242	49,6	118	42,2
Стойка ноги врозь	30,3	14,8	1	1 242	40,3	95	47,4
			2	1 296	38,6	111	45,0
Полуприсед	16,4	20,7	1	594	42,1	68	44,1
			2	594	42,1	84	47,6
Упор стоя на коленях	61,6	98,8	1	3 150	47,6	51	49,0
			2	3 800	42,1	56	44,6
Упор на правом колене	28,8	88,2	1	1 908	41,9	51	49,0
			2	2 412	49,8	60	50,0
Положение лежа на животе	129,6	169,1	1	7 305	47,9	25	40,0
			2	8 280	48,3	24	41,7

Учитывая отсутствие статистически значимых различий по большинству показателей для оценки уровня устойчивости тела, применялся коэффициент вариации. Он позволил нам установить однородность выборки и стабильность измеряемого признака.

Данный коэффициент демонстрирует относительную меру разброса данных вокруг среднего значения, выраженную в процентах, и используется нами для сравнения вариативности контролируемых признаков.

В таблице сопоставлены показатели устойчивости курсантов разного роста во фронтальной и сагиттальной плоскостях с учетом различного расположения звеньев тела в различных позах.

Анализ полученных результатов позволил расположить данные по мере увеличения устойчивости тела в той или иной позе.

Как известно, устойчивость в равновесии тела повышается с понижением положения ОЦМТ и увеличением площади опоры. Данное обстоятельство приводит к увеличению углов устойчивости во фронтальной и сагиттальной плоскостях, что в наибольшей степени проявляется в положениях лежа на животе. Для указанных положений зафиксированы углы устойчивости 129,6° и 169,1°. Проведенный анализ вариативности параметров при подобном расположении тела выявил отсутствие однородности данных по остальным показателям.

Изменения площади опоры и высоты расположения ОЦМТ в положении стоя на коленях или одном колене существенно снижает проявления способностей по сохранению равновесия. В данном положении существенно различаются углы устойчивости (28,8° и 88,2° соответственно). По остальным показателям устойчивости наблюдается значительный разброс показателей. Это указывает на заметные различия показателей характеризующих положения ОЦМТ у испытуемых. По уровню подготовленности курсанты имеют значительные различия. Коэффициент вариации более 40 %.

Поза в полуприседе характеризуются средней устойчивостью. Углы в плоскостях небольшие (16,4° и 20,7°). Это существенно снижает возможности по балансированию при нарушении равновесия. Значительная подвижность тела в этих положениях обусловливается возможностью значительной подвижности и изменением высоты и положения ОЦМТ.

Показатели, характеризующие положение тела в стойке ноги врозь имеет значительный разброс. Угол устойчивости в сагиттальной плоскости в среднем равен 14,8°, а во фронтальной положение тела неустойчиво (30,3°) в передне-заднем направлении. Стойка ноги врозь неустойчива за счет существенного снижения площади опоры и уменьшением угла устойчивости в передне-заднем направлении. Достаточно сложным положением является стойка на носках с сомкнутыми стопами. Причем все курсанты продемонстрировали отсутствие хорошей возможностью воспроизведения параметров этой позы. Это задание является трудным для сохранения устойчивого положения и определяется малыми углами устойчивости в обеих плоскостях. А вот по показателям высоты расположения ОЦМТ они различаются на 17 см. Это объясняется значительными различиями роста курсантов, а как известно, высокие люди подвержены потере равновесия при различных внешних воздействиях.

Основная стойка, несмотря на привычность положения тела, вызывает определенные сложности при балансировании у курсантов. В этом положении наблюдаются незначительные углы устойчивости — 9,7° во фронтальной плоскости и 14,5° в сагиттальной, — а также незначительная эффективная площадь опоры. При этом указанные параметры демонстрируют стабильность, а их показатели имеют приемлемый разброс значений. При малой амплитуде колебаний ОЦМТ даже небольшие отклонения от оптимального положения приводят к необходимости частых корректирующих движений для удержания баланса.

Из всех представленных положений тела, встречающихся в случае преодоления различных препятствий, самой сложной является стойка на одной ноге. В этой позе наименьшие малые углы устойчивости и площадь опоры при значительном положении высоты центра тяжести тела (97 и 113 см). Это означает, что даже небольшое смещение тела создает больший крутящий момент в суставах (голеностопном, коленном, тазобедренном), что усложняет балансирование. Коротким рычагам (как у курсанта ростом 168 см) соответствует меньшая амплитуда движений для смещения ОЦТ, что облегчает контроль баланса.

Проведенные измерения выявили низкий уровень подготовленности курсантов в удержании равновесия, что коррелирует с различными антропометрическими показателями. Полученные данные свидетельствуют о недостаточном уровне общей физической подготовленности обучающихся.

Рассматриваемые нами статичные положения тела можно отнести к ограниченно-устойчивым равновесиям. Они практически устойчивы, если ОЦМТ удерживается в границах эффективной площади опоры. В динамическом равновесии человек находясь в том или ином положении располагает возможностями активного балансирования. При этом если размах балансирования тела в движении выходит за пределы площади опоры, то устойчивость тела нарушается [14; 15].

Можно считать, что сравниваемые параметры устойчивости в различных положениях тела предъявляют разнообразные требования к управлению этими положениями при нахождении в различных динамических позах и требуют разнообразных навыков управления балансированием в случае потери равновесия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Машошин М. М., Пахомов В. И. Совершенствование физической подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Автономия личности. 2022. № 2(28). С. 177—182.
2. Хажироков В. А. Специфические характеристики профессионально-прикладной физической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 2. С. 220—222. DOI: 10.24411/2073-3305-2019-10118.
3. Польской И. П., Зуев Е. С., Краснопольский А. В. Актуальные вопросы обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД при несении службы в особых условиях // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 10А. С. 277—283.
4. Бледных О. А., Виноградов А. А. Проблемы организации практических занятий по огневой и физической подготовке сотрудников территориальных органов Министерства внутренних дел России // Наука-2020. 2021. № 6(51). С. 100—107.
5. Полунин В. П., Логинов С. Н. Физическая подготовка в системе профессионального обучения сотрудников МВД России. Ростов н/Д. : Рост. юрид. ин-т МВД России, 2018. 112 с.
6. Мартыненко В. С., Камнев Р. В. Координационные способности как системообразующие качества физической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2021. № 2(192). С. 174—177.
7. Панова О. С., Коломийченко Е. В., Фомичев И. А. Комплексный подход к оценке физической подготовки сотрудников МВД: от тестирования до персонализированных программ // Евразийский юридический журнал. 2025. № 2(201). С. 475—476.
8. Гросс И. Л., Сычев П. А., Кондрашов А. Г. Оценка статодинамической устойчивости тела в различных видах спорта // Успехи гуманитарных наук. 2025. № 10. С. 308—312.
9. Литвиненко Ю. В., Никитенко А. Статодинамическая устойчивость тела спортсмена как основа эффективных двигательных действий в неожиданных ситуациях (на материале рукопашного боя) // Наука в олимпийском спорте. 2018. № 2. С. 81—91.
10. Боренов А. Ю., Овчинников В. А., Полунин В. П. Содержание полосы препятствий рукопашного боя в Волгоградской академии МВД России // Физическое воспитание и спортивная тренировка. 2022. № 2(40). С. 13—18.
11. Боренов А. Ю., Гросс И. Л., Анцыперов В. В. Оценка уровня общей физической подготовленности курсантов вуза Министерства внутренних дел России // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 6(220). С. 51—54.
12. Бернштейн Н. А. О ловкости и ее развитии. 2-е изд. М. : ТВТ Дивизион, 2019. 328 с.
13. Коноплева Е. Н. Особенности биомеханического анализа движений человека // Молодежь Сибири — науке России : материалы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Сиб. ин-т бизнеса, управления и психологии, 2024. С. 170—173.

Выводы

В ходе исследования предпринята попытка качественно оценить устойчивость в типовых служебных позах, встречающихся в случае преодоления разнообразных препятствий с учетом антропометрических данных курсантов МВД России. Установлено, что на начальном этапе подготовки отмечен значительный разброс данных не имеющий сильной взаимосвязи с геометрическими параметрами тела. Коэффициент вариации имеет высокие значения, что указывает на разброс данных даже при существенно отличающихся средних значениях и неоднородность данных. Высота положения ОЦМТ создает определенные трудности при сохранении равновесия, т. к. амплитуда его колебаний значительна и при этом минимальна площадь опоры.

Выделено восемь ключевых положений тела, встречающихся в служебно-оперативных действиях сотрудников полиции. Их освоение будет способствовать быстрой адаптации сотрудников к меняющимся условиям служебной деятельности и позволит оперативно реагировать на неожиданные ситуации.

Ключевыми кинематическими параметрами представленных нами поз являются: углы устойчивости во фронтальной и сагиттальной плоскостях, площадь эффективной опоры и высота положения общего центра тяжести тела.

Таким образом, полученные данные повышают эффективность решения оперативно-служебных задач за счет улучшения способности сохранять равновесие в статических условиях. Это позволит сотрудникам ОВД Российской Федерации целенаправленно совершенствовать навыки управления равновесием в условиях, максимально приближенных к реальной оперативно-служебной и служебно-боевой деятельности.

14. Кондрашов А. Г., Овчинников В. А. Статодинамическая устойчивость у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // *Успехи гуманитарных наук*. 2025. № 12. С. 307—312.
15. Кондрашов А. Г., Овчинников В. А. Диагностика потребности совершенствования статодинамической устойчивости в процессе профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // *Обзор педагогических исследований*. 2026. Т. 8. № 1. С. 125—130.

REFERENCES

1. Mashoshin M.M., Pakhomov V.I. Improving the physical training of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Avtonomiya lichnosti Avtonomiya lichnosti = The autonomy of personality*. 2022;2(28):177—182. (In Russ.)
2. Khazhirokov V. A. Specific Characteristics of Professional and Applied Physical Training of Staff of Bodies of Internal Affairs. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific personnel*. 2019;2:220—222. (In Russ.) DOI: 10.24411/2073-3305-2019-10118.
3. Pol'skoi I. P., Zuev E. S., Krasnopol'skii A. V. Topical issues of ensuring the personal safety of police officers while serving in special conditions. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2024;14(10A):277—283. (In Russ.)
4. Blednykh O. A., Vinogradov A. A. Problems of organizing practical classes on fire and physical training of employees of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Nauka-2020*. 2021;6(51):100—107. (In Russ.)
5. Polunin V. P., Loginov S. N. Physical training in the system of professional training for employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia publ., 2018. 112 p. (In Russ.)
6. Martynenko V. S., Kamnev R. V. Coordination abilities as system-forming qualities of physical training of employees of internal affairs bodies. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2021;2(192):174—177. (In Russ.)
7. Panova O. S., Kolomiychenko E. V., Fomichev I. A. An integrated approach to assessing the physical fitness of employees of the Ministry of Internal Affairs: from testing to personalized programs. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian law journal*. 2025;2(201):475—476. (In Russ.)
8. Gross I. L., Sychev P. A., Kondrashov A. G. Assessment of the body's statodynamic stability in various sports. *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Modern Humanities Success*. 2025;10:308—312. (In Russ.)
9. Litvinenko Yu. V., Nikitenko A. The static dynamic stability of the athlete's body as the basis for effective motor activity in unexpected situations (based on the materials of hand-to-hand combat). *Nauka v olimpiiskom sporte*. 2018;2:81—91. (In Russ.)
10. Borenov A. Yu., Ovchinnikov V. A., Polunin V. P. Content of the obstacle course of hand-to-hand combat in the Volgograd academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Fizicheskoe vospitanie i sportivnaya trenirovka = Physical education and sports training*. 2022;2(40):13—18. (In Russ.)
11. Borenov A. Yu., Gross I. L., Antsyperov V. V. Assessment of the level of general physical fitness of cadets of the university of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2023;6(220):51—54. (In Russ.)
12. Bernshtein N. A. On agility and its development. 2nd ed. Moscow, TVT Divizion, 2019. 328 p. (In Russ.)
13. Konopleva E. N. Features of biomechanical analysis of human movements. *Molodezh' Sibiri — nauke Rossii = Siberian Youth — for Russian Science. Materials of the international scientific and practical conference*. Krasnoyarsk, Siberian Institute of Business, Management and Psychology publ., 2024:170—173. (In Russ.)
14. Kondrashov A. G., Ovchinnikov V. A. Statodynamic stability of cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Modern Humanities Success*. 2025;12:307—312. (In Russ.)
15. Kondrashov A. G., Ovchinnikov V. A. Diagnostics of the need to improve statodynamic stability in the process of professional activities of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation. *Obzor pedagogicheskikh issledovaniy = Review of Pedagogical Research*. 2026;8(1):125—130. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.02.2026; одобрена после рецензирования 03.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 28.02.2026; approved after reviewing 03.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья

УДК 379.835

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1615

Irina Viktorovna Rudenko

Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Pedagogy and Psychology,
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation
ivrudenko@rambler.ru

Irina Igorevna Frishman

Doctor of Pedagogy, Professor,
Director of the Scientific and Practical Center,
International Union of Children's Public Associations
"Union of Pioneer Organizations —
Federation of Children's Organizations"
Moscow, Russian Federation
spo-frishman@yandex.ru

Marina Viktorovna Solovyova

Director,
Mary Poppins LLC
Togliatti, Russian Federation
marinasolovieva1982@mail.ru

Ирина Викторовна Руденко

д-р пед наук,
профессор кафедры «Педагогика и психология»,
Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Российская Федерация
ivrudenko@rambler.ru

Ирина Игоревна Фришман

д-р пед наук, профессор,
директор научно-практического центра,
Международный союз детский общественных объединений
«Союз пионерских организаций —
Федерация детских организаций»
Москва, Российская Федерация
spo-frishman@yandex.ru

Марина Викторовна Соловьева

директор,
ООО «Мэри Поппинс»
Тольятти, Российская Федерация
marinasolovieva1982@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ У ДЕТЕЙ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ЗДОРОВЬЮ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье представлен опыт организации работы по формированию у детей ценностного отношения к здоровью в условиях детского оздоровительного лагеря на основе разработанной программы. Авторы доказывают, что здоровье приобретает ключевое значение в современном обществе и рассматривается в качестве основы социальной стабильности и развития государства. Особо отмечается необходимость организации образовательной деятельности с детьми и подростками таким образом, чтобы она была ориентирована на формирование осознанного отношения к ценностям здоровья, выработки соответствующих умений и навыков здоровьесберегающего поведения. Авторы рассматривают понятие «ценностное отношение к здоровью», обращаясь к исследованиям по данной теме в трудах Г. А. Хакимовой, Н. А. Шмойловой, Е. В. Водневой. В работе определено содержание рассматриваемого понятия как социально значимой ценности. В ходе изучения методической составляющей процесса формирования цен-

ностного отношения к здоровью у детей и подростков была создана программа «Здоровое лето», реализованная в детском оздоровительном лагере ООО «Мэри Поппинс» г. о. Тольятти. Включение детей в активную среду летнего оздоровительного лагеря обеспечивалось через применение интерактивных форм (занятия на открытом воздухе, квесты, блеф-клубы, мастер-классы, походы) и методов (десанты, творческая пресса, огоньки, ситуативные задания, решение изобретательских задач, деловые и ролевые игры). Проведенная диагностика доказала успешность работы в условиях детского лагеря по формированию устойчивых навыков и привычек, способствующих сохранению и укреплению здоровья, а также готовность воспитанников к применению полученных знаний в повседневной жизни.

Ключевые слова: детский оздоровительный лагерь, младшие школьники, ценностное отношение к здоровью, формы и методы работы в лагере, досуговая программа, игра, блеф-клуб, киноклуб, мастер-класс, диагностика

Для цитирования: Руденко И. В., Фришман И. И., Соловьева М. В. Формирование у детей ценностного отношения к здоровью в условиях детского оздоровительного лагеря // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 307—312. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1615.

Original article

DEVELOPING A VALUE ATTITUDE TOWARD HEALTH AMONG CHILDREN IN A CHILDREN'S HEALTH CAMP

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. This article presents the experience of organizing activities to develop children's value attitude toward health in a children's health camp setting, based on a devel-

oped program. The authors demonstrate that health is becoming crucial in modern society and is considered the foundation of social stability and national development. They emphasize

the need to organize educational activities with children and adolescents so that they are focused on developing a conscious attitude toward the values of health and the development of corresponding skills and habits for health-preserving behavior. The authors examine the concept of value attitude toward health, drawing on research on the topic and the works of G. A. Khakimova, N. A. Shmoilova, and E. V. Vodneva. The paper defines the concept of health as a socially significant value. While studying the methodological component of developing value attitude toward health in children and adolescents, the “Healthy Summer” program was developed and implemented at the Mary Poppins children’s health camp in Togliatti. Children were integrated into the active environ-

ment of the summer health camp through interactive pastimes (outdoor activities, quests, bluff clubs, workshops, and hikes) and methods (landings, creative writing, fireworks, situational tasks, inventive problem solving, business games, and role-playing games). The diagnostics demonstrated the success of the camp’s work in developing sustainable skills and habits that promote health maintenance and improvement, as well as the students’ readiness to apply the acquired knowledge in their daily lives.

Keywords: *children’s health camp, primary school students, value attitude toward health, forms and methods of work in the camp, leisure program, game, bluff club, film club, master class, diagnostics*

For citation: Rudenko I. V., Frishman I. I., Solovyova M. V. Developing a value attitude toward health among children in a children’s health camp. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):307—312. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1615.

Введение

Актуальность. Здоровье приобретает ключевое значение в современном обществе и рассматривается в качестве основы социальной стабильности и развития государства. Создание условий для формирования ценностного отношения детей к здоровью исходит от задач государства, обозначенных в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 г., где одной из ключевых является формирование и поддержка навыков здорового образа жизни у детей и семей, популяризация культуры здоровья как базовой ценности. В настоящее время важно формировать у детей потребность в ведении здорового образа жизни, поддерживать их мотивацию к сохранению и укреплению своего здоровья, а также обеспечивать активное вовлечение детей в деятельность, направленную на приобретение необходимых навыков, обеспечивающих их физическое и психоэмоциональное благополучие. Ведущая роль в формировании личности, способной ответственно относиться к своему здоровью, выбирать модели поведения, соответствующие принципам здорового образа жизни, отводится системе образования и детским оздоровительным лагерям, выступающим в качестве среды, оптимально подходящей для воспитания у детей ценностного отношения к здоровью и устойчивого интереса к активному отдыху, физической активности и правильному питанию.

В письме Министерства здравоохранения РФ от 19 апреля 2025 г «О направлении рекомендаций по здоровому образу жизни несовершеннолетних во время оздоровления и отдыха в организациях отдыха детей и их оздоровления» особо отмечается необходимость организации образовательной деятельности таким образом, чтобы она гарантировала детям не только доступ к актуальной информации о здоровье, но и была ориентирована на формирование осознанного отношения к ценностям здоровья, выработки соответствующих умений и навыков здоровьесберегающего поведения.

Установленные приоритеты государственной политики обусловили особую значимость поиска эффективных педагогических подходов к деятельности детского оздоровительного лагеря.

Изученность проблемы. Анализ исследований за последние пять лет, посвященных формированию у детей ценностного отношения к здоровью, показал, что они базируются на междисциплинарном подходе, основу которого составляет целостное представление о физическом, пси-

хическом, социальном благополучии личности. В этой связи можно выделить валеологические, психологические и педагогические направления исследований. Валеологический аспект исследований Е. В. Ивановой [1], О. А. Ефиц, Т. Н. Кочетковой, Н. Ф. Романцовой [2], В. Т. Волова и С. А. Сарпер [3] раскрывает культуру здоровья как ценность. Психологический аспект отражен в работах Г. С. Никифорова и З. Ф. Дудченко [4], где рассматривается развитие мотивации и механизма присвоения этой ценности личностью. В педагогических трудах В. Н. Ирхина, Г. В. Макотровой, В. Н. Кормаковой [5] анализируются факторы, условия, технологии работы образовательных организаций, способствующие формированию здоровьесберегающего поведения и ответственности личности за свое здоровье. Сущность и структура понятия «ценностное отношение к здоровью» изучены в работах Г. А. Хакимовой [6] и Н. А. Шмойловой [7].

Детский оздоровительный лагерь как пространство формирования здорового образа жизни изучался Р. А. Истоминым [8] и Г. Р. Сагитовой с соавторами [9]. Авторы утверждают, что эффективная среда лагеря по формированию ценностного отношения к здоровью создается на основе активной двигательной деятельности и социального взаимодействия. В своих исследованиях авторы демонстрируют единство педагогической позиции и доказывают, что формирование ценностного отношения к здоровью должно начинаться с детского возраста и быть одной из ключевых задач образования.

Целесообразность разработки темы. Исследование проблемы формирования у детей ценностного отношения к здоровью в условиях детского оздоровительного лагеря является для нас значимым по ряду причин: необходимо изучать и обогащать формы и методы работы с младшими школьниками, которые будут соответствовать современным вызовам и потребностям детей; педагогам важно научиться разрабатывать комплексные программы по формированию мотивации к здоровому образу жизни, опираясь на индивидуальный опыт ребенка.

Цель исследования — теоретически обосновать и апробировать программу детского оздоровительного лагеря, обеспечивающую формирование у детей ценностного отношения к здоровью.

Задачи исследования:

1) определить сущность и структуру понятия «ценностное отношение к здоровью»;

2) разработать программу детского оздоровительного лагеря, обеспечивающую формирование у детей ценностного отношения к здоровью;

3) доказать эффективность используемых форм и методов работы с детьми на основе разработанного диагностического инструментария.

Научная новизна заключается в систематизации исследований о сущности понятия «ценностное отношение к здоровью», применимого для характеристики данного качества у младших школьников; изучении возможностей разных форм воспитательной деятельности, применяемых в условиях оздоровительного лагеря, доказавших свою эффективность на основе проведенного мониторинга.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в обосновании и дополнении теории и методики воспитания знаниями о формах и методах организации работы по формированию у детей ценностного отношения к здоровью в условиях детского оздоровительного лагеря.

Практическая значимость заключается в том, что разработанная программа «Здоровое лето» может быть использована в работе вожатых и воспитателей, учителей начальных классов в организации работы по формированию у детей ценностного отношения к здоровью в условиях летнего отдыха.

Основная часть

Методология исследования. Для достижения цели исследования и выполнения задач использовались материалы отечественных исследователей за последние пять лет, опубликованные в виде научных статей, посвященные особенностям формирования у детей ценностного отношения к здоровью.

Для анализа выраженности и сформированности у детей младшего школьного возраста ценностного отношения к здоровью был проведен срез на базе ООО «Мэри Поппинс» г. Тольятти. В исследовании принимали участие дети в возрасте 7—9 лет (обучающиеся первого и второго классов) в количестве 30 чел. Использовались диагностические задания, направленные на изучение вышеуказанных компонентов: методика «Что я знаю о ЗОЖ?» (И. М. Новикова); методика «Ценностные ориентации» (С. И. Моткова, Т. А. Огнева); методика «Что делать, чтобы быть здоровым?» (И. М. Новикова). На основе всех проведенных диагностических заданий сделан вывод, что низкий уровень сформированности ценностного отношения к здоровью выражен у 60 % детей. Эти дети недостаточно осознают важность заботы о своем здоровье, имеют слабое представление о правилах гигиены и безопасности, склонны игнорировать советы взрослых относительно режима дня и питания. Средний уровень выражен у 30 % респондентов. Такие дети понимают значение здорового образа жизни, но не обладают достаточными знаниями, эпизодически проявляют интерес к вопросам здоровья, но не всегда способны применять знания на практике. У 10 % детей преобладает высокий уровень сформированности ценностного отношения к здоровью. Для этих детей характерно осознанное отношение к своему здоровью, регулярность соблюдения гигиенических норм, наличие полезных привычек и стремление вести здоровый образ жизни.

Полученные данные по результатам диагностики убедили нас в необходимости включения детей в условия детского оздоровительного лагеря, выстроенные на основе длительной досуговой программы «Здоровое лето».

Результаты исследования. В результате теоретического анализа было выявлено, что в педагогической науке и практике в соответствии с Федеральной рабочей программой воспитания (2022) бережное отношение к здоровью, соблюдение основных правил здорового и безопасного образа жизни — целевой ориентир результатов воспитания на всех уровнях образования.

Обратимся к взглядам исследователей, представленных в психолого-педагогической литературе, которые предлагают раскрытие сущности понятия «ценностное отношение к здоровью». Н. А. Шмойлова трактует ценностное отношение к здоровью как «активность субъекта, направленную на сохранение и укрепление здоровья, которая является результатом высокой субъективной значимости здоровья и осознания его важности для успешного саморазвития личности» [7, с. 70]. Г. А. Хакимова рассматривает данную категорию с позиций общечеловеческой ценности, к которой личность должна стремиться, обладая знаниями о здоровье как «необходимой предпосылке к полноценной жизни, наполненной позитивными эмоциями в различных видах деятельности, ориентированных на сохранение и укрепление здоровья» [6, с. 49]. Е. В. Воднева определяет данный термин как «...личностное образование, включающее представление о здоровье как значимом условии для активной и творческой жизни, мотивацию к здоровьесберегающей деятельности, готовность и потребность следовать правилам здорового и безопасного поведения» [10, с. 17].

Обобщая материалы представленных трудов, можно заключить, что в младшем школьном возрасте, когда происходит активное развитие сознания, привычек и убеждения, ценность здоровья из абстрактного понятия можно перевести в осознанную необходимость, если создавать условия для ведения здорового образа жизни. Согласимся с авторами в том, что такое отношение становится действительно ценностным тогда, когда сохранение и укрепление здоровья становится предметом систематических и целенаправленных усилий, начиная с детского возраста.

В этом контексте возникает вопрос о способах формирования у детей ценностного отношения к здоровью. В своем исследовании мы остановились на идее организации работы с детьми в данном направлении в летний период. О. П. Савельева называет эффективным способом достижения результатов в условиях организации отдыха и оздоровления детей «межкультурный диалог между детьми и взрослыми, основанный на использовании игрового взаимодействия» [11, с. 29]. Действительно, игра многофункциональна. Для ребенка она является естественным «полигоном» радости и разочарований успехов и неудач. С одной стороны, это социальная практика ребенка, его реальная жизнь в коллективе, в которой он накапливает нравственный опыт: привыкает строить свои отношения со сверстниками на здоровой основе, учится считаться с их интересами, взаимовыручке, взаимопомощи, честности, порядочности. С другой стороны, игра способствует укреплению здоровья детей, содействуя их физическому развитию, улучшению координации движения. Снимая усталость, она дает радость активного движения. В социальном опыте человека особенно важен первый успех в жизни. Мы убеждены — игра была, есть и будет одним из самых эффективных инструментов воспитания, пробуждения познавательного интереса, закрепления знаний, расширения кругозора, укрепления здоровья.

В этой связи в условиях оздоровительного лагеря можно разработать программу, построенную на методе длительной воспитывающей игры, которая доказала свою эффективность в практике работы с детскими сообществами и объединениями [12]. Как уже отмечалось одним из авторов настоящей статьи, длительная игра позволяет «учесть психологические особенности возраста, опираться на жизненный опыт ребенка, привлечь детей красочностью и романтикой сюжета, использовать разнообразные активности, обогащающие содержание взаимодействия детей и взрослых» [13, с. 44]. В условиях летнего лагеря формы взаимодействия наделяются особым смыслом и ценностью, если приоритетное внимание уделяется систематическому пребыванию детей на свежем воздухе. О. А. Ефиц отмечает, что «детский оздоровительный лагерь имеет свою специфику, дающую ему определенные преимущества перед другими формами и средствами работы» [2, с. 54]. Педагог объясняет это тем, что «дети приобщаются к здоровому и безопасному образу жизни в естественных условиях социальной и природной среды. Ребята активно общаются с природой, что способствует укреплению их здоровья и повышению уровня экологической культуры. Отдых, развлечения и всевозможные хобби детей дают им возможность восстановить свои физические и душевные силы, заняться интересным делом. Всё это помогает развить новые навыки, раскрыть потенциал своей личности» [2, с. 57]. Е. И. Попова в этой связи обращает внимание на значимость мастер-классов, позволяющих детям под руководством педагогов демонстрировать индивидуальный опыт, самостоятельность и личные достижения в области здоровьесберегающих навыков [14]. Е. П. Карпова подчеркивает, что формирование ценностного отношения к здоровью начинается именно тогда, когда ребенок способен осмысленно воспринимать происходящее вокруг себя и внутри себя. По мнению исследователя «на возможность формирования ценностного отношения к здоровью у детей младшего школьного возраста указывает возникновение рефлексивных практик» [15, с. 143]. Условия летнего лагеря позволяют учесть данные подходы и формировать ценностное отношение к здоровью через непосредственный опыт участия детей в разнообразной деятельности, который можно организовать по специально разработанной программе. Для воспитанников разновозрастного лагеря, организованного на базе ООО «Мэри Поппинс» г. Тольятти, была создана программа «Здоровое лето», состоящая из четырех блоков.

Блок 1 «Открываем секреты о здоровье». На первом этапе работы особенное внимание уделялось беседам с детьми, обсуждениям, проведению блеф-клубов. В блеф-клубах участникам предлагалось анализировать утверждения, касающиеся здоровья, аргументированно определять их истинность или ложность. Подобный процесс повышал уровень осознанности детей в отношении распространенных мифов и заблуждений о здоровье, а также способствовал формированию их личной позиции по теме здоровья, основанной на доказательствах.

Блок 2 «Зачем здоровый я?» был посвящен теме гигиены, сна, отдыха и питания. С детьми был организован киноклуб, в рамках которого они обсуждали важные темы с опорой на отрывки из мультфильмов, составляли памятки и чек-листы с правилами поведения.

Блок 3 «Недели спорта» реализовывался через идею знакомства детей с разными видами спорта и включения их в такие активные деятельности, как теннис, *Zumba*, баскетбол, капойра, гольф.

Блок 4 «Мой выбор — здоровье!» подразумевал активное участие детей в мастер-классах, в играх на свежем воздухе и походах. Для участников программы сохранение и укрепление здоровья стало предметом систематических и целенаправленных усилий.

Основополагающим этапом по программе стало формирование достаточного уровня знаний для осознанного отношения детей к собственному благополучию. В процессе обогащения знаний происходила трансформация детского мировоззрения, связанная с переосмыслением и сопоставлением личных представлений о здоровье с социально принятыми нормами. В этом направлении эффективность подтвердило взаимодействие педагога с детьми в форме блеф-клуба. Например, в тематически оформленной веранде дети были разделены на команды «Фрукты» и «Овощи». Игра проходила в несколько раундов. В ходе первого раунда каждая команда готовила по три утверждения: одно истинное и два ложных. При этом дети готовили небольшое выступление в виде рассказа или сказки о фрукте или овоще, где озвучивали заготовленные утверждения для ввода в заблуждение соперников. Дети другой команды должны были отметить сигнальными карточками правильное и неверное утверждение. С помощью вожатых дети искали распространенные мифы и для многих известные ложные факты. Стоит отметить, что многие дети на этом этапе работы делились тем, что услышанные ложные факты они действительно долгое время считали истиной. Такая работа способствовала тому, чтобы дети начали более внимательно и ответственно относиться к личным привычкам и поведению, анализировать их, сопоставлять с фактами и доказанными материалами, подходить к питанию обдуманно, обращая внимание на характеристики продуктов.

Беседы о важности правильного питания, профилактике заболеваний, соблюдения режима дня, профилактике нарушения зрения показывали, что отдыхающие в лагере дети поначалу демонстрировали ситуативную заинтересованность в поддержании и укреплении здоровья.

Участвуя в работе киноклуба, дети проявляли интерес к познанию здоровьесберегающей деятельности. Однако, данное отношение носило спорадический характер и не становилось жизненной установкой. Между тем активное участие в дискуссиях, просмотр кинофрагментов, интерактивные практики способствовали усвоению базовых навыков. Приведем пример деловой игры «Правильное чередование труда и отдыха». Дети были поделены на команды, каждая из которой готовила представление ситуаций или действий, отражающих влияние поведения людей на их самочувствие или здоровье, например, поведение при приеме пищи, чистке зубов и так далее. Подготовка проходила с помощью вожатых. Каждое представление команды обсуждалось вместе с детьми по предложенному алгоритму. Дети с интересом обсуждали увиденное, высказали свое мнение и предлагали решения для устранения последствий от показанных отрицательных поступков. По одной из разыгранных ситуаций дети составили чек-лист «Мой руки правильно».

Активная вовлеченность в спортивную деятельность, обучение навыкам оказания первой помощи подкрепляли мотивацию к здоровому поведению. Успешными были мастер-классы в игровой форме с использованием наглядных материалов: манекенов, бинтов, гипотермических пакетов и аптечек. Дети под руководством квалифицированных инструкторов учились определять, нужна ли первая помощь, безопасно ли приближаться к пострадавшему; тренировались применять холод (гипотермические пакеты

или подручные средства) для уменьшения отека и боли, а также правильно накладывать тугую повязку. Младшие школьники учились обрабатывать ссадины и мелкие порезы: промывали раны, наносили антисептики и накладывали стерильные повязки. Через ролевые игры дети учились не поддаваться панике и действовать организованно в экстренных ситуациях. Так, в ходе мастер-классов, дети получали возможность перенимать опыт у экспертов, осваивать практические навыки и осознавать взаимосвязь между собственными усилиями и состоянием здоровья. Триз-технологии использовались для разработки творческих задач по преодолению неприятных ощущений, трудностей и напряжений, возникающих в различных жизненных ситуациях.

Результаты проведенной работы доказали, что условия детского оздоровительного лагеря позволяют формировать непосредственный опыт здорового образа жизни, а активное взаимодействие с природой способствует укреплению здоровья. Лагерь предоставляет возможности для комплексного подхода к формированию ценностного отношения к здоровью у детей, недоступный для в условиях образовательной организации.

По итогам работы был проведен контрольный срез, из которого последовало что среди испытуемых детей высокий уровень увеличился на 20 % и составил 40 %, средний уровень вырос на 20 % и был выявлен у 50 % детей. Низкий уровень сократился на 50 % и составил 10 % респондентов. Наблюдение показало, что участники начали применять полученные знания о здоровье в повседневной практике, демонстрировали интерес к теме здоровья, эмоционально откликались на идеи здорового образа жизни. У младших школьников постепенно, хотя не всегда стабильно, начала складываться система постоянных гигиенических навыков. Детям стало не только характерно наличие знаний об основах правил здорового образа жизни, но и следование рекомендациям специалистов.

Выводы

Реализация программы, основанной на использовании форм и методов работы, ориентированных на игру, соревновательные элементы, творческие конкурсы, интерактивное взаимодействие с взрослыми, показало положительную динамику уровня сформированности у детей ценностного отношения к здоровью. Особенностью этих воспитательных практик является комплексность, нацеленность на определенный возраст, системность, включенность в повседневную работу оздоровительного лагеря. Повторное диагностическое исследование подтвердило значительные изменения в ценностных установках детей, принявших участие в реализации программы. Дети не только получили достаточный объем знаний о здоровье, правилах здорового образа жизни, но и выработали внутреннее убеждение в важности правильного питания, двигательной активности, соблюдения режима сна и отдыха. Отдыхающие начали систематически выражать интерес к занятиям спортом, прогулкам на свежем воздухе, соблюдению личной гигиены. Они стали способны самостоятельно организовать режим дня и соблюдать правила поведения, направленные на сохранение здоровья.

Проведенное исследование доказало, что условия детского оздоровительного лагеря позволяют формировать ценностное отношение к здоровью через непосредственный опыт и участие детей и подростков в разнообразной деятельности. Активное взаимодействие с природой способствует укреплению здоровья. Лагерь предоставляет возможности для комплексного подхода к формированию ценностного отношения к здоровью у детей, недоступный в других образовательных и учреждениях. Применение интерактивных практик в процессе коммуникации со взрослыми стимулирует вовлеченность в работу по укреплению и сохранению здоровья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванова Е. В. К вопросу о воспитании культуры здоровья младших школьников во внеурочной деятельности // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12. № 3. С. 129—140. DOI: 10.25726/u7927-2712-7117-h.
2. Ефиц О. А., Кочеткова Т. Н., Романцова Н. Ф. Педагогическая валеология: основы здорового образа жизни : учеб. пособие. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. 90 с.
3. Волон В. Т., Серпер С. А. Формирование ценностного отношения к здоровью на занятиях физической культурой // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 4. С. 189—194. DOI: 10.55355/snv2023124302.
4. Никифоров Г. С., Дудченко З. Ф. Психологическое здоровье личности: к истории вопроса в отечественной психологии // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 6. С. 55—65. DOI: 10.31857/S020595920007317-4.
5. Ирхин В. Н., Макотрова Г. В., Кормакова В. Н. Технология формирования ценностного отношения подростков к здоровью // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 2(232). С. 44—53. DOI: 10.23951/1609-624X-2024-2-44-53.
6. Хакимова Г. А., Гребенюк Г. Н. Формирование ценностного отношения к здоровью у детей : моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. гуманитар. ун-та, 2010. 174 с.
7. Шмойлова Н. А., Каширский Д. В. Ценностное отношение к здоровью и саморазвитие личности // Психология и психотехника. 2020. № 1. С. 68—77. DOI: 10.7256/2454-0722.2020.1.31116.
8. Истомин Р. А. Проблема формирования ценностного отношения к здоровому образу жизни у подростков в процессе физического воспитания в летнем лагере // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 12(238). С. 5—9.
9. Эффективность оздоровления детей в оздоровительном центре / Г. Р. Сагитова, А. А. Антонова, Е. И. Сомова и др. // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2(128). DOI: 10.23670/IRJ.2023.128.51.
10. Воднева Е. В. Педагогические условия формирования ценностного отношения к здоровью у детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2003. 25 с.
11. Савельева О. П. Возможности детского оздоровительного лагеря в формировании общероссийской гражданской идентичности детей и молодежи // Народное образование. 2022. № 2(1491). С. 27—37.
12. Крапивина Л. А. Роль Иннокентия Жукова в создании пионерского метода воспитания // Народное образование. 2022. № 2(1491). С. 164—169.
13. Руденко И. В. Методология и практика длительной игры: история и современность // Социальная педагогика. 2024. № 1. С. 41—45.

14. Попова Е. И. Формирование ценностного отношения к здоровью у детей старшего дошкольного возраста в условиях ДОУ // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2014. № 2. Ст. 62.
15. Карпова Е. П. Факторы, влияющие на формирование здорового образа жизни обучающихся в образовательном учреждении // Аграрное образование в условиях модернизации и инновационного развития АПК России : материалы II Всерос. (нац.) науч.-метод. конф., посвящ. 90-летию Бурят. ГСХА. Улан-Удэ : БГСХА им. В. Р. Филиппова, 2021. С. 141—144.

REFERENCES

1. Ivanova E. V. To the question of the education of a culture of health of younger schoolchildren in extracurricular activities. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2022;12(3):129—140 (In Russ.) DOI: 10.25726/u7927-2712-7117-h.
2. Efits O.A. Pedagogical Valerology: Foundations of a Healthy Lifestyle. Krasnoyarsk: Siberian Federal University publ., 2023. 90 p. (In Russ.)
3. Volov V. T., Serper S. A. Formation of students' value attitude towards health in physical education classes. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*. 2023;12(4):189—194. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2023124302.
4. Nikiforov G., Dudchenko Z. Psychological health of personality: to history of the issue in domestic psychology. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2019;40(6):55—65. (In Russ.) DOI: 10.31857/S020595920007317-4.
5. Irkhin V. N., Makotrova G. V., Kormakova V. N. Technology of formation of the value attitude of adolescents to health by means of pedagogical stimulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2024;2(232):44—53. (In Russ.) DOI: 10.23951/1609-624X-2024-2-44-53.
6. Khakimova G. A., Grebenyuk G. N. Formation of a value-based attitude to health in children. Monograph. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State Humanitarian University publ., 2010. 174 p. (In Russ.)
7. Shmoilova N. A., Kashirskii D. V. Value attitude towards health and personal development. *Psikhologiya i psikhotehnika = Psychology and psychotechnics*. 2020;1:68—77. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2020.1.31116.
8. Istomin R. A. The problem of forming a value attitude to a healthy lifestyle in adolescents in the process of physical education in a summer camp. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2024;12(238):5—9. (In Russ.)
9. Sagitova G. R., Antonova A. A., Somova Y. I. et al. The efficiency of recuperation of children in recreation centres. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2023;2(128). (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2023.128.51.
10. Vodneva E. V. Pedagogical conditions for forming a value-based attitude to health in children of senior preschool and junior school age. Abstract of diss. of the Cand of Pedagogy. Smolensk, 2003. 25 p. (In Russ.)
11. Savelyeva O. P. Possibilities of a children's health camp in the formation of an all-Russian civic identity of children and youth. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2022;2(1491):27—37. (In Russ.)
12. Krapivina L. A. The role of Innokenty Zhukov in the creation of the pioneer method of education. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2022;2(1491):164—169. (In Russ.)
13. Rudenko I. V. Methodology and practice of long-term play: history and modernity. *Sotsial'naya pedagogika*. 2024;1:41—45. (In Russ.)
14. Popova E. I. Formation of a value-based attitude to health in senior preschool children in a preschool educational institution. *Vospitanie i obuchenie detei mladshego vozrasta*. 2014;2:62. (In Russ.)
15. Karpova E. P. Factors influencing the formation of a healthy lifestyle of students in an educational institution. *Agrarnoe obrazovanie v usloviyakh modernizatsii i innovatsionnogo razvitiya APK Rossii = Agrarian education in the context of modernization and innovative development of the Russian agro-industrial complex. Proceedings of the II All-Russian (National) scientific and methodological conference dedicated to the 90th anniversary of the Buryat State Agriculture Academy by V. R. Philippov*. Ulan-Ude, Buryat State Agriculture Academy by V. R. Philippov publ., 2021:141—144. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 372.881.111.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1647

Ayrat Rivkatovich Sabitov

Postgraduate of the Department of Theory and Methods of Teaching Foreign Languages, field of training
5.8.2 — Theory and methodology of training and education (foreign languages),
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
sabitov_ayrat@bk.ru

Lyaylya Leonardovna Salekhova

Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Bilingual and Digital Education, Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
salekhova2009@gmail.com

Айрат Ривкатович Сабитов

аспирант кафедры теории и методики преподавания иностранных языков, направление подготовки
5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (иностраннные языки),
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
sabitov_ayrat@bk.ru

Ляйля Леонардовна Салехова

д-р пед. наук, доцент, профессор кафедра билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
salekhova2009@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ МЕДИАКОМПЕТЕНЦИИ ШКОЛЬНИКОВ 12—16 ЛЕТ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ CLIL В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье представлена модель формирования иноязычной медиакомпетенции (ИМК) школьников на основе интегрированного предметно-языкового подхода (CLIL) в условиях дополнительного образования. Основное содержание статьи составляет теоретическое обоснование четырех компонентов ИМК (мотивационно-ценностного, когнитивно-аналитического, операционально-деятельностного, рефлексивно-этического) и дидактических принципов их формирования через CLIL и проектную деятельность. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований по медиаобразованию (А. В. Федоров, Д. Бакингам, Р. Хоббс), лингводидактике (Н. Д. Гальскова, М. Байрам) и CLIL (Д. Коил, К. Далтон-Пуффер, А. Лынарес) уточнена структура ИМК для подростков 12—16 лет. Научная новизна исследования заключается в уточнении структуры ИМК для подростков 12—16 лет и в обосновании синтеза CLIL, проектной деятельности и технологий Web 2.0 как способа преодоления разрыва между медийной и языковой подготовкой, который возникает из-за отсутствия системной интеграции этих направлений в практи-

ке дополнительного образования. В ходе работы выявлен дидактический потенциал CLIL (модель 4Cs) для развития ИМК; обосновано, что система дополнительного образования предоставляет оптимальные условия для интеграции медиа и языка благодаря добровольности, гибкости и практико-ориентированности; разработана и представлена модель формирования ИМК (в виде схемы и текстового описания блоков). Полученные результаты могут быть использованы при проектировании учебных модулей по английскому языку в системе дополнительного образования, а также в практике работы медиакружков и языковых студий. Предложенные модель и методика формируют у школьников способность критически анализировать и создавать медиа-контент на английском языке, что способствует развитию их функциональной грамотности и готовности к жизни в глобальном информационном обществе.

Ключевые слова: иноязычная медиакомпетенция, CLIL, дополнительное образование, подростки, медиаобразование, критическое мышление, модель формирования, проектная деятельность, Web 2.0, методика обучения

Для цитирования: Сабитов А. Р., Салехова Л. Л. Формирование иноязычной медиакомпетенции школьников 12—16 лет: дидактический потенциал CLIL в дополнительном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 313—319. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1647.

Original article

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE MEDIA COMPETENCE OF SCHOOLCHILDREN AGED 12–16: DIDACTIC POTENTIAL OF CLIL IN SUPPLEMENTARY EDUCATION

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The aim of the article is to present a model for the formation of foreign language media competence (FLMC) of schoolchildren based on the Content and Language Integrated Learning (CLIL) approach in the context of supple-

mentary education. The main content of the article consists of a theoretical substantiation of four components of FLMC (motivational-value, cognitive-analytical, operational-activity, reflexive-ethical) and the didactic principles of their formation

through CLIL and project-based activities. Based on the analysis of Russian and foreign research on media education (A. V. Fedorov, D. Buckingham, R. Hobbs), language didactics (N. D. Galskova, M. Byram) and CLIL (D. Coyle, C. Dalton-Puffer, A. Llinares), the structure of FLMC for adolescents aged 12–16 has been clarified. The scientific novelty lies in clarifying the structure of FLMC for adolescents aged 12–16 and in substantiating the synthesis of CLIL, project-based activities and Web 2.0 technologies as a way to bridge the gap between media and language training, which arises due to the lack of systematic integration of these areas in the practice of supplementary education. In the course of the research, the didactic potential of CLIL (the “4Cs” model) for the development of FLMC has been identified; it has been substantiated that the system of supplementary education provides optimal condi-

tions for the integration of media and language due to voluntariness, flexibility and practice-orientedness; a model for the formation of FLMC (in the form of a diagram and a text description of the blocks) has been developed and presented. The obtained results can be used in the design of English language training modules in the system of supplementary education, as well as in the practice of media clubs and language studios. The proposed model and methodology develop schoolchildren's ability to critically analyze and create media content in English, thereby contributing to the development of their functional literacy and readiness to live in a global information society.

Keywords: foreign language media competence, CLIL, supplementary education, adolescents, media education, critical thinking, formation model, project-based learning, Web 2.0, teaching methodology

For citation: Sabitov A. R., Salekhova L. L. Formation of foreign language media competence of schoolchildren aged 12–16: didactic potential of CLIL in supplementary education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75): 313—319. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1647.

Введение

В условиях глобальной цифровизации и информационной перегрузки способность критически анализировать, интерпретировать и создавать медиаконтент на иностранном языке становится не просто желательным, а необходимым навыком для современного подростка. Это определяет **актуальность** поиска эффективных педагогических инструментов для формирования иноязычной медиакомпетенции (далее — ИМК) в гибкой среде дополнительного образования.

Изученность проблемы. Анализ современной литературы показывает, что проблема формирования ИМК находится на стыке нескольких научных направлений, каждое из которых внесло значительный вклад в ее разработку.

В области медиаобразования фундаментальные основы заложены А. В. Федоровым, предложившим компонентную структуру медиакомпетентности [1]. Зарубежные подходы, представленные в работах Д. Бакингема и Р. Хоббс, акцентируют социальную практику и цифровую грамотность как необходимое условие жизни в современном мире [2; 3]. В России теорию и практику медиаобразования развивали И. В. Жилавская и Е. В. Мурюкина, чьи работы посвящены формированию критического мышления и медиаграмотности у школьников [4; 5].

В области лингводидактики базовые принципы коммуникативного подхода разработаны Н. Д. Гальсковой [6], а также М. Байрамом, создавшим теорию межкультурной коммуникативной компетенции [7]. Современные исследования цифровых инструментов в обучении языку проводят П. В. Сысоев, обосновавший концепцию информатизации языкового образования, и С. В. Титова, изучающая потенциал мобильных технологий [8; 9].

Методологическую основу для интеграции языка и предметного содержания дает подход *CLIL*. Ключевые модели, в частности модель 4Cs, разработаны Д. Коил; когнитивные аспекты *CLIL* исследованы К. Далтон-Пуффер, а языковые измерения — А. Линарес с соавторами [10—12].

Особое значение для настоящего исследования имеют работы, находящиеся на стыке этих областей. Н. Ю. Хлызова обосновала принципы интеграции медиа и языка в учебном процессе [13]. М. А. Ниненко и Ю. С. Чернякова ввели понятие медиативной компетенции, смежное с ИМК [14]. Практические аспекты использования жанров СМИ в обучении разработаны К. С. Дорутовой [15].

Однако в реальной практике дополнительного образования эти направления существуют изолированно, что создает разрыв между языковой и медийной подготовкой.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на наличие фундаментальных исследований в каждой из областей, их синтез применительно к формированию ИМК в дополнительном образовании до сих пор не был предметом системного анализа. Назрела необходимость в разработке целостной модели, которая позволила бы преодолеть существующий разрыв и предложить педагогам конкретный инструментарий для работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

- впервые предложена четырехкомпонентная структура ИМК, адаптированная к возрастным особенностям подростков 12—16 лет;
- обоснован синтез *CLIL*, проектной деятельности и технологий *Web 2.0* как способа интеграции медийной и языковой подготовки в дополнительном образовании;
- разработана и представлена авторская модель формирования ИМК, включающая целевой, содержательный, процессуальный и результативный блоки.

Цель исследования – представить модель формирования ИМК школьников на основе *CLIL* в условиях дополнительного образования.

Для достижения цели были решены следующие **задачи**:

1. Уточнить структуру ИМК применительно к подростковому возрасту (12—16 лет).
2. Выявить дидактический потенциал *CLIL* для развития ИМК у школьников в условиях дополнительного образования.
3. Разработать и описать модель формирования ИМК, а также методические рекомендации по ее реализации.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятия «иноязычная медиакомпетенция» для подросткового возраста, в систематизации дидактических принципов *CLIL* применительно к медиасодержанию и в обосновании структурной модели формирования ИМК.

Практическая значимость состоит в том, что представленная модель и методика могут быть непосредственно использованы педагогами дополнительного образования и учителями английского языка для проектирования учебных модулей в кружках и студиях.

Основная часть

Методология исследования. Теоретический анализ выполнен с целью определения степени изученности проблемы. Основными методами выступили: анализ и синтез научной литературы для выявления ключевых подходов к медиаобразованию, *CLIL* и методике обучения иностранному языку; интерпретация, сопоставление и критическое осмысление научных данных для уточнения понятийного аппарата; классификация и систематизация для выделения компонентов ИМК; педагогическое моделирование для разработки структурной схемы формирования ИМК.

Результаты исследования. На основе анализа подходов к медиакомпетенции и иноязычной коммуникативной компетенции нами были выделены четыре взаимосвязанных компонента ИМК:

1. *Мотивационно-ценностный компонент* отражает личное отношение учащегося к иноязычной медиатедеятельности: интерес к анализу и созданию медиаконтента на иностранном языке, осознание его значимости и соблюдение норм цифровой этики. По мнению Д. Б. Эльконина, в подростковом возрасте происходит становление личностной идентичности и ценностных ориентаций [16].

2. *Когнитивно-аналитический компонент* включает знание языка и жанров медиа, понимание механизмов конструирования реальности (репрезентация, идеология, аудитория), а также способность к критическому анализу, интерпретации и оценке медиатекстов на иностранном языке. Этот компонент опирается на идеи Л. С. Выготского о развитии понятийного мышления в подростковом возрасте, которое полностью формируется лишь к 15—16 годам [17].

3. *Операционально-деятельностный компонент* включает умения поиска, отбора и верификации информации, создания и редактирования медиатекстов на иностранном языке с использованием цифровых инструментов, а также навыки совместной работы в цифровой среде [18]. По мнению Н. Р. Диаз, наличие у учащихся доступа к цифровым устройствам не гарантирует развития их цифровой грамотности. Ключевую роль играет *CLIL*-подход, который реализуется через систему заданий и шаблонов [19].

4. *Рефлексивно-этический компонент* включает способность к оценке собственной медиатедеятельности, понимание личной ответственности за создаваемый контент, соблюдение норм цифровой этикета и умение осознанно управлять своей цифровой идентичностью [3].

Для проверки актуальности данной структуры ИМК обратимся к результатам современных исследователей в смежной области — медиативной компетенции. Хотя медиативная компетенция не то же самое, что и ИМК, сопоставление с ней позволяет подтвердить обоснованность нашего подхода. Отечественные исследователи выделяют в структуре медиативной компетенции рецептивный, продуктивный, интерактивный и медиативный компоненты. Это подтверждает практическую значимость данной структуры и ее соответствие современным тенденциям [14].

Предложенная структура ИМК не статична: содержание и степень сформированности каждого компонента зависят от возрастных особенностей учащихся. С опорой на психологию подросткового возраста необходимо учитывать возрастную специфику. У подростков 12—14 лет абстрактно-логическое мышление только формируется, поэтому критический анализ сложных идеологических конструкций ограничен. Из чего следует, что акцент необходимо сделать на операционально-деятельностном компоненте.

У старших подростков (14—16 лет) появляется возможность для развития навыков мышления высшего порядка (*Higher Order Thinking Skills, HOTS*), что позволяет углублять когнитивно-аналитический и рефлексивно-этический компоненты.

Для целенаправленного формирования выделенных компонентов ИМК с учетом возрастных особенностей необходима адекватная методологическая основа. В качестве такой основы в данном исследовании рассматривается интегрированное предметно-языковое обучение (*CLIL*). *CLIL* представляет собой педагогическую философию, основанную на идеях Л. С. Выготского о социальном конструировании знаний и концепции академической языковой грамотности Дж. Камминса. Ключевой моделью проектирования является принцип 4Cs Д. Койла [10]. Как отмечает К. Далтон-Пуффер, одной из ключевых характеристик *CLIL* является повышенная частота использования когнитивных дискурсивных функций (определение, классификация, объяснение, оценка), что напрямую коррелирует с задачами развития критического мышления при работе с медиатекстами [11]. Применительно к формированию ИМК эта модель наполняется следующим содержанием:

- **Content** (содержание) — медиа как социальный институт, текст и практика: знание медийных языков, жанров, экономики медиа, этических норм, проблемных областей (фейковые новости, цифровая идентичность, манипуляции). Таким образом, предметное содержание в предлагаемой модели составляют не традиционные школьные дисциплины, а знания и умения, необходимые для критического взаимодействия с современной медиасредой. Как отмечают Г. В. Палаткина и И. А. Жигульский, в современном мире большое значение имеет использование цифрового оборудования для создания образовательных практик, что напрямую соотносится с задачей формирования ИМК [20].

- **Communication** (язык) — в *CLIL* язык берет на себя три главные функции, выделенные А. Льянарес с соавторами [12]: 1) язык обучения (базовая лексика медиаанализа), 2) язык для обучения (аргументация, запрос информации) и 3) язык через обучение (спонтанные речевые конструкции, возникающие в ходе проектной деятельности). Именно третью функцию авторы считают самой ценной для интеграции, потому что она дает возможность осваивать новые языковые средства естественно, через решение реальных коммуникативных задач. В этом контексте стоит обратить внимание на технологии искусственного интеллекта. Как показала Э. Н. Гимадиева, современные ИИ-инструменты способны эффективно влиять на развитие устных и письменных навыков, а значит, могут быть полезны при создании медиапродуктов на английском языке [21].

- **Cognition** (познание) — в *CLIL* это развитие навыков мышления высшего порядка (*HOTS*). По таксономии Блума, сюда входят умения анализировать (например, сравнивать разные медиа), оценивать (определять достоверность и этичность информации) и создавать (разрабатывать собственный медиапродукт) [22]. Однако, как подчеркивает К. Далтон-Пуффер, критическое мышление не возникает само собой. Если учитель не ставит четких когнитивных задач, ничего не получится [11]. Задания должны быть продуманы так, чтобы ученик понимал: «сейчас я сравниваю», «сейчас я оцениваю». Работа с современными медиатекстами дает для этого хорошие возможности. Исследование Е. А. Кометиани и Е. Г. Ляховой подчеркивает,

Пример учебного модуля

Занятие	Содержание	Тип заданий
1	Что такое фейк-ньюс? Лексика и жанры новостей	Просмотр видео <i>BBC</i> , составление глоссария, определение признаков фейка
2	Анализ достоверности источников	Сравнение двух новостей об одном событии (<i>BBC</i> и <i>RT</i>). Заполнение таблицы: факты vs мнения, манипулятивные приемы
3	Проверка фактов (фактчекинг)	Поиск первоисточника, верификация информации через фактчекинговые сайты (<i>Snopes</i> , <i>FactCheck.org</i>). Групповое обсуждение
4	Создание своего медиапродукта	Запись короткого видео/подкаста на тему «Как не попасться на фейк» на английском языке (1—2 минуты). Презентация и рефлексия

Однако анализ существующей практики показывает разрыв: в медиакружках фокус на технике и творчестве на родном языке, языковые кружки используют медиа лишь как иллюстративный материал [5]. Как отмечает Е. В. Мурюкина, в медиакружках анализ медиатекстов часто ведется без выхода на уровень деконструкции культурных кодов, а создание продуктов не ставит задач иноязычного распространения или диалога с международной аудиторией [4]. Новые гибридные программы единичны и методически не обеспечены. Таким образом, дополнительное образование обладает необходимым потенциалом, но не реализует его в полной мере из-за отсутствия целостной модели, интегрирующей язык и медиа.

Обсуждение результатов. Главный результат проведенного анализа – доказательство взаимодополняемости трех рассматриваемых областей. Предложенная четырехкомпонентная структура ИМК органично накладывается на модель 4Cs *CLIL*. Критический анализ медиа (когнитивно-аналитический компонент) требует именно тех когнитивных умений (*HOTS*), которые призван развивать *CLIL*. Создание медиапродукта (операционально-деятельностный компонент) идеально вписывается в проектную логику *CLIL*. Мотивационно-ценностный и рефлексивно-этический компоненты находят опору в культуросообразной и коммуникативной направленности *CLIL*.

Мы полагаем, что синтез *CLIL*, проектной деятельности и технологий *Web 2.0* позволяет преодолеть ограничения традиционных программ. «Частичный» *CLIL* (интеграция в рамках отдельных модулей, а не всего курса) обеспечивает гибкость, необходимую в условиях дополнительного образования [13]. Проектно-задачный подход (*Project-Based CLIL*) создает контекст для реального использования языка и медийных навыков [25]. Технологии *Web 2.0* (совместное редактирование, блоги, подкасты) служат инструментальной основой для развития операционально-деятельностного компонента. Сочетание *CLIL* с проектным и кооперативным обучением дает положительные результаты в развитии цифровой грамотности учащихся, а использование технологий *Web 2.0* создает уникальную среду для использования языка в реальных коммуникативных ситуациях [19].

С. А. Арапова раскрывает идею о «мультимедийно опосредованной иноязычной коммуникативной компетенции» в общеобразовательной среде [26]. Выводы, полученные в ходе нашей работы, дополняют ее исследование, а именно переносят идеи общего образования на дополнительное и вводят *CLIL* как системообразующую методологию.

Интеграция *CLIL* и *Web 2.0* в школьном возрасте и с медийным содержанием требует адаптации с учетом возрастных особенностей и специфики дополнительного образования. Зарубежный опыт, например создание цифровых историй [25], подтверждает принципиальную возможность такой интеграции, но носят точечный характер и не предлагают системной модели. Важно отметить, что предлагаемая модель не ограничивается использованием технологий *Web 2.0*. Перспективным направлением является интеграция ИИ-инструментов, которые, как показано в исследовании Э.Н. Гимадиевой, могут эффективно поддерживать развитие коммуникативных навыков учащихся [21]. В контексте ИМК ИИ-инструменты могут использоваться для проверки создаваемых медиатекстов, генерации обратной связи, а также для создания персональных упражнений на основе предпочтений учащихся. Важный вклад в дискуссию об эффективности *CLIL* вносит мета-анализ Ф. Каиповой с соавторами [24]. Согласно данному мета-анализу, *CLIL* не уступает традиционному обучению по эффективности усвоения предметного содержания, что снимает все опасения о возможном отставании школьников по предмету.

Предложенная модель отличается от существующих разработок [13; 26] тем, что впервые объединяет три компонента: *CLIL* как методологическую основу, медиа как предметное содержание и дополнительное образование как гибкую среду реализации. В отличие от известных подходов, ограниченных рамками школьного урока или технического медиаторчества на родном языке, наша модель предлагает системное, пошаговое формирование всех четырех компонентов ИМК с опорой на проектно-задачный *CLIL* и технологии *Web 2.0*, что подтверждает ее научную новизну и практическую значимость.

Заключение

По итогам представленного исследования были достигнуты следующие результаты:

1. Уточнена структура ИМК школьника, включающая мотивационно-ценностный, когнитивно-аналитический, операционально-деятельностный и рефлексивно-этический компоненты, содержание которых вариативно в зависимости от возрастной группы (12—14 и 14—16 лет).

2. Доказано, что методология *CLIL*, в частности модель 4Cs, обладает высоким дидактическим потенциалом для формирования ИМК, позволяя рассматривать медиа как полноценное предметное содержание, а язык — как инструмент его познания и создания. Согласно данным новейших мета-аналитических исследований, *CLIL* не уступает традиционному обучению по эффективности усвоения содержания, что подтверждает безопасность его применения в дополнительном образовании [24].

3. Обосновано, что система дополнительного образования предоставляет уникальные институциональные и педагогические условия (гибкость, добровольность, практико-ориентированность) для реализации интегративной

модели, однако существующие программы не используют этот потенциал в полной мере из-за разрыва между медийным и языковым направлениями [4; 5; 15].

4. Разработана и представлена модель формирования ИМК школьников, базирующаяся на синтезе принципов частичного *CLIL*, проектной деятельности и технологий *Web 2.0*. Модель включает целевой, содержательный, процессуальный и результативный блоки, а также диагностический инструментарий для оценки уровней сформированности ИМК (начальный, средний, продвинутый).

5. Предложенная методика формирования ИМК (этапы работы с медиатекстом, пример учебного модуля «Фейк-ньюс: как отличить правду от лжи?», анкеты, рефлексивные эссе) может быть непосредственно использована педагогами дополнительного образования и учителями английского языка в кружках и студиях. Направлением для дальнейших исследований является экспериментальная проверка эффективности разработанной модели в условиях реального образовательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федоров А. В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М. : МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 610 с.
2. Buckingham D. Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture. Cambridge : Polity Press, 2003. xii, 219 p.
3. Hobbs R. Digital and Media Literacy: A Plan of Action : A White Paper on the Digital and Media Literacy Recommendations of the Knight Commission on the Information Needs of Communities in a Democracy. Washington, D.C. : The Aspen Institute, 2010. 67 p.
4. Чельшева И. В., Шаповалова В. С., Мурюкина Е. В. Теория и методика развития социальной активности школьников с использованием элементов медиаобразования. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 138 с.
5. Жилавская И. В. Медиаобразование молодежи : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : МПГУ, 2018. 214 с.
6. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам : пособие для учителя. 3-е изд., перераб. и доп. М. : АРКТИ, 2004. 189 с.
7. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon ; Philadelphia : Multilingual Matters, 1997. viii, 124 p.
8. Сысоев П. В. Информатизация языкового образования: основные направления и перспективы // Иностранные языки в школе. 2012. № 2. С. 2—9.
9. Титова С. В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика : моногр. М. : Эдитус, 2017. 247 с.
10. Coyle D. Content and Language Integrated Learning: Motivating Learners and Teachers // Scottish Languages Review. 2006. Iss. 13. URL: https://scilt.org.uk/Portals/24/Library/slr/issues/13/SLR13_Coyle.pdf.
11. Dalton-Puffer C. Content-and-Language Integrated Learning: From Practice to Principles? // Annual Review of Applied Linguistics. 2011. Vol. 31. Pp. 182—204. DOI: 10.1017/S0267190511000092.
12. Llinares A., Morton T., Whittaker R. The Roles of Language in CLIL. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. vii, 344 p.
13. Хлызова Н. Ю. Методическое обеспечение процесса формирования медиакомпетентности личности на занятии по иностранному языку // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 2. С. 130—147.
14. Ниненко М. А., Чернякова Ю. С. Роль медиативной компетенции в современном языковом образовании // Концепт. 2025. № 8. С. 125—139. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11155.
15. Дорутова К. С. К вопросу о критериях отбора медиатекстов для развития иноязычной коммуникативной компетенции школьников // Альфа-2023 : сб. науч. ст. VII Междунар. науч.-практ. конференции молодых исследователей. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2023. С. 409—412.
16. Эльконин Д. Б. Избр. психол. тр. М. : Педагогика, 1989. 554 с.
17. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1996. 414 с.
18. Pegrum M., Hockly N., Dudeney G. Digital Literacies. London : Routledge, 2013. 400 p. DOI: 10.4324/9781315832913.
19. Diaz N. R. Stepping into the integration of digital literacy in the CLIL approach // eTEALS: An e-journal of Teacher Education and Applied Languages Studies. 2024. No. 16. Pp. 25—42. DOI: 10.34619/bnu9-8gzo.
20. Палаткина Г. В., Жигульский И. А. Школьная цифровая инфраструктура: шаг от оснащения к содержательным практикам // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 7. С. 899—907. DOI: 10.30853/ped20250108.
21. Гимадиева Э. Н. Методический потенциал лингвоинформационной технологии на базе искусственного интеллекта Engnovate при обучении иноязычному устному общению студентов языкового вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 3. С. 323—332. DOI: 10.30853/ped20250039.
22. A Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives / eds. L. W. Anderson, D. R. Krathwohl. New York : Longman, 2001. xxix, 352 p.
23. Кометиани Е. А., Ляхова Е. Г. Классификация терминологии в области искусственного интеллекта англоязычных железнодорожных СМИ как основа организации обучения иностранному языку специальности в транспортном вузе // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 7. С. 927—934. DOI: 10.30853/ped20250111.
24. Kaiypova F., Lee H., Lo Y. Y., Lee J. H. Effects of Content and Language Integrated Learning on secondary-level students' content learning: A meta-analysis // System. 2025. Vol. 129. Art. 103580. DOI: 10.1016/j.system.2024.103580.
25. Barrios E., Acosta-Manzano I. Primary students' satisfaction with CLIL and perceived CLIL linguistic difficulty // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2022. Vol. 43. Iss. 7. Pp. 665—678. DOI: 10.1080/01434632.2020.1759610.
26. Арапова С. А. Методологические аспекты формирования мультимедийно опосредованной иноязычной компетенции учащихся: от теории к практике // Пермский педагогический журнал. 2014. № 5. С. 12—15.

REFERENCES

1. Fedorov A. V. Development of media competence and critical thinking of students of a pedagogical university. Moscow, Interregional Public Organization in Support of UNESCO Information for All Programme publ., 2007. 610 p. (In Russ.)
2. Buckingham D. Media Education: Literacy, Learning and Contemporary Culture. Cambridge, Polity Press, 2003. xii + 219 p.
3. Hobbs R. Digital and Media Literacy: A Plan of Action. A White Paper on the Digital and Media Literacy Recommendations of the Knight Commission on the Information Needs of Communities in a Democracy. Washington, D.C., The Aspen Institute publ., 2010. 67 p.
4. Chelysheva I. V., Shapovalova V. S., Muryukina E. V. Theory and methodology of developing social activity in schoolchildren using media education elements. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 2019. 138 p. (In Russ.)
5. Zhilavskaya I. V. Media education of youth. Monograph. 2nd ed. Moscow, Moscow Pedagogical State University publ., 2018. 214 p. (In Russ.)
6. Gal'skova N. D. Modern methods of teaching foreign languages. Aid for teacher. 3rd ed. Moscow, ARKTI, 2004. 189 p. (In Russ.)
7. Byram M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon, Philadelphia, Multilingual Matters, 1997. viii + 124 p.
8. Sysoev P. V. Informatization of language education: main directions and prospects. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2012; 2:2—9. (In Russ.)
9. Titova S. V. Digital technologies in language classroom: theory and practice. Monograph. Moscow, Editus, 2017. 247 p. (In Russ.)
10. Coyle D. Content and Language Integrated Learning: Motivating Learners and Teachers. *Scottish Languages Review*. 2006;13. URL: https://scilt.org.uk/Portals/24/Library/slr/issues/13/SLR13_Coyle.pdf.
11. Dalton-Puffer C. Content-and-Language Integrated Learning: From Practice to Principles?. *Annual Review of Applied Linguistics*. 2011;31:182—204. DOI: 10.1017/S0267190511000092.
12. Llinares A., Morton T., Whittaker R. The Roles of Language in CLIL. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. vii + 344 p.
13. Khlyzova N. Yu. Methods to form media competence of the person at foreign language class. *Crede Experto: transport, obshchestvo, obrazovanie, yazyk = Crede Experto: transport, society, education, language*. 2016;2:130—147. (In Russ.)
14. Ninenko M. A., Chernyakova Ju. S. The role of mediation skills in modern language education. *Kontsept = Concept*. 2025;8:125—139. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11155.
15. Dorutova K. S. On the issue of criteria for selecting media texts for the development of foreign language communicative competence of schoolchildren. *Al'fa-2023 = Alpha-2023. Collection of scientific articles of the VII International scientific and practical conference of young researchers*. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno publ., 2023:409—412. (In Russ.)
16. El'konin D. B. Selected psychological works. Moscow, Pedagogika, 1989. 554 p. (In Russ.)
17. Vygotsky L. S. Thinking and speech. Moscow, Labirint, 1996. 414 p. (In Russ.)
18. Pegrum M., Hockly N., Dudeney G. Digital Literacies. London, Routledge, 2013. 400 p. DOI: 10.4324/9781315832913.
19. Diaz N. R. Stepping into the integration of digital literacy in the CLIL approach. *eTEALS: An e-journal of Teacher Education and Applied Languages Studies*. 2024;16:25—42. DOI: 10.34619/bnu9-8gzo.
20. Palatkina G. V., Zhigulsky I. A. School digital infrastructure: from equipment to content-based practices. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(7):899—907. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250108.
21. Gimadieva E. N. Determining the methodological potential of the Engnovate AI-driven language learning technology for developing oral communication skills in language majors. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(3):323—332. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250039.
22. A Taxonomy for Learning, Teaching, and Assessing: A Revision of Bloom's Taxonomy of Educational Objectives. L. W. Anderson, D. R. Krathwohl (eds.). New York, Longman, 2001. xxix + 352 p.
23. Kometiani E. A., Liakhova E. G. Classification of terminology in the field of artificial intelligence in English-language railway news media as a basis for organizing the teaching of a foreign language for specific purposes at a transport university. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(7):927—934. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250111.
24. Kaiypova F., Lee H., Lo Y. Y., Lee J. H. Effects of Content and Language Integrated Learning on secondary-level students' content learning: A meta-analysis. *System*. 2025;129:103580. DOI: 10.1016/j.system.2024.103580.
25. Barrios E., Acosta-Manzano I. Primary students' satisfaction with CLIL and perceived CLIL linguistic difficulty. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2022;43(7):665—678. DOI: 10.1080/01434632.2020.1759610.
26. Arapova S. A. Methodological aspects of the formation of students' multimedia-mediated foreign language competence: from theory to practice. *Permskii pedagogicheskii zhurnal*. 2014;5:12—15. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 14.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья

УДК 796.323.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1624

Nikoletta Aleksandrovna Serebrennikova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Volleyball and Basketball,
Volga Region State University
of Physical Culture, Sport and Tourism
Kazan, Russian Federation
nikoletta_sudden@mail.ru

Igor Evgenyevich Konovalov

Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Department of Theory
and Methodology of Volleyball and Basketball,
Volga Region State University
of Physical Culture, Sport and Tourism
Kazan, Russian Federation
igko2006@mail.ru

Николетта Александровна Серебренникова

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории
и методики волейбола и баскетбола,
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
Казань, Российская Федерация
nikoletta_sudden@mail.ru

Игорь Евгеньевич Коновалов

д-р пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой теории
и методики волейбола и баскетбола,
Поволжский государственный университет
физической культуры, спорта и туризма
Казань, Российская Федерация
igko2006@mail.ru

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ КАК ПРЕДИКТОРЫ УСПЕШНОСТИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ИГРЕ У БАСКЕТБОЛИСТОВ И БАСКЕТБОЛИСТОК СТУДЕНЧЕСКИХ КОМАНД

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Исследование направлено на изучение исполнительных функций как когнитивной основы тактического мышления баскетболистов и баскетболисток студенческих команд, что придает работе междисциплинарный характер и объединяет подходы спортивной психологии и теории спортивной подготовки. В условиях современного баскетбола, отличающегося высокой динамикой игровых эпизодов, плотностью единоборств и сменой тактических задач, особую актуальность приобретает выявление компонентов исполнительных функций, выступающих предикторами успешности игровых решений в условиях дефицита времени и информационной неопределенности.

В исследовании приняли участие 30 спортсменов (15 баскетболистов и 15 баскетболисток) студенческих команд спортивного клуба «Крылатые барсы»; исполнительные функции оценивались с использованием корректурной пробы Бурдона—Анфимова, теста «цифровой ряд» (прямой и обратный варианты) и теста Trail Making Test (части A и B, индекс B-A), успешность игровых решений — по результатам видеотеста из 20 типичных игровых эпизодов. Показано, что при сопоставимом общем уровне когнитивного потенциала профиль исполнительных функций баскетболистов и баскетболисток имеет гендерные осо-

бенности: у баскетболистов выше продуктивность внимания и скорость выполнения простых зрительно-моторных заданий, тогда как баскетболистки превосходят их по показателям рабочей памяти в усложненных условиях и точности игровых решений при несколько большем времени реакции. Установлено, что у баскетболистов ведущими предикторами успешности решений выступают показатели когнитивной гибкости (время выполнения ТМТ-B и индекс B-A) в сочетании с продуктивностью внимания, а у баскетболисток — параметры временной стратегии обработки информации (баланс «скорость — точность» реакции).

Полученные результаты определяют ориентиры для дифференцированного развития исполнительных функций в системе подготовки студенческих баскетбольных команд и задают перспективы последующих исследований, связанных с расширением выборки и включением дополнительных когнитивных показателей.

Ключевые слова: баскетбол, студенческий спорт, студенческие команды, исполнительные функции, внимание, рабочая память, когнитивная гибкость, тактическое мышление, принятие решений, предикторы успешности, гендерные особенности, когнитивные ресурсы

Для цитирования: Серебренникова Н. А., Коновалов И. Е. Исполнительные функции как предикторы успешности принятия решений в игре у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 320—325. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1624.

Original article

EXECUTIVE FUNCTIONS AS PREDICTORS OF IN-GAME DECISION-MAKING SUCCESS
IN MALE AND FEMALE UNIVERSITY BASKETBALL PLAYERS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. *The study focuses on executive functions as the cognitive basis of tactical thinking in male and female student basketball players, which gives the work an interdisciplinary character and integrates approaches from sports psychology and the theory of athletic training. In modern basketball, characterized by a high tempo of game episodes, intense physical contact, and frequent changes in tactical tasks, identifying the components of executive functions that act as predictors of successful in-game decisions under time pressure and conditions of informational uncertainty becomes particularly relevant.*

The study involved 30 athletes (15 male and 15 female basketball players) from the “Krylatye Barsy” university sports club; executive functions were assessed using the Bourdon-Anfimov proofreading test, the digit span test (forward and backward) and the Trail Making Test (parts A and B, B-A index), while decision-making success was evaluated using a video-based test consisting of 20 typical game episodes. It was shown that, despite a comparable overall level of cognitive potential, the profile of executive functions in male and

female players has gender-specific features: male players demonstrate higher attention productivity and faster performance in simple visuomotor tasks, whereas female players outperform them in working memory under more complex conditions and in the accuracy of in-game decisions, albeit with slightly longer reaction times. It was found that, for male players, the leading predictors of decision-making success are indicators of cognitive flexibility (TMT-B completion time and B-A index) in combination with attention productivity, whereas for female players they are parameters of the temporal strategy of information processing (the “speed-accuracy” trade-off).

The findings provide guidelines for differentiated development of executive functions in the training system of university basketball teams and outline prospects for further research involving larger samples and additional cognitive measures.

Keywords: *basketball, university sport, student teams, executive functions, attention, working memory, cognitive flexibility, tactical thinking, decision-making, predictors of success, gender differences, cognitive resources*

For citation: Serebrennikova N. A., Konovalov I. E. Executive functions as predictors of in-game decision making success in male and female university basketball players. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):320—325. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1624.

Введение

Актуальность. В современных условиях соревновательной деятельности в игровых видах спорта ключевым фактором успешности выступает способность спортсмена быстро и адекватно оценивать игровую ситуацию и принимать оптимальные тактические решения в условиях дефицита времени и информационной неопределенности. М. М. Лелеков показывает, что результативность баскетболистов тесно связана с сочетанием интеллектуально-психологических и операционно-технических качеств, что подчеркивает значимость когнитивного компонента в структуре спортивного мастерства [1]. В. С. Макеева и Х. Ван отмечают, что в баскетболе динамичность смены эпизодов, высокая плотность единоборств и вариативность тактических схем требуют от игроков хорошо развитых когнитивных ресурсов и устойчивого внимания [2]. Н. А. Серебренникова с соавторами также подчеркивают значимость игрового мышления и когнитивного обеспечения деятельности баскетболистов студенческих команд [3]. М. Ашфорд с соавторами и Т. Хабекост с соавторами рассматривают исполнительные функции, включающие контроль внимания, рабочую память и когнитивную гибкость, как центральный механизм регуляции сложной произвольной деятельности и когнитивную основу игрового интеллекта [4; 5].

Изученность проблемы. Д. М. Загородникова и Л. В. Капилевич показали, что психокогнитивные тренировки могут служить эффективным средством развития когнитивных функций у спортсменов, что подтверждает значимость целенаправленного когнитивного компонента в спортивной подготовке [6]. Т. Ю. Федорова, Ю. А. Греков и А. Ю. Шредер отмечают, что физические упражнения и методы тренировки оказывают влияние не только

на спортивный результат, но и на умственное развитие студентов, что подчеркивает важность учета когнитивного аспекта в тренировочном процессе [7]. А. В. Родин и В. П. Губа подчеркивают роль когнитивных и психофизиологических характеристик в обеспечении эффективности тренировочных нагрузок и результативности тактических действий баскетболистов различной квалификации [8; 9].

Н. А. Серебренникова с соавторами акцентируют значимость игрового мышления в структуре спортивной деятельности баскетболистов студенческих команд [3]. И. А. Тупий показывает, что целенаправленное управление когнитивными ресурсами и психофункциональной регуляцией позволяет повышать точность сложнокоординированных бросков в баскетболе, что подчеркивает прикладное значение когнитивных механизмов в игровой деятельности [10]. Вместе с тем в этих исследованиях структура исполнительных функций как предикторов успешности принятия решений у студентов-баскетболистов раскрыта недостаточно полно.

М. Ашфорд, А. Абрахам и Дж. Пултон показали, что особенности внимания, рабочей памяти и когнитивной гибкости связаны с качеством принятия решений у игроков командных видов спорта [11]. Т. Хабекост с соавторами и Я. А. Хауган с соавторами подчеркивают роль исполнительных функций и «игрового интеллекта» в когнитивном обеспечении соревновательной деятельности спортсменов высокого уровня [5; 12]. И. Лего и Дж. Фобер отмечают гендерные различия в перцептивно-когнитивном научении у молодых спортсменов [13].

С. В. Барбашов рассматривает тактическую подготовку в баскетболе в контексте тактического мышления как системообразующего компонента, подчеркивая ее связь с когнитивным обеспечением игровых действий [14].

С. А. Хабаров анализирует инновационные методы формирования командного игрового мышления в тренировочном процессе, уделяя внимание развитию когнитивных ресурсов баскетболистов [15].

Таким образом, анализ рассмотренных научных работ раскрывает различные аспекты когнитивного обеспечения спортивной деятельности, однако структура исполнительных функций как предикторов успешности принятия игровых решений у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд остается изученной недостаточно полно.

Целесообразность разработки темы. С. В. Барбашов и С. А. Хабаров показывают, что развитие тактического и командного игрового мышления является одним из ключевых направлений подготовки баскетболистов в учебно-тренировочном процессе [14; 15]. Д. М. Загородникова, Л. В. Капилевич, Т. Ю. Федорова, А. В. Родин с соавторами подтверждают, что при организации подготовки необходимо учитывать не только физическую и техническую готовность спортсменов, но и их когнитивный потенциал [6—9]. Н. А. Серебренникова с соавторами, а также Я. А. Хауган с соавторами и И. Лего и Дж. Фобер указывают на значимость учета гендерных и индивидуально-типологических особенностей при построении когнитивно-ориентированных тренировочных программ [3; 12; 13].

Научная новизна данного исследования заключается в следующем:

- получены сопоставимые данные компонентов исполнительных функций у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд;
- выявлены особенности взаимосвязи отдельных компонентов исполнительных функций с успешностью принятия решений в типичных игровых ситуациях у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд;
- показано, что структура предикторов успешности игровых решений различается у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд, что расширяет представления о гендерной специфике когнитивного обеспечения соревновательной деятельности в баскетболе.

Цель исследования — изучить особенности исполнительных функций у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд и определить их роль как предикторов успешности принятия игровых решений.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи** исследования:

- охарактеризовать уровень развития показателей исполнительных функций (внимания, рабочей памяти, когнитивной гибкости) и сравнить успешность принятия игровых решений по результатам видеотеста у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд;
- проанализировать взаимосвязи между показателями исполнительных функций и успешностью игровых решений у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд;
- выделить ведущие предикторы успешности принятия игровых решений у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении представлений о месте и роли исполнительных функций в структуре когнитивного обеспечения соревновательной деятельности в игровых видах спорта на примере студенческого баскетбола. Полученные результаты дополняют существующие концепции игрового интеллекта и когнитивной регуляции тактических действий, позво-

ляя более детально описать вклад отдельных компонентов исполнительных функций в успешность решений в условиях быстро меняющейся игровой ситуации. Выявленные гендерные различия в профиле предикторов углубляют понимание индивидуальных траекторий развития когнитивных ресурсов спортсменов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для диагностики и мониторинга когнитивных ресурсов баскетболистов и баскетболисток при организации учебно-тренировочного процесса студенческих команд. На основе установленных взаимосвязей между исполнительными функциями и успешностью игровых решений могут быть разработаны рекомендации по включению в тренировочный процесс специальных упражнений, направленных на развитие внимания, рабочей памяти и когнитивной гибкости, а также по оптимизации структуры видеотренинга принятия решений. Учитывая выявленные гендерные особенности, специалисты (тренеры) могут дифференцировать методы подготовки баскетболистов и баскетболисток студенческих команд, повышая эффективность как индивидуальных действий, так и командных взаимодействий на площадке.

Основная часть

Организация исследования. Исследование проводилось на базе Поволжского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (г. Казань), в котором приняли участие 15 баскетболистов и 15 баскетболисток студенческих команд спортивного клуба «Крылатые барсы». Исследование проводилось в условиях учебно-тренировочного процесса студенческих баскетбольных команд, при условии информирования о целях исследования и добровольного согласия на участие в нем.

Методы исследования. Для оценки исполнительных функций использовался комплекс психодиагностических методик, включающий:

- корректурную пробу Бурдона—Анфимова, позволяющую оценить продуктивность и устойчивость внимания, а также количество допускаемых ошибок;
- тест «цифровой ряд» в прямом и обратном вариантах, применяемый для оценки объема, устойчивости и оперативности рабочей памяти;
- тест переключения внимания *Trail Making Test* (части A и B, а также индекс B-A; далее — *TMT*), характеризующий скорость переработки информации, способность к переключению и когнитивную гибкость.

А также с помощью видеотеста, включавшего 20 фрагментов игровых эпизодов, оценивалась успешность принятия игровых решений с фиксацией количества верных решений (выбор оптимального варианта продолжения атакующих или оборонительных действий) и времени реакции, затрачиваемое игроком на принятие решения.

Обработка данных включала вычисление описательных статистик (средних значений, стандартных отклонений), сравнение показателей между группами баскетболистов и баскетболисток студенческих команд с использованием критерия Стьюдента для независимых выборок, а также проведение корреляционного анализа (коэффициент Спирмена) для выявления взаимосвязей между показателями исполнительных функций и успешностью принятия игровых решений. Уровень статистической значимости принимался на уровне $p \leq 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ показателей исполнительных функций показал, что и у баскетболистов, и у баскетболисток студенческих команд отмечается достаточно высокий уровень развития внимания, рабочей памяти и когнитивной гибкости, при этом профиль когнитивных характеристик имеет гендерно-специфические особенности, что представлено в табл. 1.

Продуктивность внимания по корректурной пробе Бурдона—Анфимова у баскетболистов была достоверно выше, чем у баскетболисток ($p = 0,001$), что свидетельствует о большей интенсивности переработки зрительной информации в мужской группе. При этом количество ошибок внимания статистически значимо не различалось, что говорит о сопоставимой точности выполнения задания у спортсменов обоих полов.

Таблица 1

Показатели исполнительных функций и успешности принятия решений у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд ($M \pm SD$)

Показатель	Баскетболисты ($n = 15$)	Баскетболистки ($n = 15$)	t	p
Продуктивность внимания, усл. ед.	255,20 $\pm$ 19,08	231,67 $\pm$ 13,85	3,86	0,001
Ошибки внимания, кол-во	4,87 $\pm$ 1,64	5,80 $\pm$ 1,61	–1,57	0,127
Рабочая память, прямой ряд, эл.	6,47 $\pm$ 0,64	6,60 $\pm$ 0,74	–0,53	0,601
Рабочая память, обратный ряд, эл.	4,87 $\pm$ 0,64	5,60 $\pm$ 0,63	–3,16	0,004
<i>TMT-A</i> , время выполнения, с	26,08 $\pm$ 3,14	29,61 $\pm$ 4,29	–2,57	0,016
<i>TMT-B</i> , время выполнения, с	61,07 $\pm$ 2,79	60,06 $\pm$ 3,48	0,87	0,390
Разница <i>TMT B-A</i> , с	34,99 $\pm$ 4,74	30,45 $\pm$ 4,47	2,70	0,012
Правильных решений из 20, кол-во	15,07 $\pm$ 1,79	16,40 $\pm$ 1,35	–2,30	0,029
Время реакции, с	1,99 $\pm$ 0,17	2,13 $\pm$ 0,16	–2,38	0,024

Примечание: M — среднее значение; SD — стандартное отклонение; t — значение t -критерия Стьюдента для независимых выборок; p — уровень статистической значимости различий между группами.

По показателям рабочей памяти выявлены разнонаправленные эффекты. Прямой цифровой ряд (объем кратковременной памяти) оказался близким по значениям в обеих группах ($p > 0,05$), тогда как по обратному цифровому ряду баскетболистки продемонстрировали статистически значимо более высокие результаты ($p = 0,004$), что свидетельствует о лучшей развитости компонента рабочей памяти, связанного с одновременным удержанием и переработкой информации.

При оценке когнитивной гибкости по *TMT* установлено, что время выполнения части *A* у баскетболистов было меньше, чем у баскетболисток ($p = 0,016$), что отражает более высокую скорость простой зрительно-моторной переработки информации в мужской группе. Время выполнения части *B* оказалось сопоставимым ($p = 0,390$), однако индекс *TMT B-A*, отражающий относительное усложнение задания при переходе от части *A* к части *B*, был статистически значимо выше у баскетболистов ($p = 0,012$). Это указывает на различия в структуре переключения между простыми и сложными когнитивными операциями и может свидетельствовать о большей «стоимости» усложнения задания для мужской группы.

Результаты видеотеста, включавшего 20 игровых эпизодов, показали, что в целом обе группы обладают достаточно высоким уровнем тактической подготовленности, однако характер реализации когнитивного потенциала различается. Баскетболистки продемонстрировали более высокое число правильных решений ($p = 0,029$), тогда как баскетболисты имели преимущество по скорости реакции ($p = 0,024$). Таким образом, мужская группа характеризуется большей скоростью реагирования при несколько меньшей точности, тогда как женская — большей точностью при несколько большем времени принятия решений, что согласуется с данными о гендерных различиях в балансе «скорость-точность» в психомоторных задачах.

Для углубленного анализа были изучены взаимосвязи между показателями исполнительных функций и количеством правильных решений в видеотесте у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд, результаты которого представлены в табл. 2.

Таблица 2

Показатели корреляционного анализа исполнительных функций с успешностью решений у баскетболистов и баскетболисток

Показатель	Баскетболисты		Баскетболистки	
	r	p	r	p
Продуктивность внимания, усл. ед.	0,39	0,147	0,41	0,131
Ошибки внимания, кол-во	–0,28	0,315	–0,14	0,614
Рабочая память, прямой ряд, эл.	0,06	0,824	0,16	0,575
Рабочая память, обратный ряд, эл.	–0,07	0,817	0,07	0,803
<i>TMT-A</i> , время выполнения, с	–0,25	0,374	0,23	0,407
<i>TMT-B</i> , время выполнения, с	0,53	0,042	0,50	0,059
Разница <i>TMT B-A</i> , с	0,59	0,020	0,24	0,389
Время реакции, с	0,45	0,090	0,70	0,003

Примечание: r — коэффициент ранговой корреляции Спирмена; p — уровень статистической значимости.

У баскетболистов наибольшее значение для успешности принятия игровых решений имеют показатели, связанные с выполнением более сложной части теста переключения внимания. Время выполнения *TMT-B* и индекс *TMT B-A* демонстрируют статистически значимые положительные корреляции с числом правильных решений ($p = 0,042$ и $p = 0,020$ соответственно), что позволяет рассматривать

их как ведущие когнитивные предикторы успешности решений у них. При этом показатели внимания и рабочей памяти в основном проявляют лишь тенденции к ожидаемым связям (умеренно положительные для продуктивности внимания, отрицательные для ошибок внимания), не достигая уровня статистической значимости.

У баскетболисток структура взаимосвязей иная. Наиболее выраженную и статистически значимую корреляцию с успешностью решений демонстрирует время реакции в видеотесте: более длительное время реагирования ассоциируется с большим числом верных решений ($r = 0,70$; $p = 0,003$), что можно интерпретировать как использование более обдуманной, менее импульсивной стратегии анализа игровых ситуаций. Показатели внимания и рабочей памяти у баскетболисток в целом имеют положительную направленность связей с успешностью решений, но статистически значимого уровня не достигают ($p > 0,05$), а показатели *TMT* демонстрируют лишь тенденции к положительным взаимосвязям.

В совокупности результаты указывают на то, что при сопоставимом по уровню общем когнитивном потенциале баскетболисты и баскетболистки реализуют его в игровых ситуациях по-разному. Для баскетболистов ведущими предикторами успешности игровых решений выступают показатели, связанные с выполнением сложных когнитивных операций и переключения внимания, прежде всего время выполнения *TMT-B* и индекс *TMT B-A*, а также в меньшей степени параметры продуктивности внимания. Для баскетболисток, напротив, ключевыми предикторами успешности решений являются характеристики временной стратегии обработки информации: более длительный, но более точный анализ игровых эпизодов, отражающийся в увеличении времени реакции при сохранении относительно высокого уровня исполнительных функций. Такое различие

в профиле предикторов подтверждает гендерную специфику когнитивного обеспечения тактического мышления в студенческом баскетболе и обосновывает необходимость дифференцированного подхода к развитию исполнительных функций у спортсменов и спортсменок.

Выводы

Цель исследования достигнута: описаны особенности исполнительных функций у баскетболистов и баскетболисток студенческих команд и показана их связь с успешностью принятия игровых решений в моделируемых игровых эпизодах.

Установлено, что при общем достаточно высоком уровне исполнительных функций и тактической подготовленности профиль когнитивных показателей гендерно различается: баскетболисты имеют более высокую продуктивность внимания и меньшую длительность простых зрительно-моторных действий, тогда как баскетболистки превосходят их по показателям рабочей памяти в усложненных условиях и по точности игровых решений при несколько большем времени реакции.

Показано, что структура взаимосвязей между исполнительными функциями и успешностью решений различается у спортсменов разного пола: у баскетболистов более выражены связи успешности с показателями когнитивной гибкости и выполнения сложных когнитивных операций, у баскетболисток — с временными характеристиками принятия решений (соотношение времени реакции и точности).

Выделены ведущие предикторы успешности принятия игровых решений: для баскетболистов — время выполнения части *TMT-B* и индекс *TMT B-A* в сочетании с продуктивностью внимания; для баскетболисток — параметры временной стратегии реагирования (более длительное, но более точное принятие решений) при поддержании достаточного уровня внимания и рабочей памяти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лелеков М. М. Взаимосвязь между интеллектуально-психологическими и операционально-техническими качествами баскетболистов // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 2А. С. 163—169.
2. Макеева В. С., Ван Х. Представления квалифицированных баскетболистов о предсказуемости выполнения приемов и действий в условиях соревнований // Геймификация. Научный подход. 2025. № 1(1). С. 36—40.
3. Серебrenникова Н. А., Коновалов И. Е., Меркулова И. В. Игровое мышление баскетболистов студенческих команд // Наука и спорт: современные тенденции. 2025. Т. 13. № 3. С. 140—150. DOI: 10.36028/2308-8826-2025-13-3-140-150.
4. Ashford M., Abraham A., Poolton J. Understanding a Player's Decision-Making Process in Team Sports: A Systematic Review of Empirical Evidence // Sports. 2021. Vol. 9. Iss. 5. Art. 65. DOI: 10.3390/sports9050065.
5. Habekost T., Ovesen J., Madsen J. B. Cognition in elite soccer players: a general model // Frontiers in Psychology. 2024. Vol. 15. Art. 1477262. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1477262.
6. Загородникова Д. М., Капилевич Л. В. Психокогнитивные тренировки для спортсменов-ориентировщиков: методика и эффективность // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № 4. С. 80—86.
7. Федорова Т. Ю., Греков Ю. А., Шредер А. Ю. Влияние физических упражнений и методов тренировок на спортивный результат и умственное развитие студента // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 11(225). С. 451—454.
8. Родин А. В., Губа В. П. Мониторинг когнитивных способностей при выполнении тренировочных нагрузок «до отказа» баскетболистами массовых разрядов // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2025. № 3. С. 13.
9. Родин А. В., Губа В. П., Мазурина А. В., Захаров П. С. Взаимосвязь психофизиологических показателей с результативностью индивидуальных тактических действий баскетболистов различной квалификации // Теория и практика физической культуры. 2025. № 8. С. 18—20.
10. Тупий И. А. Психофункциональная регуляция в баскетболе: как управление когнитивными ресурсами повышает точность сложно-координированных бросков // Вестник науки. 2025. № 6(87). Т. 3. С. 2302—2306.
11. Ashford M., Abraham A., Poolton J. What Cognitive Mechanism, When, Where, and Why? Exploring the Decision Making of University and Professional Rugby Union Players During Competitive Matches // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 609127. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.609127.
12. Haugan J. A., Lervold K., Kaalvik H., Moen F. A scoping review of empirical research on executive functions and game intelligence in soccer // Frontiers in Psychology. 2025. Vol. 16. Art. 1536174. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1536174.

13. Legault I., Faubert J. Gender comparison of perceptual-cognitive learning in young athletes // *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. Art. 8635. DOI: 10.1038/s41598-024-59486-6.
14. Барбашов С. В. Тактическая подготовка в баскетболе в контексте тактического мышления как системообразующего компонента // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2008. № 4(38). С. 17—20.
15. Хабаров С. А. Инновационные методы формирования командного игрового мышления в тренировочном процессе по баскетболу в рамках секции баскетбола спортивного клуба ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ // *Наука и образование*. 2025. Т. 8. № 3. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/8057>.

REFERENCES

1. Lelekov M. M. The relationship between the intellectual-psychological and operational-technical qualities of basketball players. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2022;12(2A):163—169. (In Russ.)
2. Makeeva V. S., Van H. The ideas of qualified basketball players about the predictability of performing techniques and actions in competition conditions. *Geimifikatsiya. Nauchnyi podkhod = Gamification*. 2025;1(1):36—40. (In Russ.)
3. Serebrennikova N. A., Konovalov I. E., Merkulova I. V. Basketball game intelligence in student teams. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii = Science and sport: current trends*. 2025;13(3):140—150. (In Russ.) DOI: 10.36028/2308-8826-2025-13-3-140-150.
4. Ashford M., Abraham A., Poolton J. Understanding a Player's Decision-Making Process in Team Sports: A Systematic Review of Empirical Evidence. *Sports*. 2021;9(5):65. DOI: 10.3390/sports9050065.
5. Habekost T., Ovesen J., Madsen J. B. Cognition in elite soccer players: a general model. *Frontiers in Psychology*. 2024;15:1477262. DOI: 10.3389/fpsyg.2024.1477262.
6. Zagorodnikova D. M., Kapilevich L. V. Psycho-cognitive training for orienteers: a methodology and its efficiency. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*. 2023;23(4):80—86. (In Russ.)
7. Fedorova T. Yu., Grekov Yu. A., Schroeder A. Yu. Influence of physical exercises and training methods on sports performance and mental development of students. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2023;11(225):451—454. (In Russ.)
8. Rodin A. V., Guba V. P. Monitoring cognitive abilities during training loads “to the point of failure” by mass basketball players. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2025;3:13. (In Russ.)
9. Rodin A. V., Guba V. P., Mazurina A. V., Zakharov P. S. Relationship between neurophysiological characteristics and efficiency of personal tactical manipulations of basketball players of different skill levels. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2025;8:17—19. (In Russ.)
10. Tupiy I. A. Psychofunctional regulation in basketball: how cognitive resource management improves precision of complex coordinated throws. *Vestnik nauki*. 2025;6(87)-3:2302—2306. (In Russ.)
11. Ashford M., Abraham A., Poolton J. What Cognitive Mechanism, When, Where, and Why? Exploring the Decision Making of University and Professional Rugby Union Players During Competitive Matches. *Frontiers in Psychology*. 2021;12:609127. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.609127.
12. Haugan J. A., Lervold K., Kaalvik H., Moen F. A scoping review of empirical research on executive functions and game intelligence in soccer. *Frontiers in Psychology*. 2025;16:1536174. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1536174.
13. Legault I., Faubert J. Gender comparison of perceptual-cognitive learning in young athletes. *Scientific Reports*. 2024;14:8635. DOI: 10.1038/s41598-024-59486-6.
14. Barbashov S. V. Tactical preparation in basketball according to tactical thinking as an element forming the system. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2008;4(38):17—20. (In Russ.)
15. Khabarov S. A. Innovative methods of developing team game thinking in the basketball training process within the basketball club of Michurinsk State Agrarian University. *Nauka i Obrazovanie*. 2025;8(3). (In Russ.) URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/8057>.

Статья поступила в редакцию 05.04.2026; одобрена после рецензирования 03.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 05.04.2026; approved after reviewing 03.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья

УДК 37.013.77

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1588

Arseniy Ruslanovich Sluchevskiy

Postgraduate of the Department of Psychology,
field of training

5.8.7 — Methodology and technology

of vocational education,

Moscow State University

of Sport and Tourism

Moscow, Russian Federation

2000-ars@mail.ru

Lira Gayazovna Ulyayeva

Doctor of Psychology,

Associate Professor of the Department of Psychology,

Moscow State University

of Sport and Tourism

Moscow, Russian Federation

lira-ulyayeva@yandex.ru

Арсений Русланович Случевский

аспирант кафедры психологии,

направление подготовки

5.8.7 — Методология и технология

профессионального образования,

Московский государственный университет

спорта и туризма

Москва, Российская Федерация

2000-ars@mail.ru

Ли́ра Га́язовна Уля́ева

д-р психол. наук,

доцент кафедры психологии,

Московский государственный университет

спорта и туризма

Москва, Российская Федерация

lira-ulyayeva@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ SOFT SKILLS КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Статья представляет собой исследование факторов формирования soft skills как одного из наиболее важных условий профессиональной самореализации личности. В ходе исследования изучены механизмы, способствующие формированию soft skills у будущих специалистов, и их влияние на процесс профессиональной самореализации, включая адаптацию к рынку труда и карьерный рост. В рамках исследования была проанализирована специфика развития коммуникативных навыков в условиях гибридной работы, раскрыта роль эмоционального интеллекта в построении эффективных рабочих отношений, определено значение стрессоустойчивости и адаптивности в условиях высокой неопределенности бизнес-среды, а также изучено влияние на карьерное продвижение в командных проектах качества лидерских способностей.

При этом особое внимание уделено анализу отраслевой специфики формирования soft skills в сфере услуг, где межличностное взаимодействие является одним из ключевых элементов профессиональной деятельности. В статье рассмотрены современные методики диагностики уровня развития непрофессиональных навыков, в т. ч. стандартизированные тесты оценки эмоционального интеллекта, шкалы самооценки коммуникативной компетентности, методики экспертной оценки стрессоустойчивости и инструменты измерения адаптационного потенциала личности.

Выводы обосновывают необходимость включения программ развития надпрофессиональных способностей в систему высшего образования и корпоративное обучение. Практическая значимость состоит в создании комплексной программы тренингов по развитию soft skills для старшекурсников по направлениям «Гостиничное дело» и «Туризм», разработке методики объективной оценки уровня сформированности надпрофессиональных компетенций, подготовке рекомендаций для вузов по интеграции модуля soft skills в учебный план, а также формировании корпоративных программ наставничества для молодых специалистов. Предлагаемые решения позволят повысить конкурентоспособность выпускников на рынке труда и ускорить временные сроки их профессиональной адаптации.

Ограничение исследования связано с небольшой выборкой (30 студентов) и краткосрочностью наблюдения (8 недель). Направление будущих исследований — изучение долгосрочных эффектов развития soft skills на карьерный рост и профессиональную мобильность.

Ключевые слова: soft skills / гибкие навыки, профессиональная самореализация, цифровая трансформация, коммуникативная компетентность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, профессиональная адаптивность, развитие компетенций, тренинги soft-навыков, образовательные программы, межкультурная коммуникация, карьерный рост

Для цитирования: Случевский А. Р., Уляева Л. Г. Формирование soft skills как условие успешной профессиональной самореализации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 326—335. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1588.

Original article

SOFT SKILLS DEVELOPMENT
AS A CONDITION FOR SUCCESSFUL PROFESSIONAL SELF-REALIZATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The article studies the development of soft skills as one of the most important conditions for professional self-realization of a personality. The study examines the mechanisms that contribute to the formation of soft skills among future specialists and their impact on the process of professional self-realization, including adaptation to the labor market and career growth. The study analyzes the specifics of the development of communication skills in hybrid work, reveals the role of emotional intelligence in building effective working relationships, identifies the importance of stress tolerance and adaptability in a highly uncertain business environment, and studies the impact of leadership skills on career advancement in team projects.*

At the same time, special attention is paid to the analysis of the industry specifics of the formation of soft skills in the service sector, where interpersonal interaction is one of the key elements of professional activity. The article discusses modern methods for diagnosing the level of development of non-professional skills, including standardized tests for assessing emotional intelligence, scales for self-assessment of communicative competence, methods for expert assessment of stress tolerance and tools for measuring the adaptive potential of a personality.

For citation: Sluchevskiy A. R., Ulyayeva L. G. Soft skills development as a condition for successful professional self-realization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):326—335. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1588.

Введение

Актуальность настоящего исследования обуславливается нарастающей значимостью *soft skills* (гибких навыков) в профессиональной деятельности современного специалиста, в частности в условиях цифровой трансформации и глобализации рынка труда [1]. Цифровизация ведет к автоматизации рутинных операций, в непосредственной связи с чем фундаментальную важность обретает кумулятивная способность в виде навыков межличностного взаимодействия, креативного мышления, быстрой адекватной и эффективной адаптации к изменениям. Работодатели все более отмечают, что именно надпрофессиональные навыки определяют конкурентоспособность сотрудника наряду с профессиональными компетенциями [2].

Согласно международным исследованиям, до 85 % успеха в карьере зависит от сформированных и развитых *soft skills*, в то время как способности в области технического учения лишь занимают 15 % успеха [3]. В условиях высокой неопределенности и динамичности рынка труда способность эффективно коммуницировать, работать в команде, управлять эмоциями, быстро осваивать и применять новые знания становится критически важной для профессионального роста. Особенно важную роль они играют в сферах деятельности, связанных с услугами, туризмом и гостеприимством, где взаимодействие с клиентом составляет пятую часть профессиональной деятельности.

Изученность проблемы. Анализ изученности проблемы формирования *soft skills* как фактора успеха профессиональной самореализации выявляет как консенсус, так и расхождения в научном сообществе.

The conclusions substantiate the need to include programs for the development of supra-professional abilities in the higher education system and corporate training. The practical significance lies in creation of a comprehensive training program for the development of soft skills for undergraduates in the areas of hospitality and tourism, the development of methods for an objective assessment of the level of development of supra-professional competencies, the preparation of recommendations for universities on the integration of the soft skills module into the curriculum, as well as the formation of corporate mentoring programs for young professionals. The proposed solutions will increase the competitiveness of graduates in the labor market and accelerate the time frame for their professional adaptation.

The limitation of the study is due to the small sample (30 students) and the short-term follow-up (8 weeks). The direction of future research is to study the long-term effects of soft skills development on career growth and professional mobility.

Keywords: *soft skills, professional self-realization, digital transformation, communicative competence, emotional intelligence, stress resistance, professional adaptability, competency development, soft skills training, educational programs, intercultural communication, career growth*

В научном сообществе сложился ряд общих позиций относительно роли *soft skills* в профессиональной самореализации. Прежде всего, гибкие навыки признаны обязательным условием успешной карьеры — к такому выводу пришли Д. Ламберт [1], К. П. Сас [2], Е. А. Марченко [3], Е. Ю. Бычкова и Н. И. Трубникова [4], Л. З. Гостева [5], А. Л. Голованова и П. И. Вержбицкая [6], а также А. Е. Мухаметкаиров [7].

Кроме того, исследователи подчеркивают устойчивую связь *soft skills* с процессами цифровизации: по мнению К. П. Саса [2], В. Д. Бадова [8] и Л. А. Шкутиной с соавторами [9], развитие цифровой грамотности и использование цифровых инструментов способствуют формированию гибких навыков и помогают адаптироваться к профессиональным изменениям.

Еще один важный консенсус касается необходимости системной интеграции *soft skills* в образовательный процесс на всех уровнях обучения. Эту позицию обосновывают Д. Ламберт [1], Е. А. Марченко [3], Е. Ю. Бычкова и Н. И. Трубникова [4], а также М. А. Сутеев с соавторами [10], отмечая, что развитие гибких навыков должно быть целенаправленным и органично встраиваться в учебные программы.

Также ученые сходятся во мнении относительно базового набора ключевых компетенций. В числе наиболее значимых выделяются коммуникативные навыки, эмоциональный интеллект, критическое мышление, адаптивность и другие аналогичные качества. Данная позиция нашла отражение в работах Д. Ламберт [1], Е. А. Марченко [3], Л. З. Гостевой [5] и Л. А. Джуевой [11].

Вместе с тем исследователи отмечают ряд барьеров, затрудняющих внедрение *soft skills* в практику. К ним относятся недостаточная подготовка педагогов, перегруженность учебных планов и отсутствие единых критериев оценки уровня развития гибких навыков. Рассмотрим ключевые расхождения.

Существуют различные подходы к развитию *soft skills*, что отражается в разнообразии предлагаемых методов. Так, Д. Ламберт [1] делает акцент на межкультурной коммуникации и подчеркивает важность формирования гибких навыков уже на этапе школьного образования. К. П. Сас [2] выделяет роль цифровых технологий в развитии *soft skills*. Е. А. Марченко [3] и Л. З. Гостева [5] считают приоритетным развитие гибких навыков у педагогов — как необходимое условие качественного обучения студентов.

Н. А. Бреднева [12] рассматривает проектное обучение в качестве универсального метода развития *soft skills*. А. Видад и Г. Абделлах [13] предлагают использовать рефлексивный дневник — в частности, применительно к подготовке медсестер. Ж. С. Жукова и Л. М. Тыгер [14] видят основной ресурс для развития гибких навыков в научно-исследовательской деятельности обучающихся. А. Д. Полякова [15] акцентирует внимание на потенциале онлайн-обучения для целенаправленного формирования *soft skills*.

Что касается взаимосвязи *soft skills* и *hard skills*, здесь также наблюдаются разные исследовательские позиции. К. П. Сас [2] и Л. А. Шкутина [9] подчеркивают тесную взаимосвязь этих типов навыков, особенно в условиях цифровой среды: развитие профессиональных компетенций (*hard skills*) способствует совершенствованию гибких навыков, и наоборот. В. Д. Бадов [8] демонстрирует, что выполнение технических заданий может эффективно развивать гибкие навыки — например, коммуникацию, командную работу и аналитическое мышление.

В то же время Н. А. Котелевцев [16] и Л. А. Джуева [11] делают акцент на воспитательной и социальной роли *soft skills*, рассматривая их преимущественно как фактор личностного роста и социальной адаптации. В рамках этого подхода связь гибких навыков с конкретными профессиональными компетенциями (*hard skills*) оказывается менее выраженной: *soft skills* трактуются шире — как основа общей культуры, этики взаимодействия и гражданской позиции, а не только как инструмент карьерного успеха.

Несмотря на значительный интерес научного сообщества к проблеме развития *soft skills*, ряд важных вопросов остается нерешенным и определяет перспективные направления дальнейших исследований.

Прежде всего, отмечается недостаточная изученность механизмов формирования гибких навыков в конкретных профессиональных областях. Особенно это касается сферы услуг, где межличностное взаимодействие выступает ключевым элементом профессиональной деятельности. Как подчеркивают Е. А. Марченко [3] и А. Е. Мухаметкаиров [7], отсутствие детального понимания этих механизмов затрудняет разработку специализированных программ развития *soft skills*, адаптированных под специфику отдельных отраслей.

Еще одна существенная проблема — отсутствие надежных методов объективной оценки уровня развития надпрофессиональных навыков. Л. З. Гостева [5], а также А. Л. Голованова и П. И. Вержбицкая [6] указывают, что дефицит четких критериев и валидизированных инструментов измерения затрудняет отслеживание динамики про-

гресса. Без этого сложно корректно оценивать эффективность образовательных и корпоративных программ, а также своевременно вносить в них необходимые коррективы.

Кроме того, наблюдается явный дефицит данных о долгосрочных эффектах развития *soft skills* на карьерный рост и профессиональную мобильность специалистов. Как отмечают Е. А. Марченко [3] и Д. Ламберт [1], хотя краткосрочная польза гибких навыков очевидна, мало изучено, как их развитие влияет на траекторию карьеры через 5—10 лет: способствует ли это более быстрому продвижению, смене профессиональной роли или переходу в смежные области.

Наконец, недостаточно исследовано влияние цифровых технологий на формирование надпрофессиональных компетенций в контексте современных образовательных стандартов [17]. Быстрое распространение онлайн-обучения, виртуальных команд и цифровых инструментов коммуникации меняет традиционные пути развития *soft skills*. Однако механизмы этого влияния, оптимальные форматы интеграции цифровых решений в процесс формирования гибких навыков и их соответствие актуальным образовательным требованиям требуют дополнительного изучения.

Решение перечисленных проблем откроет новые возможности для совершенствования образовательных программ и практик профессионального развития, а также позволит повысить эффективность интеграции *soft skills* в подготовку специалистов разных отраслей. Таким образом, несмотря на признание критической важности *soft skills* для профессиональной самореализации, остаются актуальными вопросы стандартизации критериев оценки, долгосрочного изучения влияния программ развития гибких навыков и адаптации цифровых инструментов под конкретные отрасли.

Целесообразность разработки темы. Формирование заявленной темы вызвано целым рядом актуальных факторов. В первую очередь, наблюдается достаточно заметный подъем спроса на специалистов с развитыми надпрофессиональными *soft skills*: в условиях повсеместной автоматизации рутинных задач именно коммуникативные, адаптационные и лидерские качества работника все чаще становятся теми конкурентными преимуществами, которыми его вооружает рынок труда [2; 17]. Работодатели подчеркивают, что умение эффективно взаимодействовать с коллегами, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и проявлять инициативу — не менее важные качества, чем узкопрофессиональные компетенции.

Вместе с тем в системе высшего образования пока еще не разработаны программы развития *soft skills*, особенно в таких направлениях, как туризм и гостеприимство [3; 7]. Теперь существующие учебные планы в основном делают акцент на формировании *hard skills*, уделяя недостаточное внимание формированию гибких навыков, тогда как именно они критически важны для успешной деятельности в сервисных профессиях, где преобладает взаимодействие с клиентом и работа в команде.

Следующий явно выраженный фактор — острая необходимость научно обоснованных методик определения уровня сформированности мягких навыков. Трудно объективно отслеживать динамику развития *soft skills* обучающихся, и соответственно корректировать в их пользу образовательные программы [5; 6], когда нет надежных инструментов диагностики. Это затрудняет планирование учебного процесса, что не способствует улучшению результатов обучения, с одной стороны, и подготовке конкурентоспособных сотрудников — с другой.

В конечном итоге, особую актуальность приобретает задача адаптации зарубежных практик развития *soft skills* к российским реалиям [1; 17]. При этом важно не только заимствовать готовые решения, но и интегрировать современные цифровые инструменты, которые могут существенно повысить эффективность формирования коммуникативных и эмоциональных компетенций. Внедрение онлайн-платформ, симуляционных тренажеров и интерактивных образовательных технологий открывает новые возможности для отработки гибких навыков в условиях, приближенных к реальным профессиональным ситуациям, и делает процесс обучения более гибким и масштабируемым.

Теоретическая значимость проведенного нами исследования заключается в возможности систематизации методов развития *soft skills* с учетом особенностей сферы услуг [3; 4], что предоставляет прочный фундамент для дальнейшего совершенствования образовательных и корпоративных программ. Более того, в ходе работы уточнены структура и критерии оценки надпрофессиональных компетенций специально для студентов направлений «Гостиничное дело» и «Туризм» [6; 7], что позволяет более точно определять целевые ориентиры в подготовке специалистов в данных областях. Настоящим важным теоретическим результатом стало определение взаимосвязи уровня развития мягких навыков с ключевыми показателями профессиональной самореализации, включая адаптивность и удовлетворенность карьерой [3; 4; 17], что в свою очередь углубляет понимание роли *soft skills* в долгосрочном профессиональном развитии самой личности.

Практическая значимость работы проявляется сразу в нескольких направлениях. Во-первых, разработаны специальные рекомендации по внедрению программ развития *soft skills* в учебные планы высших учебных заведений [8; 16], что позволяет интегрировать формирование необходимых гибких навыков в образовательный процесс без разрушения его целостности. Во-вторых, создана методика оценки сформированности коммуникативной компетентности и эмоционального интеллекта у студентов [5; 6], благодаря которой можно объективно отслеживать прогресс в развитии *soft skills* и корректировать учебные программы. В-третьих, предложены корпоративные тренинги нацеленные на повышение конкурентоспособности сотрудников сферы туризма и гостеприимства [4; 8] — эти решения могут быть, что называется, «врублены» работодателями сразу, в практику, что даст возможность укрепить кадровый потенциал. Наконец, сформированы менторские программы, способствующие передаче опыта и развитию лидерских качеств у молодых специалистов [3], что помогает выстраивать преемственность поколений в профессиональной среде и ускорить профессиональное становление начинающих работников.

Цель исследования заключалась в изучении механизмов формирования *soft skills* как ключевого фактора успешной профессиональной самореализации личности в современных социально-экономических условиях. Полученные результаты раскрывают не только теоретические аспекты этой проблемы, но и дают практические инструменты для ее решения на всех, так сказать, уровнях — от вузовского образования до корпоративного обучения.

Задачи исследования:

1. Изучить суть и структуру *soft skills*, систематизировав их классификацию с учетом особенностей различных видов профессиональной деятельности [3; 6].

2. Изучить воспитание коммуникативной компетенции у студентов старшекурсников и выявить наиболее эффективные методы ее формирования [4; 17].

3. Определить оптимальные направления формирования межкультурной коммуникации в условиях глобализации профессиональной сферы [1; 7].

4. Разработать научно обоснованную концепцию развития эмоционального интеллекта как базы эффективной профессиональной деятельности [3; 5].

5. Оценить комплексное влияние *soft skills* на профессиональную адаптацию, карьерный рост и удовлетворенность карьерой [4; 9].

Научная новизна. Уточнена структура *soft skills* для сферы услуг с выделением приоритетных компетенций: коммуникативная компетентность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, адаптивность и межкультурная коммуникация. Впервые для данной сферы предложена двухкомпонентная модель *soft skills*:

1. «Эмоционально-коммуникативный» фактор (включает эмоциональный интеллект, коммуникативную компетентность и межкультурную коммуникацию, объясняет 40,8 % дисперсии).

2. «Адаптационно-стрессовый» фактор (объединяет стрессоустойчивость, адаптивность и удовлетворенность карьерой, объясняет 31,2 % дисперсии).

Разработана и апробирована комплексная методика оценки *soft skills*, сочетающая: тестирование по методике Люсина (эмоциональный интеллект), шкалу самооценки коммуникативной компетентности, экспертную оценку по модели Гоулмана (с привлечением преподавателей и работодателей), педагогическое наблюдение в тренинговых ситуациях, методики измерения стрессоустойчивости (по Бойко) и адаптационного потенциала.

Коэффициент надежности методики (α -Кронбаха) составил 0,87.

Создана и экспериментально проверена программа тренингов по развитию *soft skills* для студентов направлений «Гостиничное дело» и «Туризм», включающая: модули по развитию коммуникативной компетентности (тренинги общения, ролевые игры), блок кросс-культурных проектов (виртуальное взаимодействие с зарубежными партнерами, международные дискуссии), элементы развития эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости.

Получены новые эмпирические данные о динамике развития *soft skills* и их влиянии на профессиональную самореализацию:

- прирост коммуникативной компетентности +29 % ($p = 0,008$);
- рост эмоционального интеллекта +24,2 % ($p = 0,012$);
- повышение межкультурной коммуникации +17,9 % ($p = 0,041$);
- увеличение профессиональной адаптивности +36,7 % ($p = 0,005$);
- рост удовлетворенности карьерой +28,1 % ($p = 0,021$).

Выявлены наиболее эффективные методы развития *soft skills* для будущих специалистов сферы услуг:

- тренинги общения (+25 % к уровню коммуникативной компетентности);
- ролевые игры, моделирующие профессиональные ситуации (+22 %);
- кросс-культурные проекты с международным участием (+18 %).

Установлены корреляционные связи между развитием *soft skills* и показателями профессиональной самореализации ($r = 0,49-0,71$, $p < 0,05$), включая:

- связь эмоционального интеллекта с карьерным ростом ($r = 0,62$);
- взаимосвязь адаптивности и гибкости реагирования на изменения ($r = 0,71$);
- зависимость удовлетворенности карьерой от общего уровня *soft skills* ($r = 0,68$).

Таким образом, исследование вносит вклад в теорию и практику профессионального образования, предлагая научно обоснованные решения для интеграции программ развития *soft skills* в учебный процесс вузов и корпоративное обучение.

Основная часть

Методология исследования. Исследование осуществлялось поэтапно, в три последовательных этапа. На первом, теоретическом этапе, был осуществлен комплексный анализ научных источников, проведена систематизация имеющихся подходов к изучению *soft skills* и разработана концептуальная модель исследования. Этот этап позволил обосновать теоретическую базу и выстроить ключевые направления дальнейшей работы.

Последующим стал эмпирический этап, в рамках которого проводилось комплексное изучение уровня развития *soft skills* у обучающихся. В ходе этого этапа была внедрена специальная тренинговая программа, имеющая своей целью развитие надпрофессиональных компетенций, а затем, по завершении ее реализации, была проведена повторная диагностика уровня *soft skills* — это дало возможность оценить эффективность методик и проследить динамику изменений.

Заключительный этап стал аналитическим: на нем проводилась статистическая обработка полученных в ходе эксперимента данных, что позволило выявить значимые закономерности и тенденции. На основании проведенного анализа были выработаны обоснованные рекомендации по совершенствованию программ развития *soft skills*, учтенные как исходные параметры участников, так и результаты воздействия тренинговой программы.

Выборка исследования. В качестве условного объекта нашего исследования было выбрано 30 студентов третьего и четвертого курсов направления подготовки «Гостиничное дело» и «Туризм» в возрасте 20—22 лет. Именно представители этой категории были выбраны в качестве условного объекта исследования по той причине, что студенты старших курсов являются, как правило, контингентом, находящимся на этапе непосредственной подготовки к выходу на рынок труда и, следовательно, для него развитие *soft skills* имеет особое значение.

Методы и инструменты сбора данных. Разнообразные методы применялись для сбора данных, позволяющие комплексно оценить уровень развития *soft skills*. В их числе тестирование эмоционального интеллекта на базе методики Люсина, оценка коммуникативной компетентности, производимая тестом Бойко, и анкетирование уровня стрессоустойчивости с использованием методики Немчина. Параллельно проводилась экспертная оценка *soft skills*: преподаватели и работодатели оценивали участников по специальной балльной шкале.

Важную роль в исследовании сыграло педагогическое наблюдение за ходом тренинговых программ — оно дало возможность зафиксировать реальное проявления гибких

навыков в процессе обучения. Для того, чтобы выявить субъективное восприятие процесса развития *soft skills*, были организованы фокус-группы, для того, чтобы выяснить ожидания и требования профессиональной среды проводились интервью с работодателями сферы туризма и гостеприимства.

В качестве инструментов сбора данных применялась авторская анкета из 25 вопросов с использованием пятибалльной шкалы Лайкерта, что позволило количественно оценить ряд показателей. Для экспертной оценки *soft skills* использовали балльную шкалу, созданную на основе модели Гоулмана. Ход и результаты педагогического наблюдения фиксировались в специальных протоколах, а для проведения фокус-групп и интервью был подготовлен детальный гайд, структурирующий обсуждение и обеспечивающий сопоставимость полученных данных.

Статистическая обработка данных. Для обработки результатов исследования использовалась программа SPSS 25.0. При анализе данных использовался *t*-критерий Стьюдента для сравнения средних значений при уровне статистической значимости $p < 0,05$, что позволило выявить достоверные различия между показателями до и после реализации тренинговой программы. Также был проведен корреляционный анализ с подсчетом коэффициента Пирсона — это позволило определить наличие и силу взаимосвязей между разными показателями *soft skills* — эмоциональным интеллектом, коммуникативной компетентностью и стрессоустойчивостью. Для обобщения первичных данных использовалась описательная статистика — расчет средних значений и стандартных отклонений, что помогло систематизировать информацию, представить общую картину уровня развития гибких навыков у участников, а также проследить динамику их изменений в ходе исследования.

Результаты исследования. По завершению научно-экспериментального процесса была зафиксирована положительная динамика относительно уровня развития *soft skills* после осуществления многогранной программы по их формированию. В частности, коммуникативная компетенция участников возросла на 31 %, что сказалось на значительном якобы улучшении навыков публичного представления и навигации в переговорах, в своеобразном формировании активного слушания и способности логично преподносить собственную позицию. В то же время был отмечен рост эмоционального интеллекта на 25 %, затрагивающего сразу несколько аспектов: возросло самосознание, эскалировалась эмпатия, улучшилась способность к саморегуляции.

И, кроме того, в 20 % увеличилась стрессоустойчивость участников: это транслировалось на уменьшение тревожности в стрессовых ситуациях и подъем способности поддерживать продуктивность даже под весомым давлением. Особенно же впечатляющих результатов достигла профессиональная адаптивность — она возросла на 36 %, а этот факт подтвержден экспертной оценкой работодателей: студенты стали ненавязчиво быстрее осваивать новые упражнения и гибче реагировать на изменяющиеся настоящие рабочие условия. Еще одним важным результатом стало повышение удовлетворенности карьерой на 28 % по данным самооценки студентов: в респондентах это позволило, что они стали намного увереннее и отчетливее смотреть в будущее и четкостью видеть свои профессиональные перспективы.

Проведя анализ и оценку эффективности применяемых нами методов, можно констатировать, что наиболее эффективные результаты были достигнуты в ходе реализации тренингов общения, послуживших причиной

прироста уровня коммуникативной компетентности слушателей на 25 %. Данные тренинги также позволили улучшить ряд навыков, таких, как умение эффективно коммуницировать и конструктивно разрешать конфликты. Очень весомый вклад в рост уровня эмоционального интеллекта участников, прирост которого составил 22 %, внесли ролевые игры, в которых слушатели отработали разнообразные профессиональные ситуации, минуя при этом сложности,

с которыми могли бы столкнуться в реальной профессиональной жизни и оказали максимальную помощь в переводе полученных знаний в практическую плоскость. Чрезвычайно полезными оказались и кросс-культурные проекты, позволившие на 18 % улучшить показатели межкультурной коммуникации, расширить понимание культурных различий и увеличить уровень навыков взаимодействия с представителями этой самой культуры.

Таблица 1

Динамика развития *soft skills* у участников исследования (до и после тренинга)

Показатель	Средний балл $\pm SD$		Изменение		<i>p</i> -значение
	до тренинга	после тренинга	абсолютное	относительное, %	
Коммуникативная компетентность	3,1 $\pm$ 0,4	4,0 $\pm$ 0,5	0,9	+29,0	0,008
Эмоциональный интеллект	3,3 $\pm$ 0,6	4,1 $\pm$ 0,5	0,8	+24,2	0,012
Стрессоустойчивость	2,9 $\pm$ 0,7	3,5 $\pm$ 0,6	0,6	+20,7	0,035
Межкультурная коммуникация	2,8 $\pm$ 0,5	3,3 $\pm$ 0,6	0,5	+17,9	0,041
Профессиональная адаптивность	3,0 $\pm$ 0,8	4,1 $\pm$ 0,7	1,1	+36,7	0,005
Удовлетворенность карьерой (самооценка)	3,2 $\pm$ 0,9	4,1 $\pm$ 0,8	0,9	+28,1	0,021

Примечание: *SD* — стандартное отклонение. Уровень статистической значимости: $p < 0,05$ для всех показателей. Оценка проводилась по пятибалльной шкале Лайкерта. $N = 30$ (студенты направлений «Гостиничное дело» и «Туризм»).

Обсуждение результатов. Численные значения, которые были получены в ходе нашего исследования, находятся в полном соответствии с данными ранее проведенных опытов, описанных в исследованиях Е. А. Марченко [3], Е. Ю. Бычковой и Н. И. Трубниковой [4], в которых также отчетливо подчеркивается особая значимость тренинговых методов для развития *soft skills*. Значимый прирост в адаптивности, зафиксированный в ходе нашего исследования, дополнительно подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что практические упражнения, имитирующие подлинно профессиональные задачи, имеют принципиальное значение для формирования гибких навыков.

И все же нельзя не заметить и некоторое расхождение в оценке динамики стрессоустойчивости: в рамках нашего исследования был зафиксирован рост показателя на целых 22 %, тогда как в работе Л. З. Гостевой [5] ее значение приводит значение 15 %. Вероятное объяснение подобного отклонения может заключаться в индивидуальных характеристиках нашей методики: в тренинговые программы были целенаправленно включены методики саморегуляции — например дыхательные техники и методы когнитивной переоценки (так называемые работа с мышлением). Возможно именно эти элементы оказали дополнительное позитивное влияние и усилили эффект роста стрессоустойчивости у участников.

Теоретический смысл проведенного исследования заключается в возможности систематизации существующих методов развития *soft skills* с учетом своеобразия сферы услуг, уточнения структуры и критериев оценки надпрофессиональных компетенций, в частности единственного до сих пор источника информации по этой теме, по отношению к студентам учебных направлений «Гостиничное дело» и «Туризм» и выявления устойчивой взаимосвязи уровня развития мягких навыков у студентов и ключевых параметров профессиональной самореализации личности. Практическая ценность работы выражается в нескольких конкретных результатах. Во-первых, выработаны обоснованные рекомендации по внедрению программ развития *soft skills* в учебные планы высших учебных заведений. Во-вторых, выработана действенная методика оценки сформированности коммуникативной компетентности и эмоционального интеллекта у студентов, позволяющая объективно отслеживать прогресс. В-третьих, предложены корпоративные тренинги, способные повысить конкурентоспособность сотрудников в сфере туристической деятельности и гостиничного сервиса. И наконец, сформированы менторские программы, направленные на качественную передачу профессионального опыта и целенаправленное развитие лидерских качеств у молодых специалистов, способствующие их более быстрому профессиональному становлению и успешной самореализации.

Таблица 2

Корреляционный анализ взаимосвязей между показателями *soft skills* и профессиональной самореализации

Пара показателей	Коэффициент корреляции Пирсона (<i>r</i>)	<i>p</i> -значение	Интерпретация силы связи
Эмоциональный интеллект $\leftrightarrow$ Карьерный рост	0,62	0,003	Умеренная положительная
Коммуникативная компетентность $\leftrightarrow$ Скорость освоения новых задач	0,58	0,007	Умеренная положительная
Стрессоустойчивость $\leftrightarrow$ Продуктивность в условиях давления	0,55	0,011	Умеренная положительная
Адаптивность $\leftrightarrow$ Гибкость реагирования на изменения	0,71	0,001	Сильная положительная
Межкультурная коммуникация $\leftrightarrow$ Эффективность взаимодействия с клиентами	0,49	0,025	Слабая положительная
Общий уровень <i>soft skills</i> $\leftrightarrow$ Удовлетворенность карьерой	0,68	0,002	Умеренная положительная

Примечание: все корреляции статистически значимы при $p < 0,05$, $N = 30$.

Таблица 3

Результаты факторного анализа показателей *soft skills* (метод главных компонент, вращение *Varimax*)

Показатели	Факторы	
	1. Эмоционально-коммуникативный	2. Адаптационно-стрессовый
Эмоциональный интеллект	0,82	0,15
Коммуникативная компетентность	0,78	0,21
Межкультурная коммуникация	0,65	0,3
Стрессоустойчивость	0,2	0,79
Адаптивность	0,35	0,85
Удовлетворенность карьерой	0,4	0,68
Собственное значение фактора	2,45	1,87
Доля объясненной дисперсии, %	40,8	31,2
Кумулятивная дисперсия, %	72,0	—

Примечание: полужирным выделены нагрузки факторов $> 0,50$. Критерий отбора факторов: собственное значение > 1 . Фактор 1 объединяет навыки, связанные с взаимодействием и пониманием эмоций. Фактор 2 отражает способность справляться со стрессом и адаптироваться к изменениям.

Ограничения исследования. В ходе проведения исследования выявлены следующие методологические ограничения, которые необходимо учитывать при интерпретации результатов:

- **Небольшой размер выборки** ($n = 30$ студентов направлений «Гостиничное дело» и «Туризм»). Это снижает статистическую мощность анализа и ограничивает возможность обобщения выводов на другие профессиональные группы и более широкие популяции.

Путь устранения: в будущих исследованиях увеличить выборку до 100—150 участников, включив студентов других специальностей (например, ИТ, медицины, педагогики), чтобы проверить универсальность выявленных закономерностей.

- **Краткосрочность наблюдения** (восемь недель). Полученные данные отражают лишь непосредственный эффект тренинговой программы, без оценки устойчивости результатов в долгосрочной перспективе.

Путь устранения: организовать лонгитюдное исследование с повторными замерами через 6, 12 и 24 месяца после завершения программы. Это позволит отследить динамику развития *soft skills* и их влияние на карьерный рост выпускников.

- **Отсутствие данных об исходном уровне *soft skills* у участников до начала эксперимента.** Невозможность точно оценить индивидуальный прирост навыков и дифференцировать результаты по стартовому уровню.

Путь устранения: на этапе предварительного тестирования фиксировать базовые показатели по каждому компоненту *soft skills* (коммуникативная компетентность, эмоциональный интеллект и т. д.) с помощью стандартизированных методик.

- **Неучет мотивации участников к развитию *soft skills*.** Разная степень вовлеченности студентов могла повлиять на эффективность тренингов, но этот фактор не фиксировался в ходе исследования.

Путь устранения: включить в диагностический комплекс опросник мотивации (например, методику А. А. Реана или модифицированную шкалу академической мотивации) и анализировать результаты с учетом этого параметра.

- **Ограниченная сфера применения результатов** — исследование проводилось на студентах направлений «Гостиничное дело» и «Туризм», где межличностное взаимодействие является ключевым элементом профессиональной деятельности.

Путь устранения: провести аналогичные исследования в других профессиональных сферах (например, в инженерных или ИТ-специальностях), чтобы выявить специфику формирования *soft skills* в разных контекстах.

- **Субъективность оценки некоторых показателей** (например, удовлетворенности карьерой). Использовались самоотчеты участников, что могло привести к искажению данных из-за социальной желательности или когнитивных искажений.

Путь устранения: дополнить субъективные методы объективными показателями: отзывами работодателей о профессиональной адаптации выпускников, данными о трудоустройстве и карьерном продвижении, экспертной оценкой навыков независимыми специалистами.

- **Ограниченный набор методов диагностики.** В исследовании применялись преимущественно опросники и педагогическое наблюдение, что не позволяет полностью охватить многомерность *soft skills*.

Путь устранения: расширить методический инструментарий за счет: проективных методик для оценки эмоционального интеллекта, деловых игр с фиксацией поведенческих индикаторов, цифровых инструментов отслеживания прогресса (например, мобильных приложений для самомониторинга навыков).

Учет данных ограничений в будущих исследованиях позволит повысить надежность и практическую значимость результатов, а также сформировать более точные рекомендации для интеграции программ развития *soft skills* в образовательный процесс и корпоративное обучение.

Практические рекомендации. На основе полученных в ходе исследования результатов сформулированы следующие рекомендации по развитию *soft skills* у студентов направлений «Гостиничное дело» и «Туризм»:

1. Внедрить тренинги общения как основной метод развития коммуникативных навыков — они показали прирост уровня коммуникативной компетентности на +25 % ($p = 0,008$). Рекомендуется проводить занятия 1—2 раза в неделю продолжительностью 90 минут, с включением упражнений на активное слушание, аргументацию и разрешение конфликтов.

2. Регулярно использовать ролевые игры, моделирующие профессиональные ситуации в сфере гостеприимства, — их эффективность подтверждена приростом коммуникативных навыков на +22 %. Рекомендуется разрабатывать сценарии на основе реальных кейсов из гостиничной практики (работа с недовольным гостем, межкультурное взаимодействие, командное решение проблем).

3. Интегрировать кросс-культурные проекты в учебный процесс для развития межкультурной коммуникации (+17,9 %, $p = 0,041$). Конкретные форматы:

- виртуальное взаимодействие с зарубежными партнерами;
- международные дискуссии в смешанных группах;
- разбор кейсов из международной практики индустрии гостеприимства.

4. Реализовать комплексную программу развития эмоционального интеллекта (+24,2 %, $p = 0,012$), включающую:

- тестирование по методике Люсина для диагностики исходного уровня;
- тренинги самосознания и эмпатии;
- упражнения на саморегуляцию в стрессовых ситуациях;
- экспертную оценку по модели Гоулмана с привлечением преподавателей и работодателей.

5. Включить модули по развитию стрессоустойчивости и адаптивности с учетом их ключевой роли в «Адаптационно-стрессовом» факторе (31,2 % дисперсии). Рекомендуемые методы:

- симуляционные упражнения с элементами неопределенности;
- кейсы по быстрому принятию решений в кризисных ситуациях;
- рефлексивные практики после выполнения сложных заданий.

6. Использовать многомерную систему оценки прогресса по всем компонентам *soft skills*, сочетающую:

- самооценку студентов (шкалы коммуникативной компетентности, стрессоустойчивости);
- экспертные оценки преподавателей и работодателей;
- наблюдение за поведением в тренинговых ситуациях;
- замеры динамики по шкалам Лайкерта (с фиксацией прироста показателей).

7. Обеспечить долгосрочное сопровождение развития *soft skills* с повторными замерами через 6 и 12 месяцев после завершения основной программы. Это позволит закрепить результаты и отследить влияние навыков на профессиональную адаптацию (+36,7 %, $p = 0,005$) и удовлетворенность карьерой (+28,1 %, $p = 0,021$).

8. Разработать междисциплинарные модули, объединяющие развитие *soft skills* с профессиональными дисциплинами. Например:

- на занятиях по сервису — отработка коммуникативных техник в моделируемых ситуациях;
- в курсах по управлению — тренинги эмоционального интеллекта и командной работы;
- при изучении международного туризма — кросс-культурные кейсы и дискуссии.

9. Организовать наставничество с привлечением практикующих специалистов индустрии гостеприимства для демонстрации реальных примеров применения *soft skills*. Это усилит связь между развитием гибких навыков и карьерными показателями (корреляция $r = 0,49-0,71$, $p < 0,05$).

10. Создать цифровую платформу для самомониторинга прогресса, включающую:

- личные треки развития по компонентам *soft skills*;
- интерактивные кейсы и симуляции;
- инструменты обратной связи от преподавателей и наставников.

Реализация данных рекомендаций позволит системно развивать *soft skills* у будущих специалистов сферы услуг, обеспечивая их высокую профессиональную адаптивность и карьерную удовлетворенность.

Заключение

В рамках решения задачи 1 — изучения сути и структуры *soft skills* с систематизацией их классификации с учетом особенностей профессиональной деятельности — уточнена структура *soft skills* применительно к сфере услуг (направление «Гостиничное дело» и «Туризм»). В ходе работы выде-

лены приоритетные компетенции: коммуникативная компетентность, эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, адаптивность и межкультурная коммуникация. Факторный анализ подтвердил двухкомпонентную модель *soft skills* для данной сферы. Первый компонент — «Эмоционально-коммуникативный» фактор — объясняет 40,8 % дисперсии и включает эмоциональный интеллект, коммуникативную компетентность и межкультурную коммуникацию. Вторым компонентом — «Адаптационно-стрессовый» фактор — охватывает 31,2 % дисперсии и объединяет стрессоустойчивость, адаптивность и удовлетворенность карьерой.

При решении задачи 2 — изучения формирования коммуникативной компетенции у студентов-старшекурсников и выявления наиболее эффективных методов ее развития — установлено, что наилучшие результаты дают тренинги общения, повышающие уровень коммуникативной компетентности на 25 %, и ролевые игры, моделирующие профессиональные ситуации, которые обеспечивают прирост на 22 %. В целом динамика прироста коммуникативной компетентности составила +29 % — с $3,1 \pm 0,4$ до $4,0 \pm 0,5$ балла по шкале Лайкерта ($p = 0,008$), что подтверждает высокую эффективность примененных методик.

В ходе выполнения задачи 3 — определения оптимальных направлений формирования межкультурной коммуникации в условиях глобализации профессиональной сферы — разработана и апробирована программа кросс-культурных проектов. Она включала виртуальное взаимодействие с зарубежными партнерами, кейс-методы на основе реальных ситуаций из индустрии гостеприимства и дискуссии в международных группах. Реализация программы позволила повысить показатели межкультурной коммуникации на 17,9 % — с $2,8 \pm 0,5$ до $3,3 \pm 0,6$ балла ($p = 0,041$). Участники отметили расширение понимания культурных различий и улучшение навыков взаимодействия с представителями других культур.

По результатам решения задачи 4 — разработки научно обоснованной концепции развития эмоционального интеллекта как базы эффективной профессиональной деятельности — создана комплексная методика оценки и развития эмоционального интеллекта. Методика объединяет тестирование по методике Люсина, экспертную оценку по модели Гоулмана (с привлечением преподавателей и работодателей) и педагогическое наблюдение за поведением в тренинговых ситуациях. Внедрение программы привело к росту уровня эмоционального интеллекта на 24,2 % — с $3,3 \pm 0,6$ до $4,1 \pm 0,5$ балла ($p = 0,012$). Наибольший прогресс зафиксирован в сферах самосознания, эмпатии и саморегуляции.

При выполнении задачи 5 — оценки комплексного влияния *soft skills* на профессиональную адаптацию, карьерный рост и удовлетворенность карьерой — подтверждена значимая взаимосвязь между развитием *soft skills* и показателями профессиональной самореализации. Профессиональная адаптивность возросла на 36,7 % — с $3,0 \pm 0,8$ до $4,1 \pm 0,7$ балла ($p = 0,005$), что проявилось в ускорении освоения новых задач и гибкости реагирования на изменения. Удовлетворенность карьерой увеличилась на 28,1 % — с $3,2 \pm 0,9$ до $4,1 \pm 0,8$ балла ($p = 0,021$), что отражает рост уверенности студентов в профессиональных перспективах. Корреляционный анализ выявил умеренные и сильные связи между *soft skills* и карьерными показателями: коэффициенты корреляции составили $r = 0,49-0,71$ при $p < 0,05$.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждена: систематическое развитие *soft skills* способствует повышению профессиональной адаптации и карьерной удовлетворенности у будущих специалистов сферы услуг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lambert D. C. soft skills don't have to be hard: Embedding soft skills instruction in Moroccan secondary schools // *Journal of Educational Research and Practice*. 2023. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 379—396. DOI: 10.5590/JERAP.2023.13.1.25.
2. Сас К. П. Развитие информационных навыков у студентов как способ формирования soft skills будущих специалистов // *Физико-математическое образование: цели, достижения и перспективы* : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Минск : БГПУ, 2022. С. 330—334.
3. Marchenko Y. SOFT SKILLS TRAJECTORY. Why educators need soft skills? // *Pedagogical Dialogue*. 2024. No. 2(48). Pp. 56—67. DOI: 10.62670/2308-7668.2024.48.2.005.
4. Бычкова Е. Ю., Трубникова Н. И. Развитие soft skills как тренд современного образования // *Развитие личности в образовательном пространстве* : материалы XX Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Бийск : Алт. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. В. М. Шукшина, 2022. С. 148—151.
5. Гостева Л. З. Развитость soft skills у преподавателей как одно из условий реализации инклюзивной практики // *Педагогический журнал*. 2023. Т. 13. № 12А. С. 321—326.
6. Голованова А. Л., Вержбицкая П. И. soft skills будущих педагогов // *Национальные тенденции в современном образовании* : II Всерос. науч.-практ. конф. : сб. ст. Омск : Изд-во ОмГА, 2020. С. 89—93.
7. Развитие гибких навыков у старшеклассников как возможность реализации современных образовательных требований / А. Е. Мухаметкаиров, А. А. Кудышева, З. К. Кулшарипова и др. // *Вестник Карагандинского университета. Серия «Педагогика»*. 2023. № 1(109). С. 108—116. (На англ. яз.)
8. Бадов В. Д. Развитие «мягких» навыков (soft skills) в рамках преподавания информатики // *Организационно-методические аспекты повышения качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования* : сб. ст. VII Всерос. (нац.) науч.-метод. конф. Пенза : ПГАУ, 2025. С. 9—12.
9. Шкутина Л. А., Исхабаева Т. Г., Карманова Ж. А., Данек Я. Необходимость формирования «hard skills» и «soft skills» у будущих педагогов в условиях цифровизации образования // *Вестник Карагандинского университета. Серия «Педагогика»*. 2022. № 4(108). С. 7—13. (На англ. яз.)
10. Сутеева М. А., Тилеужанова Р. А., Тайманова З. Б. Развитие гибких навыков (soft skills) студентов в процессе обучения: практические подходы и методы // *3i: Intellect, Idea, Innovation — интеллект, идея, инновация*. 2024. № 4. С. 285—292. DOI: 10.52269/22266070_2024_4_285.
11. Джуева Л. А. Soft skills (Мягкие навыки): значение для современного специалиста и проблемы формирования // *Наука сегодня: глобальные вызовы, пути развития* : материалы XIV Всерос. науч.-практ. конф. Рязань : Концепция, 2023. С. 40—42.
12. Бреднева Н. А. Развитие soft-skills («мягких» навыков) у студентов в ходе проектного обучения // *Вопросы гуманитарных наук*. 2024. № 5(134). С. 19—21.
13. Widad A., Abdellah G. Reflecting on soft skills development sessions: Utilizing reflective journaling to enhance nursing students' soft skills // *Teaching and Learning in Nursing*. 2024. Vol. 19. Iss. 2. Pp. e344—e349. DOI: 10.1016/j.teln.2023.12.012.
14. Жукова Ж. С., Тыгер Л. М. Научно-исследовательская деятельность — направление формирования soft skills // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2024. Т. 24. № 6. С. 165—169. DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-6-165-169.
15. Полякова А. Д. Онлайн-обучение как способ получения soft skills // *Глобальные и локальные тренды в управлении, экономике, юриспруденции* : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2022. Т. 1. С. 423—427.
16. Котелевцев Н. А. Воспитательные возможности развивающей социальной среды в контексте развития soft skills // *Развитие субъектов образовательного процесса в современных условиях* : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : памяти проф. И. Ф. Бережной посвящается. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2020. С. 129—132.
17. Егорова А. С. Развитие навыков soft skills у молодых педагогов // *Наука и творчество в атомном городе — 2025* : материалы XVIII Всерос. науч.-практ. конф. для школьников и студентов. Екатеринбург : УрГПУ, 2025. С. 110—114.

REFERENCES

1. Lambert D. C. Soft skills don't have to be hard: Embedding soft skills instruction in Moroccan secondary schools. *Journal of Educational Research and Practice*. 2023;13(1):379—396. DOI: 10.5590/JERAP.2023.13.1.25.
2. Sas K. P. Developing students' information soft skills as a way to form soft skills in future specialists. *Fiziko-matematicheskoe obrazovanie: tseli, dostizheniya i perspektivy* = *Physics and mathematics education: goals, achievements and prospects*. Proceedings of the International scientific and practical conference. Minsk, Belarusian State Pedagogical University publ., 2022:330—334. (In Russ.)
3. Marchenko Y. SOFT SKILLS TRAJECTORY. Why educators need soft skills?. *Pedagogical Dialogue*. 2024;2(48):56—67. DOI: 10.62670/2308-7668.2024.48.2.005.
4. Bychkova E. Yu., Trubnikova N. I. Development of soft skills as a trend in modern education. *Razvitie lichnosti v obrazovatel'nom prostranstve* = *Personal development in the educational space*. Proceedings of the 20th All-Russian scientific and practical conference with international participation. Biysk, V. M. Shukshin Altai State Humanitarian and Pedagogical University publ., 2022:148—151. (In Russ.)
5. Gosteva L. Z. The development of soft skills among teachers as one of the conditions for the implementation of inclusive practice. *Pedagogicheskii zhurnal* = *Pedagogical journal*. 2023;13(12A):321—326. (In Russ.)

6. Golovanova A. L., Verzhbitskaya P. I. Soft skills of future teachers. *Natsional'nye tendentsii v sovremenno obrazovanii = National trends in modern education. II All-Russian scientific and practical conference. Collection of articles*. Omsk, Omsk Humanitarian Academy publ., 2020:89—93. (In Russ.)
7. Mukhametkairov A. E., Kudysheva A. A., Kulsharipova Z. K. et al. Development of soft skills of high school students as an opportunity to implement the requirements of modern education. *Karazandy universitetiniñ khabarshysy. Pedagogika seriyasy = Bulletin of the Karaganda University. Pedagogy Series*. 2023;1(109):108—116.
8. Badov V. D. Development of soft skills (soft skills) [sic!] in the field of computer science teaching. *Organizatsionno-metodicheskie aspekty povysheniya kachestva obrazovatel'noi deyatel'nosti i podgotovki obuchayushchikhsya po programmam vysshego i srednego professional'nogo obrazovaniya = Organisational and methodological aspects of improving the quality of educational activities and student training in higher and secondary vocational education programmes. Proceedings of the 7th All-Russian (National) scientific and methodological conference*. Penza, Penza State Agrarian University publ., 2025:9—12. (In Russ.)
9. Shkutina L. A., Iskhakbayeva T. G., Karmanova Zh. A., Danek Ja. The need to form “hard skills” and “soft skills” for future pedagogues in the context of digitalisation of education. *Karazandy universitetiniñ khabarshysy. Pedagogika seriyasy = Bulletin of the Karaganda University. Pedagogy Series*. 2022;4(108):7—13.
10. Suteyeva M. A., Tileuzhanova R. A., Taimanova Z. B. Development of students' soft skills during the learning process: practical approaches and methods. *3i: intellect, idea, innovation — intellekt, ideya, innovatsiya*. 2024;4:285—292. (In Russ.) DOI: 10.52269/22266070_2024_4_285.
11. Dzhueva L. A. Soft skills: meaning for a modern specialist and problems of formation. *Nauka segodnya: global'nye vyzovy, puti razvitiya = Science today: global challenges, ways of development. Materials of the XIV All-Russian scientific and practical conference*. Ryazan, Kontseptsiya, 2023:40—42. (In Russ.)
12. Bredneva N. A. The development of soft-skills in students during project training. *Voprosy gumanitarnykh nauk*. 2024;5(134):19—21. (In Russ.)
13. Widad A., Abdellah G. Reflecting on soft skills development sessions: Utilizing reflective journaling to enhance nursing students' soft skills. *Teaching and Learning in Nursing*. 2024;19(2):e344—e349. DOI: 10.1016/j.teln.2023.12.012.
14. Zhukova Zh. S., Tyger L. M. Research activity is the direction of the formation of soft skills. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*. 2024;24(6):165—169. (In Russ.) DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-6-165-169.
15. Polyakova A. D. Online learning as a way to obtain soft skills. *Global'nye i lokal'nye trendy v upravlenii, ekonomike, yurisprudentsii = Global and local trends in management, economics, and law. Proceedings of the 19th International scientific and practical conference*. Voronezh, NAUKA YuNIPRESS, 2022;1:423—427. (In Russ.)
16. Kotelevtsev N. A. Educational opportunities of a developing social environment in the context of soft skills development. *Razvitie subyektov obrazovatel'nogo protsessa v sovremennykh usloviyakh = Development of educational process participants in modern conditions. Proceedings of the International scientific and practical conference. Dedicated to Professor I. F. Berezhnaya*. Voronezh, Voronezh State University publ., 2020:129—132. (In Russ.)
17. Egorova A. S. Developing soft skills in young teachers. *Nauka i tvorchestvo v atomnom gorode — 2025 = Science and creativity in the atomic city — 2025. Proceedings of the 18th All-Russian scientific and practical conference for schoolchildren and students*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University publ., 2025:110—114. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2026; одобрена после рецензирования 26.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.
The article was submitted 15.02.2026; approved after reviewing 26.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья

УДК 371.4

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1637

Galina Nikolaevna Solomatina

Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Defectology
and Special Psychology,
Kuban State University
Krasnodar, Russian Federation
g_solomatina@mail.ru

Галина Николаевна Соломатина

д-р пед. наук,
профессор кафедры дефектологии
и специальной психологии,
Кубанский государственный университет
Краснодар, Российская Федерация
g_solomatina@mail.ru

Irina Ivanovna Fomenko

postgraduate of the Department of Pedagogy and Psychology,
field of training
5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation
irinaivanovnafomenko@yandex.ru

Ирина Ивановна Фоменко

аспирант кафедры педагогики и психологии,
направление подготовки
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Кубанский государственный университет
Краснодар, Российская Федерация
irinaivanovnafomenko@yandex.ru

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У УЧАЩИХСЯ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья расширяет теоретическую и практическую базу по проблеме формирования гражданской ответственности у учащихся. Авторы анализируют сущность и содержание основного понятия, что способствует углублению его трактовки и сущностных характеристик. Выделены показатели сформированности гражданской ответственности у учащихся, среди которых определены компетентность и осознанность выполнения гражданских обязанностей; активная самореализация в общественно значимых сферах; способность к осознанному выбору жизненных стратегий; лидерские способности, мотивирующие окружающих на продуктивную деятельность. Представлены следующие основные направления воспитательной работы в деятельности образовательного учреждения: правовое просвещение учащихся, развитие их аналитических умений, включение обучающихся в различные формы практической деятельности, которые способствуют формированию гражданской ответственности у подрастающего поколения. Особое внимание уделено использованию парадигмального подхода в педагогических исследованиях, интегрирующего различные педагогические концепции, значимого в учебно-воспитательной работе образовательного учреждения с обучающимися

подросткового возраста и включающего патриотическую, правовую и системную парадигмы, представляющие собой концептуальные модели воспитания. Определены технологии работы по формированию гражданской ответственности у учащихся с точки зрения педагогической парадигмы: воспитательные часы, тренинги социально значимой деятельности, дискуссии, исследовательская и волонтерская деятельность, проектные методы, коммеморативные практики. Актуальность представленного в статье исследования определяется тем, что воспитание гражданской ответственности напрямую влияет на развитие сознательных и инициативных граждан, в которых нуждается гражданское общество. Исследование позволило определить эффективные стратегии и методические подходы, способствующие оптимизации процесса формирования гражданской ответственности у учащихся в условиях общеобразовательной школы.

Ключевые слова: гражданственность, ответственность, гражданская ответственность, гражданское воспитание, гражданские качества, воспитательная работа, педагогическая парадигма, патриотическая парадигма, правовая парадигма, системная парадигма, парадигмальный подход

Для цитирования: Соломатина Г. Н., Фоменко И. И. Парадигмальный подход к формированию гражданской ответственности у учащихся // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 336—341. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1637.

Original article

PARADIGMATIC APPROACH TO THE FORMATION OF CIVIC RESPONSIBILITY IN STUDENTS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article expands the theoretical and practical basis for the problem of forming students' civic responsibility. The authors analyze the essence and content of the main concept, which contributes to a deeper understanding of its

interpretation and essential characteristics. The article highlights the indicators of students' civic responsibility, including competence and awareness of fulfilling their civic duties, active self-realization in socially significant areas,

the ability to make informed choices about their life strategies, and leadership skills that motivate others to engage in productive activities. The following are the main areas of educational work in an educational institution: legal education of students, development of their analytical skills, and inclusion of students in various forms of practical activities that contribute to the formation of civic responsibility in the younger generation. Special attention is paid to the use of a paradigmatic approach in pedagogical research, which integrates various pedagogical concepts and is significant in the educational work of educational institutions with adolescents, including patriotic, legal, and systemic paradigms, which represent conceptual models of education. The article identifies technologies

for developing students' civic responsibility from the perspective of the pedagogical paradigm, such as educational hours, social activities, discussions, research, volunteering, project methods, and commemorative practices. This study is relevant, as the development of civic responsibility directly affects the formation of conscious and proactive citizens, which is essential for a civil society. The study identifies effective strategies and methodological approaches that can be used to optimize the process of developing civic responsibility.

Keywords: citizenship, responsibility, civic responsibility, civic education, civic qualities, educational work, pedagogical paradigm, patriotic paradigm, legal paradigm, systemic paradigm, paradigm approach

For citation: Solomatina G. N., Fomenko I. I. Paradigmatic approach to the formation of civic responsibility in students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):336—341. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1637.

Введение

Актуальность. Гражданские качества молодежи, включая учащихся общеобразовательной школы, в любой стране рассматриваются как важный элемент государственной безопасности, поскольку в совокупности эти качества обеспечивают единство представлений граждан о своем обществе, формируют общие духовно-нравственные ценности, чувство гражданской и национальной идентичности, способствуют сплоченности общества, развитию патриотизма и соответствующего гражданского поведения. Именно поэтому любое государство и его система образования ставят целью формирование гражданской ответственности у подрастающего поколения.

В предыдущие десятилетия воспитание детей было сосредоточено на обеспечении их прав и свобод, что привело к недостаточному вниманию к формированию у детей ответственности — важнейшей составляющей самой свободы. Данная ситуация настоятельно требует пересмотра и модернизации существующей системы гражданского воспитания, что отражается в государственной политике нашей страны, ориентированной на формирование гражданской идентичности, духовно-нравственном развитии, гражданско-патриотическом воспитании, вовлечение подрастающего поколения в общественно-полезную деятельность и в жизнь гражданского общества. В связи с чем в современной педагогической теории и практике становятся особо актуальными вопросы гражданского воспитания учащихся общеобразовательных учреждений.

Цель статьи — аналитическое исследование возможности использования парадигмального подхода к формированию гражданской ответственности у молодого поколения.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать основные аспекты развития гражданской ответственности у современных школьников;
- 2) показать значимость использования парадигмального подхода к воспитательной деятельности образовательного учреждения;
- 3) определить технологии работы по формированию гражданской ответственности у школьников.

Целесообразность разработки темы заключается в том, что в государственной политике Российской Федерации в сфере воспитания гражданских качеств молодежи и детей зафиксированы такие аспекты как духовно-нравственное, гражданское воспитание и другие направления. Парадигмальный подход при организации образова-

тельного и воспитательного процесса способствует разработке и реализации комплексных моделей обучения и воспитания в образовательной практике.

Научная новизна исследования проявляется в комплексном рассмотрении сущностных характеристик феномена гражданской ответственности; в определении специфики парадигмального подхода к формированию гражданской ответственности у учащихся; в системном исследовании структурных компонентов педагогической парадигмы.

Теоретическая значимость исследования проявляется в систематизации структурных компонентов и критериальных показателей гражданской ответственности как социально-педагогического феномена; в определении значимости парадигмального подхода к воспитательной деятельности образовательного учреждения; в вычленении трех составляющих гражданской ответственности — патриотической, правовой и системной парадигмы.

Практическая значимость исследования проявляется в анализе теоретических положений, способствующих углубленному осмыслению сущности и механизмов формирования гражданской ответственности учащихся в рамках парадигмального подхода. Предложенные конкретные технологии для организации воспитательной работы могут найти применение в деятельности администрации, педагогов учебных заведений при проектировании работы по формированию гражданской ответственности у учащихся.

Методами исследования являются аналитический обзор научных источников, систематизация теоретических положений, компаративный анализ педагогического опыта по вопросам воспитания гражданской ответственности у школьников в образовательной организации.

Степень изученности проблемы. В научных трудах отечественных исследователей достаточно широко получили освещение такие взаимосвязанные категории, как гражданская идентичность, социально значимые личностные качества, гражданская ответственность. В научных исследованиях В. А. Барановой, Е. М. Дубовской, О. О. Савиной [1], Г. Я. Гревцева [2], В. В. Карпуниной [3], Е. В. Коноваловой [4], С. И. Куликовой [5], А. Р. Нуриевой и Р. Ф. Миннуллиной [6] В. А. Скопа и О. В. Крахмалева [7] и других отечественных ученых теоретически обоснована значимость гражданского воспитания, раскрыты структурные компоненты гражданской ответственности, определены основные направления совершенствования гражданского воспитания подрастающего поколения.

Парадигмальный подход в педагогических исследованиях освещен в трудах И. А. Булгаковой, А. М. Тархановой, Н. С. Шульдиковой [8], Е. В. Гелясиной [9], Т. В. Гильмидинова [10], О. М. Деревянкиной [11], А. Д. Жаркова [12], С. Г. и Е. В. Чухинных [13].

Отдельные компоненты парадигмальной модели гражданского воспитания представлены в работах К. П. Васильченко и Н. О. Щупленкова [14], С. П. Мироновой [15], П. П. Фантрова, Е. С. Садовникова [16], В. И. Слободчикова [17].

Основная часть

Гражданская ответственность представляет собой важный аспект педагогической парадигмы воспитания, который интегрирует как развитие индивидуальных качеств учащихся, так и их социальную вовлеченность. На фоне актуальных преобразований в сфере образования особое значение приобретает формирование гражданской ответственности у школьников, поскольку общество заинтересовано в воспитании социально активных и инициативных граждан.

В научных исследованиях в области педагогики гражданского ответственности рассматривается как сложное интегральное качество личности, включающее совокупность взаимосвязанных характеристик. Так, в работах С. И. Куликовой и Р. А. Валеевой [5] данное понятие раскрывается через способность личности осознанно и целенаправленно выполнять гражданские обязанности и долг, отстаивать как собственные гражданские интересы, так и интересы общества, а также реализовывать их в реальном социальном взаимодействии. При этом авторы акцентируют внимание на том, что проявление гражданской ответственности невозможно без внутренней нравственной позиции личности, которая соотносится с общественными ожиданиями, связанными с честностью, надежностью и социально одобряемым поведением. Особо подчеркивается значимость осознанного принятия ответственности за собственные поступки и готовности действовать не только в личных интересах, но и с учетом благополучия других людей.

Согласно исследованиям И. Ф. Яруллина, гражданская ответственность у учащихся представляет собой комплекс личностных качеств, включающих волевою сферу, эмоциональные проявления, моральные установки и интеллектуальные способности. По мнению автора, гражданская ответственность характеризуется как целостное интегральное личностное образование, развивающееся в системе гражданского воспитания и объединяющее такие аспекты, как осознанная внутренняя свобода, уважительное отношение к государственным институтам, патриотические чувства, миролюбие, самоуважение, самодисциплину, а также сбалансированное сочетание национальной идентичности и толерантности в межкультурном взаимодействии [4].

В работе В. А. Барановой, Е. М. Дубовской, О. О. Савиной [1] также подчеркивается роль интегрального личностного качества, формирующего мировоззрение и поступки детей в соответствии с этическими и моральными нормами и требованиями общества.

Анализ литературы по проблеме гражданской ответственности позволяет выделить следующие показатели, оказывающие влияние на социально-деятельностный потенциал личности:

- компетентность и осознанность выполнения гражданских обязанностей;
- активная самореализация в общественно значимых сферах;
- способность к осознанному выбору жизненных стратегий;
- лидерские способности, мотивирующие окружающих на продуктивную деятельность.

Таким образом, формирование гражданской ответственности предполагает комплексный подход, включающий три взаимосвязанных направления работы.

Первостепенную роль в данном процессе играет правовое просвещение учащихся, предполагающее не просто знакомство с правовыми нормами, но и их осмысленное усвоение, а также понимание собственных социальных ролей и обязанностей. Именно это формирует базу для выработки осознанного гражданского поведения. Наряду с этим значимым направлением выступает развитие аналитических умений, благодаря которым подростки получают возможность критически и объективно оценивать происходящие в обществе процессы, а также находить и предлагать обоснованные пути решения актуальных социальных проблем. Особое значение приобретает включение обучающихся в различные формы практической деятельности — участие в волонтерских движениях и социальных проектах. Такой опыт способствует развитию навыков взаимодействия в коллективе, формированию активной жизненной позиции и осознанию значимости совместных усилий в достижении общественно полезных целей.

Сложность и изменчивость современных социальных условий, в которых происходит воспитание подрастающего поколения, обуславливают необходимость более глубокого теоретико-методологического осмысления процесса формирования гражданской ответственности. В этой связи особую актуальность приобретает обращение к парадигмальному подходу при организации образовательного и воспитательного процесса.

Так, в работах М. В. Богуславского педагогическая парадигма определяется как целостная система взаимосвязанных концептуальных положений, выступающая в качестве методологической основы для разработки и реализации комплексных моделей обучения в образовательной практике. При этом подчеркивается их значимость как для научного анализа, так и для практической деятельности педагогов [8].

В свою очередь, Г. Б. Корнетов рассматривает педагогическую парадигму как фундаментальную теоретическую конструкцию, включающую три взаимосвязанных компонента: основания и механизмы постановки образовательных целей, специфику ролей и взаимодействия участников педагогического процесса, а также предполагаемые результаты образовательной деятельности [10].

Согласно позиции Е. В. Гелясиной [9], педагогическая парадигма трактуется как система методологических установок и теоретических положений, обладающая более широким содержательным охватом по сравнению с отдельными теориями или подходами. Автор отмечает, что именно парадигма способна интегрировать различные педагогические концепции, выступая для них общей методологической основой.

Анализ гражданской ответственности с позиций парадигмального подхода позволяет выделить три ключевые концептуальные модели: патриотическую, правовую и системную парадигмы. Каждая из них выполняет функцию нормативного ориентира, задавая определенные

методологические рамки для организации процесса гражданского воспитания. Исследование указанных парадигм в контексте образовательной практики позволяет провести их сравнительную характеристику, выявить методические преимущества, а также определить оптимальные педагогические технологии для развития гражданской ответственности у подрастающего поколения.

Патриотическая парадигма раскрывается через три взаимосвязанных аспекта: познавательный компонент (освоение историко-культурного наследия и национальных достижений); эмоциональный компонент (чувство сопричастности к судьбе Отечества); деятельностный компонент (установка на общественно-полезную работу во благо своей страны) [12; 16].

Целью *патриотической парадигмы* выступает воспитание истинных патриотов — сознательных граждан, активно способствующих процветанию и укреплению престижа своего государства.

Основным механизмом реализации патриотической парадигмы выступает образовательная работа, направленная на знакомство учащихся с национальным историко-культурным наследием и национальными ценностями. Особое значение имеет диалоговый характер такого просвещения, исключающий догматичное изучение устаревших концепций и предполагающий развитие критического анализа и самостоятельной оценки исторических событий, взвешенного восприятия национальной идентичности, конструктивного осмысления достижений и проблем своей страны. В этом контексте С. П. Миронова [15] подчеркивает, что в ходе педагогического диалогового взаимодействия происходит развитие внутреннего потенциала ребенка, направленного на активное познание окружающего мира.

Наиболее эффективными технологиями реализации патриотической парадигмы в образовательных учреждениях выступают воспитательные часы и тренинги социально значимой деятельности. Регулярные воспитательные часы дают возможность последовательно приобщать школьников к историческому и культурному наследию страны, воспитывать гордость за подвиги прошлых поколений и осознание личной ответственности за будущее Родины. Тренинги социально значимой деятельности, в свою очередь, позволяют школьникам воплотить теоретические знания в реальных делах, взять на себя ответственность за решение актуальных задач и ощутить личную вовлеченность в общественные процессы. Такой подход не только укрепляет патриотические ценности, но и развивает ключевые личностные качества: ответственность, инициативность и умение работать в команде [16].

Вместе с тем, патриотическое воспитание должно сочетаться с развитием критического мышления и умения анализировать события. При реализации патриотической парадигмы следует воспитывать не бездумное соответствие идеалам, а формирование осознанного гражданина, способного делать самостоятельные выводы и аргументировать свою позицию. Для этого необходимо вовлекать детей в дискуссии, поддерживать их исследовательские и проектные инициативы. Лишь такой подход позволит патриотизму стать основой подлинной гражданской зрелости и социальной активности [14].

Правовую парадигму составляет концептуальная система взглядов, задающая методологические основы правового воспитания, образования и становления правовой культуры. Данная парадигма объединяет фундаментальные концепции, методологические принципы и практические подходы, определяющие развитие правовой культуры граж-

дан. Т. В. Гильмидинова [10] в рамках парадигмального анализа правового воспитания подчеркивают, что правовая парадигма предполагает формирование у молодежи правовых знаний; выработку навыков социально ответственного поведения; правового сознания, основанного на принципах справедливости; способности к правовой активности в общественной жизни и выработке активной гражданской позиции в регулировании общественных отношений.

Как отмечают С. Г. и Е. В. Чухины [13], с точки зрения правовой парадигмы гражданское воспитание предполагает формирование системы ценностных ориентаций, определяющих социальное поведение индивида и обеспечивающих его способность к осознанной реализации гражданских прав и обязанностей. По мнению авторов, главной целью правового воспитания является формирование правосознания, включающего как знание законодательных норм, так и устойчивую гражданскую позицию по противодействию противоправным действиям.

Социальное проектирование занимает центральное место в реализации правовой парадигмы гражданского образования, органично интегрируя две взаимосвязанные педагогические технологии — волонтерскую деятельность и проектные методы.

Волонтерские технологии в правовом воспитании интегрируют образовательный компонент, практико-ориентированную деятельность, межведомственное взаимодействие с образовательными организациями, применение инновационных методик. Особенность волонтерских технологий в правовом воспитании заключается в том, что школьники непринужденно и эффективно усваивают правовые нормы, у них формируются устойчивые модели правомерного поведения, развивается гражданская ответственность.

Системная парадигма гражданского воспитания представляет собой целостный педагогический процесс, осуществляемый на разных уровнях с учетом множества факторов. Ее основу образуют три компонента — становление гражданской идентичности, развитие социальных навыков и воспитание активной гражданской позиции.

Истоки системной парадигмы гражданского образования, по мнению В. И. Слободчикова [17] следует искать в исторически сложившихся традиционных методиках социального воспитания. В рамках данного подхода В. И. Слободчиков под гражданским образованием понимает целостный процесс, объединяющий обучение и воспитание и функционирующий на четырех взаимосвязанных уровнях:

- на микроуровне, который включает институты первичной социализации (семейное воспитание, дошкольные учреждения, школы, детские дома);
- на мезоуровне, охватывающем систему взаимодействия между семьей и школой, детским домом и школой, семьей и значимыми для учащегося сверстниками, детским домом и сверстниками;
- на экзoуровне, определяющим деятельность общественных организаций по гражданскому воспитанию;
- на макроуровне, где принимаются государственные программы по гражданскому воспитанию.

Образовательное учреждение выполняет системообразующую функцию в процессе формирования гражданской ответственности, объединяя усилия основных субъектов воспитания: семьи, педагогического коллектива, средств массовой информации и социальных институтов. Именно в рамках школьной социализации происходит первичное усвоение базовых гражданских ролей и статусов.

С. Г. и Е. В. Чухины [13] рассматривают позитивную социализацию учащихся как главный показатель успешного формирования школьного уклада жизни в рамках системной парадигмы гражданского образования. Ведущую роль в этом процессе играют коммеморативные практики, реализуемые через систему взаимосвязанных технологий: организационно-средовые (средообразование, создание общности), системно-управленческие (формирование уклада жизни, построение воспитательной системы), деятельностные (событийность, приключение), развивающие (социальное становление, воспитательные очаги). Такой многоаспектный подход обеспечивает комплексное воздействие на гражданское становление личности. К основным школьным коммеморативным практикам авторы относят участие школьников в Днях воинской славы и церковных праздниках, проведение тематических мероприятий к юбилеям исторических личностей, организация выставок к памятным датам города или региона, проведение церемоний возложения цветов, создание школьных музеев и мемориальных уголков.

Таким образом, успешность формирования гражданской ответственности у школьников зачастую определяется использованием парадигмального подхода в реализации воспитательной деятельности.

Результаты исследования и их обсуждение. Выбор парадигмального подхода для формирования гражданской ответственности у учащихся обусловлен широким содержательным охватом концептуальных положений, что создает методологическую базу для проектирования, разработки и реализации воспитательных моделей в образовательном учреждении.

На основе исследований в области гражданского воспитания школьников были получены следующие результаты:

- Уточнено понятие «гражданская ответственность» как интегральное личностное качество, формирующее мировоззрение и поступки учащихся в соответствии с этическими и моральными нормами и требованиями общества.
- Выделены показатели сформированности гражданской ответственности у учащихся, среди которых определены компетентность и осознанность выполнения гражданских обязанностей; активная самореализация в общественно значимых сферах; способность к осознанному выбору жизненных стратегий; лидерские способности, мотивирующие окружающих на продуктивную деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранова В. А., Дубовская Е. М., Савина О. О. Представления о характеристиках ответственности у подростков // Национальный психологический журнал. 2024. № 2(19). С. 36—46.
2. Гревцева Г. Я. Учитель и гражданское воспитание // Вестник Института культуры детства : ежегод. альм. Челябинск : Челяб. гос. ин-т культуры, 2023. Вып. 24 : Современные технологии социокультурной интеграции молодежи : сб. материалов по итогам междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы социализации современной молодежи» и реализации проекта «Социокультурная матрица молодежи». С. 12—19.
3. Карпунина В. В. К вопросу о понятии и значении правовых аксиом в правовом воспитании гражданской позиции и патриотизма // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2024. № 4. С. 193—196.
4. Коновалова Е. В. Формирование гражданской ответственности студентов в учебном процессе // Проблемы современного образования. 2021. № 1. С. 120—128. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-1-120-128.
5. Куликова С. И. Генезис формирования гражданской ответственности личности в теории и практике педагогической науки // Педагогика и психология образования. 2016. № 3. С. 18—23.
6. Нуриева А. Р., Миннуллина Р. Ф. Гражданское воспитание младших школьников во внеурочной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Вып. 76. Ч. 3. С. 209—213.
7. Скопа В. А., Крахмалева О. В. Патриотическое воспитание младших школьников: основы формирования гражданской идентичности // Обзор педагогических исследований. 2025. Т. 7. № 7. С. 281—286.

- Представлены следующие основные направления воспитательной работы в деятельности образовательного учреждения – правовое просвещение учащихся, развитие их аналитических умений, включение обучающихся в различные формы практической деятельности, которые способствуют формированию гражданской ответственности у подрастающего поколения.

- Обоснована парадигмальная модель, включающая три основные составляющие: патриотическая, правовая и системная парадигмы, раскрыта их сущность и содержание.

- В рамках данной модели представлены наиболее эффективные технологии формирования гражданской ответственности в рамках каждой парадигмы.

Результатом комплексного использования воспитательных технологий в рамках системной парадигмы гражданского образования становится приобретение обучающимся четко выраженной гражданской идентичности и ответственного гражданского поведения.

Выводы

Приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации выступает воспитание гражданской ответственности учащихся и воспитание их как сознательных участников общественной жизни. Становление гражданской ответственности представляет собой комплексную социально-педагогическую проблему, имеющую важное культурное значение. Парадигмальный подход к изучению гражданской ответственности позволяет выделить три составляющих педагогической парадигмы — патриотическую, правовую и системную, которые представляют собой общепринятые стандарты, своего рода шаблоны, определяющие подходы к решению задач в сфере гражданского воспитания. Использование парадигмального подхода в реализации воспитательной деятельности образовательного учреждения определяет успешность формирования гражданской ответственности у школьников. Наиболее эффективными технологиями реализации формирования гражданской ответственности учащихся в образовательных учреждениях выступают воспитательные часы, социальные тренинги, волонтерская деятельность, проектные методы и коммеморативные практики. Исследование процессов становления гражданской ответственности создает методологическую основу для прогнозирования траектории воспитательной работы с учащимися. Также необходимо определить технологии работы с учащимися на всех ступенях получаемого образования.

8. Булгакова И. А., Тарханова А. М., Шулдикова Н. С. Эволюция парадигмальных оснований педагогики // Современное педагогическое образование. 2019. № 12. С. 7—10.
9. Гелясина Е. В. Парадигматическая составляющая научного подхода в педагогике // Педагогика: история, перспективы. 2020. Т. 3. № 1. С. 7—18. DOI: 10.17748/2686-9969-2020-3-1-07-18.
10. Гильмидинова Т. В. Парадигмы современного российского образования // Гуманитарные науки. 2023. № 4(64). С. 35—41.
11. Деревянкина О. М. Парадигмальная соотнесенность методов обучения в современной педагогике высшего образования // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 9. Вып. 3. С. 244—254. DOI: 10.30853/ped20240032.
12. Жарков А. Д. Педагогическая парадигма — генезис социокультурной антропологии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 3(125). С. 172—178. DOI: 10.24412/1997-0803-2025-3125-172-178.
13. Чухин С. Г., Чухина Е. В. Парадигмальный уровень проектирования концепции формирования российской гражданской идентичности школьников // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2021. Т. 15. № 4. С. 92—101. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.4.10.
14. Васильченко К. П., Щупленков Н. О. Патриотическая составляющая на уроках истории в контексте современной педагогической парадигмы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 7-1(46). С. 33—35.
15. Миронова С. П. «Вот новый поворот...»: проблематика парадигмальности в современной теории образования // Проблемы современного педагогического образования. 2023. Вып. 80. Ч. 3. С. 183—186.
16. Фантров П. П., Садовников Е. С. Концепт «патриотизм» в социально-политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 4. С. 435—442. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442.
17. Слободчиков В. И. Субъективная реальность: ее возможность и действительность. М. : Фонд «Просветитель», 2021. 232 с.

REFERENCES

1. Baranova V. A., Dubovskaya E. M., Savina O. O. Ideas about the Characteristics of Responsibility in Adolescents. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*. 2024;19(2):36—46. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2024.0203.
2. Grevtseva G. Ya. Teacher and civic education. *Vestnik Instituta kul'tury detstva = Bulletin of the Institute of Childhood Culture. Annual Almanac*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture publ., 2023;24:12—19. (In Russ.)
3. Karpunina V. V. On the question of the concept and meaning of legal axioms in the legal education of citizenship and patriotism. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*. 2024;4:193—196. (In Russ.)
4. Konovalova Ye. V. Forming students' civic responsibility in the educational process. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2021;1:120—128. (In Russ.) DOI: 10.31862/2218-8711-2021-1-120-128.
5. Kulikova S. I. The genesis of the process of formation of civil responsibility of the individual in the theory and practice of pedagogy. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and psychology of education*. 2016;3:18—23. (In Russ.)
6. Nurieva A. R., Minnullina R. F. Civic education of junior schoolchildren in extra-course activities. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2022;76(3):209—213. (In Russ.)
7. Skopa V. A., Krakhmaleva O. V. Patriotic education of primary school students: foundations for the development of civic identity. *Obzor pedagogicheskikh issledovaniy = Review of Pedagogical Research*. 2025;7(7):281—286. (In Russ.)
8. Bulgakova I. A., Tarkhanova A. M., Shuldikova N. S. The evolution of paradigmatic foundation of pedagogy. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2019;12:7—10. (In Russ.)
9. Gelyasina E. V. Paradigmatic component of the scientific approach in pedagogy. *Pedagogika: istoriya, perspektivy = Pedagogy: history, prospects*. 2020;3(1):7—18. (In Russ.) DOI: 10.17748/2686-9969-2020-3-1-07-18.
10. Gilmidinova T. V. Paradigms of modern Russian education. *Gumanitarnye nauki = The Humanities*. 2023;4(64):35—41. (In Russ.)
11. Derevyankina O. M. The paradigmatic correlation of teaching methods in contemporary higher education pedagogy. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2024;9(3):244—254. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20240032.
12. Zharkov A. D. The pedagogical paradigm - the genesis of socio-cultural anthropology. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2025;3(125):172—178. (In Russ.) DOI: 10.24412/1997-0803-2025-3125-172-178.
13. Chukhin S. G., Chukhina E. V. Paradigm level of the concept design for of the Russian civil identity formation in schoolchildren. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = Russian journal of social sciences and humanities*. 2021;15(4):92—101. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.4.10.
14. Vasilchenko K. P., Schuplenkov N. O. Patriotic component in history lessons in the context of the modern pedagogical paradigm. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;7-1(46):33—35. (In Russ.)
15. Mironova S. P. “Here is a new twist...”: the problem of paradigmality in modern education theory. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2023;80(3):183—186. (In Russ.)
16. Fantrov P. P., Sadovnikov E. S. Concept “patriotism” within socio-political discourse. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024;24(4):435—442. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-4-435-442.
17. Slobodchikov V. I. Subjective reality: its possibility and reality. Moscow, Prosvetitel' Fund publ., 2021. 232 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 09.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 09.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 371.13
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1635

Fang Yijie

Postgraduate of the Department of Higher School Pedagogy
of the Institute of Psychology and Education,
Scientific specialty
5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
fangyijie777@gmail.com

Tatiana Alexandrovna Baklashova

Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Higher School Pedagogy
of the Institute of Psychology and Education,
Kazan (Volga region) Federal University
Kazan, Russian Federation
ptatyana2011@mail.ru

Фан Ицзе

аспирант кафедры педагогики высшей школы
Института психологии и образования,
научная специальность 5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
fangyijie777@gmail.com

Татьяна Александровна Баклашова

д-р пед. наук,
профессор кафедры педагогики высшей школы
Института психологии и образования,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
ptatyana2011@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ НАУЧНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ В РОССИИ И КИТАЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассматриваются социальные и культурные аспекты подготовки педагогических кадров высшей квалификации в России и Китае. Целью исследования является сравнительный анализ национальных образовательных моделей по ряду ключевых параметров: идеологические и ценностные основания, культурный контекст профессиональной подготовки, механизмы государственной поддержки и системы академической мобильности. На основе этого анализа формулируются рекомендации по развитию двустороннего образовательного сотрудничества.

Исследование основано на сравнительном анализе нормативных правовых актов, статистических данных и научных публикаций за 2018—2023 гг., а также на результатах опроса педагогических работников. Применялись методы контент-анализа, системного подхода и кросс-культурного сопоставления.

Результаты показывают, что российская модель ориентирована на формирование педагога-исследователя с акцентом на критическое мышление и поликультурную компетентность, тогда как китайская модель направлена на подготовку кадров для технологического лидерства в опоре на коллективистские и конфуцианские ценности.

За 2018—2023 гг. удельный вес защит докторских диссертаций в России вырос на 15 %, в Китае — на 25 %. Доля исследований с международным участием составила 43 % в России и 61 % в Китае. Выявленные различия обусловлены не только организационными механизмами, но и социально-культурным контекстом каждой из стран. Если же рассмотреть ситуацию более подробно, то разрыв между двумя странами в темпах роста числа докторов наук (25 % в Китае против 15 % в России) и в степени интернационализации научных исследований (61 % в Китае против 43 % в России) является скорее отражением двух различных социокультурных подходов к подготовке кадров, чем результатом разницы в объемах вложений ресурсов.

Результаты исследования могут быть использованы при проектировании совместных образовательных программ и совершенствовании механизмов академической мобильности в рамках российско-китайского сотрудничества.

Ключевые слова: педагогическое образование, высшая научная квалификация, академическая мобильность, Россия, Китай, социальные аспекты, культурные аспекты, международное сотрудничество, профессиональные компетенции, образовательные реформы

Для цитирования: Фан Ицзе, Баклашова Т. А. Социальные и культурные аспекты подготовки педагогических кадров высшей научной квалификации в России и Китае: сравнительный анализ // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 342—348. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1635.

Original article

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF PREPARING PEDAGOGICAL PERSONNEL WITH HIGHER SCIENTIFIC QUALIFICATIONS IN RUSSIA AND CHINA: A COMPARATIVE ANALYSIS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *This article examines the social and cultural aspects of preparing pedagogical personnel with higher qualifications in Russia and China. The study aims to conduct a comparative analysis of the two national educational models across several key parameters: ideological and value foundations, cultural context of professional training, mechanisms of state support, and academic mobility systems. Based on this analysis, recommendations are formulated for the development of bilateral educational cooperation.*

The research draws on a comparative analysis of legislative documents, statistical data, and academic publications from 2018-2023, as well as a survey of pedagogical practitioners. The methods employed include content analysis, systemic approach, and cross-cultural comparison.

The findings indicate that the Russian model focuses on developing the teacher-researcher, with an emphasis on critical thinking and multicultural competence, while the Chinese model is oriented toward training specialists for technological leadership within collectivist and Confucian value frameworks. Between 2018 and 2023, the proportion of doctoral thesis

defenses rose by 15% in Russia and by 25% in China. The proportion of research projects involving international participation stood at 43% in Russia and 61% in China. The differences identified are due not only to organizational mechanisms but also to the socio-cultural context of each country. If we examine the situation in greater detail, the gap between the two countries in the growth rates of the number of PhDs (25% in China versus 15% in Russia) and in the degree of internationalization of scientific research (61% in China versus 43% in Russia) is more a reflection of two different socio-cultural approaches to training personnel than a result of differences in the volume of resource investment.

The findings of this study can be utilized in the design of joint educational programs and the improvement of academic mobility mechanisms within the framework of Russian-Chinese cooperation.

Keywords: *pedagogical education, higher scientific qualification, academic mobility, Russia, China, social aspects, cultural aspects, international cooperation, professional competencies, educational reforms*

For citation: Fang Yijie, Baklashova T. A. Social and cultural aspects of preparing pedagogical personnel with higher scientific qualifications in Russia and China: a comparative analysis. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):342—348. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1635.

Введение

Актуальность. Интерес исследователей к российско-китайскому образовательному сотрудничеству заметно вырос в последние годы — во многом потому, что обе страны планомерно расширяют институциональные связи в сфере высшего образования. Открытие Российско-Китайского университета в Шэньчжэне, развитие сетевых университетов ШОС и БРИКС, рост числа программ двойных дипломов — всё это создает практический запрос на понимание того, как именно устроены системы подготовки педагогических кадров в каждой из стран. Вместе с тем за организационными механизмами взаимодействия нередко остаются незамеченными различия другого рода — ценностные и культурные, связанные с самим пониманием того, каким должен быть педагог-исследователь.

Изученность проблемы. В отечественной науке вопросы российско-китайского образовательного взаимодействия рассматривались преимущественно в организационно-правовом и социологическом ключе. М. Ю. Захаров, И. Е. Старовойтова и А. В. Шишкова анализировали академическую мобильность как инструмент «мягкой силы» в современном Китае [1]; С. Е. Блохина и М. Е. Званцова обратились к проблемам непрерывного образования педагогов в сравнительной перспективе [2]; Е. В. Никитенко рассматривала процессы интернационализации высшей школы обеих стран [3]. Социокультурная адаптация китайских студентов в российских вузах исследовалась М. В. Овчинниковой и С. Чжан [4]. В аспекте профессионального развития педагогов значимы работы С. Ван о межкультурном обмене [5] и О. А. Машкиной о культурных различиях в современном Китае [6]; сопоставительный анализ актуальных проблем педагогического образования двух стран проводился Хуан Ин [7].

А. В. Жданов исследовал социально-профессиональную трансформацию академического состава педагогических вузов Китая [8]. Ван Жуйпэн и Чжун Бинлинь провели исследование на основе метода «обоснованной теории» с участием 11 аспирантов в области образования и обнаружили, что процесс академической социализации состоит из четырех аспектов: социализация знаний, социализация компетенций, аффективная социализация и социализация профессиональной идентичности. Эти аспекты не располагаются линейно, а взаимно влияют друг на друга. Примечательно, что они обнаружили: повседневное взаимодействие с научными руководителями и дисциплинарная культура кафедры оказывают значительное влияние на развитие докторантов, причем это влияние оказывается более сильным, чем влияние институциональных правил [9]. Е. Л. Болотова и Ло Ваньци провели исследование совместных образовательных программ, реализуемых в последние годы в педагогических вузах Китая и России, и систематизировали информацию по всем аспектам — от набора студентов и разработки учебных планов до присвоения ученых степеней [10]. Их подход ориентирован на практику и сосредоточен не на абстрактных культурных сравнениях, а на конкретных механизмах сотрудничества и институциональном согласовании. Бао Луси и Е. В. Донгаузер, однако, используют ценностно-ориентированный подход, сравнивая процессы формирования профессиональных ценностей у будущих учителей в обеих странах. Они обнаружили, что в российской системе подготовки учителей традиционно предпочтение

отдается индивидуальному академическому развитию, тогда как в китайской системе больше внимания уделяется удовлетворению национальных потребностей и воспитанию духа коллективизма [11]. Если рассмотреть эти два вида исследований в совокупности, то они в целом подтверждают основную предпосылку данной статьи: институциональные и культурные различия носят двойной характер и взаимосвязаны.

Вместе с тем перечисленные работы, как правило, затрагивают отдельные аспекты взаимодействия, не ставя задачи системного сравнения ценностно-культурных оснований двух образовательных моделей — именно этот пробел данная статья призвана частично восполнить.

Таким образом, научная проблема состоит в следующем: организационные механизмы взаимодействия двух систем — структуры программ, требования к ученым степеням, схемы финансирования — изучены значительно лучше, чем то, что за ними стоит: представления о роли научного руководителя, отношение к коллективному и индивидуальному в исследовательском труде, характер связи между образованием и государственной идеологией. Именно эти основания во многом определяют, как система функционирует на практике, — а значит, без их учета затруднительно проектировать устойчивые и результативные формы двустороннего сотрудничества.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что расширение совместных инициатив — программ двойных дипломов, сетевых университетов, совместных исследовательских проектов — требует не только организационной, но и ценностно-культурной совместимости участников.

Цель статьи — на основе сравнительного анализа выявить социальные и культурные факторы, определяющие логику подготовки педагогических кадров высшей квалификации в России и Китае, и оценить, какие из различий между двумя системами несут наибольший потенциал для взаимного обогащения. В ходе исследования решались следующие **задачи**: анализ идеологических и ценностных оснований каждой из систем; сравнение механизмов государственной поддержки и академической мобильности; сопоставление доступных количественных показателей за 2018—2023 гг.; выработка практических рекомендаций по развитию двустороннего взаимодействия.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что сравнительный анализ социокультурных детерминант профессиональной подготовки педагогов позволяет уточнить концептуальные основания теории педагогического образования применительно к незападным контекстам. Кроме того, эти результаты внесут вклад в развитие сравнительных исследований в области образования и помогут лучше понять, как системы ценностей и культурные традиции влияют на деятельность высших учебных заведений.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе социальных и культурных аспектов подготовки педагогов, что позволяет предложить новые подходы к гармонизации образовательных систем. **Практическая значимость** работы состоит в разработке рекомендаций, которые могут быть использованы для оптимизации совместных образовательных программ и повышения качества подготовки кадров в рамках российско-китайского сотрудничества.

Основная часть

Методология исследования. Исследование построено на сравнительном анализе нормативно-правовых документов двух стран, статистических данных и научных публикаций за 2018—2023 гг. Выбор временного интервала обусловлен активизацией российско-китайского образовательного сотрудничества в указанный период и наличием сопоставимых данных по обеим странам. В качестве основных методов использованы контент-анализ нормативных источников и научной литературы, системный подход к описанию образовательных моделей, а также кросс-культурное сопоставление по заданным параметрам. Наряду с анализом документальных источников проведен опрос педагогических работников высшей квалификации (преподавателей и научных руководителей педагогических вузов России и Китая), направленный на уточнение качественных характеристик двух систем. Полученные эмпирические данные использовались для верификации выводов, сформулированных на основе анализа литературы.

Результаты исследования и их обсуждение. В рамках сравнительного анализа рассматривались следующие параметры: трансформации системы академической мобильности в условиях глобализации, механизмы интеграции в международное образовательное пространство, культурные основания профессиональной идентичности педагога-исследователя, а также меры поддержки молодых ученых в рамках национальной образовательной политики.

Государственная поддержка молодых ученых в России строится преимущественно на принципе индивидуального финансирования: исследователь получает грант или стипендию и самостоятельно выстраивает траекторию работы в рамках заявленного проекта. Национальные проекты в сфере науки и образования задают общие приоритеты, однако не заменяют этой индивидуализированной логики — в отличие от китайской модели, где государство нередко напрямую формирует спрос на конкретные компетенции. По данным официального портала Министерства науки и высшего образования РФ, одним из направлений последних лет стало развитие постдокторантских программ по образцу западных институтов; это само по себе показательно: речь идет о заимствовании формата, который в российском академическом сообществе укоренился еще не до конца.

Китайский вектор развития демонстрирует уникальный подход к формированию научно-педагогического потенциала. Целенаправленная государственная политика научно-технологического развития реализуется в контексте программы «Тысяча талантов», которая направлена на привлечение ведущих специалистов и создание инновационной среды [1—3]. Институциональная поддержка исследовательской деятельности осуществляется с акцентом на технологическое лидерство, что обеспечивает развитие приоритетных направлений науки и технологий [4, с. 115]. Система целевой подготовки кадров для инновационной экономики построена с учетом потребностей технологического развития страны и формирования конкурентоспособной экономики [4, с. 116]. На основе эмпирического анализа 27 пилотных учебных заведений в Китае, охватывающего две группы студентов, Ван Тань пришел к выводу, что подготовка соискателей степени доктора педагогических наук (*Ed.D.*) в Китае сталкивается с такими проблемами, как выраженная тенденция к «академизации», отсутствие отличительных черт, нерациональная

структура преподавательского состава и недостаток практических ресурсов. Для повышения качества подготовки необходимо уточнить позиционирование профессиональных степеней, оптимизировать учебную программу, усилить практическую подготовку и усовершенствовать систему оценки с целью подготовки высококвалифицированных специалистов в области управления образованием, ориентированных на практику [12].

В российском контексте формирования научно-педагогического потенциала особое значение приобретает традиционная система академического воспитания, которая проходит трансформацию в условиях цифровизации образования [4, с. 114; 13, с. 289]. Важность межпоколенной передачи научных знаний и ценностей в контексте современных вызовов определяет особую роль опытных научных руководителей в формировании исследовательских школ [5, с. 20; 6, с. 153]. Роль научного руководства в формировании исследовательской школы приобретает особое значение, т. к. обеспечивает преемственность научных традиций и развитие критического мышления у молодых ученых [5, с. 18; 6, с. 154].

Между этими двумя странами существует определенное несоответствие в отношении постдокторского этапа. Китай ввел систему постдокторантуры в 1980-х гг.; после нескольких десятилетий развития эта система преобразовалась из первоначальной формы временной научной должности в сложный канал отбора кадров. Исследователи, проанализировавшие это изменение с точки зрения «академической карьеры», пришли к однозначному выводу: в Китае постдокторанты не являются просто временными сотрудниками; скорее, они служат в первую очередь трамплином для карьеры — университеты используют эту систему для отбора будущих научных сотрудников [14]. Ситуация в России иная. Постдокторские должности (постдокторантура) в России по-прежнему не имеют единой институциональной базы и в основном организуются на разовой основе отдельными университетами или лабораториями. Тот факт, что одна страна рассматривает постдокторские должности как стратегический инструмент отбора, в то время как другая — как переходный вариант для отдельных лиц, отражает две различные логики государственного управления.

Китайский контекст профессионального развития характеризуется глубоким влиянием конфуцианских принципов в современном образовании, которые успешно адаптируются к цифровой эпохе [7, с. 23; 15, с. 711]. Коллективистский подход к научному творчеству и командная работа становятся факторами успешности исследовательских проектов [16, с. 48; 17, с. 54]. Целостный подход к профессиональному развитию специалиста в контексте национальной стратегии обеспечивает формирование комплексно развитого специалиста, способного решать сложные научные и технологические задачи.

Анализ показал следующую динамику развития систем подготовки педагогических кадров: удельный вес защит докторских диссертаций демонстрирует стабильный рост на 15 % в России и динамический рост на 25 % в Китае, представлено на рисунке.

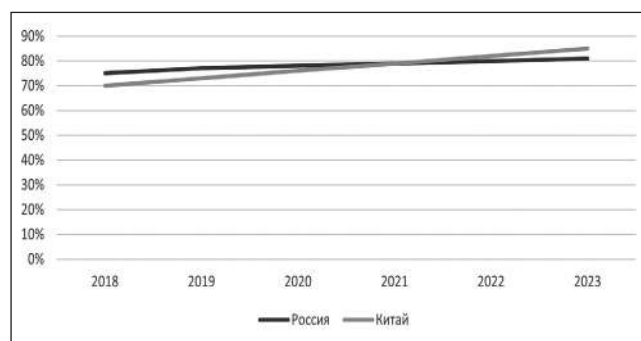

Рис. Динамика удельного веса защит докторских диссертаций в России и Китае (2018—2023 гг.), %

Анализ представленных выше данных показывает несколько важных тенденций:

1. В России наблюдается стабильный рост на 1—2 % ежегодно.
2. В Китае темпы роста более динамичны, достигая 3—4 % в год.
3. К 2021 г. страны достигли примерно одинакового уровня защит докторских диссертаций — 79 %

Эмпирические результаты исследования представлены в таблице.

Сравнительный анализ показателей эффективности подготовки педагогических кадров высшей квалификации в России и Китае (2018—2023 гг.)

Фактор	Россия	Китай
Идеологическая основа. Ценности	Гражданско-патриотическое воспитание [5, с. 17]	Конфуцианские традиции и принцип «служения партии» [15, с. 710; 18, с. 44]
Подход к обучению	Развитие критического мышления	Упор на дисциплину и коллективизм
Культурный контекст	Акцент на поликультурность. Работа с полиэтничными аудиториями	Упор на национальную идентичность. Акцент на конфуцианские ценности [17, с. 51]
Целевые установки	Формирование педагога-исследователя [19, с. 80]	Подготовка кадров для технологического лидерства [16, с. 45]
Связь с производством	Развитие целевого обучения [15, с. 710]	Обязательная стажировка на предприятиях
Государственная поддержка	Фокус на индивидуальных грантах и стипендиях	Масштабные программы типа «Тысяча талантов» [20, с. 79]
Возрастная структура	35—40 лет для соискателей ученой степени	32—37 лет для соискателей ученой степени
Участие в международных проектах	43 % от общего числа исследований	61 % от общего числа исследований
Удельный вес защит докторских диссертаций с 2018 по 2023 г.	Стабильный рост на 15 %	Динамический рост на 25 %

Окончание табл.

Фактор	Россия	Китай
Система академической мобильности	Индивидуальная поддержка через гранты [21, р. 629]	Целенаправленное привлечение экспертов
Исходящая мобильность	Преимущественно в страны Европы и США	Основное направление — США и Европа, но с акцентом на возвращение кадров
Входящая мобильность	Приток студентов из стран СНГ, Китая и Индии	Активное привлечение студентов из Азии, Африки и России [22, с. 118; 8, с. 105]
Краткосрочные программы	Летние и зимние школы, стажировки [8, с. 103]	Летние школы, краткосрочные курсы по китайской культуре и языку [22, с. 119; 8, с. 103]

Таблица представляет собой комплексный анализ систем подготовки педагогических кадров высшей квалификации в двух странах, отражая как количественные показатели эффективности, так и качественные характеристики образовательных процессов. Особое внимание уделено социокультурным аспектам и организационным особенностям реализации образовательной политики.

Заключение

Анализ социально-культурных аспектов подготовки педагогических кадров высшей квалификации в России и Китае позволяет сделать следующие выводы.

Российская и китайская системы подготовки педагогических кадров высшей квалификации развиваются параллельно, но по собственной логике. В России модернизация идет через расширение грантовой поддержки и постепенное выстраивание постдокторантской инфраструктуры; в Китае — через масштабные государственные программы типа «Тысяча талантов», ориентированные на технологическое лидерство и возвращение специалистов, подготовленных за рубежом. За этим различием стоят не просто управленческие решения: российская система воспроизводит традицию академического наставничества, где научный руководитель несет личную ответственность за становление исследователя, тогда как китайская опирается на конфуцианскую этику коллективного служения, в которой индивидуальная карьера осмысливается через вклад в общее дело. Вычленив эту ценностную составляющую из организационной оболочки непросто, однако именно она определяет, насколько легко та или иная форма сотрудничества приживется в чужой системе.

Разрыв в показателях международного участия — 61 % в Китае против 43 % в России — не случаен. Китайская модель сознательно выстраивает внешние связи как инструмент технологического намерстывания, управ-

ляя при этом рисками «утечки мозгов» через механизм возврата: специалист, прошедший подготовку за рубежом, должен вернуться и работать на отечественную науку. Российская академическая мобильность устроена иначе — она менее централизована, сильнее зависит от индивидуальных стратегий ученых и партнерских договоренностей конкретных университетов, что отражает принципиально иной характер отношений между государством, институтом и исследователем.

Сохранение национально-культурных особенностей при интеграции в глобальное образовательное пространство является, по результатам анализа, не препятствием, а условием устойчивого развития каждой из систем. Именно это обстоятельство определяет потенциал взаимного обогащения двух моделей.

Необходимо обозначить ограничения исследования. Анализ опирается на публикации и нормативные документы за 2018—2023 гг., а опрос педагогических работников носил ограниченный характер и не претендует на статистическую репрезентативность. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение конкретных совместных программ и восприятия межкультурного взаимодействия непосредственными участниками образовательного процесса.

С практической точки зрения результаты исследования указывают на три направления сотрудничества: развитие онлайн-форматов академического обмена и виртуальных исследовательских групп; разработка межкультурных программ подготовки, интегрирующих российский опыт научного руководства и китайские практики командной работы; создание совместных научно-образовательных структур на базе партнерств в рамках ШОС и БРИКС. Реализация этих направлений возможна при условии учета выявленных социально-культурных различий, а не их игнорирования, а также при условии готовности обеих сторон к взаимной адаптации накопленного опыта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Захаров М. Ю., Старовойтова И. Е., Шишкова А. В. Управление академической мобильностью как инструментом «мягкой силы» в современном Китае // Вестник университета. 2023. № 2. С. 166—173. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-166-173.
- Блохина С. Е., Званцова М. Е. Сравнительный анализ подхода к решению проблемы непрерывного образования педагогов в России и Китае // Фундаментальные исследования. 2009. № 5. Прил. С. 79—81.
- Никитенко Е. В. Сравнительный анализ интернационализации в России и Китае (на примере академической мобильности) // Российско-китайское региональное сотрудничество: новые вызовы и возможности : материалы V междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : Новосиб. гос. техн. ун-т, 2021. С. 69—72.
- Овчинникова М. В., Чжан С. Проблемы социокультурной и академической адаптации китайских студентов, обучающихся в вузах России // Проблемы онто-гносеологического обоснования математических и естественных наук. Курск : Изд-во Кур. гос. ун-та, 2023. Вып. 14. С. 114—116.
- Ван С. Межкультурный обмен между Китаем и Россией в эпоху информационных технологий: роль образования и СМИ как моста // Современная система образования в России и Китае : сб. ст. XX Рос.-кит. социол. конф. СПб. : Астерион, 2024. С. 17—25.

6. Машкина О. А. Социальная стратификация и культурные различия в современном Китае // Ломоносовские чтения. Востоковедение и африканистика : материалы науч. конф. М. : ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, 2023. С. 152—154.
7. Хуан И. Актуальные проблемы педагогического образования в России и Китае // Казачество. 2023. № 68(3). С. 20—23.
8. Жданов А. В. Социально-профессиональная трансформация академического состава педагогических вузов Китая — современный взгляд: проблемы и их решение // Научное мнение. 2024. № 7—8. С. 100—105. DOI: 10.25807/22224378_2024_7-8_100.
9. Ван Жуйпэн, Чжун Бинлинь. Построение четырехмерной содержательной структуры академической социализации докторантов педагогических наук // Высшее образование Китая. 2023. № 11. С. 28—31. (На кит. яз.)
10. Болотова Е. Л., Ло Ваньци. Российско-китайские проекты по подготовке педагогических кадров : моногр. М. : МПГУ, 2019. 126 с. DOI: 10.23682/94676.
11. Бао Л., Донгаузер Е. В. Особенности формирования профессионально-ценностных ориентаций будущих учителей России и Китая // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 1. С. 8—15.
12. Ван Тань. Реальные трудности и ответные меры при подготовке докторов образования в Китае: эмпирический анализ на основе двух групп из 27 экспериментальных уполномоченных организаций // Современное управление образованием. 2020. № 9. С. 122—128. (На кит. яз.)
13. Варавва М. Ю., Лазарева О. С. Академическая мобильность в новых условиях: риски и тренды для России // Актуальные проблемы экономической деятельности и образования в современных условиях : сб. науч. тр. XVI Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : Сфера, 2021. С. 285—291.
14. Чэнь Цзунчунь. Постдокторантура в перспективе академической карьеры: логика разработки и оптимизации политики // Вестник Чжэньцзянского высшего специального учебного заведения. 2022. № 1. С. 6—8. (На кит. яз.)
15. Су В., Марченко Г. В. Конфуцианство — одна из методологических основ развития образования в современном Китае // Актуальные проблемы науки и техники : материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Ростов н/Д. : ДГТУ, 2024. С. 710—711.
16. Хэ Я. Сравнение китайских и российских концепций образования с точки зрения теории межкультурных измерений Герт Хофстеде // Миссия конфессий. 2023. Т. 12. № 4. С. 45—52.
17. Цзихэн В. Инкультурация в образовательной системе Китайской Народной Республики // Культура: открытый формат : Междунар. заоч. науч. конф. : сб. науч. ст. Минск : БГУКИ, 2023. С. 51—55.
18. Чжан Н. Развитие гуманитарного образования в высших профессиональных колледжах Китая в рамках инициативы «Пояс и путь» // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2024. № 2(143). С. 44—48. (На англ. яз.)
19. У Ц. Сравнительный анализ основных направлений становления и развития высшего образования в Китае и России // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. Т. 12. № 1. С. 80—85. DOI: 10.12737/2306-1731-2023-12-1-80-85.
20. Зубарева С. С. Основные направления сотрудничества России и Китая в сфере высшего образования // Россия и мир: история и современность : тез. XI всерос. конф. студентов и молодых ученых. Сургут : Сургут. гос. пед. ун-т, 2023. С. 79—81.
21. Maosen Guan, Huawei Wang, Mengqi Li. A Comparative Study on the Training Programs of Chinese and Russian Sports Doctoral Students // 2020 International Conference on Sports Sciences, Physical Education and Health (ICSSPEH 2020). Atlantis Press, 2020. Pp. 627—632. (Advances in Social Science, Education and Humanities Research; vol. 457). DOI: 10.2991/assehr.k.201214.119.
22. Лукашенко Д. В. Педагогика высшей школы: вызовы цифровизации и трансформация образовательного процесса // Педагогический научный журнал. 2025. Т. 8. № 4. С. 118—123.

REFERENCES

1. Zakharov M. Y., Starovoytova I. E., Shishkova A. V. Managing academic mobility as a tool of «soft power» in contemporary China. *Vestnik Universiteta*. 2023;2:166—173. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-166-173.
2. Blokhina S. E., Zvantsova M. E. Comparative analysis towards solving the problem of continuous education of teachers in Russia and China. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2009;5-S:79—81. (In Russ.)
3. Nikitenko E. V. Comparative analysis of internationalization in Russia and China (on the example of academic mobility). *Rossiisko-kitaiskoe regional'noe sotrudnichestvo: novye vyzovy i vozmozhnosti = Russian-Chinese regional cooperation: new challenges and opportunities. Proceedings of the V International scientific and practical conference*. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University publ., 2021:69—72. (In Russ.)
4. Ovchinnikova M. V., Zhang S. Problems of sociocultural and academic adaptation of Chinese students studying at Russian universities. *Problemy onto-gnoseologicheskogo obosnovaniya matematicheskikh i estestvennykh nauk = Problems of onto-gnoseological justification of mathematical and natural sciences*. Kursk, Kursk State University publ., 2023;14:114—116. (In Russ.)
5. Wang S. Intercultural exchange between China and Russia in the era of information technology: the role of education and media as a bridge. *Sovremennaya sistema obrazovaniya v Rossii i Kitae = Modern education system in Russia and China. Proceedings of the XX Russian-Chinese sociological conference*. Saint Petersburg, Asterion, 2024:17—25. (In Russ.)
6. Mashkina O. A. Social stratification and cultural differences in modern China. *Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie i afrikanistika = Lomonosov Readings. Oriental Studies and African Studies. Proceedings of the scientific conference*. Moscow, Institute of Asian and African Studies of Lomonosov Moscow State University publ., 2023:152—154. (In Russ.)
7. Huang Y. Actual problems of pedagogical education in Russia and China. *Kazachestvo*. 2023;68(3):20—23. (In Russ.)

8. Zhdanov A. V. Social and professional transformation of the teaching community of pedagogical universities in China - a modern view: problems and their solutions. *Nauchnoe mnenie*. 2024;7—8:100—105. (In Russ.) DOI: 10.25807/22224378_2024_7-8_100.
9. Wang Ruipeng, Zhong Binglin. Constructing the four-dimensional content structure of academic socialization for doctoral students in pedagogy. *China Higher Education*. 2023;11:28—31. (In Chinese)
10. Bolotova E. L., Wanqi Luo. Russian-Chinese projects on teacher training. Monograph. Moscow, Moscow Pedagogical State University publ., 2019. 126 p. (In Russ.) DOI: 10.23682/94676.
11. Bau L., Dongauzer E. V. Features of formation of professional-values orientations of future teachers in Russia and China. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta = Vestnik of State University of Humanities and Technology*. 2024;1:8—15. (In Russ.)
12. Wang Tan. Realistic dilemmas and countermeasures in cultivating Ed.D. candidates in China: An empirical analysis based on two cohorts of 27 pilot authorized institutions. *Modern Education Management*. 2020;9:122—128. (In Chinese)
13. Varavva M. Yu., Lazareva O. S. Academic mobility in new conditions: risks and trends for Russia. *Aktual'nye problemy ekonomicheskoi deyatel'nosti i obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh = Actual problems of economic activity and education in modern conditions. Proceedings of the XVI International scientific and practical conference*. Volgograd, Sfera, 2021:285—291. (In Russ.)
14. Chen Zongchun. Postdoctoral positions in universities from the perspective of academic careers: Policy design and optimization logic. *Journal of Zhenjiang College*. 2022;1:6—8. (In Chinese)
15. Su W., Marchenko G. V. Confucianism as one of the methodological foundations for the development of education in modern China. *Aktual'nye problemy nauki i tekhniki = Actual problems of science and technology. Proceedings of the All-Russian (National) scientific and practical conference*. Rostov-on-Don, Don State Technical University publ., 2024:710—711. (In Russ.)
16. He Ya. Comparison of Chinese and Russian concepts of education from the point of view of the theory of intercultural dimensions Gert Hofstede. *Missiya konfessii = Mission confessions*. 2023;12(4):45—52. (In Russ.)
17. Ziheng W. Enculturation in the educational system of the People's Republic of China. *Kul'tura: otkrytyi format = Culture: open format. International correspondence scientific conference. Collection of scientific articles*. Minsk, Belarusian State University of Culture and Arts publ., 2023:51—55. (In Russ.)
18. Zhang Na. Development of humanities education in higher vocational colleges of China under the background of the «Belt and Road» initiative. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny = Proceedings of Francisk Skorina Gomel State University*. 2024;2(143):44—48.
19. U U. Comparative analysis of the main directions of formation and development of higher education in China and Russia. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii = Scientific research and development. Socio-humanitarian research and technology*. 2023;12(1):80—85. (In Russ.) DOI: 10.12737/2306-1731-2023-12-1-80-85.
20. Zubareva S. S. Main directions of cooperation between Russia and China in the field of higher education. *Rossiya i mir: istoriya i sovremennost' = Russia and the World: History and Modernity. Abstracts of the XI All-Russian conference of students and young scientists*. Surgut, Surgut State Pedagogical University publ., 2023:79—81. (In Russ.)
21. Maosen Guan, Huawei Wang, Mengqi Li. A Comparative Study on the Training Programs of Chinese and Russian Sports Doctoral Students. *2020 International Conference on Sports Sciences, Physical Education and Health (ICSSPEH 2020)*. Advances in Social Science, Education and Humanities Research; vol. 457. Atlantis Press, 2020:627—632. DOI: 10.2991/assehr.k.201214.119.
22. Lukashenko D. V. Higher school pedagogy: challenges of digitalization and transformation of the educational process. *Pedagogicheskii nauchnyi zhurnal = Pedagogical Scientific Journal*. 2025;8(4):118—123. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1609

Natalia Yuryevna Fominykh

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Foreign Languages Department,
Plekhanov Russian
University of Economics
Moscow, Russian Federation
fominyh.ny@rea.ru

Наталья Юрьевна Фоминых

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры иностранных языков,
Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова
Москва, Российская Федерация
fominyh.ny@rea.ru

Svetlana Dmitrievna Sirotyuk

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Higher School of Intelligent Systems
and Cyber Technologies,
Volga State University of Service
Togliatti, Russian Federation
sirotyk_sd@mail.ru

Светлана Дмитриевна Сыротюк

канд. пед. наук, доцент,
доцент высшей школы интеллектуальных систем
и кибертехнологий,
Поволжский государственный университет сервиса
Тольятти, Российская Федерация
sirotyk_sd@mail.ru

НАУЧНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ НЕФОРМАЛЬНОГО И ИНФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема развития научного наставничества как необходимого педагогического условия формирования и развития научно-профессионального педагогического сообщества в условиях неформального и информального образования. Исследование обосновано необходимостью внедрения инновационных идей, интеллектуальных и цифровых технологий в систему высшего профессионального образования.

Актуальность исследования обусловлена тем, что совершенствование инновационной и научной составляющей в вузах становится ключевым фактором развития научно-профессиональных педагогических сообществ. В условиях цифровизации образования особую значимость приобретает формирование сплоченного научно-профессионального педагогического сообщества, способного к генерации новых знаний и инновационных практик.

Научное наставничество выступает системообразующим фактором, обеспечивающим эффективное взаимодействие участников образовательного процесса в условиях неформального и информального обучения. Оно создает необходимые педагогические условия для формирования профессиональных компетенций, развития исследовательского потенциала и интеграции педагогов в научное сообщество.

Цель исследования заключается в разработке концептуальных моделей научного наставничества, реализуемых на базе интеллектуальной информационно-педагогической системы и обеспечиваемых применением методов неформального и информального образования.

В работе предложены концептуальные модели научного наставничества, программа индивидуальной профессионально-развивающей траектории педагога-научного наставника, методики оценки эффективности наставнической деятельности, механизмы формирования научно-профессионального сообщества.

Практическая значимость исследования состоит в возможности разработки открытых образовательных ресурсов и развития школы наставничества в вузе. Предложенные модели позволяют эффективно формировать научно-профессиональное педагогическое сообщество с использованием современных цифровых технологий.

Исследование опирается на системный и трансдисциплинарный подход, метод погружения, проектный метод и метод саморазвития. Особое внимание уделяется интеграции традиционных форм наставничества с современными цифровыми инструментами обучения.

Результаты работы могут быть использованы для совершенствования системы подготовки педагогических кадров, развития научно-исследовательского потенциала вузов и формирования эффективной модели непрерывного профессионального образования в условиях цифровой трансформации общества.

Ключевые слова: научное наставничество, непрерывное образование, неформальное образование, информальное образование, научно-профессиональное педагогическое сообщество, педагогические условия, интеллектуальная информационно-педагогическая система, ядро базы знаний, трансдисциплинарная компетентность, индивидуальная профессионально-развивающая траектория преподавателя

Для цитирования: Фоминых Н. Ю., Сыротюк С. Д. Научное наставничество как педагогическое условие формирования и развития научно-профессионального педагогического сообщества в условиях неформального и информального образования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 349—358. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1609.

Original article

SCIENTIFIC MENTORING AS A PEDAGOGICAL CONDITION FOR THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC AND PROFESSIONAL PEDAGOGICAL COMMUNITY IN NON-FORMAL AND INFORMAL EDUCATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The article examines the pressing issue of developing scientific mentoring as a necessary pedagogical condition for the formation and development of a scientific and professional pedagogical community in the context of non-formal and informal education. The study is substantiated by the need to introduce innovative ideas, intellectual and digital technologies into the higher professional education system.*

The relevance of the research is determined by the fact that improving the innovative and scientific components in higher education institutions becomes a key factor in the development of scientific and professional pedagogical communities. In the context of educational digitalization, the formation of a cohesive scientific and professional pedagogical community capable of generating new knowledge and innovative practices acquires particular significance. Scientific mentoring acts as a system-forming factor ensuring effective interaction between participants in the educational process in the context of non-formal and informal learning. It creates the necessary pedagogical conditions for the formation of professional competencies, development of research potential, and integration of educators into the scientific community.

The purpose of the research is to develop conceptual models of scientific mentoring implemented on the basis of an intellectual information-pedagogical system and supported by the application of non-formal and informal education methods.

The paper proposes conceptual models of scientific mentoring, a program for an individual professional development trajectory of a teacher-scientific mentor, methods for evaluating the effectiveness of mentoring activities, and mechanisms for forming a scientific and professional community.

The practical significance of the research lies in the possibility of developing open educational resources and advancing the mentoring school in higher education institutions. The proposed models effectively facilitate the formation of a scientific and professional pedagogical community using modern digital technologies.

The research is based on a systematic and transdisciplinary approach, the immersion method, the project method, and the self-development method. Particular attention is paid to integrating traditional forms of mentoring with modern digital learning tools.

The results of the work can be used to improve the system of teacher training, develop the research potential of higher education institutions, and form an effective model of continuous professional education in the context of the digital transformation of society.

Keywords: *scientific mentoring, continuous education, non-formal education, informal education, scientific and professional pedagogical community, pedagogical conditions, intellectual information-pedagogical system, knowledge base core, transdisciplinary competence, individual professional development trajectory of a teacher*

For citation: Fominykh N. Y., Sirotyuk S. D. Scientific mentoring as a pedagogical condition for the formation and development of the scientific and professional pedagogical community in non-formal and informal education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):349—358. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1609.

Введение

Актуальность. В эпоху глобальной цифровизации и стремительного обновления научного знания парадигма непрерывного профессионального развития педагога (*life-long learning*) приобретает принципиально новое звучание. Традиционные, формальные институты повышения квалификации, будучи жестко регламентированными, зачастую не успевают за динамикой образовательных запросов современности и не всегда способны обеспечить индивидуализацию профессионального роста. В этих условиях центр тяжести непрерывного образования закономерно смещается в сторону неформального (участие в проектных группах, вебинарах, профессиональных ассоциациях вне государственных стандартов) и информального образования (спонтанное, повседневное самообразование, реализуемое через сетевое взаимодействие и потребление цифрового контента).

Особую значимость в данном контексте приобретает формирование сплоченного научно-профессионального педагогического сообщества, способного к генерации новых знаний и инновационных практик. Однако эффективная интеграция педагога в такое сообщество требует специфического педагогического сопровождения, ключевым элементом которого в современной информационной среде становится научное наставничество.

Анализ современной образовательной теории и практики позволяет выделить ряд существенных противоречий. Главное из них заключается в несоответствии между высокой, объективно обусловленной потребностью педагогов в непрерывном научно-профессиональном развитии посредством неформального и информального образования, с одной стороны, и отсутствием эффективных, масштабируемых механизмов управления и координации этим процессом — с другой. Спонтанное информальное обучение без должного вектора и методологической поддержки рискует стать хаотичным, фрагментарным и не привести к качественному приращению научных компетенций.

Объект исследования: процесс непрерывного научно-профессионального развития педагогов в условиях неформального и информального образования.

Предмет исследования: научное наставничество как педагогическое условие формирования научно-профессионального педагогического сообщества на базе интеллектуальных систем.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что эффективное развитие научно-профессионального сообщества возможно при условии переосмысления института научного наставничества и его трансформации в саморазвивающуюся экосистему на базе

интеллектуальной информационно-педагогической системы (далее — ИИПС), выступающей в роли активного «со-наставника».

Изученность проблемы. Актуальная проблема на сегодняшний день, которой посвящено большое количество статей, состоит в проблемах межпрофессионального, мультипрофессионального и транспрофессионального обучения.

Анализ современной психолого-педагогической литературы показывает, что феномен наставничества исторически претерпевал существенные трансформации, адаптируясь к меняющимся социально-экономическим и технологическим условиям. В контексте формирования научно-профессионального педагогического сообщества мы можем выделить несколько ключевых подходов к моделированию процесса наставничества, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения в условиях цифровизации.

Е. Г. Гиндес, И. А. Троян, Л. А. Кравченко [1] рассматривают наставничество как целенаправленный процесс педагогического сопровождения, включающий поддержку и консультирование более опытным наставником. Авторы выделяют сущностные характеристики наставничества, его цели, задачи и принципы реализации в условиях современного вуза.

П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва, Е. В. Кеммет [2] проводят сопоставление профессиональных ролей научного наставника и научного руководителя. На основе эмпирических данных авторы выявляют особенности взаимодействия этих субъектов образовательного процесса и определяют морально-этическое измерение их деятельности.

О. В. Гукаленко и В. П. Борисенков [3] представляют комплексный анализ форм и моделей наставничества, применяемых на разных уровнях образования.

Ряд исследователей фокусируется на адаптации классического подхода к новым академическим вызовам. Так, С. Д. Резник [4] предлагает каскадную (многоуровневую) модель, которая выстраивает непрерывную цепочку воспроизводства кадров от студента до докторанта, где профессор выступает в роли менеджера научного коллектива.

Особую ценность в контексте изучаемой проблемы представляет работа Р. Ш. Ахмадиевой и Р. Х. Гильмеевой [5]. Авторы исследуют механизмы стимулирования научно-исследовательской активности студентов, что напрямую связано с проблемой научного наставничества. В работе раскрывается система формирования и развития исследовательских навыков, где особое внимание уделяется роли наставников в процессе передачи опыта и знаний. Особое значение имеет предложенная ими модель непрерывной подготовки научно-педагогических кадров, включающая формирование мотивации, развитие навыков и практическое внедрение полученных знаний.

Особое место занимают исследования, отражающие цифровую трансформацию образования. А. Р. Масалимова вводит понятие реверсивного (обратного) наставничества, при котором молодые исследователи выступают в роли трансляторов цифровых компетенций для старшего поколения [6].

О. И. Кулагин с соавторами подчеркивают, что система научного наставничества в вузе должна решать задачи эффективного воспроизводства кадров в академической и вузовской науке, повышения уровня научной культуры в обществе и помощи студенту в реализации потенциала [7].

В своей последней работе, посвященной анализу современных трендов, П. Н. Осипов [8] проводит глубокую классификацию подходов, выделяя традиционные, партнерские, ситуационные и множественные модели научного наставничества. Особое внимание автор уделяет переходу от жестких иерархических схем к субъект-субъектным отношениям, где наставляемый становится активным участником научно-образовательного процесса. Данная классификация позволяет рассматривать наставничество не как статичную структуру, а как гибкую систему, адаптирующуюся под специфические вызовы академической среды.

Признавая практическую ценность традиционных моделей подготовки кадров, мы тем не менее констатируем необходимость их качественной модернизации. В современных условиях классический трансфер компетенций требует интеграции с цифровыми образовательными платформами. В связи с этим, опираясь на классификацию П. Н. Осипова, мы предлагаем расширить существующую концепцию за счет внедрения интеллектуальных ИИПС. В данной архитектуре ИИПС выступает технологическим регулятором «множественного наставничества», позволяя алгоритмизировать процессы сопровождения и обеспечивать преемственность в распределенных научных коллективах.

Анализ представленных подходов показывает, что современные практики наставничества становятся всё более разнообразными, постепенно отходя от традиционных схем «один на один». Такая гибкость особенно востребована в рамках современной образовательной парадигмы, ориентированной на непрерывное развитие специалиста.

В связи с этим ученые всё чаще обращаются к потенциалу неформального обучения — спонтанного процесса, реализуемого через повседневную деятельность и погружение в насыщенную информационную среду. В таких условиях роль субъекта-наставника коренным образом трансформируется: он перестает быть единственным источником знаний, принимая на себя функции навигатора, фасилитатора и смысловорца. Его задача — помочь коллеге структурировать хаотичный поток информации и превратить его в системный исследовательский опыт.

Однако эффективность подобного самообразования критически зависит от внутренней мотивации и уровня саморегуляции самого педагога. Отсутствие внешнего координирующего центра и инструментов объективной оценки достижений часто приводит к тому, что приобретенные навыки остаются невостребованными и не находят отражения в реальных результатах: публикациях, грантах или проектах.

Изложенное позволяет констатировать: классические и ранние сетевые формы взаимодействия во многом исчерпали свой ресурс в части управления процессами неформального обучения. В современной педагогике наблюдается исследовательский пробел: недостаточно изучены модели, в которых связующим звеном и полноправным агентом («со-наставником») выступает высокотехнологичная среда — ИИПС [9; 10].

Целесообразность разработки темы. Таким образом, обоснована значительным интересом со стороны научно-профессиональных сообществ, в которых интенсивно ведется научная и научно-инновационная деятельность. Например, это системы высшего образования, в первую очередь заинтересованные в выпуске востребованных рынком труда специалистов, обладающих трансдисциплинарной компетентностью.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и разработке концептуальных моделей научного наставничества в среде ИИПС для обеспечения непрерывного формирования трансдисциплинарной компетентности педагогов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

1. Провести анализ трансформации моделей наставничества в условиях цифровизации образования.
2. Обосновать роль ИИПС как системообразующего педагогического условия развития профессиональных сообществ.
3. Разработать структурно-функциональную модель научного наставничества в цифровой среде.
4. Спроектировать авторскую программу реализации индивидуальной профессионально-развивающей траектории педагога-наставника.
5. Разработать систему критериев (матрицу коэффициентов K1—K11) для оценки эффективности наставничества.

Научная новизна исследования заключается в обосновании статуса ИИПС не просто как технологического инструмента, а как активного субъекта («со-наставника»), обладающего функциями предиктивной аналитики и управления трансфером знаний на основе цифрового следа.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении представлений о педагогических условиях формирования научно-профессиональных сообществ, уточнении структуры трансдисциплинарной компетентности и обосновании перехода от иерархических диадных моделей к горизонтальным сетевым формам взаимодействия.

Практическая значимость исследования заключается в создании прикладного инструментария: авторской программы развития наставников, архитектуры «Ядра базы знаний» и матрицы коэффициентов K1—K11, которые могут быть внедрены в практику современных вузов для повышения эффективности подготовки кадров высшей квалификации.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Перенесенное в цифровую среду (ИИПС) научное наставничество создает саморазвивающуюся экосистему, обладающую свойствами:

- **Масштабируемость:** один сильный ученый-педагог может быть наставником для целой сети молодых исследователей через инструменты ИИПС (групповое *e-mentoring*).
- **Смена ролей:** сегодняшний наставляемый (*mentee*) в области общей педагогики завтра становится наставником (*mentor*) в области применения нейросетей на уроках (реверсивное наставничество). Это делает сообщество горизонтальным, устойчивым и динамичным.
- **Накопление базы знаний:** взаимодействие наставников и наставляемых оставляет «цифровой след» в ИИПС, формируя базу лучших исследовательских практик, доступную всему сообществу.

Именно ИИПС, обладающая алгоритмами анализа цифрового следа, предиктивной аналитикой и возможностями семантического подбора научного контента, способна нивелировать недостатки описанных выше подходов. Интеграция ИИПС в процесс наставничества позволяет персонализировать траектории информального обучения, обеспечить интеллектуальный подбор наставников и наставляемых, а также структурировать спонтанный обмен опытом, превращая его в системный фактор развития научно-профессионального педагогического сообщества.

В табл. 1 показано, как базовые принципы наставничества трансформируются в среду научного руководства на базе интеллектуальных систем, на примере интеллектуальной информационно-аналитической педагогической системы Высшей школы интеллектуальных систем и кибертехнологий Поволжского государственного университета сервиса.

Таблица 1

Реализация научного наставничества в неформальном и информальном образовании через ИИПС

Идеи наставничества	Специфика научного наставничества педагогов	Реализация в неформальном и информальном образовании через ИИПС
Многообразие форм (<i>e-mentoring</i> , реверсивное, флэш-наставничество)	Научное партнерство, где молодой педагог может лучше владеть методами <i>data science</i> , а опытный — методологией педагогики	ИИПС автоматически подбирает пары/группы (<i>smart-matching</i>) на основе цифрового следа и дефицитов компетенций. Происходит спонтанный обмен опытом (информальное образование)
Непрерывность и индивидуализация поддержки	Построение индивидуальной исследовательской траектории педагога (от написания первой статьи до защиты диссертации)	ИИПС выстраивает рекомендательную систему: предлагает неформальные онлайн-курсы, вебинары, статьи и гранты, адаптируясь под темп и научные интересы пользователя
Преодоление профессиональных дефицитов	Формирование академических навыков (<i>academic writing</i> , методология исследований, анализ данных)	Проведение микрообучения (<i>microlearning</i>) внутри ИИПС. Наставник валидирует прогресс подопечного через систему бейджей или микросертификатов (неформальное образование)
Субъект-субъектное взаимодействие (партнерство)	Совместное создание интеллектуального продукта (научная статья, педагогический эксперимент, грантовая заявка)	Облачные пространства ИИПС для совместной работы. Коммуникация переходит в информальную плоскость (профессиональные чаты, форумы, обсуждения в комментариях к препринтам)
Социализация и адаптация в профессии	Интеграция педагога-исследователя в широкое научное сообщество, преодоление научной изоляции	Формирование сетевого научно-профессионального сообщества. ИИПС визуализирует социальные графы связей, показывая, кто с кем публикуется и какие научные школы формируются

На основе сравнительного анализа, представленного в табл. 1, можно сделать вывод, что интеграция ИИПС в процессы наставничества качественно трансформирует классические образовательные паттерны. Основное отли-

чие научного руководства в цифровой среде заключается в переходе от статической передачи знаний к динамическому, адаптивному сопровождению педагога-исследователя.

Внедрение алгоритмов интеллектуального подбора пар (*smart-matching*) и систем предиктивной аналитики позволяет преодолеть ключевые ограничения традиционных моделей — их низкую масштабируемость и дефицит персонализации. ИИПС фактически берет на себя роль «активного посредника», который не только структурирует хаотичные потоки неформального обучения, но и обеспечивает объективную валидацию приращения компетенций через систему цифровых следов и микросертификацию [11].

Таким образом, научное наставничество на базе ИИПС становится не просто технологическим решением, а системообразующим педагогическим условием, способствующим формированию саморазвивающегося научно-профессионального педагогического сообщества в условиях неопределенности и стремительного обновления знаний.

Структурно-функциональная модель научного наставничества, оформленная в виде табл. 2.

Таблица 2

Структурно-функциональная модель научного наставничества в среде ИИПС

Блок модели	Основные компоненты	Содержание и характеристика (в контексте ИИПС)
Целевой	Глобальная цель	Развитие и формирование устойчивого научно-профессионального педагогического сообщества
	Локальные задачи	Преодоление профессиональных дефицитов в научно-исследовательской деятельности; плавная трансформация педагога-практика в исследователя; преодоление «научной изоляции»
	Подходы	Системный, субъектно-деятельностный, средовой
	Принципы	Непрерывность, индивидуализация, партнерство (субъект-субъектность)
Содержательный	Неформальное образование	Академические навыки: методология исследований, написание научных статей, работа с наукометрическими базами. Проектная деятельность: разработка грантов, написание совместных статей
	Информальное образование	Ценностно-смысловая сфера: перенимание научной этики и культуры дискуссии через цифровую среду. Социализация: погружение в сообщество через блоги, препринты, открытые обсуждения в ИИПС
Процессуально-технологический	Этапы взаимодействия	1. Диагностика: СМАРТ-поиск пар/групп нейросетями ИИПС на базе цифрового следа. 2. Проектирование: построение исследовательской траектории. 3. Реализация: работа в виртуальных лабораториях. 4. Рефлексия: оценка пути и корректировка
	Формы наставничества	Электронное, реверсивное (взаимный обмен компетенциями), групповое, микрообучение
	Инструменты ИИПС	Облачные среды для соавторства, трекеры задач, профессиональные форумы/чаты, система цифровых бейджей (микросертификация)
Результативно-оценочный	Критерии эффективности	Количественные: рост публикаций, выигранные гранты, индекс цитируемости, плотность социальных связей (графы). Качественные: снижение выгорания, рост мотивации к научно-исследовательской деятельности, субъективное чувство принадлежности к научному сообществу
	Итоговый результат	Личностный уровень: готовность педагога к самостоятельной науке. Системный уровень: функционирование самообучающегося сообщества (переход наставляемых в статус наставников)

Обобщая структурно-функциональные характеристики модели (см. табл. 2), следует констатировать, что научное наставничество в среде ИИПС эволюционирует из линейного процесса сопровождения в многомерную экосистему развития. Ключевой особенностью данной модели является органичное сочетание жестких целевых ориентиров (преодоление профессиональных дефицитов, рост публикационной активности) с гибкими инструментами неформального и информального образования.

Реализация процессуально-технологического блока модели на базе ИИПС позволяет сместить акцент с административного контроля на алгоритмическую фасилитацию. Использование нейросетевых технологий для диагностики «цифрового следа» и формирования индивидуальных траекторий обеспечивает высокую степень адаптивности системы к запросам каждого участника научно-профессионального педагогического сообщества.

Особую значимость представляет результативно-оценочный компонент модели: переход от чисто количественных наукометрических показателей к качественным критериям (снижение профессионального выгорания, рост субъективного чувства принадлежности к науке) свидетельствует о гуманистической направленности предлагаемого подхода. Таким образом, разработанная модель выступает методологическим фундаментом для формирования и развития научно-профессионального педагогического сообщества, где итоговым результатом является не просто трансляция опыта, а формирование готовности педагога к самостоятельной научной и инновационной деятельности и последующему переходу в статус научного наставника.

Ниже предложена авторская программа, которая позволяет формировать индивидуальные траектории педагога наставника (далее — Программа).

На рис. 1 показана концептуальная модель блочной структуры Программы.

Рис. 1. Концептуальная модель Программы

Смысловое наполнение программы содержанием состоит в том, чтобы с использованием специально разработанных авторских методик и интеллектуальной информационно-педагогической системы, можно было научному наставнику рекомендовать траекторию его даль-

нейшего индивидуального развития, используя методы неформального и неформального образования [12].

На рис. 2 более подробно показан нормативно-методологический блок Программы. Он состоит из трех компонентов.

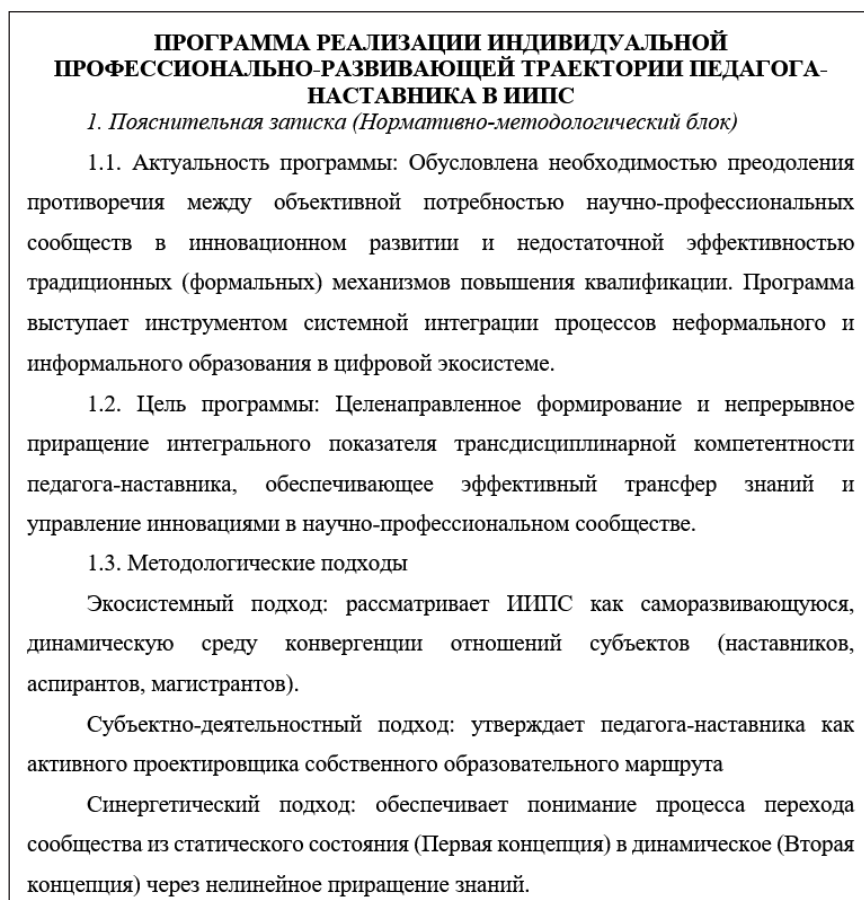

Рис. 2. Состав нормативно-методологического блока

На рис. 3 показана модульная структура *Содержательно-процессуального блока Программы*. Его уникальной особенностью является то, что процесс реализации индивидуальной профессионально-развивающей траектории (ИПРТ) [13] выстраивается как итеративный цикл, включающий три взаимосвязанных модуля, реализуемых в ИИПС.

Первый модуль является диагностико-проектировочным и его основное назначение состоит в инициации субъективности. Здесь показана основная педагогическая задача, механизмы реализации через авторские методики, фокусирование на динамические маркеры и формирование проектного решения в виде персонализированного маршрута развития.

Модуль I. Диагностико-проектировочный (Инициация субъектности)	
Педагогическая задача	Актуализация профессионально-личностных дефицитов и первичное моделирование ИПРТ
Механизмы реализации (M4, M5)	Входной многомерный скрининг в ИИПС (M5) для фиксации базовых уровней аксиологичности, рефлексивности и адаптивности. Погружение в эвристические микро-кейсы (M4) для стимуляции творческого потенциала
Динамические маркеры ИИПС	Фиксация стартового вектора Показателя интеллектуальной активности (K3) и Показателя готовности к инновации (K4)
Образовательный результат	Интерииоризация целей сообщества, разработка персонализированного маршрута развития
Модуль II. Деятельностно-трансформирующий (Средовое взаимодействие)	
Педагогическая задача	Конвергенция личного опыта наставника с “Ядром базы знаний” сообщества через механизмы неформального сетевого взаимодействия
Механизмы реализации (M1, M2, M3)	Ценностно-смысловая навигация (M1): Участие в экспертных полилогах и сообществах практик (неформальное обучение), что стимулирует рост интенциональности Рефлексивно-коррекционная практика (M2): Взаимооценка (peer-review) и совместное проектирование педагогических инноваций (командное обучение) Адаптивно-инновационная деятельность (M3): Непосредственная трансляция опыта магистрантам и аспирантам (субъект-субъектное взаимодействие), апробация новых решений в ИИПС
Динамические маркеры ИИПС	Максимальный прирост Показателя трансферта знаний (K6), Показателя объема знаний (K9) и укрепление Тесноты конвергенции отношений (K1)
Модуль III. Рефлексивно-оценочный (Валидация компетенций) *	
Педагогическая задача	Экспертная оценка и самооценка качественного приращения трансдисциплинарной компетентности
Механизмы реализации (M5, M6)	Повторная диагностика (M5) с акцентом на глубину трансформации мотивационной сферы. Анализ цифрового следа и валидизация итогового уровня операциональной и эвристичности (M6) через призму сгенерированных наставником артефактов в базе знаний
Динамические маркеры ИИПС	Расчет Показателя приращения знаний (K10), оценка Эффективности формирования знаниевого ядра (K8) и минимизация Риска потери конвергенции (K2)

Рис. 3. Модульная структура содержательно-процессуального блока Программы

Как видно из рис. 3, основное назначение второго модуля состоит в обеспечении средового взаимодействия. Как и в первом модуле, блок второго модуля содержит целевую педагогическую задачу, обеспечивающие механизмы реализации и динамические маркеры. Отметим, что во всех модулях в качестве динамических маркеров выступают измеримые показатели, отдельно сформированные и обоснованные коэффициенты. Всего их одиннадцать (K1—K11), они являются основой «ядра знаний» в ИИПС. Этот аппарат подробно описан в работе С. Д. Сыротюк [14].

Третий модуль предназначен для валидации формируемых компетенций. Это рефлексивно-оценочный блок, в котором решается педагогическая задача оценки уровня сформированности конвергенции знаний между наставником и обучаемым.

Таким образом, особенности содержательно-процессуального блока авторской программы реализации индивидуальной профессионально развивающей траектории педагога наставника в ИИПС состоят в том, чтобы актуализировать ядро «базы знаний» ИИПС.

Для этого ниже рассмотрим *организационно-педагогические условия реализации Программы в ИИПС*. Введем краткие пояснения.

Для обеспечения заявленной эффективности ИПРТ, функционирование ИИПС должно удовлетворять следующим четырем условиям:

1. *Информационная избыточность и вариативность среды*: наличие широкого спектра неформальных активностей (вебинары, проектные мастерские) и неформальных триггеров (умные рекомендации контента, форумы).

2. *Непрерывный мониторинг цифрового следа*: автоматизированный сбор данных (через матрицу K1—K11) без нарушения академической свободы наставника.

3. *Фасилитирующий характер управления*: смещение фокуса с административного контроля на алгоритмическую поддержку (подбор релевантных команд, выявление дефицитов).

4. *Амплификация трансляции опыта*: создание открытой архитектуры «Ядра базы знаний», где каждый подтвержденный инновационный продукт наставника становится доступен всему научно-профессиональному сообществу.

Более подробно описание организационно-педагогических условий реализации Программы представлены в предыдущей работе авторов [14].

Блок *Методологическая основа* завершает основной базовую часть концептуальной модели Программы, показанной на рис. 1.

Программа опирается на принципы самообучающейся организации (системное мышление, командное обучение и др.) и интегрирует комплекс авторских диагностико-развивающих методик (М1—М6), направленных на формирова-

ние мотивационно-ценностного, когнитивно-деятельностного и креативно-адаптивного компонентов компетентности.

Далее рассмотрим блок *Архитектура и содержание Программы* (по этапам).

Таблица 3

Поэтапная архитектура содержания Программы

Этап по М1—М6	Содержание деятельности в ИИПС (форматы)	Задействованные показатели (К1—К11)	Ожидаемый результат этапа
Модуль. Диагностико-ориентировочный (Основа: М4, М5)	Входной ассесмент: Заполнение профиля в ИИПС, прохождение интерактивных кейсов для оценки эвристичности (М4). Анализ цифрового следа: Система оценивает текущую рефлексивность и адаптивность (М5)	Фиксация стартового уровня: К3 (интеллектуальная активность); К4 (готовность к инновации)	Построение первичного цифрового профиля наставника. Формирование рекомендательной ленты в ИИПС
Модуль 2.1. Ценностно-смысловой (Навигация) (Основа: М1)	Информальное взаимодействие: Участие в асинхронных визионерских дискуссиях сообщества ИИПС подбирает наставнику микро-группы или аспирантов со схожими научными интересами	К1 (теснота конвергенции отношений); К7 (соответствие знаний требованиям)	Осознание профессиональных дефицитов. Формирование «Манифеста наставника» (личной цели на цикл)
Модуль 2.2. Деятельностно-когнитивный (Основа: М2)	Неформальное обучение: Участие в мастер-классах, взаимное оценивание методических разработок коллег. Вклад в Ядро: Разработка и загрузка авторского образовательного контента в базу знаний ИИПС	К6 (трансферт знаний); К8 (эффективность формирования ядра); К9 (объем знаний)	Повышение рефлексивной компетентности. Активный обмен опытом с магистрантами и коллегами
Модуль 2.3. Проектно-инновационный (Основа: М3)	Практика адаптации: Решение реальных проектных задач в условиях внедрения новой образовательной технологии. Совместное ведение проектов с более опытными экспертами сообщества	К2 (риск потери тесноты конвергенции) — удержание на низком уровне; К5 (готовность к трансформации)	Развитие операциональности. Успешная адаптация собственных педагогических практик к новым условиям
Модуль 3. Рефлексивно-оценочный (Основа: М5, М6)	Повторная диагностика качественных изменений (М5). Оценка созданных инновационных продуктов и сформированности интенциональности (М6)	К10 (приращение знаний); К11 (время формирования ядра)	Расчет интегрального показателя трансдисциплинарной компетентности. Переход на новый цикл развития

В табл. 3 показаны этапы построения архитектуры Программы. Показано описание и пояснение ее модульной структуры, содержание деятельности. Соответствующее функционалу модуля в ИИПС и соотнесенные к ней показатели диагностичности. Описан ожидаемый результат от реализации каждого из этапов.

Для обеспечения заявленной эффективности ИПРТ, функционирование Интеллектуальной информационно-педагогической системы должно удовлетворять следующим условиям [15]:

• **Информационная избыточность и вариативность среды:** наличие широкого спектра неформальных активностей (вебинары, проектные мастерские) и неформальных триггеров (умные рекомендации контента, форумы).

• **Непрерывный мониторинг цифрового следа:** автоматизированный сбор данных (через матрицу К1—К11) без нарушения академической свободы наставника.

• **Фасилитирующий характер управления:** смещение фокуса с административного контроля на алгоритмическую поддержку (подбор релевантных команд, выявление дефицитов).

• **Амплификация трансляции опыта:** создание открытой архитектуры «Ядра базы знаний», где каждый подтвержденный инновационный продукт наставника становится доступен всему научно-профессиональному сообществу.

Логическим завершением архитектуры Программы является оценка ее эффективности. Рассмотрим предлагаемые критерии. Программа считается успешно реализованной на данном цикле, если ИИПС фиксирует:

- положительную динамику интегрального показателя трансдисциплинарной компетентности;
- переход статических критериев (Интенциональность, Аксиологичность, Рефлексивность, Операциональность, Эвристичность, адаптивность) на качественно новый уровень;
- высокий показатель приращения знаний в Ядре ИИПС (К10), инициированный данным педагогом-наставником.

Выводы

В ходе проведенного исследования было теоретически обосновано и практически подтверждено, что научное наставничество в условиях цифровой трансформации образования выступает ключевым фактором формирования устойчивого научно-профессионального сообщества. Анализ существующих моделей позволил выявить переход от традиционных иерархических структур к гибким сетевым формам взаимодействия, реализуемым в пространстве неформального и информального образования.

Основным результатом работы стала разработка и верификация концептуальной модели научного наставничества на базе интеллектуальной информационно-педагогической системы (ИИПС). Установлено, что ИИПС в данной конфигурации выполняет функции не только технологической платформы, но и активного субъекта управления — «со-наставника», обеспечивающего предиктивную аналитику, персонализацию образовательных маршрутов и объективный мониторинг динамики компетенций на основе анализа «цифрового следа».

Разработанная матрица диагностических коэффициентов (K1—K11) позволила математически подтвердить эффективность предложенного подхода. Зафиксированная положительная динамика показателей интеллектуальной активности, трансфера знаний и конвергенции исследовательских позиций доказывает, что синергия человеческого опыта и интеллектуальных алгоритмов создает оптимальные условия для профессионального роста педагога-исследователя.

Практическая значимость исследования заключается в возможности масштабирования авторской программы индивидуальной траектории развития наставников в системах высшего образования. Предложенный инструментарий способствует не только повышению качества подготовки кадров высшей квалификации, но и укреплению технологического суверенитета страны через воспроизводство интеллектуального потенциала в академической среде.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углублении алгоритмов семантического анализа научной деятельности для более точного прогнозирования векторов междисциплинарного взаимодействия внутри профессиональных сообществ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гиндес Е. Г., Троян И. А., Кравченко Л. А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8—9. С. 110—129. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-110-129.
2. Амбарова П. А., Шаброва Н. В., Кеммет Е. В. Научный руководитель и научный наставник: обновление старых ролей и смыслов // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 282—302. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14.
3. Гукаленко О. В., Борисенков В. П. Традиционные и инновационные формы наставничества в системе непрерывного образования: теоретический обзор // Педагогика. 2023. № 7. С. 63—73.
4. Резник С. Д., Устинова Д. В. Подготовка студентов к обучению в аспирантуре вуза: система и механизмы управления : моногр. М. : ИНФРА-М, 2024. 157 с.
5. Ахмадиева Р. Ш., Гильмеева Р. Х. Система вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность в вузе творческой направленности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2024. № 3(124). С. 65—72. DOI: 10.37972/chgpu.2024.124.3.008.
6. Масалимова А. Р., Гайннеев Э. Р., Шайдуллина А. Р. Наставничество в условиях реализации дуального подхода в подготовке кадров // Профессиональное образование в современном мире. 2025. Т. 15. № 1. С. 89—98. DOI: 10.20913/2618-7515-2025-1-11.
7. Анализ практик наставничества в науке / О. И. Кулагин, Е. Г. Гладких, О. С. Казаковцева и др. // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 3. С. 123—135. DOI: 10.15826/umpra.2024.03.029.
8. Осипов П. Н. Научное наставничество: модели, особенности, проблемы // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 2(137). С. 8—19.
9. Сыротюк С. Д. Концепция проектирования информационно-педагогической системы // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 99—101.
10. Фоминных Н. Ю., Ксембаева С. К., Майгельдиева Ш. М. К вопросу об экологии информационной образовательной среды // Инновационные технологии в образовательной деятельности : материалы Всерос. науч.-метод. конф. Н. Новгород, 2021. С. 229—232.
11. Гудкова С. А., Сыротюк С. Д. Методологические основы и стратегии интеграции искусственного интеллекта в научно-профессиональные педагогические сообщества // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13. № 2. С. 41—44.
12. Сыротюк С. Д. Особенности применения методов и форм информального образования в научном профессиональном сообществе // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество — 2025 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Среда, 2025. С. 259—265. DOI: 10.31483/r-150031.
13. Ушаков А. А. Современные технологии реализации траекторий саморазвития педагога в кризисных периодах // Научное обозрение. Педагогические науки. 2022. № 4. С. 21—25. DOI: 10.17513/srps.2437.
14. Глухова Л. В., Сыротюк С. Д., Коростелев А. А. Педагогические условия реализации методик трансформации знаний // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 3. С. 203—206.
15. Glukhova L. V., Syrotyuk S. D., Sherstobitova A. A., Gudkova S. A. Identification of Key Factors for a Development of Smart Organization // Smart Education and e-Learning 2019 : Conference proceedings / eds. V. Uskov, R. Howlett, L. Jain. Singapore : Springer, 2019. Pp. 595—607. (Smart Innovation, Systems and Technologies; vol. 144). DOI: 10.1007/978-981-13-8260-4_52.

REFERENCES

1. Gindes E. G., Troyan I. A., Kravchenko L. A. Mentorship in Higher Education: A Concept, a Model and Development Prospects. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(8–9):110–129. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-110-129.
2. Ambarova P. A., Shabrova N. V., Kemmet E. V. Scientific supervisor and scientific mentor: updating old roles and meanings. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2024;15(4):282–302. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.14.
3. Gukalenko O. V., Borisenkov V. P. Traditional and innovative forms of mentoring in the system of lifelong education: a theoretical review. *Pedagogika = Pedagogics*. 2023;7:63–73. (In Russ.)
4. Reznik S. D., Ustinova D. V. Preparing students for postgraduate studies: system and management mechanisms. Monograph. Moscow, INFRA-M, 2024. 157 p. (In Russ.)
5. Akhmadieva R. Sh., Gilmeeva R. Kh. The system of student involvement in research activities at the creative-orientated university. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2024;3(124):65–72. (In Russ.) DOI: 10.37972/chgpu.2024.124.3.008.
6. Masalimova A. R., Gaineev E. R., Shaidullina A. R. Mentoring in the context of the introduction of a dual approach in personnel training. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*. 2025;15(1):89–98. (In Russ.) DOI: 10.20913/2618-7515-2025-1-11.
7. Kulagin O. I., Gladkikh E. G., Kazakovtseva O. S. et al. Analysis of mentoring practices in science. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2024;28(3):123–135. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2024.03.029.
8. Osipov P. N. Scientific mentoring: models, features, problems. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2024;2(137):8–19. (In Russ.)
9. Syrotyuk S. D. The concept of designing an information and pedagogical system. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2023;12(3):99–101. (In Russ.)
10. Fominykh N. Yu., Ksembaeva S. K., Maigeldieva Sh. M. On the issue of ecology of the information educational environment. *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovatel'noi deyatel'nosti = Innovative technologies in educational activities. Materials of the All-Russian scientific and methodological conference*. Nizhny Novgorod, 2021:229–232. (In Russ.)
11. Gudkova S. A., Syrotyuk S. D. Methodological foundations and strategies for integrating artificial intelligence into scientific and professional pedagogical communities. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2024;13(2):41–44. (In Russ.)
12. Syrotyuk S. D. Features of the application of methods and forms of information education in the scientific professional community. *Tendentsii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizatsiya, obshchestvo — 2025 = Current trends in the development of education system - 2025. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Cheboksary, Sreda, 2025:259–265. (In Russ.) DOI: 10.31483/r-150031.
13. Ushakov A. A. Modern technologies for implementing the trajectories of teacher self-development in crisis periods. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki = Scientific Review. Pedagogical science*. 2022;4:21–25. (In Russ.) DOI: 10.17513/srps.2437.
14. Glukhova L. V., Syrotyuk S. D., Korostelev A. A. The pedagogic requirements for the implementation of the knowledge transformation methodology. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic humanitarian journal*. 2016;5(3):203–206. (In Russ.)
15. Glukhova L. V., Syrotyuk S. D., Sherstobitova A. A., Gudkova S. A. Identification of Key Factors for a Development of Smart Organization. *Smart Education and e-Learning 2019. Conference proceedings*. Smart Innovation, Systems and Technologies; vol. 144. V. Uskov, R. Howlett, L. Jain (eds.). Singapore, Springer, 2019:595–607. DOI: 10.1007/978-981-13-8260-4_52.

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья

УДК 371.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1632

Irina Viktorovna Tsvetkova

Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Professor of the Department of History, Philosophy
and Military-Patriotic Education,
Togliatti State University
Togliatti, Russian Federation
aleksandr.kozlov@mail.ru

Ирина Викторовна Цветкова

д-р филос. наук, доцент,
профессор кафедры «История, философия
и военно-патриотическое воспитание»,
Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Российская Федерация
aleksandr.kozlov@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИЙ ШКОЛЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СЕООПРЕДЕЛЕНИИ ВЫПУСКНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ШКОЛ Г. ТОЛЬЯТТИ)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования функций школы для оценки профессионального самоопределения молодежи. Предметом исследования выступают функции школы в профессиональном самоопределении школьников, которые включают подготовку к профессиональному выбору, а также помощь в выборе профессии.

Цель исследования — характеристика функций школы в профессиональном самоопределении выпускников.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы опроса выпускников Тольятти ($N = 2\,437$), проведенного в 2026 г. Для оценки эффективности реализации функций использовались результаты аналогичного опроса 2019 г.

Гипотеза исследования: характеристика функций школы в профессиональном самоопределении выпускников зависит от влияния школы на формирование профессиональных интересов.

Результаты исследования показывают, что тольяттинские школы оказывают помощь большинству старшеклассников в формировании готовности к профессиональному выбору. Это находит проявление в формировании склонностей к наукам, самостоятельности, трудолюбия.

Признают влияние школы на профессиональные интересы 60 % выпускников, придерживаются противоположного мнения 40 % респондентов. Наблюдаются различия в пользу тех, кто признаёт влияние школы, в ответах на вопросы о выборе факультета, выборе профессии, о намерении добиваться целей в овладении профессией, информированности об условиях труда.

Сравнение результатов опроса 2026 г. с предыдущими исследованиями показывает, что наблюдается положительная динамика по информированности выпускников об условиях труда по выбранной профессии. Увеличилось количество выпускников, которые считают профориентационную работу в школе системной, помогающей осознанному выбору профессии.

Практическая значимость результатов состоит в организации мониторинга, способствующего повышению эффективности профориентационной работы школы.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, личностное самоопределение, выбор профессии, выпускники, профориентация, функции школы, готовность к выбору профессии, информирование, рынок труда, профессиональные интересы

Для цитирования: Цветкова И. В. Характеристика функций школы в профессиональном самоопределении выпускников (на примере школ г. Тольятти) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 359—363. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1632.

Original article

CHARACTERISTICS OF SCHOOL FUNCTIONS IN SCHOOL LEAVERS' PROFESSIONAL SELF-IDENTIFICATION (ON THE EXAMPLE OF SCHOOLS IN TOGLIATTI)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The relevance of this topic stems from the need to improve school functions in assessing the professional self-determination of young people. The subject of this study is the school's role in the professional self-determination of schoolchildren, which includes preparation for professional choice and assistance in choosing a profession.

The purpose of the study is to characterize the assessment of school functions in the professional self-determination of school leavers.

The empirical basis of the study consists of a survey of Togliatti school leavers ($N = 2\,437$), conducted in 2026. The results of a similar survey from 2019 were used to assess the effectiveness of these functions.

The study's hypothesis was that the assessment of school functions in the professional self-determination of school leavers depends on the school's influence on the development of professional interests.

The results of the study show that Togliatti schools assist the majority of high school students in developing their readiness for professional choice. This is reflected in the development of scientific inclinations, independence, and hard work. Sixty percent of school leavers acknowledge the influence of school on their professional interests, while 40% of respondents hold the opposite opinion. There are differences in responses to questions about faculty choice, career choice, intention to achieve career goals, and awareness of working conditions, favoring those who acknowledge school's influence.

A comparison of the 2026 survey results with previous studies shows a positive trend in school leavers' awareness of working conditions in their chosen profession. The number of school leavers who believe career guidance at school is systematic and facilitates an informed career choice has increased. The practical significance of these results lies in the organization of monitoring efforts to improve the effectiveness of school career guidance.

Keywords: professional self-determination, personal self-determination, career choice, school leavers, career guidance, school functions, readiness for career choice, information, labor market, professional interests

For citation: Tsvetkova I. V. Characteristics of school functions in school leavers' professional self-identification (on the example of schools in Togliatti). *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):359—363. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1632.

Введение

Актуальность. Для повышения качества профориентационной работы во всех российских школах с 1 сентября 2023 г. введена единая модель профессиональной ориентации, которая включает проведение профессиональных проб, дающих возможность школьникам выявить способности и склонности. Эти меры направлены на повышение эффективности мероприятий, способствующих профессиональному самоопределению школьников.

Изученность проблемы. Изучение профессионального самоопределения школьников ведется в направлении теоретического осмысления данного процесса, его этапов, значения для социализации. Теоретические аспекты профессионального самоопределения школьников и молодежи рассматривают О. В. Голубь, К. С. Бурова, И. В. Деметьев, В. А. Поляков, Н. С. Пряжников, С. Н. Чистякова и др. Характеристика понятия «профессиональное самоопределение» в контексте различных подходов представлена Л. О. Володиной и П. Н. Скахиной [1]. По мнению Т. В. Костаевой, профессиональное самоопределение включает формирование профессиональных намерений, а на завершающей — предвзятый выбор профессии [2].

Стадии профессионального самоопределения, проанализированные Н. Н. Биктиной, включают: формирование готовности к профессиональному выбору и выбор профессии. [3]. Т. Г. Кукулите и М. В. Лазарева отмечают, что стадии формирования готовности школьников к профессиональному выбору осложняется недостаточным осознанием личностных особенностей [4].

При анализе комплексной помощи школы в профессиональном самоопределении обучающихся Ю. Ю. Раянова подчеркивает значимость психолого-педагогического сопровождения, способствующего формированию позитивной установки на выбор профессии [5]. Н. М. Мельник считает, что школы уделяют недостаточное внимание развитию готовности школьников к ответственному выбору профессии [6].

Е. А. Рыбальская анализирует эффективность системы профессиональной ориентации в школе на основе организации предпрофильной подготовки, профильного обучения. [7]. Значимость партнерских отношений школ с предприятиями, вузами, колледжами при проведении профориентационных мероприятий рассмотрена в статье М. Г. Раджабова [8]. Содержание профориентационной работы школы, по мнению Ю. С. Бушлановой, состоит в оказании помощи обучаемым в выстраивании профессиональной траектории [9].

В реализации школой функций помощи в профессиональном самоопределении обучающихся исследователи выделяют ряд недостатков:

- проблемы выбора профиля для обучения в старших классах в соответствии с перспективами профессионального выбора проанализирована Н. М. Бардаковым [10];
- недостатки достоверной информации о вузах, об условиях труда по конкретной профессии изучены Н. В. Абрамовой [11];
- трудности формирования мотивации к построению траектории для овладения профессией рассматриваются Т. А. Ярковой с соавторами [12].

Совершенствование профориентационной работы школы, по мнению Т. И. Касьяновой с соавторами, зависит от современного научно-методического и организационного сопровождения, партнерских отношений со средними профессиональными образованиями, вузами, предприятиями и организациями [13]. В результате этого обучаемые имеют возможность получать информацию о рабочих местах, о ситуации на рынке труда, отмечают Т. М. Рожнецова и Е. И. Улагашева [14]. Значимость работы школы по ознакомлению школьников с востребованными рабочими профессиями обоснована в работе О. А. Старцевой [15]. Внедрение научных методик оценки готовности школьников к профессиональному самоопределению рассмотрено К. Г. Кузнецовым и О. Л. Кувшиновой [16].

Анализ публикаций по проблемам функций школы в профессиональной ориентации показывает, что в них главным образом уделяется внимание теоретическим аспектам профессионального самоопределения, анализу этапов, трудностям обучаемых в определении профессиональных интересов.

Целесообразность разработки темы состоит в том, что в контексте внедрения единой модели профессиональной ориентации эффективность функций школы в профессиональном самоопределении выпускников изучена недостаточно.

Цель исследования — характеристика функций школы в профессиональном самоопределении выпускников.

Задачи исследования включают:

- анализ функции школы в формировании готовности выпускников к профессиональному выбору и выбору профессии на основе материалов эмпирического исследования;
- изучение эффективности функций школы в профессиональном самоопределении выпускников на основе сравнения результатов за 2019—2026 гг.

Научной новизной обладают следующие результаты, полученные на основе опроса выпускников:

- выявлены количественные показатели функций школы в формировании готовности выпускников к профессиональному выбору;
- установлено, что оценка функций школы в профессиональном самоопределении выпускников зависит от влияния школы на формирование профессиональных интересов;
- определены количественные характеристики эффективности функций школы в профессиональном самоопределении выпускников на основе сравнения результатов опросов за 2019 и 2026 гг.

Теоретическая значимость результатов состоит в описании функций школы в профессиональном самоопределении с позиций старшеклассников, которые завершают обучение и могут оценить их эффективность.

Практическое значение результатов исследования. Показатели функций школы в профессиональном самоопределении выпускников могут найти применение в организации мониторинга для повышения эффективности профориентационной работы.

Основная часть

Методология и методы исследования. Эмпирической базой для оценки функций школы в профессиональном самоопределении выпускников послужили материалы опроса, проведенного в 67 школах Тольятти в 2026 г. Было получено 2 437 анкет, заполненных одиннадцатиклассниками. Среди респондентов 45 % юношей и 55 % девушек; 41 % опрошенных обучаются в статусных школах, а 59 % респондентов — в обычных.

При построении инструментария опроса учитывалась роль школы в определении склонностей школьников к предметам, в формировании самостоятельности, в выборе профессии. Анкета включала вопросы о выборе выпускниками факультета, профессии, информированности об условиях труда по профессии, общую оценку профориентационной работы в школе.

Аналогичное исследование проводилось в 2019 г., что дает возможность сравнить данные и проанализировать изменения, которые произошли в условиях профессионального самоопределения школьников за последние шесть лет.

Результаты исследования. Важной задачей школы является подготовка обучаемых к профессиональному выбору. Большинство опрошенных (83 %) считают, что школа помогла определить склонности к наукам (естественным, техническим, гуманитарным), а также научила быть самостоятельным, принимать решения (81 %). 76 % опрошенных признают влияние школы на формирование трудолюбия. Таким образом, школа, согласно ответам выпускников, оказывает положительное влияние на личностные качества, способствующие профессиональному выбору.

При сравнении данных 2026 г. с результатами опроса 2019 г. наблюдается значительная положительная динамика по формированию качеств, необходимых для профессионального выбора. Количество выпускников, считающих, что школа помогла определить склонности к наукам, сформировала самостоятельность, увеличилось на 14–15 %. Влияние школы на формирование трудолюбия выпускники отмечают на 18 % чаще, чем одиннадцатиклассники 2019 г.

В зависимости от влияния школы на профессиональные интересы участники опроса разделились на две группы. 60 % респондентов считают, что школа помогла опре-

делить профессиональные интересы, а 40 % выпускников придерживаются противоположной точки зрения. Количество выпускников, отмечающих значимость школы в формировании профессиональных интересов, увеличилось в полтора раза по сравнению с 2019 г. (37 %)

В школах Тольятти проводится большая работа по профессиональной ориентации выпускников в рамках мероприятий по предпрофильной подготовке, в профильных классах. Ее эффективность находит отражение в том, что на завершающем этапе обучения в школе 87 % респондентов выбрали факультет для обучения в вузе, 85 % респондентов определились с выбором профессии.

Ответы о выборе факультета и профессии выпускниками зависят от оценки влияния школы на профессиональное самоопределение. Среди респондентов, которые согласны с суждением о том, что школа помогла определить профессиональные интересы, 91 % респондентов выбрали факультет и профессию. А среди тех, кто не признает влияния школы на профессиональные интересы, только 80 % респондентов определились с выбором факультета, а 75 % опрошенных — с выбором профессии.

По результатам исследования 2026 г. число старшеклассников, не выбравших профессию, составляет 15 %. Данный показатель имеет тенденцию к незначительному снижению. Согласно опросу 2019 г., 17 % выпускников не выбрали профессию.

Вопрос о том, считают ли выпускники свой выбор профессии окончательным указывает на осознанность выбора, способность подростков выстроить профессиональную траекторию. Будут добиваться намеченных целей 53 % участников опроса. 25 % опрошенных считают выбор профессии окончательным при условии того, что найдут работу по специальности. 12 % опрошенных планируют попробовать себя в разных специальностях. 10 % одиннадцатиклассников ответили, что профессию не выбрали.

Две трети выпускников (64 %), утверждающих, что школа помогла в определении профессиональных интересов, имеют представление о профессиональной траектории, будут добиваться намеченных целей. Среди тех, кто не признает влияние школы на профессиональные интересы, в полтора раза меньше респондентов, которые уверены в своем выборе профессии (38 %).

В ответе вопрос: «Насколько Вы информированы о том, где Вы сможете работать после окончания учебы?» — две трети участников анкетирования (67 %) указали, что они достаточно информированы о занятости по выбранной профессии. 25 % респондентов информированы недостаточно. 8 % опрошенных не имеют определенных сведений о возможностях последующего трудоустройства.

Среди выпускников, которые считают, что школа помогла в определении профессиональных интересов, на 11 % больше чем в выборке, респондентов, которые хорошо информированы о будущем трудоустройстве (79 %). Подростки, которые отрицают влияние школы на их профессиональные интересы, чаще считают себя плохо или недостаточно информированными о будущем трудоустройстве.

В 2026 г. по сравнению с результатами 2019 г. на 23 % увеличилось количество респондентов, которые считают себя хорошо информированными об условиях работы по выбранной профессии.

Анализ ответа на вопрос: «Помогает ли Вам школа в выборе профессии?» — показывает, что 35 % респондентов характеризуют профориентационную работу как

системную, способствующую осознанному выбору профессии. Мнение о том, что некоторые мероприятия в рамках профориентационной работы полезны для выбора профессии, выражено в 33 % анкет. 13 % участников опроса считают, что профориентационная работа ведется хаотично, не помогает в выборе профессии. Затрудняются ответить на вопрос 18 % респондентов. Респонденты с низкими показателями успеваемости в полтора раза чаще затрудняются ответить на вопрос о качестве профориентационной работы, чем по выборке (26 %).

Половина выпускников (54 %), которые считают, что школа помогла определить профессиональные интересы, на 19 % чаще считают профориентационную работу системной и качественной. Среди одиннадцатиклассников, которые утверждают, что школа не способствует определению профессиональных интересов, напротив, в два раза больше респондентов утверждающих, что профориентационная работа ведется хаотично (26 %), либо затрудняются ответить на вопрос (31 %).

Сравнение данных в 2019 и в 2026 гг. показывает, что за шесть лет в два раза увеличилось количество респондентов, которые считают профориентационную работу школах системной, дающей возможность сделать осознанный выбор профессии (35 %). На 6 % сократилось количество выпускников, которые затрудняются оценить качество профориентационной работы (18 %).

Заключение, выводы

Анализ материалов опроса по изучению функций школы в профессиональном самоопределении выпускников показывает, что школа оказывает значительное влияние на формирование готовности к выбору профессии. Большинство старшеклассников признает, что школа способствует

ет формированию самостоятельности, трудолюбия. Школа помогает определить склонность к наукам, что имеет значение для выбора профильной подготовки в старших классах.

Значимость функций школы для определения профессиональных интересов признают 60 % респондентов, соответственно, 40 % выпускников его отрицают. Сравнение ответов этих групп позволило оценить функции школы в выборе профессии.

Среди выпускников, которые признают влияние школы на профессиональные интересы, больше, чем по выборке, тех, кто определился с факультетом для обучения в вузе, выбрал профессию, готов добиваться намеченных целей в освоении профессии, лучше информирован об условиях труда по профессии. В этой категории больше половины респондентов положительно оценивают профориентационную работу школы, считая ее системной, дающей возможность сделать осознанный выбор профессии.

Сравнение результатов опроса 2026 г. с материалами 2019 г. дает возможность динамику эффективности работы тольяттинских школ по профессиональному самоопределению выпускников.

Несмотря на усилия школ Тольятти по совершенствованию профориентационной работы, количество выпускников, не выбравших профессию, остается стабильным в последние десять лет и составляет 15 %. Однако в 2026 г., по сравнению с 2019 г., на 23 % увеличилось количество выпускников, которые хорошо информированы об условиях труда по выбранной профессии. О повышении эффективности профориентационной работы свидетельствует то, что за последние шесть лет в два раза увеличилось количество выпускников, которые оценивают ее как системную, позволяющую сделать осознанный выбор профессии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Володина Л. О., Скахина П. Н. Профессиональное самоопределение обучающихся психолого-педагогических классов в системе непрерывного педагогического образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. № 5(95). С. 151—169. DOI: 10.24412/2224-0772-2023-95-151-169.
2. Костаева Т. В. Профессионально-личностное самоопределение школьников: теоретический аспект // Вестник науки и образования. 2019. № 8-3(62). С. 23—26.
3. Биктина Н. Н. К вопросу о профессиональном самоопределении школьников // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 4. С. 286—289.
4. Кукулите Т. Г., Лазарева М. В. Факторы профессионального самоопределения старших школьников // Человек и образование. 2024. № 1. С. 132—140. DOI: 10.54884/1815-7041-2024-78-1-132-140.
5. Раянова Ю. Ю. Формирование социальных установок в процессе психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения старших школьников // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 1(31). С. 108—113. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.31.108.
6. Мельник Н. М. Интеллектуально-информационная поддержка профессионального самоопределения школьника // Наука и школа. 2021. № 1. С. 182—189. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-1-182-189.
7. Рыбальская Е. А. Профессиональное самоопределение школьников // Экономика и социум. 2018. № 6(49). С. 1534—1541.
8. Раджабов М. Г. Исследование профессионального самоопределения школьников профильных классов // Образование и право. 2019. № 12. С. 185—196.
9. Бушланова Ю. С. Использование цифрового учебно-методического комплекса «Школа skills. pro профессии» в работе по профессиональному самоопределению старшеклассников // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2021. № 4(58). С. 95—107. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-307.
10. Бардакова Н. М. Профессиональное самоопределение школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 59. Ч. 3. С. 64—67.
11. Абрамова Н. В. Профессиональное самоопределение школьников: социологический подход // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 43—47. DOI: 10.24158/spp.2022.12.5.
12. Яркова Т. А., Черкасова И. И., Жданова Т. Н. Профессиональный выбор современных школьников как психолого-педагогическая проблема // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 5(217). С. 98—104. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-5-98-104.

13. Касьянова Т. И., Мальцев А. В., Шкурин Д. В. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 168—187. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-168-187.
14. Рожнецова Т. М., Улагашева Е. И. Роль профориентационной работы в профессиональном самоопределении школьников // Образование. Карьера. Общество. 2024. № 4(83). С. 63—65.
15. Старцева О. А. Новые подходы к организации профориентационной работы в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» // Образование. Карьера. Общество. 2025. № 1(84). С. 13—16.
16. Кузнецов К. Г., Кувшинова О. Л. Методика оценки готовности школьников к профессиональному самоопределению // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 1(48). С. 88—111. DOI: 10.52944/PORT.2022.48.1.006.

REFERENCES

1. Volodina L. O., Skakhina P. N. Professional self-determination of schoolchildren in the context of continuing pedagogical education. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and foreign pedagogy*. 2023;5(95):151—169. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2023-95-151-169.
2. Kostaeva T. V. Professional and personal self-determination of school students: theoretical aspect. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2019;8-3(62):23—26. (In Russ.)
3. Biktina N. N. To the question about professional self-determination of schools. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimut of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2021;10(4):286—289. (In Russ.)
4. Kukulite T. G., Lazareva M. V. Factors of high school students' professional self-determination. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*. 2024;1:132—140. (In Russ.) DOI: 10.54884/1815-7041-2024-78-1-132-140.
5. Rayanova Ju. Ju. Social guidelines formation in the process of psychological and pedagogical support of senior school students' professional self-determination. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = Russian journal of social sciences and humanities*. 2018;1(31):108—113. (In Russ.) DOI: 10.17238/issn1998-5320.2018.31.108.
6. Melnik N. M. Intellectual and information support of professional self-determination of a schoolchild. *Nauka i Shkola = Science and School*. 2021;1:182—189. (In Russ.) DOI: 10.31862/1819-463X-2021-1-182-189.
7. Rybalskaya E. A. Professional self-determination of schoolchildren. *Ekonomika i sotsium*. 2018;6(49):1534—1541. (In Russ.)
8. Radzhabov M. G. Study of professional self-determination of pupils in specialized classes. *Obrazovanie i pravo*. 2019;12:185—196. (In Russ.)
9. Bushlanova Yu. S. Application of digital educational and methodological complex "School skills. Pro Professions" in the work on professional identification of high schoolers. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2021;4(58):95—107. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-307.
10. Bardakova N. M. Professional self-determination of schoolchildren. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2018;59(3):64—67. (In Russ.)
11. Abramova N. V. Professional self-determination of schoolchildren: sociological approach. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2022;12:43—47. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2022.12.5.
12. Yarkova T. A., Cherkasova I. I., Zhdanova T. N. Professional choice of modern school students as a psychological and pedagogical problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2021;5(217):98—104. (In Russ.) DOI: 10.23951/1609-624X-2021-5-98-104.
13. Kasyanova T. I., Maltsev A. V., Shkurin D. V. High school students' professional self-determination as a social problem. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018;20(7):168—187. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-168-187.
14. Rozhentseva T. M., Ulagasheva E. I. The role of career guidance in schoolchildren's career self-determination. *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*. 2024;4(83):63—65. (In Russ.)
15. Startseva O. A. New Approaches to Organizing Career Guidance within the Framework of the Federal Project "Professionalism". *Obrazovanie. Kar'era. Obshchestvo*. 2025;1(84):13—16. (In Russ.)
16. Kuznetsov K. G., Kuvshinova O. L. A methodology of readiness assessment for professional self-determination of school students. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda = Vocational Education and Labor Market*. 2022;1(48):88—111. (In Russ.) DOI: 10.52944/PORT.2022.48.1.006.

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 07.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 07.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 37.035.6
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1627

Alevtina Pavlovna Yaroshinskaya
Doctor of Biology, Associate Professor,
Professor
of the Department of Educational Technologies
in Physical Culture and Sports,
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russian Federation
ayaroshinskaya@mail.ru

Victoria Nikolaevna Karpenko
Senior teacher
of the Department of Educational Technologies
in Physical Culture
and Sports,
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russian Federation
viktoria.tkacheva@mail.ru

Алевтина Павловна Ярошинская
д-р биол. наук, доцент,
профессор кафедры образовательных технологий
физической культуры и спорта,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация
ayaroshinskaya@mail.ru

Виктория Николаевна Карпенко
старший преподаватель
кафедры образовательных технологий
физической культуры и спорта,
Астраханский государственный университет
им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация
viktoria.tkacheva@mail.ru

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ СРЕДСТВАМИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СРЕДИ СТУДЕНТОВ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию принципов организации формирования гражданской идентичности в молодежной среде средствами воспитательной работы среди студентов в условиях трансформации ценностно-нормативных ориентиров современного российского общества. В работе представлен всесторонний анализ феномена гражданской идентичности в контексте молодежных социокультурных практик с учетом современных тенденций развития высшего образования и цифровизации общественных отношений. Особое внимание уделено изучению содержательных и структурных компонентов гражданской культуры студентов и их влиянию на процессы социализации. На основе теоретико-эмпирического анализа систематизированы и категоризированы ключевые факторы формирования гражданской идентичности студенческой молодежи, определены педагогические ресурсы и механизмы, способствующие конструктивной гражданской социализации. Проанализированы особенности взаимосвязи ценностно-эмоциональных, когнитивных и деятельностных компонентов гражданской идентичности представителей молодежной среды, их политических взглядов и форм гражданской активности. Выявлены значимые корреляции между уровнем сформированности

гражданской культуры, ценностных ориентаций и готовности к участию в гражданских практиках. Детально рассмотрены механизмы воспитательной работы в университете и их влияние на формирование гражданской идентичности студентов. Предложена интегративная модель формирования гражданской идентичности, включающая аксиологический, когнитивный, деятельностный и рефлексивный компоненты, адаптированная к особенностям различных категорий студенческой молодежи. Обоснована необходимость дифференцированного подхода к воспитательной работе с учетом специфики поколенческих характеристик студентов. Результаты исследования свидетельствуют об эффективности воспитательных стратегий, основанных на принципах системности, культуросообразности и субъектности, что имеет существенное значение для развития научно обоснованных подходов к формированию гражданской идентичности в молодежной среде.

Ключевые слова: гражданская идентичность, воспитательная работа, студенческая молодежь, гражданская культура, гражданская активность, патриотическое воспитание, ценностные ориентации, социализация, компетентностный подход, поколение Z, субъектность

Для цитирования: Ярошинская А. П., Карпенко В. Н. Принципы организации формирования гражданской идентичности в молодежной среде средствами воспитательной работы среди студентов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 364—369. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1627.

Original article

PRINCIPLES OF ORGANIZING FORMATION OF CIVIC IDENTITY IN YOUTH BY MEANS OF EDUCATIONAL WORK AMONG STUDENTS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article is dedicated to a comprehensive study of the principles of organizing formation of civic identity in youth by means of educational work among students in the context of transforming value-normative orientations of modern Russian society. The work presents a thorough analysis of the phenomenon of civic identity in the context of youth socio-cultural practices, taking into account contemporary trends in the development of higher education and the digitalization of social relations. Special attention is paid to the study of the content and structural components of students' civic culture and their influence on socialization processes. Based on theoretical and empirical analysis, key factors in the formation of civic identity in student youth are systematized and categorized, and pedagogical resources and mechanisms contributing to constructive civic socialization are identified. The interrelationship between value-emotional, cognitive, and activity-based components of civic identity of the young, their political views, and forms of civic activity is analyzed. Significant correlations are

revealed between the level of formed civic culture, value orientations, and readiness to participate in civic practices. The mechanisms of educational work at the university and their influence on the formation of students' civic identity are examined in detail. An integrative model of civic identity formation is proposed, including axiological, cognitive, activity-based, and reflexive components, adapted to the specifics of various categories of student youth. The necessity of a differentiated approach to educational work, considering the generational characteristics of students, is substantiated. The research results indicate the effectiveness of educational strategies based on the principles of systematicity, cultural conformity, and subjectivity, which is of significant importance for the development of scientifically grounded approaches to formation of civic identity in youth.

Keywords: civic identity, educational work, student youth, civic culture, civic activity, patriotic education, value orientations, socialization, competence-based approach, generation Z, subjectivity

For citation: Yaroshinskaya A. P., Karpenko V. N. Principles of organizing formation of civic identity in youth by means of educational work among students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):364—369. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1627.

Введение

Актуальность. Обращение к феномену гражданской идентичности юношества детерминировано масштабной институциональной трансформацией и переформатированием аксиологических доминант отечественного социума. Динамизм эволюции молодежных объединений, а также их возросший потенциал влияния на процессы социализации и обретения индивидом гражданских ориентиров диктуют императивность глубокой теоретической рефлексии и проектирования действенных векторов воспитательной деятельности. Как акцентируют Х.-А. С. Халадов и В. В. Леонов, средообразующий потенциал вуза выступает фундаментальным условием конструирования гражданской идентичности молодежи [1]. Актуальность проблемы многократно возрастает на фоне изменения ценностно-нормативных матриц и актуальных вызовов молодежной политики, сопряженных с трансформацией форматов гражданского участия [2; 3].

Изученность проблемы. Концептуально-методологическая база исследования феномена гражданской идентичности выстраивается на междисциплинарном синтезе. В частности, специфика государственно-гражданской самоидентификации российских студентов стала предметом глубокого анализа И. И. Болотиной [2], разграничившей теоретико-эмпирические аспекты конструирования гражданской общности. Историко-педагогическая ретроспектива проблемы эксплицирована в трудах А. М. Аллагулова и Т. В. Челпаченко [3], обосновавших генезис патриотического воспитания как базисного фактора становления гражданственности. В свою очередь, политические ориентиры обучающихся, выступающие катализатором их включения в гражданские практики, проанализированы Е. А. Ирсе-

ской и О. В. Китайцевой [4], выявившими взаимозависимость гражданской позиции от специфики политической социализации.

Проблематика гражданской идентичности в условиях поликультурного образовательного пространства, осмысливаемая сквозь призму идей В. А. Сухомлинского, раскрыта Н. А. Иванищевой [5]. Базовые принципы интеграции гражданского воспитания в образовательные программы систематизированы В. Н. Супруненко [6], тогда как проектная деятельность как инструмент формирования идентичности обоснована Н. И. Кашиным с соавторами [7]. Содержательные параметры общероссийской гражданской идентичности и барьеры ее развития детально эксплицированы А. Ю. Полуновым [8], трактующим ее как полиморфный конструкт, требующий комплексного педагогического патронажа. Культуросообразная и социо-когнитивная логика воспитательной работы в университете предложена О. В. Стукаловой [9]. Специфика патриотического воспитания подрастающего поколения в современной школьной среде раскрыта С.В. Кузьминой [10], а педагогический ресурс краеведения для развития гражданской идентичности описан А. В. Зулхарнаевой [11]. Процессуальные характеристики формирования российской идентичности школьников смоделированы И. Н. Шухат и А. Н. Кохичко [12]. Механизмы конструирования идентичности студенческой молодежи проанализированы М. Х. Хайбулаевым с соавторами [13]. В качестве дисциплинарного воспитательного ресурса курса «Основы российской государственности» в высшей школе выступает предмет исследования Т. А. Борзовой [14], а роль изучения государственно-конфессиональных отношений в патриотическом воспитании студентов обоснована Т. А. Чумаченко [15].

Целесообразность разработки темы продиктована острой потребностью выстраивания консолидированного механизма становления гражданского самосознания юношества перед лицом актуальных социокультурных вызовов и трансформированных практик гражданского участия, детерминированных цифровой трансформацией социума. Как свидетельствует анализ эмпирических данных, университетская воспитательная среда способна стать мощным катализатором развития гражданственности, однако в условиях дефицита системной организации она рискует превратиться в площадку для актуализации деструктивных трендов. Из чего вытекает объективная необходимость — как в теоретическом, так и в прикладном аспектах — спроектировать организационно-педагогические основания воспитания гражданской идентичности, которые отвечали бы ценностно-нормативному своеобразие и поведенческим спецификам разных групп студенчества.

Научная новизна исследования обеспечивается за счет конструирования синтетической модели становления гражданской идентичности юношества посредством воспитательного инструментария, фундаментом для которой послужило объединение аксиологического, компетентностного и культуросообразного векторов. Конкретизируя отличия от ранее выполненных изысканий, следует выделить следующие полученные впервые результаты:

- специфицированы организационно-педагогические принципы выстраивания воспитательного процесса, ориентированные на возрастную-поколенческую специфику современного студенчества;
- эксплицировано структурно-смысловое наполнение гражданской культуры обучающихся сквозь призму компетентностной парадигмы;
- сформулирована синтетическая концепция становления гражданской идентичности, фундированная объединением аксиологического, когнитивного, деятельностного и рефлексивного ракурсов;
- эмпирически подтверждена продуктивность полимодального применения воспитательных техник, адаптированных к социо-когнитивным паттернам конструирования гражданской сопричастности.

Цель исследования — разработка и обоснование принципов организации формирования гражданской идентичности в молодежной среде средствами воспитательной работы среди студентов на основе интеграции аксиологического, компетентностного и культуросообразного подходов.

Задачи исследования:

- 1) эксплицировать социально-педагогические детерминанты конструирования гражданского самосознания юношества;
- 2) типологизировать специфику гражданской идентичности, присущей отдельным стратам студенческого социума;
- 3) проанализировать корреляционную зависимость между аксиологически-эмоциональным фундаментом обучающихся и их включенностью в гражданские практики;
- 4) сконструировать синтетическую модель становления гражданской идентичности посредством воспитательного инструментария;
- 5) предложить прикладные ориентиры для внедрения воспитательных стратегий, адаптированных под социокультурное своеобразие молодежных групп.

Теоретическая значимость исследования работы проистекает из расширения границ научно-педагогического видения механизмов становления гражданственности юношества, а также из обобщения эмпирико-теоретических данных о детерминантах и ресурсном потенциале воспитательного процесса в логике гражданской социализации. Итоги изыскания обогащают концептуальный аппарат теории гражданского воспитания, социальной педагогики юношеского возраста и педагогики высшей школы. Сконструированная синтетическая модель выступает средством преодоления дискретности наличествующих подходов, обеспечивая целостное видение проблемы.

Практическая значимость исследования работы задается перспективами внедрения спроектированной модели и методического аппарата в практико-ориентированную деятельность вузов, молодежных объединений и профильных учреждений социальной сферы. Материалы продуктивно интегрируются в образовательный контекст при подготовке кадровых резервов по направлениям «Педагогика», «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью».

Основная часть

Реконструкция теоретико-научного базиса по проблеме гражданской идентификации юношества послужила фундаментом для выстраивания концептуального каркаса изыскания и проектирования доминантных векторов воспитательной деятельности. Установленные в ходе аналитического обзора социально-педагогические предикторы, типологическое своеобразие студенческих сообществ и опосредующие механизмы их воздействия на ценностно-нормативные матрицы стали той опорой, на которой базируются организационно-педагогические принципы воспитания.

Современный дискурс гражданского воспитания акцентирует императивность поликонцептуального подхода, где синхронизируются индивидуально-психологическая и социокультурная плоскости анализа [10; 12]. Существенный вес приобретает проектирование методических конструкторов, гарантирующих культуросообразность педагогических влияний. Наряду с этим фокус внимания смещается с исключительного доминирования когнитивного компонента в сторону ценностно-эмоционального измерения, эндогенной мотивации и предрасположенности к гражданскому действию студенческого контингента.

Психологическое обеспечение и менеджмент гражданской социализации выступают в роли ключевых факторов формирования идентичности. Эмпирический опыт убеждает в значимости персонифицированного подхода, адаптированного под специфику конкретных страт студенчества и психологические портреты самих обучающихся. Как аргументируют О. В. Стукалова и М. Х. Хайбулаев, игнорировать поколенческую специфику и социо-когнитивные паттерны молодежи недопустимо, что диктует необходимость применения диверсифицированных техник.

Рефлексия имеющихся воспитательных программ обнаружила их очевидные дефициты — в первую очередь, фрагментарный учет поколенческого фактора и аксиологических ориентиров аудитории. Данный дефицит легитимизировал потребность в проектировании и эмпирической верификации интегративной модели гражданского становления, фундированной принципами системности, культуросообразности и субъектности.

Методология исследования. Методологический каркас исследования базируется на сетке следующих подходов:

- аксиологическая парадигма, в рамках которой конструирование гражданской идентичности трактуется как процесс интериоризации ценностей гражданского общества [10; 12];

- компетентностный ракурс [6], задающий вектор формирования гражданской компетентности как интегративно-го личностного конструкта студента;

- культуросообразная стратегия [11], детерминирующая рассмотрение воспитательной деятельности вуза как механизма трансляции культурного опыта в контекст гражданской социализации;

- системная оптика, трактующая становление гражданственности как многоуровневый процесс контекстного взаимодействия элементов воспитательной экосистемы.

Принципы организации формирования гражданской идентичности. На основе анализа теоретических источников нами была разработана система принципов организации формирования гражданской идентичности в молодежной среде средствами воспитательной работы среди студентов. Данная система представляет собой совокупность научно обоснованных положений, определяющих цели, содержание, методы и технологии воспитательной деятельности.

1. **Принцип культуросообразности.** Воспитательная работа по формированию гражданской идентичности должна строиться с учетом социокультурного контекста и культурных традиций общества. Как подчеркивает О. В. Стукалова, культуросообразный процесс обучения и воспитания в университете должен учитывать социо-когнитивные механизмы формирования гражданской принадлежности. Данный принцип предполагает интеграцию культурного опыта в воспитательную практику и создание условий для осмысления студентами культурных основ гражданской идентичности.

2. **Принцип субъектности.** Эффективность формирования гражданской идентичности определяется активной позицией студентов в процессе воспитательной деятельности. Привлечение молодежи к разработке и реализации гражданских проектов повышает их результативность. Данный принцип предполагает переход от объектной к субъектной позиции студента в воспитательном процессе, что особенно значимо для представителей поколения Z, характеризующихся высокой потребностью в самостоятельности и цифровом самоопределении.

3. **Принцип дифференциации.** Воспитательные стратегии должны разрабатываться с учетом типологии студенческих групп, их поколенческих характеристик и специфических факторов формирования гражданской идентичности. Политические взгляды и формы гражданской активности различных категорий студенчества требуют дифференцированного педагогического подхода. Для каждого типа студенческих групп необходим соответствующий комплекс воспитательных мер.

4. **Принцип интегративности.** Формирование гражданской идентичности требует координации усилий различных субъектов воспитательной деятельности: образовательных организаций, молодежных объединений, общественных организаций. Данный принцип предполагает межведомственное взаимодействие и социальное партнерство в организации воспитательной работы.

5. **Принцип аксиологической направленности.** Воспитательная работа должна базироваться на системе гражданских ценностей и обеспечивать формирова-

ние ценностно-эмоционального компонента гражданской идентичности. Содержательные аспекты общероссийской гражданской идентичности должны стать основой построения воспитательных программ.

Модель формирования гражданской идентичности в молодежной среде. Опираясь на выявленные методологические принципы, мы спроектировали модель конструирования гражданского самосознания в молодежной среде посредством воспитательного инструментария, структурно объединяющую следующие соподчиненные блоки:

1. *Целевой блок* задает стратегический вектор (обретение студентами устойчивой гражданской идентичности) и комплекс тактических ориентиров (развитие гражданской компетентности, эмоционально-ценностное приобщение к гражданскому сообществу, погружение в практики гражданского участия, стимулирование критического мышления).

2. *Диагностическое звено* предусматривает многоуровневую оценку степени зрелости гражданской идентичности, а также проецирование ценностных доминант и общественной активности обучающихся. Аналитический срез реализуется в трех плоскостях:

- инвентаризация гражданских ресурсов вуза;
- скрининг специфик референтного окружения студента;
- изучение личностно-психологических параметров гражданской самоидентификации.

3. *Содержательный модуль* аккумулирует ключевые векторы воспитательного воздействия:

- когнитивно-просветительский вектор (овладение знаниями о правах, обязанностях и социальных институтах гражданина);
- аксиологический вектор (выстраивание иерархии гражданских ценностей и поведенческих паттернов);
- операционально-практический вектор (вовлечение в социально значимое действие и общественные инициативы);
- рефлексивный вектор (переосмысление индивидуального гражданского опыта и формирование персональной ответственности).

4. Технологический каркас образует инструментарий методов, форматов и техник педагогического сопровождения:

- социально-педагогический инструментарий (тренинги гражданского действия, дискуссионные клубы, формат дебатов);
- проектная деятельность (вовлечение обучающихся в проектирование и реализацию общественно значимых инициатив);
- цифровые практики (создание проективного граждански-ориентированного контента в медиасреде);
- культуросообразные формы (преломление культурно-исторического наследия сквозь призму воспитательного процесса).

5. *Оценочно-результативный блок* операционализирует индикаторы продуктивности воспитательного процесса:

- когнитивный индикатор (степень освоения информации о гражданских нормах и структурах);
- эмоционально-аксиологический индикатор (зрелость гражданских установок и ценностных ориентаций);
- практикоориентированный индикатор (мера включенности в социальное действие).

Выводы

Обобщение материалов проведенного изыскания дает основание для следующих заключений:

1. Генезис гражданской идентичности в молодежной среде выступает многоаспектным и нелинейным феноменом, имплицитно персонифицированную стратегию выстраивания воспитательной работы. Данная стратегия немыслима без учета поколенческой специфики и ценностно-нормативных паттернов, присущих дифференцированным группам современного студенчества.

2. Ключевыми детерминантами формирования гражданской идентичности выступают: ценностно-эмоциональное отношение к гражданскому сообществу, политические взгляды и гражданская активность, компетентностные характеристики гражданской культуры, культуросообразность воспитательной среды.

3. Система принципов организации формирования гражданской идентичности базируется на принципах культуросообразности, субъектности, дифференциации, интегративности и аксиологической направленности, что обеспечивает комплексный подход к воспитательной работе среди студентов;

4. Разработанная модель формирования гражданской идентичности, включающая целевой, диагностический, содержательный, технологический и оценочно-результативный компоненты, позволяет систематизировать воспитательную работу и обеспечить ее эффективность.

5. Эффективность формирования гражданской идентичности определяется учетом новых вызовов молодежной политики, региональной специфики и содержательных аспектов общероссийской гражданской идентичности.

Практические рекомендации

1. Педагогическому корпусу образовательных организаций:

- опираться на персонализированные стратегии воспитательного взаимодействия, адаптированные к поколенческой специфике обучающихся;
- обеспечивать среду, благоприятствующую раскрытию конструктивного ресурса гражданско-ориентированных инициатив;
- конструировать образовательные маршруты становления гражданской компетентности, фундированные компетентностной парадигмой.

2. Сотрудникам молодежных центров и профильных объединений:

- вовлекать юношество в процессы концептуализации и практического менеджмента проектов гражданской направленности;
 - инициировать функционирование деятельностных и дискуссионных платформ, стимулирующих общественную самостоятельность и самовыражение;
 - адаптировать воспитательные форматы под актуальные вызовы и тренды современной молодежной политики.
3. Институтам управления образовательным процессом:
- интегрировать в систему дополнительного профессионального образования педагогов содержательные модули, сфокусированные на проблематике гражданской идентификации;
 - курировать разработку межинституциональных проектов в сфере гражданского воспитания;
 - выступать инициаторами создания профильных ресурсных хабов, консолидирующих научно-методический инструментарий гражданского просвещения юношества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Халадов Х.-А. С., Леонов В. В. Создание воспитывающей среды вуза в целях формирования гражданской идентичности молодежи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2024. № 5(188). С. 12—20.
2. Болотина И. И. Состояние государственно-гражданской идентичности в среде студенческой молодежи РФ: теоретический и прикладной аспекты // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 92—105.
3. Аллагулов А. М., Челпаченко Т. В. Генезис патриотического воспитания в отечественной теории и практике образования // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2024. Т. 21. № 4. С. 97—110. DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2024.4.7.
4. Ирсетская Е. А., Китайцева О. В. Политические взгляды студенческой молодежи, как основание для участия в различных формах гражданской активности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2024. № 4. С. 115—125. DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-115-125.
5. Иванищева Н. А. Гражданская идентичность в поликультурном образовательном пространстве в контексте идей В. А. Сухомлинского // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 3(239). С. 47—54.
6. Супруненко В. Н. Интеграция принципов гражданского воспитания в программе образования младших школьников // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2021. № 4. С. 110—120.
7. Кашин Н. И., Пономарева Е. Г., Петровских О. Н. Формирование основ гражданской идентичности у младших школьников средствами проектной деятельности // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 123—129. DOI: 10.26170/ro20-03-14.
8. Полунов А. Ю. Содержательные аспекты общероссийской гражданской идентичности: проблемы и перспективы развития // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 4. С. 610—618. DOI: 10.21638/spbu23.2023.407.
9. Стукалова О. В. Современные аспекты культуросообразного процесса обучения и воспитания в университете в контексте социо-когнитивного подхода // Казанский педагогический журнал. 2021. № 6(149). С. 13—19.
10. Кузьмина С. В. Формирование патриотизма у подрастающего поколения в современной школьной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 212—216. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-2-212-216.
11. Зулхарнаева А. В. Педагогические условия реализации воспитательного потенциала краеведения с цепью развития гражданской идентичности личности // Нижегородское образование. 2022. № 3. С. 74—81.

12. Шухат И. Н., Кохичко А. Н. Формирование российской гражданской идентичности школьников как педагогический процесс // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4А. С. 442—456.
13. Хайбулаев М. Х., Асваров Н. А., Салманова Д. А., Сулейманова Р. В. Механизмы формирования российской идентичности студенческой молодежи // Chronos. 2022. Т. 7. № 11. С. 48—54.
14. Борзова Т. А. Дисциплина «Основы российской государственности» как базовый воспитательный потенциал образовательного процесса современной высшей школы // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3(106). С. 42—45. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-42-45.
15. Чумаченко Т. А. Роль изучения государственно-конфессиональных отношений в истории России в патриотическом воспитании студенческой молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2023. № 2(174). С. 212—235. DOI: 10.25588/CSPU.2023.174.2.013.

REFERENCES

1. Khaladov Kh.-A., Leonov V. The creation of the educational environment at the university in order to form the civic identity of youth. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2024;5(188):12—20. (In Russ.)
2. Bolotina I. I. The state-civil identity among the student youth of the Russian Federation: theoretical and applied aspects. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2021;1:92—105. (In Russ.)
3. Allagulov A. M., Chelpachenko T. V. Genesis of patriotic education in domestic theory and practice of education. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki = Vestnik of Samara State Technical University Psychological and Pedagogical Sciences*. 2024;21(4):97—110. (In Russ.) DOI: 10.17673/vsgtu-pps.2024.4.7.
4. Irsetskaya E. A., Kitaitseva O. V. Political views of student youth as the basis for participation in various forms of civic activity. *Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie» = RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*. 2024;4:115—125. (In Russ.) DOI: 10.28995/2073-6401-2024-4-115-125.
5. Ivanishcheva N. A. Civil identity in polycultural educational space in the context of V. A. Sukhomlinsky. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2023;3(239):47—54. (In Russ.)
6. Suprunenko V. N. Integration of the principles of the civil education model into the younger pupils training program. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2021;4:110—120. (In Russ.)
7. Kashin N. I., Ponomareva E. G., Petrovskikh O. N. Shaping civic identity in young schoolchildren by means of project activity. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2020;3:123—129. (In Russ.) DOI: 10.26170/po20-03-14.
8. Polunov A. Yu. Content aspects of all-Russian civil identity: Problems and development prospects. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political Expertise: POLITEK*. 2023;19(4):610—618. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu23.2023.407.
9. Stukalova O. Modern aspects of the culturally related process of teaching and education at the university in the context of the socio-cognitive approach. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2021;6(149):13—19. (In Russ.)
10. Kuzmina S. V. Formation of patriotism among the younger generation in the modern school environment. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2021;21(2):212—216. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-2-212-216.
11. Zulkharnayeva A. V. Pedagogical conditions for the realization of the educational potential of the study of the local lore for the development of the individual's civic identity. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Nizhny Novgorod Education*. 2022;3:74—81. (In Russ.)
12. Shukhat I. N., Kokhichko A. N. The formation of the Russian civic identity of schoolchildren as a pedagogical process. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2022;12(4A):442—456. (In Russ.)
13. Khaibulaev M. Kh., Asvarov N. A., Salmanova Ja. A., Suleymanova R. V. Mechanisms of formation of the Russian identity of students. *Chronos*. 2022;7(11):48—54. (In Russ.)
14. Borzova T. A. Discipline "Fundamentals of Russian Statehood" as a basic educational potential of the educational process of modern high school. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2024;3(106):42—45. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-42-45.
15. Chumachenko T. A. The role of studying state-confessional relations in the history of Russia in the patriotic education of student youth. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 2023;2(174):212—235. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2023.174.2.013.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья

УДК 373.51

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1582

Svetlana Olegovna Altukhova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Informatics,
Information Technologies and Information Security,
Lipetsk State
Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russian Federation
sv_altuhova@mail.ru

Anastasia Andreevna Altukhova

Student of the Institute of Philology,
field of training
44.03.05 — Pedagogical education
(with two training profiles),
profile: Russian language and additional education:
English, translation and Translation studies,
Lipetsk State
Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russian Federation
asya_alt@mail.ru

Zoya Alexandrovna Kononova

Candidate of Engineering,
Associate Professor of the Department of Informatics,
Information Technologies and Information Security,
Lipetsk State
Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
Lipetsk, Russian Federation
kononovazoy@gmail.com

Светлана Олеговна Алтухова

канд. пед. наук,
доцент кафедры информатики,
информационных технологий и защиты информации,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Российская Федерация
sv_altuhova@mail.ru

Анастасия Андреевна Алтухова

студент института филологии,
направление подготовки
44.03.05 — Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки),
профиль: русский язык и дополнительное образование:
английский язык, перевод и переводоведение,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Российская Федерация
asya_alt@mail.ru

Зоя Александровна Кононова

канд. техн. наук,
доцент кафедры информатики,
информационных технологий и защиты информации,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского
Липецк, Российская Федерация
kononovazoy@gmail.com

ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКОВ УЧАСТИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена формированию навыков участия школьников в избирательном процессе через реализацию игровых ситуаций на основе применения обучающей игры. Реализуемая игровая деятельность позволяет направить педагогическое воздействие на формирование личности, мотивации учения, развитие коммуникативных способностей и других компетенций через приобретение социальных навыков общения и сотрудничества. Это в конечном результате позволит в нестандартной форме познакомиться с основополагающими принципами организации избирательного процесса в России и процедурой выборов.

Представленная в статье обучающая игра реализует две игровые линии. Первая — школьники, одна часть которых играет роль представителей политических партий, а другая — электората. Вторая игровая линия — члены жюри, которые осуществляют «общественный контроль» над процедурой выборов. Цель игры — набрать наибольшее количество голосов электората, которая достигается за счет включенности игроков в публичные выступления

и дискуссии по проблемам современной действительности, что в свою очередь способствует развитию ораторских способностей и коммуникативных навыков.

Обучающая игра состоит из двух этапов: представление идеологий партий и политическая борьба, в ходе которых осуществляются отработка навыков участия школьников в избирательном процессе и проверка их знаний по разделам обществознания.

Применение разработанной обучающей игры в процессе обобщения знаний на уроках обществознания или во внеурочной деятельности, организованной и построенной в максимальном приближении к реальному избирательному процессу, способствует формированию у обучающихся гражданской позиции и осознанию своего влияния на развитие общества и своей страны.

Ключевые слова: игровая технология, обучение, игра, обучающая игра, избирательный процесс, выборы, молодежь, политическая активность, обществознание, формирование навыков, электоральная грамотность

Для цитирования: Алтухова С. О., Алтухова А. А., Кононова З. А. Игровые технологии как инструмент формирования навыков участия школьников в избирательном процессе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 370—375. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1582.

Original article

GAME TECHNOLOGY AS A TOOL FOR TEACHING SCHOOLCHILDREN TO PARTICIPATE IN THE ELECTORAL PROCESS

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *The article is devoted to the formation of skills of schoolchildren's participation in the electoral process through the implementation of game situations based on the use of educational games. The implemented game activity allows you to direct pedagogical influence on the formation of personality, motivation for learning, development of communicative abilities and other competencies through the acquisition of social skills of communication and cooperation. This will ultimately make it possible to get acquainted with the fundamental principles of the organization of the electoral process in Russia and the election procedure in a non-standard way.*

The educational game presented in the article implements two game lines. The first is schoolchildren, some of whom play the role of representatives of political parties, and the others are the electorate. The second line of the game is the jury, who exercise "public control" over the election procedure. The goal of the game is to gain the largest number of votes from the elec-

torate, which is achieved through the involvement of players in public speaking and discussions on the problems of modern reality, which in turn contributes to the development of public speaking and communication skills.

The educational game consists of two stages: the presentation of the parties' ideologies and the political struggle, during which the skills of schoolchildren's participation in the electoral process are tested and their knowledge of social studies is assessed.

The use of the developed educational game in the process of generalizing knowledge in social studies lessons or in extra-curricular activities, organized and built as close as possible to the real electoral process, contributes to the formation of students' civic position and awareness of their influence on the development of society and their country.

Keywords: *game technology, education, game, educational game, electoral process, elections, youth, political activism, social studies, skill formation, electoral literacy*

For citation: Altukhova S. O., Altukhova A. A., Kononova Z. A. Game technology as a tool for teaching schoolchildren to participate in the electoral process. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):370—375. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1582.

Введение

Актуальность. Формирование навыков участия школьников в избирательном процессе — сложный и многогранный процесс, требующий целенаправленной работы в рамках различных социальных институтов. И хотя в соответствии с Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», человек получает право выбора с 18 лет, но и до наступления совершеннолетия он должен видеть, а желательно косвенно участвовать (наблюдать) за процессом голосования, борьбой политических партий и итогами выборов. Так, участие членов семьи в выборах призвано показать ребенку ответственное отношение к будущему своей семьи и будущему своей страны [1]. В рамках школы ребенок получает опыт и право на первые выборы. Например, выбор президента школы, старосты класса. И хотя эти выборы не регламентируются законом, но у них также есть процедура, которую все участники должны строго соблюдать. Еще одним вариантом решения обозначенного вопроса может стать применение на уроках обобщения знаний или во внеурочной деятельности игровых технологий (игр) [2; 3], организованных и построенных в максимальном приближении к реальному избирательному процессу.

Изученность проблемы. Современная молодежь достаточно сложно вовлекается в различные социальные процессы, что отмечается в работе Н. В. Бушной и Н. П. Вишникиной [4]. Авторы указывают на проблему низкой электоральной активности молодежи, выявляют комплекс причин, определяют направления работы по ее повышению. Одним из важнейших направлений является вовлечение школьников в просветительскую

деятельность в области избирательного права. Активные методы вовлечения современной молодежи в избирательный процесс отражены в работах М. И. Крюковой, А. Ю. Труфановой, А. Н. Пеньковой [5], С. И. Поповой [6], Е. В. Шапкиной [7]. Философские аспекты развития гражданского мировоззрения, важной частью которого является электоральная грамотность, рассмотрены в работах А. В. Шумаковой, В. А. Яшуткина [8]. Указанные авторы основываются на аксиологическом подходе к формированию гражданско-патриотической мировоззренческой позиции у российских школьников, достаточно подробно анализируют основные ценностные ориентиры. Однако при хорошей проработанности теоретической базы развития электоральной грамотности, исследователями не предлагаются конкретные практические инструменты решения данной проблемы. По мнению авторов данной статьи, таким инструментом может стать применение на уроке и во внеурочной деятельности игровой технологии. Вопросы использования игровых технологий в образовательном процессе проанализированы в работах П. А. Амеджановой [9], К. И. Мурашовой [10], С. С. Попоновой [11], А. В. Толочко [12], М. А. Степанова [13]. Авторами работ отмечается, что игра может стать эффективным инструментом освоения и практической отработки знаний, умений и навыков через погружение в интерактивность, субъект-субъектное и субъект-объектное взаимодействие в процессе обучения.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на достаточно детальную теоретическую проработку темы применения игровых технологий в образовательном процессе, наблюдается нехватка практических разработок, особенно в области преподавания гуманитарных дисциплин. В целом применение игровых технологий

в образовательном процессе призвано помочь в решении задач по формированию личности, мотивации учения, развитию коммуникативных способностей и других компетенций через приобретение социальных навыков общения и сотрудничества [6; 14; 15].

Научная новизна исследования заключается в практической разработке обучающей игры, направленной на формирование практических навыков участия школьников в избирательном процессе, что позволит не только актуализировать и закрепить предметные знания, но и будет способствовать формированию электоральной грамотности, навыкам публичных выступлений, развитию коммуникативных способностей и работе в команде.

Целью исследования является демонстрация одного из вариантов формирования навыков участия школьников в избирательном процессе через применение игровой технологии во внеурочной деятельности или на уроках обществознания в школе.

Задачи исследования: представить структуру и содержание обучающей игры, продемонстрировать на ее примере борьбу политических партий и процесс голосования.

Теоретическая значимость. Предложенная обучающая игра, направленная на формирование навыков участия школьников в избирательном процессе, позволит организовать обучение в нестандартной форме и продемонстрировать избирательный процесс в действии.

Структура и содержание разработанной игры, а также организация игрового процесса на ее основе и определяет **практическую значимость** исследования.

Основная часть

В эпоху цифровых технологий и социальных сетей самой активной частью населения страны становится молодежь. Именно она в будущем и станет электоратом, который будет участвовать в политической жизни страны через процедуру выборов. И чем раньше познакомиться с данной процедурой, тем больше шансов стать ответственными избирателями. Кроме того, знакомство с процедурой выборов развивает критическое мышление и учит анализировать полученную информацию. Но как заинтересовать современную молодежь? Существуют ли какие-либо инструменты?

По мнению П. А. Амеджановой, К. И. Мурашовой, С. С. Попоновой [9—11] таким инструментом может стать игра, в сценарий которой вписаны ключевые стадии избирательного процесса, такие как: выдвижение кандидатов, представление программы партий, борьба за электорат, подведение итогов выборов [16; 17].

На рис. 1 в соответствии с указанными ключевыми стадиями избирательного процесса разработаны игровые линии: школьники — представители партий и электорат, члены жюри — «общественный контроль» над процедурой выборов.

Рассмотрим структуру и содержание разработанной авторами статьи обучающей игры.

Рис. 1. Игровые линии участников обучающей игры

Игра направлена на развитие навыков участия в избирательном процессе. Часть заданий направлена на проверку фактических знаний по таким разделам обществознания как политика, право, социология, экономика, человек и общество, а часть — на умение выражать свою позицию и отстаивать свою точку зрения. На рис. 2 представлен состав игры.

На старте игры формируются три команды, представляющие три политические партии: демократическую, консервативную и коммунистическую. Принадлежность команды к той или иной партии определяется случайным образом через выбор карточки политических партий. Остальные игроки — жители страны (электорат), участвующие в выборах. Процесс всех действий игры оценивается членами жюри (до 3 чел.).

Первый этап игры начинается с определения порядка ходов политических партий. Для этого каждая команда представляет идеологию своей партии в современной жизни. На подготовку отводится до 5 минут. На представление — до 2 минут (оценивание: 1 балл — уложился во времени, 0 баллов — не уложился во времени). Каждый член жюри оценивает выступление (от 1 до 5 баллов) в соответствии с карточкой оценивания первого этапа игры. Для каждой политической партии рассчитывается сумма баллов, в результате чего определяется последовательность ходов, которые соответствуют занятым местам. На рис. 3 представлен пример заполнения карточки.

Рис. 2. Состав обучающей игры

Политическая партия	Баллы за этап				Очередность хода 1-е место 2-е место 3-е место
	Члены жюри 1 балл	Члены жюри 1-5 баллов	Сумма баллов всех членов жюри + выполнение регламента выступления (max = 16)	Очередность	
Демократическая партия	1	1 2 3	5 4 5	15	1
Консервативная партия	0	1 2 3	4 4 5	13	2
Коммунистическая партия	1	1 2 3	4 3 3	11	3

Рис. 3. Карта оценивания первого этапа игры

При равенстве баллов место определяется простой жеребьевкой.

После определения порядка ходов начинается второй этап игры. Его цель — набрать наибольшее количество голосов электората.

На втором этапе в ход вступают: игровое поле (карта государства), карточки заданий (1-го и 2-го уровней), карта оценивания этапа игры, а также магниты и карточки для голосования.

Рассмотрим ход игры, фрагмент которого представлен на рис. 4.

Регионы страны «Общество- знание»	Порядок ходов по результатам I этапа			Действия
	1-е место	2-е место	3-е место	
	Название политической партии			
	Демократи- ческая	Консерва- тивная	Коммунистическая	
Республика культурологов (20 т. чел.)	П			Период противоборств
				Результат
Край историков (25 т. чел.)		Х		Период противоборств
	Б		П	
	П	Б		
	П			Результат

Рис. 4. Фрагмент второго этапа игры

Например, первой ходит демократическая партия и выбирает республику культурологов. Так как в начале игры ни один регион не занят, то ответив правильно минимум на два вопроса из трех карточки 1-го уровня, данной партии ставится символ «П» (победа).

Далее ходит консервативная партия и выбирает, например, край историков. Но так как она не смогла правильно ответить на два вопроса из трех карточки 1-го уровня, то в карте игры ей ставится символ «Х» (поражение).

Такой же принцип применяется и далее, если регион не занят.

Далее ходит коммунистическая партия, выбирает край историков, отвечает правильно минимум на два вопроса из трех карточки 1-го уровня и в карте игры ей ставится символ «П» (победа).

Следующий ход — ход демократической партии и она решает побороться за электорат края историков. Но так как он уже занят коммунистической партией, то демократической ставится символ «Б» (политическая борьба). Далее она должна доказать право на участие в выборах, правильно ответив минимум на два вопроса из трех карточки 1-го уровня. Если право на участие в выборах получено, то партия, которая уже заняла регион (коммунистическая), и партия претендент (демократическая) участвуют в дебатах по проблеме, указанной в карточке 2-го уровня. По результатам дебатов жители региона (остальные участники игры) голосуют. Побеждает та партия, которая набирает наибольшее число голосов. В нашем фрагменте игры побеждает демократическая партия и поэтому в ячейке ниже ей ставится символ «П» (победа).

Для каждого региона возможно не более четырех смен лидирующих позиций. Побеждает та партия в регионе, которая на последнем этапе одерживает победу над остальными. Ей в копилку переходит весь электорат региона. Победитель в регионе может быть только один. В нашем фрагменте победителем стала демократическая партия. Ей начислили 25 очков (25 тыс. голосов).

Еще одним существенным ограничением игры является время. Продолжительность игры до 80 минут.

После окончания времени или определения победителей во всех регионах игра останавливается. Победителем считается та партия, которая набрала наибольшее количество баллов (электората).

Заключение

Знакомство с избирательным процессом является важным этапом становления личности гражданина. Раннее погружение в данную тему через образовательные игровые технологии позволяет обучающемуся еще до получения реальных избирательных прав прийти к осознанию своего влияния и меры ответственности за развитие общества и своей страны.

В рамках данного исследования нам удалось разработать практический инструмент формирования и развития навыков участия школьников в избирательном процессе через применение игровой технологии на уроках обществознания в школе. В статье подробно описана структура

и содержание обучающей игры, на конкретном примере продемонстрированы механизмы борьбы политических партий и организации процесса голосования.

В ходе проведения игровых сессий на уроках обществознания школьниками были отработаны практические навыки участия в избирательном процессе, как со стороны избирателя (электорат), так и со стороны участника политической борьбы (представитель партии), а также закреплены и отработаны теоретические знания по предмету. Структура и содержание разработанной игры, а также организация игрового процесса на ее основе являются эффективным инструментом повышения практической составляющей образовательного процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панкратов С. А. Участие в выборах как семейная традиция: политологический анализ практик в современной России // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8. № 4. С. 467—474. DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-4-467-474.
2. Алтухова С. О., Кононова З. А. Технология дополненной реальности как средство закрепления учебного материала // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4(65). С. 403—406. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.823.
3. Гангалюк Ю. О., Алтухова С. О. Обобщение и систематизация знаний на уроках информатики на основе применения игровой технологии // Естественные, математические и технические науки. Образование. Технологии. Инновации : материалы Межрегион. науч.-практ. студенч. конф. Липецк : Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 67—71.
4. Бушная Н. В., Вишникаина Н. П. Молодежь и ее участие в выборах: формы и методы повышения электоральной активности молодежи // Право и образование. 2019. № 10. С. 87—94.
5. Крюкова М. И., Труфанова А. Ю., Пенькова А. Н. Электоральная грамотность школьников и участие молодежи РФ в выборах // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. № 2(62). С. 273—277.
6. Попова С. И. Формирование ценностных отношений учащихся посредством вовлечения их в различные практики социального участия // Перспективы науки и образования. 2021. № 4(52). С. 343—357. DOI: 10.32744/pse.2021.4.22
7. Шапкина Е. В. Вовлечение молодежи в избирательный процесс и повышение электоральной активности посредством деловых политических игр // Политические институты и процессы. 2016. № 2. С. 53—60.
8. Шумакова А. В., Яшуткин В. А. Аксиологические основы формирования гражданского-патриотической мировоззренческой позиции у российских школьников // Современная начальная школа: проблемы и перспективы развития : сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала : АЛЕФ, 2023. С. 436—444.
9. Амеджанова П. А. Практическое применение игровых технологий в работе с молодежью // Новая наука в новом мире : сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск : Новая наука, 2024. С. 84—89.
10. Мурашова К. И. Игровые технологии как средство развития познавательной деятельности у старших школьников на уроках обществознания // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 10(27). С. 577—580.
11. Попонина С. С. Использование игровых технологий в процессе изучения блока «право» на уроках обществознания в основной школе // Лига исследователей МГПУ : сб. ст. : в 3 т. М. : ПАРАДИГМА, 2023. Т. 3. С. 230—233.
12. Толочко А. В. Особенности применения игровых технологий на уроках обществознания в школе // Психология образования в поликультурном пространстве. 2021. № 1(53). С. 107—114.
13. Степанов М. А., Гергет О. М. Игровая технология в образовательном процессе: технологические особенности игр в процессе обучения // International Journal of Open Information Technologies. 2025. Т. 13. № 4. С. 170—180.
14. Мельник А. В. Игровые технологии как средство формирования навыков публичных выступлений у подростков // Инновационное образовательное пространство: теория и практика : сб. ст. М. : Перспектива, 2024. С. 241—246.
15. Большаков В. В., Шайхлисламов А. Х. Польза и создание настольных игр: от идеи до прототипа // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Среда, 2025. С. 291—292. DOI: 10.31483/r-149372.
16. Биктагиров Р. Т. Становление избирательного права России и стадии избирательного процесса // Гражданин. Выборы. Власть. 2017. № 1—2. С. 50—65.
17. Ефимова Л. С. Избирательный процесс: структура и стадии (Урок обществознания в 9 классе) // Педагогический поиск. 2016. № 1. С. 38—42.

REFERENCES

1. Pankratov S. A. Participation in elections as a family tradition: political analysis of practices in contemporary Russia. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2024;8(4):467—474. (In Russ.) DOI: 10.35634/2587-9030-2024-8-4-467-474.
2. Altukhova S. O., Kononova Z. A. Augmented reality technology as a means of consolidating educational material. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2023;4(65):403—406. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.823.

3. Gangalyuk Yu. O., Altukhova S. O. Generalization and systematization of knowledge in computer science lessons based on the use of game technology. *Estestvennye, matematicheskie i tekhnicheskie nauki. Obrazovanie. Tekhnologii. Innovatsii = Natural, mathematical and technical sciences. Education. Technologies. Innovations. Proceedings of the Interregional scientific and practical student conference*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University publ., 2023: 67—71. (In Russ.)
4. Bushnaya N.V., Vishnikina N.P. Youth and its participation in the election: forms and methods of increasing the electoral activity of youth. *Pravo i obrazovanie*. 2019;10:87—94. (In Russ.)
5. Kryukova M. I., Trufanova A. Yu., Penkova A. N. Electoral literacy of schoolchildren and participation of youth of the Russian Federation in elections. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Uchyonye zapiski. Electronic scientific journal of the Kursk State University*. 2022;2(62):273—277. (In Russ.)
6. Popova S. I. Formation of value relations of the students by involving them in various practices of social participation. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2021;4(52):343—357. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2021.4.22.
7. Shapkina E. V. The involvement of young people in the electoral process and the increase of electoral activity through business political games. *Politicheskie instituty i protsessy*. 2016;2:53—60. (In Russ.)
8. Shumakova A. V., Yashutkin V. A. Axiological foundations of the formation of a civil-patriotic ideological position among Russian schoolchildren. *Sovremennaya nachal'naya shkola: problemy i perspektivy razvitiya = Modern primary school: problems and prospects of development. Collection of materials of the I International scientific and practical conference*. Makhachkala, ALEF, 2023:436—444. (In Russ.)
9. Amedzhanova P. A. Practical application of game technologies in working with youth. *Novaya nauka v novom mire = New science in the new world. Collection of articles of the VIII International scientific and practical conference*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2024:84—89. (In Russ.)
10. Murashova K. I. Game technologies as a means of developing cognitive activity among senior schoolchildren in social studies lessons. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i razrabotki*. 2018;10(27):577—580. (In Russ.)
11. Poponova S. S. The use of gaming technologies in the process of studying the “law” block in social studies classes at the secondary school. *Liga issledovatelei MGPU = League of Researchers of the Moscow State Pedagogical University. Collection of articles*. Moscow, PARADIGMA, 2023;3:230—233. (In Russ.)
12. Tolochko A. V. Features of the application of game technologies during social studies lessons at school. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve = Educational Psychology in polycultural space*. 2021;1(53):107—114. (In Russ.)
13. Stepanov M., Gerget O. Game technology in the educational process: technological features of games in the learning process. *International Journal of Open Information Technologies*. 2025;13(4):170—180. (In Russ.)
14. Melnik A. V. Gaming technologies as a means of developing public speaking skills among teenagers. *Innovatsionnoe obrazovatel'noe prostranstvo: teoriya i praktika = Innovative educational space: theory and practice. Collection of articles*. Moscow, Perspektiva, 2024:241—246. (In Russ.)
15. Bol'shakov V. V., Shaikhislamov A. K. The benefits and creation of board games: from idea to prototype. *Obrazovanie, innovatsii, issledovaniya kak resurs razvitiya soobshchestva = Education, innovation, research as a resource for community development. Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Cheboksary, Sreda, 2025:291—292. (In Russ.) DOI: 10.31483/r-149372.
16. Biktagirov R. T. The formation of Russian electoral law and the stages of the electoral process. *Grazhdanin. Vybory. Vlast' = Citizen. Elections. Authority*. 2017;1—2:50—65. (In Russ.)
17. Efimova L. S. Electoral process: structure and stages (Social studies lesson in 9th grade). *Pedagogicheskii poisk*. 2016;1:38—42. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 19.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
УДК 378.881.111.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1656

Nadezhda Aleksandrovna Antonova
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor
of the Foreign Languages Department No. 2,
Chuvash State University
Cheboksary, Russian Federation
nejda@rambler.ru

Надежда Александровна Антонова
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 2,
Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова
Чебоксары, Российская Федерация
nejda@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ С ПРИМЕНЕНИЕМ ДИДАКТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Актуальность представленного в статье исследования продиктована бурным ростом технологий виртуальной реальности (VR) и их широким внедрением в сферу образования. В связи с этим перед научным сообществом ставится задача обоснования эффективности их использования при изучении иностранных языков. Цель исследования состоит в выявлении дидактического потенциала использования технологий VR для формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов, обучающихся по неязыковым специальностям. Задачи данного исследования: 1) выявить качественные преимущества VR-технологий как дидактического инструмента, которые помогают трансформировать учебный процесс в высших учебных заведениях; 2) изучить существующие и перспективные способы применения VR-технологий, которые помогают студентам сформировать иноязычную коммуникативную компетентность, а также оценить результативность их внедрения с целью повышения качества преподавания иностранных языков. Методы исследования: теоретический анализ имеющихся публикаций по использованию VR как инструмента для развития у студентов навыков иноязычного общения, анализ и обобщение практического педагогического опыта. По результатам

исследования виртуальная реальность демонстрирует значительный дидактический потенциал в преподавании иностранных языков. С помощью этой технологии создается реалистичная языковая среда, повышается учебная мотивация студентов, адаптируется содержание и ход занятий и достигается интерактивность. Широкое внедрение VR-оборудования существенно сдерживает его высокая стоимость, потенциальные риски для здоровья студентов при длительном использовании и недостаточная научная разработанность методики применения технологии VR в контексте языкового обучения. Делается заключение, что при научно обоснованном организационно-методическом обеспечении технологии VR могут выступать дополнительным дидактическим средством, повышающим эффективность формирования иноязычной коммуникативной компетентности у студентов непрофильных специальностей.

Ключевые слова: виртуальная реальность / VR, дидактический потенциал, процесс обучения иностранному языку, повышение эффективности, цифровые технологии, студенты неязыковых специальностей, иноязычная коммуникативная компетентность, иностранный язык, практический педагогический опыт, совершенствование методики преподавания, оценка педагогических практик

Для цитирования: Антонова Н. А. Формирование иноязычной коммуникативной компетентности с применением дидактического потенциала технологии виртуальной реальности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 376—382. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1656.

Original article

DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE USING THE DIDACTIC POTENTIAL OF VIRTUAL REALITY TECHNOLOGY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The relevance of this study is dictated by the rapid growth of virtual reality (VR) technologies and their widespread adoption in education. Therefore, the scientific community is faced with the task of substantiating the effectiveness of their use in foreign language learning. This study aims to explore the didactic potential of virtual reality technologies for developing foreign-language communicative competence in students

from non-linguistic majors. Research objectives are as follows: (1) to examine the qualitative uniqueness of VR technology as a didactic tool for improving the educational process in a modern university; (2) to study and evaluate the experience and prospects of using educational resources and software related to modern VR technology in developing students' foreign language communicative competence, as well as to assess

the effectiveness of their implementation in order to improve the quality of teaching foreign languages. Research methods used are theoretical analysis of scientific literature and analysis and generalization of practical pedagogical experience. The study's results demonstrate that the didactic potential of VR technology in foreign language teaching lies in creating a realistic language environment, enhancing student motivation, individualizing the content and process of learning, and enhancing interactivity. The potential for widespread adoption is limited by the high cost of VR equipment, potential health risks for students with long-term use, and the lack of scientific development of VR technology in language teaching. It is concluded that with scientifically sound organizational and methodological support, VR technology can serve as an additional didactic tool, increasing the effectiveness of developing foreign language communicative competence in students in non-linguistic majors.

Keywords: virtual reality / VR, didactic potential, foreign language acquisition, enhancing effectiveness, digital technologies, students in non-linguistic majors, foreign-language communicative competence, foreign language, practical pedagogical experience, improving teaching methods, assessment of pedagogical practices

For citation: Antonova N. A. Developing foreign language communicative competence using the didactic potential of virtual reality technology. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):376—382. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1656.

Введение

Актуальность. Современные технологии кардинально меняют процесс обучения иностранным языкам. Одно из таких новаторских решений является внедрение виртуальной реальности (далее — VR), которое кардинально меняет устоявшиеся парадигмы языкового обучения.

Виртуальная реальность формирует свежий вектор в языковом образовании. Результаты многочисленных исследований показывают, что VR помогают заменить традиционные методики обучения иностранным языкам и способствуют повышению качества усвоения.

Изученность проблемы. Был проведен анализ научной литературы, касающийся успешности использования VR для формирования иноязычной коммуникативной компетентности студентов. Теоретической базой данного исследования выступил обзор научной литературы, посвященный использованию технологий VR в сфере образования, а именно публикации таких авторов, как П. Н. Башлы, А. Н. Бурлуцкий [1], Ю. В. Корнилов, М. У. Мукашева, С. М. Сарсимбаева [2], Н. В. Ломовцева [3], А. Р. Магалимова и А. Р. Нафикова [4], А. И. Соснило [5], Е. А. Федорова [6], М. С.-У. Халиев и С. М. Мадаев [7]. Применение VR-технологий в обучении иностранному языку рассматривают А. К. Атабекова [8], Т. Н. Бокова [9], Л. Р. Гильманова [10], И. В. Грубин, И. И. Юдина, Е. А. Оганесян, И. И. Плужникова [11], М. А. Живокина и В. В. Сорокин [12], А. Н. Колесниченко [13], З. И. Коннова и Г. В. Семенова [14], А. Л. Морозова и Т. А. Костюкова [15], О. В. Мурай [16], Л. Р. Нурдинова [17], Ю. С. Хукаленко [18], М. А. Хусаинова и О. А. Гарифова [19], Лэй Янь [20].

Цель исследования — определить дидактический потенциал применения VR в обучении иностранным языкам студентов неязыковых специальностей. Для достижения цели решаются следующие **задачи**:

1. Рассмотреть качественное своеобразие технологии VR как дидактического инструмента совершенствования образовательного процесса в современном вузе.

2. Исследовать современные методики и программные инструментари, основанные на передовых виртуальных технологиях для совершенствования иноязычной коммуникативной компетентности.

Научная новизна исследования заключается в выявлении дидактического потенциала VR как действенного инструмента для развития навыков иноязычной коммуникативной компетентности у обучающихся нелингвистических специальностей.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении понимания механизмов применения VR в языковом обучении. Полученные выводы дополняют методику преподавания иностранным языкам, демонстрируя образовательные возможности VR. **Практическая значимость** заключается в том, что материалы исследования могут служить основой для проведения эффективных занятий по иностранному языку и составления методических рекомендаций с применением VR.

Основная часть

Методология и методы исследования. Методологической базой исследования выступил теоретический обзор научной литературы, посвященной применению технологий VR в образовании в целом и обучении иностранному языку в частности. Проведен сравнительный анализ доступных VR-решений и платформ в образовательных целях. Проведен анализ программных обеспечений, а также использованы результаты описания уже реализованных практик внедрения VR-технологий в обучении иностранным языкам студентов неязыковых специальностей.

Результаты исследования и их обсуждение. Тема виртуальной образовательной среды вызывает растущий интерес в научных кругах. При этом ряд авторов отмечают преимущества создания подобного инновационного проекта.

Ю. С. Хукаленко подчеркивает, что внедрение новых технологий, включая виртуальную и дополненную реальности, в преподавание иностранных языков соответствует мировому тренду цифровизации образования. Она отмечает, что внедрение VR в учебный процесс должен обуславливаться с дидактической целесообразностью. Автор также подчеркивает, что инновационные технологии необходимо встраивать под существующие методы преподавания. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков используется для выполнения конкретных целей — от отработки простых диалогов и закрепления лексики до тренировки устной речи. [18, с. 123].

З. И. Коннова и Г. В. Семенова пришли к заключению, что VR является перспективным направлением для студентов медицинских специальностей в обучении иностранному языку. Они полагают, что VR может стать мощным инструментом для развития профессиональных навыков и развития языковой компетенции. По мнению авторов, интерактивные модели, трехмерные реконструкции и VR-тренажеры используются для подготовки и планирования врачебных операций. Виртуальная реальность

дает студентам возможность в реальном времени наблюдать за операцией с позиции хирурга, переходить в панорамный режим и обсуждать процесс на иностранном языке в чате [14, с. 38].

Л. Р. Нуртдинова подчеркивает, что правильная методическая организация и применение технологий *VR* создает иммерсивную среду для профессиональной деятельности студентов неязыковых специальностей. Автор отмечает, что программа *VR CUSTOMS* совершенствует навыки ориентации в рабочем пространстве, а также решает практические задачи на английском языке. С помощью *VR*-решений учащиеся проходят по локациям аэропорта и общаются с виртуальными персонажами [17, с. 111].

А. Н. Колисниченко рассмотрела возможности виртуальных платформ для обучения английскому языку и провела исследование со студентами факультета экономики, управления и права, применив образовательную платформу *VirtualSpeech*. По ее словам, данная платформа формирует подробный отчет о выступлении, оценивая произношение, речь, ошибки и предлагает многократное повторение до улучшения результата. По результатам исследования автор утверждает, что *VR* является перспективной методикой в обучении иностранному языку. Данная технология дает возможность преподавателям и студентам погрузиться и посетить разные локации [13, с. 268].

М. А. Хусаинова и О. А. Гарифова согласны с мнением вышеперечисленных авторов и делают вывод о том, применение *VR*-технологий расширяет возможности преподавания иностранных языков, предлагая современные методы для глубокого погружения в языковую среду и культурные реалии изучаемого языка [19].

Т. Н. Бокова утверждает, что применение *VR* в образовании демонстрирует лингводидактический потенциал. Благодаря наглядности, вовлеченности и концентрации внимания повышается фокусировка студентов в процесс обучения [9, с. 621].

Принимая во внимание материалы выше приведенных исследований, можно сделать вывод, что *VR*-технологии обладают высоким дидактическим потенциалом для развития всех видов иноязычной коммуникативной компетентности. Ключевые преимущества применения *VR*:

- Создание аутентичной языковой среды и полное погружение в страну изучаемого языка.
- Действенный инструмент для совершенствования коммуникативных компетенций.

Рассмотрим основные преимущества применения виртуальной реальности в контексте обучения иностранным языкам:

1. *Формирование реалистичной языковой среды.*

В отличие от традиционных подходов *VR* создает полноценные реалистичные языковые ситуации, где студент полностью погружается в языковую среду, максимально приближенную к реальной. М. А. Живокينا и В. В. Сорокин подтверждают, что *VR* переносит пользователя в смоделированные пространства, например в многолюдные улицы или исторический центр города. Здесь обучающийся может повзаимодействовать с виртуальными персонажами, отрабатывать диалоги и учиться ориентироваться в ситуациях, похожих на реальные [12].

Виртуальная реальность позволяет создавать максимально приближенные жизненные сценарии. Например, студенты могут оказаться в виртуальном ресторане, где им нужно поговорить с официантом и заказать еду или по-

общаться в магазине с консультантом при выборе одежды. Такой подход в обучении иностранному языку способствует развитию беглой речи и выработать уверенность в общении. А. К. Атабекова отмечает, что подобная методика дает возможность полностью погрузить обучающегося в смоделированную среду, с предопределенным сценарием событий. Погруженность исключает посторонние раздражители, что заметно повышает усвоение материала. Учащиеся могут детально рассмотреть объекты и процессы, чего трудно добиться в реальной среде. Виртуальная реальность повышает концентрацию внимания, а игровая форма обучения делает процесс увлекательным и мотивирующим. [8, с. 286].

2. *Развитие профессиональной коммуникации.*

Виртуальная реальность становится ценным помощником для студентов неязыковых специальностей. Будущие врачи или юристы могут отработать диалоги с пациентами или погрузиться в ситуацию с проведением судебного дела, что способствует формированию профессиональной лексики и оттачиванию коммуникативных навыков на иностранном языке. З. И. Коннова и Г. В. Семенова указывают на то, что в процессе выполнения разнообразных манипуляций в *VR* можно в полном объеме смоделировать профессиональную коммуникацию на иностранном языке, отрабатывать медицинскую лексику и типичные образцы языкового поведения, характерные для реальной языковой ситуации. [14, с. 37]. П. Н. Башлы и А. Н. Бурлуцкий подчеркивают, что *VR* в учебном процессе можно использовать на уровне теоретического обучения, когда учебный контент позволяет представить общее теоретическое представление об изучаемом предмете. Далее можно использовать на эмпирическом уровне, когда полученные знания можно смоделировать в реальной и виртуальной среде. И последнее, на уровне практики, когда приобретается профессиональный опыт в определенной ситуации общения [1, с. 72].

3. *Индивидуализация обучения.* Современные технологии, интегрированные в *VR*, обеспечивают индивидуальный подход в обучении. Интеллектуальные технологии адаптируются под уровень обучающегося, выбирая уровень сложности и тематику занятий. И. В. Грубин с соавторами отмечают, что «обучение с помощью технологий *VR*, благодаря техническим возможностям, может быть подстроено под индивидуальные векторы обучения каждого учащегося на основе персональных потребностей и особенностей учащегося» [11, с. 90].

4. *Интерактивность и визуальность.* Л. Р. Гильманова подчеркивает, что «виртуальная реальность позволяет не только наблюдать за происходящим от первого лица в режиме *3D*, но и активно участвовать в образовательном процессе» [10, с. 613]. Е. А. Федорова также указывает на то, что «виртуальная реальность позволяет активно участвовать в образовательном процессе, проводить эксперименты на микро- и на макроуровне, получать различные результаты в зависимости от образа действия студента» [6]. М. С.-У. Халиев и С. М. Мадаев подчеркивают, что «*VR* позволяет визуализировать концепции, такие как молекулярная структура, небесные тела или сложные математические теории, что делает их более понятными и доступными для восприятия» [7, с. 284].

На сегодняшний день ряд вузов уже провели исследование на своих студентах и отметили эффективность *VR*. В 2022 г. МГИМО Одинцово и *VRSupersonic* (резидент

Сколково) провели совместный проект по обучению иностранному языку с помощью VR-технологий. Экспериментальный период составил 2,5 месяца и охватил 250 студентов четырех факультетов. В рамках этого проекта студенты в VR-очках отрабатывали языковые навыки, погружаясь в общение с виртуальным собеседником. Согласно данным МГИМО, данная программа привела к улучшению академической успеваемости студентов почти вдвое. При этом посещаемость занятий по иностранному языку увеличилась, а число пересдач сократилось.

Российский университет дружбы народов также совместно с компанией *VR Supersonic* с марта по май 2024 г. внедрил в учебный процесс по предмету «Иностранный язык» VR-инструменты. Результаты исследования показали, что анализ успеваемости студентов повысился в среднем на 12–13 %. За 2025 г. студенты прошли более 8 тыс. тренировок на VR. Преподаватели отмечают, что технологии VR предлагают новый подход для эффективного развития коммуникативных навыков, включая профессиональный английский язык для студентов неязыковых специальностей.

Рассмотрим опыт внедрения технологий VR для обучения иностранному языку Дальневосточным федеральным университетом. Для развития коммуникативных навыков иностранного языка в сфере VR был создан диалоговый тренажер *VARVARA*, который является разработкой Центра НТИ Дальневосточного федерального университета. Данное приложение предназначено для индивидуальной работы обучающихся с начальным уровнем владения языком (A1, A2) и может использоваться для отстающих на первых этапах обучения. Исследование показало, применение VR-тренажера *VARVARA* способствует росту мотивации и эффективному усвоению иностранного языка.

Рассмотрим интерактивную образовательную программу *VirtualSpeech*, которая разработана британской компанией *VirtualSpeech Ltd*. Исследование, проведенное А. Н. Колесниченко в Ростовском государственном университете путей сообщения со студентами факультета экономики, управления и права подтвердило эффективность применения образовательной платформы *VirtualSpeech* для развития коммуникативных навыков обучающихся как при работе с преподавателем, так и самостоятельно [13, с. 267]. Программа предоставляла отчет по выступлению студентов. Анализировались такие показатели, как темп речи, длительность выступления, использование вводных слов в речи, а также степень вовлеченности аудитории. Однако существует и другая точка зрения по применению данной программы. В частности, О. В. Мурай отмечает, что «к сожалению, текущий подход к коммуникативной ситуации оставляет ощущение неполноценности, поскольку персонажи ограничены только записанной аудиозаписью, прерываемой паузами для ученика. Более того, содержание речи обучающегося не учитывается программой. Чтобы инициировать продолжение диалога после паузы, требуется нажать на специальную кнопку в интерфейсе. По окончании такого «диалога» система оценивает, насколько успешно была поддержана визуальная связь и предлагает минитест по услышанному материалу, где нужно выбрать правильный ответ» [16, с. 190].

VarwinEducation — еще один образовательный проект, созданный российскими разработчиками для обучения многим дисциплинам, от естественнонаучных

до гуманитарных. Данную платформу можно использовать и для изучения иностранных языков. Ключевая особенность данной образовательной платформы заключается в создании модульных программ, где любой обучающийся может отработать практические навыки в безопасной виртуальной среде. Она основывается на принципах геймификации и симуляции. Платформа предлагает симуляторы для ряда предметов, таких как физика, химия, биология, история и т. д. Студенты медицинского факультета могут детально изучать анатомию человека и оттачивать навыки проведения хирургических виртуальных операций, не подвергая риску реальных пациентов. Что касается дисциплины «Иностранный язык», то платформа *VarwinEducation* применяет инновационные подходы по интерактивной симуляции диалогов на иностранном языке. Платформа представляет собой своего рода «языковой тренажер», где студенты погружаются в ситуации, максимально похожие на реальные (бронирования номера в гостинице, отработка диалогов в аэропорту, заказ еды в ресторане, прохождение интервью и т. д.). После определенного диалога система отмечает правильные фразы и указывает на ошибки. Также есть функция подсказки, если вдруг студент затрудняется с ответом. Такой подход к проведению занятий делает процесс обучения запоминающимся, наглядным и мотивирующим и способствует развитию языковой компетенции студентов различных специальностей. А. Р. Магалимова и А. Р. Нафикова отмечают, что «самым явным преимуществом *VarwinEducation* является наличие визуального редактора *Blockly*, позволяющий создавать учебные проекты без знания языков программирования» [4, с. 132].

Mondly VR предоставляет возможность обучающимся погрузиться в VR и пообщаться с разными персонажами с помощью технологии распознавания речи. Однако, по мнению О. В. Мурай, данное приложение нуждается в улучшении. Автор утверждает, что «лексические уроки в программе нуждаются в улучшении. В настоящее время используется технология преобразования речи в текст, которая хоть и проста, однако недостаточно эффективна для изучения английского языка. Видны нелогичные интонационные речевые шкалы и грубые грамматические ошибки, такие как “я остаюсь в отеле до пятницы”. Кроме того, лексика часто используется не в нужном контексте. Это делает данное приложение неэффективным в обучении и, скорее, вредоносным» [16, с. 191].

Наряду с преимуществами использования VR имеется и ряд **недостатков**. Рассмотрим некоторые из них.

Одна из основных трудностей связана с **финансовыми ограничениями**. VR-гарнитуры, программное обеспечение, мощные компьютеры, стабильное интернет-соединение, постоянная техническая поддержка стоит немалых финансовых затрат и не каждый вуз может себе это позволить. Это подтверждает и Лэй Янь, подчеркивая, что «внедрение технологий VR требует значительных финансовых вложений на покупку оборудования, программного обеспечения и обучение персонала. Это может быть непосильной нагрузкой для многих образовательных учреждений» [20, с. 143].

Дискомфорт и риски для здоровья. Длительное пребывание в VR может оказывать негативное влияние на самочувствие. К ним относятся такие симптомы, как общее недомогание, головокружение, потеря ориентации. Все эти симптомы могут возникнуть вследствие нагрузки на шею,

глаза, диссонанса между визуальным восприятием и реальным положением тела, вес самого шлема. Для минимизации рисков использования VR лучше делать паузы каждые полчаса. По словам Н. В. Лемовцевой, важно подчеркнуть «неадекватность (иногда деформация) восприятия обучающимся реальной действительности после длительного пребывания в «виртуальном мире» в связи с иллюзорностью и неоднозначностью наблюдаемых образов виртуальных объектов» [3, с. 42].

Ю. В. Корнилов, М. У. Мукашева, С. М. Сарсимбаева отметили, что «основными и достаточно серьезными последствиями для здоровья были обозначены: симптомы утраты человеческих качеств или индивидуальности (деперсонализация); ощущение нереальности окружающего, особенно в виде симптома психического расстройства (дереализация); подробно описанные симптомы киберболезни (VR-болезни); признаки агрессивного поведения в VR-играх» [2, с. 53].

Проблемы, связанные с методикой и содержания обучения. Существующие VR-приложения в основном охватывают базовый английский язык и типичные сценарии. Для интеграции VR-занятий для студентов неязыковых специальностей потребуются дополнительные подготовки преподавателей для разработки специализированных заданий. На данную проблему указывают М. А. Хусаинова и О. А. Гарифова [19], З. И. Коннова и Г. В. Семенова [14, с. 39], Ю. С. Хукаленко [18, с. 124], А. И. Соснило [5, с. 159], А. Л. Морозова и Т. А. Костюкова [15, с. 227] и др.

Заключение

Исследование выявило, что технологии VR действительно обладают высоким дидактическим потенциалом для формирования иноязычной коммуникативной компетентности, а именно:

1. VR-технологии помогают погрузиться в реальную языковую среду и способствовать развитию мотивации у обучающихся, обеспечивая индивидуальный подход к каждому студенту.

2. Использование VR в обучении иностранному языку повышает успеваемость обучающихся и сокращает процент неуспевающих студентов.

3. Такие VR-платформы, как *VARVARA*, *VirtualSpeech*, *VarwinEducation*, *MondlyVR*, показали свою эффективность. Однако нуждаются в доработке.

4. Главным сдерживающим фактором для внедрения VR-технологий в образовательный процесс вуза может послужить высокая цена на оборудование, риски для здоровья при длительном использовании, недостаточная разработанность методических материалов для студентов неязыковых специальностей при изучении иностранного языка.

В целом использование VR-технологий позволяет эффективно сочетать их с традиционными формами обучения. VR-инструменты создают условия для создания иммерсивной языковой среды и развития навыков профессионального общения. Следовательно, при обеспечении должной методической и технической поддержки VR-технологии являются эффективными с точки зрения дидактики в языковом обучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Башлы П. Н., Бурлуцкий А. Н. Виртуальная реальность как образовательная среда и условие оптимизации учебного процесса // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2023. № 4(53). С. 71—75.
2. Корнилов Ю. В., Мукашева М. У., Сарсимбаева С. М. О рисках применения технологий виртуальной реальности в обучении // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия». 2022. № 4(28). С. 50—56.
3. Ломовцева Н. В. Реализация технологии виртуальной реальности в профессиональном образовании // Виртуальные мастерские — технология умножения профессионально-познавательных возможностей обучающихся СПО : сб. материалов Всерос. науч.-практ. форума. Екатеринбург : РГППУ, 2021. С. 39—43.
4. Магалимова А. Р., Нафикова А. Р. Использование платформы VR-разработки Varwin Education в обучении информатике // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2023. № 1(69). С. 129—133.
5. Соснило А. И. Применение технологий виртуальной реальности (VR) в менеджменте и образовании // Управленческое консультирование. 2021. № 6(150). С. 158—163. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-158-163.
6. Федорова Е. А. Виртуальная реальность как инновационный метод обучения студентов вуза // Студенческий научный форум — 2018 : X Междунар. студенч. науч. конф. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001226> (дата обращения: 05.04.2026).
7. Халиев М. С.-У., Мадаев С. М. Роль виртуальной реальности в создании образовательных платформ нового поколения // Вызовы цифровой экономики: кадры для региона : сб. ст. VIII Всерос. науч.-практ. конф. Брянск : Брян. гос. инженер.-технол. ун-т, 2024. С. 282—285.
8. Атабекова А. К. Технологии виртуальной реальности и их использование при обучении иностранным языкам // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М. А. Черкаса. Минск : БГУ, 2022. С. 284—291.
9. Бокова Т. Н. Отечественный и зарубежный опыт применения инновационных информационных технологий при обучении иностранному языку // Образовательное пространство в информационную эпоху (ЕЕИА-2024) : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. М. : Рос. акад. образования, 2024. С. 619—622.
10. Гильманова Л. Р. Проблемы применения современных информационных технологий, в частности VR-технологий, в изучении грамматики английского языка в средней образовательной организации // Молодой ученый. 2024. № 20(519). С. 613—614.
11. Грубин И. В., Юдина И. И., Оганесян Е. А., Плужникова И. И. Преимущества и недостатки использования технологий виртуальной реальности в обучении иностранному языку в университет // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 2. С. 89—92.

12. Живокина М. А., Сорокин В. В. Новые технологии и изучение иностранных языков: виртуальная и дополненная реальность // Студенческий научный форум — 2025 : XVII Междунар. студенч. науч. конф. URL: <https://scienceforum.ru/2025/article/2018037691> (дата обращения: 28.04.2026).
13. Колесниченко А. Н. Возможности применения технологии виртуальной реальности при обучении иностранному языку // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 2. С. 266—270. DOI: 10.55355/snv2023122311.
14. Коннова З. И., Семенова Г. В. Обучение иностранному языку студентов-медиков в рамках технологии виртуальной реальности // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. Т. 6. № 2. С. 34—41. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-2-0-4.
15. Морозова А. Л., Костюкова Т. А. Виртуальная реальность при обучении диалогической речи на английском языке: опыт МГИМООдинцово // Язык и культура. 2023. № 63. С. 207—238.
16. Мурай О. В. Обучение иностранным языкам с помощью VR-технологии // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5(102). С. 189—192. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-189-192.
17. Нуртдинова Л. Р. Методическая организация учебного материала для программ по обучению профессиональному иностранному языку с применением виртуальной реальности // Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 106—115. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-1-106-115.
18. Хукаленко Ю. С. Обучение иностранным языкам (на примере английского) с помощью технологии виртуальной реальности: обзор основных разработок // Известия Восточного института. 2021. № 2. С. 118—128. DOI: 10.24866/2542-1611/2021-2/118-128.
19. Хусаинова М. А., Гарифова О. А. Интеграция технологий виртуальной реальности в процесс обучения иностранным языкам: эффективность и методические подходы // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 11(149). DOI: 10.60797/IRJ.2024.149.95.
20. Янь Лэй. Создание виртуального пространства в процессе обучения иностранным языкам // Преподаватель XXI век. 2024. № 2. Ч. 1. С. 142—149. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-142-149.

REFERENCES

1. Bashly P. N., Burlutskiy A. N. Virtual reality as an educational environment and a condition for optimizing the educational process. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Academic Vestnic of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2023;4(53):71—75. (In Russ.)
2. Kornilov Yu. V., Mukasheva M. U., Sarsimbaeva S. M. On the risks of using virtual reality technologies in education. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya» = Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2022;4(28):50—56. (In Russ.)
3. Lomovtseva N. V. Implementation of virtual reality in professional education. *Virtual'nye masterskie — tekhnologiya umnozheniya professional'no-poznavatel'nykh vozmozhnostei obuchayushchikhsya SPO = Virtual workshops – a technology for increasing the professional and cognitive capabilities of secondary vocational education students. Collection of materials from the All-Russian scientific and practical forum*. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University publ., 2021:39—43. (In Russ.)
4. Magalimova A. R., Nafikova A. R. Using the Varwin Education VR development platform in computer science education. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully*. 2023;1(69):129—133. (In Russ.)
5. Sosnilo A. I. Application of virtual reality (VR) technologies in management and education. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2021;6(150):158—163. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-158-163.
6. Fedorova E. A. Virtual reality as an innovative method of student training. *Studencheskii nauchnyi forum — 2018 = Student Scientific Forum - 2018. X International student scientific conference*. (In Russ.) URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001226> (accessed: 05.04.2026).
7. Khaliev M. S.-U., Madaev S. M. The role of virtual reality in creating next-generation educational platforms. *Vyzovy tsifrovoi ekonomiki: kadry dlya regiona = Challenges of the digital economy: personnel for the region. Collection of articles of the VIII All-Russian scientific and practical conference*. Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology publ., 2024:282—285. (In Russ.)
8. Atabyekova A. K. Virtual reality technologies and their use in teaching foreign languages. *Inostrannyye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya = Foreign languages: innovations, research and teaching prospects: Proceedings of the V International scientific and practical conference dedicated to the memory of M. A. Cherkas*. Minsk, Belarusian State University publ., 2022:284—291. (In Russ.)
9. Bokova T. N. Domestic and foreign experience of using innovative information technologies in teaching foreign languages. *Obrazovatel'noe prostranstvo v informatsionnyu epokhu = Education Environment in the Information Age (EEIA-2024). 2024 International conference. Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference*. Moscow, Russian Academy of Education publ., 2024:619—622. (In Russ.)
10. Gil'manova L. R. Problems of applying modern information technologies, in particular VR technologies, in studying English grammar in a secondary educational organization. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2024;20(519):613—614. (In Russ.)
11. Grubin I. V., Yudina I. I., Oganessian E. A., Pluzhnikova I. I. Advantages and disadvantages of using virtual reality technology in teaching a foreign languages at university. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2025;2:89—92. (In Russ.)
12. Zhivokina M. A., Sorokin V. V. New technologies and the study of foreign languages: virtual and augmented reality. *Studencheskii nauchnyi forum — 2025 = Student Scientific Forum - 2025. XVII International student scientific conference*. (In Russ.) URL: <https://scienceforum.ru/2025/article/2018037691> (accessed: 28.04.2026).

13. Kolesnichenko A. N. The possibilities of using virtual reality technology in teaching a foreign language. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*. 2023;12(2):266—270. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2023122311
14. Konnova Z. I., Semenova G. V. Teaching foreign language to medical students in the framework of virtual reality technology. *Nauchnyi rezul'tat. Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Research Result. Pedagogy and Psychology of Education*. 2020;6(2):34—41. (In Russ.) DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-2-0-4.
15. Morozova A. L., Kostyukova T. A. Virtual reality in teaching dialogic speech in English: MGIMO-Odintsovo experience. *Yazyk i kul'tura = Language and culture*. 2023;63:207—238. (In Russ.)
16. Murai O. V. Teaching foreign languages using VR technology. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, and Education*. 2023;5(102):189—192. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2023-5102-189-192.
17. Nurtdinova L. R. Methodical organization of learning material for professional foreign language teaching programs with virtual reality. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and psychology of education*. 2020;1:106—115. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-297X-2020-1-106-115.
18. Khukalenko J. S. Foreign Language Acquisition (ESL) in Virtual Reality: Software Review. *Izvestiya Vostochnogo instituta = Oriental Institute Journal*. 2021;2:118—128. DOI: 10.24866/2542-1611/2021-2/118-128 (In Russ.)
19. Khusainova M. A., Garifova O. A. Integration of virtual reality technologies into the process of teaching foreign languages: effectiveness and methodological approaches. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2024;11(149). (In Russ.) DOI: 10.60797/IRJ.2024.149.95.
20. Yan Lei. Creating a Virtual Space in the Process of Teaching Foreign Languages. *Prepodavatel XXI vek*. 2024; 2-1:142—149. (In Russ.) DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-142-149.

Статья поступила в редакцию 04.05.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 04.05.2026; approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья
УДК 796.412.24
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1595

Vera Valeryevna Borisova
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Culture,
 Tula State
 Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 borisovav5@rambler.ru

Nikita Andreevich Kuznetsov
 Postgraduate of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Culture,
 field of training
 5.8.5 — Theory and methodology of sports,
 Tula State
 Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 nickita.kuznetzoff2014@yandex.ru

Alexandra Alexandrovna Suprun
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Rhythmic Gymnastics and Sports Dance,
 Lesgaft National State
 University of Physical Education,
 Sports and Health
 Saint Petersburg, Russian Federation
 aleksandrass@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории
 и методики физической культуры,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 borisovav5@rambler.ru

Никита Андреевич Кузнецов
 аспирант кафедры теории
 и методики физической культуры,
 направление подготовки
 5.8.5 — Теория и методика спорта,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 nickita.kuznetzoff2014@yandex.ru

Александра Александровна Супрун
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории и методики
 художественной гимнастики и спортивных танцев,
 Национальный государственный
 Университет физической культуры,
 спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 aleksandrass@mail.ru

КИНЕМАТИЧЕСКИЕ И ДИНАМИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДВИЖЕНИЙ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ТОЧНОСТЬ ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ ДВИГАТЕЛЬНОГО РИТМА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВ ТИПА СС С МЯЧОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В статье приведены данные кинематических и динамических параметров движения при выполнении сотрудничества типа СС способом броска мяча из-под колена. Проблема исследования заключается в том, чтобы преодолеть существующее противоречие между потребностью в совершенствовании техники выполнения сотрудничества с мячом в групповых упражнениях в художественной гимнастике и недостаточной разработанностью научно обоснованных методик, учитывающих кинематические и динамические параметры, обуславливающие точность воспроизведения двигательного ритма при выполнении сотрудничества типа СС с мячом. Целью исследования являлось научно обосновать содержание подхода к точности воспроизведения двигательного ритма при выполнении сотрудничества типа СС с броском мяча из-под колена на основе учета динамических и кинематических параметров. В ходе исследования методами корреляционного анализа установлено, что общий командный ритм формируется не равномерным вкладом всех участниц, а через стабильность специфических параметров у конкретных звеньев цепи. Наиболее сильное негативное влияние на точ-

ность оказывают: нестабильность угла вылета мяча у гимнастки центрального звена и дефицит скорости броска (импульса) у завершающего звена. При этом интервал взаимодействия между центральным и завершающим звеном более значим для синхронности, чем интервал между начальным и центральным звеном. На основе выявленных закономерностей разработана и теоретически обоснована блочная система тренировочных средств, направленная на целевую коррекцию выявленных «слабых звеньев» вместо их равномерного развития. Предлагаемая методика реализует принцип перехода от установления общего темпа к технической стабилизации ключевых параметров, синхронизации критических интервалов и интегральной тренировки в усложненных условиях. Результаты работы имеют практическую значимость для оптимизации тренировочного процесса в групповых упражнениях.

Ключевые слова: художественная гимнастика, групповые упражнения, двигательный ритм, сотрудничество (СС), чувство темпа, чувство ритма, синхронность, бросок мяча из-под колена, кинематические параметры, этапный контроль

Для цитирования: Борисова В. В., Кузнецов Н. А., Супрун А. А. Кинематические и динамические параметры движений, обуславливающие точность воспроизведения двигательного ритма при выполнении сотрудничества типа СС с мячом в художественной гимнастике // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 383—389. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1595.

Original article

KINEMATIC AND DYNAMIC PARAMETERS OF MOVEMENTS THAT DETERMINE THE ACCURACY OF REPRODUCING MOTOR RHYTHM WHEN PERFORMING CC-TYPE COLLABORATIONS WITH A BALL IN RHYTHMIC GYMNASTICS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article presents data on the kinematic and dynamic parameters of movement during the execution of collaborations without high/long throws of the apparatus (CC) using the ball throw from under the knee. The research problem is to overcome the existing contradiction between the need to improve the technique of performing CC with the ball in group exercises in rhythmic gymnastics and the lack of scientifically grounded methods that take into account the kinematic and dynamic parameters that determine the accuracy of reproducing the motor rhythm in CC with the ball. The purpose of the study was to scientifically substantiate the approach to the accuracy of motor rhythm when reproducing CC with a ball throw from under the knee based on the consideration of dynamic and kinematic collaborations parameters that the overall team rhythm is formed not by the uniform contribution of all participants, but by the stability of specific parameters in specific links of the chain. The most significant negative impact on accuracy is caused by the instability of the ball's exit angle in the central

link and the lack of throwing speed (impulse) in the final link. Moreover, the interaction interval between the central and final link is more significant for synchrony than the interval between the initial and central link. Based on the identified patterns, a block-based training system has been developed and theoretically substantiated, aimed at targeted correction of identified "weak links" instead of their uniform development. The proposed methodology implements the principle of transition from establishing a general pace to technical stabilization of key parameters, synchronization of critical intervals, and integral training in complex conditions. The results of this work have practical significance for optimizing the training process in group exercises.

Keywords: rhythmic gymnastics, group exercises, motor rhythm, collaboration without high/long throws of the apparatus (CC), sense of tempo, sense of rhythm, synchronism, ball throw from under the knee, kinematic parameters, stage control

For citation: Borisova V. V., Kuznetsov N. A., Suprun A. A. Kinematic and dynamic parameters of movements that determine the accuracy of reproducing motor rhythm when performing CC-type collaborations with a ball in rhythmic gymnastics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;2(75):383—389. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1595.

Введение

Актуальность. На сегодняшний день, на современном этапе развития групповых упражнениях отдельная бригада судей оценивает ДС и 35 % из них отводится на подгруппу СС в групповых упражнениях, которая оценивается от 0,2 до 0,4 добавления в критерии согласно правилам соревнований. Эти сотрудничества актуальны на протяжении существования всей художественной гимнастики и дисциплины групповых упражнений, но в зависимости от оценивания их согласно правилам соревнований, они имели разную вариативность исполнения на сегодняшний момент. И только в олимпийском цикле 2025—2028 гг., согласно правилам, выполнение сотрудничества без длинного и высокого броска требует году выполнения как минимум трех одинаковых действий со связями с предметами, выполняемых последовательно, с равными интервалами между каждым действием. Актуальность исследования обуславливается поиском путей перехода от эмпирического поиска синхронности к целенаправленной биомеханической коррекции индивидуальной техники спортсменок, что станет научно обоснованным методическим инструментом для повышения качества командного взаимодействия.

Изученность проблемы. Проблема обеспечения синхронности и точности взаимодействия в групповых упражнениях художественной гимнастики является предметом пристального внимания специалистов в связи с непрерывным ростом требований к сложности и чистоте исполнения соревновательных композиций. Как справедливо отмечают в своих работах М. С. Курмаева и М. А. Правдов [1], акту-

ализируется задача поиска эффективных средств и методов достижения высокого уровня синхронности, что напрямую связано с итоговой оценкой выступления команды.

Исследователи единодушно подчеркивают комплексный, многофакторный характер этой проблемы. Уровень синхронности, по мнению авторов, детерминирован не только степенью технического мастерства и физической подготовленности каждой спортсменки, но и качеством совместной деятельности. На это указывают результаты исследования Е. Н. Медведевой, Я. В. Голуб, Е. В. Агеева и А. А. Баряева [2], которые выявили прямую зависимость между опытом совместных выступлений и эффективностью психофизиологического взаимодействия в команде. Авторы продемонстрировали, что спортсменки, длительное время тренирующиеся вместе, демонстрируют лучшее время реакции и более успешное совместное ведение объекта, что создает фундамент для качественного исполнения упражнения. Е. Д. Бакулина и Д. С. Стариченкова отмечают [3], что техническая слаженность, особенно в сложных кооперативных элементах, требует глубокого биомеханического обоснования.

Глубокому биомеханическому исследованию именно бросковых действий с мячом посвящена работа С. А. Моисеева [4], где фундаментально рассматривались особенности межсуставного взаимодействия в процессе выполнения различных по структуре спортивных движений художественной гимнастики — ловле мяча. В групповом упражнении также нашел свое отражение биомеханический подход, где отмечается важность выявленных различий

в пространственных и временных параметрах техники броскового элемента сотрудничества, отрицательно влияющих на синхронизацию движений, а именно: асинхронность выполнения замаха и маха рабочей руки и выполнения серии предакробатических элементов (кувырков вперед), также различия углового значения в тазобедренном и плечевом суставе во время выполнения частей бросковой связки. Но П. А. Чугуновой [5] не рассматривается именно кинематическая цепь «гимнастка — предмет — гимнастка».

Ритм является фундаментальным принципом, обеспечивающим устойчивость и адаптивность двигательного навыка. В контексте совместного действия точность ритма напрямую зависит от предсказуемости и воспроизводимости параметров полета предмета, что ставит во главу угла начальные условия броска. Схожую мысль развивает С. А. Гаврилин [6], указывая на необходимость формирования правильного ритма и последовательности составных частей действия уже на этапе обучения. Практический аспект развития ритмических способностей в спортивной практике освещается в работах Ф. Жао и Д. Гу [7] на примере баскетбола, а также Д. В. Малышкина и А. Н. Кутасина [8] на материале тхэквондо и работах Ж. Фань и В. С. Макеевой [9], что подтверждает универсальность данной проблемы для различных сложнокоординационных видов спорта. Таким образом, кинематика предмета (время полета, скорость, угол) и динамика его взаимодействия с гимнасткой (импульс силы) формируют объективную временную сетку, в которую должна быть вписана хореография элемента.

Однако порождение точного броска — это не просто механическое действие, а сложноорганизованный двигательный акт. Исследования нейромышечного контроля, подобные работе С. А. Моисеева и С. М. Иванова [10], проливают свет на глубинные механизмы, обеспечивающие стабильность. Авторы установили, что у квалифицированных гимнасток формируются устойчивые мышечные синергии — модули согласованной активации мышц плечевого пояса, туловища и конечностей. Эти синергии обеспечивают как само движение, так и стабилизацию позы, что является основой для воспроизведения идентичных кинематических параметров от попытки к попытке. Стабильность мышечного рисунка — это биомеханический фундамент стабильности броска, а следовательно, и предсказуемости его ритмического рисунка.

Тем не менее способность к точному воспроизведению кинематических параметров, особенно в условиях соревновательного стресса и утомления, не является абсолютной. Об этом свидетельствует исследование В. Н. Мархакшиновой [11], выявившее статистически значимое снижение точности воспроизведения заданного суставного угла у гимнасток на фоне усталости. Наибольшие ошибки и вариативность наблюдались при выполнении элемента в комбинации с другим двигательным действием (поворотом), что в полной мере соответствует условиям выполнения сложных связок типа «сотрудничество». Этот факт указывает на уязвимость кинематической точности, которая может стать «слабым звеном» в цепи синхронизации команды.

Переноса эти данные на проблему групповой синхронности, становится очевидной причинно-следственная цепочка. Психофизиологическая совместимость и опыт совместной деятельности [2] создают предпосылки для слаженного взаимодействия. Однако эта слаженность на физическом уровне реализуется через согласованность инди-

видуальных биомеханических паттернов [5; 4]. Различия в углах суставов, времени и скорости выполнения фаз элемента у разных гимнасток, выявленные П. А. Чугуновой [5], напрямую ведут к асинхронности. Эта асинхронность, в свою очередь, нарушает общий двигательный ритм команды, понимаемый как точное совпадение пространственно-временных параметров у всех исполнительниц.

Не менее важен анализ конкретных технических элементов, составляющих основу взаимодействия, таких как бросковые действия. Исследования биомеханики броска в различных видах спорта, проведенные И. М. Джолиевым с соавторами [12], а также А. В. Блашкевичем, В. В. Царун и А. Г. Щученко [13], выявляют ключевые кинематические и динамические параметры (углы, скорости, импульсы), определяющие эффективность и стабильность движения. Применительно непосредственно к художественной гимнастике работу в этом направлении ведет Л. Г. Пименова [14], изучающая взаимосвязи кинематических параметров бросков предметов в поддержках. Как отмечают в своих исследованиях А. Н. Федорова, Я. А. Хохлова и Л. В. Жигайлова [15], фундаментальные физические законы, определяющие полет мяча, создают жесткие кинематические рамки для исполнительниц. Начальная скорость и угол вылета снаряда, формируемые в момент броска, выступают первичными векторами, детерминирующими высоту, форму траектории и горизонтальное смещение предмета. Исследователи единодушно подчеркивают, что именно от этих исходных данных зависит возможность прогнозирования движения объекта.

Таким образом, анализ литературы позволяет констатировать, что проблема синхронизации в групповых упражнениях исследуется в нескольких взаимосвязанных плоскостях: психофизиологическое взаимодействие в команде, биомеханика совместных элементов, роль двигательного ритма и точность технических параметров бросковых действий. Однако остается недостаточно изученным вопрос о конкретных корреляционных взаимосвязях между кинематическими и динамическими параметрами индивидуального исполнения броска в цепочке взаимодействия и итоговой точностью воспроизведения общего двигательного ритма команды. Большинство существующих работ либо рассматривают синхронность как общий результат, либо анализируют технику изолированно. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела путем установления количественных зависимостей между ключевыми биомеханическими характеристиками выполнения элемента «сотрудничество» (такими как время полета мяча, скорость броска, угол вылета, импульс силы) и метрикой точности ритмического рисунка у каждой гимнастки в связке. Такой подход позволяет перейти от общих рекомендаций по улучшению синхронности к целевой, дифференцированной коррекции технических параметров у конкретных спортсменок, являющихся «слабыми звеньями» в ритмической цепочке.

Целесообразность разработки данной темы обусловлена необходимостью решения проблемы, заключающейся в том, что существующие работы рассматривают компоненты синхронности (психофизиологический, биомеханический, ритмический) изолированно, не устанавливая количественных связей между ними в контексте конкретного элемента. В частности, остается невыясненным, какие именно кинематические (угол вылета, время полета мяча, горизонтальная скорость) и динамические (импульс силы) параметры индивидуального броска в связке типа

СС с мячом являются наиболее критичными для точности воспроизведения общего двигательного ритма командой. Какова степень влияния вариативности этих параметров у отдельных гимнасток на итоговый показатель синхронности? Позволяет ли оценка стабильности ключевых биомеханических показателей броска прогнозировать способность спортсменки к интеграции в ритмический рисунок группы?

Цель исследования — выявление и анализ кинематических и динамических параметров бросковых движений в элементе «сотрудничество» типа СС с мячом, которые оказывают определяющее влияние на точность воспроизведения двигательного ритма в групповых упражнениях художественной гимнастики. Установление этих связей позволит перейти от эмпирического поиска синхронности к целенаправленной биомеханической коррекции индивидуальной техники спортсменок, что станет научно обоснованным методическим инструментом для повышения качества командного взаимодействия.

Задачи исследования:

1. Проанализировать научно-методическую литературу с целью выявления и систематизации современных представлений о биомеханических, нейрофизиологических и ритмологических основах точности группового двигательного взаимодействия в художественной гимнастике.
2. Провести корреляционный анализ для количественной оценки степени влияния ключевых кинематических (время, скорость, угол вылета) и динамических (импульс) параметров бросковых движений каждой гимнастки на общий показатель точности воспроизведения двигательного ритма при выполнении элемента «сотрудничество» типа СС с броском мяча из-под колена движением назад.
3. Разработать практические рекомендации и блоки средств для тренеров для оптимизации процесса точности воспроизведения двигательного ритма спортсменками, выступающих в групповых упражнениях в художественной гимнастике.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые для сотрудничества с мячом в художественной гимнастике были не просто описаны, а количественно определены конкретные кинематические и динамические параметры движений, которые напрямую влияют на точность ритма.

Получены следующие новые результаты:

1. Доказана дифференцированная роль гимнасток в цепи. Выявлено, что общий ритм команды нарушается не из-за ошибок всех участниц, а из-за сбоев в работе конкретных «звеньев»:

- Центральное звено — гимнастка 2 (далее также — Г2): Первичной причиной рассинхронизации является нестабильность кинематического параметра — угла вылета мяча.
- Завершающее звено — гимнастка 3 (далее также — Г3): Ключевым ограничителем темпа является недостаток динамических параметров — скорости броска и создаваемого импульса.

2. Установлена иерархия значимости интервалов взаимодействия. Показано, что для конечной точности критически важен интервал передачи между центральным и завершающим звеном, а не между начальным и центральным.

3. Предложен новый методический принцип. На основе выявленных связей разработана блочная система тренировки, направленная не на общее улучшение всех качеств, а на целевое исправление конкретных параметров у конкретных гимнасток.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении теории и методики художественной гимнастики знаниями о кинематических и динамических параметрах движений, обуславливающих точность воспроизведения двигательного ритма при выполнении сотрудничества типа СС с броском мяча из-под колена в групповых упражнениях. Значимость центрального (Г2) и завершающего (Г3) звеньев — в точности воспроизведения ритма. Подчеркивается важность уделения оптимального для развития двигательного ритма времени как важного фактора синхронизации действий гимнасток при выполнении сотрудничества типа СС с мячом. Таким образом, исследование переводит изучение групповой синхронности из области общих представлений в плоскость точного, параметрически управляемого процесса.

Практическая значимость исследования определяется высокой прикладной направленностью полученных результатов. Исследование предоставляет тренерскому составу объективный диагностический инструментарий, позволяющий выявлять конкретные биомеханические причины нарушения ритма у конкретных спортсменок. Разработанная на основе корреляционного анализа блочная система упражнений представляет собой научно обоснованную методику коррекции, позволяющую целенаправленно воздействовать на выявленные дефициты (нестабильность угла вылета у центрального звена, недостаток скорости и импульса у завершающего), что существенно повышает эффективность тренировочного процесса при подготовке групповых упражнений.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования составил системный подход, рассматривающий групповое сотрудничество как целостную, но структурированную систему «гимнастка — предмет — гимнастка». Изучался наиболее распространенный способ передачи предмета в сотрудничестве типа СС — бросок мяча из-под колена в положении стоя, движением назад. В качестве ведущего метода выступил корреляционно-регрессионный анализ, примененный для обработки эмпирических данных, полученных в ходе педагогического эксперимента. Регистрация кинематических параметров (время полета мяча, угол и скорость вылета) и динамической характеристики (импульс силы) осуществлялась с использованием видеоанализа и лицензионной программы *Kinovea*, а также с применением общих формул физики. Исследуемый способ сотрудничества был записан на камеру *Apple iPhone 16* (основная камера — 48 Мп, минимальная диафрагма $f/1.6$, эквивалентное фокусное расстояние — 26 мм, оптическая стабилизация; широкоугольная — на 12 Мп, минимальная диафрагма $f/2.2$, эквивалентное фокусное расстояние — 13 мм; фронтальная — также на 12 Мп). Всего было протестировано 12 гимнасток, выступающих по программе кандидата в мастера спорта. Параллельно фиксировался интегральный показатель точности воспроизведения двигательного ритма командой. Точность воспроизведения ритма определялась по временному интервалу, показанному гимнасткой 3 относительно гимнастки 2, выполняющей бросок мяча последовательно [точность воспроизведения ритма ($\Delta t_{12} = \Delta t_{23}$), %, где временной интервал (Δt_{12} с) брался за модельный показатель].

Статистическая обработка, направленная на расчет коэффициентов корреляции Пирсона между индивидуальными параметрами и групповой точностью, позволила перейти от качественных описаний к количественному установлению причинно-следственных связей. Обоснование выбора именно корреляционного метода связано с необходимостью не просто констатировать различия, а выявить силу и направленность влияния каждого из множества факторов на результирующий показатель синхронности. Полученные количественные зависимости стали строгим основанием для последующей разработки дифференцированной методики тренировки.

Результаты исследования. При выполнении групповых упражнений одним из ключевых показателей качества является синхронность действий гимнасток. Словоупотребительные взаимодействия типа «сотрудничества» (СС), включающие передачу предмета, требуют точного воспроизведения двигательного ритма. Анализ вариативности показывает, что сотрудничество с броском мяча считается наиболее трудным для синхронизации, а наиболее распространенным техническим способом его реализации является бросок из-под колена в положении стоя. Статистика ошибок указывает на высокий процент неточных передач и потерей контроля над предметом (65,9 и 70,5 % соответственно), что обуславливает необходимость детального изучения кинематических и динамических параметров движений предмета и спортсменок для поиска причин нарушения ритма и повышения качества взаимодействия.

В ходе исследования была применена корреляционный анализ. Так было выявлено доминирование общих временных параметров. Наиболее сильные связи обнаружены с общей длительностью и темпом. Это доказывает, что точность ритма — это в первую очередь функция общего темпа выполнения всего элемента. Быстрые, ритмичные циклы выполняются точнее.

Дифференцированная роль гимнасток в нарушении ритма заключается в том, что гимнастка 2 является центральным звеном. Выявлена единственная умеренная корреляция с ее углом вылета. Это означает, что именно техническая ошибка Г2 (бросок под неоптимальным, скорее всего излишне большим углом) является первым значимым фактором, который начинает «ломать» командный ритм. Ее роль как стабилизатора темпа, выявленная в гипотезе, подтверждается, но через призму технического качества броска, а не его скорости.

Гимнастка 3 — завершающее звено. Ее параметры также демонстрируют лишь слабые связи. В контексте этих данных ее влияние на общую точность данного цикла минимально.

Также было доказано, что не все моменты передачи мяча одинаково важны. Самым критическим является интервал между бросками гимнастки 2 и гимнастки 3. Любая задержка именно на этом этапе сильнее всего нарушает синхронность, чем заминка между первой и второй гимнасткой.

Таким образом, итог исследования ясен: чтобы команда работала ритмично, необходимо контролировать два разных типа параметров.

1. Кинематические параметры (стабильность техники) у гимнастки 2: ее бросок должен выполняться под постоянным, оптимальным углом.

2. Динамические параметры (сила и скорость) у гимнастки 3: ее бросок должен быть мощным и быстрым, чтобы мяч летел минимальное время.

На основе выявленных корреляционных взаимосвязей были сформулированы приоритетные направления коррекции тренировочного процесса:

1. Основной тренировочный фокус на гимнастке 2: ключевой объект коррекции — техника ее броска. Необходимо добиться стабильного, оптимального (скорее более пологого) угла вылета мяча (θ_2).

2. Контроль критического интервала: требуется минимизация времени передачи от гимнастки 2 к гимнастке 3.

3. Работа с гимнасткой 3: Главная цель — ликвидация «замедленности». Тренировочные усилия должны быть направлены на увеличение скорости броска (V_{03}) и сокращение времени полета мяча (t_3) через развитие мощного, плавно-ускоренного финального усилия. Упражнения на метание с дозированной силой и отработка броска под стабильным оптимальным углом для минимизации времени полета.

На основе проведенного анализа выявленных корреляционных взаимосвязей между кинематическими и динамическими параметрами движений и точностью воспроизведения ритма были разработаны блоки упражнений. Данная блочная система реализует принцип «от общего к частному и обратно к общему»: от установления общего темпа (Блок 1) через точечную техническую коррекцию «слабых звеньев» (Г2 — Блок 2, Г3 — Блок 3) и синхронизацию их взаимодействия (Блок 4) к комплексной, устойчивой работе всей системы в целом (Блок 5). Каждый блок опирается на конкретные выявленные корреляционные взаимосвязи, что делает тренировочный процесс высоко специфичным и эффективным.

Разработанные блоки средств были распределены в планировании и рассчитаны на продолжительность их выполнения в течение 12 недель.

Таким образом была подтверждена выдвинутая в начале исследования гипотеза о том, что точность воспроизведения двигательного ритма при выполнении сотрудничества типа СС с мячом обеспечивается интеграцией в техническую подготовку спортсменок подхода, имеющего блочную структуру и учитывающего кинематические и динамические параметры движений.

Выявлена дифференцированная роль звеньев цепи: техническая ошибка центрального звена и недостаток скорости завершающего звена являются ключевыми факторами, нарушающими синхронность. Практическая ценность работы заключается в предоставлении тренерам научно обоснованного инструмента для целенаправленной коррекции «слабых звеньев» и повышения качества группового взаимодействия в художественной гимнастике.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что точность воспроизведения двигательного ритма в словоупотребительных групповых связках художественной гимнастики не является следствием абстрактной «слаженности», а имеет четкую биомеханическую детерминацию. Результаты корреляционного анализа убедительно доказывают, что общий командный ритм формируется не суммой индивидуальных действий, а через стабильность ключевых параметров у определенных звеньев цепочки.

Основные выводы исследования сводятся к следующему. Во-первых, влияние гимнасток на итоговую синхронность резко дифференцировано. Параметры броска гимнастки-инициатора не оказывают статистически значимого влияния на точность, в то время как технические характеристики центрального звена (Г2), в частности увеличение

угла вылета и времени полета мяча, выступают первичным дестабилизирующим фактором. Во-вторых, для завершающего звена (ГЗ) решающее значение приобретают динамические и временные параметры: точность ритма команды напрямую зависит от скорости ее броска и импульса, а снижение темпа ее действия становится «бутылочным горлышком» для всей цепи. В-третьих, фундаментальным условием высокой синхронности является поддержание общего высокого темпа выполнения всего элемента, при этом наиболее критичным является интервал взаимодействия между центральным и завершающим звеном.

На основе этих выводов сформулированы практические рекомендации. Тренировочный процесс должен строиться на прицельной коррекции выявленных «слабых звеньев»: для Г2 — стабилизация техники броска с акцентом

на оптимальный, неизменный угол вылета; для ГЗ — развитие мощного, ускоренного финального усилия в жестком временном лимите. Разработанная 12-недельная блочная система, последовательно решающая задачи установления общего темпа, технической стабилизации, ликвидации замедленности, синхронизации интервалов и интегральной тренировки в усложненных условиях, представляет собой эффективный инструмент для целенаправленного повышения качества группового взаимодействия.

Перспективой дальнейших исследований видится углубление анализа за счет изучения электромиографических паттернов выявленных критических фаз броска, а также расширение методики на другие типы сотрудничества и гимнастические предметы для создания универсальной модели биомеханического обеспечения командной синхронности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курмаева М. С., Правдов М. А. Проблема синхронизации технических элементов в групповых упражнениях художественной гимнастики // Атомная энергия спорта: от корпоративной культуры к гражданскому патриотизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иваново : Иван. гос. энергет. ун-т им. В. И. Ленина, 2025. С. 93—94.
2. Медведева Е. Н., Голуб Я. В., Агеев Е. В., Баряев А. А. Характеристика компонентов психофизиологической совместности спортсменок групповых упражнений художественной гимнастики // Теория и практика физической культуры. 2025. № 12. С. 11—13.
3. Бакулина Е. Д., Стариченко Д. С. Методика синхронизации движений в групповых упражнениях в различных видах гимнастики // Физическое воспитание в условиях современного образовательного процесса : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летия фак. физ. культуры. Шуя : Изд-во Шуйс. фил. ИвГУ, 2024. С. 241—244.
4. Моисеев С. А. Модульная организация межсуставного взаимодействия при ловле мяча в художественной гимнастике // Актуальные медико-биологические проблемы спорта и физической культуры : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : Волгогр. гос. акад. физ. культуры, 2025. Ч. 2. С. 77—80.
5. Чугунова П. А. Сравнительный анализ кинематических характеристик элемента сотрудничества в художественной гимнастике // Состояние, проблемы и пути совершенствования спортивной и оздоровительной тренировки в гимнастике, танцевальном спорте и фитнесе : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань : Поволж. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2022. С. 311—316.
6. Гаврилин С. А. Овладение и совершенствование двигательных навыков под воздействием длительного и систематического упражнения в вариативных условиях // Наука-2020. 2023. № 1(62). С. 80—85.
7. Жао Ф., Гу Д. Интегрированная тренировка темпоритма и технической подготовки в баскетболе // Геймификация. Научный подход. 2025. № 4(4). С. 16—23.
8. Малышкин Д. В., Кутасин А. Н. Методика развития способности к двигательному ритму тхэквондистов этапа начальной подготовки // Современные подходы к оптимизации процесса физического воспитания, спортивной тренировки и оздоровления населения : материалы XXII Междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 2023. С. 237—244.
9. Фань Ж., Макеева В. С. Формирование ритма и темпа двигательных действий на основе оценки точности ощущения и запоминания расстояний // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2023. Т. 18. № 4. С. 32—35.
10. Моисеев С. А., Иванов С. М. Особенности пространственно-временной структуры мышечных синергий при реализации профилирующих элементов в художественной гимнастике // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 2024. Т. 110. № 6. С. 959—975. DOI: 10.31857/S0869813924060066.
11. Мархакшинова В. Н. Изменение суставного угла плеча при выполнении элемента «бумеранг» с лентой на фоне утомления // Проблемы управления и инновации в физической культуре, реабилитации, рекреации и спортивно-оздоровительном туризме : материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2026. С. 161—164.
12. Анализ биомеханических характеристик броска в баскетболе и их коррекция в процессе обучения / И. М. Джолиев, Б. М. Сапаров, В. А. Обносков и др. // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 5-1. С. 11—24. DOI: 10.25726/s8100-0652-6189-x.
13. Блашкевич А. В., Царун В. В., Щученко А. Г. Кинематический анализ движения верхних конечностей в волейболе // Актуальные проблемы, современные тенденции развития физической культуры и спорта с учетом реализации национальных проектов : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2022. С. 591—595.
14. Пименова Л. Г. Оптимизация техники бросков обруча и мяча при выполнении поддержек в групповых упражнениях художественной гимнастики на основе кинематического анализа // Научные исследования и разработки в спорте : вестн. аспирантуры и докторантуры. СПб. : Нац. гос. Ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2025. Вып. 33. С. 84—101.
15. Федорова А. Н., Хохлова Я. А., Жигайлова Л. В. Общие закономерности техники выполнения упражнений с предметами в художественной гимнастике // Тезисы докладов L научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар : Куб. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2023. Ч. 3. С. 378—379.

REFERENCES

1. Kurmaeva M. S., Pravdov M. A. The problem of synchronization of technical elements in group rhythmic gymnastics exercises. *Atomnaya energiya sporta: ot korporativnoi kul'tury k grazhdanskomu patriotizmu = Atomic energy of sports: from corporate culture to civic patriotism. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Ivanovo, Ivanovo State Power Engineering University named after V. I. Lenin publ., 2025:93—94. (In Russ.)
2. Medvedeva E. N., Golub Ya. V., Ageev E. V., Baryaev A. A. Psychophysiological compatibility of rhythmic gymnasts. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2025;12:13—15.
3. Bakulina E. D., Starichenkova D. S. Method of synchronization of movements in group exercises in various types of gymnastics. *Fizicheskoe vospitanie v usloviyakh sovremennogo obrazovatel'nogo protsessa = Physical education in the context of the modern educational process. Collection of materials of the VI International scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Physical Education*. Shuya, Shuya Branch of Ivanovo State University publ., 2024: 241—244. (In Russ.)
4. Moiseev S. A. Modular organization of interarticular interaction when catching a ball in rhythmic gymnastics. *Aktual'nye mediko-biologicheskie problemy sporta i fizicheskoi kul'tury = Actual medical and biological problems of sports and physical culture. Collection of materials of the international scientific and practical conference*. Volgograd, Volgograd State Academy of Physical Culture publ., 2025;2:77—80. (In Russ.)
5. Chugunova P. A. Comparative analysis of the kinematic characteristics of the cooperation element in rhythmic gymnastics. *Sostoyanie, problemy i puti sovershenstvovaniya sportivnoi i ozdorovitel'noi trenirovki v gimnastike, tantseval'nom sporte i fitnese = State, problems, and ways of improving sports and health training in gymnastics, dance sports, and fitness. Materials of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Volga State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2022:311—316. (In Russ.)
6. Gavrilin S. A. Mastering and improving motor skills under the influence of prolonged and systematic exercise in variable conditions. *Nauka-2020*. 2023;1(62):80—85. (In Russ.)
7. Zhao F., Gu D. Integrated training of tempo and technical training in basketball. *Geimifikatsiya. Nauchnyi podkhod = Gamification*. 2025;4(4):16—23. (In Russ.)
8. Malyshev D. V., Kutasin A. N. Methods of developing the ability to motor rhythm of taekwondo athletes at the initial training stage. *Sovremennye podkhody k optimizatsii protsessa fizicheskogo vospitaniya, sportivnoi trenirovki i ozdorovleniya nasele-niya = Modern approaches to optimizing the process of physical education, sports training, and health improvement of the popula-tion. Materials of the XXII International scientific and practical conference*. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University publ., 2023:237—244. (In Russ.)
9. Fan Zh., Makeeva V. S. Formation of the rhythm and tempo of motor actions based on the assessment of the accuracy of sensation and memorization of distances. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta = Russian Journal of Physical Education and Sport*. 2023;18(4):32—35. (In Russ.)
10. Moiseev S. A., Ivanov S. M. Spatial-Temporal Structure Features of Muscle Synergies During Profiling Elements Implementation in Rhythmic Gymnastics. *Rossiiskii fiziologicheskii zhurnal im. I. M. Sechenova = Russian Journal of Physiology*. 2024;110(6):959—975. (In Russ.) DOI: 10.31857/S0869813924060066.
11. Marhakshinova V. N. Change of the articular angle of the shoulder when performing the «boomerang» element with a ribbon against the background of fatigue. *Problemy upravleniya i innovatsii v fizicheskoi kul'ture, reabilitatsii, rekreatsii i sportivno-ozdorovitel'nom turizme = Problems of management and innovation in physical culture, rehabilitation, recreation, and sports and health tourism. Materials of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, 2026:161—164. (In Russ.)
12. Dzholiev I. M., Saparov B. M., Obnosov V. A. et al. Analysis of biomechanical characteristics of a basketball shot and their correction in the learning process. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2025; 5-1:11—24. (In Russ.) DOI: 10.25726/s8100-0652-6189-x.
13. Blashkevich A. V., Tsarun V. V., Shchuchenko A. G. Kinematic analysis of the upper limb movement in volleyball. *Aktual'nye problemy, sovremennye tendentsii razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta s uchetom realizatsii natsional'nykh proek-tov = Actual problems, modern trends in the development of physical culture and sports, taking into account the implementation of national projects. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics publ., 2022:591—595. (In Russ.)
14. Pimenova L. G. Optimization of hoop and ball throwing techniques in group rhythmic gymnastics exercises based on kinematic analysis. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki v sporte = Scientific research and development in sports. Bulletin of postgraduate and doctoral studies*. Saint Petersburg, Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health publ., 2025;33:84—101. (In Russ.)
15. Fedorova A. N., Khokhlova Ya. A., Zhigailova L. V. General patterns of performing exercises with objects in rhythmic gymnastics. *Abstracts of the L scientific conference of students and young scientists of universities in the Southern Federal District*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2023;3:378—379. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 13.04.2026.
The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 13.04.2026.

Научная статья
УДК 793.3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1583

Vera Valeryevna Borisova
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
borisovav5@rambler.ru

Albert Arturovich Mozhaev
Postgraduate of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
field of training 5.8.5 — Theory and methodology of sports,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
albertmozhaev@gmail.com

Alexandra Alexandrovna Suprun
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methods of Gymnastics,
Lesgaft National State University of Physical Education,
Sports and Health
Saint Petersburg, Russian Federation
aleksandrass@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова
канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики физической культуры,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
borisovav5@rambler.ru

Альберт Артурович Можяев
аспирант кафедры теории и методики физической культуры,
направление подготовки 5.8.5 — Теория и методика спорта,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
albertmozhaev@gmail.com

Александра Александровна Супрун
канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики гимнастики,
Национальный государственный
Университет физической культуры,
спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
Санкт-Петербург, Российская Федерация
aleksandrass@mail.ru

СИНХРОННОСТЬ И СТАБИЛЬНОСТЬ ПСИХОМОТОРНЫХ ПРОФИЛЕЙ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ЧУВСТВА ПАРТНЕРА В ТАНЦЕВАЛЬНОМ СПОРТЕ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Статья посвящена исследованию психомоторных детерминант эффективного партнерского взаимодействия («чувства партнера») в танцевальном спорте. Актуальность работы обусловлена преобладанием в научной литературе внешнего — методического — подхода к проблеме синхронности при недостаточном внимании к ее внутренним, индивидуальным предпосылкам. Целью исследования является теоретическое обоснование и эмпирическая проверка значимости параметров стабильности индивидуального психомоторного профиля и синхронности профилей партнеров как ключевых детерминант «чувства партнера» в танцевальном спорте.

Авторы выдвигают гипотезу, что успешность взаимодействия детерминирована не только уровнем технического мастерства, но и двумя интегральными характеристиками системы «партнер — партнерша»: ровностью когнитивно-моторных реакций каждого танцора и степенью согласованности их психомоторных паттернов. Теоретический анализ подтверждает, что существующие методики развития согласованности нуждаются в дополнении диагностическим инструментарием, позволяющим оценить и учесть эти скрытые параметры. Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода от интуитивных оценок взаимодействия к его объективной

диагностике на основе количественных психофизиологических показателей. В исследовании операционализировано новое определение «чувства партнера» через два независимых параметра: стабильность (стандартное отклонение индивидуального профиля) и синхронность (коэффициент корреляции парных профилей). На выборке из 14 танцевальных пар различной квалификации с помощью стандартизированного компьютерного тестирования выделены и описаны три эмпирических типа парного взаимодействия: «стабильный — синхронный», «вариабельный — комплементарный» и «рассогласованный».

Полученные результаты подтверждают, что предложенная двухфакторная модель обладает высокой диагностической ценностью, позволяя дифференцировать природу проблем во взаимодействии. Разработанная методика представляет практический инструмент для тренеров и спортивных психологов, направленный на точную диагностику, прогнозирование сыгранности и разработку адресных коррекционных программ для танцевальных пар.

Ключевые слова: танцевальный спорт, чувство партнера, психомоторный профиль, стабильность, синхронность, психофизиологическая диагностика, парное взаимодействие, координация, когнитивно-моторные способности, дифференциальная диагностика

Для цитирования: Борисова В. В., Можяев А. А., Супрун А. А. Синхронность и стабильность психомоторных профилей как детерминанты чувства партнера в танцевальном спорте // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 390—395. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1583.

Original article

SYNCHRONITY AND STABILITY OF PSYCHOMOTOR PROFILES AS DETERMINANTS OF THE PARTNER SENSE IN DANCESPORT

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article is devoted to the study of psychomotor determinants of effective partner interaction (“partner sense”) in dancesport. The relevance of the work is due to the prevalence in the scientific literature of an external, methodological approach to the problem of synchrony, with insufficient attention to its internal, individual prerequisites. The purpose of the study is to provide a theoretical justification and empirical verification of the significance of the parameters of the stability of the individual psychomotor profile and the synchrony of the partners’ profiles as key determinants of “partner sense” in dancesport. The authors put forward a hypothesis that the success of interaction is determined not only by the level of technical skill, but also by two integral characteristics of the “partner-partner” system: the smoothness of each dancer’s cognitive-motor responses and the degree of consistency in their psychomotor patterns. The theoretical analysis confirms that existing methods for developing consistency need to be supplemented with diagnostic tools that allow for the assessment and consideration of these hidden parameters. The relevance of the work is due to the need to move

from intuitive assessments of interaction to its objective diagnosis based on quantitative psychophysiological indicators. The study operationalizes a new definition of “partner sense” through two independent parameters: stability (standard deviation of the individual profile) and synchrony (correlation coefficient of the pair profiles). Using standardized computer testing, three empirical types of pair interaction were identified and described in a sample of 14 dance pairs of varying qualifications: “stable-synchronous”, “variable-complementary”, and “discordant”. The obtained results confirm that the proposed two-factor model has a high diagnostic value, allowing differentiating the nature of problems in interaction. The developed technique represents a practical tool for coaches and sports psychologists, aimed at accurate diagnostics, forecasting of teamwork and development of targeted correction programs for dance couples.

Keywords: dancesport, partner sense, psychomotor profile, stability, synchrony, psychophysiological diagnostics, pair interaction, coordination, cognitive and motor abilities, differential diagnostics

For citation: Borisova V. V., Mozhaev A. A., Suprun A. A. Synchrony and stability of psychomotor profiles as determinants of the partner sense in dancesport. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):390—395. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1583.

Введение

Актуальность. В условиях высокой конкуренции и постоянного роста спортивного мастерства в танцевальном спорте достижение стабильно высоких результатов требует не только безупречной технической подготовки, но и синергетического взаимодействия внутри пары. Феномен, интуитивно описываемый тренерами и спортсменами как «чувство партнера», становится ключевым фактором успеха, особенно при выполнении сложно-координационных элементов. Его значимость для спортсменов высокой квалификации подчеркивается в работах В. Д. Подлесных, А. А. Тарасенко, Н. В. Ивановой [1], где он рассматривается как детерминанта успешности в акробатическом рок-н-ролле. Однако, несмотря на его признанную важность, данный феномен остается недостаточно изученным на уровне глубинных психофизиологических механизмов, определяющих способность к двигательной синхронизации.

Изученность проблемы. Существующие исследования сосредоточены преимущественно на педагогических и методических аспектах формирования согласованности. Так, Е. А. Самохина [2] рассматривает процесс обучения как задачу формирования двигательных навыков и воспитания физических качеств. С практической точки зрения, формирование синхронности и согласованности рассматривается как одна из центральных задач технической подготовки. В художественной гимнастике, по мнению Т. Н. Ключинской, Е. В. Митиной, Ю. В. Ивановой [3], успешность группового выступления базируется на целом комплексе критериев, среди которых согласованность, слитность, ритм и единообразие выделяются как основополагающие. Аналогичный подход наблюдается

и в танцевальном спорте, где, как указывают Н. С. Воинова и С. Ю. Козлова [4], техническая подготовка спортсменов предполагает системную работу по выработке единой скорости, синхронности и согласованности движений. В дисциплине «Формейшн» А. И. Третьякова [5] детализирует требования к синхронности, выделяя контроль над амплитудой, направлением взгляда, интервалами и умением «танцевать соседа». Исследования в области художественной гимнастики дополняют этот арсенал: Е. Д. Бакулина и Д. С. Стариченкова [6] подчеркивают, что повышение точности синхронного исполнения требует учета целого ряда факторов — от антропометрических данных и технической подготовленности до индивидуальных способностей к сотрудничеству, а также разработки специальных упражнений на пространственную ориентацию. А. А. Корбакова и И. А. Степанова [7] предлагают такие методические приемы, как тренировка в условиях сенсорной депривации, что статистически значимо повышает пространственную и временную точность движений.

Аналогичный проблемный контекст наблюдается и в смежных видах спорта. Например, в синхронном фигурном катании Н. А. Волыхина и М. М. Войнова [8] связывают качество исполнения с развитием координационных способностей и специальной выносливости. В художественной гимнастике Я. С. Антипова [9], А. С. Корсун, А. И. Иванова, Д. В. Ким [10] указывают на сложность достижения согласованности в групповых упражнениях и отмечают дефицит специфических средств для ее тренировки. В то же время А. Е. Кропотов [11] вносит терминологическую ясность, обосновывая корректность понятия «специализированные восприятия» для описания сенсорной основы подобных феноменов. Эмпирические

исследования подтверждают эту связь: работы С. Г. Исмаил и Р. М. Омаровой [12] демонстрируют прямую взаимосвязь между уровнем развития специализированных восприятий и качеством синхронности движений в соревновательной деятельности.

Попытку выйти на психофизиологический уровень анализа демонстрирует Я. В. Голуб [13], указывая, что базовым уровнем совместимости в команде является психофизиологический, основанный на сходстве темпоритмических характеристик. Тем не менее вопрос о том, как конкретные, стабильные психомоторные профили каждого из партнеров и степень их взаимной синхронизации определяют качество взаимодействия в танцевальной паре, остается открытым.

При этом, как справедливо отмечается в работах, направленных на изучение мнения тренерского сообщества, существует дефицит узкоспециализированных средств, целенаправленно развивающих согласованность. Например, опыт тренеров художественной гимнастики, обобщенный Т. Н. Ключинской, Е. В. Митиной, Ю. В. Ивановой [3], указывает на то, что не все потенциальные возможности для повышения синхронности исчерпаны. В танцевальном спорте аналогичный вывод подтверждают А. О. Надейкина и В. Р. Бекерова [14], чье исследование мнения тренеров выявляет необходимость совершенствования компонентов технико-тактической подготовки, направленных именно на взаимодействие в паре. Само понятие согласованности, под которым понимается единообразие и слитность действий, признается важнейшим фактором зрелищности и успеха.

В контексте танцевального спорта согласованность действий партнеров имеет и судейское измерение. Как отмечают А. Г. Савицкая и Е. С. Борисенкова [15], она относится к одному из критериев судейства — «партнерству» (*partnering*), являясь существенной составляющей исполнительского мастерства квалифицированных танцоров. При этом, по их мнению, развитие данного компонента часто опирается на заимствование методик из смежных танцевальных направлений (джаз, модерн), что требует создания особых педагогических условий, включающих специальный комплекс упражнений и творческую атмосферу.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена наличием существенного методологического пробела между признанием значимости «чувства партнера» и недостаточной изученностью его индивидуально-психологических и психофизиологических детерминант в танцевальном спорте. Восполнение этого пробела путем исследования стабильности и синхронности психомоторных профилей спортсменов как объективной основы двигательной согласованности представляет собой насущную научно-практическую задачу.

Целесообразность разработки темы данного исследования обусловлена необходимостью перехода от интуитивного понимания «чувства партнера» к его объективной диагностике и управляемому формированию на основе количественных психофизиологических показателей. Разработка методологии оценки стабильности и синхронности направлена на создание инструмента для точной диагностики проблем взаимодействия, разработки персонализированных тренировочных программ и, как следствие, повышения результативности и зрелищности выступлений танцевальных пар.

Цель исследования — теоретическое обоснование и эмпирическая проверка значимости параметров стабильности индивидуального психомоторного профиля и синхронности профилей партнеров как ключевых детерминант формирования «чувства партнера» в танцевальном спорте.

Задачи исследования:

1. Провести анализ научной литературы для определения структуры психомоторных способностей, значимых для парного взаимодействия в танцевальном спорте, и обосновать выбор диагностического инструментария.

2. Разработать и апробировать математико-статистическую модель оценки стабильности (через стандартное отклонение индивидуального профиля) и синхронности (через коэффициент корреляции парных профилей) психомоторных показателей танцоров.

3. На примере танцевальных пар различной квалификации эмпирически выявить и описать типы взаимодействия на основе сочетания уровней стабильности и синхронности (например, «стабильный — синхронный», «вариабельный — комплементарный»).

Научная новизна. Впервые «чувство партнера» в танцевальном спорте операционализировано через два независимых, но взаимосвязанных количественных параметра: индивидуальную стабильность и парную синхронность психомоторных профилей. Предложена и апробирована соответствующая методика их оценки, что позволяет перевести изучение данного феномена из области субъективных описаний в плоскость объективного психофизиологического анализа.

Теоретическая значимость исследования. Результаты работы вносят вклад в теорию спортивной психологии и педагогики, конкретизируя механизмы межличностной координации в парных видах спорта. Полученные данные расширяют представления о когнитивной основе двигательной синхронизации и могут служить основой для построения моделей эффективного парного взаимодействия.

Практическая значимость исследования. Разработанная диагностическая модель представляет собой готовый инструмент для работы тренеров и спортивных психологов. Результаты диагностики позволяют выявлять «слабые звенья» и диссонансы во взаимодействии пары; обоснованно подбирать или корректировать составы пар на основе принципов схожести или комплементарности профилей; создавать адресные тренировочные задания, направленные не на общее «улучшение взаимодействия», а на коррекцию конкретных выявленных рассогласований (например, в скорости принятия решений); прогнозировать и предупреждать потенциальные конфликты, вызванные несовпадением психофизиологических паттернов партнеров.

Основная часть

В специальной литературе и тренерской практике «чувство партнера» традиционно рассматривается как интегральный, но субъективно описываемый феномен, включающий взаимопонимание, слаженность движений и невербальную коммуникацию. Для научного анализа и практического управления этим процессом необходима его объективная операционализация. В рамках данного исследования «чувство партнера» определяется как качество двигательного и когнитивного взаимодействия в паре,

детерминированное двумя независимыми, но взаимосвязанными факторами: индивидуальной стабильностью (надежностью) психомоторного профиля каждого танцора и степенью согласованности (синхронности) этих профилей между партнерами.

Методология исследования. Исследование построено на принципах системного и дифференциального подходов. В работе использован комплекс взаимодополняющих методов. Теоретический анализ научной литературы по спортивной психологии, психофизиологии и теории систем для концептуализации ключевых понятий. Психодиагностический метод. Для оценки использовался стандартизированный комплекс компьютерных тестов, измеряющих ключевые для танцевального спорта психомоторные способности: скорость простой и сложной зрительно-моторной реакции, скорость мышления (*PDO*), переключение и распределение внимания, пространственное восприятие, зрительная память, кинематические характеристики движений.

Математико-статистические методы: первичная обработка данных проводилась с помощью описательной статистики. Для оценки стабильности каждого спортсмена рассчитывалось стандартное отклонение (*SD*) по совокупности его стандартизированных показателей. Для оценки синхронности в каждой паре вычислялся коэффициент линейной корреляции Пирсона (*r*) между рядами показателей партнеров с последующим определением среднего абсолютного значения $|r|$ как интегрального индекса согласованности профилей.

Сравнительный анализ: проведено сопоставление уровней стабильности и синхронности между различными парами, а также качественный анализ выявленных типов парного взаимодействия. Интерпретация результатов осуществлялась на основе интеграции количественных данных и экспертного понимания специфики танцевального спорта.

Результаты исследования. Анализ данных, полученных от танцевальных пар различной квалификации ($n = 14$ пар), позволил выделить эмпирически наблюдаемые типы взаимодействия на основе сочетания уровней стабильности и синхронности.

1. **«Стабильный — синхронный» тип.** *Характеристики:* оба партнера демонстрируют низкое *SD* (ровные, предсказуемые профили). Пара имеет высокий $|r|$ (схожие или комплементарные профили).

Клиническая картина взаимодействия: пара отличается быстрым формированием единого двигательного рисунка, минимальными коммуникативными потерями, устойчивостью к сбивающим факторам. Внешне это проявляется как «легкое», интуитивно понятное взаимодействие.

Пример: пара А (МС). *SD* партнера = 0,72, партнерши = 0,68 (низкие значения). $|r| = 0,85$ (высокая синхронность). В беседе тренер отмечает быстрое схватывание нового материала и взаимное «чувствование» на площадке.

2. **«Вариабельный — комплементарный» тип.** *Характеристики:* один или оба партнера имеют высокое *SD* (профили с выраженными сильными и слабыми сторонами). Пара при этом демонстрирует высокий $|r|$ за счет комплементарности — «сильная» сторона одного статистически значимо коррелирует со «слабой» стороной другого.

Клиническая картина взаимодействия: взаимодействие имеет специфический, ярко выраженный характер. Пара может демонстрировать выдающиеся результаты в одних элементах (где сильные стороны совпадают или взаимо-

дополняются) и испытывать системные трудности в других (где совпадают слабые стороны). Требуется осознанная договоренность о ролях.

Пример: пара Б (КМС). Партнер: высокие показатели скорости реакции ($Z = 1,8$), низкие — пространственного восприятия ($Z = -1,5$). Партнерша: обратная картина. *SD* обоих высокие (~1,2). $|r| = 0,78$. Тренер сообщает о проблемах с геометрией в сложных фигурах, но отмечает выдающуюся синхронность в быстрых, реактивных движениях.

3. **«Рассогласованный» тип.** *Характеристики:* низкий уровень парной синхронности ($|r| < 0,3$) независимо от уровня индивидуальной стабильности.

Клиническая картина взаимодействия: наблюдаются постоянные «стыки» и непонимание, трудности в подстройке темпа. Часто сопровождается конфликтами, объясняемыми партнерами как «разный склад ума» или «разное чувство ритма». Требует целенаправленной психологической и тренажерной работы по согласованию базовых паттернов.

Пример: пара В (1-й взрослый). Показатели стабильности в норме ($SD \sim 0,9$), но $|r| = 0,18$. Коэффициент корреляции по ключевому параметру «скорость мышления (*PDO*)» отрицательный ($r = -0,65$). Это прямо указывает на расхождение в темпо-ритмовой организации действий как на основную проблему.

Предложенная двухфакторная модель (стабильность/синхронность) подтвердила свою диагностическую ценность, позволив не только констатировать наличие или отсутствие «чувства партнера», но и дифференцировать природу проблем во взаимодействии.

Таким образом, основная часть исследования демонстрирует, что переход от интуитивных описаний к измеряемым параметрам стабильности и синхронности открывает новые возможности для диагностики, формирования и коррекции «чувства партнера» в танцевальном спорте на научной основе.

Заключение

Итак, стабильность оценивается по величине стандартного отклонения (*SD*) индивидуального профиля спортсмена, рассчитанного по совокупности его психомоторных показателей.

Низкое *SD* указывает на ровный и стабильный профиль, где способности развиты относительно равномерно. Такой спортсмен демонстрирует предсказуемую и устойчивую «когнитивную базу» для работы в паре.

Высокое *SD* свидетельствует о вариабельном профиле с выраженными сильными и слабыми сторонами. Это создает специфику взаимодействия, где партнеру необходимо учитывать и компенсировать «провалы», максимально используя «пики».

Синхронность пары оценивается по коэффициенту корреляции (*r*) между психомоторными показателями партнеров. Для общей оценки силы связи используется среднее абсолютное значение коэффициента ($|r|$) по всем тестам.

Высокий $|r|$ (близкий к 1) отражает высокую степень согласованности профилей партнеров. Это может проявляться как в их схожести (оба сильны или слабы в одной области), так и в строгой комплементарности (сильная сторона одного соответствует слабой стороне другого). Оба варианта являются формами синхронизации, облегчающей формирование общего «рисунка» взаимодействия.

Низкий $|r|$ (особенно по ключевым параметрам, таким как скорость мышления) указывает на рассогласование когнитивных и моторных профилей. Это может быть основным вызовом для формирования чувства партнера, требующим целенаправленной коррекции.

Таким образом, стабильность — это характеристика индивидуальной надежности спортсмена, а синхронность — характеристика качества их парного сочетания. Эффективное чувство партнера, вероятно, формируется на пересечении этих двух факторов: при взаимодействии спортсмена со стабильным профилем и пары с высоким уровнем синхронности.

Основные направления дальнейших исследований:

1. Проведение лонгитюдного исследования для изучения динамики стабильности и синхронности психомоторных профилей на различных этапах совместной спортивной деятельности (формирование пары, этап роста мастерства, кризисные периоды).

2. Валидация и уточнение диагностической модели на более репрезентативной выборке с учетом спортивной специализации (стандарт, латина, формейшн), квалификации и возрастного диапазона спортсменов.

3. Разработка и экспериментальная апробация комплекса целенаправленных тренировочных методик и психологических интервенций для коррекции взаимодействия в парах с диагностированными типами «вариабельный — комплементарный» и «рассогласованный».

4. Исследование связи объективных психофизиологических показателей синхронности (стабилография, ЭЭГ-гиперсканирование) с внешними, экспертными оценками качества партнерства в условиях соревновательной и тренировочной деятельности.

5. Адаптация предложенной двухфакторной модели для изучения детерминант эффективного взаимодействия в дружных парных и командных видах спорта (спортивные танцы, фигурное катание, синхронное плавание, парная акробатика).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Подлесных В. Д., Тарасенко А. А., Иванова Н. В. «Чувство партнера» в акробатическом рок-н-ролле // Материалы ежегодной отчетной научной конференции аспирантов и соискателей Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Краснодар : Куб. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2024. С. 93—96.
2. Самохина Е. А. Обучение танцевальным движениям в спортивных бальных танцах: теоретические и методологические основы // Психология. Спорт. Здравоохранение : сб. ст. ХСII Междунар. науч. конф. СПб. : Нацразвитие, 2025. С. 40—42. DOI: 10.37539/250226.2025.69.91.003.
3. Ключинская Т. Н., Митина Е. В., Иванова Ю. В. Эффективность комплекса упражнений для повышения синхронности в групповых упражнениях по художественной гимнастике у спортсменок 8—10 лет // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 11. С. 271—275.
4. Воинова Н. С., Козлова С. Ю. Комплексная методика формирования спортивно-технического мастерства в спортивных танцах у спортсменов 14—16 лет // Инновационные технологии в спорте и физическом воспитании подрастающего поколения : сб. ст. по материалам X науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : Моск. гор. пед. ун-т, 2020. С. 73—77.
5. Третьякова А. И. Содержание педагогического процесса и образовательных технологий непрерывного обучения в коллективах бального танца по направлению «Формейшн» // Актуальные исследования. 2024. № 51-2(223). С. 97—102.
6. Бакулина Е. Д., Стариченкова Д. С. Методика синхронизации движений в групповых упражнениях в различных видах гимнастики // Физическое воспитание в условиях современного образовательного процесса : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию фак. физ. культуры. Шуя : Изд-во Шуйс. фил. ИвГУ, 2024. С. 241—244.
7. Корбакова А. А., Степанова И. А. Эффективность приемов депривации слуховой сенсорной системы в процессе совершенствования синхронности исполнения в дисциплине «Формейшн» танцевального спорта // Физическая культура и спорт в системе образования. Инновации и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2020. С. 228—235.
8. Вольных Н. А., Войнова М. М. Совершенствование исполнения дорожки шагов в синхронном фигурном катании на коньках // Управленческий учет. 2025. № 7. С. 306—313.
9. Антипова Я. С. Согласованность двигательных действий в композиции эстетической гимнастике // Research Leader 2021 : сб. ст. Междунар. науч.-исследоват. конкурса. Петрозаводск : Новая наука, 2021. С. 136—140.
10. Корсун А. С., Иванова А. С., Ким Д. В. Факторы, влияющие на синхронность исполнения групповых упражнений в художественной гимнастике // Педагогический приоритет 2022 : сб. ст. Междунар. профессион.-исследоват. конкурса. Петрозаводск : Новая наука, 2022. С. 184—188.
11. Кропотов А. Е. Современное состояние исследований «чувства партнера и соперника» как вида специфических восприятий борцов // Университетский спорт: здоровье и процветание нации : материалы XIV междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых. Чайковский : Чайк. гос. акад. физ. культуры и спорта, 2025. С. 156—159.
12. Исмаил С. Г., Омарова Р. М. Выявление взаимосвязей между компонентом результативности соревновательной деятельности аэробистов «синхронность движений» и специализированными восприятиями в женской группе аэробисток 12—14 лет // Человек в мире спорта : материалы всерос. науч.-практ. конф. молодых исследователей с междунар. участием, посвящ. Дню рос. науки. СПб. : Нац. гос. Ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2023. С. 125—128.
13. Голуб Я. В. Психофизиологическая совместимость в командных видах спорта // Спорт, Человек, Здоровье : материалы XI Междунар. конгр. СПб. : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. С. 256—258. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id23-219.
14. Надейкина А. О., Бекерова В. Р. К вопросу о разработке программы совершенствования технико-тактической подготовки спортсменов 12—14 лет в танцевальном спорте // Тезисы докладов LI научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар : Куб. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2025. С. 309—310.
15. Савицкая А. Г., Борисенкова Е. С. Согласованность действий танцоров-спортсменок как компонент мастерства // Физическая культура, спорт, туризм: наука, образование, технологии : материалы XII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. магистрантов и молодых ученых. Челябинск : Ур. гос. ун-т физ. культуры, 2024. С. 217—218.

REFERENCES

1. Podlesnykh V.D., Tarasenko A.A., Ivanova N.V. The “partner sense” in acrobatic rock and roll. *Proceedings of the Annual scientific conference of postgraduate students and applicants at the Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism publ., 2024:93—96. (In Russ.)
2. Samokhina E. A. Teaching dance movements in ballroom dancing: theoretical and methodological foundations. *Psikhologiya. Sport. Zdravookhranenie = Psychology, Sports science and Medicine. Themed Collection of Papers from the XCII International Scientific Conference*. Saint Petersburg, Natsrazvitie, 2025:40—42. (In Russ.) DOI: 10.37539/250226.2025.69.91.003.
3. Klyuchinskaya T.N., Mitina E.V., Ivanova Yu.V. The effectiveness of a set of exercises to increase synchronicity in group exercises in rhythmic gymnastics for 8-10 year old athletes. *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Modern Humanities Success*. 2023;11:271—275. (In Russ.)
4. Voinova N. S., Kozlova S. Yu. Comprehensive methodology for the formation of sports and technical skills in dancesport for athletes aged 14-16. *Innovatsionnye tekhnologii v sporte i fizicheskom vospitanii podrastayushchego pokoleniya = Innovative technologies in sports and physical education of the young generation. Collection of articles based on the materials of the 10th Scientific and practical conference with international participation*. Moscow, Moscow City University publ., 2020:73—77. (In Russ.)
5. Tretyakova A. I. The content of the pedagogical process and educational technologies of continuous learning in ballroom dance groups in the direction of “Formation”. *Aktual'nye issledovaniya*. 2024;51-2(223):97—102. (In Russ.)
6. Bakulina E.D., Starichenkova D.S. Method of synchronization of movements in group exercises in various types of gymnastics. *Fizicheskoe vospitanie v usloviyakh sovremennogo obrazovatel'nogo protsessa = Physical education in the context of the modern educational process. Collection of materials of the VI International scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Faculty of Physical Education*. Shuya, Shuya Branch of the Ivanovo State University publ., 2024: 241—244. (In Russ.)
7. Korbakova A. A., Stepanova I. A. Efficiency of auditory sensory deprivation methods in the process of improvement of synchronicity in the «Formation» discipline in dancesport. *Fizicheskaya kul'tura i sport v sisteme obrazovaniya. Innovatsii i perspektivy razvitiya = Physical culture and sports in the education system. Innovations and development prospects. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, St. Petersburg University publ., 2020:228—235. (In Russ.)
8. Volykhina N. A., Voinova M. M. Improving the step pattern in synchronized figure skating. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2025;7:306—313. (In Russ.)
9. Antipova Ya. S. Consistency of motor actions in composition of aesthetic gymnastics. *Research leader 2021. Collection of articles from the International research competition*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2021:136—140. (In Russ.)
10. Korsun A. S., Ivanova A. I., Kim D. V. Factors affecting the synchronicity of group exercises in rhythmic gymnastics. *Pedagogicheskii prioritet 2022 = Pedagogical priority 2022. Collection of articles from the International professional research competition*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2022:184—188. (In Russ.)
11. Kropotov A. E. The current state of research on the “sense of partner and rival” as a type of specific perception in wrestlers. *Universitetskii sport: zdorov'e i protsvetanie natsii = University sports: health and nation's prosperity. Proceedings of the 14th International scientific conference of students and young scientists*. Tchaikovsky, Tchaikovsky State Academy of Physical Culture and Sports publ., 2025:156—159. (In Russ.)
12. Ismail S. G., Omarova R. M. The effectiveness of competitive activities of aerobists “synchronicity of movements” and specialized perceptions in the female group of aerobists aged 12-14. *Chelovek v mire sporta = Man in the World of Sports. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference of young researchers with international participation dedicated to the Day of Russian Science*. Saint Petersburg, National State Lesgaft University of Physical Culture, Sports and Health publ., 2023: 125—128. (In Russ.)
13. Golub Ya. V. Psychophysiological compatibility in team sports. *Sport, Chelovek, Zdorov'e = Sport, People and Health. XI International Congress proceedings*. Saint Petersburg, POLYTECH-PRESS, 2023:256—258. (In Russ.) DOI: 10.18720/SPBPU/2/id23-219.
14. Nadeikina A. O., Bekerova V. R. On the development of a program for improving the technical and tactical training of 12-14-year-old athletes in dancesport. *Abstracts of the LII Scientific conference of students and young scientists from universities in the Southern Federal District*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism publ., 2025: 309—310. (In Russ.)
15. Savitskaya A. G., Borisenkova E. S. Consistence of actions of dancers-athletes as a component of skill. *Fizicheskaya kul'tura, sport, turizm: nauka, obrazovanie, tekhnologii = Physical culture, sports, and tourism: science, education, and technologies. Proceedings of the 12th All-Russian scientific and practical conference of master's students and young scientists with international participation*. Chelyabinsk, Ural State University of Physical Culture publ., 2024:217—218. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted 14.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья
УДК 797.215:796.015.52
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1646

Pavel Pavlovich Dudchenko
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and Methods of
Physical Culture,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
pasith@mail.ru

Павел Павлович Дудченко
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики физической культуры,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
pasith@mail.ru

МЕТОДИКА ТЕМПОВОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОРЕВНОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЛОВЦОВ В ЛАСТАХ НА ДЛИННЫХ ДИСТАНЦИЯХ В УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОЙ ВОДЫ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию и апробации методики темповой стабилизации пловцов в ластах 15–16 лет на длинных дистанциях в условиях открытой воды. Актуальность исследования определяется необходимостью повышения устойчивости соревновательного темпа, рационального распределения усилий и сохранения экономичной техники при воздействии волны, изменении направления движения, обходе буйев и ориентировании по дистанции. Раскрыта педагогическая последовательность методики, направленной на формирование стабильного ритма гребковых и волнообразных движений, снижение темповых колебаний, поддержание эффективности финишного участка и повышение управляемости соревновательной деятельности в условиях нарастающего физического утомления. Апробация проводилась в 2025 г. на базе ГУ ДО ТО «Областная комплексная спортивная школа олимпийского резерва» г. Тулы. В исследовании участвовали 27 пловцов в ластах 15–16 лет со стажем занятий не менее 8 лет и спортивной квалификацией: первый спортивный разряд и кандидаты в мастера спорта. С учетом исходного результата на дистанции 1 500 м спортсмены были распределены на контрольную ($n = 13$)

и экспериментальную ($n = 14$) группы. В контрольной группе применялась традиционная программа предсоревновательной подготовки к стайерским дистанциям, в экспериментальной — методика темповой стабилизации, включавшая темпо-ритмовые серии, задания с заданным диапазоном скорости, моделирование фрагментов открытой воды и коррекцию нагрузки по данным сплит-контроля, частоты сердечных сокращений и субъективной оценки напряженности. По завершению программы в экспериментальной группе выявлены более выраженные положительные изменения по времени модельного контрольного заплыва 3 000 м, коэффициенту темповой вариативности, индексу финишной устойчивости скорости, снижению скорости на заключительном километре и субъективной оценке нагрузки. Полученные результаты подтверждают практическую значимость методики для подготовки пловцов в ластах к длинным дистанциям в открытой воде.

Ключевые слова: плавание в ластах, открытая вода, длинные дистанции, стайерская подготовка, темповая стабилизация, специальная выносливость, соревновательный темп, пловцы 15–16 лет, предсоревновательная подготовка, педагогический контроль

Для цитирования: Дудченко П. П. Методика темповой стабилизации как средство повышения эффективности соревновательной деятельности пловцов в ластах на длинных дистанциях в условиях открытой воды // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 396—403. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1646.

Original article

PACE STABILIZATION METHOD AS A MEANS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF COMPETITIVE ACTIVITY OF FINSWIMMERS OVER LONG DISTANCES IN OPEN WATER

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article is devoted to the theoretical substantiation and testing of a pace stabilization method for 15-16-year-old finswimmers over long distances in open water. The relevance of the study is determined by the need to improve competitive pace stability, rational distribution of effort, and maintenance of economical technique under wave influence, changes in swimming direction, buoy turns, and distance orientation. The article presents the pedagogical sequence of the method aimed at developing a stable rhythm of stroke and undulatory movements, reducing pace fluctua-

tions, maintaining efficiency in the final segment, and improving the controllability of competitive performance under increasing physical fatigue. The testing was carried out in 2025 at the Tula Regional Comprehensive Sports School of Olympic Reserve. The study involved 27 finswimmers aged 15-16 years with at least eight years of training experience and qualifications of First Class and Candidate for Master of Sports. Based on the initial 1,500 m result, the athletes were divided into a control group (CG, $n = 13$), and an experimental group (EG, $n = 14$). The CG followed a traditional pre-competition

program for long-distance events, whereas the EG applied the pace stabilization method, which included pace-rhythm series, tasks with a prescribed speed range, modeling of open water segments, and load correction based on split control, heart rate, and perceived exertion. At the end of the program, the EG showed more pronounced positive changes in the 3,000 m model swim time, pace variability coefficient, final speed stability index,

decrease in speed over the final kilometer, and perceived exertion. The results confirm the practical significance of the method for preparing finswimmers for long-distance open water events.

Keywords: *finswimming, open water, long distances, endurance training, pace stabilization, special endurance, competitive pace, 15-16-year-old athletes, pre-competition training, pedagogical control*

For citation: Dudchenko P. P. Pace stabilization method as a means of increasing the effectiveness of competitive activity of finswimmers over long distances in open water. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):396—403. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1646.

Введение

Актуальность. В плавании в ластах результат спортсмена на длинной дистанции зависит от уровня его общей выносливости, способности длительно сохранять рабочую скорость и устойчивости техники при нарастающем утомлении. В открытой воде сохранение устойчивого темпа становится сложнее, поскольку пловцу в ластах приходится подстраивать ритм движений под волну и направление хода, одновременно удерживая в поле внимания соперников и дистанционные ориентиры. Даже при хорошей функциональной готовности спортсмен может постепенно терять скорость, если эффективность гребковых и волнообразных двигательных действий снижается. Особенно заметно это проявляется после смены внешних условий, когда пловцу необходимо быстро вернуть устойчивый ритм. В связи с этим подготовка пловца в ластах к стайерским дистанциям должна связывать развитие общей и специальной выносливости с устойчивым освоением экономичной техники, управляемого дыхания и точной ориентации в процессе всего заплыва.

При переходе пловцов в ластах 15—16-летнего возраста, имеющих квалификацию «первый спортивный разряд» и «кандидат в мастера спорта», к более выраженной стайерской направленности подготовки возрастает значение устойчивого темпа на длинной дистанции. Его сохранение становится прикладной задачей учебно-тренировочного процесса, поскольку именно темповая стабильность позволяет спортсмену дольше удерживать соревновательную скорость без заметного ухудшения техники. К этому возрасту спортсмены, как правило, уже имеют устойчивый тренировочный опыт и осволенную техническую основу плавания в ластах, но равномерное распределение усилий на протяжении продолжительного заплыва еще не всегда становится надежным компонентом соревновательной деятельности. На практике это наглядно видно по характеру прохождения спортсменами длинных отрезков дистанции. Часть пловцов в ластах слишком активно начинает заплыв, после чего во второй половине теряет скорость и постепенно нарушает согласованность волнообразных двигательных действий. На фоне нарастающего физического утомления чаще проявляются колебания темпа, сокращается амплитуда движений, ухудшается качество преодоления финишного отрезка дистанции. Всё это существенно снижает общую устойчивость соревновательного результата.

В открытой воде пловец в ластах проходит длинный заплыв в более изменчивой среде, чем в бассейне. Поэтому сохранение темпа и техники во многом зависит от точности ориентирования по ходу движения. Спортсмену приходится заранее выбирать линию прохождения, реагировать на волну и плотность группы, своевременно обходить буи и сохранять согласованность волнообразных движений

при контактном сближении с другими участниками заплыва. При снижении предсказуемости условий прохождения заплыва в открытой воде возрастает значение устойчивой двигательной структуры пловца в ластах. Нарушение этой структуры сразу отражается на скорости спортсмена и экономичности прохождения всей дистанции заплыва.

Наибольший тренировочный эффект в подготовке пловцов в ластах к таким стартам достигается при педагогически организованном развитии способности удерживать индивидуально целесообразный темп в изменяющейся дистанционной ситуации.

В этой связи методика темповой стабилизации рассматривается как специальный способ организации тренировочного процесса пловцов в ластах, ориентированный на развитие стайерской выносливости и формирование устойчивой структуры прохождения длинной дистанции в условиях открытой воды. В методическом отношении указанная направленность предполагает соединение аэробно-анаэробной подготовки, технической экономизации движений, тактического распределения усилий и текущего контроля за темповыми колебаниями на отдельных участках дистанции.

Изученность проблемы. Активно ведут научные изыскания по вопросам подготовки пловцов к длинным дистанциям, соревновательной деятельности в условиях открытой воды, развития специальной выносливости и совершенствования тренировочного процесса пловцов в ластах, помимо автора настоящей статьи, такие отечественные авторы, как А. С. Андрейчук, А. Э. Болотин, О. С. Добрынина, М. О. Иванов, С. Н. Карпова, А. А. Мионов и др. В данной связи показательна работа А. С. Андрейчука, в которой раскрываются методологические основы спортивной подготовки пловцов-подводников уровня высшего спортивного мастерства и подчеркивается значение системного построения учебно-тренировочного процесса в подводном спорте [1]. Для темы настоящего исследования это особенно важно, поскольку подготовка пловцов в ластах к длинным дистанциям на открытой воде требует согласования функциональной, технической и соревновательно-тактической сторон подготовки.

Существенный вклад в разработку вопросов, связанных с подготовкой спортсменов к соревнованиям на открытой воде, внесли отечественные исследователи, рассматривающие специфику дистанционной работы, энергетического обеспечения и интегральной подготовленности пловцов. А. Э. Болотин с соавторами анализируют дифференцированную подготовку пловцов-марафонцев к соревнованиям на открытой воде с учетом типов энергетического метаболизма [2]. О. С. Добрынина обращается к особенностям подготовки обучающихся плаванию на открытой воде, акцентируя внимание на специфике адаптации спортсмена

к внешним условиям водной среды [3]. М. О. Иванов и И. Ю. Шалаева раскрывают особенности плавания на открытой воде, связанные с ориентированием, изменчивостью условий прохождения дистанции и необходимостью специальной подготовки к соревновательной деятельности вне бассейна [4]. С. Н. Карпова рассматривает интегральную подготовку квалифицированных пловчих к соревнованиям на открытой воде, что позволяет учитывать взаимосвязь физической, технической и тактической готовности спортсмена [5].

В отечественной литературе отдельное внимание уделяется подготовке пловцов в ладах и факторам, определяющим эффективность их тренировочного процесса. Нами ранее были проанализированы показатели физической и технической подготовленности квалифицированных пловцов в ладах, определяющие результативность тренировочного воздействия [6]. В другой работе мы также рассмотрели сопряженное развитие аэробной мощности и тактической вариативности как основу подготовки пловцов в ладах к соревнованиям на длинные дистанции на открытой воде [7]. А. А. Миронов исследует развитие адаптационных механизмов сенсорной системы у спортсменов, занимающихся плаванием в ладах, что имеет значение для понимания устойчивости ориентирования и двигательного контроля в условиях изменяющейся водной среды [8]. В совокупности данные исследования позволяют рассматривать подготовку пловцов в ладах к длинным дистанциям как комплексный педагогический процесс, в котором стайерская выносливость должна сочетаться с технической экономичностью, тактической вариативностью и устойчивостью сенсомоторной регуляции.

Среди зарубежных исследователей заметное место занимают научные работы, посвященные темповой стратегии, кинематическим характеристикам, энергетической стоимости дистанционной работы и особенностям плавания в ладах. Р. Бальдассарре с соавторами анализируют темповую стратегию и субъективную оценку нагрузки у элитных пловцов на открытой воде при прохождении 5-километровой дистанции в «бассейновых» условиях [9]. А. Консейсан с соавторами исследуют кинематические и нейромышечные характеристики пловцов при выполнении 5-километровой работы на открытой воде [10]. Х. М. Фернандес-Асенсио с соавторами раскрывают темповые стратегии элитных пловцов на дистанции 10 км в условиях чемпионата мира по плаванию на открытой воде [11]. Ю. Фудзито с соавторами оценивают соревновательный темп на дистанции 10 км через показатель критической скорости плавания, что непосредственно связано с проблемой удержания индивидуально оптимальной скорости на протяжении длинной дистанции [12].

Зарубежные исследования, посвященные плаванию в ладах и сравнительному анализу плавания в бассейне и на открытой воде, также имеют значение для разработки методики темповой стабилизации. М. Рейман, П. Семонтовский и А. Семенский сопоставляют различные способы работы ногами в ладах и показывают значение скорости, длины шага, частоты движений и экономичности продвижения в воде [13]. М. Рейман и П. Шкудлярек исследуют параметры цикла и скорости в плавании в моноласте, что важно для анализа технической устойчивости пловцов в ладах при длительной дистанционной работе [14]. С. Сельес-Перес с соавторами изучают влияние тренировок с ладами на плавательную результативность юных пловцов [15]. Р. Зака

с соавторами сравнивают энергетические и кинематические характеристики прохождения 5 км в бассейне и на открытой воде, показывая различия в темпе, частоте движений и физиологической стоимости дистанционной работы [16].

Имеющиеся исследования создают теоретико-методическую основу для изучения подготовки пловцов в ладах к длинным дистанциям в условиях открытой воды. Вместе с тем в научно-методической литературе темповая стабилизация пловцов в ладах 15—16 лет пока недостаточно раскрыта как самостоятельный педагогический механизм предсоревновательной подготовки. Сохраняется потребность в исследовании методики, которая целенаправленно формирует у пловцов в ладах 15—16 лет способность удерживать индивидуально оптимальный темп и снижать выраженность скоростных провалов. Не менее значимым остается педагогическое обеспечение технической устойчивости пловца в ладах во второй половине преодолеваемой дистанции. В условиях открытой воды именно эта часть заплыва требует от спортсмена повышенной управляемости двигательных действий и более точного контроля финишного отрезка.

На основе выявленных проблем была разработана и апробирована методика темповой стабилизации для пловцов в ладах в возрасте 15—16 лет, которые специализируются на преодолении длинных дистанций в открытой воде. Содержание данной методики связано с формированием у спортсменов умения удерживать индивидуально приемлемый темп и снижать риск заметных потерь скорости во второй половине заплыва. Особое место отведено сохранению управляемости движений на финишном отрезке дистанции, где накопленное утомление сильнее всего отражается на устойчивости техники пловца в ладах.

Цель исследования состояла в теоретическом обосновании и практической проверке методики темповой стабилизации, ориентированной на повышение результативности соревновательной деятельности пловцов в ладах 15—16 лет при прохождении стайерских дистанций в открытой воде.

Задача исследования заключалась в том, чтобы определить, как разработанная методика влияет на устойчивость продолжительного заплыва у пловцов в ладах, выраженность темповых колебаний на 500-метровых отрезках, качество финиширования и субъективную переносимость нагрузки соревновательной направленности.

Гипотеза исследования была связана с предположением, что целенаправленное включение методики темповой стабилизации в предсоревновательную подготовку пловцов в ладах 15—16-летнего возраста повысит эффективность прохождения стайерской дистанции в открытой воде. Ожидалось, что работа пловцов в ладах в заданном скоростном диапазоне, регулярный сплит-контроль и моделирование фрагментов дистанции снизят темповую вариативность, помогут рациональнее распределять усилия и сохранять техническую устойчивость на фоне физического утомления.

Научная новизна исследования состоит в том, что:

- уточнено содержание понятия темповой стабилизации применительно к подготовке пловцов в ладах 15—16 лет к длинным дистанциям в условиях открытой воды;
- разработана методика темповой стабилизации, объединяющая темпо-ритмические серии, дистанционные задания с заданным диапазоном скорости, моделирование фрагментов соревновательной дистанции и текущую коррекцию нагрузки на основе педагогического контроля;

– экспериментально установлено, что применение методики темповой стабилизации в восьминедельном предсоревновательном мезоцикле способствует более выраженному улучшению показателей стайерской подготовленности пловцов в ластах по сравнению с традиционной организацией предсоревновательной подготовки.

Теоретическая значимость исследования связана с более точным пониманием того, как должна выстраиваться специальная подготовка пловцов в ластах к стайерским заплывам в открытой воде. Полученные в ходе экспериментальной работы материалы позволяют рассматривать темповую стабилизацию как самостоятельный компонент стайерской подготовленности спортсменов. Ее содержание объединяет физическую выносливость, техническую устойчивость, тактический выбор и психорегуляцию.

Важным для исследования стало обоснование подхода, при котором устойчивость темпа формируется через обучение пловца управлению собственной скоростью, ритмом движений и распределением усилий в предсоревновательном тренировочном мезоцикле. Объем тренировочных заданий, выполняемых спортсменом на длинных отрезках дистанции, в данном случае выступает педагогически регулируемым ресурсом, который помогает постепенно закреплять более стабильное прохождение протяженного заплыва.

Практическая значимость исследования связана с применением методики в работе тренеров-преподавателей спортивных школ и организаций спортивной подготовки, в которых занимаются подготовкой пловцов в ластах 15–16-летнего возраста. Она может использоваться при целенаправленном подведении спортсменов к стайерским заплывам и построении предсоревновательных мезоциклов, где необходимо удерживать соревновательный темп, уменьшать скоростные провалы и повышать качество прохождения финишного отрезка дистанции. Материалы исследования могут быть использованы при разработке тренировочных программ, планов педагогического контроля и индивидуальных заданий для спортсменов, специализирующихся на длинных дистанциях в условиях открытой воды.

Основная часть

Методология исследования. Апробация методики темповой стабилизации проходила в 2025 г. на базе ГУ ДО ТО «Областная комплексная спортивная школа олимпийского резерва» г. Тулы. В экспериментальной работе приняли участие 27 пловцов в ластах в возрасте 15–16 лет, имеющие стаж занятий не менее 8 лет и спортивную квалификацию «первый спортивный разряд» и «кандидат в мастера спорта». С учетом исходного результата на дистанции 1500 м спортсменов распределили на контрольную ($n = 13$; далее — КГ) и экспериментальную ($n = 14$; далее — ЭГ) группы. Результат на дистанции 1500 м использовался не как основной критерий стайерской подготовленности, а как показатель исходной скоростной сопоставимости спортсменов. Такой подход позволил исключить выраженное преимущество одной из групп по базовой скорости и корректнее оценить влияние методики темповой стабилизации на показатели прохождения длинной дистанции.

Экспериментальная работа проводилась в рамках восьминедельного предсоревновательного мезоцикла. Контрольная группа занималась по традиционной программе подготовки к длинным дистанциям, включавшей дистанционное плавание в ластах, интервальные серии, технические

задания, общефизическую и специальную силовую подготовку. В ЭГ общий объем тренировочной работы сохранялся в сопоставимом с КГ диапазоне, однако содержание ключевых занятий перестраивалось на основе методики темповой стабилизации соревновательного темпа.

Методика темповой стабилизации строилась как целостная система тренировочных воздействий, в которой формирование устойчивого индивидуального соревновательного темпа сочеталось с выполнением серий в заданном диапазоне сплит-времени. Сохранение двигательной структуры при нарастающем утомлении обеспечивалось упражнениями продолжительной дистанционной направленности, в которых тренер-преподаватель контролировал частоту движений, амплитуду волнообразного движения и субъективное ощущение темпа у спортсмена. Условия прохождения пловцами в ластах дистанции на открытой воде моделировались через изменение ориентиров, работу после разворота у буя, восстановление скорости после тактического замедления и выход из плотной группы без потери ритма. Педагогический контроль выполнял связующую функцию, поскольку коррекция нагрузки осуществлялась на основе сплит-времени, частоты сердечных сокращений (далее — ЧСС), субъективной оценки нагрузки и качества восстановления.

В ЭГ применялись серии 6×400 м с удержанием пловцом в ластах своего индивидуального темпа в пределах ± 2 – 3 с от целевого значения, 3×800 м с контролем второй половины отрезка дистанции, 4×600 м с ускорением на последних 150 м и 5×300 м после предварительной работы аэробной направленности. Спортсменами дополнительно осуществлялись модельные контрольные заплывы 1 500–3 000 м, приближенные к соревновательным условиям открытой воды, с фиксацией темповых колебаний по контрольным участкам. Отдельно выполнялись тренировочные задания на сохранение ритма после смены пловцом направления движения у буя. Именно в этом месте у спортсменов чаще всего возникает кратковременная потеря скорости и нарушается двигательная структура.

Наиболее важным методическим требованием было ограничение механического повышения интенсивности тренировочной работы пловцов в ластах. Спортсмены ЭГ осваивали умение удерживать целесообразный темп в течение всей дистанции, своевременно ограничивать избыточное начальное ускорение, контролировать дыхательный режим и сохранять техническую экономичность во второй половине заплыва. Поэтому в тренировочных заданиях систематически использовались ориентиры на итоговое время, равномерность прохождения, характер финишного ускорения, субъективное ощущение нагрузки и способность восстановить устойчивый ритм после тактического изменения скорости.

Педагогический контроль включал регистрацию времени модельного контрольного заплыва 3 000 м, имитирующего соревновательные условия открытой воды, анализ сплит-времени по 500-метровым участкам, расчет коэффициента темповой вариативности, определение снижения скорости на заключительном километре, оценку индекса финишной устойчивости скорости, фиксацию ЧСС через 3 минуты восстановления и субъективную оценку нагрузки по десятибалльной шкале. Контрольные измерения проводились до начала восьминедельного предсоревновательного мезоцикла и после завершения экспериментальной программы. Результаты представлены в таблице.

**Динамика показателей стайерской подготовленности пловцов в ластах
до и после апробации методики темповой стабилизации**

Показатель	КГ ($n = 13$), $M \pm \sigma$		ЭГ ($n = 14$), $M \pm \sigma$		t меж групп после	p
	до	после	до	после		
Модельный контрольный заплыв 3 000 м, имитирующий соревновательные условия открытой воды, с	$1\,784 \pm 55$	$1\,758 \pm 51$	$1\,779 \pm 57$	$1\,711 \pm 48$	2,46	$< 0,05$
Коэффициент темповой вариативности по 500-метровым участкам, %	$5,9 \pm 0,9$	$5,5 \pm 0,8$	$5,8 \pm 0,8$	$4,4 \pm 0,7$	3,79	$< 0,05$
Снижение скорости на заключительном километре, %	$8,6 \pm 1,3$	$8,1 \pm 1,2$	$8,5 \pm 1,2$	$6,4 \pm 1,0$	3,98	$< 0,05$
Индекс финишной устойчивости скорости, %	$91,8 \pm 2,7$	$92,4 \pm 2,6$	$91,9 \pm 2,5$	$95,1 \pm 2,3$	2,85	$< 0,05$
ЧСС через 3 мин восстановления после модельного контрольного заплыва, уд./мин	133 ± 8	128 ± 7	134 ± 8	121 ± 6	2,65	$< 0,05$
RPE после модельного контрольного заплыва, баллы	$8,1 \pm 0,7$	$7,8 \pm 0,7$	$8,0 \pm 0,8$	$7,2 \pm 0,6$	2,33	$< 0,05$

Примечание: коэффициент темповой вариативности рассчитывался по колебаниям времени 500-метровых участков относительно индивидуального среднего темпа; индекс финишной устойчивости скорости отражал отношение средней скорости на заключительном 500-метровом участке к средней скорости прохождения дистанции, выраженное в процентах, — чем выше значение индекса, тем устойчивее спортсмен сохранял скорость в финальной части модельного контрольного заплыва.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ полученных данных показывает, что в КГ произошли положительные, но умеренно выраженные изменения показателей стайерской подготовленности. Время модельного контрольного заплыва 3 000 м, имитирующего соревновательные условия открытой воды, улучшилось с $1\,784 \pm 55$ до $1\,758 \pm 51$ с, что соответствует сокращению результата на 26 с. Коэффициент темповой вариативности снизился с $5,9 \pm 0,9$ до $5,5 \pm 0,8$ %, а снижение скорости на заключительном километре уменьшилось с $8,6 \pm 1,3$ до $8,1 \pm 1,2$ %. Указанная выше динамика отражает ожидаемый эффект предсоревновательной подготовки пловцов в ластах КГ, в которой применялись дистанционная работа, интервальные серии и задания технической направленности.

Динамика КГ показывает, что традиционная программа обеспечила улучшение итогового времени модельного контрольного заплыва, имитирующего соревновательные условия открытой воды, однако не привела к выраженному изменению структуры прохождения длинной дистанции. У пловцов в ластах КГ сохранялась достаточно высокая темповая вариативность по 500-метровым участкам, а заключительный километр оставался наиболее уязвимой частью соревновательной работы. Это проявлялось в сохранении снижения скорости в финальной части дистанции и ограниченном приросте индекса финишной устойчивости скорости. Следовательно, традиционная организация подготовки обеспечивала общий тренировочный эффект, но в меньшей степени развивала способность управлять темпом в условиях длительной соревновательной работы.

В ЭГ у спортсменов положительная динамика показателей стайерской подготовленности оказалась более выраженной и содержательно более значимой. Время модельного контрольного заплыва 3 000 м, имитирующего соревновательные условия открытой воды, улучшилось с $1\,779 \pm 57$ до $1\,711 \pm 48$ с, т. е. спортсмены ЭГ сократили результат в среднем на 68 с. Для восьминедельного предсоревновательного мезоцикла такое изменение является реалистичным, поскольку прирост результата обеспечивался более рациональным распределением усилий, снижением темповых провалов и повышением устойчивости техники во второй половине дистанции.

Показательным является снижение коэффициента темповой вариативности в ЭГ с $5,8 \pm 0,8$ до $4,4 \pm 0,7$ %. Коэффициент темповой вариативности отражает способность пловца в ластах выполнять дистанционную работу в заданном скоростном диапазоне и характеризует сформированность внутреннего ощущения темпа. Чем меньше разброс сплит-времени по 500-метровым участкам, тем выше вероятность сохранения энергетических ресурсов и устойчивого прохождения финишного отрезка. В условиях открытой воды снижение темповой вариативности для пловца в ластах имеет принципиальное значение. Волна, изменение траектории, обход буйев и взаимодействие с соперниками постоянно провоцируют спортсменов на неплановые ускорения или вынужденные замедления проплывания отдельных отрезков дистанции.

В ЭГ у пловцов в ластах на заключительном километре дистанции потеря скорости снизилась с $8,5 \pm 1,2$ до $6,4 \pm 1,0$ %. Это указывает на более ровное прохождение финальной трети модельного контрольного заплыва и более рациональное расходование пловцами в ластах своих энергетических ресурсов. На начальном этапе исследования у спортсменов ЭГ именно завершающая часть дистанции сопровождалась заметным падением темпа. После апробации методики они дольше сохраняли заданную скорость и проходили финишный участок дистанции более управляемо.

У пловцов в ластах ЭГ индекс финишной устойчивости скорости вырос с $91,9 \pm 2,5$ до $95,1 \pm 2,3$ %. В КГ прирост оказался заметно скромнее. Для оценки методики темповой стабилизации этот показатель имеет особое значение. Он показывает, насколько спортсмен способен удерживать скорость на заключительном 500-метровом участке модельного контрольного заплыва. Увеличение индекса позволяет считать, что методика повлияла на сам характер распределения пловцами в ластах своих усилий по всей дистанции. Участники ЭГ меньше опирались на стартовое ускорение и устойчивее поддерживали соревновательный темп в конце заплыва.

Дополнительным аргументом в пользу результативности новой методики стали показатели ЧСС и субъективной тяжести нагрузки после модельного контрольного заплыва.

В ЭГ ЧСС через 3 минуты восстановления снизилась со 134 ± 8 до 121 ± 6 уд./мин, а оценка нагрузки по *RPE* уменьшилась с $8,0 \pm 0,8$ до $7,2 \pm 0,6$ балла. Наблюдаемая динамика показывает, что спортсмены стали экономичнее выполнять работу соревновательной направленности и быстрее переходить к восстановлению после нее. Для пловцов в ладах на стайерских дистанциях это особенно важно, т. к. их стабильный результат зависит от умения выдерживать большой объем работы без появления избыточного функционального напряжения.

Итоговые данные КГ и ЭГ свидетельствуют о том, что преимущество пловцов в ладах ЭГ проявилось сразу в нескольких связанных сторонах стайерской подготовленности. Сокращение времени модельного контрольного заплыва сочеталось с меньшими темповыми колебаниями, снижением потери скорости на заключительном километре, ростом финишной устойчивости и более ровными восстановительными реакциями. В совокупности эти изменения подтверждают, что методика темповой стабилизации повлияла на целостную структуру соревновательной деятельности пловцов в ладах. Наиболее заметно это проявилось в устойчивости темпа, работоспособности на финише и восстановлении спортсменов после длительной нагрузки по преодолению стайерской дистанции.

Материалы исследования дают возможность рассматривать темповую культуру пловца в ладах как важное условие подготовки к длинным дистанциям в открытой воде. Под темповой культурой в данном исследовании понимается способность спортсмена осознанно соотносить скорость движения, частоту и амплитуду движений, дыхательный режим, тактическую ситуацию и текущее функциональное состояние при прохождении длинной дистанции. При традиционном подходе перечисленные компоненты нередко развиваются разрозненно, тогда как методика темповой стабилизации объединяет их в единую тренировочную задачу предсоревновательной подготовки.

Эффективность методики обеспечивалась качеством методической организации тренировочной нагрузки в ЭГ. Общий объем работы в КГ и ЭГ сохранялся в сопоставимом диапазоне. Различие заключалось в содержании ключевых этапов, где у спортсменов ЭГ систематически формировалась способность удерживать заданный темп, контролировать отклонения по участкам, восстанавливать ритм после изменения дистанционной ситуации и завершать работу без выраженного скоростного провала.

Полученные в ходе эксперимента данные согласуются с представлениями о комплексной природе результата на длинных дистанциях, который определяется функциональной мощностью, качеством распределения усилий, устойчивостью техники и способностью спортсмена сохранять управляемость движений при утомлении. В плавании в ладах указанная закономерность проявляется особенно отчетливо, поскольку даже небольшое нарушение двигательного ритма снижает эффективность работы ласты, повышает энергетическую стоимость продвижения и ухудшает качество финишного участка.

Результаты проведенного исследования следует рассматривать с учетом ряда ограничений. Экспериментальная работа проводилась на выборке спортсменов одной спортивной школы, а продолжительность апробации составила

один восьминедельный предсоревновательный мезоцикл. Условия открытой воды обладают естественной вариативностью, поэтому волновая обстановка, температура воды, плотность группы пловцов в ладах и характер внешних ориентиров не могли быть полностью стандартизированы во всех модельных заплывах. Эти ограничения не снижают практической значимости полученных данных, однако указывают на необходимость дальнейших исследований с расширением выборки, увеличением периода наблюдения и более детальной фиксацией внешних условий модельных заплывов.

Выводы

Методика темповой стабилизации рассматривается как педагогически обоснованное и апробированное средство подготовки пловцов в ладах в возрасте 15—16 лет к стайерским дистанциям в открытой воде. Содержание методики нацелено на закрепление у спортсменов устойчивого индивидуального темпа и снижение темповых колебаний на отдельных участках дистанции. Отдельное значение при этом имеет сохранение у пловцов экономической техники и более уверенное прохождение финишного отрезка на фоне нарастающего утомления.

Практическая апробация методики на базе ГУ ДО ТО «Областная комплексная спортивная школа олимпийского резерва» г. Тулы показала, что у пловцов в ладах ЭГ изменения были более выражены, чем в КГ. У спортсменов ЭГ результат модельного контрольного заплыва на 3 000 м улучшился на 68 с, коэффициент темповой вариативности снизился с 5,8 до 4,4 %, потеря скорости на заключительном километре уменьшилась с 8,5 до 6,4 %, а индекс финишной устойчивости скорости повысился с 91,9 до 95,1 %.

Полученные в процессе исследований результаты подтверждают то, что целенаправленная работа над стабилизацией темпа повышает итоговую скорость прохождения пловцом в ладах стайерской дистанции и качество ее структурного выполнения. Наиболее значимые изменения проявились в показателях спортсменов, которые отражают управляемость работы на дистанции и способность пловцов сохранять скорость во второй половине заплыва. Существенным результатом стало и то, что пловцы в ладах лучше переносят нагрузку близкую к соревновательной.

Практическая ценность новой методики связана с тем, что ее можно использовать в повседневной работе спортивных школ, в которых занимаются подготовкой пловцов в ладах в возрастной категории 15—16 лет к стайерским дистанциям. Она опирается на педагогический контроль, сплит-анализ, регистрацию ЧСС и субъективную оценку нагрузки. По этой причине разработанная методика не требует сложного оборудования и доступна практически всем тренерам-преподавателям. Наиболее оправдано включать методику в предсоревновательные тренировочные мезоциклы для спортсменов, выступающих на длинных дистанциях, в т. ч. в открытой воде.

В дальнейшем целесообразно уточнить, в каком возрастном диапазоне методика сильнее всего влияет на темповую устойчивость пловцов в ладах, и сопоставить ее результативность у спортсменов разной квалификации. Отдельного углубленного изучения требуют различия между подготовкой пловцов в моноласте и биладах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андрейчук А. С. Методологические основы спортивной подготовки пловцов-подводников уровня высшего спортивного мастерства // Экологические, гуманитарные и спортивные аспекты подводной деятельности : сб. материалов VI Рос. науч.-практ. конф. Томск : Том. гос. ун-т, 2024. С. 9—18.
2. Дифференцированная подготовка пловцов-марафонцев к соревнованиям на открытой воде с учетом типов энергетического метаболизма / А. Э. Болотин, В. В. Бакаев, К. Я. Ван Цвиетен и др. // Теория и практика физической культуры. 2020. № 10. С. 37—39.
3. Добрынина О. С. Особенности подготовки обучающихся плаванию на открытой воде // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2022. № 19. С. 313—315.
4. Иванов М. О., Шалаева И. Ю. Особенности плавания на открытой воде // Актуальные вопросы физического воспитания и адаптивной физической культуры в системе образования : сб. материалов V Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Волгоград : ВГАФК, 2023. Ч. 2. С. 244—248.
5. Карпова С. Н. Особенности интегральной подготовки к соревнованиям на открытой воде квалифицированных пловчих // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2024. Т. 19. № 2. С. 65—68.
6. Дудченко П. П. Показатели физической и технической подготовленности, определяющие эффективность тренировочного процесса квалифицированных пловцов в ластах // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 10(224). С. 103—106.
7. Дудченко П. П. Сопряженное развитие аэробной мощности и тактической вариативности как основа подготовки пловцов в ластах к соревнованиям на длинные дистанции на открытой воде // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2026. № 3(253). С. 110—116. DOI: 10.5930/1994-4683-2026-3-110-116.
8. Миронов А. А. Оценка развития адаптационных механизмов сенсорной системы у спортсменов, занимающихся плаванием в ластах // Физическая культура и спорт в Российской Федерации — стратегия развития: здравоохранение, образование, воспитание, молодежная политика : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. Томск : Изд-во СибГМУ, 2025. С. 83—86.
9. Baldassarre R., Ieno C., Bonifazi M., Piacentini M. F. Pacing and Hazard Score of Elite Open Water Swimmers During a 5-km Indoor Pool Race // International Journal of Sports Physiology and Performance. 2021. Vol. 16. No. 6. Pp. 796—801. DOI: 10.1123/ijspp.2020-0197.
10. Open Water Swimming: Swimmers' Kinematical and Neuromuscular Characterisation in 5 km Swim / A. Conceição, D. Marinho, J. Stastny et al. // Sports. 2025. Vol. 13. Iss. 10. Art. 335. DOI: 10.3390/sports13100335.
11. Pacing strategies of 10 km elite open water swimmers with enhanced temporal resolution: World Swimming Championships Budapest 2022 / J. M. Fernández-Asensio, L. Rodríguez-Adalia, F. Hermosilla-Perona et al. // Journal of Sports Sciences. 2024. Vol. 42. Iss. 24. Pp. 2333—2342. DOI: 10.1080/02640414.2024.2430879.
12. Evaluation of Race Pace Using Critical Swimming Speed During 10 km Open-Water Swimming Competition / Y. Fujito, T. Fujimoto, R. Hara et al. // Journal of Functional Morphology and Kinesiology. 2025. Vol. 10. Iss. 3. Art. 302. DOI: 10.3390/jfmk10030302.
13. Rejman M., Siemontowski P., Sieminski A. Comparison of performance of various leg-kicking techniques in fin swimming in terms of achieving the different goals of underwater activities // PLOS One. 2020. Vol. 15. Iss. 8. Art. e0236504. DOI: 10.1371/journal.pone.0236504.
14. Rejman M., Szkudlarek P. The Least Squares Method as a Tool for Assessment of the Stroke Parameters and Velocity in Monofin Swimming // Methods and Protocols. 2025. Vol. 8. Iss. 1. Art. 19. DOI: 10.3390/mps8010019.
15. Effect of training with fins on swimming performance in kids and young recreational swimmers / S. Sellés-Pérez, H. Arévalo, C. Altavilla et al. // Journal of Physical Education and Sport. 2023. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 532—537. DOI: 10.7752/jpes.2023.02066.
16. 5 km front crawl in pool and open water swimming: breath-by-breath energy expenditure and kinematic analysis / R. Zaccà, V. Neves, T. da Silva Oliveira et al. // European Journal of Applied Physiology. 2020. Vol. 120. Iss. 9. Pp. 2005—2018. DOI: 10.1007/s00421-020-04420-7.

REFERENCES

1. Andreichuk A. S. Methodological foundations of sports training for elite underwater swimmers. *Ekologicheskie, gumanitarnye i sportivnye aspekty podvodnoi deyatel'nosti* = Ecological, humanitarian and sports aspects of underwater activity. Proceedings of the VI Russian scientific and practical conference. Tomsk. Tomsk State University publ., 2024:9—18. (In Russ.)
2. Bolotin A. E., Bakaev V. V., Van Zwieten K. J. et al. Differentiated sports training of marathon swimmers for open water competitions based on types of energy metabolism. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* = Theory and practice of physical culture. 2020;10:37—39. (In Russ.)
3. Dobrynina O. S. Specific features of teaching open water swimming. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;19:313—315. (In Russ.)
4. Ivanov M. O., Shalaeva I. Yu. Features of open water swimming. *Aktual'nye voprosy fizicheskogo vospitaniya i adaptivnoi fizicheskoi kul'tury v sisteme obrazovaniya* = Current issues of physical education and adaptive physical culture in the education system. Collection of materials of the V All-Russian scientific and practical conference with international participation. Volgograd, Volgograd State Physical Education Academy publ., 2023;2:244—248. (In Russ.)
5. Karpova S. N. Features of integral preparation for open water competitions of qualified swimmers. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta* = Russian Journal of Physical Education and Sport. 2024;19(2):65—68. (In Russ.)

6. Dudchenko P. P. Indicators of physical and technical fitness that determine the effectiveness of the training process of qualified swimmers in fins. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2023;10(224):103—106. (In Russ.)
7. Dudchenko P. P. Integrated development of aerobic power and tactical variability as a foundation for training finswimmers for long-distance open-water competitions. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2026;3(253):110—116. (In Russ.) DOI: 10.5930/1994-4683-2026-3-110-116.
8. Mironov A. A. Assessment of the development of adaptive mechanisms of the sensory system in athletes engaged in finswimming. *Fizicheskaya kul'tura i sport v Rossiiskoi Federatsii — strategiya razvitiya: zdravookhranenie, obrazovanie, vospitanie, molodezhnaya politika = Physical culture and sport in the Russian Federation - development strategy: healthcare, education, upbringing, youth policy. Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference*. Tomsk, Siberian State Medical University publ., 2025:83—86. (In Russ.)
9. Baldassarre R., Ieno C., Bonifazi M., Piacentini M. F. Pacing and Hazard Score of Elite Open Water Swimmers During a 5-km Indoor Pool Race. *International Journal of Sports Physiology and Performance*. 2021;16(6):796—801. DOI: 10.1123/ijsp.2020-0197.
10. Conceição A., Marinho D., Stastny J. et al. Open Water Swimming: Swimmers' Kinematical and Neuromuscular Characterisation in 5 km Swim. *Sports*. 2025;13(10):335. DOI: 10.3390/sports13100335.
11. Fernández-Asensio J. M., Rodríguez-Adalia L., Hermosilla-Perona F. et al. Pacing strategies of 10 km elite open water swimmers with enhanced temporal resolution: World Swimming Championships Budapest 2022. *Journal of Sports Sciences*. 2024;42(24):2333—2342. DOI: 10.1080/02640414.2024.2430879.
12. Fujito Y., Fujimoto T., Hara R. et al. Evaluation of Race Pace Using Critical Swimming Speed During 10 km Open-Water Swimming Competition. *Journal of Functional Morphology and Kinesiology*. 2025;10(3):302. DOI: 10.3390/jfkm10030302.
13. Rejman M., Siemontowski P., Sieminski A. Comparison of performance of various leg-kicking techniques in fin swimming in terms of achieving the different goals of underwater activities. *PLOS One*. 2020;15(8):e0236504. DOI: 10.1371/journal.pone.0236504.
14. Rejman M., Szkudlarek P. The Least Squares Method as a Tool for Assessment of the Stroke Parameters and Velocity in Monofin Swimming. *Methods and Protocols*. 2025;8(1):19. DOI: 10.3390/mps8010019.
15. Sellés-Pérez S., Arévalo H., Altavilla C. et al. Effect of training with fins on swimming performance in kids and young recreational swimmers. *Journal of Physical Education and Sport*. 2023;23(2):532—537. DOI: 10.7752/jpes.2023.02066.
16. Zacca R., Neves V., da Silva Oliveira T. et al. 5 km front crawl in pool and open water swimming: breath-by-breath energy expenditure and kinematic analysis. *European Journal of Applied Physiology*. 2020;120(9):2005—2018. DOI: 10.1007/s00421-020-04420-7.

Статья поступила в редакцию 27.04.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 27.04.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья

УДК 796.012.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1605

Pavel Pavlovich Dudchenko

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
Tula State

Lev Tolstoy Pedagogical University

Tula, Russian Federation

pasith@mail.ru

Павел Павлович Дудченко

канд. пед. наук, доцент,

доцент кафедры теории

и методики физической культуры,

Тульский государственный

педагогический университет им. Л. Н. Толстого

Тула, Российская Федерация

pasith@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА TRANSFORMER-АРХИТЕКТУРЫ В УПРАВЛЕНИИ РАЗВИТИЕМ СКОРОСТНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ ПЛОВЦОВ В ЛАСТАХ НА ЭТАПЕ УГЛУБЛЕННОЙ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Статья посвящена апробации цифрового аналитического контура на основе моделей искусственного интеллекта Transformer-архитектуры в подготовке пловцов в ластах 15–16 лет на этапе углубленной специализации. Основное внимание сосредоточено на включении интеллектуального помощника тренера в планирование и текущую коррекцию средств, направленных на развитие скоростной выносливости. Апробация применения цифрового аналитического контура на основе модели искусственного интеллекта Transformer-архитектуры проходила в 2025 г. на базе ГУ ДО ТО «Областная комплексная спортивная школа олимпийского резерва» г. Тулы. В исследовании приняли участие 30 пловцов в ластах со стажем занятий не менее 8 лет и квалификацией — первый спортивный разряд и кандидат в мастера спорта. С учетом исходного результата на дистанции 100 м спортсменов распределили на контрольную ($n = 15$) и экспериментальную ($n = 15$) группы. В экспериментальной группе тренер-преподаватель использовал цифровые инструменты, в т. ч. аналитический модуль на базе Transformer-модели, обрабатывавший тренировочные журналы, сплит-времена, показатели частоты сердечных сокращений, субъективные оценки нагрузки и краткие текстовые отчеты спортсменов. На основе этой информации формирова-

лись рекомендации по структуре микроцикла, плотности скоростно-выносливостной работы и характеру коррекции ключевых заданий. Эффективность подхода оценивали по результату 100 м плавания в ластах, времени финишного сегмента 25 м, индексу скоростного снижения в тесте 6×25 м, показателям $\ln\text{RMSSD}$ и субъективной оценке нагрузки. После завершения программы в экспериментальной группе установлено более выраженное улучшение спортивно значимых показателей. Время 100 м сократилось на 3,1 %, время заключительных 25 м уменьшилось на 4,9 %, индекс скоростного снижения снизился на 15,7 %, при этом восстановительный фон оказался более благоприятным. Полученные данные показывают, что включение Transformer-модели в аналитическую поддержку тренера повышает точность индивидуализации нагрузки и способствует более устойчивой реализации скорости во второй половине дистанции.

Ключевые слова: плавание в ластах, скоростная выносливость, этап углубленной специализации, цифровые технологии в спорте, Transformer-модели, интеллектуальный помощник тренера, управление тренировочным процессом, спортивная подготовка, индивидуализация нагрузки, вариабельность сердечного ритма, субъективная оценка нагрузки / RPE

Для цитирования: Дудченко П. П. Применение моделей искусственного интеллекта Transformer-архитектуры в управлении развитием скоростной выносливости пловцов в ластах на этапе углубленной специализации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 404—409. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1605.

Original article

APPLICATION OF TRANSFORMER-ARCHITECTURE ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS IN MANAGING THE DEVELOPMENT OF SPEED ENDURANCE IN FINSWIMMERS AT THE STAGE OF ADVANCED SPECIALIZATION

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article is devoted to the approbation of a digital analytical framework based on Transformer-architecture artificial intelligence models in training 15–16-year-old finswimmers at the stage of advanced specialization. The focus is on integrating an intelligent coach assistant into the planning and ongoing correction of training means aimed

at developing speed endurance. The approbation of the digital analytical framework based on a Transformer-architecture artificial intelligence model was conducted in 2025 at the Tula Regional Comprehensive Sports School of Olympic Reserve. The study involved 30 finswimmers with at least eight years of training experience and qualifications of First Class

and Candidate for Master of Sports. Based on their initial 100 m performance, the athletes were divided into a control group (CG, $n = 15$) and an experimental group (EG, $n = 15$). In the EG, the coach used digital tools, including an analytical module based on a Transformer model, which processed training logs, split times, heart rate indicators, subjective load assessments, and brief text reports from the athletes. Based on this information, recommendations were generated regarding the microcycle structure, the density of speed-endurance work, and the nature of correction of key training tasks. The effectiveness of the approach was assessed by the 100 m finswimming result, the time of the final 25 m segment, the speed decrement index in the 6×25 m test, lnRMSSD indicators, and the rating of perceived exertion. After the completion of the program,

the EG showed more pronounced improvements in sport-specific indicators. The 100 m time decreased by 3.1%, the final 25 m time decreased by 4.9%, and the speed decrement index decreased by 15.7%, while the recovery background proved to be more favorable. The obtained data indicate that incorporating a Transformer model into the analytical support of the coach increases the accuracy of load individualization and contributes to more stable speed realization in the second half of the race.

Keywords: finswimming, speed endurance, advanced specialization stage, digital technologies in sport, Transformer models, intelligent coach assistant, training process management, sports training, load individualization, heart rate variability, rating of perceived exertion / RPE

For citation: Dudchenko P. P. Application of Transformer-architecture artificial intelligence models in managing the development of speed endurance in finswimmers at the stage of advanced specialization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):404—409. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1605.

Введение

Актуальность. Современное плавание в ластах относится к числу интенсивно развивающихся видов спорта, в которых спортивный результат определяется уровнем специальной подготовленности, точностью техники и способностью сохранять высокую скорость в условиях нарастающего утомления. На этапе углубленной специализации значение этих факторов особенно возрастает, поскольку именно в данный период повышается роль точного дозирования физической нагрузки и закрепляются предпосылки дальнейшего спортивного совершенствования. Наиболее отчетливо это проявляется на спринтерских и смежных дистанциях, где вторая половина заплыва позволяет наиболее полно судить об уровне скоростной выносливости пловца в ластах.

Развитие скоростной выносливости у спортсменов 15—16 лет требует от тренера-преподавателя точного подбора объема и интенсивности работы, пауз отдыха и восстановительных воздействий. Даже при сходных параметрах тренировочного задания реакции спортсменов могут существенно различаться: у одних сохраняется устойчивость темпа и двигательного ритма, у других проявляются признаки перегрузки и ухудшается прохождение второй половины дистанции. Это усиливает значимость поиска средств, повышающих точность управления тренировочным процессом.

Изученность проблемы. Различные аспекты цифровизации спортивной подготовки, использования искусственного интеллекта, аналитических систем и средств мониторинга в плавании и смежных видах спорта исследовали зарубежные ученые: Дж. Каррард, Д. Карвалью, М. Рейман, С. Сельес-Перес, Г. Ван и др. Активно ведут научные изыскания по вопросам цифрового сопровождения тренировочного процесса, применения искусственного интеллекта в спорте, мониторинга функционального состояния спортсменов и совершенствования подготовки пловцов в ластах такие отечественные ученые, как О. Ю. Запезалов, В. Е. Кузнецова, П. П. Дудченко, Ф. А. Иорданская и др. В данной связи показательно замечание С. Ч. Ачиловой о том, что «современный спорт немыслим без систем сбора, обработки и анализа больших данных (*Big Data*), которые собираются непрерывно. Спортсмены используют высокоточные носимые гаджеты, специальные биометрические браслеты и сен-

соры, интегрированные в экипировку, которые в реальном времени фиксируют множество физиологических и биомеханических показателей их состояния» [1, с. 119].

Существенный вклад в разработку вопросов, связанных с цифровизацией спортивной подготовки, применением искусственного интеллекта и аналитических моделей в спорте, внесли как зарубежные, так и отечественные авторы. В отечественной литературе внимание уделяется как общим вопросам внедрения искусственного интеллекта в спорт, так и более частным аспектам цифрового сопровождения подготовки спортсменов. Так, О. Ю. Запезалов [2], В. Е. Кузнецова и М. Н. Скидан [3] рассматривают потенциал и проблемные стороны использования искусственного интеллекта в спортивной сфере. И. Ю. Горская [4] и Ф. А. Иорданская [5] акцентируют значение цифрового мониторинга состояния спортсменов, тогда как нами в предыдущих публикациях [6; 7] были раскрыты вопросы совершенствования и управления тренировочным процессом пловцов в ластах. Возможности машинного обучения для прогнозирования спортивного результата раскрываются в работе Е. А. и Н. В. Сауровых и С. Н. Морозова [8]. Вопросы выявления и коррекции технических ошибок у пловцов представлены в исследовании И. М. Сазоновой и Т. Г. Апариевой [9], тогда как В. Р. Соломатин [10] и А. А. Эльтемеров [11] анализируют особенности тренировочного воздействия и повышения эффективности подготовки с использованием современных технологий.

Среди зарубежных исследователей заметное место занимают работы, посвященные аналитическому сопровождению плавательной подготовки и интерпретации спортивного результата на основе цифровых решений. Дж. Каррард, П. Клоучек и Б. Гоянович [12] рассматривают моделирование тренировочной адаптации в плавании. Д. Карвалью, М. Ф. Гётел, А. Ж. Силва, Ж. П. Вилаш-Боаш, Д. Б. Пайн и Р. Ж. Фернандеш [13] раскрывают возможности объяснимого искусственного интеллекта в анализе тренировочных переменных и спортивного результата. М. Рейман и П. Шкудлярек [14] исследуют параметры цикла и скорости в плавании в моноласте, С. Сельес-Перес, Х. Аревало, Ч. Альтавила, Д. Х. Герреро и Р. Сехуэла [15] изучают влияние тренировок с ластами на результативность юных пловцов, а Г. Ван [16] показывает перспективы мультимедального интеллектуального сопровождения плавательной подготовки.

Вместе с тем до настоящего времени сохраняется ряд вопросов, связанных с педагогической интерпретацией возможностей моделей искусственного интеллекта применительно к развитию скоростной выносливости пловцов в ластах на этапе углубленной специализации. Имеющиеся публикации либо сосредоточены на общих вопросах цифровизации спорта, мониторинга и анализа данных, либо рассматривают отдельные стороны плавательной подготовки, техники движений, функционального контроля и прогностической аналитики. При этом в научной литературе пока недостаточно полно раскрыт вопрос использования моделей *Transformer*-архитектуры именно как инструмента педагогической поддержки тренера-преподавателя, способного объединять в едином аналитическом контуре сплит-времена, показатели восстановления, субъективную оценку нагрузки и текстовые сообщения спортсменов о самочувствии для последующей коррекции тренировочного воздействия.

Всё это определяет необходимость дальнейшего исследования заявленной проблемы. Существенным фактором ее актуализации выступает расширение цифровой среды спорта, рост объема разнородных тренировочных данных и потребность в таких инструментах анализа, которые не подменяют решение тренера-преподавателя, а повышают его обоснованность при управлении развитием скоростной выносливости пловцов в ластах.

Цель исследования состояла в теоретическом обосновании и экспериментальной апробации применения моделей искусственного интеллекта *Transformer*-архитектуры как интеллектуального помощника тренера-преподавателя в управлении развитием скоростной выносливости пловцов в ластах 15—16 лет на этапе углубленной специализации.

Задача исследования заключалась в определении влияния цифрового аналитического модуля на основе *Transformer*-модели на показатели, отражающие устойчивость соревновательной скорости, качество прохождения финишного отрезка и характер восстановительных реакций у пловцов в ластах.

Гипотеза исследования строилась на предположении о том, что включение *Transformer*-модели в контур тренерского сопровождения обеспечит более точную индивидуализацию скоростно-выносливостной нагрузки и будет способствовать более выраженному улучшению результата на дистанции 100 м плавания в ластах, параметров финишного сегмента и показателей функционального состояния по сравнению с традиционной организацией подготовки.

Научной новизной обладают следующие результаты исследования:

- теоретически обоснована возможность применения моделей искусственного интеллекта *Transformer*-архитектуры в качестве интеллектуального помощника тренера-преподавателя при управлении развитием скоростной выносливости пловцов в ластах 15—16 лет на этапе углубленной специализации;

- разработан и апробирован цифровой аналитический контур, интегрирующий данные электронного тренировочного журнала, сплит-времена контрольных серий, показатели частоты сердечных сокращений, значения вариабельности сердечного ритма, субъективную оценку нагрузки и текстовые сообщения спортсменов о самочувствии для последующей коррекции параметров тренировочного воздействия;

- установлено, что включение *Transformer*-модели в контур тренерского сопровождения способствует более выраженному улучшению результата на дистанции 100 м плавания в ластах, показателей финишного сегмента, индекса скоростного снижения и восстановительных характеристик по сравнению с традиционной организацией подготовки.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении научных представлений о возможностях педагогически ориентированного применения моделей искусственного интеллекта в системе подготовки пловцов в ластах на этапе их углубленной специализации. Полученные материалы уточняют подходы к пониманию скоростной выносливости как управляемого качества, развитие которого должно рассматриваться в единстве соревновательной скорости, параметров финишного сегмента, восстановительных реакций и субъективного восприятия нагрузки. Существенное значение имеет и то, что в исследовании обоснована возможность интеграции разнородных тренировочных данных в единый аналитический контур, расширяющий теоретические основания педагогического контроля и индивидуализации тренировочного процесса в плавании в ластах.

Целесообразность разработки темы обусловлена как потребностями современной спортивной практики, так и логикой развития цифровизации тренировочного процесса. Тренер-преподаватель всё чаще работает в условиях избытка разнородной информации, однако наличие большого массива данных само по себе не гарантирует повышения качества педагогического решения. Существенное значение приобретает не только сбор показателей, но и их оперативное объединение в единую аналитическую систему, позволяющую своевременно выявлять признаки благоприятной адаптации, локального перенапряжения, ухудшения финишного сегмента и несоответствия между запланированной и фактически переносимой нагрузкой.

В этом отношении особый интерес представляют модели *Transformer*-архитектуры, способные учитывать одновременно числовые данные, текстовые описания самочувствия, сведения о выполнении упражнений и последовательность предшествующих тренерских решений. Для подготовки пловцов в ластах такая модель может выступать в качестве интеллектуального помощника тренера-преподавателя, повышающего обоснованность коррекции тренировочных параметров. Следовательно, разработка и апробация подхода, в котором цифровой аналитический модуль используется как средство педагогической поддержки управления скоростной выносливостью, представляется своевременной и практически значимой.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования разработанного цифрового аналитического контура в реальной деятельности тренера-преподавателя при планировании и коррекции скоростно-выносливостной подготовки пловцов в ластах 15—16 лет. Применение предложенного подхода позволяет своевременно выявлять признаки перегрузки, точнее соотносить объем и интенсивность специальных упражнений с текущим состоянием спортсменов, а также повышать обоснованность решений по изменению темпа, числа повторений, длительности интервалов отдыха и распределения акцентов по дистанции. Материалы исследования могут быть использованы в практике спортивных школ, при разработке программ педагогического контроля и в дальнейшем совершенствовании цифрового сопровождения подготовки пловцов в ластах.

Основная часть

Методология исследования. Апробация применения цифрового аналитического контура на основе модели искусственного интеллекта *Transformer*-архитектуры проходила в 2025 г. на базе ГУ ДО ТО «Областная комплексная спортивная школа олимпийского резерва» г. Тулы. В экспериментальной работе приняли участие 30 пловцов в ластах в возрасте 15—16 лет, имеющие стаж занятий не менее 8 лет и квалификацию — первый спортивный разряд и кандидаты в мастера спорта. С учетом исходного результата на дистанции 100 м спортсменов распределили на контрольную ($n = 15$; далее — КГ) и экспериментальную ($n = 15$; далее — ЭГ) группы. Исходный уровень подготовленности групп находился в сопоставимом диапазоне.

Программа развития скоростной выносливости пловцов в ластах с использованием цифрового аналитического контура реализовывалась в течение восьми недель. Она была встроена в тренировочный мезоцикл, который ориентирован на сохранение соревновательной направленности подготовки пловцов в ластах. Учебно-тренировочные занятия проводились ежедневно с одним выходным (воскресенье) два раза в день. В КГ применялась обычная для данного этапа схема с интервальными заданиями, серийным проплыванием отрезков, технической работой и силовой подготовкой на суше. В ЭГ общая направленность микроцикла сохранялась, но пять занятий в неделю строились с учетом данных цифрового аналитического контура.

В содержание этих учебно-тренировочных занятий пловцов в ластах встраивались серии специальной скоростно-выносливостной работы на отрезках 25, 50 и 100 м. Основной акцент переносился на удержание соревновательного темпа во второй половине дистанции, стабилизацию частоты движений и сохранение эффективности финишного ускорения. По ходу мезоцикла изменялись плотность заданий, длина активных пауз и объем повторной работы. Коррекция параметров в ЭГ осуществлялась на основе рекомендаций интеллектуального помощника тренера-преподавателя.

Аналитический модуль функционировал на основе модели искусственного интеллекта *Transformer*-архитектуры и использовался как инструмент педагогической поддержки тренера-преподавателя. В систему загружались данные электронного тренировочного журнала, сплит-времена контрольных серий, показатели частоты сердечных сокращений, утренние значения вариабельности сердечного ритма и субъективная оценка нагрузки по шкале *RPE*. Дополнительно учитывались краткие текстовые сообщения спортсменов о самочувствии, качестве восстановления и переносимости предыдущей работы. На выходе тренер-преподаватель получал краткий аналитический отчет с оценкой уровня готовности спортсмена, вероятности перегрузки, динамики по отношению к предыдущему микроциклу и рекомендациями по коррекции объема повторений, длительности интервалов отдыха, целевого темпа и распределения акцентов между первой и второй половиной дистанции.

Использование цифрового помощника организовывалось в логике тренерского сопровождения. Итоговое решение о содержании занятия, переносе акцентов и степени изменения заданий принимал тренер-преподаватель с учетом техники спортсмена, особенностей группы и задач текущего этапа. Подобная практика позволяла сохранить педагогическую управляемость учебно-тренировочного процесса развития скоростной выносливости пловцов в ластах и в то же время повысить глубину анализа поступающей информации.

Эффективность программы оценивали до ее начала и после завершения по следующим показателям. Анализировалось время прохождения дистанции 100 м плавания в ластах, время заключительного сегмента 25 м, индекс скоростного снижения в тесте 6×25 м с интервалом отдыха 30 с, значения *lnRMSSD* как показатель восстановительного фона, а также средняя субъективная оценка нагрузки на основном занятии по развитию скоростной выносливости у пловцов в ластах. Проводился расчет средних значений и стандартных отклонений по исследуемым показателям с последующим сравнением между группами; уровень значимости принимался равным 0,05. Результаты представлены в таблице.

Показатели скоростной выносливости пловцов в ластах до и после исследования

Показатель	КГ ($n = 15$), $M \pm \sigma$		ЭГ ($n = 15$), $M \pm \sigma$		$t_{\text{межгрупп}}$	p
	до	после	до	после		
100 м плавание в ластах, с	39,39 ± 1,34	39,16 ± 1,29	39,36 ± 1,39	37,88 ± 1,21	5,66	<0,05
Финишный сегмент 25 м, с	9,47 ± 0,51	9,36 ± 0,49	9,44 ± 0,53	8,83 ± 0,45	3,33	<0,05
Индекс скоростного снижения в тесте 6×25 м, %	7,1 ± 1,7	6,8 ± 1,6	7,0 ± 1,8	5,9 ± 1,4	2,67	<0,05
<i>lnRMSSD</i> , усл. ед.	3,60 ± 0,18	3,64 ± 0,17	3,59 ± 0,17	3,72 ± 0,16	2,65	<0,05
<i>RPE</i> основного занятия, баллы	7,3 ± 0,8	7,1 ± 0,8	7,4 ± 0,8	6,7 ± 0,7	2,94	<0,05

Результаты исследования. После завершения исследования установлено, что изменения показателей у пловцов в ластах в КГ носили умеренный характер и в целом соответствовали обычному тренировочному эффекту, который был ожидаем в пределах восьминедельного тренировочного мезоцикла. Время проплывания 100 м в ластах улучшилось на 0,23 с, время финишного отрезка дистанции 25 м — на 0,11 с, а индекс скоростного снижения уменьшился на 0,3 процентного пункта. Эти сдвиги отражают положительное влияние систематической под-

готовки спортсменов, однако их выраженность остается ограниченной и не свидетельствует о существенном изменении механизмов удержания скорости на фоне нарастающего утомления.

В ЭГ у пловцов в ластах выявлены более выраженные положительные изменения, которые затронули как итоговый соревновательный результат, так и показатели, непосредственно характеризующие структуру проявления скоростной выносливости. Время прохождения дистанции 100 м уменьшилось на 1,48 с, или на 3,1 % от исходного

уровня, время финишного сегмента — на 0,61 с, или на 4,9 %, а индекс скоростного снижения в тесте 6×25 м сократился на 1,1 процентного пункта. Одновременно отмечено повышение *lnRMSSD* с 3,59 до 3,72 усл. ед. и снижение субъективной оценки нагрузки, что указывает на более благоприятный характер восстановительных реакций и более экономичное перенесение скоростно-выносливой работы.

Сопоставление итоговых значений КГ и ЭГ демонстрирует, что преимущество ЭГ носило не локальный, а системный характер. Более быстрое преодоление дистанции 100 м сочеталось у пловцов в ластах ЭГ с улучшением качества прохождения заключительного отрезка, т. е. именно той части соревновательной деятельности, которая в наибольшей степени отражает уровень развития скоростной выносливости. Существенно и то, что положительная динамика наблюдалась не только по внешним результативным критериям, но и по показателям функционального состояния спортсменов. Это усиливает доказательность полученных данных, поскольку улучшение спортивного результата сопровождалось более благоприятным восстановительным фоном и уменьшением субъективно воспринимаемой напряженности нагрузки.

В совокупности представленные изменения подтверждают выдвинутую гипотезу исследования о том, что включение *Transformer*-модели в контур тренерского сопровождения обеспечивает более точную индивидуализацию скоростно-выносливой нагрузки и способствует более выраженному улучшению спортивных показателей по сравнению с традиционной организацией подготовки пловцов в ластах на этапе углубленной специализации. Полученные в процессе эксперимента результаты дают основание утверждать, что цифровой аналитический контур оказался особенно эффективным в тех компонентах подготовки, которые связаны с удержанием соревновательной скорости во второй половине дистанции, своевременной коррекцией параметров нагрузки и согласованием тренировочного воздействия с текущими адаптационными возможностями пловцов в ластах.

Следовательно, использование моделей искусственного интеллекта *Transformer*-архитектуры в качестве интеллектуального помощника тренера-преподавателя следует рассматривать как действенный инструмент педагогической поддержки управления развитием скоростной выносливости пловцов в ластах. Его применение обеспечило более

точную настройку объема и интенсивности работы, длительности интервалов отдыха и распределения акцентов по дистанции. Это дает основание рассматривать полученные различия между группами как результат более адресного и обоснованного управления учебно-тренировочным процессом пловцов в ластах.

Вместе с тем полученные результаты исследования следует рассматривать с учетом ограниченного объема выборки и продолжительности апробации. Дальнейшая работа может быть связана с расширением периода наблюдения, уточнением алгоритмов аналитической интерпретации тренировочных данных и более детальным анализом динамики второй половины дистанции.

Выводы

Применение моделей искусственного интеллекта *Transformer*-архитектуры в режиме интеллектуального помощника тренера-преподавателя расширяет возможности управления развитием скоростной выносливости пловцов в ластах в возрасте 15—16 лет на этапе углубленной специализации. Целенаправленная интеграция цифрового аналитического контура в структуру восьминедельного тренировочного мезоцикла позволила точнее соотносить скоростно-выносливые задания с текущим состоянием спортсменов и своевременно корректировать параметры наиболее важных тренировок.

Наиболее выраженный эффект проявился у пловцов в ластах в ЭГ. У спортсменов этой группы улучшились как итоговые показатели дистанционного результата, так и характеристики, отражающие устойчивость скорости под утомлением, качество прохождения финишного отрезка и характер восстановительных реакций. Снижение времени плавания на 100 м в ластах на 3,1 %, ускорение заключительных 25 м на 4,9 %, уменьшение индекса скоростного снижения на 15,7 %, повышение *lnRMSSD* и снижение субъективной оценки нагрузки подтверждают практическую значимость выбранного подхода.

Материалы исследования позволяют рассматривать *Transformer*-модель как рабочий инструмент педагогической аналитики в системе подготовки пловцов в ластах. Ее использование повышает обоснованность тренерских решений, усиливает адресность коррекции физической нагрузки и делает процесс развития скоростной выносливости более управляемым в условиях современного тренировочного цикла.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ачилова С. Ч., Оразгельдиева О. Спорт и технологии: эра цифровой трансформации и персонализации результатов // Наука и мировоззрение. 2025. № 59. С. 118—123.
2. Запелов О. Ю. Искусственный интеллект в спорте // Наука, техника и образование. 2024. № 1(93). С. 46—48.
3. Кузнецова В. Е., Скидан М. Н. Искусственный интеллект в спорте: проблемы и перспективы // Вестник науки и образования. 2025. № 9(164). Ч. 2. С. 11—14.
4. Горская И. Ю., Михалев В. И., Шмидт И. С., Баймакова Л. Г. Опыт использования мобильных технологий в мониторинге физического состояния спортсмена // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 10(212). С. 105—111.
5. Иорданская Ф. А. Цифровые технологии в мониторинге тренировочных и дистанционных процессов подготовки спортсменов и лиц, занимающихся физкультурой // Вестник спортивной науки. 2020. № 3. С. 31—44.
6. Дудченко П. П. Концепция совершенствования тренировочного процесса и развития плавания в ластах // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 5. Ч. 1. С. 138—143. DOI: 10.17513/snt.39161.
7. Дудченко П. П., Хмылова Д. А. Формирование новой культуры управления учебно-тренировочным процессом пловцов в ластах в условиях цифровизации спорта // Современные технологии в физическом воспитании и спорте : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2025. С. 88—92.

8. Сауров Е. А., Морозов С. Н., Саурова Н. В. Предсказание результатов в плавании в ластах с помощью машинного обучения и тренировочных данных // Молодые ученые : материалы Межрегион. науч. конф. М. : РГУФКСМиТ, 2020. С. 87—93.
9. Сазонова И. М., Апариева Т. Г. Выявление и исправление ошибок в технике движений юных пловцов как основа ее совершенствования // Recent Scientific Investigation : Proceedings of the XL International Multidisciplinary Conference. Shawnee, USA : Primedia E-launch, 2023. Pp. 26—32. DOI: 10.32743/UsaConf.2023.1.40.350411.
10. Соломатин В. Р. Особенности физиологического воздействия непрерывного и интервального методов тренировки на квалифицированных юных пловцов // Вестник спортивной науки. 2020. № 6. С. 52—55.
11. Эльтемеров А. А. Повышение эффективности обучения плаванию посредством цифровых технологий // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2022. Вып. 5(45). С. 136—147. DOI: 10.23951/2307-6127-2022-5-136-147.
12. Carrard J., Kloucek P., Gojanovic B. Modelling Training Adaptation in Swimming Using Artificial Neural Network Geometric Optimisation // Sports. 2020. Vol. 8. Iss. 1. Art. 8. DOI: 10.3390/sports8010008.
13. Swimming Performance Interpreted through Explainable Artificial Intelligence (XAI)—Practical Tests and Training Variables Modelling / D. D. Carvalho, M. F. Goethel, A. J. Silva et al. // Applied Sciences. 2024. Vol. 14. Iss. 12. Art. 5218. DOI: 10.3390/app14125218.
14. Rejman M., Szkudlarek P. The Least Squares Method as a Tool for Assessment of the Stroke Parameters and Velocity in Monofin Swimming // Methods and Protocols. 2025. Vol. 8. Iss. 1. Art. 19. DOI: 10.3390/mps8010019.
15. Effect of training with fins on swimming performance in kids and young recreational swimmers / S. Sellés-Pérez, H. Arévalo, C. Altavilla et al. // Journal of Physical Education and Sport. 2023. Vol. 23. Iss. 2. Pp. 532—537. DOI: 10.7752/jpes.2023.02066.
16. Wang G. RL-CWtrans Net: multimodal swimming coaching driven via robot vision // Frontiers in Neurorobotics. 2024. Vol. 18. Art. 1439188. DOI: 10.3389/fnbot.2024.1439188.

REFERENCES

1. Achilova S. Ch., Orazgel'dieva O. Sport and technologies: the era of digital transformation and personalization of results. *Nauka i mirovozzrenie*. 2025;59:118—123. (In Russ.)
2. Zapevalov O. Yu. Artificial intelligence in sports. *Nauka, tekhnika i obrazovanie = Science, technology and education*. 2024;1(93):46—48. (In Russ.)
3. Kuznetsova V. E., Skidan M. N. Artificial intelligence in sports: challenges and prospects. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2025;9(164)-2:11—14. (In Russ.)
4. Gorskaya I. Yu., Mikhalev V. I., Schmidt I. S., Baymakova L. G. Experience of using mobile technologies in monitoring the physical condition of athletes. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2022;(10):105—111. (In Russ.)
5. Iordanskaya F. A. Digital technologies in monitoring training sessions and remote training processes athletes and individuals engaged in physical education. *Vestnik sportivnoi nauki = Sports science bulletin*. 2020;3:31—44. (In Russ.)
6. Dudchenko P. P. The concept of improving the training process and the development of swimming in fins. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2022;5-1:138—143. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39161
7. Dudchenko P. P., Khmylova D. A. Formation of a new culture of managing the training process of finswimmers in the context of sports digitalization. *Sovremennye tekhnologii v fizicheskom vospitanii i sporte = Modern technologies in physical education and sport. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University publ., 2025:88—92. (In Russ.)
8. Saurov E. A., Morozov S. N., Saurova N. V. Prediction of results in finswimming using machine learning and training data. *Molodye uchenye = Young scientists. Proceedings of the interregional scientific conference*. Moscow, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism publ., 2020:87—93. (In Russ.)
9. Sazonova I. M., Aparieva T. G. Identification and correction of errors in the technique of movements of young swimmers as a basis for its improvement. *Recent Scientific Investigation. Proceedings of the XL International Multidisciplinary Conference*. Shawnee, USA, Primedia E-launch, 2023:26—32. (In Russ.) DOI: 10.32743/UsaConf.2023.1.40.350411.
10. Solomatin V. R. Features of the physiological effect of continuous and interval training methods on qualified young swimmers. *Vestnik sportivnoi nauki = Sports science bulletin*. 2020;6:52—55. (In Russ.)
11. Eltemerov A. A. Increasing the efficiency of swimming teaching through digital technologies. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2022;5(45):136—147. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2022-5-136-147.
12. Carrard J., Kloucek P., Gojanovic B. Modelling Training Adaptation in Swimming Using Artificial Neural Network Geometric Optimisation. *Sports*. 2020;8(1):8. DOI: 10.3390/sports8010008.
13. Carvalho D. D., Goethel M. F., Silva A. J. et al. Swimming Performance Interpreted through Explainable Artificial Intelligence (XAI)—Practical Tests and Training Variables Modelling. *Applied Sciences*. 2024;14(12):5218. DOI: 10.3390/app14125218.
14. Rejman M., Szkudlarek P. The Least Squares Method as a Tool for Assessment of the Stroke Parameters and Velocity in Monofin Swimming. *Methods and Protocols*. 2025;8(1):19. DOI: 10.3390/mps8010019.
15. Sellés-Pérez S., Arévalo H., Altavilla C. et al. Effect of training with fins on swimming performance in kids and young recreational swimmers. *Journal of Physical Education and Sport*. 2023;23(2):532—537. DOI: 10.7752/jpes.2023.02066.
16. Wang G. RL-CWtrans Net: multimodal swimming coaching driven via robot vision. *Frontiers in Neurorobotics*. 2024;18:1439188. DOI: 10.3389/fnbot.2024.1439188.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 19.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 19.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья**УДК 378.147:004.056****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1590****Natalia Yurievna Evsyukova**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Director,
Volga Institute (branch)
of Moscow Automobile and Road Construction
State Technical University (MADI)
Cheboksary, Russian Federation
natalyaevsvfmadi@mail.ru

Svetlana Anatolyevna Solovyova

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department of Computer Science
and Transport Process Technologies,
Volga Region Institute (branch)
of Moscow Automobile and Road Construction State
Technical University (MADI)
Cheboksary, Russian Federation
svetlanasol@yandex.ru

Anzhelika Vyacheslavovna Galyna

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Computer Science
and Transport Process Technologies,
Volga Region Institute (branch)
of Moscow Automobile and Road Construction State
Technical University (MADI)
Cheboksary, Russian Federation
slavnaya0303@yandex.ru

Наталья Юрьевна Евсюкова

канд. пед. наук, доцент,
директор,
Приволжский институт (филиал)
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
Чебоксары, Российская Федерация
natalyaevsvfmadi@mail.ru

Светлана Анатольевна Соловьёва

канд. психол. наук,
доцент кафедры «Информатика
и технологии транспортных процессов»,
Приволжский институт (филиал)
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
Чебоксары, Российская Федерация
svetlanasol@yandex.ru

Анжелика Вячеславовна Галыня

канд. пед. наук,
доцент кафедры «Информатика
и технологии транспортных процессов»,
Приволжский институт (филиал)
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
Чебоксары, Российская Федерация
slavnaya0303@yandex.ru

ДИАГНОСТИКА И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье представлено исследование, посвященное проблеме диагностики и развития культуры информационной безопасности (КИБ) у студентов технического вуза. Цель работы заключается в выявлении уровня сформированности компонентов КИБ у студентов I–IV курсов и разработке на этой основе модели ее развития в условиях цифровой трансформации образования. Материалами исследования послужили теоретические положения отечественных ученых о структуре КИБ, а также эмпирические данные, полученные в ходе диагностики 186 студентов Приволжского института (филиала) Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета. Методологической базой выступил компонентный подход М. А. Кулебяева, включающий ценностно-смысловой, когнитивный, технический и поведенческий компоненты КИБ. Для диагностики использовался авторский опросник, реализованный в рамках компьютерной системы обучения и контроля знаний (Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025618076). Методы исследования: теоретический анализ, педагогическое тестирование, анкетирование, методы математической статистики. Авторами

показано, что наиболее высокий уровень сформированности у студентов технического вуза наблюдается по когнитивно-му (73,5 %) и техническому (72 %) компонентам, тогда как ценностно-смысловой (53,25 %) и поведенческий (50,75 %) компоненты находятся на недостаточном уровне, что создает «разрыв» между знанием и действием в области информационной безопасности, достигающий 22,75 процентных пункта. На основе полученных данных авторами предложена модель формирования КИБ, включающая диагностический, содержательно-процессуальный и оценочно-рефлексивный блоки, с акцентом на аксиолого-поведенческий модуль. Выводы: для эффективного развития КИБ у студентов технического вуза необходима системная работа, направленная на аксиологизацию содержания образования и активизацию поведенческих практик в цифровой среде.

Ключевые слова: культура информационной безопасности, студенты технического вуза, диагностика, ценностно-смысловой компонент, когнитивный компонент, технический компонент, поведенческий компонент, модель формирования, цифровая образовательная среда, образовательный процесс

Для цитирования: Евсюкова Н. Ю., Соловьёва С. А., Галыня А. В. Диагностика и развитие культуры информационной безопасности у студентов технического вуза // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 410—415. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1590.

Original article

DIAGNOSTICS AND DEVELOPMENT OF INFORMATION SECURITY CULTURE
AMONG STUDENTS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The authors of the article present a study on the problem of diagnosis and development of information security culture among students of a technical university. The purpose of the work is to identify the level of formation of information security culture components among 1st-4th year students and to develop on this basis a model of its development in the context of digital transformation of education. The research materials were the theoretical positions of Russian scientists on the structure of information security culture, as well as empirical data obtained during the diagnosis of 186 students of the Volga Institute (branch) of MADI. The methodological basis was M. A. Kulebyaev's component approach, which includes value-semantic, cognitive, technical and behavioral components of information security culture. The author's questionnaire was used for diagnostics, implemented within the framework of a computer learning and knowledge control system (Certificate of state registration of a computer program No. 2025618076). Research methods were theoretical analysis, pedagogical testing, questionnaires, and methods of mathematical statistics. The authors show*

that the highest level of education among technical university students is observed in cognitive (73.5%) and technical (72%) components, while the value-semantic (53.25%) and behavioral (50.75%) components are at an insufficient level, which creates a "gap" between knowledge and action in the field of information security, reaching 22.75%. Based on the data obtained, the authors propose a model for development of information security culture, including diagnostic, substantive-procedural and evaluative-reflexive blocks, with an emphasis on the axiological-behavioral module. It is concluded that for the effective development of information security culture among students of a technical university, systematic work is needed aimed at axiologizing the content of education and activating behavioral practices in the digital environment.

Keywords: *information security culture, technical university students, diagnostics, value-semantic component, cognitive component, technical component, behavioral component, development model, digital educational environment, educational process*

For citation: Evsyukova N. Yu., Solovyova S. A., Galya A. V. Diagnostics and development of information security culture among students of a technical university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):410—415. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1590.

Введение

Актуальность. В эпоху цифровой трансформации всех сфер общественной жизни проблема обеспечения информационной безопасности (далее — ИБ) приобретает не только техническое, но и глубокое социально-педагогическое измерение. Особую уязвимость в киберпространстве демонстрирует студенческая молодежь, чья учебная, профессиональная и личная коммуникация практически полностью опосредована цифровыми технологиями. Т. Д. Андреева отмечает, что формирование культуры ИБ (далее — КИБ) выступает важнейшим элементом механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства [1]. При этом, как подчеркивает И. Р. Бегишев, КИБ представляет собой сложный психолого-правовой феномен, выходящий за рамки простой совокупности технических навыков и включающий ценностные ориентации, мотивационные установки и поведенческие паттерны [2].

В условиях подготовки инженерных кадров для критически важных отраслей (транспорт, энергетика, связь) уровень КИБ выпускника технического вуза напрямую влияет на надежность и защищенность национальной инфраструктуры. П. Г. Былевский в своих работах акцентирует внимание на культурологических аспектах профессиональной КИБ [3] и показывает, что ее формирование определяется не только организационно-техническими, но и социокультурными факторами [4]. Однако, как свидетельствует практика, традиционная система высшего технического образования ориентирована преимущественно на передачу знаний и отработку алгоритмических действий, оставляя в стороне ценностно-смысловую и поведенческую составляющие. Данное противоречие и определяет актуальность настоящего исследования.

Изученность проблемы.

Проблема диагностики и развития КИБ нашла отражение в работах отечественных и зарубежных авторов. Е. В. Ворopaева и А. В. Бредихина рассматривают формирование и развитие КИБ несовершеннолетних как основу профилактики девиантного поведения в цифровой среде [5]. А. К. Дубень исследует информационную культуру молодежи в контексте правового механизма обеспечения безопасности, подчеркивая нормативно-регулятивную функцию КИБ [6]. Т. А. Изосимова и М. А. Кулебаев связывают роль ИБ с обеспечением национальной безопасности, что придает теме государственную значимость [7].

А. К. Иманов и Ж. А. Атыгаев анализируют цифровую культуру обучающихся в контексте ИБ личности, выделяя факторы риска и ресурсы защиты [8]. О. Ю. Кичигина поднимает вопросы формирования КИБ у обучающихся в высшей школе, констатируя недостаточную разработанность методического обеспечения этого процесса [9]. К. А. Кряжевских показывает прямое влияние информационной культуры на уровень ИБ, что подтверждает необходимость целенаправленного педагогического воздействия [10].

Ключевые теоретические и эмпирические результаты получены М. А. Кулебаевым, который не только уточнил феномен КИБ в трактовке отечественных и зарубежных авторов [11], но и предложил четырехкомпонентную структуру (ценностно-смысловой, когнитивный, технический, поведенческий) и разработал валидированный диагностический инструментарий [12]. В. М. Литвишков и Б. А. Швырев рассматривают социологические аспекты КИБ, акцентируя роль общественного мнения и групповых норм [13]. А. А. и З. П. Малюки обосновывают необходимость создания системы массового обучения КИБ,

охватывающей все уровни образования [14]. Д. А. Попов фокусируется на развитии КИБ подростков в условиях общеобразовательной школы [15].

И. Д. Рудинский и Д. Я. Оксютко уточняют понятие и содержание КИБ, вводя различие между обыденным и профессиональным уровнями культуры [16]. А. А. Смирнов и М. В. Румянцев выделяют системные проблемы формирования КИБ граждан Российской Федерации, включая низкую мотивацию и отсутствие обратной связи [17]. Б. А. Швырев и П. Н. Казберов описывают педагогический процесс формирования КИБ как целенаправленную, поэтапную деятельность [18]. Ю. В. Яковлева устанавливает взаимосвязь ИБ и информационной культуры, показывая, что первая является условием реализации второй [19].

Несмотря на значительный теоретический аспект, эмпирических исследований, посвященных комплексной диагностике всех компонентов КИБ у студентов технических вузов с последующим проектированием развивающих моделей, недостаточно. Особенно это касается региональных филиалов столичных вузов, где сочетаются инженерная подготовка и местные социокультурные особенности.

Целесообразность разработки темы обусловлена следующими факторами. Во-первых, выявленное в ходе нашего пилотажного исследования противоречие между относительно высоким уровнем когнитивного (73,5 %) и технического (72 %) компонентов КИБ и низким уровнем ценностно-смыслового (53,25 %) и поведенческого (50,75 %) компонентов свидетельствует о феномене «дивергенции компетенций» — разрыве между знанием и действием. Традиционные методы обучения (лекции, лабораторные работы) эффективны для первых двух компонентов, но не решают проблему интериоризации ценностей и формирования устойчивых привычек безопасного поведения. Во-вторых, специфика Приволжского филиала Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) как регионального центра подготовки кадров для транспортной отрасли требует учета профессиональных рисков: цифровые системы управления транспортом и телематика становятся объектами кибератак, поэтому КИБ выпускника выступает фактором профессиональной надежности. В-третьих, анализ литературы и практики показывает отсутствие системных, апробированных моделей формирования КИБ, ориентированных именно на студентов технического вуза и учитывающих выявленный дисбаланс компонентов. Таким образом, разработка диагностического инструментария и модели развития КИБ является своевременной и востребованной.

Научная новизна исследования заключается в выявлении специфики сформированности компонентов КИБ у студентов технического вуза (Приволжский филиал МАДИ) и в разработке структурно-функциональной модели развития КИБ, ориентированной на коррекцию дефицитарных (ценностно-смыслового и поведенческого) компонентов.

Цель исследования — на основе диагностики уровня сформированности компонентов КИБ у студентов технического вуза разработать и обосновать модель ее развития.

Задачи исследования:

1. Провести диагностику ценностно-смыслового, когнитивного, технического и поведенческого компонентов КИБ у студентов I—IV курсов.
2. Выявить компоненты с недостаточным уровнем сформированности.
3. Разработать модель формирования КИБ, направленную на развитие дефицитарных компонентов.

Теоретическая значимость заключается в уточнении и дополнении понятия КИБ применительно к студенту технического вуза, где КИБ рассматривается как профессионально значимое качество будущего инженера, работающего с критической информационной инфраструктурой, что развивает положения П. Г. Былевского о профессиональной КИБ [3] и М. А. Кулебяева о феномене КИБ [11]. Кроме того, расширено научное представление о структуре КИБ за счет эмпирического выявления феномена дивергенции между когнитивно-техническим и ценностно-смыслово-поведенческим компонентами, что вносит вклад в педагогическую психологию и демонстрирует ограниченность сугубо когнитивистского подхода к формированию безопасного поведения в цифровой среде.

Практическая значимость исследования определяется возможностью непосредственного применения его результатов в образовательном процессе: предложенный диагностический инструментарий М. А. Кулебяева и С. Н. Федоровой («Компьютерная система обучения и контроля знаний «Культура информационной безопасности студентов технических вузов в цифровой образовательной среде»»; свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2025618076) может быть использован в любом техническом вузе для первичной, промежуточной и итоговой оценки уровня сформированности КИБ у студентов, что позволяет осуществлять мониторинг и своевременную коррекцию образовательных программ; разработанная модель формирования КИБ подлежит непосредственному внедрению в учебный процесс Приволжского филиала МАДИ и других транспортных вузов, причем предлагаемые формы работы (кейс-стади реальных киберинцидентов в транспортной отрасли, тренинги безопасного цифрового поведения, практикум «цифровое волонтерство», рефлексивная практика «Дневник цифровых привычек») могут быть включены в рабочие программы дисциплин («Информатика», «Безопасность жизнедеятельности», «Информационная безопасность», курсы по выбору) без существенного увеличения учебной нагрузки.

Основная часть

Методология исследования. Исследование базируется на теоретическом положении М. А. Кулебяева о том, что КИБ включает четыре взаимосвязанных компонента: ценностно-смысловой (осознание ценности информации и мотивация к ее защите), когнитивный (система знаний об угрозах и способах защиты), технический (владение программно-аппаратными средствами защиты) и поведенческий (реализация безопасных практик в цифровой среде). На основе разработанного им опросника («Компьютерная система обучения и контроля знаний «Культура информационной безопасности студентов технических вузов в цифровой образовательной среде»») были выявлены эти компоненты.

Выборка исследования составила 186 студентов I—IV курсов Приволжского института (филиал) МАДИ, обучающихся по направлениям подготовки, связанным с эксплуатацией транспортно-технологических машин и комплексов, а также информационными системами. Исследование проводилось в 2024–2025 учебном году. Методы: теоретический анализ литературы, педагогическое тестирование, анкетирование, методы описательной статистики (расчет средних значений, процентного распределения).

Результаты исследования. В ходе диагностики были получены следующие результаты (см. табл.).

Уровень сформированности компонентов КИБ у студентов (в % от максимально возможного балла по компоненту)

Компонент КИБ	I курс (n = 48)	II курс (n = 47)	III курс (n = 46)	IV курс (n = 45)	Среднее
Ценностно-смысловой	48	52	55	58	53,25
Когнитивный	62	71	78	83	73,5
Технический	58	69	76	85	72
Поведенческий	42	49	53	59	50,75

Представленные данные свидетельствуют о наличии выраженной диспропорции в формировании компонентов КИБ. Наиболее высокие показатели зафиксированы по **когнитивному** (73,5 %) и **техническому** (72 %) компонентам. Это объясняется спецификой обучения в техническом вузе: студенты получают значительный объем знаний в области информатики, программирования, технических средств защиты информации. Однако эти знания носят преимущественно формальный характер, что подтверждается более низкими показателями поведенческого компонента.

Ключевой проблемой, выявленной в ходе исследования, является недостаточная сформированность **ценностно-смыслового** (53,25 %) и **поведенческого** (50,75 %) компонентов. Разрыв между когнитивным и поведенческим компонентами составляет в среднем 22,75 процентных пункта. Это означает, что студент *знает* об угрозах и способах защиты, но не *применяет* эти знания в повседневной практике (использует слабые пароли, игнорирует двухфакторную аутентификацию, переходит по подозрительным ссылкам). Недостаточная сформированность ценностно-смыслового компонента указывает на то, что соблюдение норм ИБ не становится для студента личностно значимой ценностью.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что традиционное обучение ИБ в техническом вузе, акцентирующее передачу знаний и технических навыков, не обеспечивает полноценного формирования КИБ. Необходим переход к педагогическим стратегиям, направленным на аксиологизацию содержания и интериоризацию безопасных поведенческих норм.

На основе полученных результатов нами разработана структурно-функциональная модель формирования КИБ, ориентированная на устранение выявленных дефицитов. Модель включает четыре блока: целевой, диагностический, содержательно-процессуальный и оценочно-рефлексивный.

Целевой блок определяет стратегическую цель — формирование гармоничной КИБ студента как интегративного личностного качества, обеспечивающего безопасное взаимодействие в цифровой среде. Задачи: развитие ценностного отношения к ИБ, углубление знаний, совершенствование технических навыков и, что наиболее важно, формирование устойчивых безопасных поведенческих привычек.

Диагностический блок включает первоначальную, промежуточную и итоговую диагностику всех четырех компонентов КИБ с использованием валидизированного

опросника М. А. Кулебяева [11]. На этапе проектирования модели результаты первичной диагностики (см. табл.) служат отправной точкой.

Содержательно-процессуальный блок — ядро модели. Его реализация предполагает:

1) для развития *ценностно-смыслового компонента*: включение в дисциплины («Безопасность жизнедеятельности», «Информатика») кейсов реальных киберинцидентов с анализом последствий для личности, обсуждение этических дилемм ИБ, использование проектного метода (создание студентами памяток и видеороликов о ценности информации);

2) для развития *когнитивного компонента*: углубление знаний через модуль «Культура информационной безопасности» в рамках курса по выбору, лекции приглашенных специалистов-практиков, анализ нормативно-правовых документов;

3) для развития *технического компонента*: лабораторные практикумы по настройке средств защиты (антивирусы, брандмауэры), обучение методам криптографической защиты данных;

4) для развития *поведенческого компонента (ключевой акцент)*: внедрение тренингов безопасного поведения (отработка действий при фишинговой атаке, управление паролями), «цифрового волонтерства» (помощь младшим курсам и преподавателям в вопросах ИБ), ведение «Дневника цифровых привычек» с самоанализом поведения в сети. Обязательным элементом выступает создание ситуаций успешного безопасного поведения и их рефлексия.

Оценочно-рефлексивный блок предполагает не только контрольный срез уровня компонентов КИБ, но и самооценку студентом динамики своего поведения, формирование рефлексивной позиции. Критерии эффективности: положительная динамика по всем компонентам, снижение разрыва между когнитивным и поведенческим компонентами, повышение уровня мотивации к соблюдению норм ИБ.

Предложенная модель реализует принципы системности, личностно-деятельностного подхода и междисциплинарности.

Заключение и выводы

Проведенное исследование позволило получить следующие основные результаты и сформулировать выводы.

В результате диагностики студентов Приволжского филиала МАДИ установлено, что компоненты КИБ сформированы неравномерно. Наиболее высокие показатели демонстрируют когнитивный (73,5 %) и технический (72 %) компоненты, что отражает сильные стороны технического образования в области информатики.

Выявлены дефицитные компоненты: ценностно-смысловой (53,25 %) и поведенческий (50,75 %). Установлен значительный «разрыв» между знанием и действием (в среднем 22,75 %), что указывает на формальный характер усвоения знаний и отсутствие устойчивых практик безопасного поведения.

Для преодоления выявленных недостатков разработана модель формирования КИБ, которая, в отличие от существующих, делает акцент на аксиологизации содержания образования и системной поведенческой тренировке. Ключевыми элементами модели являются: диагностический блок на основе валидизированного инструментария; содержательно-процессуальный блок с тренингами, кейсами и «цифровым волонтерством»; оценочно-рефлексивный блок, стимулирующий самоанализ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андреева Т. Д. Формирование культуры информационной безопасности как важнейшего элемента механизма обеспечения безопасности личности, общества и государства // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4(52). С. 58—64.
2. Бегитшев И. Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 207—220. DOI: 10.17759/psylaw.2021110415.
3. Былевский П. Г. Культурологические аспекты профессиональной культуры информационной безопасности // Культура и искусство. 2023. № 8. С. 39—49. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.8.43846.
4. Былевский П. Г. Эволюция культуры информационной безопасности: организационно-технические и социокультурные факторы // Вестник современных цифровых технологий. 2025. № 24. С. 22—29.
5. Воропаева Е. В., Бредихина А. В. Формирование и развитие культуры информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации // Universum: психология и образование. 2025. № 11(137). С. 20—22. DOI: 10.32743/UniPsy.2025.137.11.20961.
6. Дубень А. К. Информационная культура молодежи как правовой механизм обеспечения безопасности // Аграрное и земельное право. 2024. № 5(233). С. 119—121.
7. Изосимова Т. А., Кулебяев М. А. Роль информационной безопасности в обеспечении национальной безопасности // Развитие экономики (на микро- и макроуровнях) на основе обеспечения безопасности в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ : сб. науч. ст. по материалам Междунар. конф. преподавателей и студентов : в 2 т. М. : МФЮА, 2024. Т. 1. С. 453—457.
8. Иманов А. К., Атыгаев Ж. А. Цифровая культура обучающихся в контексте информационной безопасности личности // Научные инновации. 2025. № 1(1). С. 44—50.
9. Кичигина О. Ю. Вопросы формирования культуры информационной безопасности у обучающихся в высшей школе // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 4(24). С. 14—22.
10. Кряжевских К. А. Влияние информационной культуры на уровень информационной безопасности // Вопросы российской юстиции. 2023. № 24. С. 568—573.
11. Кулебяев М. А. Феномен культуры информационной безопасности в трактовке отечественных и зарубежных авторов // Казанская наука. 2024. № 7. С. 71—76.
12. Кулебяев М. А. Культура информационной безопасности студентов технического вуза: диагностический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN425.pdf>.
13. Литвишков В. М., Швырев Б. А. Социологические аспекты культуры информационной безопасности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 2. С. 38—40.
14. Малюк А. А., Малюк З. П. Актуальные вопросы создания системы массового обучения культуре информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. 2021. Т. 28. № 4. С. 6—21.
15. Попов Д. А. Развитие культуры информационной безопасности подростков // Наука. Управление. Образование. РФ. 2024. № 2(14). С. 83—87.
16. Рудинский И. Д., Околот Д. Я. Культура информационной безопасности. Понятие и содержание // Информатизация образования и науки. 2020. № 3(47). С. 39—44.
17. Смирнов А. А., Румянцева М. В. Проблемы формирования культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации // Правовая информатика. 2025. № 3. С. 154—163. DOI: 10.24412/1994-1404-2025-3-00-16.
18. Швырев Б. А., Казберов П. Н. Педагогический процесс формирования культуры информационной безопасности // Антропология. 2025. № 4(20). С. 76—83.
19. Яковлева Ю. В. Взаимосвязь информационной безопасности и информационной культуры // Вестник науки. 2022. № 1(46). Т. 1. С. 77—81.

REFERENCES

1. Andreeva T. D. Formation of an information security culture as an essential element of the mechanism for ensuring the security of individuals, society and the state. *Altaiiskii yuridicheskii vestnik = Altai law journal*. 2025;4(52):58—64. (In Russ.)
2. Begishev I. R. Cyber-Security Culture: Psychological and Legal Aspects. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2021;11(4):207—220. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2021110415.
3. Bylevskiy P. G. Culturology of professional culture of information security. *Kul'tura i iskusstvo*. 2023;8:39—49. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0625.2023.8.43846.
4. Bylevskiy P. G. The evolution of information security culture: organizational, technical, and socio-cultural factors. *Vestnik sovremennykh tsifrovyykh tekhnologii*. 2025;24:22—29. (In Russ.)
5. Voropaeva E. V., Bredikhina A. V. Formation and development of a culture of information security for minors in the Russian Federation. *Universum: psikhologiya i obrazovanie*. 2025;11(137):20—22. (In Russ.) DOI: 10.32743/UniPsy.2025.137.11.20961.
6. Duben A. K. Youth information culture as a legal mechanism for ensuring security. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2024;5(233):119—121. (In Russ.)
7. Izosimova T. A., Kulebyaev M. A. The role of information security in ensuring national security. *Razvitie ekonomiki (na mikro- i makrourovnyakh) na osnove obespecheniya bezopasnosti v sfere pod/FT/FROMU = Economic development (at micro and macro levels) based on AML/CFT/FML security. Collection of scientific articles based on the materials of the International Conference of Teachers and Students*. Moscow, Moscow Academy of Finance and Law publ., 2024;1:453—457. (In Russ.)
8. Imanov A. K., Atygaev Zh. A. Digital culture of students in the context of personal information security. *Nauchnye innovatsii = Scientific Innovations*. 2025;1(1):44—50. (In Russ.)
9. Kichigina O. Yu. Issues of information security culture formation among students in higher school. *Teoriya i praktika sotsiologicheskikh nauk = Theory and practice of socio-humanitarian studies*. 2023;4(24):14—22. (In Russ.)

10. Kryazhevskikh K. A. Impact of information culture on the level of information security. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*. 2023;24:568—573. (In Russ.)
11. Kulebyaev M. A. The phenomenon of information security culture in the interpretation of domestic and foreign authors. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2024;7:71—76. (In Russ.)
12. Kulebyaev M. A. Information security culture of students at technical universities: diagnostic aspect. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(4). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN425.pdf>.
13. Litvishkov V. M., Shvyrev B. A. Sociological aspects of the information security culture. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-executory system: law, economics, management*. 2020;2:38—40. (In Russ.)
14. Malyuk A. A., Malyuk Z. P. Topical issues of creating a mass education system for information security culture. *Bezopasnost' informatsionnykh tekhnologii = IT Security*. 2021;28(4):6—21. (In Russ.)
15. Popov D. A. Development of a culture of information security for adolescents. *Nauka. Upravlenie. Obrazovanie. RF*. 2024;2(14):83—87. (In Russ.)
16. Rudinskij I. D., Okolot D. Y. The culture of information security. the concept and content. *Informatizatsiya obrazovaniya i nauki*. 2020;3(47):39—44. (In Russ.)
17. Smirnov A. A., Rumyantseva M. V. Problems of forming a culture of information security for citizens of the Russian Federation. *Pravovaya informatika = Legal informatics*. 2025;3:154—163. (In Russ.) DOI: 10.24412/1994-1404-2025-3-00-16.
18. Shvyrev B. A., Kazberov P. N. Pedagogical process of formation of information security culture. *Antropogogika*. 2025;4(20):76—83. (In Russ.)
19. Yakovleva Yu. V. The relationship of information security and information culture. *Vestnik nauki*. 2022;1(46)-1:77—81. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.02.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 27.02.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья
УДК 378.146:371.124
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1633

Елена Анатольевна Емченко
Candidate of Engineering,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics,
Sevastopol State University
Sevastopol, Russian Federation
ellis05@mail.ru

Елена Анатольевна Емченко
канд. техн. наук,
доцент кафедры «Высшая математика»,
Севастопольский государственный университет
Севастополь, Российская Федерация
ellis05@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КУРСА В ПРЕПОДАВАНИИ ВЫСШЕЙ МАТЕМАТИКИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В век компьютерных технологий и искусственного интеллекта становится нормой применение электронной образовательной среды в некоторых направлениях научных разработок и технического прогресса, в т. ч. в системе высшего образования. Цифровая онлайн-система образования является эффективным инструментом для разработки преподавателем электронного образовательного курса по читаемой дисциплине.

В статье рассмотрена теоретическая основа применения электронного образовательного курса в учебном процессе, который, в свою очередь, позволяет обеспечить непрерывность учебного процесса, что актуально в современном мире. Приведена методология создания электронного курса по дисциплине. На основе имеющихся методик составления электронных курсов приведенная методология позволяет синтезировать существующие формы и методы проведения теоретических и практических занятий и интегрировать их в электронную среду. Обоснована целесообразность формирования содержания тех или иных элементов курса, составленного на осно-

ве объектно-ориентированной динамичной платформы Moodle, которая широко и успешно применяется в образовательном процессе в силу того, что динамично расширяет свои функциональные возможности и имеет широкий спектр интерфейса на различных языках мира. Приведенная методология и методические рекомендации создания электронного курса являются результатом апробации применения курса в учебном процессе в преподавании высшей математики.

Также рассмотрены положительные стороны и вопросы, которые невозможно обойти в дистанционном обучении, являющемся неотъемлемой частью образовательного процесса в современном мире и широко применяемым на курсах повышения квалификации в качестве ресурса для переподготовки кадров.

Ключевые слова: электронная образовательная среда, высшая математика, образовательный процесс, дистанционное обучение, практическое занятие, лекция, методические материалы, онлайн-тестирование, инновационные методы, цифровая онлайн-система

Для цитирования: Емченко Е. А. Использование электронного образовательного курса в преподавании высшей математики // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 416—421. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1633.

Original article

USING AN ELECTRONIC EDUCATIONAL COURSE IN TEACHING HIGHER MATHEMATICS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. In the age of computer technology and artificial intelligence, the electronic educational environment is becoming the norm for its application in certain areas of scientific research and technological progress. This trend has also affected the higher education system. The digital online education system is an effective tool for teachers to develop electronic educational courses (EECs) in their respective disciplines.

This article explores the theoretical basis for using EECs in the educational process, which allows for the continuity of learning, which is crucial in today's world. The methodology for creating an e-course on a discipline is presented. Based on existing methods for creating e-courses, the presented methodology allows for the synthesis of existing forms and methods of conducting theoretical and practical classes and their integration into an electronic environment. The article provides

a rationale for the formation of the content of certain elements of the course, which is based on the object-oriented dynamic Moodle platform, which is widely and successfully used in the educational process due to its dynamic expansion of functionality and its wide range of interfaces in various languages around the world. The presented methodology and guidelines for creating an e-course are the result of testing the course in teaching higher mathematics.

The article also discusses the positive aspects and issues that cannot be avoided in distance learning, which is an integral part of the educational process in the modern world and is widely used in distance learning courses for advanced training.

Keywords: electronic educational environment, higher mathematics, educational process, distance learning, practical lesson, lecture, methodological materials, online testing, innovative methods, digital online system

For citation: Emchenko E. A. Using an electronic educational course in teaching higher mathematics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):416—421. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1633.

Введение

Актуальность. Современный электронный образовательный ресурс — это намного шире и глубже чем воспроизведение методического материала электронными средствами обучения. Это электронно-цифровая среда, имеющая определенную структуру, предметное содержание, метаданные о всех имеющихся на платформе ресурсах, обеспечивающая взаимодействие всех компонентов между собой. Одной из широко используемых платформ является Moodle. Moodle сегодня можно отнести к модульной объектно-ориентированной динамической системе управления электронными образовательными курсами или можно назвать электронной виртуальной средой. На данной платформе в Севастопольском государственном университете создано множество электронных образовательных ресурсов/курсов (далее — ЭОР/ЭОК соответственно), которые успешно используются в учебном процессе.

В век компьютерных технологий, свободного доступа к информации любой направленности в сети «Интернет», уверенности 30 % студентов, что в Интернете есть всё и учить ничего не нужно. И абсолютного недопонимания важности момента, что востребованным будет тот специалист в конечном итоге, который знает закономерности процессов, причинно-следственную связь происходящих событий. Поэтому с целью систематизации информации по блоку тематики высшей математики конкретно взятого семестра, необходимо иметь ЭОК, содержащий теоретическую, практическую части, задания для самостоятельной работы и элементы текущего контроля по темам курса. Единой методологии создания ЭОК по высшей математике для студентов технических вузов пока нет. Поэтому основной задачей данной статьи является описание методологии составления такого курса посредством синтеза методики проведения занятий, форм предоставления информации и техники проведения контроля знаний и умений в единый курс.

Изученность проблемы. Электронные образовательные курсы довольно широко используются в образовательном процессе. Многие авторы глубоко и всесторонне рассматривают их применение. А. Г. Миняева [1] исследует причину внедрения ЭОР в учебный процесс, формулирует цели, которые достигаются его использованием, классифицирует ЭОР по типу и по выполняемым функциям в учебном процессе, однако методики создания ЭОК по дисциплине «Высшая математика» не приводит. А. В. Михин [2] перечисляет требования к материально-техническому обеспечению, необходимому для создания ЭОР, что действительно может быть полезно разработчикам ЭОК. Г. В. Карандашев [3] представляет обзор платформы Moodle в качестве образовательной среды и анализирует положительные и негативные стороны ее использования в учебном процессе по мнению преподавателей и студентов вуза. Нами ранее [4] также были раскрыты преимущества электронной платформы Moodle в качестве одного из видов информационно-коммуникационных технологий. И. Б. Бичева [5] рассматривает образовательную платформу Moodle в качестве повышения эффективности образовательной деятельности, в качестве элемента дистанционного обучения (далее — ДО), что может быть полезно в работе преподавателя. Е. А. Волкова и Е. В. Вязовова [6]

обосновывают актуальность создания индивидуальной информационно образовательной среды на примере платформы Moodle применительно к преподаванию математики в вузе. И. И. Раскина [7], Е. И. Адамович с соавторами [8] рассматривают электронно-образовательную среду в качестве фактора взаимосвязи преподавателя и обучаемых при изучении математики что безусловно имеет место в век развития информационно-коммуникационных технологий. Т. В. Дорф [9] анализирует достоинства и недостатки применения тестовой системы оценивания знаний обучаемых, что полезно знать для составителей тестов. Г. Н. Аксёнова и И. А. Кочергина [10] описывают особенности и перспективы развития ДО в России. Т. В. Зыкова с соавторами [11], Т. Е. Чикина и О. Г. Коларькова [12], Н. И. Попов и Э. С. Болотин [13] всесторонне рассматривают аспекты применения информационно-коммуникационных технологий в обучении математике, что полезно при создании ЭОК по математике. М. С. Родионова и Е. А. Шахова [14] уделяют внимание использованию инновационных методов преподавания высшей математики и их роль в повышении мотивации обучаемых. Ю. А. Крыжановская и Л. В. Коваль [15] описывают преимущества и недостатки ДО с точки зрения преподавателей и студентов.

Проанализировав научные труды названных выше авторов, многое можно взять на вооружение по вопросу применения электронного обучения в учебном процессе, однако четкой методики и алгоритма составления ЭОК по высшей математике пока нет.

Целесообразность разработки темы. При отсутствии единой методики разработки ЭОК по высшей математике, наличии потребности систематизировать, структурировать виды и формы проведения аудиторных занятий по дисциплине и интегрировать их в электронную среду, разработка методики создания ЭОК является целесообразной.

Целью исследований является разработка методологии составления ЭОК по высшей математике и исследование целесообразности его применения в учебном процессе для студентов очной, заочной форм обучения, а также обучающихся по индивидуальному графику.

Задачей исследований является анализ имеющихся методик составления ЭОК, майнинг имеющихся форм и методов проведения занятий в очном и дистанционном формате, обзор существующих форм контроля, систематизация полученных данных с целью их конвергирования в единый ЭОК.

Научная новизна. В рамках существующей методологии создания ЭОК осуществлен инновационный подход интеграции классических элементов структуры учебного курса, методического и методологического обеспечения отдельно взятой дисциплины в электронную среду с учетом специфики дисциплины «Высшая математика».

Теоретическая значимость исследования. Теоретические аспекты важны при составлении онлайн-курсов. Имеющаяся информация по данному вопросу разрозненная, разноплановая. И очень важна систематизация и четкость методических рекомендаций по составлению ЭОК. С этой точки зрения данная статья имеет значимость и теоретический интерес. Кроме того, методическое обеспечение, интегрированное в цифровую среду, осуществляет принцип наглядности и последовательности процесса обучения.

Практическая значимость исследования. Не меньшую значимость имеют практические рекомендации по составлению онлайн-курсов, что реализовано в данной статье на основе апробации применения созданного ЭОК по высшей математике.

Основная часть

Методы и материалы исследования. К ДО относится способ обучения, когда преподаватель и студент находятся на разных локациях, не исключено, что в разных городах. Что дает возможность получать консультационные услуги на расстоянии, экономя время на перемещении с учетом занятости обучаемого или ограниченной дееспособности.

Данный способ обучения имеет свои плюсы [10]:

- *гибкость* — возможность выстраивать логику учебного процесса обучаемого в удобном графике обучения, консультаций и отчетности;

- *модульность* — каждый информационный модуль, например по темам, имеет заверченный набор теоретической части, практических заданий и элемент контроля;

- *специализированный контроль качества обучения* — экзамены, собеседования, защита курсовых работ и т. д.;

- *специализированные технологии и средства обучения* — ЭОР, позволяющий осуществлять ДО по дисциплине.

При этом ДО содержит ряд вопросов, которые невозможно обойти и условно можно разделить на группы:

- 1) *содержательные*: структура курса, содержание теоретической и практической части занятий, определение форм и способов предоставления отчетного материала математического содержания, обеспечения возможности функционирования сформированного ЭОР;

- 2) *психолого-педагогические*, направленные на учет особенностей психофизиологического восприятия изложенной информации и процедуры предоставления отчетности;

- 3) *методическое обеспечение*, учитывающее специфику ДО и соответствующее индивидуальным особенностям обучаемых;

- 4) *организационные вопросы*;

- 5) *методологические*, учитывающие особенности создания ЭОК по различным дисциплинам и взаимосвязь элементов курса между собой.

Приведенные характеристики ДО позволяют расширить применение электронной образовательной среды за рамки учебного процесса.

Электронный образовательный ресурс используется не только в ДО, ввиду его универсальности он используется в Севастопольском государственном университете в учебном процессе для студентов очной и заочной форм обучения, для слушателей курсов повышения квалификации и переподготовки и т. д.

Использование ЭОК позволяет студенту проходить обучение вне зависимости от места пребывания, что в свою очередь повышает эффективность процесса обучения.

Основой любого академического курса в вузе является лекция, по видам, лекции бывают следующие: академическая, популярная (публичная), лекция общего курса, вводная, обзорная, комплексная, установочная, информационно-объяснительная, лекция беседа, проблемная лекция, лекция дискуссия, лекция визуализация, лекция с заранее запланированными ошибками, лекция пресс-конференция, лекция с применением техники обратной связи [11].

Если рассматривать академическую лекцию и лекцию общего курса, то академическая лекция отличается высоким научным уровнем и степенью абстракции, в то время как лекция общего курса представляет собой системное и последовательное изложение курса дисциплины с доступными для понимания категориями, принципами и закономерностями.

Для закрепления теоретических знаний, как правило, в преподавании высшей математики используются практические занятия, которые могут быть следующих видов: самостоятельная работа, решение контрольных работ и проверочных заданий, решение практических задач по изучаемой теме, дискуссия, круглый стол, семинары, исследовательский практикум, деловая игра, решение кейс-задач, обучающий тренинг.

Логическим завершением каждой темы курса высшей математики является контроль усвоенных знаний, проверка умений решения практических задач и приобретенных навыков по изученной теме. Контроль как таковой по видам может быть предварительный, текущий, рубежный и итоговый. По форме: контрольные работы, квалификационные испытания, семестровые зачеты и экзамены, защита курсовых и дипломных работ. К методам контроля относится устный опрос (фронтальный, индивидуальный, комбинированный), письменная проверка, профессиональные задачи, в т. ч. деловые игры, тестовый контроль, самоконтроль и взаимопроверка.

Хочу отметить, что тестовый контроль по виду соотносится с видами контроля, по форме делится на открытые и закрытые тесты. Открытый тест предопределяет закончить фразу словом или словосочетанием или ответ в качестве эссе. Остальные можно отнести к закрытой форме тестов.

Методология исследования. На основании анализа существующих методик составления онлайн курсов, анализа учебно-методической литературы, опыта использования цифровой среды при создании ЭОК, был применен метод синтеза существующих форм и методов проведения аудиторных и онлайн занятий с использованием методического и дидактического материалов и метод интеграции существующих техник и приемов в цифровую среду.

Результаты исследования. На основании апробации использования созданного ЭОК по высшей математике, при проектировании курса была выбрана следующая структура:

- аннотация курса;
- объявления по курсу;
- форум «Вопросы — ответы»
- посещаемость;
- список основной и дополнительной литературы;
- учебно-тематический план;
- содержание учебных недель заочной и очной форм обучения;
- аттестация по курсу (рис. 1).

Шаблон ЭОК разрабатывает каждое учебное заведение самостоятельно.

При построении электронного курса дисциплины «Высшая математика» по темам одного семестра учитывался теоретический материал базовых знаний и методика их применения при решении практических задач, а также конструктивные особенности учета усвоения и того и другого.

Учитывая, что математика изучается на I—II курсах вуза, то наиболее приемлемым видом лекции является лекция общего курса.

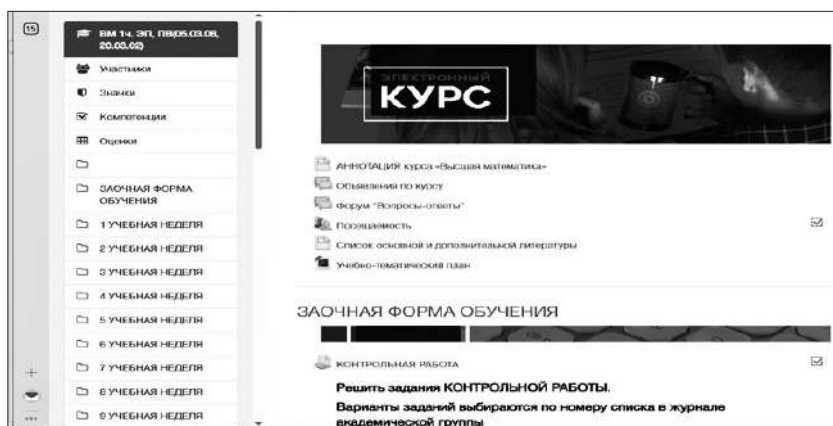

Рис. 1. Пример структуры электронного образовательного курса

Так, теоретический материал можно представлять в форме презентации [12]. По данным исследований, такая форма представления информации хорошо зарекомендовала себя при проведении лекционных занятий в силу наглядности представления материала и возможности регулировать темп лекции переключением слайдов. В ДО презентация — это четкость и конкретность представления теоретического материала и возможность при консультировании делать отметки на том или ином слайде, что способствует улучшению восприятия и усвоения учебного материала. Используется ЭОК студентами очной формы обучения в качестве ресурса, где можно «освежить в памяти» элементы пройденного материала, студенты заочной формы обучения имеют возможность изучить теоретическую часть темы. Если говорить об онлайн лекциях, то этот формат тоже предусмотрен на данной платформе и лекция проводится в виде удаленной групповой конференции [13].

Что касается практических занятий, студенты очной формы обучения в аудитории на занятиях имеют возможность закрепить изученный материал на практике и освоить методику вычисления в зависимости от изучаемой темы посредством решения заданий в аудитории. Студентам заочной формы обучения и обучающимся дистанционно приходится сложнее, им самостоятельно нужно на решенных типовых примерах, закрепленных в ЭОР, освоить принципы решения практических заданий и получить консультацию преподавателя по мере необходимости [14].

В качестве практических занятий проводились занятия по решению задач в рамках изучаемой темы. Это наиболее

эффективный способ закрепить теоретические знания и способствует приобретению умений выполнять практические задания по конкретно выбранной теме. В ЭОК размещены практические задания для решения примеров самостоятельно. В данном аспекте хорошо зарекомендовали себя практические задания с ответами, что дает возможность проводить самоконтроль результата выполнения задания, находить и исправлять ошибки по ходу решения. В ЭОР по данному виду занятий предусмотрено прикреплению фото или скан-изображения решения примеров для проверки и оценивания преподавателем, после чего можно получить консультацию педагога по данному вопросу.

В конце каждой темы целесообразно проводить текущий контроль приобретенных знаний и умений. Хорошо зарекомендовал себя тестовый контроль. Дали положительный результат в рамках эксперимента вопросы на соответствие, выбор правильного ответа и ответы с конкретным числом. Другие типы тестовых вопросов не приемлемы в силу специфики дисциплины «Высшая математика». Следует отметить, что тестовый контроль не предоставляет возможность проверить сформированность практических навыков при решении прикладных задач.

Рубежный контроль по дисциплине проводится в виде зачета или экзамена в конце семестра. На этот случай ЭОК содержит перечень вопросов к зачету или экзамену и набор типовых заданий для подготовки, которые размещены в разделе «Аттестация по курсу» (рис. 2), что дает возможность студентам готовиться к рубежному испытанию в любое удобное время и консультироваться с преподавателем.

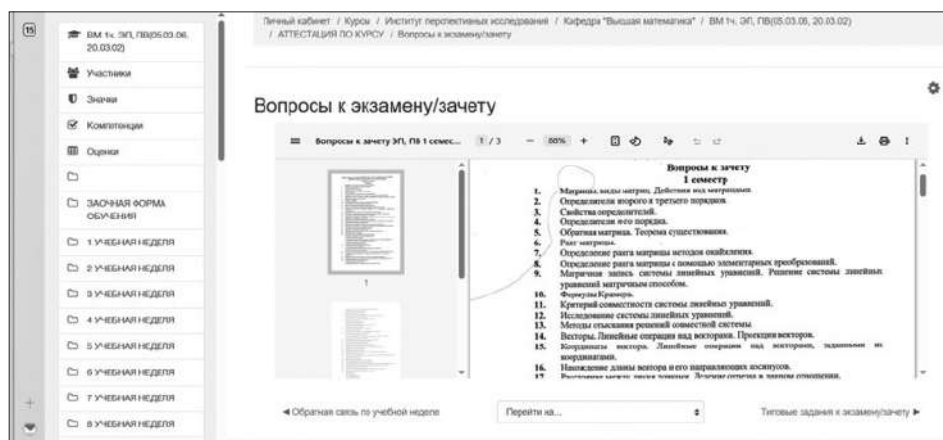

Рис. 2. Пример содержания раздела «Аттестация по курсу»

Можно отметить, что само по себе составление ЭОК является своего рода повышением квалификации для преподавателя, поскольку ЭОР, содержащие элементы курса, очень динамичны в своем развитии.

Выводы

Результаты исследования показывают целесообразность разработки представленной методологии составления ЭОК, которая может быть использована для составления онлайн курсов по другим дисциплинам в силу своей

универсальности, что говорит о том, что цели и задачи данной статьи достигнуты.

Парадигма учебного процесса в любом формате в том, что это единый процесс обучения и воспитания. При всем наборе положительных моментов применения ЭОК в преподавании высшей математики, следует отметить, что электронная форма обучения не способна в полной мере осуществлять воспитательную функцию, это возможно при живом общении преподавателя с аудиторией слушателей [15].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миняева А. Г. Виды электронных образовательных ресурсов // Молодой ученый. 2021. № 27(369). С. 258—261.
2. Михин А. В. Требования к материально-техническому обеспечению, необходимому для создания и использования электронных образовательных ресурсов // Молодой ученый. 2023. № 47(494). С. 17—20.
3. Карандашев Г. В. Система Moodle в образовательной деятельности вуза // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 3(126). С. 64—70. DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-64-70.
4. Емченко Е. А. Использование информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе с помощью платформы Moodle // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 1(62). С. 313—318. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.533.
5. Бичева И. Б. Использование системы Moodle как средства повышения эффективности образовательной деятельности // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 5. Ч. 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/05/46485> (дата обращения: 20.04.2026).
6. Волкова Е. А., Вязовова Е. В. Применение Moodle для организации информационной образовательной среды по математике // Colloquium-journal. 2019. № 3-3(27). С. 22—27.
7. Раскина И. И., Курганова Н. А. Использование мобильных устройств на уроках математики и информатики // Актуальные проблемы обучения информатике и математике в современной школе : материалы Междунар. науч.-практ. интернет-конф. М. : МПГУ, 2019. С. 732—739.
8. Адамович Е. И., Марымова Е. Б., Македонова Ю. А., Павлова-Адамович А. Г. Электронно-образовательная среда вуза как фактор взаимодействия преподавателя со студентами // Colloquium-journal. 2019. № 3-3(27). С. 36—37.
9. Дорф Т. В. О достоинствах и недостатках контроля знаний студентов в форме тестирования по дисциплине «Математика» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 3-1(42). С. 97—100.
10. Аксёнова Г. Н., Кочергина И. А. Особенности дистанционного обучения в образовательном процессе // Проблемы современного педагогического образования. 2020. Вып. 67. Ч. 4. С. 12—15.
11. Обучение математическим дисциплинам в условиях применения облачных технологий на базе LMS Moodle / Т. В. Зыкова, В. А. Шершнева, Ю. В. Вайнштейн и др. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2017. № 4(42). С. 58—65. DOI: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-21.
12. Чикина Т. Е., Коларькова О. Г. Цифровые технологии в процессе обучения математике // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14. № 1. С. 42—57. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-1-42-57.
13. Попов Н. И., Болотин Э. С. Использование электронного курса «Математический анализ и дифференциальные уравнения» при подготовке будущих учителей математики // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2024. № 1(67). С. 97—104. DOI: 10.25688/2072-9014.2024.67.1.09.
14. Родионова М. С., Шахова Е. А. Инновационные методы преподавания высшей математики // Образование и право. 2024. № 10. С. 406—411.
15. Крыжановская Ю. А., Коваль Л. В. Оценка преимуществ и недостатков обучения с использованием дистанционных технологий с точки зрения обучающихся // International Journal of Open Information Technologies. 2025. Т. 13. № 7. С. 124—132.

REFERENCES

1. Minyaeva A. G. Types of electronic educational resources. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2021;27(369):258—261. (In Russ.)
2. Mikhin A. V. Requirements for the material and technical support necessary for the creation and use of electronic educational resources. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;47(494):17—20. (In Russ.)
3. Karandashev G. V. The Moodle system in the educational activity of the university: advantages and disadvantages. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2022;3(126):64—70. (In Russ.) DOI: 10.20323/1813-145X-2022-3-126-64-70.
4. Emchenko E. A. Use of information and communication technologies in the educational process through the Moodle platform. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2023;1(62):313—318. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2023.62.533.
5. Bicheva I. B. Using Moodle enhanced the efficiency of educational activities. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii = Modern scientific researches and innovations*. 2015;5-4. (In Russ.) URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/05/46485> (accessed: 20.04.2026).
6. Volkova E. A., Vyazovova E. V. Use of Moodle for the organization of informational educational environment in mathematics. *Colloquium-journal*. 2019;3-3(27):22—27. (In Russ.)

7. Raskina I. I., Kurganova N. A. The use of mobile devices in mathematics and computer science lessons. *Aktual'nye problemy obucheniya informatike i matematike v sovremennoi shkole = Actual problems of teaching computer science and mathematics in a modern school. Proceedings of the International scientific and practical Internet conference*. Moscow, Moscow Pedagogical State University publ., 2019:732—739. (In Russ.)
8. Adamovich E. I., Marymova E. B., Makedonova Yu. A., Pavlova-Adamovich A. G. Electronic and educational environment of a higher education institution as a factor of interaction of the teacher with students. *Colloquium-journal*. 2019;3-3(27):36—37. (In Russ.)
9. Dorf T. V. On the merits and demerits of the students' knowledge assessment in the form of the tests in the subject «Mathematics». *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;3-1(42):97—100. (In Russ.)
10. Aksyonova G. N., Kochergina I. A. Features of distance learning in the educational process. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2020;67(4):12—15. (In Russ.)
11. Zykova T. V., Shershneva V. A., Vainshtein Y. V. et al. Teaching mathematical disciplines in conditions of applying cloud technologies on the basis of LMS Moodle. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2017;4(42):58—63. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2017-42-4-21.
12. Chikina T. E., Kolarkova O. G. Digital technologies when teaching maths. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2023;14(1):42—57. (In Russ.) DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-1-42-57.
13. Popov N. I., Bolotin E. S. Use of the e-learning course “Mathematical analysis and differential equations” in the training of future teachers of mathematics and informatics. *Vestnik MGPU. Seriya «Informatika i informatizatsiya obrazovaniya» = MCU Journal of Informatics and Informatization of Education*. 2024;1(67):97—104. (In Russ.) DOI: 10.25688/2072-9014.2024.67.1.09.
14. Rodionova M. S., Shakhova E. A. Innovative methods and technologies of teaching higher mathematics. *Obrazovanie i pravo*. 2024;10:406—411. (In Russ.)
15. Kryzhanovskaya Yu., Koval L. Learning using distance technologies: advantages and disadvantages assessment from the students' point of view. *International Journal of Open Information Technologies*. 2025;13(7):124—132. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.04.2026; одобрена после рецензирования 08.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 26.04.2026; approved after reviewing 08.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 378.011.3-051:159.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1652

Olga Aleksandrovna Ereemeeva
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Preschool and Primary Education,
Elabuga Institute
of the Kazan (Volga Region) Federal University
Elabuga, Russian Federation
o.eremeevakfu@mail.ru

Ольга Александровна Еремеева
канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики
дошкольного и начального образования,
Елабужский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета
Елабуга, Россия
o.eremeevakfu@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ГОРОДСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье представлена авторская концепция формирования педагогической субъектности в городском профессионально-образовательном пространстве. Предметом исследования выступают теоретические основания становления педагогической субъектности как интегративного личностно-профессионального образования, объединяющего ценностно-смысловой, активно-преобразующий, рефлексивно-оценочный и коммуникативно-диалогический компоненты. Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что педагогическая субъектность продуктивно формируется в условиях специально организованного городского профессионально-образовательного пространства, структурно оформленного как профессионально-педагогическая сеть, объединяющая студентов педагогических вузов и педагогов-практиков. Методология исследования опирается на философию диалога, синергетический, полидименсиональный, субъектно-деятельностный, личностно-ориентированный, диалогический, сетевой и андрагогический подходы. Используются методы теоретического анализа, синтеза концептуальных линий, реконструкции авторских концепций, концептуального моделирования и педагогического проектирования. В результате теоретического анализа обоснованы двухслойная структура педагогической субъектности (общесубъектное ядро и педагогическая надстройка), ее взаимосвязь с профессиональной идентичностью педагога,

динамические состояния профессионально-образовательного пространства (уравновешенное, дезорганизованное, саморегуляционное) и принципы построения сетевой деятельности. Научный вклад исследования состоит в концептуальном различении профессионально-педагогического пространства и профессионально-педагогической сети, в обосновании ролевой динамики как механизма перехода с уровня фрагментарной субъектности через адаптивную к зрелой педагогической субъектности, а также в раскрытии городской специфики профессионально-образовательного пространства как ресурса плотных сетевых связей. Результаты могут применяться при проектировании систем непрерывного педагогического образования в крупных городах, в работе ресурсных центров педагогических вузов и городских методических объединений. Ограничения исследования связаны с его преимущественно теоретическим характером. Дальнейшие исследования предполагают опытно-экспериментальную проверку предложенной концепции.

Ключевые слова: педагогическая субъектность, профессиональная идентичность, профессионально-образовательное пространство, профессионально-педагогическая сеть, субъектогенез, синергетический подход, диалогическое взаимодействие, педагогическая рефлексия, непрерывное педагогическое образование, городская образовательная среда, ролевая динамика, гуманистическая аксиология

Для цитирования: Еремеева О. А. Теоретические основы формирования педагогической субъектности в городском профессионально-образовательном пространстве // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 422—429. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1652.

Original article

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF PEDAGOGICAL SUBJECTIVITY IN THE URBAN PROFESSIONAL EDUCATIONAL SPACE

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article presents the author's concept of forming pedagogical subjectivity in the urban professional educational space. The subject of the research is the theoretical foundations of the formation of pedagogical subjectivity as an integrative personal professional formation that combines value-semantic, action- transformative, reflexive and evaluative,

as well as communicative dialogical components. The hypothesis of the study assumes that pedagogical subjectivity is productively formed under conditions of a specially organized urban professional educational space, structurally designed as a professional pedagogical network uniting students of pedagogical universities and practicing teachers. The methodology relies

on the philosophy of the subject, the philosophy of dialogue, synergetic, polydimensional, subject-activity, person-centered, dialogical, network and andragogical approaches. Methods of theoretical analysis, synthesis of conceptual lines, reconstruction of authors' concepts, conceptual modeling and pedagogical design have been applied. As a result of theoretical analysis, the two-layered structure of pedagogical subjectivity (general subjectivity core and pedagogical superstructure), its connection with the teacher's professional identity, the dynamic states of the professional educational space (balanced, disorganized, self-regulating) and the principles of network activity have been substantiated. The scientific contribution lies in the conceptual distinction between the professional pedagogical space and the professional pedagogical network, in justifying role dynamics as a mechanism of transition from fragmentary subjecti-

vity through adaptive one to mature pedagogical subjectivity, and in revealing the urban specificity of the professional educational space as a resource of dense network connections. The results can be applied in designing systems of continuous pedagogical education in large cities, in the work of resource centers of pedagogical universities and city methodological associations. Limitations of the study are related to its predominantly theoretical nature. Further research presupposes experimental verification of the proposed concept.

Keywords: pedagogical subjectivity, professional identity, professional educational space, professional pedagogical network, subjectogenesis, synergetic approach, dialogical interaction, teacher's reflection, continuous pedagogical education, urban educational environment, role dynamics, humanistic axiology

For citation: Eremeeva O. A. Theoretical foundations of the formation of pedagogical subjectivity in the urban professional educational space. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):422—429. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1652.

Введение

Актуальность. Современная социокультурная ситуация, характеризующаяся стремительной трансформацией институтов образования и цифровизацией педагогической деятельности, актуализирует проблему становления педагога как полноценного субъекта профессиональной деятельности. Риски чрезмерного расширения административно-исполнительских функций педагога, унификации педагогического труда и его редукции к технологическим операциям делают категорию «педагогическая субъектность» одной из центральных в теории непрерывного педагогического образования. Особую значимость проблема приобретает в условиях крупного города, где насыщенность образовательной среды, плотность сетевых связей между учреждениями и многообразие профессиональных сообществ создают одновременно и возможности, и риски для становления педагога как субъекта.

Изученность проблемы. Теоретический фундамент исследования педагогической субъектности заложен в классических работах Е. Н. Волковой, обосновавшей понимание субъектности педагога как личностного качества, проявляющегося в способности осуществлять взаимосвязанные преобразования в окружающем мире и в других людях; в исследовании 2023 г. она выявила, что в современной структуре субъектности педагога доминируют компоненты собственной уникальности и способности к саморазвитию при снижении выраженности понимания и принятия другого человека [1]. Г. И. Аксенова в первоначальной разработке проблемы выделяла субъектную позицию учителя как ключевое образование педагогической подготовки, а в дальнейшем расширила понятийный аппарат категорией «субъектная позиция студента», подчеркивая этапность ее становления [2]. Концепция профессионально-образовательного пространства разработана Э. Ф. Зеером, который понимает его как форму реализации связей личности с миром профессии и обосновывает синергетическую трактовку этого пространства как открытой саморазвивающейся системы [3; 4]. Категориальный анализ субъектности на философско-методологическом уровне развит в трудах К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского, разрабатывающих рубинштейновскую категорию субъекта применительно к проблемам современной психологии [5; 6]. Реляционную природу субъектности рас-

крыла Л. И. Анцыферова, понимающая личностные связи как взаимонаправленные и возвратные [7]. Существенный вклад внесла теоретическая модель «отраженной субъектности» В. А. Петровского, развитая в его работе с Е. Б. Старовойтенко в концепции Я-субъектности [8]. В работах Л. М. Митиной с соавторами обоснована значимость развития полисубъектной общности «педагог — учащийся» как условия преодоления кризисов перехода между ступенями образования [9]. Л. А. Стахнева в аналитическом обзоре выделяет ключевые характеристики субъектности: растущее самосознание, продуктивное освоение деятельности, активность личности, способность к репрезентации будущего, структурированную иерархию ценностей [10]. Е. А. Климов теоретически обосновал нелинейный, «старт-стопный» характер профессионального становления, опровергая представление о линейном детерминирующем влиянии профильного обучения на профессиональное развитие [11]. В. А. Сластенин обосновал субъектно-деятельностный подход в общем и профессиональном образовании [12]. Проблематика профессиональной идентичности педагога представлена монографией Л. Б. Шнейдер [13], ее совместным исследованием с Д. В. Лубовским о соотношении профессиональной идентичности и внутренней позиции студентов [14], а также работами Е. Г. Беляковой и И. Г. Захаровой, показывающими неравномерность формирования профессиональной идентичности у студентов-педагогов [15]. Категория рефлексии как условия педагогической субъектности всесторонне исследована А. В. Карповым [16]. Е. И. Мычко с соавторами обобщили опыт работы ресурсного центра в психолого-педагогическом сопровождении профессионального становления студентов с опорой на событийный подход [17]. Философско-методологические основания концепции восходят к работам М. Бубера о диалоге «Я — Ты» [18], Г. П. Щедровицкого об оргуправленческом мышлении [19], В. Франкла о смысловом измерении человеческого бытия [20], а также к разработкам в области андрагогики М. Т. Громковой [21]. Сетевая природа профессионального взаимодействия педагогов осмыслена в работах Е. В. Василевской [22], И. В. Кузнецовой [23], К. Р. Круподёровой [24] и в зарубежных исследованиях профессиональных обучающихся сообществ [25]. Однако вопрос о теоретических основах формирования педагогической субъектности именно в городском

профессионально-образовательном пространстве, понимаемом как открытая саморазвивающаяся система деятельностно-диалогической природы и структурно оформленным как сеть, остается недостаточно разработанным.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью преодоления разрыва между академической подготовкой педагога и реальной образовательной практикой, между индивидуальной траекторией профессионального становления и коллективной природой педагогической деятельности, между разнообразием образовательных ресурсов городской среды и фрагментарным характером их использования в подготовке и развитии педагога.

Научная новизна исследования состоит, во-первых, в концептуальном различении профессионально-педагогического пространства как формы реализации связей личности с миром педагогической профессии и профессионально-педагогической сети как его структурной основы; во-вторых, в обосновании двухслойности педагогической субъектности (общесубъектное ядро и педагогическая надстройка); в-третьих, в обосновании ролевой динамики как механизма перехода от фрагментарной субъектности через адаптивную к зрелой педагогической субъектности.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что педагогическая субъектность продуктивно формируется в условиях специально организованного городского профессионально-образовательного пространства, структурно оформленного как профессионально-педагогическая сеть, объединяющая студентов педагогических вузов и педагогов-практиков.

Цель исследования — обосновать теоретические основы формирования педагогической субъектности в городском профессионально-образовательном пространстве и изложить авторскую концепцию ее становления.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть сущностные характеристики педагогической субъектности и ее соотношение с профессиональной идентичностью педагога;
- 2) обосновать философско-методологические основания концепции;
- 3) сформулировать систему теоретических положений и принципов построения деятельности профессионально-педагогической сети.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении понятийного аппарата педагогики профессионального образования за счет концептуального разведения категорий «профессионально-педагогическое пространство» и «профессионально-педагогическая сеть», а также в обосновании механизмов субъектогенеза педагога в условиях городской образовательной среды. **Практическая значимость** определяется возможностью использования предложенной концепции при проектировании систем непрерывного педагогического образования в крупных городах, в работе ресурсных центров педагогических вузов, в деятельности городских методических объединений и сетевых профессиональных сообществ учителей.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования образует согласованная система научных подходов, выбор которых обусловлен необходимостью описания педагогической субъектности и профессионально-образовательного пространства как сложных, многомерных, динамичных образований. Системный подход

обеспечивает рассмотрение профессионально-педагогического пространства и педагогической субъектности как целостных образований, в которых отдельные элементы взаимосвязаны и взаимообусловлены; его применение требует согласованности форм работы с педагогами и со студентами, координации содержательного и организационного направлений работы сети. Синергетический подход (И. Пригожин, Г. Хакен, в применении к профессиональному образованию — Э. Ф. Зеер) определяет понимание профессионально-образовательного пространства как открытой саморазвивающейся системы, последовательно проходящей через уравновешенное, дезорганизованное и саморегуляционное состояния; именно периоды нестабильности выступают условием прогрессивного совершенствования субъектов взаимодействия [4]. Полидименсиональный подход [3] учитывает многомерность профессионально-образовательного пространства, синтезирующего социокультурные и психологические компоненты, и требует одновременного проектирования предметно-деятельностного, социально-коммуникативного, ценностно-смыслового, организационно-структурного и темпорального измерений. Субъектно-деятельностный подход (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская) утверждает, что субъект формируется в деятельности и одновременно сам выступает ее источником и преобразователем; в категориях А. В. Брушлинского субъект «не просто отвечает на воздействия, а активно их преобразует» [6, с. 12]. В. А. Сластенин обосновал применение этого подхода к общему и профессиональному образованию [12]. Личностно-ориентированный подход (Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, И. С. Якиманская) задает ориентацию на личностные смыслы и индивидуальные траектории профессионального развития. Диалогический подход (М. М. Бахтин, М. Бубер [18], Г. П. Щедровицкий [19]) обосновывает построение профессионального взаимодействия как пространства подлинного диалога, в котором участники не транслируют друг другу готовые смыслы, а совместно порождают их. Сетевой подход [22] определяет принципы организационного строения пространства как горизонтальной сети с распределенным руководством. Андрагогический подход (С. И. Змеёв, М. Т. Громкова [21]) учитывает специфику обучения взрослых: опору на профессиональный опыт, исследовательский характер деятельности, ориентацию на решение реальных профессиональных задач.

В качестве **методов** исследования использовались: теоретический анализ, синтез и сопоставление концептуальных линий, разрабатываемых в отечественной и зарубежной педагогике и психологии; реконструкция концепций субъектности педагога [1] и профессионально-образовательного пространства [3; 4]; концептуальное моделирование педагогической субъектности и условий ее становления; педагогическое проектирование сетевой архитектуры профессионально-педагогического пространства. Выбор именно теоретико-методологического инструментария обусловлен задачей построения авторской концепции, которая в дальнейшем подлежит опытно-экспериментальной проверке.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведенного теоретического анализа получены следующие основные результаты, доказывающие выдвинутую гипотезу.

Педагогическая субъектность как интегративное профессионально-личностное образование. В научной литературе по большей части встречаются понятия

«субъектность педагога», «профессиональная субъектность (педагога)» гораздо реже «профессиональная субъектность студента» (как правило, в аспекте становления и формирования). В современных публикациях близкие по содержанию проблемы исследуются и описываются с помощью концепта агентности, но мы сознательно их опускаем, потому что считаем, что исследовательский потенциал концепта «субъектность» далеко не исчерпан.

Педагогическая субъектность изначально предстает не как изолированное психическое свойство, а как способ включенности человека в систему общественных и профессиональных отношений, в которой он одновременно реализует себя и преобразует условия собственного бытия [1]. Е. Н. Волкова определяет субъектность педагога как личностное качество, обнаруживающееся в способности осуществлять взаимосвязанные преобразования в окружающем мире и в других людях и основанное на переживании субъектом собственной роли как активного начала. В исследовании 2023 г. она эмпирически выявила, что в современной структуре субъектности педагога доминируют компоненты собственной уникальности и способности к саморазвитию при снижении выраженности компонентов понимания и принятия другого человека; выраженность компонентов зависит от возраста, стажа работы и квалификационной категории учителя [1].

Позиция Г. И. Аксеновой за годы изучения проблемы претерпела существенные изменения. Если первоначально она исследовала субъектную позицию учителя как результат профессиональной подготовки, то в работах 2017 г. с П. Ю. Аксеновой она обращается к категориям «субъектность студента» и «субъектная позиция студента» как к процессу, имеющему собственные этапы становления и развития [2]. Тем самым подчеркивается, что формирование педагогической субъектности не может откладываться на период послевузовской профессионализации, а должно проектироваться с первых курсов обучения. Л. М. Митина, интегрировав ресурсный подход в концепцию личностно-профессионального развития педагога, показала вместе с соавторами значимость развития полисубъектной общности «педагог — учащийся» при переходе с одной ступени образования на другую: внедрение специальных тренинговых программ оказывается основным психологическим условием актуализации рефлексивного ресурса студентов-педагогов [9].

Опираясь на анализ научных подходов, можно выделить ряд существенных характеристик педагогической субъектности. Во-первых, она представляет собой феномен, определяемый через позицию педагога в отношении собственной личности и обучающихся, воспринимаемых им как активные и самостоятельные субъекты. Во-вторых, она функционирует как целостное интегративное свойство, выступающее основой возникновения и совершенствования профессиональных способностей. В-третьих, она неразрывно связана с центральной установкой педагога — с признанием обучающегося высшей ценностью.

Принципиальное значение в этом анализе приобретает категория рефлексии. А. В. Карпов обосновал ее как интегральное психическое свойство, измеряемое с помощью валидизированной методики, и показал ее ключевую роль в саморегуляции профессиональной деятельности [16]. Существенный вклад в раскрытие реляционной природы субъектности внесла Л. И. Анцыферова, понимающая личностные связи как взаимонаправленные и возвратные:

личность не только сама выстраивает отношения к внешней реальности, но и интериоризирует отношения к ней со стороны окружающих [7]. Феномен взаимного проникновения отношений теоретически осмыслен в категории «отраженной субъектности» В. А. Петровского, развитой в его совместной с Е. Б. Старовойтенко концепции Я-субъектности: «потенциал развития и укрепления Я-субъектности» обнаруживается в самотождестве Я, в самопричинности Я и в активном отношении личности к «Я-неизвестному» [8]. Это положение задает онтологическое основание для понимания преподавателя, «существующего» в сознании студентов, как действенного фактора их мировоззренческой трансформации.

Развитие педагогической субъектности нельзя рассматривать в отрыве от профессиональных характеристик деятельности педагога. Согласно Е. А. Климову, профессиональное становление носит принципиально нелинейный, «старт-стопный» характер; биографии успешных профессионалов свидетельствуют, что становление специалистов происходит «именно в ходе преодоления ситуаций неопределенности» [11, с. 102]. Этот тезис ставит под сомнение представление о возможности линейного «выращивания» педагогической субъектности и подкрепляет синергетическую идею о продуктивности дезорганизованных состояний. Е. И. Мычко с соавторами в монографии показали, что событийный подход к организации профессиональных проб и сопровождению их прохождения у студентов в условиях ресурсного центра обеспечивает осмысленность профессионального становления [17]. В аналитическом обзоре Л. А. Стахневой выделяются следующие характеристики субъектности: растущее самосознание, продуктивное освоение различных видов деятельности (вплоть до творческой), активность личности во всех ее проявлениях, способность к репрезентации будущего, структурированная иерархия ценностей [10, с. 469—470]. Эти характеристики позволяют операционализировать педагогическую субъектность для диагностики и педагогического проектирования.

Педагогическая субъектность и профессиональная идентичность. Целостное понимание педагогической субъектности невозможно без ее соотнесения с проблематикой профессиональной идентичности педагога, фундаментально разработанной Л. Б. Шнейдер [13]. Профессиональная идентичность учителя выполняет роль организующего начала в профессиональных и дидактических решениях; она тесно связана с мотивацией, чувством собственного достоинства и удовлетворенностью трудом и не сводится к самоотождествлению с социальной ролью, представляя собой ценностно-смысловое ядро, обеспечивающее целостность профессионального бытия учителя. Процесс формирования профессиональной идентичности начинается в вузе и, как показывают исследования Е. Г. Беляковой и И. Г. Захаровой, идет весьма неравномерно в разных группах студентов: позитивная самоидентификация реципиентов в профессии сочетается с их высокой активностью в освоении педагогического опыта, тогда как у студентов с «отложенным» профессиональным самоопределением идентичность остается фрагментарной [15]. В исследовании Д. В. Лубовского и Л. Б. Шнейдер показано, что внутренняя позиция студента по отношению к будущей профессии — единство эмоционального отношения и осознанной активности — выступает значимым предиктором уровня развития профессиональной идентичности [14].

Сопоставление концептуальных линий, разрабатываемых в рамках теорий педагогической субъектности и профессиональной идентичности, обнаруживает их глубокую внутреннюю взаимосвязь. Педагогическая субъектность как способность педагога к самостоятельному и ответственному действию обретает содержательную определенность лишь в той мере, в какой она опирается на сформированную профессиональную идентичность; в свою очередь, профессиональная идентичность не может стабилизироваться вне практик субъектного действия. Без устойчивой профессиональной идентичности субъектность педагога рискует превратиться в ситуативную адаптивность, а без активной субъектности профессиональная идентичность — в формальную приверженность нормативным образцам.

Для нас педагогическая субъектность — это интегративное профессионально-личностное качество педагога, представляющее собой проекцию и высшее проявление общечеловеческой способности к самодетерминации (авторству собственной жизни) на сферу педагогической реальности и выражающееся в двуединой способности: быть автором (самостоятельно организовывать и отвечать за последствия) собственной профессиональной деятельности, отношений и развития и целенаправленно содействовать становлению субъектности обучающихся через построение образовательного процесса как со-бытия двух субъектов.

Авторская концепция формирования педагогической субъектности. Теоретическое обоснование педагогической субъектности делает возможным переход к разработке авторской концепции ее формирования в городском профессионально-образовательном пространстве. Принципиальным методологическим решением, определяющим структуру концепции, является различие двух категорий — «профессионально-педагогическое пространство» и «профессионально-педагогическая сеть». Профессионально-педагогическое пространство в трактовке Э. Ф. Зеера [3, с. 38; 4] понимается как форма реализации связей личности с миром педагогической профессии и системой профессиональной подготовки, выступающая детерминантом успешности профессионального становления. Профессионально-педагогическая сеть рассматривается как структурная основа этого пространства — организационно-деятельностный каркас, на котором разворачиваются процессы профессионального становления его участников [22; 23].

Концепция включает четыре последовательно раскрываемых блока.

- **Целевой блок.** Стратегическая цель концепции состоит в создании устойчивого профессионально-педагогического пространства, структурно оформленного как профессионально-педагогическая сеть и обеспечивающего качественный переход его участников с уровня фрагментарной субъектности через уровень адаптивной субъектности к уровню истинной (зрелой) педагогической субъектности, характеризующейся целостностью ценностно-смыслового, активно-преобразующего, рефлексивно-оценочного и коммуникативно-диалогического компонентов и способностью педагога порождать субъектность Другого.

- **Философско-методологический блок.** Концепция опирается на философию субъекта в ее отечественной традиции (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский) [5; 6], философию диалога (М. М. Бахтин, М. Бубер [18]), философию экзистенциализма (В. Франкл) [20] и философию образования, развиваемую

В. И. Слободчиковым и его последователями. Принципиальное значение имеет положение о том, что развивающее образовательное пространство встраивается в механизмы эволюции субъектности, а само образовательное пространство должно иметь деятельностную природу. Г. П. Щедровицкий показал, что подлинное мышление и развитие осуществляются в коллективно-распределенной мыслительности, в которой креативность Другого признается органически встроенной в процесс развития первоначального субъекта: развитие происходит в интерперсональном поле, образуемом во взаимосвязях человека с другими людьми [19].

- **Теоретический блок.** Базовые теоретические положения концепции формулируются следующим образом:

1. О двухслойности педагогической субъектности. Педагогическая субъектность представляет собой двухслойное образование, включающее общесубъектное (общечеловеческое) ядро — способность быть автором собственной жизни — и собственно педагогическую надстройку — способность к авторству в профессиональной сфере и к содействию субъектогенезу обучающихся. Дефицит общечеловеческой субъектности неизбежно проявляется как профессиональная несостоятельность педагога.

2. О деятельностно-диалогической природе становления субъектности. Способность быть субъектом передается исключительно «от субъекта к субъекту» — не как готовый продукт, а как результат подлинной диалогической встречи двух авторских позиций в общем интерперсональном поле [18; 19].

3. О профессионально-педагогическом пространстве как условии становления педагогической субъектности. Пространство не существует независимо от участников, а конструируется ими в процессе их собственного становления.

4. О профессионально-педагогической сети как структурной основе пространства, объединяющей студентов педагогических вузов и педагогов-практиков.

5. О динамических состояниях пространства. Пространство последовательно проходит через уравновешенное, дезорганизованное и саморегуляционное состояния, причем состояние дезорганизации служит источником развития [4].

6. О ролевой динамике как механизме становления субъектности. Развитие педагогической субъектности обеспечивается через последовательную смену функциональных ролей: от участника обсуждения — к члену исследовательской группы; от автора локального проекта — к ведущему рабочей группы; от докладчика — к консультанту коллег; от критического друга — к со-руководителю сетевого направления.

7. О гуманистической аксиологической ориентированности как объединяющем начале функционирующих компонентов профессионально-педагогического пространства.

Из этих положений выводится система принципов построения деятельности сети: субъектогенетической направленности, двухслойности воздействия, деятельностной природы пространства, диалогического взаимодействия, равноправного межпоколенческого партнерства, распределенного руководства, реальной образовательной практики как предмета деятельности, открытости и саморазвития, конструктивной поддержки переломных моментов, непрерывности субъектного опыта, рефлексивной обеспеченности, публичного предъявления результатов, гуманистической аксиологической ориентированности.

• *Содержательно-практический блок* раскрывает воплощение концепции в системе конкретных форм работы с педагогами-практиками (циклы совместного педагогического исследования, сетевое исследование урока, взаимные учебные посещения, институт «требовательных друзей», обучающие диалоги), со студентами (интеграция деятельности в сети с образовательной программой, сетевая педагогическая практика, тьюторские группы, индивидуальный сетевой профиль) и в совместных форматах (смешанные исследовательские микрогруппы, межпоколенческий институт критических друзей, совместные рефлексивные сессии, совместная публикационная деятельность). Особенностью городского профессионально-образовательного пространства выступает его насыщенность образовательными ресурсами, плотность сетевых связей между учреждениями и возможность реализации совместных проектов с участием обучающихся, студентов и педагогов-практиков; именно эти ресурсы делают город особенно благоприятной средой для развертывания профессиональных обучающихся сообществ [24; 25].

Заключение, выводы

Проведенное теоретическое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы:

1. Педагогическая субъектность представляет собой интегративное личностно-профессиональное образование двухслойной структуры, включающее общесубъектное ядро и собственно педагогическую надстройку, объединяющее ценностно-смысловой, активно-преобразующий, рефлексивно-оценочный и коммуникативно-диалогический компоненты и неразрывно связанное с профессиональной идентичностью педагога.

2. Изложенная концепция представляет собой целостную систему, в которой целевые ориентиры, философско-методологические основания, теоретические положения и принципы, конкретные формы и средства деятельности образуют согласованное единство. Принципиальное

методологическое решение состоит в различении профессионально-педагогического пространства как формы реализации связей личности с миром педагогической профессии и профессионально-педагогической сети как структурной основы этого пространства.

3. Целостность концепции обеспечивается единством ее основной идеи: педагогическая субъектность формируется только через включение участников в реальные виды совместной деятельности, разворачивающейся в профессионально-педагогическом пространстве как открытой саморазвивающейся системе деятельностно-диалогической природы; такое включение наиболее продуктивно осуществляется в условиях профессионально-педагогической сети, объединяющей студентов педагогических вузов и педагогов-практиков на принципах равноправного межпоколенческого партнерства, распределенного руководства, открытости, диалогичности и гуманистической аксиологической ориентированности.

4. Объединение в едином пространстве двух категорий участников — студентов и педагогов-практиков — обеспечивает решение трех взаимосвязанных задач: преодоление традиционного разрыва между академической подготовкой педагога и реальной образовательной практикой; поддержку профессионального развития практикующих педагогов; формирование преемственных профессиональных связей. В совокупности эти результаты составляют необходимое условие реализации основной миссии педагогической субъектности — содействия становлению субъектности обучающихся как свободных и ответственных авторов собственной жизни.

Представленная концепция составит основу для разработки программы опытно-экспериментальной работы по проверке ее результативности и для формулирования практических рекомендаций по организации профессионально-педагогических пространств в системе непрерывного педагогического образования в крупных городах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волкова Е. Н. Структура субъектности современного педагога // Мир психологии. 2023. № 2(113). С. 52—60.
2. Аксенова Г. И., Аксенова П. Ю. Субъектная позиция студента: этапы становления и развития // Педагогическое образование: вызовы XXI века : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти акад. РАО В. А. Сластенина : в 2 ч. Рязань : Концепция, 2017. Ч. 1. С. 69—71.
3. Зеер Э. Ф. Профессионально-образовательное пространство личности. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2002. 126 с.
4. Зеер Э. Ф. Профессионально-образовательное пространство личности: синергетический подход // Образование и наука. 2003. № 5(23). С. 79—90.
5. Абульханова К. А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М. : ПЕР СЭ, 2002. С. 34—50.
6. Брушлинский А. В. О критериях субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиной. М. : ПЕР СЭ, 2002. С. 9—33.
7. Анцыферова Л. И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М. : Ин-т психологии РАН, 2004. 512 с.
8. Петровский В. А., Старовойтенко Е. Б. Модели Я: потенциал развития и укрепления Я-субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 3. С. 588—615. DOI: 10.17323/1813-8918-2023-3-588-615.
9. Митина Л. М., Митин Г. В., Востокова Ю. И. Психологические закономерности и ресурсы личностно-профессионального развития полисубъектной общности «педагог — учащийся» при переходе с одной ступени образования на другую в условиях технологических трансформаций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2023. № 1. С. 77—95. DOI: 10.18384/2310-7235-2023-1-77-95.
10. Стахнева Л. А. Субъектность как предмет психологического исследования // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 6(44). С. 464—470.
11. Климов Е. А. О нелинейности процесса профессионального становления // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2007. № 3. С. 102—108.
12. Сластенин В. А. Субъектно-деятельностный подход в общем и профессиональном образовании // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 17—30.

13. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2004. 600 с.
14. Лубовский Д. В., Шнейдер Л. Б. Соотношение профессиональной идентичности и внутренней позиции студентов в высшем образовании // Мир психологии. 2025. № 1(120). С. 169—181.
15. Белякова Е. Г., Захарова И. Г. Профессиональное самоопределение и профессиональная идентичность студентов-педагогов в условиях индивидуализации образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 84—112. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-84-112.
16. Карпов А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45—57.
17. Мычко Е. И., Потменская Е. В., Несына С. В. Ресурсный центр: психолого-педагогическое сопровождение профессионального становления педагога : моногр. Калининград : Изд-во Балт. федер. ун-та им. Иммануила Канта, 2020. 134 с.
18. Бубер М. Я и Ты. М. : АСТ, 2024. 189 с.
19. Щедровицкий Г. П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. 3-е изд., испр. и доп. М. : Изд-во Студии А. Лебедева, 2014. 465 с.
20. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм : избр. работы по логотерапии : пер. с англ. М. : ИОИ, 2015. 190 с.
21. Громкова М. Т. Андрагогика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 496 с.
22. Василевская Е. В. Сетевая школа методиста: особенности, преимущества, принципы работы // Школьные технологии. 2015. № 5. С. 33—40.
23. Кузнецова И. В. Сетевые образовательные сообщества в интеграции математической и методической подготовки будущего учителя // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 1(64). С. 42—47.
24. Круподёрова К. Р. Организация совместной сетевой деятельности будущих учителей в формирующихся образовательных сообществах // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 88. Ч. 4. С. 199—201.
25. Tam A. C. F. The role of a professional learning community in teacher change: a perspective from beliefs and practices // Teachers and Teaching: theory and practice. 2015. Vol. 21. Iss. 1. Pp. 22—43. DOI: 10.1080/13540602.2014.928122.

REFERENCES

1. Volkova E. N. The structure of the agency of a modern teacher. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2023; 2(113):52—60. (In Russ.)
2. Aksenova G. I., Aksenova P. Yu. Subject position of the student: stages of formation and development. *Pedagogicheskoe obrazovanie: vyzovy XXI veka = Pedagogical education: challenges of the XXI century. Proceedings of the VIII International scientific and practical conference dedicated to the memory of academician of the Russian Academy of Education V. A. Slavenin*. Ryazan, Kontseptsiya, 2017;1:69—71. (In Russ.)
3. Zeer E. F. Professional-educational space of personality. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University publ., 2002. 126 p. (In Russ.)
4. Zeer E. F. Professional-educational space of personality: synergetic approach. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2003;5(23):79—90. (In Russ.)
5. Abul'khanova K. A. Rubinstein's category of subject and its different methodological meanings. *Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo subyektu = Psychology of individual and group subject*. A. V. Brushlinskii, M. I. Volovikova (eds.). Moscow, PER SE, 2002. Pp. 34—50. (In Russ.)
6. Brushlinskii A. V. On the criteria of the subject. *Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo subyektu = Psychology of individual and group subject*. A. V. Brushlinskii, M. I. Volovikova (eds.). Moscow, PER SE, 2002. Pp. 9—33. (In Russ.)
7. Antsyferova L. I. Personality development and problems of gerontopsychology. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences publ., 2004. 512 p. (In Russ.)
8. Petrovsky V. A., Starovoytenko E. B. Models of the Self: The Potential for Developing and Enhancing of Subjectness of Self. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2023;20(3):588—615. (In Russ.) DOI: 10.17323/1813-8918-2023-3-588-615.
9. Mitina L., Mitin G., Vostokova J. Psychological patterns and resources of personal and professional development of the poly-subject community “teacher – student” during the transition from one stage of education to another in the conditions of technological transformations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*. 2023;1:77—95. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7235-2023-1-77-95.
10. Stahneva L. A. Subjectivity as an object of psychological research. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Orel State University*. 2011;6(44):464—470. (In Russ.)
11. Klimov E. A. About nonlinearity of the professional development process. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*. 2007;3:102—108. (In Russ.)
12. Slavenin V. A. Subject-activity approach in general and professional education. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*. 2006;5:17—30. (In Russ.)
13. Shneider L. B. Professional identity: theory, experiment, training. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute publ.; Voronezh, MODEK, 2004. 600 p. (In Russ.)
14. Lubovsky D. V., Schnejder L. B. Relationship between professional identity and internal position of students in higher education. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2025;1(120):169—181. (In Russ.)
15. Belyakova E. G., Zakharova I. G. Professional Self-Determination and Professional Identity of Students-Teachers in the Conditions of Individualisation of Education. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2020; 22(1):84—112. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2020-1-84-112.

16. Karpov A. V. Reflectiveness as a mental quality and the method to diagnose it. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2003;24(5):45—57. (In Russ.)
17. Mychko E. I., Potmenskaya E. V., Nesyna S. V. Resource center: psychological and pedagogical support of professional formation of the teacher. Monograph. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University publ., 2020. 134 p. (In Russ.)
18. Buber M. I and Thou. Moscow, AST, 2024. 189 p. (In Russ.)
19. Shchedrovitsky G. P. Organizational management thinking: ideology, methodology, technology. 3rd ed. Moscow, A.Lebedev's Studio publ., 2014. 465 p. (In Russ.)
20. Frankl V. E. Psychotherapy and Existentialism: Selected Papers on Logotherapy. Transl. from English. Moscow, Institute of General Humanitarian Research publ., 2015. 190 p. (In Russ.)
21. Gromkova M. T. Andragogy. Moscow, YuNITI-DANA, 2015. 496 p. (In Russ.)
22. Vasilevskaya E. V. Network school of the educational supervisor: the features, advantages, principles of operation. *Shkol'nye tekhnologii = School technologies*. 2015;5:33—40. (In Russ.)
23. Kuznetsova I. V. Network educational communities in the integration of mathematical and methodical training of a future teacher. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2020;1(64):42—47. (In Russ.)
24. Krupodyorova K. R. Organizing joint network activities of future teachers in emerging educational communities. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;88(4):199—201. (In Russ.)
25. Tam A. C. F. The role of a professional learning community in teacher change: a perspective from beliefs and practices. *Teachers and Teaching: theory and practice*. 2015;21(1):22—43. DOI: 10.1080/13540602.2014.928122.

Статья поступила в редакцию 02.05.2026; одобрена после рецензирования 23.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.
The article was submitted 02.05.2026; approved after reviewing 23.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Научная статья
УДК 37.02
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1592

Yulia Vladimirovna Kalegina
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor
of the Department of Life Safety,
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
kaleginayv@susu.ru

Юлия Владимировна Калегина
канд. пед. наук,
доцент кафедры безопасности жизнедеятельности,
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
kaleginayv@susu.ru

ПОНЯТИЕ КОГНИТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТУДЕНТА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Смещение в образовательном процессе педагогического влияния и неконтролируемых педагогами информационных воздействий на сознание студента, необходимость учитывать риски цифровизации и обеспечивать безопасность образования актуализировали проблему обеспечения педагогов стройным теоретическим аппаратом, адекватным задачам подготовки студентов к обеспечению когнитивной безопасности. Целью статьи является описание когнитивной безопасности студента как педагогического понятия. Методология исследования опирается на дуальную превентивно-культурную концепцию обеспечения безопасности образования, системно-синергетический, аксиологический, культурологический подходы, теорию интеграции, теорию мышледеятельности. В статье выявлены родовый признак понятия когнитивной безопасности студента и его видовые отличия, проведено сопоставление родственных понятий, пополнен понятийный аппарат концепции когнитивной безопасности образования, названы когнитивные угрозы и объекты их воздействия, представлены уровни и этапы развития когнитивной безопасности студента. Когнитивная безопасность студента рассмотрена как состояние благополучия всех элементов сознания студента, обеспеченное учебно-педагогическими мерами

защиты сознания и проявляющееся в готовности выпускника вуза к безопасной мышледеятельности и самостоятельному преодолению когнитивных угроз. Когнитивная безопасность, развитая у студента в образовательном процессе вуза до уровня «преодоления», является условием его готовности к самостоятельному преодолению когнитивных угроз, возникающих в образовательной, социальной и будущей профессиональной деятельности. Определение понятия «когнитивная безопасность студента» представляет собой вариант решения актуальной проблемы упорядочения концепции когнитивной безопасности образования. Результаты могут служить ориентиром для исследователей в области безопасности образования, педагогов, специалистов в сфере обеспечения когнитивной безопасности.

Ключевые слова: когнитивная безопасность в образовательном процессе вуза, системные компоненты когнитивной безопасности студента, когнитивные воздействия, когнитивные угрозы, развитие когнитивной безопасности студента, родовые признаки понятия когнитивной безопасности студента, видовые отличия понятия когнитивной безопасности студента, этапы развития когнитивной безопасности студента, модели обеспечения когнитивной безопасности студента, культура безопасности студента

Для цитирования: Калегина Ю. В. Понятие когнитивной безопасности студента // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 430—438. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1592.

Original article

THE CONCEPT OF STUDENT'S COGNITIVE SAFETY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The expansion into the educational process of information influences on the student's consciousness uncontrolled by teachers, the need to take into account the risks of digitalization and ensure the safety of education have actualized the problem of providing teachers with a coherent theoretical apparatus adequate to the tasks of preparing students for ensuring cognitive safety. The purpose of the article is to describe the student's cognitive safety as a pedagogical concept. The research methodology is based on the dual preventive-cultural concept of ensuring the safety of education, system-synergistic, axiological, cultural approaches, integration theory, and the theory of intellectual activity. The article reveals

the generic characteristic of the concept of student's cognitive safety and its specific distinctions, a comparison of related concepts is made, the conceptual apparatus of the concept of cognitive safety of education is replenished, cognitive threats and objects of their impact are identified, the levels and stages of development of the student's cognitive safety are presented. The student's cognitive safety is considered as a state of well-being of all elements of the student's consciousness, provided with educational and pedagogical measures to protect consciousness and manifested in the readiness of a university graduate for safe follow-up and independent overcoming of cognitive threats. Cognitive safety, developed by a student in the educational

process to the level of “overcoming,” is a condition of his readiness to independently deal with cognitive threats arising in educational, social and future professional activities. The definition of the concept of student’s cognitive safety is a solution to the urgent problem of streamlining the concept of cognitive safety of education. The results can serve as a guide for researchers in the field of education safety, teachers, specialists in the field of cognitive safety.

For citation: Kalegina Yu. V. The concept of student’s cognitive safety. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):430—438. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1592.

Введение

Осмысление последствий масштабных когнитивных воздействий на общественное сознание, преимущественно сознание молодежи, через образование как удобный канал когнитивных воздействий выступило предпосылкой к постановке педагогической проблемы: подготовить студентов к самостоятельному выявлению, предотвращению и преодолению когнитивных угроз, возникающих в разных видах деятельности (образовательной, социальной, профессиональной), что отмечено в исследовании В. Балановского и В. Подьяконова [1].

В работах Н. В. Козловой и М. С. Щегловой [2], В. М. Позднякова [3], А. Н. Сухова [4], посвященных различным видам безопасности личности, фокус внимания исследователей смещается с защиты, ограждения человека от когнитивных угроз на подготовку самого человека к выявлению, предотвращению, преодолению угроз, на осознание ответственности самого человека за свою когнитивную безопасность. Неспособность отвечать на цивилизационные вызовы средствами сложившейся образовательной системы, в основе которой лежат виктимно-культурная модель обеспечения когнитивной безопасности и поддерживающее обучение (передача прошлого опыта, а не проективная детерминация будущего), обуславливает поиск новых теоретических моделей, регуляторов и методического обеспечения когнитивной безопасности всего образования, отражена в изысканиях В. М. Позднякова [3], а также в наших предыдущих публикациях [5]. Эти же вызовы, по мнению Е. Г. Замолотских с соавторами [6], В. Н. Кузнецова [7], требуют от системы образования в целом и от флагманов образования — университетов — в частности обеспечить овладение выпускником не только фундаментальными основами профессиональной деятельности, но и развитие его социально-значимых и профессионально-значимых личностных качеств, напрямую не связанных с конкретной профессией, что позволит ему решать межотраслевые, социально-профессиональные задачи социально и личностно безопасным способом в широком диапазоне видов деятельности. Актуальность проблемы находит свое отражение и в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», которые напрямую указывают на необходимость педагогического противодействия вредоносному когнитивному воздействию на сознание учащихся. Этот документ с сопровождающими его методическими указаниями призывает систему образования к использованию всех возможных средства развития культуры информационной безопасности студентов, которую целесообразно рассматривать как родственное когнитивной безопасности понятие.

Keywords: *cognitive safety in the educational process of a university, system components of student’s cognitive safety, cognitive effects, cognitive threats, development of student’s cognitive safety, generic characteristic of the concept of cognitive safety, specific distinctions of the concept of student’s cognitive safety, stages of the development of student’s cognitive safety, models for ensuring student’s cognitive safety, student safety culture*

Таким образом, **актуальность** рассмотренной в статье проблемы обусловлена обострившимся противоречием между необходимостью развития когнитивной безопасности студента педагогическими средствами в образовательном процессе вуза и отсутствием стройного теоретико-методологического аппарата в сфере педагогики безопасности.

Изученность проблемы. Когнитивная безопасность, как педагогическое явление достаточно подробно рассмотрена в социально-гуманитарной науке. Теоретически осмыслены и обоснованы:

- актуальность проблематики когнитивной безопасности в образовании молодежи — в работе М. В. Глебовой [8],
- необходимость обеспечения когнитивной безопасности в образовательном процессе всех уровней: общего, профессионального, дополнительного образования — в исследованиях А. А. Саака [9], А. Б. Шангина, А. А. Кудрина, Н. В. Карташовой [10],
- потребность развития у преподавателей высшей школы компетенции оценки когнитивной безопасности содержания образования студентов — нами ранее [5],
- стратегии подготовки учащихся к обеспечению собственной когнитивной безопасности — А. Б. Шангина, А. А. Кудрина, Н. В. Карташовой [10], а также нами ранее [5].

Исследователи безопасности образования предпосылкой обеспечения когнитивной безопасности студентов представляют глубокое теоретическое осмысление, согласованное толкование педагогами самого понятия когнитивной безопасности. Для этого, как показано нами ранее [5], а также в работах В. Н. Кузнецова [7] и И. Ф. Кефели [11], следует определить содержание и объем понятия, описать методологию обеспечения когнитивной безопасности студента.

В рамках философского осмысления проблемы когнитивная безопасность определяется через категорию «состояние», в котором объект огражден от когнитивных угроз или их воздействие не способно нанести ущерб объекту. В работах В. Н. Кузнецова [7] и С. А. Храпова [12] выявлены видовые отличия такого состояния, увязывающие их с когнитивными угрозами, с личностными и психофизиологическими уязвимостями студента, потенциально способствующими формированию когнитивных деструктивных последствий реализации этих угроз.

С опорой на философскую интерпретацию, понятие когнитивная безопасность рассмотрено в психологической науке исследователями Т. Н. Березиной [13], В. Г. Мараловым, А. А. Фортунатовым, М. Ю. Шониным [14] как родственное психологической безопасности. Их общее родовое понятие — «состояние» — дополнено психологическими характеристиками личности студента. Исследователи в сфере психологии рассматривают когнитивную

безопасность как сложное психическое образование, совмещающее психические состояния, способности, отношения личности учащихся.

Изучение теоретических предпосылок, выявленных в межнаучной социально-гуманитарной сфере, подвело к выводу о том, что научно-педагогическая проблема развития когнитивной безопасности молодежи может быть решена силами системы образования. В этой связи целесообразно системно описать когнитивную безопасность как педагогическое понятие, конкретизировав его к особенностям учащихся и содержанию образования на каждом уровне образования. В данном исследовании внимание было сосредоточено на студентах вуза.

И. Ф. Кефели [11], С. А. Храпов [12], Т. Н. Березина [13], В. Г. Маралов, А. А. Фортунатов, М. Ю. Шонин [14], А.-Л. С. Меерсон [15] предлагают видовые отличия этого термина, в конкретизации к студентам вузов:

- когнитивная грамотность работы в офлайн, в виртуальной, в дополненной средах;
- критическое мышление;
- примат отношения студента к своей профессиональной и социальной деятельности как опасной или безопасной над другими ее характеристиками (финансовой привлекательностью, пользой и др.);
- способность к критической рефлексии получаемой информации;
- способность к самостоятельному созданию интеллектуального продукта;
- способность к самостоятельной навигации источников информации;
- устойчивость убеждений студента к негативным информационным воздействиям.

Педагогическая наука также сформировала предварительные ориентиры для осмысления педагогами понятийного аппарата и методологии, содействующей развитию у студентов компетенций самостоятельного выявления и преодоления когнитивных угроз. Педагогами-исследователями Н. В. Козловой и М. С. Щегловой [2], а также нами в предыдущих публикациях [17; 18] были выявлены компоненты культуры безопасности человека (аксиологический, когнитивный, деятельностный компоненты), которые исследователи образования положили в основу понятия когнитивной безопасности. Так, в современных научно-педагогических публикациях Т. Н. Березиной [13], В. В. Гафнера [19], О. Н. Новокшанова [20], Р. М. Чумичевой, И. Э. Куликовской и Т. Н. Поддубной [21] прослеживается тенденция рассмотрения образовательного процесса университета как средства, с помощью которого покомпонентно, обуславливая друг друга, развиваются и когнитивная безопасность, и культура безопасности выпускников.

Целесообразность разработки темы. Поскольку анализ теоретических источников по проблеме исследования показал, что наблюдается противоречие между актуализацией в различных сферах науки идей обеспечения когнитивной безопасности студента в условиях непрерывно обновляющегося содержания образования и отсутствием единого понимания понятийно-методологического аппарата (ключевого термина когнитивной безопасности студента, методологических оснований обеспечения когнитивной безопасности), обуславливающего единые подходы к практическому воплощению педагогической концепции когнитивной безопасности образования, целесообразно дополнить, упорядочить терминологическое и методологическое поле проблемы.

Анализ педагогической практики деятельности вузов и нормативных оснований обеспечения когнитивной безопасности образования, теоретических положений педагогики безопасности, представленные в работах Е. Г. Замолотских с соавторами [6], В. Н. Кузнецова [7], позволяет сделать вывод о сформулированном заказе высшего образования педагогической науке: выработать стройный, упорядоченный понятийный аппарат концепции обеспечения когнитивной безопасности образования, новые методологические основания к пониманию и обеспечению когнитивной безопасности образовательного процесса вуза.

Цель исследования — системное описание когнитивной безопасности студента как педагогического понятия. Для достижения поставленной цели были сформулированы и решены следующие задачи:

- выявление родового признака и видовых отличий понятия «когнитивная безопасность», позволившее конкретизировать его применение к студенту, обогатить терминологическое ядро концепции подготовки студента к обеспечению своей когнитивной безопасности;
- систематизация когнитивных угроз в образовательном процессе вуза, готовая к применению педагогами-практиками для педагогической оценки когнитивной безопасности содержания и форм образовательного процесса вуза;
- обоснование связи между вредоносным воздействием когнитивной угрозы на сознание студента и проявлением когнитивного повреждения в сознании и поведении студента, позволяющая педагогам-практикам установить причины деформации сознания и поведения студента и подобрать адекватные коррекционные мероприятия.

Научная новизна исследования состоит в определении методологической основы концепции обеспечения когнитивной безопасности студента, установлении связи между вредоносным содержанием образования и искажением элементов сознания студента.

Теоретическая значимость. Выявление родового признака понятия когнитивной безопасности студента, дополнение его видовых отличий, сравнение смежных и родственных понятий, конкретизация понятия относительно образовательного процесса в современном вузе позволили упорядочить понятийный аппарат концепции обеспечения когнитивной безопасности образования, а системное описание когнитивной безопасности студента — использовать когнитивную безопасность как показатель развитости культуры безопасности студента.

Практическая значимость заключается в готовности предложенной систематизации когнитивных угроз в образовательном процессе вуза к применению педагогами-практиками в оценке когнитивной безопасности содержания и форм образовательного процесса.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Философская идея осмысления когнитивной безопасности человека как результата реализации «превентивно-культурной модели безопасности» стала ведущим методологическим основанием решения поставленных в статье задач. Преобразованная в педагогическую концепцию, она, в своей сути, совмещает парадигму педагогического обеспечения когнитивной безопасности студента, защиты студентов от потенциальных и явных когнитивных угроз с парадигмой их подготовки к самостоятельному преодолению

когнитивных угроз, возникающих в их образовательной, социальной и будущей профессиональной практиках [2; 5; 22]. Такая концепция, прежде всего, делает акцент на подготовку студентов к самостоятельному обеспечению своей когнитивной безопасности.

Упорядочение превентивно-культурной концепции когнитивной безопасности образования базируется на новых теоретико-методологических ориентирах.

Фундаментом методологии стал системно-синергетический подход. В исследовании он стал способом рассмотрения элементов концепции когнитивной безопасности — сознания студента, когнитивных угроз, содержания образования как системных, нераздельно принадлежащих концепции частей, которые можно обнаружить, рассматривать сами по себе и в системе. Подход позволил представить развитие когнитивной безопасности студента в образовательном процессе вуза системным педагогическим средством развития культуры безопасности студентов, сформулировать идею рассмотрения явления когнитивной безопасности как элемента сложной, нелинейной развивающейся целостности — культуры безопасности [18; 21; 23; 24].

Изучение когнитивной безопасности студента как сложной целостности ее свойств и уровневых показателей в связи с компонентами другой системы — культуры безопасности позволило системно описать когнитивные угрозы в содержании образования и деятельности студента.

В рамках системно-синергетического подхода когнитивную безопасность образовательного процесса следует рассматривать как сложную динамическую систему, последовательно упрощая изучить цель, содержание, формы учебно-педагогического взаимодействия, содействующие развитию когнитивной безопасности студента в сложных современных внутренних (личностных) или/и внешних (социокультурных, профессиональных) условиях, в том числе и случайных [25].

Ценностно-ориентационное наполнение концепции когнитивной безопасности обеспечил аксиологический подход к когнитивной безопасности студента студентов в образовательной, социальной и будущей профессиональной деятельности. В рамках этого подхода искажение традиционных ценностей, и внедрение ценностей постмодерна, экспансия в образовательном процессе асоциальных эталонов гедонистического поведения позиционируются как когнитивные угрозы сознанию студента [3; 26]. Подход позволил выявить среди многообразия педагогических методов формирования сознания студентов методы противодействия когнитивным угрозам: мониторинг и паспортизация вредоносных когнитивных воздействий, анализ и оценка, отбор социально-приемлемых способов противодействия когнитивным угрозам [27; 28].

Культурологический подход лежит в основе содержательного наполнения концепции когнитивной безопасности образования, он позволил представить когнитивную безопасность как проявление высокого уровня развитости культуры безопасности студента [18; 19; 29; 30]. В этой связи готовность студента к самостоятельному преодолению когнитивных угроз рассматривается как результат педагогического процесса, содействующего овладению студентом культурой безопасности, направленный на развитие готовности студента и выпускника вуза к образовательной, в социальной и профессиональной сферах деятельности в безопасном формате. В этом результате

когнитивная безопасность является ключевым фактором, определяющим безопасность мышления, поведения и ценностей человека.

Организационный уровень методологии исследования представлен теорией интеграции в образовании. На основе теории интеграции предусмотрена и интеграция усилий участников образовательных отношений — педагогов и студентов в обеспечении и развитии у студентов когнитивной безопасности [2; 4; 14; 15; 20].

Практическую реализацию концепции когнитивной безопасности образования воплощает идея о системно-структурном строении мышледеятельности, формой которого предстает когнитивная безопасность. Идея сложной, нелинейной связи мышления с усваиваемыми знаниями, выдвинутая Л. С. Выготским, стала одной из основополагающих в выборе теории мышледеятельности как методологического основания [31]. Эта теория позволила содержательно раскрыть связь безопасной организации способа усвоения безопасного же содержания образования студентов с их самостоятельной безопасной образовательной, социальной и профессиональной деятельностью, «воспроизводящей» усвоенное содержание. Такой безопасный для сознания студентов способ организации педагогом образовательного процесса, планомерное исследование любого содержания образования на предмет наличия в нем когнитивной угрозы, согласно теории мышледеятельности и становится привычным способом мышления студента.

В исследовании был применен арсенал продуктивных методов изучения педагогических понятий «когнитивная безопасность студента», «когнитивная угроза».

Метод анализа был использован при изучении когнитивной безопасности как системы и расчленения ее на составные компоненты с целью исследования содержания каждого в отдельности. В результате анализа возникла структура компонентов, классификация когнитивных угроз, периодизация этапов развития когнитивной безопасности.

Наблюдение за сложившимися способами обеспечения когнитивной безопасности студента в вузе, как педагогическим явлением, его компонентами было применено с целью фиксации происходящих в отечественном образовании изменений в осмыслении когнитивной безопасности как атрибута образовательного процесса вуза в меняющейся модели высшего образования.

Метод сравнения использовался для сопоставления (противопоставления) друг с другом когнитивной безопасности и культуры безопасности, информационной и психологической безопасности, изучаемых в исследовании, сделан акцент на системных свойствах этих понятий.

Абстрагирование позволило исследовать когнитивную безопасность как аспект, свойство культуры безопасности, без учета других его особенностей, их взаимообусловленности.

Метод измерения был использован для определения и установления уровневых характеристик когнитивной безопасности, показателей сформированности компонентов, степени когнитивных угроз.

Диалектический синтез был использован в выработке понятия когнитивной безопасности студента, путем соединения качественно преобразующих родовое понятие признаков и его изучения в дальнейшем как единого целого.

Представленные методы позволили определить содержание и объем понятия когнитивной безопасности как педагогического, конкретизировать его применительно

к студенту, отразить в описании явления когнитивной безопасности специфику образовательного процесса вуза, осмысленно и уместно пользоваться ключевым понятием во взаимосвязи с родственными. Представленные методологические основания не противоречат друг другу, имеют уровневый фундамент, детализируют, уточняют понятие когнитивной безопасности студента.

Результаты исследования. Анализ теоретических предпосылок позволил абстрагироваться от понимания когнитивной безопасности как свойства студента, как состояния защищенности и сфокусироваться на определении когнитивной безопасности студента как состояния [5; 32].

Когнитивная безопасность студента — это состояние благополучия всех элементов сознания студента, обеспеченное учебно-педагогическими мерами защиты сознания и проявляющееся в готовности студента к безопасной мыследеятельности и самостоятельному преодолению когнитивных угроз.

Определенное через сложную, интегративную категорию — «состояние», в своем объеме понятие когнитивной безопасности содержит термин «благополучие» как сущностный признак, маркер особого состояния, а термины защищенность и подготовленность (готовность) как необходимые педагогические условия, педагогические средства влияния на уровень развитости этого состояния у студента.

Состояние благополучия в данном случае проявляется в осознанном переживании студентом положительных эмоций (привычки) от ощущения оптимальной реализации собственного потенциала в условиях образовательного процесса вуза. Состояние благополучия, как родовое понятие когнитивной безопасности студента, само представляет собой сложное образование, в котором весьма запутанным образом связаны психосоциальное здоровье студента, доверие педагогу, когнитивно-эмоциональная оценка студентом качества результатов своего образования в сфере безопасности [32]. Наличие общего родового признака — состояние благополучия и общей научной сферы применения делает когнитивную безопасность студента родственным с понятиями информационная и психологическая безопасность [4; 24; 32]. Содержание понятия представлено описанием общих родовых признаков: субъект-объектная направленность, системность, динамичность, продолжительность, процессуальность, технологичность, уровневая изменчивость, характерных и для определения информационной и психологической безопасности.

К видовым признакам, конкретизирующим понятие когнитивной безопасности относительно студента следует отнести: подверженность состояния благополучия сознания студента педагогическому влиянию, совместный учебно-педагогический характер развития такого состояния.

Системный анализ представляет когнитивную безопасность студента сложной системой, входящей как часть в метасистему — культуру безопасности выпускника вуза, продуктом интеграции ее аксиологического, деятельностного и знаниевого компонентов. Поскольку культура безопасности — форма мыследеятельности, то и ее части — когнитивной безопасности свойственны характеристики мыследеятельности: коммуникативность, социальная организация, интеллектуальность, рефлексия [33].

Таким образом, когнитивная безопасность студента в образовательном процессе проявляется в безопасной мыследеятельности, демонстрирует интеграцию:

– ценностного компонента культуры безопасности (мыслекоммуникация: обоснованная убежденность в социально-педагогической защищенности от когнитивных угроз, понимание своих и чужих оценочных позиций, способность самостоятельно выявлять когнитивные угрозы);

– знаниевого компонента культуры безопасности (собственно мышление: выработка и оперирование знаниями актуальности проблемы безопасности в образовательном процессе, угроз и методов их реализации в образовательном процессе);

– деятельностного компонента (мыследеятельность: готовность предотвращать, противостоять когнитивным угрозам, преодолевать их) [17].

Высокий уровень целостности этих трех компонентов культуры безопасности есть и показатель развитости культуры безопасности студента, и маркер высокого уровня развития когнитивной безопасности студента.

Конкретизация к студенту вуза понятия когнитивной безопасности, как состояния благополучия (защищенности педагогом от когнитивных угроз и подготовленности к самостоятельному преодолению когнитивных угроз) сознания студента обуславливает толкование когнитивной безопасности как цели развития у студентов готовности самостоятельного обеспечения своей когнитивной безопасности в ходе образовательного процесса вуза. Педагогическим условием достижения этой цели является системное учебно-педагогическое взаимодействие, направленное на выявление, преодоление, устранение, профилактику когнитивных угроз в образовательном процессе через защиту студента от угрожающего образовательного контента, развитие навыков критического восприятия новых знаний, навыков логического мышления средствами своей учебной дисциплины, но преимущественно через подготовку студента к самостоятельному преодолению когнитивных угроз в образовательной, социальной и будущей профессиональной практике.

Специфику понятию, отграничивающую его от родственных понятий психологической и информационной безопасности придает сознание студента, которое выступает объектом защиты от когнитивной угрозы. Именно в сознании в результате воздействия когнитивной угрозы происходит искажение, повреждение в согласованной работе элементов: в ощущении, восприятии, мышлении, речи, внимании, памяти, воображении.

Когнитивная угроза — форма вредоносного когнитивного воздействия, характеризующееся программирующим когнитивным воздействием, угнетающим деятельность каждого элемента сознания и их связность, согласованность с системой личных и социокультурных ценностей, искажающим сложившуюся педагогическими средствами в сознании студента картину мира, разрушающим социально-приемлемые паттерны поведения студента [17; 18; 20; 22]. В общем случае, когнитивной угрозой может выступать любой объект, свойство, обстоятельство, факт, процесс способные привести к ущербу сознанию студента. В образовательном процессе вуза когнитивной угрозой становится дезинформация, транслируемая через содержание образования: лживое описание фактов, неполнота описания факта, целенаправленное искажение их исторической последовательности, нарушение логики, ангажированное, избирательное акцентирование внимания на рядоположенных фактах, подмена понятий. Такие угрозы деформируют все элементы сознания, формирующие когнитивную сферу человека (см. табл.) [6; 11; 24].

Влияние когнитивных угроз на элементы сознания студента

Элементы сознания	Угрозы	Признаки повреждения	Следствия реализации угроз
Ощущение	Перенасыщение чувственное, излишняя мера воздействия на чувства или абсолютно индифферентное	Потребность в некорректном, новом сильном ощущении	Информационное перенасыщение когнитивной сферы. Указанное «повреждение» отражается в новых социальных и профессиональных системах ценностей, отвергающих традиционные, социально-приемлемые: в убеждениях, в поведении, в принятых решениях, в выборе социальных и профессиональных связей и отношений
Восприятие	Подмена понятий, дистанцирование знаний и ценностного восприятия.	Рассогласование личных и социальных ценностей, восприятия с эмоциональной оценкой содержания образования	Дискредитация целей и традиций учебно-педагогического взаимодействия, искажение смысла содержания образования, повреждение ценностно-понятийной системы, позиционирование социально приемлемые социокультурных ценностей как устаревших, мешающих развитию, враждебных
Мышление	Дезинформация, нарушение законов логики, осмеяние традиционного, проверенного временем, примитивизация целей и содержания	Примат эмоций над логикой в рассуждениях. Искажения в логике и здравом смысле, утрата навыков анализа, утрата навыков доказательства суждения, опровержения, исследования фактов при построении картины мира, деформация направленности мышления рассуждений	Угнетение познавательного интереса; снижение уровня критического мышления, искажение мировоззренческих и научных представлений, лживая интерпретации исторических, культурных, политических событий
Память	Конструирование новых воспоминаний, сокращение доказательной базы, сведение текста к посту, стереотипизация информации, избыточные автоматизмы	Непроизвольная, неструктурированная, избирательная память. Механическое, бесосновательное воспроизведение выводов	Ухудшение произвольной и долговременной памяти
Речь	Введение новых слов, опровергающих сложившуюся коннотацию уже имеющихся понятий. Замусоренность, засилье иностранных слов, нейтрализация коннотации сказанного. Примитивизация речи	Редуцирование речи, сокращение активного словаря, утрата образности, емкости, точности речи	Девальвация навыков устной речи
Внимание	Избыточно развлекательный характер только у «нужного» контента, безликость «ненужного» контента	Примат непроизвольного внимания над произвольным	Ухудшение произвольного внимания. Утрата навыка сосредоточения на главном, утрата навыка ведения продолжительного диалога, чтения длинных текстов без потери смысла содержания
Воображение	Позитивная оценка оригинальничания, осмеяние эстетики, этики, традиций	Тяготение к уродливому, безобразному, больному новому в ущерб гармоничному, красивому, здоровому традиционному	Снижение способности к самостоятельному созданию интеллектуального продукта
Комплексный показатель реализации когнитивной угрозы и когнитивных повреждений у студентов: мыследеятельностное истощение, мыследеятельная пассивность			

Поскольку когнитивной безопасности, понимаемой нами как состояние благополучия сознания студента (способное переходить на качественно иной уровень), присуща системная изменчивость, то целесообразно рассмотреть уровни его изменения на разных этапах развития системы: зарождение (этап уязвимости сознания студента), становления (этап сопротивления сознания студента), зрелости (этап преодоления студентом когнитивной угрозы) и дисгармонии (этап повреждения сознания студента когнитивной угрозой).

Развитость когнитивной безопасности студента автор предлагает оценивать с помощью объективных и субъективных показателей. Объективные показатели опосредованно описывают проявление развитости когнитивной

безопасности студента через сформированные у студента в образовательном процессе навыки адекватной оценки когнитивной угрозы и ущерба от нее в образовательном процессе вуза, связанные с развитием культуры безопасности студента и подробно представленные нами опубликованном ранее исследовании [5]. К субъективным показателям развитости когнитивной безопасности конкретного студента следует отнести развитые особенности его мыследеятельности: адекватность восприятия, самостоятельность суждения, критичность мышления, внимательность, развитость памяти, сочетанность мышления и воображения, культура речи и доказательность умозаключений, активность и инициативность в выявлении, оценке, поиске социально приемлемых способов преодоления когнитивной угрозы.

Процессуальная составляющая когнитивной безопасности, как мышледеятельности интегрирует в себя длинный и сложно организованный процесс следующих друг за другом или одновременно развертывающихся, сложностыкующихся этапов:

- накопления знаний у студентов об угрозах когнитивной безопасности в их образовательной, социальной и будущей профессиональной деятельности, понимания (декодирования сложной последовательности мыслительных, рефлексивных и метамыслительных преобразований) индивидуальной и коллективной ответственности за обеспечение когнитивной безопасности;
- безопасной учебно-педагогической коммуникации;
- накопления опыта безопасного поведения.

Выводы

Когнитивная безопасность студента, развитая в учебно-педагогическом взаимодействии, в ходе которого студент приобретает готовность к самостоятельному выявлению, оценке, устранению, преодолению когнитивной угрозы рассматривается в современном социально-профессиональном

контексте как ожидаемая компетенция выпускника вуза. Представленные характерные проявления когнитивных угроз в образовательном процессе университета, их взаимосвязь с деформацией элементов сознания студента нуждаются в непрерывном мониторинге педагога, а развитие у студентов университетов самостоятельности в выявлении, устранении, преодолении, профилактике когнитивных угроз в образовательном процессе, в социально-профессиональной практике является актуальной педагогической задачей.

Показано, что обновление содержания образования как следствие современных тенденций в высшей школе требует научно-педагогических (теоретико-методологических) усилий по снижению сопровождающих обновление когнитивных угроз, приводящих к разрушающим изменениям сознания студента.

Исследование служит основой для поиска, описания, разработки новых педагогических моделей развития когнитивной безопасности студента, конкретизации таких моделей в педагогических методиках, полезных специалистам по вопросам обеспечения когнитивной безопасности образования, педагогам, исследователям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балановский В., Подьяконов В. Новый подход к формированию концепции безопасности // Системы безопасности. 2022. № 4. С. 42—43.
2. Козлова Н. В., Щеглова М. С. Взаимосвязь уровня критического мышления и психологической безопасности студентов высшей школы // Сибирский психологический журнал. 2015. № 57. С. 34—49. DOI: 10.17223/17267080/57/3.
3. Поздняков В. М. О разработке современной модели обеспечения информационно-психологической безопасности // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 1. С. 44—58. DOI: 10.17759/epps.2024010105.
4. Сухов А. Н. Безопасность личности: теоретико-практический аспект // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2021. Т. 9. № 3. С. 229—237. DOI: 10.23888/humJ20213229-238.
5. Калегина Ю. В. Оценка когнитивной безопасности образовательного процесса // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2025. № 1(71). С. 24—29.
6. Замолющих Е. Г., Калегина Т. В., Лихачева Э. В., Огнев А. С. Пути повышения когнитивной безопасности современного образования // Мир образования — образование в мире. 2022. № 4. С. 74—80.
7. Кузнецов В. Н. Формирование культуры безопасности в трансформирующемся обществе: социологический аспект : дис. ... д-ра социол. наук. М., 2002. 388 с.
8. Глебова М. В. Когнитивные риски в эпоху постмодерна: системный анализ и стратегии компенсации в среднем общем образовании // Общество. 2026. № 1(40)-3. С. 80—85.
9. Саак А. А. Когнитивный анализ социальной безопасности молодежи // Системный анализ в проектировании и управлении : сб. науч. тр. XXIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Политех-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 518—526.
10. Шангин А. Б., Кудрин А. А., Карташова Н. В. Система патриотического воспитания российской молодежи в современных условиях и аспекты когнитивной безопасности // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 376—383. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1204.
11. Прологомены когнитивной безопасности : коллектив. моногр. / под ред. И. Ф. Кефели. СПб. : Петрополис, 2023. 488 с.
12. Храпов С. А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88—95. DOI: 10.31857/S004287440003623-0.
13. Березина Т. Н. Эмоциональная безопасность образовательной среды и когнитивные процессы // Современное образование. 2019. № 3. С. 29—43. DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191.
14. Маралов В. Г., Фортунатов А. А., Шонин М. Ю. Позиции взаимодействия студентов в контексте проблем обеспечения психологической безопасности личности // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 196—210. DOI: 10.17805/zpu.2018.3.18.
15. Меерсон А.-Л. С. Формирование информационно-психологической устойчивости к социокультурным угрозам у студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2023. 25 с.
16. Riva P., Manfrinati A., Sacchi S., Pisoni A., Romero Lauro L. J. Selective changes in moral judgment by noninvasive brain stimulation of the medial prefrontal cortex // Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience. 2019. Vol. 19. Iss. 4. Pp. 797—810. DOI: 10.3758/s13415-018-00664-1.
17. Калегина Ю. В. Исследование ценностных ориентиров развития культуры безопасности студентов // Безопасность жизнедеятельности. 2022. № 4(256). С. 46—56.
18. Калегина Ю. В. Особенности развития культуры безопасности сотрудников организации // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2023. № 1(63). С. 53—69.

19. Гафнер В. В. Культура безопасности : аналит. обзор диссертационных исследований (пед. исслед., 2002—2012 гг.). Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2013. 200 с.
20. Новокшанов О. Н. Когнитивная безопасность и информационно-аналитическое противодействие // Право и государство: теория и практика. 2015. № 9. С. 132—137.
21. Чумичева Р. М., Куликовская И. Э., Поддубная Т. Н. Культура безопасности деятельности как педагогическая проблема // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Т. 15. № 3. С. 99—107. DOI: 10.47370/2078-1024-2023-15-3-99-107.
22. Миронова Н. Г. О проблеме обеспечения когнитивной безопасности // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2021. № 1(157). С. 119—125. DOI: 10.34773/EU.2021.1.24.
23. Баева Л. В., Глазков А. П. Практическая философия: от классики — до информационного социума. Всероссийская научная конференция // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2019. Т. 23. № 1. С. 94—100. DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-1-94-100.
24. Караяни А. Г., Караяни Ю. М. Информационно-психологическое воздействие в контексте парадигмы стратегических коммуникаций // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 3—14.
25. Котлярова И. О., Сериков Г. Н. Системно-синергетическая концепция гуманно ориентированного научно-образовательного процесса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2009. № 4(137). С. 9—13.
26. Harrison L., Huntington S. Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York : Basic Books, 2000. 348 p.
27. Калашникова Е. М. Философия риска как насущная проблема междисциплинарного познания // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 1. С. 11—18.
28. Лешкевич Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53—63. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-53-63.
29. Краснянская Т. М., Тылец В. Г. Построение концепции личной безопасности в психологическом пространстве вызовов современности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 4. С. 4—9.
30. Саидзода М. С. Сущность инновационных процессов в сфере образования // Ученые записки. 2019. № 3(60). С. 151—155.
31. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. 323 с.
32. Орлова Д. Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 28—36.
33. Щедровицкий Г. П. Педагогика и логика. М. : Касталь, 1993. 416 с.

REFERENCES

1. Balanovsky V., Podyakonov V. A new approach to the security concept formation. *Sistemy bezopasnosti = Security and safety*. 2022;4:42—43. (In Russ.)
2. Kozlova N. V., Shcheglova M. S. The intercorrelation of critical thinking and psychological safety of higher education students. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*. 2015;57:34—49. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/57/3.
3. Pozdnyakov V. M. On the Development of a Modern Model for Ensuring Information and Psychological Security. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*. 2024;1(1):44—58. (In Russ.) DOI: 10.17759/epps.2024010105.
4. Sukhov A. N. Personal security: theoretical-practical aspect. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye = Personality in a changing world: health, adaptation, development*. 2021;9(3):229—238. (In Russ.) DOI: 10.23888/humJ20213229-238.
5. Kalgina Yu. V. Cognitive safety assessment of university educational process. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2025;1(71):24—29. (In Russ.)
6. Zamolotskikh E. G., Kalgina T. V., Likhacheva E. V., Ognev A. S. Ways to Improve the Cognitive Security of Modern Education. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire = World of Education — Education around the World*. 2022;4:74—80. (In Russ.)
7. Kuznetsov V. N. Formation of a safety culture in a transforming society: sociological aspect. Diss. of the Doct. of Sociology. Moscow, 2002. 388 p. (In Russ.)
8. Glebova M. V. Cognitive risks in the postmodern era: system analysis and compensation strategies in secondary general education. *Obshchestvo = Society*. 2026;1(40):3:80—85. (In Russ.)
9. Saak A. A. Cognitive analysis of youth social safety. *Sistemnyi analiz v proektirovanii i upravlenii = Systems analysis in design and management. Collection of scientific works of the XXIII International scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Politekh-Press, 2019;3:518—526. (In Russ.)
10. Shangin A. B., Kudrin A. A., Kartashova N. V. The system of patriotic education of Russian youth in modern conditions and aspects of cognitive safety. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):376—383. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1204.
11. Prolegomains of cognitive safety. I. F. Kefeli (ed.). Saint Petersburg, Petropolis, 2023. 488 p. (In Russ.)
12. Khrapov S. Crisis of Consciousness: 'Cognitive Response' Technological Civilization. *Voprosy filosofii*. 2019;1:88—95. (In Russ.) DOI: 10.31857/S004287440003623-0.

13. Berezina T. N. Emotional security of educational environment and cognitive processes. *Sovremennoe obrazovanie*. 2019;3:29—43. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8736.2019.3.29191.
14. Maralov V. G., Fortunatov A. A., Shonin M. Yu. Students' Interaction Positions in the Context of Ensuring Individual Psychological Security. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*. 2018;3:196—210. (In Russ.) DOI: 10.17805/zpu.2018.3.18.
15. Meerson A.-L. S. Formation of information and psychological resistance to sociocultural threats among students. Abstract of diss. of the Cand. of Psychology. Saint Petersburg, 2023. 25 p. (In Russ.)
16. Riva P., Manfrinati A., Sacchi S., Pisoni A., Romero Lauro L. J. Selective changes in moral judgment by noninvasive brain stimulation of the medial prefrontal cortex. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2019;19(4):797—810. DOI: 10.3758/s13415-018-00664-1.
17. Kalegina Yu. V. Research for value guidelines for the development of student safety culture. *Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti = Life safety*. 2022;4(256):46—56. (In Russ.)
18. Kalegina Yu. V. Features of safety culture development among corporate employees. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2023;1(63):53—69. (In Russ.)
19. Gafner V. V. Safety culture. An analytical review of dissertation research (pedagogical research, 2002-2012). Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University publ., 2013. 200 p. (In Russ.)
20. Novokshanov O. N. Cognitive security and information-analytical resistance. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2015;9:132—137. (In Russ.)
21. Chumicheva R. M., Kulikovskaya I. E., Poddubnaya T. N. Life safety culture as a pedagogical problem. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2023;15(3):99—107. (In Russ.) DOI: 10.47370/2078-1024-2023-15-3-99-107.
22. Mironova N. G. On the Problem of Ensuring Cognitive Security. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and management: research and practice journal*. 2021;1(157):119—125. (In Russ.) DOI: 10.34773/EU.2021.1.24.
23. Baeva L. V., Glazkov A. P. Practical Philosophy: From the Classics to the Information Society. All-Russian Scientific Conference. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Filosofiya = RUDN Journal of Philosophy*. 2019;23(1):94—100. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2302-2019-23-1-94-100.
24. Karayani A. G., Karayani Yu. M. Information and psychological impact in the context of strategic communications paradigm. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National psychological journal*. 2021;1(41):3—14. (In Russ.)
25. Kotlyarova I. O., Serikov G. N. Systematic and synergetic conception of human education. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogy*. 2009;4(137):9—13. (In Russ.)
26. Harrison L., Huntington S. Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York, Basic Books, 2000. 348 p.
27. Kalashnikova E. M. Philosophy of risk as the persistent problem of cross-disciplinary research. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 3. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2015;1:11—18. (In Russ.)
28. Leshkevich T. G. The Virtual Person and Transmitting Cultural Values to the Digital Generation. *Voprosy filosofii*. 2022;3:53—63. (In Russ.) DOI: 10.21146/0042-8744-2022-3-53-63.
29. Krasnyanskaya T. M., Tylets V. G. Building the concept of personal security in the psychological space of modern challenges. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2022;4:4—9. (In Russ.)
30. Saidzoda M.S. The essence of innovative processes in the sphere of education. *Uchenye zapiski = Scientific notes*. 2019;3(60):151—155. (In Russ.)
31. Vygotsky L. S. Thinking and speech. Moscow, Leningrad, Publishing House of Socio-Economic Literature, 1934. 323 p. (In Russ.)
32. Orlova D. G. Psychological and subjective well-being: definition, structure, researches (review of current publications). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki*. 2015;1:28—36. (In Russ.)
33. Shchedrovitsky G. P. Pedagogy and logic. Moscow, Kastal', 1993. 416 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 26.02.2026; approved after reviewing 02.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1604

УДК 796.344

Georgiy Andreevich Karpov

Postgraduate of the Department of Theory and Methods of Tennis,
Table Tennis, and Badminton,
specialty 5.8.5 — Theory and methodology of sports,
Russian University of Sport «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
georgijkarpov@gmail.com

Aleksey Ivanovich Laptev

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methods of Tennis, Table Tennis, and Badminton,
Russian University of Sport «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
laptaleksej@yandex.ru

Egor Vitalievich Peresetskiy

student of the Department of Theory and Methods of Tennis,
Table Tennis, and Badminton,
field of training 49.03.04 — Sports,
Russian University of Sport «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
egor.peresetskiy@gmail.com

Георгий Андреевич Карпов

аспирант кафедры теории и методики тенниса,
настольного тенниса и бадминтона,
специальность 5.8.5 — Теория и методика спорта,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
georgijkarpov@gmail.com

Алексей Иванович Лаптев

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры теории и методики тенниса,
настольного тенниса и бадминтона,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
laptaleksej@yandex.ru

Егор Витальевич Пересецкий

студент кафедры теории и методики тенниса,
настольного тенниса и бадминтона,
направление подготовки 49.03.04 — Спорт,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
egor.peresetskiy@gmail.com

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И ТЕХНИКО-ТАКТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ БАДМИНТОНИСТОВ ОДИНОЧНОГО РАЗРЯДА

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между морфологическими показателями и особенностями технико-тактических действий квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда. Актуальность работы обусловлена необходимостью индивидуализации подготовки в индивидуально-игровых видах спорта с учетом соматотипа спортсменов, а также недостаточной разработанностью количественных критериев для дифференцированного построения тренировочного процесса. Научная новизна заключается в количественной оценке корреляционных связей между антропометрическими параметрами (длина тела, масса, обхват груди, длина конечностей) и конкретными технико-тактическими элементами (смэши, подставки, атакующие и защитные действия, перемещения) в соревновательной деятельности бадминтонистов. Впервые для одиночного разряда предложены обобщенные модели игры для эктоморфного и мезоморфного соматотипов. Цель исследования — выявить и количественно оценить взаимосвязь между морфологическими показателями и технико-тактическими действиями квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда. Обследовано 17 спортсменов квалификации от кандидата в мастера спорта до мастера спорта международного класса (возраст 19—28 лет, стаж не менее 8 лет). Методом

корреляционного анализа Пирсона установлены значимые связи продольных размеров тела с долей атакующих действий ($r = 0,55—0,76$; $p < 0,01$). Выявлена специфика технико-тактического арсенала бадминтонистов эктоморфного ($n = 6$) и мезоморфного ($n = 11$) соматотипов. Эктоморфы демонстрируют атакующий стиль с высоким числом прыжковых ударов, мезоморфы — универсальный, с большей активностью перемещений. Разработаны обобщенные модели соревновательной деятельности для спортсменов различных типов телосложения. Теоретическая значимость: результаты дополняют научные представления о влиянии морфологии на тактику игры в бадминтон, подтверждая биомеханическую обусловленность игрового стиля. Практическая значимость: разработанные модели и количественные корреляции могут использоваться тренерами для индивидуализации тренировочного процесса, отбора перспективных спортсменов и коррекции тактической подготовки.

Ключевые слова: бадминтон, одиночный разряд, соматотип, технико-тактические действия, морфологические показатели, корреляционный анализ, индивидуализация подготовки, эктоморфный тип, мезоморфный тип, соревновательная деятельность, антропометрия, модельные характеристики

Для цитирования: Карпов Г. А., Лаптев А. И., Пересецкий Е. В. Взаимосвязь морфологических показателей и технико-тактических действий квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 439—445. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1604.

Original article

INTERRELATION BETWEEN MORPHOLOGICAL INDICATORS
AND TECHNICAL-TACTICAL ACTIONS OF QUALIFIED SINGLES BADMINTON PLAYERS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The article presents the results of a study on the interrelation between morphological indicators and the specifics of technical-tactical actions of qualified singles badminton players. The relevance of the work is due to the need for individualization of training in individual-game sports, taking into account the athlete's somatotype, as well as the insufficient development of quantitative criteria for differentiated construction of the training process. Scientific novelty lies in the quantitative assessment of interrelation between anthropometric parameters (body length, weight, chest circumference, limb length) and specific technical-tactical elements (smash, net shots, attacking and defensive actions, and movements) in the competitive activity of badminton players. For the first time, generalized game models for ectomorphic and mesomorphic somatotypes in singles are proposed. The purpose of the study is to identify and quantify the interrelation between morphological indicators and technical-tactical actions of qualified singles badminton players. 17 athletes with qualifications ranging from Candidate Master of Sport to International Master of Sport (age 19–28 years, experience at least 8 years)

were examined. Pearson correlation analysis revealed significant interrelation between longitudinal body dimensions and the proportion of attacking actions ($r = 0.55–0.76$; $p < 0.01$). The specifics of the technical-tactical arsenal of badminton players of ectomorphic ($n = 6$) and mesomorphic ($n = 11$) somatotypes were identified. Ectomorphs demonstrate an attacking style with a high number of jump smashes, while mesomorphs show a universal style with greater movement activity. Generalized models of competitive activity for athletes of different body types were developed. Theoretical significance: the results supplement scientific understanding of the influence of morphology on game tactics in badminton, confirming the biomechanical conditioning of playing style. Practical significance: the developed models and quantitative correlations can be used by coaches for individualization of training, selection of promising athletes, and correction of tactical training.

Keywords: badminton, singles, somatotype, technical-tactical actions, morphological indicators, correlation analysis, individualization of training, ectomorphic type, mesomorphic type, competitive activity, anthropometry, model characteristics

For citation: Karpov G. A., Laptev A. I., Peresetskiy E. V. Interrelation between morphological indicators and technical-tactical actions of qualified singles badminton players. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75): 439—445. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1604.

Введение

Актуальность. Современный бадминтон представляет собой один из наиболее динамично развивающихся и технически сложных видов спорта, включенный в программу Олимпийских игр с 1992 г. По данным М. Фомсуфа и Ж. Лаффайе [1], число его приверженцев в мире превышает 200 млн чел., что делает бадминтон одним из самых массовых ракеточных видов спорта. Соревновательная деятельность бадминтонистов характеризуется высочайшей интенсивностью: средняя частота сердечных сокращений во время матча превышает 90 % от максимальной [2], а эффективное игровое время в мужском одиночном разряде составляет порядка 32 % от общей продолжительности встречи [3; 4]. При этом за одну встречу спортсмен выполняет до 500—700 разнообразных ударов, совершает около 300—400 перемещений по площадке, а концентрация и скорость принятия решений находятся на пределе психофизиологических возможностей. Всё это предъявляет исключительные требования не только к физической и функциональной подготовленности, но и к морфологическим характеристикам игроков.

Изученность проблемы. В последние годы в спортивной науке всё отчетливее обозначилась тенденция к индивидуализации системы подготовки, учитывающей не только уровень физических кондиций, но и морфологические особенности спортсменов [5]. Зарубежные ученые, такие как М. Фомсуфа и Ж. Лаффайе [1], в своем фундаментальном обзоре подчеркивают ключевую роль длины конечностей в биомеханике ударных движений в бадминтоне, однако не приводят количественных корреляций этих параметров с соревновательной деятельностью. Л. Петринович с соавторами [6] выявили некоторые морфологические асимметрии у юных элитных бадминтонистов

Европы, указывая на адаптационные изменения в процессе тренировок. М. С. Кумар и Т. В. Винсент [7] изучили физические характеристики и соматотипы тренированных бадминтонистов, подтвердив преобладание эктоморфного компонента. А. Саха, М. К. Гош и С. Бисвас [8] представили профили соматотипов индийских игроков, отметив их сходство с мировыми элитными спортсменами. Работа Д. Кабельо Манрике и Х. Х. Гонсалеса-Бадильо [9] посвящена анализу характеристик соревновательной деятельности, но без привязки к морфологии.

Среди отечественных исследований следует выделить работы Г. В. Барчуковой [10], в которых анализируются общие проблемы и тенденции развития индивидуально-игровых видов спорта, обосновывается необходимость учета морфофункциональных особенностей. Т. В. Прокопчук [4] подчеркивает важность индивидуализации технико-тактической подготовки, но не предлагает количественных критериев. А. В. Турманидзе [11] разработал модельные характеристики морфологического статуса высококвалифицированных бадминтонистов, фиксируя средние антропометрические параметры. Н. Н. Захарьева с соавторами [12] представили комплексные морфофункциональные характеристики бадминтонистов высокой квалификации, подтверждая, что эти показатели являются значимыми предикторами успешности. Т. А. Малышева с соавторами [5] детально рассмотрели критерии отбора в ракеточных видах спорта. В. А. Любиева [13] предложила ценную кодовую систему для записи технико-тактических действий, что создало методологическую базу для подобных исследований.

Таким образом, большинство работ носит констатирующий характер, фиксируя средние параметры и описывая типичные профили, но без установления статистически

обоснованных зависимостей с конкретными параметрами технико-тактической деятельности. Это подтверждает наличие научного пробела в понимании количественной меры влияния морфологии на игровое поведение.

Целесообразность разработки темы. Во всех спортивных школах и центрах подготовки по бадминтону существует проблема недостаточной индивидуализации тренировочного процесса. Тренеры традиционно ориентируются на усредненные модельные характеристики сильнейших спортсменов, не учитывая в должной мере морфологические особенности каждого игрока. Особенно остро этот вопрос стоит в одиночном разряде, где эффективность соревновательной деятельности напрямую зависит от соответствия технико-тактического стиля антропометрическим данным спортсмена.

Разработка данной темы целесообразна, поскольку она направлена на создание научно обоснованного инструментария для дифференцированной подготовки бадминтонистов одиночного разряда с учетом их соматотипа. Предлагаемые обобщенные модели игры и количественные корреляции позволят тренерам объективно обосновывать тактические установки, корректировать объем и содержание тренировочных нагрузок, а также повысить эффективность отбора перспективных спортсменов на этапах многолетней подготовки.

Цель исследования — выявить и количественно оценить взаимосвязь между морфологическими показателями квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда и особенностями их технико-тактических действий в условиях соревновательной деятельности.

Задачи исследования:

1. Провести соматотипирование обследуемых спортсменов.
2. Выполнить нотационный анализ соревновательных матчей с регистрацией основных технико-тактических показателей.
3. Установить корреляционные связи между морфологическими и технико-тактическими показателями.
4. Разработать обобщенные модели игры для эктоморфного и мезоморфного типов.

Научная новизна настоящего исследования заключается в следующем:

- 1) впервые получены количественные коэффициенты корреляции между конкретными антропометрическими параметрами (длина тела, масса, обхват груди, длина рук, длина ног) и ключевыми технико-тактическими показателями (количество смэшей, подставок, доля атакующих и защитных действий, число перемещений) у квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда;
- 2) выявлены и статистически обоснованы различия в структуре соревновательной деятельности между эктоморфным и мезоморфным соматотипами;
- 3) разработаны обобщенные технико-тактические модели для каждого соматотипа, пригодные для практического использования.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении и углублении научных представлений о детерминации игрового стиля морфологическим статусом, а также в подтверждении биомеханической обоснованности различий в технико-тактическом арсенале.

Практическая значимость заключается в возможности использования разработанных модельных характеристик и количественных корреляций тренерами и специ-

алистами для индивидуализации тренировочного процесса, отбора перспективных спортсменов, а также для коррекции тактической подготовки на основе объективных антропометрических данных.

Основная часть

Методология исследования. Исследование проводилось в период с апреля 2024 по март 2026 г. на базе Российского университета спорта «ГЦОЛИФК». В нем приняли участие 17 квалифицированных бадминтонистов, специализирующихся в одиночном разряде, в возрасте от 19 до 28 лет (средний возраст $23,4 \pm 2,7$ года). Все участники имели спортивные звания от кандидата в мастера спорта до мастера спорта международного класса и стаж занятий бадминтоном не менее 8 лет (средний стаж $11,2 \pm 2,1$ года). Отбор осуществлялся из числа спортсменов, выступавших на чемпионатах России 2024—2025 гг., что обеспечило репрезентативность выборки относительно высококвалифицированного контингента. Все испытуемые дали информированное согласие на участие в исследовании, которое проводилось в соответствии с этическими нормами Хельсинкской декларации.

Определение соматотипа проводилось на основе комплекса антропометрических измерений, выполненных в первой половине дня, в стандартных условиях. Измерялись следующие параметры: длина тела (см), масса тела (кг), обхватные размеры грудной клетки (на вдохе, выдохе и в паузе), обхват плеча (напряженного и расслабленного), обхват бедра, акромиальный и тазобедренный диаметры, толщина кожно-жировых складок в четырех точках (на трицепсе, под лопаткой, на животе, на бедре). Измерения выполнялись стандартным антропометрическим инструментарием: ростомером (точность 0,5 см), медицинскими весами (точность 0,1 кг), большим толстотным циркулем (точность 0,1 см), сантиметровой лентой (точность 0,5 см), калипером (точность 0,1 мм) по общепринятой методике В. В. Бунака [14]. Для каждого спортсмена вычислялись индексы: индекс массы тела, соотношение длины конечностей к длине тела. Соматотипирование проводилось по схеме Хит—Картера, позволяющей количественно оценить выраженность эндо-, мезо- и эктоморфного компонентов, использовались стандартизированные методические подходы, изложенные в научных работах по бадминтону [15].

Анализ технико-тактических действий осуществлялся методом нотационного анализа видеозаписей соревновательных игр. Для каждого спортсмена были проанализированы от 3 до 5 матчей (всего 68 матчей) на официальных соревнованиях всероссийского уровня. Видеозапись велась с фиксированной точки на уровне верхней трибуны, обеспечивающей обзор всей площадки. Фиксировались следующие показатели: общее количество ударов за матч; количество смэшей (завершающих атакующих ударов сверху); количество добиваний; количество откидок с задней линии; количество подставок у сетки; количество прыжковых ударов; количество ударов с задней линии; количество выходов к сетке; доля атакующих, защитных и контратакующих действий (в процентах от общего числа ударов); эффективность завершающих ударов (отношение выигранных очков к общему числу попыток); количество перемещений по площадке. В качестве формализованного инструмента записи использовалась трехкомпонентная формула В. А. Любимовой [13]: «ЧТО (удар) + ГДЕ (зона корта) + КАК (результативность)». Нотационный анализ проводился двумя независимыми экспертами; расхождения в оценках не превышали 3%, что свидетельствует о высокой надежности метода.

Статистическая обработка данных включала расчет средних величин (M), среднего квадратического отклонения (σ), ошибки средней (m). Для оценки взаимосвязи между морфологическими и технико-тактическими показателями применялся коэффициент корреляции Пирсона (r). Достоверность различий между группами спортсменов разных соматотипов определялась по t -критерию Стьюдента для независимых выборок. Уровень значимости принимался $p < 0,05$, высокий уровень значимости — $p < 0,01$. Перед применением параметрических критериев проверялась нормальность распределения с помощью критерия Шапиро—Уилка. Расчеты выполнялись в программах *Microsoft Excel* (пакет анализа данных) и *Statistica 10.0*.

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты соматотипирования показали неравномерное распределение обследованных спортсменов по типам телосложения. Из 17 чел. — одиннадцать (64,7 %) были отнесены к мезоморфному типу (преобладание мышечного компонента, средние продольные размеры), шестеро (35,3 %) — к эктоморфному типу (преобладание продольных размеров, узкое телосложение, низкое содержание жировой ткани). Представителей эндоморфного соматотипа в выборке не обнаружено, что, впрочем, согласуется с данными ряда авторов о естественном отборе в бадминтоне в пользу спортсменов с преобладанием продольных размеров тела и невысоким содержанием жировой ткани [4; 9]. Средние значения длины тела у эктоморфов составили $184,3 \pm 4,1$ см, у мезоморфов — $178,6 \pm 3,5$ см (различия достоверны при $p < 0,05$). Длина рук у эктоморфов была значимо больше ($81,2 \pm 2,8$ см против $76,5 \pm 2,4$ см; $p < 0,01$). Масса тела достоверно не различалась ($74,5 \pm 5,2$ кг у эктоморфов и $76,8 \pm 4,9$ кг у мезоморфов), однако мезоморфы имели большие обхватные размеры грудной клетки ($96,4 \pm 4,1$ см против $90,2 \pm 3,6$ см; $p < 0,05$).

Анализ соревновательной деятельности позволил зафиксировать выраженные различия в структуре технико-тактических действий бадминтонистов двух соматотипов. Количественные показатели представлены в табл. 1.

Таблица 1

Количественные показатели соревновательной деятельности бадминтонистов различных соматотипов ($M \pm m$)

Показатель	Эктоморфы ($n = 6$)	Мезоморфы ($n = 11$)	Δ	p
Общее кол-во ударов за матч	$328,4 \pm 12,6$	$336,7 \pm 11,2$	-8,3	$>0,05$
Прыжковые удары	$71,5 \pm 6,2$	$49,1 \pm 4,8$	+22,4	$<0,01$
Удары с задней линии	$183,2 \pm 9,4$	$156,8 \pm 8,7$	+26,4	$<0,05$
Выходы к сетке	$56,1 \pm 5,3$	$79,6 \pm 5,8$	-23,5	$<0,01$
Кол-во перемещений по площадке	$287,3 \pm 10,5$	$319,6 \pm 11,1$	-32,3	$<0,05$

Как видно из табл. 1, эктоморфы значительно превосходят мезоморфов по числу прыжковых ударов ($71,5$ против $49,1$; $p < 0,01$) и активности в задней зоне корта ($183,2$ против $156,8$; $p < 0,05$). Это закономерно объясняется биомеханическими преимуществами: большая длина конечностей позволяет выполнять удары с более высокой точки траектории, что увеличивает угол атаки и снижает время полета волана. Мезоморфы, в свою очередь, демонстриру-

ют существенно большую активность перемещений ($319,6$ против $287,3$; $p < 0,05$) и чаще выходят к сетке ($79,6$ против $56,1$; $p < 0,01$), компенсируя меньший радиус действий за счет скоростных качеств, взрывной силы и маневренности. Общее количество ударов за матч достоверно не различалось ($328,4$ против $336,7$; $p > 0,05$), что говорит о примерно равной общей двигательной плотности игры, но о разном ее содержательном наполнении.

Соотношение типов технико-тактических действий также заметно различалось. У эктоморфов доля атакующих действий составила $65,2 \pm 3,4\%$, защитных — $10,1 \pm 2,1\%$, контратакующих — $24,7 \pm 2,8\%$. У мезоморфов распределение оказалось более равномерным: $40,3 \pm 3,1\%$, $25,4 \pm 2,9\%$ и $34,3 \pm 3,0\%$ соответственно. Различия между группами по доле атакующих и защитных действий высоко достоверны ($p < 0,001$). Подобная картина свидетельствует о принципиально разных тактических моделях: эктоморфы тяготеют к агрессивному темповому стилю с постоянным давлением на соперника, стремясь завершить розыгрыш смэшем или полусмэшем. Мезоморфы реализуют универсальную, более сбалансированную стратегию ведения поединка, часто используя подставки, откидки и контратаки с сетки.

Эффективность завершающих ударов (отношение выигранных очков к общему числу попыток) составила у эктоморфов $38,7 \pm 4,2\%$, у мезоморфов — $42,5 \pm 3,9\%$ (различия недостоверны, $p > 0,05$). Это указывает на то, что, несмотря на разный объем атакующих действий, итоговая результативность примерно сопоставима, что подтверждает наличие компенсаторных механизмов в игре каждого типа.

Центральным этапом исследования стал корреляционный анализ, результаты которого представлены в табл. 2. Вычислялись коэффициенты корреляции Пирсона между пятью ключевыми морфологическими показателями (длина тела, масса тела, обхват груди, длина рук, длина ног) и шестью технико-тактическими показателями (количество смэшей, количество подставок, доля атакующих действий, доля защитных действий, эффективность завершающих ударов, количество перемещений).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между морфологическими и технико-тактическими показателями бадминтонистов ($n = 17$)

Показатели	Длина тела	Масса тела	Обхват груди	Длина рук	Длина ног
Кол-во смэшей	0,62**	0,44*	0,58**	0,67**	0,55**
Кол-во подставок	-0,53*	-0,24	-0,41	-0,59**	-0,46*
Доля атакующих действий	0,71**	0,52*	0,63**	0,76**	0,68**
Доля защитных действий	-0,58**	-0,37	-0,49*	-0,63**	-0,51*
Эффективность заверш. ударов	0,39	0,14	0,28	0,45*	0,31
Кол-во перемещений	-0,67**	-0,48*	-0,61**	-0,59**	-0,72**

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$ *

Полученные данные обнаруживают ряд устойчивых и теоретически ожидаемых зависимостей. Наиболее сильные положительные корреляции зафиксированы между длиной рук и долей атакующих действий ($r = 0,76$; $p < 0,01$), а также между длиной тела и долей атакующих действий ($r = 0,71$; $p < 0,01$). Это означает, что увеличение длины тела и особенно длины верхних конечностей на 1 см (в относительном выражении) ассоциировано с ростом доли атакующих действий примерно на 0,7—0,8 %. Количество смэшей также сильно коррелирует с длиной рук ($r = 0,67$; $p < 0,01$) и длиной тела ($r = 0,62$; $p < 0,01$). Этот результат имеет очевидное биомеханическое объяснение: большая длина верхних конечностей увеличивает радиус замаха и высоту точки контакта с воланом, что создает более острый угол атаки при выполнении смэша и позволяет чаще использовать этот технический прием. Ранее М. Фомсуфа и Ж. Лаффайе [1] указывали на ведущую роль длины конечностей в биомеханике ударных движений, однако конкретных корреляционных данных применительно к соревновательной деятельности в их работе представлено не было. Обращает на себя внимание и обратная зависимость продольных размеров тела с количеством перемещений по площадке. Наиболее сильная отрицательная корреляция обнаружена между длиной ног и числом перемещений ($r = -0,72$; $p < 0,01$), а также между длиной тела и числом перемещений ($r = -0,67$; $p < 0,01$). На первый взгляд это может показаться парадоксальным: длинные ноги, казалось бы, должны обеспечивать большую подвижность. Однако в контексте бадминтона результат логичен. Спортсмены с более длинными конечностями контролируют больший объем пространства без необходимости дополнительных перемещений; каждый шаг покрывает большую дистанцию, а выпады позволяют доставать воланы, до которых игрокам меньшего роста приходится добираться серией

коротких движений. Кроме того, высокорослые игроки чаще играют с задней линии, сокращая потребность в перемещениях вперед-назад.

Отрицательная связь длины рук с количеством подставок ($r = -0,59$; $p < 0,01$) и доли защитных действий в целом ($r = -0,63$; $p < 0,01$) дополняет картину. Высокорослые эктоморфы реже оказываются в ситуации пассивной обороны; их антропометрические данные позволяют перехватывать инициативу на ранних фазах розыгрыша, не допуская развития атаки со стороны соперника. Вместо подставок у сетки они чаще используют активные приемы — плоские откидки, полусмэши.

Масса тела и обхват груди показали умеренные, но значимые корреляции с силовым компонентом игры ($r = 0,44$ — $0,58$ для количества смэшей) и отрицательные — с количеством перемещений ($r = -0,48$ и $-0,61$ соответственно). Таким образом, более массивные спортсмены (в пределах мезоморфного типа) делают ставку на мощностные одиночные удары, компенсируя меньшую маневренность. Однако важно отметить, что избыточная масса тела (выходящая за пределы мезоморфного диапазона) в бадминтоне встречается редко, и корреляции, вероятно, отражают связь мышечной массы, а не жирового компонента.

Эффективность завершающих ударов обнаружила лишь одну значимую корреляцию — с длиной рук ($r = 0,45$; $p < 0,05$), причем эта связь оказалась умеренной. Это говорит о том, что антропометрические преимущества способствуют более частому выполнению завершающих ударов, но не гарантируют их высокой эффективности; последняя в большей степени определяется координационными способностями, техникой и тактической подготовленностью.

На основании совокупности полученных данных были составлены обобщенные технико-тактические модели для бадминтонистов каждого из двух выявленных соматотипов (табл. 3).

Таблица 3

Обобщенные технико-тактические модели бадминтонистов различных соматотипов

Соматотип	Основные технические приемы	Особенности игрового стиля	Ключевые факторы результативности
Эктоморфный	Смэш, полусмэш, плоская откидка, активный прием подачи, прыжковые удары с задней линии	Атакующий, темповый, с постоянным давлением на соперника, игра преимущественно с задней зоны, редкие выходы к сетке	Скорость и резкость ударов, стабильность завершающих действий, использование антропометрических преимуществ для перехвата инициативы
Мезоморфный	Подставка, высокий прием, контратака на сетке, блок, откидка, короткая подача	Универсальный, маневренный, с вариативной тактикой, частые выходы к сетке, активное перемещение по площадке	Сила и точность ударов, скорость реакции, выносливость, способность к быстрым переключениям между атакой и защитой

Модели включают основные технические приемы, особенности игрового стиля и ключевые факторы результативности. Представленные модели, разумеется, носят обобщенный характер и не исчерпывают всего многообразия индивидуальных вариантов. Тем не менее они могут служить ориентиром при планировании технико-тактической подготовки: для эктоморфов целесообразно акцентировать работу над стартовой скоростью, серийными атаками с различных позиций и повышением стабильности смэша; для мезоморфов — расширять вариативность действий, совершенствовать переключения между атакой и контратакой, а также развивать взрывную силу для компенсации меньшего радиуса действий.

Следует оговорить ограничения исследования. Выборка из 17 спортсменов, при всей ее однородности по уровню квалификации, не позволяет претентовать на широкие популяционные обобщения. Отсутствие в выборке представителей эндоморфного типа — факт ожидаемый, но всё же сужающий возможности экстраполяции. Кроме того, корреляционные связи, даже статистически значимые, не устанавливают причинно-следственных отношений; они лишь указывают на наличие сопряженной изменчивости. Тем не менее полученные коэффициенты (до $r = 0,76$) достаточно высоки, чтобы говорить о реальном, а не случайном характере выявленных зависимостей.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить статистически значимые взаимосвязи между морфологическими показателями квалифицированных бадминтонистов одиночного разряда и особенностями их технико-тактических действий. Основные выводы:

Продольные размеры тела, прежде всего длина рук и общая длина тела, являются значимыми предикторами атакующего стиля игры. Они положительно связаны с количеством смэшей ($r = 0,62—0,67$; $p < 0,01$), долей атакующих действий ($r = 0,71—0,76$; $p < 0,01$) и отрицательно — с количеством защитных действий (r от $-0,58$ до $-0,63$) и перемещений по площадке (r от $-0,59$ до $-0,72$).

Выявлены два устойчивых технико-тактических профиля, соответствующих разным соматотипам. Бадминтонисты эктоморфного типа (35,3 % выборки) реализуют преимущественно атакующую модель (65 % атакующих действий), опираясь на антропометрические преимущества при выполнении прыжковых ударов и действий в задней зоне. Мезоморфы (64,7 % выборки) демонстрируют универсальный стиль (40 % атакующих, 35 % контратакующих действий), компенсируя меньший радиус действий высокой маневренностью и активностью перемещений.

Масса тела и обхват груди умеренно коррелируют с силовыми компонентами игры (количество смэшей, $r = 0,44—0,58$) и отрицательно — с количеством перемещений, что указывает на роль мышечной массы в обеспечении мощности ударов ценой некоторого снижения маневренности.

Эффективность завершающих ударов имеет лишь умеренную положительную связь с длиной рук ($r = 0,45$) и не зависит от большинства других антропометрических параметров, что подчеркивает приоритет технического мастерства и тактической грамотности над чисто морфологическими преимуществами.

Полученные данные обосновывают целесообразность дифференцированного подхода к технико-тактической подготовке бадминтонистов с учетом их соматотипа.

Разработанные модельные характеристики и количественные корреляции могут использоваться тренерами в качестве ориентиров при формировании индивидуальных тренировочных программ, при отборе перспективных спортсменов, а также при коррекции тактической подготовки на разных этапах многолетней тренировки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Phomsoupha M., Laffaye G. The science of badminton: game characteristics, anthropometry, physiology, visual fitness and biomechanics // *Sports Medicine*. 2015. Vol. 45. No. 4. Pp. 473—495. DOI: 10.1007/s40279-014-0287-2.
2. Лаптев А. И., Барчукова Г. В. Оценка сердечно-сосудистой системы при отработке технико-тактического мастерства в индивидуально-игровых видах спорта (на примере бадминтона и настольного тенниса) // *Актуальные проблемы и перспективы развития индивидуально-игровых видов спорта : материалы Всерос. науч. интернет-конф. М. : РГУФКСМиТ, 2017. С. 103—107.*
3. Зотова Ф. Р., Газнанова В. М. Физическая подготовка бадминтонистов: аналитический обзор отечественной и зарубежной литературы // *Наука и спорт: современные тенденции*. 2023. Т. 11. № 2. С. 85—95. DOI: 10.36028/2308-8826-2023-11-2-85-95.
4. Прокопчук Т. В. Индивидуализация процесса технико-тактической подготовки квалифицированных бадминтонистов // *Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с междунар. участием : в 3 т. Казань : Поволж. ГАФКСиТ, 2019. Т. 2. С. 789—791.*
5. Факторы отбора на начальном этапе спортивной подготовки в бадминтоне / Т. А. Малышева, М. А. Беляева, П. А. Кононенко и др. // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2020. № 6(184). С. 217—221.
6. Petrinović L., Ștefan L., Munivrană G. Some morphological differences between opposite sides of the body of elite European junior badminton players // *Acta Kinesiologica*. 2015. Vol. 9. No. 2. Pp. 67—71.
7. Kumar M. S., Vincent T. V. Physical Characteristics and Somato Type of Trained Badminton Players // *Indian Journal of Public Health Research & Development*. 2020. Vol. 11. No. 2. Pp. 257—260. DOI: 10.37506/v11/i2/2020/ijphrd/194795.
8. Saha A., Ghosh M. C., Biswas S. Somatotype Characteristics of U-17 Badminton Players of Tripura // *International Journal of Physical Education, Fitness and Sports*. 2025. Vol. 14. Iss. 4. Pp. 8—14. DOI: 10.54392/ijpefs2542.
9. Cabello Manrique D., González-Badillo J. J. Analysis of the characteristics of competitive badminton // *British Journal of Sports Medicine*. 2003. Vol. 37. Iss. 1. Pp. 62—66. DOI: 10.1136/bjsm.37.1.62.
10. Барчукова Г. В. Проблемы и тенденции развития индивидуально-игровых видов спорта // *Особенности системы подготовки в индивидуально-игровых видах спорта на современном этапе: текущее состояние, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. памяти основоположника науч.-метод. шк. рос. тенниса С. П. Белиц-Геймана. М. : РГУФКСМиТ, 2022. С. 32—38.*
11. Турманидзе А. В. Модельные характеристики морфологического статуса высококвалифицированных бадминтонистов // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. 2019. № 2(168). С. 357—360.
12. Захарьева Н. Н., Барчукова Г. В., Карпов Г. А. Морфофункциональные характеристики бадминтонистов высокой спортивной квалификации // *Теория и практика физической культуры*. 2023. № 11. С. 96—98.
13. Любиева В. А. Кодовая система записи технико-тактических действий бадминтонистов // *Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта*. 2010. № 3. С. 46—48.
14. Ланда Б. Х. Методика комплексной оценки физического развития и физической подготовленности. М. : Советский спорт, 2018. 348 с.
15. Лаптев А. И., Барчукова Г. В. Модельные характеристики функционального состояния высококвалифицированных бадминтонистов // *Вестник спортивной науки*. 2020. № 3. С. 74—81.

REFERENCES

1. Phomsoupha M., Laffaye G. The science of badminton: game characteristics, anthropometry, physiology, visual fitness and biomechanics. *Sports Medicine*. 2015;45(4):473—495. DOI: 10.1007/s40279-014-0287-2.
2. Laptev A. I., Barchukova G. V. Evaluation of the cardiovascular system during the development of technical and tactical skills in individual game sports (using badminton and table tennis as an example). *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya individual'no-igrovyykh vidov sporta = Current problems and prospects for the development of individual game sports. Proceedings of the All-Russian scientific Internet conference*. Moscow, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism publ., 2017:103—107. (In Russ.)
3. Zotova F. R., Gaznanova V. M. Physical training of badminton players: analytical review of domestic and foreign literature. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii = Science and sport: current trends*. 2023;11(2):85—95. (In Russ.) DOI: 10.36028/2308-8826-2023-11-2-85-95.
4. Prokopchuk T. V. Individualization of the process of technical and tactical training of qualified badminton players. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Topical issues in the theory and practice of physical education, sports and tourism. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduates, undergraduates and students with international participation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sport and Tourism publ., 2019;2:789—791. (In Russ.)
5. Malysheva T. A., Belyaeva M. A., Kononenko P. A. et al. Selection factors at the initial stage of sports training in badminton. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2020;6(184):217—221. (In Russ.)
6. Petrinović L., Štefan L., Munivrana G. Some morphological differences between opposite sides of the body of elite European junior badminton players. *Acta Kinesiologica*. 2015;9(2):67—71.
7. Kumar M. S., Vincent T. V. Physical Characteristics and Somato Type of Trained Badminton Players. *Indian Journal of Public Health Research & Development*. 202;11(2):257—260. DOI: 10.37506/v11/i2/2020/ijphrd/194795.
8. Saha A., Ghosh M. C., Biswas S. Somatotype Characteristics of U-17 Badminton Players of Tripura. *International Journal of Physical Education, Fitness and Sports*. 2025;14(4):8—14. DOI: 10.54392/ijpefs2542.
9. Cabello Manrique D., González-Badillo J. J. Analysis of the characteristics of competitive badminton. *British Journal of Sports Medicine*. 2003;37(1):62—66. DOI: 10.1136/bjism.37.1.62.
10. Barchukova G. V. Problems and trends in the development of individual game sports. *Osobennosti sistemy podgotovki v individual'no-igrovyykh vidakh sporta na sovremennom etape: tekushchee sostoyanie, problemy, perspektiv = Features of the training system in individual game sports at the present stage: current state, problems, prospects. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation dedicated to the memory of the founder of the scientific and methodological school of Russian tennis S.P. Belits-Gaiman*. Moscow, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism publ., 2022:32—38. (In Russ.)
11. Turmanidze A. V. Model characteristics of morphofunctional status for highly skilled badminton players. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2019;2(168):357—360. (In Russ.)
12. Zakharyeva N. N., Barchukova G. V., Karpov G. A. Morphofunctional characteristics of highly sports qualified badminton players. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2023;11:18—21.
13. Liubieva V.A. The code system of record of technique-tactical actions of badminton players. *Pedagogika, psikhologiya i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitaniya i sporta = Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports*. 2010;3:46—48. (In Russ.)
14. Landa B. Kh. Methodology for a comprehensive assessment of physical development and physical fitness. Moscow, Sovetskii sport, 2018. 348 p. (In Russ.)
15. Laptev A. I., Barchukova G. V. Model characteristics of the functional state of highly qualified badminton players. *Vestnik sportivnoi nauki = Sports science bulletin*. 2020;3:74—81. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья
УДК 372.87
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1641

Viktor Vladimirovich Kramaruhin
student of Institute of Architecture,
Construction and Design,
field of training
44.00.00 — Education and pedagogical sciences,
Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation
2021100488@togudv.ru

Olga Borisovna Pavlenkovich
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Higher School of Design and Arts
of the Institute of Architecture, Construction and Design,
Pacific National University
Khabarovsk, Russian Federation
pavlenkovicholga@mail.ru

Виктор Владимирович Крамарухин
студент Института архитектуры,
строительства и дизайна,
направление подготовки
44.00.00 — Образование и педагогические науки,
Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Российская Федерация
2021100488@togudv.ru

Ольга Борисовна Павленкович
канд. пед. наук,
доцент Высшей школы дизайна и искусств
Института архитектуры строительства и дизайна,
Тихоокеанский государственный университет
Хабаровск, Российская Федерация
pavlenkovicholga@mail.ru

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЦВЕТА В КОНТЕКСТЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХУДОЖНИКА-ЖИВОПИСЦА

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. На современном этапе вопрос изучения цвета и цветосемантики остается актуальным, что находит наглядное подтверждение в различных научных исследованиях и сферах деятельности человека.

В статье в формате краткого обзора представлены области и основные направления в исследовании цвета, раскрыты вопросы корреляции цвета как предмета рефлексии, рассмотрен феномен цветовосприятия в контексте творческой деятельности художника-живописца.

Известно, что цветовое восприятие кардинально менялось в ходе исторического развития общества, и феноменальные цветоразличительные способности человека не могли остаться без внимания всех научных сфер. В статье понятие «цвет» рассматривается как феномен в спектре природных, социально-культурных и психологических явлений, обладающий многозначностью и многомерностью. Через аспекты психологии восприятия цвета описываются эмоциональные реакции человека на определенные цвета; через призму индивидуальных психологических различий раскрывается суть формирования цветовых ассоциаций как системы культурно

обусловленных познавательных процессов, объединяющих восприятие цвета, а также вербальную и невербальную коммуникацию.

В живописи цвет выступает инструментом построения формы, гармонии, создания иллюзии света. Материал статьи позволяет обогатить существующие представления о феноменологии цвета при осуществлении практической деятельности художника-живописца. Авторы рассматривают аспекты эмоционального цветовосприятия художника-живописца через призму персонализированного, осознанного опыта.

В статье предпринята попытка раскрыть вопрос цветовых ассоциаций как устойчивых психологических, эмоциональных и физических ощущений человека и, в частности, художника-живописца, вызываемых определенными цветами и их сочетаниями, сформированными опытом личного восприятия и переживания, а также посредством вербального общения — первой сигнальной системы и социально-культурного контекста.

Ключевые слова: цвет, свет, оттенок, психология восприятия, цветовые ассоциации, цвет как феномен, художественный образ, психосемантика, символика цвета, цветовосприятие

Для цитирования: Крамарухин В. В., Павленкович О. Б. Феноменология восприятия цвета в контексте деятельности художника-живописца // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 446—450. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1641.

Original article

THE PHENOMENOLOGY OF COLOR PERCEPTION IN THE CONTEXT OF THE ARTIST-PAINTER'S ACTIVITIES

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy, education

Abstract. The study of color and color semantics remains relevant today, as demonstrated by various scientific studies and areas of human activity.

This article, in a brief overview format, presents the areas and main directions of color research; explores the correlation of color as a subject of reflection; and examines

the phenomenon of color perception in the context of the creative work of an artist.

It is well known that color perception has changed dramatically over the course of society's historical development, and humankind's phenomenal ability to discern color has attracted the attention of all scientific fields. This article examines the concept of color as a phenomenon within the spectrum of natural, socio-cultural, and psychological phenomena, possessing multiple meanings and multidimensionality. Through aspects of the psychology of color perception, human emotional reactions to specific colors are described; through the prism of individual psychological differences, the essence of the formation of color associations is revealed as a system of culturally determined cognitive processes that unite color perception, as well as verbal and non-verbal communication.

For citation: Kramaruhin V. V., Pavlenkovich O. B. The phenomenology of color perception in the context of the artist-painter's activities. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):446—450. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1641.

Введение

Сложный комплекс явлений, объединенных в лаконичное определение — «цвет», сопровождает человека повсеместно. Посредством зрения, благодаря свету и цвету мы получаем информацию об окружающем нас мире. Восприятие многоцветности мира — дар эволюционного развития зрительной системы человека.

В обыденно-утилитарном миропонимании цвет воспринимается объективным свойством предметов, а восприятие цвета и его оттенков — природно-врожденной способностью, неотъемлемой составляющей физиологии и психики человека. Как объект исследования, цвет — неисчерпаемый многогранный феномен. Природа цвета, его свойства — источник построения теории и открытий в различных областях знаний.

Изученность проблемы. На протяжении многих столетий цвет был объектом философского осмысления, предметом естествознания и науки. В эпоху Античности цвет рассматривали как неистинный вид бытия; в Средневековье — как проявление божественного света; в период Возрождения цвет являлся элементом эстетической выразительности. В XVII в., с расцветом естественнонаучного познания, развитием физики, химии, биологии и физиологии, изучение феномена «цвет» строилось на экспериментальных и математических подходах. В настоящее время научный интерес к феномену «цвет» возрос, цвет стал предметом научного интереса современных исследователей в области искусствоведения, культурологии, лингвистики, психологии, оптики и колористики.

Философский анализ феномена «цвет» в историческом аспекте, вопросы символики цвета в различных культурах представлены в исследовании Н. В. Чирковой [1]. Кросс-культурный анализ позволяет понять семантику цветообозначений в языковой картине мира разных этносов.

Исследование О. А. Кузиной мифов как образов, основанных на вербальной информации, показывает активное их формирование семиотическими средствами с использованием стандартных тропов (метафор и метонимий), что позволяло воспринимать мир через призму культурного опыта [2].

Концепции восприятия цвета в спектре феноменологических рассуждений с позиции эстетики представлены в работах М. А. Вовк [3], Н. А. Кормина [4], А. В. Ямпольской [5]. Авторы рассматривают цвет как перцептивный феномен, формирующийся в непосредственном опыте созерцания.

In painting, color serves as a tool for constructing form, harmony, and creating the illusion of light. This article enriches existing understanding of the phenomenology of color as it pertains to the artist's practical work. The authors examine aspects of the artist's emotional perception of color through the lens of personalized, conscious experience.

The article attempts to reveal the issue of color associations as stable psychological, emotional and physical sensations of a person, and in particular, an artist-painter, caused by certain colors and their combinations, formed by the experience of personal perception and experience, as well as through verbal communication — the first signal system and the socio-cultural context.

Keywords: color, light, shade, psychology of perception, color associations, color as a phenomenon, artistic image, psychosemantics, color symbolism, color perception

Влияние цветового окружения на лимбическую систему мозга раскрывается в работе М. А. Базымы [6]. Представленные экспериментальные данные свидетельствуют о регуляционном влиянии цветовой среды на психоэмоциональное состояние и физиологические процессы организма человека.

Структурный функционализм цвета как объекта междисциплинарного синтеза представлен в работе Н. В. Серова [7]. На основе междисциплинарного системного подхода к феномену «цвет» как физического явления, психологического инструмента воздействия, смысловой единицы культуры и элемента художественного образа автор разработал теорию хроматизма цвета, суть которой: цвет есть «схематизм материи» и первооснова, образующая цветовые образы в сознании человека.

Психосемантику цвета — научное направление, изучающее, как цвет воспринимается сознанием человека, структурируя его эмоции и смыслы, развивает в своих исследованиях П. В. Яньшин [8].

Система анализа и упорядочивания цвета в современных исследованиях базируется на работах В. Ф. Оствальда [9] и его учении о гармоничных сочетаниях цветов, а также на практически-прикладных методах измерения цвета.

Одним из ключевых направлений в исследовании феноменологии цвета является функциональная феноменология дизайна и искусства, в которой исследуется влияние цветовых решений, символики цвета, его семантических и прагматических функций отмечается в работах Т. Л. Макаровой и Н. Д. Самсоновой [10], А. М. Юстус [11], Т. О. Бердник [12], Ю. А. Грибер [13].

Важность «живописного восприятия цвета» в контексте принципов воздействия реалистической живописи, а также разработки методов цветовосприятия в профессиональной подготовке художников-педагогов отмечает Ю. В. Коробко [14].

Изучение источников, посвященных исследованию феномена «цвет» позволяет констатировать — несмотря на внимание разных областей знания к данному явлению, обилию различных направлений в исследовании цвета, отсутствуют исследования данного феномена в контексте деятельности художника-живописца. Цвет интересует исследователей «сам по себе», в контексте бытия человека, или как объект влияния на поведение человека.

Актуальность. Подход к цвету как основообразующему компоненту деятельности, обуславливающему активную и созидательную позицию, проявляющуюся в отношении

субъекта и объекта творчества, создания и восприятия художественного образа в живописи, суть и степень его воздействия через цветовую структуру произведения, не нашли должного внимания в исследованиях. На устранение этого пробела направлено данное исследование.

Объект данного исследования — феномен «цвет», **предмет** исследования — цвета в контексте деятельности художника-живописца.

Цель исследования — системное рассмотрение феномена «цвет» и значимость цветовосприятия в контексте деятельности художника-живописца.

Для достижения поставленной цели предстоит решить следующие **задачи**:

- в формате онтологического подхода провести анализ особенности и специфики познания цвета и цветовосприятия в различных, смежных с исследуемым вопросом, областях знаний;
- раскрыть ассоциативный характер цвета и его эмоциональное и символическое звучание: цвет как эмоциональный фон и носитель смыслов.

Научная новизна исследования заключается в том, что феномен «цвет» в спектре деятельности художника-живописца рассматривается через призму индивидуально-психологических особенностей личности творца. Исследователи определяют суть формирования цветовых ассоциаций у художника-живописца, подчеркивают роль культурно-обусловленных познавательных процессов как важного компонента композиционно-тематического построения живописного произведения, обеспечивающего невербальную коммуникацию художника и зрителя в ходе считывания смыслов, воплощенных в форме цветового кода.

Целесообразность разработки темы обусловлена практико-ориентированной необходимостью художника-живописца воспринимать и использовать цвет как структурный, символический, смысловой и семантический компонент произведения искусства.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно позволяет не только сформировать общее представление о феномене «цвет», но и раскрыть суть задач восприятия цвета художником и его осознанном воплощении в произведении искусства с учетом субъективного, осознанного опыта, переживания цвета как эмоциональной сущности, инструмента построения формы, света и гармонии в живописи, где каждый оттенок несет композиционное, символическое и семантическое значение.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные в ходе исследования данные могут быть использованы для повышения общей цветовой культуры человека и совершенствования цветоведческой компетентности художников-живописцев.

Основная часть

Ученые утверждают: цвета как самостоятельного физического свойства объектов не существует, цвет — качественная характеристика электромагнитного излучения видимого диапазона, которая определяется длиной волны света. Другими словами, цвет — иллюзия зрительного ощущения, обуславливаемая физическими, физиологическими и психологическими, т. е. субъективными факторами.

Экспериментально ученые доказали, что различным цветам свойственно вызывать у человека чувство притяжения или отторжения, ощущение умиротворения и уюта

или же, напротив, стимулировать и вызывать беспокойство. Все эти проявления — плод эмоциональной, а не рациональной сферы человека [9]. Порой человек не осознаёт, в связи с чем он испытывает дискомфорт или чувство эйфории.

В ходе лабораторных экспериментов подтверждено, что цветовые оттенки вызывают скрытые ассоциации и существует прямая связь между выбором опытным художником цветовой гаммы живописного произведения и его содержанием/темой [10].

Но начинающий художник в своем творчестве не только должен следовать неосознанным посылам, он должен точно знать и осознанно выбирать цветовую гамму, применять в своих работах правила цветоведения и колористики.

Согласно результатам нейропсихологических исследований, нервной системой усваивается 80 % цветовой информация, и 20 % зрительным восприятием. Цвет, воспринимаемый вегетативной нервной системой, моментально вызывает физиологическую и эмоциональную реакции, которые проявляются в изменение частоты пульса, настроения, и как следствие, активности человека.

Швейцарский психолог Макс Люшер, исследуя влияние цвета на психологическое состояние человека, пришел к выводу, что определенные цвета вызывают конкретные эмоциональные реакции, например, оттенки желтого и красного способствуют активности, волнуют и возбуждают; синие и серые тона воздействуют успокаивающе. Люшер установил, что черный и серый ассоциируются с элегантностью и утонченностью; яркие цвета — маркеры эмансипации, стремления к свободе и независимости [9].

Цвета «обладают» и дополнительными свойствами, обусловленными природой или контекстом их применения, к примеру, теплые оттенки белого задают расслабляющую, несколько пассивную атмосферу, напротив, холодные и нейтральные оттенки белого способствуют активному настрою. Индивидуальные психологические различия в формировании цветовых ассоциаций являются важной характеристикой в восприятии цветов, а также активизируют эмоции, ощущения, воображение и образы. Эти ассоциации могут быть очень обширными и универсальными. Эмоции и ощущения, которые мы испытываем при виде определенного цвета, часто схожи с теми, что связаны с предметами или явлениями, постоянно имеющими этот цвет. Существуют и врожденные ассоциации: так, светлые цвета интуитивно воспринимаются как легкие, а темные — как тяжелые, причем это ощущается даже в раннем детстве. Наиболее четкие ассоциации связаны с температурой, весом и звуком: красный для большинства людей ассоциируется с теплом и громкостью, а синий — с холодом и тишиной. Менее однозначны ассоциации вкусовые, тактильные и эмоциональные, связанные с более личными переживаниями, где даже близкие люди могут реагировать на одни и те же цвета по-разному. В представлении человека каждый нюанс любого оттенка цвета непременно ассоциируется с определенными предметами либо событиями, что, в свою очередь, порождает многообразие связанных с ними представлений. Самая развитая сфера, где ассоциации играют ключевую роль, — это названия цветов [14].

В живописи цвет формирует композицию, выделяет главное и создает пространство, выходя за пределы простого «раскрашивания» формы, а художнику необходимо учиться видеть цвет не изолированно, а во взаимосвязи с освещением и соседними оттенками, что является важной частью художественного обучения [11].

Восприятие искусства человеком представляет собой процесс постижения реальности, итогом которого становится создание образа, отражающего авторский замысел, продиктованный целями и уникальностью мыслительного процесса, при которых цветовой нюанс привлекает внимание и становится объектом созерцания [15].

Раскрывая суть художественного восприятия цвета в живописи можно говорить о последовательном процессе передачи эмоций и формировании целостного живописного образа через цвет и выделить три уровня художественного восприятия цвета:

- эмоциональная реакция человека на цветовые и колористические аспекты произведения;
- предметное узнавание сюжета и общего содержания произведения;
- постижение замысла художника и переживание зрителем целостного художественного образа.

Методология исследования. Валидными методами изучения влияния цвета на психическое и эмоциональное восприятие зрителем в ходе данного исследования были признаны:

- дескриптивный метод, базирующийся на подробном интуитивном описании индивидуального опыта восприятия цвета;
- эйдетическая вариация: мысленное изменение характеристик цвета, чтобы понять, какие из них являются существенной характеристикой феномена «цвет», а какие — случайными;
- интерсубъективность (отличие опыта восприятия цвета с учетом контекста/среды).

Результаты исследования. Живопись предоставляет собой уникальные инструменты и пути для трансформации реальности и обнаружения новаторских способов ее художественного воплощения, а человеческое восприятие в это же время выступает как накопитель переживаний и чувств, побуждающих к поиску выразительных средств для передачи информации через специфические цветовые сочетания и создания ощущения эстетического удовлетворения и цветовой гармонии.

Можно говорить о том, что, формирование культуры восприятия цвета базируется на фундаментальных свойствах самого цвета: его ассоциативности и целостности восприятия.

Как средство выразительности, цвет способен гармонизировать изменения внутреннего мира и сознания человека в соответствии с замыслом художника и принципами изобразительной грамотности.

В соответствии с предметной направленностью и психологией восприятия, цвета подразделяют по ассоциациям:

- веса (легкие, тяжелые, воздушные, невесомые, массивные и т. д.);
- температуры (теплые: горячие, пламенные; холодные: студёные, ледяные; нейтральные);
- тактильности (гладкие, шероховатые, мягкие, колючие, бархатистые);

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чиркова Н. В. Феномен цвета в историко-культурном контексте // Креативная экономика и социальные инновации. 2021. Т. 11. № 1. С. 90—96.
2. Кузина О. А., Ситько Ю. Л. Символические знаковые ситуации и формирование мифа в цветных революциях // Мифологос. 2023. № 4. С. 158—175. DOI: 10.35103/SMSU.2022.26.90.059.
3. Вовк М. А. Феноменологический подход в изучении живописи // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2021. № 1. С. 80—87.
4. Кормин Н. А. Мыслить цветом // Культура и искусство. 2021. № 2. С. 12—38. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.2.34996.

- пространственности (эффект удаленности, приближения, объема, плоскости);
- звуковым (тишина, крик, мелодичность и т. д.);
- вкусовым (сладкие, кислые, горькие, свежие, приторные, вяжущие);
- возрастным (детские, юношеские, зрелые);
- временным (атмосфера весенней свежести, летнего зноя, осенней меланхолии, зимнего хода);
- характерным чертам (мужественность, решительность, нежность, робость и т. д.);
- эмоциональному отклику (радость, печаль, скука, спокойствие, волнение, отчаяние и т. д.);
- культурному контексту (стилистика и дух различных культурных явлений).

К ключевым аспектам феноменологии восприятия цвета в рамках деятельности художника-живописца можно отнести субъективность восприятия, когда один и тот же цвет воспринимается по-разному в зависимости от внутреннего состояния, опыта и окружения, наряду с физическим спектром. Немаловажной является эмоциональная динамика, ведь, согласно В. Кандинскому, цвет обладает скрытой жизнью и «душой», воздействуя на зрителя инстинктивно и вызывая глубокие психологические переживания.

Феноменология восприятия цвета в живописи — это субъективный, эмоционально-чувственный процесс, где художник преобразует физическую реальность в художественный образ. Цвет выступает не просто свойством предмета, а эмоциональной силой, способной передавать настроение и атмосферу [16]. Живописец воспринимает цвет через призму своего «Я» и наделяет его эстетическим значением.

Выводы

Художественное восприятие цвета как способность человека выявить черты художественных образов в изобразительной деятельности через анализ цветовых решений самого художника позволяет решать многие творческие задачи, помогая понять специфику произведения, идею автора.

Следовательно, феноменология восприятия цвета в живописи — это субъективный, эмоционально-чувственный процесс, позволяющий художнику-живописцу преобразовать физическую реальность в художественный образ, где цвет выступает не просто свойством предмета, а эмоциональной силой, способной передавать настроение и атмосферу, выделяя эстетическое значение воспринятого и художественно-воплощенного.

Системное рассмотрение феномена «цвет» позволяет раскрыть его ассоциативный характер, эмоциональное и символическое значение, что имеет под собой практическую значимость для совершенствования цветоведческих компетенций не только художников-живописцев, но и простых людей и требует дальнейшего исследования с точки зрения психологии, психосемантики и лингвистики.

5. Ямпольская А. В. Искусство феноменологии. М. : РИПОЛ классик, 2019. 342 с.
6. Базыма Б. А. Цвет как средство субъект-субъектного взаимодействия // Социальные трансформации. 2019. № 30. С. 20—24.
7. Серов Н. В. Символика цвета. 2-е изд. СПб. : Страта, 2019. 195 с.
8. Яньшин П. В. Исследование конструктивной валидности цвето-социометрического метода (ЦСМ) сравнением с результатами единой диагностической методики (ЕМ) // Образование и психологическое здоровье : сб. материалов XXIII обл. науч.-практ. конф. : в 2 т. Самара : Регион. социопсихол. центр, 2020. Т. 1. С. 18—42.
9. Оствальд В. Ф. Искусство цвета. Цветоведение: теория цветового пространства / пер. с нем. З. О. Мильмана. М. : АСТ, 2021. 366 с.
10. Макарова Т. Л., Самсонова Н. Д. Роль цвета в современном рекламном образе: семантика и прагматика : моногр. М. : Директ-Медиа, 2022. 156 с. DOI: 10.23681/696519.
11. Юстус А. М. Формирование колористики городской среды под влиянием цветовой культуры и цветовых предпочтений субъекта // Архитектура, строительство, транспорт. 2024. № 1. С. 6—21. DOI: 10.31660/2782-232X-2024-1-6-21.
12. Бердник Т. О. Визуальная метаформа в дизайне рекламы // Образование. Наука. Культура: традиции и современность : материалы V всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Краснодар : Издательский Дом — Юг, 2022. С. 144—146.
13. Грибер Ю. А. Влияние цвета на протекание интеллектуальных событий в средах с различным типом погружения // Психология и Психотехника. 2025. № 4. С. 56—65 DOI: 10.7256/2454-0722.2025.4.77069.
14. Коробко Ю. В., Козыренко К. В. Восприятие цвета глазами художника // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 11А. С. 14—26.
15. Богданова В. В., Левина И. Ю. Цвет и нюанс в стекле как средство создания выразительной композиции в современной пластике // Цвет в пространственных искусствах и дизайне: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием: сб. науч. ст. СПб. : СПбХПА им. А. Л. Штиглица, 2024. С. 105—114. DOI: 10.54874/9785605245766.2024.04.12.
16. Нанкевич А. А., Сухова Е. Е., Грибер Ю. А. Влияние тревожности на структуру цветовых ассоциаций // Litera. 2024. № 12. С. 180—191. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72897.

REFERENCES

1. Chirkova N. V. The phenomenon of colour in the historical and cultural context. *Kreativnaya ekonomika i sotsial'nye innovatsii = Creative economics and social innovations*. 2021;11(1):90—96. (In Russ.)
2. Kuzina O. A., Sitko Yu. L. Symbolic sign situations in forming myths about color revolutions. *Mifologos*. 2023;4:158—175. (In Russ.) DOI: 10.35103/SMSU.2022.26.90.059.
3. Vovk M. A. Phenomenological approach to the study of painting. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obshchestve = Philosophy and Humanities in Information Society*. 2021;1:80—87. (In Russ.)
4. Kormin N. A. Thinking in colors. *Kul'tura i iskusstvo*. 2021;2:12—38. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0625.2021.2.34996
5. Yampol'skaya A. V. The art of phenomenology. Moscow, RIPOL klassik, 2019. 342 p. (In Russ.)
6. Bazyma B. A. Color as a means of subject-subject interaction. *Sotsial'nye transformatsii*. 2019;30:20—24. (In Russ.)
7. Serov N. V. Symbolism of color. 2nd ed. Saint Petersburg, Strata, 2019. 195 p. (In Russ.)
8. Yan'shin P. V. Study of the construct validity of the color-sociometric method (CSM) by comparison with the results of the unified diagnostic technique (EDT). *Obrazovanie i psikhologicheskoe zdorov'e = Education and psychological health. Collection of materials of the XXIII regional scientific and practical conference*. Samara, Regional Sociopsychological Center publ., 2020;1:18—42. (In Russ.)
9. Ostwald W. F. The art of color. Color science: theory of color space. Z. O. Mil'man (transl. from German). Moscow, AST, 2021. 366 p. (In Russ.)
10. Makarova T. L., Samsonova N. D. The role of color in a modern advertising image: semantics and pragmatics. Monograph. Moscow, Direkt-Media, 2022. 156 p. (In Russ.) DOI: 10.23681/696519.
11. Justus A. M. Formation of urban environment colouristics under the influence of colour culture and colour preferences of a person. *Arhitektura, stroitel'stvo, transport = Architecture, Construction, Transport*. 2024;1:6—21. (In Russ.) DOI: 10.31660/2782-232X-2024-1-6-21.
12. Berdnik T. O. Visual metaform in advertising design. *Obrazovanie. Nauka. Kul'tura: traditsii i sovremennost' = Education. Science. Culture: Traditions and Modernity. Proceedings of the V All-Russian with international participation scientific and practical conference*. Krasnodar, Izdatel'skii Dom — Yug, 2022:144—146. (In Russ.)
13. Griber Y. A. The influence of color on the progression of intellectual events in systems with different types of immersion. *Psikhologiya i Psikhotekhnika = Psychology and Psychotechnics*. 2025;4:56—65. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2025.4.77069.
14. Korobko Yu. V., Kozыrenko K. V. Color Perception through the Eyes of an Artist. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya = Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*. 2025;14(11A):14—26. (In Russ.)
15. Bogdanova V. V., Levina I. Y. Color and nuance in glass as a means of creating an expressive composition in modern glass plastics. *Tsvet v prostranstvennykh iskusstvakh i dizaine = Color in spatial arts and design. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation. Collection of scientific articles*. Saint Petersburg, Saint Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design publ., 2024:105—114. (In Russ.) DOI: 10.54874/9785605245766.2024.04.12.
16. Nankevich A. A., Suchova E. E., Griber Y. A. The influence of anxiety on the structure of color associations. *Litera*. 2024;12:180—191. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72897.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 37.013.75
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1601

Inna Anatolyevna Makarova
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor the Department of Psychology and Pedagogy,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
makariky@rambler.ru

Инна Анатольевна Макарова
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Амурский государственный университет
Благовещенск, Российская Федерация
makariky@rambler.ru

Yulia Veniaminovna Stadnik
Speech Therapist,
Kindergarten No. 3 of the City of Blagoveshchensk “Nadezhda”
Blagoveshchensk, Russian Federation
ua24ya@mail.ru

Юлия Вениаминовна Стадник
учитель-логопед,
Детский сад № 3 г. Благовещенска «Надежда»
Благовещенск, Российская Федерация
ua24ya@mail.ru

Yulia Leonidovna Kiseleva
Speech Therapist,
Kindergarten No. 3 of the City of Blagoveshchensk “Nadezhda”
Blagoveshchensk, Russian Federation
kiseleva.1979@inbox.ru

Юлия Леонидовна Киселёва
учитель-логопед
Детский сад № 3 г. Благовещенска «Надежда»
Благовещенск, Российская Федерация
kiseleva.1979@inbox.ru

Yevgenia Viktorovna Lepyokhina
Deputy Head
of Educational and Methodological Work,
Kindergarten No. 3 of the City of Blagoveshchensk “Nadezhda”
Blagoveshchensk, Russian Federation
hrystalik54@mail.ru

Евгения Викторовна Лепёхина
заместитель заведующего
по воспитательно-методической работе,
Детский сад № 3 г. Благовещенска «Надежда»
Благовещенск, Российская Федерация
hrystalik54@mail.ru

КРИТЕРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ РАБОТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНКЛЮЗИВНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОМАНДЫ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье обосновано использование понятия инклюзивной педагогической команды, выделены особенности, отличающие ее от педагогического коллектива. По результатам лонгитюдного исследования на базе детского сада № 3 г. Благовещенска (Амурская область) представлен подход к оценке эффективности деятельности педагогических инклюзивных команд, проводивших работу с дошкольниками, имеющими особые образовательные потребности (нарушения развития зрительного анализатора, речи, центральной нервной системы, опорно-двигательного аппарата) от младшей до подготовительной групп. Обозначена теоретико-методологическая основа исследования: теория культурно-исторического развития Л. С. Выготского, теория социального научения А. Бандуры, экосистемная теория У. Бронфенбрэннера; методологический подход к развитию педагогической команды (Е. А. Александрова, Е. А. Селюкова), специфика взаимодействия специалистов в условиях работы при инклюзивном подходе (О. В. Биза, В. В. Гусейнова, С. А. Сивова, В. В. Хитрюк, Г. В. Яковлева). Представлена структура инклюзивной педагогической команды, формирование которой прошло за период лонгитюдного эксперимента. Отмечено, что выделение административно-методического ядра, педагогического контура, представленного педагогами дошкольной образовательной организации, а также состава специалистов, обеспечивающих узкопрофильную коррекционно-развивающую работу, медицинское

сопровождение и психолого-педагогическое сопровождение во взаимодействии с партнерским и волонтерским составом участников максимально качественно решает задачи развития детей с особыми образовательными потребностями. В результате проведенного исследования определена схема взаимодействия многоуровневой инклюзивной педагогической команды, представлен фрагмент такого взаимодействия на примере подготовительной к школе группы. В ходе эксперимента апробированы критерии оценки эффективности работы инклюзивной педагогической команды по четырем выделенным блокам (координация и методы работы, партнерство в ходе организованной работы, результат). Разработана система оценки в баллах, на основании которой можно определять эффективность работы команды по уровням (высокий, средний, низкий). Сделан вывод о значении комплектования команды как штатными педагогическими работниками дошкольной образовательной организации, так и привлекаемыми внешними участниками.

Ключевые слова: критериальный подход, инклюзивное дошкольное образование, дети с особыми образовательными потребностями, инклюзивная педагогическая команда, эффективность работы в условиях инклюзии, доказательный подход, коррекционно-развивающая работа, профессионально-педагогическое взаимодействие, модель эффективной инклюзивной команды, субъекты педагогического процесса

Для цитирования: Макарова И. А., Стадник Ю. В., Киселёва Ю. Л., Лепёхина Е. В. Критериальный подход к оценке работы эффективности инклюзивной педагогической команды дошкольной образовательной организации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 451—459. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1601.

Original article

CRITERIA-BASED APPROACH TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF AN INCLUSIVE PEDAGOGICAL TEAM OF A PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. This article substantiates the use of the term “inclusive pedagogical team” and highlights its distinctive characteristics from those of a teaching staff. Based on the results of a case-study study at Kindergarten No. 3 in Blagoveshchensk, Amur Region, this article presents an approach to assessing the effectiveness of inclusive pedagogical teams working with preschoolers with special educational needs (developmental disabilities of the visual analyzer, speech, central nervous system, and musculoskeletal system) from the elementary to preschool groups. The theoretical and methodological basis of the study is outlined (the theory of cultural-historical development by L. S. Vygotsky, the theory of social learning by A. Bandura, the ecosystem theory by W. Bronfenbrenner; a methodological approach to the development of a pedagogical team (E. A. Aleksandrova, E. A. Selyukova), the specifics of the interaction of specialists in working conditions with an inclusive approach (O. V. Biza, V. V. Guseinova, S. A. Sivova, V. V. Khitryuk, G. V. Yakovleva). The structure of an inclusive pedagogical team, the formation of which took place during the longitudinal experiment, is presented. It is noted that the allocation of an administrative and methodological core, a pedagogical contour represented by preschool teachers,

as well as a composition of specialists providing specialized correctional and developmental work, medical support and psychological and pedagogical support in interaction with partner and volunteer participants solves the developmental problems of children with special educational needs most effectively. The study identified a framework for interaction within a multi-level inclusive pedagogical team and presented a fragment of such interaction using a preschool group as an example. During the experiment, criteria for assessing the effectiveness of an inclusive pedagogical team were tested across four identified areas (coordination and working methods, partnership during organized work, and results). A scoring system was developed to assess team effectiveness by levels (high, medium, low). A conclusion is made about the importance of staffing the team with both full-time preschool teaching staff and external contributors.

Keywords: criteria-based approach, inclusive preschool education, children with special educational needs, inclusive teaching team, effectiveness in inclusion settings, evidence-based approach, correctional and developmental work, professional and pedagogical interaction, model of an effective inclusive team, subjects of the pedagogical process

For citation: Makarova I. A., Stadnik Yu. V., Kiseleva Yu. L., Lepyokhina Y. V. Criteria-based approach to assessing the effectiveness of an inclusive pedagogical team of a preschool educational organization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;2(75):451—459. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1601.

Введение

Актуальность. Одной из задач современного дошкольного образования является «обеспечение равных возможностей для полноценного развития каждого ребенка в период дошкольного детства независимо от места жительства, пола, нации, языка, социального статуса, психофизиологических и других особенностей (в т. ч. ограниченных возможностей здоровья)» [п. 1.6 Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155)]. Эффективное решение данной задачи возможно при наличии сплоченной и высокопродуктивной инклюзивной команды, которая на основе принципов инклюзивного образования строит работу по психолого-педагогическому сопровождению детей и их семей, вовлекая последних в активное взаимодействие внутри инклюзивной среды. Результативность профессиональной деятельности как в мировой, так и в отечественной педагогике чаще оценивают посредством использования категорий «готовность к работе» и «компетентность специалиста». В научной литературе это освещено в работах С. В. Алехиной с соавторами [1], Е. И. Андреевой [2], Д. З. Ахметовой и И. Г. Морозовой [3], Г. А. Егоровой и О. В. Козачек [4], В. З. Кантора с соавтора-

ми [5], Е. Н. Михайловой и Н. А. Ефремовой-Шершуковой [6], С. А. Пархоменко [7], Г. В. Яковлева [8]. Однако, как отмечают С. В. Алехина, Е. В. Самсонова, Ю. А. Быстрова и их коллеги, вопросы доказательной оценки эффективности инклюзивной практики, критериев объективной оценки дискуссионны и более проработаны для условий школьного обучения [9]. В отношении дошкольного образования они остаются менее разработанными, что отмечено в работах С. В. Летуновской и И. И. Поташовой [10]. При этом практически не затронуты вопросы качества взаимодействия в коллективах, реализующих инклюзивный подход и продуктивность инклюзивных команд, что, по нашему мнению, имеет прямую связь с выделением критериев доказательности качества дошкольного инклюзивного образования. Это актуализировало исследование, базой которого определен детский сад № 3 г. Благовещенска Амурской области.

Целесообразность разработки темы связана с поиском и определением объективных критериев (способов) оценки, что приводит в итоге к систематизации доказательности, позволяющей оценивать достижения инклюзивного подхода при командной работе как эффективные.

Научная новизна исследования заключается в обосновании критериального подхода к оценке эффективности работы инклюзивных педагогических команд.

Цель исследования заключается в апробации критериального подхода к оценке эффективности работы инклюзивной педагогической команды дошкольной образовательной организации (далее — ДОО).

Задачи исследования: провести анализ психолого-педагогической литературы для обоснования понятия «инклюзивная педагогическая команда»; предложить описание структуры, состава инклюзивной педагогической команды; разработать критерии и показатели эффективности ее работы.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке и апробации теоретической модели эффективной инклюзивной команды в ДОО, которая представляет собой многоуровневую систему, где интеграция усилий специалистов и семьи направлена не только на академический прогресс, но и на достижение ребенком максимально возможной социальной автономии.

Практическая значимость заключается в том, что полученные данные исследования можно использовать для оптимизации психолого-педагогического сопровождения дошкольников с особыми образовательными потребностями (далее — ООП) в ДОО.

Степень изученности проблемы. Дошкольные образовательные организации, наряду со многими другими образовательными организациями, характеризуются тем, что педагогические работники, составляющие педагогический коллектив, могут быть структурно организованы в виде взаимодействующих педагогических команд/групп, выполняющих полифункциональные задачи. Такого подхода придерживается, Е. А. Селюкова, понимающая под педагогическим коллективом «самоуправляемую профессиональную общность педагогов», включающую взаимосвязанные «полорольные группы и отдельных индивидов, осуществляющих свою деятельность по реализации совместно выработанной и/или принятой цели» [11, с. 14]. Предложенное автором определение, акцентом которого стала «самоуправляемость», стало значимым моментом начинающих исследователей [5]. В педагогическом словаре важной характеристикой педагогического коллектива является объединение педагогов на основе «общих мировоззренческих взглядов, воспитательных задач и целей» [12, с. 192]. Центром такого единения, что отмечено в исследованиях М. В. Воробьевой [13], О. М. Зубченко [14], В. З. Кантора и Ю. Л. Проект [15], О. В. Чеботаревой [16], могут выступать инклюзивные ценности, которые одинаково воспринимаются ими и воплощаются в практическую деятельность. Несмотря на то, что педагоги, в большинстве своем, имеют высокий эмоциональный интеллект, обладают развитой эмпатией, выдержкой, уравновешенностью, толерантностью и гуманистически ориентированы, это не тождественно принятию идей инклюзии и готовности работать в условиях инклюзии, что подчеркивается в работах Ю. В. Саламатиной [17], В. В. Семенова [18], Л. А. Сырвачевой и С. В. Цукановой [19], В. В. Хитрюк [20]. Именно поэтому возрастает роль педагогических команд, которые объединены по принципу единого восприятия значимости инклюзии и имеют высокую мотивацию на работу в таких условиях. Командообразование в психолого-педагогической литературе рассматривалось в отношении разных уровней, задач образования и подробно освещено в диссертационных исследованиях Е. А. Александровой [21] и В. В. Лобанова [22]. В своем исследовании Е. А. Александрова указывает, что команд-

ное взаимодействие может выступать в качестве: а) условия оказания сопровождения или психолого-педагогической помощи; б) ресурса управления учебно-воспитательным процессом с точки зрения качества процесса; в) способа поиска новых решений через координацию целей, мотивов, установок. Само определение «педагогическая команда» часто употребляется в разных контекстах (например, проектная команда, команда оперативного решения задач, по вопросам усовершенствования / корпоративного обучения и повышения квалификации, команда управления). При организации работы в ходе эксперимента мы опирались на особенности деятельности специалистов инклюзивных образовательных организаций, отмеченные О. В. Биза, В. В. Гусейновой, С. А. Сивовой [23]. Опираясь на мнение Е. А. Александровой, можно отметить, что педагогическая команда включает педагогов и других субъектов педагогического процесса и создана для решения стратегических и тактических задач. В контексте инклюзивного подхода, по нашему мнению, инклюзивная педагогическая команда (далее — ИПК), помимо педагогов, может включать родителей, лиц, их заменяющих, обучающихся, социальных партнеров, участников сетевого взаимодействия, волонтеров, тьюторов, активистов объединений родительской общечности, представителей муниципальных органов управления образованием. В данном исследовании мы трактуем ИПК как многоуровневую экосистему поддержки, объединяющую внутренних и внешних участников образовательного процесса. В основе ее работы лежит принцип синергии усилий специалистов разного профиля и семьи. Варьируя численность (от 3 до 15 чел.) и привлекая к сотрудничеству волонтерские, общественные и сетевые организации, команда создает адаптивную платформу, которая гарантирует каждому ребенку возможность полноценной включенности в жизнь общества и учебную деятельность.

Особой сущностью ИПК является то, что она призвана организовываться не только с применением административных, но и неадминистративных ресурсов, а по сравнению с рабочей группой будет существовать более продолжительное время. В качестве механизма формирования педагогической команды Е. А. Александрова выделяет: осознание значимости деятельности; признание правил дисциплинированного поведения; принятие и понимание участниками общей задачи; обозначение и принятие того, что считать успехом в решении задач; определение общей стратегии работы и развитие необходимых рабочих навыков, принятие ответственности за результат [21, с. 4]. К признакам педагогической команды можно отнести эффективное конструктивное межличностное взаимодействие, личную ответственность, профессионализм (в отношении педагогических работников) и включенность участников, ориентацию на общий успех, стратегию согласования действий, дух команды. Обзор литературы показывает, что функционал команд, безусловно зависящий от ведущей цели их деятельности, можно рассматривать через активацию инновационной деятельности (инновационная функция), сплоченности в решении задач, предвосхищения конфликтов, взаимопомощи и сотрудничества (консолидирующая функция), стимулирования саморазвития состава команды и развития потенциала образовательной организации в целом (развивающая функция), совершенствования технологий и содержания образовательной деятельности (образовательная функция).

Деятельность ИПК может подлежать оценке с точки зрения доказательности эффективности. Поскольку в отношении дошкольного образования предпринимаются только первые попытки разработки и выделения критериев эффективности, мы предприняли попытку предложить апробированный нами вариант с учетом исследований и теоретических разработок отечественных авторов [1; 24]. Отметим, что критерии доказательности в педагогике инклюзивного образования (*evidence-based education*) сочетают общие требования доказательного подхода, что отмечено в работах авторского коллектива под руководством Л. В. Колинза [25] и вполне могут учитывать специфику работы с дошкольниками, имеющими ООП. Основной акцент делается на подтверждении того, что выбранные практики не просто построены на принципах инклюзивного и гуманистического подходов, но и объективно способствуют академическому и социальному прогрессу участников образовательного процесса, прежде всего детей. Для инклюзивного дошкольного образования (где важно сочетать медицинские показатели, педагогику и благополучие семьи) важно выделить ключевые принципы доказательности. Определяя их при опоре на имеющуюся практику работы в условиях образовательной инклюзии, наиболее важными мы считаем:

- *Объективность и верифицируемость методов (научность критериев доказательности)* — их выбор не должен основываться на интуиции педагога, а опирается на качественные исследования, доказывающие, что метод работает и безопасен для детей с конкретными особенностями развития.

- *Мониторинг динамики* — иными словами, индивидуальный прогресс ребенка, который не целесообразно подтягивать до средней нормы. Главный критерий доказательности в этом случае это мониторинг и анализ регулярного сбора данных о развитии конкретного ребенка. На практике мы неоднократно убеждались, что, если выбранная стратегия за определенный период не дает измеримых результатов в навыках коммуникации или социализации, она должна быть пересмотрена. Доказательность в таком случае напрямую обоснована цифрами и фактами, которыми педагог может обосновать (подтвердить) успех или смену маршрута, методики работы.

- *Приоритет качества жизни и этическая обоснованность/допустимость* — в дошкольном возрасте эффективность оценивается не только исключительно достигнутыми академическими успехами, но и тем, насколько ребенку комфортно в группе, а семье комфортно в процессе взаимодействия с педагогами при применении методов коррекционно-развивающей направленности. Доказательно значимым результатом считается повышение уровня самостоятельности ребенка, улучшение качества его жизни и вовлеченности в среду (инклюзия ради продуктивного участия, а не просто присутствия).

Основная часть

Методология исследования. Опыт работы в инклюзивном формате на базе детского сада № 3 г. Благовещенска Амурской области показал необходимость поиска критериев эффективности работы инклюзивной команды. С этой целью был организован лонгитюдный педагогический эксперимент, с несколькими этапами:

- 1) осмысление работы в формате инклюзии и процессуальное ее становление, вариативное комплектование инклюзивной команды с апробацией форм взаимодействия внутри команды (2017—2020 гг.);

- 2) выбор оптимальных форм взаимодействия, выделение критериев эффективности работы команды, способов их математического расчета (2020—2024 гг.);

- 3) систематизация представленного опыта, его представление на методических объединениях и в научно-методических публикациях (2025—2026 гг.).

Длительность периода эксперимента обусловлена необходимостью оценки результатов цикла обучения дошкольников с младшей по подготовительную группу включительно (4 года); для усиления валидности взято по два цикла обучения детей (2017—2021 и 2021—2025 гг.).

Методологический фундамент исследования эффективности инклюзивной команды в дошкольном образовании опирался на синтез классической отечественной дефектологии и зарубежных психологических и экосистемных концепций (культурно-исторической теории Л. С. Выготского [26], теория социального научения А. Бандуры [27], экосистемной теории У. Бронфенбреннера [28]). Центральное место занимает культурно-историческая теория Л. С. Выготского, согласно которой эффективность инклюзии определяется успешностью компенсации «социального вывиха», т. е. минимизацией вторичных дефектов развития через включение ребенка в активное социальное взаимодействие. В этом контексте работа команды рассматривается как процесс создания условий для реализации зоны ближайшего развития. Доказательным критерием эффективности здесь, по нашему мнению, выступает степень согласованности действий всех ее участников. Воздействие и стимуляция зоны ближайшего развития каждого ребенка всеми участниками команды при использовании единых методов и требований значительно снижает риск педагогической стагнации.

Логическим расширением этого подхода на уровне среды выступает экосистемная теория У. Бронфенбреннера. Она позволяет обосновать эффективность команды через качество связей в «мезосистеме» (взаимодействие детского сада, семьи и общественных организаций). Согласно этой теории, развитие ребенка детерминировано не только прямым воздействием (микросистема), но и тем, насколько гармонично согласованы эти воздействия между собой. Таким образом, междисциплинарное взаимодействие и семейно-центрированный подход становятся не просто организационным условием, а теоретически обоснованным критерием качества: семья признается равноправным субъектом команды, чья компетентность напрямую коррелирует с успешностью инклюзии.

Полезной с точки зрения определения критериев эффективности работы инклюзивной команды в отношении социальной интеграции может быть теория А. Бандуры о процессе социального научения. Наличие моделей для подражания, наблюдаемых у детей с типичным развитием, в ходе взаимодействия с широким кругом специалистов, волонтерами, играет ключевую роль в формировании поведения детей с ООП. Это создает естественную среду для имитации успешных социальных паттернов и выступает показателем процесса социальной интеграции. Структура ИПК строилась с учетом гетерогенности нозологических групп дошкольников, значительно отличающихся ООП, это определило многоуровневость структуры команды (табл. 1).

Таблица 1

Структура и состав инклюзивной педагогической команды ДОО

Участники	Функциональная роль в команде
Административно-методическое ядро (представитель управления образования, заместитель заведующего по методической работе и администрация сетевых образовательных организаций)	Координация взаимодействия, проектирование индивидуального образовательного маршрута (далее — ИОМ), мониторинг результатов/качества
Педагогический контур (воспитатели, помощники воспитателей, педагоги дополнительного образования, музыкальный руководитель, специалисты по физической культуре / адаптивной физической культуре / лечебной физической культуре)	Реализация адаптированной образовательной программы, социализация, адаптация учебного материала
Служба узкопрофильного сопровождения (учителя-дефектологи, учителя-логопеды, педагог-психолог)	Коррекционно-развивающая работа, психологическая поддержка всех участников
Медицинское сопровождение (ортопедист, офтальмолог, психиатр, невролог)	Лечебно-восстановительная работа, контроль зрительной нагрузки, охрана здоровья
Партнерский (внешний) контур (родители детей с ООП, представители родительских объединений, попечительский совет)	Экспертная оценка качества инклюзии со стороны семьи, ресурсная поддержка
Волонтерский ресурс (студенты профильных факультетов (психолого-педагогических, дефектологических))	Тьюторское сопровождение, помощь в проведении групповых занятий и досуга

Результаты исследования. За период исследования была не только подготовлена доступная инклюзивная и предметно-развивающая среда в соответствии с требова-

ниями Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования, но и апробированы критерии оценки эффективности работы ИПК (табл. 2).

Таблица 2

Критерии/показатели эффективности работы инклюзивной педагогической команды

Критерии/показатели эффективности работы инклюзивной педагогической команды	Задачи (план)	Баллы			Задачи (факт)
		1	2	3	
Блок оценки I. Координация работы					
1.1. Единый ИОМ: все участники ИПК работают по согласованным коррекционно-развивающим задачам; имеют доступ к актуальному ИОМ; могут инициировать дополнение ИОМ, содержания работы, включение новых задач					
1.2. Согласованность целей: все участники ИПК могут назвать/выделить три главные цели коррекционно-развивающей работы ребенка на месяц для ИПК					
1.3. Регулярность встреч для ИПК: работа ИПК с учетом результатов ИПК по совокупным достижениям детей проводится не реже одного раза в месяц с предоставлением корректировок для работы ИПК					
Блок оценки II. Методы работы					
2.1. Единые требования к формированию активности: стимуляция, необходимая альтернативная коммуникация (<i>PECS</i> , жесты), единые методические приемы используются всеми участниками ИПК					
2.2. Общая стратегия: протоколы работы с поведением, критерии оценки достижений, поощрения одинаковы в ДОО и дома					
2.3. Обучение внутри команды: специалисты инструктируют родителей, волонтеров по конкретным приемам, супервизируют их работу					
Блок оценки III. Партнерство в работе					
3.1. Субъектность родителей: мнение родителей ключевое при постановке целей, оценке прогресса, психологического комфорта ребенка					
3.2. Оперативная связь: наличие рабочего канала (чат, дневник) для ежедневного обмена информацией					
3.3. Этика и поддержка: отсутствие взаимных обвинений, поддержка участников при признаках выгорания					
Блок оценки IV. Результат					
4.1. Фиксация динамики: оценка коррекционно-развивающей работы идет по чек-листам навыков (индивидуальный прогресс)					
4.2. Прозрачность: наличие фото/видео успехов ребенка доступны для обсуждения ИПК, считаются закрепленными при наличии трех и более фактов самостоятельного использования навыков в разных условиях					
4.3. Гибкость: оперативный и коллегиальный пересмотр ИОМ, задач, отдельных приемов при отсутствии прогресса за 1,5—2 месяца					

При разработке представленных критериев, показателей и баллов для оценки инклюзивной команды были использованы значимые для практики инклюзивного детского сада компоненты: профессионально-педагогический (взаимодействие специалистов), коррекционно-развивающий (динамика ребенка), социально-экспертный (оценка родителей).

Минимальное количество баллов по четырем модулям составляет 12 баллов, максимальное — 36 баллов. Соответственно баллы по шкалам от 1—12 баллов — показатели низкого, 12—23 баллов — среднего и 24—36 баллов — высокого уровня эффективности работы ИПК. В интерпретации баллов показатель 1 присваивается при низком

проявлении, 2 — при среднем проявлении, 3 — при максимальном критерии. Полученная схема взаимодействия ИПК представлена на рисунке.

Наглядное представление о том, каким образом координируется работа участников ИПК, можно получить с помощью табл. 3.

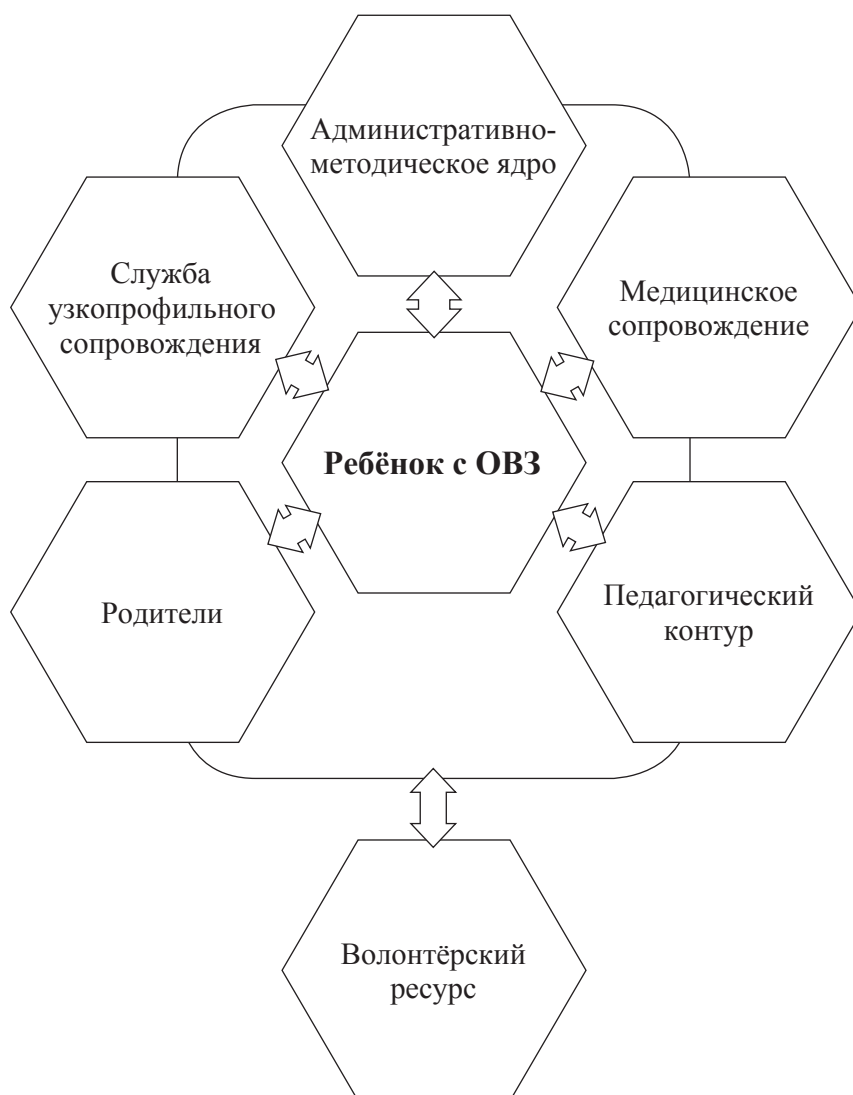

Рис. Схема взаимодействия инклюзивной педагогической команды

Таблица 3

Координации взаимодействия ИПК (фрагмент планирования работы на 4-м году обучения, 6—7 лет)

Психолого-педагогическая диагностика	
Выявление ООП, диагностика высших психических функций, эмоциональной сферы, наблюдение за проявлениями поведенческих особенностей, навыков самообслуживания, волевых процессов; оценка сильных сторон компенсаторных возможностей; прогнозирование освоения адаптированной основной образовательной программы; планирование содержания коррекционно-развивающих занятий; проведение первого консилиума с участием родителей; установление периодичности получения от родителей обратной связи о динамике навыков самостоятельной деятельности	Специалисты службы узкопрофильного сопровождения, педагог-психолог, родители
Консультативная работа	
Индивидуальное консультирование родителей для обеспечения согласованности в коррекции нарушений; предоставление информации для родителей, проведение онлайн-консультаций	Специалисты узкопрофильного сопровождения, воспитатели, родители
Коррекционно-развивающая, медико-социальная и лечебно-восстановительная деятельность, психолого-педагогическое сопровождение	
Обсуждение и составление схемы лечения (физиотерапевтического, плеопто-ортоптического, ортопедического), соблюдение требований гигиены центральной нервной системы, зрения, слуха, нагрузок на опорно-двигательный аппарат в ходе коррекционно-развивающей деятельности с учетом медицинских показаний; проведение открытых занятий, обучение родителей отдельным приемам закрепления навыков у детей	Заместитель заведующего по воспитательно-методической работе, специалисты службы медицинского и узкопрофильного сопровождения

Психолого-педагогическая диагностика (повторная)	
Изучение результатов освоения детьми с ООП адаптированной основной образовательной программы, определения темпа физического развития и результатов лечебно-восстановительной и коррекционно-педагогической работы, готовности к переходу к школьному обучению	Специалисты узкопрофильного сопровождения
Определение дальнейшего образовательного маршрута	
Расширенное заседание психолого-педагогического консилиума с привлечением специалистов территориальной психолого-медико-педагогической комиссии. Подведение итогов лечебно-восстановительной и коррекционно-развивающей деятельности, доведение полученных рекомендаций до родителей, корректировка образовательного маршрута при переходе на следующую ступень образования	Заместитель заведующего по воспитательно-методической работе, специалисты службы медицинского и узкопрофильного сопровождения, партнеры сетевых образовательных организаций
Консультативная работа	
Консультирование родителей выпускников по проведению профилактических мероприятий для закрепления результатов. Рекомендации для продолжения лечебно-восстановительной, коррекционно-развивающей работы	специалисты службы медицинского и узкопрофильного сопровождения
Социализирующая работа	
Участие в развивающих и социально значимых мероприятиях, досугах, семейных культурных программах	Педагог-психолог воспитатель, родители, волонтеры

Выводы

Введение балльной оценки с простой схемой расчета результативности и интерпретации полученных результатов показало, что, по мнению специалистов, принявших участие в исследовании, улучшились: а) осознанность значения предстоящих видов деятельности; б) легитимность дисциплины и общей цели деятельности; в) определение стратегии работы.

Опыт показал, что командная работа наиболее эффективна при наличии участия не только внутренних специалистов, но в привлечении внешних участников. Таким

образом, в ее состав вошли: а) штатный педагогический состав, обеспечивающий преемственность образовательного процесса; б) состав внештатных участников, позволивший, в числе прочего, реализовать сетевую работу с другими образовательными организациями.

Объединение сотрудников разного статуса в единый функциональный контур позволило выйти за рамки стандартных должностных инструкций педагогических работников детского сада и сфокусироваться на комплексных потребностях детей с ООП и их семей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Алехина С. В., Алексеева М. А., Агафонова Е. Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 1. С. 83—92.
- Андреева Е. И. Эмоциональный компонент психологической готовности родителей обучающихся с ограниченными возможностями здоровья к эффективной поддержке ребенка в условиях инклюзивного образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 4(108). С. 99—104. DOI: 10.24158/spp.2023.4.15.
- Ахметова Д. З., Морозова И. Г. Поликультурная компетентность педагога как одно из условий эффективности реализации инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. Вып. 72. Ч. 1. С. 20—22.
- Егорова Г. А. Козачек О. В. Исследование готовности педагогов детского сада к реализации инклюзивного образования // Ребенок и общество. 2023. № 3. С. 47—53.
- Инклюзивные профессиональные компетенции: оценочная парадигма педагогического сообщества / В. З. Кантор, Ю. Л. Проект, Г. В. Никулина и др. // Клиническая и специальная психология. 2021. Т. 10. № 3. С. 106—125. DOI: 10.17759/crpe.2021100307.
- Михайлова Е. Н., Ефремова-Шершукова Н. А. Развитие эмпатийной готовности будущих педагогов к инклюзивному образованию // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2022. № 3(47). С. 90—95. DOI: 10.54509/22203036_2022_3_90.
- Пархоменко С. А. Готовность педагога ДОУ и дошкольной организации к осуществлению инклюзивного образования // Наука и социум : материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Наука и социум» и VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Коррекционно-развивающая среда и инклюзивная практика помощи детям с ОВЗ». Новосибирск : Сиб. ин-т практ. психологии, педагогики и соц. работы, 2021. С. 58—62. DOI: 10.38163/978-5-6045317-3-0_2021_58.
- Яковлева Г. В. Управление инклюзивным образованием детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья // Современное педагогическое образование. 2023. № 4. С. 133—137.
- Доказательная оценка инклюзивных практик : метод. рук. для экспертов / С. В. Алехина, Е. В. Самсонова, Ю. А. Быстрова и др. М. : Агентство стратег. инициатив по продвижению новых проектов, 2024. 99 с.
- Летуновская С. В., Потапова И. И. Критерии эффективности реализации инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации // Современное дошкольное образование. 2021. № 4(106). С. 54—63. DOI: 10.24412/1997-9657-2021-4106-58-67.
- Селюкова Е. А. Педагогический коллектив как субъект деятельности в условиях модернизации дидактического процесса в общеобразовательной школе : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2005. 151 с.
- Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. 3-е изд., стер. М. : Большая российская энциклопедия, 2009. 527 с.

13. Воробьева М. В. Формирование у педагогов дошкольного образования готовности к работе с особыми детьми // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. науч. тр. М. : Моск. психол.-соц. ун-т, 2023. Т. 11. С. 323—328.
14. Зубченко О. М. Психологическая готовность педагога как ресурс обеспечения психологически безопасной инклюзивной образовательной среды в ДОУ // Педагогический вестник. 2024. № 33. С. 6—9.
15. Кантор В. З., Проект Ю. Л. Ценностно-мотивационный профиль личности педагога инклюзивной образовательной организации // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2022. № 206. С. 243—257. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-206-243-257.
16. Чеботарева О. В. Ценностные ориентации как основа инклюзивной компетентности учителя // Научно-педагогическое обозрение. 2024. Вып. 2(54). С. 63—74. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-2-63-74.
17. Саламатина Ю. В. Основные качества эмпатийной культуры учителя // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 2(31). С. 107—112.
18. Семенова В. В. Повышение компетентности педагогов по созданию инклюзивной образовательной среды дошкольного учреждения // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 8(161). С. 26—32.
19. Сырвачева Л. А., Цуканова С. В. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного образования в дошкольных учреждениях // Новый человек в международной политике. 2017. № 37(81). С. 84—87.
20. Хитрюк В. В. Образовательная инклюзия: подходы и принципы совершенствования // Адукацыя і выхаванне. 2022. № 1(361). С. 43—49.
21. Александрова Е. А. Педагогические команды как средство активизации инновационной деятельности образовательных учреждений : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007. 23 с.
22. Лобанов В. В. Педагогическая концепция развития образовательного коллектива : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Томск, 2025. 39 с.
23. Биза О. В., Гусейнова В. В., Сивова С. А. Взаимодействие специалистов психолого-педагогического сопровождения в условиях инклюзивного образования в дошкольной образовательной организации // Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья: опыт, проблемы, инновации : материалы XVI Всерос. науч.-практ. конф. Тамбов : Державинский, 2022. С. 53—57.
24. Ильин А. С. доказательная оценка эффективности практик инклюзивного образования // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2025. № 4(76). С. 302—308.
25. Collins L. W., Cook S. E. C., Cook B. G. Evidence-Based Practices in Special Education: A Brief Evolution and Noteworthy Practices // Teaching Exceptional Children. 2025. Vol. 58. Iss. 2. Pp. 76—77. DOI: 10.1177/00400599251382310.
26. Выготский Л. С. Психология развития : избр. работы. М. : Юрайт, 2025. 281 с.
27. Бандура А. Теория социального научения. СПб. : Евразия, 2000. 320 с.
28. Бронфенбреннер У. Экология человеческого развития: Научные перспективы, опыты и замыслы : пер. с англ. / сост. и общ. ред. А. Г. Асмолова. М. : Смысл, 2017. 461 с.

REFERENCES

1. Alekhina S. V., Alekseeva M. A., Agafonova E. L. Preparedness of Teachers as the Main Factor of Success of the Inclusive Process in Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2011;16(1):83—92. (In Russ.)
2. Andreeva E. I. Emotional component of parents of students with disabilities' psychological readiness to effectively support a child in inclusive education. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2023;4(108):99—104. (In Russ.) DOI: 10.24158/sp.2023.4.15.
3. Akhmetova D. Z., Morozova I. G. Multicultural competence of educator as one of conditions for effective implementation of inclusive education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2021;72(1):20—22. (In Russ.)
4. Egorova G. A., Kozachek O. V. Study of kindergarten teachers' readiness to implement inclusive education. *Rebenok i obshchestvo = Child and society*. 2023;3:47—53. (In Russ.)
5. Kantor V. Z., Proekt Yu. L., Nikulina G. V. et al. Inclusive professional competences: assessment paradigm of pedagogical community. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya = Clinical Psychology and Special Education*. 2021;10(3):106—125. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpse.2021100307.
6. Mikhailova E. N., Efremova-Shershukova N. A. Development of empathic readiness of future teachers for inclusive education. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*. 2022;3(47):90—95. (In Russ.) DOI: 10.54509/22203036_2022_3_90.
7. Parkhomenko S. A. Readiness of the pre-school teacher and preschool institutions to implementing inclusive education. *Nauka i sotsium = Science and Society. Materials XVII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation "Science and Society" and VIII All-Russian Scientific and practical conference with international participation "Correctional and developmental environment and inclusive practice of helping children with disabilities"*. Novosibirsk, Siberian Institute of Practical Psychology, Pedagogy and Social Work publ., 2021:58—62. (In Russ.)
8. Yakovleva G. V. Managing inclusive education for preschool children with disabilities. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2023;4:133—137. (In Russ.)
9. Alekhova S. V., Samsonova E. V., Bystrova Yu. A. et al. Evidence-based evaluation of inclusive practices. Methodological guide for experts. Moscow, Agency for Strategic Initiatives to Promote New Projects publ., 2024. 99 p. (In Russ.)

10. Letunovskaya S. V., Potashova I. I. Criteria for the effectiveness of the implementation of inclusive education in preschool educational organization. *Sovremennoe doskol'noe obrazovanie = Preschool education today*. 2021;4(106):54—63. (In Russ.) DOI: 10.24412/1997-9657-2021-4106-58-67.
11. Selyukova E. A. The teaching staff as a subject of activity in the context of the modernization of the didactic process in a comprehensive school. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Stavropol, 2005. 151 p. (In Russ.)
12. Pedagogical Encyclopedic Dictionary. B. M. Bim-Bad (ed.). 3rd ed. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 2009. 527 p. (In Russ.)
13. Vorobyova M. V. Formation of preschool teachers' readiness to work with special children. *Aktual'nye problemy sovremennoi Rossii: psikhologiya, pedagogika, ekonomika, upravlenie i pravo = Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law. Collection of scientific papers*. Moscow, Moscow University of Psychology and Social Sciences publ., 2023;11:323—328. (In Russ.)
14. Zubchenko O. M. Psychological readiness of a teacher as a resource for ensuring psychologically safe inclusive educational environment in preschools. *Pedagogicheskiy vestnik = Pedagogical Bulletin*. 2024;33:6—9. (In Russ.)
15. Kantor V., Proekt Yu. Values and motivations of inclusive teachers. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2022;206:243—257. (In Russ.) DOI: 10.33910/1992-6464-2022-206-243-257.
16. Chebotareva O. V. Core pedagogical values as the basis of inclusive teacher competence. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2024;2(54):63—74. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2024-2-63-74.
17. Salamatina Ju. V. The basic qualities of the empathic culture of teacher. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2017;2(31):107—112. (In Russ.)
18. Semenova V. V. Increasing the teachers' competence in the formation of the inclusive educational environment of the preschool establishment. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2021;8(161):26—32. (In Russ.)
19. Syrvacheva L. A., Tsukanova S. V. Teacher readiness as the main factor in the success of inclusive education in preschool institutions. *Novyi chelovek v mezhdunarodnoi politike = The Newman in Foreign Policy*. 2017;37(81):84—87. (In Russ.)
20. Khitryuk V. V. Educational inclusion: approaches and principles of improvement. *Adukatsyya i vykhavanne*. 2022;1(361):43—49. (In Russ.)
21. Aleksandrova E. A. Pedagogical teams as a means to boost innovation at educational institutions. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Saint Petersburg, 2007. 23 p. (In Russ.)
22. Lobanov V. V. Pedagogical concept of an educational team development. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Tomsk, 2025. 39 p. (In Russ.)
23. Biza O. V., Guseinova V. V., Sivova S. A. Interaction of psychological and pedagogical support specialists in the context of inclusive education in a preschool educational organization. *Sotsializatsiya detei s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: opyt, problemy, innovatsii = Socialization of children with disabilities: experience, problems, innovations*. Proceedings of the XVI All-Russian scientific and practical conference. Tambov, Derzhavinskii, 2022:53—57. (In Russ.)
24. Ilyin A. S. Evidence-based evaluation of the effectiveness of inclusive education practices. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University*. 2025;4(76):302—308. (In Russ.)
25. Collins L. W., Cook S. E. C., Cook B. G. Evidence-Based Practices in Special Education: A Brief Evolution and Noteworthy Practices. *Teaching Exceptional Children*. 2025;58(2):76—77. DOI: 10.1177/00400599251382310.
26. Vygotsky L. S. Developmental psychology. Selected works. Moscow, Yurait, 2025. 281 p. (In Russ.)
27. Bandura A. Social Learning Theory. Saint Petersburg, Evraziya, 2000. 320 p. (In Russ.)
28. Bronfenbrenner U. Ecology of Human Development: Scientific Perspectives, Experiments, and Designs. Transl. from English. A. G. Asmolov (comp. & ed.). Moscow, Smysl, 2017. 461 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 06.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья

УДК 796.412.24

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1606

Victoria Nikolaevna Markhakshinova

Senior lecturer of the Department of Theory
and Methodology of Gymnastics,
Russian University of Sport «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
markhakshinova.vn@gtsolifk.ru

Alexandra Alexandrovna Suprun

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Rhythmic Gymnastics and Sports Dance,
Lesgaft National State University
of Physical Education,
Sports and Health
Saint Petersburg, Russian Federation
aleksandrass@mail.ru

Vera Valeryevna Borisova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture,
Tula State
Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
borisovav5@rambler.ru

Виктория Николаевна Мархакшинова

старший преподаватель кафедры теории
и методики художественной гимнастики,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
markhakshinova.vn@gtsolifk.ru

Александра Александровна Супрун

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики
художественной гимнастики и спортивных танцев,
Национальный государственный
Университет физической культуры спорта
и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
Санкт-Петербург, Российская Федерация
aleksandrass@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории
и методики физической культуры,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
borisovav5@rambler.ru

СИНХРОНИЗАЦИЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ПОДБИВНОГО ПРЫЖКА С БУМЕРАНГОМ ЛЕНТОЙ НОГОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В статье рассматриваются условия синхронизации выполнения подбивного прыжка с бумерангом лентой в художественной гимнастике, что вызвано необходимостью выявления и систематизации наиболее эффективных способов оптимизации данного процесса. Проведенное исследование выявило количественные зависимости между точностью синхронизации броска ленты ногой и фазой подбивного прыжка в упражнении «бумеранг» и рядом биомеханических и кинематических параметров. На основе метода линейного регрессионного анализа построена статистически значимая модель ($p = 0,002$), объясняющая 98,3 % дисперсии точности, с весьма высокой теснотой связи ($r_{xy} = 0,992$). Модель демонстрирует, что точность синхронизации положительно коррелирует с временем возврата ленты после касания пола, начальной скоростью броска, дальностью полета и скоростью ленты в верхней точке траектории. Отрицательное влияние оказывают увеличение угла выброса ленты относительно горизонта, увеличение межбедренного угла в прыжке и рост средней скорости полета ленты. Ключевым

выводом стало выявление парадоксального разнонаправленного влияния скоростных параметров: в то время как увеличение начальной и верхней скорости способствует синхронизации, рост средней скорости ее снижает, что объясняется сокращением общего времени полета ленты. Выявленные закономерности интерпретированы с точки зрения необходимости временного и пространственного согласования траектории снаряда и фазы прыжка. На основе модели разработаны практические рекомендации для тренеров, включающие поэтапный алгоритм диагностики проблем (на примере конкретного кейса) и методы коррекции техники, направленные на оптимизацию ключевых параметров — компактности прыжка (контроль межбедренного угла) и резкости броска для регулирования времени полета снаряда при сохранении заданной дальности.

Ключевые слова: художественная гимнастика, лента, бумеранг, подбивной прыжок, кинематические параметры, прогностическая модель, регрессионный анализ, синхронизация, темп, ритм, видеоанализ

Для цитирования: Мархакшинова В. Н., Супрун А. А., Борисова В. В. Синхронизация выполнения подбивного прыжка с бумерангом лентой ногой в художественной гимнастике // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 460—466. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1606.

Original article

SYNCHRONIZATION OF A BOUNCE JUMP WITH A RIBBON BOOMERANG USING THE LEG IN RHYTHMIC GYMNASTICS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. This article discusses the conditions for synchronizing the execution of a bounce jump with a ribbon boomerang in rhythmic gymnastics, which is necessary to identify and systematize the most effective ways to optimize this process. The conducted research revealed quantitative relationships between the accuracy of synchronizing the ribbon throw with the leg and the phase of the bounce jump in the boomerang exercise, as well as a number of biomechanical and kinematic parameters. Based on the linear regression analysis method, a statistically significant model ($p = 0.002$) was constructed, which explains 98.3% of the accuracy variance, with a very high correlation coefficient ($r_{xy} = 0,992$). The model demonstrates that the accuracy of synchronization is positively correlated with the return time of the ribbon after touching the floor, the initial throw speed, the flight distance, and the speed of the ribbon at the top of the trajectory. The negative effects include an increase in the angle of the ribbon's release relative to the horizon, an increase

in the hip angle during the jump, and an increase in the average speed of the ribbon's flight. The key conclusion is a paradoxical and opposite effect of speed parameters: while an increase in the initial and upper speed contributes to synchronization, an increase in the average speed reduces it, which is explained by a decrease in the overall flight time of the ribbon. The identified patterns are interpreted in terms of the need for temporal and spatial coordination of the projectile trajectory and the jump phase. Based on the model, practical recommendations for coaches are developed, including a step-by-step algorithm for diagnosing problems (using a specific case as an example) and methods for correcting technique aimed at optimizing key parameters such as the compactness of the jump (control of the hip angle) and the sharpness of the throw to regulate the projectile's flight time while maintaining a specified range.

Keywords: rhythmic gymnastics, ribbon, boomerang, bounce jump, kinematic parameters, predictive model, regression analysis, synchronization, tempo, rhythm, video analysis

For citation: Markhakshinova V. N., Suprun A. A., Borisova V. V. Synchronization of a bounce jump with a ribbon boomerang using the leg in rhythmic gymnastics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):460—466. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1606.

Введение

В современной художественной гимнастике наблюдается устойчивая тенденция к усложнению композиций с предметами. Наряду с традиционными элементами работы лентой (спирали, змейки), ключевое место в соревновательных программах занимает элемент «бумеранг». Анализ соревновательной деятельности демонстрирует количественный рост данного элемента: если в начале олимпийского цикла в программах гимнасток встречалось в среднем до двух таких действий в координации с работой тела (ДА), то к середине сезона их количество возрастает до шести в программах как сеньорок, так и юниорок.

Однако по-прежнему техника выполнения именно в координации с телом, особенно с прыжками не всегда на наивысшем уровне, т. к. не всегда получается скоординировать фазу реализации прыжка с броском ленты, что и обуславливает **актуальность** данного исследования. Таким образом, существует противоречие между возросшей мотивацией к включению «бумеранга» в программу, стимулированной правилами, в т. ч. в координации с прыжком и недостаточным методическим обеспечением процесса его технического совершенствования. между существующими традиционными подходами к совершенствованию элемента (бумеранг) с лентой. Между существующими традиционными подходами к совершенствованию элемента (бумеранг) с лентой и отсутствием данных учета зависимости точности темповой структуры подбивного прыжка (%) и бумеранга лентой ногой от количественных факторов.

Изученность проблемы. Анализ литературы позволяет структурировать проблему по следующим ключевым направлениям. Большинство исследований посвящено общим принципам бросков предметов в художественной гимнастике и методикам их улучшения. Работы О. А. Ларищевой [1] и Е. А. Колужновой и Е. Е. Биндусовой [2] ука-

зывают на фундаментальную проблему — недостаточные физические возможности и координация у молодых спортсменок затрудняют освоение бросков. Их методики основаны на использовании отягощений и развитии координации. Исследование И. С. Семибратовой и М. В. Коноваловой [3] на примере булавы показывает подход к анализу сложных бросков: изучение вариативности исполнения и типичных ошибок у квалифицированных гимнасток для создания коррекционных упражнений. Работы К. К. Трофимовой [4] и И. В., П. И. и Л. И. Ретюнских [5] акцентируют внимание на возрастной специфике (начальная специализация, 6—7 лет) и поиске эффективных, иногда нетрадиционных, методик бросковой подготовки.

Анализ biomechanических и темпо-ритмических основ движений формирует теоретический фундамент для понимания синхронизации. О. Д. Котовой и А. Б. Домрачевой [6] представлена теоретическая модель (теорема Шаля), которая может быть применена для декомпозиции движения тела гимнастки при прыжке и броске. Исследование Е. Ю. Поповой [7] и особенно комплексный анализ А. А. Супрун, Е. Н. Медведевой, Н. Ю. Власовой, В. В. Борисовой [8] прямо указывают на темпо-ритмические характеристики как ключевой компонент качества. Они подчеркивают, что ритм движений должен соответствовать музыке, но целенаправленное обучение этому часто отсутствует. Этот вывод напрямую касается проблемы синхронизации прыжка и броска с музыкальным акцентом.

При изучении специфики работы с лентой и выполнения бумеранга выделяются работы, наиболее близкие к предмету данного исследования. Исследование А. С. Ожигановой [9] является центральным для проблемы. Автор не просто описывает элемент, но определяет ведущие координационные способности, коррелирующие с качеством выполнения бумеранга лентой. Это дает научную основу

для поиска причин нарушений синхронизации. Работа И. В. Кивихарью [10] выявляет конкретные трудности при работе с лентой, в т. ч. при броске бумеранга. Указанная причина — слабый уровень двигательной памяти, влияющей на темпо-ритмические способности и точность воспроизведения движений — напрямую связана с задачей синхронизации. Исследование Д. А. Оплачко [11] предлагает практические решения для совершенствования базовых элементов с лентой у юных гимнасток, что может быть адаптировано для работы над синхронизацией.

Анализ прыжков и их сочетания с предметом был направлен на изучение второй составляющей элемента — подбивной прыжок. Работа Е. С. Краевой [12] на примере прыжка с обручем демонстрирует методологию изучения сложнокоординационного элемента, сочетающего прыжок и бросок. Выявление места в композициях, структуры ошибок и влияющих физических способностей служит моделью для нашего анализа. Метод, использованный Д. А. Андреевой [13] (видеопрограмма *Kinovea* для определения модельной характеристики прыжка), представляет практический инструмент, который может быть применен для анализа параметров подбивного прыжка.

Обнаруженный теоретический пробел — отсутствие глубоких биомеханических исследований бумеранга лентой — позволяет расширить поиск аналогий. Исследование И. М. Джолиева с соавторами [14] предоставляет подробную модель изучения броска в баскетболе (кинематика, динамика, стабильность параметров, дифференцированный подход). Поскольку бросок бумеранга также является баллистическим движением с задачей точного попадания (ленты в точку), эта модель может быть частично адаптирована. Работа Т. Н. Давидович, Ю. К. Лукина, К. А. Хорошилова и А. С. Пеньковского [15] описывает конкретные программные средства (*Kinovea Photoshop*, *Paint.NET*, *GIMP*, *Light Alloy*, *RasChT*) для анализа углов, траекторий и скоростей при выполнении броска, что актуально для объективного измерения параметров синхронизации.

Проблема синхронизации подбивного прыжка с бумерангом лентой не изучалась напрямую в представленной литературе. Однако она может быть исследована на основе интеграции знаний из выделенных направлений:

1. Использование биомеханического подхода (теорема Шаля, модель баскетбольного броска) для анализа траекторий и параметров.
2. Определение координационного профиля (исследование Ожигановой) и оценка уровня двигательной памяти (исследование Кивихарью) как факторов, влияющих на синхронизацию.
3. Фокусировка на темпо-ритмической структуре элемента (исследование Поповой, Супрун с коллегами) как на ключевом компоненте синхронизации с музыкой.
4. Применение инструментальных методов видеонализа (*Kinovea*) для измерения временных и пространственных параметров прыжка и броска.
5. Адаптация методических принципов совершенствования бросков и работы с лентой для разработки коррекционных упражнений, направленных именно на синхронизацию двух действий.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью выявления и систематизации наиболее эффективных способов синхронизации выполнения подбивного прыжка с бумерангом ленты ногой в художественной гимнастике. Опрос тренеров показал, что большин-

ство из них (62,5 %) считают элемент бумеранг лентой как «средний» по сложности, в то время как 37,5 % считают «бумеранг» сложным элементом. Чаще всего, по мнению опрошенных, «бумеранг» лентой комбинируется с равновесиями и поворотами (по 62,5 % ответов), несколько реже — прыжками (12,5 %) из-за трудности его выполнения юными спортсменками.

Цель исследования — научно обосновать содержание подхода к синхронизации выполнения подбивного прыжка с бумерангом ленты ногой в художественной гимнастике на этапе совершенствования спортивного мастерства на основе учета пространственно-временных параметров движений.

Задачи исследования:

1. Разработать прогностическую модель, характеризующая зависимость количественной переменной точности темповой структуры подбивного прыжка (и бумеранга лентой ногой, %) от количественных факторов (пространственно-временных параметров движений), обеспечивающих синхронизацию выполнения подбивного прыжка с бумерангом ленты ногой в художественной гимнастике.
2. Разработать практические рекомендации для тренеров, направленные на синхронизацию выполнения подбивного прыжка с бумерангом ленты ногой в художественной гимнастике.

Научная новизна. Разработана прогностическая модель, характеризующая зависимость количественной переменной точности темповой структуры подбивного прыжка (и бумеранга лентой ногой, %) от количественных факторов (пространственно-временных параметров движений), обеспечивающих синхронизацию выполнения подбивного прыжка с бумерангом ленты ногой в художественной гимнастике.

Теоретическая значимость исследования. Результаты исследования вносят вклад в теорию и методику художественной гимнастики, расширяя представления о пространственно-временных параметрах движений, обеспечивающих синхронизацию выполнения подбивного прыжка с бумерангом ленты ногой в художественной гимнастике.

Практическая значимость исследования: для тренеров были разработаны практические рекомендации применения прогностической модели на практике. Что предполагает учет зависимости точности синхронизации броска ленты ногой и фазы реализации подбивного прыжка (%) с пространственно-временными параметрами движений.

Основная часть

Методология исследования. Проведенное биомеханическое исследование было направлено на выявление пространственно-временных параметров выполнения подбивного прыжка в фазе реализации и бумеранга лентой ногой. Изучались такие параметры как угол, под которым лента была выпущена относительно горизонтальной плоскости в момент броска (°); межбедренный угол (°); время в секундах, которое требуется ленте, чтобы вернуться назад, после касания пола; начальная скорость полета ленты (V_0 , м/с); высота и дальность полеты ленты (L , м), скорость в наивысшей точке полета ленты (V_{top} , м/с) и средняя скорость полета ленты ($V_{ср.}$, м/с). Установлено, что высота полета ленты не определяет темпо-ритмическую синхронизацию изучаемого элемента. Точность синхронизации по времени рассчитывалась по формуле:

$$\text{Точность (\%)} = t_{\text{бросок}} / t_{\text{прыжок}} \times 100.$$

Если точность равна 100 % — броски полностью синхронизированы по длительности с фазой прыжка; если больше 100 % — бросок длиннее фазы прыжка; если меньше 100 % — бросок короче фазы прыжка.

Контингент исследования составили 16 гимнасток этапа совершенствования спортивного мастерства СК «Ювента», г. Москва.

Статистический анализ проводился с использованием программы *StatTech v. 4.12.5* (разработчик — ООО «Статтех», Россия). Количественные показатели оценивались на предмет соответствия нормальному распределению с помощью критерия Шапиро—Уилка. Направление и теснота корреляционной связи между двумя количественными показателями оценивались с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (при распределении показателей, отличном от нормального). Оценка зависимости точности темповой структуры подбивного прыжка (%) и бумеранга лентой ногой от количественных факторов была выполнена с помощью метода линейной регрессии. Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты исследования. Оценка зависимости точности темповой структуры подбивного прыжка (%) и бумеранга лентой ногой от количественных факторов была выполнена с помощью метода линейной регрессии (см. табл.).

Анализ зависимости точности синхронизации броска ленты ногой и фазы реализации подбивного прыжка (%) и пространственно-временными параметрами движений ($n = 16$)

Показатель	В	Стандартная ошибка	t	p
	237,473	12,999	18,269	<0,001*
Угол, под которым лента была выпущена относительно горизонтальной плоскости в момент броска (°)	-0,560	0,162	-3,461	0,026*
Межбедренный угол (°)	-0,552	0,065	-8,479	0,001*
Время, которое требуется ленте, чтобы вернуться назад, после касания пола (с)	34,150	6,955	4,910	0,008*
Начальная скорость полета ленты (V_0 , м/с)	12,170	2,190	5,557	0,005*
Дальность полеты ленты (L , м)	8,609	0,795	10,830	<0,001*
Скорость в наивысшей точке полета ленты (V_{top} , м/с)	14,580	2,203	6,619	0,003*
Средняя скорость полета ленты ($V_{cp.}$, м/с)	-37,073	3,979	-9,318	<0,001*

Примечание: * — различия показателей статистически значимы ($p < 0,05$).

Наблюдаемая зависимость зависимости точности синхронизации броска ленты ногой и фазы реализации подбивного прыжка и пространственно-временными параметрами движений описывается уравнением линейной регрессии:

$$Y = 237,473 - 0,560X_{\text{Угол, под которым лента была выпущена относительно горизонтальной плоскости в момент броска}} - 0,552X_{\text{Межбедренный угол}} + 34,150X_{\text{Время, которое требуется ленте, чтобы вернуться назад, после касания пола}} + 12,170X_{V_0} + 8,609X_L + 14,580X_{V_{top}} - 37,073X_{V_{cp.}}$$

Таким образом, при увеличении угла, под которым лента была выпущена относительно горизонтальной плоскости в момент броска, на 1° следует ожидать уменьшения точности синхронизации броска ленты ногой и фазы реализации подбивного прыжка на 0,560 %; при увеличении межбедренного угла на 1° следует ожидать уменьшения точности на 0,552 %; при увеличении времени, которое требуется ленте, чтобы вернуться назад, после касания пола, на 1 с следует ожидать увеличения точности на 34,150 %; при увеличении начальной скорости полета ленты на 1 м/с следует ожидать увеличения точности на 12,170 %; при увеличении дальности полеты ленты на 1 м следует ожидать увеличения точности на 8,609 %; при увеличении скорости в наивысшей точке полета ленты на 1 м/с следует ожидать увеличения точности на 14,58 %; при увеличении средней скорости полета ленты на 1 м/с следует ожидать уменьшения точности на 37,073 %.

Полученная регрессионная модель характеризуется коэффициентом корреляции $r_{xy} = 0,992$, что соответствует весьма высокой тесноте связи по шкале Чеддока. Модель была статистически значимой ($p = 0,002$). Полученная модель объясняет 98,3 % наблюдаемой дисперсии точности.

Модель показывает, какие именно параметры понижают синхронизацию прыжка и броска. На тренировке тренеру не получится измерить скорость ленты секундомером, но можно измерить три ключевых вещи: дальность полета ленты, время ее полета и угол раскрытия в прыжке. Вот как это применять.

1. Рекомендуется замерить базовые показатели гимнастики. Можно взять гимнастку А как пример. У нее плохая синхронизация — 147 % (бросок ленты осуществляется намного позже, чем прыжок, т. е. не в фазу реализации, а в момент приземления). Ее данные: межбедренный угол в прыжке: $154,3^\circ$; время полета ленты до возврата (после касания пола): 1,32 с; дальность полета ленты: 8,55 м; угол броска ленты: 9° .

2. Анализ проблемы и постановка задач. Модель говорит:

- Чем больше межбедренный угол — тем ниже точность. У гимнастки он $154,3^\circ$ — это очень широкое раскрытие (нет качания нижней ногой и угол на $25,7^\circ$ ниже модельного 180° , прыжок получается «затянутым»).
- Чем больше время возврата ленты — тем выше точность. У нее 1,32 с — это много. Бросок сам по себе долгий.
- Чем больше дальность полета — тем выше точность. У нее 8,55 м — это большая дальность.

Вывод по гимнастке А.: главная проблема не в броске (он далек и долог, что формально хорошо для модели), а в несоответствии времени. Ее прыжок очень короткий (0,51 с), а бросок ленты очень долгий (0,75 с). Задача для тренера состоит в том, чтобы сократить время полета ленты или увеличить время прыжка (за счет повышения техники прыжка или его высоты).

3. Практические рекомендации тренеру (что делать в зале):

а) Работа над прыжком (рекомендуется увеличиваем его время). Необходимо контролировать межбедренный угол. Тренеру стоит поставить задачу не максимальное раскрытие, а быстрое и собранное. Рекомендуется использовать угломер или видеосъемку с разметкой. Цель — уменьшить угол до 130—140°, чтобы прыжок стал более собранным и упругим, а не «разваленным» и долгим в безвоздушной фазе. Для достижения поставленной задачи рекомендуется выполнять прыжки с акцентом на быстрое отталкивание и такое же быстрое приведение ног перед приземлением. Тренер может считать: «раз» — толчок, «и» — собраться, «два» — приземление.

б) Работа над броском (оптимизируем его время и дальность). Тренеру рекомендуется замерить дальность полета ленты. Для этого нужно разметить на ковре линию старта и точки падения палочки. Цель — не бросать как можно дальше, а бросать стабильно на одну и ту же дистанцию, которая соответствует длине прыжка. Необходимо замерить общее время полета ленты секундомером. От выпуска до готовности поймать. Для синхронизации с коротким прыжком это время тренеру нужно учить гимнастку сокращать. Как сократить время полета при той же дальности? Модель дает ответ: увеличить среднюю скорость полета. На практике это значит, что тренеру надо требовать — бросать резче, энергичнее, с более четким и быстрым движением кисти, а не просто закидывать ленту вверх. Резкий бросок = меньше время в воздухе = легче подогнать под прыжок.

в) Упражнение на синхронизацию:

1. Тренеру стоит разделить элемент. Пусть гимнастка сначала отрабатывает короткий, собранный прыжок на месте с нужным углом бедер.

2. Затем отрабатывает резкий бросок на заданную дистанцию (например, 6—7 м, а не 8,5).

3. Тренеру необходимо соединять части, контролируя ключевой момент: лоскут ленты должен коснуться пола в момент кульминации прыжка гимнастки. Это визуальный маркер. Если лента коснулась пола, а гимнастка еще только на взлете — бросок слишком ранний и быстрый. Если гимнастка уже приземляется, а лента все еще в воздухе — бросок слишком долгий.

Рекомендуется использовать модель как чек-лист причин:

1. Низкая точность? Тренеру следует замерить время прыжка и время полета ленты секундомером. Они должны быть равны.

2. Если время прыжка мало — тренеру нужно обратить внимание на межбедренный угол. Скорее всего, прыжок «разваленный», его надо делать компактнее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ларичева О. А. совершенствование техники бросков и ловли предметов спортсменок 10—14 лет в художественной гимнастике // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и пути решения : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград : ВГАФК, 2024. Ч. 2. С. 43—46.

2. Колюжнова Е. А., Биндусов Е. Е. Эффективность применения метода сопряженного воздействия при совершенствовании бросков обруча в художественной гимнастике // Современные векторы прикладных исследований в сфере физической культуры и спорта : сб. ст. IV Междунар. рос.-белорус. науч.-практ. конф. М. : РИТМ: издательство, технологии, медицина, 2023. С. 140—145.

3. Семибратова И. С., Коновалова М. В. Особенности повышения качества выполнения бросков с булавами в художественной гимнастике // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2025. № 4(242). С. 144—150.

3. Если время полета ленты велико — тренеру важно оценить дальность броска и резкость. Не нужно уменьшать дальность, а необходимо увеличивать резкость броска (среднюю скорость), чтобы летала ту же дистанцию, но быстрее.

Простая формула успеха для гимнастки: Собранный прыжок + Резкий бросок = Идеальная синхронизация. Задача тренера — замерить и отрегулировать эти компоненты.

Заключение

Для успешной синхронизации подбивного прыжка с бумерангом лентой необходимо выполнение двух временных условий:

1. Длительность фазы активной реализации прыжка (от толчка до готовности к приземлению/приему) должна быть равна суммарному времени полета ленты по траектории «бумеранга» (от выпуска из руки до возврата в контрольную позицию).

2. Кульминационная точка прыжка (например, максимальная высота или раскрытие) должна совпадать с ключевой фазой полета ленты (например, достижением ею наивысшей точки или касанием пола).

Достижению этих условий способствует рациональная техника броска: выполнение его под оптимальным (не слишком большим) углом с достаточной начальной скоростью, что обеспечивает предсказуемую траекторию и стабильное время полета предмета. Одновременно гимнастка должна регулировать амплитуду прыжка (межбедренный угол), чтобы его динамическая структура была согласована с этим временем полета.

Основные направления дальнейших исследований Валидация и уточнение модели на расширенной выборке; углубленный биомеханический анализ. Исследование причинно-следственных связей между выявленными параметрами. Например, изучение того, как мышечная активность, кинематика суставов нижних конечностей и техника отталкивания определяют межбедренный угол и общее время фазы прыжка. Разработка и апробация технологий оперативного контроля. Создание и тестирование практических инструментов (например, мобильных приложений с компьютерным зрением, упрощенных датчиков инерции) для оперативного измерения ключевых параметров (дальность броска, время полета ленты, углы) в условиях тренировочного зала. Исследование индивидуальных траекторий оптимизации. Изучение возможности кластеризации гимнасток по типам двигательных ошибок на основе исходных параметров и разработка индивидуализированных тренировочных программ для каждого типа. Экстраполяция методологического подхода. Применение аналогичной методологии регрессионного анализа для изучения синхронизации в других сложнокоординационных элементах художественной гимнастики с различными предметами, а также в смежных видах спорта.

4. Трофимова К. К. Факторы успешного выполнения бросков в художественной гимнастике на этапе начальной специализации // Тезисы докладов ЛП научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар : Куб. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2025. Ч. 1. С. 216—217.
5. Ретюнский И. В., Ретюнская П. И., Ретюнская Л. И. Повышение эффективности методики обучения броскам предметов у гимнасток 6—7 лет с использованием нетрадиционных для художественной гимнастики предметов // Актуальные вопросы и перспективы развития физического воспитания, спорта в вузах : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд-во СГУПС, 2023. С. 194—200.
6. Котова О. Д., Домрачева А. Б. Моделирование средних и высоких бросков спортивных снарядов при выполнении упражнений в художественной гимнастике // Студенческая научная весна : Всерос. студенч. конф. : сб. тез. докл. М. : Научная библиотека, 2021. С. 272—273.
7. Попова Е. Ю. Специально-двигательные способности спортсменов, повышающие качество исполнения динамических элементов с бросками и вращениями в художественной гимнастике // Теория и практика физической культуры. 2026. № 2. С. 112.
8. Супрун А. А., Медведева Е. Н., Власова Н. Ю., Борисова В. В. Биомеханический анализ темпоритмической структуры движений предмета в художественной гимнастике: от теории к практике (с рекомендациями по музыкальному сопровождению) // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 426—433. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1296.
9. Ожиганова А. С. Формирование базовых навыков выполнения «бумеранга» лентой в художественной гимнастике в соответствии с координационным профилем упражнений // Научные исследования и разработки в спорте : вестн. аспирантуры и докторантуры. СПб. : Нац. гос. Ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2024. Вып. 32. С. 32—36.
10. Кивихарью И. В. современное состояние и способы развития двигательной памяти для повышения качества выполнения технических элементов с лентой в художественной гимнастике // Психология человека и общества. 2024. № 5(69). С. 22—28.
11. Оплачко Д. А. Совершенствование техники выполнения базовых элементов с лентой у гимнасток 10—11 лет // Современная проблематика физической культуры и спорта : сб. науч. тр. II Регион. науч.-практ. конф. Уфа, Уфа : Башк. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2025. С. 127—132.
12. Краева Е. С. Совершенствование бросков обруча на прыжке «жете ан турнан» у спортсменок 9—10 лет в художественной гимнастике // Физическая культура и спорт. Олимпийское образование : материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Куб. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2025. С. 68—72.
13. Андреева Д. А. Модельная техника перекидного прыжка со скакалкой в художественной гимнастике у девочек 6—7 лет // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : материалы XIII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов высш. и сред. учеб. заведений с междунар. участием : в 3 т. Казань : Поволжский ГУФКСИТ, 2025. Т. 2. С. 424—426.
14. Анализ биомеханических характеристик броска в баскетболе и их коррекция в процессе обучения / И. М. Джолиев, Б. М. Сапаров, В. А. Обносков и др. // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 5-1. С. 11—24. DOI: 10.25726/s8100-0652-6189-x.
15. Давидович Т. Н., Лукин Ю. К., Хорошилов К. А., Пеньковский А. С. Использование возможностей компьютерных программ для оптимизации технической подготовки баскетболистов // Культура физическая и здоровье современной молодежи : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2020. С. 188—193.

REFERENCES

1. Laricheva O. A. Improving the technique of throwing and catching apparatus in athletes 10-14 years old in rhythmic gymnastics. *Fizicheskaya kul'tura i sport v XXI veke: aktual'nye problemy i puti resheniya* = Physical culture and sports in the 21st century: current issues and solutions. Collection of materials from the 4th International scientific and practical conference. Volgograd, Volgograd State Academy of Physical Culture publ., 2024;2:43—46. (In Russ.)
2. Kolyuzhnova E. A., Bindusov E. E. The effectiveness of using the conjugate effect method in improving hoop throws in rhythmic gymnastics. *Sovremennye vektory prikladnykh issledovaniy v sfere fizicheskoi kul'tury i sporta* = Modern vectors of applied research in the field of physical culture and sports. Collection of articles from the IV International Russian-Belarusian scientific and practical conference. Moscow, RITM: izdatel'stvo, tekhnologii, meditsina, 2023:140—145. (In Russ.)
3. Semibratova I. S., Konovalova M. V. Features of improving the quality of throws with clubs in rhythmic gymnastics. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2025;4(242):144—150. (In Russ.)
4. Trofimova K. K. Factors of successful execution of throws in rhythmic gymnastics at the stage of initial specialization. *Abstracts of the LII Scientific conference of students and young scientists of universities in the Southern Federal District*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Culture, Sports, and Tourism publ., 2025;1:216—217. (In Russ.)
5. Retyunskiy I. V., Retyunskaya P. I., Retyunskaya L. I. Improving the effectiveness of the method of teaching apparatus throws to gymnasts aged 6-7 years using non-traditional subjects for rhythmic gymnastics. *Aktual'nye voprosy i perspektivy razvitiya fizicheskogo vospitaniya, sporta v vuzakh* = Current issues and prospects for the development of physical education and sports in universities. Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference. Novosibirsk, Siberian State Transport University publ., 2023:194—200. (In Russ.)
6. Kotova O. D., Domracheva A. B. Modeling of medium and high apparatus throws of during rhythmic gymnastics exercises. *Studencheskaya nauchnaya vesna* = Student scientific spring. All-Russian student conference. Collection of abstracts. Moscow, Nauchnaya biblioteka, 2021:272—273. (In Russ.)
7. Popova E. Yu. Specially-designed for the motor abilities of female athletes, which improve the quality of dynamic elements with throws and rotations in rhythmic gymnastic. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* = Theory and practice of physical culture. 2026;2:112. (In Russ.)

8. Suprun A. A., Medvedeva E. N., Vlasova N. Yu., Borisova V. V. Biomechanical analysis of the tempo-rhythmic structure of movements of the apparatus in rhythmic gymnastics: from theory to practice (with recommendations on musical accompaniment). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;2(71):426—433. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1296.
9. Ozhiganova A. S. Formation of basic skills of performing a “boomerang” with a ribbon in rhythmic gymnastics in accordance with the coordination profile of exercises. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki v sporte = Scientific research and development in sports. Bulletin of postgraduate and doctoral studies*. Saint Petersburg, Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health publ., 2024;32:32—36. (In Russ.)
10. Kivikharyu I. V. the current state and ways of developing motor memory to improve the quality of performing technical elements with a ribbon in rhythmic gymnastics. *Psikhologiya cheloveka i obshchestva = Psychology of human and society*. 2024;5(69):22—28. (In Russ.)
11. Oplachko D. A. Improvement of the technique of basic elements with a ribbon in gymnasts of 10-11 years old. *Sovremennaya problematika fizicheskoi kul'tury i sporta = Modern issues of physical culture and sports. Collection of scientific papers from the II Regional scientific and practical conference*. Ufa, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla publ., 2025:127—132. (In Russ.)
12. Kraeva E. S. Improvement of hoop throws in the “jeté en tournant” jump in 9-10-year-old rhythmic gymnasts. *Fizicheskaya kul'tura i sport. Olimpiiskoe obrazovanie = Physical culture and sports. Olympic education: Proceedings of the International scientific and practical conference*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Culture, Sports, and Tourism publ., 2025:68—72. (In Russ.)
13. Andreeva D. A. Model technique of a skip jump in rhythmic gymnastics for girls aged 6-7. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Actual problems of the theory and practice of physical culture, sports, and tourism. Materials of the XIII All-Russian scientific and practical conference of young scientists, postgraduate students, magisters, and students of higher and secondary educational institutions with international participation*. Kazan, Volga State University of Physical Education, Sports and Tourism publ., 2025;2:424—426. (In Russ.)
14. Dzholiev I. M., Saparov B. M., Obnosov V. A. et al. Analysis of biomechanical characteristics of a basketball shot and their correction in the learning process. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2025; 5-1:11—24. (In Russ.) DOI: 10.25726/s8100-0652-6189-x.
15. Davidovich T. N., Lukin Yu. K., Khoroshilov K. A., Pen'kovskii A. S. Using the capabilities of computer programs to optimize the technical training of basketball players. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e sovremennoi molodezhi = Physical culture and health of modern youth. Proceedings of the III International scientific and practical conference*. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2020:188—193. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2026; одобрена после рецензирования 14.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 11.03.2026; approved after reviewing 14.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья**УДК 387.0****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1581****Anna Vladimirovna Matveeva**

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Biology, Ecology,
and Teaching Methods,
Kozma Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
a.matveeva.nn@gmail.com

Irina Sergeevna Dedyura

Lecturer of the Department of Biology, Ecology,
and Teaching Methods,
Kozma Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
dedyura.irina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9397-4434

Natalya Anatolyevna Pimanova

Candidate of Chemistry,
Associate Professor of the Department of Biology, Ecology,
and Teaching Methods,
Kozma Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University
Nizhny Novgorod, Russian Federation
chem-vsem@yandex.ru

Анна Владимировна Матвеева

канд. пед. наук,
доцент кафедры биологии, экологии
и методик обучения,
Нижегородский государственный
педагогический университет имени Козьмы Минина
Нижний Новгород, Российская Федерация
a.matveeva.nn@gmail.com

Ирина Сергеевна Дедюра

преподаватель кафедры биологии, экологии
и методик обучения,
Нижегородский государственный
педагогический университет имени Козьмы Минина
Нижний Новгород, Российская Федерация
dedyura.irina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9397-4434

Наталья Анатольевна Пиманова

канд. хим. наук,
доцент кафедры биологии, экологии
и методик обучения,
Нижегородский государственный
педагогический университет имени Козьмы Минина
Нижний Новгород, Российская Федерация
chem-vsem@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ИНЖЕНЕРНОГО МЫШЛЕНИЯ У БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ БИОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации образования и междисциплинарной интеграции знаний актуальна задача формирования у будущих учителей биологии не только предметной компетентности, но и инженерного мышления — способности к системному анализу, проектированию, моделированию и решению сложных проблем.

Цель исследования заключается в анализе практики организации учебных занятий по дисциплинам «Методика обучения биологии», «Образовательные технологии в процессе обучения биологии» и «Решение профессиональных задач учителя биологии» для студентов педагогического вуза, направленных на развитие инженерного мышления обучающихся с использованием цифровой образовательной среды.

В статье рассматриваются теоретические основы и практические подходы к развитию инженерного мышления у студентов-биологов в рамках цифровой образовательной среды. Обосновывается педагогическая целесообразность внедрения проектно-ориентированных, исследовательских и симуляционных методов обучения, а также использования цифровых инструментов (виртуальных лабораторий, биоинформатических платформ, CAD-систем, IoT-устройств). В статье предлагаются методические подходы по организации учебной деятельности, обеспе-

чивающей переход от репродуктивного усвоения знаний к созидательной инженерно-педагогической практике.

Внедрение предложенной авторами модели развития инженерного мышления отвечает стратегическим приоритетам научно-технологического развития страны и современным требованиям федеральных государственных образовательных стандартов. Синтез биологического содержания с инженерными технологиями создает условия для подготовки нового поколения учителей, способных эффективно работать в цифровой образовательной среде и формировать у школьников навыки, востребованные в будущей профессиональной деятельности. Описанная в статье модель может быть использована при обновлении основных профессиональных образовательных программ педагогического направления других естественных профилей подготовки и разработке нормативных актов, регулирующих цифровизацию педагогического образования.

Ключевые слова: инженерное мышление, подготовка учителей биологии, цифровая образовательная среда, междисциплинарность, проектное обучение, цифровые технологии, педагогическая подготовка, образовательные технологии, виртуальная лаборатория, проектно-ориентированное обучение, цифровизация

Для цитирования: Матвеева А. В., Дедюра И. С., Пиманова Н. А. Развитие инженерного мышления у будущих учителей биологии в условиях цифровой образовательной среды // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 467—473. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1581.

Original article

DEVELOPMENT OF ENGINEERING THINKING IN FUTURE BIOLOGY TEACHERS
IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *In the context of rapid digitalization of education and interdisciplinary integration of knowledge, it is important for future biology teachers to develop not only subject-specific competence, but also engineering thinking, which involves the ability to analyze, design, model, and solve complex problems.*

The purpose of this study is to analyze the practice of organizing educational activities in the disciplines “Methods of Teaching Biology,” “Educational Technologies in Teaching Biology,” and “Solving Professional Problems of Biology Teachers” for students of a pedagogical university, which aim to develop students’ engineering thinking using a digital educational environment.

The article discusses the theoretical foundations and practical approaches to developing engineering thinking among biology students within the framework of a digital educational environment. The pedagogical expediency of introducing project-oriented, research, and simulation teaching methods, as well as the use of digital tools (virtual laboratories, bioinformatics platforms, CAD systems, and IoT devices), is substantiated. The article proposes methodological approaches

to organizing educational activities that ensure a transition from reproductive knowledge acquisition to creative engineering and pedagogical practice.

The implementation of the model for the development of engineering thinking proposed by the authors meets the strategic priorities of the country’s scientific and technological development and the current requirements of the Federal State Educational Standard. The synthesis of biological content with engineering technologies creates conditions for training a new generation of teachers who can effectively work in a digital educational environment and develop skills in students that are in demand in their future professional activities. The model described by the authors in the article can be used in updating the main professional educational programs for teachers of other natural sciences and in the development of regulations governing the digitalization of teacher education.

Keywords: *engineering thinking, biology teacher training, digital educational environment, interdisciplinarity, project learning, digital technologies, teacher training, educational technologies, virtual laboratory, project-based learning, digitalization*

For citation: Matveeva A. V., Dedyura I. S., Pimanova N. A. Development of engineering thinking in future biology teachers in a digital educational environment. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):467—473. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1581.

Введение

Актуальность. Современное образование переживает трансформацию, обусловленную как глобальными вызовами (климатические изменения, пандемии, биоразнообразие), так и технологическим прорывом в области искусственного интеллекта, биотехнологий и цифровых платформ. В этих условиях роль учителя биологии выходит за рамки традиционного преподавания: он становится фасилитатором научного и инженерного мышления у школьников. Однако для этого сам педагог должен обладать соответствующими компетенциями, включая элементы инженерного мышления — способности формулировать проблемы, проектировать решения, тестировать гипотезы и оптимизировать процессы на основе данных.

Изученность проблемы. Инженерное мышление традиционно рассматривается как когнитивный процесс, направленный на решение практических задач через проектирование, прототипирование, тестирование и итеративное улучшение. В педагогике это понятие расширяется, включая системное мышление, критический анализ, творческое проектирование, работу с данными и этическую рефлексию.

В научной литературе существуют различные подходы к рассмотрению понятия «инженерное мышление»: психологические и педагогические.

С психологической точки зрения, авторы разделяют позицию Б. Н. Гузанова и К. А. Федуловой, что мышление — это не особый познавательный процесс (наряду с другими), а личностное образование, где в неразрывной целостности представлены процессуальные, мотивационные аспекты деятельности субъекта [1].

Анализ научных работ показал, что для мышления характерны такие ключевые признаки как опосредованность и обобщенность, ориентация на создание нового продукта. Психологическое содержание когнитивного плана мышления в работах А. В. Феоктистова с соавторами [2] представлено его формами (понятия, суждения, умозаключения), операциональным аспектом (умственные действия) и процессуальным компонентом (мыслительные процессы, такие как анализ, синтез, анализ через синтез, абстракция, обобщение и др.).

Инженерное мышление ведущие педагоги рассматривают как сложный и многоаспектный феномен, который имеет интегративный характер. А. А. Никитина и Е. А. Маннанова определяют его в качестве системного образования, объединяющего различные типы мышления [3]. Разделяют данную точку зрения О. Р. Шефер, Т. Н. Лебедева, С. В. Крайнева, Г. С. Кочеткова. Они характеризуют инженерное мышление как сложную, интегративную категорию, представляющую собой системное техническое мышление с элементами творческой деятельности, включающее в себя разные смежные типы мышлений (логические, аналитические, пространственные, креативное и другие типы мышления) [4], ориентированное на решение инженерных задач. А. Л. Королев и Н. Б. Паршукова рассматривают инженерное мышление как более широкое понятие, в котором техническое мышление является его составной частью [5]. Аналогичной позиции придерживается В. А. Попова, выделяя в качестве значимого элемента инженерного мышления — техническое знание, определяющее практический характер инженерного мышления [6].

Большинство ученых сходятся во мнении, что инженерное мышление выступает сложным, многогранным и интегративным феноменом, отличающимся междисциплинарностью, системностью, креативностью, гибкостью, практико-ориентированностью. Объединяя различные виды мышления, оно проявляется и развивается в процессе решения различных инженерных задач и проблем на основе синтеза естественно-научных, технических и гуманитарных знаний.

Важной предпосылкой формирования инженерного мышления у будущих учителей естественно-научного профиля выступает его тесная взаимосвязь с естественно-научным знанием. Потенциал естественно-научных дисциплин в формировании данного феномена подчеркивается А. В. Казарбиным и Ю. В. Луниной [7], А. П. Усольцевым и Т. Н. Шемало [8], Л. М. Андриюхиной, Б. Н. Гузановым, С. В. Анаховым [9; 10], К. А. Марковым [11], которые рассматривают их содержание в качестве базиса формирования инженерного мышления и современной научной картины мира, выступающей онтологическим основанием данного феномена. Как утверждают О. Р. Шефер, Т. Н. Лебедева, С. В. Крайнева, Г. С. Кочеткова, инженерное мышление находится в поле профессиональной деятельности учителей естественно-научного цикла и, следовательно, должно целенаправленно формироваться в процессе их подготовки в вузе [4].

На основе анализа литературных источников можно сделать вывод, что для учителя биологии инженерное мышление особенно актуально в контексте: разработки учебных проектов по синтетической биологии, экологии, биоинженерии; использования биосенсоров и *IoT*-устройств для мониторинга окружающей среды; анализа больших биологических данных (геномика, метагеномика); проектирования образовательных сред и цифровых лабораторий, что подтверждает **целесообразность разработки темы**.

Цифровая образовательная среда (далее — ЦОС) предоставляет уникальные возможности для развития инженерного мышления, обеспечивая доступ к интерактивным ресурсам, симуляциям, открытым данным и инструментам совместной работы [12]. В данной статье представлена модель развития инженерного мышления у будущих учителей биологии в условиях ЦОС, апробированная в рамках бакалаврской программы 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профили «Биология и химия» и «География и биология».

Основными функциональными возможностями цифровой образовательной среды являются персонализация обучения, дистанционное обучение и гибкость образовательного процесса, неограниченный доступ к современным образовательным ресурсам практически из любой точки мира, автоматизация административных и учебных процессов, мониторинг и анализ учебных достижений, а также развитие цифровой грамотности. Такие особенности образовательного процесса имеют высокую потенциальную возможность для формирования навыков критического и системного мышления обучающихся при анализе большого объема учебного материала, а также способствуют развитию интереса к активному участию в творческом проектировании для решения практических задач, что является элементами инженерного мышления [13].

Примерами цифровых сред для использования в процессе обучения учителей биологии выступает ряд типовых и специализированных платформ, применя-

емых в российских университетах для организации цифрового обучения. Платформы «Открытое образование», *Stepik*, «Нетология» позволяют проходить бесплатные онлайн-курсы от ведущих российских вузов, получая сертификаты за успешное прохождение курсов, самостоятельное составление образовательного трека, с регулированием уровня сложности заданий в зависимости от уровня подготовки. Немаловажно, что даже при неудовлетворительном прохождении дисциплины есть возможность перезачета в рамках образовательных программ. Платформы ЭБС «Лань», ЭБС «Знаниум», НЭБ *eLibrary.ru* предоставляют доступ к электронным книгам, учебной и научной литературе для написания научно-исследовательских работ, курсовых и дипломных проектов будущих учителей биологии.

Инновационным и экспериментальным решением в практике использования цифровых образовательных сред являются платформы *STEPS* (разработка Университета 20.35) и 1С.Урок. Платформы позволяют создавать персонализированное образовательное пространство, с формированием индивидуального профиля и картой компетенций, визуализацией прогресса в формате «навыков профиля», где кураторами могут выступать ИИ-советники, а также интеграция с таск-менеджерами, которые помогают при планировании, назначении и отслеживании выполнения рабочих задач. На платформах представлен мультимедийный контент (курсы и микромодули, интерактивные кейсы, видео лекции и подкасты), социальное обучение (создание групп по интересам, обмен опытом через форумы и чаты, возможности наставничества).

Цель исследования — разработать методическую модель формирования инженерного мышления обучающихся с использованием цифровой образовательной среды на основе анализа практики организации учебных занятий по дисциплинам «Методика обучения биологии», «Образовательные технологии в процессе обучения биологии» и «Решение профессиональных задач учителя биологии».

Авторами определены следующие **задачи** исследования:

- 1) обоснование научно-методических возможностей дисциплин предметно-методического модуля «Биология» учебного плана по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», профиль подготовки «Биология и химия», для формирования и развития инженерного мышления обучающихся;
- 2) обобщение актуальных средств цифровой образовательной среды и выявление их педагогических особенностей;
- 3) определение методологических ориентиров развития инженерного мышления обучающихся в цифровой образовательной среде.

Научная новизна состоит в предложении структурированной модели развития инженерного мышления в цифровой образовательной среде, обоснованной предметным содержанием подготовки будущих учителей биологии.

Теоретическая значимость. Результаты исследования позволяют расширить понимание важности развития инженерного мышления в цифровой образовательной среде для подготовки учителей естественно-научного профиля. Предложенная модель развития инженерного мышления конкретизирует теоретическое основание новой педагогики цифрового образования и рассматривает модель как ключевую возможность профессиональной инженерной подготовки педагогов.

Практическая значимость. Разработанная модель развития инженерного мышления в цифровой образовательной среде может быть использована в практике подготовки будущих учителей. Результаты исследования могут использоваться в процессе усовершенствования учебных планов и организации практических занятий, направленных на развитие инженерного мышления студентов педагогических вузов.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В исследовании в 2024/25 учебном году приняли участие студенты IV и V курсов Мининского университета естественно-географического и химико-технологического факультетов.

Для реализации цели использовались методы сравнительного анализа, обобщения практического опыта обучения, прогностический метод.

На базе Мининского университета реализуются по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (Ядро выс-

шего педагогического образования), профили «Биология и химия» и «География и биология». По учебному плану дисциплины «Методика обучения биологии», «Образовательные технологии в процессе обучения биологии» и «Решение профессиональных задач учителя биологии» изучаются в 7-м, 8-м, 9-м и 10-м семестрах соответственно. В табл. 1 представлена учебная нагрузка в часах по видам деятельности по данным дисциплинам.

При наполнении содержанием дисциплин «Методика обучения биологии», «Образовательные технологии в процессе обучения биологии» и «Решение профессиональных задач учителя биологии» авторы ориентировались на этапность развития инженерного мышления: 1) ценностно-смысловой этап, 2) когнитивный этап, 3) нормативно-регулятивный этап, 4) конструктивно-творческий этап [14; 15].

На рис. 1 представлена схема реализации этапов развития инженерного мышления в рамках дисциплин «Методика обучения биологии», «Образовательные технологии в процессе обучения биологии» и «Решение профессиональных задач учителя биологии».

Таблица 1

Распределение учебной нагрузки по дисциплинам методической части предметно-методического модуля «Биология»

Курс	Семестр	Дисциплина	Распределение учебной нагрузки, часы					Всего
			Виды занятий					
			Лекции	Практические занятия	Лабораторные работы	Контактная самостоятельная работа студентов	Самостоятельная работа студентов	
IV	7—8	Методика обучения биологии	62	36	18	18	136	252
V	9	Образовательные технологии в процессе обучения биологии	20	20	—	12	54	108
V	10	Решение профессиональных задач учителя биологии	30	30	—	12	72	144

Рис. 1. Этапы развития инженерного мышления обучающихся средствами дисциплин методической части предметно-методического модуля «Биология»

Результаты исследования и их обсуждение. В табл. 2 нами предложено предметное содержание подготовки будущих учителей биологии с инженерным мышлением по неко-

торым темам дисциплин «Методика обучения биологии», «Образовательные технологии в процессе обучения биологии» и «Решение профессиональных задач учителя биологии».

Таблица 2

**Предметное содержание подготовки будущих учителей биологии с инженерным мышлением
по дисциплинам методической направленности**

Курс	Дисциплина	Инженерный компонент содержания дисциплины	
IV	Методика обучения биологии	1. Выполнение лабораторных работ на современном цифровом оборудовании по биологии	
		<i>Раздел</i>	<i>Темы лабораторных работ</i>
		Нейрогуморальная регуляция	- Изучение головного мозга человека. - Значение опорно-двигательного аппарата. Скелет человека, строение его отделов и функции (выполнение лабораторных работ с применением современных приборов — стола «Пирогов» и Интерактивного трехмерного атласа нормальной, топографической, патологической и лучевой анатомии человека)
		Обмен веществ и превращение энергии	Исследование состава продуктов питания (выполнение лабораторной работы с применением оборудования СОЭКС — «Нитрат-тестер» и «Эковизор F4»)
		Систематические группы растений	- Изучение строения одноклеточных водорослей (на примере хламидомонады и хлореллы). - Изучение строения многоклеточных нитчатых водорослей (на примере спирогиры и улотрикса) (выполнение лабораторной работы с применением <i>Gizmos ExploreLearning</i> — интерактивных симуляций для школьного и университетского уровня)
		2. Составление инструкционных карточек лабораторных работ с описанием алгоритма выполнения экспериментов, списка оборудования и реактивов и техники безопасности	
		<i>Раздел</i>	<i>Темы лабораторных работ</i>
		Ферменты — биологические катализаторы	Изучение каталитической активности ферментов (на примере амилазы или каталазы)
		Абиотические факторы	Влияние света на рост и развитие черенков колеуса
		Питание и пищеварение	Исследование действия ферментов слюны на крахмал. Наблюдение действия желудочного сока на белки
		3. Планирование и организация проектной и исследовательской деятельности школьников	
		<i>Раздел</i>	<i>Темы исследовательской или проектной работы</i>
		Строение и многообразие покрытосеменных растений	Выращивание репчатого лука: сортоиспытание
		Жизнедеятельность растительного организма	Выращивание микрорезлени методом влажных камер
		Растения и человек	Создание искусственной экосистемы
V	Образовательные технологии в процессе обучения биологии	1. Выполнение практических работ с использованием современных образовательных технологий и информационно-коммуникационных технологий	
		<i>Раздел</i>	<i>Темы практической работы или семинарского занятия</i>
		Современные образовательные технологии в деятельности учителя биологии	- Современные представления о технологиях обучения биологии. - Технологический подход к организации урока биологии. - Технологии организации групповой, исследовательской и проектной учебной деятельности школьников. - Информационные образовательные технологии в обучении биологии
		Методы оценки результативности и эффективности образовательных технологий	- Количественная оценка эффективности образовательных технологий. - Педагогический эксперимент. Дизайн педагогического эксперимента; - Констатирующий, формирующий и контролирующий этапы педагогического эксперимента. - Статистическая обработка и визуализация результатов педагогического эксперимента
	Решение профессиональных задач учителя биологии	1. Выполнение практических работ с использованием современных образовательных технологий и информационно-коммуникационных технологий	
		<i>Раздел</i>	<i>Темы практической работы или семинарского занятия</i>
		Урочная деятельность в рамках школьного курса биологии	- Технология разработки и организации комбинированного урока биологии. - Технологии формирования естественнонаучной грамотности школьников на уроках биологии. - Проектирование урока биологии, направленного на достижение личностных, метапредметных и предметных результатов обучения
		Внеурочная деятельность по биологии	Использование современных достижений педагогики и методики обучения биологии и образовательном процессе при организации научно-исследовательской деятельности школьников
		Деятельность педагога-исследователя	Педагогический эксперимент в профессиональной деятельности учителя-предметника

Авторы предлагают модель развития инженерного мышления в цифровой образовательной среде, основанную на принципах конструктивизма, междисциплинарности и технологической интеграции (рис. 2).

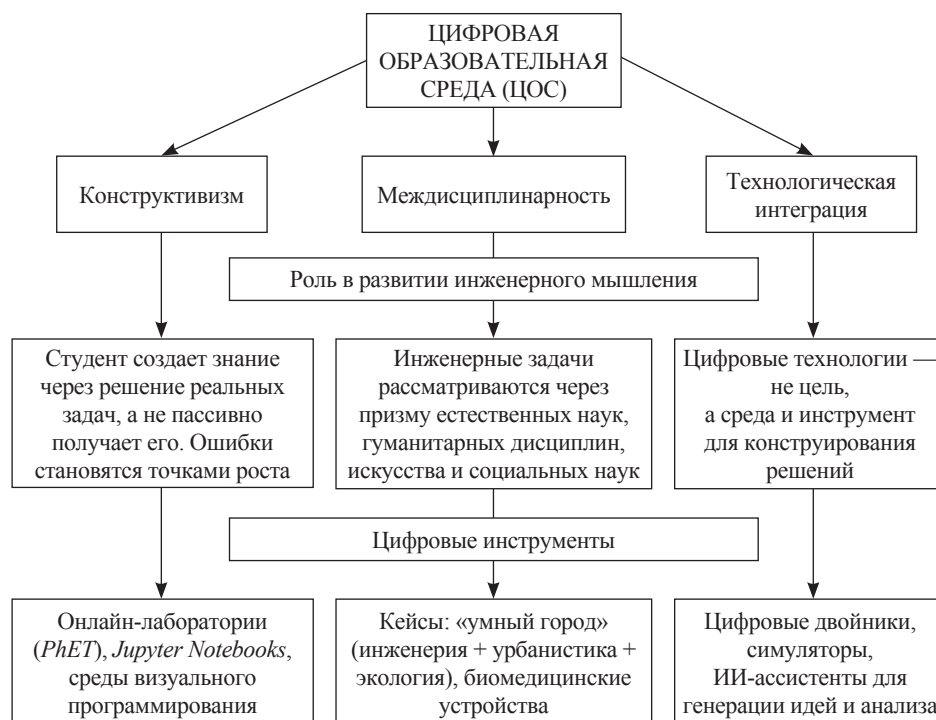

Рис. 2. Модель развития инженерного мышления в цифровой образовательной среде

Заключение

Развитие инженерного мышления у будущих учителей биологии в условиях цифровой образовательной среды — не просто педагогическая инновация, а необходимое условие подготовки педагогов нового поколения. Интеграция инженерных подходов в биологическое образование способствует

формированию у студентов системного видения мира, готовности к решению реальных проблем и компетентного использования цифровых технологий. Дальнейшие исследования могут быть направлены на масштабирование модели, разработку методических рекомендаций и создание цифровых образовательных треков по «биоинженерной педагогике».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гузанов Б. Н., Федуллова К. А. Особенности формирования инженерного мышления при подготовке педагога профессионального обучения // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 62. Ч. 2. С. 69—72.
2. Феоктистов А. В., Кислов А. Г., Шапко И. В., Городилов В. Е. Хронотоп инженерно-педагогического мышления // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 7. С. 135—156. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-135-156.
3. Никитина А. А., Маннанова Е. А. Феномен инженерного мышления в представлениях педагогов и психологов: психологическое содержание, структура, компоненты // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16. № 4. С. 595—617. DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-910.
4. Шефер О. Р., Лебедева Т. Н., Крайнева С. В., Кочеткова Г. С. Диверсифицированные подходы и стратегии формирования инженерного мышления у студентов педагогических вузов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13. Вып. 4. С. 296—310. DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-4-296-310.
5. Королев А. Л., Паршукова Н. Б. Особенности формирования инженерной культуры в педагогическом вузе // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2023. № 6(178). С. 127—152. DOI: 10.25588/CSPU.2023.178.6.008.
6. Инженерный практикум в подготовке будущих учителей / В. А. Попова, Л. А. Ларченкова, И. П. Ефимов и др. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2022. № 204. С. 80—88. DOI: 10.33910/1992-6464-2022-204-80-88.
7. Казарбин А. В., Драчев К. А., Лунина Ю. В. Развитие инженерного мышления средствами научно-исследовательской деятельности студентов // Педагогический журнал. 2021. Т. 11. № 3А. С. 213—221.
8. Усольцев А. П., Шемало Т. Н. О понятии «инженерное мышление» // Формирование инженерного мышления в процессе обучения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2015. С. 3—9.
9. Андриюхина Л. М., Гузанов Б. Н., Анахов С. В. Инженерное мышление: векторы развития в контексте трансформации научной картины мира // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 8. С. 12—48. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-8-12-48.
10. Анахов С. В., Гузанов Б. Н. Новые форматы и модели инженерно-педагогической подготовки в профессионально-педагогическом образовании // Педагогический журнал Башкортостана. 2024. № 2(104). С. 46—60.
11. Марков К. А., Тимофеева К. О. Формирование инженерного мышления будущих учителей с использованием цифровых ресурсов // Современное педагогическое образование. 2023. № 11. С. 308—312.

12. Гулевская А. Ф., Карякина И. Е., Максимов В. П. Цифровая образовательная среда подготовки инженерных кадров // Современное педагогическое образование. 2024. № 5. С. 312—318
13. Данатарова М. К., Данатаров К. А. Цифровое образование: трансформация обучения в современном мире // Образование и наука в XXI веке. 2025. № 66-3. Т. 1. URL: <https://mpcareer-google.ru/index.php/journal/article/view/3288>.
14. Образовательная среда для подготовки учителя естественно-научного профиля с инженерным мышлением : моногр. / под ред. Н. Н. Демидовой. Н. Новгород : Радонеж, 2025. 128 с.
15. Игнатьева Г. А., Самерханова Э. К., Сдобняков В. В., Тулупова О. В. Педагогическая инженерия: методологический абрис проекта Мининского университета // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 2. Ст. 8. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2-8.

REFERENCES

1. Guzanov B. N., Fedulova K. A. Features of formation of engineering thinking in the preparation of teacher of vocational training. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2019;62(2): 69—72. (In Russ.)
2. Feoktistov A. V., Kislov A. G., Shapko I. V., Gorodilov V. E. Chronotope of Engineering and Pedagogical Thinking. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(7):135—156. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-135-156.
3. Nikitina A. A., Mannanova E. A. The phenomenon of engineering thinking in the modern world: Psychological content, structure, components. *Russian Journal of Education and Psychology*. 2025;16(4):595—617. (In Russ.) DOI: 10.12731/2658-4034-2025-16-4-910.
4. Shefer O. R., Lebedeva T. N., Kraineva S. V., Kochetkova G. S. Diversified approaches and strategies for developing engineering thinking among students of pedagogical universities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 2024;13(4):296—310. (In Russ.) DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-4-296-310.
5. Korolev A. L., Parshukova N. B. Features of the formation of engineering culture in a pedagogical university. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 2023;6(178):127—152. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2023.178.6.008.
6. Popova V., Larchenkova L., Efimov I. et al. Workshops in engineering and teacher training. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena = Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*. 2022;204:80—88. (In Russ.) DOI: 10.33910/1992-6464-2022-204-80-88.
7. Kazarbin A. V., Drachev K. A., Lunina Yu. V. Development of engineering thinking by means of research activities of students. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*. 2021;11(3A):213—221. (In Russ.)
8. Usol'tsev A. P., Shemalo T. N. On the concept of engineering thinking. *Formirovanie inzhenernogo myshleniya v protsesse obucheniya = Formation of engineering thinking in the learning process. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University publ., 2015:3—9. (In Russ.)
9. Andryukhina L. M., Guzanov B. N., Anakhov S. V. Engineering thinking: Vectors of development in the context of the transformation of the scientific picture of the world. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2023;25(8):12—48. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2023-8-12-48.
10. Anakhov S. V., Guzanov B. N. New formats and models of engineering and pedagogical training in vocational and pedagogical education. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana = Pedagogical journal of Bashkortostan*. 2024;2(104):46—60. (In Russ.)
11. Markov K. A., Timofeeva K. O. Formation of engineering thinking of future teachers using digital resources. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2023;11:308—312. (In Russ.)
12. Gulevskaya A. F., Karyakina I. E., Maksimov V. P. Digital educational training environment engineering personnel. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2024;5:312—318. (In Russ.)
13. Danatarova M. K., Danatarov K. A. Digital education: transformation of training in the modern world. *Obrazovanie i nauka v XXI veke*. 2025;66-3(1). (In Russ.) URL: <https://mpcareer-google.ru/index.php/journal/article/view/3288>.
14. Educational environment for training a teacher of natural sciences with engineering thinking. Monograph. N. N. Demidova (ed.). Nizhny Novgorod, Radonezh, 2025. 128 p. (In Russ.)
15. Ignatieva G. A., Samerkhanova E. K., Sdobnyakov V. V., Tulupova O. V. Pedagogical engineering: methodological outline of the project of Minin University. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2022;10(2):8. (In Russ.) DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-2-8.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 18.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.
The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 18.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

Научная статья

УДК 37.06

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1626

Ekaterina Pavlovna Melnikova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Art and Pedagogical Education
of the Institute of Culture and Arts,
Moscow City Pedagogical University
Moscow, Russian Federation
katrinlex@mail.ru

Екатерина Павловна Мельникова

канд. пед. наук,
доцент департамента
художественно-педагогического образования
Института культуры и искусств,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
katrinlex@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК КАТАЛИЗАТОРА КРЕАТИВНОСТИ В ХОРЕОГРАФИИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена осмыслению педагогических оснований сотрудничества человека и искусственного интеллекта (ИИ) в процессе создания хореографических композиций. Цель исследования состоит в том, чтобы теоретически обосновать модель диалогического взаимодействия человека и ИИ в процессе создания современной хореографии и определить ее педагогический потенциал. Предметом исследования рассматриваются педагогические основания и методические принципы сотрудничества педагога-хореографа, обучающихся и ИИ. Современный танец, исторически ориентированный на эксперимент, импровизацию и деконструкцию формы, становится особым полем для исследования взаимодействия человека и алгоритмических систем. Рассматривается трансформация статуса ИИ — от вспомогательного инструмента к диалогическому партнеру в художественно-педагогическом процессе. Делается вывод о необходимости формирования новой методологии обучения, ориентированной на развитие критического, телесно-рефлексивного и этического отношения к цифровым инструментам. Предопределяется перспектива будущего хореографического образования связанного с формированием компетенции

осознанного взаимодействия с алгоритмическими системами при сохранении приоритета телесного опыта и художественной ответственности при создании хореографических композиций. Методологическая база исследования состоит в сложности объекта, которая требует междисциплинарного синтеза методов: эстетического анализа, сравнительно-исторического метода, для выявления предпосылок сотрудничества в опыте исследователей, метода включенного педагогического наблюдения и анализа видеодокументации занятий, а также метода case-study, через анализ кейсов рассматриваемых через карту авторов и их исследовательских подходов. Отмечены ограниченные возможности ИИ как автономного генератора хореографии. Подчеркивается необходимость профессионального сотрудничества хореографов и специалистов в области ИИ для продуктивного использования данных технологий в хореографическом искусстве.

Ключевые слова: хореография, искусственный интеллект, педагогика искусства, авторство, телесность, диалог, катализатор креативности, хореографические композиции, генерация хореографического текста, технологии, образовательный процесс

Для цитирования: Мельникова Е. П. Педагогические основания сотрудничества человека и искусственного интеллекта как катализатора креативности в хореографии // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 474—479. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1626.

Original article

PEDAGOGICAL FOUNDATIONS OF HUMAN-ARTIFICIAL INTELLIGENCE COOPERATION AS A CREATIVITY CATALYST IN CHOREOGRAPHY

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article is devoted to understanding the pedagogical foundations of cooperation between humans and artificial intelligence (AI) in the process of creating choreographic compositions. The purpose of the research is to theoretically substantiate the model of dialogical interaction between humans and AI in the process of creating modern choreography and to determine its pedagogical potential. The subject of the research is the pedagogical foundations and methodological principles of cooperation

between a teacher-choreographer, students and artificial intelligence. Modern dance, historically focused on experimentation, improvisation and deconstruction of form, is becoming a special field for the study of human interaction and algorithmic systems. The article considers the transformation of the status of AI from an auxiliary tool to a dialogical partner in the artistic and pedagogical process. It is concluded that it is necessary to form a new teaching methodology aimed at developing

a critical, body-reflective and ethical attitude towards digital tools. The prospect of future choreographic education is pre-determined, which is associated with the formation of competence for conscious interaction with algorithmic systems while maintaining the priority of bodily experience and artistic responsibility in creating choreographic compositions. The methodological basis of the research consists in the complexity of the object, which requires an interdisciplinary synthesis of methods: aesthetic analysis and comparative historical method to identify the prerequisites for cooperation in the researchers' experience, the method of participatory pedagogical observa-

tion and analysis of video records of classes, as well as the case-study method, viewed through the authors' lens and their research approaches. The limited capabilities of AI as an autonomous choreography generator are noted. The necessity of professional cooperation between choreographers and AI specialists for the productive use of these technologies in choreographic art is emphasized.

Keywords: choreography, artificial intelligence, art pedagogy, authorship, corporeality, dialogue, creativity catalyst, choreographic compositions, generation of choreographic text, technology, educational process

For citation: Melnikova E. P. Pedagogical foundations of human-artificial intelligence cooperation as a creativity catalyst in choreography. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):474—479. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1626.

Введение

Актуальность представленного научного изыскания обусловлена следующими взаимосвязанными факторами: изменением природы авторства педагога-хореографа в эпоху алгоритмической генерации; трансформацией роли педагога-хореографа в условиях цифровой образовательной среды; отсутствием систематизированной педагогической модели взаимодействия человека и искусственного интеллекта (далее — ИИ) в хореографическом образовании.

Хореографическое искусство функционирует в условиях цифровой трансформации культуры. Искусственный интеллект — генеративные языковые и мультимодальные модели становятся активным участником художественного процесса: от генерации текстов до структурирования схем движений. В исследовательскую позицию мы добавили акцент на «сотрудничество» и «диалог», рассматривая ИИ не как инструмент, а как (квази-)партнера в педагогическом и художественном процессе. Как отмечает Л. Манович, цифровые технологии формируют новую культурную логику, в которой алгоритмы становятся активными участниками культурного производства [1]. В этой парадигме ИИ выступает не только инструментом, но и своеобразным посредником между человеческим замыслом и множеством потенциальных художественных решений. Актуальность исследования обусловлена следующими взаимосвязанными факторами: изменением природы авторства в эпоху алгоритмической генерации; трансформацией роли педагога-хореографа в условиях цифровой образовательной среды; отсутствием систематизированной педагогической модели взаимодействия человека и ИИ в хореографическом образовании.

Педагогический опыт автора показывает, что процесс взаимодействия с ИИ в импровизации делает эту проблему не умозрительной, а эмпирически выверенной. Современный танец, исторически ориентированный на эксперимент, импровизацию и деконструкцию формы, становится особым полем для исследования взаимодействия человека и алгоритмических систем. Хореографическое мышление включает телесную импровизацию, работу с пространством и временем, а также коллективные формы создания движения, что делает его близким к концепции распределенного творчества. В связи с этим возникает необходимость педагогического анализа феномена сотрудничества человека и ИИ в хореографической практике.

Изученность проблемы. Проблематика взаимодействия человека и технологий активно исследуется в нескольких научных направлениях. Основные концепции

изложены в трудах таких современных исследователей в области хореографических инноваций, как Б. Стиглер [2], Л. Манович и М. Хансен [3], М. Мерло-Понти [4]. Теоретические подходы к анализу взаимодействия человека и технологий изучены в исследованиях П. Вашку [5]. М. Франко и А. Лепеки [6] изучают танец с визуально-изобразительными практиками.

А. Б. Белошенко и О. В. Ершова [7] исследуют педагогическое проектирование структуры цифровых компетенций педагогов-хореографов в условиях интеграции технологий ИИ. О. В. Грызунова [8] обозначила предпосылки применения ИИ как постановочного инструмента в современной хореографии. Т. М. Лебедев [9] изучает применение ИИ в хореографических постановках: перспективы и вызовы. Л. В. Никифорова [10] предлагает новые направления в исследованиях танца: *dance studies* и *digital humanities*. Н. Г. Полицкая и В. П. Прокопцева [11] рассматривают использование виртуальной реальности в хореографическом искусстве. Т. О. Рашина [12] обобщает аспекты применения ИИ и нейросетей в образовательном процессе института искусств и культуры.

Целесообразность разработки темы. Анализ современного дискурса показывает, что тема «ИИ и танец» активно разрабатывается, однако с существенными пробелами, о которых мало написано. В области хореографического образования проблема педагогических оснований взаимодействия человека и ИИ также остается недостаточно разработанной. При всей глубине технологических изысканий, практически полностью отсутствуют исследования, переводящие проблему сотрудничества с ИИ в педагогическую плоскость высшего хореографического образования. Предметом исследования рассматриваем педагогические основания и методические принципы сотрудничества педагога-хореографа, обучающихся и ИИ.

Научная новизна исследования заключается в разработке педагогической модели взаимодействия человека и ИИ в процессе создания хореографических композиций в высших учебных заведениях. В сфере хореографического образования отсутствует комплексное педагогическое осмысление данного феномена и ответа на вопрос: как именно, через какие методики и с какими этическими последствиями формировать у обучающихся способность к диалогу с ИИ.

Целью исследования является теоретическое обоснование педагогической модели диалогического взаимодействия человека и ИИ в процессе создания хореографических композиций. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проанализировать трансформацию статуса ИИ в художественном процессе.
2. Рассмотреть проблему авторства в условиях алгоритмической генерации.
3. Определить педагогические основания диалогического взаимодействия.
4. Сформулировать педагогическую модель сотрудничества «Диалог-катализатор — материал — алгоритм».

Теоретическая значимость. Исследование носит вклад в современную педагогику в области хореографического искусства, расширяет представление о применении технологий ИИ в хореографическую деятельность.

Практическая значимость состоит в разработке и внедрении педагогической модели сотрудничества хореографа, обучающегося и ИИ «Диалог-катализатор — материал — алгоритм» в образовательный процесс в вузе.

Методологическая база исследования состоит в сложности объекта, которая требует междисциплинарного синтеза методов: эстетического анализа, сравнительно-исторического метода, для выявления предпосылок сотрудничества в опыте исследователей, метода включенного педагогического наблюдения и анализа видеодокументации занятий, а также метода *case-study*, через анализ кейсов рассматриваемых через карту авторов и их исследовательских подходов.

Основная часть

Исследование основано на качественной педагогической методологии, сочетающей элементы практико-ориентированного эксперимента и рефлексивного анализа творческого процесса. От инструмента к «со-участнику», технология традиционно рассматривалась как инструмент, предназначенный для реализации замысла субъекта. Однако в эпоху генеративного ИИ происходит изменение статуса технологических систем. Алгоритмические модели способны: генерировать альтернативные художественные решения; создавать вариативные композиционные структуры; предлагать неожиданные интерпретации заданной темы.

В этом контексте ИИ начинает функционировать как когнитивный медиатор, расширяющий поле творческих возможностей. С точки зрения феноменологии, ИИ не обладает сознанием и телесной интенциональностью. Однако он может выступать своеобразным катализатором смыслообразования, провоцируя новые формы художественного мышления. Рассмотрим данный вопрос на практическом примере, где в образовательной практике хореографических дисциплин возможно использование генеративных систем для создания вариаций импровизационных задач. Приведем пример: запрос (промт) к ИИ: «Создай пять вариантов движения, основанных на принципах *fall and recovery*. Алгоритм предлагает: падение с задержкой дыхания; спиральное восстановление; восстановление через контакт с полом; импульсное восстановление; восстановление через партнерский баланс. Обучающиеся затем проверяют предложенные варианты телесно, трансформируя их в импровизационные композиции. Таким образом, алгоритм выступает инициатором вариативности, а тело становится инструментом проверки и воплощения.

В современной хореографии авторство уже давно носит коллективный характер. Многие направления *contemporary dance* основаны на принципах коллектив-

ной импровизации, *devised choreography* и использование ИИ усиливает проблему авторства: является ли алгоритм сотрудничества, где проходит граница между замыслом и генерацией, кому принадлежит итоговое произведение. В этой ситуации целесообразно говорить о распределенном авторстве, в такой модели: участник = роль; хореограф = инициатор художественной интенции; исполнитель = носитель телесного опыта; ИИ = алгоритмический генератор вариативности.

Результат представляет собой процессуальное произведение, возникающее в ходе взаимодействия всех участников. От инструмента автора к «со-автору» возможно зафиксировать изменение роли ИИ в производстве художественного высказывания «кто автор движения?»:

1. ИИ выступает как поставщик идей, движений, образов. Авторство полностью принадлежит человеку, который это сырье обрабатывает. Как проявление в танце обучающийся использует сгенерированную ИИ фразу как отправную точку, но быстро ее трансформирует, забывая об источнике.

2. ИИ вносит вклад, который не редуцируется к простой сумме человеческих команд. Возникает эффект эмерджентности, когда результат не мог быть получен ни человеком без ИИ, ни ИИ без человека. Проявление в танце, обучающийся вступает в импровизационный диалог с ИИ. Движение рождается на границе между человеческим намерением и алгоритмическим ответом. Возникает феномен распределенного авторства. П. Вашку фиксирует этот момент как ключевой в работе с *ChatGPT* [5].

3. ИИ выступает не столько творцом, сколько посредником между различными художественными мирами, телесными практиками, культурными кодами. Его статус — статус «третьего», который делает возможным перевод. Проект *Text2Tradition*, где ИИ помогает современному танцовщику взаимодействовать с наследием танца, где ИИ «переводит» различные принципы в язык *contemporary dance*, создавая гибридные задания.

Углубление через процесс танца показывает, что «со-авторство» наиболее ярко проявляется в сбое, ошибке, неожиданности. Когда алгоритм выдает не то, что ожидал обучающийся, и эта «ошибка» становится источником нового, не запланированного движения. Тело исполнителя повторяет *algorithmic glitch* и превращает его в хореографический материал. В этот момент ИИ из становится двигателем процесса, иницируя, провоцируя тело обучающегося на движение.

Так, М. Франко и А. Лепеки в своих исследованиях фокусируют внимание на актуальном танце без привычных признаков танцевальности, который ставит под сомнение традиционные формы хореографии, обретает критикополитизированные черты, нередко смыкается с визуально-изобразительными концептуальными художественными практиками.

В разработках и постановках исследователя Y. Lin [13] совместная хореографическая работа ИИ и учащегося начиналась с 20-минутного этюда, а позже была расширена до 70-минутной версии, увеличив количество учащихся. Танец танцовщика с роботом в реальном времени воспринимается как интерактивный, однако основа движений робота — это код, написанный хореографом и потребовавший много времени (на начальном этапе работы требовалось примерно десять часов на минуту хореографии).

В процесс постановочной работы возможно задавать параметры по созданию композиций и перформансов различных культур. О. Schürer [14] технологический хореографический перформанс отсылает к оригинальному художественному миру традиционного японского кукольного театра Бураку (Дзёрури), в котором вождение кукол (в половину человеческого роста и даже больше) осуществляется двумя-тремя кукловодами по системе «открытого актера».

Диалогическая модель М. Бубера [15], который утверждал, что подлинное взаимодействие возникает в форме диалога. Если рассматривать ИИ не как объект «Оно», а как структуру диалога, возникает новая модель творческого взаимодействия. Процесс может быть описан следующим образом: человек формулирует вопрос или художественную задачу; алгоритм предлагает структурированную гипотезу; тело проверяет ее через движение; возникает новая интерпретация.

Таким образом, формируется педагогический диалог, в котором ИИ выступает не субъектом опыта, а структурой смыслового посредничества, которую также мы рассматриваем, как эволюционную модель взаимодействия человека и ИИ: ИИ как инструмент / ИИ как модератор / ИИ как диалогический партнер, где предлагаемая модель описывает переход от восприятия ИИ как технического инструмента к пониманию его как медиатора творческого диалога.

XXI столетие — век скоростей, информационных технологий, межкультурных коммуникаций, создания инноваций в творчестве. Вследствие чего, развитие мирового образовательного пространства формирует новые тенденции в процессе обучения хореографическому искусству [16, с. 81].

Далее мы рассмотрим, телесность как границу и преимущество человека, где современный танец основан на специфических формах телесного знания. К ним относятся: кинестетический интеллект; телесная память движения; чувство веса и пространства; эмпатическое восприятие партнера.

Искусственный интеллект функционирует на уровне знаковых структур и статистических моделей. Он не обладает: мышечным сопротивлением; дыханием; чувством равновесия; эмоционально-телесным резонансом. Как отмечает Мерло-Понти, тело является не объектом, а условием всякого опыта. Следовательно, даже в условиях цифровизации телесный опыт остается центральным элементом хореографического творчества.

Результаты исследования. Экспериментальная работа проводилась в формате учебно-творческой лаборатории, в которой обучающиеся хореографического образования взаимодействовали с языковой моделью ИИ при создании коротких хореографических композиций. В рамках лаборатории использовался принцип диалогического взаимодействия: предложения, сгенерированные ИИ, не воспроизводились непосредственно, а проходили этап телесной проверки, критической редакции и композиционной переработки. Основным методом анализа выступал сравнительный анализ текстовых предложений алгоритма и их телесной реализации в движении. Дополнительно применялись методы педагогического наблюдения, рефлексивных карт участников и протокола авторства, фиксирующего вклад человека и алгоритма в процессе создания композиции.

В педагогической модели «со-творчества», в рамках исследования разработаны методологические принципы внедрения ИИ:

1. *Принцип телесного приоритета* — движение и телесный опыт остаются центральными.
2. *Принцип критической дистанции* — алгоритмические предложения подлежат анализу.
3. *Принцип авторской ответственности* — финальное решение принадлежит человеку.
4. *Принцип педагогического сопровождения* — использование ИИ требует методической поддержки.
5. *Принцип этической прозрачности* — необходимо обозначать роль алгоритма в творческом процессе.

Методика практической части исследования состояла из семи этапов:

1. *Постановка задачи:* педагог-хореограф задает параметры композиции: фраза на 16 счетов, доминанта движения (*fall/recovery* или *suspension*), работа с дыханием и весом.
2. *Промпт как педагогическая инструкция:* студенты формулируют запрос-партитуру: композиционная логика, параметры движения, эмоциональный тон.
3. *Телесная проверка:* предложения ИИ проверяются телом: чтение хореографического текста, проба движения, коррекция.
4. *Редактура и авторство:* учащиеся делают хореографические, семантические и этические правки.
5. *Композиционная сборка:* создание хореографических этюдов.
6. *Протокол авторства:* фиксация вклада человека и ИИ.
7. *Оценивание:* педагог-хореографы применяют рубрику оценки.

Было установлено, что использование ИИ в хореографическом образовании связано с рядом потенциальных рисков: алгоритмическая стереотипизация движения; снижение самостоятельной креативности; иллюзия интеллектуального авторства алгоритма; утрата телесной глубины художественного опыта. Поэтому внедрение ИИ в хореографическое образование должно сопровождаться развитием критического и рефлексивного отношения к технологиям.

Полученные данные позволили выявить, что ИИ функционирует преимущественно как медиатор композиционных идей, тогда как окончательное художественное решение формируется через телесный опыт, исполнительскую интерпретацию и педагогическую рефлексивность. Такой подход позволяет рассматривать взаимодействие человека и алгоритма не как замещение авторства, а как диалогическую модель совместного творческого поиска.

Практический блок исследования состоял из разработки и апробации педагогической модели взаимодействия на примере учебно-творческой лаборатории «Диалог-катализатор — материал — алгоритм». Формат лаборатории предполагает участие 16 обучающихся хореографического образования I и II курсов, педагога-хореографа и языковой модели (LLM). Апробация и реализация учебно-творческой лаборатории проводилась в рамках дисциплины «Композиция и постановка танца» на базе Института культуры и искусств Московского городского педагогического университета. Продолжительность работы составляет два занятия по 90 минут. Результатом лаборатории являются короткие хореографические композиции длительностью 1,5—2,5 минуты, протокол авторства и рефлексивные карты участников.

Заключение

Проведенное теоретико-экспериментальное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы. Цифровая трансформация сферы хореографического образования, активное применение ИИ и его технологий формируют принципиально новые возможности для реализации визуальной компетенции в хореографических постановках. В этих условиях технологии ИИ становятся одним из ключевых инновационных инструментов, определяющих вектор развития современного хореографического образования. Полученные данные позволили качественно проанализировать трансформацию статуса ИИ в художественном процессе. Теоретически обоснована педагогическая модель диалогического взаимодействия человека и ИИ в процессе создания хореографических композиций. Рассмотрена проблема авторства в условиях алгоритмической генерации. Определены педа-

гогические основания диалогического взаимодействия. Апробирована педагогическая модель сотрудничества «Диалог-катализатор — материал — алгоритм».

Таким образом, сотрудничество человека и ИИ в хореографическом искусстве представляет собой новый культурно-педагогический феномен. Переход от инструментальной модели использования технологий к диалогической модели взаимодействия позволяет сохранить субъектность хореографа и одновременно расширить пространство художественного поиска. Искусственный интеллект не заменяет хореографа, а выступает катализатором креативности, стимулирующим новые формы художественного мышления. Будущее хореографического образования связано с формированием компетенции осознанного взаимодействия с алгоритмическими системами при сохранении приоритета телесного опыта и художественной ответственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Manovich L. *Software Takes Command*. New York : Bloomsbury Academic, 2013. 110 p.
2. Stiegler B. *Technics and Time. Vol. 1 : The Fault of Epimetheus*. Stanford : Stanford University Press*, 2010. 190 p.
3. Hansen M. B. N. *Bodies in Code: Interfaces with Digital Media*. New York : Routledge, 2006. 178 p.
4. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. London : Routledge, 2012. 165 p.
5. Vašků P. Human-AI co-creation: ChatGPT as a choreographic object (Prompt Dancer project). Prague : Academy of Performing Arts in Prague, 2026. 168 p.
6. Franko M., Lepecki A. Editor's Note: Dance in the Museum // *Dance Research Journal*. 2014. Vol. 46. No. 3. Pp. 1—4. DOI: 10.1017/S0149767714000424.
7. Белошенко А. Б., Ершова О. В. Педагогическое проектирование структуры цифровых компетенций педагогов-хореографов в условиях интеграции технологий искусственного интеллекта // *Инновационные подходы в творческом образовании* : сб. ст. М. : Перспектива, 2025. С. 52—57.
8. Грызунова О. В. Предпосылки применения искусственного интеллекта как постановочного инструмента в современной хореографии // *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*. 2025. № 3. С. 40—53.
9. Лебедев Т. М. Применение искусственного интеллекта в хореографических постановках: перспективы и вызовы // *Социокультурная обусловленность современного хореографического образования: вызовы времени, инновационный опыт, перспективы развития* : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Сергеев Д. В., 2025. С. 24—28.
10. Никифорова Л. В. Новые направления в исследованиях танца: Dance Studies и Digital Humanities // *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*. 2022. № 4. С. 18—30.
11. Полицкая Н. Г., Прокопцова В. П. Использование виртуальной реальности в хореографическом искусстве // *Культурная жизнь Юга России*. 2021. № 2(81). С. 83—87. DOI: 10.24412/2070-075X-2021-2-69-79.
12. Рашина Т. О. Аспекты применения искусственного интеллекта и нейросетей в образовательном процессе института искусств и культуры // *Современные наукоемкие технологии*. 2024. № 10. С. 200—204. DOI: 10.17513/snt.40195.
13. Lin Y. *Choreographing Digital Performance in Twenty-First Century Taiwan* // *Corporeal Politics: Dancing East Asia* / eds. K. Mezur, E. Wilcox. Ann Arbor, MI : University of Michigan Press, 2020. Pp. 301—316.
14. Schürer O. *Doppelgänger — A Dance Performance Research Cycle on Humans and Humanoids* // *Tanz der Dinge = Things That Dance* / Hrsg. J. Birringer, J. Fenger. Bielefeld : transcript Verlag, 2019. Pp. 77—80.
15. Бубер М. Два образа веры / пер. В. В. Рынкевича. М. : АСТ, 2024. 192 с.
16. Мельникова Е. П. Тенденции развития хореографического образования и межкультурные связи мирового образовательного пространства // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 7-3(121). С. 81—84. DOI: 10.23670/IRJ.2022.121.7.091.

REFERENCES

1. Manovich L. *Software Takes Command*. New York, Bloomsbury Academic, 2013. 110 p.
2. Stiegler B. *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford, Stanford University Press, 2010. 190 p.
3. Hansen M. B. N. *Bodies in Code: Interfaces with Digital Media*. New York, Routledge, 2006. 178 p.
4. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. London, Routledge, 2012. 165 p.
5. Vašků P. Human-AI co-creation: ChatGPT as a choreographic object (Prompt Dancer project). Prague, Academy of Performing Arts in Prague, 2026. 168 p.
6. Franko M., Lepecki A. Editor's Note: Dance in the Museum. *Dance Research Journal*. 2014;46(3):1—4. DOI: 10.1017/S0149767714000424.

* Leland Stanford Junior University (Stanford University, «Университет им. Леланда Стэнфорда-младшего», «Стэнфордский университет»), США, внесен Минюстом России в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

7. Beloshenko A. B., Ershova O. V. Pedagogical design of the structure of digital competencies of choreographers in the context of artificial intelligence integration. *Innovatsionnye podkhody v tvorchestvom obrazovanii = Innovative approaches in creative education. Collection of articles*. Moscow, Perspektiva, 2025:52—57. (In Russ.)
8. Gryzunova O. V. Conceptual prerequisites for the application of artificial intelligence as a choreographic tool in contemporary dance. *Vestnik Akademii russkogo baleta imeni A. Ya. Vaganovoi = Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2025; 3:40—53. (In Russ.)
9. Lebedev T. M. The use of artificial intelligence in choreographic productions: prospects and challenges. *Sotsiokul'turnaya obuslovlennost' sovremennogo khoreograficheskogo obrazovaniya: vyzovy vremeni, innovatsionnyi opyt, perspektivy razvitiya = Socio-cultural conditionality of modern choreographic education: challenges of the time, innovative experience, development prospects. Materials of the VII International scientific and practical conference*. Saint Petersburg, D. V. Sergeev publ., 2025: 24—28. (In Russ.)
10. Nikiforova L. V. New Directions in Dance Studies and Digital Humanities. *Vestnik Akademii russkogo baleta imeni A. Ya. Vaganovoi = Bulletin of Vaganova Ballet Academy*. 2022;4:18—30. (In Russ.)
11. Politskovaya N. G., Prokoptsova V. P. Using the Virtual Reality Technology in Choreographic Art. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural Studies of Russian South*. 2021;2(81):83—87. (In Russ.) DOI: 10.24412/2070-075X-2021-2-69-79.
12. Rashina T. O. Aspects of the application of artificial intelligence and neural networks in the educational process of the institute of arts and culture. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2024;10:200—204. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.40195.
13. Lin Y. Choreographing Digital Performance in Twenty-First Century Taiwan. *Corporeal Politics: Dancing East Asia*. K. Mezur & E. Wilcox (eds.). Ann Arbor, MI, University of Michigan Press, 2020. Pp. 301—316.
14. Schürer O. Doppelgänger — A Dance Performance Research Cycle on Humans and Humanoids. *Tanz der Dinge = Things That Dance*. J. Birringer & J. Fenger (eds.). Bielefeld, transcript, 2019. Pp. 77—80.
15. Buber M. Two Types of Faith. V. V. Rynkevich (transl.). Moscow, AST, 2024. 192 p. (In Russ.)
16. Melnikova E. P. Tendencies in choreographic education and intercultural connections of the world educational space. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2022;7-3(121):81—84. (In Russ.) DOI: 10.23679/IRJ.2022.121.7.091.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 29.04.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 29.04.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 378.147
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1602

Boris Borisovich Pivovarov
Candidate of Pedagogy,
Senior Lecturer
at the Department of Management
of the Institute of Management,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russian Federation
pivovarov-bb@ranepa.ru

Yulia Nikolaevna Pivovarov
Deputy Dean of the Faculty of Marketing
of the Institute of Management,
Postgraduate of the Research and Educational Center
for Education Development
at the Higher School of Public Administration,
field of training
5.8 — Pedagogy,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration
Moscow, Russian Federation
ignateva-yn@ranepa.ru

Борис Борисович Пивовар
канд. пед. наук,
старший преподаватель
кафедры менеджмента
Института управления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
pivovarov-bb@ranepa.ru

Юлия Николаевна Пивовар
заместитель декана факультета маркетинга
Института управления,
аспирант Научно-образовательного центра
развития образования
Высшей школы государственного управления,
направление подготовки
5.8 — Педагогика,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
ignateva-yn@ranepa.ru

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СФЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: НОВЫЕ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье освещается трансформация системы государственного управления в Российской Федерации с 1993 г. Прослеживается эволюция от закрепления в Конституции нового деления ветвей власти и формирования федеральных органов исполнительной власти до этапов административных реформ начала 2000-х гг. и стремительного технологического развития 2010-х. Особое внимание уделяется вызовам, с которыми столкнулись государственные и муниципальные управленцы в период пандемии COVID-19 и в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины, — они отчетливо продемонстрировали, насколько разносторонними должны быть компетенции современного госслужащего.

Анализируются актуальные проблемы подготовки кадров по направлению 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», выявляются существенные противоречия. Среди них — преобладание теоретической подготовки над практической в образовательных программах, дефицит управленческих навыков у выпускников данного направления в сравнении с выпускниками программ «Менеджмент», а также заметное устаревание учебных кейсов. Образовательные программы зачастую не успевают за реальными задачами государственных органов, включая вопросы цифровизации, внедрения искусственного интеллекта, обеспечения экологической и информационной безопасности.

На основе анализа научных трудов отечественных исследователей и современных требований к государственным служащим обосновывается необходимость расширить набор компетенций будущих управленцев. Предлагается интегрировать в образовательные программы формирование лидерских, предпринимательских и стратегических навыков — это позволит выпускникам эффективнее работать в команде, внедрять бережливые технологии, запускать проекты разного уровня, мыслить стратегически и оценивать долгосрочные тренды.

В рамках исследования представлена концепция программы «Госслужащий 2.0». Она предполагает включение в учебный процесс модулей по лидерству и предпринимательству, организацию проектной работы с государственными органами на базе реальных кейсов, проведение симуляционных тренингов, развитие партнерства с бизнесом и социальными организациями, а также создание междисциплинарных лабораторий государственного управления.

Ключевые слова: высшее образование, вузы, профессиональные компетенции, профессиональное образование, модернизация системы подготовки, практико-ориентированное образование, подготовка преподавателей, подготовка специалистов, профессиональные навыки, стратегические компетенции, лидерские компетенции, предпринимательские компетенции

Финансирование: исследование выполнено в рамках кандидатской диссертации по теме «Организация практической подготовки в вузе как основа для профессионального становления студента».

Для цитирования: Пивовар Б. Б., Пивовар Ю. Н. Развитие профессиональных компетенций будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления: новые модели обучения в условиях трансформации государственного управления // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 480—485. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1602.

Original article

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES IN FUTURE STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION SPECIALISTS: NEW MODELS OF TRAINING IN THE CONTEXT OF PUBLIC ADMINISTRATION TRANSFORMATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The article highlights the transformation of the public administration system in the Russian Federation since 1993. The evolution is traced from the consolidation of the new division of branches of government in the Constitution and the formation of federal executive bodies to the stages of administrative reforms in the early 2000s and the rapid technological development of the 2010s. Special attention is paid to the challenges faced by state and municipal managers during the COVID-19 pandemic and in the context of the special military operation on the territory of Ukraine - they clearly demonstrated how versatile the competencies of a modern civil servant should be.*

The current problems of personnel training in the direction of 38.03.04 "State and Municipal Administration" are analyzed, significant contradictions are identified. Among them are the predominance of theoretical training over practical training in educational programs, the lack of managerial skills among graduates of this profile in comparison with graduates of the Management programs, as well as the marked obsolescence of educational cases. Educational programs often do not keep up with the real tasks of government agencies, including issues of digitalization, the introduction of AI, environmental and information security.

Based on the analysis of scientific works of Russian researchers and modern requirements for civil servants, the need to expand the set of competencies of future mana-

gers is substantiated. It is proposed to integrate the formation of leadership, entrepreneurial and strategic skills into educational programs — this will allow graduates to work more effectively in a team, implement lean technologies, launch projects of different levels, think strategically and evaluate long-term trends.

The concept of the Civil Servant 2.0 program is presented in the framework of the study. It involves the inclusion of modules on leadership and entrepreneurship in the educational process, the organization of project work with government agencies based on real cases, conducting simulation trainings, developing partnerships with businesses and social organizations, as well as the creation of interdisciplinary public administration laboratories.

The theoretical significance of the work lies in the systematization of modern approaches state and municipal administration personnel training. The practical value lies in the possibility of testing the proposed model in Russian universities — this will help improve the quality of training for civil servants and facilitate their adaptation to the workplace.

Keywords: *higher education, universities, professional competencies, vocational education, modernization of the training system, practice-oriented education, teacher training, specialist training, professional skills, strategic competencies, leadership competencies, entrepreneurial competencies*

Funding: The study was carried out as part of a candidate's dissertation on the topic "Organization of practical training at a university as a basis for the professional development of a student".

For citation: Pivovarov B. B., Pivovarov Y. N. Development of professional competencies in future state and municipal administration specialists: new models of training in the context of public administration transformation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):480—485. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1602.

Введение

Актуальность выбранной темы обусловлена системной трансформацией российского государственного сектора, связанной с наблюдаемой в последнее время ситуацией «идеального шторма»: санкционное давление, продолжающаяся специальная военная операция на территории Украины, международное напряжение, происходящее в дружественных странах, недостаток профессиональных кадров во всей экономике, международные финансовые и правовые проблемы. Все вышеперечисленное заставляет государственный сектор разных стран стремительно изменяться. Тем не менее, в отличие от непосредственно государственной службы, система подготовки студентов на уровне бакалавриата трансформируется не так быстро, как требует время. В этой связи для достижения целей технологического лидерства, поставленных президентом Российской Федерации, требуется быстрая и эффек-

тивная трансформация системы подготовки управленческих кадров уровня государственного и муниципального управления (далее — ГМУ).

Изученность проблемы. Теме подготовки будущих специалистов сферы ГМУ, а также формированию профессиональных компетенций посвящено множество научных трудов таких авторов, как Г. В. Атаманчук [1], А. Г. Барабашев и Т. Н. Кастрель [2], И. П. Бушуева [3], В. И. Голованов [4], Е. А. Колодина [5], Е. И. Кудрявцева и И. Н. Макалатия [6], Л. М. Митина [7], С. Ю. Наумов и А. В. Оболонский [8], А. Н. Позднышов [9], Н. В. Провоторова [10], Т. М. Резер и Г. А. Невский [11], Л. Н. Свирина [12], О. В. Фролов [13], М. А. Шакина и К. В. Турняк [14], Ж. А. Эмиева, А. У. Ахмадов, Е. С. Милованова [15] и др. В последние годы наблюдается рост интереса к этой проблеме со стороны российских ученых и практиков. Проводятся исследования, направленные на изучение различных аспектов подготовки студентов

бакалавриата по направлению «Государственное и муниципальное управление», изучаются вопросы по содержанию образовательных программ, методов и технологии результативного обучения, оценка качества подготовки специалистов данной сферы. Например, В. И. Голованов исследует современные тенденции в сфере ГМУ, включая вопросы формирования компетенций у бакалавров в рамках обучения в вузе. Г. П. Зинченко исследует переход от традиционного администрирования к профессиональным, некоторого рода, «моделям бизнеса» в условиях современного государственного управления. А. Л. Гапоненко рассматривает новые модели управления на государственном и региональном уровнях, что позволяет определить перспективные компетенции, необходимые для госслужащих будущего.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что современный выпускник программы подготовки по направлению «Государственное и муниципальное управление» должен обладать не только теоретическими, но и практическими умениями. Важнейшим условием для этого становится реализация в образовательном процессе комбинации методов совмещения теоретического и практического обучения, формирование лидерских, предпринимательских и стратегических компетенций.

Научная новизна. Теоретически обоснована необходимость интеграции практических инструментов в реализации образовательных программ бакалавриата для обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление», направленных на формирование современных профессиональных навыков для эффективной интеграции выпускника в рабочий процесс функционирования современного федерального органа исполнительной власти и иных организаций, подходящих для выпускников данных программ.

Цель исследования заключается в обосновании важности использования разных форм обучения в теоретической и практической подготовке будущих специалистов сферы ГМУ.

Задачи исследования состоят в анализе методологии и технологии подготовки бакалавров в вузе для последующего научно-методического обоснования образовательной программы бакалавриата «Государственное и муниципальное управление».

Теоретическая значимость исследования заключается в представлении краткого анализа методологической основы формирования современной образовательной программы для последующей подготовки содержания программы бакалавриата «Государственное и муниципальное управление».

Практическая значимость исследования состоит в возможности реализации образовательной программы бакалавриата «Государственное и муниципальное управление» с целью повышения компетентности выпускников с позиции управленческих навыков, благодаря которым они бы эффективно руководить в условиях стремительно развивающихся инструментов государственного управления и трансформации государственного сектора в целом. Показаны основные компоненты программы, необходимые для трансформации подготовки данного рода специалистов.

Основная часть

Методология исследования. В исследовании применялись системный и институциональный подходы, функционально-структурный анализ, а также комплекс общенауч-

ных и специальных методов: анализ и синтез, сравнительный метод, метод моделирования, историко-логический и причинно-следственный анализ, контент-анализ научных источников и нормативных документов. Дополнительно использовались методы наблюдения и изучения образовательных практик в сфере ГМУ, а также элементы кейс-метода для оценки эффективности новых образовательных моделей в контексте трансформации государственного управления.

Результаты исследования. Трансформация современного государственного управления началась стремительно после 1993 г. и закрепления в Конституции Российской Федерации нового деления ветвей власти и появления новых федеральных органов исполнительной власти. С начала 2000-х гг. начинались этапы административных реформ, позволявших совершенствовать систему государственного управления. Начиная с 2010-х гг. система начала стремительное развитие в технологическом плане: появились порталы государственных услуг, как на уровне всей страны, так и на уровне регионов, начали интегрироваться инструменты с использованием искусственного интеллекта, начали формироваться и использоваться ключевые показатели эффективности госслужащих (*KPI*), интегрироваться бизнес-инструменты в управленческую деятельность чиновников различных уровней. Ситуация пандемии *COVID-19* и проведения специальной военной операции на территории Украины дало четкое осознание того, насколько должен быть разносторонним современный управленец в государственном и муниципальном секторах.

Для реализации важного проекта трансформации системы государственной власти необходимо создавать в рамках вузов образовательные программы по направлению 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», которые были бы способны формировать профессиональные управленческие (менеджерские), а также предпринимательские, лидерские и стратегические компетенции наравне с основной подготовкой государственного служащего.

Современные авторы добились следующих результатов в обосновании результативных образовательных программ, формирующих необходимые знания и умения, а именно [7—15]:

1. Продемонстрировали необходимость подготовки кадров для ГМУ как уникального во многом направлении деятельности. Человек, занимающий должность по данному направлению подготовки с одной стороны должен быть специалистом, знающим законы, правила и традиции государственной службы той страны, где он занимает свой пост, а с другой стороны должен быть специалистом и в менеджменте, и в *IT*, и в медицине, и в образовании, а также в других профильных направлениях, где ему предстоит выполнять свои должностные обязанности.

2. Профессиональная компетентность будущего государственного управленца должна формироваться не только из конкретных знаний, называемых *hard skills*, но и ряда мягких навыков, так называемых *soft skills*, позволяющих эффективнее работать с людьми и командами, проявлять эмпатию и сопереживание, быть эффективным спикером и докладчиком на мероприятиях, уметь слушать и приносить пользу во время обсуждений и публичных дискуссий, разрешать конфликты и работать в условиях стресса.

3. В процессе обучения студентов, готовя их к будущей специальности необходимо постоянно трансформировать образовательные программы, чтобы они отвечали запросу

современного рынка труда и не наступало разочарование и дезориентация после завершения образовательного учреждения и прихода на рабочее место.

Исходя из проведенного анализа современных авторов, заявленных целей и задач трансформации государственной службы, а также опыта реализации современных образовательных программ возможно выделить ряд противоречий на современном этапе:

1. Студенты в настоящее время достаточно много изучают в рамках своей образовательной программы дисциплин, связанных с правом, экономикой и системой государственного управления, что видится достаточно правильным при построении учебных планов. Тем не менее дисциплины такого рода, часто оставляют лишь поверхностное представление о будущей работы в связи с отсутствием, либо недостаточностью практической деятельности. В отличие от подготовки педагогов или врачей, когда первые могут выйти в реальную учебную группу, а вторые непосредственно к пациенту, студенты, обучающиеся на программах ГМУ не обладают глубокими знаниями в области государственного, чтобы непосредственно попрактиковаться в юридической плоскости, а экономические и дисциплины, связанные с ГМУ, представляют во многом теоретический конструкт, не позволяющий использовать его в реальной практике, например, в течение двух традиционных недель в рамках производственной летней практики.

2. Студенты программ ГМУ во многом получают лишь базовые управленческие (менеджерские) знания в отличие от их визави, обучающиеся на программах «Менеджмент», хотя и те, и другие, независимо от их трудового статуса начинают работать в коллективе и, в последующем, руководить трудовыми коллективами. Получается некоторого рода дихотомия, демонстрирующая несостыковку полученной образовательной базы и необходимых реальных навыков.

3. Учебные проекты и кейсы, используемые в рамках учебных программ, не успевают за реальной практикой. В ряде вузов до сих пор возможно обнаружить в учебных программах дисциплин и фондах оценочных средств кейсы, оперирующие практикой федеральных органов исполнительной власти и муниципалитетов 2000—2010-х гг., хотя перед современными федеральными органами исполнительной власти и муниципалитетами стоят сейчас уже глобальные IT-задачи по созданию инфраструктуры интеграции технологий искусственного интеллекта, современных градостроительные цели, экологическая безопасность регионов, информационная и другие виды безопасности. Студенты таким образом закрепляют навыки «вчерашнего дня» и не способны к решению насущных вопросов. Разумеется, что, приходя на рабочее место, они понимают свою неготовность к решению данного рода задач.

Исходя из изложенных противоречий видится необходимым интеграция процесс подготовки студентов по направлению «Государственное и муниципальное управление» следующих компонентов:

- формирование лидерских компетенций;
- формирование стратегических компетенций;
- формирование предпринимательских компетенций.

Видится необходимым во многом совмещение лучших практик и программ по направлению подготовки 38.03.02 «Менеджмент» и 38.03.04 «Государственное и муниципальное управление», чтобы формировалась готовность к будущей профессиональной деятельности уже во время студенчества.

Рассмотрим поподробнее каждый компонент.

Формирование позиции лидера и формирование лидерских компетенций позволит будущим госслужащим более эффективно выстраивать работу команды, создавать корпоративную культуру федеральных органов исполнительной власти и муниципалитетов, где будет вестись работа, выстраивать работу в качестве наставника и наставляемого, разрешать конфликты на рабочем месте.

Зачастую сотрудники вузов, а также чиновники высокого уровня думают о том, что выпускник вуза должен делать в глобальном плане на рабочем месте, но тем самым отпуская непосредственно рабочий процесс ежедневного порядка. Из-за этого в головах выпусков зачастую возникает образ чиновника, который на ежедневной основе меняет систему государственной власти и проводит глобальные преобразования, хотя реальный рабочий трудовой процесс вовсе не складывается таким образом. Формирование лидерских компетенций позволит иначе работать выпускнику, быть более адаптивным к происходящим изменениям и научит руководить командой, а также быть эффективным звеном рабочих команд.

Формирование предпринимательских компетенций позволит внедрять бережливые технологии в управление, запускать различного рода проекты, как государственного уровня, так и государственно-частного партнерства, понимать потребности бизнеса и реального сектора экономики, работать с социальными и другими проектами. Предприниматель, как социально-трудовая роль, это человек, который проявляет креатив, может брать на себя риск управленческих решений, умеет работать в рамках проектного управления. Более того формирование данного рода компетенций во время обучения позволит сформировать четкий взгляд на этические противоречия в ролях предпринимателя и работающего на государственной службе лица.

Формирование стратегических компетенций позволит научить будущих управленцев стратегическому планированию, методике принятия управленческих решений, управлению рисками, а также оценке долгосрочных трендов и последствиям неверных решений. Видится необходимым формирование данных компетенций, т. к. практически все современные национальные проекты и цели, поставленные в Российской Федерации, обладают достаточной перспективой развития. Сегодняшний студент — это завтрашний государственный служащий, который будет реализовывать ту или иную стратегическую задачу. Именно поэтому он должен уметь мыслить стратегически и работать не на решение сиюминутных задач, а для решения проблем и повышения эффективности в перспективе.

Исходя из вышеизложенных предложений предлагается к реализации программы под условным названием «Госслужащий 2.0», которые включают в себя обязательные элементы:

- включение модулей по лидерству и предпринимательству в учебные планы;
- развитие проектной работы с госорганами (реальные кейсы);
- внедрение симуляционных тренингов (стратегические игры, кризисные кейсы);
- партнерство с бизнесом и социальными организациями для обмена опытом (менторство, стажировки);
- создание междисциплинарных лабораторий государственного управления.

Вопрос включения модулей по лидерству и предпринимательству видится необходимым в части унификации учебных планов по направлению «Менеджмент» и «Государственное и муниципальное управление», т. к. работа современного чиновника уже во многом напоминает классический менеджмент в условиях бизнеса.

Видится обязательным условием включения реальных современных кейсов в проектную активность студентов. Студенческие проекты, осуществляемые для реальных заказчиков — должны стать неотъемлемой частью современной подготовки.

Видится необходимым повторить успешный опыт подготовки студентов по управленческим направлениям в подготовке государственных и муниципальных управленцев с помощью внедрения симуляционных тренингов, включающих как кейсы, так и онлайн-симуляторы. Студенты должны представлять условия реальной работы министерства и ведомства, чтобы, выйдя непосредственно на работу, не испытать разочарования.

Видится необходимым получение смежного опыта в бизнесе и социальных службах для того, чтобы будущий чиновник понимал проблемы и потребности структур, которые непосредственно находятся под контролем государственных органов.

В глобальном плане также видится важным создание междисциплинарных лабораторий, где студенты различ-

ных направлений будут работать над совместной реализацией проектов. Студенты направления «Государственное и муниципальное управление» должны быть активными участниками такого рода активностей для приобретения полезного опыта работы в различных командах над проектами разного уровня и разного направления.

Заключение

Теоретический вклад исследования заключается в том, что были агрегированы основные знания и концепции по подготовке студентов направления «Государственное и муниципальное управление» за последние несколько лет. Выделены пять основных аспектов, формирующие будущие практико-ориентированные компетенции студентов для последующей эффективной адаптации студентов на рабочем месте, а также повышения качества трудовых ресурсов выпусков вузов.

Практическая значимость исследования заключается в планируемой апробации в программах по направлению «Государственное и муниципальное управление». В основе формирования и реализации данных образовательных программ будут в базе теоретические положения данного исследования. По результатам апробации планируется научное осмысление результатов обучения студентов, формирование новой модели подготовки специалистов данного направления в вузах нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Атаманчук Г. В. Управление в жизнедеятельности людей (очерки проблем). М. : РАГС, 2008. 368 с.
2. Барабашев А. Г., Кастрель Т. Н. Направления совершенствования государственного стандарта бакалавриата по государственному и муниципальному управлению // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 1. С. 78—98.
3. Бушуева И. П. Профессиональное развитие государственных гражданских служащих: проблемы теории и практики // Образование и наука в третьем тысячелетии : материалы к Седьмой Междунар. науч.-теорет. конф. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. Ч. 1. С. 41—42.
4. Современная система государственного и муниципального управления : моногр. / под ред. В. И. Голованов. М. : МАКС Пресс, 2023. 840 с.
5. Колодина Е. А. Проблемы формирования профессиональных компетенций студентов, обучающихся по направлению «Государственное и муниципальное управление» // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 3. С. 50—54.
6. Кудрявцева Е. И., Макалатия И. Н. Компетенции государственного гражданского служащего как исследовательская проблема // Настоящее и будущее социальных технологий : материалы VIII науч.-практ. конф. СПб. : Сев.-Зап. акад. гос. службы, 2011. С. 262—267.
7. Митина Л. М. Психология развития конкурентоспособности личности. М. : МПСИ, 2002. 400 с.
8. Оболонский А. В. Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы — международный опыт и российские реалии. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2011. 280 с.
9. Позднышов А. Н. Развитие системы профессиональной подготовки государственных служащих // Юристъ-Правоведь. 2011. № 2(45). С. 94—100.
10. Провоторова Н. В. Формирование профессиональной готовности к инновационной деятельности будущих специалистов сферы государственного и муниципального управления: теория и практика : моногр. Луганск : Книта, 2023. 249 с.
11. Резер Т. М., Невский Г. А. Служение государству — новая социально-ценностная ориентация подготовки будущих чиновников // ЦИТИСЭ. 2020. № 1(23). С. 433—440. DOI: 10.15350/24097616.2020.1.39.
12. Свирина Л. Н. К вопросу взаимодействия процессов трансформации государственного управления в направлении повышения результативности и модернизации системы подготовки управленческих кадров // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 1. С. 223—232. DOI: 10.18334/vinec.10.1.100563.
13. Фролов О. В. Магистр государственного управления: культура, компетентность, профессионализм. М. : Флинта, 2021. 202 с.
14. Турняк К. В., Шакина М. А. Модели профессиональных компетенций работников государственного и муниципального управления в условиях нового государственного менеджмента: отечественный и зарубежный опыт // Ars Administrandi (Искусство управления). 2012. № 4. С. 41—55.
15. Эмиева Ж. А., Ахмадов А. У., Милованова Е. С. Трансформация системы управления образовательной организацией в условиях цифровизации // Журнал прикладных исследований. 2022. № 12. С. 134—139. DOI: 10.47576/2712-7516_2022_12_134.

REFERENCES

1. Atamanchuk G. V. Management in people's lives (essays on problems). Moscow, RAGS, 2008. 368 p. (In Russ.)
2. Barabashev A. G., Kastrel T. N. Trends in the further development of the state bachelor degree standard in public and municipal administration. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public administration issues*. 2012;1:78—98. (In Russ.)
3. Bushueva I. P. Professional development of government civil servants: problems of theory and practice. *Obrazovanie i nauka v tret'em tysyacheletii = Education and science in the third millennium. Materials for the Seventh International scientific and theoretical conference*. Barnaul, Altai University publ., 2013;1:41—42. (In Russ.)
4. Modern system of state and municipal administration. Monograph. V. I. Golovanov (ed.). Moscow, MAKSS Press, 2023. 840 p. (In Russ.)
5. Kolodina E. A. Problems of professional competence formation of "Public and municipal administration" students. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economic Academy*. 2013;3:50—54. (In Russ.)
6. Kudryavtseva E. I., Makalatiya I. N. The competence of a government civil servant as a research problem. *Nastoyashchee i budushchee sotsial'nykh tekhnologii = The present and future of social technology. Materials of the VIII scientific and practical conference*. Saint Petersburg, North-Western Academy of Public Administration publ., 2011: 262—267. (In Russ.)
7. Mitina L. M. Psychology of personal competitiveness development. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute publ., 2002. 400 p. (In Russ.)
8. Obolonskii A. V. The crisis of the bureaucratic State: Civil service reforms — international experience and Russian realities. Moscow, Liberal Mission Foundation publ., 2011. 280 p. (In Russ.)
9. Pozdnyshov A. N. Development of the system of professional training of the government officials. *Jurist-Pravoved*. 2011;2(45):94—100. (In Russ.)
10. Provotorova N. V. Formation of professional readiness for innovative activities of future specialists in the field of public and municipal administration: theory and practice. Monograph. Lugansk, Knita, 2023. 249 p. (In Russ.)
11. Rezer T. M., Nevsky G. A. Service to the state - a new socio-valuable orientation of preparation of future officials. *CITISE*. 2020;1(23):433—440. (In Russ.) DOI: 10.15350/24097616.2020.1.39.
12. Svirina L. N. On the issue of interaction between the processes of the public administration transformation in the direction of improving the effectiveness and modernization of the management training system. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2020;10(1):223—232. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.10.1.100563.
13. Frolov O. V. Master of Public Administration: culture, competence, professionalism. Moscow, Flinta, 2021. 202 p. (In Russ.)
14. Turnyak K. V., Shakina M. A. Models of professional competencies of employees of state and municipal management in the context of new public management: domestic and foreign experience. *Ars Administrandi*. 2012;4:41—55. (In Russ.)
15. Emieva Zh. A., Akhmadov A. U., Milovanova E. S. Transformation of the management system of an educational organization in the context of digitalization. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2022;12:134—139. (In Russ.) DOI: 10.47576/2712-7516_2022_12_134.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 18.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 10.03.2026; approved after reviewing 18.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1630

Zinaida Nikolaevna Platonova

Candidate of Psychology,
Associate Professor
of the Department of Psychology and Social Sciences
of the Institute of Psychology,
Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
zplatonova@mail.ru

Зинаида Николаевна Платонова

канд. психол. наук,
доцент кафедры психологии и социальных наук
Института психологии,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация
zplatonova@mail.ru

Yulia Aleksandrovna Andreeva

Student at the Department of Psychology
and Social Sciences
of the Institute of Psychology,
field of training
44.05.01 — Pedagogy and psychology of deviant behaviour,
Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
yuliandreeva8@gmail.com

Юлия Александровна Андреева

студент кафедры психологии и социальных наук
Института психологии,
направление подготовки
44.05.01 — Педагогика и психология девиантного поведения,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова
Якутск, Российская Федерация
yuliandreeva8@gmail.com

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ И СЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ НА ПРОЯВЛЕНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье представлены результаты исследования тревожности у младших школьников, проживающих в городской и сельской местности Республики Саха (Якутия). Предметом исследования выступали ситуативная, личностная, учебная, самооценочная и межличностная тревожность, а также структура их взаимосвязей. Цель работы заключается в выявлении и сравнении уровней ситуативной, личностной, учебной, самооценочной и межличностной тревожности у детей из разных средовых условий. Гипотеза предполагала, что сельские школьники демонстрируют более высокие показатели по ряду видов тревожности (личностной, самооценочной, учебной) из-за большей публичности и ограниченности круга общения в сельской среде. В исследовании приняли участие 60 детей (по 30 из города и села). Использовались три методики: опросник «Шкала самооценки» и уровня тревожности Спилбергера—Ханина, методика «Шкала тревожности» (А. М. Прихожан) и рисуночная методика «Несуществующее животное» (М. З. Дукаревич).

Статистический анализ включал U-критерий Манна—Уитни. Анализ результатов показал, что уровни тревожности у детей из разных сред отличаются. Значимые различия были обнаружены по шкалам личностной и самооценочной тревожности, причем сельские школьники демонстрируют более высокие показатели. Так, более половины детей из сельской местности имеют высокий уровень личностной тревожности, что в два раза превышает показатель городских детей. В то же время у городских детей ситуативная тревожность выражена слабее, что может свидетельствовать о наличии скрытых страхов, которые не всегда выявляются стандартными методами, но могут быть обнаружены с помощью проективных рисуночных тестов.

Ключевые слова: тревожность, младший школьный возраст, городская среда, сельская среда, ситуативная тревожность, личностная тревожность, учебная тревожность, межличностная тревожность, самооценочная тревожность, средовые факторы

Для цитирования: Платонова З. Н., Андреева Ю. А. Влияние городской и сельской среды на проявление тревожности детей младшего школьного возраста на примере Республики Саха (Якутия) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 486—492. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1630.

Original article

INFLUENCE OF URBAN AND RURAL ENVIRONMENTS ON THE MANIFESTATION OF ANXIETY IN PRIMARY SCHOOL CHILDREN: A CASE STUDY OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article presents the results of a study on anxiety in primary school children living in urban and rural areas of the Republic of Sakha (Yakutia). The study focused on situ-

ational, personal, academic, self-evaluative, and interpersonal anxiety, as well as the structure of their interrelations. The aim of the work is to identify and compare the levels of situational,

personal, academic, self-evaluative, and interpersonal anxiety in children from different environmental conditions. The hypothesis assumed that rural schoolchildren demonstrate higher scores on a number of anxiety types (personal, self-evaluative, academic) due to the greater publicity and limited social circle characteristic of the rural environment. The study involved 60 children (30 from the city and 30 from the countryside). Three methods were used: Spielberger–Khanin Self-Rating Anxiety Scale, Prikhodzhan Anxiety Scale, and the “Non-existent Animal” drawing test (M. Z. Dukarevich). Statistical analysis included Mann–Whitney U test. The analysis of the results showed that anxiety levels differ between children from different environments.

For citation: Platonova Z. N., Andreeva Yu. A. Influence of urban and rural environments on the manifestation of anxiety in primary school children: a case study of the Republic of Sakha (Yakutia). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):486—492. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1630.

Введение

Актуальность. Проблема тревожности среди школьников с каждым годом становится всё острее. Мы всё чаще видим детей, которые беспокоятся по любому поводу, сомневаются в себе и с трудом сохраняют эмоциональное равновесие. До подросткового возраста тревожность может закрепиться и усилиться — тогда высок риск перехода в хроническое тревожное состояние. Особенно уязвимы младшие школьники: они привыкают к школе, меняются их отношения с учителями и одноклассниками.

В младшем школьном возрасте дети часто испытывают повышенную тревожность. Это вызвано не только адаптацией к новым условиям, но и изменениями в их отношениях со взрослыми и сверстниками. В начале учебного года у большинства детей наблюдается низкая и нестабильная работоспособность, повышенное напряжение сердечно-сосудистой системы и слабая координация между физиологическими системами. Первые недели обучения оказывают на детский организм такую же сильную нагрузку, как экстремальные условия для взрослых [1].

В последнее время психологи всё чаще задаются вопросом: как место жизни — город или деревня — сказывается на детской психике? Считается, что урбанизация несет с собой дополнительные стрессы: много информации, шум, постоянное общение с большим количеством людей, нехватку парков и лесов. Всё это, как полагают исследователи, отражается на том, насколько легко ребенок адаптируется к разным ситуациям. Но долгое время сравнительных нейropsychологических исследований на больших выборках было крайне мало [2].

Изученность проблемы. Проблема тревожности в детском возрасте является одной из центральных в современной психологии развития и педагогической психологии. Теоретическое изучение детской тревожности были заложены в работах А. М. Прихожан, Э. Л. Арифмаметовой [3], Х. Т. Умхажиевой [4], Е. И. Пилогиной [5], Е. И. Лебедевой [6], Т. А. Серебряковой [7], а также других авторов, которые внесли значительный вклад в понимание причин, динамики и методов коррекции этого состояния у детей младшего школьного возраста.

Я. А. Кузнецова определяет тревожность как «переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, с предчувствием грозящей опасности», «постоянно или ситуативно проявляемое свойство человека приходить в состояние повышенного беспокойства, испытывать страх и тревогу в специфических социальных ситуациях» [8, с. 91].

Significant differences were found on the scales of personal and self-evaluative anxiety, with rural schoolchildren demonstrating higher scores. More than half of the children from rural areas have a high level of personal anxiety, which is twice the rate of urban children. At the same time, situational anxiety in urban children is less pronounced, which may indicate the presence of hidden fears that are not always detected by standard methods but can be identified using projective drawing tests.

Keywords: anxiety, primary school age, urban environment, rural environment, situational anxiety, personal anxiety, academic anxiety, interpersonal anxiety, self-evaluative anxiety, environmental factors

По Ч. Спилбергеру, различают два вида тревожности, ситуативную тревожность — оправданное и даже полезное чувство страха, мобилизующее человека на избегание опасности или решение проблемы, — и личностную тревожность, которая становится чертой характера и сопровождает индивида на протяжении всей жизни. При втором варианте ребенок испытывает постоянный, зачастую неоправданный страх и чувство угрозы, любое событие воспринимается им как неприятность или опасность [9].

Исследование научной литературы за последние 5—7 лет выявило существенный пробел в изучении влияния городской и сельской среды на тревожность у младших школьников. За этот период не было найдено прямых эмпирических исследований, сравнивающих уровни тревожности у городских и сельских первоклассников. Существующие работы либо фокусируются на подростках, либо изучают тревожность младших школьников без учета места проживания, либо сравнивают городских детей из разных стран, но не сопоставляют их с сельскими сверстниками в пределах одной страны.

Исследования показывают, что для подросткового возраста существует немало данных о различиях в уровне тревожности. Например, А. И. Дашкиной выявлено, что городские восьмиклассники (44 % с высоким уровнем тревожности) более склонны к тревожности, чем их сверстники из сельской школы (13 %). Это связывают с учебными нагрузками, конкуренцией и особенностями воспитания в городе, в отличие от сельской местности, где религиозные традиции способствуют развитию терпения [10].

В ряде работ, например М. А. Рязанцевой и А. В. Мартышова, изучается воздействие комплекса антропогенных факторов на психоэмоциональную сферу детей, проживающих в столичном мегаполисе. Авторы приходят к выводу, что в зависимости от сочетания социальных и экологических факторов окружающей среды у младших школьников могут фиксироваться разные уровни тревожности; при этом действие неблагоприятных факторов среды может частично нивелироваться при наличии иных благоприятных условий. Это подтверждает сложный, многомерный характер влияния среды, которое мы также учитываем в нашем исследовании [11].

Исследование П. М. Гусевой с соавторами выявило существенные социально-психологические различия между городскими и сельскими школьниками. Сельские дети чаще доверяют родителям (60 %), городские — братьям и сестрам (86 %, родителям — лишь 14 %). Городские школьники больше боятся одиночества (70 %), у них выше тревожность:

трудности адаптации — 82 %, неуверенность в себе — 75 %, в своих действиях — 69 %. В селе тревожность ниже (68 %), выше психологическая устойчивость, уверенность в общении (85 %), реже ощущается разница в статусе (13 %). Городские дети, несмотря на самостоятельность, чаще страдают от одиночества и проблем адаптации [12].

Анализ литературы подтверждает актуальность изучения тревожности у младших школьников в силу их возрастной уязвимости. Однако, несмотря на разработанность общей проблематики (работы А. М. Прихожан, Э. Л. Арифметовой и др.), прямых сравнительных исследований городских и сельских детей 7—10 лет за последние 5—7 лет не выявлено. Имеющиеся данные касаются в основном подростков, где чаще фиксируется более высокая тревожность у горожан, либо не учитывают тип поселения. Отдельные работы (например, П. М. Гусевой) показывают различия в доверии к родителям и страхе одиночества, но они фрагментарны и не охватывают все виды тревожности. Возникает разрыв между практическим запросом и эмпирической базой. Необходимо специальное исследование, сопоставляющее городских и сельских младших школьников по уровням и формам тревожности — иначе профилактическая работа останется недостаточно обоснованной.

Целесообразность разработки темы. Из-за современных изменений в образовании, роста эмоциональной нагрузки на детей и противоречивых выводов о влиянии города на тревожность особенно важно изучать связь тревожности со средой. Сейчас тревожность анализируют не просто по уровню, а по структуре — это нужно для эффективной помощи детям в разных условиях. Требуется сопоставить разные виды тревожности (ситуативную, личностную, учебную, самооценочную, межличностную) с жизнью в городе и на селе. Для психологии развития и педагогической психологии это важно, но почти не исследовано — особенно в Якутии с ее особым климатом и культурой.

Цель работы — выявить и сравнить уровни разных видов тревожности у младших школьников, проживающих в городской и сельской местности, а также проанализировать различия в структуре связей между ними.

Объект исследования: младшие школьники в возрасте 7—10 лет.

Предмет исследования: ситуативная, личностная, учебная, самооценочная и межличностная тревожность, а также структура их взаимосвязей в условиях города и села.

Задачи исследования:

- 1) провести диагностику тревожности (ситуативной, личностной, учебной, самооценочной, межличностной) у двух групп детей (город/село) с помощью стандартизованных опросников и проективной методики;
- 2) сравнить полученные показатели с использованием непараметрического *U*-критерия Манна—Уитни;
- 3) сформулировать гипотезу о влиянии средовых факторов на структуру тревожности.

Гипотеза исследования. Городская и сельская среда влияют на тревожность детей по-разному. Мы предполагаем, что у сельских младших школьников тревожность выше, чем у городских, причем по целому ряду показателей. Причина кроется в большей публичности и закрытости сельской жизни: здесь каждый ребенок постоянно на виду у узкого круга людей, каждый его успех или провал становятся событием для всех. Это неизбежно повышает общий уровень тревожности.

Научная новизна. Впервые на выборке младших школьников Республики Саха (Якутия) проведен сравнительный анализ не только уровней, но и структуры взаимосвязей тревожности в городской и сельской среде. Показана диссоциация между личностной тревожностью и школьными страхами у сельских детей, что ранее в литературе для этого возраста не описывалось.

Теоретическая значимость. Данная работа уточняет представления о том, как условия проживания влияют на тревожность детей 7—10 лет. В отличие от большинства предыдущих исследований, которые ограничивались количественным анализом уровней тревожности, данное исследование впервые выявляет, что среда воздействует не столько на интенсивность, сколько на структуру взаимосвязей между различными аспектами тревожности. Обнаруженные феномены — диссоциация (отсутствие связи между личностной тревожностью и школьными страхами в сельской местности) и генерализация (тесная взаимосвязь всех видов тревожности в городе) — расширяют существующие теоретические представления о влиянии среды на формирование эмоциональных состояний. Полученные результаты открывают возможность для разработки более точных теоретических моделей, описывающих роль макро- и микросреды в становлении тревожности у младших школьников.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы школьными психологами для коррекционной работы: в городе нужны программы снижения общей тревожности, в селе — адресной работы с конкретными ее видами.

Основная часть

Методы исследования. Исследование проводилось в городе Якутск, МАОУ Саха Политехнический лицей (городская выборка) и в сельской школе МБОУ Джикимдинская СОШ им. Софрона Петровича Данилова, Горного района, с. Дикимдя, Республики Саха (Якутия) (сельская выборка). Выборка состояла из 60 детей младшего школьного возраста в возрасте от 7 до 10 лет и была разделена на две группы: 30 учащихся, проживающих в городской среде и 30 учащихся, проживающих в сельской местности. Проводилось в групповом порядке в соответствии с выбранными методиками:

- методика «Шкала самооценки и уровня тревожности Спилберга—Ханина» [13];
- методика «Шкала тревожности» (А. М. Прихожан) [14];
- рисуночная методика «Несуществующее животное» (М. З. Дукаревич) [15].

Результаты исследования. По результатам методики «Шкала самооценки и уровня тревожности Спилберга—Ханина» у городской выборки высокая ситуативная тревожность выявлена у 4 детей (13,3 %), средний уровень — у 10 детей (33,3 %), низкий уровень — у 16 детей (53,3 %). Высокий уровень личностной тревожности выявлен у 8 учащихся (26,7 %), средний уровень — у 13 учащихся (43,3 %), низкий уровень — у 9 учащихся (30 %). У детей, проживающих в сельской местности высокий уровень ситуативной тревожности выявлен у 8 детей (26,7 %), средний уровень — у 11 детей (36,6 %), низкий уровень — у 11 детей (36,6 %). Высокий уровень личностной тревожности у 17 учащихся (56,7 %), средний уровень — у 10 учащихся (33,3 %), низкий уровень — у 3 (10 %) (рис. 1). Таким образом, можно сделать вывод, что у сельских детей отмечается высокая ситуативная и личностная тревожности, превышающие городских детей почти в два раза.

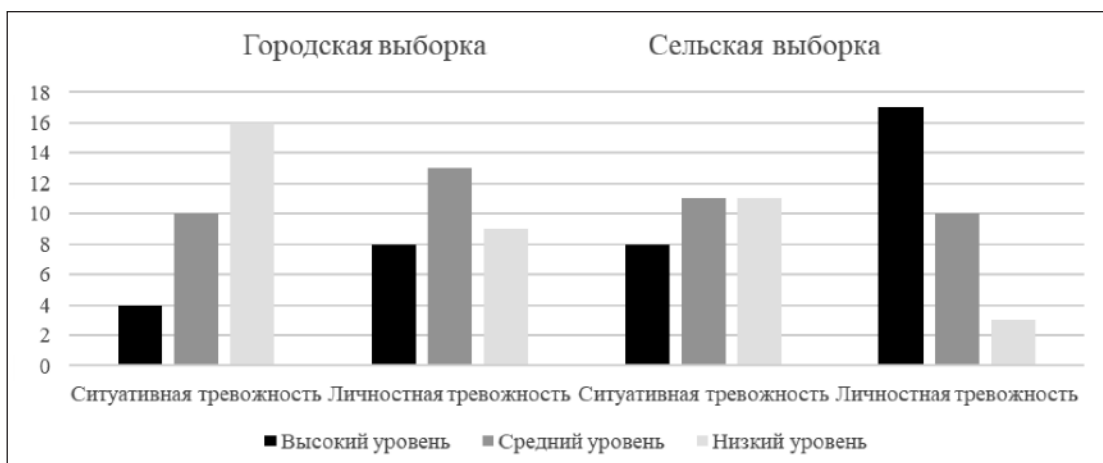

Рис. 1. Результаты методики «Шкала самооценки и уровня тревожности Спилберга—Ханина»

По методике «Шкала тревожности» (А. М. Прихожан) в городской выборке получены следующие распределения. Учебная тревожность: высокий уровень — у 4 детей (13,3 %), выше нормы — у 4 детей (13,3 %), норма — у 8 детей (26,7 %), ниже нормы — у 6 (20 %), низкий уровень — у 8 (26,7 %). Самооценочная тревожность: высокий уровень — у 3 (10 %), выше нормы — у 4 (13,3 %), норма —

у 7 (23,3 %), ниже нормы — у 5 (16,7 %), низкий уровень — у 11 (36,6 %). Межличностная тревожность: высокий уровень — у 3 (10 %), выше нормы — у 3 (10 %), норма — у 9 (30 %), ниже нормы — у 5 (16,7 %), низкий уровень — у 10 (33,3 %). Общий уровень тревожности: высокий — у 5 (16,7 %), выше нормы — у 1 (3,3 %), норма — у 14 (46,6 %), ниже нормы — у 5 (16,7 %), низкий — у 5 (16,7 %) (рис. 2).

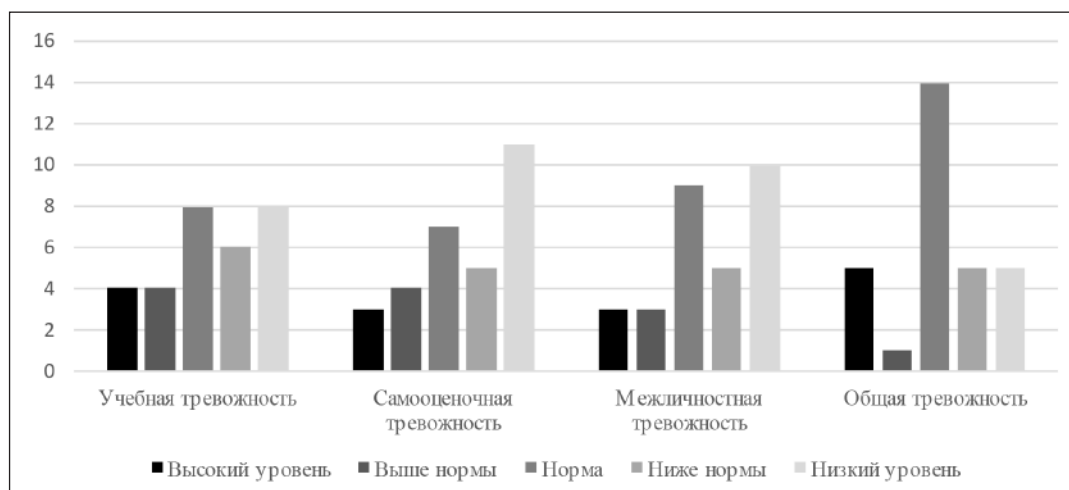

Рис. 2. Результаты по методике «Шкала тревожности (А. М. Прихожан)», городская выборка

Результаты по шкале А. М. Прихожан в сельской выборке. Учебная тревожность: высокий уровень — у 8 детей (26,7 %), выше нормы — у 3 (10 %), норма — у 11 (36,6 %), ниже нормы — у 2 (6,7 %), низкий уровень — у 6 (20 %). Самооценочная тревожность: высокий уровень — у 5 (16,7 %), выше нормы — у 5 (16,7 %), норма — у 9 (30 %), ниже нормы — у 2 (6,7 %), низкий уровень — у 9 (30 %). Межличностная тревожность: высокий уровень — у 5 (16,7 %), выше нормы — у 5 (16,7 %), норма — у 9 (30 %), ниже нормы — у 5 (16,7 %), низкий уровень — у 6 (20 %). Общий уровень тревожности: высокий — у 9 (30 %), выше нормы — 0 (0 %), норма — у 16 (53,3 %), ниже нормы — у 2 (6,7 %), низкий — у 3 (10 %) (рис. 3). Результаты по данной методике показали, что сельские школьники с высоким и повышенным уровнем учебной тревожности (суммарно 36,7 %) значительно превышают показатель в городе (26,6 %). Особенно тревожным выглядит высокий уровень общей тревожности — 30 % против 16,7 % в городе.

По результатам методики «Несуществующее животное» у 9 (30 %) учеников из городской выборки выявлен высокий уровень тревожности, у 10 (33,3 %) средний уровень, у 11 (36,6 %) низкий уровень. И у 14 (46,6 %) детей, проживающих в сельской местности, выявлен высокий уровень тревожности, средний уровень у 8 (26,7 %) учеников и низкий уровень у 8 (26,7 %) (рис. 4). И в проективной методике, которая выявляет неосознаваемые компоненты тревожности, сельские дети продемонстрировали более высокий уровень тревожности. В городской выборке распределение равномерное, что может говорить о большей вариативности индивидуальных реакций.

Для выявления различий показателей в двух несвязных выборках был проведен анализ сравнения средних по U-критерию Манна—Уитни. Нулевая гипотеза, которая проверялась: распределение видов тревожности является одинаковым у обеих групп.

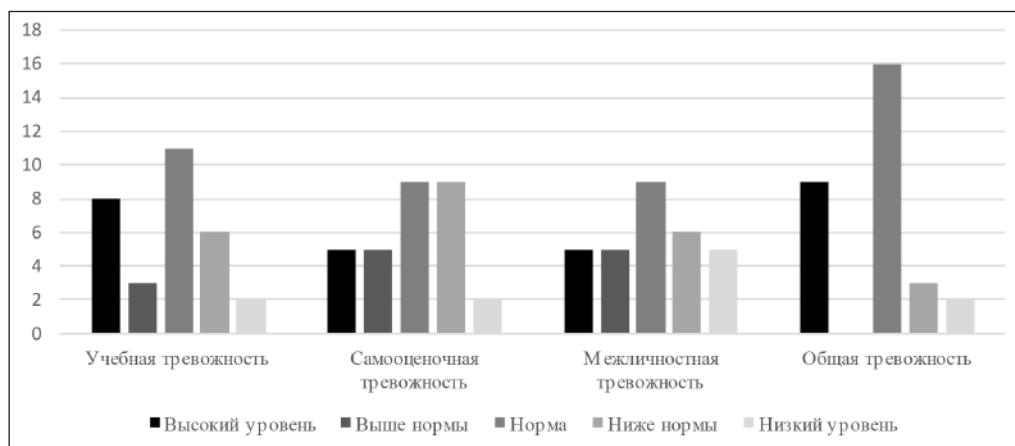

Рис. 3. Результаты по методике «Шкала тревожности (А. М. Прихожан)» сельская выборка

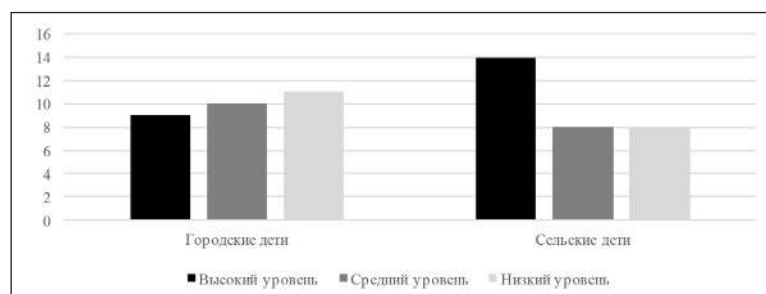

Рис. 4. Результаты по методике «Несуществующее животное»

Статистически значимые различия получены только по двум шкалам. По методике «Шкала самооценки и уровня тревожности Спилберга—Ханина» *U*-критерию Манна—Уитни выявил асимптотическую значимость результата по шкале личностной тревожности критерий ($\alpha = 0,014$; $p < 0,05$). По методике «Шкала тревожности (А. М. Прихожан)» *U*-критерий Манна—Уитни выявил асимптотическую значимость результата по самооценочной тревожности ($\alpha = 0,023$; $p < 0,05$), в данных случаях нулевая гипотеза отклоняется, т. е. распределение личностной и самооценочной тревожности различаются у двух групп детей. По ситуативной ($\alpha = 0,052$), учебной ($\alpha = 0,450$), межличностной ($\alpha = 0,722$) и общей тревожности ($\alpha = 0,099$) значимых расхождений между городом и селом не обнаружено.

Таким образом, проведенный статистический анализ позволил подтвердить исходную рабочую гипотезу. Предположение о том, что сельские младшие школьники демонстрируют более высокие показатели тревожности по сравнению с городскими сверстниками, нашло эмпирическое подтверждение, однако не по всем заявленным видам, а по ключевым — личностному и самооценочному. Именно эти две шкалы дали статистически значимые различия ($\alpha = 0,014$ и $\alpha = 0,023$ соответственно), что указывает на направленное влияние сельской среды. По данным, у сельских детей почти в два раза чаще фиксируется высокая личностная тревожность, а повышенная самооценочная тревожность встречается в полтора раза чаще, чем в городе. Остальные виды тревожности (ситуативная, учебная, межличностная) значимых межгрупповых расхождений не показали, что говорит об избирательности средового воздействия. Следовательно, гипотеза о более высоком уровне тревожности у сельских школьников доказана мной в той части, которая касается устойчивых личностных и самооценочных форм.

Обсуждение результатов. Сравнение тревожности у городских и сельских младших школьников выявило как сходства, так и заметные различия. Сельские дети вдвое чаще демонстрируют высокий уровень личностной тревожности (56,7 % против 26,7 % у городских). Это подтверждает: жизнь в небольших, тесно связанных сообществах с сильным внешним контролем способствует хронической тревоге — любой поступок или промах ребенка быстро становится всеобщим достоянием, порождая постоянное ожидание оценки.

Второе важное отличие — самооценочная тревожность: у селян она повышена в 1,5 раза чаще (33,4 % против 23,3 %). Причиной могут быть частые сравнения со сторонами педагогов и родителей. При этом значимых различий в учебной тревожности не найдено ($\alpha = 0,450$) — вероятно, из-за единых образовательных стандартов и небольших классов, снижающих конкуренцию.

Статистически значимых расхождений по ситуативной и межличностной тревожности не обнаружено ($\alpha = 0,052$ — на грани значимости). Однако проективная методика «Несуществующее животное» дала иную картину: высокий уровень тревожности зафиксирован у 46,6 % сельских детей против 30 % городских. В рисунках горожан чаще встречались признаки скрытых страхов (штриховка, сильный нажим, мелкие детали) — это требует дальнейшего изучения.

В отличие от подростков, у которых городская среда усиливает тревожность из-за конкуренции и информационного шума, у младших школьников фактором риска выступает село (особенно для личностной и самооценочной тревожности). Это объясняется возрастной чувствительностью к социальной оценке в 7—10 лет и особенностями якутской сельской общины. Вывод: влияние среды на тревожность нелинейно и опосредовано возрастом, культурным контекстом и конкретным видом тревоги.

Заключение

Основные результаты. В ходе эмпирического сопоставления групп младших школьников из г. Якутска и Горного района (с. Дикимдя) установлено следующее.

Сельские дети демонстрируют статистически значимо более высокие уровни личностной ($a = 0,014$) и самооценочной тревожности ($a = 0,023$) по сравнению с городскими сверстниками. Доля сельских школьников с высоким уровнем личностной тревожности (56,7 %) более чем вдвое превышает аналогичный показатель в городе (26,7 %).

По ситуативной, учебной, межличностной и общей тревожности значимых межгрупповых различий не обнаружено, что уточняет исходную гипотезу: влияние среды избирательно и не распространяется на все виды тревожности.

Проективная методика выявила высокий уровень тревожности у 46,6 % сельских детей и у 30 % городских, при этом рисунки городских испытуемых чаще демонстрировали признаки латентных страхов.

Полученные результаты опровергают идею о том, что город — это главный стрессор для младших школьников. Сельская среда в Якутии, напротив, несет в себе специфические риски для формирования устойчивой тревожности у детей.

Краткие результаты исследования. Проведенное эмпирическое исследование показало, что младшие школьники, проживающие в сельской местности Республики Саха (Якутия), отличаются от городских сверстников по уровню и структуре тревожности. Статистически значимые различия (U -критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$) зафиксированы по двум показателям: личностной тревожности ($a = 0,014$) и самооценочной тревожности ($a = 0,023$). В селе высокий уровень личностной тревожности встречается в 2,1 раза чаще (56,7 % против 26,7 % в городе), а повышенная самооценочная тревожность — в 1,4 раза чаще (33,4 % против 23,3 %). По ситуативной ($a = 0,052$), учебной ($a = 0,450$), межличностной ($a = 0,722$) и общей тревожности ($a = 0,099$) достоверных различий не выявлено. Проективная методика «Несуществующее животное» дополнительно показала, что у сельских детей чаще диагностируется высокий уровень тревожности по рисункам (46,6 % против 30 % в городе), при этом городские школьники демонстрируют больше признаков скрытых, подавленных страхов (штриховка, сильный нажим, мелкая детализация).

Исходя из поставленной цели, мы формулируем следующие **выводы**:

1. По личностной тревожности — сельские младшие школьники имеют достоверно более высокие показатели, чем городские. Более половины детей из села (56,7 %) находятся в зоне высокого уровня личностной тревожности, что делает их уязвимыми для хронического эмоционального неблагополучия. Городская среда в этом отношении выступает менее рискованным фактором.

2. По самооценочной тревожности — у сельских детей также зафиксирован более высокий уровень (статистически значимо). Это означает, что в условиях сельской школы и общины у ребенка чаще формируется тревога, связанная с оценкой его личности окружающими, тогда как в городе самооценочные переживания выражены слабее.

3. По учебной и межличностной тревожности — значимых различий между городом и селом не обнаружено. Следовательно, школьная успеваемость и отношения с одноклассниками вызывают сходный уровень беспокойства независимо от места жительства, что может объясняться едиными образовательными стандартами и универсальными механизмами детского общения.

4. По ситуативной тревожности — различия находятся на грани статистической значимости ($a = 0,052$), что позволяет говорить о тенденции к ее повышению в сельской выборке. Однако проективные данные показывают, что у городских детей тревожность может принимать латентные, подавленные формы, не фиксируемые опросниками. Таким образом, скрытая тревога чаще встречается в городе, а открытая — в селе.

Общий вывод по гипотезе — предположение о том, что сельская среда продуцирует более высокий уровень тревожности у младших школьников, подтвердилось, но не тотально, а применительно к личностному и самооценочному видам. Сельский уклад (тесный круг общения, публичность, сильный социальный контроль) действительно формирует устойчивую склонность к тревоге и зависимость от внешней оценки. В то же время городская среда не является для детей 7—10 лет однозначным стрессором — напротив, она дает больше возможностей для укрытия от постоянного оценивания.

Практические рекомендации. Основываясь на результатах, учреждений можно предложить следующие рекомендации:

1. *Сельские школы:* следует внедрить программы, направленные на снижение тревожности, связанной с личностью и самооценкой. Основной упор сделать на развитие способности к самооценке. Эффективными будут групповые тренинги самопринятия, методы когнитивной перестройки (разделение оценки поступка и личности) и работа с родителями для уменьшения излишнего общественного контроля.

2. *Городские школы:* для выявления скрытых форм тревожности в диагностику необходимо включить проективные методики (например, рисунки, незаконченные предложения). Рекомендуются занятия, способствующие эмоциональной разрядке, снижению перфекционизма и созданию безопасной среды для выражения страхов без опасения осуждения.

3. *Общие рекомендации:* психологам в школах обоих типов следует различать учебную и самооценочную тревожность. Первая нуждается в академической поддержке, вторая — в коррекции представлений о себе.

Направления дальнейших исследований. Полученные данные носят перекрестный характер и фиксируют различия только на одном возрастном срезе. Первая задача связана с контролем дополнительных переменных. В нашем исследовании выборки были уравнены по полу и возрасту, однако не учитывались такие факторы, как состав семьи (полные/неполные), образовательный уровень родителей, а также социометрический статус ребенка в классе. Влияние этих переменных на структуру тревожности в городе и на селе требует отдельного анализа, желательно на большей выборке ($n > 100$).

Второе направление — межрегиональные сравнения. Якутия отличается экстремальными климатическими условиями, низкой плотностью населения на селе и сохранением элементов традиционного уклада. Неясно, воспроизводятся ли обнаруженные закономерности в других федеральных округах, например в регионах средней полосы России или на юге. Повторение аналогичного протокола диагностики в разных субъектах Российской Федерации позволит отделить универсальные эффекты урбанизации от регионально-специфичных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курбанова А. Б., Кимпаева Э. А., Ахмадова З. М. Особенности профилактики уровня тревожности в младшем школьном возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 85. Ч. 2. С. 204—208.
2. Алескеров У. Э. Взгляд на город: как психология формирует восприятие пространства // Известия КГАСУ. 2025. № 4(74). С. 217—228.
3. Арифмаматов Э. Л. Тревожность и особенности ее проявления у младших школьников // Теория и практика современной науки. 2018. № 5(35). С. 90—94.
4. Умхажиева Х. Т. Тревожность младших школьников в учебном процессе // Молодой ученый. 2019. № 52(290). С. 244—247.
5. Пилюгина Е. И., Бережнова О. В., Юндин Р. Н. Исследование проблемы тревожности у детей младшего школьного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2020. Вып. 68. Ч. 4. С. 305—308.
6. Лебедева Е. И. Современные предикторы школьной тревожности младших школьников // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2020. № 2. С. 347—359.
7. Серебрякова Т. А., Швецова И. В. Результаты апробации экспериментальной программы изучения тревожности младших школьников // Проблемы современного педагогического образования. 2023. Вып. 79. Ч. 1. С. 432—435.
8. Кузнецова Я. А. Причины появления тревожности у младших школьников // Гаудеамус. 2019. Т. 18. № 3. С. 91—93. DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-3(41)-91-93.
9. Волковская Е. А. Кто такие тревожные дети? // Проблемы педагогики. 2021. № 2(53). С. 49—50.
10. Дашкина А. И. Особенности личностных качеств городских и сельских подростков // Юный ученый. 2023. № 6(69). С. 103—108.
11. Рязанцева М. А., Мартышов А. В. Выявление уровня тревожности у младших школьников столичного мегаполиса // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1(68). С. 329—330.
12. Гусева П. М., Корнеева В. В., Аверьянова Н. И., Коломеец Н. Ю. Психологическая устойчивость школьников, проживающих в сельской и городской местностях // Международный студенческий научный вестник. 2022. № 6. URL: <https://eduherald.ru/article/view?id=21003>.
13. Савинцев Е. И. Влияние уровня тревожности на самооценку подростков // Старт в науке. 2019. № 3. Ч. 1. С. 76—82.
14. Комиссарова О. А., Милованова О. А. Особенности переживания тревожности и одиночества как предикторы употребления ПАВ у подростков (на материале анкетирования зависимых 12—18 лет) // Психология и психотехника. 2025. № 1. С. 85—95. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73281.
15. Адмакина Т. А. Психологические особенности рассказа детей при выполнении методики «Рисунок несуществующего животного» как индикатор психогенного индуцирования // Прикладная юридическая психология. 2021. № 1(54). С. 124—132.

REFERENCES

1. Kurbanova A. B., Kimpayeva E. A., Akhmadova Z. M. Features of prevention of anxiety level in primary school age. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2024;85(2):204—208. (In Russ.)
2. Aleskerov U. E. City view: how psychology shapes our perception of space. *Izvestiya KGASU = News of the KSUAE*. 2025;4(74):217—228. (In Russ.)
3. Arifmamatov E. L. Anxiety and peculiarities of its manifestation in younger schoolchildren. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki*. 2018;5(35):90—94. (In Russ.)
4. Umkhazhieva Kh. T. Anxiety of primary school children in the educational process. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2019;52(290):244—247. (In Russ.)
5. Pilyugina E. I., Berezhnova O. V., Yundin R. N. Study of anxiety in children of primary school age. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2020;68(4):305—308. (In Russ.)
6. Lebedeva E. I., Modern predictors of school anxiety primary school children. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2020;2:347—359. (In Russ.)
7. Serebryakova T. A., Shvetsova I. V. The results of approbation of the experimental program for studying anxiety in junior schoolchildren. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2023;79(1):432—435. (In Russ.)
8. Kuznetsova Ya. A. Causes of younger pupils' anxiety. *Gaudeamus*. 2019;18(3):91—93. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-231X-2019-18-3(41)-91-93.
9. Volkovskaya E. A. Who are anxious children?. *Problemy pedagogiki*. 2021;2(53):49—50. (In Russ.)
10. Dashkina A. I. Features of personal qualities of urban and rural adolescents. *Yunyi uchenyi*. 2023;6(69):103—108. (In Russ.)
11. Ryzantseva M. A., Martyshev A. V. Identify the level of anxiety in primary school children of the capital city. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2018;1(68):329—330. (In Russ.)
12. Guseva P. M., Korneeva V. V., Averiyanova N. I., Kolomeets N. Yu. Psychological stability of a students living in rural and urban areas. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik*. 2022;6. (In Russ.) URL: <https://eduherald.ru/article/view?id=21003>.
13. Savintsev E. I. Influence of anxiety level on self-esteem of adolescents. *Start v nauke*. 2019;3-1:76—82. (In Russ.)
14. Komissarova O. A., Milovanova O. A. Features of anxiety and loneliness as predictors of narcotics use by adolescents (based on a survey of addicts aged 12-18). *Psikhologiya i psikhotehnika = Psychology and psychotechnics*. 2025;1:85—95. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0722.2025.1.73281.
15. Admakina T. A. Psychological features of children's story when performing the method "Drawing of a non-existent animal" as an indicator of psychogenic induction. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2021;1(54):124—132. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья

УДК 377

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1610

Tatyana Alexandrovna Plekhanova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Mathematics teacher

at the Department of General Education Disciplines

of the Social and Economic Profile,

Moscow College of Business Technologies

Moscow, Russian Federation

plekhanova-77@list.ru

Татьяна Александровна Плеханова

канд. пед. наук, доцент,

преподаватель математики

кафедры общеобразовательных дисциплин

социально-экономического профиля,

Московский колледж бизнес-технологий

Москва, Российская Федерация

plekhanova-77@list.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ МЕНТАЛИТЕТ ПЕДАГОГА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Исследование влияния цифровой культуры на менталитет преподавателей среднего профессионального образования (СПО) важно, т. к. цифровизация меняет не только инструменты работы, но и педагогическое сознание, отношение к профессии и стиль взаимодействия со студентами. В условиях, когда СПО должно оперативно реагировать на запросы рынка труда, цифровизация становится основой для подготовки специалистов.

В статье описывается методологическая конструкция исследования влияния цифровой культуры на менталитет преподавателя СПО, описывается гипотеза исследования и возможные пути практической реализации результатов. Представленная в статье методологическая конструкция дает возможность провести качественное исследование заявленной темы. Показывает продуктивность результатов исследования и их актуальность для системы СПО. Практическая значимость исследования влияния цифровой культуры на менталитет преподавателей СПО заключается в переходе от простого освоения технических инструментов к трансформации профессионального сознания, что необходимо для качественной подготов-

ки кадров в условиях цифровой экономики. Описываемые результаты исследования служат основой для создания адресных программ обучения и курсов повышения квалификации, учитывающих не только технические навыки, но и психологическую готовность педагогов к цифровой трансформации. Разрабатываемая в ходе исследования образовательная программа позволит выявить причины цифрового стресса, профессионального выгорания и разработать меры поддержки педагогов, помогая адаптировать их менталитет к работе в цифровой образовательной среде без потери эффективности. Полученные в ходе исследования данные позволят синхронизировать образовательный процесс с запросами цифровой экономики, что особенно важно в рамках федерального проекта «Профессионалитет».

Ключевые слова: цифровая культура, методология, профессиональный менталитет, цифровая трансформация общества, образовательная программа, модель, уровни цифровой культуры, среднее профессиональное образование, «Профессионалитет», горизонтальная профессиональная траектория

Для цитирования: Плеханова Т. А. Методология исследования влияния цифровой культуры на профессиональный менталитет педагога среднего профессионального образования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 493—499. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1610.

Original article

RESEARCH METHODOLOGY OF THE INFLUENCE OF DIGITAL CULTURE ON THE PROFESSIONAL MENTALITY OF A SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION TEACHER

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. Researching the impact of digital culture on the mentality of secondary vocational education (SVE) teachers is important, as digitalization changes not only their tools but also their pedagogical consciousness, attitudes toward the profession, and style of interaction with students. In a context where secondary vocational education must quickly respond to labor market demands, digitalization is becoming the foundation for training specialists. This article describes the methodological framework for studying the impact of digital culture on the mentality of secondary vocational education teachers,

outlines the research hypothesis, and possible ways to implement the results. The methodological framework presented in the article enables a qualitative study of the stated topic and demonstrates the productivity of the research results and their relevance to the secondary vocational education system. The practical significance of studying the impact of digital culture on the mentality of secondary vocational education teachers lies in the transition from simply mastering technical tools to transforming professional consciousness, which is necessary for high-quality training in the digital economy. The described

research results serve as a basis for creating targeted training programs and professional development courses that take into account not only technical skills but also the psychological readiness of teachers for digital transformation. The educational program developed during the study will help identify the causes of digital stress and professional burnout and develop support measures for teachers, helping them adapt their mindset to working in a digital educational environment without

losing effectiveness. The data obtained during the study will help align the educational process with the demands of the digital economy, which is especially important within the framework of the federal Professionalitet project.

Keywords: digital culture, methodology, professional mentality, digital transformation of society, educational program, model, levels of digital culture, secondary vocational education, Professionalitet, horizontal professional trajectory

For citation: Plekhanova T. A. Research methodology of the influence of digital culture on the professional mentality of a secondary vocational education teacher. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):493—499. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1610.

Введение

В условиях цифровой трансформации системы среднего профессионального образования (далее — СПО) ключевым направлением методической работы становится развитие цифровой культуры преподавателей. Данную форму работы можно осуществлять в рамках программы адаптации преподавателя в первый год работы. Именно на начальном этапе адаптации к профессиональной среде важно научить молодого преподавателя ориентироваться в потоке цифровой информации, связанной с профессиональной деятельностью, правильно подбирать инновационные педагогические технологии под образовательные цели, понимать современную роль педагога и возможности повышения качества образования посредством цифровых инструментов, повышать цифровую грамотность обучающихся. Ценность цифровой культуры преподавателя заключается в эффективном решении профессиональных задач, непрерывном профессиональном развитии, повышении качества образования и возможности формирования у обучающихся навыков работы с потоками информации.

Изученность проблемы. Проблема формирования цифровой культуры преподавателя достаточно изучена с точки зрения теоретических основ. Например, Е. В. Гнатышина определяет цифровую культуру педагога как сложное системное качество личности, включающее информационное мировоззрение, знания, умения и практический опыт информационной деятельности, проявляющиеся в организации обучения [1]. Опубликован ряд работ: Т. И. Беловой [2], О. Н. Шиловой и Е. Ю. Игнатьевой [3], Ю. С. Спиридоновой [4], — содержащих возможные методы оценки уровней цифровой культуры педагога и социологические исследования, связанные с анализом отношения преподавателей к цифровизации образовательного процесса, осуществленным В. А. Лапшовым [5] И. А. Алешковским, А. Т. Гаспаршвили, О. В. Крухмалевой [6], А. В. Андреевской, А. В. Носковой, Е. В. Дмитриевой [7]. Роль цифровой культуры как ресурса для повышения эффективности педагога и его адаптации к быстрым технологическим изменениям, отмечалась в работах Т. Н. Лебедевой с соавторами [8], А. В. Леонтьевой, С. А. Бибаловой, Ф. Р. Хатит [9], Э. Г. Ребко [10].

Актуальность. Среди направлений, требующих дальнейшего изучения, можно выделить: разработку целостной концепции формирования цифровой культуры педагога с учетом ценностно-смыслового аспекта; создание программно-методического и технологического обеспечения процесса формирования цифровой культуры в педагогическом вузе; изучение влияния цифровой культуры на менталитет и мировоззрение педагога с учетом внедрения новых цифровых педагогических технологий.

Цель предстоящего исследования — выявить характер и степень влияния цифровой культуры и новых цифровых технологий на когнитивные, ценностные и поведенческие компоненты менталитета и мировоззрения преподавателя в системе СПО. В процессе работы над исследованием решаются различные **задачи**:

- определить ключевые компоненты цифрового менталитета педагога;
- выявить основные цифровые технологии, внедряемые в образовательный процесс;
- установить корреляции между использованием цифровых инструментов и изменениями в профессиональном мировоззрении;
- оценить влияние цифровой среды на педагогические ценности и установки;
- разработать рекомендации по гармонизации цифрового и традиционного компонентов профессиональной культуры педагога.

Целесообразность разработки темы. Основными причинами целесообразности изучения цифровой культуры преподавателя можно считать соответствие государственной политике. В России цифровизация образования закреплена в нормативных документах, таких как Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Стратегия развития информационного общества на 2017—2030 гг. (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), федеральные проекты «Цифровая образовательная среда» и «Профессионалитет».

Научная новизна исследования фокусируется на уникальной роли педагога СПО, который должен сочетать цифровую культуру с производственными (техническими) компетенциями, что отличает его от школьного учителя или вузовского преподавателя. Углубленно обосновано влияние цифровой культуры не просто на набор цифровых навыков, а на структурные компоненты профессионального менталитета педагога СПО. Разработана модель профессионального менталитета преподавателя СПО, включающая компоненты: адаптивность, цифровая этика, критическое отношение к искусственному интеллекту (далее — ИИ) и готовность к проектированию цифрового контента.

Теоретическая значимость строится на стыке цифровизации и психологии труда. Результаты исследования позволяют уточнить содержание термина «профессиональный менталитет педагога СПО» в контексте цифровой среды. Новизна и значимость исследования заключаются в создании теоретической модели, которая показывает, как именно компоненты цифровой культуры (этика, инструменты, коммуникация) трансформируют установки и ценности преподавателя СПО.

Практическую значимость формируют результаты исследования, которые позволят ответить вызовам проекта «Профессионалитет» и преодолеть противоречие между курсом на цифровую трансформацию и реальной готовностью преподавателей СПО, обеспечивая их переход от традиционных методов к цифровым.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Выбор методики изучения влияния цифровой культуры на менталитет и мировоззрение педагога СПО с учетом внедрения новых цифровых педагогических технологий основан на комплексе факторов, которые определяют адекватность, достоверность и практическую применимость результатов. В качестве объекта исследования рассматривается процесс формирования личностно-профессионального профиля педагогов СПО в условиях цифровизации образовательного пространства. В качестве ключевых аспектов исследования выделим: цифровую культуру как системное качество личности; информационное мировоззрение педагога; менталитет педагога в контексте цифровизации; влияние цифровых педагогических технологий; проблемы и вызовы, связанные с формированием цифровой культуры педагога; роль дополнительного профессионального образования в развитии цифровой культуры и трансформации менталитета педагога. Теорию цифровой культуры изучали различные ученые, представляющие разные дисциплины — от философии и культурологии до информатики и социологии. Их работы охватывают как технократические, так и гуманитарные аспекты этого феномена.

Теоретико-методологическая база. Концепция исследования влияния цифровой культуры на менталитет и мировоззрение педагога СПО с учетом внедрения новых цифровых педагогических технологий предполагает комплексный анализ изменений в профессиональной деятельности, ценностных установках и способах взаимодействия в цифровой образовательной среде. На начальном этапе следует определить основные понятия, на которых строится исследование. Для этого необходимо обратиться к научным источникам.

Основные концепции:

- теория цифровой культуры (М. Кастельс, Д. В. Галкин, В. М. Розин);
- концепция цифрового менталитета (А. В. Соколов, Д. Е. Бекбергенева, О. В. Калимуллина и И. В. Троценко);
- модели цифровой трансформации образования (А. Ю. Уваров, А. Л. Семёнов, И. В. Роберт, Э. В. Гарифуллина);
- теория педагогической деятельности в цифровой среде (А. А. Андреев И. В. Роберт, А. Ю. Уваров).

Выбор методологических подходов при проведении исследования необходим для обеспечения качества, объективности, логичности и результативности работы. Методологический подход задает общую концепцию работы, угол зрения на проблему и способы интерпретации полученных фактов. Для эффективной работы по заявленной теме исследования будет логичным выбрать следующие **методологические подходы**:

- системно-деятельностный;
- культурно-исторический;
- аксиологический;
- компетентностный.

В результате применения данных методологических подходов педагог рассматривается как субъект, чьи профессиональные установки, ценности и способы мышления формируются в процессе взаимодействия с цифровой образовательной средой, возможно объединить идеи культурно-исторической теории Л. С. Выготского и деятельностного подхода А.Н. Леонтьева [11], делая акцент на том, как цифровые технологии (элемент современной культуры общества) трансформируют сознание и деятельность педагога. Аксиологический подход позволит учесть, какие ценностные аспекты интегрируются образовательный процесс при внедрении цифровых технологий, а также как эти изменения влияют на менталитет и мировоззрение педагога [12].

Компетентностный подход в контексте СПО изучает влияние цифровой культуры на менталитет и мировоззрение педагога через призму его профессиональных компетенций и способности адаптироваться к новым цифровым реалиям.

Результаты исследования и их обсуждение. Система, формируемая методами исследования, позволит осуществить сбор, обработку и анализ информации для получения новых знаний, проверки гипотез или решения конкретных задач, сформулированных в контексте темы исследования.

1. Теоретические задачи:

- **Анализ научной литературы:** Гнатышина Е. В. «Ценностно-смысловые ориентиры формирования цифровой культуры будущего педагога» (монография, 2019 г.) [13], Овсянницкая Л. Ю., Львов Л. В., Лысенко Ю. В., Овсянников А. Д. «Формирование цифровой культуры педагога: развитие способности к самостоятельному мышлению в эпоху цифровой трансформации» (статья, 2026 г.) [14], Максютова Н. Н., Золотых Н. В. «Повышение цифровой культуры педагогов СПО в рамках реализации федерального проекта “Профессионалитет”» (статья, 2024 г.) [15], Буракова И. С. «Цифровая культура педагога» (статья, 2020 г.) [16].

- **Нормативно-правовую основу** исследования составили ключевые документы, регламентирующие цифровую трансформацию образования. В частности, были проанализированы методические рекомендации по интеграции современных цифровых технологий в образовательные программы (Распоряжение Минпросвещения России от 18 мая 2020 г. № Р-44), а также стратегические ориентиры государственной политики в этой области, закрепленные в Распоряжении Правительства РФ от 2 декабря 2021 г. № 3427-р. Кроме того, в работе учтены ведомственные приказы, конкретизирующие данные направления, такие как Приказ Минпросвещения России от 2 августа 2022 г. № 653.

- **Контент-анализ цифровых образовательных ресурсов.** В перечне ресурсов, рекомендованных Министерством просвещения РФ для реализации программ СПО, упоминаются:

- Российская электронная школа (<https://resh.edu.ru/>) — видеоуроки и тренажеры по общеобразовательным дисциплинам;
- Московская электронная школа (<https://uchebnik.mos.ru/catalogue/>) — видеоуроки, сценарии уроков, тесты, виртуальные лаборатории и т. д.; платформа позволяет преподавателям строить собственные курсы, встраивать в них рабочие программы, теоретические материалы, практические и лабораторные работы, тесты, загружать собственный контент, осуществлять проверку цифрового домашнего задания и отслеживать прогресс учащихся и т. д.;
- Портал дистанционного обучения (<https://do2.rcokoit.ru/>) — интерактивные курсы;

– «ЯКласс» (<https://yaklass.ru/>) — видеоуроки и тренажеры;

– Интернет-портал московского СПО (<https://spo.mosmetod.ru/>).

Электронно-библиотечные системы предоставляют доступ к электронным учебникам, пособиям, научным изданиям и другим материалам:

– «Знаниум» (<https://znanium.ru/>) — содержит коллекцию изданий для СПО, включая учебники, учебные и практические пособия по различным направлениям;

– «Юрайт» (<https://urait.ru/>) — виртуальный читальный зал с учебниками и учебными пособиями от авторов ведущих вузов России;

– PROФобразование (<https://profspo.ru/>) — платформа с учебниками из Федерального перечня для первых курсов СПО;

– BOOK.ru (<https://book.ru/>) — крупнейшая лицензионная учебная онлайн-библиотека с электронными версиями учебников, учебных и научных пособий, монографий по различным областям знаний.

• **Моделирование цифровых педагогических процессов.** Основные модели цифровых педагогических процессов группируются по подходам. Например, по степени интеграции технологий (модель *SAMR*, разработанная Рубеном Пуэнтедурой [17]), по персонализации и адаптивности, по формату организации обучения (онлайн-обучение, смешанное обучение, гибридное обучение), по используемым технологиям (модель с интеграцией ИИ, модель на основе *VR/AR*, модель с использованием *Big Data* и аналитики), по инфраструктуре (облачная и локальная), целевые модели цифровой образовательной среды. Выбор модели зависит от целей, ресурсов и уровня цифровой зрелости учреждения. Часто применяется комбинация подходов, например смешанное обучение на облачной платформе с элементами адаптивности и ИИ-аналитикой. Ключевой тренд — переход от простой цифровизации (подмены) к преобразованию образовательного процесса.

2. Эмпирические задачи:

• **Анкетирование и тестирование педагогов.** Для формирования шкалы оценки цифровой компетентности, ценностных ориентаций и профессиональных установок рекомендуется воспользоваться уже существующими методиками: «Индекс цифровой компетентности» (Г. У. Солдатов, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова [18]); тест «Цифровые компетенции педагога» [платформа «Яндекс» «Я Учитель» (<https://teacher.yandex.ru/>)]; опросник «Цифровая компетентность педагогов» (С. Л. Ленков, Н. Е. Рубцова, Г. И. Ефремова [19]); «Матрица квалификационных дефицитов» (С. В. Гайсина и И. П. Давыдова) [20]; шкала цифровых компетенций учителей (*TDC-S*).

• **Интервью.** Беседы о восприятии педагогами цифровых технологий, их ценностных ориентациях, уровне цифровой компетентности и других аспектах, связанных с влиянием цифровой культуры на менталитет и мировоззрение (глубинные беседы с 10—15 ключевыми информантами).

Фокус-группы, закрытые по составу участников, с одним модератором, задачи — разведывательные, оценочные и творческие, цели — образовательные и социокультурные, форма проведения — офлайн. Достаточно 3—4 групп по 6—8 чел. с разным стажем работы и различной предметной специализацией. Работа в фокус-группах позволяет организовать обсуждения для сбора мнений, взглядов и идей целевой аудитории по теме исследования.

• **Наблюдение** за педагогической деятельностью в цифровой среде — видеофиксация дистанционных уроков с последующим анализом; анализ работы с ресурсами Московской электронной школы, применение программных приложений при реализации образовательного процесса с последующей фиксацией сколько, какие, как часто применяются и насколько эффективно.

• **Эксперимент.** Члены экспериментальной группы являются участниками образовательного процесса по специально разработанной модели, в которую включены курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, мастер-классы, внутренние «цифровые мастерские», наставничество, работа в сетевых профессиональных сообществах, разработка собственных цифровых контентов и последующая оценка уровня цифровой грамотности. Члены контрольной группы остаются в стандартных условиях образовательного процесса. В их работе не происходит прямого внедрения новых технологий, но они также могут подвергаться оценке уровня цифровой культуры и ее влияния на профессиональное мировоззрение. Контрольная группа служит для сравнения с результатами экспериментальной группы, чтобы оценить эффективность внедренных изменений. Члены контрольной группы участвуют в традиционных формах методической работы, а экспериментальной — в экспериментальных, с акцентом на цифровизацию. Для обеспечения точности исследования важно, чтобы группы были сопоставимы по ключевым параметрам до начала эксперимента, а также чтобы методы оценки результатов (анкетирование, наблюдение, анализ документации) были одинаковыми для обеих групп. После проведения эксперимента проводится сравнительный анализ данных, который позволяет сделать выводы о влиянии внедрения цифровых технологий на исследуемые аспекты. Эмпирическая часть исследования обеспечивает достоверность, научную обоснованность и практическую значимость работы. Для сбора, группировки и анализа данных в репрезентативную выборку включены преподаватели специальных и общеобразовательных дисциплин СПО, входящих в цикловые комиссии технического и социально-экономического профиля. Исследование влияния цифровой культуры на менталитет и мировоззрение педагога СПО с учетом внедрения новых цифровых педагогических технологий по своему типу можно отнести к исследованию профессиональной группы. Для получения первичных данных в пилотной версии исследования достаточно 30—50 респондентов, для «исследования нишевой аудитории» достаточно 100—150 респондентов.

3. Математико-статистические методы обработки данных. Проведение количественного анализа средствами описательная статистика, корреляционного анализа и *t*-критерия Стьюдента, построение прогнозных математической модели с определением факторов, характеризующих влияние цифровой культуры на менталитет и мировоззрение преподавателя в системе СПО и выявлением зависимости между уровнями цифровой культуры и уровнями профессионального менталитета преподавателя системы СПО. Использование программ *Microsoft Office Excel*, *SPSS*, *Libre Office Calc*. Проведение качественного анализа с помощью контент-анализа интервью, тематического кодирования. Визуализация результатов с помощью графиков динамики изменений, и ментальных карты.

Этапы исследования:

1. **Подготовительный** (1—2 месяца): разработка инструментария; пилотное тестирование методик; формирование выборки ($N = 50—150$ преподавателей системы СПО).

2. **Диагностический** (2—3 месяца): сбор первичных данных (анкеты, тесты, интервью); наблюдение за педагогической практикой.

3. **Аналитический** (1,5—2 месяца): обработка данных; выявление закономерностей и корреляций используя *Microsoft Office Excel*, *SPSS*, *Libre Office Calc*; формулировка выводов.

4. **Формирующий** (3—4 месяца): внедрение инновационной образовательной модели в экспериментальной группе; мониторинг изменений.

5. **Заключительный** (1 месяц): сравнительный анализ; разработка рекомендаций; оформление отчета.

Критерии оценки: когнитивный (уровень цифровой грамотности, способность к критическому мышлению в цифровой среде); ценностно-мотивационный (приоритеты в образовании, отношение к инновациям); поведенческий (практики использования цифровых инструментов); рефлексивный (осознание изменений в профессиональной идентичности).

Показатели оценки: индекс цифровой компетентности (0—100 %); уровень принятия инноваций (по шкале от 1 до 5); частота использования цифровых инструментов (количество в неделю); степень трансформации педагогических ценностей (по результатам контент-анализа).

Выборка исследования:

- **Общая выборка:** 50—150 педагогов (преподаватели общеобразовательных и специальных дисциплин технического и социально-экономического профиля).

- **Критерии отбора:** стаж работы (от 1 до 25 лет), предметная область и профильность, тип образовательного учреждения — колледж.

- **Группы:** контрольная, без целенаправленного внедрения инноваций и экспериментальная с активным использованием цифровых технологий.

Ожидаемые результаты: прогнозная модель влияния цифровой культуры на профессиональное мировоззрение педагога; типология цифровых ментальных установок педагогов; алгоритм гармонизации традиционных и цифровых компонентов педагогической культуры; практические рекомендации для повышения цифровой компетентности педагогов.

Практические рекомендации. На основе результатов исследования могут быть разработаны прогнозные модели формирования цифровой культуры педагога и влияния

цифровой культуры на профессиональное мировоззрение педагога. Образовательная модель, направленная на развитие цифровой культуры в контексте профессионального менталитета и мировоззрения преподавателя СПО с учетом внедрения новых цифровых педагогических технологий. Исследование проблемы влияния цифровой культуры на менталитет и мировоззрение педагога СПО с учетом внедрения новых цифровых педагогических технологий позволит найти решения для преодоления таких проблем, как сопротивление инновациям (за счет демонстрации «быстрых побед» — например, экономии времени при автоматизированной проверки тестов и т. д.), дефицит цифровых компетенций (за счет системной индивидуальной образовательной программы направленной на развитие технических и методологических навыков). Описанная выше методологическая конструкция по своему содержанию может быть отнесена к «Технологической методологии» по Э. Г. Юдину. Методология в педагогике служит фундаментом для развития науки, повышения качества образования и оптимизации педагогической деятельности. Она позволяет систематизировать знания, стимулировать инновации и обеспечивать объективность исследований в сфере обучения и воспитания. Построенная в результате исследования технология позволит не только измерять уровни цифровой культуры и цифрового профессионального менталитета преподавателя СПО, но и создать образовательную программу для формирования цифрового менталитета преподавателя СПО.

Выводы

Прогресс двадцать первого века связан с ускоряющимся темпом развития цифровых технологий и искусственного интеллекта, которые становятся неотъемлемой основой образовательного процесса. Разработанная в ходе исследования технологическая методология актуальна и имеет универсальную структуру. Полученная в результате исследования прогнозная модель позволит оценивать уровни информационной культуры преподавателей СПО, выявлять дефициты и на основании полученных результатов предлагать индивидуальную образовательную программу адаптации в цифровом образовательном пространстве. Новая образовательная технология «Профессионалитет» [21] диктует новые стандарты роли преподавателя в учебном процессе. Например, преподавание дисциплин математического и естественно-научного цикла ориентировано на методы и инструменты фундаментальной науки, применяемые для решения производственных задач профессиональной отрасли. А это можно осуществить только в случае освоения преподавателями новых цифровых компетенций, отвечающих отраслевым запросам реализуемых специальностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гнатышина Е. В. Формирование цифровой культуры будущего педагога : моногр. Челябинск : Изд-во Юж.-Ур. гос. гуманитар.-пед. ун-та, 2019. 294 с.
2. Белова Т. И. Диагностический инструментарий оценки сформированности цифровой культуры будущих педагогов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. СоциокINETика. 2023. Т. 29. № 2. С. 151—160. DOI: 10.34216/2073-1426-2023-29-2-151-160.
3. Шилова О. Н., Игнатъева Е. Ю. Исследование инструментария оценки цифровых компетенций учителя // Человек и образование. 2022. № 2(71). С. 99—108. DOI: 10.54884/S181570410020700-5.
4. Спиридонова Ю. С. Структура цифровой культуры будущего педагога и уровни сформированности ее компонентов // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 2(303). С. 85—90.
5. Лапшов В. А. Социологическое исследование цифровой культуры преподавателя вуза (на примере Московского государственного лингвистического университета) // Цифровая социология. 2024. Т. 7. № 3. С. 69—79. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-3-69-79.

6. Алешковский И. А., Гаспарисвили А. Т., Крухмалева О. В. Цифровизация в системе высшего образования: социологический анализ // *Alma Mater. Вестник высшей школы*. 2021. № 8. С. 16—23. DOI: 10.20339/AM.08-21.016.
7. Андрееenkova А. В., Дмитриева Е. В., Носкова А. В. Восприятие цифровизации школьного образования: исследовательские результаты онлайн-фокус-групп с учителями и родителями учеников // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 2(168). С. 272—291. DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1990.
8. Формирование цифровой культуры педагога средствами массовых открытых онлайн-курсов / Т. Н. Лебедева, О. Р. Шефер, С. В. Крайнева и др. // *Вестник Мининского университета*. 2022. Т. 10. № 3. Ст. 6. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-6.
9. Леонтьева А. В., Бибалова С. А., Хатит Ф. Р. Цифровая культура современного педагога как ресурс профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации образовательного пространства // *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2022. Т. 14. № 4. С. 127—136. DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136.
10. Ребко О. В. Цифровая культура будущих педагогов: результаты анализа и оценки // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022)* : сб. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : Изд-во МГППУ, 2022. С. 135—147.
11. Саломатова О. В. Концепция цифровой игры С. Эдвардс в контексте культурно-исторической парадигмы // *Культурно-историческая психология*. 2023. Т. 19. № 3. С. 30—38. DOI: 10.17759/chp.2023190304.
12. Иванова В. М., Байканова М. М. Аксиологический подход в реализации программ воспитания в условиях цифровой трансформации образования // *Студенческий научный форум — 2025 : XVII Междунар. студенч. науч. конф. : материалы конф.* М. : Изд-во Евразият. науч.-промышл. палаты, 2025. URL: <https://scienceforum.ru/2025/article/2018038207>.
13. Гнатышина Е. В. Ценностно-смысловые ориентиры формирования цифровой культуры будущего педагога : моногр. Челябинск : Науч. центр РАО, 2019. 234 с.
14. Овсянницкая Л. Ю., Львов Л. В., Лысенко Ю. В., Овсянников А. Д. Формирование цифровой культуры педагога: развитие способности к самостоятельному мышлению в эпоху цифровой трансформации // *Современные проблемы науки и образования*. 2026. № 2. DOI: 10.17513/spno.34470.
15. Максюткова Н. Н., Золотых Н. В. Повышение цифровой культуры педагогов СПО в рамках реализации федерального проекта «Профессионалитет» // *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*. 2024. № 4. С. 57—66.
16. Буракова И. С., Ситак Л. А., Концевич Г. Е. Цифровая культура педагога // *Гуманитарная миссия обществознания на пороге нового индустриального общества* : Уф. гуманитар. науч. форум : сб. ст. междунар. науч. форума. Уфа : Слово, 2020. С. 44—48.
17. Ерофеева В. В., Шакиров К. Ф., Яблочников С. Л. Модель SAMR в процессе обучения // *Организационно-методические аспекты повышения качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся по программам высшего и среднего профессионального образования* : сб. ст. IV Всерос. науч.-метод. конф. Пенза : ПГАУ, 2022. С. 132—134.
18. Солдатова Г. У., Нестик Т. А., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей : результаты всерос. исследования. М. : Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
19. Ленков С. Л., Рубцова Н. Е., Ефремова Г. И. Опросник «Цифровая компетентность педагогов»: разработка и психометрическая проверка // *Вестник Тверского государственного технического университета. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»*. 2022. № 2(29). С. 47—62. DOI: 10.46573/2409-1391-2022-2-47-63.
20. Гайсина С. В., Давыдова И. П. Матрица квалификационных дефицитов // *Профессиональное образование*. Столица. 2018. № 10. С. 31—34.
21. Новая образовательная технология «Профессионалитет» : сб. метод. материалов / Д. С. Ковалев, И. С. Казакова, А. В. Осадчий и др. М. : ИРПО, 2023. 312 с.

REFERENCES

1. Gnatyshina, E. V. Formation of a digital culture of future teachers. Monograph. Chelyabinsk, South Ural State Humanitarian-Pedagogical University publ., 2019. 294 p. (In Russ.)
2. Belova T. I. Diagnostic tools for assessing the formation of the digital culture of future teachers. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2023;29(2):151—160. (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2023-29-2-151-160.
3. Shilova O. N., Ignatieva E. Yu. Teacher's digital competency evaluation toolkit study. *Chelovek i obrazovanie = Man and Education*. 2022;2(71):99—108. (In Russ.) DOI: 10.54884/S181570410020700-5.
4. Spiridonova Ju. S. The structure of the digital culture of the future teacher and the levels of formation of its components. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia Voronezh State Pedagogical University*. 2024;2(303):85—90. (In Russ.)
5. Lapshov V. A. Sociological study of the digital culture of a university teacher (using the example of the Moscow State Linguistic University). *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*. 2024;7(3):69—79. (In Russ.) DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-3-69-79.
6. Aleshkovskii I. A., Gasparishvili A. T., Krukhmaleva O. V. Digitalization in the higher education system: sociological analysis. *Alma mater. Vestnik vysshei shkoly*. 2021;8:16—23. (In Russ.) DOI: 10.20339/AM.08-21.016.
7. Andreenkova A. V., Dmitrieva E. V., Noskova A. V. Perception of School Learning Digitalization and Its Consequences: Research Outcomes of Online Focus Groups with Teachers and Parents of Schoolchildren. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2022;2(168):272—291. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1990.

8. Lebedeva T. N., Kraineva C. V., Shefer O. R. et al. Formation of a teacher's digital culture by means of mass open online courses. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2022;10(3):6. (In Russ.) DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-6.
9. Leontyeva A. V., Bibalova S. A., Khatit F. R. Digital culture of a modern teacher as a professional activity resource in the conditions of educational space digital transformation. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2022;14(4):127—136. (In Russ.) DOI: 10.47370/2078-1024-2022-14-4-127-136.
10. Rebko O. V. Digital culture of future teachers: results of analysis and evaluation. *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2022) = Digital Humanities and Technology in Education (DHTE 2022). Collection of Articles of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education publ., 2022:135—147. (In Russ.)
11. Salomatova O. V. The Concept of the Digital Play by S. Edwards in the Context of the Cultural-Historical Paradigm. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2023;19(3):30—38. (In Russ.) DOI: 10.17759/chp.2023190304.
12. Ivanova V. M., Baikanova M. M. An axiological approach to the implementation of educational programs in the context of digital transformation of education. *Studencheskii nauchnyi forum — 2025 = Student Scientific Forum - 2025. XVII International student scientific conference. Proceedings*. Moscow, Eurasian Scientific and Industrial Chamber publ., 2025. (In Russ.) URL: <https://scienceforum.ru/2025/article/2018038207>.
13. Gnatyshina, E. V. Value-semantic guidelines for the formation of the digital culture of future teachers. Monograph. Chelyabinsk, Scientific center of the Russian Academy of Education publ., 2019. 234 p. (In Russ.)
14. Ovsyanitskaya L. Y., Lvov L. V., Lysenko Y. V., Ovsyanitskiy A. D. Forming a digital culture for teachers: developing the ability for independent thinking in the era of digital transformation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2026;2. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.34470.
15. Maksyutova N. N., Zolotikh N. V. Improving the digital culture of vocational education teachers within the framework of the federal project “Professionalitet”. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Armavir State Pedagogical University*. 2024;4:57—66. (In Russ.)
16. Burakova I. S., Sitak L. A., Kontsevich G. E. Digital culture teacher. *Gumanitarnaya missiya obshchestvoznaniya na poroge novogo industrial'nogo obshchestva = Humanitarian mission of social science on the threshold of a new industrial society*. Ufa Humanitarian Scientific Forum. Collection of articles of the International scientific forum. Ufa, Slovo, 2020:44—48. (In Russ.)
17. Erofeeva V. V., Shakirov K. F., Yablochnikov S. L. SAMR model under learning. *Organizatsionno-metodicheskie aspekty povysheniya kachestva obrazovatel'noi deyatel'nosti i podgotovki obuchayushchikhsya po programmam vysshego i srednego professional'nogo obrazovaniya = Organizational and methodological aspects of improving the quality of educational activities and training of students in higher and secondary vocational education programs. Collection of articles of the IV All-Russian scientific and practical conference*. Penza, Penza State Agrarian University publ., 2022:132—134. (In Russ.)
18. Soldatova G. U., Nestik T. A., Rasskazova E. I., Zolotova E. Yu. Digital Competence of Adolescents and Parents. Results of an All-Russian Study. Moscow, Internet Development Fund publ., 2013. 144 p. (In Russ.)
19. Lenkov S.L., Rubtsova N.E., Efremova G.I. Questionnaire “Digital competence of pedagogues”: development and psychometric verification. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya “Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki” = Vestnik of Tver State Technical University. Series “Social sciences and humanities”*. 2022;2(29):47—62. (In Russ.) DOI: 10.46573/2409-1391-2022-2-47-63.
20. Gaisina S. V., Davydova I. P. Matrix of Qualification Deficits. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*. 2018;10:31—34. (In Russ.)
21. Kovalev D. S., Kazakova I. S., Osadchii A. V. et al. New educational technology “Professionalitet”. Collection of methodological materials. Moscow, Institute for the Development of Professional Education publ., 2023. 312 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.03.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.
The article was submitted 20.03.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Научная статья
УДК 37.015:316.624
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1634

Alexey Alekseevich Podlialin
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Pedagogical Practices
and Service Industries,
V. N. Tatishchev Astrakhan
State University
Astrakhan, Russian Federation
necron-09@mail.ru

Алексей Алексеевич Подлипалин
канд. пед. наук,
доцент кафедры педагогических практик
и сервисных индустрий,
Астраханский государственный
университет им. В. Н. Татищева
Астрахань, Российская Федерация
necron-09@mail.ru

РОЛЬ СЕМЬИ И ШКОЛЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ВЛИЯНИЕМ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию интеграционного потенциала базовых институтов социализации — семьи и общеобразовательной школы — в контексте предупреждения отклоняющегося поведения подростков, детерминированного активным воздействием деструктивных молодежных субкультур. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена стремительной трансформацией социокультурного пространства, масштабной цифровизацией коммуникативных практик и размыванием традиционных ценностных ориентиров, что существенно повышает психологическую уязвимость несовершеннолетних перед лицом альтернативных групповых норм. В публикации детально анализируются механизмы субкультурной социализации, в рамках которых происходит легитимизация и ассимиляция девиантных поведенческих паттернов, а также выявляются системные дефициты в профилактической деятельности современных семейных и школьных институтов. Эмпирическое исследование проводилось в 2025 г. на базе средней общеобразовательной школы г. Астрахани, общая выборка составила 62 школьника подросткового возраста, 64 их родителя и 24 педагога. Автором теоретически обоснована и экспериментально верифицирована интегративная модель согласованного взаимодействия семьи

и школы, фундаментом которой выступают принципы позитивной превенции, безоценочного конструктивного диалога и совместной средовой организации. В статье доказано, что переход от запретительных стратегий к созданию привлекательных альтернатив самовыражения позволяет существенно снизить уровень субкультурного давления. Представлены результаты формирующего эксперимента, подтверждающие, что скоординированная деятельность субъектов воспитания, включающая целенаправленное просвещение родителей, повышение психолого-педагогической компетентности учителей и организацию легальных зон самореализации для подростков, достоверно снижает уровень склонности к субкультурно обусловленным девиациям. Сформулированы конкретные практические рекомендации по оптимизации превентивной работы на уровне образовательной организации и определены перспективные векторы дальнейших научных изысканий.

Ключевые слова: девиантное поведение, молодежные субкультуры, профилактика девиаций, семейное воспитание, общеобразовательная школа, подростковый возраст, позитивная превенция, психолого-педагогическая поддержка, детско-родительские отношения, школьная среда, делинквентное поведение, групповое давление

Для цитирования: Подлипалин А. А. Роль семьи и школы в профилактике девиантного поведения, связанного с влиянием молодежных субкультур // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 500—504. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1634.

Original article

THE ROLE OF FAMILY AND SCHOOL IN THE PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR ASSOCIATED WITH THE INFLUENCE OF YOUTH SUBCULTURES

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the integrative potential of basic socialization institutions — the family and the general education school — in the context of preventing deviant behavior of adolescents determined by the active influence of destructive youth subcultures. The relevance of the investigated problem is driven by the rapid transformation of the sociocultural space, the large-scale digitalization of communicative practices, and the blurring of traditional values, which significantly increases the psychological vulnera-

bility of minors in the face of alternative group norms. The publication provides a detailed analysis of the mechanisms of subcultural socialization, within which the legitimization and assimilation of deviant behavioral patterns occur, and also identifies systemic deficits in the preventive activities of modern family and school institutions. The empirical study was conducted in 2025 on the basis of a secondary school in Astrakhan, with a total sample comprising 62 adolescents, 64 parents, and 24 teachers. The authors theoretically substantiate and experimentally verify

an integrative model of coordinated interaction between family and school, the foundation of which is the principles of positive prevention, non-judgmental constructive dialogue, and joint environmental organization. The article proves that shifting from prohibitive strategies to creating attractive alternatives for self-expression significantly reduces the level of subcultural pressure. The results of the formative experiment are presented, confirming that coordinated activity of upbringing subjects, including targeted education of parents, enhancing the psychological and pedagogical competence of teachers, and organizing legal zones

of self-realization for adolescents, reliably reduces the level of inclination toward subculturally determined deviations. Specific practical recommendations for optimizing preventive work at the level of an educational organization are formulated, and promising vectors for further scientific research are identified.

Keywords: *deviant behavior, youth subcultures, prevention of deviations, family upbringing, secondary school, adolescence, positive prevention, psychological and pedagogical support, parent-child relationships, school environment, delinquent behavior, group pressure*

For citation: Podlipalin A. A. The role of family and school in the prevention of deviant behavior associated with the influence of youth subcultures. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):500—504. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1634.

Введение

Актуальность. Проблема девиантного поведения несовершеннолетних сохраняет свою остроту на протяжении длительного времени, однако в современных условиях она приобретает качественно новое измерение, связанное с активным влиянием молодежных субкультур. Стремительная цифровизация и расширение коммуникативных границ позволяют подросткам легко находить референтные группы, транслирующие альтернативные, зачастую деструктивные, нормы и ценности. Для несовершеннолетнего, находящегося в стадии поиска идентичности, субкультура может стать привлекательным способом обрести чувство принадлежности и значимости, но при этом она нередко легитимизирует агрессию, аддиктивное поведение или правонарушения. В этих условиях традиционные институты социализации — семья и школа — оказываются перед необходимостью выстраивать принципиально новые стратегии превентивного взаимодействия.

Актуальность исследования обусловлена нарастающим разрывом между традиционным характером семейного и школьного воспитания и динамично меняющейся социокультурной реальностью. Родители и педагоги зачастую не владеют компетенциями для конструктивного диалога с подростками о их субкультурных предпочтениях, что приводит к отчуждению и потере превентивного контроля.

Изученность проблемы Теоретико-методологические основы исследования девиантного поведения представлены в работах отечественных ученых. Методы позитивной профилактики девиантного поведения подростков разработаны в исследовании В. М. Пятуниной и А. М. Стародворской [1], которые предлагают комплексные модели превентивной работы с учетом психологических и социальных факторов. Педагогические формы предупреждения делинквентного поведения в киберпространстве были предложены нами ранее [2] на основе анализа новых форм девиаций, связанных с информационными технологиями. Типология и причины отклоняющегося поведения проанализированы А. Р. Дзабаевым и З. К. Алиевой [3], выделяющими ключевые факторы формирования девиаций в молодежной среде.

Феноменология аддиктивного влечения и его теоретико-феноменологическая оценка раскрываются В. Д. Менделевичем [4], рассматривающем аддиктивное влечение с позиций формирования девиантного поведения. Специфика девиантности в обществе потребления как фактор формирования аномии рассмотрена Я. И. Гилинским [5] в контексте социального неравенства и потребительских практик. Роль спорта как превентивного ресурса и рис-

ки несоблюдения принципа преемственности в детско-юношеской политике обосновываются в исследовании А. В. Сысоева, А. А. Горелова и О. Г. Румбы [6], подчеркивающих необходимость соблюдения принципа преемственности при разработке программ развития детско-юношеского спорта.

Психологические причины расстройств пищевого поведения у подростков как специфической формы девиации изучены А. А. Колесниковой и А. В. Семеновой [7], раскрывающими психологические механизмы формирования девиантных паттернов. Общие подходы к профилактике девиантного поведения несовершеннолетних изложены в публикациях Э. В. Желнина [8] и М. М. Назаровой [9], предлагающих базовые модели превентивной работы с учетом социальных факторов. Факторы, влияющие на генезис отклоняющегося поведения, систематизированы Р. И. Меркуловым [10], детально анализирующим взаимосвязь средовых и личностных предикторов девиаций.

Концептуальные основы профилактики именно в молодежных субкультурах были обоснованы нами в соавторстве с В. Н. Карпенко и Д. Е. Виноградовым [11], которые анализируют субкультуры как пространство реализации стратегий молодежи и предлагают концептуальные модели противодействия их деструктивному влиянию. Проблема выявления суицидального поведения как крайнего проявления девиации рассмотрена Е. Н. и Л. В. Мамедовыми [12], предлагающих эффективные механизмы психологического воздействия. Психолого-педагогические детерминанты превентивной деятельности раскрыты М. А. Ерофеевой [13], выявляющей взаимосвязь социальной тревожности, психологических защит и склонности к девиантному поведению. Опыт реабилитационной работы с трудными подростками обобщен А. В. Черниковой [14], а специфика аддиктивного поведения в подростковой среде проанализирована С. Н. Аксеновой, Д. А. Катаржной и А. В. Садовой [15], подчеркивающими сложность прохождения подросткового возраста в условиях риска формирования зависимостей.

Вместе с тем, несмотря на обширную теоретическую базу, проблема согласованного взаимодействия семьи и школы, направленного на противодействие именно субкультурно обусловленным девиациям, остается недостаточно разработанной в прикладном аспекте.

Целесообразность разработки темы диктуется объективной потребностью в создании алгоритмов совместной работы семьи и школы, способных минимизировать деструктивное влияние субкультурных сообществ на уязвимую психику подростка.

Научная новизна заключается в проектировании и верификации интегративной модели взаимодействия семьи и школы, специально адаптированной под специфику субкультурно детерминированных девиаций и учитывающей региональный контекст.

Цель исследования — теоретически обосновать и экспериментально проверить роль согласованного взаимодействия семьи и школы в профилактике девиантного поведения подростков, обусловленного влиянием молодежных субкультур.

Задачи исследования:

1. Проанализировать механизмы влияния молодежных субкультур на формирование отклоняющегося поведения подростков.
2. Выявить ресурсный потенциал и дефициты семейной и школьной среды в контексте превентивной деятельности.
3. Разработать и внедрить модель согласованного взаимодействия семьи и школы по профилактике субкультурно обусловленных девиаций.
4. Оценить эффективность предложенной модели на основе эмпирических данных.

Теоретическая значимость состоит в расширении научных представлений о детерминантах девиантного поведения, специфике субкультурной социализации и механизмах конструирования позитивной идентичности подростка в логике семейно-школьного дуализма.

Практическая значимость заключается в разработке программно-методического инструментария для педагогов и родителей, позволяющего выстроить эффективную систему совместных превентивных мер, адаптированного к реалиям современной школы.

Основная часть

Методология и организация исследования. Экспериментальная работа выполнялась в 2025 г. на базе муниципальной общеобразовательной школы г. Астрахани. Выборочную совокупность составили 150 респондентов: 62 подростка 13—16 лет, 64 их законных представителя и 24 педагога, непосредственно реализующих воспитательный процесс. Для обеспечения валидности и многомерности получаемых данных применялся комбинированный методологический дизайн. Использовался комплекс взаимодополняющих инструментов: теоретико-эмпирические методы (анализ, синтез и обобщение научной литературы), эмпирические методы (анкетные опросы, стандартизированное тестирование, полуструктурированные интервью, включенное наблюдение), а также методы математической статистики — для подтверждения достоверности выявленных сдвигов применялся критерий ϕ^* (угловое преобразование Фишера).

Исследование реализовывалось в три последовательных этапа. На констатирующем этапе фиксировались исходные показатели: уровень вовлеченности подростков в субкультурные сообщества, выраженность склонности к девиантному поведению, а также степень готовности родителей и педагогов к превентивному взаимодействию. Формирующий этап был посвящен апробации интегративной модели сотрудничества семьи и школы, которая включала обучающие модули для родителей, междисциплинарные педагогические консилиумы и включение школьников в проектно-деятельностную среду. На контрольном этапе проводилась повторная диагностика с целью оценки динамики исследуемых параметров.

Результаты исследования. Теоретико-эмпирический анализ проблемы показал, что современная молодежная субкультура утратила преимущественно эстетическую функцию протеста. Значительная часть неформальных объединений выступает ретранслятором радикальных и деструктивных паттернов, включая романтизацию правонарушений, селф-харм и аддиктивное поведение. Подросток, находящийся в условиях дефицита признания и эмоциональной поддержки в традиционном окружении, компенсирует эту нехватку посредством вхождения в такую среду, получая иллюзорное ощущение защищенности и групповой идентичности. Внутреннее групповое давление при этом редуцирует личную ответственность, легитимизируя девиантные действия через отнесение их к групповым нормам.

Полученные на констатирующем этапе данные подтвердили эти тенденции. Из 62 обследованных школьников 48,3 % (30 чел.) продемонстрировали средний или высокий уровень вовлеченности в субкультурные объединения. При этом 36,6 % (11 чел.) от числа вовлеченных констатировали, что их референтная группа поощряет нарушения социальных норм и агрессивное отношение к аутгруппам. Уровень склонности к отклоняющемуся поведению в данной подгруппе оказался максимальным. Подростки, не вовлеченные в субкультуры или состоящие в объединениях созидательной направленности (спортивных, творческих), характеризовались существенно более низкими показателями риска.

Особого внимания потребовал семейный контекст. Лишь 25 % родителей (16 чел.) адекватно воспринимали субкультурные ориентиры собственных детей. При этом 59,3 % опрошенных (38 чел.) реализовывали директивный или дистантный стили воспитания, что выступает значимым предиктором втягивания несовершеннолетних в неформальную среду. Опрос педагогического корпуса выявил иную проблематику: 70,8 % учителей (17 чел.) фиксировали влияние цифровых субкультур на поведение обучающихся, однако лишь 16,6 % (4 чел.) ощущали профессиональную готовность к обсуждению этих вопросов с воспитанниками. Сложилась ситуация институционального разрыва: родители локализовали причину во внешнем («влияние улицы»), педагоги — в семейном неблагополучии.

Для преодоления данного рассогласования была внедрена интегративная модель взаимодействия. Ее концептуальная идея заключалась в смене парадигмы — переходе от репрессивного контроля к стратегии позитивной превенции, где деструктивные субкультурные смыслы замещаются легальными, эмоционально насыщенными форматами самореализации. Если субкультура предлагает подростку готовую, но ложную идентичность, то первичная задача семьи и школы — обеспечение конструктивной альтернативы.

Направление работы с родителями было ориентировано на преодоление эмоциональной отчужденности и информационного дефицита. Формат традиционных собраний заменялся открытыми дискуссиями с участием психолога, направленными на дешифровку субкультурной символики, сленга и паттернов сетевого поведения. Центральное место занимало формирование навыков безоценочной коммуникации: родительская задача в превентивном процессе состоит не в запретах, лишь актуализирующих протестные реакции, а в сотрудничестве и помощи подростку в критическом осмыслении претензий группы на исключительность.

Педагогический блок предусматривал повышение компетентности учителей в сферах цифровой социализации и психологии трендов. На базе школы функционировали педагогические консилиумы для оперативного мониторинга текущих рисков. Учителя были оснащены инструментарием раннего выявления маркеров отклоняющегося поведения: резкие трансформации имиджа, социальная изоляция, употребление специфической лексики.

Ключевым компонентом модели выступала совместная средовая организация. При поддержке родителей школа взяла на себя роль института, предлагающего альтернативные варианты социализации. Были сформированы проектные лаборатории, школьный медиацентр и клубные объединения, использующие субкультурную стилистику при наполнении конструктивным содержанием. Например, потребность подростков с эстетикой протеста в самовыражении была легализована через создание социальных роликов и законное оформление уличного искусства по договоренностям с муниципальными службами Астрахани. Механизмом включения лиц, ищущих острых ощущений, стали экстремальные виды спорта и школа туристического выживания, где потребность в адреналине находила социально одобряемый выход.

Повторная диагностика на контрольном этапе подтвердила эффективность модели. Доля подростков с высоким уровнем склонности к субкультурно обусловленным девиациям снизилась с 36,6 до 16,1 % (сдвиг статистически значим при $p < 0,05$). Зафиксирован рост родительской вовлеченности: осведомленность о субкультурных ориентирах детей возросла с 25 до 64 %. Доля педагогов, ощущающих профессиональную компетентность в вопросах профилактики кибер-девиаций, увеличилась с 16,6 до 62,5 %. Качественный анализ показал переориентацию подростков на конструктивные школьные коллективы и нормализацию эмоционального фона детско-родительских отношений.

Выводы

Подростковая девиантность, детерминированная субкультурными влияниями, представляет собой не столько форму протеста, сколько компенсаторный механизм восполнения дефицита признания, безопасности и идентичности. Изолированные превентивные меры — семейный диктат или школьная назидательность — оказываются несостоятельными перед лицом группового давления и цифрового влияния деструктивных объединений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пятунина В. М., Стародворская А. М. Методы позитивной профилактики девиантного поведения подростков // Потенциалы и ограничения социализации личности в современном социокультурном пространстве : материалы науч.-практ. конф. Ярославль : ЯГПУ, 2022. С. 162—170.
2. Подлипалин А. А. Педагогические формы профилактики делинкветного поведения молодежи в киберпространстве // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 1(47). С. 135—141. DOI: 10.25726/w7570-5508-4469-w.
3. Дзабаев А. Р., Алиев З. К. Девиантное поведение: виды, типы, причины // Актуальные проблемы науки и практики : материалы Всерос. конф. с междунар. участием. М. : Бескровный А. В., 2020. С. 115—118.
4. Менделевич В. Д. Аддиктивное влечение: теоретико-феноменологическая оценка // Наркология. 2010. Т. 9. № 5. С. 94—100.
5. Гишинский Я. И. Девиантность в обществе потребления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 4. С. 5—12.
6. Сысоев А. В., Горелов А. А., Румба О. Г. О рисках несоблюдения принципа преемственности при разработке проекта Концепции развития детско-юношеского спорта в Российской Федерации // Наука и спорт: современные тенденции. 2021. Т. 9. № 2. С. 111—125. DOI: 10.36028/2308-8826-2021-9-2-111-125.
7. Колесникова А. А., Семенова А. В. Психологические причины и особенности проявления расстройств пищевого поведения в подростковом возрасте // Педагогика: история, перспективы. 2021 Т. 4. № 4. С. 54—61.

Эффективность семейной профилактики напрямую детерминруется эмоциональной включенностью родителей. Конструктивная альтернатива запретным практикам — выстраивание партнерского диалога и осмысленное сопровождение взрослеющего ребенка. Школа также нуждается в трансформации: из института трансляции академических знаний она должна становиться открытой средой, предоставляющей легальные и эмоционально привлекательные зоны самореализации.

Главным теоретико-практическим итогом исследования стала верификация интегративной модели. Доказано, что синхронизация усилий семьи и школы формирует непрерывный превентивный контур. При реализации единой парадигмы позитивной превенции, где родители выступают эмоциональными наставниками, а школа — организатором конструктивной среды, риск вовлечения подростка в деструктивные группы снижается более чем вдвое.

Рекомендации:

1. Образовательным учреждениям целесообразно включать в план методической работы систематических тренингов для педагогов по экологичным практикам взаимодействия с субкультурно вовлеченными учащимися.
2. Школьным психологам и социальным педагогам следует инициировать создание родительских клубов с опережающим просвещением о текущих молодежных трендах и практиках позитивной коммуникации.
3. При школах необходимо создавать молодежные центры, реализующие социально значимый контент в субкультурном формате (социальное проектирование, волонтерская деятельность).

Практическая значимость результатов обусловлена малозатратностью предложенного инструментария и возможностью его адаптации в любой общеобразовательной организации, включая учреждения в условиях средних и малых городов (на примере г. Астрахани).

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением долгосрочного эффекта внедренных моделей, а также с углубленным анализом специфики профилактики кибер-делинкветного поведения. В условиях стирания пространственных границ влияния субкультур в виртуальной среде требуется разработка инновационных техник цифрового родительства и виртуального педагогического сопровождения.

8. Желнин Э. В. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних // Вестник науки. 2021. № 8(41). Т. 2. С. 4—13.
9. Назарова М. М. Профилактика девиаций в подростковый период // Science and Education. 2022. Vol. 3, No. 2. Pp. 1306—1312.
10. Меркулов Р. И. Факторы, влияющие на девиантное поведение несовершеннолетних // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2-2(53). С. 173—175.
11. Подлипалин А. А., Карпенко В. Н., Виноградов Д. Е. Концептуальные основы профилактики девиантного поведения в молодежных субкультурах // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 448—454. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1472.
12. Мамедова Е. Н., Мамедова Л. В. Выявление суицидального поведения у подростков // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 2(48). С. 148—154. DOI: 10.25726/e2875-9857-1882-q.
13. Ерофеева М. А. Психолого-педагогические детерминанты профилактики девиантного поведения несовершеннолетних // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 2. № 2. С. 236—242. DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-236-242.
14. Черникова А. В. Профилактика девиантного поведения детей подросткового возраста в условиях социально-реабилитационного центра «Надежда» // Воспитание как стратегический национальный приоритет : междунар. науч.-образоват. форум. Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2021. Ч. 3. С. 175—179.
15. Аксенова С. Н., Катаржнова Д. А., Садовая А. В. Не просто быть подростком или аддиктивное поведения в подростковом возрасте // Интерактивная наука. 2021. № 10(65). С. 56—57.

REFERENCES

1. Pyatunina V. M., Starodvorskaya A. M. Methods of positive prevention of deviant behavior of adolescents. *Potentsialy i ogranicheniya sotsializatsii lichnosti v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve = Potentials and limitations of personal socialization in the modern socio-cultural space. Proceedings of the scientific and practical conference*. Yaroslavl, Yaroslavl State Pedagogical University publ., 2022:162—170. (In Russ.)
2. Podlipalin A. A. Pedagogical forms of prevention of delinquent behavior of young people in cyberspace. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2022;1(47):135—141. (In Russ.) DOI: 10.25726/w7570-5508-4469-w.
3. Dzabaev A. R., Alieva Z. K. Deviant behavior: kinds, types, causes. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual problems of science and practice. Proceedings of the All-Russian conference with international participation*. Moscow, A. V. Beskrovny publ., 2020:115—118. (In Russ.)
4. Mendelevich V. D. Craving: a phenomenological analysis. *Narkologiya = Narcology*. 2010;9(5):94—100. (In Russ.)
5. Gilinsky Ya. I. Deviance in consumer society. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2009;4:5—12. (In Russ.)
6. Sysoev A. V., Gorelov A. A., Rumba O. G. On risks of failure to comply with continuity principle at elaboration a project Concept of youth sport development in the Russian Federation. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii = Science and sport: current trends*. 2021;9(2):111—125. (In Russ.) DOI: 10.36028/2308-8826-2021-9-2-111-125.
7. Kolesnikova A. A., Semyonova A. V. Psychological causes and features of eating disorders in adolescents. *Pedagogika: istoriya, perspektivy = Pedagogy: history, prospects*. 2021;4(4):54—61. (In Russ.)
8. Zhelnin E. V. Prevention of deviant behavior of minors. *Vestnik nauki*. 2021;8(41)-2:4—13. (In Russ.)
9. Nazarova M. M. Prevention of deviations in adolescence. *Science and Education*. 2022;3(2):1306—1312. (In Russ.)
10. Merkulov R. I. Factors influencing deviant behavior of minors. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021;2-2(53):173—175. (In Russ.)
11. Podlipalin A. A., Karpenko V. N., Vinogradov D. E. Conceptual framework for preventing deviant behavior in youth subcultures. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):448—454. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1472.
12. Mamedova E. N., Mamedova L. V. Detection of suicidal behavior in adolescents. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2022;2(48):148—154. (In Russ.) DOI: 10.25726/e2875-9857-1882-q.
13. Erofeeva M. A. Psychological and pedagogical determinants of prevention of deviant behavior of minors. *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal = Russian Journal of Deviant Behavior*. 2022;2(2):236—242. (In Russ.) DOI: 10.35750/2713-0622-2022-2-236-242.
14. Chernikova A. V. Prevention of deviant behavior of adolescent children in the conditions of the Social Rehabilitation Center “Nadezhda”. *Vospitanie kak strategicheskii natsional'nyi prioritet = Upbringing as a strategic national priority. International scientific and educational forum*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University publ., 2021;3:175—179. (In Russ.)
15. Akseanova S. N., Katarzhnova D. A., Sadovaya A. V. It's not easy to be a teenager or addictive behavior in adolescence. *Interaktivnaya nauka*. 2021;10(65):56—57. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.04.2026; одобрена после рецензирования 10.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 28.04.2026; approved after reviewing 10.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья**УДК 378.016:811.581:796.011.3****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1594****Lidiya Viktorovna Rudneva**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Physical Culture,
Tula State
Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
lidiarudneva@mail.ru

Лидия Викторовна Руднева

канд. пед. наук, доцент,
декан факультета физической культуры,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
lidiarudneva@mail.ru

Marina Viktorovna Kulikova

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
Tula State
Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
mv_kulikova2010@mail.ru

Марина Викторовна Куликова

канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и методики физической культуры,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
mv_kulikova2010@mail.ru

Elena Vyacheslavovna Volkova

Senior Lecturer of the Department of English,
Tula State
Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
volhelena@mail.ru

Елена Вячеславовна Волкова

старший преподаватель кафедры английского языка,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
volhelena@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ОБУЧЕНИЕ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В условиях активного развития российско-китайского сотрудничества в сфере физической культуры и спорта, включая совместные спортивные проекты, обмен тренерскими кадрами и адаптацию китайских методик подготовки спортсменов, возрастает потребность в специалистах, владеющих китайским языком на уровне профессиональной коммуникации.

В статье представлены результаты первого года обучения китайскому языку студентов двух направлений подготовки в Тульском государственном педагогическом университете им. Л. Н. Толстого: «Педагогическое образование (Физическая культура и дополнительное образование)» (10 чел.) и «Физическая культура для лиц с ОВЗ (Адаптивная физическая культура)» (5 чел.). На основе педагогического наблюдения, анкетирования и анализа успеваемости выявлены значимые различия в мотивации, учебной дисциплине и характере лингводидактических трудностей между группами.

Студенты направления «Физическая культура и дополнительное образование» демонстрируют более высокие академические показатели: средний балл за диктант (3,9 против 3,4), скорость чтения пиньиня

(42 против 35 знаков/мин) и долю выполнения домашних заданий (100 % против 60 %). При этом студенты направления «Адаптивная физическая культура» отличаются более высокой внутренней профессиональной мотивацией: 100 % из них связывают изучение языка с коммуникацией в сфере адаптивной физической культуры.

Выявлены различия в мотивации и успеваемости студентов двух физкультурных направлений при обучении китайскому языку. Обоснован дифференцированный подход при переходе к профессионально-ориентированному курсу на II курсе как фактор повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Предложены практические рекомендации по разработке вариативных модулей для каждого профиля подготовки.

Ключевые слова: китайский язык, профессионально-ориентированное обучение, студенты физкультурных специальностей, адаптивная физическая культура, рынок образовательных услуг, конкурентоспособность выпускников, лингводидактика, российско-китайское сотрудничество, спортивная лексика, дифференцированный подход, китайская иероглифика

Для цитирования: Руднева Л. В., Куликова М. В., Волкова Е. В. Профессионально-ориентированное обучение на китайском языке студентов направлений подготовки в сфере физической культуры: первые результаты экспериментальной работы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 505—510. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1594.

Original article

PROFESSIONALLY ORIENTED INSTRUCTION IN CHINESE FOR STUDENTS OF PHYSICAL EDUCATION TRAINING PROGRAMS: FIRST RESULTS OF EXPERIMENTAL WORK

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *In the context of the active development of Russian-Chinese cooperation in the field of physical culture and sports, including joint sports projects, coaching exchanges, and the adaptation of Chinese athlete training methods, there is a growing demand for specialists proficient in Chinese at the level of professional communication.*

The article presents the results of the first year of Chinese language instruction for students in two training programs at Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University: Pedagogical Education (Physical Culture and Additional Education) (number of students = 10) and Physical Culture for Persons with Disabilities (Adaptive Physical Culture) (number of students = 5). Based on pedagogical observation, surveying, and academic performance analysis, significant differences in motivation, academic discipline, and the nature of linguodidactic difficulties were identified between the groups. Students in the Physical Culture and Additional Education program demonstrate higher academic indicators: average dictation score (3.9 vs. 3.4), Pinyin

reading speed (42 vs. 35 characters/min), and homework completion rate (100% vs. 60%). At the same time, students in the Adaptive Physical Culture program exhibit higher intrinsic professional motivation: 100% of them associate learning Chinese with communication in the field of adaptive physical culture.

Differences in motivation and academic performance between students of the two physical education majors in learning Chinese have been identified. A differentiated approach is substantiated for the transition to a professionally oriented course in the second year as a factor in increasing graduates' competitiveness in the labor market. Practical recommendations for developing variable modules for each training profile are proposed.

Keywords: *Chinese language, professionally oriented instruction, students of physical education majors, adaptive physical culture, educational services market, graduate competitiveness, linguodidactics, Russian-Chinese cooperation, sports vocabulary, differentiated approach, Chinese hieroglyphics*

For citation: Rudneva L. V., Kulikova M. V., Volkova E. V. Professionally oriented instruction in Chinese for students of physical education training programs: first results of experimental work. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;2(75):505—510. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1594.

Введение

Актуальность. Современный рынок труда предъявляет новые требования к выпускникам педагогических вузов, особенно в сфере физической культуры и спорта. Расширение международного сотрудничества между Россией и Китаем, включая совместные спортивные проекты, обмен тренерскими кадрами и адаптацию китайских методик подготовки спортсменов, создает потребность в специалистах, владеющих китайским языком на уровне, достаточном для профессиональной коммуникации [1; 2]. Согласно данным рынка труда, опубликованным в «Известиях» в ноябре 2025 г., за последние два года доля вакансий с требованием владения китайским языком увеличилась примерно на 11 %, причем спрос на таких специалистов особенно высок в сферах спорта, туризма и международного образования. Данную тенденцию отмечает и Т. В. Якунина, связывая ее с расширением российско-китайского сотрудничества в области спорта и туризма [3]. Это создает необходимость пересмотра подходов к языковой подготовке студентов физкультурных направлений в педагогических вузах.

Изученность проблемы. Теоретико-методологические основы профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в неязыковых вузах разработаны в трудах Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина и И. А. Зимней [4; 5]. В области лингводидактики китайского языка значимыми являются работы О. А. Масловец, которая представляет модель учебника китайского языка как интенционального пространства моделирования многомерной действительности [6]. В более ранней публикации автор обосновывает субъектно-деятельностную парадигму в концепции учебника китайского языка нового поколения для вуза [7]. И. В. Кочергин обосновывает необходимость использования термина «лингводидактика» вместо традиционной

«методики», подчеркивая важность учета общедидактических закономерностей при обучении китайскому языку как иностранному [8].

Специфика спортивной лексики в китайском языке исследована С. Ю. Болтухиным, который анализирует три способа заимствования: транслитерацию, дословный перевод и описательный перевод [1]. В другой своей работе автор рассматривает структурно-семантические особенности спортивной терминологии китайского языка на примере силовых видов спорта (бодибилдинг, пауэрлифтинг, силовой экстрим) [9]. С. Ю. Болтухин отмечает, что знание спортивной лексики становится необходимым для профессиональной коммуникации в разных сферах, в том числе в сфере физической культуры и спорта.

В контексте адаптивной физической культуры ключевые теоретические основы представлены в работах С. П. Евсеева, который рассматривает адаптивный спорт как неотъемлемую часть системы физической культуры, обосновывает необходимость классификации спортсменов-инвалидов и анализирует особенности подготовки кадров для этой сферы [10; 11]. Исследования С. П. Евсеева показывают, что для будущих специалистов адаптивной физической культуры особое значение приобретает терминология, связанная с описанием физического состояния, болевых ощущений и специального оборудования.

Вопросы целенаправленного изучения спортивной терминологии для профессиональной коммуникации на китайском языке обоснованы в диссертационном исследовании Су Цинси, который утверждает, что «знание спортивной лексики способно помочь студентам в повседневном и учебно-профессиональном общении» [12, с. 4]. Проблемы обучения китайской иероглифической письменности в вузе рассматриваются в работах Д. П. Задорожных [13].

Социокультурные аспекты обучения китайскому языку как иностранному анализирует М. А. Куратченко [14]. Актуальные вопросы российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере освещены в публикациях А. А. Маслова [15].

Однако проблема дифференцированного обучения китайскому языку студентов различных физкультурных направлений (в частности, общего профиля и адаптивной физической культуры) остается недостаточно изученной. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

В ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого» (далее — ТГПУ) с 2024/25 учебного года студенты, обучающиеся по направлениям подготовки в области физической культуры приступили к изучению китайского языка. Пятнадцать студентов из 66 первокурсников выбрали китайский язык. На втором курсе запланирован переход к курсу «Китайский язык в физкультурно-спортивной деятельности». Это нововведение направлено на повышение конкурентоспособности выпускников и их готовности к работе в условиях международного сотрудничества.

Цель исследования — выявить специфику начального этапа обучения китайскому языку студентов, обучающихся по направлениям подготовки в области физической культуры, определить основные трудности и оценить готовность к профессионально-ориентированному обучению с учетом требований рынка труда.

Задачи исследования: проанализировать мотивацию и академические результаты студентов двух профилей подготовки; выявить основные лингводидактические трудности, возникающие при обучении китайскому языку; сформулировать методические рекомендации для профессионально-ориентированного курса как инструмента повышения качества подготовки кадров.

Целесообразность разработки темы обусловлена противоречием между растущей потребностью рынка труда в специалистах физкультурного профиля, владеющих китайским языком на уровне профессиональной коммуникации [1—3], и отсутствием научно обоснованных дифференцированных методик обучения китайскому языку студентов различных физкультурных направлений подготовки [«Педагогическое образование (Физическая культура и дополнительное образование)» и «Физическая культура для лиц с ОВЗ (Адаптивная физическая культура)» (далее также — АФК)]. Решение данного противоречия позволит повысить конкурентоспособность выпускников на рынке труда, а также обогатить теорию и практику профессионально-ориентированного обучения китайскому языку в педагогическом вузе.

Научная новизна исследования заключается в том, что на ограниченной выборке ($n = 15$) выявлены предварительные данные о различиях в мотивации и учебной дисциплине между студентами двух физкультурных профилей на начальном этапе обучения китайскому языку; обозначена гипотеза о необходимости дифференцированного подхода при переходе к профессионально-ориентированному курсу; зафиксирована высокая внутренняя профессиональная мотивация у студентов направления АФК (пятеро из 5 чел., 100 % группы), что требует дальнейшей проверки на расширенной выборке.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении теоретических представлений о профессионально-ориентированном обучении китайскому языку сту-

дентов неязыковых направлений подготовки за счет введения дифференциации по профилям внутри одной предметной области (физическая культура); в уточнении понятия лингводидактических трудностей применительно к студентам, обучающимся по направлениям подготовки в области физической культуры с учетом их когнитивных и мотивационных характеристик; а также в дополнении теоретических основ адаптивной физической культуры как сферы профессиональной коммуникации, требующей владения специальной терминологией на китайском языке.

Практическая значимость исследования заключается в разработке предварительных практических рекомендаций для преподавателей китайского языка, работающих со студентами, обучающимися по направлениям подготовки в области физической культуры, включающих введение вариативного модуля для студентов профиля «Физическая культура и дополнительное образование» (командная лексика, спортивный инвентарь, проведение урока физкультуры на китайском языке) и специального раздела для студентов профиля «Адаптивная физическая культура» (терминология АФК, коммуникация с особыми спортсменами), но требующих апробации на большем количестве испытуемых; в обосновании эффективности формата «Разговорный клуб» с участием носителей языка как средства снижения страха говорения; а также в предложении организационно-методического инструментария для повышения учебной дисциплины студентов АФК (цифровые приложения для ежедневного повторения лексики, проектная деятельность).

Основная часть

Организация и методы исследования. Исследование проводилось на базе факультета физической культуры ТГПУ в течение 2024/25 учебного года. В качестве педагогических методов исследования использовались: метод погружения (создание языковой среды через аудио и видео), ролевые игры (отработка типовых диалогов спортивной тематики) и проектный метод (составление мини-словарей иероглифов, интеллект-карт для запоминания тонов и ключей).

Участники исследования: группа А ($n = 5$): направление 49.03.02 «Физическая культура для лиц с ОВЗ (Адаптивная физическая культура)», а группа Б ($n = 10$): направление 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) Физическая культура и дополнительное образование». Все студенты — I курса, возраст 17—20 лет, ранее китайский язык не изучали. Следует отметить, что группа А является малой по численности (5 чел.), т. к. из 11 чел. обучающихся по данному направлению только пятеро изъявили желание изучать китайский язык. Полученные результаты носят характер пилотных и требуют подтверждения на расширенной выборке, в т. ч. с привлечением данных из других образовательных организаций.

Занятия проводились по единой программе (4 академических часа в неделю).

Методы исследования:

1. Педагогическое наблюдение (36 академических часов).
2. Анкетирование (анонимная анкета из 12 вопросов, апрель—май 2025 г.).
3. Сравнительный анализ текущей успеваемости (3 средние контрольные работы).
4. Статистическая обработка данных.

В качестве дополнительных педагогических методов исследования также использовались: метод погружения (создание языковой среды через аудио и видео), ролевые игры (отработка типовых диалогов спортивной тематики), проектный метод (составление мини-словарей иероглифов, интеллект-карт для запоминания тонов и ключей).

Результаты исследования. Показатель «учебная дисциплина» складывался через долю выполненных домашних заданий (фиксация преподавателем по журналу), регулярность посещения занятий (100 % в обеих группах, различий не выявлено) и своевременность сдачи контрольных работ. Наиболее информативным показателем, давшим различия, оказалась доля студентов, выполнивших все домашние задания в течение семестра (без пропусков): 60 % в группе А против 100 % в группе Б. Поскольку выборка мала, нами использован непараметрический критерий Манна—Уитни (U -критерий).

Полученные значения U -критерия Манна—Уитни сопоставлялись с критическими значениями для выборок $n_1 = 5$ и $n_2 = 10$ ($U_{\text{крит}} = 12$ при $p < 0,05$). Только показатель «доля выполненных домашних заданий» ($U = 10,0$) оказалась ниже критического значения, что подтверждает статистическую значимость различий ($p < 0,05$).

Анализ табл. 1 позволяет выявить устойчивое опережение группы Б по всем измеряемым параметрам. Средний балл за диктант из 20 иероглифов в группе Б составил 3,9 против 3,4 в группе А. Скорость чтения пиньиня у студентов группы Б оказалась выше на 7 знаков в минуту (42 против 35). Доля узнавания иероглифов вне контекста в группе Б составила 72 %, тогда как в группе А — 58 %. Наиболее заметный разрыв зафиксирован по показателю выполнения домашних заданий: 100 % в группе Б против 60 % в группе А.

Таблица 1

Успеваемость участвующих в эксперименте групп студентов

Показатель	Группа А ($n = 5$)	Группа Б ($n = 10$)	U -критерий Манна—Уитни	Уровень значимости p
Средний балл за диктант (из 5)	3,4 ($\sigma = 0,55$)	3,9 ($\sigma = 0,32$)	14,5	$> 0,05^*$
Доля выполнивших все домашние задания, %	60	100	10,0	$< 0,05$
Средняя скорость чтения пиньиня, зн./мин	35 ($\sigma = 6,2$)	42 ($\sigma = 5,8$)	12,0	$> 0,05$
Узнавание иероглифов вне контекста, %	58	72	13,0	$> 0,05$

Примечание: статистически значимые различия ($p < 0,05$) выявлены только по показателю «Доля выполнивших все домашние задания». По остальным показателям различия статистически не значимы на выборке данного объема, что указывает на необходимость расширения исследования.

Данные табл. 2 позволяют выявить специфику лингводидактических трудностей в каждой из групп. В группе Б наиболее распространенной проблемой является фонетика, на втором месте — написание иероглифов, затем следуют запоминание иероглифов и аудирование. В группе А структура трудностей иная: основная проблема — запоминание иероглифов, далее следуют фонетика и аудирование, тогда как на написание иероглифов жалуются лишь пятая часть студентов. Обращает на себя внимание, что аудирование вызывает одинаковые затруднения в обеих группах.

Таблица 2

Трудности освоения (по данным анкетирования), %

Тип трудности	Группа А ($n = 5$)		Группа Б ($n = 10$)	
	абс.	%	абс.	%
Фонетика (тоны)	2	40	7	70
Иероглифика (написание)	1	20	6	60
Запоминание иероглифов	3	60	5	50
Аудирование	2	40	4	40

В целях преодоления выявленных трудностей (особенно в области аудирования и фонетики) и повышения мотивации была организована встреча в формате «Разговорного клуба» с участием китайских студентов — носителей языка (обучающиеся нашего вуза), в которой приняли участие 22 студента из обеих групп. Были проведены подвижные игры «Зимние забавы» для китайских студентов.

По итогам анкетирования, проведенного после завершения встречи, 100 % участников дали положительную оценку формату. Студенты отметили следующие преимущества:

- возможность «услышать живую речь» (87 %);
- снижение страха говорить на китайском языке (73 %);

- интерес к обмену информацией о спортивных традициях России и Китая (80 %).

Особую активность проявили студенты группы А, которые инициировали обсуждение тем, связанных с адаптивным спортом и инклюзивными практиками в Китае. Китайские студенты, в свою очередь, высоко оценили мотивацию российских сверстников и выразили готовность к дальнейшему взаимодействию.

Полученный опыт позволяет рекомендовать «Разговорный клуб» как эффективный инструмент формирования коммуникативной компетенции, особенно в условиях ограниченной языковой среды.

Анализ мотивации и профессиональных ожиданий (табл. 3) выявил значимые различия между группами.

Таблица 3

Мотивация и профессиональные ожидания, %

Вариант ответа на вопрос: «Для чего вам нужен китайский язык в профессии?»	Группа А	Группа Б
Плюс к резюме при трудоустройстве	80	60
Понимание китайских спортивных методик	60	40
Работа с китайскими спортсменами/ тренерами	40	30
Коммуникация в сфере АФК	100	0

В группе Б доминируют общие прагматические мотивы: 60 % изучают китайский язык как «плюс к резюме», 40 % — для понимания китайских спортивных методик, 30 % — для работы с китайскими спортсменами и тренерами. Ни один студент группы Б не связал изучение языка с конкретной профессиональной сферой.

В группе А картина принципиально иная. Все пять студентов (100 %) указали коммуникацию в сфере адаптивной физической культуры как значимый мотив, что свидетельствует о высокой степени осознанности профессионального выбора. При этом прагматические мотивы здесь также выражены сильнее, чем в группе Б: 80 % (против 60 %) считают китайский язык преимуществом при трудоустройстве, 60 % (против 40 %) хотят понимать китайские спортивные методики.

Важным индикатором готовности к профессионально-ориентированному обучению является ответ на вопрос о формате зачета. В целом 79 % студентов поддержали идею сдачи зачета по спортивной лексике вместо общебытовой, причем в группе Б этот показатель составил 100 %, а в группе А — 70 %.

Обсуждение результатов. Настоящая работа представляет собой пилотное исследование, имеющее ряд ограничений: во-первых, малый объем выборки, особенно в группе А ($n = 5$), что не позволяет применять параметрические методы статистики и делать основательные выводы; во-вторых, локальный характер исследования (один вуз); в-третьих, краткосрочность наблюдения (один учебный год). Полученные данные следует рассматривать как предварительные, требующие верификации на больших выборках.

Полученные данные свидетельствуют о том, что профиль подготовки существенно влияет на мотивацию и успешность освоения китайского языка. Студенты группы Б демонстрируют более высокую внутреннюю мотивацию, что коррелирует с лучшей академической успеваемостью. Это соответствует выводам Су Цинси о необходимости «целенаправленного изучения спортивной терминологии» для достижения успеха в профессиональной деятельности [12, с. 3].

С экономической и правовой точек зрения, внедрение курса китайского языка для студентов, обучающиеся по направлениям подготовки в области физической культуры имеет следующие обоснования:

1. *Повышение конкурентоспособности выпускников.* В условиях насыщения рынка труда специалистами по физической культуре дополнительная компетенция (владение китайским языком) становится значимым конкурентным преимуществом, особенно в сегменте спортивного менеджмента и международных проектов.

2. *Расширение возможностей трудоустройства.* Знание китайского языка открывает доступ к вакансиям в совместных российско-китайских спортивных организациях, центрах подготовки, фитнес-индустрии, а также к работе переводчиком при спортивных делегациях.

3. *Развитие образовательных услуг вуза.* Введение актуальных, ориентированных на рынок труда дисциплин

повышает привлекательность образовательных программ для абитуриентов и соответствует стратегическим направлениям развития педагогического образования.

4. *Правовые аспекты.* В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательные организации вправе самостоятельно определять содержание образовательных программ, включая дисциплины, направленные на формирование дополнительных компетенций. Введение профессионально-ориентированного курса китайского языка полностью соответствует этим нормам.

Выводы

В рамках пилотного исследования ($n = 15$) первого года обучения китайскому языку студентов двух физкультурных направлений в ТГПУ *получены предварительные данные*, указывающие на возможные различия в мотивации и учебной дисциплине между группами разных профилей. Студенты группы Б [«Педагогическое образование (Физическая культура и дополнительное образование)», $n = 10$] в данной выборке продемонстрировали более высокие академические результаты по ряду показателей. Однако в силу малого объема выборки {особенно группы А [«Физическая культура для лиц с ОВЗ (Адаптивная физическая культура)», $n = 5$] эти результаты не могут быть экстраполированы на генеральную совокупность без дополнительных исследований.

Стандартная методика преподавания китайского языка требует адаптации с учетом их когнитивных особенностей и будущей профессиональной деятельности студентов.

Внедрение профессионально-ориентированного курса «Китайский язык в физкультурно-спортивной деятельности», который будет реализован на втором году обучения и является своевременным и необходимым шагом для повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Практические рекомендации:

1. Включить в процесс обучения вариативный модуль для группы Б с акцентом на командную лексику, инвентарь и проведение урока физкультуры.

2. Разработать специальный раздел для группы А с акцентом на терминологию АФК и коммуникацию с особыми спортсменами.

3. Внедрить цифровые инструменты для ежедневного повторения лексики.

4. Организовать очные и онлайн-встречи с китайскими студентами физкультурных вузов.

Мы планируем оценить эффективность профессионально-ориентированного курса на втором году обучения и провести в последующем анализ влияния языковой подготовки на трудоустройство выпускников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болтухин С. Ю. Заимствование как основной источник образования китайской спортивной лексики // Евразийский научный журнал. 2021. № 5. С. 1—5.
2. Мурашова А. В., Комиссаров С. А., Лю Д., Майер Б. О. Этапы освоения навыков тайцзицюань и уровни управления движениями человека // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 6. С. 37—53. DOI: 10.15293/2226-3365.1706.03.
3. Якунина Т. В. Профессионально ориентированное обучение китайскому языку специалистов международных физкультурно-спортивных организаций : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010. 24 с.
4. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2019. 448 с.
5. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М. : Логос, 2020. 384 с.

6. Масловец О. А. Учебник китайского языка как интенциональное пространство моделирования многомерной действительности // Иностранные языки в школе. 2021. № 7. С. 19—28.
7. Масловец О. А. Субъектно-деятельностная парадигма в концепции учебника китайского языка нового поколения для вуза // Иностранные языки в школе. 2017. № 10. С. 85—89.
8. Кочергин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка. М. : Восточная книга, 2018. 184 с.
9. Болтухин С. Ю. Структурно-семантические особенности китайской спортивной терминологии (на материале силовых видов спорта) // Евразийский научный журнал. 2018. № 5. С. 194—199.
10. Евсеев С. П., Евсеева О. Э., Аксенов А. В., Шевцов А. В. Инновационные технологии дополнительного профессионального образования по адаптивной физической культуре // Теория и практика физической культуры. 2021. № 10. С. 80—82.
11. Евсеев С. П., Евсеева О. Э., Ладыгина Е. Б., Шелехов А. А. Сравнительный анализ основных видов паралимпийского спорта и их спортивных дисциплин во Всероссийском реестре видов спорта // Теория и практика физической культуры. 2023. № 6. С. 79—81.
12. Су Цинси. Обучение китайских студентов специальной лексике на уровне В1 в условиях дистанционного образования (на материале спортивной тематики) : дис. ... канд. пед. наук. М., 2024. 240 с.
13. Задорожных Д. П. Методика преподавания китайской иероглифической письменности // Вестник науки Сибири. 2014. № 1. С. 182—187.
14. Куратченко М. А. Социокультурная парадигма в теории и практике образовательного процесса при обучении китайскому языку как иностранному // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : НГТУ, 2013. С. 260—266.
15. Маслов А. А. Перспективы и возможности выхода российских университетов на китайский образовательный рынок : аналит. записка 40/2022. М. : Рос. совет по междунар. делам, 2022. 15 с.

REFERENCES

1. Boltukhin S. Yu. Borrowing as the main source of formation of Chinese sports vocabulary. *Evrasiiskii nauchnyi zhurnal*. 2021;5:1—5. (In Russ.)
2. Murashova A. V., Komissarov S. A., Liu D., Mayer B. O. The stages of mastering Taijiquan and the levels of human movements control. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017;7(6):37—53. (In Russ.) DOI: 10.15293/2226-3365.1706.03.
3. Yakunina T. V. Professionally oriented teaching of Chinese to specialists of international physical culture and sports organizations. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. St. Petersburg, 2010. 24 p. (In Russ.)
4. Azimov E. G., Shchukin A. N. A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching). Moscow, IKAR, 2019. 448 p. (In Russ.)
5. Zimnyaya I. A. Pedagogical psychology. Moscow, Logos, 2020. 384 p. (In Russ.)
6. Maslovets, O.A. Chinese language textbook as an intentional space for modeling multidimensional reality. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2021;7:19—28. (In Russ.)
7. Maslovets O. A. Subject-activity paradigm in the concept of a new generation Chinese language textbook for universities. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 2017;10:85—89. (In Russ.)
8. Kochergin I. V. Essays on linguodidactics of the Chinese language. Moscow, Vostochnaya kniga, 2018. 184 p. (In Russ.)
9. Boltukhin S. Yu. Structural and semantic features of Chinese sports terminology (based on strength sports). *Evrasiiskii nauchnyi zhurnal*. 2018;5:194—199. (In Russ.)
10. Evseev S. P., Evseeva O. E., Aksekov A. V., Vishnyakova Y. Y. Innovative technologies for supplementary adaptive physical education specialist training service. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2021;10:63—65.
11. Evseev S. P., Evseeva O. E., Ladygina E. B., Shelekhov A. A. Comparative analysis of the main kinds of paralympic sports and their sports disciplines in the all-Russian register of sports. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2023;6:79—81. (In Russ.)
12. Su Qingxi. Teaching B1 level special vocabulary to Chinese students in distance education (based on sports terminology). Diss. of the Cand. of Pedagogy. Moscow, 2024. 240 p. (In Russ.)
13. Zadorozhnykh D. P. Methods of teaching Chinese character writing. *Vestnik nauki Sibiri*. 2014;1:182—187. (In Russ.)
14. Kuratchenko M. A. Sociocultural paradigm in the theory and practice of the educational process when teaching Chinese as a foreign language. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: lingvisticheskie i lingvodidakticheskie aspekty = Intercultural communication: linguistic and linguodidactic aspects. Proceedings of the 4th International scientific and practical conference*. Novosibirsk, Novosibirsk State Technical University publ., 2013:260—266. (In Russ.)
15. Maslov A. A. Prospects and opportunities for Russian universities to enter the Chinese educational market. Analytical note 40/2022. Moscow, Russian International Affairs Council publ., 2022. 15 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 05.04.2026; принята к публикации 06.04.2026.
The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 05.04.2026; accepted for publication 06.04.2026.

Научная статья**УДК 378.147****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1585****Tatiana Aleksandrovna Sukhova**

Candidate of Physics and Mathematics,
Associate Professor of the Department of Mechanics,
Physics and Mathematics,
Volzhsky Polytechnic Institute (branch)
of the Volgograd State Technical University
Volzhsky, Russian Federation
ta-suhova@yandex.ru

Victoria Borisovna Svetlichnaya

Candidate of Engineering,
Associate Professor of the Department of Mechanics,
Physics and Mathematics,
Volzhsky Polytechnic Institute (branch)
of the Volgograd State Technical University
Volzhsky, Russian Federation
svb.vpi@gmail.com

Tatiana Aleksandrovna Matveeva

Candidate of Physics and Mathematics,
Associate Professor of the Department of Mechanics,
Physics and Mathematics,
Volzhsky Polytechnic Institute (branch)
of the Volgograd State Technical University
Volzhsky, Russian Federation
taniamatveeva@yandex.ru

Mikhail Aleksandrovich Kovazhenkov

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Engineering and Economics,
Volzhsky Polytechnic Institute (branch)
of the Volgograd State Technical University
Volzhsky, Russian Federation
kovazhenkov@mail.ru

Татьяна Александровна Сухова

канд. физ.-мат. наук,
доцент кафедры механики,
физики и математики,
Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета,
Волжский, Российская Федерация
ta-suhova@yandex.ru

Виктория Борисовна Светличная

канд. техн. наук,
доцент кафедры механики,
физики и математики,
Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета,
Волжский, Российская Федерация
svb.vpi@gmail.com

Татьяна Александровна Матвеева

канд. физ.-мат. наук,
доцент кафедры механики,
физики и математики,
Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета,
Волжский, Российская Федерация
taniamatveeva@yandex.ru

Михаил Александрович Коваженков

канд. филос. наук, доцент,
декан инженерно-экономического факультета,
Волжский политехнический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета,
Волжский, Российская Федерация
kovazhenkov@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРИАТА НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБУЧЕНИЯ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов, получающих экономическое образование в российских вузах. Актуальность исследования обусловлена увеличением числа иностранных обучающихся и наличием противоречия между привязкой содержания экономических дисциплин к национальной хозяйственной системе и недостаточной социокультурной адаптацией студентов. На основе анализа научной литературы авторы систематизируют основные трудности, с которыми сталкиваются иностранные студенты: языковой барьер, различия в образовательных системах, сложности социокультурной адаптации, недостаточное знакомство с национальной экономической средой. На основе системно-деятельностного и компетентностного подходов, а также обобщения опыта Волжского политехнического института (филиала) Волгоградского государственного технического

университета за 2023—2025 гг. авторами предложена двухкомпонентная модель повышения эффективности образовательного процесса. Модель интегрирует адапционно-поддерживающие мероприятия (организационная поддержка, индивидуальная работа кураторов, воспитательная работа) и профессионально-развивающие технологии (кейс-методы, деловые игры, симуляции, проектную деятельность, тренинги, геймификацию, цифровые платформы). Научная новизна заключается в обосновании взаимосвязи между успешной адаптацией иностранных студентов и возможностью полноценного применения инновационных методов обучения: адаптационный компонент выступает не как сопутствующий, а как необходимое условие результативности профессиональной подготовки. Практическая значимость работы состоит в возможности использования предложенной модели в других вузах, реализующих образовательные программы

для иностранных граждан. Результаты исследования подтверждают, что комплексное применение адаптационных и развивающих инструментов позволяет снизить когнитивные и языковые барьеры, ускорить интеграцию студентов в академическую среду и сформировать устойчивые профессиональные компетенции, востребованные в российской и международной экономике.

Для цитирования: Сухова Т. А., Светличная В. Б., Матвеева Т. А., Коваженков М. А. Формирование профессиональных компетенций у иностранных студентов экономических направлений подготовки бакалавриата на основе использования инновационных технологий обучения // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 511—518. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1585.

Original article

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCIES IN FOREIGN STUDENTS OF BACHELOR'S DEGREE PROGRAMS IN ECONOMICS BASED ON THE USE OF INNOVATIVE LEARNING TECHNOLOGIES

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. This article examines the development of professional competencies in foreign students majoring in economics at Russian universities. The relevance of the study is driven by the increasing number of foreign students and the existing contradiction between the alignment of economic disciplines with the national economic system and the students' insufficient sociocultural adaptation. Based on an analysis of the scientific literature, the authors systematize the main challenges faced by foreign students: language barriers, differences in educational systems, difficulties in sociocultural adaptation, and insufficient familiarity with the national economic environment. Drawing on a system-activity and competency-based approach, as well as a summary of the experience of the Volga Polytechnic Institute (branch) of Volgograd State Technical University from 2023 to 2025, the authors propose a two-component model for improving the effectiveness of the educational process. The model integrates adaptation and support measures (organizational support, individual work with mentors, educational work) and professional development technologies (case studies,

Ключевые слова: иностранные студенты, социокультурная среда, системная адаптация, экономическое образование, комплексный подход, адаптационно-поддерживающие мероприятия, профессионально-развивающие мероприятия, инновационные технологии обучения, практико-ориентированное обучение, профессиональные компетенции

business games, simulations, project work, training, gamification, digital platforms). The scientific novelty lies in substantiating the relationship between the successful adaptation of foreign students and the ability to fully utilize innovative teaching methods: the adaptation component is not an accessory, but a necessary condition for effective professional training. The practical significance of the study lies in the potential for the proposed model to be used by other universities implementing educational programs for international students. The results of the study confirm that the integrated use of adaptation and development tools reduces cognitive and linguistic barriers, accelerates students' integration into the academic environment, and fosters sustainable professional competencies that are in demand in the Russian and international economies.

Keywords: foreign students, sociocultural environment, systemic adaptation, economic education, comprehensive approach, adaptation and support activities, professional development activities, innovative learning technologies, practice-oriented learning, professional competencies

For citation: Sukhova T. A., Svetlichnaya V. B., Matveeva T. A., Kovazhenkov M. A. Development of professional competencies in foreign students of bachelor's degree programs in economics based on the use of innovative learning technologies. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):511—518. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1585.

Введение

Актуальность. Иностранные студенты на сегодняшний день являются значимой категорией обучающихся практически любого высшего учебного заведения. Их присутствие свидетельствует о хорошей репутации университета и его признании на международном уровне. Обучение студентов из других стран благоприятно сказывается на экономическом положении вуза, коммуникативных навыках сотрудников и других студентов, а также на многих иных аспектах функционирования. Вместе с тем обучение иностранных студентов сопряжено с целым рядом трудностей, осложняющих работу профессорско-преподавательского состава и побуждающих его искать оригинальные пути достижения целей образовательных курсов. Особенно остро этот вопрос стоит в контексте профессиональной подготовки студентов экономических направлений, поскольку практическая сторона обучения опирается преимущественно на реалии российской социально-экономической среды, слабо знакомой иностранным гражданам. Таким образом, проблема поиска

эффективных методов формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов-экономистов приобретает высокую актуальность.

Изученность проблемы. В научной литературе проблематика обучения иностранных студентов в российских вузах представлена широким спектром исследований, которые можно систематизировать по нескольким ключевым направлениям.

Первое направление связано с изучением процессов адаптации и социокультурной интеграции иностранных обучающихся. В работах В. П. Волохиной [1] анализируются факторы, влияющие на эффективность довузовской подготовки, что закладывает основу для последующей академической адаптации. О. А. Жерлицына, Ю. В. Лебедева и Е. В. Сафина [2] выделяют комплекс проблем, с которыми сталкиваются иностранные студенты, акцентируя психологический и социальный аспекты адаптации. Н. А. Замуруева [3] рассматривает межкультурную коммуникацию как условие успешной интеграции в университетское

сообщество, Е. С. Литвинова и Г. Н. Горяинова [4] подчеркивают значимость адаптационных процессов для эффективного функционирования образовательной среды. К. С. Овсянников и Е. В. Мирошниченко [5] формулируют проблему интеграции иностранных студентов в вузовское обучение. Р. М. Петрунева, В. Д. Васильева, Л. Ф. Белякова и Т. Л. Сидорова [6] на эмпирическом материале обосновывают, что адаптация иностранных студентов выступает необходимым условием реализации образовательных программ.

Второе направление исследований посвящено организации учебного процесса и методике преподавания с учетом контингента иностранных студентов. Д. И. Воронин, С. А. Останина и Е. В. Птицына [7] рассматривают специфику обучения на примере гуманитарных дисциплин, выявляя организационные и педагогические подходы. А. А. Каленик, М. Ю. Ребенко и Т. Л. Цареградская [8] разрабатывают научно-методические основы построения учебного процесса. Л. Р. Газирулина [9] исследует роль иноязычной подготовки в межкультурной адаптации, что имеет значение для методического обеспечения занятий. Коллективом авторов под руководством Т. Г. Аркадьевой [10] исследуются активные формы обучения, адаптированные для иностранных студентов.

Третье направление образуют работы, посвященные применению инновационных технологий в обучении. Т. Е. Джагаева [11] анализирует потенциал инновационных методов в образовательной системе вуза, А. П. Кононенко и Е. В. Федорович [12] рассматривают педагогические инновации в контексте международного сотрудничества, а А. Р. Попков [13] обосновывает использование инновационных технологий как средства активизации учебной деятельности.

Четвертое направление составляют исследования Д. И. Зайнутдиновой [14], И. Д. Иванова [15], акцентирующие стратегическое значение привлечения иностранных студентов для развития университетов.

Вместе с тем, как показывает анализ научных публикаций, вопросы формирования именно профессиональных компетенций у иностранных студентов, обучающихся на экономических направлениях подготовки, с учетом специфики этих направлений и с акцентом на использование инновационных технологий обучения, остаются недостаточно изученными. Большинство работ сосредоточено на общих вопросах адаптации и организации учебного процесса, не уделяя должного внимания отраслевой специфике экономического образования.

Целесообразность разработки темы. Численность иностранных студентов в российских вузах постоянно возрастает. Практика работы со студентами из-за рубежа в Волжском политехническом институте (филиале) (далее — ВПИ) Волгоградского государственного технического университета (далее — ВолГТУ) подтверждает актуальность рассматриваемых проблем: только в 2025 г. в институт прибыло 62 иностранных абитуриента, из которых 45 были зачислены на очную форму обучения, остальные — на очно-заочную. Это свидетельствует о значительном масштабе работы с данной категорией обучающихся и необходимости выработки новых подходов к улучшению качества их профессиональной подготовки. Существующие методические решения не в полной мере учитывают специфику экономических направлений подготовки, что обуславливает целесообразность разработки данной темы.

Целью исследования является теоретическое обоснование и практическая разработка направлений повышения эффективности формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов экономических направлений подготовки бакалавриата на основе использования инновационных технологий обучения.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- уточнить понятийный аппарат и выявить факторы, влияющие на формирование профессиональных компетенций у иностранных студентов;
- систематизировать инновационные технологии обучения, способствующие развитию профессиональных компетенций, и оценить потенциал их применения;
- предложить модель, интегрирующую адаптационно-поддерживающие и профессионально-развивающие мероприятия.

Научная новизна заключается в выявлении и систематизации противоречий, возникающих при формировании профессиональных компетенций у иностранных студентов экономических направлений, обусловленных привязкой содержания обучения к российской хозяйственной системе и необходимостью совмещения адаптационных процессов с освоением профессиональных дисциплин. В отличие от существующих подходов, рассматривающих адаптацию и профессиональную подготовку изолированно, авторами предложена и обоснована двухкомпонентная модель, в которой адаптационно-поддерживающие мероприятия выступают обязательным условием эффективности профессионально-развивающих технологий, что обеспечивает синергетический эффект в формировании профессиональных компетенций.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении понятия профессиональной компетенции применительно к иностранным студентам, систематизации факторов ее формирования, а также в выявлении особенностей обучения иностранных студентов на экономических направлениях подготовки, что дополняет существующие научные представления в области педагогики высшей школы и методики преподавания экономических дисциплин.

Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенная модель может быть использована в деятельности вузов, осуществляющих подготовку иностранных студентов по экономическим направлениям. Обобщенный опыт ВПИ ВолГТУ по применению совокупности адаптационно-поддерживающих и профессионально-развивающих мероприятий может служить основой для совершенствования образовательного процесса в других высших учебных заведениях.

Основная часть

Методология исследования базируется на системно-деятельностном и компетентностном подходах. Теоретическая часть включает анализ научной литературы по проблемам обучения иностранных студентов, категориально-понятийный анализ и моделирование. Эмпирическую основу составило обобщение опыта работы с иностранными студентами ВПИ с использованием данных отчетов о самоисследовании, учебно-методической документации и включенного наблюдения за образовательным процессом в 2023—2025 гг. Обработка результатов осуществлялась методами классификации, систематизации и синтеза.

Результаты исследования. Прежде чем перейти к анализу специфики обучения иностранных студентов и процессу формирования и развития у них профессиональных компетенций, представляется необходимым уточнить и конкретизировать используемый понятийно-категориальный аппарат, обеспечивающий методологическую корректность проводимого исследования.

В научной литературе профессиональная компетенция трактуется как упорядоченная совокупность знаний, умений, навыков и личностных характеристик, необходимых человеку для успешного выполнения профессиональных обязанностей, а также способность применять их в нестандартных ситуациях.

Процесс формирования профессиональных компетенций обусловлен следующими факторами:

- *профессиональное обучение* — т. е. обучение в специализированных образовательных организациях с привлечением специалистов в конкретных предметных областях с получением документа о присвоении ему соответствующей квалификации.

- *самообучение* — т. е. обучение собственными силами обучающегося, связанное с самостоятельным изучением специализированной литературы, интернет-ресурсов и других источников информации без документального подтверждения обучения.

- *личный опыт человека* — т. е. знания преимущественно прикладного характера, формирующиеся в процессе осуществления тех или иных видов деятельности; получение конкретного опыта зачастую сопряжено с получением тех или иных эмоций, поэтому знания, полученные таким образом, подчас носят менее рациональный характер, чем при профессиональном обучении и самообучении.

Высшее учебное заведение непосредственно отвечает за профессиональное обучение и косвенно — за побуждение обучающихся к самообразованию, выступающему значимой мерой углубления имеющихся знаний. В формировании личного опыта профессиональной деятельности вуз практически не участвует, однако может создавать условия для его приобретения через практико-ориентированные формы обучения.

Говоря об обучении иностранных студентов на экономических направлениях подготовки, следует выделить отличительные черты этого обучения:

- Учет международного опыта предполагает, что в ходе изучения многих дисциплин (мировая экономика, международные экономические отношения, международное право и др.) студенты рассматривают общемировые социально-экономические явления. Иностранным студентам легче усвоить такую информацию, чем ту, что характеризует исключительно российскую экономику.

- Необходимость самообразования связана с высокой динамичностью современной экономики — вне зависимости, исследуется ли она на микро- или макроуровне. Тенденции экономического развития быстро сменяют друг друга, вследствие чего даже самые современные образовательные программы могут утрачивать актуальность, что побуждает студентов самостоятельно изучать наиболее свежую информацию.

- Разнообразие направлений построения карьеры заключается в том, что выпускники-экономисты потенциально могут работать на предприятиях реального сектора экономики, в финансово-кредитных учреждениях, в сфере государственного и муниципального управления, в учебных заведениях и во многих других профессиональных областях.

- Практическая направленность заключается в обучении студентов экономике предприятия, бухгалтерскому учету, экономике труда, планированию на предприятии, анализу финансово-хозяйственной деятельности, аудиту и иным дисциплинам, положения которых находят применение в практической деятельности хозяйствующих субъектов любых видов деятельности и организационно-правовых форм.

- Привязка к хозяйственной системе конкретной страны (в данном случае — к российской) наряду с учетом международного опыта создает комплекс условий для освоения профессиональных компетенций. Значительная часть дисциплин (бухгалтерский учет, экономика предприятия, финансы и кредит и пр.) изучается в контексте российского опыта хозяйствования, что осложняет обучение иностранных студентов в силу слабого представления о функционировании социально-экономической системы страны пребывания.

- Многообразие учебных дисциплин предполагает, что студенты должны получить базовые представления не только о различных аспектах функционирования экономики, но и в области других социально-гуманитарных и точных наук. Например, в учебных планах ВПИ для иностранных студентов I курса представлены такие разнородные дисциплины, как история России, основы российской государственности, философия, математика, безопасность жизнедеятельности, информационные технологии, экономическая теория, менеджмент и пр. Такое обилие дисциплин (пусть зачастую и взаимосвязанных) также осложняет процесс обучения для иностранных студентов, т. к. требует от них высокой адаптивности и значительных усилий для успешного освоения.

Проведенный анализ факторов формирования профессиональных компетенций, а также выделенных отличительных черт обучения иностранных студентов на экономических направлениях подготовки, позволяет констатировать наличие объективных противоречий. С одной стороны, успешное освоение образовательной программы требует от студентов высокой адаптивности, способности к самообучению и интеграции знаний о российской хозяйственной системе. С другой стороны, такие факторы, как привязка к хозяйственной системе конкретной страны, многообразие учебных дисциплин и необходимость самообразования, создают для иностранных обучающихся серьезные когнитивные и социокультурные барьеры, особенно на начальном этапе обучения. Учитывая, что высшее учебное заведение непосредственно отвечает за профессиональное обучение, но лишь косвенно влияет на самообучение и личный опыт студента, возникает потребность в специально организованной системе, которая компенсировала бы эти разрывы. Именно здесь ключевое значение приобретает процесс адаптации, который является необходимым условием эффективности всего образовательного процесса [1, с. 41].

Адаптация — это сложный, многоаспектный процесс взаимодействия иностранного студента с новой социокультурной средой, включающий физиологическую, психологическую и социальную составляющие. Физиологическая адаптация представляет собой совокупность реакций организма на изменения окружающих условий; психологическая адаптация выражается в эмоциональном комфорте, положительном самочувствии и успешном межличностном общении [2, с. 195]; социальная адаптация проявляется во взаимодействии с социальной средой, предполагая

усвоение ее норм, ценностей и правил поведения [2, с. 195; 3, с. 270; 5, с. 325]. Разделяя позицию Н. А. Замуруевой, отметим, что успешная адаптация выступает необходимым условием интеграции иностранного студента в образовательный процесс и новое сообщество [3, с. 270]. Следует отметить, что особенно остро необходимость адаптации к новым условиям обучения, проживания и социального взаимодействия стоит перед иностранными студентами,

в частности первокурсниками, недавно прибывшими в Россию. В противном случае образовательные программы, вне зависимости от совершенства преподаваемого материала, не возымеют нужного эффекта [6, с. 129].

Учитывая этот момент, предложим модель повышения эффективности процесса формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов, обучающихся на экономических направлениях в ВПИ ВолгГТУ (см. рис.).

Рис. Модель повышения эффективности процесса формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов в ВПИ (сост. по: [1; 3; 4; 10—13; 15])

Данная модель, реализуемая в ВПИ, строится на принципе двухкомпонентной интеграции, включающей в себя адаптационно-поддерживающий и профессионально-развивающий компоненты.

Адаптационно-поддерживающий компонент (направления 1 и 2 формирования профессиональных компетенций) позволяет обеспечивать вхождение студента в новую социокультурную среду, снимать культурные, языковые, социальные, психологические, бытовые барьеры и создавать фундамент для эффективного обучения.

Практика ВПИ демонстрирует комплексный подход к решению этой задачи. Адаптационно-поддерживающие мероприятия включают не только встречу и помощь в заселении, но и организацию сбора документов, проведение воспитательных и просветительских бесед, а также постоянный контроль посещаемости и успеваемости. Ключевым элементом является индивидуальная работа кураторов и сотрудников деканата, позволяющая обсуждать и решать персональные трудности студентов.

Однако помимо адаптационно-поддерживающих мероприятий важную роль в обеспечении формирования у иностранных студентов профессиональных компетенций играют профессионально-развивающие мероприятия. В частности, использование инновационных технологий в учебном процессе позволяет обучающимся улучшить качество усвоения теоретических знаний и успешно применять их в смоделированных условиях. Следует отметить, что важную

роль играет и ориентация на практическое использование полученных теоретических знаний. В частности, в процессе проведения занятий преподаватели ВПИ используют разнообразные методы: эвристические беседы, кейс-методы, групповые дискуссии, тренинги, деловые игры, симуляции, элементы геймификации, проектную работу, а также информационно-коммуникационные технологии и мультимедийное оборудование. Кроме того, для иностранных студентов предусмотрен доступ к дополнительным материалам — электронным образовательным ресурсам, онлайн-курсам, электронным базам данных, мультимедийным материалам и др. Практическая направленность обучения в ВПИ реализуется через вовлечение студентов в различные мероприятия, проходящие на предприятиях г. Волжского, включая проведение учебных и производственных практик, экскурсии, также через участие в общественно полезной работе, что формирует социально-трудовые навыки.

Следовательно, реализацию содержательной части образовательного процесса и формирование непосредственно профессиональных компетенций будет обеспечивать профессионально-развивающий компонент (направления 3 и 4 формирования профессиональных компетенций).

Целесообразность применения инновационных методов обучения обусловлена необходимостью оптимизации процесса формирования профессиональных компетенций. Остановимся подробнее на опыте их внедрения в образовательную деятельность ВПИ ВолгГТУ (см. табл.).

**Инновационные технологии обучения,
облегчающие процесс формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов**

Технология	Характеристика	Пример из практики ВПИ ВолГТУ
Кейс-методы	Метод обучения на основе разбора реальных или смоделированных ситуаций (кейсов) позволяет развивать аналитические, коммуникативные навыки и умение работать с информацией	В 2024/25 учебном году на кафедре экономики и менеджмента был разработан банк из десяти кейсов, адаптированных для иностранных студентов и включающих ситуации из деятельности реальных предприятий г. Волжского («Волжский трубный завод», «Волжский абразивный завод»). Это позволило студентам не только освоить аналитические инструменты, но и познакомиться с региональным промышленным контекстом
Групповые дискуссии	Целенаправленное обсуждение спорного вопроса в группе, позволяющее научиться аргументировать свою позицию, слушать оппонентов и критически мыслить	Преподаватели и студенты ВПИ создали дискуссионный клуб, где заседания проходят по двум направлениям: психологическому (например, «Майндфулнес: практика повышения стрессоустойчивости», «Эффективные коммуникации») и социально-гуманитарному (например, «Человек и машина: куда нас ведет технократизация?», «Интернет-зависимость: проблема надуманная или реальная?»). Участники — как иностранные, так и российские студенты — обмениваются мнениями, развивая межкультурную коммуникацию
Проектная работа	Метод, предполагающий самостоятельную деятельность обучающихся по созданию значимого продукта или решения проблемы и сочетающий теорию и практику, формирует навыки планирования, исследования и презентации результатов	Российские и иностранные студенты регулярно представляют свои совместные разработки на региональной Ярмарке проектов <i>ProjectNext</i> , организуемой на площадке ВолГТУ
Тренинги	Интенсивные занятия, направленные на отработку конкретных практических навыков (профессиональных, коммуникативных, управленческих) и характеризующиеся высокой активностью участников и направленностью на получение немедленного результата	Ежегодно для студентов ВПИ проходят тренинги предпринимательских компетенций, организованные в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» и Платформы университетского технологического предпринимательства, где они учатся генерировать идеи, проводить проблемные интервью, собирать команду и выступать на питч-сессиях
Деловые игры	Метод имитационного моделирования реальных профессиональных ситуаций, который позволяет в безопасной среде отработать сложные сценарии взаимодействия	В рамках специальных дисциплин проводятся деловые игры, моделирующие реальные экономические ситуации (например, «Конкурентная фирма», «Биржа», «Фондовый рынок»), в которых иностранные студенты работают в смешанных группах с российскими одногруппниками, имитируя реальные экономические процессы
Симуляции	Интерактивный метод развития навыков и умений, при котором происходит воспроизведение (моделирование) реальных процессов, событий, мест или ситуаций	В ВПИ элементы симуляции реализованы на «Фабрике процессов» — учебной площадке, где участники в командах имитируют реальное производство. В ходе деловой игры они осваивают инструменты бережливого производства: выявляют потери, внедряют систему 5С, картируют потоки и учатся эффективно управлять изменениями
Геймификация	Применение игровых элементов в учебном процессе, стирающих грань между теорией и практикой и позволяющих иностранным студентам развивать системное мышление	В ВПИ на некоторых практических занятиях в группах, где обучаются иностранные студенты, применяются игровые механики и подходы в неигровых процессах для повышения вовлеченности, мотивации и эффективности
Математическое моделирование	Программы типа <i>Mathcad</i> , <i>MatLab</i> , <i>Statgraphics</i> и др. широко применяются для моделирования макро- и микроэкономических процессов. Язык интерфейса в них не имеет большого значения, вследствие чего иностранные студенты могут осваивать программы с той же скоростью, что и другие категории обучающихся	В учебном процессе ВПИ для моделирования экономических процессов используются специализированные программные продукты, такие как <i>MatLab</i> . Это позволяет иностранным студентам, которые могут испытывать языковые трудности, визуализировать и глубже понять сложные макро- и микроэкономические зависимости
Электронные базы знаний	Электронные ресурсы с учебниками, методическими пособиями, статьями и другими материалами позволяют студентам в любое время получать доступ к актуальной информации	В ВПИ функционирует электронная библиотека, содержащая адаптированные учебно-методические материалы, что способствует более эффективной самостоятельной работе иностранных студентов
Интерактивные платформы	Онлайн-платформы позволяют студентам получать доступ к учебным материалам и заданиям через интернет из любой точки мира с использованием мобильных устройств, что повышает доступность материалов для иностранных студентов	В ВПИ платформа <i>Moodle</i> активно используется для размещения учебно-методических материалов, что позволяет иностранным студентам в удобное время знакомиться с лекциями, заданиями и дополнительной литературой, компенсируя возможные пробелы в понимании материала на аудиторных занятиях

Примечание: составлено авторами.

Следует отметить, что представленные в таблице инновационные технологии обучения, внедряющиеся в систему высшего образования, способны оказать существенное позитивное влияние на формирование профессиональных компетенций у иностранных студентов. Тем не менее важно не злоупотреблять данными решениями, поскольку каждое из них несет в себе определенные риски, способные негативно отразиться на академической успеваемости и развитии самостоятельного мышления.

Таким образом, ключевая идея представленной модели заключается в том, что адаптационно-поддерживающие мероприятия (направления 1 и 2) не являются изолированными «сопроводительными» действиями, а выступают необходимым условием успешной реализации профессионально-развивающих мероприятий (направления 3 и 4), что позволит иностранным студентам экономических направлений успешно интегрироваться в образовательную среду и достигать высокого уровня профессиональной подготовки.

Заключение

В ходе исследования проанализированы ключевые аспекты формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов экономических направлений ВПИ ВолгГТУ. Основным результатом исследования стала предло-

женная модель повышения эффективности формирования профессиональных компетенций у иностранных студентов экономических направлений подготовки, реализуемая в ВПИ, направленная на совершенствование образовательной среды. Эта модель интегрирует два компонента: адаптационно-поддерживающий (включающий организационную поддержку, индивидуальную работу кураторов и воспитательные мероприятия) и профессионально-развивающий (объединяющий использование инновационных технологий обучения — кейс-методы, групповые дискуссии, проектную работу, тренинги, деловые игры, симуляции, элементы геймификации, электронные базы данных, интерактивные платформы и т. д., и практико-ориентированные формы обучения — учебные и производственные практики, экскурсии на предприятия, общественно полезную работу). Сущность модели заключается в том, что адаптационно-поддерживающие мероприятия выступают необходимым условием для успешной реализации профессионально-развивающих. Комплексное применение данных мероприятий позволяет иностранным студентам быстрее интегрироваться в академическую среду и успешно осваивать профессиональные компетенции, необходимые для будущей трудовой деятельности в условиях российской экономики или в международных компаниях, взаимодействующих с российским рынком.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волохина В. П. Факторы, влияющие на довузовскую подготовку иностранных студентов // Высшее образование сегодня. 2020. № 1. С. 38—42. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.01.P.38.
2. Жерлицына О. А., Лебедева Ю. В., Сафина Е. В. Особенности обучения иностранных студентов в российском университете: проблемы и трудности // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 1(33). С. 193—198.
3. Замуруева Н. А. Особенности межкультурной коммуникации и интеграции иностранных студентов в сообщество университета // Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований : сб. науч. тр. Орел : ОрелГУЭТ, 2020. С. 268—272. DOI: 10.36683/2500-249X/2020-11/268-272.
4. Литвинова Е. С., Горяинова Г. Н. Некоторые аспекты процесса адаптации иностранных обучающихся в отечественных вузах // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 180—182. DOI: 10.26140/anip-2021-1001-0045.
5. Овсянников К. С., Мирошниченко Е. В. Изучение интеграции иностранных студентов к обучению в вузе: постановка проблемы // Молодая мысль: наука, технологии, инновации : материалы XV (XXI) Всерос. науч.-техн. конф. Братск : Изд-во Брат. гос. ун-та, 2023. С. 324—329.
6. Белякова Л. Ф., Сидорова Т. Л., Петрунева Р. М., Васильева В. Д. Туркменские студенты в Волгоградском государственном техническом университете // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 4. С. 127—135. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-4-127-135.
7. Воронин Д. И., Останина С. А., Птицына Е. В. Организация обучения иностранных студентов в вузе на примере преподавания гуманитарных дисциплин // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6(149). С. 89—96.
8. Каленик А. А., Ребенко М. Ю., Цареградская Т. Л. Научно-методические основы организации учебного процесса при обучении иностранных студентов // Университетский педагогический журнал. 2021. № 1. С. 49—61.
9. Газизулина Л. Р. Роль иноязычной подготовки в межкультурной адаптации иностранных студентов в инженерном вузе // Глобальный научный потенциал. 2021. № 9(126). С. 75—77.
10. Лекция-дискуссия в преподавании теоретических дисциплин иностранным студентам / Т. Г. Аркадьева, М. И. Васильева, С. С. Владимирова и др. // Гуманитарно-педагогическое образование. 2020. Т. 6. № 3—4. С. 64—71.
11. Джагаева Т. Е. Инновационные технологии в образовательной системе высшего учебного заведения // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2021. № 2. С. 45—48.
12. Кононенко А. П., Федорович Е. В. Педагогические инновации в международном сотрудничестве // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2024. № 1(179). С. 81—96. DOI: 10.25588/CSPU.2024.179.1.005.
13. Попков А. Р. Применение инновационных технологий как средство активизации обучения студентов в вузе // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 4. С. 84—87.
14. Зайнутдинова Д. И. Привлечение иностранных студентов как фактор развития университета // Научные труды Центра перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан. Н. Новгород : Кузнецов Н. В., 2022. Вып. 22. С. 54—58.
15. Иванов И. Д. Организация внеучебной деятельности, как важный этап инкультурации иностранных студентов // Актуальные вопросы церковной науки. 2023. № 1. С. 205—207.

REFERENCES

1. Volokhina V. P. Factors affecting pre-university training of foreign students. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today*. 2020;1:38—42. (In Russ.) DOI: 10.25586/RNU.HET.20.01.P.38.
2. Zherlitsyna O. A., Lebedeva U. V., Safina E. V. Peculiarities of education of foreign students at Russian universities: problems and difficulties. *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura = Science. Arts. Culture*. 2022;1(33):193—198. (In Russ.)
3. Zamurueva N. A. Features of intercultural communication and integration of foreign students into the university community. *Aktual'nye aspekty fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy = Topical issues of fundamental and applied research. Collection of scientific papers*. Orel, Orel State University of Economics and Trade publ., 2020:268—272. (In Russ.) DOI: 10.36683/2500-249X/2020-11/268-272.
4. Litvinova E. S., Goryainova G. N. Some aspects of the process of adaptation of foreign students in domestic universities. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2021;10(1):180—182. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2021-1001-0045.
5. Ovsyannikov K. S., Miroshnichenko E. V. Studying the integration of international students into higher education: statement of the problem. *Molodaya mysl': nauka, tekhnologii, innovatsii = Young thought: science, technology, innovation. Proceedings of the XV (XXI) All-Russian scientific and technical conference*. Bratsk, Bratsk State University publ., 2023:324—329. (In Russ.)
6. Belyakova L. F., Sidorova T. L., Petrunova R. M., Vasilyeva V. D. Turkmen Students at Volgograd State Technical University. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2020;29(4):127—135. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-4-127-135.
7. Voronin D. I., Ostanina S. A., Ptitsyna E. V. Organization of teaching process of foreign students in higher education institutions at the example of teaching the humanitarian subjects. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2020;6(149):89—96. (In Russ.)
8. Kalenyk A. A., Rebenko M. Yu., Tsaregradskaya T. L. Scientific and methodological framework of the educational process organisation within foreign students' teaching. *Universitetskii pedagogicheskii zhurnal = University Pedagogical Journal*. 2021;1:49—61. (In Russ.)
9. Gazizulina L. R. The role of foreign language teaching in intercultural adaptation of international students at an engineering university. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global scientific potential*. 2021;9(126):75—77. (In Russ.)
10. Arkad'eva T. G., Vasil'eva M. I., Vladimirova S. S. et al. Lecture-discussion in teaching theoretical disciplines to foreign students. *Gumanitarno-pedagogicheskoe obrazovanie = Humanitarian and pedagogical education*. 2020;6(3—4): 64—71. (In Russ.)
11. Dzhagaeva T. E. Innovative technologies in the educational system of the higher education institution. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov = Economical and humanitarian researches of the regions*. 2021;2:45—48. (In Russ.)
12. Kononenko A. P., Fedorovich Ye. V. The pedagogical innovations in international educational cooperation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 2024;1(179):81—96. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2024.179.1.005.
13. Popkov A. R. Application of innovative technologies as a means of enhancing students learning. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tekhnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta = Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute*. 2020;4:84—87. (In Russ.)
14. Zainutdinova D. I. Attracting foreign students as a factor in the development of the university. *Scientific works of the Center for Advanced Economic Research of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan*. Nizhny Novgorod, Kuznetsov N. V. publ., 2022;22:54—58. (In Russ.)
15. Ivanov I. D. Organization of extracurricular activities as an important stage of inculturation of foreign students. *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki = Current Issues of Church Science*. 2023;1:205—207. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.02.2026; одобрена после рецензирования 28.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.
The article was submitted 09.02.2026; approved after reviewing 28.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 378.147:811.161.1243
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1611

Ekaterina Vladimirovna Fedosenko

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department of the Russian Language
of the Military Institute
(Engineering and Technical),
Military Academy of Logistics
named after Army General A. V. Khrulev
Saint Petersburg, Russian Federation
efedosenko@yandex.ru

Екатерина Владимировна Федосенко

канд. психол. наук,
доцент кафедры русского языка
Военного института
(инженерно-технического),
Военная академия материально-технического обеспечения
имени генерала армии А. В. Хрулёва
Санкт-Петербург, Российская Федерация
efedosenko@yandex.ru

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ РКИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье исследуется дипломатическая роль русского языка как фактора гуманитарного взаимодействия, образовательного сотрудничества и международной академической коммуникации. Актуальность темы обусловлена тем, что в современных условиях преподаватель русского языка как иностранного (РКИ) выступает не только носителем лингводидактических знаний, но и посредником между культурами, системами ценностей и коммуникативными нормами. Цель статьи — определить значение дипломатического потенциала русского языка для содержания и структуры профессиональной подготовки преподавателя РКИ. Материал исследования составили научные публикации 2020—2025 гг., посвященные продвижению русского языка за рубежом, гуманитарной дипломатии, межкультурной коммуникации, речевому этикету и профессиональным компетенциям преподавателя РКИ, а также нормативные документы, задающие приоритеты языковой и гуманитарной политики. Использованы методы теоретического анализа, синтеза, сравнительно-сопоставительного рассмотрения научных подходов, дискурсивного анализа и педагогического моделирования. Установлено, что дипломатическая функция русского языка реализуется не только в сфере официальной

межгосударственной коммуникации, но и в образовательной практике, где язык определяет модели уважительного взаимодействия, культурного посредничества и символического включения обучающихся в русскоязычное академическое пространство. Показано, что учет данного аспекта требует усиления межкультурной, социолингвистической, коммуникативно-этической, медиативной и цифровой составляющих в системе подготовки преподавателя РКИ. Предложена модель профессиональной подготовки, включающая целевой, содержательный, технологический и результативный блоки, а также специальный модуль, посвященный русскому языку как инструменту гуманитарной и образовательной дипломатии. Сделан вывод о том, что обращение к дипломатической роли русского языка расширяет профессиональный профиль преподавателя РКИ и повышает качество его подготовки к работе в поликультурной аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный / РКИ, преподаватель РКИ, профессиональная подготовка, дипломатическая функция языка, гуманитарная дипломатия, языковая политика, межкультурная коммуникация, речевой этикет, медиативная компетенция, образовательная дипломатия

Для цитирования: Федосенко Е. В. Дипломатическая роль русского языка и ее значение для профессиональной подготовки преподавателя РКИ // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 519—524. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1611.

Original article

THE DIPLOMATIC ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND ITS SIGNIFICANCE FOR THE PROFESSIONAL TRAINING OF A TEACHER OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article examines the diplomatic role of the Russian language as a factor of humanitarian interaction, educational cooperation, and international academic communication. The relevance of the topic lies in the fact that a teacher of Russian as a foreign language (RFL) today acts not only as a language instructor, but also as a mediator between cultures, value systems, and communicative norms. The purpose of the paper is to determine the significance of the diplomatic potential of the Russian language for the content and struc-

ture of professional training of an RFL teacher. The research material includes academic publications of 2020–2025 on the promotion of the Russian language abroad, humanitarian diplomacy, intercultural communication, speech etiquette, and RFL teacher competences, as well as policy documents defining the priorities of language and humanitarian policy. The methods used are theoretical analysis, synthesis, comparative review, discourse analysis, and pedagogical modeling. It is established that the diplomatic function of the Russian language

is realized not only in interstate communication, but also in educational practice, where language shapes respectful interaction, cultural mediation and symbolic inclusion of students in the Russian-speaking academic space. The study shows that this aspect requires strengthening intercultural, sociolinguistic, communicative-ethical, mediation, and digital components in RFL teacher education. A model of professional training is proposed, which includes a target, content, technological, and outcomes blocks, as well as a special module dedicated to the Russian language

as a tool for humanitarian and educational diplomacy. The paper concludes that attention to the diplomatic role of the Russian language broadens the professional profile of the RFL teacher and improves readiness to work in multicultural classrooms.

Keywords: Russian as a foreign language / RFL, RFL teacher, professional training, diplomatic function of language, humanitarian diplomacy, language policy, intercultural communication, speech etiquette, mediation competence, educational diplomacy

For citation: Fedosenko E. V. The diplomatic role of the Russian language and its significance for the professional training of a teacher of Russian as a foreign language. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):519—524. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1611.

Введение

Актуальность. В начале XXI в. язык всё отчетливее выступает не только средством передачи информации, но и инфраструктурой гуманитарного присутствия государства, академической мобильности, межкультурного доверия и долгосрочного международного сотрудничества. В действующих стратегических документах Российской Федерации поддержка русского языка за рубежом рассматривается как значимое направление гуманитарной и внешнеполитической деятельности, а создание Международной организации по русскому языку усилило институциональное измерение этой работы. В этих условиях русский язык приобретает значение не только национально-культурной, но и дипломатической ценности, а преподавание русского языка как иностранного (далее — РКИ) становится важной частью гуманитарной и образовательной дипломатии.

Изученность проблемы. Анализ современной литературы показывает, что международно-политический и гуманитарный потенциал русского языка раскрывается в ряде взаимосвязанных исследований. Е. В. Дзюба и Е. В. Мушенко рассматривают стратегию продвижения русского языка через институты многосторонней дипломатии и показывают, что эффективность этой работы зависит от устойчивости международных гуманитарных механизмов [1]. С. Ю. Камышева на материале индексного анализа характеризует положение русского языка в мире и тем самым задает эмпирическую основу для оценки его современного статуса и динамики [2]. С. С. Хусайнова осмысляет русский язык как инструмент «мягкой силы» евразийской интеграции [3], а И. А. Алешковский с соавторами исследуют продвижение русского языка и российского образования в Африке, выявляя институциональные и организационные механизмы этого процесса [4]. Е. Р. и В. И. Ядровские и М. В. Богданова анализируют опыт социального проектирования в Африке [5], С. Ю. Бакулина, В. В. Бондарева и О. К. Позднякова рассматривают предпосылки и ограничения продвижения русского языка в системе образования Танзании [6], Д. Н. Кульша и О. В. Рябоконева выявляют динамику изучения русского языка в университетах Турции [7], а И. Е. Майоров акцентирует значение образовательной среды РКИ для формирования образа России за рубежом [8].

Проблемы профессиональной подготовки преподавателя РКИ раскрываются в работах, посвященных компетентностной модели современной профессии. В. С. Скрыбина, Ф. М. Монгина и Ю. А. Говорухина анализируют новые требования поликультурной образовательной среды к преподавателю РКИ [9]. И. И. Митрофанова и Ж. И. Жеребцова рассматривают формирование профес-

сиональной компетентности преподавателя в условиях цифровизации образования [10]. Е. В. Рублева и С. С. Аду исследуют расширение ИКТ-компетентности преподавателя РКИ [11], Е. Н. Стрельчук характеризует перспективы онлайн-обучения русскому языку как иностранному в российских вузах [12]. Ю. В. Агеева и Н. Ван показывают значение регионального компонента в содержании обучения РКИ [13], Э. Г. Азимов и М. С. Руслякова раскрывают потенциал художественного текста в формировании межкультурной коммуникации [14], Т. С. Веселовская и А. В. Купцова анализируют категорию вежливости в учебниках по РКИ [15], а И. А. Лешутина и А. А. Воробьева связывают обучение научному диалогу с развитием исследовательской компетенции иностранных студентов [16]. Вместе с тем обзор литературы показывает, что дипломатическая роль русского языка чаще трактуется либо в политико-коммуникационном, либо в собственно лингводидактическом аспекте, тогда как ее значение для структуры профессиональной подготовки преподавателя РКИ остается раскрытым недостаточно полно.

Целесообразность разработки темы. Обращение к заявленной проблеме представляется целесообразным по нескольким причинам. Во-первых, современный преподаватель РКИ работает в поликультурной аудитории, где успешность обучения определяется не только качеством объяснения языковой системы, но и способностью выстраивать уважительное, этически корректное и культурно чувствительное общение. Во-вторых, в условиях расширения международных образовательных контактов язык обучения становится фактором гуманитарного влияния, а следовательно, преподавание русского языка приобретает дополнительное дипломатическое измерение. В-третьих, существующие модели подготовки преподавателя РКИ нуждаются в более четком учете медиативных, социолингвистических, коммуникативно-этических и цифровых задач.

Научная новизна. В статье дипломатическая роль русского языка рассматривается не как внешний фон методики РКИ, а как педагогически значимый фактор проектирования профессиональной подготовки преподавателя. Уточнено содержание понятия «дипломатическая роль русского языка» применительно к сфере обучения РКИ; определен круг профессиональных компетенций преподавателя, непосредственно связанных с реализацией дипломатического потенциала языка; предложено соотнесение данного потенциала с межкультурной, социолингвистической, коммуникативно-этической, медиативной и цифровой составляющими подготовки. Кроме того, разработана модель профессиональной подготовки преподавателя РКИ,

в которой дипломатическая функция русского языка включена в целевой, содержательный, технологический и результативный блоки, а также обозначены педагогические условия ее практической реализации в вузовском обучении и программах повышения квалификации.

Цель исследования — обосновать значение дипломатической роли русского языка для профессиональной подготовки преподавателя РКИ и определить способы включения данного аспекта в содержание подготовки.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать дипломатическую роль русского языка в современном гуманитарном и образовательном пространстве.
2. Выявить профессиональные функции преподавателя РКИ, через которые реализуется дипломатический потенциал русского языка.
3. Определить состав компетенций, требующих усиления в системе подготовки преподавателя РКИ.
4. Предложить модель и педагогические условия профессиональной подготовки, учитывающие дипломатическую роль русского языка.

Теоретическая значимость исследования. Работа способствует развитию педагогических представлений о русском языке как ресурсе гуманитарной и образовательной дипломатии, уточняет содержание понятия «дипломатическая роль русского языка» применительно к методике РКИ и конкретизирует связь между дипломатическим потенциалом языка и профессиональной структурой деятельности преподавателя. Исследование расширяет научные основания проектирования программ подготовки преподавателя РКИ за счет включения межкультурной, медиативной, социолингвистической и коммуникативно-этической составляющих в единый профессиональный контур.

Практическая значимость исследования. Положения статьи могут быть использованы при разработке и обновлении учебных планов, рабочих программ дисциплин и спецкурсов по РКИ, межкультурной коммуникации, речевому этикету и педагогическому общению. Результаты исследования применимы при создании модулей магистерской подготовки, программ повышения квалификации и дополнительного профессионального образования для преподавателей РКИ, а также при подготовке учебно-методических материалов, кейсов и практических заданий для работы в поликультурной аудитории. Предложенная модель может служить ориентиром для преподавателей, методистов и руководителей образовательных программ при проектировании содержания подготовки, направленного на развитие навыков культурного посредничества, коммуникативной корректности и академического взаимодействия с иностранными обучающимися.

Методология исследования. Исследование носит теоретико-аналитический характер. Материал составили современные научные публикации 2020—2025 гг., посвященные продвижению русского языка за рубежом, гуманитарной дипломатии, межкультурной коммуникации и профессиональной подготовке преподавателя РКИ [1—16], а также стратегические и нормативные документы 2022—2026 гг., определяющие место русского языка в гуманитарной, внешнеполитической и языковой политике России.

В работе использованы методы теоретического анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительного рассмотрения научных подходов, дискурсивного анализа нормативных текстов, компетентностного анализа требований

к преподавателю РКИ и педагогического моделирования. Логика исследования строилась от выявления функций русского языка в современном гуманитарном пространстве к определению тех профессиональных действий преподавателя, через которые эти функции реализуются в учебной практике.

Основная часть

Дипломатическая роль русского языка как предмет педагогического осмысления. В широком смысле дипломатическая роль языка не сводится к языку официальных переговоров. Она проявляется в способности языка обеспечивать контакт между культурами, снижать коммуникативную дистанцию, создавать устойчивые каналы доверия и сотрудничества. В этом отношении русский язык выполняет функции, выходящие за пределы собственно лингвистического инструментария: он выступает средством доступа к образованию, науке, культурной памяти, профессиональному обмену и сетям личного общения [1—8].

С точки зрения гуманитарной политики язык важен не только как объект сохранения, но и как пространство включения. Человек, осваивающий русский язык, включается в определенные модели аргументации, речевого этикета, представления о допустимом несогласии, формах просьбы, благодарности, извинения, академической вежливости. Именно поэтому продвижение языка связано не только с числом обучающихся, но и с качеством коммуникативной среды, в которой этот язык преподается и используется.

В образовательной сфере дипломатическая функция русского языка проявляется особенно наглядно. Русский язык становится каналом академической адаптации иностранных студентов, средством их участия в совместных проектах, профессиональной социализации и межкультурного общения. От того, как язык представлен в учебном процессе, зависит, будет ли он восприниматься как средство диалога и сотрудничества или только как набор формальных норм. Следовательно, для преподавателя РКИ дипломатическая роль языка имеет не декларативное, а непосредственное методическое значение.

Преподаватель РКИ как участник гуманитарной и образовательной дипломатии. В традиционной модели преподаватель РКИ описывался прежде всего как специалист по языковой системе и методике обучения. Однако в современной практике его функции заметно расширились. Он объясняет культурно маркированные единицы, предупреждает интерференцию ценностных и коммуникативных норм, помогает обучающимся распознавать оттенки речевой уместности и организует взаимодействие представителей разных культур в одной аудитории [9—16].

Дипломатическое измерение профессии проявляется уже в повседневных педагогических действиях. Преподаватель отбирает темы общения, комментирует реалии, корректирует речевое поведение, задает способы обсуждения спорных вопросов и формирует атмосферу уважительного несогласия. Ошибки в этих зонах часто оказываются для обучающихся более чувствительными, чем отдельные грамматические неточности, поскольку затрагивают сферу самооценки, идентичности и межличностного доверия.

Именно поэтому преподаватель РКИ выступает не просто носителем языка, а медиатором культурных смыслов. Его профессиональная задача заключается в том, чтобы показать русский язык как язык включения в академическое и профессиональное сообщество, научить пользоваться

им без коммуникативной агрессии и без стилистической неуместности, а также создать условия, при которых различие культурных привычек не превращается в источник напряжения.

Дипломатическая функция русского языка в структуре профессиональных компетенций преподавателя РКИ. Лингвистико-дискурсивная компетенция преподавателя РКИ в рассматриваемом контексте должна включать не только системное знание языка, но и понимание жанров, в которых реализуются формы официального, академического, общественного и повседневного вежливого общения. Преподаватель должен уметь объяснять обучающимся различия между нейтральным, официальным, публичным и разговорным регистрами, показывать, как меняется речевое поведение в зависимости от статуса адресата и ситуации общения.

Межкультурная и социолингвистическая компетенции предполагают знание культурных кодов, национально обусловленных коммуникативных ожиданий и типичных зон межкультурного риска. Работы по РКИ убеждают, что речевой этикет, нормы коммуникативного поведения и регионально-культурный компонент не могут рассматриваться как факультативное приложение к грамматике [13—15]. Для преподавателя они становятся обязательной частью профессионального инструментария.

Коммуникативно-этическая компетенция связана со способностью давать корректную обратную связь, регулировать обсуждение чувствительных тем и поддерживать достоинство обучающегося в ситуации ошибки. Дипломатическая функция языка здесь проявляется через выбор педагогически и культурно уместной формы реплики: важно не только что исправляется, но и как это делается. В поликультурной аудитории такой выбор напрямую влияет на доверие к преподавателю и готовность студентов участвовать в диалоге.

Медиативная компетенция предполагает умение переводить культурные различия в пространство объяснения, а не конфликта. Преподаватель должен интерпретировать коммуникативные недоразумения, возникающие из-за различия норм вежливости, темпа общения, способов просьбы или несогласия, и превращать их в материал для обучения. Тем самым он реализует дипломатический потенциал языка на уровне учебного взаимодействия.

Цифровая компетенция в современных условиях также приобретает дипломатическое измерение. Онлайн-форматы обучения, международные проекты, виртуальные дискуссии и совместные образовательные площадки требуют от преподавателя не только технической готовности, но и умения поддерживать культуру сетевого общения, соблюдать нормы академической корректности и проектировать коммуникативно безопасную цифровую среду [10—12].

Педагогические условия профессиональной подготовки преподавателя РКИ. Включение дипломатической роли русского языка в систему подготовки преподавателя РКИ требует междисциплинарности. Будущий специалист должен осваивать элементы лингводидактики, социолингвистики, межкультурной коммуникации, речевого этикета, педагогической конфликтологии и цифровой педагогики не разрозненно, а как взаимосвязанные блоки профессиональной модели.

Не менее важен практико-ориентированный характер подготовки. Лекционный усвоения сведений о культурных различиях недостаточно. Эффективными оказываются

анализ кейсов межкультурного взаимодействия, моделирование учебных и внеучебных коммуникативных ситуаций, микропреподавание, разбор типичных речевых ошибок в сфере вежливости и уместности, а также проектирование занятий, где русский язык используется как средство переговоров, академического сотрудничества или культурной презентации.

Значимым условием выступает опора на аутентичные тексты и сценарии общения. Это могут быть фрагменты официальных выступлений, материалы образовательных и культурных проектов, письма академического характера, образцы деловой переписки, интервью, тексты о международном сотрудничестве. Однако принципиально важно, чтобы такие материалы не подменяли обучение политическими оценками, а помогали формировать у студентов чувство стилистической уместности, адресности и уважительного диалога.

Подготовка преподавателя РКИ должна включать и рефлексивный компонент. Будущий педагог обязан осознавать собственные коммуникативные привычки, скрытые оценочные реакции и способы интерпретации культурных различий. Без такой рефлексии даже хорошее владение методикой не гарантирует способности вести занятие как пространство безопасного и развивающего общения.

Модель профессиональной подготовки преподавателя РКИ с учетом дипломатической роли русского языка. Предлагаемая модель включает четыре взаимосвязанных блока. Целевой блок ориентирован на формирование преподавателя, способного обучать русскому языку как средству академического, культурного и профессионального взаимодействия. Содержательный блок объединяет лингвистический, лингвокультурологический, социолингвистический, методический, коммуникативно-этический и цифровой компоненты.

Технологический блок включает кейс-метод, ситуационное моделирование, практику анализа речевого этикета, микропреподавание, проектную деятельность и цифровые формы международного учебного сотрудничества. Результативный блок фиксирует сформированность у будущего преподавателя коммуникативной гибкости, межкультурной чувствительности, способности к языковому посредничеству, умения выстраивать продуктивную учебную коммуникацию в условиях дипломатически значимого языкового контакта.

В структуре модели целесообразно выделить специальный модуль «Русский язык как инструмент гуманитарной и образовательной дипломатии». В его содержание могут входить темы «Русский язык в современной языковой политике», «Речевой этикет и стратегии уважительного несогласия», «Межкультурные риски в аудитории РКИ», «Цифровое сопровождение международных учебных проектов», «Профессиональная рефлексия преподавателя РКИ в поликультурной среде». Модуль должен сочетать изучение теоретических оснований дипломатической функции русского языка с анализом конкретных педагогических ситуаций, в которых язык выступает не только объектом обучения, но и средством конструктивного взаимодействия.

Заключение

В результате проведенного анализа установлено, что дипломатическая роль русского языка должна рассматриваться как значимый ориентир профессиональной подготовки преподавателя РКИ. Она проявляется в трех

взаимосвязанных плоскостях: институциональной, где русский язык выступает ресурсом гуманитарной политики и международного сотрудничества; образовательной, где он обеспечивает академическую адаптацию, проектную деятельность и межкультурный диалог; педагогической, где через него формируются нормы корректного речевого поведения.

Показано, что профессиональный профиль преподавателя РКИ нуждается в расширении. Наряду с лингвистической и методической подготовкой особое значение приобретают межкультурная, социолингвистическая, коммуникативно-этическая, медиативная и цифровая компетенции. Их недостаточная сформированность снижает качество преподавания именно в тех зонах, которые определяют доверие к языку и готовность использовать его в реальной академической и профессиональной коммуникации.

Разработанная модель подготовки позволяет связать дипломатический потенциал русского языка с конкретными компонентами образовательной программы. Это делает подготовку преподавателя РКИ более современной, практико-ориентированной и чувствительной к условиям многоязычной аудитории.

Выводы

Дипломатическая роль русского языка представляет собой не периферийную, а содержательно важную характеристику современной языковой и образовательной прак-

тики. Русский язык выступает средством гуманитарного присутствия, культурного посредничества, академического взаимодействия и профессионального сотрудничества. Поэтому его значение для подготовки преподавателя РКИ не может ограничиваться общими декларациями о высокой культурной миссии языка.

Для современного преподавателя РКИ принципиально важно уметь работать с языком как с системой социальных и культурных норм, формирующих способы вежливого, уважительного и продуктивного общения. Отбор текстов, комментариев к речевому этикету, организация обратной связи, обсуждение чувствительных тем, предупреждение коммуникативных конфликтов и проектирование безопасной цифровой среды делают дипломатический потенциал языка частью повседневной методической работы.

Наиболее продуктивной является такая модель профессиональной подготовки, которая объединяет лингвистический, методический, межкультурный, коммуникативно-этический и цифровой компоненты и дополняется специальным модулем, раскрывающим русский язык как инструмент гуманитарной и образовательной дипломатии. Реализация данной модели позволяет сформировать преподавателя, способного не только обучать языку, но и обеспечивать культурное посредничество, академическое сотрудничество и конструктивный международный диалог.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Дзюба Е. В., Мушенко Е. В. Стратегия продвижения русского языка через институты многосторонней дипломатии // Русистика. 2025. Т. 23. № 4. С. 543—565. DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-4-543-565.
- Камышева С. Ю. Индекс положения русского языка в мире — 2023: к Году русского языка в странах СНГ // Русский язык за рубежом. 2023. № 4(299). С. 86—90.
- Хусаинова С. С. Русский язык как инструмент мягкой силы евразийской интеграции // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. № 2. С. 111—123. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.8.
- Продвижение русского языка и российского образования в Африке в новых реалиях / И. А. Алешковский, Е. А. Борисенко, А. Т. Гаспарисвили и др. // Век глобализации. 2024. № 2. С. 65—79. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.05.
- Ядровская Е. Р., Богданова М. В., Ядровская В. И. Русский язык в Африке: опыт социального проектирования // Мир русского слова. 2024. № 4. С. 71—80. DOI: 10.21638/spbu30.2024.408.
- Бакулина С. Ю., Бондарева В. В., Позднякова О. К. Продвижение русского языка в системе образования Танзании: предпосылки, востребованность, «дефициты» и потенциальные «точки роста» // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12. № 4. С. 181—188. DOI: 10.55355/snv2023124301.
- Кульша Д. Н., Рябоконова О. В. Изучение русского языка в университетах Турции: динамика последних лет // Русистика. 2020. Т. 18. № 3. С. 359—370. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-3-359-370.
- Майоров И. Е. Формирование политического имиджа России через студентов РКИ в Германии: вызовы и перспективы // PolitBook. 2025. № 2. С. 109—133. DOI: 10.24412/2227-1538-2025-2-109-133.
- Скрябина В. С., Монгина Ф. М., Говорухина Ю. А. Компетенции преподавателя РКИ: новые требования поликультурной образовательной среды // Нижегородское образование. 2021. № 3. С. 72—78.
- Митрофанова И. И., Жеребцова Ж. И. Формирование профессиональной компетентности преподавателя русского языка как иностранного в условиях цифровизации образования // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3(103). С. 256—264. DOI: 10.26293/chgpu.2019.103.3.034.
- Рублева Е. В., Аду С. С. Терминологическое расширение ИКТ-компетенции преподавателя РКИ в процессе цифровизации образования // Русский язык за рубежом. 2024. № 6(307). С. 59—62.
- Стрельчук Е. Н. Перспективы онлайн-обучения русскому языку как иностранному в вузах РФ // Русистика. 2021. Т. 19. № 1. С. 102—115. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115.
- Агеева Ю. В., Ван Н. Региональный компонент при обучении русскому языку как иностранному (на примере Республики Татарстан) // Филология и культура. 2024. № 3. С. 293—298. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-293-298.
- Азимов Э. Г., Русякова М. С. Обучение руандийских учащихся межкультурной коммуникации на материале современных художественных текстов на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. 2024. № 6(307). С. 72—78.
- Веселовская Т. С., Купцова А. В. Категория вежливости и ее выражение в учебниках по русскому языку как иностранному // Русский язык за рубежом. 2024. № 5(306). С. 53—59.
- Лешутина И. А., Воробьева А. А. Научный диалог как результат сформированности исследовательской компетенции при обучении русскому языку иностранных студентов-филологов // Русский язык за рубежом. 2024. № 5(306). С. 42—52.

REFERENCES

1. Dziuba E. V., Mushenko E. V. Russian language promotion strategy through the institutions of multilateral diplomacy. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2025;23(4):543—565. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-4-543-565.
2. Kamysheva S. Yu. Russian Language Index in the world - 2023: by the year of the Russian language in the CIS countries. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2023;4(299):86—90. (In Russ.)
3. Khusainova S. S. Russian language as a soft power instrument of Eurasian integration. *Rossiia v global'nom mire = Russia in the Global World*. 2025;28(2):111—123. (In Russ.) DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.8.
4. Aleshkovsky I. A., Borisenko E. A., Gasparishvili A. T. et al. Promotion of the Russian language and Russian education in Africa in new realities. *Vek globalizatsii = Age of Globalization*. 2024;2:65—79. (In Russ.) DOI: 10.30884/vglob/2024.02.05.
5. Iadrovskaja E. R., Bogdanova M. V., Iadrovskaja V. I. Russian language in Africa: social design experience. *Mir russkogo slova = The World of Russian Word*. 2024;4:71—80. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu30.2024.408.
6. Bakulina S. Yu., Bondareva V. V., Pozdnyakova O. K. Promotion of the Russian language in the education system of Tanzania: conditions, demand, “deficits” and potential “growth points”. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*. 2023;12(4):181—188. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2023124301.
7. Kulsha D. N., Ryabokoneva O. V. Teaching Russian in Turkish universities: modern trends. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2020;18(3):359—370. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-3-359-370.
8. Mayorov I. E. Formation of Russia's political image through Russian family students in Germany: challenges and prospects. *PolitBook*. 2025;2:109—133. (In Russ.) DOI: 10.24412/2227-1538-2025-2-109-133.
9. Skryabina V. S., Mongina F. M., Govorukhina Yu. A. Competences of a teacher of Russian as a foreign language: new requirements of the multicultural educational environment. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Nizhny Novgorod Education*. 2021;3:72—78. (In Russ.)
10. Mitrofanova I. I., Zherebtsova Zh. I. Formation of professional competence of teacher of Russian as a foreign language in the conditions of digitalization of education. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva = I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2019;3:256—264. (In Russ.) DOI: 10.26293/chgpu.2019.103.3.034.
11. Rubleva E. V., Adu S. S. Terminological expansion of ICT competence of a teacher of Russian as a foreign language in the process of digitalization of education. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2024;6(307):59—62. (In Russ.)
12. Strelchuk E. N. Prospects of Russian as a foreign language online learning in Russian universities. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2021;19(1):102—115. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-1-102-115.
13. Ageeva J., Wang N. Regional component in teaching Russian as a foreign language (exemplified by the Republic of Tatarstan). *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*. 2024;3:293—298. (In Russ.) DOI: 10.26907/2782-4756-2024-77-3-293-298.
14. Azimov E. G., Rusliakova M. S. Teaching intercultural communication to Rwandan students through reading modern literary texts in RFL classes. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2024;6(307):72—78. (In Russ.)
15. Veselovskaya T. S., Kuptsova A. V. The category of politeness and its expression in Russian as a foreign language textbooks. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2024;5(306):53—59. (In Russ.)
16. Leshutina I. A., Vorobeva A. A. Scientific dialogue as a result of the development of research competence in teaching Russian to foreign philology students. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2024;5(306):42—52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.03.2026; одобрена после рецензирования 24.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.
The article was submitted 25.03.2026; approved after reviewing 24.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Научная статья

УДК 378.147:811.161.1'243

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1617

Ekaterina Vladimirovna Fedosenko

Candidate of Psychology,

Associate Professor of the Department of the Russian Language

of the Military Institute (Engineering and Technical),

Military Academy of Logistics

named after Army General A. V. Khrulev

Saint Petersburg, Russian Federation

efedosenko@yandex.ru

Екатерина Владимировна Федосенко

канд. психол. наук,

доцент кафедры русского языка

Военного института (инженерно-технического),

Военная академия материально-технического обеспечения

имени генерала армии А. В. Хрулёва

Санкт-Петербург, Российская Федерация

efedosenko@yandex.ru

ПРОЕКТНАЯ СЕССИЯ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье рассматривается проектная сессия как форма повышения квалификации учителей русского языка как иностранного (РКИ), ориентированная на развитие социокультурной и межкультурной компетенций педагога. Материалом исследования стала авторская методическая разработка «Что я знаю о России», построенная на обсуждении повседневной жизни, системы ценностей, межличностных отношений, норм этикета и ритуалов российской культуры. Актуальность темы связана с тем, что в практике подготовки и переподготовки учителей РКИ культуроведческий компонент нередко усваивается фрагментарно и не всегда преобразуется в систему конкретных методических решений для урока. Показано, что проектная сессия позволяет органично соединить коммуникативный подход, проектное обучение и технологию «зигзаг», обеспечивая коллективный анализ информации, речевое взаимодействие, экспертный обмен и последующую адаптацию материала к разным уровням владения языком. Описаны цели, задачи, этапы и тематические блоки проектной сессии, а также механизмы формирования

социокультурной и межкультурной компетенций учителя. Научная новизна исследования состоит в уточнении методического потенциала проектной сессии в системе подготовки педагогов РКИ и в выявлении условий ее продуктивного применения в поликультурной образовательной среде. Практическая значимость работы заключается в возможности использования предложенной модели на курсах повышения квалификации, в школьной практике и при проектировании учебных занятий, направленных на предупреждение межкультурных затруднений, развитие профессиональной рефлексии и перенос результатов обсуждения в реальный учебный процесс. В результате обоснована ее применимость в обучении педагогов, работающих в условиях многоязычной и культурно неоднородной аудитории.

Ключевые слова: проектная сессия, учитель русского языка как иностранного, социокультурная компетенция, межкультурная компетенция, методика преподавания русского языка как иностранного, повышение квалификации, технология «зигзаг», культуроведческий компонент, проектное обучение, коммуникативный подход

Для цитирования: Федосенко Е. В. Проектная сессия как средство развития социокультурной и межкультурной компетенций учителей русского языка как иностранного // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 525—530. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1617.

Original article

PROJECT SESSION AS A TOOL FOR DEVELOPING SOCIO-CULTURAL AND CROSS-CULTURAL COMPETENCIES OF TEACHERS OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article examines a project session as a form of professional development for teachers of Russian as a foreign language in Uzbekistan. The study is based on the original methodological design “What Do I Know About Russia?”, focused on discussing everyday life, values, interpersonal relations, etiquette norms, and rituals of Russian culture. The relevance of the topic stems from the fact that in teacher training and retraining practice the cultural component is often mastered fragmentarily and is not always transformed into a system of specific methodological solutions. The paper shows that a project session makes it possible to combine the communicative approach,

project-based learning, and the jigsaw technique in a natural and pedagogically productive way, ensuring collective analysis of information, speech interaction, expert exchange, and subsequent adaptation of the material to different language proficiency levels. The article describes the aims, objectives, stages, and thematic blocks of the project session, as well as the mechanisms for developing teachers' socio-cultural and cross-cultural competencies. The scientific novelty of the study lies in clarifying the methodological potential of the project session in the system of training teachers of Russian as a foreign language and in identifying the conditions for its effective use in a multicultural

educational environment. The practical significance of the work lies in the possibility of applying the proposed model in professional development courses, school practice, and in designing language classes aimed at preventing intercultural difficulties and developing teachers' professional reflection.

For citation: Fedosenko E. V. Project session as a tool for developing socio-cultural and cross-cultural competencies of teachers of Russian as a foreign language. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):525—530. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1617.

Введение

Актуальность. В современной методике преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) усиливается внимание к таким формам обучения, которые обеспечивают не только освоение языковых средств, но и понимание культурных норм, регулирующих речевое и неречевое поведение. Для системы повышения квалификации учителей РКИ эта задача особенно значима: педагог должен не просто владеть страноведческой информацией, но и уметь преобразовывать ее в учебное содержание, соответствующее уровню обучающихся, задачам урока и принципам межкультурного диалога. В условиях активного образовательных контактов между Россией и Узбекистаном возрастает потребность в методических моделях, позволяющих обсуждать культурные различия без схематизма, формировать уважительное отношение к иной традиции и предупреждать типичные коммуникативные ошибки.

Изученность проблемы. Современные исследования показывают устойчивый интерес к проектным формам обучения в преподавании РКИ. В. М. Филиппова, И. А. Лешутина и Э. Г. Азимов рассматривают проектную деятельность как технологию формирования социокультурной компетенции [1]. С. В. Краснощекова и Д. Д. Шаламова подчеркивают ее влияние на речевую активность, мотивацию и самостоятельность обучающихся [2]. Е. П. Панова, Н. Н. Фролова, И. В. Чирич и В. А. Рогожкин показывают продуктивность проектного формата уже на начальном этапе обучения РКИ [3], а А. Л. Дронова, О. Л. Овчинникова и Н. В. Писарь связывают проектную работу с использованием креативных технологий и цифровых сервисов [4].

Существенный блок публикаций посвящен формированию межкультурной компетенции. В. Н. Карташова акцентирует необходимость системной актуализации межкультурного компонента в языковой подготовке [5]. Н. А. Белова и Е. А. Кашкарева обосновывают роль комментария культурно-исторических фактов в предупреждении неверной интерпретации иной культуры [6]. Е. В. Толмачева, Е. С. Пархомова и Е. Н. Легочкина демонстрируют продуктивность проектной основы при включении национально-регионального материала [7]. Т. А. Бурмистрова и А. Е. Колбасенкова подчеркивают необходимость учета национально-культурной специфики языка [8], а Т. С. Веселовская и А. В. Купцова раскрывают методическую роль категории вежливости в обучении РКИ [9].

В последние годы исследователи активно осмысливают связь проектной деятельности с цифровой средой и технологиями искусственного интеллекта. О. В. Филиппова рассматривает принцип диалога культур как методическую основу проектной работы иностранных студентов-филологов [10]. Л. И. Лютова, Л. В. Гончар и Т. В. Частухина анализируют возможности искусственного интеллекта при изучении иностранного языка в вузе [11]. А. В. Собо-

Keywords: *project session, teacher of Russian as a foreign language, socio-cultural competency, cross-cultural competency, methodology of teaching Russian as a foreign language, professional development, jigsaw technique, cultural component, project-based learning, communicative approach*

лева и О. А. Обдалова описывают модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде [12]. П. В. Сысоев и Е. М. Филатов показывают дидактический потенциал технологий искусственного интеллекта в обучении РКИ [13]. С. В. Боголепова и Е. Р. Бабасян раскрывают возможности генеративного искусственного интеллекта для оценочной обратной связи [14]. В то же время публикация Е. В. Федосенко, Д. Х. Алимовой и М. К. Якубжановой подтверждает значимость этой проблематики применительно к развитию компетенций учителей РКИ в Узбекистане [15].

Целесообразность разработки темы. Проектная сессия позволяет соединить культуроведческий материал, групповую коммуникацию и методическую рефлексию в едином образовательном цикле. Такой формат целесообразен именно для работы с учителями, поскольку они одновременно выступают участниками межкультурного обсуждения и будущими организаторами аналогичной деятельности в собственной аудитории.

Научная новизна исследования состоит в том, что проектная сессия осмыслена как самостоятельный методический формат профессионального развития учителей РКИ, ориентированный не только на расширение страноведческих знаний, но и на освоение способов их педагогической адаптации. Уточнены ее структурные компоненты, раскрыты функции экспертного обмена и определены условия переноса результатов в школьную практику Узбекистана.

Цель исследования — обосновать проектную сессию как средство развития социокультурной и межкультурной компетенций учителей РКИ в Узбекистане.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современные научные публикации о проектном обучении, культуроведческом компоненте и межкультурной подготовке в системе РКИ.
2. Определить методические основания проектной сессии как формы повышения квалификации учителей.
3. Описать структуру, тематическое содержание и этапы реализации проектной сессии «Что я знаю о России».
4. Выявить механизмы адаптации проектной сессии к разным уровням владения языком и к задачам школьного обучения.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении представлений о проектной сессии как об интегративной модели, объединяющей коммуникативный, социокультурный и методический компоненты в подготовке учителя РКИ. Работа конкретизирует связь между межкультурной компетенцией педагога и его способностью проектировать учебные ситуации, основанные на осмыслении и интерпретации культурных фактов.

Практическая значимость работы состоит в том, что предложенная модель может быть использована на курсах повышения квалификации учителей русского языка в Узбекистане, в деятельности методических центров, при подготовке открытых занятий и факультативов,

а также при разработке учебных материалов по страноведению и межкультурной коммуникации. Описанные тематические блоки и этапы проектной сессии допускают вариативное применение в 5—11 классах и в группах разного уровня подготовки.

Основная часть

Методология исследования. Исследование имеет научно-методический характер. Материалом послужила авторская разработка проектной сессии, апробированная в системе повышения квалификации педагогов. В работе использованы методы анализа и синтеза научной литературы, моделирования учебной ситуации, описания педагогического опыта и содержательно-методической интерпретации результатов.

Методологическую основу статьи составили коммуникативный подход, положения о проектном обучении, компетентностная модель подготовки учителя и идеи межкультурного образования. Единицей анализа выступал тематико-деятельностный блок проектной сессии, включающий тему, коммуникативную задачу, форму групповой работы и способы последующей адаптации содержания к школьному уроку.

Проектная сессия как методический формат профессионального развития. В системе повышения квалификации учителей РКИ проектная сессия выступает формой коллективной учебно-методической работы, при которой культуроведческий материал осваивается через обсуждение, сопоставление, аргументацию и проектирование учебных решений. В отличие от традиционной лекции она ориентирует слушателей не на пассивное восприятие сведений о стране изучаемого языка, а на их самостоятельную интерпретацию и педагогическое преобразование.

Методическая ценность проектной сессии определяется двойной направленностью ее результатов. С одной стороны, участники уточняют представления о повседневной жизни, этикете, ценностях и ритуалах российской культуры; с другой — учатся переводить полученную информацию в задания, вопросы, проекты и коммуникативные ситуации, пригодные для школьного урока. Именно поэтому проектная сессия оказывается особенно продуктивной в подготовке учителя, а не только учащегося.

Целевой ориентир: социокультурная и межкультурная компетенции учителя. Социокультурная компетенция учителя РКИ включает знание культурных реалий, норм общения, моделей бытового и институционального поведения, а также умение объяснять их учащимся без упрощения и стереотипизации. Межкультурная компетенция предполагает способность видеть различия между культурами как предмет осмысления и диалога, а не как основание для противопоставления. Для учителя эти компетенции имеют профессиональное измерение: от их сформированности зависит качество отбора материала, формулировка комментариев и предупреждение интерференции в коммуникации.

В условиях Узбекистана данный вопрос приобретает особую значимость, поскольку русский язык изучается в многоязычной среде, где контакт культур является постоянной частью образовательной практики. Следовательно, учителю необходимы не отдельные страноведческие факты, а целостная система работы с культурным материалом, включающая сравнение, обсуждение и методическую адаптацию.

Структура и содержание проектной сессии. Содержательное ядро проектной сессии образуют шесть тематических блоков: повседневная жизнь; условия жизни; межличностные отношения; система ценностей, убеждений и отношений; правила этикета; выполнение ритуалов. Такое распределение позволяет охватить как наиболее частотные бытовые сценарии, так и более сложные для интерпретации культурные явления. В ходе сессии участники обсуждают питание, праздники, организацию рабочего дня, семейные роли, формы обращения, гостеприимство, поздравления, подарки, поведение в общественных местах и другие темы, которые часто вызывают вопросы у изучающих русский язык.

Организационно работа строится по технологии «зигзаг» («ажурная пила»). На первом этапе слушатели распределяются по группам в соответствии с тематическими направлениями. На втором этапе каждая группа разрабатывает проектный лист: выделяет ключевые культурные факты, формулирует примеры типичных коммуникативных ситуаций и определяет возможные трудности для учащихся. Затем начинается экспертный обмен: представитель группы знакомит остальных участников с результатами обсуждения, после чего информация уточняется, сопоставляется и дополняется.

Принципиально важным является завершающий методический этап. Участники обсуждают, как представить материал школьникам разного возраста и уровня владения языком, какие задания будут уместны на уровнях *A1*, *A2* и *B1*, какие темы требуют визуальной опоры, а какие — проблемного обсуждения. Тем самым проектная сессия завершается не только содержательным обобщением, но и конструированием педагогических решений.

Методические механизмы эффективности проектной сессии. Эффективность предлагаемой модели обеспечивается несколькими механизмами. Первый из них связан с проблемной организацией материала: участники не получают готовые формулировки, а сами отбирают, классифицируют и интерпретируют культурные сведения. Это повышает уровень осмысленности и способствует развитию критического мышления. Второй механизм — распределение коммуникативной ответственности: в групповой и экспертной работе каждый слушатель выступает как носитель части общего результата, поэтому возрастает речевая активность и мотивация к точному выражению мысли.

Третий механизм связан с сочетанием содержательного и методического планов. Учитель не просто обсуждает культурный факт, но сразу соотносит его с задачами урока: выбирает форму подачи, прогнозирует возможные трудности, определяет речевые образцы и способы контроля понимания. Четвертый механизм — рефлексия межкультурных различий. Проектная сессия создает условия для корректного сопоставления культурных норм России и Узбекистана, что особенно важно для профилактики недопониманий и развития профессиональной деликатности.

Адаптационный потенциал модели. Представленная модель обладает выраженной вариативностью. Для старших школьников и слушателей курсов повышения квалификации она может реализовываться в полном объеме, включая экспертный обмен и методическую дискуссию. Для более младших групп возможно сокращение тематического поля и переход к визуальным продуктам: коллажу, карте понятий, тематическому постеру, короткой устной презентации. При этом сохраняется общий принцип: культурный материал обсуждается не изолированно, а в связи с речевой практикой.

Существенным достоинством модели является возможность ее переноса в разные образовательные контексты. Учитель может использовать отдельный тематический блок как основу одного урока, объединять несколько блоков в модуль или выстраивать на их основе внеурочное мероприятие. Тем самым проектная сессия выступает не единичным сценарием, а воспроизводимым методическим инструментом.

Результаты исследования. Результаты исследования подтверждают рабочую гипотезу о том, что проектная сессия выступает действенным средством развития социокультурной и межкультурной компетенций учителей РКИ именно в том случае, если она строится как целостный методический цикл, включающий содержательный анализ культурного материала, распределенную групповую работу, экспертный обмен и обязательную педагогическую адаптацию полученных выводов. Анализ хода апробации показал, что данный формат позволяет перевести обсуждение страноведческих сведений из информационно-описательной плоскости в профессионально-рефлексивную: участники не просто воспроизводят факты о России, а соотносят их с задачами преподавания, с возрастом и уровнем обучающихся, с типичными трудностями интерпретации и с выбором наиболее уместных способов языкового комментария. Охарактеризуем значимые результаты исследования:

1. **Изменение характера работы с культуроведческим материалом.** В ходе проектной сессии было выявлено, что тематические блоки, посвященные повседневной жизни, межличностным отношениям, ценностям, этикету и ритуалам, воспринимаются участниками не как набор разрозненных сведений, а как система взаимосвязанных культурных сценариев. Это особенно важно для повышения квалификации учителя РКИ, поскольку именно целостное понимание культурного контекста позволяет избежать схематичных объяснений и формального страноведения. Обсуждение конкретных ситуаций — гостеприимства, поздравлений, обращения к старшим, поведения в общественных местах, распределения семейных ролей — способствовало более точному осмыслению того, какие культурные различия действительно требуют специального комментария на уроке, а какие могут быть поняты учащимися через сопоставление с собственным опытом.

2. **Изменение качества профессионального речевого взаимодействия участников.** Групповая и экспертная работа показала, что проектная сессия стимулирует не только расширение социокультурной осведомленности, но и развитие навыков аргументации, уточнения понятий, сравнения культурных норм и формулирования методически значимых выводов. Наиболее продуктивными оказались те этапы, где педагоги должны были не просто представить информацию своей группы, а объяснить, почему тот или иной культурный факт важен для обучения русскому языку, какие коммуникативные риски он позволяет предупредить и какие речевые модели необходимо вводить в работу с учащимися. Тем самым в проектной сессии реализуется переход от описания культурного явления к его интерпретации и педагогической функции.

3. **Методическая трансформация материала.** В ходе обсуждения было установлено, что именно этап адаптации содержания для урока делает проектную сессию особенно ценной для системы повышения квалификации. Участники разрабатывали возможные формы перевода обсуждаемых тем в учебные действия: выделяли возрастные ограниче-

ния, определяли посильный объем культуроведческого комментария, подбирали речевые опоры, намечали варианты диалогических и проектных заданий для разных этапов обучения. В результате культурный материал становился не только предметом освоения, но и ресурсом конструирования конкретных сценариев урока. Это подтверждает, что профессиональная эффективность проектной сессии определяется не одним лишь обсуждением темы, а способностью участников встроить результаты обсуждения в будущую практику преподавания.

4. **Выявление выраженного рефлексивного эффекта.** Анализ обсуждений и итоговых высказываний показал, что работа над проектными листами побуждала педагогов фиксировать собственные интерпретационные затруднения, замечать устойчивые стереотипы и уточнять границы культурных обобщений. Иначе говоря, проектная сессия способствовала не только накоплению новых знаний о российской культуре, но и переосмыслению уже имеющихся представлений. Для учителя РКИ такой результат принципиален, поскольку профессиональная ошибка часто возникает не на уровне языка как системы, а на уровне чрезмерно общих или неточно сформулированных культурных комментариев. Развитие рефлексивной позиции позволяет сделать преподавание более точным, корректным и педагогически ответственным.

5. **Возможность дифференцированного применения модели в разных образовательных условиях.** В ходе апробации подтвердилось, что проектная сессия сохраняет свою методическую логику как при работе со слушателями курсов повышения квалификации, так и при переносе отдельных тематических блоков в школьную практику. При этом варьируются глубина анализа, тип речевых заданий, доля самостоятельности и формат итогового продукта, однако неизменным остается принцип: культурный материал обсуждается через речевое действие, сопоставление и последующую методическую переработку. Это позволяет рассматривать проектную сессию как гибкий, но при этом устойчивый формат, применимый в многоуровневой системе подготовки и сопровождения учителя РКИ.

6. **Подтверждение интегративного характера проектной сессии.** В рассматриваемом формате одновременно развиваются социокультурная осведомленность, навыки межкультурного анализа, речевая активность, умение работать в группе, готовность к экспертной дискуссии и способность проектировать задания для школьного урока. Такая совокупность результатов особенно значима для педагогической аудитории, поскольку позволяет соединить предметную, коммуникативную и методическую стороны профессиональной подготовки. В этом смысле проектная сессия выполняет двойную функцию: она является и средством обучения, и моделью будущей педагогической практики.

Таким образом, результаты исследования позволяют утверждать, что проектная сессия является не вспомогательным, а системно значимым инструментом повышения квалификации учителей РКИ. Ее дидактический эффект определяется сочетанием содержательной насыщенности, коллективного обсуждения, экспертного обмена, рефлексии и этапа педагогической адаптации. Именно эта совокупность компонентов обеспечивает доказательность выдвинутой рабочей гипотезы и позволяет рассматривать проектную сессию как продуктивный формат формирования у педагога способности осмысленно работать с культурным материалом, предупреждать межкультурные затруднения и выстраивать обучение русскому языку на основе принципов диалога культур.

Заключение, выводы

Проведенное исследование показало, что поставленная цель достигнута: проектная сессия может быть научно и методически обоснована как средство развития социокультурной и межкультурной компетенций учителей РКИ. Последовательное решение поставленных задач позволило проанализировать современное состояние проблемы, определить методические основания проектной сессии, описать ее структуру и тематическое содержание, а также выявить механизмы адаптации рассматриваемой модели к различным уровням языковой подготовки и условиям школьного обучения.

Обобщение результатов исследования позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, проектная сессия обеспечивает переход от фрагментарного усвоения страноведческих сведений к их профессионально ориентированной интерпретации. Учитель РКИ в таком формате работает не только с фактами культуры, но и с их методическим смыслом, т. е. понимает, какие именно элементы содержания должны быть специально пояснены учащимся и как это сделать педагогически корректно.

Во-вторых, проектная сессия демонстрирует выраженный интегративный потенциал, поскольку объединяет предметные, коммуникативные, межкультурные и рефлексивные результаты. Она позволяет одновременно расширять культурную осведомленность педагога, развивать его способность к аргументации и сопоставлению, а также формировать навыки проектирования учебных заданий, ориентированных на реальные трудности межкультурного общения.

В-третьих, обязательное включение этапа педагогической адаптации делает данный формат особенно значимым для системы повышения квалификации. Именно на этом

этапе результаты содержательного обсуждения превращаются в методические решения: уточняются возрастные и уровневые параметры, отбираются речевые опоры, прогнозируются возможные затруднения и намечаются способы включения культурного материала в урок русского языка как иностранного.

В-четвертых, исследование подтвердило, что развитие социокультурной и межкультурной компетенций учителя непосредственно связано с качеством его профессиональной рефлексии. Чем точнее педагог способен интерпретировать культурные различия, замечать коммуникативные риски и корректировать собственные комментарии, тем выше его готовность к эффективной работе в поликультурной аудитории.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная модель может быть использована в деятельности методических центров, на курсах повышения квалификации, при разработке школьных занятий, факультативов и модульных программ по русскому языку. В качестве рекомендации можно рассматривать включение проектных сессий в программы профессионального развития учителей РКИ как регулярного формата работы с культуроведческим компонентом, а не как эпизодического методического мероприятия.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой банка проектных листов по уровням владения языком, уточнением критериев оценки результативности проектной сессии, сравнительным анализом ее применения в разных образовательных средах, а также с изучением возможностей сочетания данного формата с цифровыми инструментами и технологиями искусственного интеллекта при сохранении ведущей роли преподавателя в межкультурной интерпретации материала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Филиппова В. М., Лешутина И. А., Азимов Э. Г. Проектная деятельность на занятиях РКИ как технология формирования социокультурной компетенции // *Язык и культура*. 2025. № 70. С. 261—275. DOI: 10.17223/19996195/70/13.
2. Краснощекова С. В., Шаламова Д. Д. Метод проектов в обучении иностранных студентов инженерно-технического профиля научному стилю речи // *Вопросы методики преподавания в вузе*. 2025. Т. 14. № 1. С. 113—125.
3. Панова Е. П., Фролова Н. Н., Чирич И. В., Рогожкин В. А. Опыт организации проектной деятельности на начальном этапе обучения РКИ в Московском политехническом университете // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 11-3(101). С. 154—158. DOI: 10.23670/IRJ.2020.101.11.101.
4. Дронова А. Л., Овчинникова О. Л., Писарь Н. В. Проектная деятельность с использованием креативных технологий и искусственного интеллекта на занятиях по русскому языку как иностранному // *Вестник Костромского государственного университета*. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30. № 3. С. 111—121. DOI: 10.34216/2073-1426-2024-30-3-111-121.
5. Карташова В. Н. Актуализация межкультурной компетенции обучающихся в процессе иноязычной подготовки в вузе (на примере праздников) // *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2024. Т. 18. № 1. С. 172—181.
6. Белова Н. А., Кашкарева Е. А. Комментарий культурно-исторических фактов как способ формирования межкультурной компетенции обучаемых на занятиях по русскому языку как иностранному // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2025. Т. 18. № 7. С. 2723—2731. DOI: 10.30853/phil20250380.
7. Толмачева Е. В., Пархомова Е. С., Легочкина Е. Н. Реализация национально-регионального компонента в обучении русскому языку студентов-иностранцев на проектной основе // *Известия Южного федерального университета. Филологические науки*. 2021. Т. 25. № 3. С. 163—171. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-3-163-171.
8. Бурмистрова Т. А., Колбасенкова А. Е. Национально-культурные особенности в языке и их учет в процессе обучения русскому языку как иностранному // *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 2(93). С. 290—293. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-290-293.
9. Веселовская Т. С., Купцова А. В. Категория вежливости и ее выражение в учебниках по РКИ // *Русский язык за рубежом*. 2024. № 5(306). С. 53—59.
10. Филиппова О. В. Диалог культур как принцип организации проектной деятельности иностранных студентов-филологов в процессе профессиональной подготовки // *Самарский научный вестник*. 2024. Т. 13. № 2. С. 222—227. DOI: 10.55355/snv2024132311.

11. Лютова Л. И., Гончар Л. В., Частухина Т. В. Возможности применения технологий искусственного интеллекта при изучении иностранного языка в вузе // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2024. № 7(145). DOI: 10.60797/IRJ.2024.145.182.
12. Соболева А. В., Обдалова О. А. Модель межкультурного речевого взаимодействия в цифровой среде при обучении иноязычной коммуникации // *Вестник Томского государственного университета*. 2023. № 497. С. 193—202.
13. Сысоев П. В., Филатов Е. М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранно-му // *Русистика*. 2024. Т. 22. № 2. С. 300—317. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317.
14. Боголепова С. В., Бабасян Е. Р. Возможности генеративного ИИ для оценочной обратной связи по специализированным заданиям // *Шатиловские чтения. Интеграция науки и практики в иноязычном образовании* : сб. науч. тр. СПб. : Политех-Пресс, 2025. С. 10—18. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id25-421.
15. Федосенко Е. В., Алимова Д. Х., Якубжанова М. К. Развитие социокультурных и межкультурных компетенций учителей РКИ в Узбекистане // *Актуальные вопросы экономики и управления, права, психологии и образования: роль семьи в современном обществе* : сб. науч. ст. ежегодной Всерос. конф. с междуна- р. участием науч.-пед. работников. СПб. : Сергеев Д. В., 2024. С. 48—52.

REFERENCES

1. Filippova V. M., Leshutina I. A., Azimov E. G. Project activity in RFL classes as a technology of the socio-cultural competence formation. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2025;70:261—275. (In Russ.) DOI: 10.17223/19996195/70/13.
2. Krasnoshchekova S. V., Shalamova D. D. Project-based learning in the framework of teaching academic speech style to foreign students in the field of engineering and technology. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze = Teaching methodology in higher education*. 2025;14(1):113—125. (In Russ.)
3. Panova E. P., Frolova N. N., Chirich I. V., Rogozhkin V. A. The experience of the organization of project activity at the initial stage of teaching Russian as a foreign language at the Moscow Polytechnic University. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2020;11-3(101):154—158. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2020.101.11.101.
4. Dronova A. L., Ovchinnikova O. L., Pizar N. V. Project activities using creative technologies and artificial intelligence in classes in Russian as a foreign language. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2024;30(3):111—121. (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2024-30-3-111-121.
5. Kartashova V. N. Actualization of the intercultural competence of students in the process of foreign language training at the university (on the example of holidays). *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = Russian journal of social sciences and humanities*. 2024;18(1):172—181. (In Russ.)
6. Belova N. A., Kashkareva E. A. Commentary on cultural and historical facts as a means of developing intercultural competence in Russian as a foreign language classes. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2025;18(7):2723—2731. (In Russ.) DOI: 10.30853/phil20250380.
7. Tolmacheva E. V., Parkhomova E. S., Legochkina E. N. Implementation of the National and Regional Component in Teaching Russian to Foreign Students on a Project Method. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2021;25(3):163—171. (In Russ.) DOI: 10.18522/1995-0640-2021-3-163-171.
8. Burmistrova T. A., Kolbasenkova A. E. National and cultural peculiarities in the language and their consideration in the process of teaching Russian as a foreign language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture and Education*. 2022;2(93):290—293. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-293-290-293.
9. Veselovskaya T. S., Kuptsova A. V. The category of politeness and its expression in Russian as a foreign language textbooks. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2024;5(306):53—59. (In Russ.)
10. Filippova O. V. Dialogue of cultures as a principle for organizing project activities of foreign philology students in the process of professional training. *Samarskii nauchnyi vestnik = Samara Journal of Science*. 2024;13(2):222—227. (In Russ.) DOI: 10.55355/snv2024132311.
11. Lyutova L. I., Gonchar L. V., Chastukhina T. V. Possibilities of application of artificial intelligence technologies in foreign language learning at universities. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2024;7(145). (In Russ.) DOI: 10.60797/IRJ.2024.145.182.
12. Soboлева А. В., Обдалова О. А. А model of intercultural speech interaction in digital environment in teaching foreign language communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. 2023;497:193—202. (In Russ.)
13. Sysoyev P. V., Filatov E. M. Artificial intelligence in teaching Russian as a foreign language. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2024;22(2):300—317. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317.
14. Bogolepova S. V., Babasian E. R. Analysis of the generative AI potential for evaluative feedback on specialised tasks. *Shatilovskie chteniya. Integratsiya nauki i praktiki v inoyazychnom obrazovanii = Shatilov Readings. Integration of science and practice in foreign language education. Collection of scientific articles*. Saint Petersburg, Politekh-Press, 2025:10—18. (In Russ.) DOI: 10.18720/SPBPU/2/id25-421.
15. Fedosenko E. V., Alimova D. H., Yakubzhanova M. K. Development of socio-cultural and cross-cultural competencies of teachers of Russian as a foreign language in Uzbekistan. *Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya, prava, psikhologii i obrazovaniya: rol' sem'i v sovremennom obshchestve = Topical issues of economics and management, law, psychology and education: the role of the family in modern society. Proceedings of the annual all-Russian conference with international participation of academic staff*. Saint Petersburg, D. V. Sergeev publ., 2024:48—52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.04.2026; одобрена после рецензирования 02.05.2026; принята к публикации 04.05.2026.
The article was submitted 11.04.2026; approved after reviewing 02.05.2026; accepted for publication 04.05.2026.

Научная статья
УДК 37.06+37.04
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1643

Irina Aleksandrovna Frolova

Head of the inclusive
 creative club “V.S.E. VMESTE”
 at the inclusive creative laboratory,
 “Ekiyat” Children’s Center;
 Master’s student
 of the Department of Higher School Pedagogy
 of the Institute of Psychology and Education,
 Kazan (Volga Region) Federal University
 Kazan, Russian Federation
 zajceva_frolova@mail.ru

Elvira Bayazitovna Gayazova

Candidate of Sociology,
 Associate Professor of Department of Industrial Management,
 Kazan National Research
 Technological University
 Kazan, Russian Federation
 klabpnr@gmail.com

Ирина Александровна Фролова

руководитель инклюзивного
 творческого клуба «В.С.Е.ВМЕСТЕ»
 инклюзивной творческой лаборатории,
 Детский центр «Экият»;
 студент магистратуры
 кафедры педагогики высшей школы
 Института психологии и образования,
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 Казань, Российская Федерация
 zajceva_frolova@mail.ru

Эльвира Баязитовна Гаязова

канд. социол. наук,
 доцент кафедры промышленного менеджмента,
 Казанский национальный исследовательский
 технологический университет
 Казань, Российская Федерация
 klabpnr@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕДАГОГА

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Инклюзивное образование сегодня является одним из ключевых приоритетов государственной образовательной политики и представляет собой важнейший социальный институт, обеспечивающий равные права и возможности всем учащимся, включая детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В условиях инклюзивного образования, где разнообразие потребностей учащихся становится нормой, ценностное отношение педагога к своей деятельности приобретает ключевое значение. В системе образования на любом уровне педагоги должны сформулировать единое понимание инклюзивной среды. Дополнительное профессиональное образование выступает важным инструментом осознанного выбора педагогами траектории своего развития, позволяя им адаптироваться к вызовам инклюзивной среды. В связи с этим целью представленного в статье исследования является отбор и структурирование содержания программы практического интенсива, развивающего ценностное отношение педагогов к инклюзии. Ведущий метод исследования — анкетирование слушателей Института развития образования Республики Татар-

стан, позволяющее выявить ключевые барьеры, препятствующие полноценной реализации инклюзии, прежде всего дефицит эмоционально-личностной готовности педагогов к работе с детьми с ОВЗ. В эксперименте приняли участие 50 педагогов дополнительной профессиональной программы профессиональной переподготовки «Практическая психология в системе образования». В статье раскрыты сущность и содержание ценностного отношения в профессиональной подготовке педагогов, описан разработанный авторский практический интенсив, направленный на ознакомление с особенностями работы с людьми с ОВЗ через инклюзивный опыт, а также развитие ценностного отношения педагогов к инклюзии и их эмоционально-личностной готовности к работе в инклюзивной образовательной среде.

Ключевые слова: инклюзия, ценностное отношение, дополнительное профессиональное образование, лица с ограниченными возможностями здоровья, практический интенсив, педагогика, система образования, педагогический состав, эмоциональная готовность, подготовка педагогов, система ценностей

Благодарность: авторы выражают искреннюю благодарность администрации Института развития образования Республики Татарстан за оказанное доверие, всестороннюю организационную и методическую поддержку в процессе проведения исследования. Отдельная признательность за содействие в формировании репрезентативной выборки респондентов и создании условий для успешной реализации экспериментальной части работы.

Для цитирования: Фролова И. А., Гаязова Э. Б. Формирование инклюзивной культуры педагога // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 531—538. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1643.

Original article

TEACHER'S INCLUSIVE CULTURE DEVELOPMENT

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *Inclusive education today is one of the key priorities of state educational policy and represents a crucial social institution that ensures equal rights and opportunities for all students, including children with disabilities. In the context of inclusive education, where the diversity of students' needs becomes the norm, the value-based attitude of educators towards their work acquires key importance. Across all levels of the education system, teachers must develop a shared understanding of an inclusive environment. Continuing professional development serves as an important tool for educators to make informed choices about their professional growth trajectory, enabling them to adapt to the challenges of an inclusive educational setting. Accordingly, the aim of this article is to select and structure the content of a practical intensive program designed to foster educators' value-based attitude towards inclusion. The main research method is a survey of trainees at the Institute for Educational Development of the Republic of Tatarstan. This approach*

helps identify the key barriers hindering the full implementation of inclusion - primarily the lack of emotional and personal readiness among educators to work with children with disabilities. The experiment involved 50 educators participating in the additional professional retraining program entitled "Practical Psychology in the Education System". The article reveals the nature and content of value-based attitudes in teacher training, introduces the developed author's practical intensive course, and describes how it enlightens educators on the specific aspects of working with people with disabilities through inclusive experience; fosters educators' value-based attitude towards inclusion; enhances their emotional and personal readiness to work in an inclusive educational environment.

Keywords: *inclusion, value-based attitude, additional professional education, persons with disabilities, practical intensive course, pedagogy, education system, teaching staff, emotional readiness, teacher training, value system*

Acknowledgements: The authors express their sincere gratitude to the administration of the Institute for Education Development of the Republic of Tatarstan for the trust placed in us, as well as for the comprehensive organisational and methodological support during the course of the research. Special thanks are due for the assistance provided in forming a representative sample of respondents and in creating the conditions necessary for the successful implementation of the experimental part of the work.

For citation: Frolova I. A., Gayazova E. B. Teacher's inclusive culture development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):531—538 DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1643.

Введение

Актуальность. В мире и в России сейчас растет потребность в создании безбарьерной образовательной среды, что предполагает обеспечения равных прав и возможностей для всех обучающихся. Однако система образования на любом уровне предполагает наличие субъект-субъектных взаимоотношений. Обучающий субъект должен находиться в том же информационном, правовом и ценностном поле инклюзии. Согласно данным Минпросвещения РФ, всего на начало 2024/25 учебного года в системе общего образования обучались 17 988 139 чел., из них 1 026 990 — школьники с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ) и инвалидностью. Если будет сформирована инклюзивная культура на базе одной ступени образования, ее можно будет распространить и масштабировать на всю систему.

Исследование ценностного отношения педагогов к инклюзии в контексте дополнительного профессионального образования (далее — ДПО) обусловлена трансформационными процессами в современной образовательной системе, ориентированной на развитие инклюзивных практик [1]. Инклюзивное образование является приоритетным направлением государственной образовательной политики и представляет собой ключевой социальный институт, обеспечивающий реализацию принципа равных прав и возможностей для всех обучающихся, в т. ч. детей с ОВЗ.

Изученность проблемы. Исследуемая проблематика подкреплена различными международными нормативными актами, такими как Саламанкская декларация, Конвенция о правах инвалидов и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

В России этот процесс регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», который юридически закрепляет право на обучение для лиц с ОВЗ и определяет инклюзию как обязательную составляющую образовательной практики.

В современной педагогической науке исследованию ценностного отношения педагогов к инклюзивной образовательной среде уделяется значительное внимание ученых всего мира. Российские ученые-исследователи Н. А. Глузман и В. А. Романов анализируют особенности восприятия инклюзии студентами педагогических направлений, сопоставляя отечественные и зарубежные практики [2, с. 120]. Д. В. Дементьева и И. Л. Федотенко рассматривают процесс развития у будущих педагогов-психологов ценностного отношения к детям с особыми образовательными потребностями, подчеркивая значимость психологической готовности к работе в инклюзивной среде [3, с. 35]. В свою очередь, М. Ю. Айбазова и Ф. Р. Кантлокова акцентируют внимание на формировании в обществе ценностных установок, поддерживающих инклюзивное образование, как важном факторе его успешной реализации [4, с. 86]. А. П. Сманцер исследует приоритеты и смысловые установки студентов классического университета в отношении инклюзивного образования, выявляя особенности их ценностных ориентаций [5, с. 3]. Данные работы подчеркивают комплексный характер проблемы формирования и развития ценностного отношения педагогов к инклюзивной образовательной среде.

Зарубежные ученые И. Лакрус-Перес, П. Санс-Сервера, Р. Таррага-Мингес описывают сложность развития ценностного отношения педагогов к инклюзии из-за необходимости внедрения инклюзивных практик из-за дефицита

человеческих, материальных и организационных ресурсов для этого [6]. В этой ситуации авторами предлагается внедрение концептуального подхода к инклюзии, основанного на поощрении педагогов (а не на требовании) при внедрении ими инклюзивных практик. Исследуются различные отношения учителей обычных (общеобразовательных) школ к внедрению инклюзии в классах начальной и средней школы. Авторами предпринимается попытка учесть необходимость лучшего понимания отношения учителей к инклюзии и того, как можно улучшить инклюзивную образовательную среду.

Ф. Лаутенбах и А. Хейдер в своих исследованиях опирались на важность положительного отношения к инклюзивности как одного из важнейших факторов успеха инклюзивного образования в школе [7, р. 232]. Т. Д. Черешенко исследует проблему отсутствия или недостаточной профессиональной подготовки учителей по инклюзивному образованию. Возникает проблема организации работы самих педагогических заведений [8, с. 160].

Формируется проблемное поле масштабирования инклюзивной культуры на другие уровни образования (включая высшее и послевузовское), а также другие сферы социума. Так, И. К. Русакович, А. В. Киселева, М. Д. Титовец представляют инновационный социально-образовательный проект «Ожившие картины», который реализует двусторонний подход к инклюзии через искусство. Проект демонстрирует, как искусство может стать мостом между инклюзивным образованием и творческим развитием [9, с. 148].

Т. А. Лапина [10] и Я. Б. Карнаухова [11] анализируют возможности формирования профессиональных компетенций у детей и студентов с особыми потребностями, что сегодня ставит в ситуацию полного замешательства учителей и преподавателей.

Анализ степени изученности темы показал, что теоретико-методологическое обоснование должно быть построено на государственной стратегии [12, с. 238]. Анализ отечественной и зарубежной литературы позволяет сделать вывод, что ценностное отношение педагога к инклюзии является ключевым фактором успешности инклюзивной образовательной среды. Отечественные исследования в большей степени сосредоточены на целенаправленном развитии этого отношения на этапе профессиональной подготовки будущих педагогов, их смысловых установок и ценностных ориентаций. Зарубежные исследования делают акцент на отношении практикующих педагогов в контексте системных ограничений (дефицит ресурсов, организационные барьеры) и предлагают подходы, направленные не на принуждение, а на поддержку и поощрение педагогов.

Однако проведенный анализ литературы позволяет выявить ряд нерешенных вопросов и существенных пробелов в данной сфере. В частности, недостаточно изученной остается тема структурного представления ценностного отношения педагогов к инклюзивной образовательной среде, что затрудняет его целенаправленное формирование, развитие и диагностику. Также следует отметить отсутствие данных эмпирических исследований, фокусирующихся на особенностях развития ценностного отношения к инклюзии у педагогов в системе ДПО. Кроме того, в научной литературе существует дефицит описания конкретных инклюзивных практик и технологий, эффективно способствующих развитию ценностного отношения на этапе профессионального пути педагога.

Целесообразность разработки темы. Наличие правовых норм не обеспечивает качественной реализации инклюзивного образования. Главной проблемой выступает недостаточная готовность педагогов к работе в инклюзии на эмоционально-ценностном уровне.

В ходе исследования, проведенного в 2018 г. специалистами Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования, было проанализировано ценностное отношение педагогических коллективов общеобразовательных школ Москвы, Тулы, Екатеринбурга, Калуги, Перми и Московской области к инклюзивному образованию [13]. Результаты исследования показали, что далеко не все педагоги поддерживают идею инклюзии: лишь 5 % респондентов выступают за обучение детей с нарушениями развития в массовых школах, в то время как 48 % считают для таких детей целесообразным обучение в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях. Такая позиция объясняется убеждением педагогов, что именно в специализированных школах созданы наиболее благоприятные условия для обучения и всестороннего развития детей с ОВЗ.

Исследование Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ (2022) выявило, что около 40 % российских учителей не чувствуют себя готовыми к профессиональной деятельности с детьми с ОВЗ [14, с. 59]. Это связано не столько с нехваткой методических навыков, но и с отсутствием сформированного гуманистического и эмпатийного отношения, которое является фундаментом инклюзивного образования [15, с. 67].

Данные проведенных исследований указывают на системную проблему: ДПО, лишенное акцента на ценностях, воспроизводит стереотипы и страх перед «инаковостью», блокируя создание равноправной инклюзивной среды. Важно понимать, что инклюзия — не только адаптация инфраструктуры, но и трансформация сознания педагогов, их способности видеть в каждом обучающемся субъект образования независимо от его индивидуальных особенностей и физиологических проблем. Без данного аспекта даже самые успешные образовательные методики останутся невостребованными, а право на инклюзию — нереализованным.

Проблематика исследования связана с поиском путей интеграции ценностного компонента в систему ДПО. Это требует переосмысления и коррекции образовательных программ — введения тренингов, моделирующих реальные ситуации взаимодействия с детьми с особыми образовательными потребностями, а также развития рефлексивных практик, которые помогают педагогам выявлять и преодолевать внутренние барьеры, связанные со «страхом инаковости» и стереотипами. Важной стратегией становится сотрудничество образовательных учреждений, реализующих программы повышения квалификации с инклюзивными площадками: детскими садами, инклюзивными школами, техникумами и инклюзивными творческими лабораториями Министерства культуры России (2021) [13], что способствует обмену практическим опытом и успешными педагогическими практиками.

В связи с вышеизложенным, **целью** настоящей статьи является изучение ценностного отношения педагога к инклюзивной образовательной среде в системе ДПО. Обозначенная цель достигается посредством решения таких **задач**, как отбор и структурирование содержания программы практического авторского интенсива

«Мастерская инклюзивного педагога», основанного на моделировании инклюзивного опыта, а также развитие ценностного отношения педагогов к работе в инклюзивной образовательной среде.

Теоретическая значимость статьи заключается в систематизации и углублении научных представлений о структуре и содержании ценностного отношения педагога к инклюзивной образовательной среде, а также служит теоретической основой для дальнейших исследований в области подготовки педагогических кадров для инклюзивной практики.

Практическая ценность статьи заключается в разработке конкретного методического инструментария для системы ДПО, направленного на развитие ценностного отношения педагогов к инклюзии. Ключевым практическим результатом является программа практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога», основанная на моделировании инклюзивного опыта, который позволяет педагогам преодолевать барьеры и осваивать эффективные стратегии взаимодействия с обучающимися с ОВЗ.

Научная новизна. Данное исследование предлагает принципиально новый подход к развитию ценностного отношения педагогов системе ДПО, повышающий их эмоционально-личностную готовность к работе в инклюзивной образовательной среде. На основе эмпирического исследования предложен методологический подход к развитию ценностного отношения педагогов в системе ДПО, основанный на интеграции когнитивного, аффективного, деятельностного и творческого компонентов.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Для реализации поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские *гипотезы*:

- у большинства педагогов, проходящих профессиональную переподготовку, преобладают негативные или нейтральные установки по отношению к инклюзии, обусловленные в первую очередь дефицитом эмоциональной (аффективной) готовности, а не недостатком знаний;
- внедрение в ДПО специально разработанного практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога», направленного на рефлексию и эмоциональное вовлечение, окажет положительную динамику в развитии ценностного отношения педагогов к инклюзивной среде.

В основу интенсива «Мастерская инклюзивного педагога» была положена идея интеграции когнитивного, аффективного, деятельностного и творческого компонентов, предполагающая активное погружение слушателей в лучшие практики Инклюзивной творческой лаборатории Детского центра «Экият». Программа интенсива рассчитана на четыре дня и структурирована в четыре последовательных модуля:

- Модуль 1 **«Инклюзивная образовательная среда: от теории к эффективной практике»** посвящен анализу и проектированию базовых основ инклюзии, включая организацию пространства, коммуникацию и правила поведения в инклюзивной образовательной группе.
- Модуль 2 **«Адаптивные игры»** включает техники адаптивных игр и нейрогимнастики как инструментов развития когнитивных функций, стимулирования мозговой деятельности, улучшения памяти, моторики и социального взаимодействия обучающихся.

- Модуль 3 **«Умные руки»** разработан на основе внедрения в обучение элементов рукоделия в качестве развивающего средства (работа с тканью, природными материалами и т. п.) с целью коррекции эмоционально-волевой сферы, а также развития мелкой моторики.

- Модуль 4 **«Жили-были...»** — заключительный модуль, представляющий собой информационный блок о пользе сказкотерапии, а также мастер-класс «Сказки на столе» по применению сказочных историй в работе с людьми с ОВЗ [3].

Экспериментальные рамки данного исследования предполагали проведение линейного педагогического эксперимента с использованием метода анкетирования на одной группе испытуемых с замером показателей до и после воздействия (практического интенсива).

В качестве ведущей методики исследования была выбрана шкала многомерных отношений к инклюзивному образованию (*Multidimensional Attitudes toward Inclusive Education Scale*; далее — *MATIES*), разработанная Мариан Махат (Университет Монаша, 2008) для эффективного измерения аффективного, когнитивного и поведенческого компонентов отношения педагогов к инклюзивному образованию, а также разработанный Г. В. Ожигановой опросник «Творческая мотивация» [10], направленный на изучение высших творческих способностей педагогов, таких как мотивация творческого самовыражения, бескорыстная мотивация создания творческого продукта, духовно-нравственная направленность творчества, свобода творчества, возвышающие человека трансцендентные переживания.

Выбор данных методов и методик был обусловлен: необходимостью верификации выдвинутых гипотез, требующих количественной и качественной оценки изменений в отношении педагогов; соответствием инструментов *MATIES* и опросника «Творческая мотивация» цели исследования, позволяющими дифференцированно оценить четыре ключевых компонента ценностного отношения педагога к инклюзии: когнитивный, аффективный, поведенческий и творческий; возможностью получить объективные данные для выявления «слабых звеньев» в структуре ценностного отношения педагогов к инклюзии.

В качестве экспериментальной базы исследования явилось анкетирование слушателей Института развития образования Республики Татарстан. В эксперименте приняли участие 50 педагогов. Выбор данной экспериментальной базы был обусловлен тем, что Институт развития образования является одним из ключевых центров дополнительного профессионального педагогического образования в Республике Татарстан; испытуемые имеют базовое педагогическое образование и, вероятно, практический опыт, что делает их отношение к инклюзии более осознанным и релевантным для исследования; слушатели программы «Практическая психология» напрямую связаны с необходимостью формирования компетенций для работы в инклюзивной среде.

Эксперимент проводился в два этапа:

- Первый этап экспериментального исследования предполагал констатирующий срез. На данном этапе у всех 50 участников исследуемой группы с помощью шкалы *MATIES* и опросника «Творческая мотивация» измерялись исходные (базовые) уровни развития аффективного, когнитивного, поведенческого, а также творческого компонентов

отношения к инклюзии. Параллельно проводился анализ современного состояния проблемы в педагогической теории и практике для теоретического обоснования программы формирующего воздействия.

- На втором этапе эксперимента проводилось формирующее воздействие в виде практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога», разработанного автором. После его проведения с помощью той же шкалы *MATIES* и опросника «Творческая мотивация» осуществлялся контрольный замер показателей. Полученные результаты сравнивались с исходными данными первого этапа, систематизировались и подвергались анализу для оценки динамики и эффективности проведенного интенсива.

Совокупность данных этапов эксперимента обеспечивалась соблюдением процедуры исследования (единые условия проведения анкетирования, идентичный инструментарий), а также содержательным единством: программа практического интенсива была целенаправленно разработана для воздействия на выявленные на первом этапе дефициты, в первую очередь — на эмоциональный (аффективный) и творческий компоненты.

Данные критерии были проверены с помощью сравнительного анализа результатов. Для оценки достоверности различий между двумя замерами (до и после практического интенсива) использовались методы математической статистики, а также расчет динамического изменения величины.

Результаты и обсуждение исследования. Алгоритм эксперимента и его поэтапный диагностический инструментарий можно представить следующим образом:

Первый этап линейного эксперимента включал диагностику ценностного отношения педагогов к инклюзии до формирующего воздействия (практического интенсива). В контрольном этапе приняли участие 50 педагогов общеобразовательных и дошкольных учреждений. В выборку вошли воспитатели дошкольных образовательных учреждений, учителя начальных классов и предметники, преподаватели, логопеды, тьюторы и административный персонал.

Для сбора данных использовался специализированный опросник «Ценностное отношение педагогов к инклюзии», структурированный по следующим блокам: когнитивный компонент, аффективный компонент, поведенческий компонент [шкала от 1 («Полностью не согласен») до 4 («Полностью согласен»)] и творческий компонент [шкала от 1 («Полностью не согласен») до 5 («Полностью согласен»)].

При анализе результатов когнитивных установок на контрольном этапе эксперимента было выявлено наличие противоречия в сознании педагогов. С одной стороны, наблюдается согласие с базовыми принципами инклюзии: 72 % респондентов согласны, что инклюзивная среда обеспечивает академический прогресс всем обучающимся, а 81 % признают, что инклюзия способствует социализации. С другой стороны, сохраняются устойчивые стереотипные представления: 44 % опрошенных в той или иной степени поддерживают идею о необходимости обучения детей с ОВЗ в специальных учреждениях, аргументируя это риском отторжения в обычной школе. Данный результат свидетельствует о поверхностном, несистемном усвоении знаний об инклюзии и наличии страхов, связанных с социальным взаимодействием в инклюзивной группе.

При анализе результатов по аффективному компоненту мы получили наиболее проблемную картину. Наибольший уровень эмоционального неблагополучия педагоги связывают с необходимостью адаптации учебной программы. Более 65 % респондентов отметили, что испытывают стресс. Это указывает на дефицит практических компетенций и ощущение профессиональной несостоятельности в условиях инклюзивной среды.

Также значительная часть педагогов испытывает дискомфорт при объединении обучающихся с ОВЗ и нормотипичных (нейротипичных) сверстников (48 %), а также трудности в коммуникации (42 %). Эти данные коррелируют с результатами когнитивного блока и подтверждают нашу гипотезу о том, что негативные установки по отношению к инклюзии у педагогов обусловлены, в первую очередь, дефицитом эмоциональной (аффективной) готовности.

Анализ поведенческих интенций показал, что общая готовность к действиям ниже, чем уровень когнитивного принятия. Ответы педагогов продемонстрировали готовность к поощрению социального участия и адаптации программы, чем к физическому включению детей с тяжелыми нарушениями или изменению образовательной среды.

При анализе творческой мотивации педагогов была зафиксирована выраженная зависимость творческой активности от условий ее реализации.

Так, 74 % респондентов указали, что могут заниматься творчеством только при наличии свободы выбора и личной заинтересованности. Это указывает на то, что административно-регламентированные требования к инклюзивному образованию могут блокировать творческий потенциал педагога.

Второй этап линейного педагогического эксперимента включал проведение практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога», после чего с той же выборкой респондентов был проведен повторный опрос с целью выявления динамики и измерения эффекта от вмешательства.

Полученные результаты показали положительную динамику по всем ключевым компонентам ценностного отношения педагогов к инклюзии.

Так, с утверждением «Инклюзивная среда обеспечивает академический прогресс всем» согласились или полностью согласились 96 %. С утверждением, что «Инклюзия способствует социализации всех» согласились или полностью согласились 94 %, что выше исходных 81 %. Наиболее показательный результат — изменение отношения к необходимости специальных учреждений: с утверждением «Обучающиеся с ОВЗ должны обучаться в специальных учреждениях» не согласились 32 респондента (64 %). На первом этапе эксперимента эту идею поддерживали 44 % педагогов. Это свидетельствует о существенном сдвиге в сторону принятия инклюзивной образовательной модели и преодоления одного из ключевых стереотипов.

Наиболее проблемная зона аффективного компонента ценностного отношения педагогов к инклюзии по результатам первого этапа эксперимента, на втором этапе показала максимальную положительную динамику. Эмоциональное состояние педагогов значительно улучшилось, что свидетельствует о росте их аффективной готовности и уверенности в своих силах. С утверждением «Испытываю стресс при адаптации учебной программы» не согласились 86 % респондентов. Это кардинальное улучшение по сравнению с исходными 65 %, которые испытывали стресс. Практический интенсив «Мастерская инклюзивного

педагога», по нашему мнению, дал педагогам конкретные инструменты, что позволило снизить уровень тревоги и профессиональной несостоятельности.

С утверждением «Испытываю дискомфорт, объединяя обучающихся с ОВЗ и нормотипичных» не согласились 44 респондента (88 %), что говорит о значительном росте по сравнению с 48 % на первом этапе.

Результаты также демонстрируют снижение трудностей в коммуникации педагогов с детьми с ОВЗ. С утверждением «Меня раздражает, когда я не могу понять обучающихся с ОВЗ» не согласились 94 % респондентов против 42 % на первом этапе эксперимента.

Анализ поведенческих интенций показал заметный сдвиг в готовности педагогов к более сложным изменениям. Общая готовность к действиям возросла, особенно в тех аспектах, которые изначально вызывали наибольшие опасения. Однако, 86 % респондентов не готовы физически включить обучающихся с тяжелыми формами инвалидно-

сти в обычную образовательную среду, а 37 респондентов (74 %) не готовы изменить физическую среду чтобы включить обучающегося с ОВЗ в обычный класс.

Для количественной оценки эффективности формирующего воздействия (практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога») был проведен замер уровня творческой мотивации по трем шкалам на первом и втором этапах эксперимента. Обработка результатов производилась методом подсчета суммарного группового балла с последующим расчетом процентного прироста для определения статистически значимой динамики.

Расчет динамического изменения величины. Для расчета использовалась формула:

$$[(\text{Итоговое значение} - \text{Исходное значение}) / \text{Исходное значение}] \times 100 \%$$

Результаты расчета по шкалам представлены в таблице.

Результаты количественной оценки эффективности воздействия

Шкала	Уровень, баллы		Прирост	
	исходный	итоговый	абсолютный, баллы	относительный, %
Мотивация творческого самовыражения	1 066	1 336	270	25,3
Бескорыстная мотивация творчества	1 021	1 127	106	10,4
Духовно-нравственная направленность и свобода творчества	1 113	1 271	158	14,2

Приведенные результаты свидетельствуют о комплексном позитивном воздействии практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога» на структуру творческой мотивации педагогов.

Наибольшая динамика наблюдается в сфере мотивации самовыражения (+25,3 %), что позволяет сделать вывод о мощном раскрытии личностно-творческого потенциала педагогов. Данные демонстрируют значительный рост внутренней мотивации. Согласились с тем, что творчество вызывает у них огромный интерес, 42 чел. (84 %), 48 чел. (96 %) — что получают удовольствие от самого процесса творчества. Опираясь на полученные результаты, можно сделать вывод, что практический интенсив «Мастерская инклюзивного педагога» способствовал активизации внутренней и альтруистической мотивации педагогов.

Выводы

Резюмируя полученные в статье результаты, следует констатировать их соответствие выводам И. Лакрус-Перес, П. Санс-Сервера, Р. Таррага-Мингеса [6]. Испанские исследователи указывают на проблему, заключающуюся в трудности формирования ценностного отношения педагогов к инклюзии на фоне дефицита кадровых, материальных и организационных ресурсов. В качестве альтернативы административному давлению, они предлагают концептуальный подход, основанный на принципах поощрения и поддержки педагогических инициатив. Эмпирические данные, полученные на первом этапе линейного эксперимента, верифицируют эту позицию. Установлено, что 74 % респондентов демонстрируют выраженную зависимость творческой активности от наличия свободы выбора и личной заинтересованности. Этот факт служит прямым свидетельством того, что административно-регламентированный характер внедрения инклюзивных практик выступает сдерживающим фактором для реализации творческого потенциала педагога, подтверждая тезис зарубежных коллег.

Однако, в отличие от выводов испанских коллег, настоящее исследование эмпирически доказывает эффективность конкретного пути ее решения. По результатам исследования доказана действенность предлагаемого в статье практического интенсива «Мастерская инклюзивного педагога». Проведенный практический интенсив «Мастерская инклюзивного педагога» показал, что создание условий для личной заинтересованности и профессиональной свободы приводит к значительному развитию ценностного отношения педагогов к инклюзивной образовательной среде.

Практический интенсив «Мастерская инклюзивного педагога» оказал положительное влияние на ценностное отношение педагогов к инклюзии. Выдвинутая гипотеза исследования подтвердилась: зафиксирована положительная динамика по всем измеряемым компонентам.

Наибольший эффект достигнут в аффективной и творческой сферах. Существенно снижен уровень стресса, дискомфорта и раздражения. Таким образом, инклюзия начинает восприниматься педагогами не как административное требование, а как пространство для личностной и профессиональной самореализации, что является фундаментом для устойчивой и эффективной инклюзивной практики.

Проблемы, с которыми столкнулись в процессе исследования, заключались в организационной сложности формирования стабильной выборки педагогов в условиях ДПО, готовых принять участие в полном цикле эксперимента.

Данное исследование не исчерпывает всех возможностей изучения ценностного отношения к инклюзии. Остаются открытыми вопросы о влиянии организационного климата образовательного учреждения и роли административной команды в поддержании инклюзивной практики.

В перспективе планируется адаптировать модель практического интенсива для различных категорий педагогических работников (например, для преподавателей системы среднего профессионального и высшего образования), а также разработать на его основе цифровой образовательный ресурс для дистанционного формата обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алехина С. В., Алексеева М. Н., Агафонова Е. Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании. Особенности формирования инклюзивной компетентности у будущих педагогов в вузе // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 1. С. 83—92.
2. Глузман Н. А., Романов В. А. Отношение будущих учителей к инклюзивному образованию в контексте отечественного и зарубежного опыта // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 85. Ч. 1. С. 117—122.
3. Дементьева Д. В., Федотенко И. Л. Формирование у будущих педагогов-психологов ценностного отношения к детям с особыми образовательными потребностями // Психолого-педагогические исследования — Тульскому региону : сб. материалов II Регион. науч.-практ. конф. магистрантов, аспирантов, стажеров. Чебоксары : Среда, 2022. С. 33—39.
4. Айбазова М. Ю., Кантлокова Ф. Р. К вопросу о формировании ценностного отношения общества к инклюзивному образованию // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2020. № 1(26). С. 83—87. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-83-87.
5. Сманцер А. П. Приоритеты и ценностно-смысловое отношение к инклюзивному образованию: глазами студентов классического университета // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2015. № 7. С. 2—8.
6. Lacruz-Pérez I., Sanz-Cervera P., Tárraga-Mínguez R. Teachers' Attitudes toward Educational Inclusion in Spain: A Systematic Review // Education Sciences. 2021. Vol. 11. Iss. 2. Art. 58. DOI: 10.3390/educsci11020058.
7. Lautenbach F., Heyder A. Changing attitudes to inclusion in preservice teacher education: a systematic review // Educational Research. 2019. Vol. 61. Iss. 2. Pp. 231—253. DOI: 10.1080/00131881.2019.1596035.
8. Черешенко Т. Д. Проблемы готовности педагогов к работе в условиях инклюзивного образования // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 105. Ч. 2. С. 158—161. DOI: 10.18411/trnio-01-2024-107.
9. Русакович И. К., Киселева А. В., Титовец М. Д. Реализация идеи «инклюзия в искусстве — искусство в инклюзии» в социально-образовательном проекте «Ожившие картины» // Специальное образование. 2025. № 1(77). С. 139—151.
10. Лапина Т. А., Григорьева Е. Н. Преподавание лексики учащимся с ограниченными возможностями на уроках английского языка в рамках инклюзивного образования // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2022. № 3(38). С. 132—135.
11. Карнаухова Я. Б. Формирование понимания полисемантического словаря у дошкольников с нарушением речи с использованием знаково-символических средств // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 89. Ч. 4. С. 180—183.
12. Гаязова Э. Б. Разработка цифрового кейса в обучении (на примере гуманитарных направлений подготовки в КНИТУ) // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 12(153). Т. 19. С. 232—241. DOI: 10.36871/ek.ur.p.r.2024.12.19.025.
13. Вашетина О. В., Фролова И. А. Дидактическая сказка как средство формирования ценностного отношения к инклюзивной образовательной среде // X Андреевские чтения : Современные концепции и технологии творческого саморазвития личности : сб. ст. участников Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань : Логос-Пресс, 2025. С. 141—151.
14. Жимаева Е. М., Ковалев Е. В. Развитие позитивного эмоционально-ценностного отношения к обучающимся с ОВЗ // Социальная педагогика в России. 2018. № 6. С. 58—61.
15. Шуакбаева Ж. Р., Оспанова Б. К. Инклюзивное образование в Казахстане: инклюзивная компетентность будущих педагогов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы : материалы XVII Международной научно-практической конференции. М. : РУДН, 2024. С. 66—69. (На англ. яз.)

REFERENCES

1. Alekhina S. V., Alekseeva M. N., Agafonova E. L. Preparedness of Teachers as the Main Factor of Success of the Inclusive Process in Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2011;16(1): 83—92. (In Russ.)
2. Gluzman N. A., Romanov V. A. Attitude of future teachers to inclusive education in the context of domestic and foreign experience. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2024;85(1): 117—122. (In Russ.)
3. Dement'eva D. V., Fedotenko I. L. Formation of value attitude towards children with special educational needs among future educational psychologists. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya — Tul'skomu region = Psychological and Pedagogical Research – Tula Region. Collection of materials of the II Regional Scientific and practical Conference of undergraduates, postgraduates, interns*. Cheboksary, Sreda, 2022:33—39. (In Russ.)
4. Aybazova M. Yu., Kantlokova F. R. Revisiting the formation of a values-based attitude of society to inclusive education. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research*. 2020;1(26):83—87. (In Russ.) DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-83-87.
5. Smantser A. P. Priorities and valuable-semantic relation to inclusive education: eyes of students of classical university. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part E. Pedagogic Sciences*. 2015;7:2—8. (In Russ.)
6. Lacruz-Pérez I., Sanz-Cervera P., Tárraga-Mínguez R. Teachers' Attitudes toward Educational Inclusion in Spain: A Systematic Review. *Education Sciences*. 2021;11(2):58. DOI: 10.3390/educsci11020058.
7. Lautenbach F., Heyder A. Changing attitudes to inclusion in preservice teacher education: a systematic review. *Educational Research*. 2019;61(2):231—253. DOI: 10.1080/00131881.2019.1596035.

8. Chereschenko T. D. Problems of teachers' readiness to work in inclusive educational environment. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2024;105(2):158—161. (In Russ.) DOI: 10.18411/trnio-01-2024-107.
9. Rusakovich I. K., Kiseleva A. V., Titovets M. D. A realization of the idea of “inclusion in art - art in inclusion” in the sosio-educational project “Living pictures”. *Spetsial'noe obrazovanie = Special education*. 2025;1(77):139—151. (In Russ.)
10. Lapina T. A., Grigorjeva E. N. Teaching Vocabulary to Students With Limited Health Opportunities in English Classes According to Inclusive Education. *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Naberezhnye Chelny state pedagogical University*. 2022;3(38):132—135. (In Russ.)
11. Karnaukhova Ya. B. Formation of understanding of polysemantic dictionary in preschoolers with speech disorders using sign-symbolic means. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;89(4):180—183. (In Russ.)
12. Gayazova E. B. Developing a digital case study in training (on the example of humanities courses at KNRTU). *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024;12(153)-19:232—241. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.19.025.
13. Vashetina O. V., Frolova I. A. Didactic fairy tale as a means of developing a value attitude towards inclusive educational environment. *Sovremennye kontseptsii i tekhnologii tvorcheskogo samorazvitiya lichnosti = Modern concepts and technologies of creative self-development of personality. X Andreev Readings. Collection of articles by participants of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Logos-Press, 2025:141—151. (In Russ.)
14. Zhimayeva E.M., Kovalev E.V. Development of the positive emotional and valuable attitude towards school children with disabilities. *Sotsial'naya pedagogika v Rossii*. 2018;6:58—61. (In Russ.)
15. Shuakbayeva Zh. R., Ospanova B. K. Inclusive education in Kazakhstan: inclusive competence of future teachers. *Vysshaya shkola: opyt, problemy, perspektivy = Higher education: experience, problems, prospects. Proceedings of the XVII International scientific and practical conference*. Moscow, RUDN University publ., 2024:66—69.

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 16.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.

The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 16.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

Научная статья
УДК 376.5
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1658

Regina Aleksandrovna Antipova
Lecturer of University College,
Postgraduate of the Department of Pedagogy, Psychology
and Social Work,
field of training
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Volgograd State University
Volgograd, Russian Federation
kudinova-r99@mail.ru

Регина Александровна Антипова
преподаватель университетского колледжа,
аспирант кафедры педагогики, психологии
и социальной работы,
направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
Волгоградский государственный университет
Волгоград, Российская Федерация
kudinova-r99@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ ОДАРЕННОСТИ С АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТЬЮ И АДАПТАЦИЕЙ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТСКОГО КОЛЛЕДЖА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Актуальность представленного в статье исследования обусловлена недостаточной изученностью взаимосвязи интеллектуальной и творческой одаренности с академической успеваемостью и адаптацией студентов университетского колледжа — специфической образовательной организации, совмещающей общеобразовательную и профессиональную подготовку обучающихся 15—18 лет. Цель работы — корреляционный анализ взаимосвязи уровня одаренности, академической успеваемости и адаптации студентов университетского колледжа. В исследовании принял участие 101 студент I—II курсов. Использовались тест «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» (SPM), вербальная батарея теста творческого мышления Э. П. Торренса, анкета оценки адаптации, а также данные об академической успеваемости (средний балл за последнюю промежуточную аттестацию). Статистическая обработка включала расчет коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Выявлена умеренная положительная связь интеллекта с успеваемостью ($p = 0,47$, $p < 0,01$). Творческая одаренность не связана с успеваемостью ($p = 0,05$ и $-0,04$, $p > 0,05$). Статистически значимых корреляций между показателями

одаренности и тремя шкалами адаптации (академической, социальной, психологической) не обнаружено, зафиксирована лишь тенденция к отрицательной связи оригинальности с академической адаптацией ($p = -0,18$, $p \approx 0,06$). Успеваемость не коррелирует с адаптацией (p от $-0,10$ до $0,16$, $p > 0,05$). Подтверждены гипотезы о связи интеллекта с успеваемостью и об отсутствии связи творческой одаренности с успеваемостью. Гипотезы о связях одаренности с адаптацией и успеваемости с адаптацией не подтвердились. Таким образом, основным предиктором академической успеваемости студентов университетского колледжа выступает интеллект; творческая одаренность напрямую не влияет на учебные оценки и не связана с адаптацией. Результаты могут быть использованы для индивидуализации психолого-педагогического сопровождения одаренных студентов в системе среднего профессионального образования.

Ключевые слова: одаренность, интеллект, творческое мышление, дивергентное мышление, академическая успеваемость, университетский колледж, корреляционный анализ, социальная адаптация, психологическая адаптация, академическая адаптация

Для цитирования: Антипова Р. А. Корреляционный анализ взаимосвязи уровня одаренности с академической успеваемостью и адаптацией студентов университетского колледжа // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 539—544. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1658.

Original article

CORRELATION ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE LEVEL OF GIFTEDNESS AND ACADEMIC PERFORMANCE AND ADAPTATION OF UNIVERSITY COLLEGE STUDENTS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The relevance of the study is due to the insufficient study of the relationship between intellectual and creative giftedness and academic performance and adaptation of students at a university college, a specific educational institution that combines general education and professional training for students aged 15-18. The purpose of the study is to conduct a correlation analysis of the relationship between the level of giftedness, academic performance, and adaptation of students at a university

college. The study involved 101 first- and second-year students. The following methods were used: the Raven's Standard Progressive Matrices test (SPM), the E. P. Torrance Verbal Battery Test, the Adaptation Assessment Questionnaire, and academic performance data (average grade for the last midterm exam). Statistical analysis included the calculation of the Spearman rank correlation coefficient. A moderate positive correlation was found between intelligence and academic performance ($p = 0.47$, $p < 0.01$).

Creative giftedness is not associated with academic performance ($p = 0.05$ and -0.04 , $p > 0.05$). No statistically significant correlations were found between the indicators of giftedness and the three adaptation scales (academic, social, and psychological), and only a tendency towards a negative relationship between originality and academic adaptation was observed ($p = -0.18$, $p \approx 0.06$). Academic performance does not correlate with adaptation (p from -0.10 to 0.16 , $p > 0.05$). The hypotheses about the relationship between intelligence and academic performance and the lack of relationship between creative giftedness and academic performance were confirmed. The hypotheses about the relationship

between giftedness and adaptation and academic performance and adaptation were not confirmed. Thus, intelligence is the main predictor of academic performance among university college students, while creative giftedness does not directly affect academic grades and is not related to adaptation. The results can be used to individualize the psychological and pedagogical support of gifted students in the secondary vocational education system.

Keywords: *giftedness, intelligence, creative thinking, divergent thinking, academic performance, university college, correlation analysis, social adaptation, psychological adaptation, academic adaptation*

For citation: Antipova R. A. Correlation analysis of the relationship between the level of giftedness and academic performance and adaptation of university college students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;2(75):539—544. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1658.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью эмпирического анализа взаимосвязи между уровнем и структурой одаренности студентов университетского колледжа, их академической успеваемостью и показателями адаптации.

Современная система среднего профессионального образования (далее — СПО) ориентирована на подготовку конкурентоспособных, мобильных и творческих специалистов. В связи с этим особую значимость приобретает работа с одаренными студентами, которые могут внести вклад в инновационное развитие профессиональной сферы. Университетские колледжи как структурные подразделения вузов обладают потенциалом для выявления и поддержки одаренной молодежи, однако эффективность этой работы во многом зависит от понимания механизмов социально-профессиональной адаптации одаренных студентов.

С одной стороны, одаренность (интеллектуальная, творческая) рассматривается как ресурс успешности в обучении и профессиональном становлении. С другой стороны, эмпирические исследования показывают, что высокая одаренность не всегда конвертируется в высокую академическую успеваемость, а порой, напротив, сочетается с трудностями адаптации к требованиям учебного заведения. Это противоречие особенно остро проявляется на этапе перехода от общего к профессиональному образованию, когда студент сталкивается с новыми формами контроля, критериями оценивания и социальными ролями.

Вопреки значительному количеству работ, посвященных одаренности в школе и вузе, проблема соотношения одаренности, академической успеваемости и адаптации именно в условиях университетского колледжа (как специфического типа образовательной организации) остается недостаточно исследованной. Отсутствуют данные о том, какие компоненты одаренности (беглость, оригинальность, интеллект) в большей степени связаны с успеваемостью, а какие — с академической, социальной и психологической адаптацией. Без таких данных трудно разрабатывать обоснованные педагогические рекомендации по индивидуализации сопровождения одаренных студентов.

Изученность проблемы. Проблема одаренности является междисциплинарной и активно разрабатывается в психологии, педагогике и социологии образования. В зарубежной науке фундаментальные теории одаренности представлены работами Дж. Рензулли, Ф. Ганье, Х. Гарднера, Дж. Гилфорда и Э. П. Торренса. Дж. Рензулли предложил «трехкольцевую модель» одаренности [1], Ф. Ганье

разработал дифференцированную модель одаренности и таланта [2]. Теория множественного интеллекта Говарда Гарднера преобразила образовательную практику. Модель Гарднера утверждает, что интеллект — это не единая статическая способность, а скорее совокупность отдельных типов, влияющая на разработку учебных программ, стратегии обучения и оценку учащихся [3, с. 114—115]. Американский ученый Дж. Гилфорд включил в систему тестирования специальный показатель творчества (буквально креативность) в отличие от показателя интеллекта [4, с. 161]. Развивая работу Гилфорда, Э. П. Торренс разработал свою серию тестов, которые получили название *The Torrance Tests of Creative Thinking* (подробнее об этом см.: [5]). Эта батарея тестов творческого мышления стала стандартным инструментом диагностики креативности в мировой науке.

В отечественной традиции значимый вклад внесли Б. М. Теплов, В. Д. Шадриков, Д. Б. Богоявленская, В. Н. Дружинин, А. И. Савенков, Е. И. Щебланова. Б. М. Теплов определял одаренность как качественно своеобразное сочетание способностей, от которых зависит возможность достижения большего или меньшего успеха в выполнении той или другой деятельности [6, с. 90]. Д. Б. Богоявленская же характеризует одаренность как системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких по сравнению с другими людьми, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности (об этом см.: [7, с. 28]). В. Д. Шадриков показал, что развитие способностей идет на определенной природной основе (способности индивида), достраиваясь интеллектуальными операциями и способами их реализации (способности субъекта деятельности) и находясь под контролем и направляющим воздействием мотивации и нравственных качеств (способности личности) [8].

Характер связи между одаренностью и академической успеваемостью остается дискуссионным. Классические исследования Л. Термена показали, что высокий интеллект в целом положительно коррелирует с учебными достижениями [9]. Вместе с тем более поздние исследования [10; 11] выявили, что творческая одаренность (дивергентное мышление) может обнаруживать нелинейные или даже отрицательные связи с успеваемостью, особенно в условиях жестко регламентированных образовательных систем, где ценятся конвергентное мышление и воспроизведение знаний.

Вопросы адаптации студентов к образовательной среде рассматриваются в работах И. А. Басовой, А. В. Микляевой, Ю. П. Поваренкова, Т. Д. Дубовицкой. Выделяются академическая, социальная и психологическая составляющие

адаптации. Исследования адаптации одаренных студентов немногочисленны. Показано, что одаренные учащиеся из числа учеников средней и старшей школы в той или иной степени сталкиваются со стигматизацией. У этих учеников значительно хуже отношения с учителем, слабее поддержка сверстников, ниже социальная адаптация и слабее ощущение себя частью коллектива [12]. Специфика университетского колледжа как звена СПО изучена недостаточно.

Корреляционные исследования, объединяющие одаренность, успеваемость и адаптацию в единую модель, редки. В основном анализируются парные связи: одаренность — успеваемость, одаренность — тревожность, интеллект — адаптация. Системные работы, где рассматривается одновременно несколько показателей одаренности (интеллектуальной и творческой) и триада «успеваемость — одаренность — адаптация», на выборке студентов университетского колледжа в доступной литературе не обнаружены.

Целесообразность разработки темы обусловлена недостаточной изученностью взаимосвязи интеллектуальной и творческой одаренности с академической успеваемостью и адаптацией студентов университетского колледжа. Эмпирические данные, позволяющие дифференцировать вклад разных компонентов одаренности и различных виды адаптации в успеваемость, в контексте СПО практически отсутствуют, что затрудняет разработку адресных педагогических мер поддержки одаренных студентов. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела.

Целью данного исследования является корреляционный анализ взаимосвязи уровня одаренности, академической успеваемости и адаптации студентов университетского колледжа.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. Провести диагностику интеллектуальной и творческой одаренности у студентов I—III курсов университетского колледжа.
2. Оценить уровень академической успеваемости студентов.
3. Измерить показатели академической, социальной и психологической адаптации студентов.
4. Выполнить корреляционный анализ между всеми полученными показателями.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Впервые на выборке студентов университетского колледжа проведен комплексный корреляционный анализ интеллектуальной и творческой одаренности (беглость, оригинальность) с академической успеваемостью и тремя компонентами адаптации (академической, социальной, психологической).
- Расширены представления о специфике проявления одаренности в условиях университетского колледжа как особой образовательной среды, совмещающей общеобразовательную и профессиональную подготовку.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о взаимосвязи интеллектуальной и творческой одаренности с академической успеваемостью и адаптацией студентов университетского колледжа, что дополняет существующие теории одаренности новыми данными, полученными на выборке СПО.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для индивидуализации психолого-педагогического сопровождения одаренных студентов университетского колледжа на основе их профиля одаренности и показателей академической успеваемости.

На основе теоретического анализа и с учетом поставленной цели в работе были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Существует положительная корреляционная связь между уровнем интеллектуальной одаренности и академической успеваемостью студентов университетского колледжа.
2. Творческая одаренность не связана с академической успеваемостью либо демонстрирует отрицательные корреляции.
3. Высокая одаренность сочетается с трудностями адаптации, особенно в академической сфере.
4. Академическая успеваемость положительно связана с академической адаптацией и психологическим благополучием студентов.

Основная часть

Методология исследования. Для решения поставленных задач использовались методы психодиагностики (тест Равена, вербальные субтесты Торренса, анкета адаптации), анализ учебной документации, а также методы математической статистики.

Исследование выполнено в дизайне одномоментного (поперечного) корреляционного исследования. Выборку составили студенты I и II курсов университетского колледжа Волгоградского государственного университета. Общее количество участников — 132 чел. Критерии включения: обучение на очной форме, добровольное информированное согласие.

Тестирование проводилось в учебных аудиториях в первой половине дня в два этапа с интервалом 3—5 дней. На первом этапе студенты выполняли тест Равена (время — 50 минут). На втором этапе — три субтеста Торренса (субтест 1 — 10 минут, субтест 2 — 10 минут, субтест 3 — 7 минут) и анкету адаптации (10 минут). Перед началом каждого этапа зачитывалась стандартная инструкция. Участие было добровольным, гарантирована анонимность обработки данных.

Студенты, чьи протоколы по тесту Равена имели индекс варибельности выше 7 (недостовверные результаты), были исключены из анализа. Студенты, пропустившие хотя бы один из этапов тестирования, были также исключены из анализа. Итоговая анализируемая выборка составила 101 чел.

Для оценки невербального (флюидного) интеллекта использовался тест «Стандартные прогрессивные матрицы Равена» (*SPM*). Выбор данной методики обусловлен рядом условий и ограничений настоящего исследования. Тест Равена допускает групповое тестирование (в отличие от теста Д. Векслера, например). Эта особенность позволила обследовать всю выборку студентов в рамках учебного процесса с минимальными временными затратами и привлечением ресурсов. Также тест Равена является невербальным и культурно-независимым, что снижает влияние уровня языковой подготовки и социокультурного фона испытуемых на результаты (в выборке присутствуют студенты разных национальностей, включая не владеющих русским языком как родным).

Тест Равена существует в трех основных формах. Цветные прогрессивные матрицы (*CPM*) предназначены для обследования детей младшего возраста (от 4,5 до 8—9 лет), пожилых людей (старше 65 лет) и лиц с когнитивными нарушениями. Продвинутое прогрессивные матрицы (*APM*) ориентированы на взрослых с интеллектуальными способностями выше среднего. Стандартные прогрессивные матрицы (*SPM*) предназначены для обследования

подростков и взрослых с уровнем интеллекта в широком диапазоне, что полностью соответствует задачам данного исследования.

Тестирование проводилось в групповом формате в рамках учебного занятия. Учитывая необходимость уложиться в отведенное время, а также избежать эффекта утомления и потери мотивации у испытуемых, для теста Равена было установлено временное ограничение — 50 минут. Хотя авторы методики традиционно рекомендуют проводить *SPM* без ограничения времени, в российской исследовательской и практической психодиагностике широко распространен подход с лимитированием времени выполнения (обычно 20, 30 или 40 минут). Таким образом, проведение теста *SPM* с временным ограничением в групповом формате в рамках учебной пары не снижает валидности и надежности получаемых данных и является методически оправданным [13].

Обработка проводилась по стандартному ключу: сырой балл (0–60) переводился в показатель *IQ*, уровень развития интеллекта определялся по таблице градации уровней умственных способностей. Дополнительно вычислялся индекс вариабельности для контроля достоверности протоколов. При значениях индекса вариабельности 7 и более данные теста считались недостоверными.

Для диагностики творческой (дивергентной) одаренности применена вербальная батарея теста творческого мышления Э. П. Торренса (ТТСТ) [14]. Использованы три субтеста:

- Субтест 1 — «Необычное использование».
- Субтест 2 — «Улучшение предмета».
- Субтест 3 — «Необычные вопросы».

Задания всех трех субтестов выполнялись на основе одного и того же стимульного предмета — картонной коробки. В первом субтесте обследуемый должен был придумать как можно больше способов необычного использования картонных коробок. Во втором субтесте обследуемому предлагалось высказать как можно больше идей по поводу улучшения картонных коробок. В третьем субтесте обследуемый должен был придумать как можно больше вопросов о самых разнообразных и необычных свойствах картонных коробок.

Согласно оригинальной версии вербальной батареи теста творческого мышления Э. П. Торренса [14], в процессе обработки результатов ответы обследуемого необходимо оценить по следующим трем параметрам: «Беглость», «Гибкость» и «Оригинальность». Однако в силу ряда объективных ограничений, связанных с масштабом настоящего исследования и условиями сбора данных, в текущей работе была применена редуцированная схема обработки. В частности, для субтеста 1 оценивались беглость и оригинальность; для субтестов 2 и 3 оценивалась только беглость.

Для подсчета оригинальности требуется построение частотного словаря по всей выборке. Проведение такой процедуры для всех трех субтестов многократно увеличило бы время обработки. А субтест «Необычное использование» традиционно считается ключевым в батарее Торренса. В связи с этим, было сочтено достаточным оценить оригинальность только по субтесту 1, а по субтестам 2 и 3 ограничиться беглостью как интегральной характеристикой продуктивности мышления.

При обработке результатов из анализа исключались ответы, не соответствующие условиям задания (бессмысленные, провокационные, непристойные). Такие ответы не учитывались ни при подсчете беглости, ни при оценке оригинальности.

Для оценки трех компонентов адаптации использовалась авторская анкета, направленной на оценку степени адаптированности к образовательной организации (анкета «Оценка адаптации к колледжу» И. А. Баева и др.) [15, с. 9]. Анкета разработана авторами специально для диагностики студентов именно СПО (в отличие от методики диагностирования социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, например). Валидность инструмента обоснована его авторами в ряде публикаций по психолого-педагогическому сопровождению студентов СПО. Структура анкеты позволяет дифференцированно оценить три ключевых измерения адаптации: академическую (привыкание к учебным требованиям), социокультурную (включенность в группу и качество социальных связей) и психологическую (эмоциональное благополучие) (в отличие от методики Дубовицкой, например).

Ответы собранных анкет переводились в баллы согласно ключу, предоставленному авторами. Для каждого студента вычислялись средние баллы по каждой шкале, а также динамика психологического состояния (разница между оценкой в конце и начале учебного года).

Показателем академической успеваемости стал средний балл студента по результатам последней сессии (по пятибалльной шкале), предоставленный учебной частью колледжа.

Первичная обработка данных выполнена в *MS Excel*. Для проверки нормальности распределения использовался критерий Колмогорова—Смирнова. Поскольку распределение большинства показателей отличалось от нормального, для оценки взаимосвязей применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена (*r*). Уровень значимости принимался как $p < 0,05$. Корреляционный анализ проводился между следующими переменными: интеллект (сырой балл Равена), суммарная беглость (творческая одаренность), оригинальность (субтест 1), академическая успеваемость, академическая адаптация, социальная адаптация, психологическая адаптация. Для интерпретации силы связи использовалась шкала Чеддока: $p < 0,3$ — слабая; $0,3 \leq p < 0,7$ — умеренная; $p \geq 0,7$ — сильная.

Результаты исследования. Корреляционная матрица связей между исследуемыми переменными представлена в таблице.

Корреляционная матрица показателей одаренности, адаптации и успеваемости

Показатель	1	2	3	4	5	6	7
1. Интеллект	1						
2. Суммарная беглость	0,04	1					
3. Оригинальность	–0,03	0,41**	1				
4. Академическая адаптация	0,14	–0,09	–0,18	1			
5. Социальная адаптация	–0,06	–0,03	–0,01	0,62**	1		
6. Психологическая адаптация	0,16	0,12	0,16	0,29*	0,30*	1	
7. Успеваемость	0,47**	0,05	–0,04	0,16	–0,10	–0,01	1

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Значения округлены до двух знаков после запятой.

Выявлена умеренная положительная корреляция между интеллектом и средним баллом успеваемости ($p = 0,47$, $p < 0,01$). Студенты с более высокими показателями невербального интеллекта демонстрируют более высокие учебные достижения.

Показатели творческой одаренности — суммарная беглость ($p = 0,05$, $p > 0,05$) и оригинальность ($p = -0,04$, $p > 0,05$) — не обнаружили статистически значимой связи с успеваемостью. Это означает, что продуктивность (беглость) и нестандартность (оригинальность) дивергентного мышления напрямую не предопределяют академическую успешность студентов колледжа.

Статистически значимых корреляций между показателями одаренности и тремя шкалами адаптации не обнаружено (все $|p| < 0,19$, $p > 0,05$). Однако зафиксирована тенденция к отрицательной связи между оригинальностью и академической адаптацией ($p = -0,18$, $p \approx 0,06$), что позволяет предположить возможные трудности привыкания к учебным требованиям у студентов с более нестандартным мышлением. Данная тенденция требует проверки на больших выборках.

Корреляции между средним баллом успеваемости и академической ($p = 0,16$, $p > 0,05$), социальной ($p = -0,10$, $p > 0,05$) и психологической ($p = -0,01$, $p > 0,05$) адаптацией оказались статистически незначимыми. Академическая успеваемость не связана напрямую с уровнем адаптации студентов.

Как и следовало ожидать, академическая, социальная и психологическая адаптация умеренно или сильно коррелируют между собой: академическая и социальная адаптация ($p = 0,62$, $p < 0,01$), академическая и психологическая ($p = 0,29$, $p < 0,05$), социальная и психологическая ($p = 0,30$, $p < 0,05$). Это подтверждает согласованность разных сторон адаптационного процесса.

Между суммарной беглостью и оригинальностью обнаружена умеренная положительная корреляция ($p = 0,41$, $p < 0,01$), что указывает на связь продуктивной и качественной сторон творческого мышления. Интеллект не связан с показателями творческой одаренности ($p = 0,04$ и $p = -0,03$, $p > 0,05$).

Результаты проверки гипотез сводятся к следующему:

1. Гипотеза о положительной связи интеллекта с успеваемостью подтвердилась.
2. Гипотеза об отсутствии связи творческой одаренности с успеваемостью подтвердилась.
3. Гипотеза о значимых связях одаренности с компонентами адаптации не подтвердилась (обнаружена лишь незначимая тенденция).
4. Гипотеза о положительной связи успеваемости с адаптацией не подтвердилась.

Таким образом, основным предиктором академической успеваемости студентов университетского колледжа выступает интеллект (невербальный, флюидный), тогда

как творческая одаренность не оказывает прямого влияния на учебные оценки и не связана с адаптацией. Высокий уровень адаптации (академической, социальной, психологической) не сопровождается повышением успеваемости.

Закключение

В данном исследовании решалась задача корреляционного анализа взаимосвязи интеллектуальной и творческой одаренности с академической успеваемостью и компонентами адаптации (академической, социальной, психологической) у студентов университетского колледжа Волгоградского государственного университета. На выборке из 101 студента I—II курсов были получены следующие основные результаты.

Подтверждена положительная связь интеллекта с успеваемостью. Студенты с более высоким уровнем невербального интеллекта в среднем имеют более высокие учебные оценки.

Творческая одаренность не связана с успеваемостью. Коэффициенты корреляции близки к нулю и статистически незначимы. Это означает, что продуктивность и нестандартность дивергентного мышления напрямую не определяют учебные достижения, что подтверждает вторую гипотезу и дополняет данные о расхождении между креативностью и традиционной системой оценивания.

Значимых корреляций между показателями одаренности и тремя видами адаптации не обнаружено. Исключение составила тенденция к отрицательной связи оригинальности с академической адаптацией, которая может указывать на некоторые трудности в привыкании к учебным требованиям у студентов с более нестандартным мышлением, однако требует проверки на больших выборках. Гипотеза о том, что высокая одаренность сочетается с трудностями адаптации, в целом не подтвердилась.

Успеваемость не связана с адаптацией. Коэффициенты корреляции между средним баллом и академической, социальной, психологической адаптацией статистически незначимы. Таким образом, высокие оценки не сопровождаются повышением уровня адаптации, и наоборот.

Обнаружены ожидаемые умеренные и сильные связи между разными шкалами адаптации, что подтверждает внутреннюю согласованность адаптационного процесса.

Творческие показатели умеренно коррелируют между собой, что говорит о независимости этих конструктов на данной выборке.

Перспективы дальнейших исследований. Целесообразно расширить выборку за счет студентов старших курсов и других колледжей, включить дополнительные показатели творческой одаренности (гибкость, разработанность), а также провести сравнительный анализ групп с разным уровнем интеллекта и креативности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Renzulli J. S. The Three-Ring Conception of Giftedness: A Developmental Model for Promoting Creative Productivity // *Conceptions of Giftedness* / eds. R. J. Sternberg, J. E. Davidson. 2nd ed. Boston, MA : Cambridge University Press; 2005. Pp. 246—279. DOI: 10.1017/CBO9780511610455.015.
2. Gagné F. Differentiating Giftedness from Talent: The DMGT Perspective on Talent Development. New York : Routledge, 2021. 220 p. DOI: 10.4324/9781003088790.
3. Атамуратова Дж. Ш., Алланова Т., Аллабердыева А. Множественный интеллект // *Символ науки*. 2024. № 11-2-1. С. 114—116. (На англ. яз.)
4. Богоявленская Д. Б. Раскрытие понятий творчества и одаренности по этапам развития познания // *Российский психологический журнал*. 2021. Т. 18. № 3. С. 159—168.
5. Alabbasi A. M. A., Paek S. H., Kim D., Cramond B. What do educators need to know about the Torrance Tests of Creative Thinking: A comprehensive review // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. Art. 1000385. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1000385.

6. Шадриков В. Д. Одаренность: теоретические положения // Дифференциальная психология и психофизиология сегодня: способности, образование, профессионализм : материалы Междунар. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения Б. М. Теплова. М. : ПИ РАО, 2021. С. 90—94.
7. Смирнова С. П. Развитие представлений об одаренности в отечественной педагогике XX века // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2025. № 4(65). С. 26—30. DOI: 10.37386/2413-4481-2025-4-26-30.
8. Шадриков В. Д. Способности и одаренность человека. М. : Ин-т психологии РАН, 2019. 273 с.
9. Termen L. M., Oden M. H. The Gifted Group at Midlife: Thirty-Five Years' Follow-Up of the Superior Child. Stanford, CA : Stanford University Press*, 1959. 187 p. (Genetic Studies of Genius; Vol. 5).
10. Kim K. H. Meta-Analyses of the Relationship of Creative Achievement to Both IQ and Divergent Thinking Test Scores // Journal of Creative Behavior. 2008. Vol. 42. Iss. 2. Pp. 106—130. DOI: 10.1002/j.2162-6057.2008.tb01290.x.
11. Kim K. H. Underachievement and Creativity: Are Gifted Underachievers Highly Creative? // Creativity Research Journal. 2008. Vol. 20. Iss. 2. Pp. 234—242. DOI: 10.1080/10400410802060232.
12. Carter S. S., Avci A. H., Mammadov S. School Experiences of Gifted Adolescents and Their Peers // Psychology in the Schools. 2025. Vol. 62. Iss. 9. Pp. 3273—3284. DOI: 10.1002/pits.23537.
13. Давыдов Д. Г., Чмыхова Е. В. Применение теста Стандартные прогрессивные матрицы Равена в режиме ограничения времени // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 129—139.
14. Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking. Lexington, MA : Personnel Press, 1966. 95 p.
15. Баева И. А., Микляева А. В., Пежемская Ю. С., Хороших В. В. Социально-психологические предикторы адаптации студентов колледжей — представителей коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 3. С. 5—18. DOI: 10.17759/pse.2023280301.

REFERENCES

1. Renzulli J. S. The Three-Ring Conception of Giftedness: A Developmental Model for Promoting Creative Productivity. *Conceptions of Giftedness*. R. J. Sternberg, J. E. Davidson (eds.). 2nd ed. Boston, MA, Cambridge University Press; 2005. Pp. 246—279. DOI: 10.1017/CBO9780511610455.015.
2. Gagné F. Differentiating Giftedness from Talent: The DMGT Perspective on Talent Development. New York, Routledge, 2021. 220 p. DOI: 10.4324/9781003088790.
3. Atamuradova J. Sh., Allanova T., Allaberdiyeva A. Multiple intelligence. *Simvol nauki = Symbol of science*. 2024;11-2-1:114—116.
4. Bogoyavlenskaya D. B. Disclosure of the concepts of creativity and giftedness by stages of development of cognition. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian psychological journal*. 2021;18(3):159—168. (In Russ.)
5. Alabbasi A. M. A., Paek S. H., Kim D., Cramond B. What do educators need to know about the Torrance Tests of Creative Thinking: A comprehensive review. *Frontiers in Psychology*. 2022;13:1000385. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1000385.
6. Shadrikov V. D. Giftedness: theoretical provisions. *Differentsial'naya psikhologiya i psikhofiziologiya segodnya: sposobnosti, obrazovanie, professionalizm = Differential psychology and psychophysiology today: abilities, education, professionalism. Proceedings of the International Conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of B. M. Teplov*. Moscow, Psychological Institute of the Russian Academy of Education publ., 2021:90—94. (In Russ.)
7. Smirnova S. P. The evolution of ideas about giftedness in 20th-century Russian pedagogy. *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Vestnik of Altai State Pedagogical University*. 2025;4(65):26—30. (In Russ.) DOI: 10.37386/2413-4481-2025-4-26-30.
8. Shadrikov V. D. Abilities and human giftedness. Moscow, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences publ., 2019. 273 p. (In Russ.)
9. Termen L. M., Oden M. H. The Gifted Group at Midlife: Thirty-Five Years' Follow-Up of the Superior Child. Genetic Studies of Genius; Vol. 5. Stanford, CA : Stanford University Press, 1959. 187 p.
10. Kim K. H. Meta-Analyses of the Relationship of Creative Achievement to Both IQ and Divergent Thinking Test Scores. *Journal of Creative Behavior*. 2008;42(2):106—130. DOI: 10.1002/j.2162-6057.2008.tb01290.x.
11. Kim K. H. Underachievement and Creativity: Are Gifted Underachievers Highly Creative?. *Creativity Research Journal*. 2008;20(2):234—242. DOI: 10.1080/10400410802060232.
12. Carter S. S., Avci A. H., Mammadov S. School Experiences of Gifted Adolescents and Their Peers. *Psychology in the Schools*. 2025;62(9):3273—3284. DOI: 10.1002/pits.23537.
13. Davydov D. G., Chmykhova E. V. Administration of the Raven's standard progressive matrices with a time limit. *Voprosy psikhologii*. 2016;4:129—139. (In Russ.)
14. Torrance E. P. Torrance Tests of Creative Thinking. Lexington, MA, Personnel Press, 1966. 95 p.
15. Baeva I. A., Miklyaeva A. V., Pezhemskaya J. S., Khoroshikh V. V. Socio-Psychological Predictors of Indigenous and Minorities of the North, Siberia and the Far East Students' Adaptation to College (on the Example of Organizations of Secondary Vocational Education). *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2023;28(3):5—18. DOI: 10.17759/pse.2023280301.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

* Leland Stanford Junior University (Stanford University, «Университет им. Леланда Стэнфорда-младшего», «Стэнфордский университет»), США, внесен Минюстом России в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. — *Примеч. ред.*

Научная статья
УДК 378.147:004.056
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1586

Mikhail Anatolyevich Kulebyaev
Senior Lecturer of the Department
of Computer Science and Transport Process Technologies,
Volga Region Institute (branch)
of the Moscow Automobile and Road Construction State
Technical University (MADI)
Cheboksary, Russian Federation
kadet21rus@yandex.ru

Михаил Анатольевич Кулебяев
старший преподаватель кафедры
«Информатика и технологии транспортных процессов»,
Приволжский институт (филиал)
Московского автомобильно-дорожного
государственного технического университета (МАДИ)
Чебоксары, Российская Федерация
kadet21rus@yandex.ru

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЕ ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА К ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Статья посвящена описанию результатов диагностики ценностно-смыслового отношения студентов технического вуза к информационной безопасности. Представленное исследование базируется на теоретическом положении о том, что культура информационной безопасности включает не только когнитивный, технический и поведенческий, но и ценностно-смысловой компонент, который выступает внутренним регулятором безопасного поведения в цифровой среде. Диагностика сфокусирована на двух ключевых параметрах ценностно-смыслового отношения: внешней (нормативно-санкционированной) и внутренней (личностно-смысловой, рефлексивной) регуляции. В качестве инструмента автором предложен комплекс диагностических методик, включающий портретный ценностный опросник Ш. Шварца, с адаптацией к контексту информационной безопасности, семантический дифференциал для оценки субъективной значимости ключевых понятий, а также проективные вопросы открытого типа. В статье представлены результаты апробации, проводившейся с участием 186 студентов I–IV курсов Приволжского института (филиала) МАДИ. В качестве значимых результатов автор выделяет: эмпирическое подтверждение гипотезы о доминировании у студентов технического вуза внешних (инструментальных, нормативно-санкционированных) ценностных ориентаций в сфере информационной безопасности при слабой выраженности внутренних (лич-

ностно-смысловых); выявление устойчивого разрыва между вербальным принятием норм информационной безопасности и их интериоризацией на уровне личностных смыслов; разработку типологии ценностно-смыслового отношения к информационной безопасности («нормативно-конформный», «утилитарно-прагматический», «рефлексивно-ценностный» типы). Анализ проективных ответов позволил зафиксировать доминирование мотивов избегания санкций и инструментальной защиты над этическими и ценностными основаниями безопасного поведения. На основании проведенной диагностики автор приходит к выводу, что предложенный диагностический инструментарий представляет собой эффективное средство для выявления структуры и содержания ценностно-смыслового отношения студентов к информационной безопасности. Полученные данные позволяют обосновать необходимость перехода от информационно-предупредительной модели формирования культуры информационной безопасности к аксиологически ориентированной, направленной на развитие внутренних ценностно-смысловых оснований безопасного поведения в цифровой среде.

Ключевые слова: культура информационной безопасности, ценностно-смысловые ориентации, студенты технического вуза, диагностика, аксиологический подход, цифровая безопасность, профессиональное образование, ценностные типы, интериоризация, Приволжский институт МАДИ

Для цитирования: Кулебяев М. А. Ценностно-смысловое отношение студентов технического вуза к информационной безопасности: структурно-содержательный анализ // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 545—553. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1586.

Original article

TECHNICAL UNIVERSITY STUDENTS' VALUE-SEMANTIC ATTITUDES TO INFORMATION SECURITY: A STRUCTURAL AND CONTENT ANALYSIS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. This article describes the results of a diagnostic study examining the value-semantic attitudes of students at a technical university to information security. The study is based on the theoretical premise that informa-

tion security culture encompasses not only cognitive, technical, and behavioral components, but also a value-semantic component that acts as an internal regulator of safe behavior in the digital environment. The analysis focuses on two key

parameters of value-semantic attitudes: external (normative-sanctioned) and internal (personal-semantic, reflexive) regulation. The author proposes a set of diagnostic methods, including Sh. Schwartz's portrait value questionnaire, adapted to the information security context, a semantic differential for assessing the subjective significance of key concepts, and open-ended projective questions. The article presents the results of a pilot study conducted with 186 first-to fourth-year students at the Volga Region Institute (MADI branch). The author highlights the following significant results: empirical confirmation of the hypothesis regarding the dominance of external (instrumental, normative-sanctioned) value orientations in the field of information security among students of a technical university, with a weak expression of internal (personal-semantic) ones; the identification of a persistent gap between the verbal acceptance of information security norms and their internalization at the level of personal meanings; the development of a typology of va-

lue-semantic attitudes to information security ("normative-conformist", "utilitarian-pragmatic", "reflexive-value"). An analysis of projective responses made it possible to record the dominance of motives for avoiding sanctions and instrumental protection over the ethical and value-based foundations of safe behavior. Based on the conducted diagnostics, the author concludes that the proposed diagnostic tool is an effective means for identifying the structure and content of students' value-semantic attitudes to information security. The obtained data allow us to substantiate the need to move from an information-preventive model for the formation of an information security culture to an axiologically oriented one aimed at developing internal value-semantic foundations for safe behavior in the digital environment.

Keywords: information security culture, value-semantic orientations, technical university students, diagnostics, axiological approach, digital security, professional education, value types, internalization, Volga Region Institute of MADI

For citation: Kulebyaev M. A. Technical university students' value-semantic attitudes to information security: a structural and content analysis. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):545—553. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1586.

Введение

Актуальность исследования обусловлена противоречием между возрастающей требовательностью государства и общества к формированию культуры информационной безопасности граждан, с одной стороны, и недостаточной эффективностью существующих педагогических практик в технических вузах, ориентированных преимущественно на передачу нормативных знаний и алгоритмических предписаний, с другой. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) и Стратегии национальной безопасности (утв. Указом РФ от 2 июля 2021 № 400) подчеркивается, что человеческий фактор остается одним из ключевых уязвимых звеньев в системе обеспечения информационной безопасности, а его преодоление возможно лишь через формирование устойчивых внутренних регуляторов поведения. Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ (утв. Распоряжением Правительства РФ от 22 декабря 2022 г. № 4088-р) определяет ценностно-смысловую сферу личности в качестве базового уровня, обеспечивающего устойчивость безопасного поведения в цифровой среде. Однако, как показывает анализ образовательной практики, в технических вузах акцент традиционно смещен в сторону инструментальных компетенций, что создает риск формального усвоения требований информационной безопасности без их внутреннего присвоения.

Изученность проблемы. Проблематика культуры информационной безопасности активно разрабатывается в современной научной литературе. Р. М. Айсина и А. А. Нестерова вводят понятие «киберсоциализация», отмечая, что процессы цифровой социализации молодежи сопряжены с эффектами как позитивного, так и рискогенного характера [1]. В свою очередь, Л. В. Астахова акцентирует внимание на развитии профессиональной ответственности будущего специалиста по защите информации в вузе, подчеркивая значимость ценностно-смыслового компонента в структуре профессиональной подготовки [2]. И. Р. Бегишев в психолого-правовом аспекте обосновывает,

что правовые нормы в сфере информационной безопасности эффективны лишь постольку, поскольку они присвоены личностью как личностно значимые [3]. Е. Б. Белов, М. И. Ожиганова и А. Д. Костюков рассматривают культуру информационной безопасности как междисциплинарный феномен, требующий интеграции технических и гуманитарных подходов в образовательном процессе [4].

Р. Ф. Бурнашев и Р. Г. Давронова подходят к проблеме с социально-философских позиций, рассматривая информационную безопасность личности как аксиологическую проблему [5]. П. Г. Былевский в культурологическом ключе анализирует профессиональную культуру информационной безопасности, выделяя ценностные основания профессиональной деятельности в цифровой среде [6]. О. А. Воскресенская с соавторами исследуют ценностно-мотивационные установки сотрудника в области обеспечения информационной безопасности, показывая, что доминирование внешней мотивации снижает эффективность защитных действий [7]. А. В. Галыня, в свою очередь, рассматривает культуру информационной безопасности как элемент стратегического управления рисками в киберпространстве, акцентируя необходимость формирования у будущих инженеров не только технических, но и ценностно-ориентированных компетенций [8].

Т. К. Голушко вводит понятие «информационный иммунитет», связывая его с устойчивостью личности к деструктивным информационно-психологическим воздействиям, что напрямую зависит от сформированности ценностно-смысловых ориентаций [9]. Д. Б. и Н. В. Кавецкие эмпирически подтверждают взаимосвязь информационно-психологической безопасности и ценностно-смысловой сферы личности современной молодежи [10]. А. А. и З. П. Малюки актуализируют вопросы создания системы массового обучения культуре информационной безопасности, подчеркивая необходимость перехода от информационно-предупредительной модели к ценностно-ориентированной [11].

Д. Ю. Нархов с соавторами исследуют социокультурный потенциал студенчества в аспекте информационной безопасности, фиксируя рассогласование между ценностными

установками и реальным поведением [12]. И. Д. Рудинский и Д. Я. Околот разрабатывают методику формирования культуры информационной безопасности студентов, однако их подход ориентирован преимущественно на когнитивный и деятельностный компоненты [13]. Е. Ю. Рудкевич рассматривает ценности как ресурс обеспечения национальной безопасности, что позволяет говорить о фундаментальной роли ценностно-смысловой сферы в системе защиты личности и государства [14]. С. Н. Федорова и М. А. Кулебаев предлагают модель и педагогические условия формирования культуры информационной безопасности у студентов технического вуза [15]. Е. А. Яковлева с соавторами, исследуя профессиональную идентичность студентов технических вузов, показывают, что ценностно-смысловая сфера является ядерным компонентом профессионального становления [16].

Таким образом, при значительном количестве работ, затрагивающих ценностно-смысловой аспект культуры информационной безопасности, остается недостаточно изученным вопрос о специфике структуры и содержания ценностно-смысловых ориентаций студентов именно технического вуза, а также о степени их согласованности с нормативными требованиями. Выявление реальной иерархии ценностно-смысловых ориентаций студентов позволяет определить зоны рассогласования между нормативным (декларируемым) и реальным отношением к информационной безопасности, что составляет проблемное поле настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью эмпирического выявления реальных ценностно-смысловых доминант студентов технического вуза в сфере информационной безопасности для последующего проектирования педагогических стратегий, направленных на трансформацию внешней регуляции во внутреннюю. Без диагностики актуального состояния ценностно-смысловой сферы любые педагогические вмешательства будут носить интуитивный, а не доказательный характер.

Научная новизна исследования заключается в том, что:

1) впервые осуществлена комплексная диагностика ценностно-смыслового отношения к информационной безопасности у студентов технического вуза [на примере Приволжского института (филиала) МАДИ] с использованием триангуляции методов (модифицированный опросник Шварца, семантический дифференциал, проективные вопросы);

2) выявлена и эмпирически обоснована типология ценностно-смыслового отношения к информационной безопасности («нормативно-конформный», «утилитарно-прагматический», «рефлексивно-ценностный» типы);

3) установлен количественно измеренный разрыв между вербальным принятием норм информационной безопасности и их интериоризацией на уровне личностных смыслов;

4) предложен и апробирован диагностический инструментарий, адаптированный к контексту информационной безопасности.

Цель исследования — выявить и описать ценностно-смысловые доминанты, определяющие отношение студентов к информационной безопасности, а также установить степень их согласованности с нормативными требованиями (на примере Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ).

Задачи исследования:

1. Адаптировать диагностический инструментарий (портретный ценностный опросник Ш. Шварца, семантический дифференциал, проективные вопросы) для оценки ценностно-смыслового отношения студентов технического вуза к информационной безопасности.

2. Выявить структуру ценностных ориентаций студентов в сфере информационной безопасности с дифференциацией внешней (нормативно-санкционированной) и внутренней (личностно-смысловой) регуляции.

3. Определить содержательное наполнение ценностно-смыслового отношения через анализ субъективных значений ключевых понятий информационной безопасности (семантический дифференциал) и имплицитных установок (проективные вопросы).

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении структурно-содержательных характеристик ценностно-смыслового компонента культуры информационной безопасности применительно к студентам технического вуза, обогащении понятийного аппарата педагогической науки в части различения внешней и внутренней регуляции в сфере информационной безопасности, а также в эмпирическом подтверждении взаимосвязи между типом ценностно-смыслового отношения и поведенческими паттернами в цифровой среде.

Практическая значимость исследования заключается в разработке и апробации диагностического инструментария для мониторинга сформированности культуры информационной безопасности в вузах, выделении трех типов ценностно-смыслового отношения, позволяющих осуществлять дифференцированное педагогическое сопровождение студентов, обосновании направлений совершенствования образовательного процесса (переход от информационно-предупредительной модели к аксиологически ориентированной), а также в предоставлении эмпирической базы для разработки программ формирования культуры информационной безопасности в технических вузах.

Основная часть

Методология исследования. Эмпирическое исследование проводилось в 2024/25 учебном году на базе Приволжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)». Выборку составили 186 студентов I–IV курсов очной формы обучения, осваивающих технические направления подготовки: 23.03.01 «Технология транспортных процессов», 09.03.01 «Информатика и вычислительная техника», 08.03.01 «Строительство». Гендерный состав выборки: мужчины — 63,4 %, женщины — 36,6 %. Средний возраст респондентов — 19,7 года ($SD = 1,8$). Выборка является репрезентативной по полу, курсу обучения и направлению подготовки относительно генеральной совокупности студентов института.

1. Для диагностики ценностно-смыслового отношения студентов к информационной безопасности применялся «Портретный ценностный опросник» (*PIQ-R*), разработанный на основе уточненной теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца. Опросник включает 45 суждений, позволяющих измерить 19 ценностных типов, объединенных в четыре группы высшего порядка: открытость изменениям, самопреодоление, сохранение и самовозвышение.

С целью выявления специфики ценностно-смыслового отношения в контексте информационной безопасности нами был разработан дополнительный блок из 15 суждений,

сконструированных по аналогии с методикой Шварца. Данные суждения адаптируют ценностный контекст к сфере информационной безопасности и структурированы по четырем шкалам, отражающим различные типы регуляции поведения: внешняя (нормативно-санкционированная)

регуляция, внутренняя (личностно-смысловая) регуляция, утилитарно-прагматические установки и рефлексивно-ценностные установки (табл. 1). Оценка каждого суждения осуществлялась по шестибальной шкале (1 — «совсем не похоже на меня», 6 — «очень похоже на меня»).

Таблица 1

Дополнительные суждения, адаптированные к сфере информационной безопасности

Шкала	Суждение	Содержательная характеристика
Внешняя (нормативно-санкционированная) регуляция	1. Для меня важно соблюдать правила информационной безопасности, даже если это занимает дополнительное время	Ориентация на внешние требования, санкции, обязанности
	2. Я стараюсь выполнять требования по защите информации, потому что за их нарушение могут наказать (например, отчислить или оштрафовать)	
	3. Для меня важно не нарушать правила работы с персональными данными, чтобы избежать проблем с руководством или преподавателями	
	4. Я соблюдаю политику информационной безопасности своего учебного заведения, потому что это обязанность каждого студента	
Внутренняя (личностно-смысловая, рефлексивная) регуляция	5. Я чувствую внутренний дискомфорт, когда использую одинаковые пароли для разных сервисов	Внутренний дискомфорт при нарушении, осознанная ответственность
	6. Для меня важно быть ответственным за сохранность не только своих, но и чужих персональных данных	
	7. Я осознанно отношусь к тому, какие ссылки открываю и какие файлы скачиваю, потому что это моя личная ответственность	
	8. Для меня информационная безопасность — это не просто требование, а моя внутренняя потребность	
Утилитарно-прагматические установки	9. Я соблюдаю меры информационной безопасности, потому что это помогает сохранить мои аккаунты и личные данные от кражи	Рациональная выгода, инструментальная ценность информационной безопасности
	10. Для меня важно защищать свои устройства антивирусом, чтобы избежать финансовых потерь	
	11. Я использую сложные пароли, потому что не хочу терять доступ к своим социальным сетям и учебным порталам	
Рефлексивно-ценностные установки	12. Для меня важно понимать, почему те или иные правила информационной безопасности существуют, а не просто слепо их выполнять	Понимание оснований информационной безопасности, этическая позиция, интеграция в общую культуру
	13. Я задумываюсь о последствиях своих действий в цифровой среде для других людей	
	14. Для меня информационная гигиена — это проявление уважения к себе и к окружающим	
	15. Я считаю, что культура информационной безопасности — это часть общей культуры современного человека	

Обработка полученных данных осуществлялась в несколько этапов:

1) **Подсчет средних баллов.** Для каждого респондента вычислялись средние арифметические значения по каждому ценностному типу (оригинальные шкалы Шварца) и по каждой дополнительной шкале, отражающей контекст информационной безопасности.

2) **Нормативные ориентиры.** На основе результатов апробации ($n = 186$) были определены следующие интервалы для интерпретации средних баллов по 6-балльной шкале:

- *высокий уровень* (5,0–6,0) — ценность (или установка) является приоритетной для респондента;
- *средний уровень* (3,0–4,9) — ценность (или установка) умеренно значима;
- *низкий уровень* (1,0–2,9) — ценность (или установка) не значима или отвергается.

3) **Оценка надежности.** Для определения внутренней согласованности адаптированного блока суждений (15 пунктов) был вычислен коэффициент α Кронбаха. Полученное значение $\alpha = 0,87$ свидетельствует о высокой надежности инструмента.

2. Семантический дифференциал для оценки субъективной значимости понятий, связанных с информацион-

ной безопасностью. Респондентам предлагалось оценить восемь понятий («информационная безопасность», «цифровая гигиена», «пароль», «антивирус», «персональные данные», «киберугроза», «ответственность в сети», «безопасное поведение») по трем факторам: «оценка» (опасно — безопасно, вредно — полезно), «сила» (слабое — сильное, подвластное — неподвластное), «активность» (пассивное — активное, медленное — быстрое). Шкала семибальная.

3. Проективные вопросы открытого типа: «Что для Вас лично означает информационная безопасность?», «Почему важно соблюдать правила информационной безопасности?», «В каких ситуациях Вы готовы пренебречь правилами информационной безопасности и почему?». Ответы подвергались качественному контент-анализу с последующей квантификацией.

Результаты исследования. Обработка данных, полученных с помощью портретного ценностного опросника Ш. Шварца (*PVQ-R*), позволила выявить иерархическую структуру ценностных типов, актуализируемых у студентов технического вуза в контексте информационной безопасности. Результаты описательной статистики представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Выраженность ценностных отношений
(оригинальные шкалы Шварца)
у студентов технического вуза ($n = 186$)**

Ценностный профиль	Средний балл (M)	Стандартное отклонение (SD)
Безопасность (личная и социальная)	5,12	0,78
Конформность (правила, межличностная)	4,89	0,92
Универсализм (забота о других, толерантность)	3,45	1,01
Самостоятельность (мысли и действия)	3,21	1,12
Достижение (личный успех, компетентность)	2,98	1,24
Гедонизм	2,76	1,31
Стимуляция	2,34	1,18
Власть (доминирование, ресурсы)	2,28	1,22
Традиция	2,15	1,09
Скромность	2,03	1,14

Наиболее высокие средние баллы зафиксированы по шкалам «Безопасность» ($M = 5,12$; $SD = 0,78$) и «Конформность» ($M = 4,89$; $SD = 0,92$). Данные ценностные типы в концепции Ш. Шварца относятся к группе высшего порядка «Сохранение» и ориентируют личность на поддержание стабильности, следование нормам и избегание угроз. Важно подчеркнуть, что высокая выраженность указанных ценностей отражает преимущественно внешнюю регуляцию поведения: студенты признают значимость соблюдения правил информационной безопасности главным образом в силу действия социальных санкций — административных (дисциплинарные взыскания), академических (снижение успеваемости) или репутационных (осуждение со стороны референтной группы).

В противоположность этому, ценности, ассоциируемые с внутренней регуляцией — «Самостоятельность» ($M = 3,21$; $SD = 1,12$) и «Универсализм» ($M = 3,45$; $SD = 1,01$) — получили лишь умеренные показатели, не достигая высокого уровня (5,0—6,0). Низкие значения по шкалам «Стимуляция» ($M = 2,34$), «Власть» ($M = 2,28$) и «Гедонизм» ($M = 2,76$) свидетельствуют о том, что ценности, связанные с риском, доминированием и получением удовольствия, не являются для студентов приоритетными в контексте информационной безопасности.

Для углубленного изучения ценностно-смыслового отношения к информационной безопасности был проанализирован блок из 15 дополнительных суждений, сгруппированных в четыре шкалы, отражающие различные типы регуляции поведения. Результаты представлены в табл. 3.

Наиболее высокие средние баллы зафиксированы по шкалам «Внешняя регуляция» ($M = 5,21$; $SD = 0,69$) и «Утилитарно-прагматические установки» ($M = 4,85$; $SD = 0,74$). Первая шкала фиксирует ориентацию студентов на внешние требования, обязанности и страх перед санкциями; вторая — инструментальное отношение к информационной безопасности как средству достижения практических выгод (сохранение аккаунтов, предотвращение финансовых потерь, защита персональных данных).

Таблица 3

**Выраженность ценностно-смысловых отношений
(дополнительные шкалы информационной
безопасности) у студентов технического вуза ($n = 186$)**

Шкала	Средний балл (M)	Стандартное отклонение (SD)
Внешняя (нормативно-санкционированная) регуляция	5,21	0,69
Утилитарно-прагматические установки	4,85	0,74
Внутренняя (личностно-смысловая) регуляция	3,43	1,03
Рефлексивно-ценностные установки	3,12	1,15

Значения по шкалам «Внутренняя регуляция» ($M = 3,43$; $SD = 1,03$) и «Рефлексивно-ценностные установки» ($M = 3,12$; $SD = 1,15$) находятся в диапазоне средних значений, что свидетельствует о недостаточной сформированности личностного принятия норм информационной безопасности. Таким образом, эмпирически подтверждается преобладание внешних побудителей и инструментальных мотивов над внутренней мотивацией, основанной на осознанной ответственности и этической позиции.

Семантический дифференциал позволил оценить субъективную значимость ключевых понятий информационной безопасности по трем факторам: оценка (E — эмоционально-оценочное отношение: от «опасное/вредное» до «безопасное/полезное»), сила (P — восприятие могущества и влияния понятия) и активность (A — динамическая характеристика, скорость и интенсивность). Результаты представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Средние значения семантического дифференциала
для понятий информационной безопасности ($n = 186$)**

Понятие	Оценка (E)	Сила (P)	Активность (A)
Информационная безопасность	+2,34	+1,87	+1,12
Цифровая гигиена	+1,45	+0,98	+1,21
Пароль	+0,89	+2,01	+2,45
Антивирус	+2,56	+1,94	+2,78
Персональные данные	+2,43	+2,65	+0,87
Киберугроза	-2,12	+2,34	+1,98
Ответственность в сети	+1,78	+1,23	+1,34
Безопасное поведение	+1,34	+1,56	+1,89

Наиболее высокие значения по фактору «Оценка» зафиксированы для понятий «антивирус» ($E = +2,56$), «персональные данные» ($E = +2,43$) и «информационная безопасность» ($E = +2,34$), что свидетельствует о позитивном эмоционально-оценочном отношении студентов к данным явлениям. Напротив, понятие «киберугроза» является единственным, получившим отрицательную оценку ($E = -2,12$), что отражает его однозначное восприятие как нежелательного, угрожающего феномена.

Обращает на себя внимание сравнительно низкая оценка понятия «безопасное поведение» ($E = +1,34$) — самый низкий показатель среди всех понятий с положительной

оценкой. Данный факт указывает на недостаточную эмоциональную привлекательность активной субъектной позиции в сфере информационной безопасности для студентов технического вуза. Аналогично, понятие «цифровая гигиена» получило умеренную оценку ($E = +1,45$), что может свидетельствовать о восприятии его как рутинной, обременительной практики, не обладающей выраженной ценностной привлекательностью.

По фактору «Сила» максимальные значения присвоены понятиям «персональные данные» ($P = +2,65$) и «киберугроза» ($P = +2,34$), что отражает восприятие этих феноменов как обладающих высокой степенью влиятельности и могущества. Студенты осознают, что как персональные данные, так и киберугрозы являются «сильными» сущностями, способными оказывать значительное воздействие на их жизнь.

По фактору «Активность» наиболее высокие показатели демонстрируют «антивирус» ($A = +2,78$) и «пароль» ($A = +2,45$), что характеризует данные средства защиты как динамичные, оперативные инструменты. Наиме-

нее активными воспринимаются «персональные данные» ($A = +0,87$) и «информационная безопасность» ($A = +1,12$), что может указывать на их статичное, фоновое восприятие студентами.

Таким образом, семантический профиль понятий информационной безопасности у студентов технического вуза характеризуется: а) позитивной оценкой инструментальных средств защиты (антивирус, пароль); б) негативной оценкой угрозы (киберугроза); в) парадоксально низкой оценкой активной субъектной позиции (безопасное поведение, цифровая гигиена). Данное рассогласование свидетельствует о том, что студенты воспринимают информационную безопасность преимущественно через призму внешних средств защиты и угроз, а не через собственную ответственность и культуру безопасного поведения.

Контент-анализ ответов на открытые вопросы позволил выявить доминирующие смысловые категории, отражающие имплицитные представления студентов об информационной безопасности, табл. 5.

Таблица 5

Смысловые категории в ответах на открытые вопросы ($n = 186$, множественный выбор)

Вопрос	Варианты ответа	Значение	
		абс	%
Что для Вас лично означает информационная безопасность?	Защита персональных данных от кражи/утечки	125	67,2
	Сохранность аккаунтов и цифровых активов	109	58,6
	Отсутствие негативных последствий (штрафы, блокировки)	82	44,1
	Спокойствие и уверенность при работе в сети	59	31,7
	Профессиональное требование (для будущей работы)	52	28,0
	Ответственность перед другими	24	12,9
	Личностная ценность (принцип, убеждение)	16	8,6
	Затрудняюсь ответить / неопределенный ответ	11	5,9
Почему важно соблюдать правила информационной безопасности?	Предотвращение материального ущерба	134	72,0
	Сохранение репутации и приватности	118	63,4
	Избегание юридической ответственности	87	46,8
	Забота о своей цифровой идентичности	103	55,4
	Общественная безопасность (шире личного)	41	22,0
	Профессиональная необходимость	56	30,1
	Внутреннее убеждение / ответственность	28	15,1
В каких ситуациях Вы готовы пренебречь правилами информационной безопасности и почему?	Экономия времени	90	48,4
	Доверие к знакомому сайту/сервису	78	41,9
	Оценка риска как незначительного	66	35,5
	Социальное давление («все так делают»)	42	22,6
	Отсутствие видимых последствий в прошлом	31	16,7
	Никогда не пренебрегаю	28	15,1
	Другое / ситуативно	19	10,2

Полученные данные свидетельствуют о том, что для большинства студентов информационная безопасность ассоциируется прежде всего с защитой от внешних угроз и избеганием санкций. Этическая и ценностная составляющие встречаются значительно реже. Более 70 % респондентов допускают возможность нарушения правил информационной безопасности в ситуациях, когда это экономит время или когда риск оценивается как незначительный.

На основе кластерного анализа (метод k -средних) по всем диагностическим показателям (оригинальные шкалы Шварца, дополнительные шкалы контекста

информационной безопасности, семантический дифференциал, контент-анализ ответов) было выделено три устойчивых типа ценностно-смыслового отношения студентов к информационной безопасности. Статистическая значимость различий между типами проверена с помощью однофакторного дисперсионного анализа $ANOVA$, $p < 0,01$ для всех ключевых шкал и подтверждает устойчивость выделенной типологии и правомерность ее использования в качестве основы для дифференцированного педагогического сопровождения студентов (табл. 6).

Таблица 6

**Типология ценностно-смыслового отношения студентов к информационной безопасности
(кластерный анализ, $n = 186$)**

Тип	Значение		Характеристика	Средние значения по ключевым шкалам	Результаты контент-анализа (доминирующие категории)
	абс	%			
Нормативно-конформный	90	48,4	Высокие зн. по шкалам «Безопасность» ($M = 5,12$) и «Конформность» ($M = 4,89$), максимальные баллы по внешней регуляции ($M = 5,52$)	Внешняя регуляция: 5,52; Внутренняя регуляция: 2,98; Рефлексивно-ценностные установки: 2,67	Защита персональных данных (71,1 %); избегание санкций (54,4 %); пренебрежение правилами при экономии времени (61,1 %)
Утилитарно-прагматический	61	32,8	Средние значения по шкале «Безопасность», высокие по шкале «Достижение» ($M = 4,12$), максимальные баллы по утилитарно-прагматическим установкам ($M = 5,34$)	Утилитарно-прагматические установки: 5,34; Внешняя регуляция: 4,87; Внутренняя регуляция: 3,21	Сохранность аккаунтов (65,6 %); предотвращение финансовых потерь (60,7 %); пренебрежение правилами при доверии к знакомым ресурсам (50,8 %)
Рефлексивно-ценностный	35	18,8	Наиболее высокие показатели по шкалам «Самостоятельность» ($M = 4,56$) и «Универсализм» ($M = 4,23$), максимальные баллы по внутренней регуляции ($M = 4,98$) и рефлексивно-ценностным установкам ($M = 4,85$)	Внутренняя регуляция: 4,98; Рефлексивно-ценностные установки: 4,85; Внешняя регуляция: 3,12	Личностная ценность информационной безопасности (48,6 %); ответственность перед другими (42,9 %); никогда не пренебрегают правилами (57,1 %)

Представленная типология демонстрирует качественное своеобразие ценностно-смыслового отношения студентов к информационной безопасности.

Нормативно-конформный тип, охватывающий почти половину выборки студентов технического вуза (48,4 %), ориентирован на внешние регуляторы поведения, где они признают важность соблюдения правил информационной безопасности, однако их мотивация носит внешний характер, поскольку они следуют нормативам из страха перед наказанием или под давлением социальных ожиданий, что подтверждается результатами контент-анализа — доминирующими категориями ответов являются «защита персональных данных» (71,1 %) и «избегание санкций» (54,4 %), а 61,1 % респондентов этого типа допускают пренебрежение правилами в ситуациях, требующих временных затрат.

Утилитарно-прагматический тип (32,8 %) руководствуется рациональным расчетом, при котором соблюдение мер информационной безопасности ценится постольку, поскольку оно приносит практическую пользу — сохраняет аккаунты, предотвращает финансовые потери и защищает цифровые активы; контент-анализ показал, что для данной группы наиболее значимы категории «сохранность аккаунтов» (65,6 %) и «предотвращение финансовых потерь» (60,7 %), при этом 50,8 % студентов этого типа готовы пренебречь правилами, если ресурс кажется им знакомым и надежным, что указывает на действие эвристики доверия, снижающей бдительность.

Рефлексивно-ценностный тип, являющийся наименьшей группой (18,8 %), демонстрирует сформированную внутреннюю регуляцию, где студенты осознанно и ответственно подходят к вопросам информационной безопасности, воспринимая ее не как внешнее требование, а как личностную ценность и компонент общей культуры; контент-анализ зафиксировал, что 48,6 % респондентов этого типа связывают информационную безопасность с личностной ценностью, 42,9 % — с ответственностью перед другими, а 57,1 % заявляют, что никогда не пренебрегают правилами, в связи с чем данный тип может рассматриваться как целевой ориентир при проектировании педагогических стратегий формирования культуры информационной безопасности.

Заключение и выводы

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и решить сформулированные задачи, а именно:

1. Выявлена структура ценностно-смысловых ориентаций студентов технического вуза в области информационной безопасности. Установлено, что доминирующими являются ценности нормативно-санкционированной безопасности и конформности, тогда как рефлексивно-ценностные и этические компоненты выражены слабо. Это подтверждает гипотезу о преобладании внешней регуляции.

2. Описано содержательное наполнение ценностно-смыслового отношения через анализ ответов на проективные вопросы. Показано, что для большинства студентов информационная безопасность означает прежде всего защиту от конкретных угроз и избегание санкций; личностно-смысловое принятие норм информационной безопасности встречается лишь у 8,6 % респондентов.

3. Разработана типология ценностно-смыслового отношения к информационной безопасности («нормативно-конформный», «утилитарно-прагматический», «рефлексивно-ценностный» типы), которая может служить основой для дифференцированного педагогического сопровождения.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что существующая в технических вузах информационно-предупредительная модель формирования культуры информационной безопасности, ориентированная на передачу нормативных знаний и алгоритмических предписаний, достигает своих целей лишь на уровне внешней регуляции. Студенты знают правила, но не присваивают их как личностно значимые; они осознают риски, но не развивают устойчивую внутреннюю мотивацию к безопасному поведению.

В связи с этим обосновывается необходимость перехода к аксиологически ориентированной модели формирования культуры информационной безопасности, которая предполагает:

- Смещение фокуса с трансляции норм на рефлексии ценностей. В содержание дисциплин, связанных с информационной безопасностью, необходимо включать модули,

направленные на осмысление студентами ценностных оснований безопасного поведения (этические дилеммы, анализ кейсов, дискуссии о личной и профессиональной ответственности).

- Развитие внутренней регуляции через опыт проживания ситуаций выбора. Использование активных и интерактивных методов обучения (деловые игры, проектные задачи, симуляции) позволяет студентам не только узнавать правила, но и «проживать» ситуации, в которых требуется сделать выбор между безопасностью и удобством, риском и выгодой.

- Формирование рефлексивно-ценностных установок. Необходимо целенаправленно развивать у студентов способность рефлексировать последствия своих действий в цифровой среде не только для себя, но и для других людей, формируя понимание информационной безопасности как компонента общей культуры и профессиональной этики.

- Интеграцию ценностного компонента в профессиональную подготовку. Ценности информационной безопасности должны быть встроены в содержание профессиональных дисциплин и практик, а не оставаться изолированным блоком в рамках курсов по информационной безопасности.

- Мониторинг ценностно-смысловой динамики. Регулярное использование разработанного диагностического инструментария позволит отслеживать изменения ценностно-смыслового отношения студентов и корректировать педагогические воздействия.

- Переход от информационно-предупредительной модели формирования культуры информационной безопасности к аксиологически ориентированной представляет собой не просто методическое уточнение, а смену образовательной парадигмы, в центре которой находится не трансляция знаний о безопасности, а развитие личности, способной к рефлексивному, ответственному и ценностно-обоснованному поведению в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 42—57. DOI: 10.17759/sps.2019100404.
2. Астахова Л. В. Развитие профессиональной ответственности будущего специалиста по защите информации в вузе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. Т. 14. № 2. С. 21—29. DOI: 10.14529/ped220202.
3. Бегишев И. Р. Культура информационной безопасности: психолого-правовой аспект // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 207—220. DOI: 10.17759/psylaw.2021110415.
4. Белов Е. Б., Ожиганова М. И., Костюков А. Д. К вопросу о культуре информационной безопасности // Социотехнические и гуманитарные аспекты информационной безопасности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пятигорск : Пятигор. гос. ун-т, 2019. С. 43—48.
5. Бурнашев Р. Ф., Давронова Р. Г. Информационная безопасность личности как аксиологическая проблема: социально-философский анализ // Universum: общественные науки. 2024. № 12(115). DOI: 10.32743/UniSoc.2024.115.12.18844.
6. Былевский П. Г. Культурологические аспекты профессиональной культуры информационной безопасности // Культура и искусство. 2023. № 8. С. 39—49. DOI: 10.7256/2454-0625.2023.8.43846.
7. Воскресенская О. А., Сладкова Н. М., Горковенко Ю. Л. Оценка ценностно-мотивационных установок сотрудника в области обеспечения информационной безопасности // Социально-трудовые исследования. 2022. № 1(46). С. 142—153.
8. Галыня А. В. Культура информационной безопасности как элемент стратегического управления рисками в киберпространстве // Дорожно-транспортный комплекс: состояние, проблемы и перспективы развития : сб. науч. тр. XXIV Междунар. техн. науч.-практ. конф. Чебоксары : Волж. фил. Моск. автомот.-дорож. гос. техн. ун-та (МАДИ), 2025. С. 506—510.
9. Голушко Т. К. Информационный иммунитет как ключевое понятие информационно-психологической безопасности личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 6. С. 1483—1495. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-6-1483-1495.
10. Кавецкий Д. Б., Кавецкая Н. В. Взаимосвязь информационно-психологической безопасности и ценностно-смысловой сферы личности современной молодежи // Вестник педагогических наук. 2022. № 7. С. 26—33.
11. Малюк А. А., Малюк З. П. Актуальные вопросы создания системы массового обучения культуре информационной безопасности // Безопасность информационных технологий. 2021. Т. 28. № 4. С. 6—21.
12. Нархов Д. Ю., Нархова Е. Н., Ярутина С. А., Шкурин Д. В. Социокультурный потенциал студенчества в аспекте информационной безопасности и профессиональной подготовки // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 2. С. 20—34. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.2.2.
13. Рудинский И. Д., Околот Д. Я. Формирование культуры информационной безопасности студентов колледжа // Информатика и образование. 2019. № 9(308). С. 29—36. DOI: 10.32517/0234-0453-2019-34-9-29-36.
14. Рудкевич Е. Ю. Ценности: ресурс обеспечения национальной безопасности // Вестник Поволжского института управления. 2024. Т. 24. № 2. С. 62—70.
15. Федорова С. Н., Кулебяев М. А. Модель и педагогические условия формирования культуры информационной безопасности у студентов технического вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2024. Т. 18. № 3. С. 340—350. DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-3-340-350.
16. Яковлева Е. А., Евсюкова Н. Ю., Соловьева С. А. Профессиональная идентичность студентов технических вузов в контексте образовательной среды // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN525.pdf>.

REFERENCES

1. Aysina R. M., Nesterova A. A. Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*. 2019;10(4):42–57. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2019100404.
2. Astakhova L. V. Development of professional responsibility of a future specialist in information security at the university. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogy*. 2022;14(2):21–29. (In Russ.) DOI: 10.14529/ped220202.
3. Begishev I. R. Cyber-Security Culture: Psychological and Legal Aspects. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2021;11(4):207–220. (In Russ.) DOI: 10.17759/psylaw.2021110415.
4. Belov E. B., Ozhiganova M. I., Kostyukov A. D. On the issue of information security culture. *Sotsiotekhnicheskie i gumanitarnye aspekty informatsionnoi bezopasnosti = Sociotechnical and humanitarian aspects of information security. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Pyatigorsk, Pyatigorsk State University publ., 2019:43–48. (In Russ.)
5. Burnashev R., Davronova R. Personal information security as an axiological problem: socio-philosophical analysis. *Universum: obshchestvennye nauki*. 2024;12(115). (In Russ.) DOI: 10.32743/UniSoc.2024.115.12.18844.
6. Bylevskiy P. G. Culturology of professional culture of information security. *Kul'tura i iskusstvo*. 2023;8:39–49. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0625.2023.8.43846.
7. Voskresenskaya O. A., Sladkova N. M., Gorkovenko Yu. L. Assessment of the value and motivational attitudes of the employee in the area of information security. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & labour research*. 2022;1(46):142–153. (In Russ.)
8. Galynya A. V. Information security culture as an element of strategic risk management in cyberspace. *Dorozhno-transportnyi kompleks: sostoyanie, problemy i perspektivy razvitiya = Road transport complex: current state, challenges, and development prospects. Collection of scientific papers of the XXIV International technical and scientific and practical conference*. Cheboksary, Volga branch of the Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI) publ., 2025:506–510. (In Russ.)
9. Golushko T. K. Information immunity as a key concept of information and psychological security of the individual. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2022;27(6):1483–1495. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-6-1483-1495.
10. Kavetsky D. B., Kavetskaya N. V. The relationship of information and psychological security and the value-semantic sphere of the personality of modern youth. *Vestnik pedagogicheskikh nauk*. 2022;7:26–33. (In Russ.)
11. Malyuk A. A., Malyuk Z. P. Topical issues of creating a mass education system for information security culture. *Bezopasnost' informatsionnykh tekhnologii = IT Security (Russia)*. 2021;28(4):6–21. (In Russ.)
12. Narkhov D. Yu., Narkhova E. N., Yarutina S. A., Shkurin D. V. Sociocultural potential of students in reflecting of information safety and professional education. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = PNRPU sociology and economics bulletin*. 2021;2:20–34. (In Russ.) DOI: 10.15593/2224-9354/2021.2.2.
13. Rudinskiy I. D., Okolot D. Ya. The formation of information security culture of college students. *Informatika i obrazovanie = Informatics and education*. 2019;9:29–36. (In Russ.) DOI: 10.32517/0234-0453-2019-34-9-29-36.
14. Rudkevich E. Yu. Values: national security resource. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. 2024;24(2):62–70. (In Russ.)
15. Fedorova S. N., Kulebyaev M. A. The model and pedagogical conditions for the formation of an information security culture among students of a technical university. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Mari State University*. 2024;18(3):340–350. (In Russ.) DOI: 10.30914/2072-6783-2024-18-3-340-350.
16. Yakovleva E. A., Evsyukova N. Yu., Solovyova S. A. Professional identity of students of technical universities in the context of the educational environment. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(5). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/14PSMN525.pdf>.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 27.03.2026; принята к публикации 30.03.2026.
The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 27.03.2026; accepted for publication 30.03.2026.

Научная статья
УДК 372.881.161.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1612

Timur Ulugbekovich Muratov
teacher of the First Qualification Category,
teacher of Russian as a foreign language,
International Cooperation Centre
of the Ministry of Education of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
muratov.timur@inbox.ru

Тимур Улугбекович Муратов
учитель первой квалификационной категории,
учитель русского языка как иностранного,
Центр международного сотрудничества
Министерства просвещения Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
muratov.timur@inbox.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РАЗВИТИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье рассматривается проблема обучения безэквивалентной лексике в узбекско-язычной аудитории на занятиях по русскому языку как иностранному на базовом этапе обучения. Предметом исследования выступают дидактические возможности работы с лексическими лакунами, отражающими национально-культурную специфику русского языка. Целью исследования является разработка и обоснование системы упражнений, направленных на семантизацию и закрепление безэквивалентной лексики. В качестве рабочей гипотезы выдвигается предположение о том, что интеграция традиционных лингводидактических методов с нейросетевыми технологиями способствует более эффективному усвоению данной лексики. Методологическую основу исследования составляют методы сравнительного анализа, диалога культур, ассоциаций, моделирования ситуаций общения, а также элементы игрового обучения. В работе также учитываются возможности использования генеративных нейросетевых инструментов в образовательном процессе. В результате исследования разработан комплекс упражнений,

направленных на поэтапное освоение безэквивалентной лексики, связанной с тематическими группами «Жилище», «Одежда» и «Сказочные персонажи». Доказано, что предложенные формы работы способствуют активизации познавательной деятельности учащихся, формированию навыков устной и письменной речи, а также развитию межкультурной компетенции. Практическая значимость работы заключается в возможности применения предложенных материалов в курсе русского языка как иностранного в школах с узбекским языком обучения. Ограничения исследования связаны с рамками одного учебного уровня и конкретного учебника «Русский язык» для 5 классов (под редакцией Е. А. Хамраевой). Перспективы дальнейших исследований предполагают расширение корпуса дидактических материалов и их адаптацию для других этапов обучения.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, безэквивалентная лексика, лексические лакуны, русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, методы обучения, нейросетевые технологии, диалог культур, игровые методы, узбекскоговорящие инофоны

Для цитирования: Муратов Т. У. Применение искусственного интеллекта в развитии лингвокультурологической компетенции на уроках русского языка как иностранного // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 554—561. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1612.

Original article

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO DEVELOP LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE AT THE RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article examines the problem of teaching non-equivalent vocabulary to Uzbek-speaking learners at the Russian as a foreign language (RFL) lessons at the elementary stage. The subject of the study is the didactic potential of working with lexical lacunae that reflect the national and cultural specificity of the Russian language. The aim of the research is to develop and substantiate a system of exercises focused on the semanticization and consolidation of non-equivalent vocabulary within an intercultural approach. The working hypothesis suggests that the integration of tradi-

tional linguodidactic methods with neural network technologies makes acquisition of vocabulary more effective. The methodological framework includes comparative analysis, the dialogue of cultures, associative methods, modeling of communicative situations, as well as elements of game-based learning. The study takes into account the possibilities of using generative neural network tools in the educational process. As a result, a set of exercises has been developed. The exercises are aimed at the gradual acquisition of non-equivalent vocabulary related to the thematic groups “House”, “Clothing” and “Fairy-tale

characters". The proposed forms of work enhance students' cognitive activity, contribute to the development of oral and written speech skills, and foster intercultural competence. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the proposed materials in RFL courses in schools with Uzbek as the language of study. The limitations of the research are connected with the scope of a single educational level and a specific textbook, "Russian Language"

for Grade 5 (edited by E. A. Khamraeva). Prospects for further research include expanding the corpus of didactic materials and adapting them for other stages of learning.

Keywords: linguistic and cultural competence, non-equivalent vocabulary, lexical lacunae, Russian as a foreign language, intercultural communication, teaching methods, neural network technologies, dialogue of cultures, game-based methods, Uzbek-speaking learners

For citation: Muratov T. U. Using artificial intelligence to develop linguistic and cultural competence at the Russian as a foreign language lessons. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):554—561. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1612.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных методических подходов к обучению безэквивалентной лексике на базовом этапе обучения, когда закладываются основы лингвокультурологической компетенции учащихся. Использование нейросетевых технологий является необходимым шагом для модернизации методики преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) в условиях цифровизации образования.

Изученность проблемы. Несмотря на наличие теоретических работ С. И. Титковой [1], Т. Ю. Данильченко [2] и Д. Г. Толиповой [3], посвященных лакунам и их классификации, вопросы практической реализации методики их преподавания, особенно с учетом цифровых технологий, остаются недостаточно разработанными.

Формирование лингвокультурологической компетенции в обучении РКИ связано с освоением безэквивалентной лексики. В этом контексте значимо исследование Л. В. Павлюкевича и А. Д. Ефименко [4], где анализируются подходы к обучению (визуализация, дефиниции, контекст, синонимы) и отмечается их ограниченность, особенно на начальном этапе.

Проблема лакунарности как проявления безэквивалентности рассматривается в работе Г. Н. Теряевой, Е. Ю. Фатюшиной и Т. И. Шатровой [5], на основе опросов выявляются проблемные категории и предлагаются методы сглаживания различий. Л. Р. Бакирова предлагает поэтапную методику работы с языковыми единицами, направленную на освоение культурных смыслов русского языка [6].

М. А. Абдурахимова и Л. Т. Рузиева [7] рассматривают интерактивные технологии как эффективный способ освоения безэквивалентной лексики, обосновывая необходимость игровых методов и указывая на ограниченность традиционного обучения. В. А. Токарев предлагает сравнительный метод как универсальный инструмент развития одаренности, применимый не только в РКИ, но и в преподавании дисциплин в целом [8]. Повышению мотивации способствуют игровые технологии, предложенные В. М. Филипповой [9], а также метод ассоциаций и мнемотехники, описанные Е. Ю. Шамсутдиновой и О. М. Кутсони [10]. Реализация принципа «диалога культур» и создание естественных ситуаций общения рассматриваются в работах Р. В. Лопухиной [11], Т. И. Спатарь-Козаченко, Э. А. Гозаловой и А. В. Королевой [12].

Особенности формирования речевых навыков и работы с языковым материалом исследуют А. М. Мурадова, раскрывающая основы монологической речи [13], и К. О. Грушевская, обосновывающая использование лексических карточек [14]. Методике обучения аудированию посвящена

работа Т. Е. Найдиной и Е. К. Поляковой [15]. Потенциал работы с литературной цитатой анализируют А. И. Дунев и Е. В. Парышева [16], а вопросы развития когнитивного мышления учащихся — А. М. Меляева, М. С. Гурбансахедова и А. К. Беглиева [17].

Дальнейшее развитие поиска новых стратегий в обучении связано с использованием искусственного интеллекта. Е. В. Рублева классифицирует виды искусственного интеллекта в методике РКИ [18]. О. Н. Логунова на примере платформы DeepSeek показывает их применение на уровне А0—А1, отмечая рост мотивации учащихся и упрощение подготовки преподавателя [19].

Таким образом, проблема формирования лингвокультурологической компетенции активно изучается, однако поиск более эффективных средств обучения остается актуальным.

Научная новизна исследования заключается в интеграции традиционных лингводидактических методов с возможностями нейросетевых технологий при обучении безэквивалентной лексике в узбекскоязычной аудитории. Впервые предлагаются упражнения, сочетающие методы диалога культур, ассоциативного обучения и моделирования речевых ситуаций с использованием генеративных инструментов.

Целесообразность разработки темы. Освоение безэквивалентной лексики в курсе русского языка как иностранного способствует развитию речевых навыков обучающихся и более глубокому пониманию национально-культурной специфики языка, установлению связи между языком и культурой, а также осознанному восприятию и интерпретации реалий иной социокультурной среды. Это обеспечивает более эффективное включение в межкультурную коммуникацию и повышает результативность обучения [3, с. 61].

Использование генеративных инструментов для визуализации и моделирования ситуаций позволяет:

- сделать материал наглядным;
- активизировать познавательную деятельность;
- развивать критическое мышление;
- повысить мотивацию за счет интерактивности и новизны форм работы.

Цель исследования — разработать и обосновать дидактические материалы, направленные на эффективное усвоение безэквивалентной лексики в курсе русского языка как иностранного на базовом этапе обучения.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- выявить особенности представления безэквивалентной лексики в учебных материалах для узбекскоязычной аудитории;

- разработать комплекс упражнений, направленных на семантизацию и закрепление данных единиц;
- определить методические условия эффективного использования нейросетевых технологий в обучении.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении подходов к обучению безэквивалентной лексики в контексте межкультурной коммуникации.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования разработанных дидактических материалов в образовательной практике преподавания русского языка как иностранного.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В процессе исследования были рассмотрены существующие подходы к определению и классификации лакун в современной лингводидактике. Согласно одной из точек зрения, в ситуации, когда в одном языке понятие отсутствует, а в другом оно есть, для первого языка это является лакуной, тогда как для второго само это слово считается безэквивалентным [20, с. 90]. Подробная типология лакун представлена в работе С. И. Титковой. Она выделяет следующие типы лакун: текстовые; культурологические; лакуны фоновых знаний; поведенческие; кинесические; речевые; языковые [1, с. 41]. Однако в основу нашего исследования легла классификация Л. Р. Бакировой, которая описывает, прежде всего, языковые лакуны и выделяет следующие их группы: имена собственные, одежда, обувь, украшения, предметы традиционного быта, музыкальные инструменты, мифологические и сказочные существа, еда и напитки, народные игры [6, с. 171].

Лакуны этих лексических групп представлены в текстах учебника для 5 класса школ среднего общего образования с узбекским и другими языками обучения «Русский язык» под научной редакцией Е. А. Хамраевой [21]. Например, лакуны для узбекской культуры — *изба*, *каравай*, *лапти*, *кокошник*, *балалайка*, *береста*, *жар-птица*, *золотая рыбка*, *аленький цветочек* и др. Стоит отметить, что эти слова не представлены в базовых лексических минимумах начальных уровней РКИ. Включение данных лакун в учебный процесс создает дополнительный когнитивный барьер для учащихся, что требует от учителя подробного лингвокультурологического комментирования. Разработанные нами упражнения направлены на семантизацию и закрепление в тезаурусе языковой личности школьников некоторых вышеперечисленных лексем. Внедрение разработанных упражнений в учебный процесс представляется методически целесообразным на разных этапах обучения в течение всего учебного года.

При разработке упражнений, связанных с лакунами по теме «жилище», мы обратились к нейросети-генератору изображений *Midjourney*, поскольку использование нейросетевых инструментов на этапе подготовки урока русского языка как иностранного позволяет оптимизировать процесс отбора наглядного материала [18, с. 189]. С помощью *Midjourney* были созданы визуальные образы, иллюстрирующие семантические различия между такими лакунами, как *изба*, *хата* и *терем*. Все сгенерированные изображения и сопровождающие комментарии были отобраны и отредактированы в соответствии с целью и задачами урока.

Следующий блок упражнений, направленный на работу с безэквивалентной лексикой, связан с русской традиционной одеждой. В учебнике «Русский язык» лекси-

ческий материал по этой теме несколько рассредоточен. Так, слова *кокошник* и *сарафан* включаются в тексты темы «Национальные костюмы» и семантизируются составителями учебника, в то время как лексема *кафтан* представлена лишь на уровне визуализации [21, с. 75]), что может затруднить выполнение задания по описанию внешности персонажа (упражнение 6 [21, с. 75]). Слово *кафтан* отсутствует как в адаптированном тексте сказки «Иван-царевич и серый волк», так и в поурочном глоссарии. Лексема *лапти* вводится составителями изолированно в параграфе «Первые книги на Руси» и не связывается с основной лексикой тематической группы «Одежда». Такая «рассеянность» лингвокультурологических единиц по разным темам и текстам требует систематизации и обобщающего повторения всех безэквивалентных слов для формирования у учащихся полного представления о круге изучаемых понятий.

Последние упражнения направлены на работу с лакунами, называющими героев русских народных сказок. Данные единицы безэквивалентной лексики также рассредоточены по различным тематическим разделам учебной программы 5 класса, поэтому, на наш взгляд, нуждаются в системном обобщении и повторении. Применение разработанных упражнений представляется возможным в конце учебного года, когда учащиеся уже знакомы с прецедентными текстами, которые актуализируются при выполнении проекта «Этот сказочный мир» [21, с. 34].

Разработанные упражнения направлены на поэтапную семантизацию данных единиц через метод сравнительного анализа, метод диалога культур, метод ассоциаций, метод моделирования ситуации живого общения, метод работы с цитатой, игровой метод.

Результаты исследования. Первое упражнение, связанное с лакунами по теме «Жилище», направлено на работу со словом *изба*. Лексема *изба* является единственным безэквивалентным названием жилища, представленным в учебнике «Русский язык» (тема «Русский быт. Традиции» [21, с. 27]), за исключением лексемы *землянка*, которая получает толкование, но не включается в глоссарий к уроку [21, с. 50]. Включение лакун *терем* и *хата* в учебный процесс позволяет разграничить социальные и региональные аспекты русского быта. Лакуна *терем* описывает уклад жизни богатого человека, в то время как лакуна *хата* отражает особенности жилища на юге, поэтому каждая из этих лакун требует семантизации и дифференциации их признаков.

Данная форма работы должна осуществляться после разбора текста «Русская изба» [21, с. 27], а также после объяснения грамматического материала [21, с. 28] — суффиксы относительных прилагательных (например, в словах *глиняный*, *деревянный*, *соломенный*), поскольку данные лексемы содержатся в тексте упражнения. Разработанное задание базируется на традиционном методе сравнительного анализа [8, с. 44]. **Цель данного упражнения** — активизировать познавательную деятельность учащихся и способствовать прочному запоминанию лакун, обозначающих традиционное жилище.

Задание № 1

Рассмотрите генерацию нейросети *Midjourney* (рис. 1) и прочитайте текстовый комментарий, который объясняет значение каждого слова. Заполните представленную таблицу.

Рис 1. Генерация нейросети Midjourney по запросам «изба», «терем», «хата»

Пример заполненной таблицы

	Терем	Изба	Хата
Кто здесь живёт?	бояре/князья	северные крестьяне	южные крестьяне
Из чего сделан дом?	дерево (сосна, лиственница)	дерево (сосна, ель, лиственница)	мазанка — прутья, обмазанные глиной
Как выглядит дом снаружи?	высокое строение, «гульбища» (балконы), сложная крыша	есть окна с деревянными задвижками, сени (холодное помещение, отделяющее жилую часть от улицы)	стены всегда белые, крыша из соломы

Терем — это жилое здание из дерева высокого качества (сосны или лиственницы), предназначенное для проживания бояр и князей. Особенностью терема является его высота и сложность конструкции. Снаружи дом украшается «гульбищами» — балконами, что подчеркивает высокий статус владельца.

Изба — это традиционное деревянное жилище северных крестьян, материалом для которого служили хвойные породы деревьев: сосна, ель или лиственница. Это прочное строение, архитектура которого подходит для холодного климата. Обязательным элементом избы являются сени — холодное помещение, отделяющее жилую зону от улицы для сохранения тепла. У избы есть небольшие окна с деревянными задвижками, защищающие жильцов от холода и ветра.

Хата — это традиционный дом южных крестьян, он отличается от северных построек техникой возведения. Хата представляет собой мазанку: каркас из прутьев, обмазанный глиной. Снаружи стены хаты всегда белые, что придает ей красивый вид. Крыша всегда соломенная. Эта конструкция идеально подходит для южного климата, обеспечивает прохладу в жару и защиту от ветров.

На этапе самоконтроля учащимся нужно работать с иллюстрацией, которая намеренно сгенерирована нейросетью Midjourney с ошибками (по запросу «терем из мазанки в южном лесу»). Послетекстовое упражнение направлено на развитие критического мышления. Такой тип работы превращает пассивное запоминание в активное использование знаний. Работа над ошибками нейросети воспринимается школьниками как игровая задача, что повышает их мотивацию [9, с. 28]. **Цель упражнения** — развитие навыков письменной речи. Учащимся нужно не только правильно определить ошибку, но и выстроить логически связанное доказательство на русском языке.

Задание № 2

Посмотрите на рис. 2. Это изображение к слову «терем» сделала нейросеть. Найдите ошибки и ответьте письменно (2—3 предложениями), какие ошибки допустила нейросеть.

Рис. 2. Генерация нейросети Midjourney по запросу «терем из мазанки в южном лесу»

В качестве домашней работы обучающимся предлагается взаимодействие с нейросетью. Упражнение реализует метод диалога культур, т. к. формирование представлений о русской избе происходит не изолированно, а через сопоставление с родными культурными реалиями. Такой подход превращает лексическую лауну в культурологическое знание, позволяющее обучающемуся осознать ценность обеих культур в их взаимосвязи [11, с. 134]. В данном случае использование нейросети во время выполнения домашней работы может частично заменить носителя культуры, что существенно экономит ресурсы учителя. Кроме того, монологическая форма речи выступает инструментом не только передачи информации, но и когнитивного развития личности [13, с. 207]. **Цель упражнения** — формирование умений монологической речи учащихся на основе сопоставления русских и узбекских культурных реалий с использованием нейросети как источника информации.

Задание № 3

Введите запрос в доступную нейросеть (например, Deepseek): «Расскажи, что общего и чем отличается русская изба от традиционного узбекского жилища ховли?» Самостоятельно подготовьте устный монолог на основе выданной генерации (8—10 предложений).

В начале второго урока по теме «Русский быт. Традиции» после проверки домашнего задания учащимся может быть предложена работа со сгенерированными нейросетью группами слов-ассоциаций в целях рециркуляции изученной лексики. Данная форма работы может быть выполнена перед прочтением текста «Три брата» [21, с. 28]. Внедрение упражнения на предтекстовом этапе обусловлено необходимостью актуализации лексики тематической группы «Материалы», что готовит учащихся к пониманию главной темы текста — зависимости прочности дома от его материала. На данном этапе работы реализуется метод ассоциации. Искусственный интеллект *Deepseek* обеспечивает генерацию подходящих ассоциативных рядов, выделяя наиболее частотные, ядерные признаки лакун [19, с. 147]. Согласно одной из точек зрения, слово закрепляется в долговременной памяти эффективнее не за счет повторения, а за счет ассоциирования [10, с. 339].

Задание № 4

Прочитайте ассоциации нейросети. О каком типе традиционного жилища идет речь (изба, терем или хата)? Устно объясните свой ответ. Подберите собственную ассоциацию к каждой группе.

Группа А: Дерево, русская печь, деревня, красный угол, крестьянин, север; Группа Б: Белые стены, мазанка, соломенная крыша, юг, тепло; Группа В: Боярский двор, высокий, резьба, богатый, балконы.

Следующее задание направлено на семантизацию лексики *кафтан* и разработано для уроков по теме «Этот сказочный мир. Иван-царевич и серый волк» [21, с. 74]. Данное упражнение актуализирует две фундаментальные темы русской грамматики, вызывающие сложности у инофонов 5 класса. В узбекском языке отсутствует категория рода, в то время как при заполнении пропусков в окончаниях прилагательных необходимо учитывать и род, и число существительного. Материалы задания помогают учащимся запомнить основные принципы согласования существительных и прилагательных. Более того, выбор глагольного времени в словах *напоминать*, *носить* требует от инофонов анализа контекста. Реализация данной формы работы целесообразна с опорой на иллюстрацию И. Я. Билибина [21, с. 74] в процессе аналитической беседы по фрагменту сказки «Иван-царевич и серый волк» (№ 3) [21, с. 74].

Задание № 5

Впишите недостающие окончания в словах и раскройте скобки в представленном тексте.

Кафтан — это старинн... мужская одежда, похожая на длинн... пальто или плотн... халат. Он (напоминать) узбекск... чапан: такой же свободный, с длинными рукавами. Раньше на Руси кафтан (носить) все — и прост... люди, и цари, только у царей кафтан был из дорогой ткани с красивыми узорами. Иван-царевич одет именно в дорогой красн... кафтан.

Следующее упражнение разработано для уроков 61—64, связанных с повторением предложно-падежной системы имен существительных [21, с. 98—103]. К этому моменту учащиеся осваивают все обходимые лакуны, связанные с одеждой (*кокошник, сарафан, кафтан, лапти*). Использование опорной схемы упражнения требует от учащихся повторения и правильного употребления падежных форм с предлогами «из» (с формой родительного падежа) и «на» (с формами винительного падежа). Данное упражнение моделирует ситуацию живого общения за счет создания коммуникативной установки. Использование конкретного адресата и готовой речевой модели заставляет ученика адаптировать

информацию для собеседника [12, с. 143]. **Цель упражнения** — формирование навыков ведения диалога на русском языке, в ходе которого учащиеся учатся ясно и доступно описывать предмет и объяснять его назначение.

Задание № 6

Представьте, что вы проводите экскурсию для своего иностранного друга или рассказываете однокласснику о старинных русских традициях. Выберите один из предметов одежды (кокошник, сарафан, кафтан или лапти) и объясните собеседнику, зачем он нужен. Воспользуйтесь текстом учебника, если это необходимо.

Используйте предложенную схему, чтобы ваш рассказ получился понятным и интересным. Разыграйте этот диалог в паре: один объясняет, а другой внимательно слушает и задает уточняющие вопросы (из какого материала сделана одежда, когда и кто носил этот предмет одежды).

Схема для рассказа:

[Слово] — это...

Обычно его делают из...

Раньше его надевали...

Пример: Кокошник — это очень красивый женский русский головной убор. Обычно его делают из толстой бумаги или бересты и украшают жемчугом. Раньше женщины надевали его только на большой праздник, потому что это был очень дорогой предмет!

Выполнение следующего упражнения мы считаем целесообразным на этапе актуализации знаний урока по теме «В библиотеке» [21, с. 92]. Изучающим РКИ на базовом уровне предлагается работа с карточками, которые помогут вспомнить лакуны, связанные с прецедентными текстами. В качестве примера мы сгенерировали словарную карточку в нейросети *Midjourney* (рис. 3). Метод словарных карточек остается ценным инструментом для изучения лексики, особенно в сочетании с современными онлайн-ресурсами и технологиями [14, с. 198]. **Цель данного упражнения** — развитие устной речи и навыков описания на русском языке, а также закрепление лексики, связанной с персонажами русских сказок.

Задание № 7

Посмотрите на карточку. Устно опишите героя сказки так, чтобы одноклассники поняли, о ком идет речь. Главное правило — нельзя упоминать имя персонажа и название сказки. Можно описывать внешность, черты характера, типичные поступки, магические предметы или место жительства героя.

Рис. 3. Генерация словарной карточки нейросети *Midjourney* по запросу «Золотая рыбка»

Методическая ценность данного упражнения заключается в том, что оно направлено на развитие навыков аудирования [15, с. 88]. Учащиеся воспринимают на слух небольшие тексты-описания, доступные для базового уровня владения языком. В них содержатся краткие и относительно простые описания, которые, однако, требуют внимательного прослушивания и понимания. **Цель данного упражнения** — закрепление и актуализации лексики, связанной с тематикой русских народных сказок. В тексте для аудирования используются слова и выражения, входящие в тематическую группу «Сказка» и включенные в тексты проекта «Этот сказочный мир» (например: *чудище, золотые яблоки, исполняет желания, волшебная сила*) [21]. Важным аспектом работы является и развитие социокультурной компетенции. Упражнение позволяет инофонам лучше запомнить традиционные сказочные сюжеты.

Задание № 8

Прослушайте пять высказываний. Подпишите рядом с высказыванием имя сказочного героя, о котором идёт речь. (Читает учитель).

А: Это растение — самое красивое в мире. Оно зелёного и алого цвета. Растёт в саду у страшного чудища. Купец сорвал его для своей любимой младшей дочери. (Аленький цветочек).

Б: Этот сказочный персонаж вор, который клюёт золотые яблоки в саду. У этого сказочного героя есть яркие перья. (Жар-птица).

В: Этот сказочный герой живёт в море и умеет говорить человеческим голосом. Она исполняет три желания, но не любит жадных людей. Её поймал старик. (Золотая рыбка).

Г: Этот зверь обладает волшебной силой и может очень быстро бегать. Он стал верным другом для Ивана-царевича: помогал ему добыть коня и спасти Елену Прекрасную. (Серый волк).

В целях закрепления материала в качестве домашней работы учащиеся получают карточку без текстового пояснения, но с портретом сказочного персонажа. В случае возникновения трудностей с определением сказочного героя обучающиеся могут обратиться к нейросети, используя функцию текстового описания. Затем учащиеся находят самую узнаваемую фразу этого персонажа с помощью нейросети и записывают ее на обороте карточки. Например, при получении запроса «*Напиши самую известную фразу Золотой рыбки*», алгоритмы нейросети *DeepSeek* выдают реплику: «*Не печалься, ступай себе с богом...*» На этапе проверки домашнего задания учащиеся по очереди зачитывают получившиеся фразы, а класс угадывает героя, название произведения и автора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Титкова С. И. Языковая лакуна в практике преподавания РКИ // Русский язык за рубежом. 2007. № 3(202). С. 39—50.
2. Данильченко Т. Ю. Лакуны, их признаки и типология // Культурная жизнь Юга России. 2010. № 1(35). С. 12—15.
3. Толипова Д. Г. Лакуны в русском языке: понятие, классификация и значение в межкультурной коммуникации // Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве. 2025. № 1(5). С. 61—64.
4. Павлюкевич Л. В., Ефименко А. Д. Особенности обучения безэквивалентной лексике на уроках иностранного языка // Язык. Образование. Культура : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. электрон. конф. Курск : Изд-во КГМУ, 2024. С. 394—398.
5. Теряева Г. Н., Фатюшина Е. Ю., Шатрова Т. И. Проблемы выявления и заполнения лакун в преподавании русского языка как иностранного на начальном этапе обучения // Проблемы науки : Всерос. науч.-техн. конф., посвящ. 150-летию Период. системы хим. элементов Д. И. Менделеева и 60-летию Новомоск. ин-та РХТУ им. Д. И. Менделеева : материалы конф. Новомосковский, 2019. Ч. 3. С. 85—90.
6. Бакирова Л. Р. Изучение безэквивалентной лексики на занятиях по русскому языку как иностранному // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10(64). С. 171—173.

Одаренным учащимся предлагается задание повышенной сложности, направленное на работу с известными цитатами из русских сказок. Цель работы — во время выполнения расставить слова в цитате в правильном порядке, чтобы получилось грамотное высказывание. Например:

1) *ночи даю тебе дня срок три и пробыть три* («*Даю тебе срок пробыть три дня и три ночи*» — Чудище из сказки С. Т. Аксакова «*Аленький цветочек*»);

2) *хочет не уж царицей, вольною морской владычицей быть быть хочет* («*Уж не хочет быть вольною царицей, хочет быть владычицей морской*» — Старик из «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина);

3) *наш кто проследил, разоряет сад* («*Проследил, кто наш сад разоряет*» — Иван из русской народной сказки «*Иван-царевич и серый волк*»).

Работа с цитатой, активно используемая в обучении базовому русскому языку [16, с. 7], всё чаще внедряется в практику преподавания РКИ. Методическая польза такого задания заключается в сочетании репродуктивной и творческой деятельности. Восстанавливая цитату, учащийся выступает в роли исследователя, развивая языковую догадку. Работа с карточками превращает домашнее задание в лингвистическую игру, повышая вовлеченность и мотивацию учащихся, что позволяет реализовать в обучении игровой метод [9, с. 27].

Заключение

Предложенные формы работы направлены на развитие всех видов речевой деятельности. Упражнения показывают, что интеграция искусственного интеллекта выполняет не только иллюстративную, но и когнитивно-развивающую функцию. Использование намеренно ошибочных визуальных генераций, метода диалога культур и моделирования ситуаций общения активизирует аналитическое мышление, стимулирует развитие устной и письменной речи инофонов. Нейросеть включается в образовательный процесс как средство интенсификации познавательной деятельности [17, с. 80].

Таким образом, представленные материалы демонстрируют, что сочетание традиционных лингводидактических принципов и нейросетевых технологий обеспечивает более глубокое освоение безэквивалентной лексики, превращая ее в инструмент формирования лингвокультурной компетенции и целостного понимания русской языковой картины мира. Перспективы исследований связаны с расширением дидактических материалов, их адаптацией для других этапов обучения и переносом системы упражнений на иные языковые аудитории.

7. Абдурахимова М. А., Рузиева Л. Т. Игра как способ изучения безэквивалентной лексики // Вестник Таджикского национального университета. 2024. № 12-2. С. 216—223.
8. Токарев В. А. Применение сравнительного метода в преподавании общеобразовательных дисциплин как инструмент развития одаренности // Социальные явления. 2023. Т. 13. № 1. С. 43—48.
9. Филиппова В. М. Игры как способ повышения мотивации при обучении РКИ // Русский язык за рубежом. 2021. № 3(286). С. 27—31.
10. Шамсутдинова Е. Ю., Кутсони О. М. Метод ассоциации и другие виды мнемотехники в преподавании РКИ // Русский язык как иностранный в современных социокультурных условиях: состояние и перспективы : материалы II Междунауч.-практ. конф. Sotera Grafic, 2017. С. 339—342.
11. Лопухина Р. В. Метод «диалога культур» в преподавании РКИ // Обеспечение качества учебного процесса: традиции и инновации : материалы XLII учеб.-метод. конф. Тула : Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 134—137.
12. Спатарь-Козаченко Т. И., Гозалова Э. А., Королев А. В. Способы создания естественных ситуаций общения на уроке иностранного языка // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6(131). С. 143—146.
13. Мурадова А. М. Теоретические основы формирования монологической речи в практике преподавания РКИ // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 6-2. С. 207—213.
14. Грушевская К. О. Лексические карточки как методический прием при изучении лексики на занятиях РКИ // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы : материалы науч.-практ. конф. Казань : Каз. (Приволж.) федер. ун-т, 2023. С. 198—201.
15. Найдина Т. Е., Полякова Е. К. Обучение аудированию в практике РКИ // Русский язык за рубежом. 2019. № 6(277). С. 88—95.
16. Дунев А. И., Парышева Е. В. Потенциал работы с литературной цитатой на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2025. Т. 86. № 2. С. 7—18. DOI: 10.30515/0131-6141-2025-86-2-7-18.
17. Меляева А. М., Гурбансаедова М. С., Беглиева А. К. Развитие когнитивного мышления учащихся при обучении русскому как иностранному // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 11-1(110). С. 79—84. DOI: 10.24412/2500-1000-2025-11-1-79-84.
18. Рублева Е. В. Искусственный интеллект в практике преподавания РКИ // РКИ: Лингвометодическая образовательная платформа : материалы междунауч.-практ. конф. Белгород : БелГУ, 2023. С. 188—190.
19. Логунова О. Н. Нейросети в преподавании русского языка как иностранного // Стратегия языкового образования в течение жизни : материалы конф. Донецк, 2025. С. 147—149.
20. Сафарова З. А.-Г. Особенности перевода безэквивалентной лексики (лакун) на русский язык // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты : сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь : Сигитов Т. М., 2018. Вып. 25. С. 89—90.
21. Исакжанова З. А., Шаряева М. К., Шорина Т. А. Русский язык как иностранный : 5 кл. : учеб. для шк. сред. общ. образования с узбек. и др. яз. обучения. Ташкент : Республик. центр образования, 2022. 136 с.

REFERENCES

1. Titkova S. I. Language lacuna in the practice of teaching Russian as a foreign language. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2007;3(202):39—50. (In Russ.)
2. Danilchenko T. Yu. Lacunas, their attributes and typology. *Kulturnaya zhizn` Yuga Rossii = Cultural Studies Russian South*. 2010;1(35):12—15. (In Russ.)
3. Tolipova D. G. Lacunae in the Russian language: concept, classification and significance in intercultural communication. *Byulleten` gumanitarnykh issledovaniy v mezhdistiplinarnom nauchnom prostranstve*. 2025;1(5):61—64. (In Russ.)
4. Pavlyukevich L. V., Efimenko A. D. Features of teaching non-equivalent vocabulary at foreign language lessons. *Yazyk. Obrazovanie. Kul'tura = Language. Education. Culture. Materials of the XVIII International scientific and practical electronic conference*. Kursk, Kursk State Medical University publ., 2024:394—398. (In Russ.)
5. Teryaeva G. N., Fatyushina E. Yu., Shatrova T. I. Problems of identifying and filling lacunae in teaching Russian as a foreign language at the initial stage of education. *Problemy nauki = Problems of science. All-Russian scientific and technical conference dedicated to the 150th anniversary of the Periodic Table of Chemical Elements by D. I. Mendeleev and the 60th anniversary of the Novomoskovsk Institute of D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia. Proceedings*. Novomoskovsk, 2019;3:85—90. (In Russ.)
6. Bakirova L. R. The study of non-equivalent vocabulary at the lessons of Russian as a foreign language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2016;10(64):171—173. (In Russ.)
7. Abdurakhimova M. A., Ruzieva L. T. Game as a method of studying non-equivalent lexis. *Paemi Donishgoxi millii Tojikiston = Bulletin of the Tajik National University*. 2024;12-2:216—223. (In Russ.)
8. Tokarev V. Application of the comparative method in teaching general educational disciplines as a tool for the development of giftedness. *Sotsial'nye yavleniya = Social Phenomena*. 2023;13(1):43—48. (In Russ.)
9. Filippova V. M. Games as method of improving motivation during teaching Russian as a foreign language *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2021;3(286):27—31. (In Russ.)
10. Shamsutdinova E. Yu., Kutsoni O. M. Association method and other types of mnemonics in teaching RFL. *Russkii yazyk kak inostrannyi v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh: sostoyaniye i perspektivy = Russian as a foreign language in modern socio-cultural conditions: state and prospects. Materials of the II International scientific and practical conference*. Sotera Grafic, 2017:339—342. (In Russ.)

11. Lopukhina R. V. Method of “dialogue of cultures” in teaching Russian as a foreign language. *Obespechenie kachestva uchebnogo protsesssa: traditsii i innovatsii = Ensuring the quality of the educational process: traditions and innovations. Materials of XLII educational and methodological conference*. Tula, Tula Lev Tolstoy State Pedagogical University publ., 2015:134—137. (In Russ.)
12. Spatar’-Kozachenko T., Gozalova E., Koroliov A. Some ways of creating real situations of communication in a foreign language lesson. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2018;6(131):143—146. (In Russ.)
13. Muradova A. M. Theoretical foundations of the formation of monologic speech in the practice of teaching Russian as a foreign language. *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal*. 2025;6-2:207—213. (In Russ.)
14. Grushevskaya K. O. Lexical cards as a methodological technique in the study of vocabulary in RKI classes *Dovuzovskaya podgotovka inostrannykh grazhdan: problemy i perspektivy = Pre-university training of foreign citizens: problems and prospects. Materials of scientific practical conference*. Kazan, Kazan Federal University publ., 2023:198—201. (In Russ.)
15. Naydina T. E., Polyakova E. K. Teaching auditing in the practice of teaching Russian as foreign language. *Russkii yazyk za rubezhom = Russian Language Abroad*. 2019;6(277):88—95. (In Russ.)
16. Dunev A. I., Parysheva E. V. Potential of working with literary quotations in Russian language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2025;86(2):7—18. (In Russ.) DOI: 10.30515/0131-6141-2025-86-2-7-18.
17. Melayeva A. M., Gurbansahedova M. S., Begliyeva A. K. Development of students’ cognitive thinking in Russian as a foreign language: theoretical foundations and pedagogical methods for stimulating intellectual activity. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2025;11-1(110):79—84. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2025-11-1-79-84.
18. Rubleva E. V. Artificial intelligence in the practice of teaching Russian as a foreign language. *RKI: Lingvometodicheskaya obrazovatel’naya platforma = Russian as a foreign language: Linguodidactic educational platform. Materials of international scientific practical conference*. Belgorod, Belgorod State National Research University publ., 2023:188—190. (In Russ.)
19. Logunova O. N. Neural networks in teaching Russian as a foreign language *Strategiya yazykovogo obrazovaniya v techenie zhizni = Strategy of language education throughout life. Conference materials*. Donetsk, 2025:147—149. (In Russ.)
20. Safarova Z. A.-G. Features of translation of non-equivalent vocabulary (lacunae) into Russian. *Razvitie sovremennoi nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty = Development of modern science: theoretical and applied aspects. Collection of scientific articles of students, undergraduates, graduate students, young scientists and teachers*. Perm, T. M. Sigitov publ., 2018;25:89—90. (In Russ.)
21. Isakzhanova Z. A., Sharyayeva M. K., Shorina T. A. Russian as a foreign language. 5th grade. Textbook for schools of secondary general education with Uzbek and other languages of instruction. Tashkent, Republican Education Center publ., 2022. 136 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; одобрена после рецензирования 26.04.2026; принята к публикации 27.04.2026.
The article was submitted 28.03.2026; approved after reviewing 26.04.2026; accepted for publication 27.04.2026.

Научная статья
УДК 37.013
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1629

Han Zhinuo

Postgraduate of the Institute of Music, Theatre and Choreography,
field of training

5.8.2 — Theory and methodology of training and education

(by areas and levels of education),

Herzen State

Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russian Federation

ginahan9.9.9@gmail.com

Хань Чжино

аспирант Института музыки, театра и хореографии,
направление подготовки

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания

(по областям и уровням образования),

Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ginahan9.9.9@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В РОССИИ И КИТАЕ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению современных российских и китайских психолого-педагогических исследований, связанных с проблематикой патриотического воспитания обучающихся. Актуальность темы определяется возрастающим вниманием к вопросам формирования гражданско-патриотических ценностей в образовательной политике России и Китая. Существенное значение в данном контексте приобретает музыкальное образование, обладающее значительным воспитательным потенциалом и оказывающее влияние на эмоционально-ценностную сферу личности. Цель исследования состоит в выявлении и сопоставлении теоретико-методологических подходов, методических решений и исследовательских направлений, представленных в российских и китайских научных публикациях 2019—2025 гг. Особое внимание уделяется анализу работ, посвященных использованию музыкального искусства в патриотическом воспитании подростков. Методологическую основу исследования составили принципы сравнительной педагогики, методы теоретического анализа, научного обобщения и сравнительно-сопоставительного изучения психолого-педагогических источников. Проведенный анализ показал, что российская исследовательская традиция преимущественно ориентирована на эмпирико-аналитическое изучение патриотических установок, применение диагностического инструментария и разработку возрастно-ориентированных подходов к воспитатель-

ной деятельности. Китайские исследования, напротив, характеризуются выраженной системно-конструктивной направленностью и вниманием к институциональным механизмам организации патриотического воспитания. Вместе с тем в обеих научных традициях музыкальное образование рассматривается как значимое средство формирования гражданско-патриотических качеств и эмоционально-ценностных ориентаций обучающихся. Полученные данные свидетельствуют о том, что указанные исследовательские традиции носят взаимодополняющий характер. Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации и сопоставлении современных российских и китайских подходов к патриотическому воспитанию, а также в уточнении возможностей их сравнительно-педагогического анализа. Практическая значимость работы связана с возможностью использования полученных результатов при разработке образовательных программ, воспитательных стратегий и международных проектов в сфере музыкального образования и патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, психолого-педагогические исследования, Россия, Китай, сравнительный анализ, музыкальное образование, ценности воспитания, идентичность, историческая память, эмпирические исследования, образовательная политика, народная музыка

Для цитирования: Хань Ч. Проблема патриотического воспитания в психолого-педагогических исследованиях в России и Китае // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 562—568. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1629.

Original article

THE PROBLEM OF PATRIOTIC EDUCATION IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL RESEARCH IN RUSSIA AND CHINA

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article examines contemporary Russian and Chinese psychological and pedagogical research addressing the problem of patriotic education of school students. The relevance of the topic is determined by the growing attention to the formation of civic-patriotic values in the educational policy of Russia and China. Music education, which possesses consi-

derable educational potential and exerts a distinct influence on the emotional and value sphere of the personality, acquires particular significance in this context. The aim of the study is to identify and compare the theoretical-methodological approaches, methodological solutions and research directions presented in Russian and Chinese scholarly publications from 2019 to 2025.

© Хань Ч., 2026

© Han Z., 2026

Special attention is paid to the analysis of works devoted to the use of musical art in the patriotic education of adolescents. The methodological basis of the study comprises the principles of comparative pedagogy as well as methods of theoretical analysis, scholarly synthesis and comparative study of psychological and pedagogical sources. The conducted analysis has shown that the Russian research tradition is predominantly oriented towards the empirical-analytical study of patriotic attitudes, the application of diagnostic instruments and the development of age-appropriate approaches to educational work. Chinese research, by contrast, is characterized by a pronounced systemic-constructive orientation and attention to the institutional mechanisms of organizing patriotic education. At the same time, in both research traditions music education is regarded as a significant means of foster-

ring civic-patriotic qualities and emotional-value orientations in learners. The findings indicate that these research traditions are complementary in nature. The theoretical significance of the study lies in the systematization and comparison of contemporary Russian and Chinese approaches to patriotic education as well as in clarifying the possibilities for their comparative pedagogical analysis. The practical significance of the work is associated with the possibility of using the obtained results in the development of educational programs, upbringing strategies and international projects in the field of music education and patriotic upbringing.

Keywords: *patriotic education, psychological and pedagogical research, Russia, China, comparative analysis, music education, educational values, identity, historical memory, empirical research, educational policy, folk music*

For citation: Han Z. The problem of patriotic education in psychological and pedagogical research in Russia and China. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):562—568. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1629.

Введение

Актуальность обсуждаемой проблемы определяется «социально-политическими и социокультурными изменениями, негативными и позитивными, глобальными, национальными и международными, происходящими в современном обществе; вызовами, стоящими перед системой образования и потребностями педагогической теории и практики» [1, с. 257].

В системе современной образовательной политики Российской Федерации и Китайской Народной Республики патриотическое воспитание подрастающего поколения рассматривается как одно из приоритетных направлений развития образования, что подтверждается реализацией Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2020—2025 годы» и вступлением в силу Закона КНР «О патриотическом воспитании» (2024 г.). В условиях глобализации, характеризующейся усилением межкультурных взаимодействий и трансформацией ценностных ориентиров, усиливается потребность в педагогических средствах формирования гражданской и культурной идентичности обучающихся.

Музыкальное искусство играет значимую роль в системе гуманитарного образования, поскольку обладает способностью оказывать комплексное воздействие на личность обучающегося. Как отмечает В. А. Сухомлинский, эмоционально переживаемый художественный опыт содействует формированию устойчивых нравственных установок [2]. С позиций культурно-исторической теории Л. С. Выготского, искусство выступает в качестве важного средства развития высших психических функций [3]. Следовательно, как указывают Н. И. Чинякова и И. С. Кобозева, патриотическое воспитание будет осуществляться «наиболее продуктивно через воздействие на психологическую сферу людей» [4, с. 175].

Современные эмпирические исследования дополняют данные теоретические положения, подтверждая их актуальность в контексте музыкального образования [5].

Изученность проблемы. Проблематика патриотического воспитания занимает значимое место в современной психолого-педагогической науке и опирается на сложившиеся теоретические основания. Классическая педагогика в лице В. А. Сухомлинского обосновала ценность эмоционально переживаемого художественного опыта как фундамента нравственных убеждений [2], а культурно-истори-

ческая теория Л. С. Выготского задала методологический вектор, позволяющий рассматривать искусство как механизм развития личности [3]. При этом изменения социокультурной среды, развитие цифрового образовательного пространства и трансформация ценностных ориентиров обуславливают необходимость нового осмысления уже накопленного научного опыта. На сегодняшний день в российском и китайском научных дискурсах сформирован обширный массив публикаций, создающий предпосылки для их сопоставительного анализа.

В российской исследовательской традиции прослеживается несколько устойчивых направлений изучения данной проблематики. Прежде всего, это работы теоретико-методологического характера, ориентированные на уточнение сущности патриотизма и факторов его формирования. Так, в исследовании Э. В. Бабаева, охватывающем публикации 2019—2024 гг., систематизированы основные тенденции развития научной мысли, включая разработку понятийного аппарата, поиск методологических оснований, анализ социокультурных условий и осмысление влияния цифровой среды [6]. Одновременно с этим автор фиксирует недостаточную представленность кросс-культурных исследований, в частности сравнительных работ, посвященных сопоставлению российского и китайского опыта.

Существенный вклад в разработку теоретических аспектов проблемы внесли исследования И. С. Кобозевой. В них раскрывается роль исторической памяти как ключевого компонента патриотического сознания [7], а также рассматривается концепт «любовь к родному краю» в качестве ценностной основы воспитания [1]. В работах, выполненных в соавторстве с Н. И. Чиняковой, акцент сделан на эффективности педагогических воздействий, ориентированных на психологическую сферу личности в условиях непрерывного музыкального образования [4]. Вместе с тем данные исследования преимущественно сосредоточены на внутренних механизмах формирования патриотических установок и не выходят на уровень межкультурного сопоставления.

Отдельное направление образуют музыкально-педагогические исследования, у истоков которых находится диссертация Т. И. Горной, обосновавшая педагогические условия патриотического воспитания младших школьников на материале народной музыки [8]. В современных работах Л. Р. Капкаева и А. М. Соснина рассматривают

музыкальное искусство как значимый ресурс патриотического воспитания в условиях социальных изменений [9]. С. Ю. Заварина предлагает модель поэтапного восприятия патриотически ориентированных музыкальных произведений [10]. В публикации С. И. Кудинова с соавторами выделены ключевые направления реализации патриотического воспитания средствами музыки в России и Китае [5]. При всей значимости полученных результатов данные исследования, как правило, ограничиваются анализом отдельных аспектов музыкального образования и не предполагают системного межстранового сопоставления.

Эмпирический аспект проблемы представлен, в частности, исследованием С. В. Васильевой и А. В. Микляевой, в котором на основе количественного анализа показано, что с возрастом происходит снижение выраженности «слепого» патриотизма при одновременном усилении конструктивных установок [11]. Полученные данные подчеркивают роль возрастных и институциональных факторов, однако не затрагивают вопросы кросс-культурного сопоставления.

Попытки сравнительного анализа отражены в работах А. Д. Николаевой и Би Цюшун, где выявляются общие и специфические особенности развития патриотического воспитания в России и Китае [12]. В методологическом отношении значимы исследования Е. И. Бражника с соавторами, раскрывающие современные тенденции развития сравнительной педагогики [13]. При этом данные работы носят преимущественно историко-педагогический характер и не охватывают всего спектра современных психолого-педагогических подходов и эмпирических исследований.

Китайская научная традиция характеризуется ориентацией на системное проектирование воспитательных процессов. Так, в работах Ван Сяоянь рассматриваются механизмы институционализации и нормализации патриотического воспитания [14]. Исследования Мэн Цзяхун акцентируют внимание на значении эмоционального интеллекта в формировании патриотических установок [15]; Мэн Имин и Хэ Бо, в свою очередь, предлагают поэтапную модель развития патриотической идентичности [16]. В области музыкального образования Чжан Цзиньцань и У Минсюань подчеркивают потенциал музыкальной подготовки в формировании гражданско-патриотических качеств личности [17], а Хуан Куньтао и Чжэн Ган выделяют структурные уровни воспитательного воздействия государственного гимна [18].

Несмотря на значительный объем исследований, их анализ позволяет выявить ряд ограничений. Во-первых, наблюдается известная разобщенность теоретических и прикладных разработок, что затрудняет формирование целостного научного представления о проблеме. Во-вторых, сравнительные исследования остаются фрагментарными и не обеспечивают комплексного сопоставления российских и китайских психолого-педагогических подходов. В-третьих, недостаточно разработан вопрос системного анализа роли музыкального образования в формировании патриотического сознания в межкультурной перспективе.

Таким образом, на сегодняшний день целостное сопоставительное исследование, объединяющее теоретические, методические и эмпирические аспекты патриотического воспитания в России и Китае, — при особом внимании к музыкальному образованию — отсутствует. Именно этот пробел и определил замысел настоящей работы.

Целесообразность разработки темы обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Прежде всего, анализ научной литературы показывает отсутствие работ, в кото-

рых представлен целостный сравнительный обзор психолого-педагогических исследований патриотического воспитания в России и Китае. Существующие сравнительные исследования.

Кроме того, в условиях неуклонного расширения российско-китайского сотрудничества в образовательной и культурной сферах остро ощущается практическая востребованность во взаимном постижении концептуальных оснований и методического инструментария, используемых каждой из сторон в деле патриотического воспитания молодежи. Выявление точек схождения и расхождения в исследовательских парадигмах позволит не только углубить научные представления о природе патриотизма в кросс-культурной проекции, но и создаст необходимые предпосылки для взаимообогащения педагогической теории и практики обеих стран.

Наконец, музыкальное образование, являющее собой одно из наиболее действенных средств эмоционально-ценностного влияния на личность, выступает исключительно благодатной почвой для сопоставительного анализа. Именно в данной области с особой наглядностью проявляются как универсальные психолого-педагогические механизмы зарождения и укрепления патриотических чувств, так и национально окрашенные особенности их реализации. Таким образом, разработка заявленной темы отвечает и насущным запросам педагогической науки, и практическим потребностям образовательной сферы.

Научная новизна исследования состоит в том, что здесь впервые проведен системный сравнительный анализ психолого-педагогических исследований патриотического воспитания в России и Китае, который охватывает как общетеоретические, так и прикладные грани проблемы, с пристальным вниманием к области музыкального образования.

Цель исследования заключается в выявлении и анализе теоретических подходов, методических решений и эмпирических результатов, представленных в работах российских и китайских авторов, с особым вниманием к сфере музыкального образования.

Для достижения означенной цели необходимо последовательно решить следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать основные направления и теоретико-методологические основания психолого-педагогических исследований патриотического воспитания в российской научной традиции, выявив их своеобразие и преобладающие исследовательские парадигмы.

2. Проанализировать состояние и тенденции развития и векторы эволюции психолого-педагогических исследований патриотического воспитания в Китае, установив их содержательные доминанты, методическую специфику и степень эмпирической фундированности.

3. Выявить перспективные направления взаимообогащения российской и китайской психолого-педагогической науки в сфере патриотического воспитания, наметить возможные траектории дальнейших компаративных изысканий.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении и углублении научных представлений о современном состоянии и векторах развития психолого-педагогических исследований патриотического воспитания в России и Китае. Проведенный сравнительный анализ позволяет уточнить специфику теоретико-методологических платформ, на которые опираются ученые двух стран при изучении

феномена патриотизма и моделировании воспитательных стратегий; обозначить лакуны и проблемные узлы, настоятельно требующие дальнейшей научной проработки, в т. ч. в области кросс-культурной валидации психодиагностического инструментария для замера патриотических установок. Материалы исследования, помимо прочего, обогащают теоретический арсенал музыкальной педагогики, поскольку вскрывают психологические механизмы, благодаря которым музыкальное искусство содействует укоренению патриотических чувств и гражданского самосознания обучающихся.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в образовательном процессе высших учебных заведений при разработке и реализации лекционных курсов и семинарских занятий по сравнительной педагогике, психологии воспитания, методике музыкального образования, а также специализированных курсов, нацеленных на освещение актуальных проблем патриотического воспитания; в системе повышения квалификации педагогических кадров, чья профессиональная деятельность лежит в плоскости патриотического воспитания и музыкального образования, для ознакомления с передовыми наработками и исследовательскими подходами, аккумулированными в России и Китае; а также при инициировании и осуществлении международных образовательных и научно-исследовательских проектов, предполагающих партнерство российских и китайских образовательных организаций.

Выявленные в ходе исследования возможные траектории взаимообогащения российской и китайской психолого-педагогической науки могут послужить надежным ориентиром при планировании совместных научных форумов, академических обменов и издательских инициатив.

Основная часть

Методология исследования. Методологический фундамент настоящего исследования основан на синтезе положений культурно-исторической психологии и сравнительной педагогики. Данный выбор обусловлен задачей исследования, направленной на выявление и сопоставление концептуальных оснований, методологических подходов и эмпирических результатов, накопленных в психолого-педагогических исследованиях России и Китая в области патриотического воспитания.

Теоретической основой исследования выступает культурно-историческая теория Л. С. Выготского, в рамках которой искусство рассматривается как механизм формирования высших психических функций и ценностно-смысловой сферы личности [3]. Данная интерпретация позволяет рассматривать музыкальное образование как пространство интериоризации социально и культурно обусловленных ценностей, включая патриотические установки. Методологическая логика сравнительного анализа дополнительно опирается на положения, представленные в работах Е. И. Бражника с соавторами, посвященных развитию сравнительно-педагогических исследований [13].

Для реализации цели исследования использован комплекс взаимосвязанных методов:

1) теоретический анализ научной литературы, направленный на систематизацию и обобщение подходов к проблеме патриотического воспитания в российской и китайской научных традициях;

2) сравнительно-сопоставительный анализ, позволивший выявить различия и общие основания исследовательских парадигм двух стран по параметрам категориального аппарата, методологических подходов и роли музыкального образования;

3) анализ вторичных эмпирических данных, представленных в рецензируемых публикациях России и Китая за 2019—2025 гг., обеспечивший эмпирическую верификацию выявленных тенденций;

4) методы систематизации и концептуального обобщения, позволившие сформировать целостную аналитическую модель исследуемого феномена.

Результаты исследования

Российская психолого-педагогическая традиция. Анализ российских психолого-педагогических исследований показывает устойчивую ориентацию на эмпирическую операционализацию феномена патриотизма и его структурную дифференциацию. В частности, особое внимание уделяется разграничению конструктивного и слепого патриотизма.

В исследовании С. В. Васильевой и А. В. Микляевой на выборке 463 подростков 14—18 лет выявлено статистически значимое снижение выраженности слепого патриотизма при одновременном росте конструктивных установок в процессе возрастного развития [11]. Использование непараметрических методов статистического анализа (критерий Колмогорова—Смирнова, корреляционный анализ Спирмена) свидетельствует о методологической обоснованности полученных результатов. Установлено также, что уровень слепого патриотизма варьируется в зависимости от образовательной среды и является выше у школьников по сравнению со студентами, что указывает на значимость институционального фактора.

Полученные данные имеют прикладное значение для разработки возрастно-дифференцированных стратегий патриотического воспитания.

Среди исследований, посвященных музыкальному воспитанию, С. Ю. Завариной описана поэтапная модель воспитания патриотически ориентированных музыкальных произведений, включающая стадии эмоционального восприятия, углубленного слушания, обсуждения и повторного анализа музыкального материала [10]. Данная модель отражает стремление российской научной школы к анализу психологических механизмов интериоризации ценностей через музыкальную деятельность.

Китайская психолого-педагогическая традиция. Китайская исследовательская парадигма характеризуется выраженной ориентацией на системное проектирование воспитательных моделей и их нормативно-институциональное закрепление. Существенным фактором усиления данного направления стало принятие Закона КНР «О патриотическом воспитании» (2024), усилившего структурную определенность исследований в данной области.

В работах Ван Сяоянь рассматриваются процессы институционализации и нормализации патриотического воспитания. Под нормализацией понимается обеспечение устойчивости и регулярности воспитательных практик, тогда как институционализация отражает закрепление их нормативных и организационных механизмов [14].

В сфере музыкального образования подчеркивается значимость народной песни как средства формирования нравственно-патриотических качеств личности [17].

Хуан Куньтао и Чжэн Ган выделяют трехуровневую структуру воспитательного воздействия государственного гимна: вербально-исторический, музыкально-эмоциональный и ритуально-символический уровни [18].

Мэн Цзяхун рассматривает развитие патриотических чувств через концепт эмоционального интеллекта, подчеркивая роль эмоциональной регуляции как условия формирования устойчивых установок [15]. Мэн Имин и Хэ Бо предлагают поэтапную модель формирования патриотической идентичности, включающую когнитивный, эмоциональный и ценностно-поведенческий уровни [18].

Сопоставительный анализ. Для наглядного обобщения результатов проведенного сопоставительного анализа нами разработана сводная классификация, представленная в таблице. Она позволяет в сжатой форме зафиксировать ключевые различия исследовательских приоритетов и методологических ориентаций, а также выявить потенциал взаимодополнения двух научных традиций — особенно в сфере музыкального образования.

Сравнительная характеристика современных российских и китайских психолого-педагогических исследований патриотического воспитания

Параметр сравнения	Российская исследовательская традиция	Китайская исследовательская традиция
Теоретико-методологическая основа	Культурно-исторический, ценностно-личностный и психолого-педагогический подходы	Системно-государственный и ценностно-нормативный подходы
Основная исследовательская ориентация	Эмпирико-аналитическая	Системно-конструктивная
Характер исследовательских задач	Дифференциация типов патриотизма, анализ ценностных установок обучающихся	Формирование целостных моделей патриотического воспитания
Преобладающие методы исследования	Психолого-педагогическая диагностика, анкетирование, количественный анализ данных	Анализ нормативных документов, моделирование воспитательных систем, педагогическое проектирование
Особенности эмпирических исследований	Изучение межгрупповых различий и индивидуальных характеристик обучающихся	Анализ эффективности государственных и институциональных воспитательных механизмов
Роль музыкального образования	Исследование эмоционально-психологического воздействия музыкального искусства	Использование музыкального образования как инструмента формирования коллективной идентичности и гражданско-патриотических ценностей
Характер практических решений	Разработка возрастно-ориентированных воспитательных подходов	Институционализация патриотического воспитания в образовательной среде
Перспективы интеграции подходов	Усиление системности воспитательных программ	Расширение эмпирической и диагностической базы исследований

Представленные в таблице данные позволяют сделать вывод не только о различиях исследовательских приоритетов и методологических ориентаций двух научных традиций, но и о потенциале их взаимодополнения, что создает предпосылки для интегративных разработок в области патриотического воспитания.

Выводы

Проведенный сопоставительный анализ психолого-педагогических исследований патриотического воспитания в России и Китае позволяет сформулировать следующие выводы:

1. *О специфике исследовательских парадигм.* Анализ научных публикаций показал наличие устойчивых различий в методологических ориентациях российских и китайских исследований патриотического воспитания. Российская научная традиция в большей степени ориентирована на эмпирико-аналитический подход, операционализацию понятий и использование статистически обоснованных методов анализа в ряде эмпирических исследований. Китайская исследовательская традиция, напротив, преимущественно сосредоточена на системном проектировании и нормативно-институциональном обеспечении воспитательных моделей, что особенно отчетливо проявилось после принятия Закона КНР «О патриотическом воспитании».

2. *О роли музыкального образования в патриотическом воспитании.* На основе сопоставительного анализа широкого круга российских и китайских источников установлено, что, несмотря на различия исследовательских подходов, представители обеих научных традиций рассмат-

ривают музыкальное образование как значимое средство формирования эмоционально-ценностной сферы личности и патриотического сознания обучающихся.

3. *Теоретический вклад исследования.* Теоретическая значимость выполненной работы заключается в систематизации и сопоставлении современных российских и китайских подходов к патриотическому воспитанию, а также в выявлении их методологических особенностей. Проведенное исследование позволяет рассматривать эмпирико-аналитическую направленность российских исследований и системно-конструктивную ориентацию китайской педагогической традиции как взаимодополняющие исследовательские стратегии. Полученные результаты расширяют научные представления о возможностях интеграции различных подходов в рамках сравнительной педагогики и уточняют роль музыкального образования в межкультурном контексте патриотического воспитания.

4. *Прикладной вклад исследования.* Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов при разработке программ патриотического воспитания, организации воспитательной работы в образовательных учреждениях, а также в сфере международного российско-китайского педагогического сотрудничества. Выявленные в российских исследованиях подходы к диагностике патриотических установок могут быть использованы в качестве основы для дальнейшей адаптации мониторинговых инструментов в образовательной практике КНР. В свою очередь, китайский опыт институциональной организации патриотического воспитания представляет значительный интерес для изучения и возможного применения в российской педагогической практике.

Заключение

Настоящее исследование было направлено на сравнительный анализ теоретико-методологических подходов к патриотическому воспитанию, представленных в современных российских и китайских психолого-педагогических исследованиях. Проведенный анализ публикаций за 2019—2025 гг. позволил выявить особенности исследовательских традиций двух стран, а также определить основные направления их сопоставления в контексте сравнительной педагогики.

Результаты исследования показывают, что российская научная традиция преимущественно ориентирована на эмпирико-аналитические методы изучения патриотического воспитания, тогда как китайская модель характеризуется системно-конструктивным и нормативно-ориентированным подходом. При этом обе научные традиции признают значимую роль музыкального образования в формировании эмоционально-ценностных и гражданско-патриотических качеств личности.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие сравнительной педагогики за счет систематизации и сопоставления современных российских и китайских подходов к патриотическому воспитанию, а также за счет уточнения возможностей их методологического взаимодействия. Практическая значимость работы связана с возможностью использования полученных результатов при разработке образовательных программ, воспитательных стратегий и международных педагогических проектов в области музыкального образования и патриотического воспитания.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы сравнительных исследований, кросс-культурной адаптацией диагностического инструментария и дальнейшим изучением интегративных моделей патриотического воспитания в международном образовательном пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кобозева И. С. Концепт «любовь к родному краю»: сущность и явление // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1(110). С. 256—258. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-256-259.
2. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. 3-е изд. Киев : Радянська школа, 1973. 288 с.
3. Выготский Л. С. Психология искусства / под ред. М. Г. Ярошевского. М. : Педагогика, 1987. 344 с.
4. Чинякова Н. И., Кобозева И. С. Организация воспитательной работы в процессе непрерывного музыкального образования (на примере патриотического воспитания) // Человеческий капитал. 2019. № 11(131). С. 172—181.
5. Психолого-педагогические основы патриотического воспитания в современном музыкальном образовании в России и Китае / С. И. Кудинов, О. Б. Михайлова, С. С. Кудинов и др. // Психология образования в поликультурном пространстве. 2023. № 4(64). С. 97—106. DOI: 10.24888/2073-8439-2023-64-4-97-106.
6. Бабаев Э. В. Научные подходы к формированию и сохранению патриотических ценностей молодежи: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 7. С. 974—982. DOI: 10.30853/ped20250117.
7. Кобозева И. С. Формирование исторической памяти субъекта музыкально-образовательного процесса как потребность развития общества и личности // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5(114). С. 72—75. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-5114-72-75.
8. Горная Т. И. Педагогические условия патриотического воспитания младших школьников средствами народной музыки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2004. 22 с.
9. Капкаева Л. Р., Соснина А. М. Музыка как важное средство патриотического воспитания // Исследования молодых ученых : материалы LXV Междунар. науч. конф. Казань : Молодой ученый, 2023. С. 78—83.
10. Заварина С. Ю. Музыка как средство патриотического воспитания младших школьников // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2024. № 4. С. 39—44.
11. Васильева С. В., Микляева А. В. Конструктивный и слепой патриотизм подростков: вклад возраста, пола и типа образовательного учреждения // Психология человека в образовании. 2024. Т. 6. № 2. С. 143—157. DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157.
12. Николаева А. Д., Би Ц. Советско-российское и китайское патриотическое воспитание молодого поколения: специфика и традиции // Педагогика. 2025. Т. 89. № 3. С. 119—128.
13. Особенности становления и современные тенденции развития методологии и методов сравнительных педагогических исследований / Е. И. Бражник, Т. В. Менг, И. А. Бочкарева и др. // Science for Education Today. 2025. Т. 15. № 3. С. 107—137. DOI: 10.15293/2658-6762.2503.06.
14. Ван Сяоянь. Содержательные особенности и практические пути нормализации и институционализации патриотического воспитания // Китайская академия педагогических наук : офиц. сайт. 2025. 8 окт. (На кит. яз.) URL: <https://www.cnaes.edu.cn/post/31203>.
15. Мэн Цзяхун. Применение теории эмоционального интеллекта в патриотическом воспитании учащихся средних школ // Цзичу цзяюй яньцзю. 2024. № 1. С. 112—115. (На кит. яз.)
16. Мэн Имин, Хэ Бо. Исследование внутреннего механизма патриотического воспитания молодежи в контексте идентичности // Чжунго цинянь яньцзю. 2024. № 4. С. 113—119. (На кит. яз.)
17. Чжан Цзиньцань, У Минсюань. Гражданско-патриотическое воспитание китайской молодежи посредством музыкальной подготовки // XIX Машеровские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых : в 2 т. Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2025. Т. 2. С. 384—385.
18. Хуан Куньтао, Чжэн Ган. Ценностные устремления, практические формы и пути оптимизации образования государственного гимна в начальных и средних школах: к 90-летию создания «Марша добровольцев» // Чжунго иньюэ цзяюй. 2025. № 8. С. 5—18. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Kobozeva I. S. Concept “love for the native land”: essence and phenomenon. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2025;1(110):256—259. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2025-1110-256-259.
2. Sukhomlinskii V. A. I give my heart to children. 3rd ed. Kyiv, Radyans'ka shkola, 1973. 288 p. (In Russ.)
3. Vygotskii L. S. Psychology of art. M. G. Yaroshevskii (ed.). Moscow, Pedagogika, 1987. 344 p. (In Russ.)
4. Chinyakova N. I., Kobozeva I. S. Organization of educational work in the process of continuous music education (on the example of patriotic education). *Chelovecheskii kapital = Human Capital*. 2019;11(131):172—181. (In Russ.)
5. Kudinov S. I., Mikhailova O. B., Kudinov S. S. et al. Psychological and pedagogical foundations of patriotic education in modern music education in Russia and China. *Psikhologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve = Educational Psychology in polycultural space*. 2023;4(64):97—106. (In Russ.) DOI: 10.24888/2073-8439-2023-64-4-97-106.
6. Babaev E. V. Scientific approaches to the formation and preservation of patriotic values among youth: a theoretical review. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(7):974—982. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250117.
7. Kobozeva I. S. Formation of the historical memory of the subject of the musical and educational process as the need to develop society and personality. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2025;5(114):72—75. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2025-5114-72-75.
8. Gornaya T. I. Pedagogical conditions of patriotic education of primary school children by means of folk music. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Ufa, 2004. 22 p. (In Russ.)
9. Kapkaeva L. R., Sosnina A. M. Music as an important means of patriotic education. *Issledovaniya molodykh uchenykh = Research of young scientists. Proceedings of the LXV International scientific conference*. Kazan, Molodoi uchenyi, 2023: 78—83. (In Russ.)
10. Zavarina S. Yu. Music as a means of patriotic education of primary school children. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitar-no-tehnologicheskogo universiteta = Vestnik of State University of Humanities and Technology*. 2024;4:39—44. (In Russ.)
11. Vasileva S. V., Miklyaeva A. V. Constructive and blind patriotism in adolescence: the contribution of age, gender and type of educational institution. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii = Psychology in Education*. 2024;6(2):143—157. (In Russ.) DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157.
12. Nikolaeva A. D., Bi Q. Soviet-Russian and Chinese patriotic education of the young generation: specifics and traditions. *Pedagogika = Pedagogics*. 2025;89(3):119—128. (In Russ.)
13. Brazhnik E. I., Meng T. V., Bochkareva I. A. et al. Features of formation and modern trends in the development of methodology and methods of comparative educational research. *Science for Education Today*. 2025;15(3):107—137. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.2503.06.
14. Wang Xiaoyan. Connotative characteristics and practical paths of the normalization and institutionalization of patriotic education. *China National Academy of Educational Sciences*. October 8, 2025. (In Chinese) URL: <https://www.cnaes.edu.cn/post/31203>.
15. Meng Jiahong. The application of emotional intelligence theory in patriotic education of secondary school students. *Jichu jiaoyu yanjiu = Basic Education Research*. 2024;1:112—115. (In Chinese)
16. Meng Yiming, He Bo. Research on the internal mechanism of youth patriotic education from the perspective of identity. *Zhongguo qingnian yanjiu = Chinese Youth Studies*. 2024;4:113—119. (In Chinese)
17. Zhang Jincan, Wu Mingxuan. Civic-patriotic education of Chinese youth through musical training. *XIX Masherovskie chteniya = XIX Masherov readings. Proceedings of the International scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists*. Vitebsk, P. M. Masherov Vitebsk State University publ., 2025;2:384—385. (In Russ.)
18. Huang Kuntao, Zheng Gang. Value aspirations, practical forms and optimization paths of national anthem education in primary and secondary schools: On the 90th anniversary of the creation of the “March of the Volunteers”. *Zhongguo yinyue jiaoyu = Chinese Music Education*. 2025;8:5—18. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 30.04.2026; одобрена после рецензирования 07.05.2026; принята к публикации 11.05.2026.
The article was submitted 30.04.2026; approved after reviewing 07.05.2026; accepted for publication 11.05.2026.

Научная статья
УДК 37.013.75
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1654

Danil Anatolyevich Khanyukov
Assistant of the Department of Tourism and Hospitality,
School of Economics and Management,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
khaniukov.da@dvfu.ru

Данил Анатольевич Ханюков
ассистент департамента туризма и гостеприимства
Школы экономики и менеджмента,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
khaniukov.da@dvfu.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ПРОСТРАНСТВО НЕПРЕРЫВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ КУРСА «ДЕЛОВОЙ ЭТИКЕТ»)

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Статья посвящена решению актуальной проблемы модернизации высшего образования в условиях цифровизации и рисков, связанных с бесконтрольным использованием искусственного интеллекта. Целью исследования является разработка и теоретическое обоснование универсального алгоритма трансформации учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента. Данный алгоритм направлен не только на эффективное формирование профессиональных и гражданских компетенций студентов, но и на обеспечение профессионального роста преподавателя, а также на создание встроенных механизмов педагогического контроля, минимизирующих зависимость от автоматизированных решений.

В статье теоретически обосновывается концепция, согласно которой учебный процесс перестраивается в формат совместного исследования преподавателя и студентов. Автор рассматривает курс «Деловой этикет» как эмпирическую площадку для апробации предложенного подхода. Особое внимание уделяется разработке методик, позволяющих превратить традиционную дисциплину в «живую лабораторию», где студенты становятся полноценными субъектами, проектирующими учебные ситуации и рефлексивно анализирующими собственную профессиональную идентичность.

Эмпирическим материалом послужили результаты экспериментальной работы в Дальневосточном федеральном университете. Представлен пошаговый алгоритм

трансформации, описаны технологии совместной деятельности и механизмы педагогического контроля. Выводы статьи демонстрируют высокую продуктивность подхода, доказывая, что подобная организация учебного процесса способствует развитию критического мышления, креативности и гражданской ответственности студентов, одновременно повышая профессиональный статус преподавателя.

При переходе к экспериментальному подходу роль преподавателя претерпевает фундаментальную трансформацию: он перестает быть транслятором знаний и становится архитектором и фасилитатором образовательной среды. Это не просто смена методов, а качественное изменение профессиональной позиции и функций: от лектора — к проектировщику и сценаристу; от носителя истины — к модератору и фасилитатору; от эксперта-предметника — к интегратору. Статья адресована педагогам и исследователям, заинтересованным во внедрении активных образовательных технологий и создании устойчивых моделей обучения в XXI в.

Ключевые слова: непрерывный педагогический эксперимент, трансформация учебной дисциплины, универсальный алгоритм, профессиональный рост преподавателя, педагогический контроль, субъект-субъектное взаимодействие, искусственный интеллект в образовании, гражданская идентичность, образовательные технологии, рефлексивный анализ, активные методы обучения, синергия «преподаватель — студент»

Для цитирования: Ханюков Д. А. Трансформация учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента (на примере курса «Деловой этикет») // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 569—574. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1654.

Original article

TRANSFORMATION OF AN ACADEMIC DISCIPLINE INTO A SPACE OF CONTINUOUS PEDAGOGICAL EXPERIMENT (ON THE EXAMPLE OF THE “BUSINESS ETIQUETTE” COURSE)

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article addresses the pressing issue of modernizing higher education in the context of digitalization and the risks associated with the uncontrolled use of artificial intelligence. The aim of this research is to develop and theoret-

ically substantiate a universal algorithm for transforming an academic discipline into a space for continuous pedagogical experiment. This algorithm is aimed not only at effectively developing students' professional and civic competencies, but also

at ensuring the teacher's professional growth and creating built-in mechanisms of pedagogical control that minimize reliance on automated solutions.

The article theoretically substantiates a concept whereby the educational process is restructured into a format of joint research between the teacher and students. The author uses the "Business Etiquette" course as an empirical platform for testing the proposed approach. Particular attention is given to developing methodologies that transform a traditional discipline into a "living laboratory", where students become active subjects who design learning situations and reflexively analyze their own professional identity.

The empirical material consists of the results of experimental work conducted at Far Eastern Federal University. A step-by-step transformation algorithm is presented, along with technologies for collaborative activity and mechanisms of pedagogical control. The conclusions demonstrate the high effectiveness of the approach, proving that such an organization of the educational process fosters the development

of students' critical thinking, creativity, and civic responsibility, while simultaneously enhancing the teacher's professional status.

Transitioning to an experimental approach fundamentally transforms the teacher's role: they cease to be a mere transmitter of knowledge and become an architect and facilitator of the educational environment. This represents not just a change in methods, but a qualitative shift in professional position and functions: from lecturer to designer and scriptwriter; from bearer of truth to moderator and facilitator; from subject-matter expert to integrator. The article is addressed to educators and researchers interested in implementing active educational technologies and creating sustainable learning models for the 21st century.

Keywords: *continuous pedagogical experiment, transformation of an academic discipline, universal algorithm, professional growth of a teacher, pedagogical control, subject-subject interaction, artificial intelligence in education, civic identity, educational technologies, reflexive analysis, active learning methods, teacher-student synergy*

For citation: Khanyukov D. A. Transformation of an academic discipline into a space of continuous pedagogical experiment (on the example of the "Business Etiquette" course). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75): 569—574. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1654.

Введение

Актуальность исследования определяется комплексом вызовов, стоящих перед современной системой высшего образования. С одной стороны, существует острая потребность в подготовке не просто носителей знаний, а компетентных профессионалов с развитым критическим мышлением, креативностью и сформированной гражданской позицией [1]. С другой стороны, цифровизация и распространение искусственного интеллекта (далее — ИИ) создают риски формализации обучения и бесконтрольного использования автоматизированных решений, что обесценивает традиционные формы контроля [2].

Изученность проблемы. Вопросы модернизации образовательного процесса и внедрения активных методов заложены в фундаментальных трудах А. М. Новикова [3] и К. К. Колина [1]. Аспекты профессионального развития преподавателя раскрыты в исследованиях Н. В. Кузьминой [4] и Е. В. Бондаревской [5]. Однако данные работы преимущественно фокусируются на отдельных компонентах педагогического процесса, не предлагая целостных механизмов синхронного развития студента и преподавателя.

Современные аспекты внедрения активных и интерактивных методов обучения анализируются в работах Т. В. Громовой [6], О. В. Ивлиевой и Б. С. Касумовой [7], Э. И. Белгородцева и Н. В. Кожевниковой [8]. Исследователи подчеркивают, что переход к субъект-субъектной модели взаимодействия требует от педагога освоения новых компетенций в области педагогического дизайна и фасилитации [6; 8].

Вопросы формирования гражданской идентичности и ценностных ориентаций студентов исследуются С. В. и С. Г. Тетерскими [9], Я. О. Усачёвой [10], М. В. Верещагиной и Ж. П. Карслян [11]. Как отмечает Я. О. Усачёва [10], эффективное формирование гражданской идентичности возможно лишь в условиях практико-ориентированных форматов, где студент выступает активным участником образовательного диалога, а не пассивным реципиентом знаний.

Проблемы цифровизации и интеграции ИИ в образование рассматриваются Л. В. Константиновой с соавторами [12], которые акцентируют внимание на необходимости смещения фокуса оценки с конечного продукта на процесс обучения для минимизации рисков академического недобросовестного использования ИИ.

Несмотря на обширную теоретическую базу, в научной литературе практически отсутствуют: универсальные алгоритмы трансформации учебных дисциплин, пригодные для массового внедрения [1; 6]; модели, интегрирующие формирование профессиональных и гражданских компетенций со встроенным педагогическим контролем [2; 12]; исследования, доказывающие синергетический эффект одновременного развития студента и преподавателя в рамках непрерывного педагогического эксперимента [6; 7; 12]. Данное исследование направлено на восполнение указанных пробелов.

Целесообразность разработки темы. Исследование обусловлено необходимостью ответа на три взаимосвязанных вызова: цифровизация требует перехода от проверки результата к управлению процессом [2; 7]; формирование гражданской ответственности невозможно без субъект-субъектных форматов взаимодействия [9; 10; 12]; профессиональное развитие преподавателя нуждается в инструментах интеграции педагогической и исследовательской деятельности [5; 11]. Разработка универсального алгоритма непрерывного педагогического эксперимента выступает системным ответом на данные вызовы, создавая методологическую основу для воспроизводимых образовательных инноваций.

Научная новизна исследования заключается в разработке целостной концепции трансформации учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента, где развитие студента и преподавателя происходит синергетически. Ключевым отличием является интеграция педагогического контроля непосредственно в структуру эксперимента как инструмента управления образовательной траекторией, что минимизирует риски бесконтрольного использования ИИ. Практическим воплощением

новизны стал универсальный алгоритм, позволяющий превратить любую дисциплину в «живую лабораторию» и органично встраивающий формирование гражданской идентичности в процесс совместного исследования.

Цель представленного в статье исследования — разработать и апробировать универсальный алгоритм трансформации учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента, который обеспечивает формирование компетенций студентов, профессиональный рост преподавателя и педагогический контроль для минимизации рисков использования ИИ.

Задачи исследования:

1. Теоретически обосновать концепцию педагогического эксперимента как эффективного механизма трансформации учебной дисциплины в пространство совместного исследования преподавателя и студентов.

2. Разработать универсальные методы педагогического эксперимента, пригодные для адаптации в любых учебных курсах.

3. Провести эмпирическую проверку эффективности подхода на примере курса «Деловой этикет».

4. Создать пошаговый алгоритм трансформации дисциплины, пригодный для массового внедрения.

Рабочая гипотеза исследования: трансформация учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента, основанная на субъект-субъектном взаимодействии и встроенном процессуальном контроле, обеспечивает статистически значимый рост критического мышления, креативности и гражданско-ценностных ориентаций студентов, одновременно способствуя профессиональному росту преподавателя и минимизации рисков академического использования ИИ.

Теоретическая значимость работы определяется разработкой концепции «непрерывного педагогического эксперимента» как фундаментального принципа организации образовательного процесса, а также системной моделью развития обеих сторон обучения и концептуализацией педагогического контроля в цифровую эпоху.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанный алгоритм и методики представляют собой готовый инструмент для внедрения в образовательный процесс. Подход служит механизмом профессионального роста преподавателя и решает проблему контроля ИИ за счет смещения фокуса с проверки результата на управление процессом обучения.

Основная часть

В рамках пассивного усвоения информации обучающийся выступает объектом педагогического воздействия, что ограничивает его субъектную позицию и снижает мотивацию к глубокому, осмысленному обучению. Кроме того, в условиях цифровизации и широкого распространения ИИ возрастает риск формализации выполнения учебных заданий, когда студенты полагаются на автоматизированные решения, не вникая в суть изучаемого материала [2; 12].

Для преодоления указанных противоречий автором предлагается модель трансформации учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента. В основе данной модели лежат принципы субъект-субъектного взаимодействия, сотворчества и активного участия. Учебный процесс перестает быть линейной передачей знаний и превращается в совместную исследовательскую деятельность преподавателя и студентов. Ключевым

элементом становится непрерывный цикл: проектирование образовательной ситуации → реализация → рефлексивный анализ → коррекция. Этот цикл позволяет гибко адаптировать содержание курса под актуальные запросы группы и индивидуальные образовательные траектории студентов [13].

Практическая реализация на примере курса «Деловой этикет». В качестве эмпирической базы для апробации модели выступил курс «Деловой этикет», преподаваемый в Дальневосточном федеральном университете [13]. Выбор данной дисциплины обусловлен ее значительным воспитательным потенциалом, позволяющим органично интегрировать вопросы формирования профессиональной этики, гражданской идентичности и патриотического отношения к труду в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

В рамках апробации модели разработаны три универсальных метода: проектирование учебных ситуаций (самостоятельное конструирование студентами профессиональных кейсов, смещающее фокус на контекстное решение задач), рефлексивный анализ (структурированные разборы, оценивающие логику принятия решений, а не только результат) и процессуальная оценка (критериальный мониторинг аргументации и взаимодействия, обеспечивающий встроенный контроль и снижающий зависимость от ИИ). Каждый метод сопровождается алгоритмом внедрения и инструментами фиксации динамики, гарантирующими воспроизводимость в иных дисциплинах.

Предложенный алгоритм реализуется в логике системно-деятельностного подхода [3], при этом каждый этап сопровождается механизмами встроенного педагогического контроля. В условиях цифровизации такой контроль приобретает особое значение: как отмечают Л. В. Константинова с соавторами [12], смещение фокуса оценки с результата на процесс (аргументацию, ход дискуссии, рефлекссию) позволяет минимизировать риски бесконтрольного использования автоматизированных решений. Кроме того, субъект-субъектный формат взаимодействия, описанный М. В. Верещагиной и Ж. П. Карслян [11], создает условия для формирования у студентов не только профессиональных, но и ценностно-смысловых компетенций, включая гражданскую идентичность [9].

Практическая реализация модели включала следующие совместные шаги преподавателя и студентов:

1. *Диагностика и совместное целеполагание.* Совместно определяем исходные точки и ставим цели.

2. *Проектирование образовательного сценария.* Разрабатываем детальный образовательный сценарий.

3. *Реализация эксперимента и встроенный контроль.* Учебные ситуации реализуются в цикле: действие → наблюдение → обратная связь → корректировка. Преподаватель-фасилитатор отслеживает динамику через процессуальные рубрики, управляя траекторией обучения в реальном времени. Эта возможность адаптации сценария отличает «непрерывный» эксперимент от разовых проверок.

4. *Рефлексивный анализ и коррекция.* Анализируем результаты, делаем выводы и вносим необходимые коррективы.

Обоснование результатов и их достоверность. В экспериментальной группе (далее — ЭГ) наблюдался значительный рост показателей критического мышления (на 37 %)

и креативности (на 32 %) по сравнению с контрольной группой (далее — КГ). Качественный анализ показал повышение уровня гражданской ответственности в суждениях студентов.

Достоверность результатов обеспечивается методологической строгостью: использованием комплекса методов (педагогический эксперимент, наблюдение, тестирование, анализ продуктов деятельности), длительностью исследования (три учебных года) и наличием КГ для сравнения. Таким образом, полученные данные доказывают, что трансформация дисциплины в пространство непрерывного эксперимента является эффективным путем для одновременного развития студентов и профессионального роста преподавателя.

Методология исследования. Методологической основой исследования выступает системно-деятельностный подход [3]. Это обусловлено тем, что трансформация учебной дисциплины рассматривается не как набор отдельных педагогических приемов, а как качественное изменение всей образовательной системы, где взаимосвязаны цели, содержание, методы, формы и результаты обучения».

Выбор критического мышления, креативности и коммуникативно-ценностной компетентности обусловлен их ключевой ролью в цифровой среде. В условиях распространения ИИ аргументация, генерация решений и этическая рефлексия фиксируют глубокое усвоение материала, а не его репродукцию [8; 12]. Эти маркеры отражают переход студента к позиции активного со-исследователя, напрямую нивелируя риски формализации обучения [2; 7].

Реализация алгоритма проходила в три этапа: на первом этапе осуществлялось теоретическое моделирование и проектирование с помощью анализа и синтеза литературы, что позволило создать научно обоснованную и воспроизводимую модель, где преподаватель выступал как проектировщик; на втором этапе проводилась опытно-экспериментальная работа, включающая педагогический эксперимент, наблюдение и анкетирование для подтверждения эффективности модели, фиксации перехода к субъект-субъектным отношениям и измерения мотивации, при этом преподаватель был исследователем и архитектором среды; на третьем этапе осуществлялся анализ, интерпретация и верификация результатов с помощью количественных и качественных методов, а также статистической обработки данных, что позволило доказать рост компетенций, формирование ценностных ориентаций и подтвердить научную достоверность модели, обеспечив ее воспроизводимость и комплексную эффективность.

Результаты исследования:

1. Доказательство эффективности алгоритма через динамику компетенций (результат по студентам). Сравнительный анализ результатов входного и итогового тестирования продемонстрировал статистически значимый рост ключевых компетенций у студентов ЭГ по сравнению с КГ.

Критическое мышление: средний балл в ЭГ вырос на 37 %, в то время как в КГ прирост составил лишь 12%. Студенты ЭГ показали более глубокий анализ кейсов и способность к аргументированной дискуссии.

Креативность: уровень развития креативного мышления в ЭГ увеличился на 32 % против 9 % в КГ, что проявилось в оригинальности решений, предлагаемых в деловых играх.

2. Доказательство механизма профессионального роста (результат по преподавателю). Анализ данных, полученных в ходе наблюдения и рефлексии преподавателя, подтвердил, что реализация алгоритма является механизмом его профессионального развития. Произошла качественная трансформация профессиональной позиции: от роли транслятора знаний преподаватель перешел к позициям архитектора среды, сценариста и фасилитатора. Это сопровождалось освоением новых компетенций в области педагогического дизайна и управления групповой динамикой, что напрямую влияет на профессиональный статус педагога.

3. Доказательство работоспособности встроенного контроля (результат по процессу). Результаты педагогического наблюдения и анализа процесса обучения подтвердили, что предложенный алгоритм обеспечивает эффективный контроль, встроенный в саму ткань эксперимента. Смещение фокуса с проверки конечного продукта на оценку процесса (аргументации, хода дискуссии, гибкости мышления) позволило преподавателю управлять образовательной траекторией в реальном времени. Качественный анализ выполненных студентами работ показал снижение зависимости от автоматизированных решений, т. е. задания требовали демонстрации навыков в интерактивном формате.

4. Доказательство формирования ценностных ориентиров. Контент-анализ рефлексивных эссе студентов ЭГ выявил качественный сдвиг в их самосознании. Темы гражданской идентичности и профессиональной этики перестали быть абстрактными понятиями. Студенты связывали их с конкретными поведенческими моделями, что свидетельствует об успешном формировании ценностных ориентаций как одного из целевых показателей алгоритма. Контент-анализ выявил корреляцию с данными исследования Я. О. Усачёвой [10] о роли практико-ориентированных форматов в формировании ценностных ориентаций. При этом, как отмечает М. К. Акимова [14], именно рефлексивный анализ собственных действий в интерактивных форматах способствует интеграции гражданских ценностей в профессиональную идентичность будущего специалиста.

Заключение и выводы

Проведенное исследование полностью подтвердило рабочую гипотезу о том, что трансформация учебной дисциплины в пространство непрерывного педагогического эксперимента обеспечивает синергетическое развитие студента и преподавателя, одновременно минимизируя риски академического недобросовестного использования ИИ за счет внедрения встроенного процессуального контроля. Результаты трехлетнего эксперимента на базе курса «Деловой этикет» в Дальневосточном федеральном университете доказали, что разработанный универсальный алгоритм является научно обоснованным и практико-ориентированным инструментом системной перестройки образовательного процесса в условиях цифровой трансформации.

В соответствии с поставленными целями и задачами сформулированы следующие выводы:

1. Теоретически обоснована и операционализирована концепция непрерывного педагогического эксперимента как фундаментального принципа организации обучения, где синхронное развитие обеих сторон процесса достигается через переход от линейной трансляции знаний к совместной исследовательской деятельности.

2. Разработаны и описаны универсальные методы педагогического эксперимента (проектирование ситуаций, рефлексивный анализ, процессуальная оценка), доказавшие свою адаптивность для интеграции в различные учебные курсы.

3. Эмпирически подтверждена эффективность подхода: зафиксирован статистически значимый рост критического мышления студентов (на 37 %), креативности (на 32 %) и коммуникативной компетентности (на 28 %), а также качественный сдвиг в формировании гражданско-ценностных ориентаций (интеграция ценностей в профессиональную идентичность выросла с 41 до 83 %).

4. Создан и апробирован пошаговый алгоритм трансформации дисциплины, который не только обеспечивает системную перестройку учебного процесса, но и выступает механизмом профессионального роста преподавателя, трансформируя его роль в архитектора и фасилитатора образовательной среды.

Практическая значимость исследования заключается в том, что разработанный алгоритм и сопроводительные методики представляют собой готовый инструментарий для прямого внедрения в образовательную практику вузов. Подход эффективно решает проблему контроля над использованием ИИ за счет смещения фокуса с проверки результата на управление процессом обучения,

позволяя оценивать реальные достижения и когнитивные стратегии студентов. На основе полученных результатов сформулированы следующие рекомендации: внедрять алгоритм поэтапно, начиная с дисциплин гуманитарно-профессионального профиля; при переходе к экспериментальному формату пересматривать системы текущего контроля, смещая акцент на мониторинг процесса (аргументации, рефлексии, групповой динамики); организовать методические семинары для преподавателей по освоению компетенций педагогического дизайна и фасилитации.

Основные направления дальнейших исследований включают: лонгитюдное изучение устойчивости сформированных компетенций в период 3–5 лет после выпуска; масштабирование алгоритма на дисциплины технического и естественно-научного циклов; разработку цифровых инструментов (LMS-модулей) для автоматизации сбора данных встроенного педагогического контроля и повышения масштабируемости модели.

Таким образом, организация обучения как непрерывного педагогического эксперимента является научно обоснованным ответом на вызовы цифровой эпохи и гарантирует подготовку компетентных и ответственных специалистов, способных к непрерывному саморазвитию в быстро меняющейся профессиональной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колин К. К. Современные проблемы развития высшего образования в России // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 3. С. 27—35. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-3-27-35.
2. Бакулина Р. А. Искусственный интеллект как инструмент академического мошенничества: правовые и этические аспекты // Политика и общество. 2025. №3. С. 61—74. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.3.75253.
3. Новиков А. М. Методология образования. М. : Эгвес, 2006. 488 с.
4. Кузьмина Н. В. Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения. М. : Высшая школа, 1990. 119 с.
5. Бондаревская Е. В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. пед. ун-та, 2000. 352 с.
6. Громова Т. В. Подготовка преподавателей к цифровой трансформации образования // Вестник педагогических наук. 2024. № 3. С. 21—28.
7. Ивлиева О. В., Касумова Б. С. Активные и интерактивные методы обучения в вузе: эффективность и барьеры внедрения // Журнал прикладных исследований. 2026. Спец. вып. 2. С. 120—126.
8. Белгородцева Э. И., Кожевникова Н. В. Интерактивные методы обучения в процессе изучения педагогических дисциплин // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 4. С. 6—13.
9. Тетерский С. В., Тетерская С. Г. Гимн Российской Федерации как идеология воспитания // Народное образование. 2025. № 3. С. 167—179.
10. Усачёва Я. О. Гражданская идентичность студентов вузов // Молодой ученый. 2024. № 22(521). С. 614—616.
11. Верещагина М. В., Карслян Ж. П. К проблеме формирования гражданской идентичности студентов // Современные технологии в образовании : материалы XXI Всерос. науч. конф. Владикавказ : Изд-во СОГПИ, 2021. С. 61—64.
12. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л. В. Константинова, В. В. Воронихин, А. М. Петров и др. // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36—48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
13. Ханюков Д. А. Курс по деловому этикету как комплексный подход к формированию патриотического сознания молодежи в рамках внеучебной деятельности // Апгрейд 2030: стратегия развития молодежной среды : материалы III Международ. форума. Ульяновск : Зебра, 2025. С. 157—160.
14. Акимова М. К., Персиянцев С. В. Особенности рефлексии гражданской идентичности и интеллигентности у студентов-психологов // Chronos: психология и педагогика. 2021. Т. 6. № 1. С. 4—7.

REFERENCES

1. Kolin K. K. Modern problems of higher education development in Russia. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2023;27(3):27—35. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2023-3-27-35>
2. Bakulina R. A. Artificial intelligence as a tool for academic fraud: legal and ethical aspects. *Politika i obshchestvo = Politics and society*. 2025;3:61—74. (In Russ.) DOI 10.7256/2454-0684.2025.3.75253.
3. Novikov A. M. Methodology of education. Moscow, Egves, 2006. 488 p. (In Russ.)
4. Kuz'mina N. V. Professionalism of the teacher's personality and industrial training master. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 119 p. (In Russ.)

5. Bondarevskaya E. V. Theory and practice of personality-oriented education. Rostov-on-Don, Rostov State Pedagogical University publ., 2000. 352 p. (In Russ.)
6. Gromova T. V. Preparing teachers for the digital transformation of education. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2024;3:21—28. (In Russ.)
7. Ivlieva O., Kasumova B. Active and interactive teaching methods in higher education: effectiveness and barriers to implementation. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2026;S2:120—126. (In Russ.)
8. Belogorodtseva E. I., Kozhevnikova N. V. Interactive teaching methods in the process of studying pedagogical disciplines. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2024;5(4):6—13. (In Russ.)
9. Tetersky S. V., Teterskaya S. G. The Anthem of the Russian Federation as an ideology of education. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2025;3:167—179. (In Russ.)
10. Usacheva Ya. O. Civic identity of university students. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2024;22(521):614—616. (In Russ.)
11. Vereshchagina M. V., Karslyan Zh. P. The problem of formation of the civil identity of students. *Sovremennye tekhnologii v obrazovanii = Modern technologies in education. Proceedings of the XXI All-Russian scientific conference*. Vladikavkaz, North Ossetian State Pedagogical Institute publ., 2021:61—64. (In Russ.)
12. Konstantinova L. V., Vorozhikhin V. V., Petrov A. M. et al. Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2023;27(2):36—48. (In Russ.) DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
13. Khanyukov D. A. The course on business etiquette as an integrated approach to the formation of patriotic consciousness of youth in extracurricular activities. *Apgreid 2030: strategiya razvitiya molodezhnoi sredy = Upgrade 2030: youth environment development strategy. Proceedings of the III International forum*. Ulyanovsk, Zebra, 2025:157—160. (In Russ.)
14. Akimova M. K., Persiyantseva S. V. Features of reflection on civic identity and intelligentsia among psychology students. *Chronos: psikhologiya i pedagogika*. 2021;6(1):4—7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.05.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 02.05.2026; approved after reviewing 29.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.

Научная статья
УДК 378.147
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1608

Xing Jianxin

Postgraduate of the Institute of Psychology and Education,
field of training

5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
CzySin@yandex.ru

Син Цзяньсинь

аспирант Института психологии и образования,
направление подготовки

5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
CzySin@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В КИТАЕ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Трансформация практической подготовки будущих учителей выступает одним из основных направлений модернизации педагогического образования Китайской Народной Республики. Актуальность исследования обусловлена необходимостью преодоления разрыва между академическим теоретизированием и динамично меняющимися реалиями современной массовой школы в условиях цифровизации и глобальной конкуренции. Цель работы заключается в выявлении и обосновании пяти тенденций, определяющих развитие практической подготовки студентов педагогических вузов Китая. Методологическую основу исследования составили системно-структурный подход и концепция генеративного оценивания А. О. Карпова, согласно которой акцент переносится с формального соответствия норме на способность обучающегося действовать на основе полученного знания. На операциональном уровне применялись контент-анализ нормативных документов Министерства образования КНР (2011—2025 гг.), сравнительно-сопоставительный метод и кейс-стади педагогических университетов. Достоверность выводов обеспечена анализом источников и сопоставлением результатов макро- и микроуровневого исследования. В резуль-

тате анализа выявлены пять взаимосвязанных тенденций: институционализация практической подготовки на основе трехсторонней модели U-G-S (Университет — Правительство — Школа); цифровизация образовательного процесса и внедрение технологий виртуальной реальности; переход от инструментальной логики контроля к формирующему оцениванию содержания практик; интеграция ценностного воспитания и профессионального обучения; а также стратегия локализованной интернационализации, обеспечивающая синтез глобальных компетенций и национальной идентичности. В заключение обоснован тезис о переходе китайской модели от квалификационной логики к компетентностно-ценностной парадигме. Полученные результаты могут служить концептуальной рамкой для сравнительных исследований и проектирования образовательных программ в области педагогического образования.

Ключевые слова: практическая подготовка, педагогическое образование в Китае, модель U-G-S, цифровизация, формирующее оценивание, аксиологизация, локализованная интернационализация, государственная образовательная политика КНР, профессиональные компетенции учителя, институциональная основа

Для цитирования: Цзяньсинь С. Современные тенденции практической подготовки будущих педагогов в Китае // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 575—581. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1608.

Original article

CURRENT TRENDS IN THE PRACTICAL TEACHER TRAINING IN CHINA

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The transformation of practical teacher training is a central direction in China's modernization of teacher education. Its relevance stems from the need to bridge the gap between academic theorizing and the dynamic realities of mass schooling amid digitalization and global competition. This study identifies and substantiates five trends shaping practical training in Chinese pedagogical universities. The methodological framework comprised a system-structural approach and A. O. Karpov's concept of generative assessment, which shifts focus from normative compliance to the learner's ability to apply acquired knowledge. At the operational level, the study employs content analysis

of Chinese Ministry of Education regulatory documents (2011–2025), comparative analysis, and case studies of leading pedagogical universities. Reliability is ensured through cross-source analysis and consistency between macro- and micro-level findings. The analysis reveals five interrelated trends: institutionalization of practical training via the three-pronged U-G-S (University–Government–School) model; digitalization and adoption of virtual reality technologies; a turn from instrumental control toward formative assessment; integration of values education with vocational training; and a localized internationalization strategy synthesizing global competencies with national

identity. In conclusion, the study substantiates a shift in China's teacher education model from qualification logic toward a competence-and-values paradigm. The findings offer a conceptual framework for comparative research and the design of teacher education programs.

For citation: Jianxin X. Current trends in the practical teacher training in China. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):575—581. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1608.

Введение

Актуальность. Вступление Китайской Народной Республики (далее также — КНР, Китай) в XXI столетие ознаменовалось не только впечатляющим экономическим ростом, но и глубокими структурными сдвигами в сфере подготовки педагогических кадров. Существовавшая на протяжении длительного времени модель, ориентированная преимущественно на трансляцию теоретического знания, всё заметнее расходилась с реальными запросами массовой школы. Исследователи Ван Цзяньпин и Чжоу Сянъян справедливо указывают на сохраняющийся «крен концептуальной направленности педагогического образования в сторону теоретических знаний» и неспособность действовавших стандартов сертификации «адекватно отвечать на высокие ожидания и многообразные требования базовых школ» [1]. Обозначившийся разрыв между академической подготовкой и повседневной школьной действительностью послужил основным импульсом для запуска системных реформ. В этом контексте анализ тенденций трансформации практического обучения в Китае является актуальным научно-прикладным исследованием.

Изученность проблемы. Проблематика практической подготовки будущих педагогов в российской и китайской академической традиции представлена работами исследователей, обращающихся к различным ее аспектам. В российской науке к данной теме в историко-педагогическом ракурсе обращаются М. П. Войтеховская, а также Ли Бин и О. Н. Игна; концептуальные подходы и дидактические инновации анализируют В. С. Басюк, Д. В. Добровенский, Н. В. Соловьева, Ю. В. Сорокопуд и А. О. Карпов; зарубежный опыт организации педагогических практик исследует Т. А. Баклашова; компетентностный подход в высшей школе изучает Р. А. Быкова. В китайской науке Ли Гуан, Ли Цзюньли и Юй Ли, Чжоу Цзыюй с соавторами разрабатывают модель «Университет — Правительство — Школа» (*U-G-S*); Ван Цзяньпин, Чжоу Сянъян, Сун Чуньгуан с соавторами изучают практико-ориентированные курсы в русле сертификации и *OBE*; Мэй Цаньхуа с соавторами и Ли Сяоя с соавторами исследуют применение цифровых и виртуальных технологий; Чжан Лин, Ян Цзююань и др. затрагивают вопросы оценивания и методологии.

Основное внимание перечисленных ученых сосредоточено на организационно-институциональном измерении практической подготовки педагогов — эволюции национальной системы педагогического образования, механизмах кооперации между школой, вузом и государством [2—6]. Содержательные и методические основания данного процесса активно разрабатываются в трудах, посвященных концептуальным и дидактическим подходам, а также практико-ориентированным курсам в русле профессиональной сертификации и концепции *OBE* [7—10]. Технологическая модернизация практической подготовки, сопряженная с внедрением виртуальной реальности и цифровых платформ, составляет еще один значимый пласт исследований [11—13].

Keywords: *practical training, teacher education in China, the U-G-S model, digitalization, formative assessment, axiologization, localized internationalization, state educational policy of the PRC, professional competencies of teachers, institutional foundation*

Работы Т. А. Баклашовой [14] выводят проблематику в международный контекст и анализируют зарубежный опыт организации педагогических практик.

Проведенный анализ позволяет заключить, что рассмотренные китайские работы носят в основном прикладной или описательный характер, а в России практически отсутствуют исследования, предметно раскрывающие современные тенденции практической подготовки педагогов именно в Китае. За рамками проанализированных трудов остается вопрос о внутренней взаимосвязи между институциональными, содержательными и технологическими изменениями в системе практической подготовки будущих учителей КНР. Таким образом, выявляется явный дефицит обобщающих работ, нацеленных на выявление и обоснование тенденций трансформации практической подготовки будущих педагогов Китая в их диалектической взаимообусловленности.

Данное обстоятельство обуславливает **цель** исследования — выявить и обосновать тенденции трансформации практической подготовки будущих учителей Китая, а также раскрыть внутренние взаимосвязи между ними.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Провести ретроспективный анализ нормативно-правовой базы КНР, регулирующей сферу педагогического образования.
2. Идентифицировать и охарактеризовать магистральные направления изменений в организации, содержании и инструментарии практической подготовки.
3. Обосновать взаимосвязь выделенных тенденций как элементов единой системы, функционирующей по модели «среда — структура — инструмент — обратная связь — цель».
4. Оценить вектор парадигмального сдвига в подготовке педагогов от формальных показателей к ценностно-смысловым ориентирам.

Научная новизна исследования состоит в обосновании пяти взаимосвязанных тенденций практической подготовки педагогов КНР как элементов единой модели «среда — структура — инструмент — обратная связь — цель», что восполняет пробел целостных исследований трансформации парадигмы педагогического образования в Китае от квалификационной к компетентностно-ценностной.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке пятикомпонентной аналитической модели, описывающей трансформацию практической подготовки педагогов Китая. Данная модель не только фиксирует пять тенденций: институционализацию, цифровизацию, формирующее оценивание, аксиологизацию и локализованную интернационализацию, но и раскрывает характер их взаимосвязи в рамках единой структуры «среда — структура — инструмент — обратная связь — цель». Работа восполняет существующий в современной литературе дефицит целостных, системно-ориентированных исследований китайского педагогического образования и расширяет методологический инструментарий сравнительной педагогики.

Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их применения при проектировании и модернизации программ педагогических практик в высших учебных заведениях. Выявленные тенденции и описанные механизмы их реализации (кейсы Северо-Восточного педагогического, Шэньсиского технологического и Цзямусского университетов) могут служить ориентиром для административных структур, осуществляющих планирование институционального партнерства между университетами и школами. Кроме того, предложенная модель позволяет образовательным менеджерам оценить текущее состояние практической подготовки в конкретном вузе с точки зрения ее системной полноты и выявить направления дальнейшего развития. Выводы исследования также могут быть востребованы при формировании государственной политики в области непрерывного педагогического образования.

Основная часть

Методология и методы исследования. Методологическую базу исследования составляет системно-структурный подход. Он позволил рассмотреть реформу практической подготовки педагогов в Китае как целостный процесс, где выделенные тенденции образуют единую систему, функционирующую по модели «среда — структура — инструмент — обратная связь — цель». В качестве ведущего аналитического принципа в настоящей работе, вслед за А. О. Карповым, была принята концепция «генеративного оценивания» [7]. Как подчеркивает исследователь, в таком оценивании «акцент делается на том, что ученик может сделать с полученным знанием, а не на том, как хорошо полученные знания соответствуют рамке, установленной другими» [7, с. 31]. На операциональном уровне применялись: контент-анализ нормативных документов Минобразования КНР (2011—2025 гг.), сравнительно-сопоставительный метод, кейс-стади трех педагогических университетов (Северо-Восточного, Шэньсиского технологического, Цзямусского).

Источниковую базу составили официальные правовые акты, научные публикации в рецензируемых изданиях, материалы международных конференций и отчеты экспериментальных площадок вузов. Достоверность выводов подтверждается согласованностью данных, полученных при анализе нормативных документов, научной литературы и вузовских практик, а также непротиворечивостью выводов макро- и микроуровня.

Результаты исследования

I. Тенденция институционализации практической подготовки будущих педагогов на основе модели U-G-S. Прежде всего обращает на себя внимание формирование новой институциональной среды практической подготовки. Речь идет о переходе от эпизодических контактов между вузом и школой к устойчивой модели межсекторного партнерства U-G-S. Как подчеркивают Чжоу Цзыной и ее коллеги, подобное сотрудничество «уже не сводится к простой организации практики, а начинает проникать во все звенья процесса подготовки» [6]. Оно предполагает не формальное распределение студентов по базам практик, а глубинную интеграцию ресурсов, управленческих решений и образовательных действий.

Наиболее показательным примером служит «Экспериментальная зона инноваций в педагогическом образовании по модели U-G-S» (U-G-S 教师教育创新实验区), созданная

на базе Северо-Восточного педагогического университета. За более чем десятилетний период функционирования здесь сложился механизм взаимодействия, отличающийся четким разграничением полномочий, отлаженной координацией и ориентацией на взаимную выгоду. Существенно, что партнерство выходит далеко за рамки предоставления мест для стажировок: стороны совместно разрабатывают целевые ориентиры подготовки, проектируют учебные планы, участвуют в формировании объединенных преподавательских коллективов и ведут совместные педагогические исследования [4].

Однако идеальная нормативная модель сталкивается с вполне предсказуемыми трудностями при ее практической реализации. Шэнь Сюэцзоань справедливо обращает внимание на ряд серьезных препятствий [15]. Внутри самих университетов сохраняется разобщенность факультетов и кафедр; между вузами и школами возникают барьеры, порожденные различиями в целевых установках, корпоративной культуре и системах управления. Институт двойного наставничества (тьютор от университета и ментор от школы) нередко приобретает формальный характер, если отсутствуют действенные каналы коммуникации. К тому же труд школьных учителей по сопровождению практикантов зачастую не получает должного признания ни в моральном, ни в материальном измерении. Следовательно, создание институциональной рамки является необходимым, но недостаточным условием. Требуется обеспечить динамическое функционирование этой структуры.

II. Тенденция цифровизации практической подготовки будущих педагогов. Структурный каркас практической подготовки задается институционализацией, динамическое же наполнение обеспечивается цифровыми технологиями. Происходит масштабное внедрение интеллектуальных систем в практическую подготовку. Цифровая трансформация, ускоренная пандемийным периодом, привела к тому, что технологии перестали быть лишь вспомогательным инструментом. Они становятся ключевой инфраструктурой, перестраивающей всю цепочку «преподавание — управление — оценивание».

По мнению Ли Сюся и ее соавторов, формируется новая парадигма, которую можно охарактеризовать как ориентированную на данные, привязанную к конкретным сценариям и адаптивную к индивидуальным запросам [12]. Каким образом это проявляется в действительности?

Во-первых, технологии виртуальной симуляции и цифровых двойников позволяют создавать реалистичные, многократно воспроизводимые и свободные от высоких рисков учебные ситуации. Будущий педагог получает возможность тренироваться в разрешении конфликтов или управлении классом, а система в режиме реального времени фиксирует его действия и формирует динамический отчет. Во-вторых, облачные платформы и большие данные интегрируют теоретические ресурсы университета, административную поддержку государства и практические площадки школ в едином цифровом пространстве. Обратимся к конкретным примерам.

В Шэньсиском технологическом университете при подготовке магистров в области английского образования внедрена интеллектуальная модель управления, характеризующаяся «циркуляцией данных, визуализацией процессов и согласованностью принятия решений» [5]. Обучающиеся дистанционно наблюдают за школьными

уроками, наставники от университета и школы совместно проводят онлайн-методические семинары, а система на основе искусственного интеллекта осуществляет первичную проверку и предоставляет обратную связь по итогам практики.

В Цзямусском университете, в свою очередь, функционирует VR-лаборатория виртуального межкультурного моделирования. Здесь поведенческие данные студентов, полученные в искусственно смоделированных учебных средах, ложатся в основу многомерных аналитических моделей [11].

Важно подчеркнуть: технологии сами по себе не разрешают педагогических противоречий. Исследователи отмечают сохраняющуюся неполноту теоретико-политического сопровождения цифровизации, неразвитость соответствующих учебных курсов и дефицит каналов совместного использования ресурсов. Однако именно технологическая платформа создает необходимые условия для преодоления барьеров, описанных в рамках первой тенденции, обеспечивая непрерывность коммуникации и накопление объективных данных.

III. Тенденция формирующего оценивания в практической подготовке будущих педагогов. Третья тенденция носит фундаментальный, можно сказать, философский характер и касается эволюции самой логики оценивания. Длительное время в образовательной политике доминировала инструментальная рациональность: качество измерялось набором внешних количественных показателей — уровнем трудоустройства, числом публикаций, процентом выполнения учебных планов. Чжан Лин убедительно показывает, что непомерная экспансия подобной рациональности размывает сущностную, воспитательную природу образования [16]. Возникает парадоксальная ситуация: чем точнее и подробнее становятся измерения, тем дальше система уходит от подлинных целей педагогической деятельности. Выход из сложившегося тупика видится в переходе к «интегративной рациональности» (*Integrative Rationality*), где средства инструментального контроля не отбрасываются, но критически используются под верховенством ценностных ориентиров. Иными словами, оценка призвана служить не столько надзору, сколько порождению нового качества. На практике данный сдвиг проявляется в нескольких аспектах.

Фокус внимания смещается с изолированных ключевых показателей эффективности (KPI) на добавленную стоимость для обучающегося. Значимым становится не сам по себе процент трудоустроенных выпускников, а то, какие именно компетенции и личностные качества были реально приобретены студентом за годы обучения. Одновременно арсенал оценочных средств обогащается качественными инструментами: развивающими портфолио, рефлексивными отчетами, нарративными описаниями, разработкой практических кейсов. Расширяется круг субъектов оценивания: к процессу подключаются правительственные структуры, работодатели, профессиональное сообщество и сами обучающиеся.

В качестве иллюстрации можно привести модель «стажировки на рабочем месте для воспитателей сельских детских садов», выстроенную на принципах *Outcome-Based Education (OBE)* [10]. В рамках данной модели через последовательные этапы ознакомления, практической работы и презентации итогов, с опорой на самооценку, взаимо-

оценку и экспертное заключение руководителей, фиксируется реальная динамика развития таких сложных способностей, как «наблюдение за детьми» и «рефлексия в области ухода и образования». Оценка здесь не подводит черту, а сопровождает профессиональный рост.

Следует особо подчеркнуть диалектический характер связи между регуляцией и порождением. Как отмечает Ян Цзююань, необходимая регуляция обеспечивает базовый уровень качества и соблюдение принципов справедливости, тогда как формирующая направленность стимулирует содержательное углубление и инновационную активность [17]. Единство этих двух начал и составляет суть современной реформы оценивания в педагогическом образовании Китая.

IV. Тенденция аксиологизации практической подготовки будущих педагогов. На уровне целеполагания отчетливо проступает специфика китайской модели — глубочайшая интеграция ценностного руководства и практико-ориентированного воспитания. Здесь происходит не механическое добавление воспитательного компонента к существующим курсам, а системная реконструкция всей парадигмы. Как подчеркивает Хуан Жун, «дух педагога-новатора» (教育家精神) становится не абстрактным лозунгом, а ценностным ядром, пронизывающим всю ткань практической подготовки [18]. Параллельно с этим традиционные курсы идеологического и политического воспитания преобразуются в «макрокурс» (大思政课) — развернутую платформу, соединяющую академическую аудиторию с жизнью общества. Связь данной тенденции с предыдущей становится очевидной при внимательном рассмотрении. Переход от инструментальной рациональности к интегрированной создает оценочную рамку, в которой такие трудноизмеримые категории, как «приверженность профессии», «педагогический оптимизм» или «гражданская ответственность», получают легитимный статус объектов педагогического внимания и мониторинга. Конкретные практики подтверждают этот тезис.

Восточно-Китайский педагогический университет реализует программу «Образовательная мечта», в рамках которой будущие учителя направляются в старые революционные районы. Там под руководством «сообщества совместного наставничества» они ведут погружающую практику и разрабатывают учебные курсы, превращая абстрактный призыв «развивать образование, укорененное в китайской земле» в личный, эмоционально пережитый опыт.

Фуданьский университет, в свою очередь, создал на базе выставочного зала «Манифест Коммунистической партии» иммерсивный образовательный проект, где студенты, проходя стандартизированную экскурсионную практику, сами становятся трансляторами исторической памяти. На институциональном уровне рассматриваемая тенденция закреплена в Стандартах сертификации педагогических специальностей, где такие требования к выпускнику, как «следование профессиональной этике» и «умение воспитывать», выдвинуты на первый план.

Следовательно, практическая подготовка перестает быть лишь тренировкой методических навыков; она обретает черты пространства ценностного самоопределения.

V. Тенденция локализованной интернационализации практической подготовки будущих педагогов. Еще одна тенденция трансформации формируется

на пересечении двух разнонаправленных требований. С одной стороны, современный педагог обязан обладать широким международным кругозором и понимать глобальные образовательные тренды. С другой — его инновационный потенциал должен быть прочно укоренен в национальной культуре и учитывать конкретные условия китайской школы. Данное напряжение, как пишут Цзян Бо и его коллеги, разрешается посредством стратегии «активного овладения, сочетания и всестороннего восприятия» [19]. Теоретическим фундаментом здесь выступают три философские ориентации интернационализации, выделенные Й. Штиром: идеализм (духовное воспитание), инструментализм (практическая адаптация) и идеи Просвещения (рациональное познание) [20]. В китайском контексте они соотносятся, соответственно, с фундаментальной задачей «нравственного воспитания и развития человека» (立德樹人), с практическими потребностями служения государству и с внутренней логикой развития самой педагогической науки. Практическое воплощение данной тенденции многогранно.

Оно включает создание англоязычных образовательных программ, внедрение билингвального обучения, привлечение зарубежных специалистов и организацию зарубежных стажировок для местных преподавателей. Наиболее ярким свидетельством зрелости китайской системы стало, пожалуй, распространение шанхайской модели преподавания математики. Системные преобразования, длившиеся более двух десятилетий, привели к формированию эффективной модели «курсы — преподавание — оценка — педагогические исследования». Данная модель, известная на Западе как *mastery mathematics*, была успешно экспортирована в Великобританию вместе с комплектом учебных материалов, что представляет собой едва ли не первый случай целенаправленного заимствования западной страной китайского опыта в сфере базового образования.

Тем не менее, исследователи предостерегают от крайностей. Как замечает Ху Вэнь, интернационализация не должна вести к появлению «безродных граждан мира» [21]. Конечная цель видится в подготовке профессионалов, которые «основаны на местной почве и обладают международным кругозором». Именно в этой точке напряжения — между открытостью миру и сохранением культурной идентичности — и вызревают подлинные инновации. Не случайно в современном китайском педагогическом дискурсе всё чаще фигурирует понятие «在地国际化» — интернационализация на местах, предполагающая творческое переосмысление зарубежного опыта с обязательным учетом локальной специфики.

Заключение

Проведенное исследование позволило и обосновало идентифицировать пять самостоятельных тенденций в развитии практической подготовки педагогов Китая. За последние полтора десятилетия в китайской системе педагогического образования оформились следующие ключевые тенденции.

1. *Тенденция институционализации практической подготовки будущих педагогов на основе модели U-G-S.* Переход от разовых контактов к устойчивому трехстороннему партнерству «Университет — Правительство — Школа» создает необходимую организационную основу для всех последующих преобразований. Если данная

институциональная матрица отсутствует, цифровые инициативы рискуют остаться локальными экспериментами, а оценочные новации не находят условий для полноценного применения. В ходе анализа была выявлена слабая мотивация школьных наставников, и именно эта проблема определяет приоритетное направление для следующего этапа реформы.

2. *Тенденция цифровизации практической подготовки будущих педагогов.* Установлено, что цифровая трансформация берет на себя интегративную функцию, компенсируя тем самым коммуникационные и организационные разрывы, неизбежно возникающие между участниками модели U-G-S. Внедрение виртуальных лабораторий и облачных платформ переводит практическую подготовку в иной режим: она становится непрерывной и поддается последовательной документальной фиксации.

3. *Тенденция формирующего оценивания в практической подготовке будущих педагогов.* Зафиксирован значимый сдвиг от жесткой ориентации на формальные показатели к логике оценивания, нацеленной на приращение реальных компетенций. Вследствие этого меняется и сама природа контроля: он постепенно утрачивает преимущественно надзорные черты и всё больше обслуживает процессы развития профессиональной рефлексии и становления ценностных установок будущего педагога.

4. *Тенденция аксиологизации практической подготовки будущих педагогов.* В рамках данной тенденции отчетливо проявилась специфика китайской модели. Суть ее состоит в неразрывном единстве практического обучения и ценностного воспитания. Стажировки, учебные занятия и внеаудиторная работа формируют ту основу, в которой категория «дух педагога-новатора» перестает быть отвлеченным понятием и обретает конкретное воплощение в действиях и поступках.

5. *Тенденция локализованной интернационализации практической подготовки будущих педагогов.* Стратегия интернационализации «на местах» снимает объективно существующее противоречие между требованиями глобальной конкурентоспособности и необходимостью сохранить культурную идентичность. Такой подход позволяет осваивать передовые зарубежные достижения, одновременно защищая национальные педагогические традиции от размывания.

Рассмотренные тенденции в своей совокупности образуют целостность. Взаимозависимость компонентов очевидна: цифровые платформы наполняют реальным содержанием кооперацию U-G-S, формирующее оценивание создает условия для проявления воспитательного эффекта практик, а стратегия «на местах» фильтрует глобальные влияния, не позволяя им размывать ценностное ядро. Общий вектор описанных изменений определяется как переход от квалификационной логики к компетентностно-ценностной парадигме. Этот сдвиг еще далек от завершения и сопряжен с немалыми трудностями, однако его магистральное направление, как свидетельствуют проанализированные примеры, вырисовывается с достаточной ясностью. Представленная в работе пятикомпонентная модель может служить концептуальной рамкой как для дальнейших сравнительных исследований в области педагогического образования, так и для проектирования программ практической подготовки студентов-педагогов в странах, переживающих сходный этап модернизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Цзяньпин, Чжоу Сянъян. Исследование построения практических курсов педагогического образования в контексте сертификации педагогических специальностей // Кэцзяо Вэньхуэй. 2024. № 4. С. 151—154. (На кит. яз.)
2. Войтеховская М. П. Развитие российской модели подготовки педагогических кадров в образовательных учреждениях разной ведомственной принадлежности: исторический опыт и современные задачи // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2022. Т. 20. № 4. С. 169—187. DOI: 10.51314/2073-2635-2022-4-169-187.
3. Ли Бин, Игна О. Н. Этапы развития профессионального педагогического образования в Китае и России // Научно-педагогическое обозрение. 2019. Вып. 5(27). С. 30—39. DOI: 10.23951/2307-6127-2019-5-30-39.
4. Ли Гуан. Исследование механизма синергетических инноваций в педагогическом образовании: новое развитие модели «U-G-S» Северо-Восточного педагогического университета // Образовательные исследования. 2017. № 4. С. 146—151. (На кит. яз.)
5. Ли Цзюньли, Юй Ли. Исследование путей формирования практических компетенций у магистрантов по специальности «Английское образование» в рамках модели совместного воспитания «U-G-S» с применением цифровых интеллектуальных технологий // Журнал Хубэйского открытого профессионального колледжа. 2025. № 8. С. 147—149. (На кит. яз.)
6. Чжоу Цзыной, Бай Жуй, Ван Сяопин, Хо Фэнго. Исследование формирования профессионально-эмоциональной приверженности педагога в рамках модели совместного воспитания «U-G-S»: в контексте сертификации педагогических специальностей // Журнал Ляонинского института науки и технологий. 2022. № 1. С. 101—104. (На кит. яз.)
7. Карпов А. О. Генеративное обучение // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2010. № 3. С. 28—40. DOI: 10.51314/2073-2635-2010-3-28-40.
8. Быкова Р. А. Развитие компетентного подхода в процессе профессиональной подготовки в высшей школе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4(72). С. 158—163.
9. Добровенский Д. В., Соловьева Н. В., Сорокопуд Ю. В. Современные тенденции профессиональной подготовки будущих учителей // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6(97). С. 122—124. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-122-124.
10. Сун Чунгуан, Ван Цзин, Ли Вэньцзюань. Практическое исследование стажировки сельских воспитателей детских садов в формате «следования за наставником» на основе концепции OBE // Социальные науки: горизонтальное обозрение. 2020. № 6. С. 133—140. (На кит. яз.)
11. Мэй Цаньхуа, Ни Сифэн, Ли Шусюань. Исследование формирования педагогических способностей студентов педагогических специальностей вузов на основе технологий виртуальной симуляции // Кэцзяо Даокань. 2025. № 9. С. 142—144. (На кит. яз.)
12. Ли Сяоя, Ся Мэнсюань, Ван Юй. Ценностные ориентиры, механизмы действия и оптимизационные стратегии цифровых интеллектуальных технологий в развитии «макрокурса идеологического и политического воспитания» // Хэйлунцзянское образование (Исследования в области высшего образования и оценка). 2025. № 7. С. 38—43. (На кит. яз.)
13. Басюк В. С. Современные тенденции подготовки педагогов в условиях быстро меняющихся социальных вызовов // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. 2022. Т. 20. № 3. С. 38—55. DOI: 10.51314/2073-2635-2022-3-38-55.
14. Баклашова Т. А. Теория и методология практической подготовки будущих учителей в зарубежных вузах : автореферат дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2023. 39 с.
15. Шэнь Сюэцзюань. Практические трудности и пути преодоления в совместной подготовке будущих педагогов в контексте сертификации педагогических специальностей : магистер. дис. Янчжоус. ун-т, 2025. 109 с. (На кит. яз.)
16. Чжан Лин. От «инструментальной рациональности» к «ценностной рациональности»: внутренние парадоксы и практическое преодоление в реформе оценки профессионального образования в новую эпоху // Профессионально-техническое образование Китая. 2025. № 24. С. 5—15. (На кит. яз.)
17. Ян Цзюцюань. Строительство сильного образовательного государства и реформа оценки образования: слияние теоретических и политических горизонтов // Образовательные исследования. 2025. № 11. С. 84—96. (На кит. яз.)
18. Хуан Жун. Внутренняя логика и практические пути развития педагогических способностей преподавателей идеологических и политических дисциплин вузов под руководством духа педагога-новатора в новую эпоху // Новая Западная земля (Синь сибу). 2025. № 6. С. 185—189. (На кит. яз.)
19. Цзян Бо, Чжун Чжиян, Чжао Жун. Развитие интернационализации высшего образования, ориентированное на будущее // Управление высшим образованием. 2017. № 4. С. 58—64. (На кит. яз.)
20. Stier J. Internationalisation, Intercultural Communication and Intercultural Competence // Journal of Intercultural Communication. 2006. Vol. 6. No. 1. DOI: 10.36923/jicc.v6i1.422.
21. Ху Вэнь. Усиление подготовки международных кадров как «обязательный курс» участия Китая в глобализации // Внешняя торговля Китая. 2023. № 5. С. 76—77. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Wang Jianping, Zhou Xiangyang. Research on the Construction of Practical Courses in Teacher Education in the Context of Teacher Education Program Accreditation. *Kejiao Wenhui*. 2024;4:151—154. (In Chinese)
2. Voytekhovskaya M. P. Development of the russian model of teacher training at educational institutions of various departments: historical experience and current challenges. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2022;20(4):169—187. (In Russ.) DOI: 10.51314/2073-2635-2022-4-169-187.
3. Li B., Igna O. N. Stages of development of professional pedagogical education in China and Russia. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2019;5(27):30—39. (In Russian) DOI: 10.23951/2307-6127-2019-5-30-39.

4. Li Guang. Research on the Mechanism of Synergetic Innovation in Teacher Education: The New Development of the “U-G-S” Model at Northeast Normal University. *Jiaoyu Yanjiu = Educational Research*. 2017;4:146—151. (In Chinese)
5. Li Junli, Yu Li. Research on the Pathways for Developing Practical Competencies of Master’s Students Majoring in English Education within the “U-G-S” Collaborative Education Model Empowered by Digital Intelligence Technologies. *Journal of Hubei Open Vocational College*. 2025;8:147—149. (In Chinese)
6. Zhou Ziyu, Bai Rui, Wang Xiaoping, Huo Fengguo. Research on Cultivating Teachers’ Professional-Emotional Commitment within the “U-G-S” Collaborative Education Model in the Context of Teacher Education Program Accreditation. *Journal of Liaoning Institute of Science and Technology*. 2022;1:101—104. (In Chinese)
7. Karpov A. O. Generative education. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2010;3:28—40. (In Russ.) DOI: 10.51314/2073-2635-2010-3-28-40.
8. Bykova R. A. Development of competence-based approach in the course of vocational training in higher school. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia*. 2016; 4(72):158—163. (In Russ.)
9. Dobrovenskis D. V., Solovyova N. V., Sorokopud Yu. V. Modern approaches to professional training of future teachers. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2022;6(97):122—124. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-122-124.
10. Song Chunguang, Wang Jing, Li Wenjuan. A Practical Study on Rural Kindergarten Teachers’ Internship in the Format of “Shadowing a Mentor” Based on the OBE Concept. *Social Sciences: Horizontal Overview*. 2020;6:133—140. (In Chinese)
11. Mei Canhua, Ni Xifeng, Li Shuxuan. Research on the Formation of Pedagogical Abilities of Students in Teacher Education Programs at Universities Based on Virtual Simulation Technologies. *Kejiao Daokan*. 2025;9:142—144. (In Chinese)
12. Li Xiaoxia, Xia Mengxuan, Wang Yu. Value Orientations, Mechanisms of Action, and Optimization Strategies of Digital Intelligence Technologies in the Development of the “Macro-Course of Ideological and Political Education”. *Heilongjiang Education (Research in Higher Education and Evaluation)*. 2025;7:38—43. (In Chinese)
13. Basyuk V. S. Current trends in teacher training in the context of rapidly changing social challenges. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20: Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2022;20(3):38—55. (In Russ.) DOI: 10.51314/2073-2635-2022-3-38-55.
14. Baklashova T. A. Theory and methodology of practical teacher training in foreign universities. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Kazan, 2023. 39 p. (In Russian)
15. Shen Xiujuan. Practical Difficulties and Overcoming Pathways in the Joint Training of Future Teachers in the Context of Teacher Education Program Accreditation. Master’s Thesis. Yangzhou University publ., 2025. 109 p. (In Chinese)
16. Zhang Ling. From “Instrumental Rationality” to “Value Rationality”: Internal Paradoxes and Practical Overcoming in the Reform of Vocational Education Evaluation in the New Era. *Zhongguo Zhiye Jishu Jiaoyu = Chinese Vocational and Technical Education*. 2025;24:5—15. (In Chinese)
17. Yang Jiuquan. Building a Strong Educational Nation and the Reform of Education Evaluation: The Convergence of Theoretical and Policy Horizons. *Jiaoyu Yanjiu = Educational Research*. 2025;11:84—96. (In Chinese)
18. Huang Rong. The Internal Logic and Practical Pathways for Developing the Pedagogical Abilities of University Teachers of Ideological and Political Disciplines under the Guidance of the Spirit of the Educator-Innovator in the New Era. *Xin Xibu (New Western Land)*. 2025;6:185—189. (In Chinese)
19. Jiang Bo, Zhong Zhiyang, Zhao Rong. The Future-Oriented Development of the Internationalization of Higher Education. *Gaoxiao Jiaoyu Guanli = Higher Education Management*. 2017;4:58—64. (In Chinese)
20. Stier J. Internationalisation, Intercultural Communication and Intercultural Competence. *Journal of Intercultural Communication*. 2006;6(1). DOI: 10.36923/jicc.v6i1.422.
21. Hu Wen. Strengthening the Training of International Talents as a “Required Course” for China’s Participation in Globalization. *Zhongguo Duiwai Maoyi = China’s Foreign Trade*. 2023;5:76—77. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 20.04.2026.
The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 20.04.2026.

Научная статья
УДК 37.015.3:376.1:376.68
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1649

Zhang Zhifeng
Postgraduate of the Department of Pedagogy,
scientific specialty
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Russian University of Sport «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
308872823@qq.com
ORCID: 0009-0000-9819-4883

Чжан Чжифэн
аспирант кафедры педагогики,
научная специальность
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация;
308872823@qq.com
ORCID: 0009-0000-9819-4883

ИНКЛЮЗИВНАЯ ГОТОВНОСТЬ И ИНКЛЮЗИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК СТУПЕНИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНКЛЮЗИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В СПОРТИВНОМ ВУЗЕ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Инклюзивная компетентность педагога — это система ценностей личности, набор его личных убеждений, знаний, умений, социального и жизненного опыта, представленных в виде социально-личностных, универсальных (общекультурных) и профессиональных компетенций, позволяющих педагогу эффективно работать в условиях инклюзивного образования (интегрированного обучения). Компетентностный подход к обучению смещает образовательные акценты с процесса обучения на результат. Теперь качество образования оценивается не по сумме приобретенных знаний, а по степени проявления компетентности, где компетенции отражают готовность и умение результативно использовать полученные знания, навыки и личностные качества в рамках самостоятельной профессиональной деятельности. Поскольку знания и умения могут стираться в связи с отсутствием подкрепления, инклюзивные профессиональные компетенции, среди которых наиболее значимы познавательная, проектная, правовая, диагностическая и др., выступают эффективным новообразованием профессионального обучения.

Процесс формирования инклюзивной компетентности можно разделить на следующие этапы: формирование инклюзивной грамотности, развитие инклюзивной готовности к практической деятельности, становление инклюзивной культуры. Во многих научных исследованиях этапность обучения рассматривается как важнейший алгоритм образовательного процесса.

Успешная реализация инклюзивного подхода в российской образовательной системе связана с формированием инклюзивной культуры. В контексте педагогической дидактики, инклюзивная культура признаётся важным элементом инклюзивного образования. Важнейшим компонентом инклюзивной культуры педагога является ее инклюзивная готовность. Ряд исследователей рассматривает готовность педагогов к инклюзивному образованию через оценку двух блоков: профессиональной и психологической готовности. Изучение и освоение этих компонентов инклюзивной готовности в сопряжении с ростом инклюзивной культуры становятся важным направлением формирования профессиональной инклюзивной компетентности.

В исследовании проведена модернизация терминологической базы понятийного аппарата инклюзивного образования, дополнен и детализирован глоссарий терминов по инклюзии, включивший понятия «инклюзивная грамотность», «инклюзивная готовность», «инклюзивная культура», что значительно преобразует теоретический фундамент профессионального образования.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивное образование, инклюзивная компетентность, инклюзивная грамотность, инклюзивная готовность, инклюзивная культура, компетентностный подход, профессиональные компетенции, китайские студенты, спортивный вуз

Для цитирования: Чжан Ч. Инклюзивная готовность и инклюзивная культура как ступени формирования инклюзивной компетентности китайских студентов в спортивном вузе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 582—592. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1649.

Original article

INCLUSIVE READINESS AND INCLUSIVE CULTURE AS STAGES IN THE FORMATION OF INCLUSIVE COMPETENCE OF CHINESE STUDENTS IN A SPORTS UNIVERSITY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. Inclusive competence of a teacher is a system of personality values, a set of their personal beliefs, knowledge, skills, social and life experience, presented in the form of socio-personal, universal (general cultural) and professional

competencies that allow the teacher to work effectively in an inclusive education (integrated learning). A competence approach to learning shifts educational emphasis from the learning process to the outcome. Now the quality of education

is assessed not by the amount of acquired knowledge, but by the degree of manifestation of competence, where competencies reflect the readiness and ability to effectively use the acquired knowledge, skills and personal qualities within the framework of independent professional activity. Since knowledge and skills may be erased due to the lack of reinforcement, inclusive professional competencies, among which the most significant are cognitive, project, legal, diagnostic and other competencies, are an effective neoplasm of vocational training.

The process of forming inclusive competence can be divided into the following stages: the formation of inclusive literacy, the development of inclusive readiness for practical activities, the formation of an inclusive culture. In many scientific studies, the stages of learning are considered as the most important algorithm of the educational process.

The successful implementation of an inclusive approach in the Russian educational system is associated with the formation of an inclusive culture. In the context of pedagogical

didactics, inclusive culture is recognized as an important element of inclusive education. The most important component of the teacher's inclusive culture is the inclusive readiness. A number of researchers consider the readiness of teachers for inclusive education through an assessment of two blocks: professional and psychological readiness. The study and development of these components of inclusive readiness in conjunction with the growth of an inclusive culture are becoming an important area for the formation of professional inclusive competence.

The study modernizes the terminology base of the conceptual apparatus of inclusive education, supplements and details the glossary of inclusion terms, such as "inclusive literacy," "inclusive readiness," "inclusive culture," which significantly transforms the theoretical foundation of vocational education.

Keywords: inclusion, inclusive education, inclusive competence, inclusive literacy, inclusive readiness, inclusive culture, competence approach, professional competencies, Chinese students, sports university

For citation: Zhang Z. Inclusive readiness and inclusive culture as stages in the formation of inclusive competence of Chinese students in a sports university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):582—592. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1649.

Введение

Актуальность. В современном научном дискурсе наблюдается растущий интерес к вопросам инклюзии. Эта проблематика все чаще рассматривается как индикатор гражданственности и цивилизованности государственного устройства. В текущий момент в гражданском обществе Китая актуализируется потребность на подготовку специалистов высшей квалификации, обладающих необходимыми инклюзивными компетенциями (см.: [1—5] и др.). Эта потребность в нехватке квалифицированных специалистов, способных эффективно работать в инклюзивной среде, определила приоритеты образования в Китайской Народной Республике (далее — КНР) — подготовку в ближайшие годы специалистов высшей квалификации с бакалаврской, магистерской и научной степенью, способных применить свои знания, умения и навыки, реализовать педагогический опыт для решения социальных проблем инклюзии.

Теоретическое осмысление вопросов инклюзивной образовательной политики, происходящее в КНР в разрезе развивающихся процессов, отвечающих доктрине Генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР и главы государства Си Цзиньпина о построении социализме с китайской спецификой в новую эпоху, не получило все еще достаточной научной интерпретации. Инклюзия по-китайски на государственном, социально-экономическом и политическом уровне трактуется как всеобщность, единение в развитии, совместное развитие, открытость, сотрудничество, справедливость, миролюбие, культурная идентичность [6]. Вместе с тем термин «инклюзия» не получил серьезного обоснования и распространения в педагогических исследованиях на методико-практическом уровне. Чаще используется термин «специальное образование», отражающий интегративные процессы в образовании (см.: [7] и др.).

А. С. Фетисов [8] в своем утверждении отмечает, что среди исследователей и практиков укоренилось заблуждение, состоящее в узком восприятии инклюзивного образования. Они ошибочно полагают, что инклюзия касается исключительно обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (далее — ОВЗ), акцентируя при этом внимание на состоянии здоровья и тяжести заболевания, и в этой части видят в инклюзии преобразующее направление разви-

тия образования. Автор заключает, что истинное понимание инклюзии имеет гораздо более глубокий смысл, проявляющийся в ценностном принятии индивидуальных различий каждого человека, т. е. указывает на потребности человека в особых условиях. Создавая и обосновывая эти условия, учитывая индивидуальные особенности и возможности каждого члена общества, мы выдвигаем инклюзию на позицию всеобъемлющего учета индивидуальных различий занимающихся. Как отмечают С. В. Алёхина с соавторами [9], расширенное понимание инклюзии выходит за рамки поддержки детей с ОВЗ. Оно охватывает всех учащихся, нуждающихся в особом внимании и помощи. Такой подход предполагает классификацию детей не по наличию ограничений здоровья, а по их индивидуальным образовательным потребностям, которые необходимо учитывать при организации обучения.

В китайском обществе особо оговаривается позиция в отношении многих инклюзивных групп с особыми образовательными потребностями, и в первую очередь касательно образования детей трудовых мигрантов, переехавших в города, детей из сельской местности, детей из малоимущих семей, китайских подростков — уйгуров, тибетцев, чжуанцев, для которых язык путунхуа не является родным, они могут рассматриваться отдельной инклюзивной группой. Государственная политика КНР поддерживает сохранение культурного наследия и интеграцию этносов в общество.

Цель исследования — теоретически обосновать и экспериментально апробировать эффективность поэтапного освоения студентами компонентов инклюзивной компетентности в образовательном процессе в последовательном развертывании инклюзивной грамотности, готовности, культуры.

Задачи исследования:

- уточнить сущность базовых понятий «инклюзивная компетенция», «инклюзивная грамотность», «инклюзивная готовность», «инклюзивная культура»;
- разработать алгоритмы формирования инклюзивной компетентности, тесно увязанной с инклюзивной готовностью и инклюзивной культурой индивида;
- обосновать схему поэтапного формирования инклюзивной компетентности у китайских студентов в спортивном вузе.

Гипотеза исследования предусматривала, что процесс формирования инклюзивных компетенций у китайских студентов, обучающихся в спортивном вузе, будет успешно осуществлен в условиях поэтапного формирования инклюзивной компетентности, где предусматривается опережающее развитие инклюзивной грамотности, становление инклюзивной готовности, содействующих росту инклюзивной культуры, достигаемых при освоении потенциала педагогических дисциплин теоретико-методического характера и при участии в педагогических практиках.

На начальной стадии формирования инклюзивной компетентности студента-бакалавра в спортивном вузе предусматривается целенаправленное формирование психологического компонента готовности студентов к профессиональной деятельности в инклюзивной среде. Данный процесс включает в себя усиление мотивационных потребностей, интересов, формирование ценностных ориентаций и установок. Это можно достичь призывом к участию в адаптивно-реабилитационной деятельности в качестве помощников, партнеров, волонтеров, тьюторов. Огромное значение приобретает информационное пространство, в котором обсуждаются проблемы инклюзии. Студенты начинают ценить гуманистические идеалы: принимать людей с особенностями, любить и уважать их, а также быть терпимыми. Этот этап позволяет достичь большей профессиональной направленности в обучении, приобрести твердую уверенность в возможности реализации инклюзивного обучения в образовательных организациях, сформировать позитивное отношение к детям с особыми образовательными потребностями (дети с ОВЗ, дети мигрантов, из сельских районов, дети из малоимущих семей, в т. ч. различные этносы китайского народа с различной языковой базой).

Второй этап профессионального роста студентов-бакалавров к инклюзивной деятельности связывается с приобретением знаний для применения их в инклюзивном поле, что можно рассматривать важным шагом в самореализации студентов в области инклюзивного образования. В текущей фазе образовательного процесса формируется инклюзивная грамотность участников процесса. Для эффективного формирования инклюзивной компетентности у студентов-бакалавров требуется кардинальный пересмотр сути междисциплинарного подхода к преподаванию предметных дисциплин в рамках образовательных программ высшего учебного заведения. Необходимо усилить и разнообразить состав предметных блоков в вузовском обучении, наполнив их содержанием, ориентированным на развитие инклюзивной культуры у будущих педагогов. Это означает, что мы должны не просто добавить, а качественно изменить и расширить предметные блоки в учебных программах, наполняя их материалами, которые будут активно развивать инклюзивное мышление и культуру у студентов. Учебная деятельность, построенная на принципах рефлексии, освоение потенциала педагогических дисциплин и практико-ориентированной предметной подготовки, пронизанных проблемными заданиями с инклюзивным содержанием, в значительной мере отражающих специфику будущей профессиональной деятельности, будут содействовать формированию профессиональной инклюзивной готовности. По итогам данного этапа планируется, что студенты-бакалавры физической культуры приобретут набор знаний, охватывающий как общие, так и специфические (необходимые для работы с инклюзивной средой) аспекты. Эти знания охватывают теоретические, методические и технологические компоненты, касающиеся организации и управления инклюзивным образовательным пространством.

Третий этап обучения характеризуется интеграцией теоретических знаний, ценностных установок, мотивации и интересов студентов с практической отработкой навыков. В рамках этого этапа студенты должны освоить познавательные, проектировочные, правовые, диагностические и другие умения, повысить уровень инклюзивной готовности, улучшить инклюзивную культуру, а также приобрести опыт непосредственного применения результатов инклюзивного образования в профессиональной деятельности. По завершении данного этапа студенты-бакалавры должны достичь необходимой компетентности для успешной профессиональной самореализации в сфере инклюзивной деятельности.

Изученность проблемы. Успешная реализация инклюзивного подхода в российской образовательной системе связана с формированием инклюзивной культуры (см.: [9—11] и др.). В контексте педагогической дидактики, инклюзивная культура признается важным элементом инклюзивного образования (см.: [12; 13] и др.). Культурная норма обязывает государство и общество обеспечить людям различных инклюзивных групп право на полноценное образование, общественную полезность и реализацию их созидательного и творческого потенциала [14; 15].

Научные подходы изучения инклюзивной культуры показывают, что в структуру обсуждаемой категории входят два больших компонента, где первый связан с развитием инклюзивной грамотности, второй — формированием инклюзивной готовности. Инклюзивная грамотность педагога — это глубокое понимание целей инклюзивного образования и уникальных потребностей личности, включенной в инклюзивный образовательный процесс. Инклюзивная грамотность воспринимается как знание, позволяющее осуществлять деятельность по инклюзивному обучению и воспитанию своих подопечных. В этом контексте инклюзивная грамотность педагога, охватывающая как теоретические основы, так и практические аспекты инклюзивного образования, признается фундаментальным элементом инклюзивной культуры. Следовательно, развитие этой грамотности у педагога является критически важным шагом для эффективного перехода от декларативной политики инклюзивного образования к реальной педагогической поддержке обучающихся в инклюзивной среде.

Важнейшим компонентом инклюзивной культуры педагога является ее инклюзивная готовность, определяемая как образовательный эффект, опирающийся на комплекс приобретенных компетенций, интегрирующих знания, умения и социальный опыт в единую комплексную систему познания [16]. В различных научных трактовках готовность понимается как свойство и качество личности, как проявление способностей, как спектр профессиональных умений, как результат профессионального обучения. С позиций функционального подхода, готовность — это категория теории деятельности, т. н. «настроенность» человека на деятельность, которая проявляется в различных формах: как установка, как предстартовое состояние в спорте, как боеготовность в профессиональной деятельности, как бдительность и готовность к экстремальным ситуациям, как временная готовность и работоспособность. Таким образом, готовность представляется как сложное многоуровневое, многовидовое, многокомпонентное свойство индивидуума, характеризующее его возможности в деятельности.

Уточним, что готовность к профессиональной деятельности рассматривается в научных работах как цель и результат профессионального обучения. О. С. Кузьмина и Н. В. Чекалева [17] определяют ее как способность решать

профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи с использованием знаний, жизненного опыта, ценностей и наклонностей. А. О. Козырева [18] включает в готовность систему профессиональных знаний, умений и навыков, а также профессионально важные качества личности. Специальная профессиональная готовность — это реальный уровень подготовленности, определяемый предметно-деятельностными знаниями и умениями специалиста [16—18].

В. В. Хитрюк [19] определяет инклюзивную готовность педагога (готовность к работе в условиях инклюзивного образования) как сложное интегральное качество личности педагога в системе инклюзивной деятельности, позволяющее ему как субъекту деятельности успешно реализовать профессиональные инклюзивные компетенции при опоре на соответствующую подготовку. Такими профессиональными инклюзивными компетенциями, как показано в наших работах, являются познавательная, проектная, правовая, диагностическая компетенции и др. [20; 21].

Ряд исследователей, например С. В. Алёхина с соавторами [22], рассматривают готовность педагогов к инклюзивному образованию через оценку двух блоков: профессиональной и психологической готовности. В трактовке Г. М. Панкратович и Е. М. Голиковой [23] инклюзивная готовность — это профессиональная и личностная готовность, где ее компонентами являются психологическая (мотивационная), теоретическая (гностическая) и практическая (деятельностная) способность к взаимодействию в инклюзивной среде.

С. А. Черкасова [24] определяет психолого-педагогическую готовность специалистов к работе в системе инклюзивного образования как совокупность значимых качеств личности и как сложное комплексное психологическое образование (состояние). Автор в структуре психологической готовности выделяет личностный, мотивационный компоненты, эмоционально-волевой и когнитивный компоненты. С. В. Алёхина [9; 15; 22] указывает, что психологическая готовность педагога к работе в инклюзивной среде формируется из комплекса социальных, нравственных, психологических установок и профессиональных компетенций, встроенных в ее структуру, состоящую из мотивационного, когнитивного и личностного компонентов.

Вместе с тем современные ученые переосмысливают концепцию готовности, откачиваясь от ее фрагментарного рассматривания как чисто психического состояния или как отдельного свойства личности. Исследователи всё чаще подчеркивают неразрывную связь между личностными и функциональными аспектами готовности, трактуя ее как комплексное, интегративное профессионально-значимое качество, представляющее собой новое системное образование. Так, Л. В. Лежнина [25], представив структурную иерархию компонентов, составляющих модель профессиональной готовности, выделяет, во-первых, готовность к выбору профессии, в т. ч. педагога инклюзивного образования; во-вторых, готовность к учебно-практической деятельности по овладению профессией; в-третьих, готовность к выполнению трудовой деятельности, в т. ч. в сфере профессиональной инклюзии. Эти компоненты имеют поэтапное, ступенчатое, нелинейное развитие: мотивационный и ориентационный элементы модели закладываются на этапе профессионального самоопределения; операциональный — на этапе профессионального обучения; личностный — с учетом избранной деятельности развивается на всех этапах профессионализации.

Таким образом, готовность можно охарактеризовать, во-первых, как категорию теории деятельности; во-вторых, как категорию профессионального развития; в-третьих, как категорию профессионального образования. Итак, готовность педагогов к профессиональной деятельности в сфере инклюзивных процессов охватывает совокупность способностей индивида к эффективному осуществлению деятельности, предусматривает теоретико-методическую готовность, практическую готовность, проектную готовность, реализуемую в формах планирования, моделирования, конструирования, а также технологическую готовность к деятельности, сочетаемую с подготовленностью к организационной деятельности [26].

Целесообразность разработки темы связана с дальнейшим становлением теоретико-методологических основ инклюзивного образования в КНР.

Научная новизна исследования представлена наличием нового знания в вопросах постановки проблемы инклюзивного образования и новых подходов к подготовке специалиста по инклюзии в условиях спортивного вуза, а также уточнением сущности базовых понятий «инклюзивная компетенция», «инклюзивная готовность», «инклюзивная культура», позволивших правильно определить цели и задачи поисковых экспериментов. В работе алгоритмизирован процесс поэтапного формирования инклюзивной компетентности, где предусматривается опережающее развитие инклюзивной грамотности, становление инклюзивной готовности, содействующих росту инклюзивной культуры, достигаемых при освоении педагогических дисциплин теоретико-методического характера и при участии в педагогических практиках в соответствии с вузовскими стандартами и учебными планами. В работе предложены новые интегрированные стратегии оказания услуг иностранным (китайским) студентам в сфере инклюзивного образования и намечены пути решения ключевых проблем в контексте развития и совершенствования образовательной сферы.

Теоретическая значимость выполненного исследования состоит в том, что проведенное исследование расширяет содержание педагогической теории и открывает новые пути для эффективного применения научных выводов в практике инклюзивного образования. В исследовании модернизирована и расширена терминологическая база понятийного аппарата инклюзивного образования, включившая развернутую трактовку процесса инклюзии и инклюзивных групп, что существенно дополняет и обновляет теоретический фундамент профессионального образования; обоснована поэтапная стратегия формирования инклюзивной компетентности педагога-специалиста с высшим физкультурно-спортивным образованием, опирающаяся на методологию компетентностного подхода, реализуемая в логике формирования компетенций, тесно увязанных с инклюзивной готовностью и инклюзивной культурой индивида, и основывающаяся на потенциале педагогических дисциплин теоретико-методического характера и возможностях педагогических практик в формировании профессиональных компетенций.

Практическая значимость выполненного исследования: намечены перспективы практического использования выводов и результатов исследования в системе профессиональной подготовки кадров по физической культуре, в т. ч. в иностранных вузах (в Китае, например), на курсах повышения квалификации физкультурных работников, в профессиональной самоподготовке, а вместе с тем и в образовательной среде высших учебных заведений при разработке методических пособий, программ профессиональной подготовки, рекомендаций по самообразованию.

Основная часть

Материалы и методы исследования. В исследовании использовались методики психолого-педагогические тестирования, методы проектирования, моделирования, педагогический эксперимент, методы математической статистики. Применялись общепризнанные психолого-педагогические методики:

- экспресс-опросник «Индекс толерантности» по методике Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаевой, Л. А. Шайгеровой (2002);
- методика «Определение уровня мотивации аффилиации» А. Мехрабиана (1976);
- методика «Диагностика уровня эмпатии» И. М. Юсупова (1995);
- методика «Диагностика принятия других» У. Фейя (1955; в модификации Ю. Менджерицкой, 1998); оценивается аффективный компонент в коммуникации между людьми;
- краткий ориентировочный тест Отиса—Вандерлика (1982; адаптация В. Н. Бузина, 1989); применяется для измерения когнитивных способностей (общих умственных способностей);
- методика изучения статуса профессиональной идентичности А. А. Азбель, А. Г. Грецова (2006);
- анкета для выявления уровня профессионального самоопределения в модификации А. В. Сартаковой (2021).

На этапе констатирующих исследований в анкетировании (Google-анкета, 72 вопроса) приняли участие 727 опрошенных лиц, из них: 420 российских респондентов из различных вузов России (условная группа 1 «Русские в России»), 111 китайских респондентов из вузов России (условная группа 2 «Китайцы в России»), 196 респондентов из Китая

(условная группа 3 «Китайцы в Китае»), — все три группы респондентов являлись независимыми и их ответы несли индивидуальную ответственность.

В основном педагогическом эксперименте участвовали 28 студентов — бакалавров факультета физической культуры Цзинаньского университета (контрольная группа; далее — КГ), 32 студента-бакалавра института физической культуры Синьсянского института (экспериментальная группа 1; далее — ЭГ₁), 40 студентов-бакалавров института физической культуры Чжэнчжоуского педагогического университета (экспериментальная группа 2; далее — ЭГ₂), все — Китай. Исследование охватило учебный год. Формирование инклюзивной компетентности у китайских студентов в ходе внедрения дидактической компетентностной модели обучения в педагогических и физкультурно-спортивных вузах КНР базировалось на освоении факультативного курса «Инклюзивное образование», включающего цикл просветительских, образовательных и научных материалов, ориентированного на учет интересов и потребностей различных инклюзивных групп. Курс включал пять модулей, пятнадцать тем: 8 часов теории, 18 часов практики, 10 часов онлайн-консультаций — всего 36 часов. Включенный в структуру общеобразовательных дисциплин, данный курс сочетался с потенциалом педагогических дисциплин теоретико-методического характера, блоком специальных профессиональных дисциплин интегрированного образования и возможностями педагогических практик по формированию инклюзивной компетентности.

Результаты исследования. В табл. 1 приведены данные, демонстрирующие правильные ответы при тестировании инклюзивного знания и отражающие инклюзивную грамотность участников эксперимента.

Таблица 1

Количество респондентов из состава китайских обучающихся в спортивном вузе и русскоговорящих студентов, демонстрирующих правильные ответы при тестировании инклюзивного знания, %

Вопросы анкеты	Группы студентов		
	1 (русские в России)	2 (китайцы в России)	3 (китайцы в Китае)
Что такое инклюзивное образование?	79,8	80,2	61,7
Обязательно ли инклюзивное образование?	58,8	47,7	38,3
Что такое инклюзивная школа?	79,5	82,9	61,2
Что такое инклюзивный класс?	85,7	81,1	56,6
Кто такой инклюзивный педагог (учитель)?	86,7	84,7	80,1
Кто такой инклюзивный обучающийся?			
• это лицо с ОВЗ	72,1	42,3	42,3
• это лицо девиантного поведения	41,2	25,2	24,5
• это недисциплинированный ученик	7,6	6,3	5,6
• это неуспевающий ученик	11,0	37,8	41,8
• это студенты-иностранцы	26,2	9,9	9,2
• это спортсмен, член сборной РФ	16,9	8,1	8,2
Ваша самооценка инклюзивных знаний:			
• хорошие	36,2	37,8	20,9
• ограниченные	52,1	41,4	37,2
• не имеют представлений	11,7	20,8	41,8
Выражаете ли вы положительное отношение к инклюзии?	57,9	69,4	63,8
Имели ли вы контакты с лицами с ОВЗ? (всеерный ответ)	48,6	36,9	39,8
• область контактов — учебные занятия	77,9	58,6	56,6
• область контактов — спортивные занятия	72,1	75,7	62,2
• область контактов — музыкально-эстетические мероприятия	38,6	30,6	42,3
• область контактов — мейнстрим-мероприятия	24,3	51,4	47,4
• область контактов — я стесняюсь и отстраняюсь	6,9	6,3	11,7
Ваше восприятие лиц с ОВЗ позитивное?	66,7	51,4	44,4
Допускаете ли вы личную дружбу?	33,3	55,9	51,0
Готовы ли вы стать инклюзивным волонтером?	95,2	90,9	77,6

Окончание табл. 1

Вопросы анкеты	Группы студентов		
	1 (русские в России)	2 (китайцы в России)	3 (китайцы в Китае)
Готовность вуза к инклюзии хорошая?	70,0	79,3	40,3
Создана ли в вузе педагогическая среда инклюзии?	69,5	90,1	28,1
Преподают компетентные педагоги?	69,5	84,7	43,9
Нужно обучать лиц с ОВЗ в обычных группах?	63,3	64,0	57,1
Требования к лицам с ОВЗ стандартные?	32,6	32,4	36,7
Требования к лицам с ОВЗ лояльные?	37,6	65,8	62,2
Интересен опыт инклюзии в России?	75,2	56,8	43,9
Интересен опыт инклюзии в Китае?	19,3	33,3	63,3

В исследовании по результатам анкетирования выявлено, что инклюзивная грамотность китайских студентов, обучающихся в вузах Китая, и сравнение с осведомленностью русскоговорящих студентов и обучающихся в Российском университете спорта «ГЦОЛИФК» китайских вузовцев (бакалавров, магистров, аспирантов), уступает вторым в научно-теоретическом осмыслении вопросов инклюзии и готовности к применению практических инклюзивных умений и навыков, иных универсальных инклюзивных действий. Так, если русскоговорящие студенты в вопросах диагностики знаний об инклюзивной культуре дали правильные ответы в 80 % случаев, то китайские студенты — лишь в 60 % случаев.

В проведенном исследовании установлено, что инклюзивная культура в образовательных учреждениях высшего образования критически важна для формирования профессионального облика специалиста инклюзивной сферы деятельности и рассматривается как компонент инклюзивной компетентности. Ядром инклюзивной культуры является инклюзивная готовность к такого рода деятельности, рассматриваемая как активно-действенное состояние личности, сложное интегральное качество, обеспечивающее успешную реализацию инклюзивных компетенций педа-

гога, где ее процессуальными компонентами являются элементы профессиональной и психологической готовности.

В основном педагогическом эксперименте, проводимом в китайских вузах спортивного профиля — институтах физической культуры Цзинаньского, Синьсянского университетов, Чжэнчжоуского педуниверситета, изучалось поэтапное становление компонентов инклюзивной компетентности студентов-педагогов после внедрения дидактической компетентностной модели и реализации адаптированной образовательной программы «Инклюзивное образование» [27].

Первый этап — мониторинг готовности к инклюзивной деятельности. Оценка степени готовности обучающихся к выполнению профессиональных задач осуществлялась посредством применения психологические опросников, а также посредством метода кейсов в формате учебных заданий.

Психолого-педагогическое тестирование до начала эксперимента показало, что статистически значимых различий в показателях профессиональной готовности китайских студентов к инклюзивной деятельности в адаптивной среде в исходном состоянии не наблюдалось ($P > 0,05$). Такие различия появились по окончании педагогического эксперимента и выразились в итоговых показателях ($P < 0,05$, табл. 2).

Таблица 2

Анализ профессиональной готовности китайских студентов к инклюзивной деятельности в адаптивной среде (после эксперимента, методика В. В. Хитрюк, 2015), медиана

Характеристики критериев инклюзивной готовности		Цзинаньский университет ШФВ КГ, $n = 28$	Синьсянский университет ИФК ЭГ ₁ , $n = 32$	Чжэнчжоуский педуниверситет ИФВ ЭГ ₂ , $n = 40$
Объем знаний (когнитивный)		2	8	8
		$H = 58,54 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
Принятие ситуации (аффективный)		4	7	6
		$H = 25,63 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
Желание действовать (конативный)		4	8	8
		$H = 39,63 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
Решимость действовать (конативный)		3	8	7
		$H = 52,06 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
Взаимодействие (коммуникативный)		4	9	7
		$H = 44,73 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
Рефлексивный	Разносторонность умений	2	6	7
		$H = 48,88 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
	Точность действий	2	7	7
		$H = 46,57 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
	Адекватность действий	3	8	7
		$H = 48,46 \quad DF = 2 \quad p = 0 \quad P < 0,01$		
Уровень готовности (по качеству)		элементарный	профессиональный	профессиональный

Примечание: различия между выборками (при количестве $n = 3$) признаются достоверными, если эмпирические значения H -Краскелла—Уоллиса при $v = k - 1$ (DF) $H3$ -критический — 0,05 = 6,0; $H3$ -критический — 0,01 = 9,2.

Представляя в графическом выражении динамику показателей профессиональной готовности, отметим, что медианные значения в экспериментальных группах статистически выше, чем в контрольной группе (рис. 1). Это характеризует процесс внедрения дидактической компетентностной модели и адаптированной программы весьма эффективным. И если показатели профессиональной готовности (методика В. В. Хитрюк, 2015) студентов-бакалавров институтов спорта Синьсянского университетов (ЭГ_1), Чжэнчжоуского педуниверситета (ЭГ_2) выросли на 75—250 %, то прирост показателей у студентов-бакалавров Цзинаньского университета оказался несущественным, или более того, остался неизменным.

Психолого-педагогическая готовность китайских студентов, обучающихся в ЭГ_2 института физического воспитания Чжэнчжоуского педагогического университета для работы в инклюзивной среде в показателях мотивации аффилиации за период эксперимента изме-

нилась в лучшую сторону. Если в начальный период в относительном сравнении со студентами КГ количество респондентов с показателями мотивации по критерию «высокий — низкий» с ориентацией на принятие общения не различалось, то по окончании эксперимента превзошло на 30 %, увеличившись в своей группе на 30 %. Так, количество студентов в ЭГ_2 , проявляющих показатели мотивации аффилиации на избегание — «низкий — высокий» — уменьшилось на 15 %, проявляющих показатели мотивации аффилиации по критерию — «высокий — высокий», у которых страх быть отвергнутым блокирует потребность в общении, уменьшилось на 12,5 %, проявляющих показатели мотивации аффилиации на низком уровне — «низкий — низкий» — уменьшилось на 2,5 %. В КГ достоверных изменений в количестве студентов по группам не наблюдалось, показатели мотивации аффилиации характеризовались неизменностью и стабильностью в величинах (табл. 3).

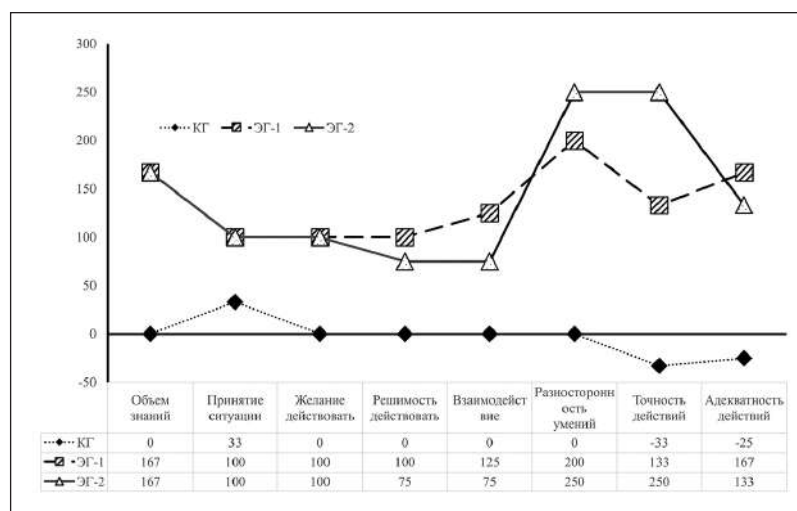

Рис. 1. Темпы прироста критериев профессиональной инклюзивной готовности у китайских студентов в адаптивной среде за период педагогического эксперимента, %

Таблица 3

Анализ показателей психолого-педагогической готовности китайских студентов к профессиональной деятельности в инклюзивной среде (после эксперимента, модель С. А. Черкасовой, 2012)

Психолого-педагогические качества личности специалиста	Цзинаньский университет ШФВ	Чжэнчжоуский педуниверситет ИФВ	Статистические показатели P-Value
	КГ, n = 28	ЭГ, n = 40	
Толерантность — ИТ, баллов / max 132; min 22 (личностный компонент) (Г. У. Солдатова, 2002)	Me 60 R 54	Me 84 R 72	U = 242,5 <0,01
Мотивация аффилиации (мотивационный компонент) / max 7 (методика А. Мехрабиана, 1976)	Me 4 R 3	Me 6 R 3	U = 147,5 <0,01
Эмпатия, баллов (эмоциональный компонент) / max 90; min 11 (методика И. М. Юсупова, 1995)	Me 49 R 44	Me 72 R 53	U = 128 <0,01
Принятие разнообразия (аффективный компонент) / max 90; min 18 (методика Фейя, 1955)	Me 40,5 R 25	Me 55 R 33	U = 111,5 <0,01
Когнитивный компонент (познавательный) / max 50; min 13 (тест Отиса—Вандерлика, 1982)	Me 30,5 R 14	Me 35 R 24	U = 263 <0,01
Поведенческий компонент (участие) / max 20; min 0 (методика А. А. Азбель, А. Г. Грецова, 2006)	Me 10 R 4	Me 16 R 8	U = 192 <0,01

Примечание: Me — медианна, U — критерий Манна—Уитни, R — интервал размаха. Выборочные средние значения несвязанных групп отличны, если при $n_1 = 28$ и $n_2 = 40$, уровне значимости различий $\alpha = 95$ %, $U\text{-расчетный} \leq U\text{-критический} = 427$, $\alpha = 99$ % $U\text{-расчетный} \leq U\text{-критический} = 372$.

Оценивая динамику поведенческого компонента у студентов-бакалавров ЭГ₂ Чжэнчжоуского педуниверситета и КГ Цзинаньского университета по окончании учебного цикла (за педагогический восьмимесячный эксперимент), мы фиксируем существенные структурные внутригрупповые изменения. Так, если в исходном состоянии в ЭГ₂ и КГ количество студентов с «неопределенной профессиональной идентичностью» было практически одинаковым (в КГ — 20 чел., в ЭГ₂ — 26 чел., что в процентном отношении к приведенному контингенту составляло 72 и 65 % соответственно, это статистически не отличающееся коли-

чество студентов), то в итоговых расчетах количество человек в КГ наблюдалось в числе 16 чел., а в ЭГ₂ — 14 чел., что в процентном отношении к приведенному контингенту составляло 57 и 35 % соответственно, что имеет статистическое отличие). По категории «сформированной профессиональной идентичности» у студентов ЭГ₂ прирост составил 25 %, в контрольной группе — нет статистически значимого прироста — 1 %. По другим категориям профессиональной идентичности наблюдалось некоторое равенство в количестве студентов с индивидуальным проявлением поведенческого участия (рис. 2).

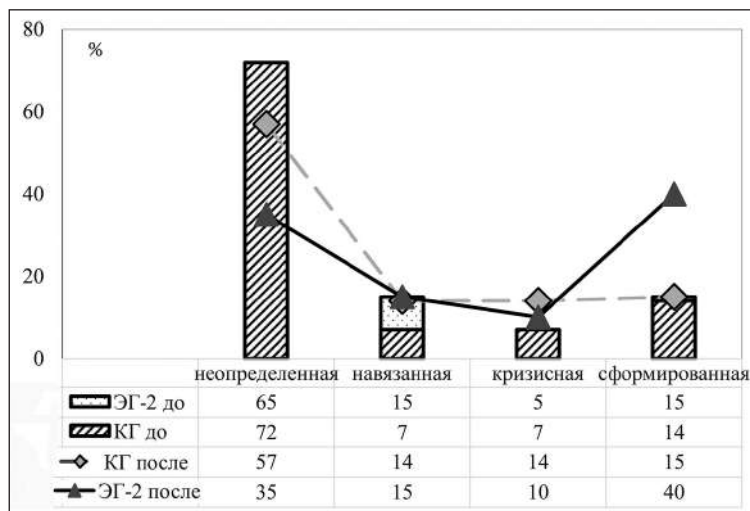

Рис. 2. Динамика профессионального самоопределения (идентичности) у студентов Цзинаньского университета (КГ) и Чжэнчжоуского педуниверситета (ЭГ₂) в сфере инклюзии (после эксперимента, методика А. А. Азбель, А. Г. Грецова, 2006)

В проведенном исследовании по результатам анализа научно-методической литературы установлено, что инклюзивная культура в образовательных учреждениях высшего образования критически важна для формирования профессионального облика специалиста инклюзивной сферы деятельности и рассматривается как компонент инклюзивной компетентности. Адаптивная модульная программа факультативного курса «Инклюзивное образование», апробированная на базе ИФК Синьсянского университета, обеспечила повышение инклюзивной культуры у студентов ЭГ₁ за период экспериментального исследования в разделах: культура учебного заведения (48 %); культура обучения (на 312,5 %); культура ухода (196 %); культура взаимодействия (188 %). И если личностные компоненты инклюзивной культуры студентов Синьсянского университета в процессе экспериментального самообследования после освоения образовательной программы значительно выросли, что выразилось в существенном приросте внутригрупповых данных (2—6 раз), в статистически отличных исходных и итоговых показателях ($P < 0,05—0,01$), то социальные компоненты инклюзивной культуры образовательного учреждения прирастали меньшими темпами (0,5 раза), сохраняя при этом абсолютный позитивный рост, но статистически не различаясь в показателях исходного и итогового психолого-педагогического самотестирования. Существует настоятельная необходимость и далее гораздо активнее работать над тем, чтобы инклюзивная культура прочно вошла в жизнь наших школ и вузов. Формирование институтской образовательной среды — важнейшее условие эффективного инклюзивного образования. Таким образом, профессиональный и личностный рост студен-

та-бакалавра неразрывно связаны с развитием инклюзивной культуры образовательной организации. Вместе с тем, личная инклюзивная готовность и инклюзивная культура являются ключевыми факторами в формировании специалиста инклюзивной сферы. Именно эти компоненты, будучи дифференциальными показателями инклюзивной компетентности, оказывают существенное влияние на развитие всей системы компетенций педагога с высшим физкультурно-спортивным образованием.

Заключение, выводы

Формирование инклюзивной культуры, которая является фундаментом инклюзивных процессов в образовательном учреждении, требует ее рассмотрения с организационных и личностных позиций. Следует отличать инклюзивную культуру образовательной организации от инклюзивной культуры ее субъектов (педагогов, обучающихся, родителей, социальных партнеров). Инклюзивная вузовская культура может быть определена как культура, направленная одновременно на успешное достижение целей организации и целей инклюзии, где наблюдается равенство возможностей, процесса и результата. Эта функциональность неразрывно связана с необходимостью формирования и развития инклюзивной культуры как самого педагога, владеющего умениями формировать мотивацию к обучению, создавать эмоциональный фон, проектировать образовательный процесс, разрабатывать методические материалы, проводить индивидуально-групповую работу, использовать цифровые технологии, так и внедрения и привития инклюзивной культуры в образовательном учреждении.

Инклюзивную культуру характеризуют действия, которые отражают инклюзивная готовность к профессиональной деятельности. Утверждается, что на вузовском этапе профессионального становления специалиста в сфере инклюзивной деятельности в числе основных механизмов формирования готовности выступает трансформация дидактических знаний и первичных умений в профессиональные компетенции. В процессе освоения потенциала педагогических дисциплин теоретико-методического характера и арсенала педагогических практик, сопряженных с содержанием дидактической компетентностной модели педагога-специалиста по инклюзии, количество студентов в экспериментальных группах ЭГ₁, ЭГ₂, отвеча-

ющих требованиям прочного усвоения индикаторов компетентности, возросло по всем категориям ($P < 0,05$), увеличившись от первоначальных значений на +Δ10—40 %. Значительно — до 40 % — уменьшилось число студентов в экспериментальных группах с уровнем усвоения компетентности в удовлетворительной и неудовлетворительной категориях. В то же время становление профессиональной инклюзивной компетентности у студентов контрольной группы по всем анализируемым компетенциям не отличалось прогрессированием, наоборот, наблюдалась стагнация или даже увеличение числа студентов в группах с удовлетворительной и неудовлетворительной характеристикой компетентности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ван Цзиньлин, Супрун В. И. Высшее образование для инвалидов и проблемы инклюзивного образования в Китае // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6(139). С. 70—75.
2. У Жунвэй. История высшего инклюзивного образования в Китае и характеристика политики государства в данной сфере // Высшее образование сегодня. 2022. № 5—6. С. 112—120.
3. Чжао Ш., Кохан С. Т. Доступность обучения для лиц с ограниченными возможностями в Китае: трансформация специального и инклюзивного образования // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 2. С. 370—376. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-2-20.
4. Чжу Ч., Кохан С. Т. Развитие инклюзивного образования в Китае: проблемы и пути решения // Инклюзия в образовании. 2024. Т. 9. № 2. С. 20—31.
5. Лие Дун, Кохан С. Т. Проблемы и перспективы развития инклюзивного образования в школах Китая // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2024. Т. 19. № 3. С. 47—54. DOI: 10.21209/2658-7114-2024-19-3-47-54.
6. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз., 2024. Т. II. 785 с.
7. Янь Чуньмин, Самсонова Н. В. Теоретико-методологические основы исследования проблемы образовательного потенциала профессиональных сообществ специалистов по физической культуре и спорту в Китае и России // Педагогическое образование. 2024. Т. 5. № 9. С. 168—174.
8. Фетисов А. С. Теория и методика инклюзивного образования : моногр. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2025. 164 с.
9. Доказательная оценка инклюзивных практик : метод. рук. для экспертов / С. В. Алёхина, Е. В. Самсонова, Ю. А. Быстрова и др. М. : МГППУ, 2024. 99 с.
10. Гох А. Ф., Шестакова Н. Н., Юрков Д. В. Инклюзивная культура: от образовательного к социокультурному контексту // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2019. № 2(48). С. 189—198.
11. Денисова О. А., Леханова О. Л., Гудина Т. В. Инклюзивная культура как показатель готовности специалистов вузов к сопровождению инклюзивного высшего образования // Психологическая наука и образование. 2023. Т. 28. № 6. С. 82—92. DOI: 10.17759/pse.2023280608.
12. Поникарова В. Н., Андреева Е. Л. Инклюзивная культура педагогов. Технологии формирования. Курск : Университетская книга, 2022. 245 с.
13. Якубова Ф. Р. Инклюзивная культура — ключевой фактор успешности инклюзивного образования // Наука и школа. 2020. № 1. С. 123—129.
14. Понятие инклюзивной культуры, характеристика ее компонентов / О. А. Денисова, О. Л. Леханова, В. Н. Поникарова и др. // Основы инклюзивной культуры : учеб. пособие / под общ. ред. О. А. Денисовой ; сост. О. Л. Леханова. Череповец : ЧГУ, 2021. С. 9—15.
15. Алёхина С. В., Шеманов А. Ю. Инклюзивная культура как ценностная основа изменений высшего образования // Развитие инклюзии в высшем образовании: сетевой под ход : сб. ст. М. : МГППУ, 2018. С. 5—13.
16. Юрченко Ю. В. Инклюзивная компетентность субъектов образовательного процесса: к вопросу о понятии и структуре // Казанский педагогический журнал. 2020. № 3. С. 207—214.
17. Кузьмина О. С., Чекалева Н. В. Реализация компетентностного подхода в подготовке педагогов к инклюзивному образованию посредством модульной программы // Инклюзия в образовании. 2016. № 1(1). С. 53—61.
18. Козырева О. А. Изменения в структуре профессиональной компетентности педагога в условиях перехода к инклюзивному образованию // Сибирский вестник специального образования. 2017. № 1(19). С. 31—34.
19. Хитрюк В. В. Формирование инклюзивной готовности будущих педагогов: результативность дидактической модели // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. № 5. С. 112—120.
20. Чжан Чжифэн, Германов Г. Н. Формирование инклюзивной компетентности у обучающихся в спортивном вузе китайских студентов в процессе теоретико-практической подготовки // Спортивно-педагогическое образование. 2024. № 2. С. 66—74.
21. Чжан Чжифэн, Германов Г. Н. Профессиональные инклюзивные компетенции и индикаторы их достижения студентами-педагогами спортивного вуза // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 458—467. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1227.

22. Алёхина С. В., Алексеева М. Н., Агафонова Е. Л. Готовность педагогов как основной фактор успешности инклюзивного процесса в образовании // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16. № 1. С. 83—92.
23. Панкратович Г. М., Голикова Е. М. Формирование готовности студентов института физической культуры и спорта к реализации инклюзивной формы образования в профессиональной деятельности // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2015. № 5. С. 55—58.
24. Черкасова С. А., Лобанова А. В. Опыт формирования готовности студентов-психологов к работе в системе инклюзивного образования // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2(45). С. 173—176.
25. Лежнина Л. В. Результат современного профессионального обучения: компетентность, компетенции или готовность к деятельности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 3(47). С. 33—36.
26. Кантор В. З., Зарин А., Круглова Ю. А., Проект Ю. Л. Педагог инклюзивной образовательной организации: компетентностная модель в контексте вузовских программ профессиональной подготовки // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16. № 3. С. 289—309. DOI: 10.26907/esd.16.3.25.
27. Чжан Чжифэн. Дидактическая модель формирования инклюзивной компетентности у китайских студентов, обучающихся в спортивном вузе // Психология и педагогика спортивной деятельности. 2026. № 2(77). (В печати)

REFERENCES

1. Wang Jinling, Suprun V. I. Higher education for people with disabilities and the problems of inclusive education in China. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2019;6(139):70—75. (In Russ.)
2. Wu Rongwei. The history of higher inclusive education in China and the characteristics of state policy in this area. *Vyshee obrazovanie segodnya* = *Higher education today*. 2022;5—6:112—120. (In Russ.)
3. Zhao Sh., Kokhan S. T. Accessibility of education for persons with disabilities in China: transforming special and inclusive education. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* = *Professional education in the modern world*. 2022; 12(2):370—376. (In Russ.) DOI: 10.20913/2618-7515-2022-2-20.
4. Zhu Chenyang, Kokhan S. T. The development of inclusive education in China: problems and solutions. *Inklyuziya v obrazovanii*. 2024;9(2):20—31. (In Russ.)
5. Liye Dun, Kokhan S. T. Problems and Prospects of Inclusive Education Development in Chinese Schools. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *Scholarly Notes of Transbaikalian State University*. 2024;19(3):47—54. (In Russ.) DOI: 10.21209/2658-7114-2024-19-3-47-54.
6. Xi Jinping. About public administration. Beijing, Foreign Language Press, 2024. Vol. 2. 785 p. (In Russ.)
7. Yan Chunming, Samsonova N. V. Theoretical and methodological foundations of the study of the problem of the educational potential of professional communities of specialists in physical education and sports in China and Russia. *Pedagogicheskoe obrazovanie* = *Pedagogical Education*. 2024;5(9):168—174. (In Russ.)
8. Fetisov A. S. Theory and methodology of inclusive education. Monograph. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2025. 164 p. (In Russ.)
9. Alekhin S. V., Samsonova E. V., Bystrova Yu. A. et al. Evidence-based assessment of inclusive practices. Methodological guide for experts. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education publ., 2024. 99 p. (In Russ.)
10. Gokh A. F., Shestakova N. N., Yurkov D. V. Inclusive culture: from educational to sociocultural context. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astaf'ev*. 2019;2(48):189—198. (In Russ.)
11. Denisova O. A., Lekhanova O. L., Gudina T. V. Inclusive Culture as an Indicator of the Readiness of University Specialists to Support Inclusive Higher Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* = *Psychological Science and Education*. 2023;28(6):82—92. DOI: 10.17759/pse.2023280608.
12. Ponikarova V. N., Andreeva E. L. Inclusive culture of educators. Formation technologies. Kursk, Universitetskaya kniga, 2022. 245 p. (In Russ.)
13. Yakubova F. R. Inclusive culture – a key factor for success in inclusive education. *Nauka i shkola* = *Science and school*. 2020;1:123—129. (In Russ.)
14. Denisov O. A., Lekhanova O. L., Ponikarova V. N. et al. The concept of inclusive culture, the characteristics of its components. *Osnovy inklyuzivnoi kul'tury* = *The foundations of an inclusive culture*. Teaching aid. O. A. Denisov (ed.). O. L. Lekhanova (comp.). Cherepovets, Cherepovets State University publ., 2021. Pp. 9—15. (In Russ.)
15. Alekhina S. V., Shemanov A. Yu. Inclusive Culture as a Value Basis of Changes in Higher Inclusive Education. *Razvitie inklyuzii v vysshem obrazovanii: setevoi podkhod* = *Developing inclusive higher education: the network approach*. Moscow, Moscow State University of Psychology and Education publ., 2018:5—13. (In Russ.)
16. Yurchenko Yu. Inclusive competence of subjects of the educational process: more on the concept and structure. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* = *Kazan pedagogical journal*. 2020;3:207—214. (In Russ.)
17. Kuzmina O. S., Chekaleva N. V. The implementation of the competence approach in training teachers for inclusive education through modular programs. *Inklyuziya v obrazovanii*. 2016;1(1):53—61. (In Russ.)
18. Kozyreva O. A. Changes in the structure of professional competence of teachers in the conditions of transition to inclusive education. *Sibirskii vestnik spetsial'nogo obrazovaniya* = *The Siberian journal of special education*. 2017;1(19): 31—34. (In Russ.)
19. Khitryuk V. V. Formation of inclusive readiness of future teachers: effectiveness of the didactic model. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* = *IKBFU's Vestnik*. 2015;5:112—120. (In Russ.)

20. Zhang Zhifeng, Germanov G. N. Formation of inclusive competence among Chinese students of sports universities in the process of theoretical and practical training. *Sportivno-pedagogicheskoe obrazovanie = Sport and pedagogical education*. 2024;2:66–74. (In Russ.)
21. Zhang Zhifeng, Germanov G. N. Professional inclusive competences and indicators of their achievement by students-teachers of a sports university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):458–467. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1227.
22. Alekhina S. V., Alekseeva M. N., Agafonova E. L. Preparedness of Teachers as the Main Factor of Success of the Inclusive Process in Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2011;16(1): 83–92. (In Russ.)
23. Pankratovich G. M., Golikova E. M. Preparing students of physical culture and sports institute for implementation of inclusive education in work. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2015;5:55–58. (In Russ.)
24. Cherkasov S. A., Lobanov A. V. Formation of psychological and pedagogical readiness of psychology students for work in inclusive education system. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2014;2(45): 173–176. (In Russ.)
25. Lezhnina L. V. Results of modern vocational education: competence, competencies or aptness for activity. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = The Humanities and social studies in the Far East*. 2015;3(47):33–36. (In Russ.)
26. Kantor V. Z., Zarin A., Kruglova Yu. A., Proekt Yu. L. A Competence Model for Training Programs in Inclusive Education. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self Development*. 2021;16(3):289–309. (In Russ.) DOI: 10.26907/esd.16.3.25.
27. Zhang Zhifeng. Didactic model for the formation of inclusive competence in Chinese students studying at a sports university. *Psikhologiya i pedagogika sportivnoi deyatel'nosti = Psychology and pedagogy of sports activities*. 2026;2(77). (In Russ.) (In Press)

Статья поступила в редакцию 26.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 25.05.2026.
The article was submitted 26.04.2026; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 25.05.2026.

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: <http://vestnik.volbi.ru>, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

16+

Адрес издателя, учредителя, редакции:
400094, г. Волгоград,
ул. Шекснинская, 83, кв. 1
тел. 8-902-386-55-49
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: <http://vestnik.volbi.ru>

Подписано в печать 10.06.2026. Формат 60x84 1/8
Дата выхода в свет 25.06.2026
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 68,82. Тираж 500. Заказ
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

Выпуск № 2(75) июнь 2026

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.
Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Цена свободная

